Извѣстія Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи,
состоящаго при Императорскомъ Московскомъ университетѣ. Т. XCVII.
Труды Этнографическаго Отдѣла. Т. XIV.

ЮБИЛЕЙНЫЙ СБОРНИКЪ

въ честь

Всеволода Ѳедоровича Миллера

ИЗДАННЫЙ ЕГО УЧЕНИКАМИ И ПОЧИТАТЕЛЯМИ.

подъ редакціей

Н. А. Янчука.

МОСКВА.
Типо-литографія А. В. Васильева, Петровка, домъ Обидиной.
1900.

Печатано съ разрѣшенія Совѣта Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Еще въ концѣ 1898 года, по истеченіи 25-лѣтія учено-учебной службы и 30-лѣтія литературной дѣятельности проф. Всеволода Өедоровича Миллера, въ средѣ членовъ Этнографическаго Отдѣла Императорскаго Общества Любителей Естествознанія. Антропологіи и Этнографіи возникла мысль почтить своего Предсѣдателя особымъ юбилейнымъ изданіемъ. Эта мысль встрѣтила широкое сочувствіе среди столичныхъ и провинціальныхъ ученыхъ, его учениковъ и почитателей. Въ отвѣтъ на приглашеніе Этнографическаго Отдѣла стали вскорѣ поступать изъявленія готовности участвовать въ предпринимаемомъ изданіи научными статьями и денежными взносами. По ходу дѣла оказалось, что задуманное изданіе приметъ значительные размѣры, и окончаніе его можетъ затянуться. Въ виду этого рѣшено было пріурочить выходъ его въ свѣтъ къ 30-лѣтію научной дѣятельности юбиляра, исполняющемуся въ 1900 году; исходнымъ пунктомъ этой дѣятельности была принята первая научная его статья: „Восточные и западные родичи одной русской сказки", написанная въ 1870 году.

По выработанной предварительно программѣ Юбилейнаго Сборника, въ него вошли научныя статьи по тѣмъ отдѣламъ, которые составляютъ предметъ научныхъ интересовъ юбиляра, преимущественно языкознаніе, востоковѣдѣніе, этнографія вообще и кавказская въ особенности, также древняя письменность, народная словесность и пр. Тѣмъ не менѣе при группировкѣ статей, въ виду разновременнаго ихъ поступленія, трудно было выдержать какой-нибудь опредѣленный планъ. Кромѣ чисто-научныхъ статей, въ видѣ исключенія, помѣщены также три стихотворенія, спеціально посвященныя юбиляру и помѣщенныя тотчасъ вслѣдъ за очеркомъ его ученой дѣятельности; помѣщеніе этихъ переводныхъ вещицъ сочтено тѣмъ болѣе умѣстнымъ, что и самъ юбиляръ началъ свою литературную дѣятельность переводомъ „Двухъ Веронцевъ" Шекспира, напечатаннымъ впервые въ изданіи Некрасова и Гербеля въ 1868 г.

Въ заключеніе редакція проситъ снисхожденія къ статьѣ нынѣ покойнаго М. А. Дикарева, писанной имъ незадолго до смерти; она подлежала переработкѣ, но за смертью автора осталась неисправленною, исключить же ее изъ состава Сборника редакція не рѣшилась изъ уваженія къ памяти покойнаго, который одинъ изъ первыхъ съ горячимъ сочувствіемъ отнесся къ мысли настоящаго изданія.

Лица и учрежденія, принявшія участіе въ настоящемъ изданіи, перечислены въ концѣ, въ особомъ спискѣ.

Всев. Миллер

ФОТОТИПІЯ ШЕРЕРЪ, НАБ

Всев. Миллеръ

ФОТОТИПІЯ ШЕРЕРЪ, НАБ

КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ НАУЧНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

В. Ѳ. Миллера.

В. Ѳ. Миллеръ родился въ 1848 г., воспитывался въ Московскомъ университетѣ и въ годъ окончанія университетскаго курса, въ 1870 г., подалъ проф. Ѳ. И. Буслаеву, въ качествѣ кандидатскаго сочиненія, первую свою работу по поводу одной русской сказки о ворожеѣ (см. стр. 219—225). Этимъ, еще студенческимъ произведеніемъ, начинается цѣлый рядъ отдѣльныхъ изслѣдованій, замѣтокъ, ученыхъ монографій, изданій памятниковъ и, наконецъ, сочиненій общаго характера, занимающихъ цѣлый тридцатилѣтній періодъ. Уже первый юношескій трудъ ярко выдвигаетъ научные интересы и литературныя качества, отличающіе Всеволода Ѳедоровича, какъ серьезнаго и разносторонняго ученаго и талантливаго писателя. Сравнительный методъ проникаетъ во всѣ уголки этого перваго опыта молодого начинающаго ученаго и служитъ плодотворнымъ орудіемъ для достиженія серьезныхъ результатовъ. Для того, чтобы этотъ методъ имѣлъ самое строгое научное обоснованіе, онъ обратился къ изученію той науки, которая даетъ самыя точныя примѣненія и самую осторожную выработку этого метода, т.-е. къ сравнительному языкознанію. Новыми языками онъ уже владѣлъ тогда вполнѣ. Санскритъ съ Ведами, древнеиранскій языкъ съ Авестою, италійскіе языки съ игуинскими таблицами, славянскіе языки съ староцерковными и новославянскими памятниками, литовскій языкъ съ памятниками его народнаго творчества и т. д., и т. д., сдѣлались предметомъ тщательныхъ работъ молодого ученаго, совершенствовавшагося въ Берлинѣ подъ руководствомъ Альбрехта Вебера, въ Прагѣ подъ руководствомъ Людвига, въ Тюбингенѣ подъ руководствомъ Рота и пр.; принято также („Энцикл. Слов.“ Брокг.-Эфр., полут. 37, стр. 30) называть его „даровитымъ ученикомъ и продолжателемъ Куна“.

Въ библіографическомъ перечнѣ, который напечатанъ дальше, мы встрѣчаемъ за первую половину 70-хъ годовъ рядъ изслѣдованій по языку, по сравнительной миѳологіи, по индійской литературѣ, на русскомъ, нѣмецкомъ и чешскомъ языкахъ, и, наконецъ, въ 1876 году появился большой трудъ подъ заглавіемъ: „Аҫвины-Діоскуры. Очерки Арійской Миѳологіи“, доставившій автору званіе магистра сравнительнаго языковѣдѣнія. Подъ скромнымъ названіемъ очерковъ, въ русской научной литературѣ появилось сочиненіе, которое, кромѣ спеціальной цѣли, имѣло еще и другія, болѣе широкія задачи. Авторъ поставилъ свой вопросъ на почву всесторонняго культурно-историческаго обобщенія и одинъ изъ первыхъ въ Россіи обратилъ вниманіе въ своемъ введеніи на древнѣйшія стадіи развитія человѣчества, поскольку онѣ могутъ быть возстановлены на основаніи сравнительнаго изученія этнографическихъ данныхъ. Будучи убѣжденъ, что русскій ученый долженъ самостоятельно работать, примѣняя распространенные на западѣ методы къ разработкѣ русскихъ источниковъ, Всеволодъ Ѳедоровичъ привлекъ къ своей диссертаціи обильный сравнительный русскій матеріалъ. Исключительно миѳологическая экзегеза Ведъ, господствовавшая тогда на западѣ, подвергнута здѣсь сомнѣнію. Диссертація эта, навѣрное, послужила пособіемъ для работы нѣмецкаго оріенталиста Г. Циммера: Altindisches Leben, die Cultur der vedischen Arier, eine vom IV Internat. Orientalistencongress gekrönte Preisschrift (Берл. 1879, XVI+460).

Съ тѣхъ поръ интересъ къ этнографіи, преимущественно въ области изученія нашихъ инородцевъ западныхъ и восточныхъ, получилъ выдающееся мѣсто въ дѣятельности основателя того этнографическаго кружка, который подъ руководствомъ Всеволода Ѳедоровича нашелъ себѣ мѣсто въ Этнографическомъ Отдѣлѣ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи. (Предсѣдателемъ Этнографическаго Отдѣла В. Ѳ. Миллеръ состоитъ съ 1881 г.).

Къ этому теченію относится и собираніе литовскихъ народныхъ пѣсенъ (1871), и многочисленныя работы по кавказовѣдѣнію. Въ центрѣ этихъ работъ должна быть поставлена докторская диссертація: „Осетинскіе этюды", начатые въ 1881 году и оконченные въ 1887 г. Понимая широко свои задачи, Всеволодъ Ѳедоровичъ всесторонне изслѣдовалъ архаичный (среди иранскихъ) языкъ, сказанія и исторію осетинскаго народа, занимающаго весьма интересныя страницы въ области исторической этнографіи. Рядомъ съ осетинами изучены были (1886) горскіе евреи-таты, сохранившіе любопытные остатки иранства; ихъ языкъ и исторія составляетъ предметъ изслѣдованія В. Ѳ. Миллера вплоть до настоящаго времени (изд. 1892 и 1900 г.). Выдающееся научное значеніе „Осетинскихъ этюдовъ" видно изъ разборовъ акад. К. Залемана, который еще въ 1884 г. заканчивалъ свою статью въ Litteraturblatt für orientalische Philologie (I, стр. 146) слѣдующими словами: „Приносимъ искреннюю благодарность уважаемому автору за богатую поучительность и возбужденіе разнообразныхъ интересовъ, которые намъ доставило чтеніе его труда". Когда въ 1887 году Императорское Русское Географическое Общество присуждало В. Ѳ. Миллеру за его „Осетинскіе этюды" большую золотую медаль, акад. Залеманъ опять писалъ, въ „Извѣстіяхъ": „Кавказскій хребетъ, эта „гора языковъ", представляетъ капитальный интересъ для этнографіи. Нѣтъ другой мѣстности на земномъ шарѣ, гдѣ бы, на сравнительно небольшомъ пространствѣ, скучивалась такая масса разноплеменныхъ и разноязычныхъ народовъ. Если когда-нибудь предвидится возможность рѣшить хоть небольшое число запутанныхъ вопросовъ о національности разныхъ народовъ, нѣкогда смѣнявшихъ другъ друга въ древніе и средніе вѣка въ необозримыхъ равнинахъ южной Россіи, то только подъ условіемъ изученія этнографіи Кавказа. (Цитата изъ самого В. Ѳ. Миллера). Вс. Ѳ. Миллеръ, подготовленный какъ нельзя лучше къ своему труду, принявшись съ глубокими познаніями въ иранскихъ языкахъ и съ полнымъ знакомствомъ съ разбросанными въ разнообразнѣйшихъ источникахъ свѣдѣніями за изслѣдованіе вопроса (объ осетинахъ), вновь разобралъ критически весь матеріалъ и доказалъ окончательно, что иранское племя въ древнее время простиралось гораздо далѣе на западъ и на сѣверъ, чѣмъ прежде возможно было предполагать. Трудъ его составляетъ драгоцѣнное обогащеніе литературы объ этнографіи Южной Россіи. Филологическая часть отличается тонкими замѣтками и счастливыми объясненіями нѣкоторыхъ явленій въ языкѣ, остававшихся до сихъ поръ загадочными". На „Осетинскихъ этюдахъ" Вс. Ѳ. Миллера основалъ свою книгу: Etymologie und Lautlehre der Ossetischen Sprache извѣстный германскій иранистъ Г. Гюбшманъ (Страссб. 1887), принявшій участіе также въ Grundriss der iranischen Philologie. Вообще въ западномъ ученомъ мірѣ „Осетинскіе этюды" пользуются почетной извѣстностью и очень часто цитируются. Срв. ниже печатаемую статью бар. Р. Р. Штакельберга и его Beitr. z. Synt. des Ossetischen (Страссб. 1886.), основанные на работахъ Всеволода Ѳедоровича, также отзывы другихъ ученыхъ въ Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes I, 154—157, въ Archiv für slavische Philologie VII, 151 и др.

Близкое знакомство съ Кавказомъ и его народами привлекло Всеволода Ѳеодоровича, какъ этнографа, всегда интересовавшагося и отдаленной стариной, также къ археологическимъ изслѣдованіямъ въ Чечнѣ, Осетіи и Кабардѣ (1886), результатомъ которыхъ былъ первый выпускъ „Матеріаловъ по археологіи Кавказа", роскошно изд. Имп. Московскимъ Археологич. Обществомъ, и цѣлый рядъ отдѣльныхъ статей. Вообще въ дѣлѣ кавказовѣдѣнія В. Ѳ. Миллеръ является выдающимся авторитетомъ. Его критическія статьи объ извѣстныхъ этнографическихъ „Сборникахъ матеріаловъ для описанія племенъ и мѣстностей Кавказа" немедленно перепечатываются Кавказскимъ учебнымъ округомъ и, при циркулярахъ, разсылаются по всѣмъ предѣламъ Кавказа. Выходъ въ свѣтъ его „Осетинскихъ этюдовъ" послужилъ поводомъ для общаго собранія

Кавказскаго Отдѣла Императорскаго Русс. Географическаго Общества, и собраніе постановило послать Всеволоду Ѳедоровичу выраженіе высокой оцѣнки тѣхъ заслугъ, какія онъ оказалъ кавказовѣдѣнію („Кавказъ“ 1883, № 243).

Обогащенію русской этнографіи способствовало назначеніе Всеволода Ѳедоровича въ 1885 г. хранителемъ Дашковскаго Этнографическаго Музея: онъ издалъ три выпуска „Сборника матеріаловъ по этнографіи“ и „Систематическое описаніе коллекцій Дашковскаго Этнографическаго Музея“ въ четырехъ выпускахъ. Подъ этимъ спеціальнымъ заглавіемъ русская этнографическая наука получила, кромѣ описанія хранящихся въ музеѣ коллекцій, первый опытъ сжатаго, по отношенію текста, и чрезвычайно обильнаго, со стороны библіографіи, обозрѣнія всѣхъ народовъ, обитающихъ на обширномъ пространствѣ Россіи, а также славянъ Австріи и Балканскаго полуострова. Названныя „Описанія“ представляютъ собою, какъ это справедливо отмѣчаемо было критикой (Этн. Обозр. XX, 140 сл.), руководящую нить для серьезнаго изученія инородческаго быта и имѣютъ значеніе не только справочнаго, но и руководящаго труда при занятіяхъ этнографіей.

Другое теченіе въ трудахъ Всеволода Ѳедоровича выразилось въ томъ серьезномъ и глубокомъ интересѣ, который увлекалъ его вниманіе въ обширную область перехода литературныхъ сюжетовъ и вліяній и направлялъ къ разработкѣ самыхъ трудныхъ вопросовъ сравнительной литературы, особенно фольклора, гдѣ любимый ученымъ сравнительный методъ можетъ оказать столь великія услуги. Русскій фольклоръ, русская литература, сразу же завладѣли научными интересами В. Ѳ. Миллера ничуть не меньше, чѣмъ оріенталистика, и изученіе обѣихъ областей постоянно шло у него параллельно, восполняя другъ друга. Переходъ вниманія В. Ѳ. Миллера отъ сравнительной миѳологіи къ сравнительной литературѣ можно усмотрѣть сначала въ рядѣ мелкихъ этюдовъ. Еще въ 1871 году, самъ уже работая по сравнительному методу, В. Ѳ. Миллеръ подвергъ критикѣ такой сравнительный методъ, какой былъ примѣненъ В. Стасовымъ къ происхожденію русскихъ былинъ. Въ 1876—1877 гг. появились работы: „Значеніе собаки въ миѳологическихъ вѣрованіяхъ“ (вскорѣ доложенная на IV международномъ конгрессѣ оріенталистовъ во Флоренціи и изданная въ Трудахъ конгресса), „О лютомъ звѣрѣ народныхъ пѣсенъ“, „Миѳъ о Ніобѣ на Востокѣ“, „Замѣтки по поводу извѣстнаго сборника Верковича“ и т. д., а въ 80-хъ годахъ непрерывной серіей шли и большія, и меньшія изслѣдованія, отмѣчавшія вліяніе, какъ запада, такъ въ особенности востока на русскую словесность, причемъ выставлена была гипотеза о возможной передаточной роли Кавказа въ этомъ литературномъ общеніи Востока съ Русью и Западомъ; особенно интересны статьи: „Отголоски финскаго эпоса въ русскомъ“ (1879), ein sehr wertvoller Beitrag zur Erklärung des russischen Epos (Archiv für slav. Philologie, IV, 717) и „Кавказскія преданія о великанахъ, прикованныхъ къ горамъ“ (1883), переведенная и на нѣмецкій языкъ въ Russische Revue XXIII, 193—208, и на армянскій. Гипотезу эту о передаточномъ значеніи Кавказа авторъ ея впослѣдствіи значительно умѣрилъ (онъ съ необыкновеннымъ безпристрастіемъ отказывается отъ своихъ мнѣній, какъ скоро найдетъ ихъ шаткими), но среди фольклористовъ замѣтна наклонность всегда считаться съ нею въ области фольклористики по прежнему. Глубокое научное безпристрастіе, жертвующее даже національнымъ самолюбіемъ въ угоду научной истинѣ, сказалось у Всеволода Ѳедоровича особенно въ его отношеніяхъ къ перлу древне-русской письменности, къ „Слову о Полку Игоревѣ“. Въ 1877-мъ году появилась пользующаяся громкой извѣстностью книга: „Взглядъ на Слово о полку Игоревѣ“, весьма интересная въ методологическомъ отношеніи, такъ какъ въ ней авторъ приложилъ новые пріемы изслѣдованія къ очень сложному и запутанному литературному вопросу. „Взглядъ“ разрушалъ многія рутинныя, ненаучныя воззрѣнія на мнимо-народную русскую миѳологію „Слова о Полку Игоревѣ“ и показывалъ, что „Слово“, это глубоко-поэтическое, національное южно-русское произведеніе, не должно однако считаться чисто народнымъ и далеко не свободно отъ литературныхъ болгаро-византійскихъ вліяній. Книга вызвала цѣлую литературу [1])

---

[1]) Обзоръ этой литературы данъ И. Ждановымъ въ Кіевскихъ „Университетскихъ Извѣстіяхъ“ 1880.

и породила самую ожесточенную полемику, среди которой полемисты не стѣснялись извращать утвержденія В. Ѳ. Миллера, увѣряя, будто онъ считаетъ „Слово“ просто за подражаніе „Девгеніеву дѣянію“, и негодовали на то, что „къ гипотезѣ В. Ѳ. Миллера отнеслись съ замѣтнымъ сочувствіемъ такіе ученые, какъ гг. Веселовскій, Пыпинъ и О. Миллеръ[1]), изъ которыхъ первый старается даже поднять ее на высоту гипотезы научной“ (Е. Барсовъ, В. Е. 1878, окт., 786). Негодованіе этихъ ревнителей могло, развѣ, усилиться отъ того обстоятельства, что и за границей, благодаря авторитету акад. Ягича, идеи В. Ѳ. Миллера сдѣлались общепринятыми (Archiv für slavische Philologie, т. II, 660; т. III, 744; т. IV, 541). А въ настоящее время мы можемъ ужъ и въ школьныхъ учебникахъ читать слѣдующее: „Слово сложилось по былинамъ своего времени, съ употребленіемъ пріемовъ и образовъ, унаслѣдованныхъ отъ народной поэзіи, отъ которой не отличается по эпическому складу. Но вмѣстѣ съ этимъ „Слово“ отражаетъ на себѣ и вліяніе тогдашней византійско-славянской литературы, такъ что рядомъ съ бытовыми и культурными картинами и образами Кіевской Руси встрѣчаются представленія и выраженія книжнаго характера, какъ осадокъ начитанности и литературнаго знакомства, которымъ и пользовался авторъ при созданіи своей прекрасной повѣсти“ (А. Галаховъ: Исторія русской словесности, древней и новой, изд. III, т. 1-ый, М. 1894, стр. 300. См. еще стр. 51 этого учебника, гдѣ В. Ѳ. Миллеръ аттестуется: „такой дѣльный и живой ученый, какъ г. Всев. Миллеръ“). Печатаемая здѣсь въ Сборникѣ интересная работа В. В. Каллаша, въ извѣстномъ отношеніи, производится на почвѣ, уже разрыхленной „Взглядомъ“ юбиляра.

Сравненіе историко-культурныхъ направленій западной науки съ интересными и загадочными сторонами русской исторіи заставило проф. Миллера заняться и нѣкоторыми вопросами русской исторіи, примѣняя къ ихъ разрѣшенію лингвистическія данныя. Къ этому отдѣлу относятся статьи: „О (норманскихъ) названіяхъ Днѣпровскихъ пороговъ у Константина Багрянороднаго“, сочувственная рецензія книги Томсена „О (норманскомъ) происхожденіи русскаго государства“, „Русская масляница и западно-европейскій карнавалъ“, „О (тюркской) народности Гунновъ“ и др. Сравнительный методъ много содѣйствовалъ научному безпристрастію этихъ статей: антинаучные домыслы рѣшительно отвергаются, какъ бы они ни были заманчивы.

Въ 1891—1892-мъ г. появилась книга „Экскурсы въ область русскаго народнаго эпоса“, отмѣчавшая близость русскихъ былинъ къ иранскому эпосу (переходъ могъ бы совершиться черезъ тюркскую, напр., половецкую среду) и заключенная слѣдующими словами высшей объективности: „Въ заключеніе этого экскурса считаю не лишнимъ еще разъ повторить, что я не имѣлъ въ виду подробно и детально разсмотрѣть вопросъ о вліяніи тюркскихъ мотивовъ на русскій богатырскій эпосъ. Я затронулъ его лишь съ цѣлью показать, что онъ нуждается въ обстоятельномъ изслѣдованіи, между тѣмъ какъ со времени появленія работы В. В. Стасова, въ теченіе слишкомъ двадцатилѣтія, эта сторона научной разработки нашего эпоса *почти* не была затрогиваема нашими изслѣдователями. Лингвисты указываютъ на множество тюркскихъ (татарскихъ) словъ, вошедшихъ въ русскій языкъ, историки искусства на вліяніе Востока въ русскомъ народномъ орнаментѣ, историки музыки ведутъ изъ Азіи нѣкоторые русскіе музыкальные инструменты, антропологи указываютъ примѣсь тюркской крови въ типѣ населенія нѣкоторыхъ полосъ Россіи, историки литературы давно отмѣтили множество восточныхъ, странствующихъ сюжетовъ въ нашихъ народныхъ сказкахъ; но почему-то до сихъ поръ возможность восточнаго вліянія на нашъ былевой эпосъ считается сомнительной и въ *Исторіяхъ русской литературы* обходится молчаніемъ. Односторонніе защитники русской самобытности еще уступаютъ историкамъ литературы *сказки* и мирятся съ восточнымъ происхожденіемъ многихъ сказочныхъ сюжетовъ:

---

[1]) Имѣются въ виду, конечно, рецензіи Веселовскаго въ Ж. М. Н. Пр. 1877, августъ, стр. 267—306 и Ор. Миллера тамъ же, сент., 37—61. По словамъ А. Н. Веселовскаго, „Вс. Миллеръ впервые высказываетъ откровенно то, что лежало на сердцѣ у многихъ, старавшихся отнестись къ развитію древней русской литературы трезво и безъ предвзятыхъ убѣжденій“ (стр. 267). Ор. Миллеръ называетъ 4-ю главу труда Вс. Ѳ. Миллера (о миѳологіи Слова) „многозначительною, положительно поколебавшею значеніе Слова о полку Игоревѣ, какъ источника изученія русской миѳологіи“ (стр. 47).

вѣдь, *„сказка*—складка“. Но *„пѣсня*—быль“, возражаютъ они, а былое *свое* у каждаго народа. Однако, нельзя забывать, что это „былое“ прожилъ русскій народъ въ теченіе многихъ вѣковъ бокъ-о-бокъ съ тюркскими племенами, въ тѣснѣйшихъ сношеніяхъ, военныхъ и мирныхъ, что цѣлыя страницы нашихъ лѣтописей наполнены извѣстіями о восточныхъ кочевникахъ, и множество былинъ разсказываютъ о борьбѣ съ татарами, что богатырскій эпосъ возникъ и развился именно въ томъ населеніи Россіи, которое много вѣковъ отстаивало себя отъ набѣговъ кочевниковъ, и что, поэтому, изслѣдователь, ищущій отраженія исторіи въ нашемъ былевомъ творчествѣ, именно, въ силу ея указаній долженъ искать въ немъ и слѣдовъ тѣсной связи Руси съ Востокомъ и ознакомиться съ характеромъ и содержаніемъ эпическихъ сказаній нашихъ азіатскихъ сосѣдей“. Акад. Ягичъ (Archiv für slavische Philologie XIV, 624; XIX, 304) характеризуетъ „Экскурсы“ въ томъ смыслѣ, что авторъ, „возобновивши тему В. Стасова, избѣгаетъ однако преувеличеній послѣдняго, ставитъ большія ограниченія и предусмотрительно считается съ исторіей; параллели же, проведенныя имъ, поразительно близки между собою“. Рецензія проф. Дашкевича (Отчетъ о 32-мъ присужденіи наградъ гр. Уварова, Спб. 1895), оспаривающая взглядъ В. Ѳ. Миллера, страдаетъ тѣмъ существеннымъ недостаткомъ, что не доказываетъ, а лишь обѣщаетъ доказать историческое существованіе Ильи Муромца и, слѣдовательно, его независимость отъ иранскаго Рустема; рефератъ объ Ильѣ на послѣднемъ XI археологическомъ съѣздѣ совсѣмъ не исполнилъ обѣщаннаго и у многихъ вызвалъ даже недоумѣніе (срв. отчетъ о съѣздѣ въ „Русс. Мысли.“ 1899, дек., 101). Акад. Ягичъ, послѣ напечатанія рецензіи проф. Дашкевича, писалъ: „И все-таки, послѣ возраженій г. Дашкевича, возможность извѣстнаго вліянія востока на русскій эпосъ не остается вполнѣ исключенной“ (Archiv, XIX, 305).

Одностороннее толкованіе, которое можно было бы придавать „Экскурсамъ“, вполнѣ исключается цикломъ дальнѣйшихъ работъ В. Ѳ. Миллера надъ былинами, гдѣ онъ, обстоятельно отмѣчая вполнѣ русскую *бытовую* обстановку былинъ (особенно мѣстную новгородскую), этимъ самымъ устраняетъ узкое одностороннее пониманіе его „Экскурсовъ“. Замѣтимъ, что вопросъ о былинахъ заинтересовалъ В. Ѳ. Миллера одновременно съ вопросомъ о „Словѣ о полку Игоревѣ“ (См. Ж. М. Н. Пр. 1878, дек. и другія статьи). Затѣмъ въ 1890 г. появилась въ „Этнографическомъ Обозрѣніи“ первая статья: „Матеріалы для исторіи былинныхъ сюжетовъ“, и съ тѣхъ поръ въ различныхъ спеціальныхъ и общедоступныхъ журналахъ, въ особенности въ „Этнографическомъ Обозрѣніи“ и „Журналѣ Мин. Нар. Просвѣщенія“, были помѣщены Всеволодомъ Ѳедоровичемъ работы по русскимъ былинамъ, которыя потомъ образовали большое и капитальное по своимъ результатамъ сочиненіе, вышедшее въ 1897 году подъ заглавіемъ: „Очерки русской народной словесности. Былины I—XVI“, и являющееся, именно, вполнѣ сознательнымъ, объективнымъ противовѣсомъ его же „Экскурсамъ въ область русскаго народнаго эпоса“. Этотъ новѣйшій трудъ ученаго изслѣдователя, по самому плану работы, будетъ добавляемъ продолженіями, и подобныя продолженія не перестаютъ появляться на страницахъ названныхъ журналовъ. Капитальнымъ работамъ надъ былинами содѣйствовало между прочимъ то обстоятельство, что изученіе русской словесности вошло въ кругъ профессіональныхъ обязанностей Всеволода Ѳедоровича. Именно, въ 1892 году, послѣ выхода въ свѣтъ „Экскурсовъ“, онъ получилъ предложеніе перейти на каѳедру русскаго языка и литературы, оставивъ за собой преподаваніе санскрита, по которому имъ было издано, въ 1891 году, руководство для студентовъ университета, повсемѣстно принятое въ Россіи и съ большою похвалою встрѣченное въ иностранномъ ученомъ мірѣ (См. Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes 1892, T. VI, 103—106). Занявъ каѳедру Буслаева, проф. Миллеръ сосредоточилъ и свои университетскіе курсы, и свои ученыя работы въ одной опредѣленной области, къ разъясненію которой онъ былъ столь разносторонне приготовленъ всей своей научной дѣятельностью. Русскія былины, исторія ихъ происхожденія, культурное содержаніе, мѣсто, занимаемое ими въ развитіи русской словесности,—все это подвергается самой тонкой, часто микроскопической работѣ съ примѣненіемъ историко-сравнительнаго метода, причемъ на ряду со смѣлыми гипотезами идутъ самыя кропотливыя основательныя разысканія. Научное изданіе русскихъ былинъ совмѣстно съ акад. Н. С. Тихонравовымъ дало прекрасную

основу для изученія этого цикла русской народной словесности. Изслѣдователь, прибѣгая къ гипотезамъ, никогда не стремится выдавать ихъ за окончательныя научныя истины и часто ставитъ точку тамъ, гдѣ, какъ видно изъ всего хода работы, нить аргументаціи наталкивала его на опредѣленный, но, по мнѣнію профессора Миллера, преждевременный выводъ; однако основательность и, какъ выражается П. Н. Милюковъ, проницательность В. Ѳ. Миллера подкрѣпляется такими статьями, какъ напр. печатаемая въ этомъ сборникѣ статья П. Н. Милюкова (стр. 314). А. И. Кирпичниковъ вполнѣ вѣрно замѣчаетъ („Энцикл. Словарь" Брокгауза и Эфрона, полут. 35, стр. 300): „Путь, которымъ шелъ В. Ѳ. Миллеръ, переходя постепенно отъ лингвистики черезъ этнографію къ изученію памятниковъ народной поэзіи, нельзя не признать чрезвычайно раціональнымъ и многообѣщающимъ. Его стремленіе (въ послѣднихъ работахъ) обосновать выводы на точномъ критико-филологическомъ изученіи текстовъ былинъ, опредѣлить степень участія пѣвцовъ-спеціалистовъ и прослѣдить этнографо-географическое распространеніе нашего національнаго эпоса не можетъ не привести къ положительнымъ историко-литературнымъ результатамъ въ изученіи того матеріала, гдѣ до сихъ поръ спеціалисты вращались въ области смѣлыхъ предположеній и интересныхъ, но дающихъ мало положительныхъ выводовъ параллелей".

Любя и почитая вдохновителей и ревнителей русской науки, Всеволодъ Ѳеодоровичъ никогда не забывалъ помянуть ихъ сочувственнымъ словомъ и благодарной оцѣнкой. Такимъ образомъ появились замѣтки о гр. А. С. Уваровѣ, Н. И. Костомаровѣ, Н. С. Тихонравовѣ, Ѳ. И. Буслаевѣ, П. П. Чубинскомъ и о Пушкинѣ, какъ поэтѣ-этнографѣ.

Въ видѣ освѣженія своихъ общекультурныхъ наклонностей, Всеволодъ Ѳеодоровичъ не забывалъ и всемірно-историческихъ областей, къ которымъ его влекло стремленіе познакомиться съ новѣйшими открытіями европейской науки. Онъ никогда не оставлялъ занятій по исторіи древняго Востока. Труды Ленормана, Делича и Шрадера, работавшихъ надъ возстановленіемъ древнѣйшей культуры Месопотаміи съ ея загадочными, по происхожденію, народами, хетеяне, исторія арійцевъ—все это являлось матеріаломъ для курсовъ въ университетѣ и для отдѣльныхъ статей. Въ кругу московскихъ оріенталистовъ, именно въ Восточной коммиссіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, Всеволодъ Ѳеодоровичъ состоитъ предсѣдателемъ. Наконецъ, въ настоящее время, Вс. Ѳ. Миллеръ сталъ во главѣ Лазаревскаго института, который вмѣщаетъ въ своихъ лицейскихъ классахъ высшее учебное заведеніе по востоковѣдѣнію (и, замѣтимъ кстати, имѣетъ уже нѣсколько молодыхъ преподавателей - востоковѣдовъ, вышедшихъ непосредственно изъ школы В. Ѳ. Миллера, его учениковъ въ полномъ смыслѣ). Онъ тамъ читаетъ курсъ исторіи древняго Востока, въ которомъ, не ограничиваясь месопотамской культурой, составлявшей вмѣстѣ съ арійской (индійской и иранской) предметъ его прежняго изученія, знакомитъ своихъ слушателей съ культурной исторіей Египта.

Такова многообразная и, еслибы судить только по заглавіямъ трудовъ, какъ бы разбросанная ученая дѣятельность Всеволода Ѳеодоровича; но, вникая въ нее, мы видимъ передъ собою единое, цѣльное, широкое научное міросозерцаніе. Онъ не можетъ быть ограниченнымъ спеціалистомъ въ какой-нибудь одной, узкой отрасли знанія, игнорируя всѣ остальныя,—онъ долженъ быть разностороненъ. Но все у него направлено къ одному центру, все служитъ къ выясненію одной задачи. Нужно воспользоваться всѣмъ, что́ сдѣлано европейской наукой по выработкѣ методовъ лингвистики, исторіи культуры, исторіи литературы, и примѣнить эти методы, построенные на историко-сравнительномъ началѣ, къ выясненію самосознанія русскаго народа, какъ оно выразилось въ словесныхъ произведеніяхъ, вѣрованіяхъ и взаимоотношеніяхъ съ различными, обитающими на окраинахъ, инородцами,—вотъ основная мысль, руководившая авторомъ и „Асьвиновъ-Діоскуровъ", и „Взгляда на Слово о полку Игоревѣ", и „Осетинскихъ этюдовъ", и „Экскурсовъ въ область русскаго эпоса", и „Очерковъ русской народной словесности".

В. Михайловскій.

Библіографическій перечень печатныхъ трудовъ

В. Θ. Миллера.

Первой ученой работой В. Θ. Миллера, поданной въ качествѣ студенческаго зачетнаго сочиненія Θ. И. Буслаеву, было изслѣдованіе: „Восточные и западные родичи одной русской сказки"; оно здѣсь указано подъ № 13. Статья объ этой первой работѣ—на стр. 219—225 настоящаго Сборника.

1. О сравнительномъ методѣ автора Происхожденія русскихъ былинъ (В. В. Стасова). Напеч. въ Бесѣдахъ Общ. Любит. Р. Словесности, Вып. III, Москва, 1871 г., стр. 143—174.

2. Названія Днѣпровскихъ пороговъ у КонстантинаБагрянороднаго. Древности, изд. Моск. Археол. Общ., 1875. Т. V.

3. Arijský Mitra a slovanský mír,—напеч. въ Časop. Musea Král. Českého 1874. Sváz. 2 и 3. И отдѣльный оттискъ, Прага 1874, стр. 24.

Болѣе кратко объ этомъ же предметѣ по-русски — въ Отчетѣ (изъ Тюбингена) кандидата историко-филологическаго факультета В. М. за 1874 годъ: Арійскія слова Mitra (Mithra) и славянское Миръ, стр. 41—53.

4. Rⁱbhavas—изслѣдов. по ведійск. миѳологіи, въ Отчетѣ Моск. университета 1875, стр. 1—26.

5. О сборникѣ индусскихъ сказокъ Vikramārkacaritram, тамъ же, стр. 27—48.

6. Die praeposition kŭ im Slavischen, напеч. въ Beiträge Z. Vergl. Sprachforschung, VIII, pp. 101—108.

7. Ueber den Letto-slavischen Infinitiv,—ibid. pp. 156—174.

8. Ведійскіе этюды. Журн. М. Н. Просв. 1876. Часть CLXXXV, отдѣлъ 2, стр. 279—325.

9. Очерки Арійской миѳологіи (Аçвины-Діоскуры). Москва 1876, стр. VIII+355.

10. Литовскія народныя пѣсни, собранныя Фортунатовымъ и Миллеромъ (текстъ и переводъ). Москва 1873, 221 стр. (изъ Записокъ Моск. университета за 1873 г.).

11. Взглядъ на Слово о Полку Игоревѣ. Москва, 1877, стр. II+260.

12. О лютомъ звѣрѣ народныхъ пѣсенъ. Древности И. Моск. Арх. Общ. 1877 г., т. VII, I.

13. Восточные и западные родичи одной русской сказки. Въ Трудахъ Этногр. Отдѣла Имп. Общ. Любит. Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, т. IV, М. 1877, стр. 174—190. 4°.

14. Значеніе собаки въ миѳологич. вѣрованіяхъ. Древности И. Моск. Арх. Общ. 1876, т. VI.

15. Миѳъ о Ніобѣ на Востокѣ. Журн. М. Нар. Просв. 1877, № 10, стр. 59—71.

16. Замѣтки по поводу сборника Верковича: 1) Къ вопросу о національности Бояна въ „Словѣ о Полку Игоревѣ", 2) Отголоски „Александріи" въ болгаро-русскихъ былинахъ. Ж. М. Н. Пр. 1877. Октябрь, 110—132.

17. О болгарскихъ народныхъ пѣсняхъ (Верковича). Вѣстн. Европы, 1877.

18. Къ вопросу о Словѣ о Полку Игоревѣ. (По поводу домысловъ Е. Барсова). Крит. Обозрѣніе 1879, № 3, стр. 20—31.

19. По поводу Трояна и Бояна Слова о Полку Игоревѣ. Журн. М. Н. Пр. 1878. Декабрь, стр. 239 - 267.

20. Рецензія книги Justi: Geschichte des Alten Persiens. Крит. Обозр. 1879, № 17, стр. 37—40 (петитъ).

21. Разборъ соч. Воеводскаго: Этологич. и миѳологическія замѣтки. Критич. Обозр. 1877, № 1, стр. 27—32.

22. Рецензія книги Thomsen'a. Der (normannische) Ursprung des Russischen Staates, тамъ же, № 20, стр. 21—30.

23. Отголоски финскаго эпоса въ русскомъ. Ж. М. Н. Пр., часть CCVI, отд. 2, стр. 122—140.

24. По поводу одного литовскаго преданія. Древности, т. VIII, 1880, стр. 166—175.

25. Le rôle du chien dans les croyances mythologiques, напеч. въ Atti del IV Congresso degli Orientalisti. Firenze. Vol. II.

26. Въ горахъ Осетіи. Русская Мысль 1881. Сентябрь, стр. 55—105.

27. Пятый Археологическій съѣздъ въ Тифлисѣ, тамъ же, 1882. Январь, стр. 17—36.

28. Черты старины въ сказаніяхъ и бытѣ Осетинъ. Ж. М. Нар. Пр. 1882. Августъ, стр. 191—207.

29. Осетинскіе Этюды. Часть I. Осетинскіе Тексты. Москва, 1881, стр. 164.

30. Осетинскіе Этюды. Часть II. Изслѣдованія. Москва, 1882, стр.

31. Кавказскія преданія о великанахъ, прикованныхъ къ горамъ. Ж. М. Н. Пр. 1883. Январь, стр. 100—116.

32. О I и II вып. Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Ж. М. Н. Пр. 1883. Февраль, стр. 384—391.

33. Объ изслѣдованіи Д. Куликовскаго: Разборъ Ведійскаго миѳа о соколѣ, принесшемъ цвѣтокъ Сомы. Ж. М. Н. Пр. 1883, стр. 288—300.

34. О поѣздкѣ въ горскія общества Кабарды и въ Осетію лѣтомъ 1883 года. Извѣстія Кавказскаго Отдѣла Имп. Русск. Географ. Общества, т. VIII, 1883 г.

35. Русская Масляница и Западно-европейскій карнавалъ. (Рѣчь и Отчетъ Московск. частной гимназіи З. Д. Перепелкиной). Москва, 1884, стр. 1—43.

36. Къ вопросу о Славянской Азбукѣ. Ж. М. Н. Пр. 1884. Мартъ, стр. 1—35.

37. Въ горскихъ обществахъ Кабарды. (Изъ путешествія Вс. Миллера и Макс. Ковалевскаго). Вѣстникъ Европы, 1884. Апрѣль.

38. О Сборникѣ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Вып. III. — Ж. М. Н. Пр. Октябрь, 1884 г., стр. 340—349.

39. П. В. Шейнъ — собиратель памятниковъ народнаго творчества. Русскія Вѣдомости 19 октября, № 290, 1884 г. Былъ и отдѣльный оттискъ 16°, стр. 1—28).

40. Замѣчанія по вопросу о народности Гунновъ. Въ Трудахъ Этнограф. Отд. Имп. Общ. Любит. Ест., Антр. и Этнографіи, кн. VII, 1886, стр. 27—30.

41. Кавказскія легенды, тамъ-же стр. 48—50.

42. Критич. статья о 4-мъ выпускѣ Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Ж. М. Н. Пр. Май, 1885 г.

43. Критич. статья о сочиненіи Фаминцына: Божества древнихъ Славянъ, въ Журн. М. Нар. Пр. Іюнь, 1885.

44. Осетинскія сказки,—въ Сборникѣ матеріаловъ по этнографіи, изд. при Дашков. Этногр. Музеѣ, подъ ред. В. Ѳ. Миллера. Выпускъ I, Москва, 1885.

45. Эпиграфическіе слѣды иранства на югѣ Россіи. Ж. М. Н. Пр. 1886 г. Октябрь. стр. 232—283.

46. Крит. статья о 5-мъ выпускѣ Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Ж. М. Н. Пр. 1886. Ноябрь, стр. 354—367.

47. Осетинскіе Этюды. Часть III. Изслѣдованія. Москва, 1887 г., стр. VIII+215.

Сочиненіе было премировано золотой медалью Имп. Геогр. Русс. Общества. Рецензія акад. Залемана—въ Извѣстіяхъ Геогр. Общества. Еще раньше онъ же помѣстилъ рецензію по-нѣмецки (на предыдущіе томы) въ Litteraturblatt für orientalische Philologie. 1884. Добавимъ кстати, что на „Осетинскихъ этюдахъ" основана книга извѣстнаго ираниста H. Hübschmann'a: Etymologie und Lautlehre der Ossetischen Sprache, Strassburg, 1887.

48. Систематическое описаніе коллекцій Дашковскаго Этнографическаго Музея. Вып. I. Москва 1887, стр. XIV+161.

49. Крит. статья о книгѣ М. Соколова: Старорусскіе боги и богини. Ж. Мин. Н. Просв. 1887. Декабрь, стр. 365—373.

50. Критич. статья о 6-мъ вып. Матер. для опис. мѣстн. и племенъ Кавказа. Жур. Мин. Нар. Пр. 1888, часть CCLIX, отд. 2, стр. 332—343.

51. Археологическія экскурсіи въ Терской Области. Матер. по археол. Кавказа. Изд. И. Моск. Арх. Общ. Вып. I. Москва, 1888, стр. II+134 in 4-to съ 80 рис. въ текстѣ и 26 табл.

52. Археологическія развѣдки въ Алуштѣ и ея окрестностяхъ. Древности, т. XII, 1889.

53. Систематическое описаніе коллекцій Дашковскаго Этнографич. Музея. Вып. II, Москва, 1889 стр. IV+154.

54. Критич. статья о 7-мъ выпускѣ Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Ж. М. Н. Пр. 1889. Іюнь, стр. 122—132.

55. Иранскіе отголоски въ народныхъ сказаніяхъ Кавказа. Этнографическое Обозрѣніе, кн. II, (1889, № 2), стр 1—36.

56. Гр. А. С. Уваровъ (некрологъ). Труды Этн. Отд. И. Общ. Люб. Естеств., Антропологіи и Этнографіи. Кн. VIII, М. 1888, стр. 2—5, in 4—to

57. Н. И. Костомаровъ (некрологъ), тамъ же, стр. 9—13.

58. А. Л. Дювернуа (некрологъ), тамъ же, стр. 20—21.

59. П. П. Чубинскій (некрологъ), тамъ же, кн. VII, стр. 50—51. Москва, 1886.

60. Памяти М. Н. Харузина, тамъ же, т. IX, стр. 1—3. Москва, 1889.

61. Кавказскія сказанія о циклопахъ. Этнограф. Обозрѣніе, кн. IV (1890, № 1), стр. 25—44. См. также Труды Этногр. Отдѣла, кн. VIII, стр. 21—22 (резюме доклада).

62. О сарматскомъ богѣ Уатафарнѣ. Древности Восточныя. Труды Восточной Коммиссіи Имп. Моск. Археолог. Общества, т. I, вып. II, 1890, стр. 129—134.

63. Матеріалы для исторіи былинныхъ сюжетовъ. I. Добрыня въ отъѣздѣ и выходъ жены его замужъ за Алешу Поповича. Этнограф. Обозрѣніе, кн. V (1890 г., № 2), стр. 110—129.

64. Рецензія на соч. Д. Н. Анучина: Сани, ладья и кони, какъ принадлежности похороннаго обряда. Тамъ же, стр. 175—183

65. Критич. статья о IX выпускѣ Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ. Кавказа. Ж. М. Н. Пр. 1890. Іюнь, стр. 363—476.

66. Курганы села Троицкаго-Кайнарджи. Дневникъ Антрополог. Отд. Вып. V, 1890. (Извѣстія Имп. Общ. Люб. Ест., Антроп. и Этногр., т. LXVIII. Труды Антропологич. Отд., т. XII), стр. 182—186.

67. Крит. статья о X выпускѣ Сборннка матер. для описанія мѣстн. и племенъ Кавказа. Ж. М. Н. Пр. 1890 Ноябрь, ч. CCLXXII, отд. 2, стр. 202—217.

68. Рецензія книги М. Веске: Славяно-финскія культурныя отношенія по даннымъ языка. Этногр. Обозрѣніе, кн. VII, 179—183.

69. Рецензія 1-й книги „Живой Старины“ 1890 г. Тамъ же, стр. 185—190.

70. Рецензія книги бар. Услара: Лакскій языкъ. Тамъ же, 216 - 218.

71. Рецензія книги В. Латышева: Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae, vol. II. Тамъ же, кн. VIII, 188.

72. Рецензія книги Н. Ѳ. Сумцова: Культурныя переживанія. Тамъ же, стр. 193—197.

73. Руководство къ изученію Санскрита. Грамматика. Спб., 1891, VI+124.

74. Экскурсы въ область русскаго эпоса. I. Князь Владиміръ и Евпраксія. Русск. Мысль. Январь, 1891.

75. Экскур. въ обл. р. эпоса. II. Добрыня Змѣеборецъ. Тамъ же. Мартъ.

76. Эскурс. въ обл. р. эпоса. III. Илья и Рустемъ. Тамъ же. Апрѣль.

77. Экскур. въ обл. р. эпоса. IV. Поѣздка Ильи Муромца. Іюнь.

78. Замѣтка по поводу кабардинской сказки: „Красавица Елена и богатырь-женщина“. Сборн. мат. для опис. мѣст. и племенъ Кавказа. Вып. XII, стр. 70—77.

79. Рецензія XII-го выпуска Сборн. матер. для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Ж. М. Н. Пр., 1891. Сентябрь, стр. 204—215.

80. Экскурсы въ обл. русск. нар. эпоса. V. Бой отца съ сыномъ. Русск. Мысль. Сентябрь, 1891.

81. Экскур. въ обл. р. н. эпоса. VI. Сказка о Еруcланѣ Лазаревичѣ. Октябрь, 1891.

82. Экскур. въ обл. р. н. эпоса. VII. Къ исторіи типа Ильи Муромца. Ноябрь, 1891.

83. Экскур. въ обл. р. н. эпоса. VIII. Степные мотивы въ русск. эпосѣ. Декабрь, 1891.

84. Рецензія сочин. Э. Вольтера: Матер. для этнографіи латыш. племени Витеб. губерніи. Этногр. Обозр., кн. IX, 1891, стр. 162—164.

85. Отголоски Рустеміады у курдовъ. Тамъ же, стр. 201—202.

86. Кавказско-русскія параллели. Этногр. Обозр., кн. X, 1891, стр. 166—189 и XI, 1891, стр. 1—20.

Экскурсы (№ 70, 71, 72, 73, 76, 77, 78, 79) и двѣ статьи изъ „Этнографическаго Обозрѣнія“ (№ 55 и № 82) съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями вышли въ видѣ отдѣльной книги: „Экскурсы въ область русскаго народнаго эпоса“, М. 1892, стр. XII + 232 + 69.

87. Fünf ossetische Erzählungen in Digorischem Dialect. Herausgegeben von Ws. Miller und R. v. Stackelberg. St. Petersburg, 1891.

88. О религіи Зороастра. Міръ Божій за 1892. Май.

89. Матеріалы для изученія еврейско-татскаго языка. (Введеніе, тексты и словарь). Спб., 1892, стр. IV+90 4⁰.

90. Матеріалы для исторіи былинныхъ сюжетовъ. IV. Илья Муромецъ и Ерусланъ Лазаревичъ. V. Илья Муровичъ въ казацкой пѣснѣ. Этн. Обозр., кн. XII, (1892), стр. 120—130.

91. Матеріалы для исторіи былинныхъ сюжетовъ. VI. Къ былинѣ о Добрынѣ и Маринѣ. VII. Къ былинѣ о невѣрной женѣ Святогора. VIII. Змѣя Горынская у Сокольника. IX. Къ былинѣ о Микулѣ Селяниновичѣ. Этногр. Обозрѣн, кн. XIII—XIV (1892), стр. 112—126.

92. Матеріалы для исторіи былинныхъ сюжетовъ. X. Къ былинамъ о Добрынѣ Змѣеборцѣ XI. Кони князя Владиміра. XII. Къ былинѣ о Данилѣ Ловчанинѣ. Этнограф. Обозрѣн. кн. XV, (1893), стр. 129—137.

93. Систематическое описаніе коллекцій Дашковскаго Этнограф. Музея. Вып. III, М., стр. V+224.

94. Рецензія XIII—XIV вып. Сборн. матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа Ж. М. Н. Пр., 1893, стр. 224—238.

95. Былины о Саурѣ и сродныя по содержанію. Ж. М. Н. Пр., 1893. Октябрь.

96. Матеріалы для исторіи былинныхъ сюжетовъ. XIII. Добрыня-сватъ. Этногр. Обозрѣніе, кн. XVII (1893), стр. 64—69.

97. Рядъ статей въ Энциклопедическомъ Словарѣ Андреевскаго - Арсеньева, въ томѣ IX, вып. 17. (Горыничъ, Дамаянти, Данаиды, Данило Ловчанинъ, Даниловъ Кирша, Дарма, Дашковъ, Дэва, Дэванагари, Девадаси, Деварши, Девгеній, Добрыня, Дунай Ивановичъ, Дурга, Дюкъ Степановичъ).

98. Отголоски апокрифовъ въ кавказскихъ народныхъ сказаніяхъ. Ж. М. Н. Просв. 1893.

99. О Сборникѣ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, издаваемомъ Управленіемъ Кавказскаго Учебнаго Округа. Отзывы о первыхъ 14 вып. профессора Вс. Миллера. Тифлисъ, 1893, стр. I—153. (Приложеніе № 4 къ Циркуляру по управленію Кавказскимъ учебнымъ округомъ за 1893 г. Перепечатка изъ разныхъ томовъ Ж. М. Н. Пр. См. выше).

100. Всемірная сказка въ культурно-историческомъ освѣщеніи. Русская Мысль, 1893. Декабрь, стр. 207—229.

101. Матеріалы для исторіи былинныхъ сюжетовъ. XIV. Къ былинѣ о Ставрѣ Годиновичѣ. Этногр. Обозрѣніе, кн. XVIII (1893), стр. 53—73.

102. Рецензія XV, XVI и XVII вып. Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Журн. Мин. Нар. Просв. Январь, 1894. — Оттуда перепечатано въ Циркулярѣ по управленію Кавказскимъ учебнымъ округомъ за 1894 г., приложеніе № 7, стр. 1—30.

103. Статьи въ Энциклопед. Словарѣ, полутомъ 20—21: Евстафій Коловратъ, Ерусланъ Лазаревичъ, Евреи Горскіе. 1894.

104. Былинное преданіе въ Олонецкой губ. Русская Мысль, 1894. Мартъ.

105. Русскія былины старой и новой записи. Изд. подъ ред. Н. С. Тихонравова и В. Ѳ. Миллера. М. 1894, отд. II, стр. VIII+304.

106. Памяти Н. С. Тихонравова. Этнограф. Обозр., кн. XX, 1894, № 1, стр. 1—8.

107. Рецензія на изслѣдованіе В. Н. Перетца: Современная русская народн. пѣсня. Этногр. Обозр., кн. XX, 1894, № 1, стр. 136—140.

108. Наблюденія надъ географическимъ распространеніемъ былинъ. Ж. М. Н. Пр., 1894. Май, стр. 43—77.

109. Къ былинамъ о Вольгѣ и Микулѣ Селяниновичѣ. Ж. М. Н. Пр., 1894. Ноябрь, стр. 108—129.

110. Матеріалы для исторіи былинныхъ сюжетовъ XV. Преданія объ исцѣленіи Ильи Муромца. Этногр. Обозр., кн. XXII, (1894, № 3), стр. I—33.

111. Статьи въ Энциклопедич. Словарѣ Брокгауза и Эфрона: Жидята Лука, Иванъ Гостиный сынъ, Иванъ Даниловичъ, Иванъ Годеновичъ, Илья Муромецъ. Индрикъ звѣрь.

112. Замѣтки къ былинамъ: 1) Къ былинѣ о Хотѣнѣ Блудовичѣ; 2) Илья Муромецъ и Себежъ. Въ Журн. М. Н. Пр. 1895. Мартъ.

113. Къ былинамъ о Чурилѣ Пленковичѣ,—въ изд. „Починъ", Сборникъ Общ. Любит. Россійской словесности, М. 1895, стр. 286—302. И отдѣльнымъ оттискомъ въ 16 страницъ.

114. Статьи въ Энциклопед. Словарѣ Брокгауза-Эфрона: Іама, Кавказ. языки, Калевала, Калевипоегъ, Калики, Кама, Калинъ царь, Кладенецъ, Косоги, Колыванъ, Колывань, Кришна.

115. Статья о XVIII—XX выпускахъ Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Ж. М. Н. Пр. Іюнь, 1895. — Перепечатано въ приложеніи къ Циркуляру по управленію Кавказскимъ учебнымъ округомъ за 1895 г., № 8, стр. 1—32.

116. Сказка о насѣкомыхъ въ старинной записи. Этн. Обозр., кн. XXV, 1895, стр. 126—132.

117. Систематическое описаніе коллекцій Дашковскаго Этнографическаго Музея. Вып. IV, стр. II+108, М., 1895.

118. Русская былина, ея слагатели и исполнители. Русская Мысль, 1895. Сентябрь 143—160 и Октябрь, 1—19.

119. Къ былинѣ о Соловьѣ Будимировичѣ, Ж. М. Н. Пр. Ноябрь, 1895, стр. 57—76.

120. Къ былинамъ объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ. Ж. М. Н. Пр. Апрѣль, 1896, стр. 276—306.

121. Добрыня и рѣка Смородина. Этнограф. Обозрѣніе. кн. XXVIII 1896, № 1, 121—128.

122. Былины о Батыгѣ. „Починъ“, изд. Общ. люб. росс. слов. Москва, 1896.

123. Ассирійскія заклинанія и русскіе народные заговоры. Русская Мысль, 1896, кн. VII. Іюль, стр. 66—89.

124. Отголоски Галицко-волынскихъ сказаній въ современныхъ былинахъ. Ж. М. Н. Пр., 1896, № 6, стр. 280—326.

125. Новыя записи былинъ въ Якутской области. Этнографическое Обозр., кн. XXIX—XXX, 1896, №№ 2—3, стр. 72—106.

126. О книгѣ Е. Будде: Къ исторіи великорусскихъ говоровъ. Этнограф. Обозр., кн. XXXII, 1897, № 1, стр. 164—171.

127. Очерки русской народной словесности. Былины. I—XVI, М. 1897, стр. XIV+464.

128. Объ этнографической коллекціи П. Шимкевича. Торжеств. Засѣданіе М. Публ. и Румянц. музеевъ въ память гр. Н. П. Румянцова 3 апрѣля 1897 г. Москва. 1897, стр. 58—70 (съ рис.).

129. Викраморваши, драма Калидасы (съ санскритскаго), 1-й актъ, въ сборникѣ: Братская помощь пострадавшимъ въ Турціи Армянамъ. Москва. 1897.

130. О Сборникѣ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, вып. XXI и XXII. Ж. М. Н. Пр. 1897, № 10. Октябрь.

131. Рецензія Великорусскихъ народныхъ пѣсенъ, изд. проф. А. И. Соболевскимъ,— въ Извѣст. Отд. рус. яз. и словесности Имп. Акад. Наукъ, т. III, кн. 1-я. 1898.

132. Матеріалы для исторіи былинныхъ сюжетовъ. XVII. Олонецкая старинка о мѣстномъ силачѣ. Этн. Обозр., кн. XXXIX (1898 № 4), стр. 38—46.

133. Сказки Веталы. Изъ области восточнаго фольклора. Сборн. „Дѣло“, подъ ред. А. Н. Веселовскаго. Москва, 1899.

134. Памяти Ѳ. И. Буслаева въ Сборникѣ „Памяти Буслаева“. Изд. Учебн. Отдѣла Общ. распр. технич. знаній, 1898, стр. 5—42.

135. Къ былинѣ о сорока каликахъ со каликою. Ж. М. Н. Пр. 1899 г., Августъ, стр. 464—500.

136. Новыя записи былинъ въ Архангельской губ.,—въ Извѣст. Отд. рус. яз. и словесности Имп. Акад. Наукъ, т. IV (1899 г.), кн. 2-я, стр. 661—725. Оттискъ, Спб., 1899, 65 стр.

137. Пушкинъ, какъ поэтъ-этнографъ. Съ приложеніемъ неизданныхъ народныхъ пѣсенъ, записанныхъ А. С. Пушкинымъ, М., 1899, 63 стр. Отдѣльный оттискъ изъ XL—XLI кн. Этногр. Обозр. (1899 № 1—2), стр. 132—192.

138. Новыя записи былинъ изъ Якутской области. Извѣстія Отдѣл. русск. языка и словесности Имп. Акад. Наукъ, 1900 г. (печатается).

139. Новыя интерлюдіи XVIII в., тамъ же (печатается).

140. Очеркъ фонетики и морфологіи еврейско-татскаго языка, М. 1900 (печатается).

141. Лекціи по исторіи древняго Востока, читанныя на I курсѣ Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ въ 1899—1900 акад. году, М. 1900 г. Въ моментъ выхода Юбилейнаго Сборника въ свѣтъ отпечатано (лит.) 208 стр. „Лекцій“.

Примѣчаніе. Въ перечень не внесены многочисленные устные доклады В. Ѳ. Миллера въ засѣданіяхъ Этнографическаго Отдѣла И. О. Л. Е., А. и Этн.; содержаніе ихъ изложено вкратцѣ въ протоколахъ засѣданій Этногр. Отдѣла, часть которыхъ напечатана въ „Трудахъ“ Отдѣла (см. особенно кн. IV, VII и VIII). Таковы, напр., доклады: о семейномъ бытѣ Индіи Ведійскаго періода (IV, 13), о пѣсняхъ македонскихъ болгаръ по собранію Верковича (IV, 15), объ исторіи одной восточной сказки (ibid.), объ обрядѣ похоронъ мухъ и друг. насѣкомыхъ (IV, 20), о культѣ луны и солнца (IV, 23), объ угро-русскихъ пѣсняхъ по собранію Де-Воллана (VII, в. 1, стр. 9) и многіе другіе.

Богатырь перегоняетъ солнце.

БОЛГАРСКАЯ КОЛЯДСКАЯ ПѢСНЯ

изъ

„Взгляда на Слово о полку Игоревѣ"

Всеволода Өеодоровича Миллера.

(Привѣтствіе русскому ученому не разъ перегнавшему западныя свѣтила науки).

Датскій переводъ.

Hójt den kjække Svend sig roste
— O, min Jul, min Jul, du fagre
Sent en Kvæld i Legestuen
Mellem Móer og raske Svende:
Snelt, o snelt min Hest kan flyve,
Mere snelt end Solen rinder! —
Men det hórte Solens Sóster,
Fódt af Lys og guldhaarfager
Og hun taler til sin Broder:
Blanke Sol, min Slægt og Stolthed,
En Junak har talt imod dig
Sent ved Kvæld i Legestuen
Og hint aarle Gry ved Brónden:
Mere snelt min Hest kan flyve
Mere snelt end Solen rinder.—
Men sin Sóster svared Solen:
Sóster Guldhaar, du min Glæde,
Byd den unge Kriger móde
Aarle næste Morgen, aarle
Langt herfra i Qsterlede,
Hvor det unge Daggry tændes,
At i Kaplób vi maa kappes.
Hvis i Lóbet Svenden vinder,
Vinder han min fagre Sóster,
Men om jeg naaer fórst til Maalet
Tager jeg hans gode Ganger.—
Bort til Svenden gik hin Jomfru;
Ved den klare Kilde aarle

Нѣмецкій переводъ.

Rühmte sich ein edler Knabe.
O du schöne, schöne Weihnacht! [1])
Neulich spät beim Wollespinnen
Vor den Jünglingen und Jungfraun,
Schneller als die goldne Sonne
Sei sein gutes Ross im Fluge.
Dieses hört der Sonne Schwester,
Sie, die herrlichste der Jungfraun,
Und zur Schwester hingewendet
Spricht sie zürnend diese Worte:
„Sonne, Sonne, liebe Schwester,
Ein verwegner Knabe rühmt sich,
Schneller als die goldne Sonne
Sei sein gutes Ross im Fluge".
Und die Sonne spricht zur Schwester:
„Geh' zum Knaben, liebe Schwester,
Lad' ihn her zu mir nach Osten,
Auf die weite, weite Reise.
Früh am Morgen wollen beide
Wir dann um die Wette reiten,
Wer den andern überholet,
Wer zuerst am Ziele anlangt.
Wenn er mich besiegt, erhält er
Dich, mein Schwesterlein, zum Lohne,
Doch wenn ich ihn überjage,
Nehm' ich ihm sein gutes Rösslein".
Eilig ging der Sonne Schwester
Um die Morgenzeit zum Brunnen,

[1]) Этотъ припѣвъ повторяется въ подлинникѣ послѣ каждаго стиха.

Fandt hun ham i Morgenstunden
Og hun kvad med stille Stemme:
Min Junak, mit Hjertes Glæde,
Smyk din Hest med gylden Mile
Og flyv bort til Qsterlede,
Hvor det unge Daggry tændes
At et Kaplób du maa ride
Med den blanke Sol og sejre
Og mig Fyrstejomfru vinde.—
Glad blev da den raske Kriger,
Brat han svang sig op i Sadlen
Og flój bort til Qsterlede
Ind i Vædderidt med Solen.
Hej, fór Davre var til Ende
Havde Svenden naaet til Middag,
Men da raabte Solen til ham:
Tóv nu lidt, Junak, og vent mig
Vent mig under Middagshimlen
Ved det store Træ i Skyggen.
Da sprang Svenden ud af Sadlen
Tójred Hesten ved sin Landse
Og sov ind i Træets Skygge.
Men i Fart sig Solen satte
Langt den randt ud over Middag
Henad imod Vesperbónnen
Men da slog hans Hest med Hoven:
Vaagn, vaagn op, Junak, og rap dig,
Ellers er jeg Hest hos Solen!
Op sprang Svenden, greb i Tójlen,
Greb deri og fældte Taarer
Men den rappe Hest ham trósted:
Ven og Herre, græd nu ikke
Sid du heller fast i Sadlen
Drag din Brystdug frem af Barmen,
Bind den Dug for dine Qjne,
Og snór Hjertet fast med Bæltet,
At dit Hoved ej skal svimle.—
Hej, fór Solen saa sit Guldslot
Vented Hest og Svend ved Slottet!
Men i Porten stod en Jomfru,
Solens guldhaarfagre Sóster,
Og hun klapped Hestens Manke
Og i Favn hun tog sin Brudgom.

Thor Lange.

Und zum edlen Knaben sprach sie
Leise, leise diese Worte:
„Steig' auf's Rösslein, edler Knabe,
Reite fern gen Sonnenaufgang,
Überhol' die goldne Sonne,
Nimm ihr Schwesterlein zum Lohne!"
Auf sein Rösslein sprang der Knabe.
Ritt zur Sonne fern gen Osten,
Und der Knabe mit der Sonne
Jagten beide um die Wette.
Eh' die Sonne im Südosten,
War das Ross schon hoch im Süden,
Und es rief die goldne Sonne:
„Eile nicht so, edler Knabe,
Wart' ein wenig dort im Süden
Unterm Schatten jenes Nussbaums!"
Ab vom Rosse sprang der Knabe,
Stiess die Lanze in die Erde,
Band das Rösslein an den Nussbaum,
Legte sich und fil in Schlummer.
Bald nun kam die goldne Sonne
An die Stelle, wo der edle
Knabe schlief im heissen Mittag,
Und sie eilt behende weiter.
Schon zur Vesper ruft das Glöcklein,
Doch der Knabe schläft noch immer.
Ungeduldig scharrt das Rösslein,
Stampft die Erde mit den Hufen,
Wiehert laut und spricht zum Knaben:
„Wache auf, du edler Knabe,
Hast dein gutes Ross verloren!"
Auf das Rösslein steigt der Knabe
Und vergiesst viel heisse Thränen.
Doch es tröstet ihn sein Rösslein:
„Weine nicht, du edler Knabe,
Greife lieber in den Busen,
Zieh' daraus zwei feine Tüchlein!
Bind'das eine um die Augen,
Um die muthge Brust das andre,
Dass die Zweiglein sie nicht ritzen,
Dass kein Ästlein ihnen schade!"
Ausgreift nun das edle Rösslein,
Pfeilschnell fliegt's am Himmelsbogen.
Lang noch eh' die Sonn im Westen,
Ist der Knabe schon am Ziele.
Ihn begrüsst der Sonne Schwester,
Sie, die herrlichste der Jungfraun,
Nimmt das edle Ross beim Zügel,
Führt es auf den weiten Hof.

Philipp Trilling.

Приходъ кобзаря въ село.

(Изъ неоконченной поэмы Шевченка: „Черныця Марьяна“).

(Посвящается Вс. Ѳ. Миллеру).

За деревней въ воскресенье
Дивчата гуляли,
Да шутили съ паробками,
Пѣсни запѣвали—

***

Про забавы, вечерницы,
Да про мать крутую,
Что съ козакомъ не пускаетъ
Стоять молодую.

***

Ужъ извѣстно, вѣдь, дивчата
Поютъ, кто что знаетъ...
Глядь, а шляхомъ старый съ малымъ
Идутъ—ковыляютъ.

***

Слѣпой—съ кобзой, за плечами—
Сумка холщевая,
А ведетъ его ребенокъ—
Въ чемъ душа живая:

***

Весь въ лохмотьяхъ, еле-еле
Ножками ступаетъ.
— „Смотри, смотри! Кобзарь идетъ!"—
Всѣ бѣгутъ—встрѣчаютъ.

***

Мигомъ бросили и парней,—
Дѣда окружили:
— „Сердце-дѣдушка! Голубчикъ!"
Всѣ заголосили.

***

„Поиграй намъ, любый дѣдко,
„А мы потанцуемъ;
„Мы тебѣ дадимъ и вишенъ,
„И меду добудемъ.

***

„Ну же, дѣдушка, садися!"
— „Слышу, голубятки!
— „Спасибо вамъ, мои дѣтки,
— „За рѣчи за сладки.

***

— „Я бъ сыгралъ вамъ, да, смотрите,
— „Кобза поломалась,
— „Какъ игралъ вчера".—„А струны?"
— „Только три осталось".

***

„Хоть на трехъ сыграй, дѣдуню!"
— „На трехъ? Ахъ, вы, крали!
— „Было время—да прошло ужъ—
— „На одной играли!

***

— „Ну, постойте, мои дѣтки,
— „Отдохну немного.
— „Садись, хлопче!" Посидѣли.
Изъ мѣшка убогій—

***

Вынулъ кобзу, разъ ударилъ
По струнамъ, по рванымъ:
— „Что же спѣть вамъ? Вы слыхали
— „Черницу Марьяну?

***

— „Нѣтъ? Не знаете? Такъ слушать!
— „Да запоминайте:
— „Даромъ пѣсня не поется,—
— „Про себя гадайте!“...

А. Грузинскій.

НАЧАЛЬНЫЙ КІЕВСКІЙ ЛѢТОПИСНЫЙ СВОДЪ

и

ЕГО ИСТОЧНИКИ.

Сравнительное изученіе „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ и первой части (до 1074-го года включительно) Новгородской 1-й лѣтописи по той редакціи ея, которая сохранилась во всѣхъ спискахъ, кромѣ древнѣйшаго — Синодальнаго, показываетъ, что въ основаніе лѣтописнаго свода начала XII вѣка, озаглавленнаго „Повѣсти временныхъ лѣтъ“, положенъ другой, болѣе древній сводъ, сохранившійся до насъ въ *позднѣйшей* передѣлкѣ и съ *позднѣйшими* добавленіями въ указанной редакціи Новгородской 1-й лѣтописи [1]). Доказательствами независимости этого свода, который я называю Начальнымъ сводомъ, отъ Повѣсти временныхъ лѣтъ, кромѣ самаго его содержанія, могутъ служить: 1) самостоятельная хронологія, а именно древнѣйшія даты этого свода — 854-й, 920-й, 922-й гг.—нельзя вывести изъ Повѣсти временныхъ лѣтъ, въ которой имъ соотвѣтствуютъ годы: 866-й (походъ Аскольда и Дира) и 862-й (призваніе варяговъ), 941-й (походъ Игоря на Царьградъ), 907-й (походъ Олега на Царьградъ); 2) самостоятельное пользованіе нѣкоторыми источниками: такъ, событія 854-го и 920-го гг., восходящія къ греческой хроникѣ, внесены въ Начальный сводъ не изъ Повѣсти временныхъ лѣтъ, а изъ другого источника: это видно, для разсказа о первомъ походѣ русскихъ на Царьградъ, — разсказа, восходящаго къ продолжателю Амартола, изъ того, что въ немъ, вопреки Повѣсти временныхъ лѣтъ, не названы русскіе князья Аскольдъ и Диръ, а также изъ того, что разсказъ вводится такимъ началомъ, котораго нѣтъ въ названномъ сводѣ начала XII вѣка: „В си же времена бысть въ Грѣчкой земли царь, именемъ Михаилъ, и мати его Ирина, иже проповѣдаеть покланяніе иконамъ въ пръвую недѣлю поста“. Начало это, конечно, также извлечено изъ продолжателя Амартола, при чемъ Ирина (мать Константина) ошибочно замѣнила Θеодору греческой хроники: ср. въ хроникѣ Амартола по списку Ундольскаго № 1289: „Феодора... простославноу вѣроу оутверди и святыхъ иконъ поклоненіе проповѣдавь. в первоую недѣлю святаго поста“ (л. 353-й). Въ Повѣсти временныхъ лѣтъ ничего не говорится ни объ Иринѣ, ни о Θеодорѣ, а соотвѣтствующія Начальному своду мѣста въ Софійской 1-й лѣт. (П. С. Р. Л. V, 88), Новгородской 4-й (рук. Синод. библ. № 152), Воскресенской (VII, 269: при этомъ въ нѣкоторыхъ спискахъ Ирина замѣнена Θеодорой), Тверской (XV, 31: вм. Ирины — Θеодора) восходятъ къ Новгородской 1-й лѣтописи. Кромѣ того, въ Начальномъ сводѣ, въ разсматриваемомъ разсказѣ, читаемъ: „таче святѣй Богородици ризу изънесъше, *въ море скудь* омочиша“, что соотвѣтствуетъ тексту Амартола: „таче божествѣноую святыа Богородици ризоу с пѣсньми изнесше, *в мори скоуть* омочивше“ (Унд. № 1289, л. 358 об.); во всѣхъ спискахъ Повѣсти временныхъ лѣтъ (Лавр. и сходн., Ипат., Переясл., а изъ Повѣсти временныхъ лѣтъ также въ спискахъ Соф. 1-й лѣт.) читаемъ: „таже божественую святыя Богородица ризу с пѣсньми изнесъше *в рѣку* омочиша“ [2]). Трудно сомнѣваться въ томъ, чтобы чтеніе *в рѣкоу* не было результатомъ непониманія значенія

[1]) Ср. въ Чтеніяхъ Общ. ист. и др. росс. за 1897 г. — „О начальномъ Кіевскомъ лѣтописномъ сводѣ“.

[2]) Хлѣбник. сп. поправляетъ: въ море. Та же поправка въ Тверск., Воскр. вызвана слѣдующими затѣмъ словами: и морю укротившюся...

слова *скоутъ*, вслѣдствіе чего *в морескоутъ* замѣнено: *в рѣкоу*. Ясно вмѣстѣ съ тѣмъ, что составитель Начальнаго свода пользовался не Повѣстью временныхъ лѣтъ, а какимъ-то первоисточникомъ.

То же вытекаетъ изъ разсмотрѣнія разсказа 920 года о походѣ Игоря на грековъ: его нельзя возвести къ Повѣсти временныхъ лѣтъ, даже предположивъ умышленное опущеніе тѣхъ мѣстъ, которыя въ Повѣсти восходятъ не къ Амартолу, а къ Житію Василія Новаго [1]); дѣйствительно, фразу: „і абіе посла Романъ царь патрикыя Феѳана съ вои на Русь", которую читаемъ въ Начальномъ сводѣ, нельзя было извлечь изъ Повѣсти временныхъ лѣтъ, такъ какъ Ѳеофанъ ни въ одномъ спискѣ не названъ патрикіемъ [2]); между тѣмъ у Амартола находимъ: „посланъ же бысть на нихъ... патрикій Ѳеофанъ".

Итакъ, я считаю доказаннымъ, что составитель Начальнаго свода для разсказовъ о греко-русскихъ событіяхъ пользовался не Повѣстью временныхъ лѣтъ, а какимъ-то первоисточникомъ, т.-е. хроникою Амартола или въ отдѣльномъ ея видѣ, или въ составѣ какой-нибудь хронографической компиляціи.

Отсюда съ необходимостью слѣдуетъ какъ то, что Начальный сводъ и въ разсказахъ о русскихъ событіяхъ независимъ отъ Повѣсти временныхъ лѣтъ, такъ и то, что общія мѣста между нимъ и Повѣстью временныхъ лѣтъ свидѣтельствуютъ о томъ, что Начальный сводъ былъ однимъ изъ источниковъ Повѣсти временныхъ лѣтъ. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что почти весь лѣтописный разсказъ свода начала XII в. восходитъ къ древнему своду конца XI вѣка, сохранившемуся въ Новгородской 1-й лѣтописи. Не стану останавливаться на цѣломъ рядѣ имѣющихся на то указаній и ограничусь ссылкой на слѣдующее мѣсто. Подъ 946 годомъ мы читаемъ въ Начальномъ сводѣ между прочимъ: „И побѣдиша Древляны, и возложиша на нихъ дань тяжку". Та же фраза находится въ Повѣсти временныхъ лѣтъ, но она разбита вставкою разсказа о третьей и послѣдней мести Ольги; дѣйствительно, въ Лаврентьевскомъ спискѣ, послѣ словъ: „И побѣдиша Деревляны", читаемъ: „Деревляне же побѣгоша и затворишася въ градѣхъ своихъ" и т. д. до словъ: „а прокъ ихъ остави платити дань"; только за этимъ: „И възложиша на ня дань тяжку". Что мѣсто отъ „Деревляне же побѣгоша" до „апрокъ ихъ остави платити дань" должно быть признано вставкой, видно какъ изъ того, что *възложиша* согласовано не съ *остави*, а съ *побѣдиша* предшествующаго отрывка, гдѣ дѣло идетъ объ Ольгѣ, Святославѣ и ихъ войскѣ, такъ и изъ того, что побѣжденнымъ Древлянамъ нельзя было бы затвориться въ градѣхъ, а лѣтописцу не зачѣмъ было два раза повторять объ обложеніи ихъ данью („апрокъ ихъ остави платити дань. И възложиша на нихъ дань тяжку"). Отсюда ясно, что въ Начальномъ сводѣ сохранилось первоначальное чтеніе, а въ Повѣсти временныхъ лѣтъ — распространенное вставкой.

Весьма важно рѣшить, откуда заимствованы въ Начальный сводъ оба разсказа о греко-русскихъ событіяхъ: непосредственно ли изъ Амартола или изъ хронографической компиляціи, въ составъ которой вошелъ текстъ греческой хроники. Думаю, что составитель Начальнаго свода не пользовался самою хроникой Амартола: въ этомъ убѣждаютъ хронологическія даты при греко-русскихъ событіяхъ. Можно ли было бы извлечь изъ продолжателя Амартола указаніе на то, что первый походъ Руссовъ случился въ 6362 (854) г., а походъ Игоря въ 6428 (920) г.? Конечно, нѣтъ; при походѣ Руссовъ въ царствованіи Романа въ греческой хроникѣ былъ указанъ 14-й индиктъ (Унд. № 1289: иоуня же мѣсяца 18 день 14 индиктъ, ср. изд. Муральта, с. 841, прим.); сообразивъ по Амартолу, что этотъ походъ случился послѣ 6428 (920) года, такъ какъ этотъ годъ приведенъ за нѣсколько страницъ выше (ср. Унд. № 1289: в лѣто 6428 индикта 8 геноуариа мѣсяца въ 6 святыхъ Богоявленіи день вѣнчаеть царь Феодороу женоу его царицею), сопоставивъ 14-й индиктъ съ приведенными непосредственно передъ этимъ индиктомъ седьмымъ (первый походъ Угровъ на Царьградъ), вторымъ (походъ Симеона) и восьмымъ (вѣнчаніе Ѳеодоры въ 6428 г.), составитель Повѣсти временныхъ лѣтъ правильно высчиталъ, что если 8-й индиктъ приходился на 6428 г. (вступленіе Романа на царство), то

---

1) *А. Н. Веселовскій*, Журн. Мин. Нар. Пр. 1889 г., январь.

2) Соотвѣтствующія Начальному своду чтенія въ Софійской 1-й, Новгородской 4-й, Воскресенской, Тверской и др. обязаны позднѣйшимъ заимствованіемъ изъ Еллинскаго лѣтописца 2-й редакціи.

2-й индиктъ — на 6437 г., 7-й индиктъ на 6442 г. и, наконецъ, 14-й индиктъ на 6449 (941) г. подъ этимъ годомъ онъ и разсказалъ о неудачномъ походѣ Игоря. Отсюда видно, что составителю Начальнаго свода невозможно было бы вывести изъ текста продолжателя Амартола будто неудачный походъ Руссовъ случился въ 6428 (920) г.; счетъ индиктовъ не позволилъ бы ему сдѣлать такую ошибку.

Въ виду этого я останавливаюсь на мысли, что составитель Начальнаго свода пользовался такою хронографическою компиляціей, изъ которой можно было заключить, что походъ Руссовъ случился въ 6428 (920) году.

Въ одной изъ древнѣйшихъ хронографическихъ компиляцій — въ хронографѣ Троице-Сергіевской лавры № 728, относящемся, по опредѣленію Н. П. Лихачева, къ самому началу XV вѣка, мы читаемъ на л. 392: „по костянтинѣ же цесарствова. ромонъ. поставленъ костянтиномь царемь . и николою патриархомь . в лѣто . 6428 . индикъта . иоуня же мѣсяца . въ 5 день . придоша роусь на царьградъ . в лодияхь . тысящь 10“, и т. д. Это мѣсто основано несомнѣнно на текстѣ Амартола, но, благодаря сокращенію и опущенію всего разсказа о событіяхъ первыхъ двадцати лѣтъ Романова царствованія, изъ него вытекало, что Русь напала на Царьградъ въ тотъ самый годъ, когда началъ царствовать Романъ, т.-е. въ 6428 (920) году. Такимъ образомъ, для насъ открывается возможность утверждать, что составитель Начальнаго свода извлекъ греко-русскія событія изъ протографа рукописи Троице-Сергіевской лавры № 728. Такое заключеніе находитъ основаніе и въ томъ еще обстоятельствѣ, что предшествующую 6428-му году хронологическую дату — 6362 (854) годъ легко понять какъ результатъ пользованія тѣмъ же памятникомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что 6362-й годъ означаетъ въ Начальномъ сводѣ годъ вступленія на царство Михаила, при которомъ, согласно съ разсказомъ продолжателя Амартола, произошло первое нападеніе Руси на Царьградъ: этотъ годъ легко было высчитать на основаніи протографа рукописи Троице-Сергіевской лавры № 728, исходя именно изъ того, что 6428-й годъ — это годъ вступленія на царство Романа. Для этого стоило только вычесть изъ 6428 общую сумму царствованій каждаго изъ предшественниковъ Романа, включительно до самого Михаила: составитель Начальнаго свода получилъ сумму 66-и лѣтъ [1]) и, отнявъ отъ 6428 цифру 66, получилъ въ результатѣ 6362-й годъ, какъ годъ вступленія Михаила на царство. Такой расчетъ могъ быть сдѣланъ тѣмъ удобнѣе, что весь разсказъ о Михаилѣ и послѣдующихъ императорахъ, вплоть до Романа, умѣщался въ оригиналѣ № 728-го, какъ умѣщается и въ немъ самомъ, на двухъ или трехъ столбцахъ. Ниже я приведу еще одно соображеніе, доказывающее, что составитель Начальнаго свода пользовался протографомъ № 728, а теперь, въ виду сдѣланнаго, пока еще предположительно, вывода, остановлюсь на содержаніи указанной рукописи Троице-Сергіевской лавры для опредѣленія ея литературнаго характера.

Въ началѣ рукописи помѣщены книги Священнаго Писанія Ветхаго Завѣта: Іисуса Навина [2]), Судей, Царствъ—первая, вторая, третья и часть четвертой (до 21-го ст. XIII главы включительно); затѣмъ, безъ особаго заглавія, слѣдуютъ замѣтки и статьи, заимствованныя изъ хроники Амартола и читаемыя вперемежку съ длинными выписками изъ книги прор. Даніила съ толкованіями (главы II—IV, VII, V, IX—XI, XIV). Лл. 275—338 заняты Александріею; остальная же часть рукописи содержитъ систематическія, хотя и весьма сокращенныя, выписки изъ Амартола, среди которыхъ встрѣчаются шесть или семь отрывковъ, восходящихъ къ хроникѣ Іоанна Малалы (при изложеніи древнѣйшей исторіи Рима), а также нѣсколько апокрифовъ (напр., начиная съ л. 353-го — Дѣянія ап. Петра и Павла) и отдѣльныхъ сказаній (о рожденіи Константина Великаго, о построеніи Византіи, объ основаніи храма св. Софіи). Выписки изъ продолжателя Амартола оканчиваются смертью императора Романа (л. 392 об.); за ними слѣдуютъ

[1]) Вмѣсто ожидаемой суммы въ 68 (Константинъ до Романа 7 лѣтъ, Александръ 1 г., Левъ 25 л. и 8 м., Василій 19 л., Михаилъ съ Василіемъ 1 г. и 4 м., Михаилъ одинъ 10 л., Михаилъ съ матерью Ѳеодорою 4 г.): очевидно, не были приняты во вниманіе мѣсяцы и, можетъ быть, опущенъ одинъ годъ совмѣстнаго царствованія Михаила съ Василіемъ.

[2]) Начало рукописи утрачено: оно содержало, можетъ быть, Пятикнижіе; начало книги Іисуса Навина было также утрачено, вслѣдствіе чего первыя шесть главъ этой книги позднѣйшимъ собственникомъ рукописи (середины XV в.) изложены согласно съ Толковой Палеей (ср. изданіе Палеи, столб. 648—662).

двѣ краткія замѣтки о русскихъ событіяхъ — о походѣ Олега на Царьградъ и о крещеніи Владиміра съ указаніемъ 6496 (988) года.

По содержанію своему Троице-Сергіевскій хронографъ сближается прежде всего съ знаменитою рукописью собранія Ундольскаго № 1, содержащею въ началѣ библейскія книги, затѣмъ выписки изъ Амартола въ соединеніи съ пророчествами Даніила, далѣе Александрію, наконецъ выборки изъ Амартола съ тѣми же, повидимому, вставками, какія отмѣчены выше въ Троице-Сергіевскомъ хронографѣ. Начиная съ 419 л., находимъ рядъ статей, ничего общаго съ нашимъ хронографомъ не имѣющихъ. Сближеніе Троицкой рукописи № 728 и рукописи Ундольскаго № 1 уже сдѣлано Истринымъ, указавшимъ въ своемъ изслѣдованіи объ Александріи русскихъ хронографовъ (с. 248 и сл.) на сходство оригинальной по своему составу редакціи Александріи въ обоихъ этихъ памятникахъ. Судя по даннымъ, приведеннымъ Истринымъ, я заключаю о тожествѣ текста Александріи въ Троицк. № 728 и Ундольск. № 1, а основываясь на описаніи Викторова (Славяно-русск. рукописи В. М. Ундольскаго, с. 1—9) и на замѣткѣ Истрина объ общей въ обѣихъ рукописяхъ статьѣ о смерти Даніила пророка (Александрія русск. хроногр., с. 185), я вывожу заключеніе о сходствѣ всей части, слѣдующей за ветхозавѣтными книгами, въ Троицк. № 728 и Ундольск. № 1 (общее начало: По гофолии же цесарьствова иоасъ. сынъ охозиинъ. сыи лѣтъ 20, въ Троицк. № 728 на л. 254, а въ Ундольск. № 1 на л. 317). Это обстоятельство дѣлаетъ вѣроятнымъ, что обѣ рукописи восходятъ къ одному общему оригиналу, содержавшему въ первой части библейскія книги, а во второй хронографъ. Предполагаемый оригиналъ исправнѣе переданъ въ Ундольск. № 1, между тѣмъ какъ въ Троицк. № 728 библейскій текстъ нѣсколько сокращенъ, а кромѣ того въ немъ опущены: бо́льшая часть 4-й книги Царствъ, книга Есѳирь и книги Соломоновы (что касается Пятикнижія, то оно, какъ замѣчено выше, могло и быть въ утраченной части рукописи).

Составъ общаго для Троицк. № 728 и Ундольск. № 1 оригинала сближаетъ его съ тѣмъ памятникомъ, который А. Н. Поповъ назвалъ 2-ю редакціею Еллинскаго лѣтописца: дѣйствительно, большинство дошедшихъ до насъ списковъ этого памятника въ существенныхъ чертахъ сходится со списками Троицк. № 728, Ундольск. № 1 и предполагаемымъ общимъ для нихъ оригиналомъ. Такъ, въ спискѣ Кириллобѣлозерскаго монастыря № 1 (нынѣ Спб. Духовной Академіи № $^{1}/_{6}$) и въ составляющемъ его продолженіе Синодальномъ спискѣ № 86 читаемъ сначала ветхозавѣтныя книги, именно *всѣ* тѣ, которыя помѣщены въ Ундольск. № 1, кромѣ книгъ Соломоновыхъ [1]); затѣмъ слѣдуютъ выписки изъ книги прор. Даніила съ толкованіями (главы: XIII, I—V, VII, VIII, VI, X—XII, XIV), между которыми находятся отрывки, восходящіе не только къ Амартолу (какъ въ Троицк. № 728), но и къ Іоанну Малалѣ, а также и къ нѣкоторымъ другимъ источникамъ; вслѣдъ за повѣствованіемъ о древнѣйшихъ событіяхъ римской исторіи (помѣщенныхъ въ Троицк. № 728-Ундольск. № 1 за Александріею), находимъ здѣсь Александрію, которая въ первой половинѣ своей вполнѣ тожественна съ отмѣченною выше редакціей Троицк.-Ундольскаго. За Александріей помѣщенъ историческій разсказъ, доходящій, какъ и въ Троицк.-Ундольск., до смерти Романа, при чемъ, отличаясь отъ разсказа названныхъ списковъ обширными вставками изъ Малалы, онъ сходится съ ними въ томъ, что сохраняетъ въ текстѣ Амартола тѣ же вставки, которыя находятся въ спискахъ Троицк. и Ундольск.: ср. въ царствованіи Константина Великаго разсказъ о взятіи Византіи (Обзоръ Попова, вып. 1-й, с. 86), въ царствованіи Іустиніана—сказаніе о созданіи церкви св. Софіи въ Константинополѣ (тамъ же, с. 87) и др.

Въ виду этой близости Троицк. № 728 и Ундольск. № 1 къ спискамъ Еллинскаго лѣтописца 2-й редакціи, я считаю себя въ правѣ признать ихъ общій оригиналъ спискомъ Еллинскаго лѣтописца. Этотъ выводъ неминуемо поведетъ насъ къ изслѣдованію литературной судьбы Еллинскаго лѣтописца. Но, не желая отвлекаться отъ главной цѣли, которую имѣетъ въ виду настоящая статья, я изложу здѣсь одни только конечные результаты моей работы надъ Еллинскимъ лѣтописцемъ.

---

[1]) И между прочимъ также книга Есѳирь, не отмѣченная въ описаніи А. Н. Попова (Обзоръ хроногр., вып. 1 й, с. 74).

Въ X вѣкѣ приблизительно была составлена въ Болгаріи обширная энциклопедія, въ которую вошло нѣсколько только что переведенныхъ съ греческаго языка памятниковъ, какъ-то: ветхозавѣтныя историческія книги, нѣкоторыя изъ книгъ пророческихъ и между прочимъ Даніила прор. съ толкованіями Ипполита, хроника Георгія Амартола и его продолжателя, хроника Іоанна Малалы со вставленною въ нее Александріею, близкою къ греческой редакціи В; затѣмъ слѣдовали: Александрія особаго состава и нѣкоторыя другія статьи. Въ XI-мъ вѣкѣ эта энциклопедія перешла къ намъ въ Россію и вскорѣ породила рядъ оригинальныхъ компиляцій, которыя можно назвать редакціями Еллинскаго лѣтописца: задача компиляторовъ состояла въ извлеченіи и комбинированіи того матеріала, который заключался въ разныхъ частяхъ названной энциклопедіи. Одна изъ компиляцій оставила почти совсѣмъ въ сторонѣ ветхозавѣтныя книги и хронику Амартола, но, обработывая хронику Малалы, снабдила ее вставками изъ двухъ (третьей и четвертой) книгъ Царствъ и изъ нѣкоторыхъ недостающихъ у Малалы повѣствованій Амартола; текстъ Александріи снабженъ вставками изъ Амартола и изъ Александріи особаго состава, и т. д. Эта компиляція соотвѣтствуетъ тому памятнику, который А. Н. Поповымъ названъ Еллинскимъ лѣтописцемъ 1-й редакціи. Другая компиляція, напротивъ, держалась ветхозавѣтныхъ книгъ и Амартола, но дополнила ихъ, а въ особенности хронику Амартола, на основаніи Іоанна Малалы; между прочимъ изъ Малалы взятъ текстъ Александріи, совершенно, впрочемъ, переработанный на основаніи Александріи особаго состава, и т. д. Это такъ называемая 2-я редакція Еллинскаго лѣтописца. Одною изъ древнѣйшихъ компиляцій, и притомъ независимою ни отъ 1-й ни отъ 2-й изъ указанныхъ редакцій, я считаю протографъ списковъ Троицк. № 728 и Ундольск. № 1. Компиляторъ обратилъ въ Еллинскомъ лѣтописцѣ особенное вниманіе на ветхозавѣтныя книги, но дополнилъ ихъ, какъ Александріею (извлеченною изъ текста Малалы и въ первой части снабженною рядомъ вставокъ и дополненій, уже попавшихъ въ оригиналъ, въ видѣ приписокъ и отмѣтокъ на поляхъ, изъ Александріи особаго состава), такъ и краткимъ историческимъ повѣствованіемъ, извлеченнымъ изъ Амартола и лишь частью изъ Малалы. Между прочимъ любопытно, что компиляторъ обратилъ особое вниманіе, съ одной стороны, на церковно-историческія событія: вотъ почему съ особенною подробностью здѣсь передаются разсказы, касающіеся распространенія христіанства, вселенскихъ соборовъ, еретическихъ ученій и проч.; съ другой стороны, на греко-русскія отношенія: вотъ почему послѣ длиннаго разсказа о Львѣ Армянинѣ (иконоборцѣ) находимъ краткія замѣтки о царствованіи Михаила Самарянина (вм. Аморейскаго) и Ѳеофила (о которомъ, впрочемъ, замѣчено, что онъ былъ святымъ досадитель и проч.); между тѣмъ царствованіе Михаила, сына Ѳеофила, занимало, судя по Троицк. № 728, около двухъ столбцовъ, при чемъ, послѣ разсказа о возстановленіи православія, точно передавалось описаніе нашествія Руссовъ по продолжателю Амартола. Слѣдующимъ царствованіямъ Василія, Леона, Александра и Константина было посвящено всего по нѣскольку строкъ; но царствованіе Романа, судя по Троицк. № 728, занимало около двухъ столбцовъ, и именно потому, что здѣсь со всею подробностью передавался разсказъ продолжателя Амартола о неудачномъ походѣ русскихъ на Константинополь. Замѣчательно при этомъ, что разсматриваемая редакція Еллинскаго лѣтописца—протографъ Троицк. № 728 и Ундольск. № 1, передаетъ греко-русскія событія безъ всякихъ добавленій къ тексту продолжателя Амартола: такъ же передаетъ ихъ такъ называемая 1-я редакція Еллинскаго лѣтописца, между тѣмъ какъ 2-я вставляетъ въ первый разсказъ имена Аскольда и Дира, а второй разсказъ представляетъ въ ней соединеніе нашей лѣтописи—Повѣсти временныхъ лѣтъ съ Амартоломъ (ср. Поповъ, Обзоръ, вып. 1-й, сс. 89, 91). Не слѣдуетъ ли отсюда, что составитель протографа Троицк.-Ундольск. не былъ знакомъ ни съ Повѣстью временныхъ лѣтъ, ни съ Начальнымъ сводомъ, гдѣ походъ 6428 (920) года прямо связанъ съ именемъ Игоря? Но этотъ составитель несомнѣнно пользовался русскою лѣтописью: это видно изъ того, что за смертью Романа имъ внесены двѣ лѣтописныя статьи о русскихъ событіяхъ. Статьи эти, полностью помѣщаемыя въ подстрочномъ примѣчаніи [1]), по содержанію своему и даже по способу

[1]) Троицк. № 728, л. 392 об., послѣ словъ: „романъ же царь въ старости оумре“—и придоша по семь роусь на царьградъ со княземь своимъ с олгомъ в лодьяхъ. мьножьствоу много. и покрыша море костантине. воиже въ ставиша лодья на колахъ, въздѣша пароусы. вѣтроу соущю великоу. по соухоу взимахоуся лодья. они же затвориша врата градьная выслаша дары многи. злато и паволоки. мира просящи. роусь же створиша миръ. отстоупиша въ своиси. по малѣ же лѣтъ,

изложенія, связываются съ соотвѣтствующими статьями Повѣсти врем. лѣтъ (907 и 988 гг.) и Начальнаго свода (922 и 988 гг.). Но самое мѣсто, которое первая изъ этихъ статей занимала въ протографѣ Троицк.-Ундольск., убѣждаетъ въ томъ, что составитель этого протографа не пользовался ни Повѣстью врем. лѣтъ, ни Начальнымъ сводомъ, такъ какъ изъ того и изъ другого лѣтописнаго свода ясно, что походъ Олега имѣлъ мѣсто не послѣ 6454 г. (начало самодержавія Константина: этотъ годъ сохранился въ Троицк № 728 и соотвѣтствуетъ приведенному у продолжателя Амартола году, ср. изд. Муральта, с. 848, прим.), а гораздо раньше—по Повѣсти вр. лѣтъ въ 6415 г., при Леонѣ и Александрѣ, а въ Начальномъ сводѣ въ 6430 г. Но если составитель протографа Троицк.-Ундольск. не зналъ ни Повѣсти вр. лѣтъ, ни Начальнаго свода, то какая же другая лѣтопись могла послужить источникомъ для указанной приписки? Несомнѣнно, что въ этой лѣтописи, во 1-хъ, походу Олега на грековъ не предшествовали другіе разсказы о греко-русскихъ событіяхъ; равнымъ образомъ въ ней не говорилось о несчастномъ походѣ Игоря, такъ какъ иначе имя Игоря было бы вставлено въ разсказъ Амартола; во 2-хъ, въ этой лѣтописи древнѣйшія событія нашей исторіи были изложены безъ хронологическихъ данныхъ: если бы походъ Олега былъ пріуроченъ къ извѣстному году, составитель протографа Ундольск.-Троицк. не помѣстилъ бы его послѣ 6454 (946) г.

Не служатъ ли оба эти обстоятельства признаками древности и первоначальности лѣтописи, бывшей источникомъ протографа Ундольск.-Троицк.? Нѣтъ сомнѣнія, что нѣкоторыя части нашей древней лѣтописи были первоначально изложены безъ хронологическихъ данныхъ, вставленныхъ уже при позднѣйшей обработкѣ. Равнымъ образомъ мы имѣемъ основаніе признавать разсказы о греко-русскихъ событіяхъ до похода Олега позднѣйшими вставками въ русскую лѣтопись. Дѣйствительно, разсмотрѣніе Начальнаго свода ясно доказываетъ, что разсказъ о первомъ походѣ Руссовъ на Царьградъ—вставка въ сплошной разсказъ о русскихъ событіяхъ: сначала повѣствуется о Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ и о построеніи Кіева; затѣмъ говорится о Полянахъ; мы ждали бы продолженія разсказа въ отрывкѣ, начинающемся словами: „по сихъ лѣтехъ братіа сіи изгибоша и быша обидими Древляны и инѣми околними“; между тѣмъ передъ этимъ отрывкомъ читается разсказъ, восходящій къ продолжателю Амартола: „в си же времена бысть въ Грѣчкой земли царь, именемъ Михаилъ...“ и т. д. Разсказъ этотъ нарушилъ связь между обѣими половинами разсказа о Кіевѣ и Полянахъ, вслѣдствіе чего неясно, кто былъ обидимъ Древлянами и о смерти какихъ братьевъ говоритъ лѣтописецъ. Разсказъ о несчастномъ походѣ Игоря въ 6428 (920) г. также имѣетъ видъ вставки. Сплошной разсказъ о призваніи Варяговъ, о взятіи Кіева Игоремъ и воеводою его Олегомъ, о женитьбѣ Игоря и рожденіи Святослава оканчивается переходною фразою: „по сихъ же пакы временехъ“; послѣ нея мы могли бы ожидать разсказъ о походѣ Олега на Царьградъ, но вмѣсто того читаемъ: „в лѣто 6428. Посла князь Игорь на Грѣкы Русь скыдей 10 тысящь“ и т. д., т.-е. разсказъ о несчастномъ походѣ, восходящій къ продолжателю Амартола. Этотъ разсказъ, какъ вставочный, долженъ былъ быть согласованъ съ слѣдующимъ разсказомъ о побѣдоносномъ походѣ Олега, и для этого подъ 6429 (921) г. помѣщено краткое извѣстіе о военныхъ сборахъ Игоря и Олега: указанное извѣстіе ясно обличаетъ, что предшествующій отрывокъ изъ продолжателя Амартола—вставка въ разсказъ о русскихъ событіяхъ.

Итакъ, Начальный сводъ, даже въ томъ видѣ, въ какомъ онъ дошелъ до насъ, показываетъ, что ему предшествовала лѣтопись, гдѣ не было разсказовъ объ этихъ несчастныхъ походахъ Руссовъ. Равнымъ образомъ тотъ же сводъ свидѣтельствуетъ о томъ, что по крайней мѣрѣ въ нѣкоторой части его хронологическія даты вставлены лишь позднѣе: такъ, разсказъ о несправедливомъ раздѣлѣ дани между дружинами Игоря и Свѣнельда и о вызванномъ этимъ ропотѣ Игоревой дружины прерывается вставкою двадцати двухъ годовъ (6431—6452), изъ которыхъ двадцать годовъ пустыхъ, а два года (6448 и 6450) содержатъ уже разсказанныя подъ 6430 годомъ событія [1]. Вслѣдствіе этого первую половину рѣчи недовольной дружины къ Игорю

придоша на святое крещеніе. съ княземъ своимъ володимеромъ. бысть же по строю божию. слѣпоу быти князю ихъ володимероу в коурсоуни. яко възложи роукоу на нь епископъ. въ святѣи коупѣли. и абие прозрѣ. и оттолѣ приятъ земля роусьская святое крещеніе. въ лѣто. 6496 отъ створенія мироу. аминь.

[1]) В се же лѣто яшася Уличи по дань Игорю и Пересѣченъ взятъ бысть. В се же лѣто дасть дань на нихъ Свѣнделду.—Въдасть дань Деревьскую Свѣнделду тому же.

читаемъ подъ 6430 г. (се далъ еси единому мужеви много), а вторую подъ 6453 г. (отроци Свѣнължи изодѣлися суть оружиемъ и порты, а мы нази). Ясно, что оригиналъ Начальнаго свода не содержалъ перечня 6430 — 6453 годовъ и передавалъ о смерти Олега, войнахъ Игоря съ Уличами и Древлянами, ропотѣ Игоревой дружины, послѣдующемъ походѣ на Деревскую землю— въ одномъ сплошномъ разсказѣ. Слѣдовательно, вставка годовъ принадлежитъ уже позднѣйшему редактору Начальнаго свода; но хронологія этого свода стоитъ въ тѣсной связи съ заимствованіемъ разсказовъ о греко-русскихъ событіяхъ: дѣйствительно, первый годъ Начальнаго свода—6362 обозначаетъ годъ вступленія на царство Михаила, когда имѣлъ мѣсто походъ Руссовъ, второй годъ, 6428-й, прямо заимствованъ изъ хронографической компиляціи, какъ показано выше. Ясно, что 6429 и 6430 гг. сочинены подъ вліяніемъ заимствованнаго изъ греческой хроники 6428-го г. для того, чтобы связать блестящій походъ Олега (месть) съ несчастнымъ походомъ Игоря. Но придуманность 6430 года (для похода Олега), какъ это указано выше, явствуетъ и изъ послѣдующаго разсказа о походахъ Игоря на Уличей и Древлянъ. Слѣдовательно, весь рядъ годовъ—6428—6453, равно какъ 6362 годъ, вставлены въ Начальный сводъ тѣмъ самымъ лицомъ, которое вставило въ него и разсказы о несчастныхъ походахъ Руссовъ.

Такимъ образомъ изученіе, съ одной стороны, дошедшей до насъ редакціи Начальнаго свода, а съ другой—протографа Троицк.-Ундольск. показываетъ, что первоначально нашъ лѣтописный сводъ, который назовемъ, въ противоположность дошедшей до насъ (въ позднѣйшей впрочемъ передѣлкѣ) второй редакціи, первою редакціею Начальнаго свода, не содержалъ ни разсказовъ о несчастныхъ походахъ Руссовъ, ни также, въ древнѣйшей своей части — хронологическихъ датъ. Этой редакціей пользовался составитель того извода Еллинскаго лѣтописца, который дошелъ до насъ въ Троицк. сп. № 728; эта же редакція лежитъ въ основаніи 2-й редакціи Начальнаго свода, снабженной вставками годовъ и разсказовъ о греко-русскихъ событіяхъ и дошедшей насъ въ позднѣйшемъ соединеніи съ Новгородскою лѣтописью. Но выше было предположено, что Начальный сводъ заимствовалъ разсказы о походахъ 6362 и 6428 гг. изъ того самаго извода Еллинскаго лѣтописца, который былъ представленъ протографомъ Троицк.-Ундольск. списковъ. Слѣдовательно, мы получаемъ извѣстную хронологическую послѣдовательность для разсмотрѣнныхъ памятниковъ и отдѣльныхъ ихъ редакцій: 1) Еллинскій лѣтописецъ возникъ въ Болгаріи), 2) Первая редакція Начальнаго свода, 3) Особая редакція Еллинскаго лѣтописца, пользовавшаяся первою редакціею Начальнаго свода, 4) Вторая редакція Начальнаго свода, пользовавшаяся указанною редакціею Еллинскаго лѣтописца, 5) Первая редакція Повѣсти временныхъ лѣтъ, основанная на Начальномъ сводѣ второй редакціи, и т. д.

Но если въ первой редакціи Начальнаго свода не было заимствованій ни изъ Еллинскаго лѣтописца, ни изъ Амартола, то все же она осталась не безъ вліянія греческихъ переводныхъ источниковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что уже въ ней была помѣщена рѣчь философа Владимиру: повидимому, рѣчь эта представляетъ сокращеніе памятника, весьма рано пришедшаго въ Россію и представлявшаго своеобразное изложеніе библейскаго текста въ соединеніи съ различными апокрифами. Этотъ памятникъ не остался безъ вліянія и на прочія части Начальнаго свода. Такъ, слова: „яко же при фараонѣ цари Егѵпетьстѣ, егда приведоша Моѵсеа и рѣша старѣйшины фараоня: сей хощетъ смирити власть Егѵпетьскую“ [1],—несомнѣнно относятся къ апокрифическому сказанію о томъ, какъ Моисей, схватившись за шею фараона, уронилъ вѣнецъ царскій съ головы его. Этотъ апокрифъ переданъ въ рѣчи философа, но вмѣсто старѣйшинъ (ср. вельможи въ апокрифѣ, изд. Порфирьевымъ въ Сб. II Отд., т. XVII, с. 228) здѣсь является волхвъ, который говоритъ царю: „аще ли не погубиши (отроча се), имать бо онъ погубити всего Егѵпта“. Самое начало первой редакціи Начальнаго свода было, кажется, заимствовано изъ того же памятника; начало это не сохранилось, и разсказъ начинается прямо со словъ: „живяху кождо съ родомъ своимъ на своихъ мѣстехъ и странахъ, владѣюща кождо родомъ своимъ“. Но думаю, что предъ этими словами находилось нѣкогда повѣствованіе о разселеніи народовъ послѣ столпотворенія Вавилонскаго. Указаніе на это получается съ двухъ сторонъ. Во-первыхъ, вслѣдъ за повѣствованіемъ о Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ, мы читаемъ фразу: „бяху же поганѣ, жруще озеромъ

---

[1]) Они приведены по случаю разсказа о покореніи Полянъ Козарами (ср. Новг. 1-я лѣт., с. 4); то же перешло въ Повѣсть временныхъ лѣтъ (Лавр., с. 16).

и кладяземъ и рощениемъ, яко же прочіи погани". Это сближаетъ разсматриваемое мѣсто съ слѣдующимъ отрывкомъ въ рѣчи философа: „На 70 же и на единъ языкъ раздѣлишася и разидошася по странамъ, и койждо ихъ своя нравы прияша; и по діаволю научению, ови рощениемъ вѣроваша и кладеземъ и рѣкамъ, и не познаша Бога" (ср. Новгор. 1-я, с. 40; Лавр., с. 89). Ясно, что приведенная выше фраза заимствована, если не изъ рѣчи философа, то изъ того памятника, изъ котораго она извлечена, и заимствована, при этомъ, вѣроятно, со всѣмъ разсказомъ о разселеніи народовъ. Во-вторыхъ, въ Повѣсти временныхъ лѣтъ мы дѣйствительно находимъ разсказъ о столпотвореніи, и вслѣдъ за этимъ въ ней говорится о разселеніи Славянъ; послѣ ясно обличающей себя вставки о пути изъ Варягъ въ Греки и объ апостолѣ Андреѣ, находимъ разсказъ Начальнаго свода объ основаніи Кіева: весьма вѣроятно, что разсказъ о столпотвореніи и разселеніи славянъ восходитъ къ Начальному своду, вѣроятно именно потому, что въ дошедшей до насъ редакціи этого свода сохранилась приведенная выше фраза, восходящая безъ всякаго сомнѣнія къ разсказу о столпотвореніи и разселеніи народовъ. Если это вѣрно, то мы получимъ слѣдующій важный для насъ выводъ. Разсказъ о столпотвореніи въ Повѣсти временныхъ лѣтъ, какъ это показалъ Истринъ въ своихъ любопытныхъ „Замѣчаніяхъ о составѣ Толковой Палеи" (Изв. Отд. русск. яз. и слов. 1897 г.), восходитъ къ одному общему источнику съ знаменитымъ хронографомъ 1262 года (сп. Архив. Мин. Ин. Д. и Виленскій). Но хронографъ этотъ, какъ это ясно изъ самаго бѣглаго обзора его содержанія, составленъ на основаніи матеріала, извлеченнаго изъ древнѣйшей (ср. выше) редакціи Еллинскаго лѣтописца; слѣдовательно, оттуда же могъ быть извлеченъ указанный разсказъ о столпотвореніи, тѣмъ болѣе, что и въ лѣтопись онъ могъ попасть именно изъ Еллинскаго лѣтописца. Но Повѣсть временныхъ лѣтъ не пользовалась Еллинскимъ лѣтописцемъ: это видно изъ того, что всѣ заимствованія изъ греческой хроники дѣлаются прямо изъ полнаго текста Амартола. Слѣдовательно, разсказъ о столпотвореніи, какъ онъ читается теперь въ Повѣсти временн. лѣтъ, восходитъ къ Начальному своду и притомъ не къ первой, а ко второй редакціи этого свода, какъ это ясно изъ предыдущаго. Но отсюда слѣдуетъ, что разсказъ о столпотвореніи (несходный съ библейскимъ) читался въ протографѣ списковъ Троицк. и Ундольск., бывшемъ источникомъ второй редакціи Начальнаго свода, а между тѣмъ въ спискѣ Ундольскаго этотъ разсказъ не читается (въ сп. Троицк. не сохранилось Пятикнижія). Это послѣднее обстоятельство не можетъ ослабить сдѣланнаго вывода, такъ какъ лишнее противъ библейскаго текста могло быть удалено въ любомъ изъ позднѣйшихъ списковъ, тѣмъ болѣе, что списокъ Ундольск. № 1, вѣроятно, исправилъ текстъ библейскихъ книгъ по другому еще списку этихъ книгъ. Списки хронографа 1262 г. показываютъ, что уже въ древнѣйшей редакціи Еллинскаго лѣтописца могла быть сдѣлана вставка указаннаго мѣста, непосредственно за 9 ст. XI главы Бытія. Итакъ, въ первой редакціи Начальнаго свода разсказъ о столпотвореніи и разсѣяніи языковъ слѣдовалъ тому памятнику, откуда извлечена рѣчь философа; во второй редакціи—разсказъ о столпотвореніи заимствованъ изъ особой редакціи Еллинскаго лѣтописца, откуда взяты и разсказы о несчастныхъ походахъ Руссовъ. Указаніе на то, что въ первой редакціи читался разсказъ, сходный съ разсказомъ философа, извлекается изъ приведенной выше фразы о почитаніи озеръ, колодцевъ и лѣсовъ Полянами; указаніе на то, что во второй редакціи находился разсказъ, сходный съ Еллинскимъ лѣтописцемъ, можно видѣть въ томъ, что такой разсказъ читается въ Повѣсти временныхъ лѣтъ, не пользовавшейся Еллинскимъ лѣтописцемъ, но въ общемъ точно передававшей текстъ второй редакціи Начальнаго свода.

Повторю въ краткихъ словахъ главные выводы, къ которымъ насъ привело настоящее изслѣдованіе.

Еллинскій лѣтописецъ, возникшій въ Болгаріи, и представлявшій своеобразную энциклопедію историческихъ знаній, сталъ извѣстенъ въ Россіи уже въ XI в. Въ томъ же вѣкѣ уже существовало на Руси своеобразное изложеніе библейскихъ событій, изложеніе, отразившееся въ извѣстной рѣчи философа къ Владиміру. Въ XI вѣкѣ возникъ Начальный сводъ, который, въ ***первой*** своей ***редакціи***, изъ греческихъ переводныхъ источниковъ, пользовался только что ука-

заннымъ памятникомъ. Вскорѣ послѣ появленія Начальнаго свода возникла сокращенная редакція Еллинскаго лѣтописца, гдѣ главное мѣсто отводилось библейскимъ книгамъ (протографъ списковъ Ундольск. № 1 и Троицк. № 728); составитель этой редакціи прибавилъ въ концѣ своего труда два разсказа о русскихъ событіяхъ, извлекши ихъ изъ первой редакціи Начальнаго свода. Сокращенная редакція Еллинскаго лѣтописца вызвала пересмотръ Начальнаго свода: во *вторую редакцію* его внесены изъ Еллинскаго лѣтописца разсказы о столпотвореніи Вавилонскомъ и о несчастныхъ походахъ Руссовъ; въ связи съ этимъ установлена хронологія древнѣйшихъ русскихъ событій, передававшихся въ первой редакціи Начальнаго свода внѣ хронологической сѣти.

Основнымъ источникомъ первой редакціи Повѣсти временныхъ лѣтъ, составленной въ 1116 году игуменомъ Сильвестромъ, была эта самая вторая редакція Начальнаго свода.

А. Шахматовъ.

КЪ ВОПРОСУ

О

БЫТѢ ГЕРОДОТОВСКИХЪ БУДИНОВЪ.

Въ засѣданіи Этнографическаго Отдѣла Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, состоявшемся 14 января текущаго года, я имѣлъ честь, благодаря любезности Предсѣдателя Отдѣла Вс. Ѳ. Миллера, сдѣлать сообщеніе объ одной изъ бытовыхъ особенностей будиновъ, засвидѣтельствованной Геродотомъ (IV, 109). Сдѣланное сообщеніе напечатано въ московскомъ изданіи „Филологическое Обозрѣніе" (т. XV, кн. 2). Присутствовавшіе въ засѣданіи члены Общества согласились съ предложеннымъ мною выводомъ, что не имѣется основаній, ни филологическихъ, ни этнографическихъ, уклоняться отъ пониманія имени φθεὶρ въ сложномъ глаголѣ φθειροτραγέουσι въ его собственномъ значеніи и принимать толкованіе Риттера, академика Бера, нѣкоторыхъ комментаторовъ Геродота и составителей греческихъ словарей, приписывающихъ имени φθεὶρ въ нашемъ глаголѣ значеніе переносное: еловыхъ или сосновыхъ шишекъ или кедровыхъ орѣховъ. Весьма цѣнны для меня и тѣ замѣчанія, какія по прочтеніи доклада высказаны были Вс. Ѳ. Миллеромъ, А. Е. Крымскимъ и Н. А. Янчукомъ; они послужили исходнымъ пунктомъ слѣдующихъ ниже соображеній по тому же предмету, не ослабляя, какъ мнѣ кажется, полученнаго раньше вывода.

Прежде всего глаголъ τρώγω, содержащійся въ формѣ φθειροτραγέοντας въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, употребляется Геродотомъ, во 1-хъ, въ примѣненіи къ сухой пищѣ или къ высушеннымъ предметамъ питанія, но не къ свареннымъ, слѣдовательно, точнѣе въ значеніи грызть; во 2-хъ, съ яснымъ оттѣнкомъ значенія лакомиться, какъ и прилагательное τρωκτός въ значеніи съѣдобный, лакомый, въ отличіе отъ ἐδώδιμος.

По отношенію къ первому изъ этихъ оттѣнковъ понятія особенно характерны извѣстія нашего историка объ употребленіи египтянами въ пищу плодовъ нѣкоторыхъ водяныхъ лилій (κρίνεα),—къ числу лилій историкъ относитъ и лотосъ,—а также нижней части стебля папируса (II, 92). Въ нѣсколькихъ строкахъ этой главы глаголъ τρώγω поставленъ четырежды, считая и прилагательное τρωκτά, и каждый разъ въ сочетаніи съ именами предметовъ питанія сухихъ или твердыхъ. Такъ, съѣдобныя (τρωκτά) зерна лиліи поѣдаются (τρώγουσι) или въ свѣжемъ видѣ, или засушенныя. Точно такъ же нижнюю часть папируса египтяне ѣдятъ (τρώγουσι) или сырою, или, если кто желаетъ получить совершенно удобный для ѣды папирусъ, то ѣдятъ (τρώγουσι) его тушенымъ въ горшкѣ на сильномъ огнѣ (οἱ δὲ ἂν καὶ κάρτα βούλωνται χρηστῇ τῇ βίβλῳ χρᾶσθαι, ἐν κλιβάνῳ διαφανεῖ πνίξαντες). Словомъ, „удобный для ѣды" мы передали прилаг. χρηστῇ, по Швейггейзеру въ примѣчаніи къ нашему мѣсту *delicata*. Въ латинскомъ комментаріи Казабона къ Аѳенею въ изданіи Швейггейзера (II, p. 65, 1) мы находимъ объясненіе глаг. πνίγειν въ примѣненіи къ кулинарному дѣлу: „въ собственномъ соку приготовляется говядина, заключенная въ горшкѣ или на сковородкѣ (intra olla ant patina) такимъ образомъ, чтобы паръ отъ нея не имѣлъ ни малѣйшаго выхода; этотъ способъ приготовленія называется и у нашихъ поваровъ тушеньемъ

(suffocationem)". Швейггейзеръ въ своемъ изданіи Геродота приводитъ къ нашему мѣсту выраженія Аѳенея, объясняющія значеніе глаг. πνίγειν въ кулинарномъ искусствѣ въ смыслѣ Казабона. Въ виду сказаннаго трудно допустить, чтобы въ приведенномъ выше текстѣ слово κλίβανος означало печку, да еще на подобіе нашей, и слѣдовательно, чтобы можно было принять переводъ Швейггейзера въ его Геродотовскомъ словарѣ διαφανής κλίβανος ardens furnus; на самомъ дѣлѣ это была скорѣе всего небольшая, переносная печь съ присобленіемъ для тушенія папируса и другихъ предметовъ питанія. Но это относится къ быту египтянъ. Какъ бы то ни было, во всѣхъ выше показанныхъ случаяхъ къ греч. τρώγω наиближе по значенію нашъ глаголъ грызть *(трощить)*. Поэтому, когда о лотофагахъ говорится, что они ѣдятъ плодъ лотоса (τὸν καρπὸν μοῦνον τοῦ λώτου τρώγουσι), то и здѣсь слѣдуетъ разумѣть употребленіе лотоса въ пищу въ сыромъ видѣ (IV 177).

Еще яснѣе такое именно значеніе глагола τρώγω въ другомъ мѣстѣ Геродота, тоже о египтянахъ: κυάμους δὲ οὔτε τι μάλα σπείρουσι Αἰγύπτιοι ἐν τῇ χώρῃ, τούς τε γινομένους οὔτε τρώγουσι οὔτε ἕψοντες πατέονται, разум. αὐτῶν (II, 37)—„бобовъ египтяне не сѣютъ вовсе въ своей странѣ, и тѣхъ, какіе бываютъ у нихъ, они не ѣдятъ ни въ сыромъ видѣ, ни варенными"; причастіе ἕψοντες въ соединеніи съ глаголомъ πατέονται выясняетъ оттѣнокъ понятія, обозначаемый глаголомъ τρώγουσι. Для насъ въ данномъ случаѣ безразлично, что историкъ не совсѣмъ точенъ въ извѣстіи о культурѣ бобовъ въ Египтѣ и объ употребленіи ихъ въ пищу: находимые въ гробницахъ остатки свидѣтельствуютъ о противномъ, равно какъ показанія Діодора (I, 89) и Плинія (18, 30).

Наконецъ, о персахъ, со словъ лидянина Санданиса, Геродотъ сообщаетъ, что они не имѣютъ для ѣды ни фигъ, ни какихъ-либо иныхъ сластей: οὐ σῦκα δὲ ἔχουσι τρώγειν, οὐκ ἄλλο ἀγαθὸν οὐδέν (I, 71).

Итакъ, въ извѣстіи Геродота о томъ, что будины поѣдаютъ своихъ паразитовъ (φθειροτραγέοντες), никакъ нельзя усматривать указанія историка на обычный, господствующій родъ пищи будиновъ, и въ виду того, что не могли же будины прокормить себя собственными паразитами,— замѣчаніе вполнѣ основательное,—нельзя отрицать за именемъ φθείρ въ сложномъ глаголѣ значеніе вшей, тѣмъ болѣе, что и кедровыми орѣхами, которые предлагаютъ названные въ началѣ статьи ученые разумѣть подъ именемъ φθείρ вм. паразитовъ, будины не могли кормиться, какъ кормились хлѣбомъ гелоны.

Какъ извѣстіе Геродота объ отвращеніи египтянъ отъ бобовъ не оставляетъ, кажется, сомнѣнія въ томъ, что глаголъ τρώγειν употребляется нашимъ историкомъ въ примѣненіи къ сухимъ предметамъ, если не исключительно, то по меньшей мѣрѣ предпочтительно, такъ изъ словъ лидянина о персахъ (I, 71) слѣдуетъ, что глаг. τρώγειν заключаетъ въ себѣ понятіе лакомиться: въ сужденіи лидянина рѣчь идетъ о фигахъ или какихъ-нибудь иныхъ сластяхъ (ἀγαθόν, lautum, suave—Штейнъ). Плоды лотоса, употреблявшіеся въ пищу лотофагами, имѣютъ сладкій вкусъ (IV, 177). Этотъ же оттѣнокъ значенія слѣдуетъ, по всей вѣроятности, разумѣть въ глаг. τρώγω, когда историкъ говоритъ объ употребленіи въ пищу египтянами зеренъ лиліи и стебля папируса. Наконецъ, въ греческомъ языкѣ есть цѣлый рядъ словъ отъ того же корня τρωγ (τραγ) съ значеніемъ сласти, лакомства, дессертъ, подававшіеся въ заключеніе обѣда: τράγημα, τραγηματίζω, τραγηματισμός, τρογάλια, τρωγάλιος. Всѣ эти имена обозначаютъ такіе плоды, какъ орѣхи, миндаль и т. п., которые употреблялись въ пищу въ сыромъ видѣ и составляли лакомство.

Послѣ сказаннаго едва ли будетъ большою смѣлостью заключить, что и сложный глаголъ φθειροτραγέω въ сочетаніи съ именемъ будиновъ содержитъ въ себѣ то же самое представленіе о лакомствѣ, и что, слѣдовательно, будины поѣдали своихъ паразитовъ примѣрно такъ, какъ абипонскія женщины, которыя, по свидѣтельству путешественниковъ, угощаютъ ими своихъ подругъ.

Во всякомъ случаѣ собранными выше данными исключается возможность приравниванія τρώγω къ глаг. σιτέομαι въ извѣстіи Геродота о будинахъ и гелонахъ: только второй изъ этихъ глаголовъ означаетъ питаться, кормиться (хлѣбомъ, мясомъ), тогда какъ первый употребляется въ сочетаніи съ именами предметовъ питанія добавочными, болѣе или менѣе случайными и

пріятными на вкусъ, или сладкими. Быть можетъ, въ этомъ самомъ оттѣнкѣ понятія лакомиться должно искать и объясненіе того, что Геродотъ предпочелъ форму φθειροτραγέουσι сочетанію φθεῖρας τρώγουσι, хотя при этомъ нельзя упускать изъ виду особенности Геродотовскаго словаря, вообще изобилующаго сложными словами: это—одинъ изъ признаковъ эпическаго стиля, созданнаго главнымъ образомъ гомеровскими пѣснями.

Въ заключеніе позволяемъ себѣ привести свидѣтельство арабскаго путешественника X вѣка о башкирахъ, любезно сообщенное намъ проф. Н. Ѳ. Катановымъ и пріумножающее наши свѣдѣнія о народахъ, которые не брезгаютъ собственными паразитами.

Арабскій путешественникъ Ахмедъ бенъ Фадлâнъ, посланный въ 921 году по Р. Хр. Багдадскимъ халифомъ Муктадиромъ-билля (908—932) къ Алмасу, царю Волжскихъ Болгаръ [1]), говоритъ между прочимъ о башкирахъ: „wa йа'колуна λ-qамλа“, т.-е.: „они ѣдятъ вшей“. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ про башкира, который ему прислуживалъ: „Фа раайтоhо йawман wa qад ахаδа qамλатан мин θawбиhи фа qассаhâ би зофриhи, θомма λамажаhâ“. Т.-е. „Я видѣлъ разъ, какъ онъ взялъ одну вошку изъ своего платья, раздавилъ ее ногтемъ, а потомъ закусилъ ею“.

Ѳ. Мищенко.

---

[1]) Среди Болгаръ въ то время распространился исламъ. Алмасъ просилъ у Муктадира прислать ему человѣка, „который обучилъ бы его вѣрѣ, наставилъ бы его въ законахъ ислама, построилъ бы ему мечеть и поставилъ бы ему каѳедру для утвержденія въ ней пропаганды во всей странѣ и во всѣхъ обла'тяхъ его государства“. Такъ говоритъ самъ Фадлâнъ. (См. статью „Болгары“, помѣщенную въ географическомъ словарѣ „Мо'жам оль-больдäн“ Якута, 1184—1229). *Ред.*

НѢКОТОРЫЯ ЧЕРТЫ СТРОЯ и КУЛЬТУРЫ

ДРЕВНЕЙ ГРУЗІИ,

ПО ДАННЫМЪ АРХЕОЛОГІИ и ЭТНОГРАФІИ.

Древнѣйшая исторія Грузіи окутана густымъ мракомъ, сквозь который мелькаютъ отдѣльныя извѣстія туземныхъ и иностранныхъ писателей. Обращаясь къ ея изученію, мы должны напомнить судьбу грузинскаго народа до укрѣпленія (осѣданія) его въ Картли. Географическая номенклатура Малой Азіи и ванскія надписи въ Арменіи [1]) свидѣтельствуютъ о продолжительной стоянкѣ грузинъ далеко на западѣ и на югѣ отъ той территоріи, которая впослѣдствіи служитъ ареной ихъ исторической жизни. Какимъ путемъ прибыла грузинская нація въ Малую Азію— слѣдовала ли она по сѣвернымъ берегамъ Каспійскаго и Чернаго морей чрезъ Ѳракію, какъ армянское племя, или прошла по южнымъ берегамъ тѣхъ же морей,—пока нѣтъ достаточныхъ основаній для утвердительнаго отвѣта на этотъ вопросъ. Лѣтопись наша „Картлисъ-Цховреба" (т.-е. Жизнь Картли) помнитъ о пребываніи грузинъ въ странѣ между Масисомъ и Араратомъ, откуда они по размноженіи двинулись на сѣверъ, въ бассейны рр. Куры и Ріона съ ихъ притоками [2]), не оставивъ, впрочемъ, по пути прочныхъ слѣдовъ остановки на Араксѣ.

Вытѣсненные ассирійскимъ и армянскимъ племенами изъ предѣловъ прежняго разселенія грузины съ VII в. до Р. Х. отливали на сѣверъ отдѣльными группами и родами. Поселившись отдѣльными родовыми союзами, грузины стали управляться родовыми главами, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ лѣтопись „Картлисъ-Цховрева" и Страбонъ. Послѣдній говоритъ, что иберы дробятся на роды, въ которыхъ повелѣваетъ и управляетъ старшій [3]). Итакъ, въ концѣ I в. до Р. Х. грузины продолжаютъ жить отдѣльными родами. Несмотря на неизбѣжныя усобицы между родами, извѣстія о сходкахъ у нихъ заставляютъ предполагать, что мелкіе роды смыкались въ болѣе крупные союзы, колѣна или племена. Наша же лѣтопись помнитъ время, когда родъ разлагался на отдѣльныя семьи, получившія свое особое управленіе. Раньше другихъ союзовъ, вѣроятно, водворился родъ въ Картли, близъ Мцхета, давшій впослѣдствіи народной фантазіи идею воплотить Картли въ лицѣ Картлоса и признать его родоначальникомъ всего грузинскаго народа. Другой родъ водворился въ Мцхетѣ на берегу Куры, олицетворенный въ Мцхетосѣ, строителѣ этой древней столицы Грузіи. Третій двинулся къ нынѣ пещерному городу Уплисъ-Цихе (недалеко отъ г. Гори), вызвавшему своимъ существованіемъ имя Уплоса, основателя его [4]).

---

[1]) См. *Hyde Clarke*. Ausland 1870, № 51. Онъ нашелъ слѣды грузинскаго языка въ названіяхъ горъ, рѣкъ, городовъ, мѣстечекъ въ М. Азіи. Ср. *Д. Чубиновъ*. „Энографическій обзоръ населенія древней и современенной Каппадокіи. Тифлисъ 1877, и мою работу „Древн. предѣлы разселенія грузинъ по М. Азіи". Москва, 1890. О родствѣ языка ванскихъ надписей съ грузинскимъ см. *Lenormant*, Lettres assyriolog. I série. *Sayce*, The cuneiform of Van, 1882, 1893. *Guard*, Les inscriptions de Van. Paris. 1883. *Его же*. Etudes Vanniques. *Ed. Meyer*, Gesch. des Alterthums. *Belch u. Lehmann*, Ueber aufgefund. Keilinschriften in russisch u. turk. Armenien.

[2]) Histoire de la Géorgie I, 16; ср. *Wakhoucht*, Исторія Грузіи (на груз. яз.), стр. 28. По груз. лѣтописи иверы распространялись до страны курдовъ, т.-е. области ванскихъ надписей.

[3]) *Страбонъ*. Географія, XI в. „Имущество же принадлежитъ каждому роду, въ которомъ повелѣваетъ и управляетъ старшій".

[4]) См. *Brosset*. Hist. de la Géorgie, t. I., и ср. грузинскій текстъ „Картлисъ-Цховреба" и *Вахушти* Исторію Грузіи.

Живя вдали другъ отъ друга, роды сначала не приходили въ столкновеніе между собою, но по размноженіи и разселеніи ихъ начались усобицы—обычный признакъ жизни мелкими разобщенными союзами. Такое столкновеніе произошло, по словамъ лѣтописи, по смерти Уплоса, сына Мцхетоса. Для насъ важно воспоминаніе „Картлисъ-Цховреба" о поселеніи грузинъ отдѣльными родами и возникновеніи между ними враждебныхъ отношеній. Существованіе Картлоса, Мцхетоса и Уплоса—первыхъ родоначальниковъ, подлежитъ безусловному сомнѣнію. Они представляютъ попытку этіологическаго объясненія названій областей и городовъ. Не Картлосъ, Мцхетосъ и Уплосъ дали свои имена Картли, Мцхету и Уплисъ-Цихе, а напротивъ, существованіе ихъ вызвало въ фантазіи народа миѳическихъ строителей въ отдаленнѣйшую эпоху жизни грузинъ. Изъ смутныхъ слѣдовъ разселенія грузинъ въ предѣлахъ новаго мѣстожительства можно заключить, что роды сошлись разобщенными союзами въ извѣстной территоріи и потомъ съ размноженіемъ пришли въ столкновеніе. Родъ разбился на отдѣльныя семьи, во главѣ которыхъ сталъ старшина „мамасахлиси" [1]). Старѣйшины отдѣльныхъ семей объединялись главой рода, который входилъ въ сношеніе съ другими родами. Первымъ „мамасахлиси" почитался мцхетскій по значенію того географическаго положенія, которое занималъ Мцхетъ въ жизни грузинскаго народа. Какъ центральный торговый пунктъ на берегу Куры при впаденіи въ нее Арагвы, Мцхетъ получилъ преобладающій вѣсъ для грузинъ, втянувшихся въ торговыя сношенія съ Азіей и Европой.

Итакъ, ранніе грузинскіе источники повѣствуютъ о томъ, что грузины жили отдѣльными союзами, управляемыми „мамасахлисами", т.-е. патріархальными общинами. Большими семьями жило въ историческую эпоху какъ высшее дворянское, такъ и низшее крестьянское сословія. Число такихъ семей стало все уменьшаться и дошло до того, что теперь большихъ семей въ высшемъ сословіи не встрѣчается, а въ крестьянскомъ, въ Карталиніи, онѣ доживаютъ послѣдніе дни, хотя у горцевъ-грузинъ слѣды кровныхъ союзовъ весьма ярко сохранились [2]).

Для выясненія характера кровныхъ племенныхъ союзовъ въ древней Грузіи мы должны обратиться къ ихъ переживаніямъ у грузинъ-горцевъ, напр. пшавовъ, дробящихся на 12 родовыхъ общинъ. Въ Чаргальскомъ обществѣ, на пространствѣ 62 квадр. верстъ, раскинуты четыре поселка. Во всѣхъ и въ каждомъ изъ нихъ поселены члены одной изъ слѣдующихъ фамилій: Пиркутіани, Шавердіани, Ражкаани, Баяни, Горзамаули и Гураспаули, которыя являются между собой родственными и принадлежащими къ одному роду Гогочури. Нагляднымъ проявленіемъ этого единства является запрещеніе браковъ между членами перечисленныхъ семей. Пшавы держатся началъ экзогаміи, т.-е. выставляютъ требованіе, чтобы браки заключаемы были только съ чужеродцами. Какъ и повсюду, родовая организація у грузинъ является результатомъ не одного лишь естественнаго размноженія одной какой-либо семьи, но и включенія ею въ свой составъ разноплеменныхъ позднѣйшихъ пришельцевъ. Къ роду принадлежатъ всѣ, кто пріобщенъ къ культу общаго предка; вотъ почему чужеродецъ, поклявшись въ вѣрности родовымъ святынямъ, принимается въ общину съ правами и преимуществами естественнаго сына усыновителя. Вступленіе въ агнатный союзъ чужеродца не мѣшаетъ существованію миѳическаго представленія объ общемъ родоначальникѣ [3]). Культъ этого общаго предка является высшимъ выраженіемъ родового единства. Грузины въ первые моменты ихъ исторической жизни поклонялись могилѣ Картлоса, миѳическаго родоначальника цѣлаго племени, и клялись ею. Родовая организація, связанная единствомъ культа и почитаніемъ общаго предка, не исключила съ постепеннымъ развитіемъ народа обособленнаго существованія входившихъ въ ея составъ семей. Родъ, распавшись на отдѣльныя семьи, въ силу измѣнившихся экономическихъ условій жизни, сохранилъ слѣды прежняго своего совмѣстнаго сожительства въ терминологіи—„кари", „убани", т.-е. врата и участокъ. Такъ, въ Горійскомъ уѣздѣ находится деревня Эдилашвиліант-кари,

---

1) „Мамасахлиси" — сложное слово = мама + сахлиси, что значитъ буквально „отецъ дома". Ср. армянскій „танутеръ" и латин. pater familias.

2) Ср. названія деревень въ Адчарѣ (Батумск. обл.). Въ селѣ Джалабишвилеби живутъ Джалабишвилеби (т.-е. дѣти Джалаба) въ числѣ 30 дымовъ. Села Закаріадзееби, Дзандзееби, Кикіашвилеби, Дзабучашвилеби—представляютъ поселки, заселенные членами одного размножившагося рода.

3) Объ организаціи древней грузинской семьи см. статьи *Н. Урбнели* въ газ „Дроэба" 1885, № 2, 3.

гдѣ живетъ одна фамилія Эдилашвани. Въ Душетскомъ уѣздѣ извѣстна деревня Цинамдгаврі-ант-кари, разросшаяся въ деревню изъ распавшагося рода Цинамдгаваршвили съ переходомъ отъ кровныхъ союзовъ къ сосѣдскимъ. (Ср. Барнабіант-кари, Кобіаант-кари, Георгис-убани, Тимотис-убани и др.). Такимъ образомъ отрывочныя сказанія „Картлисъ-Цховреба“ о заселеніи Грузіи отдѣльными родами, распавшимися на земельныя общины съ „мамасахлисами“ во главѣ, находятъ подкрѣпленія въ переживаніяхъ современнаго общественнаго устройства грузинъ [1]).

Родовая организація у грузинъ совпадаетъ во времени съ періодомъ полнѣйшаго развитія *анимизма*, т.-е не только съ одухотвореніемъ всѣхъ предметовъ природы, но и съ представленіемъ, что смерть не прекращаетъ собою жизни, и что въ загробномъ существованіи душа надѣлена тѣми же потребностями и страстями, что и живущія. Съ родовымъ устройствомъ вездѣ связанъ культъ предковъ, нашедшій свое воплощеніе у насъ въ обоготвореніи Картлоса, миѳическаго родоначальника грузинъ, и въ усвоеніи идеи объ участіи умершихъ въ судьбѣ живыхъ сородичей. Еще въ XVII ст. итальянскій путешественникъ Ламберти [2]) отмѣчалъ увѣренность мингрельцевъ въ томъ, что болѣзни насылаются родовыми предками, и что для исцѣленія требуется жертва въ честь патрона. Души предковъ, при вниманіи къ нимъ, предотвращаютъ оставшихся въ живыхъ родственниковъ отъ опасности и несчастія. Незримо участвуютъ они въ войнахъ и набѣгахъ, производимыхъ родомъ, всячески содѣйствуютъ урожаю и благосостоянію ихъ. Необходимость постояннаго питанія покойниковъ въ связи съ тѣмъ фактомъ, что поглощеніе пищи огнемъ одно можетъ быть наглядным проявленіемъ воспринятія ея витающими въ воздухѣ душами,—причина того, что центромъ домашняго культа, какъ вездѣ, у грузинъ является домашній очагъ. Изготовляя пищу, хозяйка и нынѣ въ Пшавіи бросаетъ часть ея въ огонь, произнося причитаніе: „Да достанется вамъ, наши мертвые, сдѣланное нами приношеніе!“ Питаясь у очага, души предковъ своимъ постояннымъ присутствіемъ вокругъ него даютъ ему особенное освященіе. У грузинъ очагъ [3]) и связанные съ нимъ котелъ и цѣпь, къ которой онъ привѣшенъ, признаются священными и символически выражаютъ семейное единство. Въ Грузіи обхожденіе очага невѣстой составляетъ необходимую часть брачнаго ритуала. Оно служитъ съ ея стороны выраженіемъ готовности присоединиться къ культу домашнихъ божествъ той семьи, членомъ которой сдѣлалъ ее бракъ. Чужеродецъ пользуется гостепріимствомъ, пока остается въ общеніи съ очагомъ, но, оставивъ порогъ пріютившаго его двора, онъ можетъ подвергнуться за обиду мщенію со стороны своего любезнаго хозяина.

Родовая организація, связанная съ почитаніемъ душъ умершихъ предковъ, выразилась у грузинъ въ имѣніи отдѣльныхъ родовыхъ усыпальницъ, подобно извѣстному обычаю грековъ и римлянъ водворять останки предковъ въ семейныхъ склепахъ. Порядокъ хоронить отдѣльными родами у грузинъ засвидѣтельствованъ археологическими раскопками. Самтаврское кладбище до Р. Х. близъ Мцхета, разрытое археологомъ Байерномъ [4]), дало цѣнные факты къ подтвержденію гипотезы о родовомъ строѣ грузинъ въ отдаленную эпоху ихъ жизни. Самъ Байернъ, увлекаясь, далъ превратное толкованіе своимъ находкамъ. Нахожденіе останковъ нѣсколькихъ покойниковъ въ одной гробницѣ, разбросанность костей, отчасти обожженныхъ, и тотъ фактъ, что въ одной гробницѣ былъ найденъ остовъ головы, шеи, части спины и правой руки съ браслетомъ женщины, которой тазъ, ноги и лѣвая рука съ такимъ же браслетомъ оказались въ другой гробницѣ, побудили Байерна высказать предположеніе, что населеніе, хоронившее покойниковъ на этомъ кладбищѣ, держалось каннибализма. Г-нъ Мухъ въ примѣчаніи къ статьѣ Байерна, помѣщенной въ Mittheilungen der Wiener Anthrop. Gesellschaft, отвергъ это предположеніе кавказскаго археолога,—предположеніе, которое не вяжется съ фактомъ нахожденія различныхъ культурныхъ украшеній, а присутствіе многихъ скелетовъ въ одной гробницѣ объяснилъ тѣмъ, что это были семейныя могилы. Графъ Уваровъ [5]) раздѣлялъ это мнѣніе, прибавляя, что грузины, проживая отдѣльными родами, при каждыхъ новыхъ похоронахъ открывали

---

[1]) См. *М. Ковалевскій.* „Законъ и обычай на Кавказѣ“.
[2]) См. газ. „Кавказъ“ 1868, №№ 75, 78, 79 и др.
[3]) „Культъ очага и предковъ у грузинъ“—мой рефератъ, читанный въ засѣданіи Этногр. Отд. И. Общ. Л. Е. А. Э.
[4]) Zeitschrift für Ethnologie. Berlin 1872, и Mittheilungen der anthropol. Gesellschaft in Wien. 1874.
[5]) „Взглядъ на Мцхетскій могильникъ“ въ Трудахъ Имп. Москов. Археол Общ., т. X., стр. 18—24.

семейный склепъ и опускали туда вновь усопшаго члена. Самъ Байернъ, повидимому, отказался отъ своего мнѣнія о существованіи каннибализма у населенія, погребеннаго на Самтаврскомъ кладбищѣ, по крайней мѣрѣ онъ объ этомъ въ новыхъ своихъ трудахъ уже не упоминаетъ.

Если обратиться къ переживаніямъ древняго порядка погребенія у современныхъ грузинъ, то стремленіе сванетовъ быть погребенными на родномъ кладбищѣ [1]), считая для себя несчастіемъ истлѣвать на чужбинѣ, можетъ найти объясненіе въ старинномъ обычаѣ покоиться въ семейномъ склепѣ предъ глазами сородичей, которые несутъ обязанность поддерживать существованіе душъ жизненными средствами и въ свою очередь имѣютъ право требовать отъ нихъ покровительства и заступничества. Слѣды родовой исчезнувшей обособленности сохранились и у пшавовъ въ общихъ празднествахъ, гдѣ члены общинъ размѣщаются по отдѣльнымъ „саджаре", т.-е. участкамъ.

Такимъ образомъ, существованіе родового устройства, засвидѣтельствованное извѣстіемъ грузинской лѣтописи и археологическими раскопками, находитъ блестящее подкрѣпленіе въ ясныхъ отголоскахъ общественной организаціи у грузинъ-горцевъ.

Уловимы ли какіе-нибудь слѣды періода матріархата въ жизни грузинъ? Извѣстно, что по теоріи нѣмецкаго ученаго Баховена [2]) установленію патріархата вездѣ предшествовали общежитейскіе союзы, объединяющимъ началомъ которыхъ является родство по матери.

Въ современныхъ обычаяхъ хевсуръ, пшавовъ и тушинъ не мало пережитковъ материнства, начальной стадіи общежитія. Дѣленіе этихъ народностей на братства, представляющія собою каждое соединеніе нѣсколькихъ родовъ, запрещеніе браковъ не только въ предѣлахъ одного рода, но и въ предѣлахъ цѣлаго братства — эта такъ называемая экзогамія, т.-е. заключеніе браковъ внѣ рода, ясно свидѣтельствуютъ о слѣдахъ матріархата [3]). Прибавивъ сюда обычай хевсуръ по вступленіи въ бракъ оставлять жену въ домѣ родителей въ теченіе цѣлаго года, и тотъ фактъ, что и по прошествіи этого срока сожительство между супругами происходитъ только тайкомъ, что мужъ и жена при постороннихъ не смотрятъ и не говорятъ другъ съ другомъ, по крайней мѣрѣ до момента рожденія ребенка, получимъ картину, характеризующую періодъ матріархата у другихъ народовъ. Строгая экзогамія и не менѣе строгое сохраненіе въ тайнѣ существующихъ между ними отношеній еще недавно составляли общую черту всего крестьянскаго населенія Грузіи. Вопросъ о томъ, какъ поживаетъ ваша семья, въ концѣ 40-хъ годовъ признанъ былъ бы, по словамъ Коха, въ Грузіи жестокимъ оскорбленіемъ. Къ этимъ даннымъ присоединимъ еще болѣе характерную подробность. Братъ матери, который въ періодъ матріархата занимаетъ въ семьѣ выдающееся положеніе, доселѣ играетъ важную роль въ хевсурскомъ обществѣ. Въ случаѣ женоубійства, напр., платежъ за кровь убитой поступаетъ исключительно въ его пользу. При убійствѣ племянника — сына сестры, дядя по матери въ правѣ разсчитывать на полученіе выкупа. Братъ матери обыкновенно является послѣднимъ изъ родственниковъ убитаго, который изъявляетъ согласіе на примиреніе съ родомъ. У тушинъ еще недавно лошадь, сопровождавшая покойника, отдавалась дядѣ по матери [4]).

Оставивъ другія детали матріархата, сохранившагося въ обычаяхъ грузинъ, обратимся къ свидѣтельству самого языка. Сочетаніе словъ „дед-мама" — мать и отецъ, „да-дцма" — братъ и сестра, „деда-бодзи" — мать-столбъ, т.-е. главный столбъ и др., съ предпочтеніемъ, оказываемымъ матери предъ отцомъ, сестрѣ предъ братомъ, формулируютъ отзвуки отдаленнаго порядка сожительства у грузинъ, когда легче было найти мать, чѣмъ отца, сестру и брата матери, чѣмъ брата и сестру отца. Вотъ какими отдѣльными переживаніями отмѣчается періодъ существованія у грузинъ матріархата предъ установленіемъ патріархата, засвидѣтельствованнаго болѣе убѣдительными воспоминаніями грузинской лѣтописи.

---

[1]) Статьи *Тависупали Свани* (псевдонимъ) въ груз. изданіяхъ „Шрома", „Дроэба" и „Иверія".

[2]) Теорія эта въ послѣднее время подвергнута новому критическому пересмотру.

[3]) *Аполлоній Родосскій* (250—200 г. до Р. Х.) указалъ на то, что у тибареновъ (отрасль груз. племени), „когда жены имъ рождаютъ дѣтей, мужья ложатся въ постель и стонутъ съ завязанными головами, а жены ихъ въ то время хорошо кормятъ ихъ и устраиваютъ для нихъ кушанье, назначенное послѣ родовъ".—*Жиро Тёлонъ* въ „Происхожденіи семьи" (стр. 80—83) сопоставляетъ названный обычай тибареновъ съ обычаями современныхъ дикарей.

[4]) См. мой очеркъ „Тушины" въ „Этногр. Обозр." кн. II.

На смѣну матріархата устанавливается патріархатъ, который лѣтописецъ запомнилъ въ моментъ его разложенія въ Грузіи на отдѣльные дворы. Родовое устройство держится на двухъ началахъ — на власти родового старшины и нераздѣльности родового имущества. „Картлисъ Цховреба“ объ этомъ не сообщаетъ фактовъ, но Страбонъ, дающій свѣдѣнія объ эпохѣ, предшествующей лѣтописному сказанію, передаетъ, что народъ въ Иверіи дѣлится на 4 сословія, а имущество принадлежитъ каждому роду, въ которомъ повелѣваетъ и управляетъ старшій. Первоначальная власть главы рода не долго могла держаться, такъ какъ не было возможности съ одинаковой силой простираться ей на всѣ родственные дворы, разбросанные на обширномъ пространствѣ среди лѣсовъ и горъ. Мѣсто родовладыки—какихъ-нибудь Картлоса, Мцхетоса, Уплоса — долженъ былъ занять домовладыка, хозяинъ двора, отецъ дома — „мамасахлиси“. Отсюда возникли однофамильныя деревни: Гураміант-кари, Эдилаант-кари и пр., разселившіяся одинокими дворами, въ виду особенныхъ свойствъ страны. Побережья Куры и Аракса были въ эпоху водворенія грузинъ пустыннымъ краемъ, въ которомъ пришельцы занялись ловлей пушныхъ звѣрей, лѣснымъ промысломъ и хлѣбопашествомъ. Пространства, удобныя для этихъ цѣлей, шли оазисными полосами среди нерасчищеннаго лѣса и горныхъ потоковъ. Здѣсь нужно было отыскивать открытыя мѣста, расчистить ихъ для пашни или дѣлать въ лѣсу извѣстныя приспособленія для пчеловодства и хлѣбопашества. Такія мѣста являлись удаленными другъ отъ друга островками среди моря лѣсовъ и горъ. На этихъ островкахъ поселенцы и ставили, раскалывая роды, свои одинокіе дворы, окапывали ихъ и расчищали въ окрестности поля для пашни. Такой родъ разселенія долженъ былъ поколебать крѣпкіе дотолѣ родовые союзы грузинъ. Родичи могли помнить свое кровное родство, могли чтить общаго родового дѣда, хранить родовые обычаи и преданія, — но въ области права, въ практическихъ, житейскихъ отношеніяхъ связь между родичами разстраивалась все болѣе и болѣе. Экономическія условія жизни нанесли жестокій ударъ родовой организаціи грузинъ. Жизнь населенія въ древней Грузіи направлялась однимъ могучимъ потокомъ Куры, который, связываясь сухимъ путемъ съ Ріономъ, перерѣзываетъ всю Грузію съ востока на западъ между двумя морями. При тогдашнемъ значеніи рѣкъ, какъ удобнѣйшихъ путей сообщенія, Кура съ Ріономъ были столбовой дорогой для всей полосы Грузіи [1]). Притоки ихъ Арагва, Цхенисъ-Цкали, Квирила, идущіе справа и слѣва какъ подъѣздные пути, захватывали отдаленные центры грузинскихъ поселеній. Благодаря такому положенію, по Ріону и Курѣ съ незапамятныхъ временъ шло оживленное торговое движеніе, толчокъ къ которому былъ данъ греками. Берега Чернаго моря издавна были усѣяны греческими колоніями, главными изъ которыхъ были Діоскурія, Фазисъ, Сперъ и Эа. Эти порты служили важными складочными пунктами товаровъ уже въ древнѣйшее время. Еще задолго до Р. Х. создалась легенда о походѣ Аргонавтовъ въ Колхиду за золотымъ руномъ, что свидѣтельствуетъ объ оживленной торговлѣ между Грузіей и Греціей. Масса греческихъ монетъ, находимыхъ въ разныхъ мѣстахъ Грузіи, освѣщаетъ минувшее сложное движеніе по берегамъ Чернаго моря, Куры и Ріона. Шарапань — Сарапанисъ Страбона — служитъ связующимъ звеномъ между бассейнами рр. Куры и Ріона [2]).

Систему торговыхъ путей съ Востокомъ по рр. Курѣ и Ріону слѣдуетъ считать самою сѣверною дорогою древнихъ народовъ изъ Европы въ Азію. Фазисъ или Ріонъ — значительнѣйшая рѣка Колхиды, въ бассейнѣ которой обитали десятки мелкихъ племенъ: по извѣстіямъ Страбона, въ Діоскуріи — торговомъ пунктѣ Мингреліи, собирались до 70 различныхъ народностей для купли и продажи. На Ріонѣ было перекинуто болѣе 120 мостовъ, свидѣтельствующихъ о напряженности торговыхъ сообщеній. По Ріону вверхъ отправлялись произведенія до Куры и далѣе чрезъ Каспійское море до Индіи, связывая бассейны этихъ рѣкъ сухопутной дорогой отъ Шарапани до Сурама, гдѣ у Куры снова нагружались товары на лодки. Сообщеніе съ Востокомъ поддерживалось чрезъ р. Оксусъ (Аму-Дарья) и Бактрію до Индіи. Это торговое сношеніе Европы съ Азіей чрезъ Грузію вызвало разработку естественныхъ богатствъ занятой поселенцами страны. Лѣсная полоса своимъ лѣснымъ пчеловодствомъ доставляла грузинамъ

---

[1]) Историческій очеркъ торговыхъ путей сообщенія въ древнемъ Закавказьѣ *А. Ерицова*—въ „Сборн. свѣдѣній о Кавказѣ“ подъ редакціей Н. К. Зейдлица, т. I, стр. 33.

[2]) См. мою статью. „Къ вопросу объ иноземномъ вліяніи на грузинскую культуру“—въ „Этногр.Обозр.“,кн. XXV

обильный матеріалъ для внѣшней торговли. Началась усиленная эксплоатація лѣса, смола, медъ, воскъ стали главными статьями грузинскаго вывоза. Ткани колховъ, ленъ и конопля славились съ древнѣйшихъ временъ и вывозились въ отдаленныя страны. Оживленность торговли подняла грузинъ на извѣстную степень высоты культурнаго развитія: пути сообщенія, связующіе ихъ страну съ другими, были уже набросаны на картахъ и отмѣчались на столбахъ разстоянія между отдѣльными стоянками.

Одно обстоятельство особенно содѣйствовало успѣхамъ этой торговли. Около времени водворенія грузинъ въ предѣлахъ Карталиніи, вступилъ въ эту страну народъ, склонный къ мирнымъ промысламъ. Это были евреи. Далеко до Р. Х., по словамъ груз. лѣтописи, въ Мцхетѣ поселились іудеи послѣ перваго разрушенія Іерусалимскаго храма [1]). Евреи втянули отчасти и грузинъ въ торговлю, и подъ ихъ покровительствомъ началось оживленное движеніе въ бассейнѣ р. Куры. Слѣдствіемъ успѣховъ внѣшней торговли было возникновеніе древнѣйшихъ городовъ въ Грузіи. Начальная грузинская лѣтопись относитъ къ незапамятнымъ временамъ основаніе городовъ: Мцхетъ, Уплисъ-Цихе, Каспи, Урбнисъ, Сурамъ, Шарапань и др. Но довольно самаго бѣглаго взгляда на топографическое размѣщеніе этихъ городовъ, чтобы ясно видѣть, что они были созданы успѣхами внѣшней торговли. Города эти вытянулись длинной цѣпью по главной рѣчной дорогѣ Куры и Ріона.

Такимъ образомъ грузины, разселяясь по Курѣ и Ріону съ ихъ притоками одинокими укрѣпленными дворами среди океана лѣсовъ и горъ, должны были въ виду успѣховъ промышленности стягиваться къ сборнымъ торговымъ пунктамъ, мѣстамъ промышленнаго обмѣна. Мелкіе сельскіе рынки тянули къ болѣе крупнымъ, возникшимъ на особенно бойкихъ торговыхъ путяхъ. Изъ этихъ крупныхъ рынковъ, служившихъ посредниками между туземными и иностранными, выросли древнѣйшіе наши города по Курѣ и Ріону: Мцхетъ, Шарапань, Поти или Фазисъ служили торговыми центрами и главными складочными пунктами для образовавшихся вокругъ нихъ промышленныхъ округовъ.

Остатки мостовъ, разсѣянные по Закавказью, представляютъ собой единственные историческіе памятники, благодаря которымъ возможно опредѣлить прежнее направленіе дорогъ и ихъ значеніе. Общій характеръ мостовъ въ Закавказьи выражается въ томъ, что они построены при тѣснинахъ рѣкъ, среди двухъ скалъ, преимущественно изъ тесанаго камня на извести. У мостовъ, находившихся на большихъ дорогахъ, существовали каравансараи; съ распространеніемъ христіанства въ краѣ у моста ставились еще высѣченные изъ камня кресты въ память святыхъ. Слѣды деревянныхъ мостовъ сохранились во многихъ мѣстахъ Грузіи. Развалины моста близъ Мцхета до сихъ поръ показываются. Мцхетъ былъ необходимымъ торговымъ пунктомъ въ Грузіи, какъ для сообщенія между Чернымъ и Каспійскимъ морями чрезъ Ріонъ и Куру, такъ и изъ Сѣвернаго Кавказа чрезъ Дарьялъ и по системѣ Арагвы до южныхъ областей Грузіи и границъ Арменіи. Этимъ географически-экономическимъ положеніемъ Мцхета объясняется его политическое значеніе. Онъ служилъ могущественнымъ операціоннымъ базисомъ для всего питательнаго нерва, идущаго съ востока на западъ и съ сѣвера на югъ. Владѣющій Мцхетскимъ портомъ получилъ преобладающее вліяніе надъ другими торговыми пунктами, какъ обладатель единственнаго ключа къ вывозу естественныхъ богатствъ страны за границу и привозъ черезъ его посредство иноземныхъ товаровъ.

Другая система водяного сообщенія изъ Чернаго моря въ Каспійское направлялась по рр. Чороху, Курѣ и Араксу. Бассейны рр. Куры и Ріона привели Грузію въ сношеніе съ греками; бассейны же рр. Чороха, Куры и Аракса сблизили ее съ Ассиріей и Финикіей. За шесть вѣковъ до Р. Х. грузины вели съ народами этихъ странъ торговлю, отправляя рабовъ и мѣдную посуду [2]). На Кавказѣ въ эпоху желѣзнаго періода засвидѣтельствовано существованіе вѣсовой системы, соотвѣтствующей вполнѣ системѣ ассирійской. Фактъ указанный въ столь отдаленныя

[1]) Прор. Іезекіиль, гл. XXVII, ст. 13.

[2]) О раннемъ появленіи здѣсь евреевъ свидѣтельствуетъ надпись на камнѣ изъ Самтаврскаго кладбища, упоминающая „дорогаго отца Ягуда". См. *Хвольсонъ,* Сбор. еврейскихъ надписей, стр. 130.

времена употребленія ассирійскихъ мѣръ служитъ достаточнымъ основаніемъ для заключенія о степени развитія торговыхъ сношеній грузинъ съ ассирійцами и вліяніи послѣднихъ на первыхъ.

При раскопкахъ кладбища Рѣдкина-лагеря въ Елизаветпольской губ., въ долинѣ рр. Куры и Аракса, открыто оружіе съ украшеніями, похожими на халдео-ассирійскіе барельефы. Гончарное искусство и рукоятка меча на этомъ кладбищѣ и въ Самтаврѣ, близъ Мцхета, масса другихъ вещей, найденныхъ въ двухъ этихъ пунктахъ, даютъ право французскому археологу Шантру [1]) высказать мнѣніе о принадлежности названныхъ некрополей къ одной и той же цивилизаціи, испытавшей вліяніе Ассиріи. „Картлисъ-Цховреба" вспоминаетъ, что грузины выучились дѣлать кирпичи у персовъ; съ этимъ извѣстіемъ вполнѣ вяжутся археологическимъ путемъ добытые факты. Вліяніе Ассиріи рано переплелось съ воздѣйствіемъ Персіи и Финикіи. Финикіяне были привлекаемы на Кавказъ богатствомъ мѣдныхъ и оловянныхъ рудъ. Имъ нужно приписать распространеніе на Кавказѣ культа Астарты, Истари халдеевъ (Афродиты—у грековъ). Въ Кобанѣ вышеупомянутымъ Шантромъ разрыто много вещей, относящихся къ культу этого божества. Сюда же онъ относитъ нѣкоторыя человѣческія фигуры, открытыя въ Казбекѣ и близъ города Гори.

Археологія подкрѣпила мнѣніе объ отдаленныхъ связяхъ Мцхета и Картли, города на берегу р. Куры, извѣстнаго у классиковъ подъ именемъ Гармазика (нашъ Армази), съ Персіей и Индіей. На Самтаврскомъ кладбищѣ близъ Мцхета найдены вещи cyprea moneta, cardium rubinosum, которыя могли быть привезены только изъ Индіи. Сношенія съ Египтомъ поддерживались чрезъ посредство колховъ, считающихся колонистами Египта [2]). Сношенія же Грузіи съ Римомъ не оставляютъ сомнѣнія не только по историческимъ документамъ, но и по тѣмъ матеріальнымъ находкамъ, которыя открываются въ наиболѣе отдаленныхъ отъ центровъ пунктахъ. Такъ, близъ Тенава въ Греми открытъ саркофагъ, носящій всѣ признаки римской усыпальницы. Байернъ въ своихъ раскопкахъ и гр. Уваровъ при разрытіи могильниковъ не разъ находили римскія монеты и между прочими монеты Цезаря Августа.

Съ тѣхъ поръ, какъ начались первыя столкновенія европейцевъ съ Азіей, кавказскій перешеекъ три раза игралъ важную роль въ исторіи европейской торговли въ древности, въ средніе вѣка и въ наше время. XIX столѣтіе родило новую эру для Кавказа: оно вновь указало на эту „гору языковъ" и тономъ, полнымъ довѣрія, зародило смѣлую надежду на ея блестящее будущее. Первыя воспоминанія о торговлѣ Кавказа и въ частности Грузіи восходятъ къ походу аргонавтовъ; не говоря о золотомъ рунѣ Колхиды, мы упомянемъ только о милетцахъ, образовавшихъ торговыя колоніи на сѣверномъ и восточномъ берегахъ Чернаго моря. Незабвенными памятниками этого перваго періода торговли Кавказа остались разсказы Геродота и Страбона о поселеніяхъ греческихъ купцовъ въ Ольбіи, Фанагоріи, Діоскуріи. Колхида снабжала грековъ льномъ, воскомъ, золотомъ, которое разрабатывалось саонами, т.-е. сванами, недалеко отъ Діоскуріи.

Въ эпоху оживленнаго торговаго сношенія Грузіи съ Европой и Азіей на нее обратились различные народы-кочевники: скиѳы, хозары. Большіе торговые города должны были сами взять на себя защиту торговли и безопасности страны. Съ этой минуты они начали вооружаться, окапываться стѣнами, вводить у себя военное устройство. Такъ создалось ратное сословіе, которое ко времени Страбона составляло прочную организацію.

Такимъ образомъ промышленные центры обратились въ укрѣпленные пункты. Большіе вооруженные города явились въ такихъ пунктахъ, которые принимали наиболѣе дѣятельное участіе во внѣшней торговлѣ. Города эти подчинили себѣ окрестныя поселенія, для которыхъ прежде служили они торговыми средоточіями, и образовали изъ нихъ политическія области, нашедшія выраженія въ народной фантазіи о миѳическихъ строителяхъ и владѣтеляхъ Мцхета, Уплисъ-Цихе и др.

А. Хахановъ.

---

[1]) *Chantre.* Recherches anthropol. dans le Caucase, II, 81—2, ib. 198.

[2]) Это мнѣніе *Геродота*, см. Исторія, II, 103. *Д-ръ Елисѣевъ* въ своемъ „Путешествіи", т. III, гл. XII, стр. 19, указываетъ на существованіе грузинскаго поселка въ африканскомъ оазисѣ.

ГЛАВНЫЯ ЧЕРТЫ

ВЪ

НАРОДНОЙ РЕЛИГІИ ОСЕТИНЪ.

Народныя вѣрованія осетинъ, представляющія изъ себя на христіанской основѣ пеструю смѣсь изъ религіозныхъ системъ тѣхъ разныхъ націй, съ которыми осетины въ продолженіе вѣковъ находились либо во враждебныхъ, либо въ мирныхъ отношеніяхъ, имѣютъ значительный интересъ не только съ точки зрѣнія спеціалиста-ираниста, но и для сравнительной миѳологіи въ болѣе широкомъ смыслѣ. Вѣдь путемъ изученія различныхъ элементовъ, содѣйствовавшихъ образованію религіозныхъ повѣрій у осетинъ и у смежныхъ съ ними племенъ, мы получаемъ новое, весьма вѣское доказательство въ пользу сравнительнаго метода, единственнаго вѣрнаго путеводителя при изслѣдованіяхъ по вопросамъ миѳологіи. Этотъ методъ заключается во всестороннемъ изученіи культурныхъ и политическихъ отношеній, существовавшихъ между изслѣдуемымъ народомъ и его сосѣдями. Осетинская народная религія въ томъ видѣ, въ которомъ она существовала приблизительно до первой половины нашего вѣка, конечно, съ мѣстными оттѣнками, обусловливаемыми исключительнымъ географическимъ характеромъ края, имѣетъ для насъ еще одинъ значительный научный интересъ, а именно тотъ, что религіозныя вѣрованія осетинъ, несмотря на иноземное происхожденіе ихъ, въ теченіе столѣтій успѣли образовать нѣчто совершенно своеобразное, тѣсно связанное съ душевной и умственной жизнью осетинъ.

Какъ и слѣдовало ожидать, народная религія осетинъ, развившаяся отчасти подъ условіями, совпадающими и съ историческими судьбами другихъ кавказскихъ племенъ, представляетъ изъ себя много аналогій и даже общаго съ вѣрованіями кабардинцевъ, ингушей, суанетовъ, хевсуръ и разныхъ тюркскихъ племенъ. Къ сожалѣнію, мы пока лишены возможности опредѣлить въ каждомъ изъ данныхъ случаевъ историческое развитіе осетинскихъ вѣрованій, такъ какъ прошлое осетинъ довольно мало извѣстно.

В. Ѳ. Миллеръ далъ намъ впервые въ своемъ капитальномъ трудѣ, озаглавленномъ „Осетинскіе этюды“ (т. II, стр. 227 — 300) обстоятельный очеркъ религіозныхъ вѣрованій осетинъ. Основываясь отчасти на собственныхъ наблюденіяхъ, сдѣланныхъ имъ во время своихъ поѣздокъ въ Осетію, отчасти на матеріалахъ, собранныхъ осетинскими дѣятелями на Кавказѣ и обнародованныхъ въ „Сборникѣ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ“, В. Ѳ. положилъ основаніе научному изученію осетинской народной (полуязыческой) религіи. На трудѣ В. Ѳ. Миллера основана главнымъ образомъ статья страсбургскаго проф. Hübschmann'a, помѣщенная въ 41-омъ томѣ ZDMG (стр. 523 и сл.) подъ заглавіемъ „Sage und Glaube der Osseten“. Наконецъ, и авторъ предлагаемой статейки занимался изслѣдованіемъ осетинскихъ миѳологическихъ повѣрій въ рядѣ замѣтокъ, опубликованныхъ въ той же ZDMG [1]). И наши изслѣдованія, конечно, главнымъ образомъ покоятся на матеріалахъ, собранныхъ въ „Осетинскихъ этюдахъ“ В. Ѳ. Миллера.

[1]) Ср. т. 42-й, стр. 416—419; т. 43-й, стр. 671; т. 45-й, стр. 624—627.

Задаваясь цѣлью оттѣнить въ предлагаемой статейкѣ въ краткихъ словахъ вліяніе разныхъ религіозныхъ системъ на народную религію осетинъ, мы конечно слѣдуемъ примѣру своихъ вышеназванныхъ предшественниковъ въ дѣлѣ изученія осетинской миѳологіи, признавшихъ главнымъ элементомъ осетинской народной религіи христіанство грузинскаго происхожденія.

Укажемъ лишь мимоходомъ на уже извѣстный фактъ, что названія предметовъ, относящихся къ христіанскому богослуженію и принявшихъ въ осетинской народной религіи довольно различное отъ ихъ первоначальнаго смысла значеніе, главнымъ образомъ позаимствованы изъ грузинскаго языка. Отсылая читателя, интересующагося подробностями, къ трудамъ В. Ѳ. Миллера (l. c.) и Hübschmann'a [1]), мы остановимся пока на двухъ изъ нихъ, на словахъ *дзуар* и *деканоз*, могущихъ служить наглядными примѣрами для объясненія постепеннаго превращенія чисто христіанскихъ понятій и предметовъ въ языческіе. Слово дзуар—святой, патронъ, святое мѣсто, капище, восходитъ къ грузинскому слову *джварі*—крестъ, между тѣмъ какъ осетинское слово *деканоз*—языческій жрецъ [2])—заимствовано изъ грузинскаго *деканозі*—протоіерей.

Нельзя удивляться тому, что полудикій народъ, живущій въ первобытныхъ условіяхъ культурной жизни, по принятіи христіанства главнымъ образомъ обольщается внѣшними формами послѣдняго. Однакоже можно заключить изъ того обстоятельства, что осетины и въ своей наружной религіи сохранили довольно много христіанскихъ воспоминаній, что религія Христа въ свое время пустила довольно глубокіе корни въ умственную и духовную жизнь осетинъ. Проповѣдавъ въ теченіе XII-го в. успѣшно христіанское ученіе и построивъ церкви въ Осетіи, грузинскіе цари, начиная со времени страшныхъ войнъ и опустошеній, постигшихъ Грузію съ XIII-го вѣка [3]), принуждены были исключительно заботиться о защитѣ своихъ коренныхъ владѣній отъ натиска непріятелей. Этимъ обстоятельствомъ, главнымъ образомъ, объясняется прекращеніе грузинскаго духовнаго вліянія на осетинъ, которые, предоставленные самимъ себѣ, не имѣли въ своемъ распоряженіи культурныхъ силъ, обезпечивающихъ за Осетіею дальнѣйшее развитіе грузинскаго просвѣщенія. Потомки христіанскихъ священниковъ, не получавшіе духовнаго образованія, исполняли духовные обряды, читали молитвы; но дѣйствительный смыслъ и тѣхъ, и другихъ былъ для нихъ непонятенъ. Христіанскіе святые: св. Георгій, св. Илія, св. Николай подъ именами *Вастырджы, Вацилла, Вацниккола*, принимаютъ у осетинъ видъ языческихъ полубоговъ или духовъ, не имѣющихъ ничего общаго съ характеромъ христіанскихъ святыхъ. Въ доказательство того, насколько первоначальный характеръ этихъ святыхъ измѣнился въ воображеніи осетинъ, можно привести то обстоятельство, что имена ихъ употреблялись и во множественномъ числѣ. Крестъ, главный символъ христіанской вѣры, получаетъ въ осетинской миѳологіи либо значеніе святого, патрона, духа-покровителя (даже падучей звѣзды), либо же значеніе священнаго мѣста, капища. Имена свв. архангеловъ Михаила и Гавріила, соединенныхъ въ одно слово подъ формой Мыкалыгабыртае (мн. число), становились названіемъ для одного изъ главныхъ святилищъ осетинъ, бывшей христіанской церкви; св. апостолъ Петръ превратился у осетинъ подъ названіемъ *Донбеттаер* (диг.), *Донбыттыр* (таг. или иранск.) въ водяного духа и покровителя рыбаковъ. Въ послѣднемъ обстоятельствѣ не трудно узнать глухой отголосокъ изъ Евангелія, по сообщенію котораго апостолъ Петръ до призванія его Спасителемъ въ число учениковъ Христовыхъ на самомъ дѣлѣ занимался рыбачьимъ промысломъ.

На ряду съ этими духами или святыми осетинской народной религіи, Богъ, Спаситель и Богородица упоминаются сравнительно рѣдко при совершеніи обрядовъ у осетинъ. Причину этому можно видѣть въ томъ, что пониманіе значенія возвышенныхъ священныхъ личностей христіанской вѣры было вполнѣ недоступно грубому воображенію неразвитаго народа, живущаго исключительно матеріальной жизнью.

---

[1]) Cp. Etymologie und Lautlehre d. osset. Sprache (Страсбургъ, 1887) стр. 118 сл.

[2]) Ср. Исторію Ветхаго Завѣта епископа Іосифа Владикавказскаго (на осетинскомъ языкѣ) стр. 35, 3; 95, 7.

[3]) Ср. *Миллеръ*, „Осетинскіе этюды" III, стр. 34.

Вмѣстѣ съ исчезновеніемъ изъ Осетіи христіанскихъ священниковъ, изъ этой страны исчезли и понятія о болѣе идеальныхъ сторонахъ христіанскаго ученія, и осталось лишь то, что въ глазахъ народа имѣло болѣе практическое значеніе, или же то, что подъ давленіемъ народнаго воображенія могло мало-по-малу принимать видъ, соотвѣтствующій суевѣрному образу мыслей древнихъ осетинъ.

Приведемъ одинъ изъ самыхъ наглядныхъ примѣровъ такого исключительно практическаго направленія въ религіозной жизни древнихъ осетинъ, замѣтнаго, впрочемъ, и въ другихъ первобытныхъ религіозныхъ системахъ; мы тутъ имѣемъ въ виду превращеніе св. Іоанна Крестителя въ духа, насылающаго оспу. Въ данномъ случаѣ осетины вмѣсто первоначальнаго имени св. Іоанна Крестителя Алавердскаго, храмъ котораго по всей Грузіи пользуется высокимъ почетомъ вслѣдствіе приписываемой ему цѣлебной силы, употребляютъ формы *Алаурдi* (диг.), *Аларды* (ир. или таг.), восходящія, конечно, къ вышеупомянутому имени грузинской мѣстности (*Алаверды*) [1]). Не лишено интереса, что и современные греки признаютъ за св. Іоанномъ Крестителемъ цѣлебныя силы. (Ср. *P. v. Melingo*, Kirche und Volksglaube in Griechenland, въ приложеніи къ мюнхенской Allg. Zeitung № 26 (21) отъ 26-го января 1892 г., стр. 4, ult).

Отсылая читателей, интересующихся подробностями осетинской религіи, напр. исполненіемъ ритуальныхъ обрядовъ, святынями, поминками и т. п., къ выше цитированному труду В. Ѳ. Миллера, мы теперь обратимся къ другому религіозному ученію, оказавшему также немаловажное вліяніе на развитіе осетинскихъ вѣрованій, а именно къ парсійскому.

Персидская культура и религія, вплоть до появленія ислама на Кавказѣ, имѣла многостороннее значеніе въ развитіи умственной и духовной жизни народовъ южнаго Кавказа. Она отразилась и на религіозной жизни предковъ нынѣшнихъ осетинъ. Сассанидская Персія, въ предѣлахъ которой господствовалъ охраняемый многочисленнымъ и вліятельнымъ духовенствомъ зороастризмъ, отличалась по крайней мѣрѣ въ высшихъ слояхъ своего населенія особеннымъ религіознымъ рвеніемъ. По сообщенію арабскаго географа Масуди, черкесы исповѣдывали въ его время религію маговъ. Армянскій историкъ Моисей Каганкатваци разсказываетъ по поводу описанія религіозныхъ обрядовъ народа, обитающаго на сѣверномъ склонѣ Кавказскаго хребта и называемаго имъ „Хонкъ“ (Гунны), что эти „Гунны“ поклонялись исполину Аспандхату, т.-е. Спенто-дата Авесты, Исфандіяр'у новоперсидскаго эпоса (Ср. ZDMG т. 45, стр. 623, прим. 5).

Однако, въ виду разнообразія вліянія, оказаннаго Персіей на народы Кавказа, мы не въ состояніи указать на прямой источникъ, къ которому восходятъ парсійскіе элементы въ осетинской народной религіи. Здѣсь могли быть посредниками либо грузины, либо другія кавказскія племена, либо народы тюркскаго происхожденія, или же, наконецъ, сами персы, усердно занимавшіеся, судя по извѣстіямъ армянскихъ писателей, миссіонерской дѣятельностью среди кавказскихъ племенъ.

Изъ божествъ осетинскаго Пантеона лишь одна носитъ явно парсійское имя: *Фаелваера*, духъ-покровитель овецъ (также названіе мѣсяца), но также духъ-покровитель въ общемъ смыслѣ [1]). Имя *Фаелваера* и по значенію, и по звуковому составу вполнѣ соотвѣтствуетъ пехлевійскому слову *Фарвар* (Фравар), духъ-покровитель; ср. авест. *Фравашi*, древне-перс. личное имя *Фравартиш* и ново-перс. *Фарвардiн* (изъ фравартiнам). Къ словамъ несомнѣннаго парсійскаго происхожденія надо отнести и слово *iзаед* (диг.), *заед* (ир. или таг.) ангелъ; ср. авест. *язата*, перс. *īзад*. По нашему мнѣнію [2]) и осетинское слово *iдаваег* (диг.), *дауаег* (ир. или таг.) восходитъ къ авестійскому слову *вīдаева*, имѣющему значеніе „враждебный дѣвамъ“. Осетинское слово *iдаваег*, *даваег* обозначаетъ духовъ, составляющихъ вмѣстѣ съ *iзаедами* (*заедами*) извѣстную категорію ангеловъ.

Имя духа—покровителя пчелъ, называемаго у дигорцевъ *Анiгол*, указываетъ также на пер-

---

[1]) Ср. *Дубровинъ*, Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ. I. кн. 2, стр. 143, 299, 300. Судя по собраннымъ въ этомъ трудѣ свѣдѣніямъ, Іоаннъ Креститель Алавердскій принадлежалъ и у тушинъ къ главнымъ святымъ этого племени, именно благодаря приписываемой ему цѣлебной силѣ.

[2]) Ср. *Миллеръ*, Осетинскіе этюды т. I, стр. 96, 20.

[3]) Ср. ZDMG 43, стр. 671.

сидское происхожденіе этого названія. Если наше предположеніе вѣрно, что въ послѣдней части этого слова кроется арабск. слово *гул*, привидѣніе, злой духъ пустыни, то этого названія, конечно, нельзя причислять къ тѣмъ словамъ, которыя вошли въ осетинскій языкъ изъ парсизма. Наше сопоставленіе имени осетинскаго духа *Руймон*[1]) съ Ариманомъ мы теперь считаемъ сомнительнымъ.

Осетинское повѣріе, будто земля покоится на рогахъ быка[2]), надо также отнести къ иранскому вліянію на осетинскія вѣрованія. Но такъ какъ это повѣріе распространено и между другими иранскими племенами,—курдами и персами, отъ которыхъ оно перешло и къ разнымъ кавказскимъ племенамъ, ее надо считать за древнеиранское суевѣріе, относящееся уже къ дозороастрійскимъ временамъ. То же самое, можетъ-быть, относится и къ осетинскимъ обычаямъ при учиненіи присяги по народному праву осетинъ, производящимъ на насъ впечатлѣніе крайней архаичности и находящихъ себѣ параллели въ соотвѣтствующихъ обрядахъ у персовъ[3]).

Парсійское вліяніе на повѣрія осетинъ замѣтно, по нашему мнѣнію, и въ осетинскомъ „посвященіи коня мертвому", такъ называемомъ баехфаелдесунѣ. Мы здѣсь имѣемъ въ виду главнымъ образомъ упоминаніе въ вышеуказанномъ осетинскомъ повѣріи "небеснаго моста" черезъ который должна пройти по дорогѣ въ рай душа покойнаго. Этотъ мостъ напоминаетъ намъ мостъ *Чинватъ* въ парсійской миѳологіи. По минованіи моста, душа покойнаго приходитъ къ „райскому холму", соотвѣтствующему *Чикат-і-даітік* „горѣ суда" въ пехлевійской книгѣ *Арта-Вирафъ-Намак.* Однако, съ другой стороны, описаніе какъ осетинскаго рая, такъ и ада въ значительной степени похожи на повѣрія разныхъ тюркскихъ племенъ[4]).

Что касается мусульманскаго вліянія на народную вѣру осетинъ, то оно было довольно слабо, насколько намъ позволяютъ судить доступные намъ матеріалы. Вкоренившись на сѣверозападномъ Кавказѣ лишь въ концѣ прошлаго вѣка, законъ Мухаммеда не успѣлъ сдѣлаться достояніемъ народной жизни и религіи осетинъ. Въ вышеупомянутомъ „посвященіи коня покойному" упоминается имя „Махмата, сына солнца", дарующаго покойному подсѣдельникъ[5]). Къ мусульманскому религіозному вліянію на осетинъ относится и названіе рая у осетинъ, *дзаенает*—по-арабски *джаеннает.*

Изъ предлагаемаго очерка видно, что общія основы, на которыхъ зиждется народная религія осетинъ, выяснены наукой. Несмотря на то, тутъ остается разъяснить еще довольно многое. Мы здѣсь имѣемъ въ виду не столько рядъ пока еще темныхъ по ихъ происхожденію именъ духовъ—ср. напр. *Барастаер*, *Барастыр*, властитель надъ мертвыми, *Аевсати*[6]), властитель надъ дикими животными и др.—сколько наше незнакомство съ религіозными вѣрованіями осетинъ до ознакомленія послѣднихъ съ христіанствомъ. Если бъ мы въ этомъ отношеніи были поставлены въ болѣе благопріятныя условія, то надо бы думать, что и многіе элементы въ народныхъ вѣрованіяхъ осетинъ, оставшіеся пока для насъ загадочными, предстали бы передъ нами въ болѣе ясномъ видѣ.

Р. бар. Штакельбергъ.

---

1) Ср. *Миллеръ*, Осетинскіе этюды, т. II, стр. 296. Древности Восточныя т. I, вып. 2, стр. 138.

2) Ср. Татіевъ, въ Сб. свѣд. о кавк. горцахъ, т. IX, стр. 71, 72. ZDMG т. 42, стр. 419; тамъ же т. 45, стр. 628.

3) Ср. Джантеміръ *Шанаевъ,* Присяга по обычному праву осетинъ въ Сборн. св. о кавк. горцахъ т. VII, отд. 1. ***Hübschmann***, Etym. и Lautl. d. oss. Spr. стр. 24. Ср. осет. *ард хаерын*, н. перс. *сауганд хурдаен*, пудрск. *сонт харын* принести (съѣсть) присягу. Ср. также: ***Фавстъ*** Визант. кн. IV, гл. 53, стр. 139; *Себеосъ,* гл. III, стр. 38, 3—4 (въ изданіяхъ Патканова).

4) Ср. ZDMG т. 45, стр. 625—626.

5) Ср. *Миллеръ*, Осет. эт. т. I, стр. 109.

6) Ср. *Миллеръ*, Осет. эт. т. II, стр. 244 и сл.

КЪ БОСПОРСКОЙ ОНОМАСТИКѢ.

СОБСТВЕННОЕ ИМЯ ΣΩΡΑΚΟΣ.

Изслѣдованія: берлинскаго академика Мюлленгофа—„Über die Herkunft und Sprache der pontischen Scythen und Sarmaten" (въ Monatsbericht d. K. Preus. Akad. d. W. за 1886 г.), проф Юргевича—„О именахъ иностранныхъ на надписяхъ Ольвіи, Боспора и другихъ греческихъ городовъ сѣвернаго прибрежья Понта Евксинскаго" (въ Запискахъ Одесскаго общ. исторіи и древностей, VIII, за 1872) и, въ особенности, проф. Вс. Ѳ. Миллера—„Эпиграфическіе слѣды иранства на югѣ Россіи" (въ Журн. Мин. Нар. Просв., за 1886, № 9, стр. 232—283), „Осетинскіе этюды", III, стр. 75 слд.—вполнѣ доказали, что *на сѣверномъ побережьѣ Чернаго моря, за нѣсколько вѣковъ до Р. Х., звучала иранская рѣчь.* Въ этомъ тезисѣ, добытомъ, главнымъ образомъ, путемъ лингвистики, нашли себѣ подтвержденіе хорошо извѣстныя свидѣтельства историковъ классической древности, утверждавшихъ о родствѣ съ мидянами (слѣдовательно, съ народомъ иранскаго племени) обширнаго племени Сарматовъ (Савроматовъ) и Сигинновъ, раскинувшихся по Танаису, Мэотидѣ, Борисѳену и далѣе до Истра [1]). Источниками, въ которыхъ упомянутые выше ученые искали слѣдовъ иранства, послужили многочисленныя „варварскія" nomina propria, встрѣчающіяся на цѣломъ рядѣ надписей, происходящихъ изъ эллинскихъ колоній по сѣверному берегу Эвксинскаго Понта.

Проф. Вс. Ѳ. Миллеръ, просмотрѣвши снова матеріалъ, которымъ занимались Мюлленгофъ и Юргевичъ, а также, изучивъ новый, заключающійся въ изданіи академика В. В. Латышева—„Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae", пришелъ къ весьма любопытнымъ выводамъ, изъ которыхъ считаемъ нужнымъ, для нашихъ цѣлей, привести слѣдующіе:

1) Разсмотрѣніе варварскихъ собственныхъ именъ, сохранившихся въ припонтійскихъ надписяхъ, обнаруживаетъ въ числѣ этихъ именъ значительный процентъ иранскихъ.

2) Иранскія имена распадаются на двѣ группы. Въ именахъ первой группы, составляющихъ *огромное большинство,* сохранились такія лингвистическія черты, которыя даютъ возможность видѣть въ иранскомъ языкѣ, которому они принадлежатъ, предка нынѣшняго осетинскаго языка... Кромѣ иранскихъ именъ, относящихся къ живому иранскому языку, распространенному нѣкогда въ припонтійскихъ областяхъ, встрѣчаются въ тѣхъ же надписяхъ иранскія имена другого типа, именно древне-персидскія, которыхъ присутствіе объясняется заимствованіемъ вслѣдствіе культурнаго вліянія персидской монархіи, отрожавшагося и на черноморскомъ сѣверномъ побережьѣ. Число именъ этого типа ничтожно въ сравненіи съ числомъ именъ перваго рода. (См. Эпиграфич. слѣды иранства и пр., стр. 280).

Въ связи съ этимъ, изученіе вопроса о происхожденіи осетинъ привело проф. Миллера къ убѣжденію, что ихъ предки, за нѣсколько вѣковъ до Р. Х., занимали „и нѣкоторыя части восточно-европейской равнины—берега Дона, Мэотиды и сѣверное побережье Понта" (О. с., p. 235).

---

[1]) См. *Миллеръ*—Эпиграфич. слѣды иранства на югѣ Россіи, Ж. М. Н. П., 1886, № 9, стр. 274 слд.

Эти предварительныя замѣчанія мы сочли не лишнимъ привести какъ prolegomena къ разсмотрѣнію новаго матеріала по боспорской ономастикѣ, что и должно составить содержаніе послѣдующаго изложенія.

19-й выпускъ „Матеріаловъ по археологіи Россіи, издаваемыхъ Императорскою Археологич. Коммиссіей", принесъ намъ изслѣдованіе кіевскаго проф. Ю. Кулаковскаго, озаглавленное—„Древности Южной Россіи. Двѣ керченскія катакомбы съ фресками. Приложеніе: Христіанская катакомба; открытая въ 1895 г. (С.-Пбургъ 1896)". Изъ этого изданія мы, между прочимъ, узнаемъ, что въ одной изъ керченскихъ катакомбъ, открытой въ 1890 г., встрѣчается греческая надпись, исполненная на стѣнѣ красками. Судя по орнаментаціи и по характеру письма, данная надпись (по содержанію—эпитафія), состоящая изъ 12 прекрасно сохранившихся строкъ, относится ко времени не ранѣе III в. по Р. Х. Вторая строка этой надписи, представляющая для насъ спеціальный интересъ, читается слѣдующимъ образомъ:

ΣΩΡΑΚΟΣ Β ΔΙΚΩΝ ΠΡΑΚΤΩΡ

т.-е. Соракъ, (сынъ) Сорака, взыскатель штрафовъ. Вотъ на это собственное имя—Σώρακος—мы и желали бы обратить вниманіе. Но прежде, чѣмъ будемъ излагать свое толкованіе, считаемъ нелишнимъ привести то, что мы находимъ объ этомъ собственномъ имени у автора упомянутаго изслѣдованія. „Имя соорудителя Σώρακος, говоритъ проф. Кулаковскій,—не попадалось доселѣ въ боспорскихъ надписяхъ, но самая форма, а именно: образованіе слова при помощи суффикса *ακα*, который встрѣчается въ десяткахъ боспорскихъ именъ, позволяетъ видѣть въ Соракѣ туземца—Сармата" (стр. 30—31).

Приступая къ разсмотрѣнію формы собственнаго имени Σώρακος (удареніе неизвѣстно), мы можемъ его раздѣлить такъ: *Σωρ-ακο-ς* т.-е. разсматривать его какъ nomen proprium, образованное при помощи суффикса *-ακο-*; что же касается его основной части, то она является какъ Σωρ-; это Σωρ- мы можемъ возвести къ пра-иранскому *saura-, т.-е. къ такой формѣ, которая должна была рефлектироваться въ др.-персидскомъ какъ *saura-, въ языкѣ Авесты какъ saora-, въ средне- и ново-персидскомъ какъ *sōr. И, дѣйствительно, въ авестійскомъ мы находимъ форму saora- (m.) „Klinge", съ которымъ родственно, также авестійское, sura- (gaosūra-) „Lanze" [2]), срв. др.-перс. *σύρας· μαχαίρας* (Гезихій), др.-инд. çulá-„Spiess", çula-„Pfahl", курд. šur, др.-русс. сулица[3]).

Что же касается nomina propria, въ составъ которыхъ входила бы основа, соотвѣтствующая авестійскому saora-, то мы можемъ отмѣтить, пользуясь капитальною работою проф. Ф. Юсти—Iranisches Namenbuch (Marburg, 1895), слѣдующія:

1) Sauro-maces, Amm. Marc. 27, 12, 4, „gekürzt aus Sauro-m(ates) mit Affix aka" (O. c. p., 292) Параллелями этого собс. имени являются: осетинское Саурмӓг (устное сообщеніе проф. В. Ѳ. Миллера) и груз. Saurmag (сообщеніе А. С. Хаханова); сюда же принадлежитъ др.-арм. Surmak (о которомъ см. у Юсти, o. c. p. 318; у Гюбшмана, Arm. Gramm. I, не находимъ) [4]).

2) Sauro-mates (Σαυρόματος, Const. Porphyr.) т.-е. Сарматъ — имя, которое носили многіе боспорскіе цари. Юсти, въ соотвѣтствіи ему, предполагаетъ въ авест. *saoromant- (gen.-matō) „mit der Klinge [dem Schwert] versehen". (O. c. pp. 292—293).

Основная часть нашего собственнаго имени—Σωρ- находится въ такомъ же соотношеніи къ праиранс. *saur-a-, авест. saora-, въ какомъ Γωσ- въ nom. pr. Γώσακος (Тан.) [5]), ʻΡαθα—γωσος (O.)

[2]) Срв. производное sūirya: 1) „mit einem Spiesse versehen, bewehrt; 2) am Spiess befindlich, am Spiess bratend"; sūiri „bewehrt". См. у F. Justi—Handbuch der Zendsprache, s. vv.

[3]) Иранск. *sūra- проникло и въ финскіе языки, гдѣ мы находимъ шолј „копье, пика, колоть". См. Штакельбергъ, Ирано-финскія лексикальныя отношенія („Древности Восточныя". I, стр. 293, s. nº. 57).

[4]) Въ своемъ этюдѣ по древне-армянской ономастикѣ („Die altarmenischen Personennamen" въ Festgruss an Rudolf v. Roth etc. Stuttgart, 1893, pp. 99—106=арм. переводъ въ „Handes Amsorya", 1894, №№ 6 и 7) проф. Гюбшманъ причисляетъ Surmak (у историка Егише, V в.) къ тѣмъ nomina propria, этимологія которыхъ не ясна; въ подстрочномъ примѣчаніи онъ задается вопросомъ, не можетъ ли Surmak быть приравнено къ персидскому surma „сурьма"?

[5]) Начальныя буквы употребляются для слѣдующихъ сокращеній: Тан.=Танаидъ, А.=Анапа, О.=Ольвія.

Γορ-γόσ-ας (А.) къ пра-иранскому корню *gauš-„audire“, *gauša-„auris“ (срв. др.-перс. gauša-„auris“, авест. gaoša-„id.“, средне-и ново-перс. gōš „id.“, осет. γos „id.“, i-γos-un „audire“), или Βωρ- въ Βώρ-ακος (А.), Βωρ-όφαζος (О.), Βωρ-οζάρακος (Тан.), Βόρ-ασπος (Тан.) къ пра-иранск. *baura- (срв. ново-перс. bor „Fuchs [Pferd], rothbraun“ [Horn, Grndr. d. neupers. Etym., s. n⁰ 234], осет. bor „бурый, сивый“).

Вторая часть -ακο-ς представляетъ (въ грецизированномъ видѣ) очень любимый иранскими языками и получившій въ нихъ сильное распространеніе „вторичный“ суффиксъ -*aka- (изъ индо-европ. *o-k²-o; cf. Brugmann, Grndr. d. vergl. Gramm. d. indogerm. Spr. II § 86), т.-е. тотъ суффиксъ, который является какъ -aka- въ др.-персидскомъ (срв. ba[n]daka- „рабъ, слуга“, vazraka- „могучій, великій“) и авестійскомъ, какъ -ak въ средне-персидскомъ [пехлеви] (срв. bandak=др.-перс. ba[n]daka-), какъ a+h „occultum“ (въ извѣстныхъ случаяхъ какъ -ag-) въ ново-персидскомъ (срв. bandah=средне.-перс. bandak etc., plur. band-ag-ān). За подробностями, касающимися исторіи этихъ суффиксовъ, отсылаемъ къ трудамъ: Darmesteter'a—Études iraniennes, I, § 216, проф. Миллера—Осет. Этюды, II, стр. 101 слд., Hübschmann'a, Z. D. M. G. XLI p. 327 sq. (гдѣ указана и литература предмета), Bartholomae-Grdr. d. iran. Phil. I, § 201 (объ суфф. -aka- въ пра-иранскомъ); срв. также у Юсти—Iran. Namenbuch, p. 521.—Этотъ суффиксъ -ακο- (съ варіантомъ -αγο-) образуетъ весьма значительное число собственныхъ именъ, читаемыхъ на припонтійскихъ надписяхъ, какъ-то: Σάρ-ακο-ς, Σόργ-ακο-ς, Μάδ-ακο-ς, Βώρ-ακο-ς, Γώσ-ακο-ς, Ἄσπ-ακο-ς etc. etc.

Переходимъ теперь къ выясненію того значенія, которое могло лежать въ основѣ собственнаго имени Σωρακος. Принимая во вниманіе значеніе авест. saora- и его эквивалентовъ въ родственныхъ языкахъ (др.-инд. çūlá- etc.; см. выше), мы полагаемъ, что наше nom. pr. могло значить: *мечъ, копье* или что-либо подобное. Если мы станемъ искать оттѣнка значенія, имѣя въ виду образовательный суффиксъ, то таковымъ, конечно, явится оттѣнокъ *уменьшительный;* однако, надобности въ этомъ не представляется, такъ какъ нашъ суффиксъ очень часто, по всей области иранскихъ языковъ, являлся *безъ опредѣленнаго значенія.*

Значеніе *оружія* для собственнаго имени не является въ данномъ случаѣ одинокимъ. Оно находитъ себѣ аналогію во многихъ языкахъ, какъ индо-европейскихъ, такъ и иного корня. Прежде всего отмѣтимъ уже приведенныя Sauromaces, Sauromates, въ составъ которыхъ входитъ sauro-, соотвѣтствующее авестійскому saora-, и ихъ эквиваленты въ осетинскомъ (Saurmäg), грузинскомъ (Saurmag) и др.-армянскомъ (Surmak); далѣе, вспомнимъ имя легендарнаго армянскаго царя (одного изъ hайкидовъ)—Sur („Ист. Арменіи“ Моисея Хоренскаго, I, 19), что, какъ имя нарицательное, значитъ, между прочимъ, *мечъ* (Cf. Эминъ—Династическій списокъ Хайкидовъ, М. 1884, стр. 20) [6]), а также имя родоначальника (по Моисею Хоренскому, o. c., II, 8) рода Слкуни—Slakh, что, какъ имя нарицательное, значитъ: „cuspis, acies; jaculum“ (уже въ памятникахъ V в.) [7]); др.-греческія такія собственныя имена, какъ Μαχαιρεύς, Μαχαιρίων, Μαχαίτας

---

6) Собственное имя Sur, встрѣчающееся только въ выше цитированномъ мѣстѣ „Исторіи Арменіи“ Моисея Хоренскаго, было предметомъ изслѣдованія уже одного изъ старѣйшихъ арменистовъ Западной Европы *Joh. Schröder*'а, который въ своей *Dissertatio de antiquitate, fatis, indole atque usu linguae armenicae*, предпосланной въ видѣ prolegomena къ его почтенному труду „Thesaurus linguae Armenicae, antiquae et hodiernae (Amstelodami, 1711)“, пытаясь этимологически разобрать древне-армянскія собственныя имена (географическія и личныя), объяснялъ имя Sur какъ „acutus, acer“ (p. 17). Это этимологическое истолкованіе нашло себѣ послѣдователя въ лицѣ *Gosche*, автора небольшой диссертаціи - „*De ariana linguae gentisque armeniacae indole prolegomena (Berolini, 1847)*“, который по поводу Sur говоритъ слѣдующее: „Inter nepotes Arayi nominatur Sūr, cuius nomen hodierna lingua armeniaca *acutum, acrem* significans (cll. fortasse pers. *sūzen* acus), duplice ratione explicari potest aut sanscrito *çubhra* „splendens“, qnod zendice in *çuwra* transit, aut, quod equidem praefero, *çūra* „fortis, virilis“ (p. 45). [Цитата эта приводится и у *Lagarde—Armenische Studien* p. 138, s. n⁰ 2031. (Лагардъ отдѣляетъ Sur - какъ nomen proprium отъ sur—какъ nomen appellativum, которое приводитъ вслѣдъ за первымъ, s. n⁰ 2032].—Сопоставленіе Гоше, o. c., армянскаго sur („острый“) съ авестійскимъ sūra (въ транскрипціи Гоше çūra) „fortis, virilis“ принято было и Ферд. Юсти и приведено, съ ссылкою на Гоше, въ его *Handbuch des Zendsprache*, s. v. 1 çūra (adj.) „stark, hehr, heilig“, тогда какъ арм. sur въ значеніи „мечъ“ приводится имъ какъ эквивалентъ авестійскаго 2 çūra (m.) „Spiess, Lanze“.

7) Въ своемъ вышеупомянутомъ этюдѣ—Die altarmenischen Personennamen—проф. Гюбшманъ не приводитъ ни Sur, ни Slakh.—Что касается этимологіи послѣдняго имени, то она остается невыясненною. Индо-европейское его происхожденіе болѣе чѣмъ сомнительно. Интересно замѣтить, что лицо, носившее имя Slakh, повидимому было не армян-

etc. (подробности относительно значенія и цитаты см. у Pape's Wörterbuch d. griech. Eigennamen, s. vv.); древне-датскія (собщеніе Dr. Thor Lange) Oddr (собс. остріе), Örvarodrr (собс. стрѣлы остріе), Hjàlmarr (собс. украшенный шлемомъ); славянск. Мечиславъ [8]); грузинское — Xmaladze (фамилія), срв. xmali—„сабля" (сообщеніе А. С. Хаханова); черкесское (адыгское) čethe-geǯ (соб. мастеръ въ употребленіи сабли) отъ čethe „сабля" (сообщено К. Кусикянъ), и пр.

Обращаемся теперь къ вопросу о томъ, принадлежитъ ли наше собственное имя иранскому языку припонтійскихъ областей („сарматскому"), или же оно проникло, какъ заимствованіе, изъ языка древнихъ Персовъ, культурное вліяніе которыхъ не осталось здѣсь безъ слѣда [9]). Разбирая образованіе и значеніе собственнаго имени Σωραχος, мы предполагали, что это слово туземное, сарматское. Но есть также возможность считать Σωραχος, хотя и съ меньшей вѣроятностью, собственнымъ именемъ, перешедшимъ отъ древнихъ Персовъ. Въ древне-персидскомъ мы ждали бы *Sauraka, которое въ греческомъ написаніи могло явиться какъ Σωραχος, подобно тому, какъ др.-перс. Gaubrūva передано черезъ Γωβρύας (Bartholomae, Bezzenberger's Beiträge, XIII, 70); образованіе же собственнаго имени на -aka- въ древне-персидскомъ мы, кажется, можемъ видѣть въ nom. pr. Aršaka при Ἄρσης (др.-перс. *Arša). Но, повторяемъ, послѣднее толкованіе, т.-е. возведеніе Σωραχος къ древне-персидскому *Sauraka, представляется менѣе вѣроятнымъ и не необходимымъ. Къ тому же есть еще одно обстоятельство, которое можетъ говорить за туземность имени Σωραχος, вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько измѣняя его, раньше предложенное нами, толкованіе. Дѣло въ томъ, что среди припонтійскихъ собственныхъ именъ съ суффиксомъ -aka- не мало такихъ, которыя могутъ быть истолкованы какъ тожественныя формы къ осетинскимъ образованіямъ на -äg, которое, присоединяясь къ глагольному корню, образуетъ nomina agentis (participia) и отглагольныя прилагательныя. (См. Миллеръ, Осет. Этюды, II, стр. 102). Въ такомъ смыслѣ проф. Миллеръ объясняетъ цѣлый рядъ именъ: Ἀμαίακος, Ἀρδάρακος, Βάτακος, Γώσακος, Σάναγος и др. (См. Эпиграфич. слѣды Иранства и пр., стр. 271). Если мы примемъ, что припонтійскій корень sōr- могъ значить также „рубить, убивать" и т. п., то въ Σωραχος мы могли бы видѣть значенія: *рубака. убійца* и т. п.

Итакъ, резюмируя все вышесказанное, мы можемъ слѣдующимъ образомъ формулировать наши толкованія собственнаго имени Σωραχος:

1) или оно является словомъ пришлымъ, благодаря культурному воздѣйствію древнихъ Персовъ, въ языкѣ которыхъ оно должно было звучать *Sauraka;

2) или оно слово туземное, припонтійское („сарматское") и при этомъ: a) или образовано съ помощью обычнаго въ припонт. собств. именахъ суффикса -ακο-; или b) отъ глаг. корня sōr- съ суффиксомъ, соотвѣтствующимъ осет. -äg (для nomina agentis).

Лично, для насъ, толкованіе, приведенное подъ рубрикою 2*a* является наиболѣе вѣроятнымъ.

Экскурсъ объ армянскомъ sur.

Мы имѣли случай говорить объ древне-армянскомъ собственномъ имени Sur, которое какъ nomen appellativum значитъ „мечъ". (Sur въ значеніи „острый" *вѣроятно* слѣдуетъ отдѣлять отъ sur въ значеніи „мечъ"). Объ этомъ имени мы находимъ нѣсколько строкъ у Lagarde, въ его Armenische Studien (Leipzig, 1883), p. 138, s. n⁰ 2032, гдѣ оно (какъ въ значеніи μάχαιρα, такъ

скаго происхожденія. Моисей Хоренскій, Ист. Арменіи, кн. II, гл. 8, говоритъ· „Мы было забыли... Слака, который не могу сказать навѣрное, отъ Хайка ли происходитъ [т. е. армянскаго ли онъ происхожденія], или отъ аборигеновъ, бывшихъ въ странѣ до него, о чемъ повѣствуютъ древнія сказанія". (Новый пер. Н. О. Эмина, М. 1893). Не „алародійскаго" ли (иначе „ванскаго") оно происхожденія?

8) *С. К. Буличъ* (прив.-доцентъ С.-Петербургскаго университета) любезно сдѣлалъ намъ (въ письмѣ отъ 2 ноября 1898 г.) указаніе на существованіе *русскихъ* прозвищъ, основнымъ значеніемъ которыхъ является понятіе оружія; таковы: *Булатъ, Булатко, Кинжалко, Кистеня, Дубина* и т. д. (См. Чечулинъ—„Личныя имена въ писцовыхъ книгахъ XVI в."—отд. отт. изъ „Библіографа" 1890 г.).

9) См. Миллеръ, Эпиграфич. слѣды Иранства и пр., стр. 280.

и—ὀξύς) сопоставляется, въ качествѣ эквивалента, съ уже извѣстными намъ параллелями. У Гюбшмана, ни въ его Armenische Studien, I (Leipzig, 1883), ни въ его Armenische Grammatik, I (Leipzig, 1895 - 97), sur не упоминается вовсе [10]). Сопоставленіе армянскаго sur „мечъ" съ авестійскимъ saora- и пр. мы находимъ, далѣе, въ статьѣ бар. Р. Штакельберга—*„Ирано-финскія лексикальныя отношенія"* (Древности Восточныя, т. I, стр. 293, s. n⁰ 57) и, наконецъ, у Ферд. Юсти въ его Iranisches Namenbuch, p. 513,—при чемъ оба послѣдніе ученые ничего не говорятъ относительно того, считаютъ ли они это слово туземнымъ или же культурнымъ иранскимъ заимствованіемъ. Другая этимологія выставлена L. v. Patrubány который полагаетъ, что арм. sur „мечъ" „gehört zu ai. çaru „Pfeil, Speer", got. hairus etc.=idg. k¹eru-". („Armenica", s. n⁰ 33, въ издаваемыхъ имъ же „Sprachwissenschaftliche Abhandlungen", I p. 191).

Лично, для насъ, арм. sur „мечъ" (встрѣчающееся, равно какъ и sur „острый", уже въ памятникахъ V в., напр., въ Библіи) представляется заимствованіемъ изъ персидскаго языка (или изъ средне-персидскаго или, *быть можетъ*, даже изъ древне-персидскаго) на томъ же самомъ основаніи, какъ и О. Шрадеру, который, приравнивая sur къ др.-перс. (въ глоссѣ у Гезихія) σύρας, говоритъ: „Армяне въ своихъ названіяхъ оружія вообще являются учениками персовъ" (*„Сравнительное языковѣдѣніе и первобытная исторія"*, русс. пер. стр. 330; срв. также на стр.325) [11]) Дѣйствительно, большинство названій оружія въ древне-армянскомъ—персидскія заимствованія. Къ уже ранѣе извѣстнымъ [12]) мы можемъ присоединить слово thur „мечъ" [13]),—слово, встрѣчаю-

---

[10]) Проф. *Гюбшманъ* на нашъ запросъ, какого мнѣнія онъ держится относительно армянскаго sur, въ своемъ письмѣ изъ Страсбурга, отъ 10 (22) Ноября 1898 г., пишетъ намъ слѣдующее:

„Was *sur* [„мечъ"] betrifft, so macht das Wort den Eindruck echt armenisch zu sein und auf ein idg. k¹uro-s oder k¹oro-s zurückzugehen. Deshalb ist L. v. Patrubany's Etymologie, der es zu got. hairus „Schwert"=idg. k¹eru-s stellt, wohl zu beachten. Dann wäre es von sur „scharf" zu trennen".

[11]) Такого же мнѣнія держится и парижскій арменистъ, проф. *A. Meillet*, который въ письмѣ изъ Парижа, отъ 15 (27) Ноября 1898 г., пишетъ намъ по поводу *sur* слѣдующее:

„Je n'ai aucune idée sur le mot *sur* [„мечъ"] et je ne sais rien de plus sur ce mot que ce que dit *Lagarde* dans ses *Armenische Studien*. Il est bien probable *a priori* qu'il s'agit d'un emprunt; car les relatifs à la guerre en arménien sont pour la plupart d'origine iranienne. Il est à noter que *Lagarde* lui-même n'est pas arrivé à faire une opinion à ce sujet et qu'il ne mentionne pas *sur* parmi les mots, dont l'étymologie est connue avec certitude".

[12]) См., напр., списокъ такихъ названій у О. Шрадера—„Сравнительное языковѣдѣніе и первобытная исторія", стр. 330 русс. перевода.

Впрочемъ, нѣсколько заимствованій, со значеніемъ *оружія*, можно указать и изъ *сирійскаго*. Сюда принадлежатъ: xarb „мечъ" (преимущественно въ грамматическихъ и лексикографическихъ трудахъ)=сир. xarbā „gladius"; sakur и sakr „сѣкира"=сир. sequra „securis" (быть можетъ изъ лат. securis); kacin „топоръ"=сир. xassinā „securis"; наконецъ, черезъ сир. safsērā „мечъ", перешло въ древне-армянскій и средне-персидское šaf[m]šēr въ видѣ suser „мечъ" (часто въ соединеніи съ sur, въ извѣстныхъ выраженіяхъ, напр. i sur suseri, etc.). [Подробности объ этихъ сирійскихъ заимствованіяхъ см. у Гюбшмана—*Armen. Grammatik, I*, подъ №№ 35, 103, 53 и 109, въ отдѣлѣ *Syrische Wörter*].

[13]) Этого слова мы не находимъ ни у Lagarde'a, ни у Hübschmann'a.—По указанію „Армянскаго Академическаго Словаря" (Венеція, 1836—37 гг.) встрѣчается также написаніе thoir. (Эту форму мы, вѣроятно, должны считать возникшею на основаніи такихъ параллелей, какъ oiž „сила" ‖ už и др. См. мои *Этюды по армянской діалектологіи*, Москва 1897, ч. I, стр. 89—90). Начальное древне-арм. th-, въ соотвѣтствіи авганскому t- (изъ обще-иранскаго *t-; см. Wilh. Geiger—*Die Sprache der Afghanen*, § 4—въ Grundriss d. iran. Philologie, I), не можетъ служить препятствіемъ къ тому, чтобы считать арм. thur иранскимъ заимствованіемъ. Подобное же соотвѣтствіе др.-армянскаго th- иранскому t- мы имѣемъ, напр., въ thonir „печь"=средне- и ново-перс. tanūr (срав. авест. tanūra-), thošak „кормовыя деньги, окладъ, жалованье"=ново-перс. toša etc.; такимъ же образомъ и въ сирійскихъ заимствованіяхъ, напр.: thangar „купецъ"=сир. taggara, thargman „переводчикъ"=targmānā, сирійское tōh vә wōh (Gen. 1, 2) передано въ армянской транскрипціи какъ thoh ev (=„et"—переводъ сир. ve) boh, etc. (Подобную же тенденцію—замѣнять tenues заимствованій соотвѣтствующими tenues aspiratae—можно наблюдать также относительно звуковъ k и p, какъ въ персидскихъ, такъ и въ сирійскихъ заимствованныхъ словахъ. Аналогичное явленіе существуетъ и въ нѣкоторыхъ ново-армянскихъ діалектахъ).

Между тѣмъ, если бы мы пожелали арм. thur толковать какъ слово туземное, то встрѣтили бы затрудненіе въ объясненіи начальнаго th-. Именно, имѣя въ виду, что авг. t- восходитъ къ до-иранс. *t-, намъ нужно было бы отождествить арм. th- съ первоначальнымъ (индо-европ.) t-; правда, мы имѣемъ такого рода примѣры, какъ то: tharšamim „я увядаю" при τέρσομαι etc., и thanjr „густой" при авест. tančista- (форма superlativi), лит. tankus etc.

щееся уже въ V в., въ переводѣ Библіи (2 кн. Царствъ, гл. XXI, ст. 16), которое мы сопоставляемъ съ авганскимъ tura „мечъ"; соотвѣтствующее слово перешло изъ какого-то иранскаго языка также въ нѣкоторые кавказскіе (чеченскій, хюркилинскій, лакскій)—какъ tur [14]), и въ финскіе языки (черем. tür, венг. tör) [15]).

Наконецъ, въ виду того, что sur, какъ nomen appellativum, мы признаемъ за персидское заимствованіе, мы поставлены въ необходимость отвѣтить на слѣдующій вопросъ: ***какого происхожденія Sur, какъ nomen proprium?*** Стало ли оно таковымъ уже на армянской почвѣ, возникнувъ изъ sur, какъ nomen appellativum, или же возможно его считать какъ nomen proprium персидскаго происхожденія? На этотъ вопросъ мы не въ состояніи отвѣтить категорично. Съ одной стороны, ничего не препятствуетъ намъ считать nomen proprium *Sur* возникшимъ изъ nomen appellativum *sur* уже на армянской почвѣ. Но, съ другой стороны, мы можемъ Sur, какъ nomen proprium, разсматривать и какъ одно изъ заимствованныхъ персидскихъ собственныхъ именъ. Выше мы замѣтили, что Σώρακος можетъ считаться также собственнымъ именемъ, восходящимъ къ древне-персидскому nomen proprium *Sauraka. Въ такомъ случаѣ армянское Sur должно относиться къ древне-персидскому Sauraka такъ же, какъ переданное греками др.-перс. Ἄρσης относится къ древне-персидскому же Aršaka.

Левонъ Мсеріанцъ.

(см. мои *Этюды по армянской діалектологіи* I, § 134, 1; Brugmann, *Grundriss*, I, §§ 577 и 724—2-го изд.),—но всѣ они способны вызывать противъ себя возраженія, о чемъ см. Bugge, Kuhn's Zeitschrift XXXII, pp. 68—69.

[Напротивъ, L. v. Patrubany, считаетъ арм. thur за туземное слово и выводитъ его изъ индо-евр. *tōro-s. Кромѣ того, онъ находитъ возможнымъ считать венг. tör за заимствованное арм. thur. (См. „Sprachwissenschaftliche Abhandlungen" I, № 9, p. 194, s. n°. 72)].

14) См. словари при трудахъ бар. Услара („Этнографія Кавказа. Языкознаніе.") къ соотвѣтствующимъ языкамъ.

15) См. относительно финскихъ языковъ у бар. Р. Штакельберга—*„Ирано-финскія лексикальныя отношенія"* (Древности Восточныя, I стр. 293), s. n° 51.

НѢСКОЛЬКО СТРАНИЦЪ

ИЗЪ ИСТОРІИ

СРАВНИТЕЛЬНАГО ЯЗЫКОВѢДѢНІЯ.

Научное языковѣдѣніе, возникшее, какъ извѣстно, въ первой четверти текущаго столѣтія въ примѣненіи къ тѣмъ языкамъ, которые составляютъ семью индоевропейскихъ языковъ [1]), показало съ полною очевидностью, что всѣ отдѣльные языки этой семьи произошли отъ общаго родоначальника, отъ одного праязыка. Мысль объ исконномъ родствѣ по происхожденію нѣкоторыхъ отдѣльныхъ представителей названной семьи языковъ высказывалась уже и раньше, но только въ видѣ болѣе или менѣе случайныхъ предположеній, доказать же ее удалось впервые Францу Боппу (1791—1867), притомъ сначала въ примѣненіи къ четыремъ отдѣльнымъ вѣтвямъ; впослѣдствіи онъ привлекъ къ сравнительноисторическому изученію и представителей другихъ вѣтвей.

Индоевропейскій праязыкъ, родоначальникъ отдѣльныхъ языковъ, являющихся его потомками, мы возстановляемъ путемъ сравнительноисторическаго изученія этихъ послѣднихъ. Само собою разумѣется, что каждый шагъ впередъ въ этой области находится въ тѣсной зависимости отъ успѣховъ научной разработки отдѣльныхъ языковъ, и чѣмъ она совершеннѣе и полнѣе, тѣмъ совершеннѣе и полнѣе наши знанія объ общемъ ихъ предкѣ. Понятно, поэтому, что ко многимъ вопросамъ, касающимся индоевропейскаго праязыка, современный лингвистъ относится иначе, чѣмъ его предшественники. Настоящая замѣтка и имѣетъ своею цѣлью изображеніе въ краткомъ очеркѣ того, какъ смотрѣла въ прежнее время наука на общіе вопросы, возникающіе по отношенію къ индоевропейскому праязыку, и какъ она смотритъ на нихъ теперь.

Боппъ говоритъ въ своихъ трудахъ неоднократно о праязыкѣ, родоначальникѣ отдѣльныхъ индоевропейскихъ языковъ [2]), не выдвигая, однако, его на первый планъ. Это обстоятельство станетъ для насъ вполнѣ понятнымъ, если мы примемъ во вниманіе, что Боппу приходилось

---

1) Терминъ „индоевропейскій“ въ примѣненіи къ разсматриваемой семьѣ языковъ, являющійся въ русской и французской лингвистической литературѣ и употреблявшійся самимъ Боппомъ, замѣняется вообще въ трудахъ нѣмецкихъ ученыхъ терминомъ „индогерманскій“. Хотя и терминъ „индоевропейскій“ въ этомъ его употребленіи неточенъ, тѣмъ не менѣе нѣтъ никакихъ основаній мѣнять его на еще болѣе неточный терминъ „индогерманскій“. Что касается названія „арійскій“, какъ синонима слова „индоевропейскій“, то оно совершенно неудовлетворительно, потому что основано на невѣрномъ представленіи, будто бы предки индоевропейцевъ называли себя арійцами въ эпоху своего единства. Помимо этого термины „арійскіе языки“, „арійскій праязыкъ“ въ этомъ ихъ значеніи неудобны и по той причинѣ, что легко могутъ быть смѣшиваемы съ тѣми же терминами въ другомъ ихъ употребленіи, въ примѣненіи къ языкамъ индоиранскимъ.

2) Для обозначенія этого праязыка у Боппа нѣтъ опредѣленнаго термина, а именно онъ употребляетъ такія названія, какъ „eine Stammsprache“, „Periode der Spracheinheit“. „Urperiode der Sprache“, „uralte Bildungsperiode“ и т. п.

еще доказывать общее происхожденіе изслѣдуемыхъ имъ языковъ путемъ опредѣленія въ каждомъ изъ нихъ тѣхъ фактовъ, которые являются тождественными или родственными по происхожденію съ соотвѣтственными фактами другихъ сравнительныхъ языковъ. Факты языка съ теченіемъ времени подвергаются, какъ извѣстно, измѣненіямъ, а потому при работѣ такого рода необходимо считаться съ указаннымъ обстоятельствомъ. Правда, индоевропейскіе языки въ звуковомъ отношеніи настолько близки другъ къ другу, что сходство между ними въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ словахъ и формахъ бросается въ глаза даже поверхностному наблюдателю и не могло остаться незамѣченнымъ уже въ старое время, но по отношенію къ очень многимъ случаямъ дѣло обстоитъ не такъ просто, и для того, чтобы опредѣлить здѣсь наличность родства по происхожденію, мы должны сперва остановиться на взаимномъ отношеніи звуковой стороны въ сравниваемыхъ языкахъ, должны опредѣлить для нихъ общія соотвѣтствія звуковъ. Боппу приходилось выполнять эту сложную работу, и онъ, угадывая, благодаря своему геніальному чутью, родственные элементы въ сравниваемыхъ языкахъ даже въ значительно замаскированномъ видѣ, не заботился вообще объ установленіи точныхъ соотвѣтствій звуковъ различныхъ индоевропейскихъ языковъ, при чемъ онъ и съ теоретической точки зрѣнія не искалъ вообще въ языкахъ постоянства въ этомъ отношеніи (см. мою статью „Важнѣйшіе моменты въ исторіи сравнительнаго языковѣдѣнія“ въ „Русск. Филол. Вѣстникѣ“, т. XXXVIII, стр. 239). Отсюда легко понять, почему Боппъ не опредѣлялъ точно фактовъ самого праязыка: центръ тяжести его изслѣдованій, какъ мы видѣли, лежалъ не въ этомъ; но, съ другой стороны, разсматривая формы словообразованія и словоизмѣненія въ отдѣльныхъ языкахъ по отношенію къ родству ихъ въ прошломъ, онъ сдѣлалъ геніальную попытку объяснить происхожденіе формальнаго состава индоевропейскаго праязыка, унаслѣдованнаго и такъ или иначе измѣненнаго его потомками. Хотя Боппъ и не изложилъ въ связи своихъ общихъ взглядовъ на индоевропейскій праязыкъ, тѣмъ не менѣе изъ отдѣльныхъ замѣчаній въ его сочиненіяхъ, а также изъ самого содержанія и характера его главнаго сочиненія „Vergleichende Grammatik“ мы можемъ составить довольно ясное и полное представленіе по этому предмету. Во-первыхъ, онъ смотрѣлъ на индоевропейскій праязыкъ, какъ на дѣйствительно существовавшій языкъ, а не какъ на извѣстнаго рода фикцію. Во-вторыхъ, этотъ праязыкъ представлялся ему однороднымъ по звуковому и формальному составу; если это и не утверждается прямо, то, по крайней мѣрѣ, нѣтъ, насколько мнѣ извѣстно, указаній на противоположное, а, наоборотъ, изъ всего изложенія вытекаетъ, что Боппъ смотрѣлъ на указанный вопросъ именно такимъ образомъ. Въ-третьихъ, эпоха въ жизни индоевропейскаго праязыка, доступная нашему изслѣдованію, представляетъ его уже не въ первоначальномъ видѣ, а какъ результатъ извѣстнаго развитія. Это вытекаетъ съ необходимостью изъ выдвинутой Боппомъ гипотезы о происхожденіи формальнаго его строя путемъ сложенія первоначально самостоятельныхъ элементовъ, а кромѣ того и изъ прямого заявленія въ § 673 „Vergl. Gr.“, что уже въ эпоху единства индоевропейскихъ языковъ въ организмѣ ихъ праязыка произошли извѣстныя измѣненія. Въ-четвертыхъ, онъ смотрѣлъ на измѣненія, которымъ подверглось общее достояніе, унаслѣдованное индоевропейскими языками, во время отдѣльнаго ихъ существованія, какъ на болѣзненный процессъ, процессъ разложенія; правда, по отношенію къ синтактическимъ явленіямъ замѣчается здѣсь, по Боппу, прогрессивное движеніе по пути дальнѣйшаго развитія, усовершенствованія, но зато по отношенію къ фактамъ фонетики и морфологіи мы являемся свидѣтелями постепеннаго разложенія, разрушенія строя праязыка. На процессъ распаденія индоевропейскаго праязыка, именно на общія условія, которыми онъ былъ вызванъ, у Боппа не было опредѣленнаго и вполнѣ выработаннаго воззрѣнія. По его мнѣнію, это произошло путемъ индивидуализаціи. Впрочемъ, имъ употребляется и терминъ „раздѣленіе языковъ“ (Sprachtrennung). На дальнѣйшихъ подробностяхъ онъ вообще не останавливался, и намъ остается неяснымъ, какъ именно представлялся ему процессъ распаденія индоевропейскаго праязыка. Какъ бы то ни было, но на взаимныя родственныя отношенія отдѣльныхъ вѣтвей нашей семьи языковъ у него были опредѣленные взгляды, окончательная формулировка которыхъ слѣдующая: группа литовскославянская отдѣ-

лилась отъ азіатской группы нашей семьи языковъ по отдѣленіи „классическихъ“, германскихъ и кельтскихъ языковъ, но до распаденія ея на „индоперсидскую“ и индійскую вѣтви. Наконецъ, заслуживаетъ быть отмѣченнымъ то обстоятельство, что Боппъ нерѣдко прибѣгаетъ въ своихъ сочиненіяхъ къ сравненію языка съ организмомъ, т.-е. органически устроеннымъ существомъ; онъ говоритъ, напр., о языкѣ какъ объ организмѣ, образующемся по извѣстнымъ законамъ, развивающемся согласно съ лежащимъ внутри его жизненнымъ началомъ (Lebensprincip) и постепенно умирающемъ, утрачивающемъ пониманіе самого себя, при чемъ элементы его и формы, имѣвшіе первоначально самостоятельное значеніе, обращаются мало-по-малу въ болѣе внѣшнюю массу, утрачиваясь, искажаясь и служа не для той цѣли, которой они соотвѣтствовали по своему происхожденію. Изъ этого и другихъ сходныхъ заявленій мы могли бы вывести заключеніе, что Боппъ, подобно нѣкоторымъ предшественникамъ и послѣдователямъ, видѣлъ въ языкѣ живое, органическое существо, но у насъ нѣтъ достаточныхъ основаній для такого вывода. На самомъ дѣлѣ, кажется, онъ пользовался при этомъ образными выраженіями, которыя напрашиваются сами собою, и, можетъ-быть, не употреблялъ бы ихъ, если бы онъ вообще серьезно и самостоятельно взялся за вопросъ объ общихъ условіяхъ жизни языка и его происхожденіи. Винить за это Боппа мы не въ правѣ, такъ какъ его старшій сверстникъ, другъ и покровитель Вильгельмъ фонъ-Гумбольдтъ только еще далъ толчокъ къ пересмотру общихъ вопросовъ, касающихся жизни языка, результаты котораго сказались значительно позднѣе. Главное сочиненіе Вильгельма фонъ-Гумбольдта въ этомъ направленіи „О различіи строенія человѣческихъ языковъ“ вышло уже послѣ его смерти, въ 1836 г.

Дѣятельность Франца Боппа, поставившаго на научную почву сравнительное изученіе индо-европейскихъ языковъ, Якова Гримма, положившаго начало исторической грамматикѣ, и Вильгельма фонъ-Гумбольдта, вновь поднявшаго общіе вопросы нашей науки и давшаго ключъ къ ихъ разрѣшенію,—дѣятельность этихъ трехъ современниковъ, видныхъ представителей германскаго возрожденія, принесла обильные плоды. Созданная совмѣстными трудами ихъ наука быстро шагнула впередъ, и Францъ Боппъ, пережившій своихъ соратниковъ, на склонѣ дней своихъ могъ убѣдиться, что сравнительное языковѣдѣніе, несмотря на незначительный промежутокъ времени, прошедшій со времени появленія перваго его лингвистическаго труда, имѣетъ уже свою исторію, на страницахъ которой значится не одно славное имя. Въ мою задачу не входитъ подробное изложеніе всѣхъ послѣдовательныхъ стадій въ развитіи тѣхъ вопросовъ, на исторіи которыхъ я вообще останавливаюсь: для моего краткаго очерка достаточно охарактеризовать лишь важнѣйшіе моменты, а потому, не останавливаясь на трудахъ современниковъ и преемниковъ Боппа, дѣятельность которыхъ можетъ быть всецѣло отнесена къ періоду, начавшемуся со времени появленія лингвистическихъ трудовъ Боппа, я перехожу прямо къ Августу Шлейхеру (1821—1868). На немъ не лежала печать генія, но тѣмъ не менѣе его выдающимся дарованіямъ наша наука обязана въ значительной степени послѣдующими своими успѣхами, и его главное сочиненіе „Compendium der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen“ достаточнымъ образомъ заключаетъ цѣлый періодъ въ исторіи разработки сравнительно-исторической грамматики индо-европейскихъ языковъ. Между тѣмъ, какъ Боппу приходилось еще доказывать общность происхожденія этихъ языковъ, Шлейхеръ имѣлъ передъ собою рядъ результатовъ и выводовъ, къ которымъ успѣла прійти наука, благодаря совокупнымъ трудамъ цѣлаго поколѣнія ученыхъ, между прочимъ, и его собственнымъ. Ему предстояло свести въ одно цѣлое всю массу накопившагося матеріала, систематизировать, частію пересмотрѣть его и дополнить новыми данными, и эту работу онъ выполнилъ блестяще своимъ Compendium'омъ. Посмотримъ теперь, кака смотрѣлъ Шлейхеръ на вопросы, исторіею которыхъ мы занимаемся [3]).

Нѣсколькими строками выше я представилъ общую характеристику научной дѣятельности

[3]) Дельбрюкъ, посвятившій Шлейхеру 3-ю главу своего сочиненія „Einleitung in das Sprachstudium“, далъ здѣсь нѣсколько одностороннюю характеристику общихъ взглядовъ этого послѣдняго. Поправки и дополненія къ изложенію Дельбрюка содержитъ статья Штрейберга въ VII т. журнала „Indogermanische Forschungen“ подъ заглавіемъ „Schleichers Auffassung von der Stellung der Sprachwissenschaft“.

Шлейхера, и уже отсюда видно, что индо-европейскій праязыкъ выдвинутъ въ его Compendium на первый планъ. Дѣйствительно, упомянутое сочиненіе представляетъ исторію въ отдѣльныхъ индо-европейскихъ языкахъ звуковъ и формъ ихъ общаго родоначальника, и Шлейхеру принадлежитъ заслуга первой попытки возстановленія этого послѣдняго не по отношенію къ тому или другому частному факту, а по отношенію къ всей фонетикѣ и морфологіи. Понятно, поэтому, что въ его трудахъ выступаетъ болѣе опредѣленный и выработанный взглядъ на общіе вопросы, возникающіе по отношенію къ индо-европейскому праязыку, чѣмъ то мы видѣли у Боппа, но, съ другой стороны, онъ проникнутъ метафизическими построеніями, носитъ явный отпечатокъ общаго міровоззрѣнія Шлейхера, сложившагося у него подъ вліяніемъ Гегеля. Обладая большою силою логическаго мышленія, талантливый лингвистъ выработалъ себѣ стройный, послѣдовательно продуманный взглядъ на языкъ вообще, свидѣтельствующій о томъ, что не безслѣдно прошли для него занятія философіею, которую онъ изучалъ, будучи студентомъ технологическаго факультета. По мнѣнію Шлейхера, въ томъ видѣ, какъ оно окончательно у него сложилось, языкъ представляетъ собою организмъ, живое, органически устроенное существо, а потому и наука о языкѣ принадлежитъ къ числу естественноисторическихъ дисциплинъ. Это убѣжденіе выработалось у него подъ непосредственнымъ вліяніемъ философіи Гегеля, ближайшимъ образомъ его ученія о двухъ періодахъ въ развитии человѣчества, доисторическомъ, когда духъ былъ связанъ, и историческомъ, когда онъ пробудился для свободной дѣятельности. Въ первомъ большомъ своемъ трудѣ, вышедшемъ въ 1848 г. и составившемъ 1-ую часть сочиненія „Sprachvergleichende Untersuchungen“, Шлейхеръ, принимая гегелевское опредѣленіе исторіи, писалъ: „Измѣненія, которыя мы находимъ въ языкахъ, рѣшительно принадлежатъ къ измѣненіямъ историческимъ; они не подобны измѣненіямъ, которыя мы наблюдаемъ въ окружающей насъ природѣ, и „которыя, несмотря на безконечное свое разнообразіе, представляютъ лишь постоянно повторяющійся круговоротъ“ (Гегель), но въ нихъ, какъ и во всѣхъ измѣненіяхъ, происходящихъ на душевной почвѣ, постоянно появляется нѣчто новое, не существовавшее раньше“. Далѣе онъ рѣшительно утверждаетъ, что языкъ тѣсными узами соединенъ съ областью явленій духа, и что развитіе его идетъ по другому пути, чѣмъ то мы находимъ въ органической природѣ. Эти слова находятся, кажется, въ полномъ противорѣчіи съ окончательнымъ выводомъ, приведеннымъ мною выше, но какъ разъ высказанныя Шлейхеромъ на первыхъ страницахъ упомянутаго труда положенія представляютъ исходный пунктъ очень сложной аргументаціи, конечный пунктъ которой отстоитъ очень далеко отъ начала. Исходя изъ того убѣжденія, что флективные языки представляютъ наиболѣе совершенный типъ языковъ сравнительно съ агглютинативными и корневыми языками, причемъ эти послѣдніе (именно корневые языки) стоятъ на самой низкой ступени, и считая въ то же время тѣ измѣненія, которыя мы находимъ въ языкахъ въ теченіе исторической ихъ жизни, уклоненіями, искаженіями первоначальнаго строя, Шлейхеръ призналъ, что съ момента появленія письменной традиціи языки вступаютъ во второй періодъ своей жизни, періодъ историческій, по опредѣленію Гегеля, тогда какъ ихъ возникновеніе, ихъ прогрессивное развитіе, образованіе всего ихъ строя относится къ первому, доисторическому періоду; въ теченіе его наши языки прошли длинный путь черезъ тѣ стадіи, на которыхъ остановились языки корневые и агглютинативные. Та часть науки о языкѣ, которая изучаетъ основные признаки строя языковъ, распредѣляетъ ихъ по группамъ и классамъ, короче, систематика языковѣдѣнія, представляетъ полную аналогію съ систематикою, напр., ботаники; съ другой стороны, изслѣдованіе постепенныхъ измѣненій, происходящихъ въ языкахъ, въ теченіе ихъ жизни на памяти исторіи, представляетъ историческую часть науки о языкѣ. На этомъ Шлейхеръ пока остановился, но вскорѣ онъ созналъ то противорѣчіе, въ которое онъ впалъ: то, что по требованію теоріи, принадлежитъ историческому періоду въ жизни языковъ, на самомъ дѣлѣ не есть исторія (ср. выше опредѣленія исторіи и затѣмъ тѣхъ измѣненій, которымъ подвергаются языки) и это противорѣчіе онъ устранилъ въ 1850 г. во второй части названнаго выше труда заявленіемъ, что ранѣе онъ ошибочно причислялъ языкъ къ области духовныхъ явленій на томъ основаніи, что здѣсь мы находимъ исторію, но что при этомъ онъ смѣшалъ два понятія: „исто-

рія“ въ тѣсномъ смыслѣ этого термина (т.-е. по опредѣленію Гегеля) и „развитіе“, которое мы находимъ въ природѣ; понятіе „исторія“ въ смыслѣ Гегеля не приложимо къ измѣненіямъ языка, такъ какъ они не зависятъ отъ человѣческой воли, а „исторія“ и является только тамъ, гдѣ духъ пробуждается къ самостоятельной дѣятельности. Итакъ, языкъ, по Шлейхеру, принадлежитъ въ концѣ концовъ къ числу организмовъ, и наука о немъ къ числу естественно-историческихъ дисциплинъ.

Изъ представленнаго выше очерка воззрѣнія Шлейхера на языкъ легко понять, какъ онъ долженъ былъ смотрѣть на индоевропейскій праязыкъ. Именно, индоевропейскій праязыкъ, возсоздаваемый путемъ сравнительно-историческаго изученія его потомковъ, представлялся ему совершеннымъ типомъ флективнаго языка; такъ какъ существованіе его относится къ доисторической эпохѣ, то, слѣдовательно, онъ не зналъ тѣхъ измѣненій, съ которыми неразрывно связана историческая жизнь языка. Для того, чтобы возстановить этотъ праязыкъ во всей его чистотѣ и неприкосновенности, необходимо отрѣшиться отъ тѣхъ измѣненій, которымъ подвергся онъ въ дальнѣйшемъ существованіи его потомковъ. Благодаря остротѣ логическаго мышленія, Шлейхеръ составилъ очень опредѣленный и точный очеркъ звукового и формальнаго состава индоевропейскаго праязыка, и сдѣлалъ даже попытку писать на этомъ возстановленномъ силою научнаго анализа языкѣ. Въ жизни самого индоевропейскаго праязыка Шлейхеръ различалъ въ свою очередь извѣстные періоды, что опять-таки вполнѣ согласуется съ его теоретическими взглядами, но только для него онъ не признавалъ, да и не могъ признавать, существованія тѣхъ измѣненій, которыя впослѣдствіи разрушили стройную систему его звуковъ и формъ, и хотя, напримѣръ, онъ признаетъ, что въ болѣе древнія эпохи его жизни звуковой составъ былъ значительно проще, чѣмъ то мы видимъ въ послѣднюю эпоху, тѣмъ не менѣе это обогащеніе не было плодомъ звуковыхъ явленій такого же порядка, какъ то имѣло мѣсто впослѣдствіи, а развитія особаго рода; такъ, къ тремъ основнымъ гласнымъ *a*, *i*, *u* было присоединено впереди *a* и отсюда получились *ā*, *ai*, *au*; впослѣдствіи было присоединено къ этимъ послѣднимъ звукамъ *a*, такъ что получилось *ā*, *āi*, *āu*. То обстоятельство, что индоевропейскій праязыкъ по Шлейхеру не зналъ никакихъ измѣненій звуковъ, вызванныхъ дѣйствіемъ такъ называемыхъ звуковыхъ законовъ, заставляло его въ нѣкоторыхъ случаяхъ поступаться общимъ принципомъ возстановленія праязыка и выставлять извѣстныя образованія въ такой формѣ, на которую не даютъ непосредственныхъ указаній отдѣльные индоевропейскіе языки, но которая требуется общими соображеніями о составѣ ихъ предка. На процессъ распаденія индоевропейскаго праязыка у Шлейхера были также очень опредѣленныя воззрѣнія. Въ своемъ открытомъ письмѣ къ зоологу Генкелю „Die Darwinsche Theorie und die Sprachwissenschaft“ 1863 г. (есть и русскій переводъ, напечатанный въ Петербургѣ въ 1864 г. подъ заглавіемъ „Теорія Дарвина въ примѣненіи къ наукѣ о языкѣ“), гдѣ особенно подчеркивается, что языкъ есть организмъ, живущій жизнью, подобной жизни другихъ организмовъ, онъ пытается примѣнить нѣкоторыя положенія Дарвина къ языку; въ частности на вопросъ о раздѣленіи одного языка на нѣсколько потомковъ онъ смотритъ слѣдующимъ образомъ: этотъ процессъ вполнѣ аналогиченъ происхожденію видовъ одного общаго рода; подобно тому, какъ виды распадаются на подъ-виды, и языки имѣютъ діалекты. Индоевропейскій праязыкъ существовалъ нѣкогда въ видѣ однороднаго, однообразнаго на всемъ своемъ протяженіи языка. „По истеченіи времени, въ которое на немъ говорилъ цѣлый рядъ поколѣній, при чемъ народъ, говорившій имъ, надо думать, размножался и распространялся, онъ постепенно сталъ принимать въ различныхъ частяхъ своей территоріи совершенно отличный видъ, такъ что въ результатѣ изъ него образовались два языка. Можетъ-быть, ихъ было и больше, но только два изъ нихъ уцѣлѣли и развились дальше“. Подробности представлялъ себѣ Шлейхеръ въ слѣдующемъ видѣ: на основаніи сопоставленія между собою отдѣльныхъ индоевропейскихъ языковъ онъ полагалъ, что сперва выдѣлился изъ общаго праязыка германскославянсколитовскій языкъ, а изъ оставшейся его части въ свою очередь выдѣлились грекоиталокельтскій и арійскій языки; каждый изъ этихъ языковъ распался въ свою очередь на извѣстныя группы и т. д. Къ естественному стремленію языка къ дифферен-

ціаціи присоединились и различнаго рода переселенія народовъ, но первоначально, какъ мы видѣли, общій праязыкъ сталъ распадаться исключительно путемъ дифференціаціи.

Теорія Шлейхера, только что переданная мною, получила названіе теоріи родословнаго древа („Stammbaumtheorie") согласно съ тѣмъ, что онъ самъ употреблялъ терминъ „родословное древо" („Stammbaum") въ примѣненіи къ вопросу о родственныхъ отношеніяхъ между языками.

Стройная, законченная система, въ которую отлились взгляды Шлейхера на общіе и частные вопросы, касающіеся индоевропейскаго праязыка, продержалась въ общемъ недолго. Критика, которой были подвергнуты различные ея пункты, привела къ цѣлому ряду важныхъ пріобрѣтеній, обогатившихъ науку съ фактической стороны, усовершенствовавшихъ самые методы изслѣдованія и заставившихъ пересмотрѣть многіе вопросы, касающіеся языка вообще. Лингвисты, на долю которыхъ выпала эта честь, были частью современниками, частью же непосредственными или косвенными учениками Шлейхера; вообще можно сказать, что немногіе изслѣдователи индоевропейскихъ языковъ стояли особнякомъ, внѣ сферы вліянія Шлейхера, идя своею собственною дорогою. Эпоха въ исторіи нашей науки, бывшая свидѣтельницею оживленной дѣятельности по части критики и разработки вопросовъ, связанныхъ такъ или иначе съ ученіемъ Шлейхера, представляетъ очень большой интересъ для историка языковѣдѣнія; нѣкоторыя ея теченія были указаны мною въ статьѣ „Важнѣйшіе моменты въ исторіи сравнительнаго языковѣдѣнія", и я, не повторяя уже сказаннаго мною, перехожу прямо къ характеристикѣ тѣхъ измѣненій во взглядахъ на индоевропейскій праязыкъ, которыя произошли, благодаря открытіямъ семидесятыхъ и послѣдующихъ годовъ.

Во-первыхъ, какъ результатъ пересмотра общихъ вопросовъ о языкѣ и открытій въ области звукового состава индоевропейскаго праязыка, оказалась несостоятельность взглядовъ Шлейхера и по первому, и по второму пункту. Языкъ не живой организмъ, живущій своею независимою отъ человѣческаго духа жизнью, а созданіе этого послѣдняго, одно изъ внѣшнихъ проявленій его дѣятельности, а потому и наука о языкѣ не можетъ принадлежать къ числу естественно-историческихъ дисциплинъ. Въ настоящее время эти положенія не возбуждаютъ уже никакихъ сомнѣній, и главная заслуга по части ихъ выясненія принадлежитъ несомнѣнно Лацарусу и Штейнталю, продолжателямъ и послѣдователямъ Вильгельма фонъ-Гумбольдта, смѣло пошедшимъ по указанному имъ пути. Далѣе, въ настоящее время не можетъ уже быть и рѣчи о тѣхъ метафизическихъ построеніяхъ, которыя допустилъ Шлейхеръ подъ вліяніемъ Гегеля. Современное языковѣдѣніе имѣетъ дѣло только съ фактами и для объясненія ихъ, для общихъ выводовъ не прибѣгаетъ къ тому, что лежитъ внѣ ихъ, что составляетъ плодъ отвлеченнаго мышленія. Въ этомъ отношеніи въ области нашей науки произошелъ тотъ самый переворотъ, который въ разное время приходилось переживать какъ наукамъ, изучающимъ явленія природы, такъ и наукамъ, изслѣдующимъ человѣческій духъ, общія его свойства и внѣшнія проявленія его дѣятельности. Успѣхи, которыми сопровождалась разработка опытной психологіи сперва въ Англіи, а затѣмъ и въ Германіи, имѣли большое значеніе и для науки о языкѣ, проливъ свѣтъ на тѣ стороны психической жизни, которыя составляютъ необходимое условіе для возникновенія языка вообще и языка словъ въ частности. При современномъ положеніи психологіи лингвистъ не имѣетъ никакого права приписывать созданіе языка ни силамъ, лежащимъ внѣ человѣка, ни такимъ его силамъ и способностямъ, которыя дѣйствовали въ моментъ созданія языка, а затѣмъ такъ или иначе прекратили свое дѣйствіе,—короче сказать, лингвистъ, при изслѣдованіи вопроса о происхожденіи языка, не можетъ искать здѣсь какихъ либо иныхъ факторовъ, кромѣ тѣхъ, которые и до сихъ поръ налицо. Въ виду всего этого легко понять, что общая точка зрѣнія Шлейхера на языкъ, на два періода въ его жизни, на индоевропейскій праязыкъ, какъ на идеальный языкъ именно перваго періода, составляетъ уже достояніе исторіи. Съ другой стороны, и дальнѣйшее изслѣдованіе спеціально-лингвистическихъ вопросовъ, вопросовъ о звуковомъ и формальномъ составѣ индоевропейскаго языка, привело въ общемъ къ тому же результату: и съ этой точки зрѣнія оказалось, что неправъ былъ Шлейхеръ, приписывая ему свойства особаго рода, не наблюдаемыя уже въ существующихъ языкахъ. Данныя этихъ спеціаль-

ныхъ изслѣдованій въ связи съ данными, получившимися отъ разработки общихъ вопросовъ о жизни языка, неминуемо должны были привести къ убѣжденію, что индоевропейскій праязыкъ, какъ и всякій другой „праязыкъ“, подчинялся тѣмъ же законамъ, которые вообще обусловливаютъ жизнь языка. Изъ признанія этого факта вытекаетъ цѣлый рядъ важныхъ слѣдствій и для сужденія о вопросѣ, какимъ путемъ шло распаденіе индоевропейскаго праязыка.

Мы видѣли, что Шлейхеръ приписывалъ это распаденіе процессу дифференціаціи, къ которой естественно стремится языкъ. Ближайшее изученіе жизни языка вообще показало съ полною очевидностью, что процессъ распаденія языка на самостоятельные языки находится въ тѣсной зависимости отъ распаденія его на діалекты. Языкъ является при нормальныхъ условіяхъ совокупностью цѣлаго ряда болѣе или менѣе значительныхъ діалектовъ; строго говоря, даже каждое отдѣльное лицо говоритъ своимъ діалектомъ. Если являются извѣстныя условія, которыя ослабляютъ или даже совсѣмъ прерываютъ связь между отдѣльными діалектами или ихъ группами, то, понятно, каждая обособившаяся часть будетъ жить своею жизнью; при ослабленіи связи между діалектами становится все болѣе и болѣе затруднительнымъ взаимное ихъ вліяніе другъ на друга, вліяніе, состоящее во взаимномъ регулированіи тѣхъ измѣненій, которыя возникаютъ въ нихъ съ теченіемъ времени, а при полномъ разрывѣ этой связи оно и вовсе становится невозможнымъ. Въ современномъ обществѣ, стоящемъ на высшихъ ступеняхъ культуры, связи между отдѣльными его членами настолько сложны и разнообразны, что разрывъ ихъ очень нелегкое дѣло; напримѣръ, обособленность англійскаго населенія Сѣверной Америки отъ европейскихъ соплеменниковъ не создала у нихъ особаго языка: могучею связью между тѣми и другими является общій литературный языкъ. Другое дѣло—первобытное общество. Съ одной стороны, однородность его состава препятствуетъ возникновенію діалектовъ другимъ путемъ, помимо разъединенія населенія по мѣсту жительства, а съ другой стороны, слабость и незначительное количество связей между его членами благопріятствуетъ полному ихъ разрыву. Отсюда легко понять, почему дробленіе первобытнаго общества сопровождается дробленіемъ, раздѣленіемъ самого языка на самостоятельные языки. Всѣ эти соображенія, только что высказанныя мною, не допускаютъ никакихъ сомнѣній. Въ настоящее время можетъ быть вопросомъ только самый путь, которымъ шло распаденіе индоевропейскаго праязыка, т.-е. требуютъ выясненія какъ само свойство разрывовъ, дробленій, происшедшихъ въ первобытномъ обществѣ нашихъ предковъ и сопровождавшихся возникновеніемъ самостоятельныхъ языковъ, такъ и ближайшія родственныя отношенія между отдѣльными вѣтвями индоевропейской семьи языковъ. По отношенію къ послѣднему пункту пока можетъ считаться доказаннымъ ближайшее родство только между индійской и иранской, а также между балтійской и славянской вѣтвями, т.-е. можетъ считаться доказаннымъ существованіе индоиранскаго и балтійскославянскаго (или литовскославянскаго) праязыковъ. Для прочихъ вѣтвей нашей семьи языковъ. ближайшее родство не можетъ считаться доказаннымъ, такъ какъ нѣтъ несомнѣнныхъ и ясныхъ слѣдовъ того, что и здѣсь существовали отношенія, подобныя отношенію балтійскихъ и славянскихъ языковъ, т.-е. нѣтъ слѣдовъ, что какія-либо прочія вѣтви жили общею жизнью уже по отдѣленіи отъ другихъ вѣтвей. По отношенію къ первому пункту надо имѣть въ виду, что мы имѣемъ дѣло съ очень сложнымъ вопросомъ, разрѣшить который мы не въ состояніи.

Выше было указано, что Шлейхеръ и другіе ученые представляли себѣ тотъ путь, которымъ шло распаденіе индоевропейскаго праязыка такимъ образомъ: изъ общей прародины индоевропейскаго племени послѣдовательно выселялись различныя группы, уносившія съ собою на новыя мѣста языкъ и начатки культуры. Слѣдовательно, основнымъ моментомъ явилось, по этому мнѣнію, созданіе естественныхъ преградъ въ видѣ болѣе или менѣе отдаленныхъ разстояній между отдѣльными группами нашихъ предковъ, хотя, какъ мы видѣли, Шлейхеръ допускалъ возникновеніе различій въ языкѣ и въ эпоху совмѣстной ихъ жизни въ силу естественнаго стремленія языка къ дифференціаціи, подобной распаденію рода на виды въ мірѣ организмовъ. Подробности теоріи родословнаго древа, касающіяся порядка выдѣленія отдѣльныхъ

вѣтвей, установленныя Шлейхеромъ въ 1853 г. и нѣсколько видоизмѣненныя въ 1861 г. (въ этой послѣдней формулировкѣ онѣ были приведены выше), представлялись нѣкоторымъ ученымъ въ другомъ свѣтѣ. Еще въ 1853 г. Максъ Мюллеръ высказалъ мысль, что индоевропейскій языкъ распался сперва на двѣ большія вѣтви: европейскую и азіатскую. Эту мысль защищалъ Лоттнеръ въ 1858 г. и особенно Фиккъ, положившій это дѣленіе въ основаніе своего „Сравнительнаго словаря". Оба названные ученые ссылались при этомъ на извѣстныя особенности, свойственныя европейскимъ языкамъ нашей семьи въ отличіе отъ азіатскихъ сородичей. По отношенію къ вопросу о ближайшихъ родственныхъ связяхъ въ первой группѣ мнѣнія ученыхъ расходились въ извѣстныхъ пунктахъ, но такъ или иначе всѣ они принципіально стояли на одной и той же точкѣ зрѣнія, принимая вообще теорію родословнаго древа и кладя въ основаніе тѣхъ или другихъ частныхъ допущеній сходства между отдѣльными языками главнымъ образомъ въ исторіи звуковъ, частью грамматическихъ формъ; такъ, напримѣръ, главною опорою теоріи, допускавшей существованіе европейскаго праязыка, служило то обстоятельство, что древнеиндійское *a*, которому въ европейскихъ языкахъ соотвѣтствуютъ гласныя *e, o, a*, считалось основнымъ индоевропейскимъ звукомъ, а въ гласныхъ *e* и *o* европейскихъ языковъ видѣли измѣненія этого основного звука, происшедшія въ эпоху единства этихъ послѣднихъ.

Противъ теоріи родословнаго древа и связанныхъ съ нею частныхъ вопросовъ выступилъ въ 1872 г. извѣстный лингвистъ Іоганнъ Шмидтъ, который выставилъ противоположную ей гипотезу, такъ называемую „теорію волнъ" (Wollentheorie). Онъ сдѣлалъ попытку доказать, что нѣкогда между отдѣльными вѣтвями индоевропейской семьи языковъ не было рѣзкихъ границъ, что одна группа постепенно переходила въ другую путемъ постепенной утраты характерныхъ особенностей одной группы и постепеннаго накопленія особенностей, характерныхъ для другой. Объясняется это тѣмъ, что явленія (фонетическое или морфологическое) распространялись по территоріи праязыка какъ бы волнами, такъ что возникшее въ одномъ пунктѣ, напримѣръ, измѣненіе произношенія извѣстнаго звука, распространяясь путемъ передачи все дальше и дальше, охватывало наконецъ или всю, или часть территоріи, перекрещиваясь въ различныхъ направленіяхъ съ путями, которыми шло распространеніе другихъ измѣненій. Затѣмъ въ силу извѣстныхъ историческихъ условій многіе промежуточные діалекты вымерли, и такимъ образомъ создались болѣе рѣзкія границы между отдѣльными языками. Главнымъ основаніемъ при созданіи этой теоріи служили Шмидту сходства между отдѣльными, сосѣдними по мѣстоположенію языками частію въ исторіи звуковъ и формъ, частію въ такихъ словахъ, которыя не повторяются въ другихъ языкахъ,—однимъ словомъ то, что получило въ нѣмецкой литературѣ названіе „partielle Entsprechungen".

Брошюра Шмидта „Die Verwandschaftsverhältnisse der indogermanischenSprachen", содержавшая въ себѣ изложеніе теоріи волнъ, вызвала оживленный обмѣнъ мыслей между лингвистами, главныя направленія котораго намъ необходимо разсмотрѣть. На сторону Шмидта стали безусловно такіе изслѣдователи новыхъ языковъ, какъ романистъ Шухардтъ и германистъ Брауне, которые находили полное подтвержденіе его теоріи, наблюдая распредѣленіе отдѣльныхъ діалектовъ и языковъ каждый въ изучаемой имъ области; именно, они нашли, что и романскіе и германскіе языки (за исключеніемъ скандинавскихъ) въ общемъ подтверждаютъ гипотезу о волнообразномъ распространеніи особенностей въ звукахъ и формахъ; романскіе языки представляютъ, напримѣръ, постепенные переходы отъ одного языка къ другому, такъ что трудно бываетъ рѣшить, куда отнести тотъ или другой пограничный діалектъ, и Шухардтъ за нѣсколько лѣтъ до выхода въ свѣтъ брошюры Шмидта высказалъ свои сомнѣнія въ возможности свести отношенія, существующія между отдѣльными языками романской группы, къ родословному древу. Самъ Шмидтъ примѣнилъ свою теорію къ группѣ славянскихъ языковъ. Другіе лингвисты, изъ числа которыхъ я назову Уитнея, Курціуса, Фикка, пытались подорвать теорію Шмидта, лишивъ ее главной ея опоры. Критика ихъ была направлена на то, чтобы доказать, что индоевропейскіе языки не образуютъ непрерывной, замкнутой цѣпи; они преимущественно упирали на два пункта: 1) на общность измѣненія *k* и *g* въ индоиранскихъ и балтійскославян-

скихъ языкахъ въ извѣстные звуки небнозубнаго класса, называемые обыкновенно неточно свистящими и шипящими, и 2) на допущеніе, что *a* индоиранскихъ языковъ, которому соотвѣтствуютъ въ европейскихъ языкахъ *e*, *o* и *a*, представляетъ неизмѣненное *a* общаго индоевропейскаго праязыка. Что касается 1-го пункта, то вскорѣ выяснилось, что тѣ *k* и *g*, откуда въ индоиранскихъ и балтійскославянскихъ языкахъ указанные небнозубные звуки (ср., напримѣръ, древнеиндійское *çatam*, славянское *сѧто*, литовское *szimtas* при латинскомъ *centum*, греческомъ ἑκατόν), были въ самомъ праязыкѣ не тѣми *k* и *g*, откуда *k* и *g* съ послѣдующими ихъ измѣненіями во всѣхъ индоевропейскихъ языкахъ (ср., напримѣръ, древнеиндійскую основу *kravīš*— „сырое мясо“, славянское *кръвь*, литовское *kraujas* — „кровь“, латинское *cruor*, греческое κρέας), но въ отличіе отъ послѣднихъ *k* и *g* средненебными (тѣ *k* и *g* были задненебными). По отношенію ко второму пункту, работы Бругмана и самого Шмидта показали, что въ индоевропейскомъ праязыкѣ существовали уже a^e, a^o, a^a, совпавшія въ индоиранскомъ языкѣ въ извѣстную эпоху его жизни въ одномъ *a*; сохранились между прочимъ ясные слѣды того, что и въ индоиранскомъ языкѣ нѣкогда различались три указанныя гласныя. Шмидтъ не призналъ возможнымъ отказаться отъ своей теоріи въ виду указанныхъ критикою пунктовъ. Въ 1877 г. онъ писалъ, что новѣйшія открытія въ области исторіи звуковъ не поколебали нисколько гипотезы, такъ какъ главный ея пунктъ, сходство балтійскославянскихъ языковъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ съ индоиранскими, а въ другихъ отношеніяхъ съ европейскими языками нашей семьи, остается непоколебимъ, будемъ ли мы исходить изъ одного ряда индоевропейскихъ *k* и *g*, или двухъ или болѣе рядовъ. Далѣе, онъ опредѣленно указалъ на то, что главною его задачею было опроверженіе теоріи общаго европейскаго праязыка, такъ какъ, согласно его взглядамъ, въ тотъ моментъ, когда извѣстныя явленія распространились среди всѣхъ европейскихъ языковъ нашей семьи, эти послѣдніе въ прочихъ отношеніяхъ не представляли однородной массы; часть ихъ пережила общія явленія съ индоиранскими сородичами. По моему мнѣнію, Шмидтъ вполнѣ правъ, отрицая за новѣйшими открытіями въ области исторіи звуковъ право на признаніе его гипотезы лишенною главной своей опоры. Дѣйствительно, съ точки зрѣнія названныхъ выше ученыхъ нельзя доказать ея несостоятельность. Съ другой точки зрѣнія приступилъ Лескинъ къ критикѣ теоріи Шмидта въ 1876 г. въ введеніи къ своему труду „Die Declination im Slavisch-Litauischen und Germanischen“. Здѣсь онъ показалъ на славянскихъ языкахъ непримѣнимость ея къ этимъ послѣднимъ въ полномъ ея объемѣ, такъ какъ, по его мнѣнію, необходимо допустить и переселенія, нарушившія первоначальное распредѣленіе народовъ. Точно такъ же по отношенію къ общему индоевропейскому языку Лескинъ полагаетъ, что теорія Шмидта о непрерывнозамкнутой цѣпи можетъ быть принята при томъ условіи, если мы признаемъ существованіе этой послѣдней на небольшой сравнительно территоріи до распространенія индоевропейцевъ на томъ большомъ пространствѣ, которое они нынѣ занимаютъ. Такимъ образомъ Лескинъ комбинируетъ обѣ теоріи: и теорію родословнаго древа, оперировавшую съ выселеніями, переселеніями и передвиженіями народовъ, и теорію волнъ, состоящую въ томъ, что современное расположеніе относительно другъ друга индоевропейскихъ языковъ представляетъ въ бо̀льшемъ масштабѣ тѣ отношенія, которыя существовали въ прародинѣ. Точку зрѣнія Лескина въ принципѣ приняли Бругманъ и Пауль; послѣднему принадлежитъ прекрасная монографія „Principien der Sprachgeschichte“, вышедшая въ прошломъ году въ третьемъ изданіи (въ настоящей статьѣ я имѣю въ виду второе изданіе 1886 г.), гдѣ въ живомъ и интересномъ изложеніи представленъ очеркъ общихъ условій жизни и развитія языка.

Дѣйствительно, если взглянуть на разбираемый вопросъ съ общей точки зрѣнія, то нельзя не замѣтить односторонности и той, и другой теоріи: жизнь языка въ томъ, что касается дробленія его на діалекты, взаимодѣйствія между этими послѣдними и превращенія ихъ съ теченіемъ времени въ самостоятельные языки, очень сложна, и ее нельзя охватить вполнѣ ни теоріей родословнаго древа, ни теоріей волнъ, такъ какъ обѣ онѣ выхватываютъ лишь одну сторону процессовъ, которымъ обязаны своимъ существованіемъ указанныя выше явленія. Раньше мною была передана въ нѣсколькихъ словахъ сама ихъ сущность, теперь умѣстно будетъ остано-

виться на нѣкоторыхъ дальнѣйшихъ подробностяхъ. Мы видѣли, что дѣленію общества на извѣстные союзы, классы, группы соотвѣтствуетъ дѣленіе самого языка на діалекты, говоры. При томъ условіи, если между отдѣльными частями такого общества многочисленны и крѣпки связи, нѣтъ никакихъ основаній ожидать, что отдѣльные діалекты сильно обособятся, такъ какъ, благодаря существованію упомянутыхъ связей, извѣстныя измѣненія въ языкѣ, возникающія въ одномъ изъ діалектовъ, имѣютъ всѣ шансы на то, чтобы распространиться повсюду. Нельзя, однако, представлять себѣ дѣло слишкомъ просто: извѣстная группа или группы *A* могутъ быть тѣснѣе связаны съ какою-нибудь другою или другими группами *B*, чѣмъ съ группою или группами *C*. Понятно, что измѣненія, возникающія въ языкѣ группы *A*, скорѣе передадутся группѣ *B*, чѣмъ группѣ *C*. Затѣмъ группа *A* можетъ войти въ болѣе тѣсныя сношенія съ группою *C* и пережить съ нею рядъ общихъ явленій, чуждыхъ *B* и т. д. Не всегда, однако, бываетъ, что всѣ группы даннаго общества остаются на своихъ мѣстахъ: возможны различнаго рода перетасовки, передвиженія, исчезновенія старыхъ, возникновеніе новыхъ группъ, наконецъ полный перерывъ въ сношеніяхъ одной группы съ другою въ силу ли разселенія, или разъединенія вслѣдствіе того, что какъ бы клиномъ врѣжется группа совсѣмъ другого общественнаго союза, чуждаго первому. Всѣ эти измѣненія въ группировкѣ отдѣльныхъ элементовъ общества сопровождаются извѣстнаго рода измѣненіями въ судьбѣ ихъ языковъ. Въ силу приведенныхъ обстоятельствъ жизнь языка представляетъ очень сложный процессъ, и распаденіе его на отдѣльные діалекты, впослѣдствіи самостоятельные языки, не поддается изображенію ни въ видѣ развѣтвленія дерева, ни въ видѣ взаимно пересѣкающихся звеньевъ. Слѣдовательно, по отношенію къ индоевропейскому праязыку можетъ быть вопросомъ лишь то, имѣемъ ли мы достаточное количество данныхъ, чтобы прослѣдить весь путь его распаденія.

И Шлейхеръ, и Шмидтъ отвѣчали на этотъ вопросъ, каждый съ своей точки зрѣнія, утвердительно. Въ такомъ отвѣтѣ, однако, позволительно сомнѣваться. Бругманъ въ статьѣ, помѣщенной въ I томѣ „Internationale Zeitschrifft für allgemeine Sprachwissenschaft“, подчеркнулъ одно обстоятельство, говорящее одинаково и противъ теоріи родословнаго древа, и противъ теоріи волнъ, т.-е. вообще противъ попытокъ прослѣдить въ деталяхъ процессъ распаденія индоевропейскаго праязыка при тѣхъ средствахъ, которыми пользовались для этой цѣли. „Общій характеръ индогерманскихъ языковъ“, говоритъ онъ, „не измѣнился въ своихъ общественныхъ чертахъ и послѣ раздѣленія индогерманцевъ, то же можно сказать также о психической и физической организаціи народовъ, наслѣдовавшихъ ихъ языкъ; исходные пункты новообразованій были во многихъ случаяхъ одни и тѣ же: почему же не ожидать при одинаковыхъ причинахъ и одинаковыхъ результатовъ?.. Не смотримъ ли мы, напр., какъ на игру случая, на то, что въ германскихъ языкахъ и въ языкѣ армянскомъ изъ первоначальныхъ звонкихъ, мгновенныхъ получались глухія мгновенныя, какъ, напр., въ готскомъ *taihun*, армянскомъ *tasn* при древнеиндійскомъ *daça*, греческомъ *δέκα* и т. п. Почему въ виду этого мы не имѣли бы права разсматривать такимъ же образомъ, какъ случайное совпаденіе, напр., тотъ фактъ, что индогерманскія звонкія придыхательныя въ греческомъ языкѣ и въ языкахъ италійской вѣтви измѣнились въ глухія придыхательныя, какъ, напр., въ греческомъ *θυμός*, праиталійскомъ * *thumos* (*fumus*), при древнеиндійскомъ *dhumas* и т. п. Далѣе Бругманъ отрицаетъ доказательную силу тѣхъ случаевъ, когда дѣло идетъ о сохраненіи извѣстныхъ фактовъ праязыка только въ сосѣднихъ вѣтвяхъ. Изъ этого обстоятельства нельзя сдѣлать никакого вывода въ пользу ближайшаго родства этихъ послѣднихъ, такъ какъ прочія вѣтви могли утратить такіе факты. Взгляды Бругмана вполнѣ раздѣляетъ и Дельбрюкъ въ своемъ сочиненіи „Einleitung in das Sprachstudium“, глава VII. Что касается второго пункта, то кажется, всѣ лингвисты болѣе или менѣе согласны съ точкой зрѣнія Бругмана, такъ какъ, дѣйствительно, argumentum ex silentio не является въ данномъ случаѣ доказательнымъ: стоитъ вспомнить лишь о томъ, что многіе языки нашей семьи уже вымерли и частію извѣстны намъ очень недостаточно, что многіе существующіе въ настоящее время индоевропейскіе языки пока мало изслѣдованы; всякій, кто занимался сравнительной грамматикой индоевропейскихъ языковъ, знаетъ, что болѣе детальное изученіе малоизвѣстнаго члена

этой семьи даетъ богатые результаты и для сравнительно-этимологическаго словаря. По отношенію къ первому пункту взглядъ Бругмана представляется мнѣ вполнѣ правильнымъ, если оставить въ сторонѣ такой спорный вопросъ, какимъ является въ настоящее время вопросъ о физической организаціи народовъ, говорящихъ языками нашей семьи, но только при одномъ условіи. Кречмеръ въ своей книгѣ „Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache", вышедшей въ 1896 г., въ главѣ IV (стр. 100 сл.) дѣлаетъ нѣкоторую поправку къ аргументаціи Бругмана, а именно онъ указываетъ на то, что трудно считать всегда простой случайностью совпаденіе сосѣднихъ по мѣстоположенію языковъ по отношенію къ извѣстному явленію въ въ исторіи звуковъ или формъ индоевропейскаго праязыка въ тѣхъ именно случаяхъ, когда между этими языками нельзя констатировать ближайшаго родства. Онъ не отрицаетъ того, что между отдѣльными языками замѣчаются, согласно воззрѣнію Бругмана, дѣйствительно случайныя совпаденія, но тѣмъ не менѣе не признаетъ возможнымъ стоять только на этой точкѣ зрѣнія и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ мы находимъ извѣстное количество такихъ совпаденій. Здѣсь мы имѣемъ не доказательство ближайшаго между разсматриваемыми языками родства, но свидѣтельство о томъ, что они нѣкогда имѣли извѣстнаго рода связи, общеніе другъ съ другомъ: ср. выше приведенный мною случай, когда группа *A*, бывшая въ связи съ группою *B*, затѣмъ вступаетъ въ связь съ группою *C*. Эти соображенія Кречмера сами по себѣ нисколько не говорятъ противъ теоріи Бругмана въ той ея части, гдѣ онъ говорилъ только о тѣхъ данныхъ, которыя могутъ или не могутъ служить доказательствомъ для установленія факта наличности ближайшаго родства между языками; но съ другой стороны, нельзя не признать, что Бругманъ пошелъ дальше, чѣмъ имѣлъ на то право: нѣкоторое совпаденіе между языками въ исторіи звуковъ и формъ, за исключеніемъ, понятно, новообразованій, дѣйствительно не можетъ быть доказательствомъ ближайшаго родства, но все-таки мы не имѣемъ права приписать это обстоятельство игрѣ случая безъ всякихъ оговорокъ и безъ спеціальнаго изслѣдованія. Какъ бы то ни было, однако большинство лингвистовъ въ настоящее время относится очень осторожно къ вопросу о ближайшихъ родственныхъ связяхъ между индоевропейскими языками и не считаетъ возможнымъ при тѣхъ данныхъ, которыми располагаетъ наука, начертить весь путь распаденія индоевропейскаго праязыка. Нѣкоторые ученые выставляютъ, правда, тѣ или другія гипотезы по частнымъ относящимся сюда вопросамъ, но, повторяю, большинство ученыхъ воздерживаются и отъ этихъ послѣднихъ. Безусловно доказаннымъ можно считать только ближайшее родство между индійскою и иранскою, а также между балтійскою и славянскою вѣтвями; открытымъ остается вопросъ о существованіи ближайшаго родства между италійскою и греческою вѣтвями, а также о характерѣ связи другъ съ другомъ италійской и кельтской вѣтви.

Говоря о современномъ взглядѣ на родственныя отношенія между отдѣльными индоевропейскими языками, я долженъ, хотя бы въ кратцѣ, упомянуть о попыткахъ примѣнить данныя антропологіи и археологіи къ разсматриваемому вопросу, который я освѣтилъ выше съ точки зрѣнія науки о языкѣ. Это тѣмъ болѣе необходимо, что попытки этого рода являются очень заманчивыми и увлекательными не только для большой публики, но и для ученыхъ различныхъ спеціальностей, мало знакомыхъ съ наукою о языкѣ.

Какъ мы видѣли выше, сравнительное языковѣдѣніе показало, что языки, получившіе названіе индоевропейскихъ языковъ, произошли отъ одного общаго праязыка. Естественно долженъ былъ возникнуть затѣмъ вопросъ, въ какомъ отношеніи находится указанное родство языковъ къ родству по антропологическимъ признакамъ самихъ народовъ, говорящихъ этими языками. Отвѣтъ на эту проблему данъ былъ сперва въ томъ смыслѣ, что племя индоевропейцевъ изъ своей родины, которую помѣщали первоначально въ различныхъ пунктахъ западной Азіи, двинулось частію въ Европу, а частію осталось въ Азіи. При этомъ переселеніе индоевропейцевъ въ Европу, принесшихъ сюда бронзу, относили къ эпохѣ болѣе новой, чѣмъ та, къ которой принадлежало нѣкогда болѣе раннее населеніе этой части свѣта, оставившее послѣ себя многочисленные слѣды въ видѣ остатковъ матеріальной культуры и скелетовъ. Это доиндоевропейское населеніе Европы было оттѣснено потокомъ, хлынувшимъ изъ Азіи, къ крайнимъ предѣ-

ламъ на югѣ и на сѣверѣ, частію истреблено, частію ассимилировано; остатками его являются финны и иберы (баски), представители короткоголовой и темноволосой расы, между тѣмъ какъ ихъ побѣдители считались представителями длинноголовой и свѣтловолосой расы. Короткоголовые брюнеты среди индоевропейцевъ и длинноголовые брюнеты среди финновъ разсматривались какъ продукты взаимной ассимиляціи. Вотъ въ краткомъ очеркѣ теорія, получившая названіе финской. Опровергнута она главнымъ образомъ трудами француза Брока́ и нѣмца Вирхова. Первый изъ нихъ указалъ на то, что по антропологическимъ признакамъ басковъ нельзя отождествлять съ финнами, а второй отмѣтилъ, что древнѣйшіе черепа изъ французскихъ и бельгійскихъ пещеръ принадлежатъ длинноголовой расѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ финскія племена, преимущественно свѣтловолосыя, не могутъ быть родоначальниками темноволосыхъ европейцевъ. Хотя финская теорія и была отвергнута, но тѣмъ не менѣе и позднѣйшія, заступившія ея мѣсто построенія стоятъ въ общемъ на той же почвѣ; какъ она, такъ и они исходятъ изъ мысли, что въ Европѣ мы находимъ нѣсколько расъ, жившихъ здѣсь въ неолитическій періодъ и такъ или иначе смѣшавшихся другъ съ другомъ. Одни ученые (Пенка) считаютъ такихъ расъ три, другіе (Тэйлоръ)[4])—четыре, при чемъ Пенка, напримѣръ, отождествляетъ индоевропейцевъ съ длинноголовыми блондинами, а Тэйлоръ видитъ ихъ въ короткоголовой расѣ, представителями которой являются кельты (галлы), славяне, литовцы. Всѣ эти теоріи оперируютъ съ данными, которыя частію являются недостаточными, а частію и вообще не могутъ быть приведены къ одному знаменателю; вслѣдствіе этого мы имѣемъ здѣсь дѣло только съ болѣе или менѣе остроумными гипотезами. Возраженія, относящіяся въ равной степени ко всѣмъ этимъ построеніямъ, сводятся къ слѣдующимъ пунктамъ: 1) Преждевременно пока еще строить тѣ или другіе выводы на почвѣ антропологическихъ данныхъ, такъ какъ антропологіи еще не удалось (а, можетъ-быть, такъ и не удастся) найти извѣстную зависимость между отдѣльными физическими признаками расъ; слѣдовательно, тамъ, гдѣ мы имѣемъ одни черепа (а частію лишь ихъ куски), нельзя дѣлать никакихъ заключеній о прочихъ физическихъ признакахъ; въ этой ошибкѣ повиненъ, напримѣръ, въ сильной степени Тэйлоръ въ своей книгѣ „Происхожденіе арійцевъ"; при этомъ нельзя забывать и того, что большинство ученыхъ произвольно признавало за каждой изъ опредѣляемыхъ антропологіею расъ Европы въ неолитическую эпоху полную однородность и по строенію черепа, и по цвѣту волосъ и т. п.; что касается череповъ, то въ однихъ и тѣхъ же курганахъ находятся, по новѣйшимъ даннымъ, черепа различныхъ измѣреній, притомъ въ такой обстановкѣ, которая исключаетъ возможность постепенной смѣны расъ; помимо этого новѣйшія изысканія, кажется, не особенно подтверждаютъ теорію о постоянствѣ расъ, о неизмѣнности ея признаковъ, а всѣ указанныя мною выше построенія оперируютъ съ этой теоріей, какъ съ аксіомой, не подлежащей сомнѣнію. 2) Нельзя пока строить такихъ широкихъ гипотезъ на основаніи археологическихъ данныхъ, такъ какъ неполнота и случайность ихъ подтверждаются дальнѣйшими находками; напримѣръ, Тэйлоръ исходитъ изъ того убѣжденія, что въ Англіи рѣзко различались въ неолитическую эпоху двѣ расы; между тѣмъ дальнѣйшія изслѣдованія показали, что въ каждомъ типѣ могилъ, характерныхъ по Тэйлору для указанныхъ расъ, встрѣчаются черепа различныхъ измѣреній; это обстоятельство въ корнѣ подрываетъ его выводы, если мы даже и станемъ на его точку зрѣнія о постоянствѣ признаковъ расы[5]). При чемъ же, однако, здѣсь наука о языкѣ? До сихъ поръ вѣдь шла рѣчь о другихъ областяхъ знанія, о тѣхъ гипотезахъ, которыя здѣсь выдвигаются. Дѣло въ томъ, что выводы, представляющіеся лишь смѣлыми гипотезами и съ точки зрѣнія спеціальныхъ знаній, старались подкрѣпить якобы результатами, къ которымъ пришла наука о языкѣ. На относящихся сюда вопросахъ мы теперь и остановимся.

---

[4]) Книга Тэйлора „The origin of the Aryans" существуетъ и въ русскомъ переводѣ, вышедшемъ въ Москвѣ въ 1897 году безъ обозначенія имени переводчика и языка, съ котораго онъ сдѣланъ. Какъ можно судить по нѣкоторымъ недоразумѣніямъ, переводъ сдѣланъ съ французской обработки и притомъ не особенно удачно.

[5]) Болѣе подробный разборъ затронутыхъ мною вопросовъ объ антропологическихъ теоріяхъ см. въ книгѣ Кречмера „Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache", стр. 29 сл.

Постоянству признаковъ расы, обнаруживающемуся и при смѣшеніи въ томъ, что у потомства наблюдается возвратъ къ типу одного изъ предковъ, противопоставляли и противопоставляютъ нерѣдко измѣнчивость языка. Дѣйствительно, какъ я указалъ выше и какъ извѣстно всякому, хотя нѣсколько знакомому съ прошлымъ своей родной рѣчи, факты языка подвергаются измѣненіямъ съ теченіемъ времени. Этотъ процессъ въ языкѣ происходитъ такимъ образомъ, что извѣстное измѣненіе, возникающее у отдѣльныхъ индивидуумовъ, распространяется далѣе путемъ вліянія на прочихъ членовъ даннаго общественнаго союза или его части; въ исключительныхъ случаяхъ достаточно бываетъ иниціативы отдѣльнаго лица (напримѣръ, извѣстнаго писателя по отношенію къ такъ называемымъ неологизмамъ), но обычный, нормальный ходъ процесса совершается при томъ условіи, если данное измѣненіе возникаетъ одновременно у цѣлаго ряда индивидуумовъ. Не входя здѣсь въ подробное разсмотрѣніе причинъ, которыми обусловлено само появленіе тѣхъ или другихъ измѣненій у отдѣльныхъ лицъ, замѣчу, что они коренятся въ общихъ условіяхъ нашей психической и частію физической дѣятельности. По отношенію къ измѣненіямъ звуковъ нужно имѣть въ виду то обстоятельство, что съ представленіемъ звуковой стороны слова, являющимся результатомъ слуховыхъ и мускульнодвигательныхъ ощущеній, ассоціируется каждое вновь получаемое впечатлѣніе отъ слухового и мускольнодвигательнаго ощущенія при произнесеніи того же слова. Являющееся въ силу какихъ бы то ни было спеціальныхъ причинъ измѣненіе той или другой стороны въ звуковомъ составѣ слова должно отразиться и на представленіи этого послѣдняго. Если упомянутое измѣненіе случайнаго происхожденія и болѣе не повторяется, то оно проходитъ въ результатѣ безъ всякаго слѣда для представленія звуковой стороны словъ; но если оно повторяется послѣдовательно, то это представленіе должно въ результатѣ измѣниться. Часто бываетъ при этомъ то, что эти измѣненія въ слуховыхъ и мускульнодвигательныхъ ощущеніяхъ идутъ, послѣдовательно возрастая, сопровождаясь послѣдовательнымъ ростомъ измѣненія представленія звуковой стороны словъ. Если мы при этомъ припомнимъ еще, что для самаго развитого слуха трудно бываетъ уловить всѣ безчисленные оттѣнки въ произношеніи извѣстныхъ звуковъ, то для насъ станетъ яснымъ, что далеко не всѣ измѣненія въ произношеніи достигаютъ до нашего сознанія путемъ слуховыхъ и двигательныхъ ощущеній, такъ какъ и для тѣхъ есть извѣстные предѣлы, а это послѣднее обстоятельство облегчаетъ въ свою очередь постепенное накопленіе этихъ измѣненій въ извѣстной возрастающей прогрессіи, при извѣстной величинѣ достигающихъ нашего сознанія. По отношенію къ измѣненіямъ, происходящимъ въ языкѣ въ области морфологическихъ фактовъ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что они обязаны своимъ происхожденіемъ перемѣщеніямъ, происходящимъ въ рядахъ и группахъ, въ которые соединяются въ нашемъ сознаніи факты этого рода; представимъ себѣ, напримѣръ, тотъ очень часто встрѣчающійся случай, что извѣстныя двѣ группы имѣютъ нѣсколько общихъ членовъ, положимъ, падежныхъ формъ; естественно, одна изъ этихъ группъ,—какая именно, это опредѣляется каждый разъ спеціальными условіями,—въ результатѣ можетъ перейти всецѣло или въ значительной своей части въ другую. И въ области синтаксиса, равно какъ и лексики, мы находимъ точно такъ же различныя измѣненія, какъ результаты извѣстныхъ психическихъ процессовъ. Изъ сдѣланнаго мною краткаго очерка видно, что особенно благопріятнымъ моментомъ для возникновенія въ языкѣ измѣненій является передача языка отъ одного поколѣнія къ другому; равнымъ образомъ и усвоеніе извѣстнымъ обществомъ чужого ему языка способствуетъ появленію въ этомъ послѣднемъ цѣлаго ряда измѣненій. Изъ того факта, что этотъ послѣдній моментъ играетъ такую роль въ жизни языка, нельзя, однако, выводить обратнаго заключенія, что данный языкъ сильно измѣнился сравнительно съ своимъ прошлымъ, благодаря наличности факта передачи его отъ одного общества къ другому; наоборотъ, изъ того, что данный языкъ въ общемъ консервативенъ, никакъ не слѣдуетъ самъ по себѣ фактъ его исконной принадлежности данному обществу. Жизнь языка, какъ мнѣ уже приходилось указывать, настолько сложна и отдѣльные ея факторы настолько разнообразны, что нельзя признать научными умозаключенія въ родѣ тѣхъ, которыми изобилуетъ книга Тэйлора (см. IV главу), а также и тѣ соображенія, къ кото-

рымъ пришелъ Гиртъ въ статьѣ „Die Verwandschaftsverhältnisse der Indogermanen" (Indogermanische Forschungen, IV). Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ только вспомнить ту важную роль, которую играетъ въ языкѣ литературное нарѣчіе, какъ сдерживающій и регулирующій его жизнь факторъ; далѣе, слѣдуетъ обратить вниманіе также на то обстоятельство, что сами историческія условія жизни народа, его бытъ, характеръ его сношеній съ сосѣдями играютъ очень важную роль въ исторіи его языка; однимъ словомъ, изслѣдуя исторію языка, мы имѣемъ полное право задаться вопросомъ, въ какія условія онъ былъ поставленъ, а для этого мы должны обратиться къ цѣлому ряду спеціальныхъ изслѣдованій различнаго рода, но преждевременное заключеніе, касающееся одного только возможнаго и ничѣмъ другимъ не доказываемаго момента, аналогичное выводу: языкъ подвергся сильнымъ измѣненіямъ въ своей жизни, слѣдовательно, въ его жизни былъ фактъ передачи его другому обществу путемъ ли завоеванія, или культурнаго воздѣйствія — нельзя признать научнымъ. Отъ приведенія по отношенію къ данному вопросу тѣхъ или другихъ частныхъ случаевъ, гдѣ были дѣлаемы подобные выводы, я воздерживаюсь, такъ какъ, помимо всего прочаго, они не могутъ быть признаны убѣдительными и съ принципіальной точки зрѣнія. Изъ сказаннаго мною понятно, какъ я смотрю на попытки доказать висящія въ воздухѣ построенія, сдѣланныя на основаніи извѣстныхъ фактовъ археологіи и антропологіи, построеніями, претендующими на значеніе послѣдняго слова науки о языкѣ, въ томъ именно родѣ, какъ я указалъ выше; это своего рода стремленіе доказывать obscurum per obscurum.

Не лучше обстоитъ дѣло и съ попытками опредѣлить мѣстоположеніе прародины индоевропейскаго племени на основаніи показаній языка. Первоначально пытались опредѣлить болѣе точно эту послѣднюю въ предѣлахъ Азіи, руководствуясь традиціоннымъ воззрѣніемъ, что эта часть свѣта—колыбель человѣческаго рода. Затѣмъ, когда это убѣжденіе было частію поколеблено выводами и гипотезами археологіи и антропологіи, доказывавшими, что Европа искони обитаема тѣми расами, какія живутъ здѣсь и нынѣ, что наши свѣдѣнія по доисторической археологіи не даютъ указаній на вторженіе массы индоевропейцевъ изъ Азіи, опять стали эксплоатировать факты языка для доказательства этихъ положеній и для болѣе точнаго опредѣленія мѣстоположенія прародины въ Европѣ. Не склоняясь ни на ту, ни на другую сторону, можно, однако, сдѣлать одно очень сильное возраженіе противъ метода, которымъ пользовались обыкновенно, привлекая къ дѣлу факты языка. Всякій, кто отнесется съ полною непредубѣжденностью къ попыткамъ этого рода, не можетъ не согласиться, что выводы, дѣлаемые на основаніи сопоставленій отдѣльныхъ индоевропейскихъ языковъ о томъ, съ какими представителями фауны и флоры были знакомы индоевропейцы въ эпоху своего распаденія, знали ли они соль, море и т. п. соображенія страдаютъ существенными недостатками: во-первыхъ, здѣсь имѣетъ широкое примѣненіе тотъ методъ, который носитъ названіе способа примѣненія такъ называемаго argumentum ex silentio, и который я охарактезировалъ выше, а, во-вторыхъ, тѣ данныя, которыя мы дѣйствительно можемъ имѣть по этому поводу, настолько общи, что не допускаютъ сколько-нибудь опредѣленнаго пріуроченья, тѣмъ болѣе, что мы должны считаться съ различнаго рода переворатами въ этой области. Съ другой стороны, попытки отождествить состояніе культуры индоевропейцевъ эпохи распаденія съ извѣстною частію неолитической культуры Европы опять таки не могутъ имѣть рѣшающаго значенія: во-первыхъ, сама эта культура извѣстна намъ въ болѣе или менѣе случайныхъ остаткахъ, а, во-вторыхъ, данныя языка не свидѣтельствуютъ о томъ, что среди индоевропейцевъ эпохи распаденія былъ одинъ уровень культуры; оно и понятно: въ это время индоевропейцы были уже не маленькимъ племенемъ, а довольно значительною массою, среди которой трудно было бы ожидать полнаго однообразія въ этомъ отношеніи. Итакъ, какъ бы мы ни рѣшали вопросъ о мѣстоположеніи прародины индоевропейцевъ, намъ постоянно приходится сталкиваться съ non liquet, и это обстоятельство свидѣтельствуетъ о томъ, что у насъ нѣтъ надлежащихъ данныхъ для его рѣшенія. Отъ описаннаго здѣсь вкратцѣ метода нѣсколько уклонялся Іоганнъ Шмидтъ, который выступилъ защитникомъ азіатскаго происхожденія индоевропейцевъ со стороны первобытныхъ обитателей Месо-

потаміи. Однако, принимая даже всѣ пункты теоріи Шмидта, мы не можемъ видѣть здѣсь какого бы то ни было доказательства въ пользу теоріи азіатской прародины. Дѣло въ томъ, что нѣтъ никакой надобности въ исконномъ сосѣдствѣ двухъ народовъ, между которыми есть нѣкоторое культурное взаимодѣйствіе, такъ какъ оно можетъ происходить и черезъ посредствующую среду.

Итакъ, мы разсмотрѣли вкратцѣ исторію общихъ вопросовъ, возникающихъ по отношенію къ индоевропейскому праязыку, и узнали, какъ нужно смотрѣть на нихъ съ точки зрѣнія науки о языкѣ въ современномъ ея состояніи; теперь, въ заключеніе настоящаго очерка, я долженъ сказать еще нѣсколько словъ о томъ, насколько мы можемъ пока возстановить индоевропейскій праязыкъ. Это тѣмъ болѣе необходимо, что нѣкоторые лингвисты и не-лингвисты высказываютъ сильное сомнѣніе въ правильности современнаго метода, создавшагося, какъ мы видѣли, на почвѣ критики ученія Шлейхера. Дельбрюкъ въ своемъ сочиненіи „Einleitung" (III глава), о которомъ я уже неоднократно упоминалъ, смотритъ на написанія, которыми мы передаемъ звуки и формы индоевропейскаго праязыка, какъ на своего рода формулы, служащія лишь для выраженія измѣняющихся съ теченіемъ времени воззрѣній на этотъ счетъ. До нѣкоторой степени онъ правъ: это формулы въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы можемъ назвать формулами, напр., написанія, передающія звуки и формы русскаго языка. Аналогію можно провести и нѣсколько дальше: подобно неграмотному, изучающему сложную систему орѳографіи, лингвисты шагъ за шагомъ изучали праязыкъ, при чемъ написанія, передающія его звуки и формы, соотвѣтствующія различнымъ эпохамъ въ исторіи науки,—своего рода орѳографическія упражненія. Мало-по-малу мы достигаемъ въ этой области извѣстныхъ результатовъ, и съ теченіемъ времени, надо думать, мы раскроемъ всѣ тайники звукового и формальнаго состава индоевропейскаго праязыка. Правда, пока мы не имѣемъ еще достаточныхъ данныхъ для этого, такъ какъ сопоставленіе между собою отдѣльныхъ индоевропейскихъ языковъ открываетъ намъ эпоху распаденія индоевропейскаго праязыка не въ полномъ ея объемѣ, съ одной только стороны. Результатомъ этого является то, что мы неизбѣжно соединяемъ въ одной перспективѣ нѣкоторыя детали, которыя, такъ сказать, выступаютъ и въ одну, и въ другую сторону. Эта неизбѣжная неточность исправится тогда, когда мы получимъ возможность подойти къ индоевропейскому праязыку, съ другой стороны, когда откроются болѣе древнія эпохи его жизни, когда вмѣстѣ съ тѣмъ получитъ болѣе детальное освѣщеніе исторія древнѣйшихъ эпохъ въ существованіи каждой изъ отдѣльныхъ вѣтвей нашей семьи языковъ, и наука о языкѣ можетъ смѣло итти впередъ по проложенному пути, съ твердою вѣрою на будущее: въ этомъ порукою ея прошлое.

В. К. Поржезинскій.

ОДНО ИЗЪ ПРИМѢНЕНІЙ ЗАКОНА

ПЕРЕЖИВАНІЯ СТАРИНЫ

ВЪ ИСТОРІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Общія основанія, на которыхъ покоится законъ переживанія старины, состоятъ, какъ извѣстно, въ слѣдующемъ: ни одинъ факторъ, разъ вошедшій въ жизнь человѣка или общества, не проходитъ безслѣдно въ ихъ исторіи, обусловливая собою тотъ или другой фактъ въ дальнѣйшемъ развитіи человѣка или общества. Послѣдствія появленія этого фактора могутъ отмѣчаться различнымъ образомъ: или онъ даетъ новое направленіе, или измѣняетъ ту или другую сторону жизни изучаемаго явленія, или самъ, продолжая быть налицо въ изучаемомъ явленіи, или же продолжая существовать въ своихъ только послѣдствіяхъ, или же, не оказывая уже *видимаго* вліянія, онъ самъ остается въ жизни, но не какъ активный дѣятель, а какъ только памятникъ той эпохи, когда онъ былъ таковымъ. Въ этомъ случаѣ, онъ сохраняется въ жизни въ силу консерватизма той или другой ея стороны. Чѣмъ менѣе культурна среда, въ которую когда-то попалъ этотъ факторъ, тѣмъ она консервативнѣе, тѣмъ болѣе сохраняются въ ней тѣ факторы, потребности въ которыхъ уже не ощущается въ жизни или вовсе или почти вовсе. Этотъ факторъ сохраняется, такимъ образомъ, безсознательно, только въ силу его давности. Эта способность фактовъ извѣстнаго порядка сохраняться безсознательно отъ того далекаго времени, когда они впервые попали въ жизнь, и называется условно закономъ переживанія старины. Такимъ образомъ этотъ законъ есть только частное по отношенію къ общему—закону культурнаго развитія въ исторіи.

Законъ переживанія старины, какъ извѣстно, играетъ видную роль при изученіи историческаго процесса; играетъ онъ такую же роль, понятно, и при изученіи литературнаго процесса; поэтому онъ представляетъ интересъ и съ точки зрѣнія методологіи въ изученіи исторіи литературы. Особенно важно примѣненіе закона переживанія въ тѣхъ областяхъ нашего литературнаго прошлаго, гдѣ исторія литературы соприкасается тѣснѣе съ областью научной этнографіи; законъ переживанія особенно оказывается необходимымъ съ методологической точки зрѣнія тамъ, гдѣ мы должны опредѣлять взаимныя отношенія между памятникомъ литературнымъ и бытовыми данными въ извѣстномъ кругѣ, гдѣ обычай, повѣрье, особенно консервативные по своему характеру, объясняются памятникомъ словеснымъ или, наоборотъ, объясняютъ намъ составъ и содержаніе памятника. Высказанное положеніе лучше всего оправдывается на примѣрѣ, который я имѣю въ виду привести тотчасъ. Этотъ примѣръ покажетъ и тѣ особенности всего метода, въ примѣненіи его къ частному случаю, укажетъ въ свою очередь тѣ методологическіе пріемы, которые, какъ мнѣ кажется, должны быть примѣняемы къ той или другой группѣ памятниковъ литературы, смотря по ея характеру. Я имѣю въ виду особую группу литературныхъ памятниковъ—группу апокрифическихъ произведеній и сказаній.

Предполагая извѣстнымъ, по работамъ покойнаго Н. С. Тихонравова и хотя бы отчасти по моему изслѣдованію объ Апокрифическихъ Евангеліяхъ (Труды VIII арх. Съѣзда, т. II), что̀ такое „апокрифъ", какого рода памятники должны быть сочтены (а потому и называться) апокрифическими, я ограничусь напоминаніемъ, что исторія отреченной литературы тѣсно связана съ исторіей такъ называемаго „списка книгъ истинныхъ и ложныхъ", иначе съ исторіей Index'a librorum prohibitorum: исходя изъ исторіи этой статьи, мы изучаемъ и нашу отреченную литературу. Славяно-русскій списокъ книгъ ложныхъ, апокрифическихъ, представляетъ въ томъ видѣ, какъ мы его знаемъ по различнымъ спискамъ, результатъ долгой исторіи: первыя греко-славянскія редакціи, первые славянскіе списки идутъ изъ X—XI стол. (Изборникъ Святослава, иначе Симеона, по сп. 1073 г.), позднія редакціи закрѣпляются печатнымъ изданіемъ половины XVII в. (Кириллова книга, М. 1644). Въ исторіи этой статьи мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ недоразумѣній, неясностей: статья о книгахъ ложныхъ ждетъ еще своего изслѣдователя. Но и того, что до сихъ поръ выяснено, достаточно для нашей цѣли, а именно: уже въ XIV вѣкѣ (статья Погодинскаго номоканона) въ спискѣ ложныхъ книгъ намѣчаются уже двѣ группы писаній, которыя становятся совершенно ясными въ позднѣйшихъ спискахъ: первую группу образуютъ апокрифы повѣствовательнаго характера, а вторая составляется изъ апокрифовъ характера житейскаго, бытового, если такъ можно выразиться условно. Что обѣ эти группы различны между собой, легко въ томъ убѣдиться изъ сопоставленія памятниковъ, входящихъ въ каждую изъ нихъ. Сдѣлаемъ въ общихъ чертахъ это сопоставленіе: изъ него станетъ яснымъ и методъ изученія внутри каждой группы. Первая группа апокрифовъ отличается отъ второй не только по характеру, но и по содержанію, а также и исторіи: тогда какъ первая имѣетъ своею цѣлію дополненія или своеобразные разсказы изъ области библейской исторіи, изъ области житійной, частью христіанско-догматической литературы,—вторая имѣетъ дѣло съ повѣріями и суевѣріемъ (съ христіанской церковной точки зрѣнія), вѣрованіемъ, практическимъ взглядомъ человѣка на окружающее; иначе: содержаніе первой группы—исторія, можетъ-быть фантастическая исторія, второй группы—объясненіе, практическое примѣненіе тѣхъ таинственныхъ явленій, которыя окружаютъ человѣка, происходятъ въ немъ самомъ, еще не дошедшемъ до трезваго критическаго анализа окружающаго, до такого же самоанализа. Первая группа связана съ исторіей человѣчества, съ внѣшней его исторіей, вторая—съ бытомъ человѣка, съ внутренней, такъ сказать, исторіей его міросозерцанія. Первая группа апокрифовъ удовлетворяетъ потребности фантастическаго, любознательности вѣрующаго человѣка, изрѣдка догматической сторонѣ вѣрованія; вторая группа имѣетъ цѣлію удовлетворить практическимъ, бытовымъ потребностямъ человѣка. Первая группа по своей исторіи стоитъ въ связи прежде всего съ легендой, сказкой, затѣмъ (и то не всегда) съ повѣрьемъ и бытомъ; вторая тѣсно связана съ бытомъ и суевѣріемъ прежде всего, а затѣмъ уже (и то не всегда) съ легендой, сказкой. Наконецъ, разница сказывается между намѣченными группами и въ исторіи, насколько она отразилась въ спискахъ книгъ истинныхъ и ложныхъ. Первая группа, апокрифъ повѣствовательнаго характера, въ старомъ христіанскомъ индексѣ, равно какъ и въ славяно-русскомъ переводномъ,—основная, древнѣйшая; вторая, отсутствуя въ греческомъ индексѣ, въ нашемъ является добавочной, расширившей древнее понятіе объ апокрифѣ,—позднѣйшая. Въ такомъ видѣ обѣ группы и идутъ въ индексѣ не смѣшиваясь, сперва группа повѣствовательная, а за ней группа бытовая. (См., напримѣръ, сводный Индексъ у Тихонравова „Пам. отреч. лит.", I, или Лѣтоп. зан. археогр. ком., I, индексъ Кирилловой книги).

Въ виду различнаго характера намѣченныхъ группъ, конечно, будетъ различаться въ частностяхъ и сравнительный методъ, прилагаемый къ изученію каждой изъ этихъ группъ. Основой, обусловливающей различіе въ этихъ частностяхъ метода, и будетъ упомянутый мною законъ переживанія старины; лучше сказать, разница будетъ, конечно, не въ томъ, что при изслѣдованіи первой группы мы вовсе не имѣемъ дѣла съ закономъ переживанія, а при изслѣдованіи второй только съ закономъ переживанія, а въ томъ, что законъ переживанія въ каждой группѣ примѣняется въ различной степени,—въ первой въ меньшей, нежели во второй, во второй

же болѣе, нежели въ первой. Выяснимъ это полнѣе. Обыкновенный путь изслѣдованія апокрифа повѣствовательнаго, какъ и всякаго переводнаго въ нашей литературѣ произведенія, въ общихъ чертахъ таковъ. Опредѣливши, по возможности точно, иноземный источникъ славянскаго или русскаго (рѣже) перевода, мы слѣдимъ исторію этого перевода, намѣчая путь, какимъ пришелъ къ намъ этотъ апокрифъ, изслѣдуя, какъ видоизмѣнялся текстъ его подъ вліяніемъ новыхъ для него условій, новой среды литературной, иногда отмѣчая слѣды вліянія переводнаго памятника на туземную оригинальную литературу, что̀ выражается чаще всего въ томъ, что мы находимъ произведенія нашей словесности, основанныя цѣликомъ, чаще же въ отдѣльныхъ мотивахъ, на иноземномъ апокрифѣ; крайне рѣдко это вліяніе отмѣчается въ памятникахъ народной словесности, имѣющихъ тѣсную связь съ бытомъ или обычаемъ. Какъ рѣдкость, можно отмѣтить указанный мною въ Апокрифическомъ Евангеліи фактъ вліянія Евангелія Іакова на обрядовую пѣсню при рожденіи младенца; сюда же относится внесеніе поздняго текста Евангелія Ѳомы въ гадательный памятникъ (см. мои „Гаданія по псалтири“, стр. 120). Нѣсколько иной характеръ принимаетъ изслѣдованіе апокрифа второй группы; это измѣненіе стоитъ въ зависимости отъ исторіи этого рода памятниковъ, главнымъ образомъ отъ характера тѣхъ источниковъ, изъ коихъ сложился данный апокрифъ. Въ основѣ подобнаго апокрифа лежитъ не фактъ историческій или quasi-историческій, преимущественно эпизодъ повѣствовательнаго характера, а житейское наблюденіе, истекающее изъ законовъ человѣческой психологіи: апокрифическій памятникъ такого рода есть въ большинствѣ случаевъ не что иное, какъ запись, приведеніе въ систему того, что существуетъ уже давно въ самой жизни. Перенесенный на иную почву, въ среду иной народности, такой памятникъ становится прямо въ иныя отношенія къ литературѣ и жизни, нежели памятникъ повѣствовательнаго характера: онъ встрѣчаетъ уже старое аналогичное ему повѣріе, наблюденіе, истекающія изъ общихъ всѣмъ психологическихъ законовъ, напримѣръ, переводный гадательный памятникъ оказывается аналогичнымъ туземному, ибо оба исходятъ изъ одного и того же общечеловѣческаго стремленія знать будущее. Подобный памятникъ своимъ появленіемъ въ переводѣ обязанъ не любознательности, не потребности фантазіи, не стремленію къ удовлетворенію поэтическаго настроенія (факторы—обусловливающіе появленіе повѣствовательнаго апокрифа), а бытовой, житейской потребности болѣе точно, болѣе полно воспользоваться наблюденіями житейскаго характера, тѣсно связанными съ обыденной жизнью; иначе, появленіе апокрифа второй группы вызывается *практической* потребностью. Эти условія появленія бытового апокрифа опредѣляютъ собой идеальнѣйшую его исторію: если жизнь повѣствовательнаго апокрифа сводится къ отношеніямъ его къ литературнымъ памятникамъ прежде всего, изрѣдка къ бытовой сторонѣ обыденной жизни, то исторія бытового апокрифа выражается главнымъ образомъ именно на почвѣ связи его съ бытомъ, съ обыденной жизнью, съ житейскимъ повѣрьемъ практическаго характера, а потомъ уже съ памятникомъ литературы: на этой почвѣ быта происходитъ взаимодѣйствіе обычая, повѣрья, приносимаго переводнымъ апокрифомъ, и туземнаго своего наблюденія и повѣрья. Такимъ образомъ, методъ изслѣдованія той и другой группы одинъ и тотъ же вначалѣ, но расходится къ концу; въ первой группѣ остается преобладающимъ въ объясненіи литературная сторона памятника, во второй практически-бытовая. Здѣсь-то особенно большую помощь оказываетъ привлеченіе закона переживанія: имъ опредѣляется въ значительной степени подборъ матеріала, служащаго для объясненія изслѣдуемаго памятника. Если для первой группы мы ищемъ матеріаловъ преимущественно въ широкой области литературнаго общенія народовъ, то для второй мы ихъ найдемъ скорѣе всего въ безграничной области сравнительной этнологіи, описательной этнографіи. Если для первой группы наши матеріалы ограничиваются временемъ между созданіемъ извѣстнаго сюжета и его популярностью въ эпоху господства извѣстнаго литературнаго направленія, то для второй группы границей будутъ служить въ большинствѣ случаевъ времена, къ намъ близкія, и даже наше время: интересъ къ литературному сюжету болѣе зависитъ отъ моды, нежели интересъ къ обычаю, примѣтѣ, повѣрью. Эта разница сводится опять-таки къ характеру каждой группы: обычай самъ по себѣ консервативнѣе, обыденная жизнь не такъ быстро измѣ-

няетъ свои формы, какъ вкусъ литературный, легенда и повѣсть. Поэтому въ области обычая и повѣрья мы чаще имѣемъ дѣло съ закономъ переживанія; этимъ закономъ чаще объясняется письменный бытовой памятникъ, нежели въ области повѣствованія, болѣе подвижнаго и потому болѣе измѣняющагося. Отмѣченная особенность въ характерѣ памятниковъ бытовыхъ касается ихъ *содержанія*. По отношенію же къ *тексту* мы констатируемъ обратное явленіе. Тогда какъ памятникъ, не столь близко стоящій къ бытовой сторонѣ жизни, отличается бо̀льшей консервативностью текста, бо̀льшею точностью въ передачѣ подлинника (если онъ переводный), дольше сохраняетъ связь съ своимъ первоисточникомъ—текстомъ первоначальнымъ, или сохраняясь въ своемъ видѣ или вовсе исчезая изъ обихода литературы при перемѣнѣ ея направленія,—памятникъ бытового характера испытываетъ сильнѣе въ своемъ текстѣ вліяніе среды; это отражается на его отношеніяхъ, какъ текста, къ его подлиннику, иначе сказать: бытовой памятникъ по тексту менѣе устойчивъ, нежели не бытовой, онъ ближе къ подвижному по тексту устному памятнику. Словомъ, содержаніе его, благодаря закону переживанія старины, устойчивѣе, форма же подвижнѣе. Отсюда вытекаетъ то наблюденіе, что при изученіи текста бытового помятника, въ данномъ случаѣ—апокрифа, постоянно въ бо̀льшей степени приходится считаться съ измѣненіями первоначальнаго его текста, а потому рѣже можно разсчитывать съ увѣренностью указать тотъ иноземный текстъ, съ котораго сдѣланъ первоначальный переводъ, а, слѣдовательно, и труднѣе прослѣдить тѣ фазы, черезъ которыя прошелъ текстъ памятника, пока онъ дошелъ до того вида, въ которомъ мы его застаемъ. При изслѣдованіи подобныхъ памятниковъ, опираясь на законъ переживанія, съ одной стороны, и на психологическіе законы — съ другой, чаще всего приходится устанавливать связь между изучаемыми текстами по содержанію, по одинаковости соотношенія между отдѣльными частями этого содержанія; текстуальная связь дается рѣдко, но зато, разъ она уловлена, она является сильнымъ оправданіемъ связи, основанной на аналогіи содержанія сравниваемыхъ текстовъ. Наконецъ, законъ переживанія, какъ я сказалъ, опредѣляетъ собою подборъ матеріала, привлекаемаго къ уясненію исторіи бытового апокрифа. Въ апокрифахъ повѣствовательнаго характера матеріалъ исчерпывается главнымъ образомъ памятниками письменными того же характера и памятниками устными повѣствовательнаго характера, а бытовые памятники займутъ мѣсто второстепенное; въ апокрифахъ же бытового характера въ одинаковой степени важны для объясненія и памятники письменные, и устные бытового характера, и самыя данныя быта, насколько они намъ доступны, роль же памятниковъ повѣствовательнаго характера будетъ второстепенной. Добываніе же матеріала бытового характера лежитъ на обязанности этнологіи и этнографіи: безъ помощи ихъ литературное объясненіе бытовыхъ апокрифовъ невозможно; законъ переживанія находитъ себѣ наиболѣе полное выраженіе въ консервативномъ обычаѣ и житейскомъ повѣріи; а знакомствомъ съ ними мы обязаны научной этнографіи. Въ такомъ видѣ рисуется тѣсная связь между этнографіей въ собственномъ смыслѣ слова и исторіей литературы на почвѣ примѣненія закона переживанія въ области изученія бытового апокрифа.

М. Сперанскій.

НѢКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ

ИЗЪ ПОЗДНѢЙШИХЪ ТРУДОВЪ

ПО ВЕЛИКОРУССКОЙ ДІАЛЕКТОЛОГІИ.

Въ самое послѣднее время, въ послѣдніе три-четыре года, наука о русскомъ языкѣ стала обладать довольно большимъ количествомъ фактовъ, непосредственно ведущихъ къ заключеніямъ общаго характера, къ заключеніямъ историко-культурнаго значенія. Изучая русскій языкъ въ его реальныхъ фактахъ, изъ которыхъ лишь незначительная часть сдѣлалась достояніемъ общеизвѣстнаго литературнаго русскаго языка, русскіе діалектологи вскорѣ пришли къ глубокому и, несомнѣнно, истинному убѣжденію въ томъ, что факты русскаго языка въ его литературномъ нарѣчіи не могутъ сами по себѣ имѣть особеннаго значенія, что настоящее знаніе русскаго языка еще впереди и наступитъ тогда, когда изученіе русскаго языка сведется къ приведенію въ извѣстность фактовъ, существующихъ не въ одномъ литературномъ употребленіи, но въ употребленіи и не-литературномъ, народномъ, на всемъ пространствѣ живой русской рѣчи. Иначе говоря, лишь русская діалектологія должна приготовить самый матеріалъ для научнаго знанія и изложенія грамматики русскаго языка; она, русская діалектологія, должна дать факты абсолютнаго значенія, должна сдѣлать русскій языкъ въ его теоретическомъ изложеніи научной дисциплиной. Вотъ, между прочимъ, тѣ основанія, которыя заставляютъ насъ и сейчасъ утверждать, что научная грамматика русскаго языка есть дѣло будущаго, уже недалекаго; что недалеко то время, когда современная наша школьная грамматика русскаго языка въ ея общеизвѣстномъ изложеніи рухнетъ и замѣнится той грамматикой, которая, какъ система экспериментальныхъ данныхъ, не будетъ болѣе тормазомъ и отвратительнымъ бременемъ въ нашемъ школьномъ образованіи.

Само собой разумѣется, что такое убѣжденіе діалектологовъ не могло сложиться на почвѣ сентиментальныхъ отношеній любителей русской народной пѣсни и просторѣчія къ русскому мѣткому слову; такое убѣжденіе и такія мысли могли развиться и окрѣпнуть лишь на почвѣ, засѣянной сѣменами другой науки, науки сравнительно старой и могущественной своими фактами, своими результатами и своимъ методомъ, науки, которая называется „сравнительнымъ языковѣдѣніемъ". За представителями этой науки потянулись, конечно, цѣлые ряды собирателей-любителей народной рѣчи. Пишущій эти строки не можетъ, по своему глубокому убѣжденію, обойти молчаніемъ въ своей статьѣ того общепризнаннаго теперь факта, что школа сравнительнаго языковѣдѣнія въ Московскомъ университетѣ едва ли не наиболѣе содѣйствовала успѣхамъ и русскаго языкознанія; по крайней мѣрѣ, московская школа должна быть поставлена во главѣ прочихъ въ этомъ отношеніи...

Въ послѣднее время обнародовано нѣсколько очень крупныхъ фактовъ изъ великорусской діалектологіи; намъ сдѣлались извѣстны особенности говоровъ въ Тульской, Калужской, Рязанской, Воронежской, Смоленской губерніяхъ,—слѣдовательно,—большая область русской рѣчи, группирующейся около Московской губерніи, говоръ которой мало-по-малу выдѣлилъ изъ себя то произношеніе, которое стало произношеніемъ г. Москвы и въ качествѣ литературнаго произношенія носитъ на себѣ отпечатокъ своей судьбы, сдѣлавшей его нарѣчіемъ литературно-образованнаго общества москвичей.

Довольно трудно сказать опредѣлительно, было ли въ г. Москвѣ въ XIII — XIV вѣкахъ произношеніе окающее или акающее, говорили ли коренные жители Москвы этого времени въ 3 л. множ. числа глаголовъ—*тъ*, или—*ть*, было ли извѣстно произношеніе звука γ, или только—*г*, но представляется несомнѣннымъ то, что въ самой Москвѣ того времени не было произношенія *ц* вмѣсто *ч* и обратно. По даннымъ старинныхъ бумагъ всякаго рода, писанныхъ на Москвѣ дьяками, площадными подьячими и другими грамотными людьми свѣтской службы, одно обстоятельство выступаетъ наружу съ очевидностью, именно: либо писцы грамотъ и вообще дѣловыхъ бумагъ въ Москвѣ были людьми съ сѣверно-русскимъ произношеніемъ, людьми, прибывшими съ сѣвера, такъ что *раннія* поколѣнія такихъ писцовъ лишь отразили въ своемъ правописаніи свое родное сѣверное произношеніе; либо произношеніе г. Москвы этого времени было сходно съ сѣверно-русскимъ произношеніемъ не только въ окончаніяхъ 3 л. глаголовъ на—*тъ*, не только въ звукѣ *г*, но и въ оканьѣ. Такъ, по крайней мѣрѣ, слѣдуетъ думать на основаніи данныхъ правописанія старинныхъ московскихъ дѣловыхъ бумагъ. Оставляемъ въ сторонѣ всѣ случаи традиціоннаго правописанія, какъ, напр., довольно послѣдовательное правописаніе въ московскихъ бумагахъ такихъ словъ, какъ: розрядъ, розбой, по розочту, розметы и под. съ буквою *о*, которая можетъ свидѣтельствовать сколько о произношеніи сѣверно-русскаго писца, столько и объ его начитанности и привычкѣ къ извѣстному правописанію, не гóворя въ то же время ничего о его родномъ произношеніи. Второе предположеніе тѣмъ болѣе возможно, что рядомъ съ этими случаями написаній попадаются въ другихъ словахъ случаи, доказывающіе *акающее* произношеніе; въ особенности въ позднихъ бумагахъ послѣдніе случаи попадаются все чаще [1]). Но упорное употребленіе традиціоннаго правописанія этихъ словъ при другихъ съ буквою *а* вмѣсто *о* во всякомъ случаѣ достойно замѣчанія. Гораздо болѣе важнымъ представляется правописаніе въ тѣхъ же памятникахъ собственныхъ именъ съ начальнымъ *О* вмѣсто нынѣшняго *А*, которое, хотя и попадается въ дѣловыхъ бумагахъ все чаще и чаще, въ особенности со временъ Алексѣя Михайловича, но тѣмъ не менѣе преобладающимъ является написаніе *О* въ такихъ словахъ, какъ, напримѣръ: Онтонью, Олексѣю, Олѣксандру, Офонасей, Ондрѣю, Ондрѣевичъ и друг. [2]). Почему, именно, въ этихъ и подобныхъ словахъ писцы довольно упорно держатся стараго правописанія? Почему однако со времени приблизительно того же Алексѣя Михайловича устанавливается въ московской письменности болѣе частое правописаніе этихъ и подобныхъ именъ черезъ *а*, а не черезъ *о*, правописаніе, которое съ теченіемъ времени, можетъ-быть, когда аканье вытѣснило собой совершенно произношеніе на *о* въ грамотной средѣ Москвы, стало общепринятымъ и исключительно господствующимъ, согласнымъ съ произношеніемъ? Тѣмъ не менѣе произношеніе „Аѳоня", единственно извѣстное *и до сихъ поръ* въ Москвѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, непосредственно восходитъ къ сѣверно-русскому „Офонасей", которое мы наблюдаемъ постоянно и въ письменности рядомъ съ „Оѳонка" [3]), „Оѳоня" [4]) и др., которое при аканьѣ должно обратиться въ „Аѳонка", „Аѳоня" [5]). Къ такимъ же словамъ относится „онбаръ" съ написаніемъ черезъ *о* и под. (ibid. III. 167. 1622 г.). Интересно также, что право-

---

1) См. „Сборникъ старинныхъ бумагъ", изд. *П. И. Щукина*. Москва, 1897. Ч. II, стр. 35; III 136. *Ивановъ*. „Сборникъ палеогр. снимковъ". М. 1844, стр. 12, 17 и друг.

2) *Щукинъ*, ibid. I 82, 126, 129, 130. II 259. IV 64, др. *Ивановъ* ibid. стр. 7, 9, 12, 13, 17 и др.

3) *П. И. Щукинъ*, ibid. ч. II, стр. 216 (Грамота ц. Ѳеодора Іоанновича 1586 г.).

4) Ibid. IV. 92. 1572 г. III. 137. 1659 г. и друг.

5) Ibid. II. 261. 1692 года.

писаніе рукоприкладчиковъ посадскихъ людей и проч. послуховъ къ явочнымъ челобитнымъ въ большинствѣ случаевъ отличается наклонностью къ традиціонной формѣ, хотя бы самый документъ, къ которому прикладывалась рука, и отличался уже новымъ правописаніемъ съ признаками свидѣтельствъ объ аканьѣ. Это доказываетъ собой, на нашъ взглядъ, то, что если оффиціальныя лица, дьяки и прочіе люди, были выходцами съ сѣвера или были начетчиками въ рукописной старинѣ, то послухи и всякіе случайные рукоприкладчики, еле грамотные люди, не могли быть привыкшими къ старой орѳографіи, между тѣмъ какъ нерѣдко писали „Оѳонасья" и т. п. (см., напр., ibid. II. 301. 1672 г.).

Какъ бы то ни было, но намъ придется въ вопросѣ о московскомъ литературномъ произношеніи считаться не только съ вліяніемъ на него стараго правописанія, принесеннаго сюда грамотными людьми, а равно и съ обратнымъ вліяніемъ – мѣстнаго произношенія на правописаніе, но и съ вліяніемъ *сѣвернаго произношенія* на мѣстное московское произношеніе, каково бы оно ни было въ древности, въ лицѣ громаднаго количества сѣверныхъ колонистовъ, грамотныхъ и неграмотныхъ, въ Московскомъ государствѣ. Я думаю, что мы имѣемъ полное основаніе утверждать, что произношеніе Москвы по отношенію къ аканью въ XIII—XIV вѣкѣ представляло собой совсѣмъ другую картину, чѣмъ теперь; что оно не было въ настоящемъ его видѣ исконною особенностью произношенія Москвы; что здѣсь скорѣе было оканье, чѣмъ аканье, которое вмѣстѣ съ другими элементами, сопровождающими рѣзкое аканье въ русскихъ говорахъ, проникало сюда съ запада Руси и, можетъ-быть, въ извѣстной формѣ и въ извѣстное время — съ юга. По крайней мѣрѣ, нынѣшнее аканье Москвы своей умѣренностью и особыми признаками убѣждаетъ насъ въ этомъ: это аканье могло образоваться лишь на почвѣ оканья и встрѣчи съ послѣднимъ. Въ другомъ своемъ трудѣ мы старались уже отмѣтить то явленіе, какъ говоръ грамотныхъ москвичей измѣнялся въ XVIII вѣкѣ подъ различными вліяніями [6]). Но это была ужъ другая эпоха произношенія въ самомъ московскомъ говорѣ. Обратимъ вниманіе на то, что и до сихъ поръ въ самой нынѣшней Московской губерніи, къ югу и западу отъ Москвы, извѣстно уже *другое аканье*, а не то, которое слышно въ Москвѣ и подмосковныхъ мѣстахъ, и поставимъ это въ связь съ тѣмъ обстоятельствомъ, что и въ старинныхъ бумагахъ, писанныхъ площадными подьячими въ Дмитровѣ, Вереѣ, Коломнѣ и другихъ мѣстахъ нынѣшней Московской губеріи, правописаніе шире и разностороннѣе представляетъ намъ свидѣтельства объ аканьѣ [7]).

Но если и оставить въ сторонѣ до поры до времени неясный вопросъ объ аканьѣ по самымъ условіямъ правописанія, то правописаніе третьихъ лицъ глаголовъ съ твердымъ *т* (*тъ*), которое почти единственно извѣстно во всѣхъ московскихъ старинныхъ бумагахъ [8]), доказываетъ собой несомнѣнно, что произношеніе мягкаго *т* въ этихъ формахъ въ Москвѣ не было извѣстно, какъ оно неизвѣстно и теперь въ Москвѣ, между тѣмъ какъ южнѣе Москвы, но еще въ самой Московской губерніи и понынѣ остается единственно извѣстнымъ мягкое *т* (*ть*) въ этихъ глагольныхъ формахъ. Слѣдовательно, эту особенность надо признать въ Москвѣ общею съ такой же особенностью сѣверно-великорусскихъ говоровъ, и судьба этой особенности въ московскомъ говорѣ доказываетъ, что ее нельзя сравнивать съ *аканьемъ*, которое имѣетъ въ Москвѣ другой видъ, чѣмъ въ другихъ акающихъ (южно-великорусскихъ и бѣлорусскихъ) говорахъ. Равнымъ образомъ и звукъ *г*, вѣроятно, принадлежалъ всегда Москвѣ, какъ и сѣверно-великорусскимъ говорамъ.

Такимъ образомъ, въ московскомъ говорѣ мы нынѣ имѣемъ звуковые элементы, хронологически относящіеся къ разнымъ эпохамъ: болѣе древніе элементы, къ которымъ мы относимъ, между прочимъ, звуки *г* и твердое *т* (*тъ*) въ глаголахъ, и болѣе поздніе, къ которымъ мы причисляемъ современное московское аканье съ его типомъ произношенія „вадá", но „ве'лá.

---

6) См. нашу статью „Нѣсколько замѣтокъ изъ исторіи русскаго языка" въ Ж. М. Н. Пр. 1898 г., № 3.

7) См. напр. *Иванова*. „Сборникъ палеогр. снимковъ". М. 1844 г. Стр. 11—12, 19. И у *Щукина* ibid. passim.

8) Окончаніе *ть* мы встрѣтили только въ Духовной грамотѣ в. к. Симеона Ивановича. 1353 года. *Ивановъ*, ibid. 7.

Въ то время, когда образовывалось въ извѣстной части великорусскихъ говоровъ аканье Москва принадлежала еще по своему говору къ той части великорусскаго нарѣчія, въ которой говорили „водá“ и „велá“, т.-е. такъ, какъ говорили и на сѣверѣ отъ Москвы, между тѣмъ какъ къ югу отъ Москвы, но далеко не во всѣхъ направленіяхъ къ югу, въ это время говорили „во^{а}дá“ и „в'ö^{а}лá“, т.-е. въ сѣверной части въ словѣ „велá“ неударяемый звукъ былъ средне-передне-открытый (mid-front-wide. *Sievers.* Grundzüge 96—97^{4}), откуда потомъ, гораздо позже образовавшагося на югѣ аканья, частью „в'олá“, черезъ „в'öлá“, частью „в'илá“ черезъ „в'е^{і}лá“, со звукомъ неударяемымъ, въ первомъ (в'öлá) случаѣ—„mid-front-wide-round“ (средне-передне-открытый лабіализованный), во второмъ (в'е^{і}лá) случаѣ—со звукомъ „mid-front-narrow“ (средне-передне-закрытый). Вотъ почему въ эпоху развитія аканья оно захватило въ свою область всѣ случаи типа *водá* (къ этому времени въ этихъ говорахъ *во^{а}дá*) и всѣ случаи типа *велá* (къ этому времени въ этихъ говорахъ *в'ö^{а}лá*), но не коснулось тѣхъ случаевъ, гдѣ было изъ первоначальнаго *велá* къ этому времени тоже произношеніе *велá* (срв. нынѣшній говоръ въ Казанской губерніи), которое лишь позже и независимо отъ южныхъ говоровъ развило въ себѣ произношеніе *в'öлá*, откуда *в'олá*. Московское произношеніе, сохранивъ до описываемой эпохи свое *вела*, дало впослѣдствіи частью *ве^{і}лá*, частью *вилá*. (Казанское произношеніе слова *велá* рѣзко отличается отъ московскаго: въ казанскомъ мы имѣемъ *е* средне-передне-открытое, въ московскомъ—*болѣе закрытое*).

Эти наши выводы подкрѣпляются не только памятниками старинной московской письменности (срв. „жону“ въ грамотѣ 1449 г., данной въ Коломнѣ. *Ивановъ* ibid. стр. 11. Читай: „жану“, и друг. у *Щукина* passim.), ссылка на которую можетъ имѣть лишь второстепенное значеніе въ виду условій самого правописанія, но, что самое главное, современными народными говорами, группирующимися къ югу отъ Москвы, вокругъ нея.

Прежде всего обратимъ вниманіе на то, повидимому, странное явленіе, что въ московскомъ говорѣ мы имѣемъ такія сочетанія діалектическихъ признаковъ, какъ, съ одной стороны, звуки *г* и *т* (—*тъ*) въ глагольныхъ формахъ, съ другой—аканье, которое служитъ какъ-бы принадлежностью уже другихъ говоровъ. Но насъ это сочетаніе различныхъ признаковъ перестанетъ удивлять, если мы обратимъ вниманіе на свидѣтельство другихъ южно-великорусскихъ говоровъ, которые докажутъ намъ, что аканье охватило собой извѣстные говоры, заставъ ихъ уже въ извѣстномъ состояніи въ сравнительно позднее время, подъ вліяніемъ, съ одной стороны, культурнаго движенія и передвиженія племенныхъ элементовъ, съ другой—охватило оно, именно, тѣ говоры, въ которыхъ для этого аканья была подготовлена почва въ самомъ ихъ фонетическомъ составѣ. Въ самомъ дѣлѣ, въ послѣднее время сдѣлались наукѣ извѣстными многіе говоры въ области южно-великорускаго нарѣчія, которые представляютъ намъ то-же сочетаніе различныхъ діалектическихъ признаковъ, причемъ особенно характернымъ является то, что ни одинъ изъ этихъ говоровъ не обойденъ аканьемъ, т.-е. ни одинъ изъ этихъ говоровъ, не смотря на свои сѣверно-великорусскіе признаки, не устоялъ противъ вліянія, захватившаго обширную область аканья, если только этотъ говоръ помѣщался въ той области, на которую въ извѣстную эпоху, скажемъ примѣрно, въ XIII—XIV вѣкѣ [9]), распространилось аканье. Къ такимъ говорамъ относится въ области нынѣшней Рязанской губерніи говоръ Касимовскаго уѣзда, въ особенности говоръ нѣкоторыхъ мѣстностей этого уѣзда [10]); далѣе, къ такимъ же говорамъ относится въ области нынѣшней Тульской губерніи говоръ нѣкоторыхъ частей Богородицкаго уѣзда [11]). Слѣ-

[9]) Это обозначеніе времени имѣетъ довольно условный смыслъ: несомнѣнные случаи аканья въ письменности извѣстны намъ лишь съ самаго конца XIV или съ XV столѣтія, при чемъ эти случаи появляются одновременно и въ письменности Московской Руси, и въ письменности западно-русской. Въ Духовной Ивана Калиты мы еще не имѣемъ несомнѣнныхъ случаевъ московскаго аканья (1327 г.). Между тѣмъ какъ по характеру нынѣшняго бѣлорусскаго и южно-великорусскаго аканья слѣдуетъ думать, что оно восходитъ къ гараздо болѣе раннему времени, чѣмъ аканье московское, т. к. предполагаетъ собой единство южно-велико-бѣлорусской діалектической группы.

[10]) См. наше изслѣдованіе „Къ исторіи великорусскихъ говоровъ“. Казань 1896. Стр. 19—20. 25. 122. 152—153. 284—285.

[11]) См. наше изслѣдованіе „О народныхъ говорахъ въ Тульской губ.“ Спб. 1898. Стр. 56. (Отд. оттискъ изъ Изв. Отд. русс. яз. и слов Имп. Ак. Наукъ. Т. III-й, кн. 4).

довательно, въ этомъ фактѣ мы уже имѣемъ указаніе на то, что къ югу отъ Москвы, въ направленіи юго-восточномъ и южномъ, въ извѣстную эпоху помѣщались говоры съ такими-же сѣверно-великорусскими признаками, какіе были извѣстны и въ Москвѣ, и аканье охватило всѣ эти говоры. Замѣчательно при этомъ, что и характеръ аканья въ этихъ говорахъ такой, какой подходитъ ближе всего къ московскому, и указываетъ собой какъ на *особые* говоры, которые подверглись этому аканью, такъ и на довольно поздній характеръ самаго аканья сравнительно съ аканьемъ бѣлорусскимъ и общеюжно-великорусскимъ. (*Вадá—в'алá*, но сначала: *в'е'ли*, а затѣмъ и—*в'алú*).

Съ другой стороны, говоры, группирующіеся на западѣ около Москвы [12]), а также частью на юго-западѣ [13]), переживали уже общую имъ судьбу: здѣсь и аканье, напр., въ нынѣшней Смоленской губерніи [14]), приняло особое направленіе въ своей исторіи, и нѣкоторыя другія фонетическія особенности (напр., звукъ *е*, не смягчающій предшествующей согласной) доказываютъ общую судьбу этой группы.

Въ говорѣ Бѣлевскаго уѣзда, Тульской губерніи, а также въ говорѣ прилежащихъ мѣстностей Лихвинскаго уѣзда, Калужской губерніи, слѣдовательно, въ направленіи къ югу и юго-западу отъ Москвы, мы встрѣчаемся со звукомъ *е*, не смягчающимъ предшествующей согласной (см. примѣч. 13 здѣсь), съ такимъ звукомъ, который оказывается извѣстнымъ и въ бѣлорусскихъ говорахъ Гродненской, Минской, Виленской, Могилевской, Ковенской [15]) и частью Смоленской губерній [16]). Въ этихъ же губерніяхъ, а равно и въ означенныхъ мѣстностяхъ Тульской губерніи, мы все чаще и чаще встрѣчаемся съ произношеніемъ типа: вѣтьтя, сучьчя, льлю и под. [17]); слѣдовательно, струя западно-русскаго теченія намѣчается этими фактами довольно опредѣленно. Если къ этому присоединить еще и лексическій матеріалъ, среди котораго уже въ Смоленскомъ говорѣ, не говоря о болѣе западныхъ отъ Москвы, мы находимъ массу словъ, неизвѣстныхъ другимъ южно-великорусскимъ говорамъ (т.-е. вообще—акающимъ), напр., „шлюбы", „приличили" (*Добровольскій*, ib. Стр. 301, 324 и др.), „ковалки" (Красн. у. Смол. губ. См. Словарь русскаго яз. П. Отдѣленія Ак. Наукъ. S. v. „заваливать") и мн. др., то вліяніе со стороны запада на говоры средней Россіи въ извѣстномъ районѣ не будетъ подлежать сомнѣнію.

Наконецъ, въ послѣднихъ же трудахъ по русской діалектологіи мы имѣемъ матеріалъ для заключенія о томъ, какое направленіе принимаетъ въ своемъ теченіи тотъ говоръ, который вмѣстѣ съ людьми, на немъ говорящими, переселяется въ акающую область уже послѣ того, какъ законченъ процессъ образованія аканья: если этотъ говоръ принадлежалъ первоначально къ говорамъ окающимъ, то, попавъ въ новую среду въ сравнительно позднѣйшее время, вслѣдствіе, можетъ-быть, какого-либо искусственнаго переселенія, послѣ того, какъ законченъ процессъ образованія аканья, онъ *сохраняетъ свое оканье* [18]) и выдаетъ свое происхожденіе и не-

---

[12]) См. *Шахматовъ*, „Звуковыя особенности Ельнинскихъ и Мосальскихъ говоровъ." Р. Ф. В. 1896, № 3 и 4; 1897, № 3 и 4.

[13]) См. наше соч. „О нѣкоторыхъ народныхъ говорахъ въ Тульской и Калужской губ." Спб. 1898. (Ошибкою напечатано на обложкѣ: 1897). Стр. 4—24. (Отд. оттиски изъ Изв. И. Ак. Наукъ. Т. Ш, кн. 3.).

[14]) См. *Шахматовъ*. Указ. соч. Р. Ф. В. 1896. № 3 и 4. Стр. 67—68. Также *Добровольскаго*. Смол. Этногр. Сборникъ. Спб. 1894. Ч. П. Пѣсни с. *Плоскаго Смол. у. С. Проверженка Ельн. у.* и др.

[15]) См. Матеріалы для изученія бѣлорусскихъ говоровъ. *Карскаго*. (Изв. 2-го Отд. Ак. Наукъ. 1897 г. Т. II. кн. 2. Стр. 562. 1898 г. Т. Ш, кн. 3. Стр. 2. 14. 6. 19. 29. 52 и др.).

[16]) См. *Добровольскаго*. Смол. Этногр. Сборникъ. Ч. П. № 416. С. *Даньково*, Смол. у. Стр. 173 и мн. др.

[17]) *Добровольскій*. Ibid. №№ 80, 81, 100 и мн. др. Также см. мою брошюру „О народн. говорахъ въ Тульской губ." Стр. 18. 27. 39.

[18]) Такой говоръ мы имѣемъ въ нынѣшней Воронежской губерніи, въ *Бобровскомъ* и частью *Новохоперскомъ* уѣздахъ. См. „Очеркъ народныхъ говоровъ Воронежской губерніи". *К. Филатова*. Р. Ф. В. 1898. № 1 и 2. Стр. 202—206. Также Р. Ф. В. 1898. № 3 и 4. Стр. 36—37. (Пѣсни с. Новаго Курлака Бобров. у.). Такке Р. Ф. В. 1897 г. № 1 и 2. Стр. 171. (Введеніе). Трудъ *Филатова* немного неясно говоритъ о томъ, какъ нужно понимать, что „на всемъ пространствѣ Воронежской губерніи въ оконч. 3 л. ед. и мн. ч. является—*тъ*". (Р. Ф. В. 1898. № 1 и 2. Стр. 193.). Объ этомъ больше нигдѣ не говорится въ отдѣлѣ объ *окающихъ* мѣстностяхъ, а между тѣмъ въ пѣснѣ на стр. 36 (Р. Ф. В. 1898. № 3 и 4) приведены формы и „волитъ", „бѣжытъ", и „бѣжыть", „несётъ"... Въ виду выше выписаннаго нами предупрежденія автора, надо думать, что въ пѣснѣ это опечатки (?).

давнее поселеніе среди акающихъ говоровъ, при чемъ, конечно, въ дальнѣйшей судьбѣ такого говора могутъ еще послѣдовать различныя измѣненія въ его фонетическомъ составѣ, и современнымъ намъ составомъ такого говора еще не рѣшается вопросъ будущаго.

Для полноты представленія своихъ выводовъ, мы, къ сожалѣнію, не имѣетъ въ древней письменности данныхъ для сужденія о томъ, не было ли извѣстно аканье на западѣ Руси нѣсколько ранѣе, чѣмъ оно появилось въ центральной части: по свидѣтельству актовъ и грамотъ всякаго рода, т.-е. памятниковъ съ чисто русскимъ языкомъ, можно было бы прійти, правда, не безъ нѣкотораго риска, къ подобному заключенію на основаніи изученія „Русско-Ливонскихъ актовъ“ сравнительно съ „Собраніемъ Государственныхъ грамотъ и договоровъ“ и прочихъ памятниковъ; но мы, не желая рисковать, можемъ пока только напомнить, что *достовѣрные* случаи правописанія, указывающіе на проникновеніе въ письменность аканья въ западной и центральной Руси, относятся одинаково къ концу XIV вѣка. Само собой разумѣется, что въ живомъ произношеніи это было не совсѣмъ такъ.

Такимъ образомъ, еслибы намъ пришлось *теперь* составлять этнографическую карту нынѣшней Великороссіи эпохи до окончательнаго образованія аканья, то мы должны бы были отмѣтить на картѣ племя сѣверно-великорусское спускающимся внизъ, на югъ отъ Москвы, въ предѣлы Касимовскаго уѣзда нынѣшней Рязанской губерніи и въ предѣлы Богородицкаго уѣзда нынѣшней Тульской губерніи, а предѣлы Бѣлоруссіи, т.-е. западно-русскаго нарѣчія, мы должны бы были отмѣтить расширенными, можетъ-быть, до западныхъ уѣздовъ нынѣшней Тульской губерніи.

Въ этомъ вопросѣ большой интересъ представляетъ еще исторія звука *р* въ положеніи не только передъ *ь* и *и*, но и передъ прочими мягкими гласными, такъ какъ отвердѣвшій *р* (если дѣйствительно, онъ отвердѣлъ, и если, дѣйствительно, это явленіе принадлежитъ чисторусской средѣ говоровъ) въ бѣлорусскомъ нарѣчіи является совершенно *единичнымъ* фактомъ великорусской (въ обширномъ смыслѣ этого слова) фонетики; замѣчательно, что это явленіе очень позднее: оно развилось къ XVI вѣку, и извѣстно лишь въ тѣхъ частяхъ русской рѣчи, гдѣ послѣдняя входила въ соприкосновеніе съ польской или старой литовско-русской рѣчью [19]). (Въ нынѣшней Подольской губ. мы также имѣемъ произношеніе „трапка“ и под.). Между тѣмъ въ другихъ коренныхъ русскихъ говорахъ этого явленія не наблюдается [20]). Впрочемъ, этому послѣднему вопросу мы еще надѣемся посвятить спеціальную статью, когда уяснится этотъ вопросъ намъ самимъ.

Проф. Евгеній Будде.

Казань. 1899 г.
8 марта.

---

[19]) Когда не было въ польскомъ языкѣ свистящаго-шипящаго призвука при г, то этотъ звукъ былъ мягкимъ. Перешедши затѣмъ къ другому органу произношенія, онъ, какъ звукъ уже другого органа, сталъ твердымъ; нынѣ въ рѣчи поляка мы въ большинствѣ случаевъ слышимъ уже твердое rz.

[20]) См., напр., брошюру *О. Броха*: „Угро-русское нарѣчіе села Убли (Земплинскаго комитата)“. Спб. 1899. Стр. 83. 87. 85. 105.

ОБЩІЙ ОЧЕРКЪ
АРМЯНСКАГО БОГАТЫРСКАГО ЭПОСА.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Армянскій богатырскій эпосъ все жмется къ небольшой горной области, къ западу отъ Ванскаго озера (въ Турецкой Арменіи), которая извѣстна подъ названіемъ *Сасунъ*. Природныя условія мѣстности: скрещивающіяся цѣпи неприступныхъ горъ, неровная почва, покрытая здѣсь и тамъ густыми лѣсами, а также близость безпокойныхъ сосѣдей—курдовъ, несомнѣнно, способствовали развитію и поддержанію среди населенія этой мѣстности отважнаго, воинственнаго духа, „удальства", и теперь живущаго въ каждомъ подросткѣ Сасунцѣ, воображеніе котораго воспламеняется разсказами о героическихъ подвигахъ предковъ. Неудивительно, если въ устахъ этихъ жителей горъ долгое время держались преданія о мѣстныхъ князьяхъ, объ ихъ борьбѣ съ иноземными нашествіями, которыя и понынѣ сохранились во всей свѣжести въ Мушскомъ и Ванскомъ вилайетахъ. Такимъ образомъ, этотъ уголокъ героевъ является, подобно Кіеву или Новгороду въ русскихъ народныхъ былинахъ, главнымъ райономъ дѣятельности сасунскихъ богатырей, родъ которыхъ ведетъ свое начало отъ основателей крѣпости Сасунъ.

Къ сожалѣнію, этотъ важнѣйшій питомникъ народнаго творчества армянъ до сихъ поръ остается неизслѣдованнымъ, не привлекая къ себѣ вниманія ученыхъ спеціалистовъ, несмотря на тотъ богатый этнографическій матеріалъ, который, несомнѣнно, сохраняется среди этого изолированнаго отъ ученаго міра населенія. И тѣ скудныя свѣдѣнія, которыя удавалось до сихъ поръ собрать относительно нравовъ, обычаевъ, языка, преданій этого края, болѣе или менѣе случайны и отрывисты, будучи записаны со словъ переселенцевъ, которыхъ жалкая судьба заставляетъ искать заработка въ пограничныхъ русскихъ владѣніяхъ [1]).

Однакожъ, несмотря на столь неблагопріятныя для этнографа условія, благодаря просвѣщенному интересу ревнителей родного слова, армянская народная литература за послѣднія 20 лѣтъ обогатилась нѣсколькими цѣльными варіантами героическаго эпоса, которые уже позволяютъ намъ судить объ общихъ характеристическихъ чертахъ его, какъ съ точки зрѣнія народнаго творчества, такъ и родовыхъ преданій, поскольку послѣднія въ немъ сохранились.

Въ настоящемъ краткомъ очеркѣ мы далеки отъ мысли дать полную картину армянской былевой традиціи,—задача эта требуетъ болѣе обширнаго труда; мы здѣсь лишь намѣтили себѣ

---

[1]) Въ данномъ случаѣ дѣятельность покойнаго еп. *Сруанцтянца* является рѣдкимъ исключеніемъ и едва ли не первой попыткой этого рода, достойной подражанія. Между прочимъ, ему принадлежитъ честь открытія въ армянскомъ народѣ богатырскаго эпоса, одинъ изъ варіантовъ котораго былъ имъ записанъ въ 60-хъ годахъ и изданъ въ 1874 г.

цѣлью изложить въ сжатомъ видѣ содержаніе армянскаго богатырскаго эпоса (мало или почти вовсе неизвѣстнаго русскимъ ученымъ этнографамъ), остановивъ затѣмъ вниманіе на важнѣйшихъ герояхъ его.

Нелишнимъ считаемъ предварительно попытаться, насколько позволяетъ добытый нами матеріалъ, уяснить: а) условія передачи устной традиціи среди армянскаго народа, б) техническую сторону героическихъ сказаній и в) значеніе мѣстной ихъ переработки.

а) Армянскіе сказители.

Если русская былинная традиція обязана своей стройной сохранностью такъ называемымъ „сказителямъ", запоминающимъ на случай пѣсни иногда въ нѣсколько тысячъ стиховъ, армянскій богатырскій эпосъ держится на сравнительно болѣе шаткой почвѣ, унаслѣдуемый преимущественно крестьянами-земледѣльцами, которые коротаютъ долгіе зимніе вечера разсказами, слышанными „отъ отца", „отъ дѣда", „отъ крестьянина того же или другого села", иногда „на чужбинѣ". Разсказчикъ смотритъ на свое повѣствованіе не болѣе, какъ на времяпровожденіе, когда вокругъ него собирается толпа крестьянъ, ищущихъ какой-либо забавы въ свободное отъ полевыхъ работъ время.

Этихъ сказителей „на случай" не слѣдуетъ смѣшивать съ профессіональными пѣвцами, называемыми „ашухами", которые преимущественно знакомы лишь со сказочными сюжетами (притомъ на турецкомъ языкѣ), и въ репертуаръ которыхъ не входятъ эпическія сказанія въ родѣ Давида Сасунскаго.

Такимъ образомъ, армянская былевая традиція всецѣло покоится на случайномъ интересѣ того или другого крестьянина, который, притомъ, лишь въ извѣстное время года находитъ себѣ досугъ освѣжить въ памяти преданія старины.

б) Техническая сторона эпическихъ сказаній.

Уже изъ сказаннаго понятно, почему многія „былины", по большей части утративъ чисто эпическія черты, приняли обычную форму сказокъ. Пріемы, употребляемые здѣсь разсказчикомъ, совершенно тѣ же, какіе мы видимъ въ восточныхъ легендахъ, притчахъ, сказкахъ и проч.: обычное начало „жилъ-былъ", повѣствованіе, лишенное живости и образности, однообразные переходы, растянутая рѣчь и т. п. Лишь кое-гдѣ проблескиваютъ сцены, которыя своимъ замѣчательнымъ драматизмомъ даютъ намъ чувствовать, что мы имѣемъ дѣло съ болѣе высокимъ творчествомъ народа.

Впрочемъ, на ряду съ этими былинами-сказками существуютъ варіанты, въ которыхъ сохранилась эпическая стройность героическихъ поэмъ, до нѣкоторой степени уцѣлѣлъ (лишь мѣстами) первоначальный размѣръ; наконецъ, въ нихъ до насъ дошли *пѣсни*, поющіяся и нынѣ какимъ-то заунывно-протяжнымъ тономъ. Поэтому не безъ основанія можно полагать, что эти варіанты одно время *пѣлись* наизусть и что съ теченіемъ времени, когда размѣръ въ нихъ сталъ уже разлагаться, сохранились лишь извѣстныя мѣста въ видѣ пѣсенъ. Эти цѣнныя былины выдѣляются изъ общей группы варіантовъ своей замѣчательной художественной отдѣлкой и гармоничностью составныхъ частей, возводящими ихъ въ перлы народнаго творчества. Къ сожалѣнію, этихъ варіантовъ пока немного, всего два или три, по своей редакціи называемые „мокскими" [1]).

Начинаются они съ обычной вступительной пѣсни, въ которой поминается цѣлая родословная богатырей:

Начну поминать священника Мелкседа,
Начну поминать Багдасара,
Начну поминать Санасара,

и т. д. до послѣдняго въ родѣ „пехлевана"—Мх'ера. „Поминаніе" повторяется въ началѣ ка-

---

[1]) Мокcъ—страна къ югу отъ Ванскаго озера.

ждой пѣсни, посвященной дѣятельности того или другого богатыря, служа какъ бы „зачиномъ" былины. Впрочемъ, эти варіанты описываютъ подвиги лишь двухъ важнѣйшихъ героевъ эпоса—Давида и сына его Мх'ера.

За вступительной пѣсней слѣдуетъ повѣствованіе небольшими, какъ бы размѣренными предложеніями, такъ что почти въ каждой строкѣ заканчивается какая-нибудь мысль; вслѣдствіе этого рѣчь мѣстами сама собою укладывается въ стихи, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ явственно слышится даже размѣръ, благодаря которому уцѣлѣли лучшія мѣста въ былинахъ. Что касается пѣсенъ, то ихъ отнюдь нельзя считать случайными въ эпосѣ: въ нихъ обыкновенно выражается молитва, просьба, отчаяніе, вообще элегическое настроеніе героя или героини. Сказитель охотно останавливается на описаніи вооруженія богатыря, которое, какъ вообще въ эпосѣ каждаго народа, стереотипно приводится при каждомъ случаѣ, повторяетъ даже цѣлые разсказы о какомъ-либо происшествіи со словъ дѣйствующаго лица—и въ этихъ-то повтореніяхъ, также какъ въ сценахъ боя и смерти, исполненныхъ художественной прелести, наиболѣе уцѣлѣлъ размѣръ.

Каждый богатырь, каждый предметъ вооруженія имѣютъ свои особые эпитеты; такъ, Давидъ называется „картавымъ" (въ дѣтствѣ онъ обжегъ себѣ языкъ), старшій Мх'еръ (отецъ Давида)—„львоборцемъ", Ованъ (дядя Давида)—„зычнымъ". Есть даже просто прозвища: „маленькій воробышекъ", „могучій воинъ" и др. Богатыри Сасунскіе вообще носятъ характерное названіе „полоумныхъ", въ смыслѣ: „отчаянныхъ", „храбрыхъ". Вооруженіе Давида составляютъ: „мечъ молніеносный", „золотой шлемъ", „золотой поясъ". Эти эпитеты до того тѣсно срослись съ названіями лицъ и предметовъ, что въ такомъ соединеніи неизмѣнно являются во всѣхъ варіантахъ.

в) Значеніе мѣстной переработки эпическихъ сказаній.

Большая часть варіантовъ, насколько извѣстно, записана въ пограничныхъ русскихъ областяхъ со словъ переселенцевъ изъ турецкой Арменіи. Среди этихъ „сказителей" встрѣчается немало такихъ, которые родились уже на чужбинѣ и потому знакомы съ преданіями старины лишь по разсказамъ отцовъ или дѣдовъ, перенесшихъ съ собой изъ родного края богатый запасъ устной традиціи. Это обстоятельство, конечно, должно было оказать свое вліяніе на мѣстную переработку сказаній, что́ и выразилось прежде всего въ искусственномъ, хотя безсознательномъ, соединеніи различныхъ героическихъ поэмъ; такъ, напр., у двухъ разсказчиковъ (Мурада Мхитарова и Василія Арутюнова) продолжателями рода сасунскихъ богатырей являются богатыри иранскіе: Рустемъ, Бурзэ и др. [1]). Это смѣшеніе могло явиться результатомъ столкновенія въ народной памяти двухъ героическихъ эпопей, сходныхъ по нравственнымъ и физическимъ качествамъ выводимыхъ въ нихъ „пехлевановъ". Этимъ же явленіемъ, мнѣ кажется, можно удовлетворительно объяснить немалое сходство варіантовъ о Мх'ерѣ (сынѣ Давида) съ нѣкоторыми персидскими эпическими сказаніями: армянскій народный герой, несомнѣнно, уже носитъ отпечатокъ извѣстныхъ иранскихъ богатырей (въ особенности Бурзэ или Барзу), оставаясь въ то же время народнымъ любимцемъ.

Въ настоящее время трудно пока судить о степени распространенности среди армянскаго народа героическихъ поэмъ Ирана, но, по собраннымъ мною свѣдѣніямъ отъ самихъ разсказчиковъ, онѣ въ большомъ ходу среди курдовъ (въ Турецкой Арменіи) и въ *этой* редакціи онѣ перешли къ армянамъ. Замѣчательно, что тѣ же „сказители" армянскаго богатырскаго эпоса обыкновенно знакомы съ подвигами Рустема, Кейкауса, Фарамурза, Гева и др. „пехлевановъ".

---

[1]) Варіанты эти записаны мною въ Абаранѣ (Эчміадз. уѣзда, Эрив. губ.), гдѣ я нашелъ также отголоски иранскихъ сказаній во время поѣздки туда зимой 1898 г., о чемъ подробнѣе см. въ „Этнографич. Обозрѣніи", XL—XLI, 333.

АРМЯНСКІЙ БОГАТЫРСКІЙ ЭПОСЪ.

(КРАТКОЕ СОДЕРЖАНІЕ БОГАТЫРСКИХЪ СКАЗАНІЙ).

I. Санасаръ и Аслимеликъ.

Армянскій богатырскій эпосъ начинается съ бѣгства двухъ братьевъ царевичей—Санасара и Аслимелика,—втайнѣ исповѣдывающихъ христіанство, отъ язычника отца, Сенекерима, намѣревающагося заклать сыновей богамъ своимъ за счастливое спасеніе отъ непріятеля. Но куда ни придутъ братья—вездѣ имъ отказываютъ въ гостепріимствѣ, лишь услышатъ грозное имя ихъ отца. Встрѣтивъ на пути быстрый горный ручей и заложивъ основаніе крѣпости у его истока, они послѣ долгихъ скитаній находятъ пріютъ у одного царя. По прошествіи нѣкотораго времени царь, желая испытать силу своихъ гостей, предлагаетъ имъ бой съ войскомъ. Братья перебиваютъ всѣхъ „супротивниковъ" до единаго и наводятъ ужасъ на самого царя. Послѣдній, чтобы избавиться отъ опасныхъ чужеземцевъ, приказываетъ имъ удалиться изъ его земли. Тогда братья, вспомнивъ о заложенной ими въ горахъ крѣпости, просятъ у царя нѣсколько десятковъ семействъ для заселенія избранной мѣстности. Царь охотно соглашается и даже выдаетъ свою дочь за Санасара, а крѣпость именуетъ *Сасуномъ*.

Старшій идолъ отца не даетъ спать Аслимелику: каждую ночь онъ является въ видѣ козла у его изголовья и блеетъ по-козлиному. Аслимеликъ рѣшается вернуться въ родной городъ. Обрадованный отецъ ведетъ сына къ идоламъ, и здѣсь въ капищѣ Аслимеликъ убиваетъ язычника отца, разрушаетъ идолы и садится на престолъ.

II. Мх'еръ (Старшій.)

Отъ Санасара родился Старшій Мх'еръ.

Когда ему было 15 лѣтъ, въ окрестностяхъ Сасуна появился ужасный левъ, прервавшій всякія сообщенія. Пошла дороговизна. Молодой Мх'еръ вызвался итти на бой со звѣремъ. Встрѣтившись со львомъ, онъ, подобно библейскому Самсону, разрываетъ его на двѣ части и кладетъ ихъ по обѣимъ сторонамъ дороги. Отъ этого его прозвали „Львоборцемъ" (собств. „разрыватель львовъ"). Послѣ совершеннаго подвига Мх'еръ отправляется къ дядѣ Аслимелику, гдѣ приживаетъ отъ одной вдовы сына, названнаго Мсрамеликомъ. Отсюда онъ возвращается обратно въ Сасунъ.

Санасаръ, по настоянію народа, ищетъ невѣсты для сына. Вмѣстѣ съ своимъ тестемъ и его визиремъ ѣдетъ просить руки дочери Тева-Тороса. Послѣ долгихъ поисковъ они, наконецъ, застаютъ его въ крѣпости Мандзкертъ. Тева-Торосъ, не колеблясь, выдаетъ дочь за Мх'ера и отправляетъ съ ней въ качествѣ „дружка" дядюшку Торосика.

Отъ этого брака родились три сына: Трусишка Вэго, Маленькій Воробышекъ и Давидъ.

По смерти Санасара Мх'еръ впалъ въ бѣдность и взялъ сыновей въ Месръ къ Мсрамелику, который, убивъ Асламелика, завладѣлъ княжествомъ. Мх'еръ передаетъ ему сыновей и самъ умираетъ съ горя.

III. Давидъ.

Богатѣйшій отдѣлъ армянскаго богатырскаго эпоса составляютъ варіанты о Давидѣ и сынѣ его Мх'ерѣ, которые сохранились въ различныхъ редакціяхъ. Наиболѣе распространенными являются тѣ сказанія, въ которыхъ эти богатыри выведены уже въ сказочныхъ очертаніяхъ, несомнѣнно, подъ вліяніемъ иранскаго эпоса. Лучше всѣхъ сохранились „мокскіе" варіанты, изъ

которыхъ два, какъ уже замѣчено, по своей формѣ приближаются къ чисто эпическому складу народныхъ эпопей. Содержаніе ихъ слѣдующее:

Мх'еръ (старшій) и Мсрамеликъ ведутъ дружбу. По смерти Мсрамелика Мх'еръ завязываетъ съ его вдовой любовныя сношенія; отъ этой связи родится Мсрамеликъ—сынъ. Мх'еръ, раскаявшись (въ томъ, что „высѣкъ огонь турчанкѣ"), возвращается къ женѣ своей, отъ которой родится Давидъ. Чувствуя приближеніе смерти, старикъ проситъ дядю Цэновъ Ована по смерти его и жены поручить сына вдовѣ Мсрамелика. Завѣщаніе его исполняется.

Однажды маленькій Давидъ просится у мачихи пойти съ Мсрамеликомъ въ поле, гдѣ молодой князь имѣлъ обыкновеніе играть въ мячъ. По настоянію матери, Мсрамеликъ беретъ брата съ собой и сажаетъ его въ безопасномъ мѣстѣ, но Давидъ, ничего не видя, разсерженный идетъ домой, влача съ собой двухъ приставленныхъ къ нему молодцовъ. Въ другой разъ шальной мальчикъ влѣзаетъ въ углубленіе камня, служившаго мишенью въ игрѣ, и ни за что не хочетъ вылѣзть оттуда. Мсрамеликъ велитъ ударить мячомъ и убить его на мѣстѣ, но Давидъ ловитъ мячъ, убиваетъ имъ 200 человѣкъ народу и убѣгаетъ домой.

Мсрамеликъ рѣшается погубить Давида. Мать совѣтуетъ ему, чтобы избавиться отъ криваваго грѣха, отправить его къ дядѣ Цэновъ Овану. Мсрамеликъ тайно наказываетъ двумъ молодцамъ убить на дорогѣ Давида и принести ему кувшинъ съ его кровью. Попытка эта едва не стоила жизни провожатымъ мальчика-богатыря, и онъ цѣлъ и невредимъ достигаетъ отцовскаго города.

Цэновъ Ованъ посылаетъ Давида пасти козъ[1]). Но слишкомъ усердный молодой пастушокъ пригоняетъ къ стаду всевозможныхъ звѣрей, и всю эту пеструю смѣсь вечеромъ гонитъ въ городъ. Жители въ ужасѣ запираются въ домахъ. По просьбѣ именитыхъ гражданъ Цэновъ Ованъ назначаетъ Давиду другое занятіе: даетъ ему въ руки лукъ и стрѣлы и посылаетъ на охоту.

Мсрамеликъ отправляетъ Кузбадэна въ Сасунъ къ Цэновъ Овану за данью [2]). Давидъ, охотившійся за перепелами въ просѣ старухи, узнаетъ отъ нея о жестокостяхъ, производимыхъ Кузбадэномъ въ городѣ. Онъ спѣшитъ освободить заключенныхъ женщинъ, дѣвицъ и скотъ и прогоняетъ изъ дому самого сборщика въ то время, когда дядя отмѣривалъ ему золото.

При вторичной охотѣ въ просѣ старуха указываетъ Давиду на отцовское имѣніе, предназначенное для охоты. Отправившись туда, юный богатырь ночью замѣчаетъ огонь на сосѣдней горѣ и узнаетъ отъ дяди, что на этомъ мѣстѣ его отецъ нѣкогда построилъ монастырь, разрушенный потомъ Мсрамеликомъ. Давидъ возстановляетъ его и ставитъ въ немъ по 40 монаховъ отъ каждаго чина.

Мсрамеликъ, услышавъ объ этомъ, снова посылаетъ въ Сасунъ Кузбадэна, который разрушаетъ монастырь и перебиваетъ всю братію. Извѣщенный о случившемся чрезъ спасшагося діакона, Давидъ, вооружившись вырваннымъ съ корнемъ деревомъ, догоняетъ разбойниковъ перебиваетъ ихъ до единаго, а Кузбадэна, вырвавъ его зубы и вбивъ въ лобъ, отпускаетъ вѣстникомъ къ Мсрамелику, самъ же снова реставрируетъ разрушенный монастырь.

Мсрамеликъ собираетъ войско и идетъ на Сасунъ.

Давидъ, извѣщенный объ этомъ той же старухой и наученный ею, требуетъ отъ дяди отцовскихъ доспѣховъ и жеребчика Джалала: ему хочется биться лицомъ къ лицу съ врагомъ. Вооружившись и имѣя на правомъ плечѣ отцовскій талисманъ — „чуденъ крестъ", армянскій богатырь выступаетъ въ походъ. Помня совѣтъ дяди, онъ ночуетъ у отцовскаго „имѣющаго молочный вкусъ" источника, предварительно напившись его чудодѣйственной воды. На слѣдую-

---

[1]). Предварительно же подвергаютъ мальчика слѣдующему испытанію: предъ нимъ ставятъ два подноса, одинъ съ золотомъ, другой съ огнемъ; въ то время, какъ Давидъ собирался протянуть руки къ золоту, ангелъ Божій направляетъ ее къ огню; обожженный палецъ мальчикъ кладетъ въ ротъ и обжигаетъ себѣ языкъ, за что и прозванъ „картавымъ Давидомъ".

[2]) Дань состоитъ изъ 40 молодыхъ овецъ, 40 молодыхъ телокъ, 40 незамужнихъ дѣвицъ, 40 высокорослыхъ женщинъ (для навьючиванія верблюдовъ) и 40 верблюжьихъ ношей золота.

щій день маленькій Давидъ находитъ себя пополнѣвшимъ и выросшимъ до богатырскаго роста.

Мсрамеликъ приготовилъ для Давида западню: вырылъ глубокую яму и сверху накрылъ ее войлокомъ. Сасунскій богатырь находитъ противника спящимъ „семидневнымъ“ сномъ; по просьбѣ Мсрамелика и его матери, онъ слѣзаетъ съ коня, чтобы отдохнуть, и падаетъ въ яму.

Цэновъ Овану снится скверный сонъ, будто звѣзда Месра горитъ ярко, звѣзда же Сасуна едва мерцаетъ. Осѣдлавъ коня, богатырь въ мгновеніе ока является на полѣ боя и своимъ зычнымъ голосомъ напоминаетъ Давиду о чудной силѣ креста. Давидъ взываетъ съ молитвой къ отцовскому монастырю и кресту и вмигъ выходитъ на Божій свѣтъ. Происходитъ знаменитый бой между двумя богатырями: Давидъ ударомъ меча разсѣкаетъ 40 буйволовыхъ шкуръ, въ которыя обвернулся Мсрамеликъ, 40 жерновов, сваленныхъ надъ ямой, куда тотъ укрылся для защиты, и его самого на двѣ части.

Продолженіемъ былины служитъ женитьба Давида на Хандудъ-Ханумъ. Давидъ обрученъ съ Чмешкикъ-Султанъ, но затѣмъ, плѣненный красотой Хандудъ, воспѣтой черезъ подосланныхъ ашуховъ, онъ пожелалъ во что бы то ни стало добиться ея руки. Семь „пехлевановъ“ въ ея дворцѣ цѣлыхъ три года ждутъ-не дождутся удостоиться ея выбора. Лишь завидѣвъ изъ окна Давида, Хандудъ-Ханумъ кидаетъ въ него золотое яблоко. Пехлеваны сговариваются между собой напоить своего счастливаго соперника и убить его, но сасунскій богатырь опаиваетъ ихъ самихъ и ломаетъ скрытые подъ скатертью ихъ мечи. Но зато дорого ему стоило желаніе обнять и поцѣловать свою невѣсту: „паленица“ ударомъ руки кровавитъ ему лицо; Давидъ въ досадѣ молитъ Бога даровать ему случай отомстить за понесенную обиду. Проснувшись на другое утро, онъ видитъ городъ Хандудъ-Ханумъ, обложенный врагами ея отца. Приходится итти на бой ему самому, какъ жениху. Уже три дня нѣтъ Давида. Хандудъ-Ханумъ, не стерпѣвъ одѣвается въ мужское платье, вооружается и идетъ искать трупъ Давида. Встрѣтившись съ нимъ, она его не узнаетъ и вступаетъ съ нимъ въ бой, но, побѣжденная, признается, что она женщина.

Давидъ съ невѣстой ѣдетъ въ Сасунъ. Чмешкинъ-Султанъ (путь лежитъ черезъ ея владѣнія), завидѣвъ изъ окна Давида, упрекаетъ его въ измѣнѣ и вызываетъ на поединокъ. Давидъ принимаетъ вызовъ и клянется своимъ крестомъ вернуться черезъ семь дней.

Но протекло семь лѣтъ—и о клятвѣ позабыто.

IV. Мх'еръ (Младшій).

У Давида родится сынъ Мх'еръ. Дѣтство его обставлено такими же богатырскими „шуточками, какъ и Василія Буслаева, Подсокольника, Сохраба (въ кавказскихъ пересказкахъ). Именитые граждане жалуются Давиду на „шалости“ его сына, истребившаго почти всю молодежь въ городѣ. Но и самому отцу уже не подъ силу унять его; сынъ вступаетъ въ бой съ отцомъ, и лишь архангелъ Гавріилъ, спустившись съ неба, разнимаетъ ихъ. Давидъ проклинаетъ сына и проситъ небо не даровать ему потомства. Обиженный Мх'еръ удаляется въ Хлатъ.

Замѣтивъ, что крестъ на правомъ плечѣ почернѣлъ, Давидъ вспомнилъ про клятву, данную имъ Чмешкикъ, и рѣшилъ отправиться къ ней. Передъ боемъ онъ пожелалъ выкупаться въ фонтанѣ въ саду „супротивницы“; послѣдняя измѣннически поражаетъ его изъ окна. Хандудъ-Ханумъ, услышавъ о смерти Давида, умираетъ съ горя.

Дяди Цэновъ Ованъ и Вэго, опасаясь мести со стороны Чмешкикъ, призываютъ Мх'ера изъ Хлата, который предаетъ разрушенію города убійцы своего отца. Послѣ того Цэновъ Ованъ усыновляетъ Мх'ера.

Библейское сказаніе объ Іосифѣ и женѣ Пентефрія повторяется и здѣсь съ нѣкоторыми варіаціями. Изгнанный изъ дома Мх'еръ на могилѣ отца жалуется на свою судьбу. Слышится голосъ Давида, указывающій ему на городъ Алабъ (Алеппо). На пути богатырю встрѣчается

ужасная старуха съ огромными грудями, пекущая хлѣбъ. Мх'еръ, боясь быть съѣденнымъ, схватываетъ ее сзади за груди; старуха проситъ отпустить ее, за что обѣщаетъ ему руку красавицы дочери своей Гоаръ-Хатунъ. Богатырь женится на Гоаръ.

Царь Алабскій, узнавъ, что его невѣстой завладѣлъ неизвѣстный богатырь, посылаетъ людей въ Сасунъ попросить на помощь одного изъ пехлевановъ. Ц. Ованъ отправляетъ сына своего Паропъ-Астхика, вооруживъ его доспѣхами Давида. Мх'еръ, „почуявъ" родственную кровь, проситъ жену запереть всѣ двери и окна въ комнатѣ, пока онъ будетъ биться съ противникомъ. Вдругъ комната наполняется необыкновеннымъ сіяніемъ. Гоаръ-Хатунъ, растворивъ окно, видитъ, какъ отъ меча незнакомаго богатыря сыплется огонь на шлемъ ея мужа, а со шлема идетъ въ землю. Въ книгѣ она читаетъ, что богатырь этотъ дядя Мх'ера, и громко привѣтствуетъ его; услышавъ голосъ жены, Мх'еръ съ досады пронзаетъ стрѣлой Астхика вмѣстѣ съ его конемъ, который и умираетъ на его колѣняхъ, „по сасунскому обычаю". Богатырь лишается чувствъ. Непріятель связываетъ его желѣзными цѣпями и бросаетъ въ глубокую яму.

Выбравшись оттуда, благодаря какой-то старухѣ, Мх'еръ дѣлается сыномъ одного священника. Между тѣмъ царь Алабскій продолжаетъ осаждать замокъ Гоаръ-Хатунъ, защищаемый этой „паленицей". Мх'ера вербуютъ въ ратники; встрѣтившись съ Гоаръ на бою, онъ вмѣстѣ съ ней перебиваетъ все войско царя и садится на его престолъ.

Протекло много лѣтъ, и Гоаръ умерла. Мх'еръ охотится верхомъ, но „состарѣвшаяся" земля его уже не держитъ. По его просьбѣ Богъ заключаетъ его вмѣстѣ съ конемъ въ Ванскую скалу [1]).

Б. Халатьянцъ.

[1]) Преданіе объ этой знаменитой скалѣ, связанное съ именемъ Мх'ера, до сихъ поръ еще живо среди мѣстныхъ жителей.

„ЗНАМЕНА" у МОРДВЫ

въ XVI и XVII вв.

О знакахъ собственности (клеймахъ, мѣтахъ, тамгахъ, таврахъ и пр.), употребляемыхъ современнымъ русскимъ и инородческимъ населеніемъ Россіи, существуетъ довольно обширная, хотя и не исчерпывающая вопроса литература. Объ употребленіи населеніемъ Россіи подобныхъ же знаковъ въ болѣе отдаленное время литературныя свѣдѣнія крайне ограничены. Обычай ставить мѣты на объекты собственности постепенно исчезаетъ не только у русскихъ крестьянъ, но и у инородцевъ: измѣненіе быта, улучшеніе формъ судопроизводства, развитіе грамотности и пр. съ каждымъ годомъ сокращаютъ сферу ихъ примѣненія. Наконецъ, тамъ, гдѣ они сохраняются, распространеніе грамотности имѣетъ слѣдствіемъ исчезновеніе прежнихъ рисунковъ клеймъ и замѣну ихъ буквами — начальными для имени и фамиліи лица, владѣльца или собственника даннаго имущества.

Въ болѣе отдаленное время роль знаковъ собственности была болѣе выдающейся: они примѣнялись чаще, кромѣ того и значеніе, соединяемое съ ними, было шире, чѣмъ въ настоящее время, когда они сохраняются въ большинствѣ мѣстностей только въ качествѣ остатка старины и поддерживаются лишь постольку, поскольку ихъ нельзя замѣнить другимъ юридическимъ знакомъ собственности.

Знаки собственности (клейма, мѣты, тамги, тавры и пр.) имѣютъ однако еще сравнительно широкое примѣненіе у современныхъ представителей финскаго племени и въ частности у мордвы. Какъ ни первобытными кажутся клейма, тамги и т. п., употребляемыя въ настоящее время финскими народностями, очевидно, что они имѣли свою исторію. Съ цѣлью раскрыть послѣднюю, существенное значеніе имѣетъ ознакомленіе съ древними знаками собственности инородцевъ. Для изученія ихъ, однако, до настоящаго времени сдѣлано еще очень немного, что слѣдуетъ объяснить, очевидно, не столько недостаткомъ матеріала, сколько его разбросанностью и относительной недоступностью. Въ архивныхъ документахъ, касающихся внутренняго управленія и жизни древней Россіи, можно найти обильный матеріалъ для изученія знаковъ собственности, такъ называемыхъ „знаменъ" какъ русскаго, такъ и инородческаго населенія въ прежнее время. Доказательствомъ этого могутъ служить двѣ прекрасныя работы Н. Н. Оглоблина: „Остяцкія знамена XVII в." („Истор. Вѣстн." 1889 г. X) и „Знамена сибирскихъ инородцевъ XVII в." (Зап. Уральск. Общ. Л. Естествознанія, XIII, 1), равно и матеріалъ, собранный И. Н. Миклашевскимъ въ его книгѣ: „Къ исторіи хозяйственнаго быта Московскаго государства" (I, стр. 123). Въ послѣдней работѣ помѣщены нѣсколько древне-русскихъ бортныхъ знаковъ.

Указанные труды составлены на основаніи матеріала, извлеченнаго изъ документовъ, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи. Документы, находящіеся въ этомъ же богатомъ хранилищѣ матеріаловъ для изученія древняго быта Россіи, дали и мнѣ возможность познакомиться съ знаками собственности у мордвы XVI и XVII вв.

При полномъ господствѣ безграмотности среди инородцевъ XVI—XVII вв. клейма замѣняли подписи, и въ этомъ своемъ значеніи встрѣчаются на челобитныхъ, которыя подавались инородцами московскому правительству о своихъ нуждахъ; далѣе, на документахъ, касающихся межеванія земель, въ случаяхъ, когда инородцы являлись понятыми или свидѣтелями, наконецъ, на купчихъ крѣпостяхъ, при продажѣ своихъ земель, на дарственныхъ записяхъ и т. п.

Благодаря любезнымъ указаніямъ извѣстнаго знатока документовъ, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи, В. И. Холмогорова, равно и И. С. Бѣляева, мнѣ удалось нѣсколько оріентироваться въ массѣ документовъ, бо́льшая часть которыхъ еще не могла быть подвергнута описи, и познакомиться, хотя и бѣгло, со знаками собственности, употреблявшимися у мордвы XVI и XVII вв. Изысканія мои пока ограничиваются небольшимъ райономъ, затрогивающимъ области Арзамасскаго, Алатырскаго, Нижегородскаго и Тамбовскаго уѣздовъ того времени.

Какъ ни кратки приводимыя ниже на основаніи сдѣланныхъ мною изысканій свѣдѣнія, они представляютъ извѣстный интересъ уже оттого, что позволяютъ намѣтить нѣкоторые выводы и въ частности освѣтить отдѣльныя стороны жизни мордвы.

Мною собрано 170 знаковъ собственности, большая часть которыхъ извлечена изъ Отказныхъ книгъ по Арзамасу (№№ 1, 2 и 15), а именно рисунки 1—106, 125, 160—168 [1]); далѣе рисунки 107—124 взяты изъ столбца Сибирскаго приказа (№ 106) и, наконецъ, рисунки 126—159 извлечены изъ грамотъ Коллегіи Экономіи (Алатырь, № 19, 33 и 118).

Хронологически знаки распредѣляются слѣдующимъ образомъ: *1576 г.*—рисунки №№ 1—3; *1582 г.*—№№ 12 и 13; *1586 г.*—№№ 14 и 15; *1587 г.*—№№ 4—11; *1591 г.*—№№ 16—20; *1592 г.*—№№—21—25; *1595 г.*—№№ 26—28, 42—52; *1596 г.*—№№ 53—59; *1598 г.*—№№ 60—87; *1603 г.*—№№ 29—41, 42а, 88—106; *1613 г.*—№ 125; *1615 г.*—№№ 126—148; *1620 г.*—№№ 107—124; *1623 г.*—№№ 156—159; *1651 г.*—№№ 160—168 и *1687 г.*—№№ 150—154.

Большинство клеймъ относится такимъ образомъ къ послѣдней четверти XVI и первой четверти XVII в., т.-е. къ періоду, когда колонизація края русскими еще не была завершена, и мордва только начинала подвергаться обрусѣнію и даже, повидимому, не вся была крещена. Нехристіанскія имена, насколько возможно судить по разсмотрѣннымъ мною документамъ, имѣли еще широкое распространеніе у мордвы: одновременно съ немногочисленными христіанскими именами или русскими некалендарными (напр., Лапша, Малой, Пятой, Козелъ, Безсонъ, Лобанъ, Мотяй, Невѣръ и т. п.) большинство именъ не-русскаго происхожденія [2]). Часть мордвиновъ помѣчена безъ отчества, у части отчества христіанскія,—очевидно,—это потомки новокрещеныхъ; немалая часть и такихъ, у которыхъ и имя и отчество не-христіанскія [3]); лица этой послѣдней категоріи, быть-

---

[1]) Дѣло № 6, изъ котораго заимствованы знаки №№ 160—168, относится къ Алатырскому уѣзду и стану.

[2]) Слѣдуетъ, однако, имѣть въ виду, что нѣкоторыя не-русскія имена, встрѣченныя у мордвы, употреблялись и среди русскихъ въ качествѣ некалендарныхъ именъ; они, слѣдовательно, могли быть самостоятельно заимствованы и русскими и мордвой отъ сосѣдей, или взяты мордвой у русскихъ, или наоборотъ.

[3]) Въ виду интереса, представляемаго изученіемъ некалендарныхъ именъ среди русскихъ и языческихъ именъ у инородцевъ, приводимъ нѣсколько именъ, отмѣченныхъ нами у мордвы въ разсмотрѣнныхъ документахъ: *Авмай*, Агушъ, Азрапа, Алтышъ, Алясевъ сынъ, Анамасовъ с., Атямасовъ с., Айтуганъ. *Байгилдѣй*, Бигилдѣй, Биговатъ, Борашъ, Бурнашъ. *Валгушъ*, Ведяшъ, Велмесъ, Вендяшъ, Веткасъ, Ветганзъ, Вечковатъ, Вешкомасъ, Волгомасъ, Вошкѣй, *Дедеръ*. *Ерюмазъ*, Ермелзъ, Ермовазовъ с., *Инемасовъ с.*, Итяксъ. *Казанчѣй*, Канесовъ с., Канинъ с., Ка(о)ргашъ, Кафтясъ, Кашняевъ с., Кевай, Кежеватъ, Кежманъ, Кечай, Кечюшъ, Кечасовъ с., Кечемасъ, Кецасевъ с., Килдюшевъ с., Кирдяпинъ с., Кердяй, Кирдянъ, Кистанъ, Кобай, Кожаевъ с., Козбай, Козбасъ, Козяй, Козяшъ, Котраня, Кошай, Кощаевъ, с., Кстесъ, Кудай, Кудашъ, Кузоватовъ с., Кутяй, Кѣчатъ. *Лакошъ*, Ліяз(ш)ъ, Лукшманъ. *Мечасъ*, Моматовъ с., Мучкомасъ, Мурзодей, *Нагай*, Ночаръ, *Отяшъ*, Овземасъ, О(А)летиновъ с., *Пангинъ с.*, Паркай, Пахмусовъ с., Пелме-

можетъ, еще не были обращены въ христіанство, или происходили отъ отцовъ-не-христіанъ.

Бытъ мордвы эпохи, къ которой относятся изслѣдованные документы, вѣроятно, еще мало отличался отъ формъ жизни, которыя застали у нихъ русскіе послѣ подчиненія мордвы, только еще начавшей воспринимать русское вліяніе, явившееся на смѣну предшествовавшему воздѣйствію на мордву татаръ: въ очеркѣ внѣшняго быта мордвы, представленномъ г. Смирновымъ въ его монографіи „Мордва", собраны свѣдѣнія, доказывающія, что мордва занималась въ то время уже давно земледѣліемъ, которое, повидимому, велось крайне первобытными способами, и что одновременно пчеловодство и охота играли еще весьма видную роль въ народномъ хозяйствѣ мордвы: „козиное и лосиное стойло", „свиное логово", „бобровая вежа", „бобровые гоны" и пр. встрѣчаются, по словамъ г. Смирнова, нерѣдко въ документахъ XVII в.; лоси, медвѣди, волки, лисицы, куницы и пр. были наиболѣе видными представителями фауны въ мордовской области.

Русская колонизація въ богатый звѣремъ и чрезвычайно плодородный край, населенный мордвой, началась задолго до покоренія Казани, послѣ чего мордовскія земли оффиціально уже входятъ въ составъ Московскаго государства. Но эта колонизація становится значительно интенсивнѣе въ концѣ XVI вѣка и продолжается въ теченіе слѣдующаго столѣтія. Отказныя книги по Арзамасу служатъ тому лучшимъ доказательствомъ. Отказныя книги, какъ извѣстно, представляютъ „подробные отчеты провинціальной администраціи о порядкѣ отказа кому-либо земли въ помѣстное или вотчинное владѣніе со всѣми относящимися сюда подробностями и за руками (т.-е. за подписью) лица, производившаго отказъ, а также священниковъ и дьяконовъ округа, въ присутствіи которыхъ вмѣстѣ со старостами, цѣловальниками и крестьянами совершался отказъ" [1]). Этотъ разрядъ документовъ позволяетъ такимъ образомъ судить, каковъ былъ этнографическій составъ населенія въ мѣстностяхъ, гдѣ утверждались помѣщики-русскіе: осмотрѣнныя нами Отказныя книги даютъ на это опредѣленный отвѣтъ; это было въ значительномъ количествѣ случаевъ мордовское населеніе, отчасти уже крещеное, отчасти, какъ мы это высказали выше, повидимому, не принявшее еще христіанства.

Даже при бѣгломъ взглядѣ на приводимые рисунки мордовскихъ „знаменъ" обращаетъ на себя вниманіе фактъ, что уловить значеніе этихъ начертаній не представляется возможности. Въ просмотрѣнныхъ документахъ, къ сожалѣнію, не приводится никакихъ объясненій рисунковъ „знаменъ": передъ знаками указывается, кто изъ инородцевъ присутствовалъ при отказѣ и приложилъ „знамена"; напр., „а старожилцы и сторонніе люди Тюгелеевская и Алемаевская мордва Кошай съ товарищи къ сѣмъ книгамъ знаменя свои приложили"; „а на отдѣлѣ были мордва Коска Тюргеневъ сынъ Келдюшевы деревни мордвинъ да Кирдянъ Лемесовъ с., моресевской мордвинъ"; „Идмановскіе мордва знамена свои приложили" и т. п. Понятые, свидѣтели перечисляются обыкновенно поименно. Послѣ начертанія знаменъ слѣдуетъ обыкновенно указаніе, кому принадлежитъ данное „знамя"; напр., „знамя Кошаево", „знамя Кирдяево", „знамя Шиндяево" и пр.

Очевидно, что значеніе „знаменъ" не интересовало составителей документовъ: русскіе также употребляли аналогичные знаки, которые также служили вмѣсто подписей. Напримѣръ, на одномъ изъ документовъ 1603 г. „Кучумовская мордва" закрѣпляетъ актъ начертаніемъ своихъ бортныхъ „знаменъ" (№№ 29—41); русскій бортникъ прикладываетъ къ тому же документу свой бортный знакъ (№ 42°). Такимъ образомъ, самый фактъ существованія клеймъ, служившихъ знаками собственности и употреблявшихся въ качествѣ подписи, среди мордвы не представлялъ для русскихъ администраторовъ ничего необычнаго, и въ ихъ цѣли не могло входить

совъ с., Пивцесъ, Пинясъ, Ииргушъ, Полдомасовъ с., Поровать, Погевъ с., Прянъ, Пуресъ. *Рамасевъ с.*, Ромушъ, Рузанъ. *Сатай*, Сайня, Сеитиновъ с., Селжя, Сескетъ, Сечадѣй, Собай, Солд(м)одѣевъ с., Стемасовъ с., Судой, Сустатъ, Сучосевъ с., Сытановъ с., Сычесевъ с. *Теребердѣевъ с.*, Тинюшъ, Токай, Тотушъ, Тохташевъ с., Турсякъ, Туушъ, Тяпаевъ с., *Учеватъ*. *Ченбасъ*, Четай, Чил(н)дясъ, Чинзя, Чокай, Чювашъ. *Шадринъ с.*, Шатресъ, Шеуштановъ с., Шиндяй, Шишполатовъ с. *Ямоскъ*, Ямашъ, Янай, Яушъ. — Нѣкоторыя имена тюркскаго происхожденія объясняются вѣроятнѣе всего вліяніемъ татаръ на мордву.

[1]) Опредѣленіе Отказныхъ книгъ заимствовано изъ „Памятной Книжки Моск.. Арх. М. Ю.", стр. 42.

разъясненіе знаковъ, если послѣдніе по своему начертанію не выходили изъ ряда обычныхъ, и это тѣмъ естественнѣе, что вообще рисунки клеймъ, состоявшіе изъ сочетанія линій и геометрическихъ фигуръ, какъ это имѣло мѣсто у мордвы XVI—XVII вв., повторялись въ общихъ чертахъ болѣе или менѣе повсемѣстно въ Россіи. Спрашивается, имѣли ли вообще эти знаки какое-нибудь значеніе? Въ просмотрѣнныхъ мною документахъ только два раза встрѣтилось объясненіе знаковъ: 1) въ записи о раздѣлѣ имѣнія отъ 1613 г. Дѣло касается земли на р. Пьянѣ, заселенной преимущественно мордвой. „На раздѣлѣ, говорится въ документѣ, были сторонніе люди бортные деревни Моксы бортникъ Смирной Романовъ" и др. Клеймо послѣдняго (№ 125) сопровождается слѣдующей пояснительной надписью: „знамя Смирнова Романова, лапти, стремя, рубежи". Несмотря на то, что деревня повидимому мордовская, былъ ли Смирной Романовъ мордвинъ или русскій,— вопросъ открытый. Употребленіе мордвой русскихъ некалендарныхъ именъ позволяетъ допустить, что онъ могъ быть и мордвинъ. Съ другой стороны, встрѣчаемые часто русскіе бортники среди мордвы даютъ одинаковое право признать его русскимъ. 2) Далѣе въ документѣ, относящемся къ 1661 г. (Алатырскій у. и станъ), мордовскія клейма (№№ 160—168) сопровождаются объясненіями; напр, знамя Судманково „дуга да 4 глаза да два гужа", „знамя Салганово дуга да 4 глаза да три гужа" (№ 160), „знамя Кедасѣво дуга да 4 глаза да 3 гужа" и т. д. Относительно всѣхъ остальныхъ знаковъ указывается дуга, количество гужей (3) и глазъ (3—5 „глазовъ"), но, какъ видно по прилагаемымъ рисункамъ, расположеніе „гужей" и „глазовъ" не одинаково. Несмотря на приложенное объясненіе „знаменъ", остается нерѣшеннымъ, сама ли мордва называла указаннымъ образомъ свои клейма, или русскіе, желая объяснить ихъ, давали имъ свое толкованіе въ зависимости отъ рисунка, который напоминалъ дугу, гужъ и глазъ. Слѣдовательно, и этотъ фактъ объясненія клеймъ не рѣшаетъ вопроса, имѣли ли рисунки древнихъ знаменъ опредѣленное значеніе у мордвы. То же замѣчаніе можетъ быть сдѣлано и относительно „знаменъ", приложенныхъ къ дарственной записи Николо-Чернѣевскаго монастыря (XVI в.), которую цитируетъ г. Смирновъ [1]: „бортовое знамя юртовое—*три рубежа*, знамя *сабля* отца его (дателя записи) Степанка, знамя дяди его Истомкина два *пояска*, знамя *сабля* дяди его Русникова, знамя брата его Дунина *сабля*".

При скудости данныхъ слѣдуетъ надѣяться, что дальнѣйшее изученіе древнихъ мордовскихъ знаменъ докажетъ документально, что они всегда имѣли то или другое значеніе, что они схематически и условно воспроизводили какой-нибудь предметъ. Въ настоящее время мы располагаемъ преимущественно косвенными указаніями, свидѣтельствующими, что для древней мордвы всѣ ея знаки собственности едва ли были лишены смысла, по крайней мѣрѣ въ ихъ первоначальномъ, простомъ, неосложненномъ позднѣйшими приставками видѣ.

Первое указаніе можно видѣть въ томъ, что среди современныхъ русскихъ крестьянъ и инородцевъ знаки собственности обыкновенно имѣютъ оредѣленное значеніе. Какъ бы ни казались намъ фантастичными рисунки большинства клеймъ, не имѣющихъ, повидимому, никакого смысла, крестьянинъ весьма часто умѣетъ назвать ихъ. Часть названій дѣйствительно заимствуется изъ самаго способа начертанія; напр., рубецъ, черта, кругъ, крестъ, крюкъ и пр. Но немалое количество и такихъ, названіе которыхъ происходитъ отъ предмета, который имѣло въ виду начертать лицо, пользующееся правомъ на данное клеймо: непонятный, на нашъ взглядъ, знакъ имѣетъ обыкновенно вполнѣ опредѣленное значеніе въ глазахъ крестьянъ; напр., клеймо въ видѣ круга съ идущей отъ него линіей, употребляемое у донскихъ казаковъ, носитъ названіе „ключа" [2]) и т. п. Не останавливаясь на имѣющемся по этому вопросу матеріалѣ у русскихъ крестьянъ, у тюркскихъ и финскихъ народностей, я ограничусь указаніемъ лишь на клейма, употребительныя въ настоящее время у вотяковъ, собранныя въ довольно значительномъ количествѣ [3]) и представляющія особый интересъ еще оттого, что они не только принадлежатъ народности, родственной мордвѣ, но

[1]) *И. Н. Смирновъ:* Мордва, стр. 85.

[2]) *М. Харузинъ:* Казацкія общины, стр. 262.

[3]) *П. Богаевскій:* Очерки религіозныхъ представленій вотяковъ (Этногр. Обозр. IV, стр. 122); *М. Харузинъ:* Очеркъ юридическаго быта народностей Сарапульскаго у., стр. 31—34.

и имѣютъ, какъ я постараюсь указать это ниже, извѣстное значеніе для уясненія характера древне-мордовскихъ „знаменъ“. Начертаніямъ многихъ вотяцкихъ клеймъ, въ которыхъ трудно видѣть что-нибудь опредѣленное, вотякъ даетъ извѣстныя названія, очевидно, сохранившіяся отъ далекой старины; напр., „змѣй“, „змѣйка“, „куриная лапка“, „гусиная лапка“, „серпъ“, „молотъ“, „коса горбуша“, „кольцо“, „топорище“, „три молоточка“, и т. д.; фигура треугольника, въ разныхъ комбинаціяхъ и съ прибавленіями въ видѣ линій и черточекъ, составляющая тамгу вотяцкаго племени Джюмья, означаетъ „стремя“ (*узенги*); племя Вамья имѣетъ тамгой рисунокъ, въ которомъ трудно узнать „вилы“, которыя должна изображать эта тамга по мнѣнію вотяковъ. Насколько для непосвященнаго трудно уяснить значеніе клейма, могутъ служить доказательствомъ, напр., нѣкоторые встрѣченные г. Оглоблинымъ рисунки клеймъ среди „знаменъ“ остяковъ XVII в. Такъ, три вертикально поставленныя линіи, изъ которыхъ двѣ параллельно, а одна нѣсколько ниже, между ними, изображали лицо языческаго божества; знакъ объясняется въ документѣ: напр., „знамя (такого-то), имя ему шайтанова рожа“; „шайтанова рожа“ изображалась иногда въ видѣ трехъ горизонтальныхъ линій, расположенныхъ въ указанномъ порядкѣ, иногда это же значеніе имѣли три горизонтально положенныя въ одинъ рядъ параллельныя линіи [1]). Изображеніе человѣческихъ лицъ идоловъ языческихъ божествъ, объединенныхъ русскимъ общимъ терминомъ „шайтановыхъ рожъ“, достигло высшей степени схематизаціи и условности рисунка.

Другимъ болѣе убѣдительнымъ доказательствомъ, что древнія мордовскія „знамена“ имѣли опредѣленное значеніе, служитъ фактъ, что знаки собственности у *современной мордвы* въ большинствѣ по крайней мѣрѣ случаевъ имѣютъ опредѣленный смыслъ и заимствованы изъ предметовъ окружающей обстановки. Г. Майновъ [2]) приводитъ рисунки нѣкоторыхъ знаковъ собственности „сьорма“ съ объясненіемъ ихъ значенія: волнистая линія, напр., представляетъ воду, севастика—вѣтки, выгнутая кривая линія—лодку, прямоугольникъ—домъ и т. д. Такъ же схематично и условно представлены знаки собственности, изображающіе солнце (кружокъ), человѣка, лошадь, быка, птицу, журавля, заячью ногу, журавлиную лапу и пр.

Приведенныя соображенія позволяютъ высказать увѣренность, что и древніе сьормы мордвы, собранныя нами, не представляютъ плода фантазіи составителей знаковъ, что рисовавшіе ихъ стремились схематически и условно изобразить тотъ или иной предметъ, но значеніе знаковъ въ настоящее время не можетъ быть установлено.

Весьма характернымъ признакомъ собранныхъ нами древнихъ клеймъ мордвы можетъ считаться слѣдующее: лица, принадлежащія къ одной и той же деревнѣ, имѣютъ и схожія клейма. №№ 1—3 принадлежатъ мордвѣ, присутствовавшей при межеваньѣ земли въ дер. Лихачевѣ на р. Пузѣ (1576 г.). Основной принципъ ихъ совершенно одинаковъ — именно двѣ параллельныя линіи, соединенныя или слегка измѣненныя пересѣкающимися линіями, точками и пр. у каждаго изъ домохозяевъ (Лакошъ, Чокай и Овземасъ); въ №№ 4—11 можно усмотрѣть два типа клеймъ: 1) № 4—6 и 2) № 7—11. Первый въ основѣ представляетъ острый уголъ, второй — три горизонтальныя параллельныя линіи. Дѣйствительно, они принадлежатъ понятымъ мордвинамъ изъ двухъ присутствовавшихъ въ 1586 г. при межеваніи деревень. Первый типъ клеймъ ставятъ Кошай Пилесевъ, Илюша Мокшеватой и Кирдяй Строевъ, названные въ документѣ „Алемаевской мордвой“, а остальные знаки принадлежатъ „Тюгелеевской мордвѣ“ изъ Стараго Тюгелева, и очевидно выселка послѣдняго—Новаго Тюгелева. №№ 12 и 13 принадлежатъ двумъ понятымъ изъ „Кордовилской мордвы“ съ р. Каракшилѣя, а №№ 16—20, заимствованные изъ одного и того же документа (1591 г.), представляютъ 3 типа и принадлежатъ свидѣтелямъ изъ 3-хъ деревень: №№ 16—18 — жителямъ „Какинскіе деревни“, № 19 — мордвину изъ „Удеверскіе деревни“ и № 20 — мордвину Худяку Мелизину, жившему прежде въ Тяпинской деревнѣ. № 24, заимствованный изъ другого документа (1592 г.), представляетъ въ основѣ

---

[1]) *Н. Н. Оглоблинъ*: Остяцкія знамена XVII в. (Ист. Вѣстн. 1889, X стр. 147).

[2]) *В. Майновъ*: Очеркъ юридическаго быта мордвы (табл. къ стр. 196).

тотъ же типъ, какъ и №№ 16—20; дѣйствительно, это клеймо мордвина изъ той же Какинской деревни Дедера Васильева. Въ №№ 29—41, представляющихъ варіанты одного и того же основного типа, мы имѣемъ мордовскіе бортяные знаки, всѣ принадлежащіе Кучумовской мордвѣ; а въ №№ 53—56, заимствованныхъ изъ одного документа, сходство „знаменъ" объясняется, какъ и въ №№ 57—59, тѣмъ, что лица, приложившія въ качествѣ подписей свои клейма на обоихъ документахъ, изъ которыхъ заимствованы соотвѣтствующіе №№, были изъ одной деревни: №№ 53—56 — изъ дер. Чиргушской, №№ 57—59 — изъ дер. Сыревской. Отничѣевская мордва прикладываетъ въ 1595 г. клеймо на межевомъ документѣ, именно №№ 42—44; другіе представители этой же деревни кладутъ свои клейма на документѣ 1598 г., именно №№ 60—67, изъ которыхъ сходный принципъ рисунка съ №№ 42—44 имѣютъ №№ 60—63 и 67. То же сходство имѣютъ клейма №№ 47—50 Солдомановской мордвы со знаками №№ 70 и 71, принадлежащими населенію той же деревни и поставленными на другомъ документѣ. Впрочемъ, № 47 и 70 принадлежатъ одному и тому же лицу — Биголату Өедорову. Въ общемъ на основаніи изученія знаковъ собственности по изслѣдованнымъ документамъ можно прійти къ заключенію, что въ каждой мордовской деревнѣ преобладалъ одинъ и тотъ же основной рисунокъ клейма, варьировавшійся по отдѣльнымъ личностямъ. Есть основаніе предполагать, что иногда и цѣлая волость имѣла преобладающій рисунокъ знака собственности. Такъ, напр., въ „сыскномъ дѣлѣ "7128 г. (Ст. Сиб. Приказа, № 106), возникшемъ по челобитнымъ крестьянъ Верхоценской волости Тамбовскаго у. на злоупотребленія воеводы, къ допроснымъ рѣчамъ приложены „знамена" жившихъ въ волости крестьянъ, бортниковъ и мордвы; опредѣлить въ каждомъ данномъ случаѣ, оказывается ли то или иное клеймо мордовскимъ, равно и освѣтить вопросъ, были ли бортники русскими или мордвинами, крайне рисковано. Но во всякомъ случаѣ у всей волости преобладаетъ одинъ принципъ знамени, именно—кружки, расположенные въ различныхъ комбинаціяхъ; для примѣра мною срисовано нѣсколько подобныхъ знаменъ (№№ 107—119), которыя слѣдуетъ признать, несомнѣнно, мордовскими, отчасти по именамъ владѣльцевъ ихъ, отчасти оттого, что они отмѣчены „мордовскими". Изъ 163 „знаменъ", приложенныхъ къ допроснымъ рѣчамъ, только 25 отклоняются отъ типа кружковъ и представляютъ соединеніе кружковъ съ линіями; образцами могутъ служить срисованныя „знамена" подъ №№ 120—124.

Представителямъ одной и той же деревни принадлежатъ и №№ 52 и 78—81 (Ермезинская мордва), равно и клейма изъ Нижегородскаго у.: №№ 88—96, 97—102, 103—106, представляющія за немногими исключеніями сходственный господствующій типъ въ каждой изъ трехъ деревень: Пилекшева, Малаго Ваду и Елховца; далѣе №№ 150—155, принадлежащіе мордвинамъ д. Баивы Подгородной въ Алатырскомъ у., хотя самъ документъ относится уже къ концу XVII в. (1687 г.), представляютъ подобное же, отмѣченное для болѣе древнихъ документовъ, сходство основного типа клейма, равно и №№ 160—168, принадлежащіе мордвѣ одной изъ деревень того же уѣзда и стана, и отмѣченные въ документѣ средины XVII в. (1661 г.). Относительно послѣднихъ въ документѣ оговаривается, что это „знамя старинное". Не увеличивая примѣровъ, я ограничусь замѣчаніемъ, что подмѣченный принципъ сходства основного рисунка знака у однодеревенцевъ каждаго селенія для эпохи XVI в. продолжаетъ встрѣчаться до конца XVII вѣка.

Это общее правило терпитъ, однако, иногда исключенія: встрѣчаются случаи, что населеніе различныхъ деревень имѣетъ одинаковый принципъ рисунка сьормы. Такъ, напр., № 14 представляетъ сходство съ № 15; оба встрѣчены на одномъ документѣ, но первый знакъ принадлежитъ мордвину Келдюшевой деревни, Коскѣ Тюргеневу сыну, а второй - мордвину Моресевской деревни, Кирдяну Лемясову сыну. То же сходство можно отмѣтить, напр., между №№ 7—11 и 68, 69 и 72, хотя первые принадлежатъ Тюгелеевской мордвѣ (док. 1586 г.) а вторые — мордвѣ Солдомановой деревни (док. 1598 г.). Подобное же сходство можно далѣе отмѣтить между №№ 107—119 и №№ 150—155, хотя географически и хронологически они рѣзко отдѣлены другъ отъ друга: №№ 107—119 относятся къ 1619—1620 гг. и принадлежатъ жителямъ Тамбовскаго у., а №№ 150—155 заимствованы изъ записи 1687 г. Троице-Сергіева монастыря отъ мордвы

д. Баивы Подгородной съ дѣтьми и племянниками на с. Четвертаково и на озеро Алатырскаго у. Подобныхъ примѣровъ сходства принципа клейма въ разныхъ деревняхъ можно привести еще нѣсколько на основаніи издаваемыхъ древне-мордовскихъ сьормъ.

Нерѣдки далѣе случаи, что населеніе одной и той же деревни имѣетъ различные принципы рисунковъ „знаменъ". №№ 21—23 представляютъ 2 типа (№ 21 и №№ 22 и 23), хотя всѣ принадлежатъ понятымъ Макателейской мордвы. Въ Солдомановой деревнѣ одновременно со знаками, имѣющими сходство (№№ 47—50 и 70—71), мы встрѣчаемъ и „знамена", рѣзко отличающіяся по принципу рисунка (№№ 68 и 69). Въ записи 1619 г. отъ мордвы Троице-Сергіева Алатырскому монастырю со строителемъ Іосафомъ съ братіею о полюбовномъ размежеваніи поставлены клейма мордвиновъ двухъ деревень: №№ 126—137 „деревни Тарасова мордва", и №№ 138—149 „деревни Пахмусова мордва, Окученяево тожъ". Несмотря на сходство основного типа клеймъ въ каждой изъ двухъ деревень, можно намѣтить и различія: №№ 126, 127, 130, 132, 133, 136 представляютъ одинъ типъ, №№ 128, 129, 131, 134 и 137 — другой; въ Пахмусовой деревнѣ, однако, клеймо № 138 только, повидимому, основано на другомъ принципѣ, чѣмъ №№ 139—149; они всѣ представляютъ варіанты одного типа „знамени", вѣроятно, кружковъ.

Для объясненія преобладающаго факта сходства клеймъ однодеревенцевъ быть современной мордвы даетъ лишь косвенныя указанія: по собраннымъ мною свѣдѣніямъ изъ д. Чюкалъ (Нижег. губ., Сергачск. у.), каждый домохозяинъ-мордвинъ имѣетъ право избрать себѣ особый рисунокъ клейма. Дѣйствительно, встрѣчаются случаи, что братья при семейномъ раздѣлѣ оставляютъ себѣ отцовское клеймо, видоизмѣняя его прибавкой черточекъ, точекъ и пр., или изображая его въ обратную сторону, (напр. „кочерга"принадлежитъ двумъ братьямъ Блербинымъ: одинъ рисуетъ ее крюкомъ внизъ, другой — крюкомъ вверхъ); обыкновенно же лишь единственный сынъ или тотъ изъ сыновей, который остается „на корню", наслѣдуетъ рисунокъ знака собственности отца. Отдѣленные сыновья при жизни отца или братья при раздѣлѣ имѣютъ право, если отцовское клеймо имъ почему-либо не нравится, изобрѣсти самостоятельный рисунокъ. Этотъ знакъ собственности вырѣзывается на болѣе цѣнныхъ предметахъ домашняго обихода, сельскихъ орудіяхъ и т. п. Иногда онъ-же служитъ и для мѣты скота, хотя на послѣднемъ въ настоящее время обыкновенно уже не выставляется клеймо домохозяина; мѣта заключается въ рѣзаніи уха животнаго, при чемъ каждый собственникъ скота мѣтитъ уши своихъ животныхъ опредѣленнымъ, отличнымъ отъ другихъ способомъ. Въ упоминаемой мною мѣстности семейныя клейма теряютъ такимъ образомъ свое значеніе. Болѣе старые знаки собственности для мордвы непонятны: недалеко отъ д. Чюкала при р. Пьянѣ (Нижегородск. г., Сергачскаго у.) находится старый дубъ, извѣстный подъ именемъ „орлиное гнѣздо", названный такъ оттого, что на немъ, по преданію, всегда вьетъ себѣ гнѣздо орелъ. Имѣлъ ли этотъ дубъ какое-нибудь религіозное значеніе, мнѣ узнать не удалось. На стволѣ его вырѣзано много клеймъ, очевидно мордовскихъ, вѣроятно, помѣтъ сдѣланныхъ въ отдаленномъ прошломъ. Современные жители деревни не могутъ, однако, объяснить этихъ знаковъ. Клейма, употребительныя въ настоящее время, служатъ какъ знаками, выставляемыми на предметахъ движимой собственности, такъ и на полосахъ пахотной земли каждая: семья, вспахавъ свою надѣльную полосу, выпахиваетъ на ней въ углѣ полосы или въ ея началѣ и свой семейный знакъ собственности; это дѣлается съ цѣлью предупрежденія споровъ о принадлежности полосъ тому или другому домохозяину.

О семейныхъ клеймахъ у мордвы собраны довольно обстоятельныя свѣдѣнія въ монографіи г. Майнова [1]). Всякая семья,—пишетъ изслѣдователь,—имѣетъ непремѣнно одинъ изъ такихъ знаковъ (эрз.: „тэшксъ - сьорма"; мокш.: „тэштсъ-сьорма"), которымъ и отмѣчаетъ свои дѣлянки, свой скотъ и т. п. Мордва идетъ даже дальше и умѣетъ различить, напримѣръ, второго сына въ семьѣ или третью дочь: подъ знакомъ собственности, принадлежащимъ отцу, ставятся двѣ вертикальныя черточки въ первомъ случаѣ, а во второмъ—три вертикальныя черточки, подъ

---

[1]) *В. Майновъ*: Очеркъ юридическаго быта мордвы, стр. 196—197.

крышкой. Знакъ собственности женщины, принадлежащей къ семьѣ, повторяетъ обыкновенно знакъ ея отца или мужа, но надъ нимъ проводится кривая линія, „покрышка“, означающая, что данный предметъ принадлежитъ женщинѣ изъ семьи, имѣющей данный знакъ собственности. „Если одинъ или нѣсколько членовъ семьи основываютъ свои дворы, то они немедленно должны и выбрать себѣ особыя „сьорма“, чтобы ихъ имущества нельзя было смѣшать съ имуществомъ отца, при этомъ старшій въ родѣ пользуется отцовскою „сьормою“ безъ перемѣны, а остальные какъ-нибудь видоизмѣняютъ мѣту, прибавляя черту“ и т. п. Г. Майновъ сообщаетъ далѣе весьма интересный фактъ, что напр. мордвинъ Горкинъ происходилъ изъ семьи, имѣвшей мѣту „гора“, хотя самъ имѣлъ уже совершенно иной знакъ собственности. „У всѣхъ Кузнецовыхъ, продолжаетъ г. Майновъ, мнѣ приходилось видѣть знакъ — тсіотмаръ (молотъ), но или онъ удвоивался или былъ обращаемъ въ какую-нибудь сторону“. Наконецъ, у одного мордвина изъ семьи Пятаевыхъ г. Майновъ нашелъ знакъ *пяты (пильэ кэдь)*, перечеркнутый два раза діагонально. Очевидно, что фамилія Пятаевыхъ, какъ и Горкиныхъ, произошла отъ именованія рисунка клейма. „Мы сомнѣваемся, заключаетъ г. Майновъ, чтобы знаніе всѣхъ мѣтъ извѣстной мѣстности составляло необходимость, такъ какъ знать ихъ каждому вовсе не нужно, и совершенно достаточно, если только кто-либо, увидавъ такой знакъ, не смѣшаетъ его со своимъ знакомъ и отнесется къ вещи... какъ подобаетъ относиться по пословицѣ:... „чужая мѣта руки жжетъ“.

Такимъ образомъ, хотя, по воззрѣніямъ современной мордвы каждое лицо, дѣлающееся самостоятельнымъ хозяиномъ, имѣетъ право придумать свой рисунокъ для мѣты, тѣмъ не менѣе и до настоящаго времени сынъ часто лишь видоизмѣняетъ рисунокъ знака собственности своего отца: къ прежнему знаку дѣлаются нѣкоторыя добавленія. Далѣе, отмѣченный г. Майновымъ фактъ, что напр. у всѣхъ Кузнецовыхъ оказался одинъ принципъ рисунка мѣты, доказываетъ, что всѣ родственники, носящіе одну и ту же фамилію, имѣютъ даже въ настоящее время одинъ принципъ мѣты; знакъ собственности изъ личнаго или семейнаго дѣлается такимъ образомъ родовымъ. Эти данныя позволяютъ высказать предположеніе, что сходство знаковъ среди однодеревенцевъ, въ изслѣдованныхъ нами документахъ, объясняется вѣроятнѣе всего фактомъ, что населеніе каждой данной деревни состояло преимущественно изъ лицъ родственныхъ, имѣвшихъ, какъ таковыя, сходный рисунокъ „знамени“. Это предположеніе находитъ себѣ подтвержденіе въ нашихъ документахъ.

При отсутствіи фамильныхъ прозвищъ среди крестьянства въ древней Руси принадлежность „знаменъ“ отмѣчается только именемъ и отчествомъ лица. Установить родственную связь между подписывавшими документъ сходными клеймами лицами не представляется слѣдовательно возможнымъ. Въ отдѣльныхъ случаяхъ однако есть полное основаніе предполагать, на основаніи сходства отчествъ, что подписавшіеся были братьями. На документѣ 1595 г., напр., мы видимъ „знамя“ Кечая Лобанова изъ Отингѣевой деревни (№ 44); сходное съ нимъ знамя (№ 61) ставитъ въ 1598 г. крестьянинъ той же деревни Вельдяшъ Лобановъ. „Знамя“ № 48 на документѣ 1595 г. принадлежитъ Нагаю Кожаеву изъ д. Солдомановой, а „знамя“ № 71 (на док. 1598 г.) мордвину той же деревни Кеваю Кожаеву. При сравненіи этихъ же документовъ мы видимъ также сходство между рисунками мѣтъ № 43 и 67: оба принадлежатъ мордвинамъ Отингѣевой деревни: № 43—Бигилдѣю Кистанову, а № 67—Лютяю Кистанову. Далѣе, въ упомянутой выше записи мордвы Троице-Сергіева Алатырскому монастырю о полюбовномъ размежеваніи 1619 г. мѣта № 128 принадлежитъ Веткасу Атямасову, а № 129—Ведяшу Атямасову—оба изъ одной деревни Тарасовой, а №№ 134, 135 и 137 принадлежатъ крестьянамъ той же деревни: первый—Пряну Кашняеву, второй—Пуресу Кашняеву, третій—Сайкѣ Кашняеву. Изъ клеймъ мордвы Пахмусовой деревни, приложенныхъ на этомъ же документѣ, № 138 принадлежитъ Козбаю Пахмусову съ его сыномъ Баикомъ, а № 139—Кудашу Пахмусову съ его сыномъ Ямашемъ; „знамя“ № 144 принадлежитъ мордвину той же деревни Сабаю Канбарову съ сыномъ его Сатаемъ, а № 145—Судою Канбарову съ его пасынкомъ Ергомасомъ.

Сходство отчествъ въ указанныхъ примѣтахъ заставляетъ предполагать, что выставлявшія

свои клейма лица съ одинаковыми отчествами были братьями; каждый изъ нихъ, въ качествѣ самостоятельнаго домохозяина, имѣлъ и свое „знамя“, однако лишь съ незначительными измѣненіями повторяющее „знамя“ брата. Названіе деревни Пахмусовой въ актѣ 1619 г. и нахожденіе въ ней двухъ домохозяевъ со сходными „знаменами“, Козбая и Кудаша Пахмусовыхъ сыновей, доказываетъ, что деревня получила свое названіе отъ Пахмуса, б. м. перваго поселенца: Козбай и Кудашъ оказываются т. обр. сыновьями его, т.-е. братьями. Если братья, какъ это явствуетъ изъ документовъ, имѣли сходныя, основанныя на одномъ принципѣ рисунки „знаменъ“, то очевидно, что остальныя знамена, употреблявшіяся разными домохозяевами той же деревни и основанныя на томъ же принципѣ, какъ и „знамена“ братьевъ, должны были принадлежать родственникамъ. Слѣдовательно, въ случаяхъ, когда въ одной и той же деревнѣ мы встрѣчаемъ „знамена“, основанныя на одномъ принципѣ и представляющія лишь варіанты основного типа, мы въ правѣ предполагать, что они принадлежатъ родственнымъ другъ другу домохозяевамъ. Въ записи 1687 г. Троице-Сергіеву монастырю Алатырской мордвы на село Четвертаково и на озеро мы находимъ непосредственное указаніе на это: „знамена“, которыми скрѣпляется запись, принадлежатъ мордвѣ дер. Баивы Подгородной (№№ 150—155): они, очевидно, представляютъ лишь варіанты одного и того же типа; одновременно съ этимъ въ документѣ оговаривается, что запись дѣлается отъ мордвы съ дѣтьми и племянниками. Подъ послѣдними слѣдуетъ разумѣть, повидимому, лицъ, принадлежащихъ къ одному племени, родичей. Лица, начертавшія свои знамена на указанномъ документѣ, были между собой родственниками, чѣмъ, въ свою очередь, объясняется сходство рисунковъ выставленныхъ знаменъ.

Но если родичи имѣли и сходственныя „знамена“, то объяснить фактъ, отмѣченный нами выше, что въ значительномъ количествѣ случаевъ однодеревенцы имѣютъ сходныя клейма, можно лишь предположеніемъ о существованіи родственныхъ связей между всѣми или, по крайней мѣрѣ, большинствомъ домохозяевъ деревни. Мы пріобрѣтаемъ, такимъ образомъ, не лишенное интереса для освѣщенія прошлаго быта мордвы наблюденіе, что въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вв. эпоха, къ которой относится большинство просмотрѣнныхъ нами документовъ, родственники жили въ значительномъ количествѣ случаевъ вмѣстѣ, въ одной деревнѣ, раздѣленные на отдѣльныя семьи, и что это явленіе можно наблюдать и во второй половинѣ XVII в.[1]).

Мордовская деревня представляла земельную единицу, члены которой были соединены узами родства, и, какъ таковая, представляетъ любопытный остатокъ родового строя у древней мордвы. Въ тѣхъ случаяхъ, когда цѣлая волость или большинство ея населенія имѣло сходственныя „знамена“, мы въ правѣ предположить, что союзъ родственный не ограничивался одной деревней, а выходилъ значительно за предѣлы послѣдней, охватывая нѣсколько деревень и болѣе обширную территорію.

Очевидно однако, что въ періодъ, къ которому относятся наши документы, родовой строй мордвы уже подвергся значительному измѣненію: 1) происходили, повидимому, частые семейные раздѣлы, такъ какъ только этимъ можно объяснить при очевидной изъ документовъ сравнительной немногочисленности населенія, характерной для древне-мордовской деревни, то относительно значительное количество самостоятельныхъ хозяйствъ. Предположенію, что клейма были у древней мордвы личными, а не семейными знаками собственности, какъ это доказалъ г. Оглоблинъ въ отношеніи къ остякамъ XVII в., противорѣчитъ фактъ, отмѣченный, напр., въ межевомъ актѣ 1619 г., въ которомъ отецъ, или вотчимъ, или братъ ставитъ свое клеймо за себя и за сына, брата или пасынка (очевидно неотдѣленныхъ)[2]). Кромѣ того, сынъ иногда ставитъ клеймо своего отца; повидимому, мы имѣемъ здѣсь случай, когда понятыми являлись неотдѣ-

---

[1]) Ср. *И. Н. Смирновъ.* Мордва, стр. 162.

[2]) „Се язъ Мучкомасъ Стемасовъ сынъ съ своимъ сыномъ Байгилдѣемъ, да язъ Кѣчатъ Ногаевъ сынъ съ своимъ сыномъ Худякомъ, да язъ Веткасъ Атямасовъ с. съ своимъ сыномъ Дяваемъ .. да язъ Турсякъ Тяпаевъ с. съ своимъ братомъ Ветганзомъ... да язъ Тинюшъ Малышевъ с. съ своимъ пасынкомъ Кстесемъ... да язъ Судой Канбаровъ сынъ съ своимъ пасынкомъ съ Ергомасомъ“... и т. д.

ленные сыновья, не имѣвшіе еще своего „знамени“. Иначе, кажется намъ, трудно объяснить, почему напр. на актѣ 1591 г., гдѣ въ числѣ свидѣтелей упоминаются Сустатъ Канесевъ, Тотушъ Васильевъ, Малой Кудаевъ и Сиченъ Пинясевъ, двое первыхъ (№№ 16, 17) ставятъ *свои* „знамена“ („знамя Сустата“, „знамя Тотуша“), а два послѣднихъ *отцовскія* знамена (№№ 18, 19): „знамя Кудаево“, „знамя Пинясево“. Кромѣ того, присутствіе различныхъ типовъ „знаменъ“ у понятыхъ одной и той же деревни свидѣтельствуетъ въ пользу предположенія, что, если нерѣдко деревню населяли только родственники, то случаи совмѣстнаго жительства неродственныхъ другъ другу домохозяевъ не были чужды древней мордвѣ: процессъ перехода родовой-земельной общины въ сосѣдскую общину, очевидно, началъ совершаться среди мордвы въ XVI в. и, вѣроятно, значительно, раньше. Тогда уже мѣсто родственника сталъ занимать сосѣдъ—шаберъ, унаслѣдовавшій нѣкоторыя права родственниковъ въ родовой-земельной общинѣ.

На присутствіе въ деревняхъ одновременно съ родственниками и чужеродцевъ указываютъ, кромѣ несходства клеймъ, и нѣкоторыя выраженія документовъ: напр., въ межевомъ актѣ 1619 ч., въ которомъ за перечнемъ лицъ слѣдуетъ, послѣ наименованія каждой изъ двухъ деревень, участвовавшихъ въ межеваньѣ, выраженіе „съ своею братею и съ товарищи“.

Относительно случаевъ, которые можно отмѣтить въ просмотрѣнныхъ нами документахъ, сходства основного принципа „знаменъ“ въ разныхъ деревняхъ и подчасъ даже въ разныхъ уѣздахъ, мы не рѣшаемся высказать опредѣленнаго мнѣнія. №№ 74 и 75 представляютъ, повидимому, сходство съ №№ 160 — 168: первые принадлежатъ Арзамасской мордвѣ (1598 г.), вторые—Алатырской мордвѣ (1661 г.); аналогичные рисунки №№ 14 и 15 представляютъ знамена, принадлежащія мордвинамъ двухъ разныхъ деревень. Сходныя по своимъ основнымъ начертаніямъ „знамена“ №№ 7—11 и №№ 68, 69 и 72 также принадлежатъ представителямъ разныхъ деревень: первыя—Тюгелеевской мордвѣ, вторыя—Солдомановской и Иванцовской и т. д. Простота рисунковъ клеймъ дѣлаетъ вполнѣ естественнымъ, что различные мордовскіе роды могли имѣть и сходныя клейма. Но нельзя отрицать и возможности разселенія отдѣльныхъ домохозяевъ, связанныхъ другъ съ другомъ родственными узами и сходными „знаменами“ по различнымъ деревнямъ, такъ что сходство начертаній знаменъ могло бы объясняться тѣмъ, что разселенные въ различныхъ поселкахъ, даже въ различныхъ уѣздахъ родичи сохранили въ качествѣ воспоминанія о связывавшихъ ихъ родственныхъ узахъ сходныя клейма; въ отдѣльныхъ случаяхъ, по крайней мѣрѣ, это явленіе могло имѣть мѣсто. Это предположеніе находитъ себѣ нѣкоторое оправданіе въ слѣдующемъ: 1) Когда знаки собственности еще не утратили своего первоначальнаго, родового характера, какъ это имѣло мѣсто среди мордвы XVI—XVII вв., они строго соблюдаются и хранятся, и какимъ бы видоизмѣненіямъ ни подвергался основной рисунокъ мѣты въ каждой самостоятельной, отдѣляющейся семьѣ,—послѣдняя сохраняетъ основной рисунокъ родового клейма, которое и переноситъ съ собою при переселеніяхъ. 2) Среди вотяковъ, у которыхъ слѣды бывшаго родового строя еще жизненны и въ настоящее время, такъ какъ каждый вотякъ точно знаетъ, къ какому религіозно-родовому союзу онъ принадлежитъ, мы встрѣчаемъ распространеніе одного и того же принципа клейма въ разныхъ деревняхъ, если послѣднія населены представителями одного рода. Г. Богаевскій [1]) сообщаетъ, что напр. племя Джюмья имѣетъ въ своемъ основаніи тамгу—стремя, которая и встрѣчается въ нѣсколькихъ деревняхъ, населенныхъ этимъ племенемъ; напримѣръ, дер. Нов. Сентягъ расположена приблизительно въ 50 верстахъ отъ остальныхъ деревень: жители каждой пользуются той же тамгой. Сравнивая далѣе клейма того же племени Джюмья, записанныя г. Первухинымъ въ Глазовскомъ у., съ клеймами Джюмьи въ Сарапульскомъ уѣздѣ, г. Богаевскій приходитъ къ заключенію, что „тамги Сарапульской и Глазовской Джюмьи въ своемъ основаніи одинаковы“. Лишь детальное изслѣдованіе древняго быта мордвы, въ связи съ разселеніемъ жителей одной деревни въ разныя мѣста, можетъ рѣшить вопросъ, имѣемъ ли мы право въ данномъ случаѣ проводить

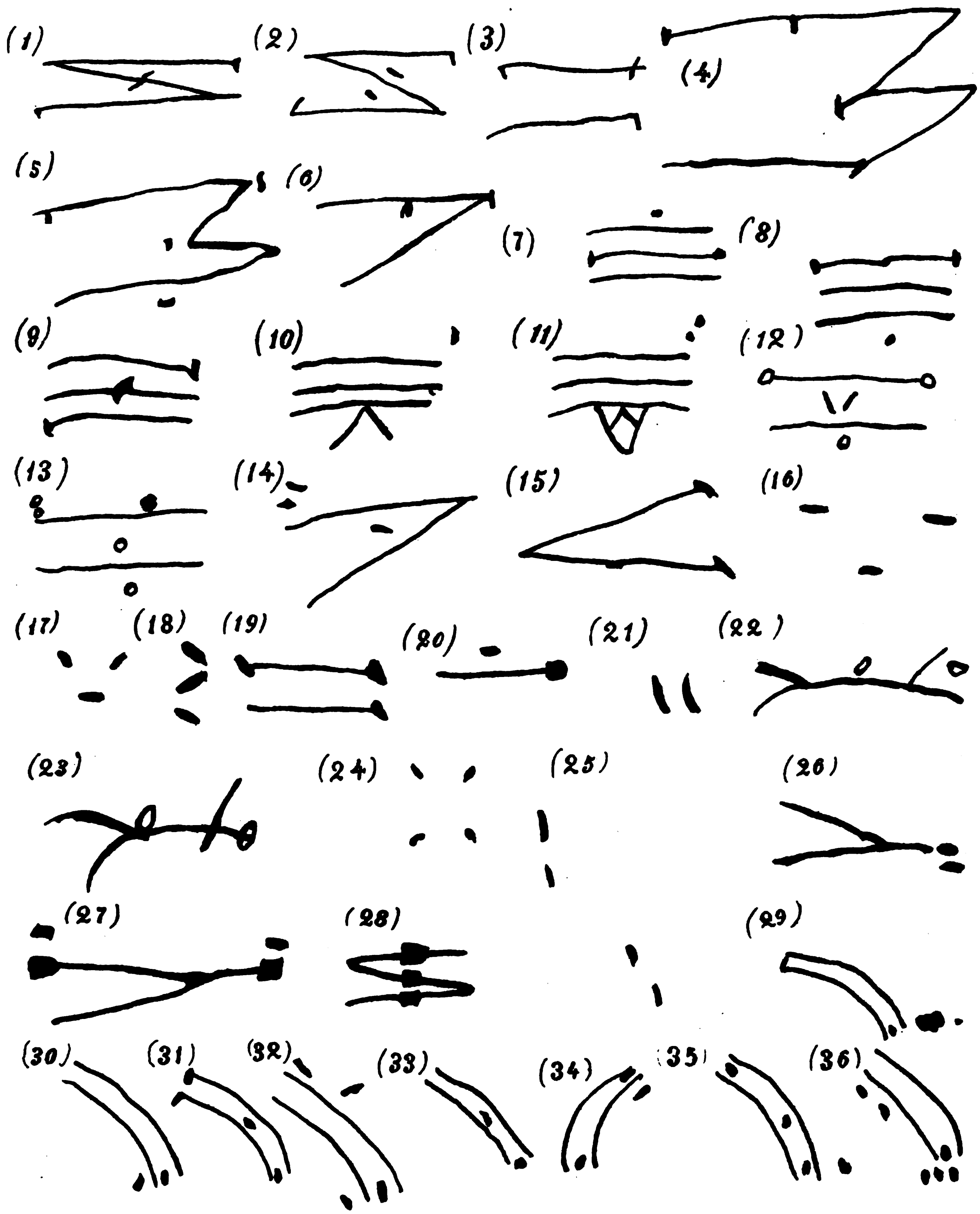
[1]) *П. М. Богаевскій*: Очерки религіозныхъ представленій вотяковъ, въ „Этнограф. Обозрѣніи“, IV, стр. 122.

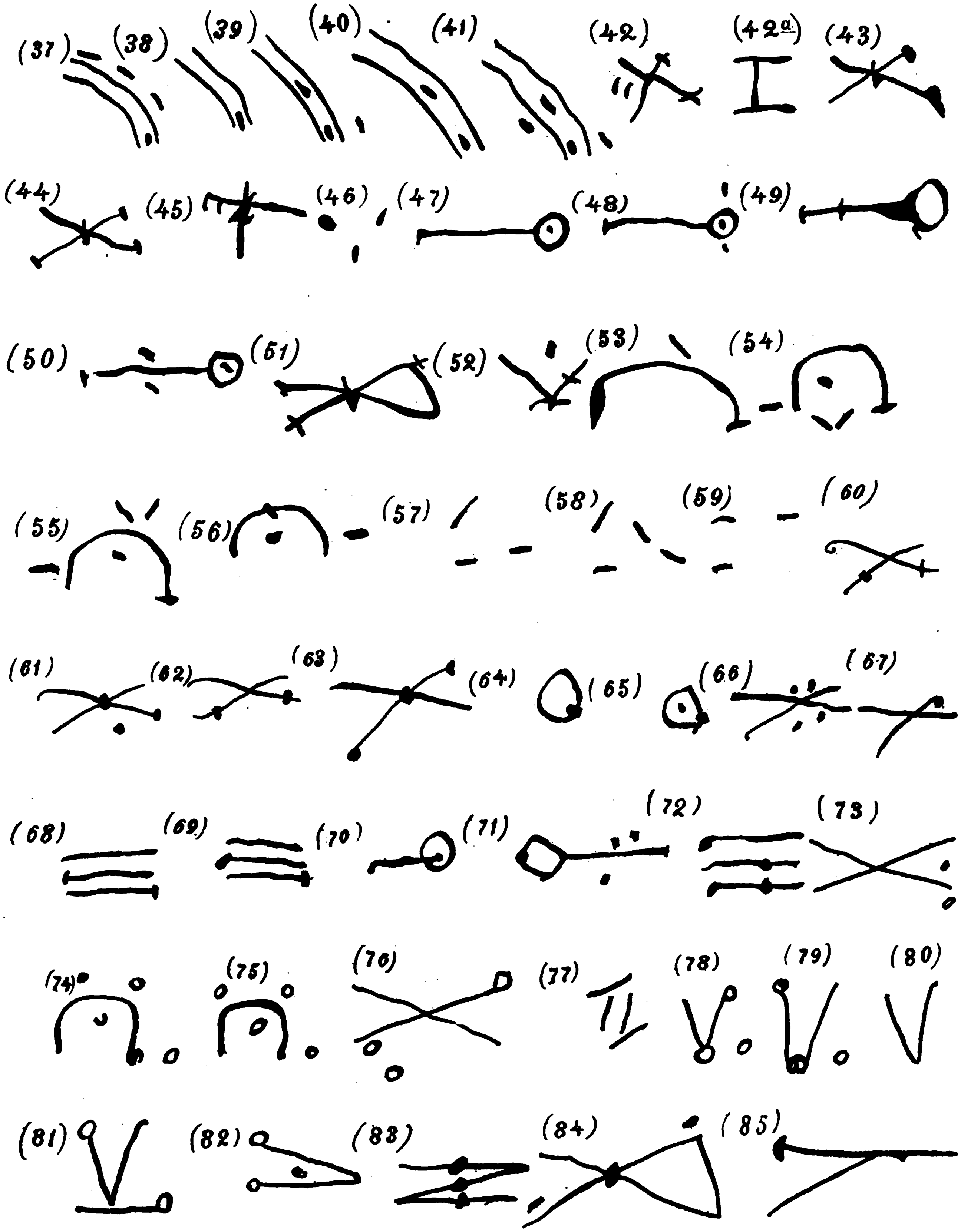
аналогію между вотяками и древней мордвой; это тѣмъ болѣе, что, какъ уже отмѣчено, рисунки „знамени“ настолько просты, что они легко могли самостоятельно возникнуть въ разныхъ мѣстностяхъ и не находиться ни въ какой связи со слѣдами родового строя у древняго мордовскаго населенія, о которомъ даютъ свѣдѣнія просмотрѣнные нами документы.

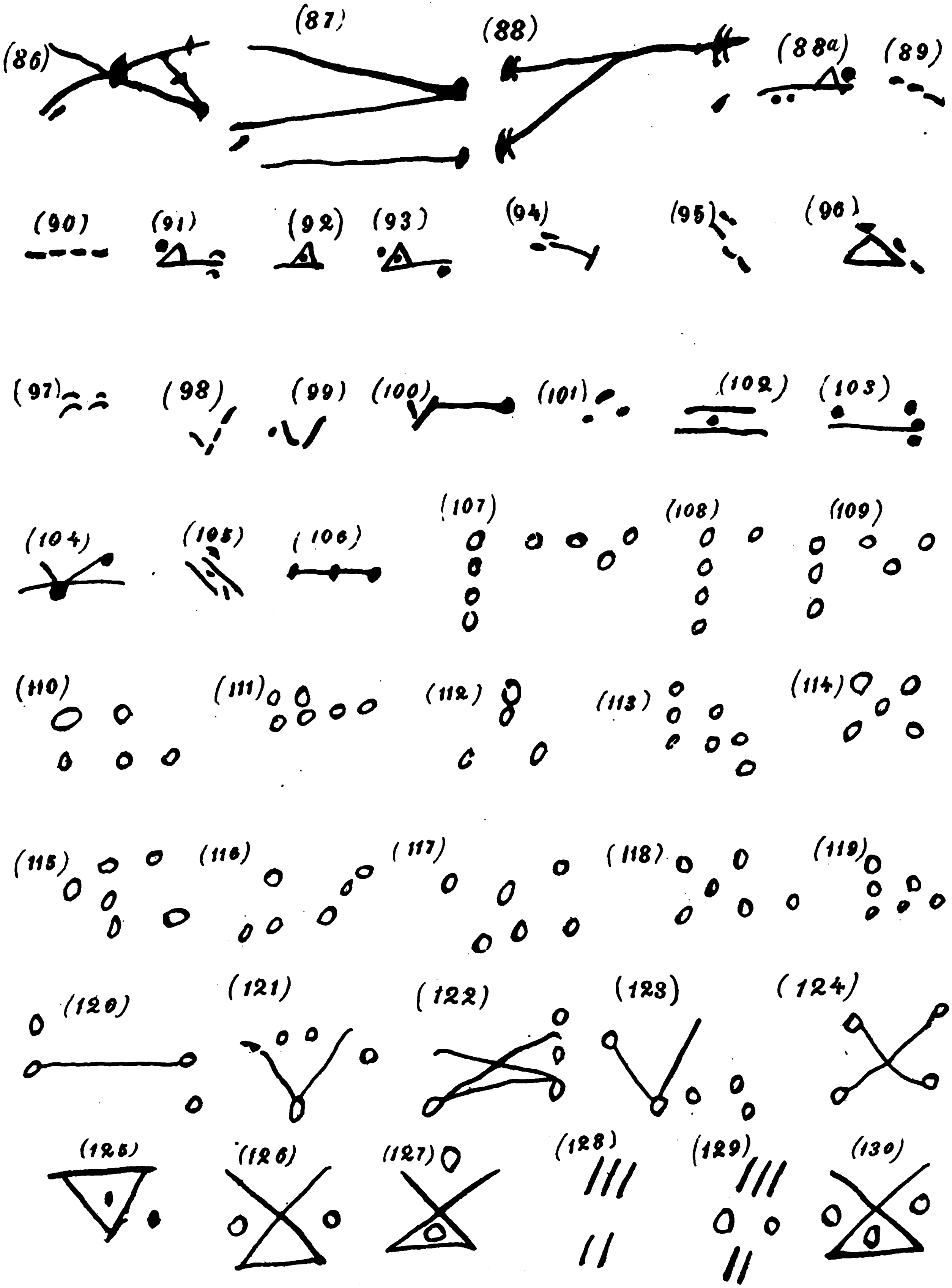
„Знамена“ древней мордвы позволяютъ такимъ образомъ не только познакомится съ древними знаками собственности одной изъ многочисленныхъ финскихъ народностей и этимъ расширить кругъ наблюденій для изученія юридическихъ знаковъ собственности вообще, но и даютъ возможность до извѣстной степени пролить нѣкоторый свѣтъ на древнія формы жизни населенія. Накопленіе матеріала для изученія „знаменъ“ у мордвы, равно и привлеченіе другихъ архивныхъ документовъ для освѣщенія вопросовъ, которые могутъ быть выяснены только предположительно при помощи изслѣдованія „знаменъ“, безъ сомнѣнія, могутъ оказать существенную помощь для раскрытія древнихъ устоевъ сильно подвергающейся орусѣнію или отатариванью мордвы.

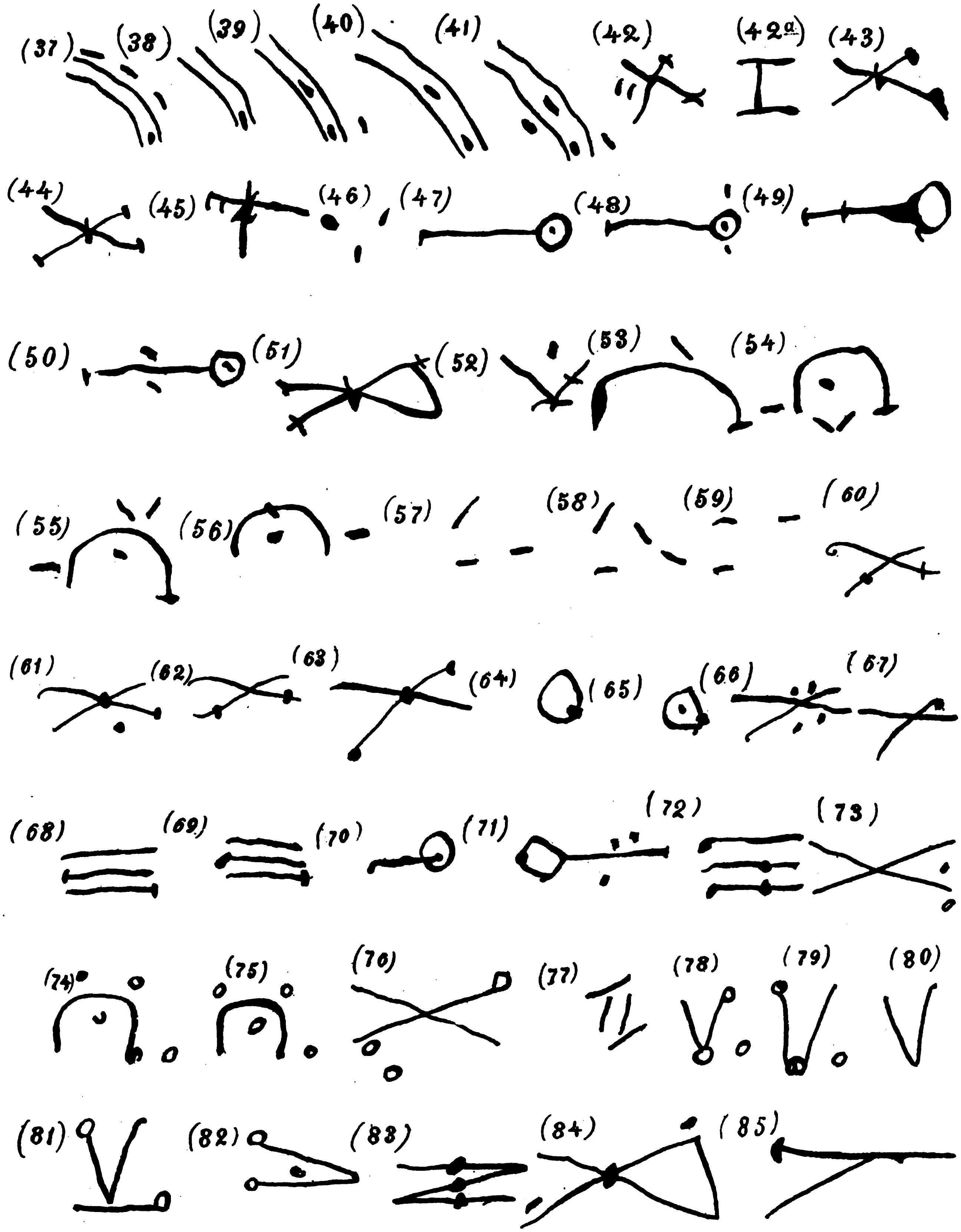
Н. Харузинъ.

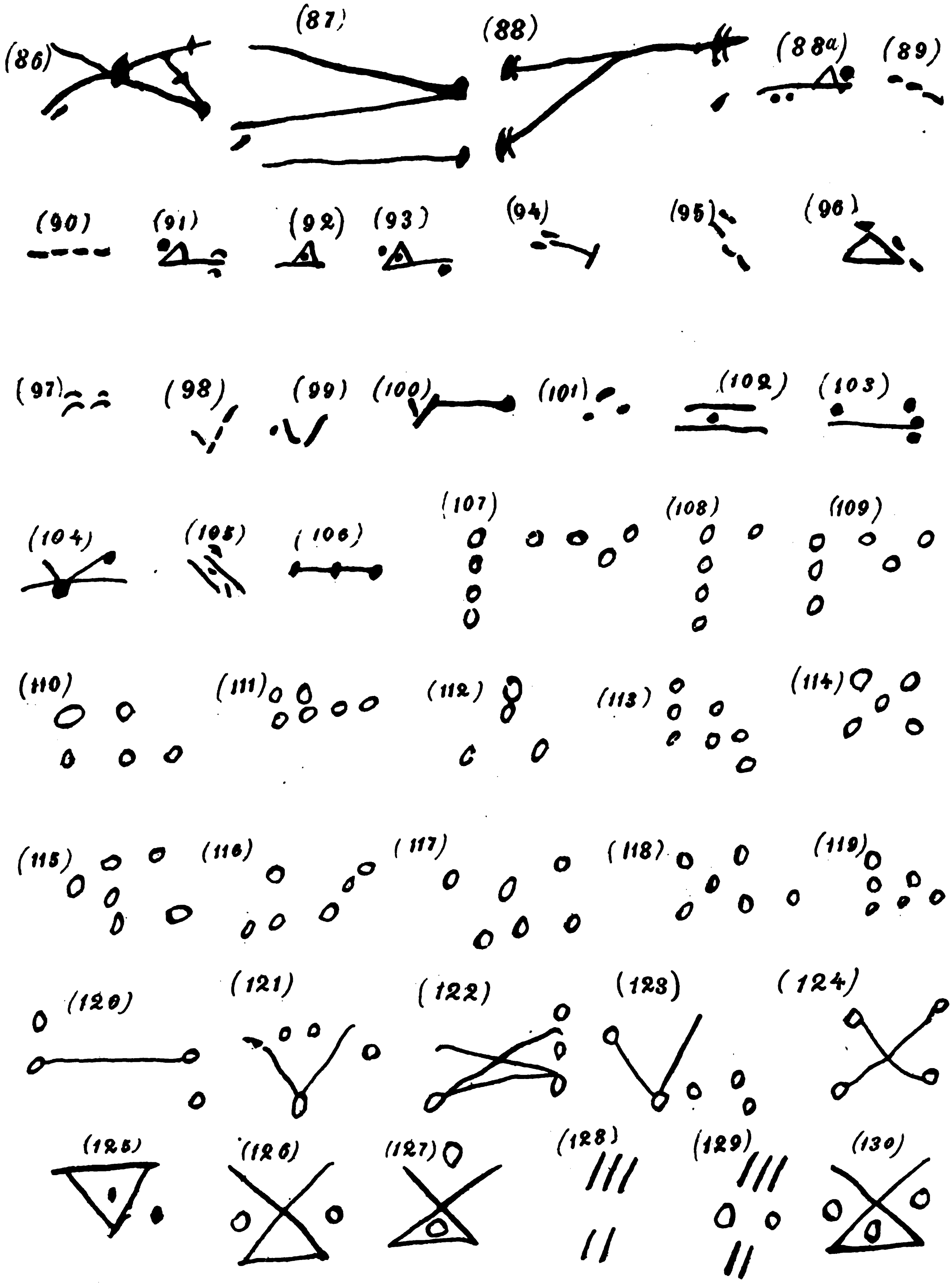
ЗНАКИ СОБСТВЕННОСТИ У МОРДВЫ.

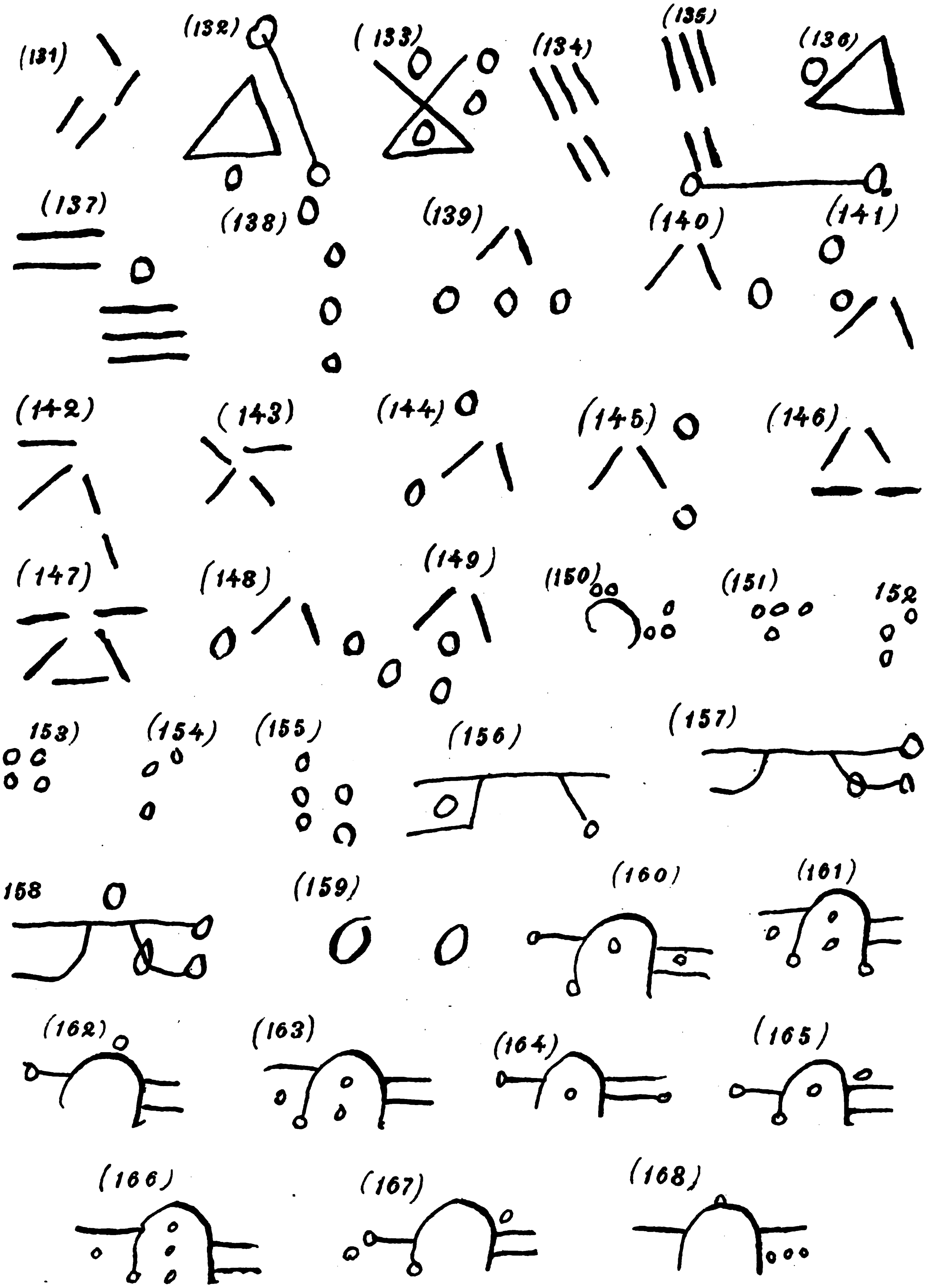

(37) (38) (39) (40) (41) (42) (42a) (43)
(44) (45) (46) (47) (48) (49)
(50) (51) (52) (53) (54)
(55) (56) (57) (58) (59) (60)
(61) (62) (63) (64) (65) (66) (67)
(68) (69) (70) (71) (72) (73)
(74) (75) (76) (77) (78) (79) (80)
(81) (82) (83) (84) (85)

(86)
(87)
(88)
(88a)
(89)
(90)
(91)
(92)
(93)
(94)
(95)
(96)
(97)
(98)
(99)
(100)
(101)
(102)
(103)
(104)
(105)
(106)
(107)
(108)
(109)
(110)
(111)
(112)
(113)
(114)
(115)
(116)
(117)
(118)
(119)
(120)
(121)
(122)
(123)
(124)
(125)
(126)
(127)
(128)
(129)
(130)

(37)
(38)
(39)
(40)
(41)
(42)
(42a)
(43)
(44)
(45)
(46)
(47)
(48)
(49)
(50)
(51)
(52)
(53)
(54)
(55)
(56)
(57)
(58)
(59)
(60)
(61)
(62)
(63)
(64)
(65)
(66)
(67)
(68)
(69)
(70)
(71)
(72)
(73)
(74)
(75)
(76)
(77)
(78)
(79)
(80)
(81)
(82)
(83)
(84)
(85)

(86)
(87)
(88)
(88a)
(89)
(90)
(91)
(92)
(93)
(94)
(95)
(96)
(97)
(98)
(99)
(100)
(101)
(102)
(103)
(104)
(105)
(106)
(107)
(108)
(109)
(110)
(111)
(112)
(113)
(114)
(115)
(116)
(117)
(118)
(119)
(120)
(121)
(122)
(123)
(124)
(125)
(126)
(127)
(128)
(129)
(130)

(131)
(132)
(133)
(134)
(135)
(136)
(137)
(138)
(139)
(140)
(141)
(142)
(143)
(144)
(145)
(146)
(147)
(148)
(149)
(150)
(151)
152
153
(154)
(155)
(156)
(157)
158
(159)
(160)
(161)
(162)
(163)
(164)
(165)
(166)
(167)
(168)

АПОКРИФЫ,

собранные въ Кубанской области.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемые апокрифы уже имѣютъ обширную литературу, такъ что представить въ этомъ отношеніи что-либо оригинальное едва ли возможно. Различіе во вновь отыскиваемыхъ варіантахъ можетъ заключаться здѣсь только въ большихъ или меньшихъ подробностяхъ описываемыхъ новозавѣтныхъ событій, или же въ спеціальныхъ предписаніяхъ и угрозахъ, объявляемыхъ за неисполненіе этихъ предписаній, или, наконецъ, въ свойствахъ апокрифовъ, какъ амулетовъ.

Однакоже, какъ бы ни были разнообразны религіозныя требованія, излагаемыя въ апокрифахъ, большая часть ихъ уже предъявлялась языческимъ міромъ въ связи съ понятіемъ о дняхъ счастливыхъ и несчастливыхъ.

Несчастливыми днями, ἀποφράδες ἡμέραι, какъ извѣстно, считались дни, соотвѣтствовавшіе извѣстнымъ фазамъ луны, а также дни, въ которые производилась казнь осужденныхъ на смерть. Такимъ образомъ, великая пятница, около которой группируются апокрифы и масса повѣрій во всей Европѣ, является несчастливымъ днемъ прежде всего не съ христіанской, а съ языческой точки зрѣнія.

Въ теченіе несчастныхъ дней, ἀποφράδες ἡμέραι, въ Аѳинахъ ни сенаторы, ни судьи не имѣли засѣданій, и вообще въ эти дни, какъ дни несчастливыхъ предзнаменованій, греки остерегались предпринимать что-либо важное. Дни эти были предназначены для погребенія и поминовенія умершихъ, которымъ дѣлались возліянія изъ равныхъ частей меда и вина.

Для нашихъ цѣлей весьма важно свѣдѣніе о томъ, что у древнихъ грековъ несчастливыми днями считались три послѣднихъ дня каждаго 29-дневнаго мѣсяца, посвященные празднованію въ честь подземныхъ боговъ и душъ умершихъ. Зная это и сдѣлавъ интерполяцію въ римско-католическомъ и протестантскомъ календаряхъ, мы увидимъ, что составители ихъ руководились системой греко-языческаго календаря, пріурочивая къ извѣстнымъ числамъ праздники святыхъ, имена которыхъ имѣютъ нѣкоторое созвучіе съ именами или прозвищами языческихъ боговъ, праздновавшихся въ тѣ же числа. Такъ, наприм., въ праздникахъ 7 и 8 чиселъ каждаго мѣсяца, соотвѣтствующихъ послѣднимъ числамъ языческаго мѣсяца, въ указанныхъ календаряхъ бросается въ глаза обиліе именъ, имѣющихъ окончанія: ***бертъ***, ***пертъ***, ***прехтъ***, соотвѣтствующія греческому имени *Πέρθα=Περσεφόνη [1]), Персефоны, превратившейся въ западно-

---

[1]) Первоначально **Κέρθα=Κερόθεα*=„Рогатая Богиня“, откуда въ въ рус. сказкѣ „Лиса Патрикѣевна“ (*Потебня*, О миѳолог. знач. нѣкот. обряд. и повѣр., 136), *Κερδὼ Περιγαία*=собственно: „Рогатая Богиня, вѣчно блуждающая около земли“; ср. *Ἄρτεμις Περγαία* (первонач. *Περιγαία*)=„Вѣчный Жидъ“.

европейскихъ повѣрьяхъ въ св. Берту, играющую роль то нашей легендарной Пятницы, то апокрифической Богородицы.

Самый терминъ апокрифовъ „Богородица“ существовалъ ранѣе введенія христіанства въ Европѣ. Подъ этимъ именемъ (Θεητόκος) у грековъ была извѣстна „Божія Матерь“ (μήτηρ θεῶν θεομήτωρ), „Царица Небесная“ (βασίλισση, κρείουσα 'Ολύμπον), богиня Рея, или „Мать Рея“ (Μᾶ 'Ρεία), которая отожествлялась съ лунными, хтоническими богинями. Поэтому, если въ апокрифахъ употреблены термины: „Божія Матерь“, „Богородица“, то отсюда еще не слѣдуетъ, что мотивомъ къ созданію этихъ апокрифовъ послужилъ христіанскій культъ и что подобный культъ не существовалъ подъ другимъ видомъ ранѣе, въ языческое время [1]).

Перенесеніе культа хтоническихъ богинь на апокрифическую Богородицу, между прочимъ, обнаруживаетъ отразившійся въ нашемъ „Хожденіи Богородицы по мукамъ“ („Страсти Господни“) раздѣлъ земли и природы между святыми. При этомъ раздѣлѣ Богородицѣ достался „проклятый городъ Троянъ“, или же „Индія Проклятая“, „земля Легенская“, „Земля Паливянска“ (*Веселовскій*, Опыты по исторіи развитія христ. легенды, II, 189—190; въ Ж. М. Н. Пр. ч. 189).

Самое содержаніе легенды о раздѣлѣ показываетъ, что всѣ перечисленныя въ ней имена мѣстностей относятся къ одной и той же странѣ, именно къ подземному царству, которое здѣсь названо именами богинь, въ немъ обитавшихъ. Такъ, Индія есть область „Темной“ или „Слѣпой“ 'Αΐδης, 'Αϊδωνεύς (прозвище Персефоны), „Троянъ Проклятый“—„Царицы-Поляницы, богини проклятія, Θ'ρῶ Ἄνα (Θηρόσια Ἄνασσα) 'Αρά (тоже), „земля Легенская“—„Львицы“, Λέαινα (прозвище лунной и хтонической богини Гекаты), „земля Паливянска“--Поливіи, Πολύβοια, сестры Гіакинѳа, взятой на небо и принимавшейся за Артемиду и Кору-Персефону (*Paus.* 3, 19,4; *Hesych.*).

Такое заключеніе подтверждается и великорусскими былинами, гдѣ эти же названія странъ повторяются въ сочетаніи съ другими именами, напр., „земля Веденецкая“ ('Αϊδωνεύς), чаще упоминаемая подъ именами: „Индѣя Богатая, Корела Проклятая“ ('Αΐδης Πλούτων, Κόρα Ἥλια 'Αρά), „Индѣя Богатая, Корела Упрямая“ ('Αΐδης Πλούτων, Κόρα Ἥλια 'Αζηχής, искаженіе первоначальнаго Κόρα Ἥλια 'Αζησία), „Галичъ Проклятая, Индѣя Богатая, Вѳлынъ-городъ“ (Αλεκῶ 'Αρά, 'Αΐδης Πλούτων, Οὖλια Νηΐς, sc. Ἄρτεμις), „городъ Кряковъ, славное село Березово, улица Рогатица“ (Κρατέρος, sc. 'Αιδής, Περσία, sc. Ἄρτεμις, Κερόεσσα, sc. Περσεφόνη) и т. д., и т. д.

Вмѣсто „Паливянской“ земли въ былинахъ упоминается „Палавонская гора“, на которой живетъ отецъ богатыря Святогора (*Гильфердингъ*, № 1). Кромѣ того, въ великорусскихъ загадкахъ упоминается „поле поливанское“, или „колыванское“, какъ символъ звѣзднаго неба (*Даль*, Пословицы, II, 597). И самъ Святогоръ называется *Колывановичемъ* (*Рыбн.* II, № 2).

Затѣмъ, для уясненія смысла апокрифовъ весьма важное значеніе имѣетъ прологъ „небесной эпистоліи“ („Іерусалимскаго листа“, или „свитка“), въ которомъ излагаются обстоятельства, при которыхъ она найдена, и указаны лица, чрезъ руки которыхъ она проходила.

Въ № 2 нашихъ апокрифовъ прологъ скомканъ, и потому не уясняетъ вопроса: извѣстно только, что „листъ“ первоначально появился въ Іерусалимѣ, у гроба Господня, и что его папа римскій перевелъ и послалъ своему брату Королю.

---

[1]) Нагляднѣйшимъ образцомъ смѣшенія личностей Богородицы, Матери Іисуса, и богородицы Реи служитъ повѣрье, разсказанное однимъ екатеринодарскимъ грекомъ:

„Вначалѣ на свѣтѣ была только одна Божія Матерь, которая сперва родила Бога Отца и Бога Сына, а потомъ уже и всѣхъ людей. И такъ какъ все это происходило въ Іерусалимѣ, то тамъ и теперь нѣтъ женщинъ, а если бы какая женщина и осмѣлилась пробраться туда, то она мгновенно умерла бы“.

Смыслъ, разумѣется, здѣсь тотъ, что при существованіи Богородицы, какъ „живоноснаго источника“, женщины оказываются совершенно излишними.

Какъ извѣстно, и Рея считалась матерью боговъ, людей и всего живущаго: *Μήτηρ μέν τε θεῶν ἠδὲ θνητῶν ἀνθρώπων, μήτηρ ἡ πάντων* (*Anth.* app. 249).

Подобно этому разсказывается о мгновенной смерти женщинъ, а также самокъ животныхъ, появляющихся на горѣ Аѳонѣ. И здѣсь повѣрье, очевидно, обязано своимъ происхожденіемъ созвучію именъ—горы *Ἄθων* и олицетворенной земли—богини *Χθών*, матери титановъ и сиренъ.

Въ № 3 также указывается, что „свитокъ“ спалъ съ неба въ камнѣ „во св. градѣ Іерусалимѣ“, и что камень развалился только на четвертый день по молитвѣ патріарха со всѣмъ соборомъ.

То же разсказывается и въ греческомъ текстѣ, собранномъ Фабриціемъ, при чемъ названы города Іерусалимъ и Виѳлеемъ, какъ мѣста паденія камня, и патріархъ Іоанникій, какъ современникъ событія (*Веселовскій*, Опыты, II, 69, въ Ж. М. Н. П. ч. 184).

Въ эпистоліи, распространявшейся французскимъ епископомъ Адальбертомъ, упомянуты слѣдующія имена: In Dei nomine incipit Epistola Domini nostri Iesu Christi filii Dei, qua(e) in *Hierosolyma* cecidit, et per *Michael* Archangelum inventa est ad portam *Ephrem*, et per manus sacerdotis nomine *Leora* epistola ista relata fuit et exemplata, et transmissit eam ad *Hieremiam* civitatem ad alium sacerdotem nomine *Talasium*, et ipse Talasius transmissit eandem ad *Araviam* civitatem ad alium sacerdotem *Leobanium*, et ipse Leobanius transmissit istam *Veifaviam* civitatem, quam recepit *Macherius* sacerdos Dei et transmissit in montem sancti *Michael* Archangeli. Et ipsa Epistola per manus angeli Domini pervenit ad *Romanam* civitatem ad locum sepulcri Sancti *Petri*, ubi claves regni caelorum constitutae sunt: et duodecim papati, qui sunt in Romana civitate, triduanas fecerunt vigilias, et in jejuniis et orationibus permanserunt diebus et noctibus. (*Fabricii*, Cod. Apocr. novi testamenti [Hamburgi, 1703], I, 309 = *Весел.*, о. с. 70—1).

Почти такое же начало имѣетъ эпистолія, приложенная Балюзіемъ къ Ахенскому капитулярію и затѣмъ напечатанная тѣмъ же Фабриціемъ:

Incipit epistola Salvatoris Domini nostri Jesu Christi, filii Dei, quae in *Hierosolymis* cecidit, *Michael* ipsam deportavit, et inventa est ad portam *Efrem* per manus sacerdotis nomine *Eros*. Et ipsa epistola ad *Erim* civitatem directa est ad alium sacerdotem nomine *Leopas*. Leopas vero direxit ipsam Epistolam ad *Cappadociam*... (*Fabric.*, l. c.).

Для уясненія значенія перечисленныхъ здѣсь мѣстностей и лицъ, необходимо принять во вниманіе, что греки были большіе любители игры словъ; многіе греческіе миѳы могутъ быть объяснены только при помощи раскрытія этой игры [1]). Но кромѣ умышленной игры словъ, должна была существовать и неумышленная, обязанная своимъ происхожденіемъ различію произношенія однихъ и тѣхъ же словъ представителями различныхъ греческихъ нарѣчій и обусловленному этимъ звуковому совпаденію словъ, отличныхъ и по происхожденію и по значенію.

Эта игра словъ отразилась въ русскихъ сказкахъ, пѣсняхъ, былинахъ и апокрифахъ, заимствованныхъ съ греческаго. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ особаго вниманія слово πόλος= „небо“, часто замѣняемое словомъ πόλις=„городъ“. Именно, къ этому πόλις должно восходить и слово civitas приведенныхъ выше апокрифовъ, означающее также „городъ“.

Городъ Іерусалимъ, Hierosolyma, играющій важную роль не только въ апокрифахъ, но и въ былинахъ, отожествляется съ Царьградомъ [2]). Для грека, привыкшаго къ игрѣ словъ, городъ Іерусалимъ могъ быть понятъ, какъ „небо Богини Любви, Небесной Матери“, Ἔρως, Σαυλόμα (шепелеватая форма отъ Σαυρόμα = „Небесная Мать“), т.-е. небо, охваченнное зарей, такъ какъ богиня любви Афродита считалась богиней утренней и вечерней звѣзды и зари (Ῥοδοδάκτυλος Κύπρις). Въ другой разъ богиня любви принята въ смыслѣ богини зари въ апокрифическомъ житіи св. Андрея Первозваннаго, гдѣ имя ея заключается въ названіи города Iericho, или Rochon, получившаго свое названіе отъ греч. * Ἐρῦχος или Ἐρώοχος = „Владычица Любви“, отразившагося въ имени бѣлорусскаго свадебнаго бога „Любмѣла“ (*Фаминцынъ*, Божества древн. славянъ, I, 260).

И самыя имена: Ἀφροδίτη, * Ἐρῦχος, * Ἐρώοχος, чрезъ посредствующія формы. * Αὐροδίτη, * Εὐρῦχος, * Εὐρόοχος = („Владычица Зари“), греческая народная этимологія могла связывать съ словами: * Ἄφωρ (= Αὔως), * Εὔωρ (Εὔως) = „Заря“.

[1]) Напримѣръ, походъ журавлей на пигмеевъ, гдѣ смѣшаны слова: γέρων = „старикъ“ и γέρανος = „журавль“, и заимствованная съ греческаго малорусская сказка „про журавля, щò жінку укравъ“. (*Чубинскій*, II, № 66).

[2]) А. Н. Веселовскій, повидимому, такое отожествленіе считаетъ просто механическимъ смѣшеніемъ (См. его Южно-рус. былины, I, 56).

Съ той же точки зрѣнія и *Царь-городъ* для грека долженъ былъ означать „небо Царицы" (*Ἄνασσα*), подъ именемъ которой также была извѣстна богиня зари [1]).

Послѣ такихъ разъясненій становится само собой понятнымъ, что имя апокрифическаго священника *Eros* восходитъ къ имени богини любви Ἔρως, какъ искаженію первоначальнаго Ἕως.

„Ворота Ефремовы", porta Efrem, также относятся къ области богини зари, какъ это видно изъ слѣдующаго. Въ малорусскомъ сказаніи о Михайликѣ (см. *Веселовск.*, Ю.-рус. былины, I) заря носитъ названіе „золотыхъ воротъ", χρυσέαι πύλαι, представляющее шепелеватую форму отъ χρύσεα πυρά = „золотые огни".

По мнѣнію нѣкоторыхъ изъ греческихъ авторовъ, городъ Ефесъ, Ἔφεσος, названъ по имени одной амазонки [2]), а это даетъ намъ основаніе предполагать, что имя зари-Амазонки—Ἕως, кромѣ указанныхъ выше альтернацій: ἤως, ἄως, αὔως, ἄωρ, имѣло еще и альтернацію * ἔφως и оттуда дорич. * ἔφωρ, которая должна была дать основу * ἐφρο—, или εὐρο—. Къ этой именно основѣ въ малорусскихъ колядкахъ восходитъ образъ дѣвицы, шьющей и *золотящей ширинку*, εὖρος, и въ то же время стерегущей яблоки, садъ-виноградъ и проч. (См. *Потебня*, Объясненіе малорус. и сродн. народн. пѣс. II, XXXVI).

Всѣ эти данныя даютъ намъ основаніе думать, что названіе „воротъ Ефрема" восходитъ къ названію огней (πυρά) богини зари (* Ἔφωρ).

Изъ другихъ именъ, упоминаемыхъ въ „эпистоліи", наиболѣе распространены: папа Левъ и его братъ Король или Карлъ [3]); въ приведенныхъ же выше латинскихъ текстахъ, вм. папы Льва является Leopas и, вѣроятно, въ искаженномъ видѣ, Leora, а также Leobanius.

По поводу упоминанія именъ папы Льва и короля Карла, А. Н. Веселовскій замѣчаетъ: „Если вспомнить извѣстную въ средневѣковой романтикѣ легенду о томъ, что папа Левъ III былъ братомъ Карла Великаго, то и самое опредѣленіе *брата* станетъ намъ понятнымъ. Такимъ образомъ подробности польскаго пересказа не только указываютъ на его западный оригиналъ, но и открываютъ въ этомъ оригиналѣ особую разновидность древней эпистоліи, въ которой дѣйствующими лицами являлись папа Левъ III и Карлъ Великій. Какъ произошла эта редакція? Въ Каролингскихъ капитуляріяхъ мы встрѣтили церковный запретъ противъ отреченной эпистоліи; въ народныхъ разсказахъ о Карлѣ Великомъ идетъ рѣчь о чудесной хартіи, сосланной съ неба святому Эгидію и разрѣшавшей грѣхи императора. Можно предположить, что перенесеніе эпистоліи на Карла Великаго совершилось подъ впечатлѣніемъ легенды о св. Эгидіи, какъ изъ той же романтики перешла въ разбираемую нами редакцію посланія память о родственной связи императора и папы". (*Весел.*, Опыты, II, 103—4).

Объясненіе это не удовлетворяетъ насъ въ томъ отношеніи, что оно не объясняетъ, почему именно средневѣковая романтика сочла необходимымъ установить родство между папою

---

1) Въ этомъ смыслѣ слово *Ἄνασσα* употреблено въ колядочномъ припѣвѣ, переведенномъ на малорусскій языкъ. Въ искаженномъ видѣ:

Нечорно, нечорно перо
По коныкови (коныку,конычeньку) полегло=
Ἀορφναῖος, ἀορφναῖος δόναξ
Ἐν ἵππῳ κεκειμένος!
(*Головацк.*, IV, 43, 277; *Чуб.* III, 277).

Должно быть:

Молодая Заря, Молодая Заря,
Огненная Царица-Амазонка =
Ἄωρ Ναΐς, Ἄωρ Ναΐς
Ἄνασσα Ἐνίππος Κεχυμένη!

Ἄωρ—дорическая форма отъ *ἄως, ἤως; δόναξ*—искаженіе эол. *ὄνασσα=ἄνασσα; κεχυμένη*—сокращеніе отъ *κεχαυμένη*.

2) См. *Pape's*, *W. Dr.*, Wörterb. d. griech. Eigennamen, s. v. *Ἔφεσος*.

3) Ср. польскій текстъ: Te słowo Boże święte na ten świat zesłane ad samego Pana Boga Lwowi Papieżowi, a Lew Papież posłał bratu swemu Królowi naprzeciwko nieprzyjaciołom onego.. (*Весел.*, Опыты, II, 102=Latopisiec albo kronika Ioachima Jerlicza [1853], II, 41 sq.).

Львомъ и Карломъ, и почему именно къ послѣднему, а не къ кому-либо другому пріурочены извѣстныя событія. Словомъ, данныя средневѣковой романтики и данныя эпистоліи должны вытекать изъ одной побудительной причины и относиться однѣ къ другимъ, какъ результаты особой причины, а не какъ причина къ слѣдствію. Для объясненія же этой причины необходимо снова обратиться къ былинной номенклатурѣ.

Въ былинахъ весьма часто упоминается богатырь Алеша Поповичъ или Левонтьевичъ, сынъ ростовскаго попа Левонтія, въ малорусскихъ думахъ извѣстный подъ именемъ Олексія Поповича (Ἀλεξίκακος Παππούλος). Это Гермесъ великорусскихъ былинъ, сынъ *Папы-Маи* [1]), которая, отожествляясь съ Персефоной, называлась „Небесной Львицей“, Πάππα ἡ τοῦ σταυροῦ λέων [2]).

О связи имени *Leopas*, соотвѣтствующаго имени „Попа Левонтія“ и восходящаго къ имени Папы-Львицы, съ греко-языческой миѳологіей, по моему мнѣнію, должны свидѣтельствовать также и слѣдующія данныя. Въ Лохвицкомъ уѣздѣ, на масленипу дѣлаютъ *Льопу*, т.-е. куклу, имѣющую голову изъ рѣдьки, обмотанную прядевомъ и осмоленую. Нарядивши Льопу, ее сажаютъ на санки, въ теченіе всей масленицы возятъ по шинкамъ, а на заговѣнье сожигаютъ [3]).

Очевидно, Льопа здѣсь имѣетъ значеніе потопляемой въ другое время Маринки (Μᾶ Ἐρινύς=„Матери Эриніи“) и сожигаемой Костромы (*Κωστρωμᾶ, *Καυστρομᾶ, отъ καίω=„жечь“ [4]).

Такимъ образомъ, авторъ эпистоліи, вводя въ прологъ папу Льва, восходящаго къ Папѣ-Львицѣ, этимъ самымъ заставляетъ, очевидно, еще жившую въ народной памяти богиню санкціонировать празднованіе дней, связанныхъ съ евангельскими событіями, такъ, какъ предками праздновались ἀποφράδες ἡμέραι.

При такомъ объясненіи и имя *Король* или *Карлъ*, Carolus, должно имѣть миѳическое значеніе и восходить къ греч. Κόρα Ὄλια (эол. форма отъ Κόρα Ἥλια v. Ἅλια)=„Свѣтлая Кора“,или „Свѣтлая Дѣва“ [5]).

Въ данномъ случаѣ, конечно, слѣдуетъ разумѣть „Дѣвицу-Зарю“. Въ такомъ мнѣніи утверждаетъ насъ великорусское „Слово о листѣ, како сосланъ отъ Господа Бога Леонови папежу, а папежъ послалъ брату *королю Савѣ* оставши противъ непріятеля своего“ (*Веселовскій*, *Опыты*, II, 353=рукоп. Ундольскаго, № 1137).

Для объясненія имени *Сава* могутъ служить слѣдующія данныя. Какъ уже было замѣчено, названіе зари Ἕως имѣло дорическую форму Αὔως. Въ виду того, что дорическое нарѣчіе, подобно нашему церковнославянскому, благодаря обилію въ немъ архаизмовъ, считалось наиболѣе приличнымъ для пѣснопѣній въ честь боговъ, можно полагать, что форма Αὔως была широко распространена и смѣшана съ другими созвучными словами. Этимъ смѣшеніемъ можно объяснить то обстоятельство, что богиня Зари имѣла отразившіяся въ апокрифахъ и сказкахъ названія: коренное—Ἄνασσα Αὔως=„Царица Заря“ и искаженныя—Ἄνα[σσα] Σαῦα=„Царица Савская“, т.-е. „Небесная“, Ἄνα [σσα]Σοφά=„Премудрая Царица“, или „Царевна“ и т. д.

Такимъ образомъ подъ *королемъ Савою* разумѣется царица зари Αὔως.

Доказательствомъ этого положенія могутъ служить и другія собственныя имена, упомянутыя въ прологѣ эпистоліи. Такъ, въ Адальберговскомъ спискѣ упоминается священникъ Таласій, sacerdos Talasius, которому первоначально было послано письмо Леоромъ; подъ именемъ же Θαλασσαίη=„Морская“ была извѣстна Афродита, богиня зари (*Nonn.* 6, 308).

---

[1]) Выраженія: *Πάππα* и *Μαῖα* означаютъ: „Великая“, или „Старая Мать“. Въ великорусскихъ былинахъ Папа-Мая называется *Бабицей-Мамаишной*.

[2]) *Σταυρός* (=собств. „тынъ“, „колъ“, „частоколъ“) представляетъ осмысленіе словъ *σαῦρα, σῶρα, σοῦρα* — санскритск. svarga, „небо“. Въ малорусскихъ однородныхъ колядкахъ Гермесъ называется то „Поповичемъ“, то „Маемъ“, или „Майномъ“ (*Μαιαδεύς*). (*Купчанко*, № 331; *Головацкій*, IV, 71).

[3]) Свѣдѣнія эти сообщила мнѣ въ февралѣ 1895 г. г-жа А. С. Залѣсская.

[4]) Ср. *Zibrt Čeněk. Dr.*, Vynášení „Smrti“ a jeho výklady (Otisk z Českého Lidu, II, 5).

[5]) Ср. прозвища Аѳины—богини-зари: *Ἀλαλκομενηΐς* (=*Ἅλια Καομένη Νηΐς*)=„Свѣтлая Огненная Наяда“, *Ἀλέα Ἀλέη*, *Ἀλία* (=*Ἅλια?*)=„Свѣтлая?“ а также въ малорус. пѣсняхъ: „Зоря Йелецькая“, или „Зоря Галыцькая“, *Ἕως Ἥλια, v. Ἅλια* (*Гринч.*, III, № 1477; *Етногр. Збірн.* V, стр. 28, № VIII; въ малорусск. свад. пѣсн. и колядк. „куныця“, *μαλῆ* (= первонач. *ἅλια*), mustela.

Въ малорусскихъ колядочныхъ припѣвахъ обыкновенно *Море* упоминается рядомъ съ *Зарею*, напр.

Дунаю, гей, Дунаю-Море,
Ганусю-Зоре!

чтó въ греческомъ оригиналѣ должно было звучать такъ:

Ἀθαναΐς Ἕω, Ἀθαναΐς Θάλα' (Θαλλώ?=Θᾶ Ἄλια) Ἄνασσα Ἕω!
Аѳина Заря, Аѳина Свѣтлая Богиня, Царица Заря!
(*Голов.* II, 80 № 14; ср. 75 № 19; 88 № 36; 141 № 1).

Въ томъ же смыслѣ Море упомянуто въ слѣдующемъ припѣвѣ малорусской щедривки:

Въ искаженномъ видѣ:	*Должно быть:*
Ей грай, море,	Свѣтлая Заря, Свѣтлая Богиня,
Вьикъ да викомъ,	Заря Богиня, Заря Наяда,
На воду злегла (!).	Огненная Изида-Подательница!
Ἕω αὔλει, θάλά,	Ἕω Ἄλια, Θᾶ Ἄλια,
Αἰὼν Θᾶ αἰῶνι,	Ἕω Θᾶ, Ἕω Νηΐς
Εἰς ὕδωρ κεκειμένη.	Ἰσιδώρα κεκυμένη!

(*Гринченко*, III, 53 № 82; ср. 54 № 85).

Такимъ образомъ, имя апокрифическаго Таласія восходитъ къ имени греческой богини зари: Θᾶ Ἄλια=„Свѣтлая Богиня“ [1]).

По упомянутому выше польскому списку, list ten znaleziony w ziemi Brytańskiéj na górze Oliwnej (l. c.), а по нашему списку (№ 2), „въ землѣ Греческой, на горѣ Еліонской, предъ соборомъ архистратига Михаила, архангела Гавріила“. По третьему списку, доставленному изъ Валуйскаго уѣзда, прологъ слѣдующій: „1879 року квітня 23 дня. Копія—святе пісьмо. Це пісьмо найдене въ землі Британськi, на горі Таборі, підъ образомъ святителя Миколи, котре заславъ Самъ Господь Ісусъ Христосъ...“ (Рукопись П. К. Тарасевскаго, доставленная въ 1895 г.) [2]).

Изъ этихъ сопоставленій видно, что земля Греческая признается эквивалентомъ земли Британской, а гора Oliwna или Еліонская—эквивалентомъ горы Табора, а такое отожествленіе могло произойти только на миѳологической почвѣ,

Выраженіе: „земля Греческая“ соотвѣтствуетъ греческому Ἑλλάς, возводимому къ одному корню со словомъ ἥλιος=„свѣтлый“; къ тому же корню народная этимологія должна была возводить и названіе горы „Еліонской“ или „Оливной“ Ἐλαιήεις [3]).

Названіе „Британской земли“, въ свою очередь, стоитъ въ связи съ греч. Βριγία = Φρυγία, прозвищемъ богини Реи, отожествлявшейся съ Афродитой, богиней Зари.

Затѣмъ бросается въ глаза созвучіе „*Собора* архистратига Михаила“ и названіе горы *Табора:* это созвучіе даетъ основаніе заподозрить въ словѣ *Соборъ* собственное имя, и такое подозрѣніе тѣмъ болѣе основательно, что въ великорусскихъ былинахъ мы встрѣчаемъ богатыря съ именемъ *Собора* (*Гильферд.* № 33).

Что же касается горы *Табора*, то это есть гора Ѳаворъ, Thabor, по западно-европейской транскрипціи [4]). Эта гора упоминается въ связи съ Хевраномъ, Ebron, въ вульгарной легендѣ

---

[1]) Египетская Изида отожествлялась съ греческими богинями: Іо, Персефоной и Аѳиной.

[2]) По поводу редакціи письма П. К. Тарасевскій замѣчаетъ: „Воно написано на московські мові, ну а я написавъ по свойому, бо для мене кажицьця такъ понятнішъ буде, хто прочита тогó, що тамъ написано якось нисхладно чи по-московськи, че Богъ його зна й якъ“.

[3]) Ср. эол. Ὄλιος=ἥλιος—эпитетъ Аполлона, неправильно производимый отъ ὄλλυμι.

[4]) Нѣтъ сомнѣнія, что варіантъ Тарасевскаго представляетъ переводъ со списка, близкаго къ польскому.

о происхожденіи крестныхъ древъ, напечатанной Meyer'омъ и приводимой А. Н. Веселовскимъ *(Весел.*, Разыск. X, 391—2). Само собой разумѣется, что и Таборъ и Хевронъ привлечены въ апокрифы по созвучію съ αὔωρ или εὔωρ=„Заря“.

Имя архистратига Михаила въ бѣлорусскихъ заговорахъ упоминается рядомъ съ названіями „Усіянской (=Возсіянской горы“, „Сіянь-моря“, или „Сіяньскаго моря“). *(Романовъ*, Бѣлорус. Сборн. V, 130 № 34; 189 № 8; 191 № 14), а это даетъ намъ основаніе отожествлять гору Оливную или Еліонскую и гору св. архангела Михаила (mons sancti Michael Archangeli) съ „Сіяньгорою“ и возводить всѣ эти названія къ греч. Ἥλιος (= дорич. Ἅλιος, эол. Ὅλιος) = „Свѣтлый“, „Сіяющій“.

Самое слово „гора“, ὄρος, въ греческомъ могло быть смѣшано съ словомъ ἦωρ или αὔωρ=„заря“, и если въ данномъ случаѣ дѣйствительно произошло или умышленно произведено такое смѣшеніе, то названіе Еліонской или Оливной горы восходило бы къ названію „Свѣтлой Зари“, Ὄλια (Ἅλια, Ἥλια) Αὔωρ.

Имя ***Михаилъ*** въ апокрифахъ и великорусскихъ былинахъ обыкновенно замѣняетъ греческое Μέγας (основа: μεγαλ-)=„Великій“; такъ, подъ именемъ богатыря ***Михайла Потыка*** или ***Потока*** въ великорусскихъ былинахъ извѣстенъ греч. богъ Діонисъ, по прозванію Μέγας Ποτῦχος или Ποτόχος [1]) =„Великій Вдадыка попоекъ“; онъ же въ малорусскомъ сказаніи о „золотыхъ воротахъ“ носитъ имя „Мыхайлыка“, „Мыхайлятка-Дытятка“, Μέγας Κόρος, Μέγας Νεοσσός, т.-е. „Великаго Юноши“, [2]) или „Михайла Даниловича“, т.-е. ***Великаго сына Подземной Наяды*** (Οὐδανῆϊς), въ малорусской сказкѣ (Чуб. II, № 74), превратившейся въ *Стерво*, Οὐδεμία. [3])

Что же касается названія ἄγγελος, пріурочиваемаго архистратигу Михаилу, то это названіе носили также: Гермесъ, вѣстникъ боговъ, и Афродита, богиня зари, какъ вѣстница утра. Въ „Словѣ св. отца Пахомія о средѣ и пяткѣ“ эти дни олицетворяются ангелами *(Веселовскій*, Опыты II, 191), и такое олицетвореніе могло произойти только потому, что среда въ западной Европѣ носитъ имя вѣстника Гермеса (dies Mercurii, Mercredi), а пятница—имя Венеры-Афродиты (dies Veneris, Vendredi). Въ флагеллантскомъ пророчествѣ Конрада Шмидта также упоминается Ангелъ—Пятница, Venus der engil *(Весел.* о. с. 234).

При такомъ объясненіи и имя архангела Гавріила, стоящее рядомъ съ именемъ Михаила, можетъ быть понято не какъ самостоятельное имя, но какъ эпитетъ перваго, соотвѣтствующій греческому Ἁβρά=„Нѣжная“—прозвище харитъ и ихъ предводительницы богини Афродиты [4]).

Всѣ эти соображенія, въ связи съ нашими свѣдѣніями объ употребленіи греками игры словъ, даютъ намъ основаніе полагать, что авторъ апокрифа, вводя въ его текстъ имя архангела Михаила, имѣлъ въ виду „Великую Вѣстницу Афродиту“.

Затѣмъ въ Адальберговскомъ спискѣ остаются неразъясненными имена городовъ: ***Arabia***, ***Ґeifavia***, ***Romana***, а также имя священника ***Macherius***.

Слово Ἀράβιος=„Аравитянинъ“ греками смѣшивалось съ Ἀραβεύς, представляющимъ альтернацію слова Ἐρεβεύς=„Эребскій“. Такъ, Діонисъ Эребецъ (Διόνυσος χθόνιος) въ галицкой пѣснѣ извѣстенъ подъ именемъ „Орябычокъ Птачокъ“ *(Головацкій*, III, 228 № 98), Ὀραβεύς Νεοσσός (=собственно „Эребскій Юноша“) [5]).

Уже на греческой почвѣ названіе Ἐρεβεύς принималось за обозначеніе народности. Образецъ такого смѣшенія названій между прочимъ представляетъ греческая былина о Дигенисѣ, начинающаяся слѣдующими словами: Οἱ Σέρβοι κ'οἱ Σαρακηνοὶ κ'οἱ Μῶροι γάμο κάνουν=„Сербы и саракины и мавры устроили свадьбу“ *(Деступисъ*, Разысканія № 2). Σέρβοι въ этомъ случаѣ—Ἐρεμβοί, миѳическій народъ передней Азіи, принимавшійся то за арабовъ, то за индійцевъ, или

[1]) Онъ же въ апокрифѣ *Михаилъ изъ Потуки*.

[2]) Ср. его же имя *Орябычокъ-Птачокъ*, *Ὀραβεύς(=Ἐρεβεύς) Νεοσσός*=„Эребскій Юноша“ *(Голов.* III, 228 № 98).

[3]) Ср. выраженіе: *Οὐδεμία εἰμί*=„быть мертвой“.

[4]) Въ бѣлорус. заговорахъ упоминается царица змѣй Хавра *(Роман.* I. с. 181 № 92; 195 № 104).

[5]) Болѣе обычнымъ прозвищемъ Діониса было *Ἐρεβίνθιος* или *Ἐρεβίνθινος*=„Гороховый“ (Zenob., 3, 83), по смѣшенію словъ *Ἔρεβος*=„Эребъ“ и *ἐρέβινθος* или *ὄροβος*=„горохъ“.

индійскихъ арабовъ, 'Ινδοὶ 'Αράβιοι, то за эѳіоповъ; Σαρακηνοί=*Σαυροκυνές=„Небесныя собаки"; [1]) Μῶροι=„Темные". Предполагать здѣсь дѣйствительную связь между сербами, сарацинами и маврами, какъ историческими народами, нѣтъ никакихъ основаній [2]).

Въ другой греческой былинѣ аравитяне и сарацины упомянуты рядомъ, очевидно, какъ синонимы: „Разоряютъ саракины, разоряютъ аравитяне, разоряютъ Андроника" *(Дестунисъ*, Разысканія № 14) [3]).

Смѣшеніе словъ 'Ερεβεύς и 'Αράβιος отразилось и въ имени Травина, упоминаемаго въ великорусской скоморошеской пѣснѣ, представляющей одинъ изъ многочисленныхъ варіантовъ мотива о похищеніи Персефоны Плутономъ и о возвращеніи ея Діонисомъ.

Въ пѣснѣ разсказывается, что „на старой Канакжѣ (Ἄνασσα sc. Ἑκάτη) ставилъ плужокъ Потанька (по былинамъ „Хроменькій")('Αφθάς = Ἥφαιστος). Въ этотъ плужокъ попалъ „мизиннымъ перстичкомъ" молодой Травинъ или Травникъ (Κόρος v. Νεοσσός 'Αράβιος). Вырвавшись оттуда, онъ залетѣлъ въ московскій кабачокъ, гдѣ былъ пойманъ и посаженъ въ тюрьму. Выпущенный оттуда, онъ полетѣлъ на старую Канакжу „ко Семену Егупьевичу (Σεμνὸς Αἰγύπτιος=„Черному Чернышу", т.-е. Плутону [4]), и ко Марьѣ Алѳерьевнѣ (Μᾶ 'Ρέα 'Ελευθερία = „Разгульной Матери Реѣ") и ко Аннѣ Семеновнѣ" (Ἄνα[σσα] Σεμνή), подъ именемъ которой разумѣется отожествлявшаяся съ Реей „разгульная" Персефона, дарившая любовь то Плутону, то Діонису [5]).

Названіе города *Romana*, извѣстнаго въ греч. былинахъ подъ именемъ Романіи, 'Ρωμανία *(Дестунисъ*, о. с. № 15), происходитъ отъ сложнаго имени богини зари: Ἔρως Μὰ Νέη=„Богиня Любви—Молодая Мать", т.-е. по своей этимологіи городъ Романія оказывается тожественнымъ съ Іерусалимомъ народной этимологіи. Эта же этимологія объясняетъ и названіе Византіи „Новымъ Римомъ".

Значеніе имени города Veifavia мнѣ неизвѣстно.

Имя священника *Macherius*, очевидно, стоитъ въ связи съ греч. Μᾶ Χήρα=„Мать Вдова". Слово „Вдова" въ миѳическомъ смыслѣ весьма часто упоминается въ русскихъ пѣсняхъ, гдѣ она чередуется съ „Купалкою" *(Головацкій*, II, 677 № 2; рядомъ *Шейнъ*, Б-рус. пѣс. № 220, ср. № 219), а также въ греческихъ и великорусскихъ былинахъ, гдѣ она болѣе извѣстна подъ именемъ „Честной Вдовы", Σεμνὴ Χήρα. Слово σεμναί=„честныя" было обычнымъ прозвищемъ Эриній, которыя отожествлялись съ Керами [6]).

---

[1]) Адскими собаками, какъ извѣстно, назывались Эриніи, сопутницы Персефоны, а „собаками Персефоны"—планеты.

[2]) Проф. Дестунисъ „недоумѣваетъ" по поводу замѣчаемаго въ греческихъ былинахъ пріуроченія ѳессалійскихъ и македонскихъ мѣстныхъ названій къ Аравіи (Разыск., стр. 32); это служитъ наилучшимъ доказательствомъ того, что здѣсь рѣчь идетъ не о дѣйствительной, а о миѳической Аравіи.

[3]) Проф. Дестунисъ въ своихъ „разысканіяхъ" о греческихъ былинахъ не одинъ разъ противопоставляетъ саракинъ, какъ враговъ христіанъ. Такъ, Ксанѳинъ, воюющій съ саракинами, названъ „представителемъ греко-христіанскаго міра" *(Дест.*, о Ксанѳинѣ, стр. 5), хотя ни въ одной изъ разобранныхъ имъ былинъ не упомянуто имя *христіанъ*, да и не могло быть упомянуто, потому что происхожденіе этихъ былинъ, какъ обнаруживается изъ ихъ содержанія, относится къ періоду матріархата. Вдобавокъ, въ былинѣ, описывающей устройство брака саракинами, сербами и маврами, не только саракины, но и христіане-сербы названы „погаными". „Ну-те, саракины поганые, ну-те, сербы поганые, какого это я жениха убилъ, какую невѣсту отнялъ?" Это выраженіе показываетъ, что въ основѣ былинъ, упоминающихъ сербовъ и саракинъ, лежитъ не христіанская, а языческая миѳологія, изображающая, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, борьбу свѣта съ тьмой, представителей дня, или солнца, съ представителями ночи. Значеніе саракинъ, какъ „небесныхъ собакъ" подтверждается и тавтологическимъ выраженіемъ другой греч. былины: „Саракины-собаки"=*Σαυροκυνὲς κυνές (Дестунисъ*, Разысканія, № 21, стр. 103; въ № 18 съ ними смѣшаны по созвучію „франки-собаки")

[4]) Слово *Αἰγύπτιος* употреблялось греками въ смыслѣ „черный", т.-е. какъ у насъ слово „цыганъ" (Ср. у Папе s. v. *Αἰγύπτιος*: *Αἰγύπτιος κλημματίς*, d. h. lang und schwarz, vom Chrysipp. D. L. 7, 1. Demetr. eloc. 172, Suid.).

[5]) Въ малорусскихъ пѣсняхъ она подъ именемъ Семеновой „жінки Катеринки" (*Αιδερινύς* — Адской Эриніи) „гуляйе зъ москалями". Такимъ образомъ предположеніе проф. Сумцова, что Семенъ Егупьевичъ тесть Травина, а Анна Семеновна—дочь перваго, не имѣетъ прочныхъ основаній (См. *Сумцовъ*, Пѣсни о Травинѣ).

[6]) Ср. у Aesch. Sept. 1055: *Κῆρες Ἐρινύες*.

Въ греч. былинѣ названіе Эриній: Σεμναὶ Ἐρινύες, Συροαραὶ Κύνες = „Честныя Эриніи, Небесныя Ары-Собаки“, искажено въ *τὰ στεμνορύμνια, τὰ ξηροράκια*. Проф. Дестунисъ и акад. Веселовскій, не видя здѣсь искаженій, переводятъ это мѣсто такъ: „А коли-то раззадорятъ меня—такъ я и на Сирію налягу: *закоулки* Сиріи головами пополню, *сухіе гребни* Сиріи я кровью наполню“. (*Дестунисъ,* Разыск., № 21, стр. 106; *Веселовскій,* Ю.-рус. был. III, 8). *Сирія,* какъ я уже указалъ выше, является замѣной слова: *σαύρα*=„ночное небо“.

Приведенная здѣсь похвальба греч. богатыря Армури повторяется и въ великорусскихъ былинахъ, гдѣ богатыри похваляются „прибить всю силу небесную“, и сама Афродита (по Гезихію) носила названіе Эриніи. Эти данныя даютъ намъ основаніе полагать, что имя Macherius подразумѣваетъ имя Эриніи-Афродиты, прошедшее черезъ посредствующія Μᾶ Κήρ и Μᾶ Χήρα.

Имя патріарха *Іоанникія,* упоминаемаго въ греч. текстѣ эпистоліи, также даетъ основаніе заподозрить намекъ на имя „Царицы Зари“, Ἠὼς Ἄνα[σσα]. Въ греческомъ эпосѣ также упоминается „Чудесный Іоанникій“ (*Дестунисъ,* Разысканія, стр. 65), рядомъ съ которымъ слѣдуетъ поставить „Чудесную“ (θαυμακίτη) Афродиту и Чудо-Юдо великорусскихъ сказокъ.

Славянскія сказанія о пятницахъ извѣстны въ двухъ редакціяхъ: одна, внесенная въ легенду о преніи Елевѳерія съ Тарасіемъ, называется елевферьевскою, и другая, приписываемая Клименту, папѣ римскому,—климентовскою. И въ данномъ случаѣ собственныя имена лицъ и мѣстностей, упоминаемыхъ въ сказаніяхъ, восходятъ къ именамъ языческихъ богинь. Такъ, въ рукописи Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря XV вѣка прологъ сказанія имѣетъ такую редакцію: „Сказаніе о ҃ві пѧтниць, ѡбрѣтеніе Елоферіа, ѳилософа иже обрѣте в западнои странѣ“.

Въ земли *Саоуръ* бы҃ гра҃ великъ имѧнемъ *Штиталь* внемже живѧше множество жидовъ при Киринѣ цари“. (*Веселовскій*, Разысканія, VI, стр. 12, примѣч.).

Прежде всего, имя *Елевѳерій* соотвѣтствуетъ греческому прозвищу Ἐλευθερία. Хотя терминъ Ἐλευθέριος относился вообще ко всѣмъ богамъ, но особенно онъ пріурочивался къ божествамъ, имѣвшимъ какое-либо отношеніе къ любви. Такъ, Ἐλευθερεύς, или Ἐλεύθερος, назывался богъ Діонисъ; на Самосѣ существовалъ праздникъ въ честь Эрота, бога любви, подъ названіемъ Ἐλευθέρια. Пятница у романскихъ народовъ называется по имени Афродиты-Венеры (dies Veneris, vendredi), у германцевъ же по имени богини Фреи (Freitag), которое въ сущности представляетъ буквальный переводъ греч. Ἐλευθερία: сопоставленіе этихъ двухъ названій пятницы даетъ намъ основаніе заключить, что и Афродита носила прозвище Ἐλευθερία.

Названіе земли *Саоура* объясняется уже сказаннымъ выше: это есть альтернація имени богини Зари: Σαύρα=„Небесная“, восходящаго къ первоначальному Σιά Αὔωρ=„Богиня-Заря“ [1]).

Точно такъ же имя царя *Кирина* должно восходить къ сложному имени Κήρ Ἐρινύς. Этимологія имени *Штиталь* мнѣ неизвѣстна, хотя я полагаю, что вторая часть слова можетъ представлять сокращеніе греческаго θάλια (=θεά Ἅλια)=„Свѣтлая Богиня“.

Разсмотрѣніе всѣхъ приведенныхъ данныхъ приводитъ насъ къ тому неизбѣжному заключенію, что апокрифы стоятъ въ непосредственной связи съ языческой миѳологіей и языческимъ культомъ, и такъ какъ хранительницами этого культа были Эриніи, каравшія людей нечестивыхъ, неисполнявшихъ священныхъ уставовъ, то и самые апокрифы представлены какъ бы исходящими изъ рукъ хтоническихъ богинь, властвовавшихъ надъ Эриніями.

Такое перенесеніе языческаго культа на христіанскую почву лучше всего наблюдать въ малорусскихъ щедривкахъ, несомнѣнно заимствованныхъ съ греческаго и представляющихъ отраженіе миѳа о „Хожденіи Богородицы по мукамъ“.

Що въ сій хати, та на покутьти,
Сивъ Сусъ Хрыстосъ та вечеряты;
Прыйшла къ Йому Божа Маты;
—Оддай, Сынку, ключи райськи

[1]) Ср. имя Sabra въ англійскомъ разсказѣ о семи подвижникахъ (*Веселовскій*, Разыск. II, стр 109).

Одимкнуты рай и пекло,
Душы гришни выпускаты:
Перва душа согрѣшыла—
Отра й матиръ прогнивыла;
Друга душа согрѣшыла—
Царськый винець разлучыла [1]);
Третя душа согрѣшыла—
Младеньчыка изгубыла.

(*Крамаренко*, Різдвяні святки въ стан. Павлівськії Ейського одділу, стр. 14—15).

По другому варіанту „Божа Маты" хочеть:

Выпустыты гришни душы,
Тике одну душу не выпускаты,
Що отця й неньку налаяла,
Хочъ ны налаяла, та подумала,
Старшому брату дули давала,
Старшій сестрыци „брешышъ!" казала.

(Рукоп. свящ. гор. Павловска, Воронеж. губ., Евг. Никол. *Бѣлозорова*).

По третьему варіанту Божія Матерь проситъ:

— Подай, Сынку, райськи ключи
Яре пекло одомкнуты,
Спасенійи душы выпустыты,
Тилько тейи не пустымо,
Що въ п'ятныцю писню пила,
А въ суботу не вмывалась,
А въ недилю рано йила...

(*Чубинскій*, III, 444).

Сопоставивъ приведенныя требованія малорусскихъ щедривокъ съ требованіями греко-языческаго міра, мы увидимъ, что и тамъ подвластныя „Великой Матери" Гекатѣ Эриніи карали людей за нарушеніе самыхъ священныхъ обязанностей, особенно за преступленія противъ родителей, святотатственный разрывъ кровныхъ узъ, убійство родныхъ, нарушеніе клятвы, оскорбленіе родителей дѣтьми, старшаго брата младшими братьями или сестрами, отказъ нищимъ и странникамъ въ гостепріимствѣ и т. д.

Наконецъ, если бы мы стали разсматривать ветхозавѣтныя событія, пріуроченныя къ пятницамъ по „Сказанію о двѣнадцати пятницахъ" [2]), то увидѣли бы, что эти событія имѣютъ дополненія не изъ библейскихъ сказаній, а изъ греко-языческой миѳологіи, при чемъ въ весьма широкихъ размѣрахъ примѣнена игра словъ.

Словомъ, авторы апокрифовъ, еретики, производя интерполяцію языческихъ миѳовъ и языческаго культа, старались эксплоатировать ихъ въ свою пользу. Греческое же духовенство, очистивъ апокрифы отъ еретическихъ ученій, признало описываемыя въ апокрифахъ чудеса и

---

[1]) Здѣсь невольно приходитъ на память печальная исторія Эдипа, который воцарился, убивъ своего отца и женившись на матери, которая, при помощи проклятія, наслала на Эдипа мстительницъ—Эриній, а сама повѣсилась. Ср. въ нашемъ № 4: „разлучали... мужей съ женами, царей съ царицами..."

[2]) См. *Веселовскій*, Опыты, IV, въ Ж. М. Н. Пр., ч. 185.

событія совершившимися и подлежащими распространенію въ средѣ христіанъ. Въ такомъ очищенномъ видѣ многіе апокрифы перешли и на русскую почву.

№№ 1—5 апокрифовъ, помѣщаемыхъ далѣе, списаны мною изъ книжки in 16° писчаго листа бумаги въ кожанномъ переплетѣ; книжка принадлежитъ бывшему писарю Кубанскаго областного правленія казаку-линейцу изъ старообрядческой станицы Прочноокопской Лабинскаго отдѣла Пономареву. Единственное отступленіе отъ подлинника, дозволенное мною,—это разстановка знаковъ препинанія, которые въ подлинникѣ, въ большей части случаевъ, отсутствуютъ. Кромѣ того, мною выставлены заголовки въ №№ 1 и 2, которыхъ въ подлинникѣ совсѣмъ нѣтъ. Заголовокъ № 4 „Страсти Господни", несоотвѣтствующій содержанію апокрифа, извѣстнаго обыкновенно подъ названіемъ: „Хожденіе (*м.-рус.*: Мандривка) Богородицы по мукамъ", я не счелъ себя въ правѣ измѣнять.

№ 6-й, заголовокъ котораго также выставленъ мною, переданъ мнѣ изъ редакціи „Кубанскихъ Областныхъ Вѣдомостей", куда рукопись была представлена однимъ изъ станичныхъ учителей Кубанской области. Рукопись сопровождается комментаріемъ: „Подлинникъ приведеннаго письма написанъ весьма безграмотно и неразборчиво, что видно изъ копіи. Судя по слогу, надо предполагать, что письмо написано иностранцемъ (!): грузиномъ или армяниномъ и занесено казаками въ станицы при возвращеніи со службы домой. По понятію казаковъ, письмо это имѣетъ то значеніе, которое указано въ немъ". Въ редакціи письмо было еще разъ переписано и въ такомъ уже видѣ попало ко мнѣ.

Митроф. Дикаревъ.

31 іюля 1899 г.
Г. Екатеринодаръ.

АПОКРИФЫ.

1. Сонъ Богородицы.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

Сонъ пресвятыя Богородицы и присно Дѣвы Маріи во градѣ Вифлеемѣ оудѣйстѣмъ. Оуснула Пресвятая Богородица во градѣ своемъ и видила сонъ дивенъ и страшенъ ѕело о Сынѣ своемъ, о Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ. Возбудися отъ сна и пріиде къ ней Господь нашъ Іисусъ Христосъ.—Глаголю тебѣ, мати моя возлюбленная, Пресвятая Богородица: спала еси во святомъ градѣ Виѳлеемѣ оудейстѣмъ, что во снѣ видѣла?— И рече ему Пресвятая Богородица: Сыне мой возлюбленный, сладчайшее мое чадо, Іисусъ Христосъ! спала я въ мартѣ мѣсяцѣ во святомъ градѣ во удѣйстемъ [1]) и видила сонъ дивинъ и страшенъ: архистратига Михаила, архангела Гавріила и прочихъ небесныхъ силъ.—И рече ей Господь нашъ Іисусъ Христосъ: Глаголю Тебя (!), мати моя возлюбленная, Пресвятая Богородица: Рцы ми истинну, какъ во снѣ видѣла?—Сынѣ, Боже мой, утроба моя не отвергается (!), а я глаголю тебѣ правду—есть сонъ страшенъ, яко тебя, Господа Нашего Іисуса Христа жидовѣ поимаша и приведоша къ Понтійскому Пилату и ко древу кипоресу, певкѣ и кѣдрѣ распятаго, руцы и нози гвоздьми пригвозденнаго, и терновъ вѣнецъ на главу Твою святую возложенъ, а въ уста желчью напоенъ, опливанъ и заушенъ, а вребра твоя святая копьемъ пробудоша (!), и абія (!) изыде кровь и вода на исцѣленія душамъ нашимъ; а Никодимъ старецъ тѣло твое святое, со креста снявъ, съ благообразнымъ Іосифомъ плащаницею чистою обвивъ и во гробѣ новѣ закрывъ, и положи; а въ третій день воскресъ изъ мертвыхъ, и всему міру даровалъ животъ вѣчный и раздравъ адамово рукописаніе.—И рече ей Господь нашъ Іисусъ Христосъ: мати моя возлюбленная, Пресвятая Богородица, во истину сонъ твой богородиченъ не ложенъ, но праведенъ еси (!). Кто сонъ твой въ чистотѣ съ собою носить будетъ, то къ тому человѣку не прикоснется діаволъ, ни злой человѣкъ, и отъ мѣчнаго посяценія (!) скораго избавленія (!) получить, и кто сонъ твой въ дому своему содержать будетъ, то къ тому ни огнь, ни разбойникъ ни прикаснется, и къ тому дому прибытку..... [2]) по водамъ тѣхое (!) пристанище...... въ бесѣдѣ.... аще который человѣкъ сонъ твой при смерти заставитъ кого прочитать и переписать, и тотъ человѣкъ избавленъ будетъ муки вѣчной и неусыпаемой, тмы кромечныя, муки вѣчныя и тар-тарары преисподни (!), и ангели Господни возьмутъ душу его и отдадутъ въ рай, Авраому на лоно его, всегда и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь.

2. Іерусалимскій листъ.

Сей листъ бысть у гроба Господня во Іерусалимѣ, царя Іудейскаго, словомъ самаго Господа нашего Іисуса Христа. Перевелъ попа (!) римскій, посвятилъ и послалъ брату своему королю противъ непріятеля. Сей листъ такую силу имѣетъ,—кто его хощетъ читать или переписать, и тотъ человѣкъ получить отпущеніе грѣховъ, или въ которомъ домѣ сей листъ при-

[1]) Ср. прозвище Персефоны: *ἡ Οὐδαῖος θεός, κόρη*, откуда въ в.-рус. былинахъ: *Ἀηδὼν Ὀδαῖος* (вм. *Ἀϊδωνεὺς Οὐδαῖος*) = „Соловей Разбойникъ“.

[2]) Очевидно, здѣсь пропускъ.

бываетъ, и къ тому дому ни огнь, ни чирадѣетъ (!), ни злая иная шкода ни прикоснется. Въ которомъ домѣ беременная женщина при себѣ держать будетъ, то родить легко и избавить тя Господь отъ всякаго зла. И прошу тебя, Господа нашего Іисуса Христа чрезъ муку твою святую, которую ты терпѣлъ за насъ, грѣшныхъ, и святи (!) ихъ (!), пророче и приттече Крестителю Господа нашего Іисуса Христа, избави насъ отъ всякія скорби и болѣзни во дни сіи и во всѣхъ часахъ сихъ. Сей листъ найденъ въ землѣ греческой, на горѣ Еліонской, предъ соборомъ архистратига Михаила, архангела Гавріила. Словомъ вы, христіане, день недѣльный чтите и праздники Господни празднуйте чесно, ибо я далъ шесть дней работать, а седьмый день на упокой; а если вы повелѣнія моего не будете слушать, то дамъ вамъ гладъ и буду морить злымъ повѣтріемъ, и востанете царь на царя, король на короля, панъ на пана, сынъ на отца, отецъ на сына, братъ на брата, и будетъ кровопроливіе, и всѣхъ васъ оскорблю (=истреблю?). И аще буду наказывать гладомъ и огнемъ, спущу на васъ птицъ летающихъ, и будутъ летать, и поѣдятъ сердце ваше за неправду вашу, и будетъ злое повѣтріе. Ежели бы ни молилась Мати моя Пресвятая Богородица и ангели ваши хранители, то бы давно васъ погубилъ и голодную (!) смертію уморилъ, дабы каждый человѣкъ до церкви божіей ходилъ и воспоминалъ бы о грѣсехъ своихъ. Послушайте матери моей пресвятой Богородицѣ и ангелей (!) вашихъ хранителей: не кленитеся небомъ и землею и иною какою клятвою; будетъ вамъ божиться: ей, ей, еже, ни, ни. Богъ сотворилъ по образу и по подобію своему, и вы, людіе мои (!), азъ есмь богъ вашъ. Не забывайте отцовъ и матерей, и ежели по двумъ моимъ словамъ справитеся, то дамъ вамъ царствіе небесное и отпущеніе грѣховъ вашихъ, и дамъ вѣчный покой; въ послѣдніе (!) вамъ приказываю, если кто сему листу будетъ вѣрить или переписывать, или прочитывать, или при себѣ держать, тотъ человѣкъ избавленъ будетъ муки вѣчной и получитъ царствіе небесное, и сему человѣку всѣмъ (!), аминь.

3. Іерусалимскій свитокъ.

Во святомъ градѣ Іерусалимѣ бысть явленіе придивное во святой божей церкви, съ небеси гласъ къ людемъ. Спаде камень не малъ, студенъ, а тяготы его никто не можетъ познать, и спаде тотъ камень въ третьемъ часу дня. Патріархи же іерусалимскіе со всемъ соборомъ начали пѣть молебное пѣніе по три дни и по три нощи, а въ четвертый день тотъ камень развалился на двое, и обрѣтеся въ немъ свитокъ богомъ написанъ, и въ немъ пишетъ, тако глаголетъ Господь Вседержитель: послушайте, людіе мои, человѣколюбія моего. Азъ есмъ богъ вашъ, пишу вамъ первое и второе мое посланіе, и вы посланія моего (!) не будите вѣрить, небо и земля мимо идутъ, а словеса моя никогда мимо не пройдутъ. Оуже вамъ, окаяннымъ, многіе времена и лѣта писалъ, оуже дни ваша кончаются, и страшный сутъ (!) приходить, и пристолъ господень наставляется и судебныя книги разгибаются, и вся тайная дѣла ваши объявляются. Азъ есмь богъ вашъ Іисусъ Христосъ пріидетъ (!) судить живыхъ и мертвыхъ, и воздамъ коемуждо по дѣломъ вашимъ. И вы, безумные человѣци, поживите между собою въ любви и дѣлайте правду. Того ради сотворилъ Господь перваго человѣка на земли Адама, и въ тотъ же день жидове ко кресту пригвозденкаго и въ ребра твоя свята копіемъ прободоша за ваше беззаконіе, а воскресеніемъ (! = въ воскресенье?) воскресъ изъ мертвыхъ, и вся оумеренія (= умершія?) (съ?) собою.... [1]) и всякому воскресенію Христову подобаетъ. Аще который человѣкъ воскресеніе Христово трудится и хощить себя (!) прибытку, и тотъ человѣкъ сбираетъ себя (!) на главу вѣчный огнь, и погубить себя и вся шесть дней, ибо я далъ рабамъ и рабынямъ шесть дней работать, а седмый день, воскресеніе Христово, далъ вамъ.

Праздники господни празднуйте честно, съ любовью, а не объяденьемъ, другъ друга чтите и прославляйте имя моя (!). Сироты и вдовицѣ (!), по васъ текущія, и вы ихъ не брежете и ни милуете, за то вы сами не помилованы будите и (= отъ ?) меня, отца небеснаго; нищимъ и убо-

---

[1]) Здѣсь, вѣроятно, пропускъ.

гимъ братьямъ моимъ возлюбленнымъ милостыню не творите и не милуйте (!) ихъ. И вы, безумные человѣцы, смотрите... [1]) который не вѣритъ вашему закону и языку... не знаетъ, даваетъ нищимъ милостыню и богу молится по своей человѣкъ вѣрѣ. Я далъ вамъ законъ свой, и вы, человѣцы, по моему закону не хощите дѣлать. Азъ есмь богъ вашъ, и вы людіе мои. Творецъ сотворилъ небо и землю долго терпѣвъ; не до конца прогнѣвался на васъ, окаянныхъ человѣкъ, жду вашего большаго обращенія къ себѣ отъ злыхъ дѣлъ Вашихъ покаянія. Послалъ бы васъ, окаянныхъ, погубить до конца всякаго человѣка на земли за неправду вашу и за беззаконіе ваше, да еще молится за васъ мати моя возлюбленная, пресвятая богородица, а съ нею молятся ангели ваши хранители: за то моленіе не послалъ васъ погубить до конца. Жду вашего большаго обращенія къ себѣ отъ злыхъ дѣлъ вашихъ. И вы, человѣцы, любовь и правду между собою дѣлайте, недѣли и праздники господни почитайте. Если станите почитать постъ, милостыню подавать и моего наказанія слушать, то дамъ вамъ дождя на землю и теплоты солнечной во свое время, плодовъ земныхъ, всякаго изобилія больше прежнихъ лѣтъ. Ежели вы еще, безумные человѣцы, отъ злыхъ дѣлъ своихъ..., не станите словесъ моихъ и писанія моего слушать, недѣль, и праздниковъ господнихъ, среды и пятницы не будите чтить, азъ напущу на васъ, окаянныхъ, многіе языки невѣрные и пролію кровь вашу за неправду вашу, и за беззаконіе ваше, также за непослушаніе погружу крещеніе ваше. Еще пущу мразовъ палящихъ и моръ на человѣка и на скотъ вашъ. Ежели еще, безумные человѣцы, не покаетесь и не обережетесь отъ злыхъ дѣлъ вашихъ, пущу вамъ гладъ и жажду, не дамъ вамъ дождя, изсушу рѣки, источники, и теплоты солнечной во свое время и плодовъ земныхъ. Аще же, безумніи человѣцы, не покаетеся, азъ отверзу уста своя, съ небеси спущу камень горящій, отъ гнѣва нигдѣ не можете укрыться, а потомъ пущу на васъ звѣрей, поѣдающихъ васъ, аспидовъ двухглавныхъ и крылатыхъ: у нихъ главы ильвовы, крылья орловы, волосы женскія, и напущу на васъ тьму великую, и вы, человѣцы, тогда восколеблетеся, аки звѣри, припадающихъ (= припадающе?) къ землѣ, другъ къ другу.... [2]) (Будете?) много умершихъ раскапывать, глаголати своимъ отцамъ и матерямъ оумершихъ (= умершимъ?): примате (!) азъ (= насъ?) къ себѣ, а уже отъ гнѣва Божія негдѣ не можете укрыться и отъ такихъ лютыхъ звѣрей. Тогда отвращу лице свое отъ васъ и не послушайте (= не послушаю?) моленія и горкихъ рыданій и попамъ реку: притворницы, злымъ сердцемъ, душею убивцы, лукаваго діавола Веельзаула и всѣхъ ангелъ ѥго имѣете образъ, другъ другу завѣдяхъ (!). Тако речетъ Богъ Господь: прелюбодѣйцы, немилꙋстивы, какъ оставили свѣтъ и возлюбили тьму діавольскую, служеніе, вѣчную муку, какъ васъ земля не возьметъ и не пожретъ за ваше умноженіе грѣховъ и за непослушаніе ваше? О горе грабителямъ, чужаго имѣнія оу васъ много, тѣмъ милостыни не творите и не милуете ихъ, за то вы сами не помилованы будете. Разумѣйте, безумные человѣцы, какъ отдать отвѣтъ Богу въ день судный предъ судіею. Тогда пріидетъ судить живыхъ и мертвыхъ, тогда, окаянные человѣцы, примите великую муку. И пущу къ вамъ такое наказаніе, и если кто не будетъ вѣрить и пра неѐ спаминать, что можетъ сей свитокъ, тотъ человѣкъ горкую смерть получитъ и наслѣдуетъ муку вѣчную, а не животъ вѣчный. Тако неудобно верблюду въ угольною (!) ушко проитить, тако грѣшному въ царствіе небесное. А кто сквернословитъ въ церкви божіей и попа укоряетъ и не простясь въ церковь божію ходить, о горе тому человѣку, который святыхъ таинствъ не причещается, небо и земля нарицается (!). О горе тому попу, который не

---

[1]) Здѣсь тоже, вѣроятно, пропускъ.

[2]) Вѣроятно, и здѣсь пропускъ. Ср. лат. текстъ, сообщенный Рожеромъ de Hovedene и распространявшійся въ Англіи аббатомъ Евстаxіемъ de Flaiz: mittam vobis bestias habentes capita leonum, capillos mulierum, caudas camelorum, et ita erunt famelicae quod carnes vestras devorabunt; et vos desiderabitis fugere ad sepulcrum mortuorum, et abscondere vos propter metum bestiarum; et tollam lumen solis ab oculis vestris, et mittam super vos tenebras, ut occidatis vos invicem non videntes; et auferam a vobis faciem Meam, et non faciam vobiscum misericordiam... (*Веселовскій*, Опыты, II, 77; Ж. М. Н. Пр., ч. 184). Не трудно догадаться, что апокрифическіе „аспиды двуглавные“ созданы по образцу греческой Химеры, *Χίμαιρα*, чудовища, по Гомеру, имѣвшаго спереди фигуру льва, сзади—дракона, туловище козы, а по Гезіоду—три головы, изъ которыхъ одна львиная, другая козья и третья драконова.

встаетъ къ заутренѣ и не служитъ (въ) воскресеніе Христово, ибо не видитъ, что храмъ его горитъ со всѣхъ четырехъ сторонъ, а самъ отъ того огня не можетъ укрыться! О горе тому попу, который не учитъ своихъ дѣтей духовному страху божію! О горе тому попу, который божьяго писанія предъ народомъ не прочитываетъ въ воскресеніе христово и праздничные дни свитка сего! Аще который человѣкъ грамотной или простой сей свитокъ въ дому своемъ содержитъ и даваитъ прочитывать, или переписывать, или посылать къ инымъ странамъ, или съ вѣрою послушать свитка сего, аще бы имѣлъ (грѣховъ, какъ?) на небѣ звѣздъ, на земли травы, краи (=край?) морѣ (=моря?) песку, тому все будетъ отпущеніе въ день судный. О горе тому человѣку, который въ церковь божію не ходитъ и дѣтей своихъ не посылаетъ! О горе тѣмъ людямъ, которые и глаголовъ.... [1]) землю.... тьму дѣлаютъ, суету творятъ, и тогда на нихъ спадетъ огонь съ небеси, пожьгетъ всѣхъ глаголющихъ. Аще вы, человѣцы, сихъ моихъ заповѣдей и писанія не послушайте (!), азъ вамъ не дамъ дождя на землю и теплоты солнечной въ свое время, плодовъ земныхъ, всякаго обилія, что хощите ясти и пити. Людіе мои, поживите въ любви между собою, давайте нищимъ милостыню и убогимъ братьямъ моимъ возлюбленнымъ. И Богу молитеся со страхомъ и со вниманіемъ, приношеніе приносите со страхомъ и праведнымъ своимъ трудомъ, и праздниковъ господнихъ не забывайте, пріемниковъ церковныхъ ни браните, сами другъ къ другу приходите, почитайте и во грѣсѣхъ своихъ кайтеся. О горе тому человѣку, который въ недѣлю до церкви божіей не ходить и дѣтей своихъ не посылаетъ! О горе тому человѣку будетъ въ день судный, который не учитъ дитей своихъ къ закону господню и духовному страху! О горе тому человѣку, который звонъ слышитъ, а въ церковь божію не идетъ и дѣтей своихъ не посылаетъ! О горе тѣмъ блудникамъ и танцамъ (!): неугасимый огонь пріймутъ, яко свинья въ помралѣ (!) вывалѣется (!), тако человѣкъ въ огрѣсѣхъ своихъ обращается. Аминь.

4. Страсти Господни.

Рѣче Пресвятая Богородица Михаилу архангелу: поведи меня, гдѣ тьма кромѣчная, мука вѣчная. Приведе ея (!) Михаилъ архангелъ ко древу огненному, на немъ вѣтвѣ огненные, и тамъ мнози народы мучатся. И рече Пресвятая Богородица: Сіи люди о коихъ грѣхахъ мучатся? И рече Михаилъ архангелъ: по воскресеніемъ (!) христовымъ блудъ творили, того для мучатся.—2-е рече Пресвятая Богородица Михаилу архангелу: поведи меня ко иной мукѣ. Приведи (!) ея (!) Михаилъ архангелъ къ тремъ къ кругамъ огненнымъ, и тамъ многія народы мучатся. И рече Пресвятая Богородица: сіи люди о коихъ грѣхахъ мучатся? И рече Михаилъ архангелъ: то черадей (!), калдуны, злу научителе того для мучатся.—3-е, и рече Пресвятая Богородица Михаилу архангелу: Поведи мене ко иной мукѣ. И приведи ея Михаилъ архангелъ къ огненной рѣкѣ, и тутъ мнозія народы мучатся: ины стоятъ по уста въ огнѣ. И рече Пресвятая Богородица Михаилу Архангелу: Сіи люди о коихъ грѣхахъ мучатся? То отцы и матери дѣтей своихъ учили браниться, а сами въ смѣхъ обращали, того для мучатся. Ины стоятъ по персы въ огнѣ, то отцовъ духовныхъ бранили.—4-е, и рече Пресвятая Богородица Михаилу архангелу: поведи меня ко иной мукѣ. И приведи ея Михаилъ архангелъ къ неусыпаемымъ червямъ, и тутъ мнозіи народы мучатся. И рече Пресвятая Богородица: Сіи люди о коихъ грѣхахъ мучатся? И рече Михаилъ архангелъ: Не знали поста, среды и пятницы, и таинствъ духовныхъ не имѣли, и тѣло христово не пребили (!)... за то потріархи, митрополиты, архіепископы, и архимандриты, игумены, попы, діаконы и весь причетъ церковный видѣли свѣтъ, а тьму возлюбили, заповѣдей святыхъ отцовъ не творили и дѣтей своихъ духовныхъ страху божію и закону господню не учили, книгъ божіихъ и божественнаго писанія предъ народомъ не читали, сами себя и міръ погубляли. О горе умирающимъ, кои книгъ и божественнаго писанія со внеманіемъ не читали, сами книги читали, а въ сердцахъ лукавою (!) мысль держали, того

---

[1]) Пропускъ.

для мучатся.—5-е, и рече Пресвятая Богородица Михаилу архангелу: поведи меня ко иной мукѣ. И приведи ея Михаилъ архангелъ къ зміямъ лютымъ, зубами скрижать (!) на тѣло человѣческое. И рече Пресвятая Богородица: Сіи люди о коихъ грѣхахъ мучатся? И рече Михаилъ архангелъ: нѣмому и убогимъ милостыню не подавали, мертвыхъ тѣлъ не прибирали, звѣри ихъ съѣдали и птицы тѣло ихъ раздробляли, того для мучатся [1]).—6-е. И рече Пресвятая Богородица Михаилу архангелу: Поведи меня къ иной мукѣ. И приведи ея Михаилъ архангелъ къ діавольской мукѣ: діаволи разжигають, примыкають (!) сквозь тѣло человѣческое. И рече Пресвятая Богородица: Сіи люди о коихъ грѣхахъ мучатся? И рече Михаилъ архангелъ: разлучили матерей и дѣтей, мужей съ женами, царей съ царицами, князей съ княгинями, бояръ съ борянами (!), что правоотцовъ (!) своихъ мучили, и кто въ церковь божію ходилъ, и не покланялся святымъ иконамъ, того для мучатся вѣчно. Прослезилась Пресвятая Богородица, видѣвши погибель рода христіанскаго. О горе тому человѣку, кто говоритъ и сміется въ церкви божіей, пѣнія и церковнаго писанія не слушаетъ: самъ во адъ поидетъ и міръ погубитъ, за то имъ смола кипущія (!)! О горе разбойникамъ, душегубцамъ, скоморохамъ и плясунамъ, и кто ихъ дѣла творитъ, и тотъ будетъ проклятъ всегда; и кто сквернословитъ, и тотъ приметъ горкую смерть и муку вѣчную. А кто сему не будетъ вѣрить стиху божественнаго писанія, и тотъ человѣкъ проклятъ всегда и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

5. Великія пятницы.

1-я. На первой недѣли великаго поста. Кто сію пятницу постится, тотъ человѣкъ отъ незна(е)мой смерти сохраненъ будетъ.

2-я. Предъ Благовѣщеніемъ Пресвятой Богородицы. Кто сію пятницу постится, тотъ человѣкъ отъ напраснаго убивства сохраненъ будетъ.

3-я. На страстной недѣли. Кто сію пятницу постится, тотъ человѣкъ отъ непріятелей сохраненъ будетъ.

4-я. Предъ Вознесеніемъ господнимъ. Кто сію пятницу постится, тотъ человѣкъ отъ по топленія сохраненъ будетъ.

5-я. Предъ Сошествіемъ святаго Духа. Кто сію пятницу постится, тотъ человѣкъ отъ вѣчной мукѣ (!) сохраненъ будетъ.

6-я. Предъ рождествомъ предтече (!) Іоанна. Кто сію пятницу постится, тотъ человѣкъ всякаго недостатка сохраненъ будетъ.

7-я. Предъ Ильею пророкомъ. Кто сію пятницу постится, тотъ человѣкъ отъ убивства сохраненъ будетъ.

8-я. Предъ успеніемъ пресвятой Богородицы. Кто сію пятницу постится, тотъ человѣкъ отъ мученія трисоты (!) сохраненъ будетъ.

9-я. Предъ днемъ святымъ праздникомъ Козьмы-Демьяна. Кто сію пятницу постится, тотъ человѣкъ всякаго смертнаго лукавства сохраненъ будетъ.

10-я. Предъ архистратигомъ Михаиломъ. Кто сію пятницу постится, тотъ человѣкъ оувидетъ (!) дни своя написанныя въ Пресвятой Богородицы.

11-я. Предъ Рождествомъ Христовымъ. Кто сію пятницу постится, тотъ человѣкъ оузритъ пресвятую Богородицу въ мірѣ.

12-я. Предъ Богоявленіемъ господнимъ. Кто сію пятницу постится, тотъ человѣкъ увидѣтъ (!) имя свое у Господа Іисуса Христа оу животныхъ книгахъ.

---

[1]) Здѣсь слѣдуетъ припомнить, что обязанность погребать мертвыхъ у древнихъ грековъ считалась священной, стоящей выше человѣческихъ постановленій. Поэтому Аѳиняне осудили на смерть своихъ полководцевъ, побѣдоносно возвратившихся съ битвы при Аргинузскихъ островахъ въ 406 г. до Р. Х., за то что они по случаю бури не похоронили павшихъ въ битвѣ. (*Xenoph.*, Hell. I, 7, 1 sq.).

Добавленіе къ пятницамъ. Аще кто въ таковые святые дни съ женою своею сотворитъ блудъ, и зачнется у нихъ дѣтище, то будетъ воръ или разбойникъ, того ради подобаетъ таковыхъ пятницъ хранит(ь)ся.

6. Бракская небесная эпистолія.

(Der Braker Himmelsbrief).

Одинъ графъ имѣлъ работника, который заслужилъ смертной казни Б. Ф. Когда приказалъ палачу отрубить ему голову, тотъ остановился и объявилъ, что онъ не можетъ дѣйствовать надъ этимъ человѣкомъ. Графъ услышалъ эти слова, спросилъ: почему это такъ, что его сабля не беретъ. При этихъ словахъ слуга показалъ ему это письмо съ этими буквами: В. УЗ. УЗ. Ѣ. 2-I [1]). Когда графъ это узналъ, то приказалъ, чтобы каждый имѣлъ (такое) тайное письмо [2]).

Если у тебя изъ носа идетъ кровь или какая-нибудь гніетъ рана, то приложи это письмо—тотчасъ перестанетъ.

Если этому не вѣришь, напиши на своей саблѣ, то никакое колдовство и непріятель, ружья сила не можетъ дѣйствовать надъ тобою.

Это есть пять ранъ Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа В. У4. В. УЗ.

Кто это письмо у себя носитъ, тому не вредитъ ни громъ-огонь, ни вода. Кто это письмо при себѣ носитъ—лучше, чѣмъ молится.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Какъ Іисусъ Христосъ стоялъ въ саду Геѳсиманскомъ, такъ и мы должны стоять. Кто это письмо при себѣ имѣетъ,—защищенъ отъ непріятельскаго ружья. И злодѣя (!) и разбойники не могутъ вредить ему, по приказанію и смерти Іисуса Христа должны оставить все видимое и невидимое, справедливое и несправедливое. Духа это благословеніе противъ непріятеля.

Если этому письму не вѣришь, то спиши копію съ него, привяжи псу на шею и стрѣляй въ него, тогда узнаешь, что правда. Кто это письмо при себѣ имѣетъ и вѣритъ ему, того не убиваетъ, такъ какъ правда, что Іисусъ Христосъ Богъ на землѣ умеръ, былъ погре-

Wenn einem die Nase blutet, oder hat blutigen Schaden, und will das Blut stillen, so kann er diesen Brief nehmen und darauf legen, so soll er das Blut stillen.

Und wer dieses nicht glauben will, der schreibe diese Buchstaben auf einen Degen oder auf die Seite eines Gewehres, und steche auf einen Platz, so wird er nicht verwunden können. Und wer diesen Brief bei sich trägt, kann nicht bezaubert werden, und seine Feinde können ihm keinen Schaden thun noch zufügen.

Dies sind die heiligen fünf Wunden Christi: K. H. F. G. K. so bin ich auch sicher, das kein falsches Urtheil mir geschehen kann.

H. H. S. S. und wer diesen Brief bei sich trägt, den kann kein Blitz oder Donner, kein Feuer oder Wasser Schaden thun.

Haus-und Schutz-Brief. Im Namen Gottes, des Vaters, des Sohnes und des heiligen Geistes!

So wie Christus am Oelberge stille stand, so soll alles Geschütz stille stehn, und mir wird nicht schaden das Geschütz und Waffen des Feindes, des Mörders und der Diebe. Dasselbe wird Gott bekräftigen. Alle ihre sichtbaren oder unsichtbaren Pistolen oder Gewehre, die sie auf mich loshalten, müssen stille stehn, durch den Tod Iesu und den Befehl des Engels Michaëlis, im Namen Gottes des Vaters, des Sohnes, und des Heiligen Geistes. Gott sei mit uns! Wer diesen Segen gegen die Feinde bei sich hat, der wird nicht gefangen und von des Feindes Waffen nicht verletzt werden können. Amen!

Und wer dieses nicht glauben will, der schreibe es ab und hänge es einem Hunde um den Hals und schiesse auf ihn, so wird er sehen, dass es wahr sei, dass Christus geboren und gen Himmel gefahren! So wahr er auf Erden gewandelt hat, kann ich nicht geschossen, noch gestochen, noch vergiftet werden weder Fleisch noch Gedärme, alles soll nur

[1]) Въ нѣмецкомъ спискѣ здѣсь стоятъ буквы: B. I. F. H B. K. S. K. K.

[2]) Въ виду того, что великорусскій пересказъ представляетъ нѣкоторыя отклоненія отъ нѣмецкаго подлинника и сокращенія, мы помѣщаемъ оба текста рядомъ.

бенъ, воскресъ, вознесся въ царство. Я присягалъ предъ Богомъ, и увѣряю васъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Я молюся, чтобы васъ никакая пуля не могла поразить, какая бы она ни была—серебряная, золотая или оловянная—все равно: царство небесное всѣмъ отворено.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Съ неба прислано это письмо надъ деревней Голійтянь (!) въ 1791 году.

Оно было писано золотыми буквами.

Оно летѣло черезъ рѣку Дунай; кто только хотѣлъ его взять, то оно поднималось вверхъ, и такъ летало до 1824 года. Тогда подумали его переписать; это письмо остановилось.

Въ немъ было написано: кто въ воскресенье работаетъ, отъ того Богъ откажется. А вы должны ходить въ храмъ Божій, съ усердіемъ молиться Богу, чтобы онъ простилъ грѣхи вамъ; и должны быть бѣднымъ въ помощь и жертвовать имъ, не желать богатства—отказываться.

Не должны свидѣтельствовать ложно на своихъ ближнихъ: этотъ грѣхъ Богъ не проститъ.

Кто этому письму не вѣритъ, не можетъ быть счастливъ, и Богъ вамъ говоритъ, что Іисусъ Христосъ своими руками писалъ все.

Это мы должны одинъ другому дать переписать это письмо. Кто это письмо въ домѣ имѣетъ, то громъ не упадетъ. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

unschädlich (unverletzt) bleiben, im Namen Gottes des Vaters, des Sohnes und des heiligen Geistes!

Ich bitt im Namen unsers Herrn Christi Blut
Dass keine Kugel mich treffen thut,
Sie sei aus Silber, aus Gold oder Blei,
Gott im Himmel hält mich von allen frei.

Im Namen Gottes des Vaters, des Sohnes und des heiligen Geistes! Dieser Brief ist vom Himmel gesandt und in Holstein gefunden. Er schwebte über der Tenne Redana (v.: zu Balagama; v.: über dem Taufe Magdalenas) im Iahre 1724

Er war mit goldenen Buchstaben geschrieben.

Wie man ihn aber greifen wollte, wich er zurück, bis sich im Iahre 1791 Iemand mit dem Gedanken befasste, ihn abzuschreiben und der Welt mitzutheilen. Zu diesem richtete sich der Brief.

Und ferner stand darin: Wer am Sonntag arbeitet, der ist von mir verlassen. Ihr sollt am Sontag nicht arbeiten, sondern in die Kirche gehen und mit Andacht beten oder singen. Von eurem Reichthum sollt ihr den Armen geben und nicht sein wie die unvernünftigen Thiere. Ich gebiete sechs Tage sollt ihr arbeiten und den siebenten sollt ihr Gottes Wort hören. Wenn ihr das nicht thun, so soll und will ich strafen mit Theuerung, Pestilenz und Krieg. Ich gebiete, das ihr des Sonnabends nicht zu spät arbeitet. Iederman soll für seine Sünden bitten, dass sie ihm vergeben werden. Schwört nicht bei meinem Namen, begehrt nicht Gold und Silber, schämt euch vor Menschenlüsten oder Begierden, denn so geschwind ich euch geschaffen, kann ich euch vernichten.

Seid mit der Zunge nicht falsch, ehret Vater und Mutter, redet kein falsch Zeugniss wider euren Nächsten. Dann gebe ich euch Gesundheit und Ehre.

Und wer diesen Brief hat und nicht darauch thut, der soll keine Hülfe haben, der ist verloren von mir.

Wenn eine Frau gebäret und die Geburt nicht von ihr will, so gebe man ihr diesen Brief in die Hand, so wird sie bald eine liebliche Frucht zur Welt bringen, und das Kind wird glücklich sein. Wer diesen Brief hat und ihn nicht offenbart, der ist verflucht von der christlichen Kirche.

Diesen soll einer dem andern abschreiben, und wenn ihr so viel Sünden als Sand am Meere habt, so sollen sie euch vergeben werden. Glaubet gewiss, dass ich den ehre. Und werde euch am jüngsten Tage strafen, so ihr mir keine Antwort geben könnt, ein jeglicher über seine Sünden. Haltet meine Gebote, welche ich durch meinen Engel Michaëlis übersandt habe. Amen.

(*Веселовскій*, Опыты, II, 106—107, въ Ж. М. Н. Пр. ч. 184=*Strackerjan.* Aberglaube und Sagen a. d. Herzogthum Oldenburg. (Oldenburg. 1857). I B. S. 60—63).

ПРИБАВЛЕНІЕ.

АПОКРИФЫ, ЗАПИСАННЫЕ ВЪ ВОЛЫНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

(Изъ рукописи, находящейся у мѣщанки Рощукъ въ г. Острогѣ, Волынской губ.).

I. Сонъ Пресвятыя Богородицы и Приснодѣвы Маріи.

Аще кто желаетъ читать сонъ Пресв. Богородицы. Спаситель всего міра Господь Богъ нашъ рекъ Матери своей: „О Мати моя возлюбленная, Пресв. Богородице! почивала ты во градѣ Виѳліемѣ и что во снѣ видѣла? объяви мнѣ“. И рече Пресв. Богородица къ Сыну своему и Богу: „Сынъ мой возлюбленный! Воистину, я почивала во св. градѣ Виѳліемѣ въ мѣсяцѣ мартѣ и видѣла про Тебя сонъ страшенъ и ужасенъ. Не могу въ слезахъ, провозгласити. Объявляю Твои великія страсти Христовы. За 7 дней до воскресенія Твоего, воскресивъ изъ мертвыхъ Лазаря (праведнаго), друга Твоего, ѣхалъ Ты, Сынъ мой, на ослѣ, сопровождаемый учениками своими съ пальмовыми вѣтвями въ рукахъ, и дѣти еврейскія бросали цвѣты и восклицали: „Осанна въ вышнихъ! благословенъ грядый во имя Господне!“. За 4 дня до воскресенія Твоего совѣтовались между собою, чтобы погубить Тебя, и Ты, Сынъ мой, влилъ въ умывальницу воды и началъ мыть своимъ ученикамъ ноги и утирать лентіемъ, которымъ Ты былъ препоясанъ, и одинъ изъ апостоловъ, Іуда Искаріотъ, предалъ Тебя, Сына моего, за 30 серебренниковъ. Евреи связали Тебя и облекли въ багряницу, били Тебя, плевали на святое лицо Твое и велѣли сплесть терновый вѣнецъ на главу Твою, повели къ Пилату, сдѣлали крестъ изъ кипариса, повели Тебя на гору, называемую Голгофу, и велѣли нести Тебѣ крестъ. Ты падалъ нѣсколько разъ подъ его тяжестію; евреи же Тебя били немилосердно и привели Тебя на Лобное мѣсто, распяли Тебѣ руки и ноги, пригвоздили ко кресту, и одинъ воинъ, подошедъ къ Тебѣ, ударилъ Тебя въ ребро копьемъ, идеже истече кровь и вода, и распяли съ Тобою двухъ разбойниковъ—единаго одесную, а другого ошую Тебя. Одинъ изъ нихъ получилъ прощеніе, который сказалъ: „Помяни меня, Господи, когда пріидеши во царствіе Твое“; а Ты, Сынъ мой, рекъ ему: „Нынѣ будешь со Мной въ раю“. И Ты, Сынъ мой, умеръ на крестѣ. Въ это время церковная завѣса раздрася съ высшаго края до нижняго. Іосифъ и Никодимъ просили Пилата снять тѣло Твое со креста, и сняша, омыша, помазали ароматами, облекли въ чистую плащаницу и погребли во гробѣ“. Аминь.

II. Свитокъ Іерусалимскій.

Во св. градѣ Іерусалимѣ, въ одной Божьей церкви былъ слышанъ съ небеси гласъ отъ самого Господа І. Христа. „Пишу вамъ 1, 2 и 3-е посланіе отъ невидимаго Господа І. Христа. Я заповѣдалъ вамъ заповѣди, а вы ихъ не исполняете и не вѣруете въ нихъ. И праздники Господни далъ я христіанамъ на отдохновеніе, дабы вы праздновали духовно, а не тѣлесно, и занимались чтеніемъ и слушаніемъ Божественнаго писанія и не работали въ эти дни. Кто въ праздники работаетъ, на главу свою вѣчный огонь готовитъ. Безумные, которые закона не знаютъ, и по-своему Богу молятся, а Я вамъ далъ св. крещеніе. Во-вторыхъ, закона Моего не слушаете. Богъ терпѣливъ и многомилостивъ. „Не до конца прогнѣваюсь“, говоритъ Господь

„и жду вашего отвращенія отъ злыхъ дѣлъ и вашего покаянія. Аще не послушасте, то за беззаконія ваши погублю васъ. Да молятся за васъ Мать Моя, Пресв. Богородица и святіи ваши ангелы-хранители, и я на васъ всѣхъ грѣшныхъ умилосердюся и жду вашего покаянія и обращенія ко Мнѣ; но аще не покаетесь, пущу на васъ язвы и болѣзни мнози. Праздничные дни чтите; среду и пятницу постите, потому что въ среду евреи держали совѣтъ, дабы погубить Меня, а въ пятницу пригвоздили Меня ко кресту и копіемъ ребро Мое прободоша, и истече кровь и вода на исчезеніе христіанамъ всякихъ скорбей и болѣзней въ день воскресенія изъ мертвыхъ, и потому въ воскресеніе начало вашего спасенія, а вамъ воскресеніе. Аминь".

НАЗИДАНІЕ.

Аще кто грамотѣ умѣетъ, спишетъ этотъ свитокъ, будетъ давать всѣмъ читать и слушать со вниманьемъ, то аще тотъ человѣкъ грѣховъ имѣетъ, какъ песку въ морѣ, какъ звѣздъ на небѣ, то всѣ ему грѣхи будутъ прощены, и наслѣдуетъ царствіе небесное. Аминь.

III. 12 Пятницъ.

1. На первой недѣлѣ Великаго поста: кто сію пятницу поститъ, тотъ человѣкъ будетъ избавленъ отъ великой скудности.

2. Передъ Благовѣщеніемъ: кто сію пятницу поститъ, тотъ человѣкъ будетъ избавленъ отъ убіенія.

3. На Страстной недѣлѣ Великаго поста: кто сію пятницу поститъ, тотъ человѣкъ будетъ избавленъ отъ насильственной смерти.

4. Передъ Вознесеніемъ Христовымъ: кто сію пятницу поститъ, тотъ человѣкъ будетъ избавленъ отъ воднаго потопленія.

5. Передъ Сошествіемъ Св. Духа: кто сію пятницу поститъ, тотъ человѣкъ будетъ избавленъ отъ остраго меча.

6. Передъ Иліею Пророкомъ: кто сію пятницу поститъ, тотъ человѣкъ будетъ избавленъ отъ громового удара.

7. Передъ Іоанномъ Предтечею: кто сію пятницу поститъ, тотъ человѣкъ будетъ избавленъ отъ вѣчныя муки и тьмы адской.

8. Передъ Преображеніемъ: кто сію пятницу поститъ, тотъ человѣкъ будетъ избавленъ отъ трясенія трясовицы.

9. Передъ Успеніемъ Богородицы: кто сію пятницу поститъ, тотъ человѣкъ будетъ избавленъ отъ всѣхъ бѣдствій во всю жизнь свою.

10. Передъ Архангеломъ Михаиломъ: кто сію пятницу поститъ, тотъ человѣкъ будетъ избавленъ отъ ограбленія.

11. Передъ Рождествомъ Христовымъ: кто сію пятницу поститъ, тотъ человѣкъ будетъ записанъ у Господа въ книгѣ живыхъ.

12. Предъ Крещеніемъ Господнимъ: кто сію пятницу поститъ, тотъ человѣкъ будетъ избавленъ отъ смертной казни.

НАЗИДАНІЕ.

Аще кто и во всѣ хотя пятницы поститъ, то если въ одну изъ нихъ даже со своею законною женою сотворитъ блудъ, то у нихъ родится дѣтище аки плутъ, аки воръ, аки злодѣй, аки глухое, аки слѣпое и всему злому дѣлу наставникъ.

Записалъ А. Н. Малинка.

БОГОРОДИЦА ВЪ НАРОДНОЙ ПОѲЗІИ.

(ОТРЫВКИ и ЗАМѢТКИ [1]).

У Византійцевъ, при богатствѣ ихъ творческой фантазіи и при ихъ наклонности ко всѣмъ родамъ и видамъ колдовства, безъ сомнѣнія, бродило множество сказаній о Богоматери совершенно противорѣчащихъ православному о ней представленію, и Ея святое имя фигурировало въ двоевѣрныхъ обрядахъ, часть которыхъ дожила въ народѣ и до нашихъ временъ.

Михаилъ Пселлъ, въ рѣчи противъ патріарха Керулларія, упоминаетъ псевдопророчицу Досифею, которая разсказывала какую-то богородичную легенду, гдѣ Матерь Слова выводилась на сцену въ разговорѣ со священникомъ и патріархомъ, оплакивающей Сына и возвѣщающей будущее. [2]) При этомъ въ уста ей влагались слѣдующія слова, по мнѣнію Пселла, болѣе приличныя колдуньямъ, нежели Богоматери: *приближающееся утро принесетъ вамъ благо* (εὖ ὑμῖν τὸ περίορθρον); *дунь дважды въ чашу* (ἐμφύσησον δὶς τῷ κυπέλλῳ); *добро Мнѣ, что, видя луну въ половинномъ фазисѣ, тотчасъ тебя увидѣла* (ἀγαθόν μοι ὅτι τὴν σελήνην ἰδοῦσα μηνοειδῆ εὐθὺς σὲ τεθέαμαι).

Сказаніе указываетъ на какую-то связь между Богоматерью и мѣсяцемъ; за неимѣніемъ другого ея объясненія можно бы обратиться къ извѣстной иконографической композиціи на текстъ: Се Жена одѣяна въ солнце и луна подъ ногами Ея [3]); но существованіе ея во времена Пселла представляется крайне проблематичнымъ.

---

[1]) Настоящія замѣтки ни въ какомъ отношеніи не претендуютъ на полноту; онѣ подбирались случайно, при работѣ о Богоматери въ средневѣковомъ искусствѣ и литературѣ. Но такъ какъ опубликованіе послѣдней по разнымъ причинамъ отодвигается въ неопредѣленную даль, я рѣшился напечатать хоть часть этого побочнаго матеріала, въ надеждѣ, что онъ представитъ кое-что новаго для этнографовъ и побудитъ молодыхъ ученыхъ къ болѣе плодотворнымъ работамъ въ томъ же направленіи.

[2]) *Τὰ μὲν τὸν υἱὸν λιτανεύουσα, τὰ δὲ ἐπαγγελλομένη, τὰ δὲ τῷ μύστῃ διδοῦσα καὶ πατριάρχῃ.* (*П. Безобразовъ*—въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1889 г., сент. 46—7). Можетъ-быть, эти темныя слова указываютъ на греческій оригиналъ такъ называемаго Сна Богородицы?

[3]) Чувашское благодѣтельное божество Серлô, главный врагъ Шайтана, сынъ чистой дѣвы Кнопъ-Амымъ и мѣсяца (Вѣстникъ, № 715). Серло, очевидно, божество позднее, и его христіанское происхожденіе не можетъ представляться совсѣмъ невѣроятнымъ тому, кто въ XXVI (русск. пер.) пѣсни финской Калевалы видитъ грубо измѣненную исторію Рождества Христова; а можно ли въ Калевалѣ отвергать христіанскую основу, когда мать чудеснаго младенца, заставившаго исчезнуть Вейнемейнена, даже носитъ имя Маріатты?

1-ое чудо новорожденнаго сына Маріатты: его строгая рѣчь къ Вейнемейнену въ защиту матери совпадаетъ съ тѣмъ, что разсказываютъ объ Иссѣ мусульманскія преданія (*Weil*, Bibl. Legenden der Muselmänner, стр. 285); конечно, это не случайное совпаденіе, а единство источника.

Оставаясь на той же греческой почвѣ, приводимъ современное сказаніе о слѣдѣ ноги мула Богоматери по мѣстному преданію, опубликованному въ журналѣ Δελτίον (II, 5, 139 и слѣд.).

„Въ Стамніи есть наверху скала, ударяемая волнами; тамъ виденъ слѣдъ мула Богородицы (Панагіи). Однажды, много лѣтъ назадъ, была здѣсь такая буря (φουρτοῦνα), что даже рыбъ выбрасывало изъ моря. Попалъ сюда одинъ корабль, которому предстояло разбиться вдребезги въ водоворотѣ. Тогда капитанъ и матросы, которые были добрыми христіанами, какъ мы теперь, перекрестились съ вѣрою и воскликнули: Помоги, Богородица (Βοήθα, Παναγιά μου)! И Богородица вдругъ очутилась здѣсь верхомъ на мулѣ, подъѣхала и бросила 3 кремневыхъ камешка (τρία χαλικάκια) въ море, и море стало, какъ масло, и корабль спасся“.

О слѣдахъ ногъ Христа на камнѣ существуетъ длинный рядъ сказаній, часть которыхъ имѣетъ значеніе въ иконографіи Вознесенія [1]). Встрѣчаются мѣстныя сказанія и о слѣдахъ явленной Богородицы [2]); но *слѣдъ мула Ея*, сколько знаю, большая рѣдкость.

Изъ западныхъ сказаній отмѣчу 2 варіанта пѣсни на евангельскую тему, оригинально понятую. Они и озаглавлены оригинально: *Ревность Іосифа* [3]). Въ первой пѣснѣ (изъ Arraincourt) въ началѣ лирически излагается извѣстный апокрифъ:

Passant par bois, passant par vigne (читать: vine)
Cueillons chacun z'une houssine (прутикъ).
La première qui fleurira,
La sainte Vierge épousera, и т. д.

Прутикъ зацвѣлъ у Іосифа, *хотя былъ онъ срѣзанъ семь лѣтъ назадъ* (эпическое усиленіе апокрифа). Узнавъ о положеніи Маріи, Іосифъ *идетъ въ Римъ*, чтобъ посовѣтоваться, какъ ему поступить; но ангелъ разрѣшаетъ его сомнѣнія.

Вторая пѣсня [4]) разсказываетъ, что Іосифъ и Богоматерь идутъ гулять; надо перейти черезъ ручей, а Богоматерь не можетъ этого сдѣлать безъ посторонней помощи; Іосифъ же не хочетъ помочь Ей: Que celui qui vous a mise enceinte la vous vienne passer,—отвѣчаетъ онъ Ей. Тогда Богоматерь прикасается къ водѣ посохомъ, и вода раздѣляется. Они садятся подъ яблоней. Богоматерь проситъ яблока; Іосифъ отказываетъ Ей въ тѣхъ же выраженіяхъ; тогда яблоня наклоняется, и Іосифъ наконецъ признаетъ себя виновнымъ.

Здѣсь мы имѣемъ любопытное сліяніе распространеннаго евангельскаго мотива (сомнѣнія Іосифа) съ апокрифической чертой наклоненія дерева, взятой изъ бѣгства въ Египетъ. Народная поэзія пользуется второю для того, чтобы картиннѣе обставить первый.

По рукописнымъ замѣткамъ, любезно сообщеннымъ мнѣ издателемъ Мелюзины m-r Roland'омъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Франціи въ богородичные праздники женщины пользуются особенными правами; украшеніе иконъ Богородицы и статуй пріурочивается главнымъ образомъ къ Ея весеннему празднику—1 мая. Богоматерь охраняетъ порядокъ въ домахъ французскихъ крестьянъ: если ребенокъ шалитъ, напр., цѣпью висящаго котла, его останавливаютъ тѣмъ, что cela fait du chagrin à la Vierge. Очевидно, и во Франціи Богоматерь замѣнила женское благодѣтельное божество или рядъ божествъ поздней весны и домашняго благоустройства; но замѣнила такъ давно и настолько основательно, что нѣтъ ни малѣйшей возможности усмотрѣть въ ней какіе-либо признаки стертыхъ вѣрованій. Получилась какъ бы перечеканенная монета,

[1]) Отзвуки ихъ дожили и до нашего времени. См. въ письмѣ Гоголя къ Жуковскому отъ 28 февраля 1849 г. (изд. Кулиша, VI, стр. 479).

[2]) Между прочимъ см. „Кіевскую Старину“ 1884 г., № 2, стр. 330; въ статьѣ: „Изъ прожитыхъ на Волыни дней“ Костомаровъ разсказываетъ, что въ главной Почаевской церкви показываютъ стопку Божьей Матери; преданіе говоритъ, что еще въ то время, когда не существовало монастыря, пастухъ увидалъ на этомъ мѣстѣ стоящую Богоматерь; видѣніе исчезло, а слѣдъ ноги остался, и этотъ слѣдъ часто рисуется подъ изображеніемъ Почаевской иконы Б. Матери.

[3]) Mélusine, 1892, № 1, стр. 23, и № 2, стр. 40.

[4]) Chanson de la Corrèze, communiquée par de Lépinay.

вѣсъ и цѣнность которой остались приблизительно тѣ же, но въ изображеніяхъ и „легендѣ“ было бы безумно искать связи съ ея прежнимъ видомъ.

Изъ непечатнаго же матеріала считаю нелишнимъ привести любопытный варіантъ легенды о Богородицѣ, слышанный въ Бессарабской губерніи моимъ товарищемъ А. И. Мавродіади и любезно предоставленный имъ въ мое распоряженіе.

„Великой печалью удручена Пречистая Богородица. Вотъ уже нѣсколько дней, какъ не слыхать ничего объ Ея Сынѣ, Господѣ нашемъ І. Христѣ. Идетъ Она, рыдаетъ, волосы на Себѣ рветъ и всѣхъ вопрошаетъ: „не видали ли вы, люди добрые, Сына Моего, Господа нашего І. Х.? Не слыхали ли, что съ Нимъ приключилось? Живъ ли Онъ?“ — Идетъ Она, да не путемъ дорогой, а черезъ лѣса и горы, черезъ поля и долы, всѣхъ вопрошаетъ, но никто Ей ничего сказать не можетъ, а и можетъ, такъ не хочетъ. Вотъ, наконецъ, встрѣтила она цыгана: веселъ онъ, видно послѣ хорошаго заработка, спѣшитъ куда-то и размахиваетъ руками. „Что, Матушка, такъ рыдаешь? Не потеряла ли чего? Скажи коли что, а мы умишкомъ смекнемъ и что-нибудь до посовѣтуемъ.“ — „Сына не найду, Господа нашего І. Х. Не видалъ ли? не слыхалъ ли?“. — „Какъ не видать, какъ не слыхать? Безъ насъ развѣ что обойдется! Жиды Его взяли, распинать стали; гвоздей мнѣ заказали; хорошую плату дали. Четыре только гвоздя заказали. Да вѣдь я не скупъ, если хорошо платятъ: пять имъ гвоздей вмѣсто четырехъ приготовилъ, да всѣ одинъ лучше другого: какъ вобьешь, зубами не выдернешь. Четыре гвоздя вбиты, а пятый и дѣть некуда; да я же ихъ на умъ навелъ.—Воткните,—говорю имъ,—пятый гвоздь въ бокъ! Они и воткнули пятый гвоздь въ бокъ, а оттуда потекла кровь и вода. Потѣха!“ Злорадство цыгана еще болѣе огорчило Богородицу и прокляла Она его, прокляла навѣкъ: — „Будь ты проклятъ, черный цыганъ! До всего дойдетъ человѣкъ, а ты будешь знать только молотъ свой, да раздувальный мѣхъ. И будешь вѣчно ты рабомъ у людей, и будутъ тебя всѣ звать ворономъ, будутъ тебя чуждаться, всѣ тебя будутъ проклинать. Да будетъ!“ — И съ тѣхъ поръ, отъ того проклятія Богородицы, цыгане стали черны, рабы, занимаются кузнечествомъ и въ презрѣніи у всѣхъ.

А Пречистая Матерь идетъ дальше, рыдаетъ, волосы на себѣ рветъ, и свѣтъ Ей не милъ. Такъ Она и набрела на болото, а у берега лягушка, смотритъ на Нее съ соболѣзнованіемъ и такъ жалобно квакаетъ: Что, Матушка, такъ печальна? Отъ какой бѣды въ такое отчаяніе приходишь? — И говоритъ ей Мать Пречистая: „Какъ Мнѣ не печалиться? какъ Мнѣ не приходить въ отчаяніе? Одинъ у Меня былъ Сынъ, Господь нашъ І. Х., и того Моего Сына любезнаго жиды распяли, четырьмя гвоздями къ кресту прибили, да еще цыганъ, будь онъ проклятъ, пятый гвоздь отъ себя сдѣлалъ и посовѣтовалъ вбить Ему въ бокъ, и оттуда потекла кровь и вода“. Заквакала лягушка, такъ жалобно заквакала, такъ жаль ей стало Пречистой Матери. Заквакала и, какъ можетъ, старается Ее утѣшить: „Одного Сына Ты потеряла, Пречистая Мать, а у меня ихъ было 12, да какіе все зелененькіе, лупоглазенькіе; да проѣзжалъ мужикъ съ возомъ въ бродъ и всѣхъ 12 однимъ колесомъ задавилъ, ни одного-то у меня не осталось! Да и то утѣшилась: на все воля Божія“. Легче стало Богоматери отъ этихъ словъ, и благословила Она лягушку навсегда: — „Да будешь ты всегда въ почетѣ у людей. Будутъ люди пить воду, въ которой ты купаешься, и не будутъ этимъ гнушаться. Убить тебя великій грѣхъ, ибо ты утѣшила Мое горе, утѣшила Мать Господа нашего І. Христа!“ — И съ тѣхъ поръ люди пьютъ воду, въ которой купается лягушка, и не гнушаются этимъ, а убить лягушку—великій грѣхъ“.

Сказаніе любопытно прежде всего сильнымъ мѣстнымъ колоритомъ въ обѣихъ своихъ частяхъ: цыгане въ Бессарабіи долго находились въ крайне приниженномъ, почти безправномъ состояніи, да и до сихъ поръ симпатіей и уваженіемъ не пользуются; лягушка—довольно противное существо въ лѣсной и богатой водой сторонѣ; но въ сухой и безводной степи бессарабской ея кваканье часто бываетъ пріятнѣй соловьиной пѣсни. Далѣе, здѣсь мы имѣемъ характерный образчикъ космогоническаго миѳа новѣйшей формаціи на христіанской основѣ, какихъ немало встрѣчаемъ въ легендахъ всѣхъ народовъ; для нихъ часто ищутъ (и находятъ) источники въ апокрифахъ, но въ данномъ случаѣ ничего подобнаго предполагать нельзя. Въ основѣ знаменитая въ христіанской поэзіи (начиная съ V вѣка) тема—плачъ Богородицы,

развитая очень своеобразно съ затемнѣніемъ Евангельскаго текста о прободеніи бока Спасителя.

Соотвѣтственно такой роли цыгана въ вышеприведенномъ сказаніи „сыны Египта“, т.-е. тѣ же цыгане, замѣняютъ жидовъ мучителей Христа въ длинномъ рядѣ французскихъ и англійскихъ пѣсенъ о страстяхъ Господнихъ.

Роль иконы Богородицы „Неопалимой Купины“ при деревенскихъ пожарахъ указалъ еще Каменскій (Церковнонародный мѣсяцесловъ, СПБ. 1877 г., подъ 4 сент.) и вполнѣ убѣдительно объяснилъ ея происхожденіе изъ церковныхъ пѣснопѣній; но его объясненіе обычая выпускать птицъ на Благовѣщеніе (день освобожденія человѣчества) мнѣ представляется слишкомъ общимъ и отвлеченнымъ, и я связалъ бы его съ древней и нынѣ общераспространенной иконографической подробностью—присутствіемъ голубя въ изображеніи Благовѣщенія.

Изъ иконографіи Рождества Христова, безъ сомнѣнія, легко объясняется тотъ особый почетъ, который въ Рождественскую ночь воздается скоту (см. Révue des traditions populaires 1891. Decembre, стр. 726, ср. *Головацкій*, Пѣсни угорской Руси IV, 138 и мн. др.). Иконографическіе оселъ и быкъ въ драматическомъ изображеніи Рождества Христова естественно влекутъ за собою всѣхъ другихъ млекопитающихъ и птицъ, которыя, подъ предводительствомъ льва и орла, являются на поклоненіе новорожденному (Kolberg, Lud V, стр. 244); точно такъ же покланяющіеся пастухи привлекають другихъ работниковъ: пекарей, портныхъ, веревочниковъ и пр. (ib. XVI, стр. 106 и 107).

Буквальное пониманіе Евангелія и церковныхъ пѣснопѣній очень характерно выступаетъ, между прочимъ, въ редакціи вертепа въ Купянскомъ уѣздѣ [1]), гдѣ послѣ волхвовъ къ Ироду является *бабка Рахиль* съ ребенкомъ на рукахъ и проситъ пощадить ея дѣтей.

Нельзя не видѣть отзвука апокрифическаго сказанія о процвѣтшемъ жезлѣ Іосифа въ той сербской сказкѣ на тему „кто меньше желаетъ, тому больше дается“, которую приводитъ Аѳанасьевъ въ предисловіи къ легендамъ [2]).

Въ заключеніе укажу на богородичный апокрифъ, который сохранился въ протестантской странѣ и теперь оказывается прикрѣпленнымъ *къ доктору Мартину Лютеру*.

Извѣстно сказаніе о томъ, какъ во время бѣгства въ Египетъ Іосифъ съ Богородицей и младенцемъ Христомъ проѣзжали мимо сѣятеля, трудъ котораго благословилъ Спаситель, вслѣдствіе чего только что посѣянный хлѣбъ мгновенно взошелъ и созрѣлъ; когда къ сѣятелю подъѣхали преслѣдователи, онъ съ чистою совѣстью могъ сказать, что искомые ими люди проѣзжали тогда, когда онъ сѣялъ хлѣбъ, который жнетъ теперь; воины Ирода заключили изъ этого, что Іосифъ и Марія съ младенцемъ уже далеко, и вернулись назадъ. Изображеніе этой чудесной жатвы и вдали бѣгущаго св. Семейства очень часто встрѣчается въ западной иконографіи и въ миніатюрѣ молитвенниковъ XV и XVI вѣковъ.

Вендское сказаніе изъ Шпреевальда разсказываетъ, что Лютеръ, „спасшій библію изъ рабства“ (hat die Bibel aus der Sclaverei geholt), бѣжалъ черезъ поле и увидалъ пахаря.—„Что ты будешь сѣять?“—спрашиваетъ Лютеръ.—„Овесъ“ (Awer),—отвѣчаетъ тотъ.—„Если ты покончилъ съ сѣвомъ,—говоритъ ему Лютеръ,—иди домой, возьми серпъ и начинай жать“. Тотъ такъ и сдѣлалъ. Когда пришла толпа людей и стала его спрашивать, не видалъ ли онъ человѣка съ книгой, онъ отвѣтилъ, что видѣлъ, когда сѣялъ этотъ овесъ. Тѣ сочли дальнѣйшее преслѣдованіе безполезнымъ. So war Luther mit der Bibel glücklich durchgekommen [3]).

А. Кирпичниковъ.

---

[1]) „Кіевская Старина“ 1884, № 3, стр. 513—514.

[2]) У невѣсты-царевны 3 жениха, 2 царя и юноша, руководимый ангеломъ; гадая, кого взять изъ нихъ, невѣста сажаетъ 3 лозы, и на лозѣ скромнаго юноши поутру оказывается гроздіе.

[3]) Wendische Volkssagen und Gebräuche aus dem Spreewald von Wilibald von Schulenburg, стр. 47—8.

АРМЯНСКІЙ АПОКРИФЪ.

(По рукописи XVII в.).

„Посланіе судьи Пилата къ Тиверію Кесарю по распятіи на крестѣ Господа Бога нашего“.

„Самодержцу Августу, славному и могучему Тиверію Кесарю отъ Пилата судьи въ странахъ „Востока, Палестины и Финикіи, привѣтъ.

„Надлежитъ мнѣ донести твоему величеству о страшномъ событіи, коимъ я былъ глубоко „потрясенъ, какъ очевидецъ онаго происшествія. Такъ, подъ моей властью, между прочимъ, на„ходится городъ, прозываемый Іерусалимомъ, гдѣ живетъ великое множество евреевъ. Они „предали въ мои руки нѣкоего мужа Іисуса, про котораго отцы ихъ имѣли благую вѣсть, „что Богъ ниспошлетъ съ небесъ Святаго, и Онъ наречется царемъ. Обѣщанный черезъ „Дѣву и ниспосланный на землю Іисусъ, въ бытность мою судьей, творилъ въ Іудеѣ много „чудесъ, о коихъ я желаю повѣдать тебѣ.

„Одна изъ ересей, приписываемыхъ Ему, та,—говорили евреи,—что Онъ не соблюдаетъ суб„боты и нарушаетъ ее исцѣленіемъ разслабленнаго, заставляя слѣпыхъ видѣть, хромыхъ ходить. „Онъ даже и мертвыхъ воскрешаетъ: такъ, одного умершаго мужа, уже истлѣвшаго, четыре дня „спустя, Онъ по имени вызвалъ изъ могилы обвязаннаго покровомъ по рукамъ и по ногамъ, „вывелъ живымъ изъ гробницы въ здравіи и благоуханіи, словно жениха, выходящаго изъ брач„наго чертога; исцѣливъ бѣсноватыхъ, бродящихъ въ пустынныхъ мѣстахъ и терзавшихъ самихъ „себя, Онъ обращалъ въ жителей городовъ. Сильныхъ и знатныхъ Онъ укрощалъ словомъ, въ „дѣлѣ и ѣдѣ дѣлалъ ихъ равными прочимъ, а бѣсовъ нечестивыхъ, вселившихся въ нихъ, „отсылалъ въ морскую бездну. У нѣкоего мужа одна сторона (тѣла) высохла, и на немъ не „осталось человѣческаго подобія; Іисусъ исцѣлилъ и сдѣлалъ его пристойнымъ. Одна женщина „страдала кровотеченіемъ, ея тѣло и кровныя жилы изсохли, и она лежала, какъ мертвая; врачи „сего міра не могли ее исцѣлить, ибо въ ней не осталось жизни; Господь Іисусъ нарочито „пошелъ къ ней въ домъ, и она сдѣлала слабое движеніе, прикоснулась къ Его одеждѣ и, „исцѣлившись такимъ образомъ, встала, будто совсѣмъ не болѣла, и быстрокрылой птицей по„спѣшила въ родной свой городъ Капернаумъ, отстоящій отсюда на разстояніи семидневнаго „пути. Іисусъ все творилъ въ субботу и много другихъ знаменій совершалъ, чего никто изъ про„чихъ земныхъ созданій не въ состояніи дѣлать. Его-то предали въ мои руки Иродъ, Архелай, „Филиппъ, Анна и Каіафа. Когда же я не пожелалъ Его распинать, они произвели большіе без-

„порядки и подняли крики. Послѣ неоднократныхъ допросовъ, за Нимъ не оказалось никакой „вины; но такъ какъ мнѣ не удалось убѣдить ихъ въ этомъ, то они схватили Его и предали „на распятіе. Тогда мракъ въ полдень внезапно охватилъ всю вселенную, ибо солнце, и луна, „и звѣзды померкли, и нигдѣ не осталось ни одного луча свѣта. Передъ грозной славой Его по-„трясенная преисподняя отверзлась, воскресли умершіе, какъ засвидѣтельствовали сами „евреи, говоря: мы воочію видѣли Авраама, Исаака и Іакова съ двѣнадцатью патріархами и „многихъ другихъ, которыхъ и я видѣлъ воскресшими изъ мертвыхъ; они плакали изъ-за ихъ „злодѣяній и беззаконій. Страхъ потрясенія продолжался отъ шестого часа дня до девятаго „часа. Іисуса сняли съ креста, похоронили и къ могилѣ приложили печать; я поставилъ у „гроба военную стражу. Она пришла и донесла слѣдующее: по прошествіи субботы, на разсвѣтѣ „перваго дня недѣли, съ небесъ разразился громъ, и небо озарилось свѣтомъ въ семь разъ „ярче обычнаго дня, и въ третьемъ часу ночи появился ослѣпительный блескъ, и несмѣтные „сонмы громко возглашали: «Іисусъ нашъ распятый воскресъ изъ мертвыхъ: выйдите изъ ада „томящіеся въ порабощеніи у діавола смерти въ нѣдрахъ преисподней!» Трещина земли такъ „широко разверзлась, словно ея (земли) и сначала не было, ибо обнаружились самыя основанія „міра. Послѣ возглашенія и хожденія ихъ между воскресшими изъ мертвыхъ, Господь замкнулъ „преисподнюю и сказалъ имъ, что они увидятъ Его въ Галилеѣ. Во всю ночь не угасалъ неот-„разимый свѣтъ, и многіе евреи упали въ трещину и исчезли; на слѣдующее утро ихъ искали — „и не нашли.

„Пораженный этимъ дивнымъ явленіемъ, я въ точности повѣдалъ все твоему державному „величеству. Желаю здравствовать“.

„Посланіе пришло въ Римъ и было прочитано Кесарю; многіе вельможи, бывшіе при этомъ, „когда услышали донесеніе, удивились, пришли въ ужасъ и въ великомъ смущеніи прого-„ворили: «Это вѣроломство Пилата было причиною помраченія и сотрясенія всей вселенной». „Разгнѣванный Кесарь отправилъ воиновъ и велѣлъ въ оковахъ привести Пилата въ Римъ. „Когда Кесарь со всѣмъ синклитомъ и вельможами засѣдалъ въ храмѣ идоловъ, онъ при-„казалъ вызвать Пилата и сказалъ ему: «О трижды несчастный! какъ ты осмѣлился и дерзнулъ „совершить такіе проступки по отношенію къ мужу, Сыну Божьему, и погубить всю вселенную?» „—«Я неповиненъ въ томъ,—отвѣтилъ Пилатъ:—начальники и весь народъ еврейскій осудили Его». „—«Кого ты разумѣешь,—спросилъ Кесарь,—назови ихъ!»—«Это—Иродъ, Филиппъ, Архелай, Анна, „Каіафа и другіе начальники и весь народъ»,—сказалъ Пилатъ.—«Зачѣмъ же ты послушался ихъ?»— „продолжалъ допрашивать Кесарь. Пилатъ отвѣтилъ:—«Наглы и непокорны князья еврейскаго „народа».—Кесарь тогда сказалъ: «Тебѣ слѣдовало бы осторожно оборонять подобнаго Спасителя „міра, если Онъ добровольно пришелъ взойти на крестъ; а Онъ подлинно былъ Христосъ, царь „евреевъ». И лишь только Кесарь помянулъ имя Христа, какъ вдругъ всѣ идолы, упавъ, раз-„бились вдребезги, какъ пыль. Объятые ужасомъ, Кесарь и вся толпа встали и удалились „въ содроганіи. Очнувшись отъ страха, Кесарь на слѣдующій день созвалъ судъ, сѣлъ въ „Капитоліумѣ и приказалъ привести къ нему Пилата и сказалъ ему: «О злосчастный! изъ-за „твоихъ злодѣйствъ сокрушились боги наши; нынѣ повѣдай мнѣ: Кто Тотъ грозный, чье имя „низвергло всѣхъ боговъ?» Пилатъ отвѣтилъ: «Достовѣрная память о Немъ записана у пророковъ „еврейскихъ (и гласитъ, что) нѣтъ Ему подобнаго между богами языческими, и я преклоняюсь „предъ Его чудесами, кои и самъ видѣлъ и слышалъ».—«Какъ же ты предалъ Его мученіямъ,— „спросилъ Кесарь,—когда такъ отзываешься о Немъ? О такомъ сопротивленіи (евреевъ?) моей „власти, вслѣдствіе твоего вѣроломства, одинъ разъ и дважды писалъ мнѣ царь армян-„скій (Абгарь)» *).—«Великій царь,—сказалъ Пилатъ,—это не такъ: все произошло, господинъ „мой Кесарь, отъ проклятій нечестиваго еврейскаго народа, ибо онъ измѣнилъ мнѣ».

---

*) См. Исторію Арменіи, *Моисея Хоренскаго*, кн. II., гл. XXXIII. Два письма Абгаря къ Тиверію. Перев. Н. Эмина. Москва, 1893 года, (стр. 83—84). *К.—I.*

„Въ сильномъ гнѣвѣ Кесарь со всѣмъ синклитомъ и вельможами такъ написалъ о „лютомъ еврейскомъ племени:

«Лиціану, начальнику восточныхъ странъ, привѣтъ. Вѣдай про дерзость Іерусалима, какое „беззаконіе учинено имъ надъ Господомъ Іисусомъ, Сыномъ Божьимъ, который, осужденный „нечестивымъ Пилатомъ, взошелъ на крестъ; за незаслуженныя Имъ мученія всѣ страны свѣта „омрачились и очутились на краю гибели. Поэтому, соблаговоли, по моему велѣнію, отправиться „во главѣ всѣхъ войскъ въ тѣ области, полони всѣхъ жителей и, въ силу даннаго мною указа, „подвергни ихъ самымъ жестокимъ карамъ, заслуженнымъ ими своимъ вѣроломствомъ, разсѣй „все племя между язычниками на рабство, дабы не появлялись они больше на землѣ, ибо, „какъ я узналъ отъ Абгаря, царя армянскаго, они (евреи) преисполнены великой злобы»..

„Лиціанъ получилъ означенный указъ".

Вышеприведенный переводъ нашего апокрифа мы, въ свое время, сообщили М. Н. Сперанскому, который посвятилъ ему нѣсколько словъ въ засѣданіи Восточной Комиссіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества 10 ноября 1895 года. По поводу этого вотъ что мы читаемъ въ Восточныхъ Древностяхъ: „М. Н. Сперанскимъ сдѣлано слѣдующее сообщеніе: въ одной изъ армянскихъ рукописей, помѣченной 1616 г. и привезенной Х. И. Кучукъ-Іоаннесовымъ изъ Херсонской губ., нашелся текстъ: „посланіе Пилата къ Тиверію Кесарю о Господѣ нашемъ І. Х.". Этотъ текстъ, сообщенный въ дословномъ русскомъ переводѣ Х. И. референту (Сперанскому), представляетъ, по мнѣнію послѣдняго, слѣдующія особенности по составу: 1) посланіе Пилата, переведенное съ 1-й греческой редакціи этого памятника, въ довольно близкой передачѣ. 2) Судъ и смерть Пилата слиты въ одно цѣлое съ посланіемъ, фактъ—обычный и въ другихъ литературахъ; статья также восходитъ къ греческому источнику. 3) Оба памятника по мѣстамъ интерполированы изъ такъ называемой легенды объ Авгарѣ, о нерукотворенномъ Спасѣ. Интерполяторъ пользовался не отдѣльной легендой, а тѣмъ текстомъ, который внесенъ въ хронику Моисея Хоренскаго (30-я глава, II кн.; русск. перев. Эмина, 2-е изд.): въ легендѣ Моисея и въ разсматриваемомъ текстѣ Авгарь—царь армянскій. Это также заставляетъ въ интерполяторѣ видѣть армянина по національности. Такой видъ памятника, т.-е. соединеніе посланія и смерти Пилата съ легендой объ Авгарѣ, до сихъ поръ не былъ извѣстенъ въ литературѣ въ этомъ значеніи текста, найденнаго Х. И. Кучукъ-Іоаннесовымъ". (См. Древности Восточныя, Труды Восточной Комиссіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. Изд. подъ ред. М. В. Никольскаго. Томъ второй. Выпускъ I. Москва. 1896 г.).

Въ заключеніе намъ остается прибавить, что русскій переводъ открытаго нами памятника (въ г. Григоріополѣ, Херсон. губ.) впервые появляется въ печати, а армянскій его подлинникъ, составляющій собственность нашей библіотеки, до сихъ поръ еще не изданъ.

Хр. И. Кучукъ-Іоаннесовъ.

ОБЪ АВГАРѢ, ЦАРѢ ЭДЕССКОМЪ,

ПО МОИСЕЮ ХОРЕНСКОМУ [1]).

Прежде всего нужно замѣтить, что имя этого царя, единственное среди другихъ армянскихъ Аршакидовъ у Хоренскаго, рѣзко выдѣляется своимъ семитическимъ характеромъ. Какъ извѣстно, *Абгаръ* или *Акбаръ* было династическимъ названіемъ, которое, какъ имя, носили десять Озроенскихъ царей [2]). И, конечно, напрасно старается Хоренскій, не безъ вліянія, кажется, Евсевія [3]), объяснить это имя, на основаніи неудачныхъ лингвистическихъ сближеній, изъ армянскаго языка.

Начать съ того, что столкновенія армянскихъ царей Аршама (по свидѣтельству Хоренскаго—отца Авгаря) и самого Авгаря съ правителями Іудеи,—Иродомъ I и сыномъ его, Иродомъ II, — кажутся мнѣ искусственно придуманными, какъ мнѣ сдается, изъ религіозно-патріотической тенденціи армянскаго историка. „Дерзнувшій на Христа“ богопротивникъ Иродъ въ своихъ предпріятіяхъ долженъ былъ встрѣтить противодѣйствіе именно со стороны армянскихъ царей: Аршамъ, какъ человѣкъ болѣе податливый, послѣ нѣкотораго сопротивленія, уступилъ требованіямъ іудейскаго царя; но Авгарь не только всячески сопротивлялся его притязаніямъ, доходившимъ, съ точки зрѣнія христіанскаго историка, до святотатства, но даже открыто вступилъ съ нимъ въ борьбу и жестоко разбилъ войска, какъ Ирода I, такъ и Ирода Тетрарха.

Требованіе Ирода, чтобы изображеніе его было поставлено рядомъ съ изображеніемъ императора, и отказъ Авгаря навѣяны, какъ мнѣ кажется, разсказами Іосифа Флавія объ отчаянномъ сопротивленіи евреевъ всякій разъ, когда римскіе намѣстники или полководцы пытались ставить въ еврейскихъ храмахъ изображенія императора или даже римскіе знамена и орлы [4]). Мотивомъ

---

[1]) Разборъ главъ 25—36 II книги его „Исторіи Арменіи.“ Извлеченіе изъ приготовляемаго къ печатанію изслѣдованія: „Армянскіе Аршакиды въ Исторіи Арменіи Моисея Хоренскаго. Опытъ критики источниковъ“.

[2]) Еще во II в. до Р. Х. установилась арабская династія въ Эдессѣ или Orhâi, названная Озроенскою. Основателемъ Озроенскаго царства считается *Orhâi bar Heuja* (въ 137 г. до Р. Х.), за которымъ слѣдуютъ цари, называвшіеся преимущественно семитическими именами *Ману* и *Авгарь* и процарствовавшіе всего 352 г., т.-е. съ 137-го до Р. Х. по 216-ый г. по Р. Х. Послѣднимъ царемъ этой династіи былъ Ману IX, сынъ Авгаря IX. См. Die Königliste des Dionysios von Tellmahrê—bei *v. Gutschmidt*--Untersuchungen über die Geschichte des Königreichs Osroëne, ***Mémoires de l'Académie Impériale des sciences de S. Pétersbourg***, VII série, 1887, T. XXXV, № 1, p. 3—9.

[3]) *Eusebii Chronicon*, II, 165 p. (ed Venet.): „Edessae regnavit Abgarius *vir probus*, ut Africanus refert“; у Синкела, стр. 676, 13—„*ἱερὸν ἄνδρα*“.

[4]) Ср. Antiq. Iud. XVII, 8, XVIII, 4. Bella Iud. II, 17

этимъ пользуется Хоренскій еще разъ въ III книгѣ своей исторіи, тоже не безъ вліянія Іосифа Флавія, когда нужно показать геройское сопротивленіе одного изъ іерарховъ армянской церкви [1]) богопротивнымъ притязаніямъ царя,—сопротивленіе, запечатлѣнное мученическою кровью.

Ссылка Хоренскаго на свидѣтельство еврейскаго историка о постигшихъ Ирода различныхъ недугахъ за то, что тотъ дерзнулъ на Христа, не оправдывается ни изъ „Древностей Еврейскихъ", ни изъ „Войнъ Еврейскихъ". Болѣзнь іудейскаго царя Іосифъ Флавій отнюдь не приводитъ въ связь съ Іисусомъ; въ этомъ случаѣ армянскій историкъ, очевидно, находился подъ вліяніемъ Евсевія [2]), толкующаго и дополняющаго Іосифа.

О задуманномъ Иродомъ походѣ въ Персію ничего не извѣстно у другихъ историковъ. Хоренскій, повидимому, пользуется мимоходомъ брошеннымъ словомъ еврейскаго историка о произведенномъ Иродомъ наборѣ римской кавалеріи въ предѣлахъ *Сиріи*, для борьбы противъ Антигона [3]). Изъ этого намека армянскій историкъ, или его источникъ, создаетъ цѣлый разсказъ о войнѣ Ирода съ Авгаремъ, а для вящшей достовѣрности упоминаетъ о ѳракійскихъ и германскихъ отрядахъ іудейскаго царя, извѣстныхъ ему, по всей вѣроятности, только изъ описанія торжественныхъ похоронъ этого царя у того же Іосифа [5]). Наконецъ, самый разсказъ Хоренскаго объ Иродовомъ *племянникѣ* Іосифѣ, посланномъ противъ Авгаря и погибшемъ въ сраженіи, есть, по моему мнѣнію, передѣлка изъ повѣствованія того же еврейскаго историка о *братѣ* (а не племянникѣ) Ирода, Іосифѣ же, потерпѣвшемъ, во главѣ малоопытной римской кавалеріи, пораженіе въ войнѣ противъ Антигона и обезглавленномъ, по приказанію послѣдняго, задолго до предполагаемаго Авгаря, еще при Антоніи [6]).

Такова система заимствованій Хоренскаго: ни факты, ни имена, приводимыя имъ, не могутъ считаться вполнѣ вымышленными, но они произвольно переносятся изъ одной среды въ другую и пріурочиваются, смотря по соображеніямъ историка, къ совершенно другимъ лицамъ.

То же самое нужно замѣтить и относительно разсказа Хоренскаго о борьбѣ Авгаря съ Иродомъ Младшимъ. Разсказываетъ Іосифъ, что Тетрархъ Иродъ, будучи женатъ на дочери петрійскаго царя Ареты, бросилъ ее и женился на женѣ своего брата, Іеродіадѣ; оскорбленный отецъ за безчестіе дочери своей началъ войну съ Иродомъ и жестоко разбилъ его войска. Узнавъ о пораженіи своего вассала, императоръ Тиверій былъ крайне возмущенъ и далъ приказаніе римскому намѣстнику Вителлію наказать, во что бы то ни стало, петрійскаго царя [7]).

Весь этотъ разсказъ, въ которомъ нѣтъ ничего общаго ни съ Месопотаміей, ни съ армянами, приводится искусственнымъ образомъ въ связь съ исторіей послѣднихъ. Хоренскому нужно, чтобы Авгарь, въ качествѣ союзника, принялъ участіе въ войнѣ тестя противъ зятя, и чтобы Иродъ Младшій понесъ пораженіе и былъ такимъ образомъ наказанъ за свое нечестіе, „благодаря мужественнымъ армянамъ". Только вмѣсто Тиверія, разгнѣвавшагося на Арету ради Ирода Младшаго, у Хоренскаго фигурируетъ Германикъ, бранившій не петрійскаго царя, но уже посланныхъ въ Римъ вельможъ царей персидскаго Аршавира и армянскаго Авгаря за веденную ими войну, на которой былъ убитъ Іосифъ, племянникъ Ирода I.

Сношенія Авгаря съ Іисусомъ подготовлены у Хоренскаго довольно искусно: армянскій царь посылаетъ вельможъ своихъ къ новому римскому намѣстнику Финикіи, Палестины, Сиріи и Месопотаміи Сабину [8]) съ объясненіями объ истинной причинѣ предпринятаго имъ путешествія въ Персію и съ выраженіемъ покорности императору. На возвратномъ пути изъ Палестины

---

[1]) Моис. Хоренскій, III, 14.

[2]) Hist. Eccles. I, гл. 7. (стр. 45 по арм. перев.).

[3]) Bella Iud. I, 13.

[4]) Ant. Iud. XVII, 11.

[5]) Bella Iud. I, 13.

[6]) Bella Iud. I, 13.

[7] Antiq. Iud. XVIII, 7.

[8]) Во всѣхъ изданіяхъ оригинала М. Хоренскаго стоитъ *Маринъ;* но Gutschmidt, на основаніи палеографическаго сближенія, исправляетъ въ *Сабинъ*, такъ какъ въ послѣдней формѣ встрѣчается имя римскаго намѣстника какъ у Іосифа, такъ и въ сирскомъ оригиналѣ „Ученіе Аддея", а равно и въ армянскомъ его переводѣ—„Легендѣ объ Авгарѣ". См. Untersuchungen über Königreichs Osroene... p. 13.

посланные отправляются въ Іерусалимъ видѣть Іисуса Христа, о которомъ, какъ очевидцы, разсказываютъ потомъ Авгарю.

Евсевій, въ своей Церковной исторіи [1]), приводитъ главу о „письмѣ Авгаря“, топарха эдесскаго къ Христу, о приходѣ въ Эдессу и проповѣдяхъ апостола Ѳаддея и проч., извлекая все это, по его словамъ, „изъ книгъ и хартій эдесскаго архива съ переводомъ ихъ съ сирскаго на греческій языкъ“. О томъ же самомъ разсказываетъ М. Хоренскій, указывая на источникъ, изъ котораго черпаетъ онъ эти свѣдѣнія: „Лебубна, сынъ секретаря Апшадара,—говоритъ онъ,—описалъ всѣ дѣянія, совершившіяся при Абгарѣ и Санатрукѣ (sic!), и внесъ свой трудъ въ эдесскій архивъ“ [2]).

Свидѣтельство Хоренскаго одно время считалось недостовѣрнымъ; но съ 1864 г., когда Wright издалъ оставшійся послѣ Кюртона небольшой памятникъ—„объ ученіи апостола Аддея“ [3]) (Ѳаддея), въ которомъ находится бóльшая часть разсказовъ Евсевія и Хоренскаго и авторъ котораго называетъ себя *Лабубна*,—вопросъ этотъ получилъ иное освѣщеніе. Армянскій переводъ сирскаго памятника, сдѣланный, какъ предполагаетъ его издатель, въ V вѣкѣ, былъ найденъ еще въ 1852 г. извѣстнымъ ученымъ Алишаномъ, который напечаталъ его въ 1868 г. и въ томъ же году французскій съ него переводъ [4]).

Изданный Кюртономъ сирскій текстъ былъ неполный; пробѣлы эти восполнилъ Филипсъ [5]) на основаніи С.-Петербургской рукописи, относимой учеными къ VI вѣку. Послѣ того появился цѣлый рядъ изслѣдованій по этому вопросу: таковы работы Нельдеке, Липсіуса, Матѳеса, Боне-Мери, Тиксерона [6]), Гутшмидта, а также о. Дашіана и Карріера.

Изъ нихъ Липсіусъ первый занялся критическимъ разборомъ легендарнаго преданія: въ историческомъ отношеніи важно его доказательство, состоящее въ томъ, что добрая половина легенды объ Авгарѣ есть отраженіе дѣйствительнаго обращенія поздняго озроенскаго царя Авгаря IX въ христіанство, въ началѣ III в., равно какъ и встрѣчаемыя въ легендѣ имена епископовъ считаетъ онъ поздними, относя ихъ не къ I, но къ концу II и къ III вв. [7]).

Другой изслѣдователь—Тиксеронъ, полагаетъ, что легенда объ Авгарѣ начала складываться въ срединѣ III в., а именно послѣ исторически достовѣрнаго факта—перенесенія мощей св. Ѳомы въ Эдессу, въ 232 г., а въ послѣдней четверти того же столѣтія появилось сочиненіе, называемое имъ Acta Edessena, откуда черпалъ свой разсказъ Евсевій. Спустя лѣтъ сто эти Acta подверглись измѣненіямъ и переработкѣ, и появилось „Ученіе апостола Адея“ [8]).

Гутшмидтъ также занялся изслѣдованіемъ легенды объ Авгарѣ съ исторической точки зрѣнія; его изслѣдованіе между прочимъ важно и для критики М. Хоренскаго, который много черпалъ изъ этой „легенды“ для своей исторіи.

Царь эдесскій, писавшій Христу и, послѣ Вознесенія Его, получившій св. крещеніе отъ апостола Ѳаддея [9]) и имъ же исцѣленный отъ проказы,—уже въ древнѣйшихъ источникахъ [10]) называется *Абгаръ Ухама*, по Ученію Аддея — *Абгаръ Укама* (черный) [11]). Армянскій переводъ

---

[1]) Hist. Eccles, кн. 1, гл. 12. *„περὶ τῆς ἐπιστολῆς Ἀβγάρου“*. Въ армянскомъ переводѣ Церковной исторіи, сдѣланномъ, вѣроятно, въ V в. съ сирскаго ея перевода, глава эта озаглавлена: „Исторія о царѣ Урхы (т.-е. Эдессы).

[2]) М. Хор. II, 36.

[3]) *W. Cureton*, Ancient syriac documents relative to the earliest establishment of christianity in Edessa and the neigbouring countries, London, 1864. Текстъ стр. 5—23, переводъ стр. 6—23.

[4]) *Lettre d'Abgar* ou Histoire de la conversion des Edesséens par *Labaubna*, Venise, 1868.

[5]) The Doctrine of Addai the Apostel, now first edited in acomplete in óriginal syriac with an english translation and notes by *Georg Phillips*, London, 1876. XV, pp. 52, 53.

[6]) См. литературу предмета въ статьѣ о. *Я Дашіана.*—Zur Abgarsage, W. Z. f. K. M. IV. B. Heft. 1, 2, 3.

[7]) *A. Lipsius*, Die Edessenische Abgar-Sage, Braunschweig, 1880; стр. 92; ср. также у *Gutschmidt'a*—Untersuchungen über die Gesch d. Königreichs Osroene, стр. 2.

[8]) Les origines de l'Eglise d'Edesse et la légende d'Abgar, par *Tixeront*, Paris, 1888, 8°, стр. 204.

[9]) Въ армянскомъ переводѣ „Ученія Аддея“ или легенды объ Авгарѣ апостолъ называется *Адэ*, у Хоренскаго же въ исторіи—Ѳаддей, согласно Евсевію.

[10]) Hist. Eccles. *Eusebii*, I, 13.

[11]) *Ἀβγάρος οὐχ ἅμα τοπάρχης*. См. у Гутшмидта, *l.c.* стр. 10.

„Ученія Аддея" или, что то же,—легенды объ Авгарѣ, въ этомъ мѣстѣ, вслѣдствіе ли ошибки въ чтеніи, либо изъ нежеланія, чтобы царь самъ называлъ себя прозвищемъ по *черной* своей проказѣ, замѣняетъ его черезъ „Авгарь (сынъ?) *Аршама*" [1]). Въ другомъ мѣстѣ [2]) онъ называется *царь Авгарь, сынъ царя Ману*,—согласно съ Діонисіемъ Тель-Маарь [3]). Хоренскій, повидимому, находится въ зависимости отъ армянскаго перевода „Ученія Аддея", если у него отецъ Авгаря названъ *Арджамъ* или *Аршамъ*, котораго, по его словамъ, нѣкоторые изъ сирійцевъ якобы называли *Манова* [4]).

Такимъ образомъ, какъ отецъ Авгаря, Аршамъ или Ману, такъ и самъ Авгарь являются, согласно не только Озроенской исторіи, но и сирскому оригиналу „Ученія Аддея [5]), и даже армянскому его переводу—легенды объ Авгарѣ [6]), только *эдесскими царями* и ни изъ чего не видно ни ихъ отношеній къ Арменіи и армянамъ, ниже армянскаго ихъ происхожденія.

То же самое нужно замѣтить и относительно сына Авгаря, названнаго въ „Ученіи Аддея" *Ману*, но Хоренскимъ прозваннаго пренебрежительнымъ прозвищемъ *Ананунъ — безыменный*, вѣроятно, вслѣдствіе отступничества его отъ христіанства и жестокаго преслѣдованія вѣрующихъ, или же, какъ Гутшмидтъ думаетъ, вслѣдствіе неточнаго чтенія формы винительнаго падежа MANOYN—ANANOYN какого-нибудь греческаго источника, которымъ, по его мнѣнію, пользовался Хоренскій [7]).

Вопросъ здѣсь, конечно, не о достовѣрности легенды объ Авгарѣ, но о національности упоминаемыхъ въ ней царей—Ману, Авгаря Укама, сына его Ману, а равно и всѣхъ придворныхъ, епископовъ и проч. Думается мнѣ, что Хоренскій, или одинъ изъ его источниковъ, арменизировалъ озроенскихъ царей, слѣдуя, быть можетъ, древнему преданію, которое основывалось на соображеніи, что то было Месопотамское царство, которое, по крайней мѣрѣ, при Тигранѣ Великомъ принадлежало армянамъ, съ особымъ намѣстничествомъ во главѣ управленія [8]). На это у армянскаго историка было достовѣрное свидѣтельство Іосифа [9]). Этому могли подать поводъ и другія обстоятельства.

Уже оригиналъ „Ученія Аддея", какъ замѣтилъ Гутшмидтъ [10]), повидимому, знаетъ кое что о томъ, что и другія христіанскія общины на Востокѣ имѣли притязанія считать апостола Ѳаддея своимъ основателемъ, хотя это преданіе, изъ предпочтенія предъ эдесскимъ, намѣренно отодвинуто на второй планъ. Доказательствомъ тому можетъ служить разсказъ о царѣ адіабенскомъ, Нерсехѣ [11]), сначала горячо желавшемъ видѣть у себя апостола, но затѣмъ довольствовавшемся описаніемъ Авгаря о его чудесахъ. Переписку Авгаря съ Нерсехомъ, такъ же какъ и съ другими лицами, Хоренскій [12]), по всей вѣроятности, черпаетъ изъ армянскаго перевода „Ученія Аддея", но со многими измѣненіями, не безъ собственнаго изобрѣтенія. Благопріятную почву для дальнѣйшихъ переработокъ въ „Ученіи Аддея" подготовилъ также армянскій ея переводчикъ: Аддэй (Ѳаддей) вмѣсто того, чтобы умереть въ Эдессѣ, какъ указано въ сирскомъ оригиналѣ „Ученія Аддея", отправляется въ *восточныя страны* и Ассирію съ цѣлью проповѣдывать тамъ евангеліе Христово и основать церкви [13]); но здѣсь претерпѣваетъ мученическую кончину

---

1) См. француз. переводъ *Алишана*—Lettre d'Abgar, p. 13.
2) *Ibid.* стр. 10.
3) *Gutschmidt*, l. c. стр. 9.
4) М. Хоренскій, II, 24.
5) *Cureton.*, p. 51 (49).
6) *Алишанъ*, франц. пер., стр. 10.
7) *Gutschmidt*, Ueber die Glaubvürdigkeit der Geschichte d. Moses von Chorene, стр. 23.
8) См. у *S.-Martin*, Fragments d'une histoire des Arsacides, Appendice, p. 281.
9) *Ant. Iud.* XX, 11. Артабанъ, царь пареянскій, даетъ Циннаму Низибъ, принадлежавшій нѣкогда армянскому царю.
10) *Gutschmidt*, Untersuchungen... стр. 15.
11) *Curcton*, p. 37 (35); франц. пер. легенды объ Авгарѣ, стр. 42.
12) М. Хоренскій, II, 33.
13) Легенда объ Авгарѣ, франц. пер., стр. 54.

„отъ рукъ нечестивыхъ жителей *Востока*“ [1]). Также Григорій Абульфараджъ въ своей Церковной хроникѣ [2]) и несторіанскіе историки [3]) заставляютъ Аддея отправляться на Востокъ и тамъ проповѣдывать христіанство. Однако всѣ они, согласно эдесской легендѣ, описываютъ *возвращеніе* апостола въ Эдессу; для армянскаго же переводчика „Ученіи Аддея“, повидимому, самымъ важнымъ была мученическая кончина апостола. Согласно сирскимъ отрывкамъ о 72 апостолахъ [4]), это послѣдовало въ странѣ Софенѣ [5]), въ крѣпости Агиль [6]), отъ рукъ Севера, сына Авгаря [7]).—Въ основѣ этого преданія лежитъ то же мученичество, какъ и кончина епископа Аггая отъ рукъ вѣроотступника, сына Авгаря, въ „Ученіи Аддея“, только съ измѣненіемъ мѣста дѣйствія и перенесеніемъ его на другое лицо.

Вотъ уже данныя для того, чтобы мученическую кончину апостола можно было перенести въ Арменію, связать это событіе съ именемъ армянскаго царя, также вѣроотступника, и даже найти подходящую мѣстность для останковъ апостола уже въ центрѣ армянской страны, недалеко отъ горы Арарата, на равнинѣ Шаваршанъ [8]). Но эти измѣненія въ легендѣ развились на армянской почвѣ, повидимому, раньше М. Хоренскаго, ибо послѣдній въ разсказѣ объ этихъ событіяхъ ссылается на свидѣтельства предшественниковъ, какъ это можно видѣть и изъ указанія армянскаго историка Фавста Византійскаго [9]). Также другое заявленіе Хоренскаго, о томъ, что сынъ Авгаря, правившій въ Эдессѣ, умеръ отъ паденія на него мраморной колонны дворца, раздробившей ему ноги, какъ нѣкогда онъ сдѣлалъ это съ Аггаемъ [10]),—не выходитъ изъ рамокъ легендарной фабулы, которая такимъ образомъ охотно призываетъ мщеніе Провидѣнья; ее нужно считать позднимъ отросткомъ (Sprössling) на стволѣ древняго преданья, какъ выражается Гутшмидтъ [11]). Но въ послѣдующихъ главахъ, гдѣ Хоренскій передаетъ о племянникѣ Авгаря, Санатрукѣ, объ его переговорахъ съ жителями Эдессы, объ отступничествѣ его отъ христіанства, объ истребленіи имъ дѣтей Авгаря, убіеніи апостола Ѳаддея и дочери своей, увѣровавшей во Христа, дѣвы Сандухтъ и проч.,—все это уклоняется отъ всякаго контроля.

Историческія извѣстія, сообщаемыя однимъ только Хоренскимъ и не подтверждаемыя другими, обыкновенно бываютъ подозрительны; но что тутъ не все выдумано, видно изъ отрывка, помѣщеннаго передъ Исторіей Себеоса, т. наз. Псевдо-Агаѳангела, въ которомъ упоминается о дворцѣ царя Санатрука и колоннѣ въ его резиденціи Низибѣ или Мцбинѣ [12]). Кромѣ того, и Фавстъ Византійскій [13]) передаетъ о Санатрукѣ, о построенномъ имъ городѣ *Мцуркъ* и его обширныхъ размѣровъ гробницѣ, при чемъ городъ этотъ находился не въ Месопотаміи, какъ это упоминается у Хоренскаго и у Псевдо-Агаѳангела, а въ Арменіи, на берегу Евфрата, при

---

1) *Ibid.* стр. 57.

2) Chron. Eccl. III, 1, p. 11 (ed. Abbeloos et Lamy) у *Gutschmidt'a.*

3) Mari ben Sulaiman, Amr ben Mattâ у Ассеман. III, 2 p. XI и XIII. (Gutschmidt).

4) *Cureton*, p. 110.

5) Çophanoje, соотвѣтствующее греч. Σωφανηνή у Арріана и Σωφηνή у Стефана Византійскаго. Тутъ было особое армянское царство, еще за два вѣка до Р. Х.

6) Знаменитая крѣпость *Анихъ*, по имени которой названо армянское княжество *Анıехтанъ.*

7) По Діонисію—это предпослѣдній царь озроенской династіи, процарствовавшій отъ 188—190 г. (*Gutschmidt,* Untersuchungen... стр. 9).

8) *Фавстъ Византійскій* (III кн. гл. 1.) говоритъ, что раньше его было составлено другимъ повѣствованіе объ апостолѣ Ѳаддеѣ и царѣ армянскомъ Санатрукѣ, котораго онъ называетъ „апостолоубійцей“.

9) Въ VIII выпускѣ „Petite Bibliotéque“ (изд. Венеціанское), содержащей древнѣйшіе памятники преимущественно по духовной литературѣ, помѣщены четыре разсказа объ апостолѣ Ѳаддеѣ: 1) о мученичествѣ апостола Ѳаддея; 2) О мученичествѣ апостола Ѳаддея и дѣвы Сандухтъ; 3) Мученичество дѣвы Сандухтъ, дочери царя Санатрука; 4) Объ обрѣтеніи мощей апостола Ѳаддея и дѣвы Сандухтъ.—Болѣе древній характеръ носитъ первый разсказъ, послужившій, повидимому, основаніемъ для 2-го и 3-го. Можетъ быть, въ библіотекѣ Эчміадзина найдутся болѣе древніе списки этого творенія, но изъ печатныхъ этотъ сравнительно древній разсказъ едва ли сохранился въ томъ видѣ, въ какомъ имѣлъ его подъ рукою Хоренскій.

10) *М. Хоренскій*, II, 35.

11) *Gutschmidt,* Untersuchungen...стр. 17.

12) *Себеосъ,* Исторія императора Иракла, изд. С.-Пб, 1879, стр. 1.

13) *Фавстъ Византійскій,* IV, 14 и 24.

впаденіи Арацани (Мурад-чая) въ Евфратъ. Это только подтверждаетъ, что у армянъ дѣйствительно былъ царь по имени Санатрукъ, какъ это видно и изъ свидѣтельства Свиды [1]), относящаго царствованіе его къ послѣдней трети II в. по Р. Х. Если вѣрить Хоренскому, что при Авгарѣ и племянникѣ его Санатрукѣ Месопотамія принадлежала армянамъ и что столицей Санатрука былъ Низибъ, тогда невозможно отождествить Санатрука Хоренскаго (въ половинѣ I в.) и Санатрука классическихъ писателей, современника Септимія Севера (191—211), ибо при второмъ Санатрукѣ Низибъ принадлежалъ Римлянамъ. Въ дѣйствительности же существованіе армянскаго царя, племянника Авгаря, въ Месопотаміи, представляется недостовѣрнымъ, а Низибъ въ это время (въ I в.) былъ подчиненъ Адіабенамъ, куда нѣкоторые источники переносятъ и апостольскую дѣятельность Ѳаддея и смерть его. Въ виду этого Гутшмидтъ дѣлаетъ предположеніе, что съ перенесеніемъ мѣста погребенія апостола съ Адіабенъ въ Арменію, перенесенъ, вѣроятно, туда позднѣйшими армянами и связанный съ нимъ, согласно легендѣ, адіабенскій царь Санатрукъ и признанъ армянскимъ царемъ. Все же остальное, что передаетъ Хоренскій о Санатрукѣ, отчасти также объ Авгарѣ, едва ли заимствовано имъ изъ легендъ, а, по всему вѣроятію, изъ исторіи Іосифа Флавія [2]), съ перенесеніемъ, по своему обыкновенію, роли другихъ лицъ на армянскихъ царей.

Такъ, по разсказу еврейскаго историка, въ концѣ первой половины I в. по Р. Х., при императорѣ Клавдіи (41—54), царствуетъ въ Адіабенѣ царь Монобазъ I, по прозванію Базе. У него было нѣсколько женъ, но между ними главная и наиболѣе любимая была еврейка Елена, отъ которой онъ имѣлъ двухъ сыновей—Монобаза и Изата. По смерти отца воцарился, согласно его волѣ, младшій сынъ, Изатъ, который, живя еще въ молодости при дворѣ какого-то арабскаго царя, ознакомился, благодаря еврейскому купцу Ананію, съ еврейской религіей и такъ сильно привязался къ ней, что потомъ совершенно перешелъ въ еврейство. Еще раньше своего сына, горячей послѣдовательницей этой религіи была и сама Елена, которая сочувствіе свое къ еврейской вѣрѣ доказала между прочимъ тѣмъ, что, по смерти своего мужа, предприняла путешествіе въ Іерусалимъ на поклоненіе храму и тамъ оказала большое благодѣяніе народу, терпѣвшему тогда отъ голода, щедрой раздачей хлѣба и сухихъ винныхъ ягодъ. Это случилось при императорѣ Клавдіи.—Будучи мудрымъ и благочестивымъ, Изатъ пользовался большимъ уваженіемъ не только въ своей странѣ, но и внѣ ея предѣловъ. Между прочимъ, царь парѳянскій Артабанъ, опасаясь смутъ и безпорядковъ со стороны своихъ родственниковъ и вельможъ, обратился лично за совѣтомъ къ Изату, которому удалось помирить ихъ и снова водворить Артабана на престолѣ.

Всѣ эти факты цѣликомъ заимствуетъ Хоренскій, или его источникъ, у Іосифа, перенося ихъ на армянскихъ царей. Такъ, въ подражаніе Изату, Хоренскій заставляетъ Авгаря вмѣшиваться въ персидскія дѣла съ цѣлію помирить царя (не Артабана, какъ у Іосифа, подтверждаемаго другими историками и монетами, а какого-то Арташеса) съ возставшими было противъ него сродниками его, парѳянскими вельможами, по случаю смутъ изъ-за престолонаслѣдія. — Елена, жена Авгаря, у Хоренскаго также предпринимаетъ путешествіе въ Іерусалимъ, гдѣ оказываетъ благодѣяніе нуждавшемуся тогда отъ голода народу закупкой хлѣба изъ Египта; это случилось также въ правленіе Клавдія.

Далѣе Іосифъ передаетъ, что сочувствіе свое къ еврейской религіи Изатъ вначалѣ скрывалъ отъ своихъ подданныхъ, дабы не возбудить раздраженія ихъ противъ себя; но когда вельможы адіабенскіе узнали о принятіи своимъ царемъ еврейства, пришли въ страшное негодованіе и искали случая, помощію парѳянъ, свергнуть его съ престола. Однако, ни заговоромъ, ни измѣною не удалось имъ отмстить царю, который уже безъ опасенія продолжалъ исповѣдывать еврейскую вѣру. Также разсказываетъ Іосифъ, что Изатъ, у котораго было множество братьевъ и сестеръ, до воцаренія его заключенныхъ въ тюрьму, по желанію вельможъ, дабы они не по-

---

[1]) *Suidas* (ed. Bernhardt), подъ слов. *Σανατρούκης*.

[2]) Ant. Jud. XX, 2—4; Bel. Jud. XX, 2. 4.

вредили наслѣднику престола до его возвращенія на родину,—выпустилъ ихъ изъ заключенія, отправивъ въ качествѣ заложниковъ—однихъ въ Римъ къ Клавдію, другихъ въ Персію, къ Артабану.

Взявъ въ основу эти извѣстія еврейскаго историка, Хоренскій описываетъ царствованіе племянника Авгаря, Санатука, воцарившагося въ Великой Арменіи, не объясняя однако, почему болѣе обширная часть Авгарова царства была уступлена племяннику законнымъ наслѣдникомъ престола, Анануномъ. Вначалѣ Санатрукъ является христіаниномъ, но потомъ, изъ опасенія, внушеннаго ему армянскими нахарарами, отрекается (не въ примѣръ Изату) отъ христіанства, а впослѣдствіи даже обагряетъ руки свои въ крови апостола Ѳаддея и дочери своей, дѣвы Сандухтъ [1]), за преданность ихъ къ ученію Христа. Санатрукъ, съ цѣлію соединить въ своихъ рукахъ оба армянскія царства—Месопотамское и Великой Арменіи, начинаетъ войну съ сыновьями Авгаря, окончившуюся, вслѣдствіе неожиданной смерти сына Авгаря, Ананупа, въ его пользу. Санатрукъ коварнымъ образомъ овладѣваетъ столицей Месопотаміи, Эдессою, и, вопреки своему обѣщанію, истребляетъ весь родъ Авгаря, т.-е. своихъ же родственниковъ, пощадивъ только женщинъ переселеніемъ ихъ на житье въ область Хаштіанкъ, въ Софенѣ, а царицы Елены—въ Харранъ.

Очевидно, такимъ образомъ, что событія изъ жизни Изата перенесены Хоренскимъ, только отрицательной стороной, на Санатрука съ незначительными, однако намѣренными, отступленіями въ мелочахъ и дополненіями изъ другихъ недостовѣрныхъ источниковъ, повидимому, съ цѣлью избѣгнуть тождества съ Іосифомъ.

Вообще этотъ отдѣлъ Хоренскаго, т.-е. главы 25—36 второй книги его Исторіи, наиболѣе подверженъ сомнѣнію: изъ двухъ-трехъ отрывковъ Іосифа, не относящихся къ армянамъ, и апокрифическаго сочиненія объ обращеніи Эдессянъ Хоренскій составляетъ разсказъ о никому неизвѣстномъ царѣ *Аршамѣ*, якобы отцѣ Авгаря; изъ отрывочныхъ извѣстій Іосифа же, Евсевія и тѣхъ же апокрифическихъ источниковъ, равнымъ образомъ не относящихся къ Арменіи, Хоренскій воспроизводитъ пространную исторію Авгаря и Санатрука.

Гр. Халатьянцъ.

[1]) Послѣдніе факты находятся въ зависимости, повидимому, отъ апокрифическихъ источниковъ Хоренскаго.

КЪ ВОПРОСУ

О ПРОИСХОЖДЕНИИ И РЕДАКЦІЯХЪ ПОВѢСТИ

ОБЪ АКИРѢ ПРЕМУДРОМЪ.

Въ настоящей своей статьѣ я излагаю результаты своего изслѣдованія, посвященнаго повѣсти объ Акирѣ Премудромъ. Въ этомъ изслѣдованіи я, съ одной стороны, подвергъ критикѣ мнѣнія, существовавшія раньше о происхожденіи и распространеніи этой повѣсти, а съ другой стороны, всѣ доступные мнѣ ея тексты литературъ разныхъ народовъ.

Повѣсть объ Акирѣ Премудромъ—восточнаго происхожденія и восходитъ къ глубокой древности: въ теперешнемъ, приблизительно, видѣ она существовала около 20 вѣковъ (она отражается въ книгѣ Товита), а въ болѣе простомъ около 25-ти вѣковъ. Эта повѣсть была довольно распространена: она намъ извѣстна теперь на языкахъ сирійскомъ, арабскомъ, армянскомъ, эѳіопскомъ (впрочемъ, на послѣднемъ языкѣ вся повѣсть еще не найдена; изъ нея извѣстны лишь изреченія), сербскомъ, румынскомъ, русскомъ, а ея сюжетъ извѣстенъ въ преданіи о Соломонѣ и Хирамѣ, Плутарховомъ разсказѣ объ египетскомъ царѣ Амазисѣ, въ индійскихъ разсказахъ о царѣ Нандѣ и въ устныхъ разсказахъ народовъ южной Сибири; слѣды этой повѣсти мы находимъ у евреевъ въ книгѣ Товита и въ Талмудѣ, въ мусульманскомъ коранѣ, въ арабской и грузинской сказкахъ, въ греческой біографіи Эзопа.

На выясненіе происхожденія этой повѣсти и ея дальнѣйшей литературной исторіи изслѣдователи потратили немало труда и остроумія; но болѣе твердое изученіе ея сдѣлалось возможнымъ только въ послѣднее время, благодаря открытію нѣсколькихъ восточныхъ и славянскихъ текстовъ. Прежде чѣмъ перейти къ изложенію результатовъ, добытыхъ мною на основаніи изученія какъ ранѣе извѣстныхъ, такъ и впервые теперь упоминаемыхъ текстовъ, необходимо сказать нѣсколько словъ о взглядахъ предшествовавшихъ изслѣдователей на происхожденіе повѣсти. Пока было извѣстно содержаніе повѣсти въ арабской версіи (и во второй части Эзоповой біографіи), то одни изъ ученыхъ (Zündel, Wagener, и переводчикъ 1001 ночи) стояли за первенство арабской версіи [1]), другіе, въ особенности Келлеръ, за первенство біографіи Эзопа. Когда сдѣлалась извѣстной сирійская версія и Meissner доказалъ, что арабская версія происходитъ отъ сирійской, то за первенство арабской версіи стоять не пришлось, но второй взглядъ остался неопровергнутымъ. Мейсснеръ, придерживаясь мнѣнія Келлера и принявъ во вниманіе сдѣланное въ 1890 г. открытіе Гофмана, что упоминаніе о нашей повѣсти есть въ книгѣ Товита, высказалъ мнѣніе о еврейско-греко-сирійскомъ происхожденіи нашей повѣсти; онъ предположилъ, что у евреевъ существовало древнее сказаніе, героемъ котораго былъ Ахикаръ; дѣла этого героя редакторомъ Эзоповой біографіи были перенесены на Эзопа; затѣмъ въ

---

1) Къ мнѣнію, что разсказъ въ Эзоповой біографіи взятъ изъ арабской версіи нашей повѣсти, присоединялся и Benfey, привлекшій для сравненія индійскіе разсказы.

VII или VIII вѣкѣ по Р. Х. христіане-сирійцы записали извѣстную еще въ Сиріи эту повѣсть, но при записи придерживались біографіи Эзопа. Такимъ образомъ Мейсснеръ ввелъ греческое посредство, хотя самъ въ то же время указывалъ, что матеріалы для второй части Эзоповой біографіи, гдѣ отражается наша повѣсть, взяты съ Востока. Lidzbarski замѣтилъ сложность такого построенія и самъ предполагалъ, что сирійская исторія повѣсти есть переводъ исторіи, существовавшей до книги Товита, и могла быть сочинена какъ на греческомъ, такъ и на еврейскомъ языкѣ, хотя болѣе склонялся къ послѣднему (при изданіи одного арабскаго текста онъ сталъ допускать и арамейскій оригиналъ).

Переходя теперь къ своимъ собственнымъ взглядамъ, я долженъ сказать, что мнѣніе и Meissner'а и Lidzbarsk'аго невѣрно.—Біографія Эзопа не могла быть источникомъ нашей повѣсти, такъ какъ она сама есть сокращеніе нашей повѣсти; на это указываютъ нѣкоторыя выраженія, являющіяся слѣдами болѣе полнаго изложенія нашего сюжета и не имѣющія въ разсказѣ біографіи Эзопа основанія для своего существованія. Мнѣніе о еврейскомъ оригиналѣ для сирійской версіи нашей повѣсти также невѣрно. Съ одной стороны, четыре намека книги Товита (I гл. 21—22; II, 10; XI, 17; XIV, 10—11) на нашу повѣсть, независимо отъ времени своего внесенія въ книгу, свидѣтельствуютъ только о томъ, что наша повѣсть очень рано, быть-можетъ, еще до Р. Х., была извѣстна евреямъ, но не позволяютъ думать, чтобы сама повѣсть была еврейскимъ произведеніемъ. Съ другой стороны, противорѣчивые разсказы Іосифа Флавія, Менандра, Діоса и Вильгельма Тирскаго не могутъ служить доказательствомъ еврейскаго происхожденія этого сюжета, ибо есть индійскіе и южно-сибирскіе разсказы, болѣе близкіе къ нашей повѣсти [1]).

Изъ двухъ версій—сирійской и арабской, какъ доказалъ Meissner, болѣе первоначальна сирійская; а отъ нея уже происходитъ арабская. Сирійская версія нашей повѣсти до сихъ поръ не была издана [2]), но я имѣлъ возможность пользоваться переводомъ древнѣйшаго изъ теперь переведенныхъ арабскихъ текстовъ, который очень близокъ къ сирійскимъ текстамъ. На основаніи того, что слѣдующія собственныя имена лицъ въ этомъ древнѣйшемъ арабскомъ текстѣ: Набузараданъ, Набусмûкъ и Набухалъ, содержащія въ первой своей части слово „Nabû", что по-ассиро-вавилонски значитъ „божество",—ассиро-вавилонскія, теперь слѣдуетъ считать несомнѣннымъ, что сирійской версіи нашей повѣсти предшествовала ассирійская (или ассиро-вавилонская) версія. Что касается происхожденія послѣдней версіи, то нужно замѣтить, что сюжетъ нашей повѣсти въ болѣе простомъ видѣ встрѣчается въ разсказахъ о Соломонѣ и Хирамѣ, Плутарховомъ разсказѣ объ египетскомъ царѣ Амазисѣ, индійскомъ разсказѣ о царѣ Нандѣ и южно-сибирскихъ разсказахъ о Суну-Шюнѣ (см. *Потанинъ,* Этногр. Обозр. 1895 г., № 2). Эти разсказы отличаются отъ нашей повѣсти тѣмъ, что въ нихъ нѣтъ при царскомъ совѣтникѣ неблагодарнаго сына. Изъ этихъ разсказовъ наиболѣе близки къ нашей повѣсти разсказы индійскіе и южно-сибирскіе, въ которыхъ есть поводъ къ немилости царя на своего совѣтника, самая немилость и спасеніе совѣтника. Южно-сибирскіе разсказы, вѣроятно, проникли въ южную Сибирь изъ Индіи при распространеніи буддизма. На основаніи того, что въ Плутарховомъ разсказѣ и разсказахъ о Соломонѣ и Хирамѣ пріуроченіе сюжета къ личностямъ произведено неудачно, я думаю, что эти разсказы только слѣдствіе позднѣйшаго перенесенія сюжета и происходятъ изъ Индіи. Въ самой Индіи разсказъ о мудромъ царскомъ совѣтникѣ, какъ показываетъ смѣшанная форма разсказовъ, гдѣ разсказъ о мудромъ совѣтникѣ слился съ разсказомъ о мудрой совѣтницѣ,—долженъ былъ существовать за нѣсколько вѣковъ до Р. Х. и могъ разсказываться не о Нандѣ, а о какомъ-нибудь другомъ царѣ. На основаніи вышесказаннаго я считаю возможнымъ думать, что ассирійская (или ассиро-вавилонская) версія

[1]) Занявшись недавно русской устной народной словесностью, я нашелъ, что подобные разсказы находятся и въ ней. Ср. *Гильфердингъ,* „Онежскія былины" №№ 57, 249, 296. и *Н. С. Тихонравовъ* и *В. Ѳ. Миллеръ,* „Русскія былины старой и новой записи". II отд. № 11, и въ другихъ сборникахъ; ср. также „Илья Муромецъ" *О. Миллера.*

[2]) Теперь вышла въ Англіи книга „The story of Ahikar", гдѣ находятся новые для меня 2 сирійскіе текста, арабскій и армянскій, и отрывокъ эѳіопскаго. Этой книгой я надѣюсь воспользоваться для продолженія своего изслѣдованія.

нашей повѣсти произошла путемъ расширенія, т.-е. введенія неблагодарнаго сына царскаго совѣтника, изъ индійскихъ разсказовъ о мудромъ царскомъ совѣтникѣ; на основаніи же пріуроченія къ Сенахерибу и Ассаргадону (680—667 гг. до Р. X) можно думать, что переходъ этихъ разсказовъ совершился около VII вѣка. Часть матеріала, послужившая для расширенія повѣсти, какъ я доказываю въ своемъ изслѣдованіи, странствующая.

Перехожу теперь къ арабской версіи. Изъ ея текстовъ мнѣ были доступны три: 1) изъ cod. Sach. 339 въ нѣмецкомъ переводѣ Лидзбарскаго (L.), 2) изъ изданія Salhani въ русскомъ переводѣ г. Аттая (Salḥ. и S.) и 3) изъ рукописи Парижской библіотеки по французскому переводу Caussin'a. (Caus. и C.) [1]). Эти три текста дѣлятся на двѣ редакціи: къ первой и древнѣйшей я отношу текстъ L., ко второй и позднѣйшей тексты Salh. и Caus. Текстъ L., какъ было уже упомянуто, весьма близокъ къ сирійскимъ текстамъ. Вторая арабская редакція, т.-е. общая редакція Salḥ. и Caus. передѣлокъ, произошла отъ текста, близкаго къ тексту L.; этотъ текстъ она измѣнила нѣкоторыми пропусками, добавленіями, измѣненіями и перестановками; главный результатъ этихъ измѣненій—бо́льшая реальность разсказа, возвышеніе Хикара (Акира) и царской власти и ослабленіе языческаго элемента. Оба текста Salh. и Caus.—передѣлки второй редакціи—сдѣлали въ отдѣльномъ своемъ существованіи свои пропуски, добавленія, перестановки и другія измѣненія; но Caus. передѣлка прибѣгала къ нимъ чаще; сохранившійся старый текстъ S. передѣлка передаетъ лучше C., допускающей перефразировку его. Источникомъ нѣкоторыхъ добавленій S. была библія; источника другихъ добавленій S. и добавленій C. указать я не могу. Главнѣйшимъ отличительнымъ признакомъ C. передѣлки отъ S. является мягкое обращеніе въ ней Хикара съ Надaномъ. Точныхъ данныхъ для времени происхожденія передѣлокъ S. и C. и ихъ общей редакціи мы не имѣемъ; можно только сказать, что S. передѣлка относится наипозже къ 1772 году, C. не позже XVIII вѣка (въ 1788 г. явился переводъ Shavis-Cazotte), а общая ихъ редакція была еще до 1772 года.

Наша повѣсть извѣстна и въ армянской литературѣ. Мы знаемъ ее 1) по записи свящ. Бунятова со словъ эчміадзинской старухи, записи, напечатанной въ „Сборникѣ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа". Вып. 19. 1894; 2) въ армянской печатной книгѣ 1857 г. подъ заглавіемъ „Повѣсть о мѣдномъ городѣ, въ которой передаются наставленія и полезные совѣты мудреца Хикара, а также другія полезныя указанія". Первымъ текстомъ я воспользовался, а вторымъ вполнѣ воспользуюсь теперь въ русскомъ переводѣ, благодаря любезности г. Кучукъ-Іоаннесова. Рукописные армянскіе тексты повѣсти мнѣ при писаніи этой статьи были еще неизвѣстны, а два упомянутые текста представляютъ передѣлку, состоящую главнымъ образомъ въ сокращеніи. Насколько я могъ судить по этимъ двумъ текстамъ, армянскій переводъ былъ сдѣланъ по редакціи, средней между первой (L.) и второй (S. C.) арабскими редакціями. На основаніи того, что первый армянскій текстъ сходенъ съ первой славянской редакціей въ двухъ мѣстахъ, а второй въ еще большемъ числѣ мѣстъ, и именно тамъ, гдѣ славянская редакція расходится съ арабскими, надо думать, что редакція, послужившая оригиналомъ для армянскаго перевода, имѣла общія измѣненія съ редакціей, послужившей оригиналомъ для славянскаго перевода. О языкѣ съ котораго былъ сдѣланъ переводъ, утвердительно нельзя сказать ничего, хотя, кажется, онъ скорѣе былъ сдѣланъ съ арабскаго, чѣмъ съ греческаго. Вопросъ о времени перевода также еще открытъ. Слѣдуетъ замѣтить только, что первое изъ извѣстныхъ мнѣ изданій „Повѣсти о мѣдномъ городѣ" вышло въ 1708 г. въ Константинополѣ, а въ самой повѣсти есть упоминаніе фамиліи Орловыхъ, царствовавшихъ въ IX—XI вв., что показываетъ, что вторая передѣлка произошла не ранѣе IX-го вѣка.

Отрывка эѳіопской версіи нашей повѣсти я не имѣлъ подъ руками. О томъ, гдѣ въ восточныхъ литературахъ наша повѣсть отразилась, было упомянуто уже раньше, а теперь я перейду къ греческой литературѣ. Въ греческой литературѣ нашей повѣсти нѣтъ, а есть только

[1]) Теперь мнѣ извѣстенъ еще одинъ арабскій текстъ въ народной арабской печатной книгѣ, переводъ котораго я надѣюсь имѣть въ скоромъ времени.

ея переработка во второй части Эзоповой біографіи. При изслѣдованіи у меня было три греческихъ текста этой переработки: 1) текстъ въ изданіи Westermann'a (W.), 2) рукописный текстъ рукописи Синодальной библіотеки № 285 Маттеи (298 по указ. Саввы и 436 по опис. арх. Владимира) (Син.) и 3) текстъ въ изданіи Eberhard'a (E.). Эти тексты распадаются на двѣ редакціи: къ первой относятся тексты W. и Син., ко второй E. Вторая редакція произошла отъ первой путемъ сокращенія, хотя ни отъ одного изъ бывшихъ у меня текстовъ. Касаясь вопроса о происхожденіи первой редакціи переработки отъ нашей повѣсти, я долженъ заявить, что, по моему изслѣдованію, эта первая редакція переработки происходитъ отъ редакціи, общей между арабскими редакціями первой (L.) и второй (тексты S. и C.) съ уклоненіемъ въ концѣ къ тексту C. второй редакціи и въ одномъ случаѣ болѣе близкой къ сирійскому тексту, чѣмъ арабскіе тексты L., S. и C. Первая переработка есть, главнымъ образомъ, сокращеніе восточной редакціи, послужившей для нея оригиналомъ; добавленій мало. Источникомъ добавленій и измѣненій служили между прочимъ романъ Ямблиха, сирійская Александрія и Маркольфова сага. Такъ какъ Син. текстъ, сходный въ общемъ съ первой редакціей, въ отдѣльныхъ мѣстахъ сходенъ со второй редакціей, то надо думать, что между первой и второй редакціями передѣлки были *посредствующія ступени*; сколько ихъ было,—неизвѣстно. Планудъ, которому приписывается въ худшихъ кодексахъ Эзопова біографія, не былъ, вѣроятно, авторомъ ни первой ни второй редакціи. Время возникновенія передѣлки въ Эзоповой біографіи неизвѣстно, но въ XIV вѣкѣ существовала и первая и вторая редакція передѣлки.

Перехожу теперь къ судьбѣ нашей повѣсти въ славянскихъ литературахъ. Наша повѣсть извѣстна теперь въ двухъ сербскихъ и въ двухъ русскихъ редакціяхъ. Изъ текстовъ первой сербской редакціи мнѣ были извѣстны 1) текстъ Чертковской библіотеки Историческаго музея (Ч.), напечатанный г. Барсовымъ (въ „Чтеніяхъ въ Имп. Общ. И. и Др. Рос.“ 1886 г., кн. 3), и 2) текстъ Софійской библіотеки, т.-е. библіотеки г. Софіи въ Болгаріи (Соф.), любезно доставленный въ спискѣ г. Лавровымъ. Оба текста XVI в., полууст. Изъ сопоставленія этихъ двухъ текстовъ съ арабскими оказывается, что эти два текста восходятъ къ одной общей редакціи. Эта общая редакція по большей части сходна съ первой арабской редакціей и иногда только съ текстами второй арабской редакціи (S. и C.), и поэтому происходитъ отъ общей ихъ редакціи. Общая редакція текстовъ Ч. и Соф. въ двухъ случаяхъ ближе къ выдержкамъ изъ сирійскаго текста, чѣмъ наши арабскіе тексты, и въ двухъ случаяхъ сходна съ записанной г. Бунятовымъ армянской версіей. Языкъ первой сербской редакціи староцерковный сербскаго извода. Остальныхъ вопросовъ, касающихся первой сербской редакціи, я коснусь ниже. Вторая сербская редакція, написанная народнымъ языкомъ, была мнѣ извѣстна въ изданіи Ягича по двумъ текстамъ 1) глаголическому 1468 г. (Г.) (писанному угловатой глаголицей) и 2) кирилльскому Дубровацкому (Д.) 1520 г. По сопоставленіи второй сербской редакціи съ первой сербской и арабскими редакціями я пришелъ относительно ея къ слѣдующимъ выводамъ:

1) вторая сербская редакція сдѣлана по редакціи, средней между общей редакціей Ч. и Соф. и общей редакціей арабскихъ текстовъ (т.-е. по дѣйствительной первой славянской редакціи, ибо редакція Ч. и Соф. текстовъ, хотя и представляетъ первую славянскую редакцію, но въ нѣсколько измѣненномъ уже видѣ);

2) въ нѣсколькихъ случаяхъ вторая сербская редакція ближе къ средней (т.-е. первоначальной славянской) редакціи, чѣмъ редакція Ч. и Соф.;

3) вторая сербская редакція имѣетъ свои собственные пропуски, добавленія, перестановки и измѣненія;

4) главный признакъ этой второй сербской редакціи — большое сокращеніе и уклоненіе отъ средней редакціи;

5) вторая сербская редакція получилась не сразу: были еще посредствующія ступени; сколько ихъ было — неизвѣстно;

6) вторая сербская редакція въ окончательномъ видѣ произошла въ концѣ XV или въ началѣ XVI вѣка.

Въ русской литературѣ наша повѣсть находится, какъ было уже сказано, также въ двухъ редакціяхъ. Первая редакція была мнѣ извѣстна по рукописямъ: 1) Общ. Ист. и Др. Росс. № 189, XV-го вѣка (О.); 2) Единовѣрческаго Никольскаго монастыря, библіотеки Хлудова № 246 (Хл.) конца XVII или начала XVIII вѣка; 3) Соловецкаго монастыря № 46 (Сол.), начала XVII-го или конца XVI-го вѣка. Сюда же относится и рукопись яросл. купца Вахрамѣева № 427, которой у меня не было [1]).

Бывшіе у меня подъ руками три списка первой редакціи я дѣлю на два типа: къ первому относятся спп. О. и Хл., а ко второму Сол.. Сначала скажу о первомъ типѣ. По сопоставленіи текстовъ нашей повѣсти, находящихся въ ркпп. О. и Хл., я пришелъ къ такимъ выводамъ:

1) первая русская редакція О. (и Хл.) восходитъ съ первой сербской редакціей къ одной общей редакціи;

2) эта общая редакція восходитъ вмѣстѣ со второй сербской редакціей къ первоначальной славянской редакціи;

3) вторая сербская редакція въ нѣсколькихъ случаяхъ ближе къ первоначальной славянской редакціи, чѣмъ общая редакція первой русской редакціи и первой сербской редакціи;

4) первая русская редакція въ цѣломъ ближе къ общей редакціи, чѣмъ редакціи сербскихъ текстовъ Г. и Д., Ч. и Соф., и иногда является для послѣднихъ двухъ текстовъ какъ бы общей редакціей;

5) первая русская редакція имѣетъ свои собственныя измѣненія;

6) первоначальная славянская редакція восходитъ къ редакціи, которая въ двухъ случаяхъ совпадаетъ съ армянской редакціей, записанной яко бы со словъ старухи;

и 7) редакція, въ которой соприкасаются первоначальная славянская редакція и армянская, происходитъ отъ редакціи, общей между первой и второй арабскими редакціями и въ двухъ случаяхъ сходной съ извѣстными намъ выдержками изъ сирійскаго изложенія.

Теперь перехожу ко второму типу первой русской редакціи, т.-е. къ Соловецкому списку. Онъ, происходя отъ перваго типа первой русской редакціи, дѣлится на двѣ части: первую (390—409 об., безъ поученія), болѣе сохранившую текстъ перваго типа, и вторую (409 об.— 420 об., безъ второго поученія), болѣе измѣнившую этотъ текстъ. Выводы, къ которымъ я пришелъ по сопоставленіи второго типа первой русской редакціи съ первымъ типомъ той же редакціи и съ сербскими редакціями, слѣдующіе:

1) второй типъ первой русской редакціи произошелъ изъ перваго ея типа;

2) оригиналъ, по которому былъ сдѣланъ второй типъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ былъ ближе къ первоначальной славянской редакціи, чѣмъ теперешній первый типъ первой русской редакціи;

3) второй типъ дѣлаетъ свои пропуски, добавленія, перестановки и измѣненія въ текстѣ перваго типа, главная цѣль которыхъ увеличеніе авторитета царской власти;

и 4) второй типъ произошелъ, приблизительно, во вторую половину XVI-го вѣка.

Къ этимъ выводамъ надо добавить еще существенное замѣчаніе, что во второй своей части второй типъ первой русской редакціи пользовался для своихъ измѣненій между прочимъ второй русской редакціей.

Теперь я перейду къ нѣкоторымъ вопросамъ, касающимся перевода повѣсти объ Акирѣ на славянскій языкъ и первыхъ редакцій, сербской и русской,—вопросамъ, которые раньше неудобно было разсматривать. Языкомъ, на которомъ былъ сдѣланъ переводъ повѣсти, былъ староцерковный, ибо этотъ языкъ есть въ первыхъ сербской и русской редакціяхъ. Въ этомъ языкѣ есть отступленія въ сербскихъ спискахъ въ пользу сербскаго языка, а въ русскихъ въ пользу русскаго. Но, кромѣ многочисленныхъ сербизмовъ, въ сербскихъ спискахъ встрѣчаются болгаризмы и между прочимъ смѣшеніе юсовъ, закрѣпленное позднѣйшей сербской транскрипціей; а въ древнѣйшемъ русскомъ спискѣ есть несомнѣнные югославянизмы и очень вѣроятные (особенно, при под-

[1]) Теперь я сдѣлалъ копію съ ея списка.

держкѣ сербскихъ списковъ) болгаризмы; поэтому отсюда слѣдуетъ, что наша повѣсть попала въ сербскую литературу навѣрно, а въ русскую очень вѣроятно — изъ Болгаріи.

Теперь слѣдуетъ выяснить вопросъ о времени перехода нашей повѣсти въ сербскую и русскую литературы и времени перевода ея на староцерковный языкъ. Въ виду того, что хотя оба списка первой сербской редакціи относятся къ XVI вѣку, но возникновеніе второй сербской редакціи относится къ началу XVI или ко второй половинѣ XV (она произошла, вѣроятно, уже на сербской почвѣ, ибо болгаризмовъ въ ней нѣтъ), надо отнести время перехода нашей повѣсти въ сербскую литературу до второй половины XV-го вѣка, вѣроятнѣе всего къ XIV-му. Что касается вопроса о времени перехода нашей повѣсти въ русскую литературу, то древнѣйшій русскій списокъ нашей повѣсти, относящійся ко второй или къ первой половинѣ XV-го вѣка, показываетъ, что этотъ переходъ долженъ былъ совершиться, по крайней мѣрѣ, до второй половины XV-го вѣка; но такъ какъ 1) въ спискѣ О. встрѣчается смѣшеніе кирилловскихъ буквъ, заставляющее думать, что списку О. предшествовали другіе кирилловскіе списки нашей повѣсти, 2) нѣкоторые варіанты Хл. списка I-го типа первой русской редакціи и Сол. списка II-го типа первой русской редакціи, сходные съ Б. и Соф., помимо О., позволяютъ думать, что они происходятъ отъ списковъ, въ нѣсколькихъ случаяхъ болѣе близкихъ къ сербскимъ спискамъ Б. и Соф., чѣмъ О., и 3) Сол. списокъ представляетъ нѣсколько случаевъ, сходныхъ съ араб. и не находящихся ни въ первой теперешней русской редакціи, представляемой списками О., и Хл., и ни въ первой ни во второй сербской редакціи, что позволяетъ думать, что видъ, въ которомъ наша повѣсть перешла въ русскую литературу, былъ болѣе близокъ къ первоначальной славянской редакціи, чѣмъ обѣ сербскія редакціи и первая теперешняя русская редакція, находящаяся въ О. и Хл., — то можно думать, что переходъ нашей повѣсти въ русскую литературу совершился наипозже въ XIV-мъ вѣкѣ. Болѣе подробную дату дастъ изслѣдованіе двухъ поученій нашей повѣсти, которыми я спеціально, по недостатку времени, заняться не могъ. — Теперь на основаніи того, что наша повѣсть должна была проникнуть въ сербскую и русскую литературы наипозже въ XIV-мъ вѣкѣ, само собой слѣдуетъ, что переводъ долженъ былъ произойти до XIV-го вѣка. Для рѣшенія этого вопроса имѣетъ значеніе еще одно обстоятельство. Въ сербскомъ Ч. сп. встрѣчается одна, а въ древнѣйшемъ русскомъ спискѣ первой редакціи, спискѣ О., встрѣчаются нѣсколько ошибокъ, которыя могли произойти только отъ смѣшенія глаголическихъ буквъ при списываніи съ глаголическаго оригинала; это заставляетъ предположить, что кирилльскимъ текстамъ предшествовалъ глаголическій списокъ (быть-можетъ и не одинъ). А такъ какъ смѣшеніе глаголическихъ буквъ могло произойти скорѣе всего въ томъ случаѣ, если онѣ имѣли такую форму, какую мы встрѣчаемъ въ глаголическихъ памятникахъ XI вѣка, то надо отсюда заключить, что наша повѣсть на староцерковномъ языкѣ была уже въ концѣ XI или въ началѣ XII вѣка.

Существованіе же нашей повѣсти еще въ глаголическомъ спискѣ, а также замѣчаніе о происхожденіи сербской, а быть-можетъ, и русской версіи отъ болгарской заставляютъ думать о Македоніи (менѣе вѣроятно объ южной Болгаріи) какъ о мѣстѣ перевода нашей повѣсти на староцерковный языкъ.

Теперь я перехожу къ самому запутанному вопросу, вопросу объ языкѣ, съ котораго былъ сдѣланъ славянскій переводъ [1]). Давно уже доказывали, что славянскій переводъ сдѣланъ съ греческаго, но всѣ доводы, приводившіеся въ пользу этого, я считаю недоказательными. Первый доводъ, что содержаніе нашей повѣсти есть во второй части біографіи Эзопа, не можетъ служить доказательствомъ того, что редакція, съ которой былъ сдѣланъ славянскій переводъ, была извѣстна грекамъ, ибо редакція нашей повѣсти, къ которой восходитъ передѣлка Эзоповой біографіи, есть другая и болѣе поздняя редакція, чѣмъ редакція, по которой былъ сдѣланъ славянскій переводъ. Второй доводъ въ пользу того же, что въ русской литературѣ существуетъ статья о чудѣ св. Николая надъ Синагрипомъ и Акиромъ, устраняется тѣмъ, что

1) Переводъ на славянскій яз. былъ одинъ, какъ я доказываю въ своемъ изслѣдованіи.

эта статья имѣетъ съ нашей повѣстью общими только имена, а послѣднія могутъ и не свидѣтельствовать о знакомствѣ грековъ съ редакціей, по которой былъ сдѣланъ славянскій переводъ, тѣмъ болѣе, что они (имена) могли быть вставлены и на славянской уже почвѣ. Третьимъ доводомъ въ пользу славянскаго перевода съ греческаго выставляютъ присутствіе въ славянскихъ спискахъ грецизмовъ. Но какъ и приводимые раньше, такъ и вновь найденные мною грецизмы не могутъ быть безспорнымъ доказательствомъ потому, что они по большей части проходятъ не по всѣмъ славянскимъ спискамъ первой редакціи, а, кромѣ того, вслѣдствіе привычки тогдашнихъ славянъ къ греческимъ словамъ и оборотамъ, встрѣчавшимся въ переводѣ св. писанія, они могли войти въ славянскій переводъ даже и въ томъ случаѣ, если бы переводъ былъ сдѣланъ и не съ греческаго. Единственно вѣскимъ доказательствомъ перевода славянской версіи въ концѣ концовъ съ греческой можетъ поэтому служить ошибка (повторяющаяся во всѣхъ 2-хъ спискахъ первой сербской и 3-хъ первой русской редакціяхъ), которая могла произойти или оттого, что вмѣсто одного греческаго слова прочли схожее греческое другое слово, или оттого, что въ самомъ греческомъ оригиналѣ вмѣсто одного слова стояло двугое схожее съ нимъ слово. Эта ошибка, по моему мнѣнію, все-таки можетъ поддерживать въ насъ надежду найти греческую редакцію, похожую на ту, съ которой былъ сдѣланъ славянскій переводъ.—Здѣсь я долженъ замѣтить, что въ славянскихъ текстахъ нашей повѣсти существуютъ нѣкоторыя странности въ передачѣ звуковъ собственныхъ именъ, которыя можно бы объяснить при допущеніи для славянскаго перевода армянскаго посредства, а также въ качествѣ собственнаго имени слово „агарагˮ (только въ первой русской редакціи), которое существовало и существуетъ и въ армянскомъ языкѣ; но такъ какъ это слово могло проникнуть и изъ сирійскаго текста, что, по моему мнѣнію, мало пока вѣроятно, то я пока воздержусь отъ рѣшительнаго сужденія объ армянскомъ посредствѣ для славянскаго перевода [1]).

Вторая русская редакція нашей повѣсти была мнѣ извѣстна пока по 31 списку; изъ нихъ 24-мя списками я воспользовался для своего изслѣдованія, гдѣ раздѣлилъ ихъ на нѣсколько типовъ съ соотвѣтствующими подраздѣленіями. Такъ какъ я выяснилъ дѣло еще не съ желательной для меня точностью, то я пока воздержусь отъ сообщенія своихъ выводовъ относительно этой второй русской редакціи.

Румынской версіи нашей повѣсти я не имѣлъ подъ руками при изслѣдованіи, но теперь надѣюсь получить ея переводъ на русскій языкъ и воспользоваться имъ для пополненія своего изслѣдованія [2]).

А. Д. Григорьевъ.

---

1) Нѣкоторыхъ вопросовъ, касающихся славянскаго перевода нашей повѣсти, я коснулся въ своей статьѣ „Происхожденіе славянскихъ текстовъ повѣсти объ Акирѣ Премудромъˮ, напечатанной въ „Археолог. Извѣст. и Замѣт.ˮ 1898 г., №№ 11 и 12. Нѣкоторые изъ выраженныхъ тамъ взглядовъ были еще въ періодѣ развитія, а нѣкоторыя допущенныя тамъ не по моей винѣ ошибки будутъ мною исправлены. Теперь, въ виду данныхъ народной словесности, отмѣченныхъ мною выше въ примѣчаніи, вопросъ объ источникѣ ассирійской версіи требуетъ пересмотра.

2) Подстрочные и надстрочные знаки собственныхъ именъ по восточнымъ версіямъ для типографскаго удобства, по большей части, опущены.

ПОВѢСТЬ О МУДРОМЪ ХИКАРѢ

и

ПЛЕМЯННИКѢ ЕГО НАДАНѢ.

(Переводъ съ арабскаго).

Во имя Отца, Сына и Святаго Духа, единаго Бога, аминь!

Съ помощью Бога, Его руководительствомъ и благословенiемъ мы начнемъ разсказъ о мудромъ Хикарѣ [1]), визирѣ царя Синхариба, и племянникѣ его Наданѣ.

Во времена Ассиро-Ниневiйскаго царя Синхариба жилъ, говорятъ, мудрый человѣкъ по имени Хикаръ. Занимая высокiй постъ министра у царя, онъ славился своими богатствами, а еще болѣе обширными познанiями; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ мудрый, проницательный политикъ. У Хикара было 60 женъ съ отдѣльной у каждой спальней; но къ его прискорбiю, у него не было дѣтей. И вотъ онъ пригласилъ къ себѣ вѣщихъ людей, колдуновъ и астрологовъ и жаловался имъ на свое безплодiе. Они ему посовѣтовали принести жертву богамъ, и Хикаръ поступилъ такъ, какъ они ему сказали. Принося жертву идоламъ, онъ молилъ и просилъ ихъ, но они ни единымъ словомъ не отвѣчали ему. Печальный и грустный, вышелъ Хикаръ изъ храма и съ болью въ сердцѣ направился домой.

Въ другой разъ Хикаръ обратился уже къ Всевышнему Богу съ горячей, изъ глубины души вылившейся, молитвой:—„Богъ неба и земли, Творецъ всего существующаго! Молю Тебя, даруй мнѣ, въ утѣшенiе старости, сына, который, наслѣдуя мнѣ, былъ бы свидѣтелемъ моей кончины и, закрывъ мнѣ глаза, похоронилъ бы меня“.—И раздался голосъ съ неба:—„О Хикаръ! такъ какъ ты сперва обратился къ идоламъ и приносилъ имъ жертву, то дѣтей у тебя не будетъ, ни сыновей, ни дочерей. Но возьми своего племянника Надана—сына сестры своей—усынови его, воспитай и научи его мудрости, передай ему свои познанiя, и онъ унаслѣдуетъ послѣ тебя“. А племянникъ его Наданъ былъ еще груднымъ младенцемъ, и Хикаръ поручилъ его восьми кормилицамъ: всѣ онѣ няньчили его, нѣжно за нимъ ухаживали, пищу давали изысканную, одѣвали въ шелкъ, парчу и бархатъ, сажали на драгоцѣнные ковры. Когда Наданъ немного подросъ и умѣлъ уже ходить, Хикаръ сталъ его учить читать и писать, а впослѣдствiи, когда Наданъ выросъ подобно высокому ливанскому кедру, Хикаръ сталъ его учить и наукамъ и философiи.

Однажды царь Синхарибъ, замѣтивъ, какъ постарѣлъ уже Хикаръ, сказалъ ему:—„Другъ мой! ты мой славный, достойный министръ и хранитель моихъ тайнъ; ты правишь моимъ царствомъ, а

---

[1]) Хӣка̄ръ—по другому чтенiю Хайка̄ръ. На̄да̄нъ или На̄ба̄нъ. Синха̄рӣбъ, Сӣнха̄рӣбъ или Сануха̄рӣбъ. Ради типографскихъ удобствъ въ именахъ Хӣка̄ръ, На̄да̄нъ и Синха̄рӣбъ пропускается знакъ долготы, а также въ именахъ: Сарха̄дӯмъ, Банӯзарда̄нъ, Ахӣшъ, Нисрӣнъ, Абӯ-Самӣкъ, Бануха̄лъ, Табша̄лӣмъ, Абӣка̄мъ.

ужъ очень ты постарѣлъ, и въ недолгомъ будущемъ тебя не станетъ. Скажи мнѣ, кто мнѣ тебя замѣнитъ послѣ твоей смерти?!—„Государь!—отвѣтилъ Хикаръ,—да сохранитъ тебя Господь на много лѣтъ. Я усыновилъ своего племянника Надана, воспиталъ его, обогатилъ его умъ познаніями моими и мудростью (дабы онъ могъ замѣнить меня!“) — Хорошо, — сказалъ царь, — представь мнѣ его; если онъ окажется достойнымъ, я назначу его на твое мѣсто, сниму съ тебя бремя службы; пора тебѣ отдохнуть и провести остатокъ жизни въ досугѣ и почетѣ.

Тогда Хикаръ отправился домой, привезъ къ царю Надана, который почтительно поклонился ему, какъ подобаетъ скромному, благонравному юношѣ. Познакомившись съ нимъ, царь, въ удивленіи предъ его познаніями и ранней мудростью, сказалъ Хикару:—„молю Бога, Хикаръ, чтобы Онъ сохранилъ твоего сына, дабы онъ могъ мнѣ служить такъ же, какъ ты служилъ мнѣ и отцу моему Сархадуму, чтобы онъ, управляя всѣми дѣлами, соблюдалъ мои интересы съ такой же искренностью и правдой, какъ ты. Я буду любить и уважать его во имя твоего высокаго положенія (при моемъ дворѣ).

Услыхавъ это, Хикаръ палъ ницъ передъ царемъ и сказалъ: — „Государь, да продлитъ Господь жизнь твою; объ одномъ молю тебя—будь къ Надану милостивъ и прощай ему невольныя его прегрѣшенія, дабы онъ служилъ тебѣ, какъ подобаетъ служить царю“.—И поклялся царь въ этомъ, какъ и въ томъ, что Наданъ будетъ его любимцемъ, самымъ дорогимъ изъ приближенныхъ, въ почетѣ и уваженіи. Приложившись къ рукѣ царя, Хикаръ удалился, а съ нимъ и его племянникъ.

Вернувшись домой, Хикаръ посадилъ Надана въ отдѣльный кабинетъ, гдѣ днемъ и ночью онъ кормилъ его мудростью и познаніями болѣе, чѣмъ хлѣбомъ и водой, (т.-е. болѣе заботясь о духовно-нравственномъ его воспитаніи, чѣмъ о физическомъ). Между прочимъ вотъ какъ Хикаръ наставлялъ своего ученика.

Сынокъ! Слушай меня, иди по моимъ стопамъ и воспоминай всегда тó, что я тебѣ скажу.

Сынокъ! Если услышишь какую-либо тайну, то пусть она умретъ въ твоемъ сердцѣ, не выдавай ея никому, а то она превратится въ головню и сожжетъ твой языкъ, причинитъ боль твоему тѣлу, покроетъ тебя позоромъ передъ Богомъ и людьми.

Сынокъ! Когда услышишь новость, не старайся ее распространять, а если что и увидишь, объ этомъ не разсказывай. Сынокъ! Да будетъ твоя рѣчь понятна слушателю, но главное—никогда не спѣши отвѣчать.

Сынокъ! Не домогайся наружнаго блеска, ибо это скоро проходитъ, а доброе имя останется у тебя навсегда.

Сынокъ! Не поддавайся ласкамъ порочной женщины, а то она заманитъ тебя въ ловушку, и умрешь позорной смертью. Не пожелай жены роскошно одѣтой, которая благоухаетъ ароматами духовъ, а сама подла и преступна; остерегайся слѣдовать за ней, не давай ей ничего изъ своего добра, а не то она введетъ тебя въ искушеніе и навлечетъ на тебя Божій гнѣвъ.

Сынокъ! Не будь ты подобенъ миндальному дереву, которое покрывается листвой раньше, чѣмъ другія деревья, а позже всѣхъ кормитъ (своими плодами); будь похожъ на тутовое дерево, плоды котораго созрѣваютъ раньше всѣхъ деревьевъ, а листья позже ихъ.

Сынокъ! Не гордись, говори тихимъ голосомъ, будь всегда вѣжливъ, иди по пути добра, не оскверняй свои уста дурными словами, не возвышай голоса ни въ разговорѣ, ни среди смѣха, ибо если бы громкимъ голосомъ можно было построить домъ, то оселъ строилъ бы каждый день много домовъ.

Сынокъ! Легче съ кроткимъ человѣкомъ камни таскать, нежели съ низкимъ вино пить. Лей вино на могилахъ благочестивыхъ и не пей его съ негодяями.

Сынокъ! Дружбу веди съ мудрецами и богобоязненными людьми; и будь самъ таковымъ, не сближайся съ невѣждой, дабы не быть таковымъ и не усвоить его привычекъ.

Сынокъ! Испытывай друга, прежде чѣмъ сойтись съ нимъ и, не испытавши его, не хвали.

Не трать словъ съ глупцомъ.

Сынокъ! Пока есть у тебя сапоги на ногахъ, ходи—хоть по терніямъ, и проложи путь сыновьямъ своимъ и внукамъ. Справь свое судно прежде, чѣмъ подымется буря, а не то утонешь и не будетъ тебѣ спасенія.

Сынокъ! Если богачъ ѣстъ змѣю, то скажутъ: какой онъ мудрый! а бѣднякъ съѣстъ змѣю,—скажутъ: съ голоду.

Сынокъ! Довольствуйся тѣмъ, что имѣешь, не желай добра другого человѣка.

Не водись съ дуракомъ, не дѣли съ нимъ хлѣба.

Не радуйся бѣдѣ ближнихъ и отвѣчай своему недругу добромъ за зло.

Бойся человѣка, у котораго нѣтъ страха Божія.

Сынокъ! Невѣжда споткнется — упадетъ, а мудрецъ рѣдко падаетъ; случись ему упасть,—быстро поднимается. Заболѣетъ мудрецъ, самъ себя вылѣчитъ, между тѣмъ какъ для невѣжды нѣтъ лѣкарствъ.

Сынокъ! Если ты имѣешь дѣло съ человѣкомъ ниже тебя по положенію, обращайся съ нимъ, какъ съ равнымъ; если онъ не въ состояніи отблагодарить тебя, то Господь отблагодаритъ за него.

Сынокъ! Не жалѣй палки для сына твоего, ибо палка для сына то же, что навозъ въ саду, или печать на кошелькѣ, или узда для скотины, или запоръ для двери.

Оберегай своего сына отъ пороковъ, воспитаніе его веди до совершеннолѣтія; въ противномъ случаѣ онъ выдетъ изъ твоего повиновенія, будетъ оскорблять тебя и позорить въ собраніяхъ и на улицѣ, и тебя же будутъ упрекать за его дурныя дѣйствія.

Не произноси слова, прежде чѣмъ не обдумаешь его.

Не стой среди спорящихъ, ибо споръ возникаетъ изъ-за одного слова, отъ спора недалеко до вражды, а до драки еще ближе, и тогда ты попадешь въ свидѣтели. Бѣги отъ всего этого и будешь жить въ покоѣ.

Сынокъ! Не возставай противъ того, кто сильнѣе тебя, а лучше всего вооружись терпѣньемъ и доброжелательствомъ. Нѣтъ ничего дороже ихъ.

Не радуйся смерти врага своего, ибо самъ скоро будешь его сосѣдомъ.

Почитай врага своего и при встрѣчѣ съ нимъ ты раньше отвѣсь ему поклонъ.

Сынокъ! Скорѣе вода остановится въ своемъ руслѣ, скорѣе воробьи полетятъ выше облаковъ, скорѣе черный воронъ преобразится въ бѣлаго, а горечь станетъ слаще меда, чѣмъ невѣжда и дуракъ поймутъ мудрость.

Тогда только будешь мудрымъ, когда удержишь языкъ отъ лжи, руку отъ воровства, глазъ отъ завистливаго взгляда.

Лучше терпѣть ударъ отъ руки мудреца, нежели получить отъ невѣжды благоуханныя мази.

Сынокъ! Будь скроменъ въ молодости, и почтутъ тебя въ старости.

Не противься мужу у власти, не плавай противъ теченія рѣки въ половодье.

Не сватай, ибо при хорошей жизни супруги не будутъ благодарить, а при дурныхъ отношеніяхъ проклянутъ тебя.

Сынъ мой! Дружись съ сытымъ, у котораго рука щедра, и бѣги отъ богатаго человѣка, который самъ живетъ впроголодь и скупъ для другихъ.

Въ четырехъ случаяхъ царь не удержится на тронѣ, и войско не поможетъ ему: при дурномъ министрѣ, при дурномъ управленіи, при дурныхъ намѣреніяхъ правителей и при тиранніи надъ подданными.

Четырехъ людей всегда и вездѣ отличишь: умнаго, глупаго, богача и бѣдняка.

Это и многое другое преподалъ Хикаръ своему племяннику Надану. Когда послѣдній усвоилъ всю мудрость наставника, Хикаръ уступилъ ему свое мѣсто при царѣ, передалъ ему все свое добро, рабовъ и рабынь, коней и стада. И сталъ Наданъ полнымъ хозяиномъ, и занялъ самое высокое положеніе при царѣ.

А Хикаръ между тѣмъ отдыхалъ отъ долгихъ трудовъ въ своемъ дворцѣ и время отъ времени являлся къ царю на поклонъ и, поклонившись, возвращался домой.

Наданъ, забравши все въ свои руки, сталъ пренебрежительно относиться къ своему дядѣ, насмѣхался надъ нимъ, часто дурно отзывался о немъ въ обществѣ, говоря, напримѣръ, что дядя—старикъ, уже изъ ума выживаетъ. Кромѣ того онъ сталъ наносить побои рабамъ и рабынямъ, продавать дядиныхъ лошадей и верблюдовъ, и расточалъ его имущество.

Когда Хикаръ убѣдился, что племянникъ истязаетъ слугъ, онъ выгналъ его изъ своего дворца, далъ знать царю о расточительности и насиліяхъ Надана. Тогда царь позвалъ Надана и сказалъ ему: „Пока Хикаръ живъ, никто не смѣетъ распоряжаться его богатствомъ и имуществомъ, и никто не властенъ въ его домѣ, кромѣ него самого“. И такимъ образомъ Надану было запрещено касаться имущества Хикара, и онъ пересталъ навѣщать его домъ и кланяться ему. И Хикару горько пришлось пожалѣть о потраченныхъ трудахъ по воспитанію племянника. А у этого послѣдняго былъ младшій братъ по имени Банузарданъ, котораго Хикаръ взялъ на воспитаніе вмѣсто Надана; нѣжно и ласково съ нимъ обходился, поручилъ ему свое имѣніе и назначилъ его управителемъ своего дома. Наданъ съ завистью смотрѣлъ на соперничество брата и сталъ открыто упрекать дядю, что онъ выгналъ его изъ дворца и предпочелъ ему брата, и грозилъ, что если Богъ поможетъ, онъ страшно отомститъ дядѣ, выроетъ ему яму, гдѣ онъ найдетъ себѣ вѣрную смерть. И задумался Наданъ, какъ бы получше совершить эту месть. Долго думалъ онъ, пока наконецъ рѣшился написать къ персидскому Шаху Ахишу, сыну Хакимъ-Шаха, посланіе слѣдующаго содержанія: „Привѣтъ тебѣ, великій монархъ, отъ Синхариба, царя Ассура и Ниневіи, и отъ его министра и секретаря Хикара. Да будетъ между нами миръ! По полученіи этого посланія прошу тебя скорѣй пожаловать къ намъ—я передамъ тебѣ безъ войны и битвы наше государство. До свиданія въ долинѣ Нисринъ, въ Ассурѣ и Ниневіи“. Другое посланіе отъ имени Хикара онъ написалъ фараону—царю египетскому—подобнаго же содержанія: „Великій государь! Миръ между нами. По полученіи этого письма пріѣзжай немедленно въ Ассуръ и Ниневію, въ долину Нисринъ, и я безъ войны и сраженія отдамъ тебѣ нашу страну“. А надобно замѣтить, что почеркъ Надана былъ очень похожъ на руку Хикара. Сложивъ оба посланія и запечатавъ печатью дяди, Наданъ подбросилъ ихъ въ царскій дворецъ Синхариба и отъ имени послѣдняго написалъ приказъ Хикару:—„Моему министру и хранителю моихъ тайнъ Хикару. По полученіи сего приказа собери всѣ находящіяся подъ твоимъ начальствомъ войска, пусть они будутъ въ полномъ вооруженіи, явись съ ними въ долину Нисринъ въ слѣдующій четвергъ. Когда ты замѣтишь мое приближеніе, прикажи войску напасть на меня, какъ бы на врага. Этотъ маневръ доставитъ мнѣ удовольствіе, ибо гостящіе у меня послы изъ Египта увидятъ нашу военную силу и устрашатся ея“.

Этотъ приказъ Наданъ запечаталъ и послалъ Хикару черезъ царскаго слугу, а самъ вскорѣ послѣ этого поднялъ одно изъ своихъ посланій, показалъ его царю, прочиталъ ему вслухъ, обративъ его вниманіе на печать письма. Царь, услыхавъ содержаніе, сильно встревожился и въ гнѣвѣ сказалъ: „Что сдѣлалъ я Хикару, кромѣ добра? Вотъ какъ онъ меня отблагодарилъ, предалъ меня врагамъ моимъ!“—Не грусти, государь,—сказалъ ему Наданъ,—не горюй напрасно, отправимся въ долину Нисринъ и тамъ увидимъ, въ чемъ дѣло: правда ли это или обманъ.

Съ наступленіемъ слѣдующаго четверга царь въ сопровожденіи Надана, министровъ и гвардіи отправился въ долину Нисринъ, гдѣ застали Хикара съ войсками, въ полномъ вооруженіи и готовымъ къ бою. Завидѣвъ царя, Хикаръ далъ приказъ войску начать наступленіе согласно посланію, полученному отъ царя, не подозрѣвая, какія козни построилъ ему Наданъ; а этотъ обратился къ царю и сказалъ:—„Посмотри, государь, какъ поступаетъ съ тобой наглый Хикаръ. Но не гнѣвайся и не печалься, иди во дворецъ, я скоро приведу къ тебѣ Хикара въ оковахъ и выгоню отсюда твоихъ враговъ“.—Царь вернулся во дворецъ, взволнованный и огорченный поступками своего перваго министра и единственнаго друга. А Наданъ

подошелъ къ Хикару и сказалъ:—„Государь благодаритъ тебя за точное исполненіе его приказанія, онъ очень доволенъ маневрами, но велитъ тебѣ сейчасъ распустить войско, а самому въ оковахъ явиться во дворецъ, дабы такое зрѣлище внушило посламъ еще бóльшій страхъ передъ нашимъ государемъ“. Повинуясь царскому приказу, Хикаръ далъ себя связать и былъ доставленъ Надсномъ во дворецъ. А царь между тѣмъ, будучи одинъ во дворцѣ, нашелъ другое посланіе, написанное отъ имени Хикара фараону, и, ознакомившись съ его содержаніемъ, сильно негодовалъ на Хикара, который какъ разъ въ это время вошелъ къ нему и палъ передъ нимъ ницъ.—„Что плохого сдѣлалъ я тебѣ?—сказалъ ему царь.—Вѣдь ты мой главный министръ и другъ; что значатъ всѣ твои дурныя дѣйствія?“—и показалъ ему царь оба посланія и печать. Тутъ Хикара поразилъ ударъ: всѣ члены его тряслись, языкъ отнялся и онъ не могъ промолвить ни слова, а глаза безсмысленно устремились на полъ.

„Уберите его отсюда!—закричалъ царь,—и отрубите ему голову“.—А Наданъ обратился къ Хикару:—Несчастный, что ты надѣлалъ? Какая польза тебя ожидала, что ты поднялъ интригу противъ царя!—Царь же приказалъ палачу Абу-Самику:—„Бери Хикара и казни его у воротъ его собственнаго дворца; такъ чтобы голова, отдѣлившись отъ туловища, откатилась на разстояніи 100 локтей“.—Тутъ Хикаръ пришелъ въ себя и обратился къ царю съ мольбой:—Великій государь! Если ты желаешь моей смерти, то да будетъ воля твоя. Но я не знаю за собой такого преступленія, за которое я достоинъ былъ бы казни. Но все же прошу у тебя, государь, какъ милости, дозволь палачу отдать мое тѣло слугамъ моимъ, дабы они предали его землѣ. И пусть я, твой рабъ, паду жертвой за тебя, а виновникъ моей казни отвѣтитъ передъ Богомъ.—Царь приказалъ палачу исполнить просьбу Хикара. Слуги царя схватили его, раздѣли и повели на казнь.

У Хикара была жена по имени Ашгафина, женщина умная, мудрая и во всемъ искусная. Видя, что ему не миновать казни, Хикаръ послалъ сказать женѣ:—„Меня ведутъ на казнь, выходи ко мнѣ навстрѣчу въ сопровожденіи 1000 дѣвицъ, одѣнь ихъ въ шелковыя пурпуровыя платья, и пусть онѣ, до казни, меня оплакиваютъ, да и приготовь обѣдъ для палача и слугъ царя и щедро ихъ угощай виномъ“.

Ашгафина исполнила въ точности все, что приказалъ ей мужъ, ибо она была также умна, мудра и искусна.

Когда слуги царя пришли съ войскомъ и палачемъ, они нашли накрытый столъ и на немъ множество разнообразныхъ вкусныхъ блюдъ и вино; они стали пить и ѣсть до тѣхъ поръ, пока не напились и не насытились; а въ это время Хикаръ отвелъ въ сторону палача и сказалъ ему: „Абу-Самикъ! помнишь ли ты то время, когда царь Сархадумъ, отецъ царя Синхариба, приказалъ казнить тебя, помнишь ли какъ я тебя взялъ къ себѣ и спряталъ въ потаенное мѣсто, и какъ я, послѣ этого, безпрестанно оправдывалъ тебя передъ царемъ, пока онъ не убѣдился въ твоей невинности и сталъ жалѣть о твоей казни? Помнишь ли ты, какъ онъ обрадовался, когда я живого тебя ему представилъ. А теперь докажи, что ты цѣнишь то добро, которое тогда я сдѣлалъ для тебя; я хорошо знаю, что царь будетъ жалѣть меня и казнь моя его огорчитъ, тѣмъ болѣе, что я невиненъ; мой племянникъ Наданъ обманулъ меня и царя и я увѣренъ, что царь будетъ раскаиваться въ томъ, что велѣлъ меня казнить, и будетъ радъ и благодаренъ тебѣ, если ты представишь меня ему живого. Такъ знай, что у меня во дворцѣ изъ парадной прихожей есть ходъ въ подземелье, о которомъ никто не знаетъ; тамъ ты меня спрячешь, и никто кромѣ жены моей Ашгафины не долженъ объ этомъ знать. А въ тюрьмѣ у меня сидитъ рабъ, который заслуживаетъ казни; выведи его, надѣнь на него мое платье и прикажи царскимъ слугамъ его убить; они не замѣтятъ, кого убиваютъ: они всѣ пьяны; прикажи имъ, чтобы его казнили такъ, чтобы голова его, отдѣлившись отъ тѣла, откатилась на разстояніе 100 локтей, трупъ отдай моимъ рабамъ для погребенія. Этимъ сослужишь мнѣ добрую службу“.

Палачъ Абу-Самикъ въ точности исполнилъ все, что ему говорилъ Хикаръ и, вернувшись съ слугами во дворецъ, сказалъ царю: „Все, государь, исполнено. Да продлитъ Господь жизнь твою!“

Ашгафина ввела своего мужа въ подземелье, поставила ему ѣду и питье, разъ въ недѣлю спускалась къ нему внизъ, приносила все ему нужное, и никто кромѣ ея и Абу-Самика не вѣдалъ про то.

Распространилась между тѣмъ молва о казни Хикара по сторонѣ Ассиріи и Ниневіи; всѣ жалѣли мудреца, со слезами говоря: „Жаль Хикара, жаль его познаній и мудрости. Кто его замѣнитъ, что станется съ государствомъ безъ государственнаго человѣка, и гдѣ найти ему подобнаго?“ И царь въ свою очередь также каялся, и раскаяніе не давало ему покоя. Однажды онъ позвалъ къ себѣ Надана и сказалъ ему.—„Созови друзей, устрой поминальный обѣдъ въ память твоего дяди, оплакивай его и вспоминай одни лишь прекрасные его подвиги, какъ то обыкновенно дѣлается въ честь великихъ мужей“.

И жестокосердый Наданъ отправился во дворецъ дяди, гдѣ устроилъ поминки, за которыми не только не плакалъ и не грустилъ, но, набравъ себѣ подобныхъ товарищей, пировалъ и кутилъ, билъ рабовъ и рабынь Хикара и произвелъ страшное безчинство. Онъ не посовѣстился даже сдѣлать позорное предложеніе своей бывшей благодѣтельницѣ и воспитательницѣ женѣ дяди. Ашгафина съ достоинствомъ хозяйки выгнала ихъ изъ своего дома и тѣмъ положила конецъ ихъ безобразіямъ. А Хикаръ изъ своего заключенія слышалъ вопли своихъ рабовъ и, не зная причины этого, просилъ Господа прійти имъ на помощь.

Между тѣмъ время шло, Хикаръ жилъ въ своемъ подземельи; кромѣ жены, его навѣщалъ по временамъ Абу-Самикъ, утѣшалъ его и желалъ ему скораго освобожденія.

Вѣсть о казни Хикара обошла всѣ страны свѣта, цари жалѣли мудреца и злорадствовали по поводу тупоумія Синхариба. Случаемъ воспользовался египетскій фараонъ и отправилъ къ Синхарибу такое посланіе:—„Привѣтъ и почтеніе дорогому брату моему царю Синхарибу отъ фараона, царя Египта. Я желалъ бы выстроить себѣ замокъ между небомъ и землей. Потому прошу тебя прислать мнѣ мужа мудраго и искуснаго, который (удачно) отвѣчалъ бы на всѣ задаваемые ему вопросы и построилъ бы замокъ. Если твой посолъ исполнитъ все это, я доставлю тебѣ сумму денегъ, равную трехгодичной дани со всей Ассиріи и Ниневіи!“ [1]) Запечаталъ письмо и отправилъ. Когда Синхарибъ по полученіи посланія показалъ его министрамъ и вельможамъ, они смутились, не зная что дѣлать. Царь разгнѣвался и велѣлъ созвать изъ всего своего государства старцевъ, ученыхъ, мудрецовъ, философовъ, астрономовъ и астрологовъ, и имъ было прочитано посланіе фараона, послѣ чего ихъ спросили:—„Кто изъ васъ отправится къ царю Египта и дастъ отвѣтъ на его вопросы?“—„Царь-государь,—отвѣчали всѣ,—нѣтъ между нами того, кто могъ бы разрѣшить загадки фараона; нѣтъ среди насъ мудраго Хикара, бывшаго твоего министра и секретаря, отвѣчать на это посланіе никто не въ состояніи, развѣ одинъ Наданъ; вѣдь дядя передалъ ему свою мудрость и познанія. Позови его, государь, и вели ему разрѣшить эту трудную задачу.—Позвали Надана, и царь, передавая ему посланіе, сказалъ: „Читай и разумѣй то, что здѣсь написано“. Наданъ, прочитавъ, сказалъ:—„Не обращай, государь, вниманія на то, что они пишутъ. Мало ли кто какъ съ ума сходитъ: развѣ есть какая-либо возможность построить замокъ между небомъ и землей?“—Услыхавъ отвѣтъ Надана, царь пришелъ въ отчаяніе, сошелъ съ трона, сѣлъ на землю и съ плачемъ жалѣлъ о Хикарѣ.—„Увы, Хикаръ, увы, мудрецъ, горе мнѣ, что я тебя погубилъ; не съ кѣмъ теперь мнѣ посовѣтоваться; горе мнѣ, что я послушалъ глупаго мальчика и казнилъ тебя! Кто вернетъ мнѣ Хикара? Тому, кто скажетъ мнѣ, что онъ живъ, я отдамъ половину моего царства. Увы! этому не бывать, вѣчно буду оплакивать тебя, жалѣть о томъ, что не изслѣдовавъ вины твоей, казнилъ тебя“.—День и ночь царь оплакивалъ Хикара. Услыхавъ объ этомъ, Абу-Самикъ подошелъ къ царю и сказалъ:—„Вели, государь, меня казнить“.—„Горе тебѣ, Абу-Самикъ!—отвѣтилъ царь,—какая твоя вина?“—„Царь,—отвѣтилъ Абу-Самикъ,—всякій рабъ, не исполняющій приказаніе своего господина, достоинъ казни, а я ослушался тебя“.—„Хорошо,—сказалъ царь,—

[1]) Здѣсь очевидный пропускъ. Общій смыслъ контекста показываетъ, что надо добавить: „Если же не исполнить, то вы мнѣ доставите дань“.

въ чемъ же ты ослушался меня?"—„Государь,—продолжалъ палачъ,—ты приказалъ мнѣ казнить великаго Хикара, а я, зная, что онъ невиненъ и что и ты будешь жалѣть о немъ, скрылъ его въ одномъ мѣстѣ, о которомъ никто не знаетъ и знать не можетъ. Я убилъ не его, а раба, заслужившаго казнь, а Хикаръ до сихъ поръ живъ и, если прикажешь, я приведу его сюда. Теперь, государь, чего пожелаешь? Казни меня или отпусти".—„Горе тебѣ, Абу-Самикъ,—сказалъ царь,—ты смѣешься надо мной".—„Нѣтъ, мой государь, клянусь жизнью твоей и головой твоей, Хикаръ живъ и здоровъ". Убѣдившись въ справедливости словъ палача, царь бросился ему на шею, сталъ его цѣловать и отъ восторга чуть не упалъ въ обморокъ.—„Ты добрый человѣкъ, если твоя рѣчь правдива,—сказалъ царь:—если приведешь ко мнѣ Хикара, я обогащу тебя и отличу тебя среди всѣхъ своихъ придворныхъ". Обрадованный Абу-Самикъ пошелъ во дворецъ Хикара, спустился къ нему въ подземелье какъ разъ въ то время, когда онъ молился Богу. Абу-Самикъ закричалъ ему:—„Ликуй и радуйся, Хикаръ, насталъ часъ спасенія!"—„Что случилось?"—сказалъ старикъ, и Абу-Самикъ разсказалъ ему все, что произошло со времени полученія фараонова посланія до послѣднихъ словъ царя. Затѣмъ онъ вмѣстѣ съ Хикаромъ отправился во дворецъ къ царю. Ужасно было взглянуть на Хикара: едва видны были на немъ признаки жизни, волосы его такъ отросли, что онъ сталъ походить на звѣря, ногти его были похожи на когти орла, тѣло все ссохлось, лицо имѣло цвѣтъ золы. Увидавъ его, царь Синхарибъ пошелъ къ нему навстрѣчу, обнялъ его, цѣловалъ его и, плача, сказалъ:—„Слава Богу, который вернулъ тебя мнѣ и ради котораго ты меня простишь". Долго царь утѣшалъ Хикара и просилъ извинить его и много богатства подарилъ онъ палачу Абу-Самику. Хикаръ благодарилъ царя и во всемъ происшедшемъ обвинилъ племянника:—„Я его воспиталъ, чтобы онъ былъ для меня пальмовымъ посохомъ, о который я опирался бы, а посохъ вдругъ наклонился, и я упалъ. Онъ поступилъ со мной, какъ блудный сынъ. Но, государь,—сказалъ онъ,—я теперь передъ тобой; пусть ничто тебя не печалитъ".—„Да будетъ благословенъ Господь Богъ,—сказалъ царь,—что Онъ помиловалъ меня и тебя, спасши тебя, праведнаго, отъ смертной казни. Теперь отправься въ баню, остриги волосы, обрѣжь ногти, переодѣнься и отдыхай 40 дней, чтобы оправиться; за это время вновь вернутся къ тебѣ твои силы и твой цвѣтъ лица, и тогда приходи ко мнѣ". Затѣмъ Хикаръ, получивъ отъ царя дорогой подарокъ, довольный и веселый отправился къ себѣ во дворецъ, благословляя Всевышняго Бога. Всѣ родные, друзья и тѣ, кто узналъ, что онъ живъ, радовались его спасенію, а самъ онъ, согласно волѣ царя, отдыхалъ 40 дней. По истеченіи этого срока Хикаръ, одѣвшись въ лучшее платье, въ сопровожденіи своей свиты поѣхалъ къ царю. А на Надана, видѣвшаго все это, напалъ страхъ, и онъ не зналъ, что предпринять. Съ поклономъ вошелъ Хикаръ къ царю, который, посадивъ его рядомъ съ собой, молвилъ:—„Дорогой Хикаръ! Египетскій царь фараонъ, узнавъ о твоей казни, прислалъ намъ вотъ какое предложеніе,—прочти его. Этимъ онъ насъ совсѣмъ смутилъ. Многіе изъ нашихъ соотечественниковъ покинули свою землю, переселились въ Египетъ, изъ боязни, какъ бы не пришлось платить ему огромную дань, которую онъ требуетъ". Хикаръ, ознакомившись съ содержаніемъ фараонова посланія, сказалъ:—„Государь мой, не огорчайся, я отправлюсь въ Египетъ, отвѣчу фараону на всѣ его вопросы, рѣшу его задачу принесу отъ него тебѣ дань, верну переселившихся туда соотечественниковъ моихъ и, съ помощью Бога и твоей счастливой звѣзды, покорю враговъ твоихъ". Такой рѣчью Хикара царь былъ очень обрадованъ и осыпалъ его милостями, не забывъ одарить также и палача Абу-Самика.

Послѣ этого Хикаръ просилъ царя дать ему срокъ въ 40 дней, чтобы хорошенько обдумать способъ, какъ лучше рѣшить вопросы фараона.—Хикаръ отправился къ себѣ домой и велѣлъ своимъ охотникамъ поймать пару орлятъ, что тѣ и сдѣлали. Затѣмъ онъ приказалъ скрутить два хлопчатныхъ каната, длиною каждый въ 2000 локтей, а столярамъ своимъ велѣлъ сколотить два большихъ сундука; все это было въ точности исполнено. Затѣмъ онъ взялъ къ себѣ двухъ маленькихъ мальчиковъ, Банухала и Табшалима, кормилъ ихъ и орлятъ бараниной, приказавъ для этого ежедневно рѣзать по два барана; ежедневно сажалъ мальчиковъ на спины

орлятамъ, прикрѣпивъ ихъ къ нимъ; и, перевязавъ ноги орлятъ канатомъ, выпускалъ ихъ летать вверхъ, мало-по-малу, каждый день все выше на 10 локтей, пока они не пріучились подыматься на всю длину каната выше облаковъ, держа на своихъ спинахъ мальчиковъ; при этомъ онъ научилъ мальчиковъ кричать сверху: „Подайте намъ камни, глину и известки, чтобы выстроить замокъ царю фараону; вѣдь мы безъ дѣла сидимъ". Когда мальчики научились вполнѣ хорошо исполнять свою задачу, Хикаръ явился къ царю и сказалъ: — „Государь, у меня все готово къ твоимъ услугамъ, не угодно ли будетъ тебѣ посмотрѣть на чудо, которое я соорудилъ?"—Царь, окруженный свитой, отправился вмѣстѣ съ Хикаромъ на одну поляну, куда заранѣе уже были доставлены и мальчики, и орлята. Хикаръ посадилъ мальчиковъ на спины орлятъ, этихъ привязалъ къ канату, пустилъ ихъ летать по воздуху; а когда они поднялись на высоту всей длины каната, мальчики стали кричать сверху тò, что научилъ ихъ Хикаръ; затѣмъ, когда онъ сталъ собирать канатъ, мальчики съ орлятами опустились на землю. Дивясь всему видѣнному, царь облобызалъ и одарилъ Хикара, сказавъ:—Дорогой мой! слава нашей странѣ! отправляйся теперь съ Богомъ, и Его благословеніемъ побѣдишь фараона, отвѣтивъ на всѣ его вопросы.

Простившись съ царемъ, Хикаръ, забравъ войско, людей, мальчиковъ и орлятъ, отправился въ Египетъ. Прибывъ туда, Хикаръ отправился во дворецъ, а египтяне, узнавъ, что царь Синхарибъ прислалъ знатнаго мужа, который будетъ говорить передъ фараономъ, поспѣшили ему доложить объ этомъ. Фараонъ выслалъ навстрѣчу нѣсколько знатныхъ придворныхъ, которые и привели Хикара во дворецъ. Хикаръ билъ челомъ фараону, какъ то подобаетъ царямъ, и сказалъ: — „Мой повелитель Синхарибъ привѣтствуетъ тебя, государь! Меня, одного изъ своихъ рабовъ, прислалъ онъ сюда, чтобы дать отвѣтъ на всѣ твои вопросы и исполнить твою волю; что бы ты ни приказалъ, я обязанъ все сдѣлать. Ты требовалъ у моего государя мужа, который сумѣлъ бы выстроить для тебя замокъ между небомъ и землей, и я съ помощью Божіей и при твоемъ благосклонномъ содѣйствіи построю желаемый тобою замокъ, при соблюденіи условія, что, если ты меня побѣдишь, т.-е. я не отвѣчу на твои вопросы, мой царь пошлетъ тебѣ условленную дань; если же я разрѣшу всѣ задачи, то и ты, конечно, выполнишь обѣщаніе, т.-е. ты заплатишь сумму, равную трехгодичной дани со всего Египта: царское слово вѣдь законъ". Понравилось фараону, какъ свободно и красно говорилъ посолъ, и спросилъ онъ его: „Какъ тебя зовутъ, почтенный мужъ?"—Раба твоего,—сказалъ Хикаръ,—зовутъ Абикамомъ; я одинъ муравей изъ милліоновъ муравьевъ, подвластныхъ Синхарибу.—„У твоего царя,—отвѣтилъ фараонъ,—развѣ нѣтъ человѣка выше тебя по положенію, что онъ прислалъ мнѣ муравья, который отвѣтитъ мнѣ на вопросы мои?" — Надѣюсь на Бога,—возразилъ Хикаръ, — и думаю, что въ состояніи буду исполнить твои желанія, ибо Богъ всегда на сторонѣ слабыхъ, дабы смутить сильныхъ.

Фараонъ приказалъ дать ему лучшее помѣщеніе, по-царски кормить и поить Абикама, его свиту и войско, а лошадямъ ихъ давать отборный сытный кормъ. Спустя три дня фараонъ въ пурпурномъ одѣяніи возсѣлъ на свой тронъ, окруженный всѣми министрами и вельможами, которые стояли, скрестивъ руки и сомкнувъ ноги. Позвали Абикама, и фараонъ сказалъ ему:— „Абикамъ, на кого похожъ я и всѣ мои министры и вельможи?"— Государь, отвѣтилъ онъ, ты похожъ на Ваала [1]), а вельможи и министры твои—на жрецовъ его. — „Иди теперь, а завтра явишься сюда". И онъ ушелъ. На второй день онъ вновь предсталъ передъ фараономъ, возсѣдавшимъ на тронѣ; самъ онъ одѣтъ былъ въ красное, а вельможи — въ бѣлыхъ одеждахъ. —„Абикамъ,—спросилъ фараонъ, — скажи, на кого я похожъ, и кому уподобляются мои вельможи?"—Ты, государь,—отвѣтилъ онъ,—подобенъ солнцу, а твои вельможи—лучамъ его.— Фараонъ отпустилъ его, приказавъ явиться на слѣдующій день. Съ наступленіемъ утра фараонъ отдалъ приказъ всѣмъ быть въ чистыхъ, бѣлыхъ одѣяніяхъ, самъ онъ сидѣлъ на тронѣ тоже въ бѣломъ облаченіи. Хикаръ явился, билъ челомъ фараону и на вопросъ, на кого онъ и его

[1]) По другому списку—Била.

свита похожи, отвѣтилъ:—Ты, государь, подобенъ лунѣ, а вельможи и воины подобны планетамъ и звѣздамъ.—И Абикамъ ушелъ, чтобы опять явиться на слѣдующій день. Утромъ фараонъ велѣлъ вельможамъ одѣться въ разноцвѣтныя платья, а самъ облачился въ пунцовый бархатъ и, возсѣвъ на престолъ, приказалъ привести Абикама. Этотъ вошелъ, поклонился царю и на вопросъ послѣдняго, кому уподобляется онъ самъ и кому его вельможи, отвѣтилъ: — Ты, государь, похожъ на мѣсяцъ апрѣль, а вельможи твои на лугъ, покрытый цвѣтущими ромашками [1]). Довольный этимъ, фараонъ молвилъ: „Абикамъ! въ первый разъ ты сравнилъ меня съ Вааломъ, во второй съ солнцемъ, въ третій съ луной, въ четвертый съ апрѣлемъ, а вельможъ моихъ — съ лугомъ, покрытымъ цвѣтущими ромашками. Теперь скажи, кому уподобляется твой царь Синхарибъ и на кого похожи его министры и придворные?“ Хикаръ на это громко отвѣтилъ:—Я о своемъ повелителѣ не буду говорить, пока ты, государь, сидишь на тронѣ.—Удивился фараонъ сильному слову Хикара и, оставивъ тронъ, стоя рядомъ съ Хикаромъ, спросилъ его‘ съ кѣмъ онъ сравнитъ своего государя.— Государь,—отвѣтилъ онъ,—мой повелитель подобенъ Владыкѣ неба, а вельможи его грому и молніи: когда онъ пожелаетъ,—подымется буря, идетъ дождь; по его приказанію блеснетъ молнія, прогремитъ громъ; по его велѣнію солнце не свѣтитъ, а планеты и звѣзды стоятъ неподвижно. Онъ прикажетъ, и буря подымется, дожди польются, мѣсяцъ апрѣль станетъ неясенъ и угрюмъ, и цвѣты на лугахъ заблекнутъ и пропадутъ.—Сильно смутившись, фараонъ грозно воскликнулъ:—„Человѣкъ, скажи мнѣ, кто же ты на самомъ дѣлѣ?“ — А посолъ отвѣтилъ:—Я Хикаръ, секретарь государя, главный министръ и первый изъ приближенныхъ къ царю Синхарибу, правлю его государствомъ, держу всѣ тайны его“.— На это фараонъ сказалъ:—Ты, правда, мудрецъ; но объясни намъ, что значитъ слухъ о томъ, что Хикаръ казненъ, между тѣмъ ты стоишь живой передъ нами? — Хикаръ отвѣтилъ: —„Да, правда, все это было, мой повелитель послушался доносчика, велѣлъ меня казнить, но Всевышній Богъ, знающій всѣ сокровенныя мысли человѣка, спасъ меня. Слава Богу, на Него я уповаю“.—Послѣ этихъ словъ фараонъ отпустилъ его со словами: — Иди теперь, а завтра явишься сюда, чтобы произнести такую рѣчь, какой ни я, ни мои вельможи, ни одинъ человѣкъ въ моемъ государствѣ не слышали. — И Хикаръ пошелъ домой и написалъ тамъ слѣдующее посланіе: „Отъ Синхариба, царя Ассиріи и Ниневіи, къ царю Египта фараону. Привѣтъ тебѣ братъ! Ты знаешь, конечно, что какъ братъ можетъ нуждаться въ братѣ, такъ и цари иногда, нуждаются другъ въ другѣ. Прошу тебя одолжить мнѣ 900 кинтаровъ [2]) золота; эта сумма нужна мнѣ на содержаніе части моего войска. — И взявъ это письмо съ собой, онъ прочелъ его на слѣдующій день передъ фараономъ и его министрами. Фараонъ изумился и сказалъ:— „Да, никогда никто у насъ не слыхалъ такой рѣчи и никто ничего подобнаго не произносилъ“. На это Хикаръ отвѣтилъ:—Твоему величеству остается теперь исполнить просьбу моего государя,—и фараонъ, согласившись и на это, сказалъ:—Хикаръ! только подобный тебѣ человѣкъ достоинъ служить царямъ. Хвала Богу, который просвѣтилъ твой умъ знаніями и философіей и украсилъ тебя Своей мудростью. Теперь осталось тебѣ только построить намъ замокъ между небомъ и землей. — „Слушаюсь и повинуюсь,—отвѣтилъ Хикаръ,—если Богу угодно, я сооружу тебѣ замокъ по твоему желанію, но ты вели приготовить для меня камни, глину и известку, чернорабочихъ, а мастеровъ я привезъ съ собой, они построятъ согласно твоему желанію“. — Царь велѣлъ все доставить на одну изъ площадей, куда отправился Хикаръ со своими мальчиками и орлятами. Прибыли туда и самъ фараонъ, вельможи и войско, чтобы видѣть дѣянія Хикара. Послѣдній досталъ изъ сундуковъ орловъ, посадилъ на ихъ спину мальчиковъ и, привязавъ ихъ къ канатамъ, пустилъ ихъ. Поднявшись на большую высоту, между небомъ и землей, мальчики стали сверху кричать: „Подайте намъ камни, глину, вѣдь рабочіе сидятъ безъ дѣла!“ — Всѣ присутствующіе, царь и вельможи, дивились и изумлялись. А Хикаръ между тѣмъ велѣлъ своей свитѣ кричать и ударами понуждать египетскихъ рабочихъ

1) Въ текстѣ „Бейбунэ“. Это слово въ словаряхъ не значится; я полагаю, это простонародная форма отъ „bâбунежъ“ и „Бейбунежъ“. Слово это происходитъ отъ стариннаго персид. bâбунäк (соврем. bâбунä).

2) Кинтаръ = 15 пудамъ.

доставить матеріалъ мастерамъ, сидящимъ вверху безъ дѣла, говоря: „Спѣшите, подавайте, не задерживайте работы!"—Увидя это, фараонъ воскликнулъ:—Ты съ ума сошелъ! Кто же можетъ что бы то ни было доставить на такую высоту? — На это Хикаръ возразилъ: „Какъ же иначе построить замокъ между небомъ и землей; если бы здѣсь былъ мой повелитель Синхарибъ, то онъ два замка выстроилъ бы въ теченіе одного дня.—Тогда фараонъ отпустилъ Хикара домой отдохнуть, сказавъ:—Мы передумали,—мы болѣе не желаемъ построить замокъ[1]). Хикаръ ушелъ и на слѣдующій день опять явился во дворецъ. Фараонъ спросилъ его:—Чѣмъ ты объяснишь то, что когда конь твоего господина ржётъ въ Ассиріи и Ниневіи, наши кобылы здѣсь не доносивши жеребятся? — Хикаръ пошелъ къ себѣ домой, сталъ мучить побоями кошку, и она отъ боли громко кричала. Услыхавъ этотъ крикъ, египтяне донесли царю, который, позвавъ къ себѣ Хикара, спросилъ его: — „Зачѣмъ ты бьешь свою кошку, развѣ тебѣ не жаль ея, вѣдь она нѣма!" — Государь, — отвѣтилъ Хикаръ, — она поступила со мной очень дурно и заслужила это наказаніе. — На вопросъ царя, что она сдѣлала, Хикаръ отвѣтилъ: — Мой повелитель, царь Синхарибъ, подарилъ мнѣ красиваго пѣтуха съ громкимъ и чистымъ голосомъ; онъ зналъ время и пѣніемъ отмѣчалъ часы ночи; а эта скверная кошка отправилась въ эту ночь домой, обезглавила его и обратно вернулась: вотъ за что я ее билъ.—„Хикаръ,—сказалъ фараонъ,—ты повидимому съ лѣтами глупѣешь. Вѣдь между Ниневіей и Египтомъ 68 (sic) фарсаховъ: какимъ образомъ твоя кошка могла въ одну ночь отправиться туда и вернуться обратно?"—Если между Ниневіей и Египтомъ такое разстояніе,—возразилъ Хикаръ,—то какимъ образомъ ваши кобылы могли слышать ржаніе коней моего государя; какъ можетъ ржаніе коня въ Ниневіи доходить до Египта?—Фараонъ понялъ разсказъ Хикара о кошкѣ, какъ отвѣтъ на свой вопросъ о ржаніи коня въ Ниневіи, и сказалъ онъ ему: — „Я желаю, чтобы ты свилъ мнѣ два каната изъ морского песку".—Вели выдать мнѣ изъ казны образецъ,—и выдали ему канатъ. Хикаръ направился къ наружной стѣнѣ дворца и, просверливъ въ стѣнѣ два сквозныхъ отверстія (толщиною) въ канатъ, выданный ему изъ казны, взялъ горсть морского песку; когда взошло солнце и освѣтило отверстіе, онъ сталъ бросать песокъ, который подъ лучами солнца казался канатомъ, и обратился къ фараону: — Прикажи своимъ рабамъ собрать эти канаты, я всегда готовъ свить тебѣ подобные.—Фараонъ сказалъ: „Хикаръ! смотри, вотъ здѣсь лежитъ сломанный жерновъ; я желаю, чтобы ты его сшилъ".—Хикаръ, увидавъ здѣсь другой камень, сказалъ фараону:—Государь! я здѣсь не у себя дома, мнѣ нечѣмъ шить; прикажи своимъ сапожникамъ сдѣлать для меня изъ этого камня шило и дратву, чтобы я сшилъ тебѣ этотъ жерновъ. — Засмѣялся фараонъ, услышавъ слова Хикара, и воскликнулъ вмѣстѣ съ вельможами: — „Слава Богу, одарившему тебя такимъ остроуміемъ и познаніями!" — Затѣмъ фараонъ приказалъ своимъ министрамъ собрать трехгодичную дань со всего Египта и преподнести Хикару; сверхъ того выдать ему долгъ, о которомъ Хикаръ говорилъ въ своей рѣчи. — Щедро одаривъ его самого, слугъ и войско, выдавъ ему деньги на дорогу, фараонъ сказалъ: — „Дай Богъ тебѣ благополучно вернуться на родину. Ты—слава своего государя, гордость своего учителя; подобнымъ тебѣ долженъ быть каждый, кто служитъ царямъ и султанамъ. Передай мой привѣтъ своему повелителю, царю Синхарибу, и проси его не взыскать за нашъ скромный подарокъ: цари вѣдь довольствуются малымъ.—Принявъ дары, Хикаръ палъ ницъ передъ фараономъ, говоря:

— Прошу тебя, государь, прикажи всѣмъ переселенцамъ изъ Ассиріи и Ниневіи вернуться вмѣстѣ со мной, и чтобы ни одинъ изъ нихъ не оставался въ землѣ Египетской.—Фараоновы герольды объявляли царскій приказъ согласно просьбѣ Хикара. Собравъ всѣхъ переселенцевъ, Хикаръ простился съ фараономъ и направился въ Ассирію и Ниневію съ неисчислимыми сокровищами и богатствами.

Узнавъ о прибытіи Хикара, царь Синхарибъ вышелъ къ нему навстрѣчу и, увидѣвъ его, радостно бросился его обнимать:—„Добро пожаловать, отецъ мой! Слава моего государства, гор-

[1]) Въ подлинникѣ: „Мы уже прошли отъ созиданія—„ắбарнâ мин; я предлагаю читать: ȁдалнâ а'н.

дость моего правительства! требуй отъ меня всего, что пожелаешь, даже половину моего царства отдамъ тебѣ".—Да здравствуетъ государь!—отвѣтилъ Хикаръ.—Если ты хочешь оказать мнѣ милость, то окажи ее палачу Абу-Самику, ибо съ его содѣйствіемъ и Божіимъ благословеніемъ я вернулся къ жизни.—„Дорогой мой,—сказалъ царь,—изъ уваженія къ тебѣ я окажу ему всѣ почести".—Затѣмъ онъ началъ разспрашивать его, что и какъ тамъ было при дворѣ фараона, какъ и какія задачи и загадки онъ рѣшалъ, откуда столько богатствъ, подарковъ и дани онъ взялъ.

И Хикаръ разсказалъ все, что съ нимъ было. Послѣ этой бесѣды царь сказалъ ему:—„Хикаръ, возьми изъ всего этого то, что тебѣ нравится: оно принадлежитъ тебѣ".—„Да продлится жизнь царя,—отвѣтилъ Хикаръ,—я желаю только одного, чтобы ты былъ здоровъ и чтобы не пресѣклась твоя династія. На что мнѣ всѣ эти деньги и подарки? Но если ты, государь, намѣренъ оказать мнѣ милость, то выдай мнѣ моего племянника Надана, чтобы наказать его за все, что онъ сдѣлалъ со мной; но не крови его прошу у тебя: я самъ буду отвѣчать за него".—„Бери его,—сказалъ царь,—отдаю его въ твое распоряженіе". Хикаръ велѣлъ связать племянника по рукамъ и ногамъ и повезъ его домой. Дома онъ надѣлъ на него тяжелыя оковы, крѣпко билъ его по пятамъ, по спинѣ, по животу и икрамъ и посадилъ его въ темный чуланъ рядомъ съ помойной ямой; сторожемъ же ему назначилъ Бану-Халя, который приносилъ ежедневно хлѣбную лепешку и немного воды, и всякій разъ, входя и выходя изъ дома, Хикаръ наказывалъ Надана, спокойно приговаривая:—„Сынокъ! я дѣлалъ тебѣ всевозможное добро и благодѣяніе, а ты отплатилъ мнѣ зломъ, коварствомъ и казнью. Пословица говоритъ: кто не слушаетъ ушами, того заставляютъ слушать подзатыльниками". Наданъ возвразилъ: „Дядя, отчего ты такъ гнѣваешься на меня?"—Хикаръ отвѣчалъ ему: „потому, что я тебя почтилъ, возвысилъ, наилучшимъ образомъ воспиталъ тебя, далъ тебѣ образованіе, дабы ты былъ наслѣдникомъ моей мудрости и моихъ богатствъ, а ты за все это заплатилъ мнѣ кознями и пожелалъ моей гибели; но Богъ зналъ, что я несправедливо обиженъ, и спасъ меня отъ твоихъ сѣтей; вѣдь Богъ утѣшаетъ сердца обиженныхъ и унижаетъ завистниковъ-гордецовъ. Сынокъ, ты сталъ похожъ на скорпіона, который, ударивъ своимъ жаломъ объ мѣдь, себя самого ранилъ. Ты сталъ похожъ на куропатку, которая, попавъ въ сѣти, не будучи въ состояніи спастись, зоветъ своихъ подругъ, чтобы онѣ тоже запутались. Сынокъ, ты уподобился измерзшей собакѣ, которая вбѣжала въ домъ гончара, чтобы погрѣться, а согрѣвшись, стала лаять на хозяевъ, а послѣдніе, изъ опасенія быть укушенными ею, выгнали ее. Ты сталъ подобенъ свиньѣ, вошедшей однажды вслѣдъ за знатными господами въ баню; вышедши оттуда, она бросилась въ первую попавшуюся вонючую грязную лужу. Ты похожъ на козла, который самъ идетъ и ведетъ за собой братьевъ на бойню и не въ состояніи спастись. Сынокъ, руку, которая не работаетъ и не пашетъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ жадна и длинна, слѣдуетъ отсѣчь по плечо. Сынокъ, ты подобенъ дереву, которое, будучи разрублено на полѣнья, воскликнуло: „Если бы не топоръ, который находится въ вашихъ рукахъ и притомъ есть часть меня самого, то вы не могли бы разрубить меня". Сынокъ, ты похожъ на кошку, которой говорили: „перестань воровать, мы тебѣ сдѣлаемъ золотыя ожерелья, накормимъ тебя сахаромъ и миндалемъ". Она отвѣчала: „я не покину ремесла отцовъ и дѣдовъ". Ты похожъ на удава, устроившаго свое жилище въ репейникѣ, растущемъ среди рѣки; замѣтивъ это, волкъ сказалъ: „зло во злѣ сидитъ, а кто злѣе, тотъ и одолѣваетъ". Сынокъ! я выкормилъ тебя прекрасной пищей, а ты и сухимъ хлѣбомъ не покормилъ меня; я поилъ тебя медомъ и дорогими винами, а ты мнѣ и морской воды не подалъ. Я далъ тебѣ лучшее, какое могъ, воспитаніе и образованіе, выростилъ тебя, какъ ливанскій кедръ, а ты своимъ языкомъ оклеветалъ меня и подвергъ меня величайшей опасности. Сынокъ! Я надѣялся, что ты выстроишь для моей защиты недоступную крѣпость, гдѣ я могъ бы скрыться отъ своихъ враговъ, а ты сталъ моимъ могильщикомъ, закопавшимъ меня въ землю, но Богъ помиловалъ и спасъ меня. Сынокъ, я желалъ для тебя всякихъ благъ, а ты отплатилъ мнѣ за это зломъ и коварствомъ. Теперь я бы желалъ выколоть тебѣ глаза, вырвать языкъ, мечемъ отрубить твою голову и отдать тебя на съѣденіе волкамъ; этимъ я отплачу

тебѣ за твои дѣйствія по отношенію ко мнѣ".—Наданъ такъ возразилъ дядѣ: „Поступай со мной такъ, какъ велитъ тебѣ твое доброе сердце, и прости мнѣ мои грѣхи: вѣдь подобный мнѣ грѣшитъ, а подобный тебѣ прощаетъ. Прими меня въ качествѣ слуги въ свой домъ, я буду ходить за твоими лошадьми и убирать ихъ навозъ и пасти твоихъ свиней: вѣдь я злой, а ты добрый, я грѣшу, а ты прощаешь".—Хикаръ на это сказалъ: „Сынокъ! ты похожъ на безплодное дерево, выросшее въ саду у самой воды; когда хозяинъ сада пожелалъ срубить его, оно сказало: „Хозяинъ! перенеси меня въ другое мѣсто: если и тогда не принесу плодовъ, то сруби меня". Хозяинъ отвѣтилъ ему: „Если ты около воды не даешь плодовъ, то откуда ты возьмешь ихъ въ другомъ мѣстѣ?"—„Сынокъ! старость орла лучше молодости ворона. Разъ сказали волку: „уйди отъ стада, а то пыль, имъ поднятая, повредитъ тебѣ глаза".—„Напротивъ,—отвѣтилъ волкъ,—эта пыль—лѣкарство для моихъ глазъ". Дитя мое! однажды привели волка въ школу, гдѣ стали его учить читать. Ему говорили: „Азъ, буки, вѣди", а онъ твердилъ: „подайте барана, овцу, козла—такихъ, какъ я ѣдалъ".—Сынокъ! гдѣ-то подали къ столу ослиную голову, она упала на полъ. „Пусть валяется, — сказали гости, — вѣдь ничто не измѣнитъ ея натуры".—Сынокъ! подтвердилась пословица: „Когда у тебя родится ребенокъ, называй его своимъ сыномъ; когда воспитаешь чужого, назови его рабомъ".—Сынокъ! кто дѣлаетъ добро, тотъ и встрѣтитъ всюду добро, а кто зло творитъ, тотъ всегда и натыкается на зло, ибо Господь вознаграждаетъ человѣка по его поступкамъ. Сынокъ! Я не стану тебѣ говорить больше, чѣмъ я сказалъ, ибо Богъ вѣдаетъ сокровенное, знаетъ тайны людей: Онъ разсудитъ насъ съ тобой и воздастъ намъ обоимъ по заслугамъ". Услыхавъ слова дяди, Наданъ тотчасъ сталъ надуваться и сталъ походить на надутый мѣхъ: всѣ члены его раздулись: руки, ноги и бока; наконецъ, онъ лопнулъ, и вывалились его кишки, онъ погибъ, а душа его пошла въ адъ. Какое это страшное жилище! И подтвердились слова писанія: „Кто роетъ яму брату своему, тотъ самъ въ нее попадаетъ; а кто ставитъ сѣти другому, тотъ самъ скорѣе запутается въ нихъ".

Вотъ все, что мы нашли въ повѣсти о Хикарѣ Мудромъ. Конецъ.

Переводъ сдѣланъ мною съ того бейрутскаго изданія 1890-го года, которое было редактировано однимъ изъ бейрутскихъ іезуитовъ, арабомъ Салхâни, и появилось, какъ отдѣльной книжкой, такъ и въ приложеніи къ 5-му тому 1001 ночи. Въ предисловіи о. Салхâни даетъ обстоятельныя свѣдѣнія о рукописи, изъ которой онъ извлекъ „Хабаръ Хӣкаръ" (Извѣстіе или повѣсть о Хикарѣ). Отсылая читателей за подробностями къ самому предисловію, здѣсь отмѣчу только, что упомянутая рукопись писана до 1782 года, христіанско-церковнымъ арабскимъ почеркомъ, и что переписчикъ, привнесшій въ повѣсть немало дополненій изъ Библіи, былъ по всей вѣроятности христіанскимъ священникомъ-сирійцемъ. Несмотря на вставки, текстъ, переведенный мною здѣсь, является болѣе архаичнымъ въ сравненіи съ тѣмъ, который былъ изданъ бейрутскимъ маронитомъ Сâдыромъ и подвергся, на мой взглядъ, несомнѣнной переработкѣ издателя. (Для пользованія г. Григорьева я сдѣлалъ ему переводъ и Сâдыровскаго изданія).

М. О. Аттая.

Стихъ о Чудной Царицѣ.

Однимъ изъ часто слышимыхъ духовныхъ стиховъ въ передачѣ нашихъ слѣпцовъ является стихъ, начинающійся словами: „Чудная Царица Богородица“. По словамъ Бозсонова, подобные стихи поющими такъ и заглавляются: Пѣснь Чудной Царицѣ [1]).

Глубиною и непосредственностью чувства, живой образностью выраженій стихъ этотъ выдѣляется изъ среды другихъ и на ряду съ немногими долженъ быть отнесенъ къ наиболѣе чистымъ произведеніямъ народной словесности подобнаго рода. Въ немъ мы не найдемъ вліянія какого-либо отдѣльнаго памятника, какъ мы это видимъ, напримѣръ, въ стихѣ объ Алексѣѣ, человѣкѣ Божіемъ, или въ однородномъ съ нашимъ стихѣ „Плачуся и ужасаюся“; здѣсь можно усмотрѣть вліяніе на пѣвцовъ общей ихъ начитанности, или вѣрнѣе наслушанности церковныхъ чтеній и пѣснопѣній и ряда одинаковыхъ по чувству произведеній, которыя были весьма распространены въ нашей древней письменности. Въ одной рукописи стихъ этотъ названъ „зѣло умильнымъ и душеполезнымъ“ [2]). Дѣйствительно, скорѣе можно отнести его къ лирическимъ, чѣмъ повѣствовательнымъ, такъ какъ въ немъ только въ самомъ концѣ молитвенное воздыханіе, призывъ къ покаянію и „память смертная“ смѣняются повѣстію о приближающихся „послѣднихъ временахъ“. Этими внутренними достоинствами стиха объясняется, по нашему мнѣнію, его живучесть въ памяти народной, сохранившей его почти въ первоначальномъ видѣ съ половины, по крайней мѣрѣ, XVII-го вѣка до нашего времени, и то обстоятельство, что стихъ о Чудной Царицѣ не только охотно записывался прежними нашими книжниками въ ихъ сборники душеполезныхъ статей и тетрадки кантовъ, но и цѣлыми отрывками вносился ими въ составъ другихъ излюбленныхъ памятниковъ. Примѣръ одной такой интерполяціи мы приводимъ ниже.

Важность обнародованія старинныхъ рукописныхъ текстовъ произведеній народной словесности, неоднократно доказанная Н. С. Тихонравовымъ, В. Ѳ. Миллеромъ и Л. Н. Майковымъ въ ихъ образцовыхъ изданіяхъ старыхъ былинныхъ записей, побудила и насъ обнародовать приложенный здѣсь текстъ стиха о Чудной Царицѣ. До насъ дошло достаточно рукописей, гдѣ стихъ этотъ записанъ. Къ указаннымъ и напечатаннымъ у Безсонова въ 5-мъ выпускѣ Каликъ Перехожихъ тремъ рукописнымъ текстамъ [3]) мы можемъ присоединить еще одинъ, списанный нами изъ замѣчательнаго сборника XVIII-го вѣка, пожертвованнаго въ И. Публичную Библіотеку Л. Н. Майковымъ [4]). Нашъ списокъ, сравнительно съ изданными у Безсонова, болѣе всего подходитъ къ напечатанному тамъ подъ № 481 (стр. 139—144) изъ Толстовской рукописи, съ тою главною разницею, что Толстовскій текстъ имѣетъ въ концѣ прозаическое распространеніе. Поэтому мы и подводимъ къ нашему списку варіанты изъ Толстовскаго, по изданію Безсонова; отсюда же нами заимствовано недостающее въ нашемъ спискѣ начало стиха. Памятникъ печатается съ сохраненіемъ правописанія списка, но съ раскрытіемъ титлъ и добавленіемъ недостающихъ полугласныхъ въ концѣ словъ.

---

[1]) Калики Перехожіе, вып. 5, стр. 157.—[2]) Тамъ же, стр. 139.—[3]) Изъ рукописей: Синодальной библіотеки № 865, XVII-го вѣка; Толстовской, нынѣ И. Публичной Библіотеки, отд. V, № 7 (?), и Бѣжецкой, В. И. Григоровича.

[4]) О. XVII. № 55. л. 73 и сл. Описаніе см. въ Отчетѣ библіотеки за 1891 г., стр. 100—103.

Чудная Царица Богородица.

(ПО РУКОПИСИ И. П. Б-ки, О, XVII, № 55).

[Чудная Царице Богородице!
Услыши молитву рабъ своихъ,
Пріими наша слезы теплыя,
Не лиши насъ Царства небеснаго,
Избави насъ муки вѣчныя!
Земля еси, земля сырая, матерь!
И всѣмъ еси, земля, отецъ и мать.
Гробы вы, гробы, колоды дубовыя!
Всѣмъ намъ есте домы превѣчные.
Черви есте, черви неусыпающи!
Всякому человѣку встрѣча первая.
Мука еси, мука вѣчная!
Не мене ради мука сотворена,
Сотворена еси сатаны ради и діаволовъ] [1]).
(Сего) ли [2]) себѣ, человѣче, не разсудиши?
Жити долго, (долго) мучитися [3]),
На Страшенъ судъ готовитися [4]),
Великому богатеству остатися [5]).
Не защита [6]) отъ смерти богатество [7]),
Не замена друзи сердечные;
Слезами [8]) отъ смерти не отплакатися [9]),
Не [10]) моленіемъ отъ смерти не отмолитися [11])·
Пора тебе, человѣче, воспокаятися [12]).
Призывай кь себе [13]) отца духовпово,
Проси ты отпущенія своимъ злымъ грехомъ [14]),—
И своя дела [15]) исповѣдати.
Возри [16]) на образъ Создателя,
Пролити слезы горючія [17]),
Проси ты [18]) отпущенія своимъ злымъ грехомъ!
Создатель человѣколюбецъ многомилостивъ [19]):
Пріимлетъ рыданіе слезное,
Покрыетъ греховъ множество,
Избавитъ муки вечныя.
Аще ли, человѣче, хощеши получити Царьствія небеснаго,
Отрекися [20]) миру прел(естнаго),
Иди въ пустыню далню(ю)
И постригися въ ризу въ черную [21]),
Призывай [22]) Бога на [23]) помощь.
Или [24]) хощеши претерьпети до конца,—и ты будеши [25]) наследникъ Царьствія не(бес)наго [26]).
Не лжетъ Божественное писаніе:
На семъ (свѣтѣ) долго жити, долго мучитися [27]),
На Страшенъ судъ готовитися [28]):
Престолъ Господень поставляется,
Святыя книги разгибаются,
Тайная наша дела являются [29]).
Душа съ теломъ раставается,
Ясные очи разсюпаются [30]),
Умъ з головою [31]) прощается,
Лѣпота лицу пременяется [32]),
Любовныя друзи оставляются.
День идетъ, [33]) къ вечеру приближается,
Солнце идетъ къ западу,
Секера лежитъ близъ древа и корени [34]).
Приходятъ времяна последнія,
А нашъ животъ на конецъ [35]) идетъ.
Горѣ человѣку умрети не покаявся [36])!
Придетъ смерть безмилостива [37]),
Возмутъ душу ангели немилостивы,
Принесутъ [38]) мытарьства (многія)
И покажутъ Царьство небесное и [39]) муки различные [40])—
Грешнымъ плачъ неутѣшимы(й).
Показавъ, посадятъ на места [41]) темная,
До Страшнаго суда и до втораго [42]) пришествія.

---

1) Въ рукописи начала недостаетъ; напечатано по изданію Безсонова, № 481.—2) Означенное скобками ( ) внесено нами.—3) умерети же.—4) Этотъ стихъ пропущенъ въ Т. — 5) богатству остатись.—6) Не защититъ.—7) богатство.—8) Ни слезами.—9) отплакатись.—10) И.—11) отмолитись.—12) къ покаянію.—13) Призвать.—14) *Стихъ пропущенъ.*—15) Вся своя злая дѣла.—16) Воззрѣти.—17) *Стихъ пропущенъ.*—18) Просити.—19) Богъ милостивъ.—20) Отрекись.—21) Постригись въ ризы черныя.—22) Призови.—23) въ.—24) И.—25) Будешь.—26) Царствію небесному.—27) На семъ свѣтѣ не долго жить,—Долго будетъ во вѣки мучитися,—Уже животъ твой, человѣче, скончавается.—28) И страшный судъ готовится.—29) И тайная наша обличаются.—30) Очи твои затворяются — И составы съ костьми разсыпаются.—31) Съ головою умъ.—32) Лѣпотою лице измѣняется.—33) *Проп.*—34) близъ корени древа. *Вставлено*: Уже время торгу содѣвается—И купля минуется—А граду врата затворяются.—35) Нашему житію конецъ.—36) безъ покаянія.—37) безъ милости.—38) Пронесутъ.—39) Потомъ покажутъ.—40) вѣчныя.—41) въ мѣста.—42) *Вставлено:* Христова.

Въ последняя времяна будетъ царьства на три годы [1]),
Велитъ сотворити сотона своимъ угодникомъ [2])
Тогда наполнится земля беззаконія,
И снидутъ пророки [3]) Божіи, начнутъ глаголати [4]);
Въ то время будетъ аньтихристово пришествіе [5]),
Тогда отсьтупятся ангелы Божіи [6]),
И [7]) приступятъ беси темныя,
Побіютъ пророковъ Божіихъ,
И отъ крови ихъ загорится вся земля [8]),
И выгоритъ земля на пятсотъ локотъ [9])
За наше великое беззаконіе [10]).

Слава Отцу и Сыну и Святому Духу и нынѣ и присно и во веки вековъ, аминь, аминь.

Въ одномъ спискѣ извѣстнаго апокрифическаго памятника—„Епистоліи о недѣлѣ“, или какъ онъ называется въ болѣе позднихъ текстахъ—„Словѣ Іерусалимскаго знаменія“, намъ встрѣтились заимствованія изъ стиха о Чудной Царицѣ. Отмѣчаемъ ихъ въ печати курсивомъ.

„Слово на воскресеніе Господне и на господскіе праздники Іеросалимскаго знаменія [11]).

„Послушайте, людіе, сего божественнаго моего наказанія. Во святомъ градѣ Іеросалимѣ бысть явленіе предивное: во святой Божіи церкве гласъ глаголаше невидимо съ небесъ. „Спаде камень малъ, студенецъ, а тягости въ немъ никто не можетъ исповѣдать. А спаде тотъ „каменъ въ первы часъ дни. Патріяхъ Еросалимскій со всемъ соборомъ надъ тѣмъ каменемъ „молебны пели три дни и три нощи. Въ четвертый же день тотъ камень развалися на двое, и „обретоша въ томъ камене свитокъ Богомъ написанъ. Тако глаголитъ Господь: Слышите, людіе „мои, человѣколюбія Моего наказанія, разумейте сего писанія, словесъ Моихъ слушайте, Азъ „бо Господь Богъ вашъ, а вы людіе Мои. Пишу къ вамъ первое и второе наказанія и посланіе „отъ невидимаго Отца Господа нашего Ісуса Христа. Сія заповѣдаю вамъ многия дни, а вы не „веруете и не соблюдаете, словесъ моихъ не слушаете: Небо и земля мимоидетъ, а словеса Моя „не могутъ мимо пройти. А уже на небеси знаменіе бываютъ. А лета и времена, *дни ваши „скончеваются, и святыя книги разгибаютца, и вся тайная дѣла ваша обзявляються. Престолъ „Господенъ поставляетца*, грядетъ праведъный Судія Господь нашъ Ісусъ Христосъ судити живымъ и мертвымъ...“ И т. д.

И далѣе въ концѣ Слова: „О окоянныи человѣцы, воспокайтеся: дніе последніе приходятъ, а „*времена ваши скончеваются, уже Страшный судъ готовится, а праведъный Судія отдастъ на судъ „комуждо по дѣломъ его. Река огненная потечетъ, престоли Господни поставлени будутъ*...“ И т. д.

С. Долговъ.

---

[1]) И въ послѣднее время будетъ—Антихристово пришествіе—И будетъ его царства полъ четверта года.—[2]) И велитъ сатана сотворити дѣла своя,—Повелитъ своимъ угодникамъ.- [3]) пророци.—[4]) И учнутъ Христіяномъ глаголати,—Чтобы не вѣровали антихристову ученію,—И обличатъ зло его ухищреніе.—[5]) И познаютъ, что антихристъ сынъ погубный.—[6]) *Этотъ стихъ пропущенъ*.—[7]) Тогда.—[8]) И послѣ убіенія Пророческа —[9]) *Этотъ стихъ пропущенъ*.—[10]) Вся земля за наше беззаконіе.—Далѣе въ изданіи Безсонова слѣдуетъ еще 19 стиховъ, представляющихъ собою, по нашему мнѣнію, прозаическую приписку писца церковнымъ слогомъ, напрасно разбитую на подобіе стиховъ издателемъ.

[11]) Находится въ сборникѣ И. Публичной Библіотеки, О. XVII, № 36, XVIII-го вѣка, л. 41 об. и слѣд.

ДРЕВНЕ-РУССКОЕ ЖИЛИЩЕ ПО БЫЛИНАМЪ.

(Къ матеріаламъ для изслѣдованія бытовой стороны русскаго эпоса).

Предлагаемый очеркъ представляетъ, главнымъ образомъ, собраніе матеріала. Нашей цѣлью было—представить, на основаніи былинныхъ описаній, картину древне-русскаго жилища и попутно сравнить ее съ тѣмъ матеріаломъ, который собранъ г. Забѣлинымъ для исторіи царскаго дворца XVII вѣка *(Бытъ русс. царей и царицъ, 2 т.)*. Выводы, конечно, могутъ быть только предположительные, такъ какъ разобрана лишь одна сторона быта. Мы не имѣемъ еще обстоятельнаго изслѣдованія бытовой стороны русскаго эпоса, а такая работа несомнѣнно имѣла бы важное историко-литературное значеніе. Нашъ очеркъ—не изслѣдованіе, это лишь опытъ сводки матеріаловъ былиннаго и историческаго. Замѣтимъ предварительно, что вопросъ о бытовой сторонѣ былъ затронутъ Л. Н. Майковымъ и отчасти М. Халанскимъ въ его Великорусскихъ былинахъ Кіевскаго цикла *(Р. Фил. Вѣстн. 1885*)*.

Общимъ названіемъ жилища былъ—„дворъ“. Въ былинахъ упоминаются дворы: княженецкіе, боярскіе, дворы дружины—богатырскіе (дворъ Ставра); посыльные или посольскіе *(Рыбн. I, 20)*: „А самъ посолъ не мешькая за гонцомъ въ Кіевъ градъ приежьдяючи ставилься на посольскій дворъ“ *(Русс. был. I, 57)*; гостиные, первоначальное значеніе которыхъ: дворъ, куда пріѣзжали и гдѣ останавливались заѣзжіе гости *(Кирѣев. III. Ив. Год. I, 4)*; точно также и съѣзжіе дворы *(Гильф. 139)*—куда съѣзжались изъ разныхъ городовъ люди. Въ послѣдней былинѣ на съѣзжемъ дворѣ были два брата крестовые, родомъ, а слѣдовательно, и пріѣхавшіе изъ Вологды. Точно также: Скопинъ ѣдетъ въ Новгородъ:

28. Какъ и будетъ Скопинъ въ Новѣградѣ,
Пріѣзжалъ онъ, Скопинъ, на съѣзжій дворъ,
Проходилъ въ избу во съѣзжую.
(*Кирѣев. VII, См. Ск. 2*).

Другимъ названіемъ для жилища было „подворье“: „подворьице Микитино“ на Вшивой горкѣ *(Гильф. 107)*, „подворье вдовиное“ *(Рыбн. I, 25)*.

Это древнее названіе жилища (отсюда—дворецъ) только впослѣдствіи получило то зна-

*) Въ былинѣ о Дюкѣ Степановичѣ (*Р. Ф. В. 1885, № 3, стр. 118—133*) М. Халанскій, описывая теремную отдѣлку, уже высказалъ мысль, что описаніе взято прямо изъ русской дѣйствительности. Имъ приводились и историческія свидѣтельства. Нашъ очеркъ, такимъ образомъ, поясняетъ уже высказанное предположеніе, при чемъ матеріалъ собранъ нами вполнѣ самостоятельно.

ченіе, какое придаемъ ему теперь мы. Поэтому явились дворы: житный, конюшій, гдѣ, какъ говоритъ былина: „собаки щенками щенятся“ *(Кирѣев. VI, Ц. жен. III, 8, ст. 133)*, т. е. дворъ задній, грязный. Противоположностью ему былъ „широкій бѣлый дворъ“ *(Гильф. 161; Русс. был. 19)*, или же „широкое подворье“ *(Кирѣев. V. Кн. Мих. 2, ст. 8)*. Былины вообще смѣшиваютъ понятія: дворъ и жилище; начиная описывать послѣднее, онѣ всегда начинаютъ описаніе двора. Названіе двора и жилища онѣ всегда ставятъ рядомъ. Когда Никита Романовичъ сталъ кликать борцовъ, то

69. Изъ избенушка маленькаго,
Изъ дворенушка худенькаго.
Бѣжатъ два молодчика...

(Кирѣев. VI. Ц. жен. III, 4, 5).

Постоянный эпитетъ дворовъ „широкій“ указываетъ на то, что въ старину дворы были очень обширны. Два князя, напр., какъ говоритъ Костомаровъ *(Оч. д. ж. 36)*, владѣли однимъ дворомъ. Вообще, чѣмъ шире было хозяйство, тѣмъ большее число угодій отходило подъ дворъ, и древнее жилище въ городѣ принимало видъ порядочной усадьбы.

Загородныя жилища—„помѣстьица“ и „поселья“ и были, какъ намъ кажется, именно такими усадьбами—дворами, далеко только перенесенными за черту посада. Таковъ, напр., былъ дворъ Чурилы, Соловья Разбойника („Соловьиное помѣстьице“ *Рыбн., I, 9)*, Ставра. Послѣдній такъ говоритъ о своемъ дворѣ:

19. У меня де, Ставра боярина,
Широкій дворъ не хуже города Кіева:
А дворъ у меня на семи верстахъ...

(Кирѣев. IV, Ставръ).

Сюда присоединимъ также помѣстье Добрыни:

238. Пріѣзжалъ онъ къ своимъ посельямъ ко дворянскіимъ,
Ко своимъ палатамъ бѣлокаменнымъ...

Вокругъ двора строили заборъ—„ограду“ или „тынъ“, обыкновенно „булатный“, черезъ который во дворъ вели нѣсколько воротъ, постоянный эпитетъ которыхъ „широкія“. Какъ тынъ, такъ и самыя ворота украшались рѣзьбою и отличались пестротой рисунка. Надъ воротами непремѣнно вѣшались иконы, какъ съ наружной, такъ и съ внутренней стороны, потому что русскій никогда не входилъ и не выходилъ изъ дому, не совершивъ молитвы. Чѣмъ богаче былъ хозяинъ, тѣмъ пестрѣе, не скажемъ роскошнѣе, отдѣлывалъ онъ окружавшій его жилище, „заметъ“ и ворота. Вотъ, напр., описаніе двора богатаго новгородскаго купца Терентья:

6. У него дворъ на цѣлой верстѣ,
А кругомъ двора желѣзный тынъ;
На тынинкѣ по маковкѣ,
А и есть по жемчужинкѣ;
Ворота были вальящатыя,
Вереи хрустальныя,
Подворотина—рыбій зубъ...

(Кирѣев. V. Тер. 2).

По обширности дворы, какъ мы сказали, были очень велики. У Дюка, напр.:

4. У него дворъ былъ на семи верстахъ,
На семи верстахъ, да на семи столбахъ;
Воротца были мѣдныя,
А подворотца желѣзныя.

(Рыбн. IV, 9; Кирѣев. I. И. М. III, 6).

У Чурилы:

111. Первыя у него ворота вальящаты,
Другія ворота хрустальныя,
Третьи ворота оловянныя.

(Кирѣев. IV. Чур. 1).

Ворота были „на столбахъ“ *(Рыбн. III, 30)*; верен—„булатныя“. *(Рыбн. I, 44)*.

Повторимъ, что какъ въ этихъ, такъ и въ послѣдующихъ описаніяхъ жилища проглядываетъ чрезмѣрная роскошь. Тѣмъ не менѣе подобныя описанія могутъ быть очень близки къ дѣйствительности. Дѣло въ томъ, что, какъ мы увидимъ ниже, роскошь красокъ и позолоты являлись непремѣннымъ условіемъ внѣшней и внутренней отдѣлки жилища. Народъ, описывая послѣднее, ни откуда не заимствовалъ готовыхъ описаній: онъ передавалъ только то, что представлялось его ослѣпленному взору.

Отъ воротъ *(рѣшетчатыхъ)* по двору шла дорожка къ хоромамъ. Какъ послѣдняя, такъ и весь дворъ содержались въ чистотѣ. Такъ, напр., дорожки отъ храма къ княжескому дому расчищались, посыпались песками и—въ праздничные дни—устилались сукнами *(одинцовыми)* и коврами *(Рыбн. III, 30, 31)*; также устилался и весь дворъ *(ib.)*. Дюкъ хвастаетъ своею поселвицею, сравнивая ее съ Кіевомъ: когда его мать, говоритъ онъ, идетъ изъ церкви, впереди идутъ лопатники, метельщики, затѣмъ суконщики, разстилающіе сукна одинцовыя. Далѣе, кругомъ дворовъ его идетъ булатный тынъ, на которомъ „наведено мѣдью яровицкою“, съ точеными столбиками, золочеными маковками, двери воротъ рѣшетчатыя, подворотенки серебряныя а самый дворъ весь устланъ сукнами *(Рыбн. II, 28)*. Совсѣмъ отдѣланный и украшенный дворецъ въ селѣ Коломенскомъ такъ пестрѣлъ рѣзьбою, горѣлъ золотомъ и красками, что, по словамъ Рейтенфельса, походилъ на игрушку, только что вынутую изъ ящика. *(Забѣлинъ, Бытъ русск. царей. Матер. 8)*.

Самыя хоромы стояли посреди двора, на нѣкоторомъ разстояніи отъ воротъ. На этомъ, такъ сказать, переднемъ дворѣ и слѣзали съ коней пріѣзжавшіе къ хозяину гости. Добрыня—

Привязалъ-то коня онъ ко столбику,
Ко тому столбу онъ точеному,
Къ эхтому колецку онъ золоченому...
И самъ иде въ палаты бѣлокаменны...
(Гильф. 163).

Столбы съ кольцами находились на дворахъ спеціально для этой цѣли—привязывать коней. Вотъ какъ еще описываетъ внутренность двора былина *(Рыбн. III, 29)*: надъ воротами, ведущими на широкъ дворъ, вѣшались иконы *(297)*, при входѣ стояли столбы *(серебряные)*, въ которые были продернуты кольца *(позолоченныя)*; у столбовъ разставлена „сыта медвяная“ и пшено—кормъ конямъ. Тутъ же находились и службы „глубокіе погреба“ *(сорока саженъ)*, гдѣ въ бочкахъ на цѣпяхъ висѣли напитки; въ темныхъ же погребахъ сохранялась казна „деньга нехожевая“ *(522)*, въ „амбарахъ магазейныхъ“—товары *(заморскіе—518)*. Далѣе находились „кузни“ *(Гильф. 57, Русс. был. 239)*, конюшни „бѣлодубовы“ *(Гильф. 211)*.

Самыя же палаты, какъ мы сказали, стояли посрединѣ двора.

У Чурилы:

100. Дворъ у него на семи верстахъ,
Около двора желѣзный тынъ...
Среди двора свѣтлицы стоятъ,
Гридни бѣлодубовыя...
(Кирѣев. IV, Чур. I; V.—Г. Тер.).

Древнее жилище по внѣшнему виду представляло изъ себя цѣлый рядъ отдѣльныхъ маленькихъ зданій, соединенныхъ переходами, крышами, сѣнями.

У Чурилы:

99. Около двора все булатный тынъ,
Двери были да все точеныя,
Воротики были да все стекольчатыя,
Подворотенки дорогъ рыбій зубъ.
На томъ дворѣ на Чуриловомъ
Стояло теремовъ до семидесяти...

(Кстати скажемъ, что онъ стоялъ на „Почай рѣкѣ“—обычное мѣстоположенье дворища или города). *(Рыбн. III, 24)*.

У Соловья Будимiровича, на его дворѣ,—

328. Въ середочкѣ былъ сдѣланъ гостиный дворъ;
Было сдѣлано три терема златоверхiе,
Вершечки съ вершечками свивалися,
Потоки съ потоками сросталися,
Крылечка съ крылечками сплывалися,
Разсажены были сады, да зеленые,
Цвѣли, да цвѣли все цвѣты лазуревы,
Подведена вся усадьба красовитая...

(Рыбн. II, 63).

Подъ „садами", помимо буквальнаго значенiя, здѣсь можно подразумѣвать также „травную рѣзьбу").

„Внѣшiй видъ дворца въ концѣ XVII ст. представлялъ чрезвычайно пеструю массу зданiй самой разнообразной величины, разбросанныхъ безъ всякой симметрiи, единственно по удобству, такъ что, въ строгомъ смыслѣ, дворецъ фасада не имѣлъ. Зданiя тѣснились другъ подлѣ друга, возвышались одно надъ другимъ, и еще болѣе увеличивали общую пестроту своими разнообразными крышами, двускатными, епанечными, въ видѣ шатровъ, скирдовъ, бочекъ, съ прорѣзными золочеными гребнями и золочеными маковицами наверху, съ узорочными трубами, искусно сложенными изъ поливныхъ изразцовъ. Въ иныхъ мѣстахъ возвышались башни и башенки съ орлами, единорогами и львами, вмѣсто флюгеровъ. По свидѣтельству итальянца Барберини *(1565 г.)*, кровли и куполы на царскомъ дворцѣ покрыты были золотомъ"... (*Забѣлинъ, Бытъ русс. царей*, *108*). Ср. еще былинныя описанiя: Дюкъ пишетъ матери, что онъ похвасталъ тѣмъ, что

.. стоятъ у насъ палаты бѣлокаменны,
Что ли столбики у нась да тамъ точеныи,
Крышки тамъ у насъ да золоченыи.

(Гильф. 83).

Также Соловей Будимiровичъ велитъ дружинѣ:

Поставьте къ утру свѣту мнѣ-то три терема,
Еще три терема да златоверхiихъ,
Что верхи бы со верхами совивалися...

(Ib. 174).

На дворахъ, какъ мы уже говорили, находились различныя домашнiя службы [1]. Въ погребахъ, или погребицахъ *(Пр. къ 713. Тер.* часть 2*)*, какъ мы говорили, находились всевозможные напитки:

385. А меда сладкiе, водочки стоялыя
Повѣшены въ бочки сороковки,
Въ погреба глубокiе, на цѣпи на серебряны,
Туда подведены вѣтры буйные:
Какъ повѣютъ вѣтры буйные,
Пойдутъ воздухи по погребамъ,
Такъ загогочутъ бочки будто лебеди,
Будто лебеди на тихiихъ на заводяхъ;
Такъ вѣкъ не затхнутся напиточки сладкiе,
Чару пьешь, другую пить душа горитъ,
Другую пьешь, третья съ ума нейдетъ...

(Рыбн. I, 47).

[1]) Сдѣлаемъ нѣкоторыя добавленiя къ вышесказанному: кромѣ „магазейныхъ" амбаровъ, вблизи дворца находились „амбары государевы" (*Кир.* В. VI. Ц. жен. III, 3). Далѣе, у *Кир.* IV, И. М. I., встрѣчается—„повѣть"—кровля надъ дворомъ, подъ которую поставилъ Илья чанъ (ст. 24—подробность собственно изъ крестьянскаго быта).

Кромѣ того на дворахъ устраивались домашнія церкви.

У Дюка:

139. Какъ построены были церкви соборныя, И къ церквамъ-то соборнымъ
Исподведены звоны колокольные, Устланы сукна багрянтовыя,
Испосыпаны песками рудожелтыми...

(Рыбн. III, 31).

Иначе:

10. Въ дому его (Дюка) было три церкви, три Божіихъ:
Еще первая церковь Спасу Пречистому,
Вторая церковь Богоматери,
Третья церковь—Дюковой родной матушкѣ.

(Русс. был. 180).

Помѣщались онѣ тамъ же, гдѣ и хоромы, т.-е. среди двора:

8. Среди двора его (Дюка) боярскаго
Три было церкви соборныя,
Другъ отъ друга за полъ-поприща.

(Рыбн. IV, 9).

Обычай строить домовыя церки близъ жилища былъ очень распространенъ въ старину. Церквей обыкновенно строилось по нѣскольку; особенно много ихъ было при Кремлевскомъ дворцѣ. „Древнѣйшими домовыми храмами у царей были сначала Спасо-Преображенскій соборъ, что на Бору, и соборъ Благовѣщенскій, что на сѣняхъ; у царицъ—церковь Рождества Богородицы съ придѣломъ св. Лазаря. Для дѣтей царя Ивана Васильевича выстроенъ Срѣтенскій соборъ. Въ XVII ст. царь Михаилъ Θеодоровичъ построилъ новые храмы на сѣняхъ у царицы, во имя св. Екатерины, св. Евдокіи, въ которомъ молился съ своимъ семействомъ. Потомъ, вмѣстѣ съ новыми каменными хоромами или Теремнымъ дворцомъ, воздвигнутъ былъ, надъ Меньшею Золотою палатою, Спасскій соборъ, который съ этого времени сдѣлался моленьнымъ храмомъ царей... Припомнимъ также Голгоѳу и Вертоградъ, устроенные среди этихъ церквей цри царѣ Θеодорѣ Алексѣевичѣ". *(Забѣлинъ, Бытъ русс. царей, 74—75).*

Указаніе на то, что большинство домашнихъ церквей находилось „на сѣняхъ", можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ былины: Дюкъ подъѣхалъ

151. ...Къ церкви соборныя,
Ко тому подъѣзду государеву.

Состоя изъ цѣлаго ряда соединенныхъ между собою жилыхъ помѣщеній, „клѣтей", жилище, въ общемъ, носило названіе палатъ „бѣлокаменныхъ" (passim). Слово „палата" замѣняетъ названіе: комната; таковы палаты—богатырская, княжецкая, столовая, новая (см. *Рус. был.*).

Иное названіе жилища—„хоромы": Владимиръ—

8. По хорому по гриднѣ похаживалъ...

(Рыб. I, 37).

Съ болѣе общимъ названіемъ жилища мы встрѣчаемся у *Киреев. IV* (Аника Воинъ): „житье-бытье" (ст. 48). Иное названіе, болѣе древнее, было „изба" *(Кирѣев. VII. См. Скоп. 2)*, которая иначе называется „хатенкой":

52. ...Стоитъ то хатенка немудрая,
Немудрая хатенка, безуглая ..

(Рыбн. IV, 50).

Изба была: „куреная" *(Рыбн. I, 17)*, т.-е. курная, гдѣ дымъ не проходилъ черезъ трубу, „приворотная" *(Кирѣев. V, Ван. Кл. ст. 33)*—въ родѣ служебной постройки. Точно также и Чурило подходилъ на дворѣ Бермяты—

6. Къ задней избушечкѣ въ поваренную,
Въ поваренную, въ челядинную...
(Русс. был. 163 и ниже).

Переходя теперь къ описанію самого жилища, считаемъ не лишнимъ замѣтить, что расположеніе комнатъ, какъ въ домахъ высшаго, такъ и простого класса было однимъ и тѣмъ же; разница была только въ убранствѣ, въ просторѣ и украшеніяхъ, такъ что царскій дворецъ XVI и XVII в., по замѣчанію г. Забѣлина *(Быт. рус. царей, 38)*, есть небольшое видоизмѣненіе крестьянской избы, которая, въ свою очередь, съ самыхъ давнихъ временъ и до сихъ поръ нисколько не измѣнилась. *(См. также Костомарова, Очеркъ д. ж. 40).*

Оставивъ коня привязаннымъ къ столбу среди двора, дальше шли уже пѣшкомъ, если не было такъ называемаго „лошадинаго подъѣзду“ *(Рыбн. III, 30)*, и подходили къ крыльцу, которое вело наверхъ, въ жилые покои.

96. Ѣдетъ ли дѣтина съ чиста поля на добромъ конѣ
Ко тому ли ко двору богатырскому,
Ко тому ко терему высокому,
Ко тому крыльцу бѣлодубову.
(Рыбн. I, 26).

У зажиточныхъ особъ, при почетныхъ встрѣчахъ, крыльца и ступени устилались коврами (изъ шемаханскаго шелку—*id.*). Самое крыльцо называлось „перенымъ“ *(Рыбн. I, 21; III, 30)*, потому что на немъ находились перила. Въ простыхъ домахъ перилами и ограничивалось все убранство крыльца, въ зажиточныхъ—прибавлялись еще другія украшенія. Царь выходитъ

27. На крылечко на дубовое,
Ко периламъ ко точенымъ,
Ко медвѣдку ко черному...
(Кирѣев. VI. Ц. уб. с. VI, 2).

Послѣдній стихъ указываетъ если не на дѣйствительно существовавшую историческую подробность—изображеніе медвѣдя на кремлевскомъ Красномъ крыльцѣ, то, во всякомъ случаѣ, на бытовую, потому что жилища вообще любили украшать изображеніями звѣрей. Въ 197 году, февраля 4-го, указано: „Надъ двери, что на постелномъ крыльцѣ, здѣлать орла мѣднаго“... (*Забѣлинъ, т. I. Матеріалы, 161).* Тамъ же (стр. 10) упоминаются—львы, рыкающіе у трона посредствомъ особаго механизма. Много изображеній звѣрей и птицъ помѣщалось на кровляхъ дома, не говоримъ уже о рѣзныхъ украшеніяхъ на стѣнахъ. Въ Коломенскомъ дворцѣ „осенью, когда кровля столовой была уже совсѣмъ готова, ее украсили яблокомъ изъ красной мѣди съ орломъ, львомъ и инрогомъ“ (ib. 10).

Когда верхъ дома былъ приподнятъ высоко, лѣстницы на крыльцѣ переламывались, и дѣлались площадки для отдыха: поэтому другой эпитетъ для крыльца въ былинахъ: высокій, крутой крылецъ („крутой“—очевидно, когда лѣстница была безъ вышеупомянутыхъ переломовъ; *Рыбн. I, 9*, „высокіе выходы“ *ст. 166; 19, 43; II, 5, 34).* Ступени и порученки дѣлались изъ чернаго камня или слоновой кости и также устилались коврами *(Рыбн. III, 30).* Крыльцо снабжалось окнами, какъ и сѣни; вотъ почему мы видѣли, что крыльцо у Дюка *(Русс. был. 72)* названо хрустальнымъ. Вотъ одно изъ описаній стариннаго крыльца *(Забѣлинъ, Матер. т. I, 22)*: „Къ комнатамъ государыни царицы крыльцо двоевсходное: надъ нижнимъ рундукомъ бочки на столбахъ рѣзныхъ, столбы, подпертые тремя прутьями желѣзными; бочки крыты чешуею, наверху прапоръ бѣлаго желѣза. Надъ первымъ всходомъ крыто тесомъ, на второмъ всходѣ два столба рѣзные, двѣ бочки крыты чешуею. На крыльцѣ восемь окошекъ, въ нихъ окончины слюденые, въ томъ числѣ три окончины изломаны; надъ окончинами подзоры рѣзные прописаны красками; надъ шатромъ писаны по полотну травы красками; шатеръ крытъ чешуею, наверху прапоръ“. Украшенное такимъ образомъ крыльцо считалось изящнымъ, красивымъ, „краснымъ“. Царь зоветъ борцовъ къ себѣ, и—

53. Они шли на сударевъ на дворецъ
Ко крылечушку ко красному,
Ко окошечкамъ косящатымъ,
Ко стекольчикамъ стекольчатымъ..
(Кирѣев. VI. Ц. жен. III, 3).

Названіе „красный" принадлежало не одному дворцовому крыльцу, какъ это мы видимъ теперь, но красныя крыльца были во всякомъ домѣ:

25. И вышелъ Микита Романовичъ, царскій дядюшка,
На свой на новъ красенъ крылецъ,
(ib I, 2).

Эпитетъ „красный" часто упоминается въ былинахъ. Наприм., *Рыбн. II, 5; 6; 23*, гдѣ красное крыльцо—принадлежность всякаго терема *(ст. 27; Кирѣев. VI, Ц. уб. с. III, 2)*,—историческое кремлевское крыльцо *(ib. VII, Ц. жен. III, 3)*.

Крыльцо обыкновенно вело на террасу, называемую „рундукомъ". У *Рыбн. IV, 51* есть упоминаніе о „церковномъ рундукѣ". Рундукъ также украшался рѣзьбою и устилался коврами, „153 г. августа 31, по государеву указу, по приказу казначея Богдана Минича Дубровсково въ Шатерный приказъ, на обивку на рундукъ, на которомъ стояти Государю у дѣйства сентября въ 1 день, 10 арш. безъ чети бархату черного гладкого; да на шитье два золотника съ четью шолку гвоздичного; взялъ шатерничей Ондрей Корбышевъ" *(Забѣлинъ., Матер., т. I, 233)*.

Съ рундука уже дверь вела прямо въ сѣни. Илья, убивъ дочь Соловья—Пельку, пріѣзжаетъ

185. На широкій дворъ княженецкій,
Ко тому ко столбу ко точеному,
Привязывалъ ко столбу ко золоченому,
Не расѣдлывалъ коня и не разнуздывалъ,
Скоро онъ шелъ по новымъ сѣнямъ.
(Рыбн. I, 9).

Сѣни passim имѣютъ эпитетъ „новыя", иначе „переныя" *(Рыбн. I, 19)*, потому что къ нимъ вели „переныя крыльца". Такъ какъ сѣней въ домѣ было по нѣскольку, по крайней мѣрѣ, были переднія и заднія, то онѣ, смотря по расположенію, отдѣлывались съ бóльшимъ или съ меньшимъ великолѣпіемъ. Отличительной особенностью ихъ было обиліе оконъ, такъ что онѣ имѣли видъ стекляной террасы:

Пленкъ, встрѣчая Владимира,—

66. Во сѣни ведетъ во рѣшетчатыя,
Во другія ведетъ частоберчатыя,
Во третьи ведетъ во стекольчатыя...
(Рыбн. I, 45; id. III, 31).

Иначе:

124. Трои сѣни у Чурила де косерчатыя,
Трои сѣни у Чурила де рѣшетчатыя,
Трои сѣни у Чурила де стекольчатыя.

(Рыбн. III, 24; см. также: новыя косящатыя сѣни *Кирѣев. VI. Ц. уб. с. I, 1).*

Иногда сѣни служили мѣстопребываніемъ женской прислуги, „сѣнныхъ дѣвушекъ". Въ этомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать былинное выраженіе: „сѣни челядинны" *(Рыбн. IV, 12, ст. 434;* „челядни". *Гильф. 205)*. Что нарядъ сѣней старались сдѣлать возможно лучше, говорятъ и историческія данныя. У князя В. В. Голицина въ сѣняхъ, „что у большой столовой верхней полаты, которые передъ шатровою полатою, стѣны обиты аглинскимъ сукномъ краснымъ... Въ сѣняхъ же на стѣнахъ пять образовъ" *(Мат. т. 1, ст. 101)*. Иногда сѣни находились внѣ общей кровли и были или не покрыты, или покрыты лишь однимъ навѣсомъ; подобнаго рода постройки назывались „переходами" *(Забѣлинъ. Быт. рус. царей, 22)*.

19. Ино охъ, милые наши переходы!
А кому будетъ по васъ да ходити...
(Пр. къ 7 вып. Плачъ Ксен. 1).

Въ этомъ смыслѣ „сѣнями" можно называть и крыльцо *(Забѣл., 30)*: вообще сѣнями назывались всѣ части хорбмъ, расположенныя передъ входомъ въ жилое помѣщеніе и соединявшія, въ видѣ переходовъ, отдѣльныя комнаты или „хоромины" *(ibid.)*.

Теперь перейдемъ къ описанію собственно жилья. Какъ уже мы замѣтили, оно помѣщалось во второмъ этажѣ, который, собственно, и былъ обитаемъ; нижній—въ большинствѣ случаевъ непригодный для жилья—назывался „подклѣтомъ", такъ что говорилось: изба на подклѣтѣ, горница на подклѣтѣ *(Ср. Костомаровъ, Очеркъ, 41)*. Въ подклѣтахъ находились кладовыя, амбары для товаровъ, если домъ принадлежалъ торговому гостю, мыльни. Въ подклѣтахъ, по древнему обычаю, клали молодыхъ; въ этомъ отношеніи они замѣняли сѣнникъ, служившій въ старину тоже для этой цѣли. Послѣ брака Садка на морской царевнѣ, царь морской положилъ молодыхъ

139. ...на подклѣть спать...
(Кирѣев. V. Сад. 2).

Что подклѣть не служила для жилья, видно изъ слѣдующаго: Кострюкъ со стыда, что его побѣдили,

109. ...самъ въ подклѣть побѣжалъ,
(Кирѣев. VI. Ц. жен. III, 7).

какъ въ нежилое помѣщеніе, гдѣ бы онъ могъ оправиться.

Итакъ, собственно жилымъ помѣщеніемъ служилъ верхній этажъ и надстройки надъ нимъ, носившія, какъ увидимъ ниже, названіе вышекъ и теремовъ. Черезъ дверь изъ сѣней, обыкновенно „дубовую", входили въ „столовую гридню" *(Рыбн. I, 9; 18; 19; 55)*, другое названіе ей было: „гридня княженецкая" *(Кирѣев. IV, И. М. 4)*—обычное мѣсто пира богатырей. Собственно первая комната изъ сѣней называлась „переднею", т.-е. пріемною, а столовая уже соединялась съ ней посредствомъ столовыхъ сѣней *(Забѣл., Бытъ Рус. царей, 41)*; но былины неясно понимають это различіе, тѣмъ болѣе, что какъ передняя, такъ и столовая гридни принадлежали къ „непокоевымъ" хоромамъ, предназначеннымъ для торжественныхъ собраній. Тѣмъ не менѣе указаніе на „переднюю комнату" мы можемъ найти въ былинахъ. Иванъ Годиновичъ, привязавъ коня *(Кирѣев. III, Ив. Год. I, 1)*, входитъ на крыльцо, съ крыльца въ новыя сѣни, изъ сѣней въ свѣтлую гряду (т.-е. гридню). Изъ этой „гряды" Иванъ Годиновичъ *(ст. 151—156)* пошелъ, черезъ другія сѣни, въ другую гряду, т.-е. уже собственно въ „столовую" гридню. Слѣдовательно, первая была „передней".

Далѣе, къ непокоевымъ хоромамъ принадлежали: горницы и повалуши. Горница отъ сл. „горній", т.-е. выстроенный надъ подклѣтомъ покой, для всякаго рода торжественныхъ собраній: свадебныхъ обѣдовъ, пріема пословъ—если рѣчь шла о государевомъ дворцѣ. У *Кирѣев. IV, И. М. 3.* Идолище представляется сидящимъ не въ гриднѣ столовой, а въ горницѣ. Дунай также

188. Зашелъ то въ горницу высокую
Ко той Опраксеѣ Королевишнѣ.
(Рус. был. 119—120)

Съ этой цѣлью горница дѣлалась и просторнѣе и свѣтлѣе другихъ помѣщеній, равно какъ и повалуша, предназначенная, собственно, для храненія разной домашней рухляди, и которая, съ другой стороны, соотвѣтствовала гриднѣ. (Въ этомъ смыслѣ послѣдняя и названа „свѣтлой". *Рус. был. 24, ст. 105)*. Всѣ эти три помѣщенія, носившія общія названія: столовая гридня, горница и повалуша, какъ парадныя, помѣщались на первомъ планѣ, при входѣ въ парадное, красное крыльцо *(Забѣл., Б. р. царей, 28 и слѣд.)*. Названія этихъ покоевъ часто попадаются въ былинахъ. Добрыня „по горницамъ" стрѣляетъ воробушковъ, по „повалушамъ"

сизыхъ голубей *(Кирѣев. II, Доб. III, 6)*. Горница еще болѣе свѣтлая (съ одними „косящатыми" окнами, прорубленными во всѣхъ четырехъ стѣнахъ) называлась „свѣтлицей". Встрѣчались онѣ, преимущественно, на женской половинѣ. Домна Александровна сидитъ

4. Въ новой горенкѣ, подъ косявчетымъ окошечкомъ,
Подъ хрустальнымъ подъ стеколышкомъ...

(Рыбн. I, 79).

Отецъ *(Пр. кз 8 В, 309)* говоритъ своимъ дѣтямъ:

9. Я срублю вамъ горницу новую
Со свѣтлымъ со стеклянымъ со окошкомъ;
Я поставлю вамъ печку муравую...

Также Добрыня заходитъ въ „свѣтлицу свѣтлую", гдѣ сидитъ его мать *(Рус. был. 70, ст. 79)*. У Ставра *(Кирѣев. IV, Ставръ)* были „гридни-свѣтлицы бѣлодубовы" *(21)*. Расположеніе всѣхъ этихъ покоевъ наглядно представляется такъ: Илья Муромецъ

103. Забѣгаетъ старъ на красно крыльцо
И проходитъ новы сѣни
И заходитъ въ свѣтлу гридню.

(Рус. был. 105).

Или, по направленію изнутри къ выходу: Марья, жена Романа,—

29. Пошла по палатѣ бѣлокаменной,
Изъ бѣлыхъ палатъ на новы сѣни,
Съ новыхъ сѣней на красно крыльцо,
Съ краснаго крылечка на дубовый мостъ...

т.-е. на переходы. *(Кирѣев. V. Кн. Ром. 1)*.

Наружныя переходы-сѣни жилыхъ покоевъ, находясь высоко отъ земли, представляли изъ себя какъ бы мосты. Илья идетъ, и —

76. Отъ ходы его лѣстницы заскрыпѣли,
По мостамъ онъ идетъ, мосты погнулися...

(Кирѣев. IV. И. М. 5; см. прим. къ этому стиху; id. Рус. был. 186).

Ко внутреннимъ, постельнымъ, иначе покоевымъ хоромамъ, расположеннымъ на заднемъ планѣ, принадлежали: самая дальняя, которая служила опочивальней и называлась спальной палатой *(Гильф. 616)*, спальнею, ложней (passim). Послѣ брака—

239. Отвели Садка во ложню спать...

(Кирѣев. V. Сад. 1).

Спальня и ложня встрѣчаются постоянно съ эпитетомъ „теплой" (напр. *Рыбн. II, 32, 34, 18; Гильф. 94)*, потому что кровать ставилась рядомъ съ печью *(Рус. был. 16, ст. 96—98)*. Владимиръ позвалъ Дуная „во спальню къ себѣ", гдѣ сталъ просить сослужить ему службу—достать въ невѣсты Афросинью. Такимъ образомъ спальня была какъ бы мѣстомъ обсужденія домашнихъ тайнъ. Вспомнимъ, что про Василія III говорили, будто онъ рѣшаетъ всѣ дѣла „запершись самъ третей у постели". Иное названіе спальни было еще „комната спальная" *(Рыбн. II, 23)*. Подлѣ нея устраивалась другая комната, необходимая въ строѣ древней жизни, созданной, какъ говоритъ Забѣлинъ, „по идеалу иночества и постнической жизни" *(Б. рус. царицъ, 94)*—крестовая, иначе моленная. Въ ней совершались утреннія и вечернія молитвы, а иногда и церковныя службы. Одна стѣна ея сплошь была занята иконостасомъ. Вообще эта комната была хранилищемъ домашней святыни и разныхъ священныхъ предметовъ, привозимыхъ изъ монастырей и Св. Земли. Передъ иконостасомъ стояли „налои", на которыхъ (и по

полкамъ) находились богослужебныя книги *(Забѣлинъ, Б. рус. царей, 202 и сл.)*. У *Кирѣев. IV (Ц. уб. с.)* упоминается любимая «крестовая» царя Ивана *(ст. 136)*. Царь находится

51. У себя въ каменной Москвѣ,
Во палатахъ бѣлокаменныхъ,
Въ возлюбленной крестовой своей.
(Ib. Ц. жен. III, 3, 6).

Кромѣ спальной и крестовой была еще „комната"—родъ кабинета *(Забѣлинъ, Б. рус. царей 38)*, но дома средней руки для своихъ потребностей ограничивались вышеупомянутыми двумя. Даже въ царскомъ дворцѣ помѣщеніе для государя составляли три, много четыре комнаты (ibid.). Обыкновенной принадлежностью хоромъ была масса чулановъ („темные чуланчики", *Гильф. 146)*, необходимыхъ для храненія разнаго домашнаго скарба. Опракса Королевишна, получивъ отказъ отъ Михайлы Потыка,

83. ...бѣжитъ въ особливъ покой,
Хватаетъ чашу княженецкую,
И положила въ переплеты каличіи...
(Рыбн. II, 18),

т.-е. въ данномъ случаѣ въ кладовую, гдѣ хранились разныя драгоцѣнныя вещи.

Для женщинъ строились особыя хоромы—„женская половина", въ общемъ соотвѣтствовавшая по положенію покоевымъ комнатамъ мужской. Настасья, освободивъ Потыка, вела его

445. Во свои покои особые...
(Рыбн. IV, 12).

Надъ жилыми помѣщеніями дѣлались надстройки, носившія названія вышекъ, чердаковъ—вообще то, что мы называемъ теремами. Слово „теремъ" („теремки", *Гильф. 58*) passim употребляется въ былинахъ съ эпитетомъ: высокій—по его положенію, и златоверхій—по украшенію крыши. Къ терему вели такіе же переходы („бѣлыя синечки, частыя переходечки", *Гильф. 169)* какіе мы видѣли ведущими и во второй этажъ дома.

80. Пошелъ старикъ (И. М.) въ высокъ теремъ,
Мосты-то подъ старымъ качаются,
Переводинки перегибаются...
(Рыбн. III, 13).

Другое названіе терема—„чердакъ" также сохранилось въ былинахъ. Гришка—

60. Самъ въ верхни чердаки убирается...
(Кирѣев. III. Гр. От. 2).

Соловьева жена бѣжитъ „на чердаки на вышніе" *(Кирѣев. I, И. М. III, 6, ст. 60)*.

Терема, вообще, имѣли очень затѣйливую отдѣлку какъ внутри, такъ и снаружи. Особенною вычурностью отличались кровли, которыя, въ большинствѣ случаевъ, были вызолочены и имѣли разнообразную форму. Общее названіе крышъ на теремахъ: верхи *(Кирѣев. III, 40 Кал. I, 3, ст. 87;* „высокъ вершокъ" *Рыбн. IV, 7; III, 27)* Иначе крыши назывались „крутыми" *(Кирѣев. IV, И. М. I, ст. 154)*; далѣе—шатрами—особый видъ, оставшійся нынѣ на кремлевскихъ башняхъ *(Кирѣев. III, Ив. Г. с. I, 1, ст. 66)*, маковками *(Рыбн. 1, 10; 39)*.—Крыша, украшалась разными изображеніями, или въ видѣ простого орнамента изъ травъ и цвѣтовъ, или же имѣвшими видъ животныхъ; всѣ эти изображенія въ богатыхъ домахъ вызолачивались или серебрились.

Еще пестрѣе, еще ослѣпительнѣе было внутреннее устройство покоевъ, особенно царскихъ и боярскихъ. Перейдемъ къ его описанію.

Двери, ведущія изъ сѣней въ хоромы и изъ комнаты въ комнату, были, большею частью, деревянныя, „дубовыя", украшенныя живописью. Двери дѣлались также изъ другого матеріала; ведущія, напр., въ покой Афросиньи—

170. ...были желѣзныя,
А крюки, пробои по булату злачены.

(Кирѣев. III Дун. Ив. I, 4; См. также *Кирѣев. IV Ст. Год., Чур.).*

„Ободверины"—притолоки—были „укладныя", т.-е. изъ закаленнаго желѣза *(Кирѣев. V. Вас. Был. 1).* Иное названіе для нихъ—„липенья". Илья, не найдя ключей отомкнуть погребъ,

126. ...прискакивалъ ко дверямъ со каблукомъ,
Вылетѣли двери съ липеньями...

(Кирѣев. IV, И. М., Гильф. 93, но это названье, очевидно, просто областное).

Дверь двигалась въ двухъ углубленіяхъ, находящихся на притолокѣ и на порогѣ, а не на петляхъ; поэтому растворить дверь „на пяту" значило—отворить ее настежь.

85. Онъ (*Ив. Год.*) двери отпираетъ широко на пяту. *(Кирѣев. III Ив. Год. I, 1)* passim при описаніяхъ богатырскаго входа. Впрочемъ и о петляхъ упоминаютъ былины, но, большею частью, описывая устройство воротъ: у нихъ были „пятнички *(крюки)* булатные, петельки шелковыя" (*Рыбн. III, 26*). „Въ переднія сѣни (Коломенскаго дворца) двери столярнаго дѣла на трехъ крюкахъ луженыхъ, наличникъ и подъ чѣпью репьи, скоби желѣзные луженые; у пробоя репей рѣзной луженый же, чѣпь луженая". *(Матер., т. I, 17).* Ibid. (*стр. 20*): „двери: петли рѣзаные на красномъ сукнѣ, чѣпь, скобы маленькіе, желѣзные".

Окна имѣли два типа: волоковыя—для пропуска дыму, очень узкія и наглухо закрывающіяся; они принадлежали, большею частью, крестьянскимъ избамъ: Илья подходитъ къ окошку „наволочному" *(Кирѣев, IV, И. М. 1. ст. 16).* Впрочемъ окна эти иногда встрѣчались и въ барскихъ хоромахъ. Гораздо чаще, однако, въ послѣднихъ находились окна красныя, косящатыя (постояннный эпитетъ оконъ въ поэзіи); оттого они иначе называются „окна княженецкія": Илья, разгнѣвавшись на Владиміра, пускаетъ стрѣлу и говоритъ ей:

447. Ты лети, стрѣла, объ окошки княженецкія,
У окошекъ отстрѣли всѣ маковки позолочены.

(Рыбн. II, 63; эти маковки потомъ онъ пропиваетъ съ голями кабацкими).

Названіе „окно красное" встрѣчается въ былинахъ: Маринка—

48. ...сидитъ она передъ краснымъ окномъ.

Русс. был. 81).

„Косящатый" passim:

114. Увидала его (Кострюка) сестра,
Марья Темрюговна,
Изъ высокаго терема,
Изъ косящатаго окошечка.—

(Кирѣев. VI, Ц. жен. III, 1).

Вотъ какъ устраивались эти окна:

23. Построены терема высокіе,
Просѣчены окошка косявчатыя,
И поставлены колоды бѣлодубовы,
Наличники положены серебряныя,
И на каждомъ окошечкѣ голубь съ голубкою.

(Рыбн. III, 19).

Въ окна вставлялись „ставники" *(Кирѣев. IV, И. М. 4 ст. 29 и 30)*, большею частью желѣзные, для предохраненія отъ пожаровъ, особенно въ каменныхъ домахъ. *(Костомаровъ Оч. д. ж. 40*). Слюдяныхъ оконъ былины не знаютъ, упоминаются только „стеклянныя".

170. Скрой ты оконенку стеклянную

(Русск. был. 5),—говоритъ Илья Владиміру, или „стекольчатыя": Хотѣнъ увидалъ свою мать.

Съ того со терема высокаго,

Съ того оконечка косявчета,
Скрозь это хрустальное стеколышко.
(Рыбн. I, 43).

Стекла, вообще, называются „хрустальными", иногда „аглицкими":

246. Полетѣли изъ окольницъ стекла аглицкiи.
(Кирѣев. VI, И. М. VI. 1).

Замѣтимъ, что до открытiя фабрикъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ стекло исключительно доставлялось изъ-за границы *(Костомаровъ, Оч. д. ж. 45).* Промежутки между окнами назывались „паклинки". Голова Идолища

131. Вышибала въ горницѣ три паклинки.
(Кирѣев. IV, И. М. 5).

Въ окна вставлялись рамы или „оконничные станки", обитые полстями и сукномъ. Въ бѣлокаменной палатѣ были:

134. Столбики точеные, повыше рукъ золоченые,
Обиты окошечки лисицамы, куницамы.
И дорогима соболямы заморскима...
(Рыбн. I, 78).

Ср. также:

152. На сукна стекла навиваны.
(Рыбн. III, 24).

Въ рамы укрѣплялись крючками и петлями оконницы, соотвѣтствовавшiя теперешнимъ рамамъ; дѣлались онѣ изъ бѣлаго или краснаго желѣза. Въ былинахъ эти крюки называются „причалины": Добрыня стрѣлой попалъ въ оконницу стеклянную и отшибъ всѣ причалины серебряныя *(Кирѣев. II, Доб. III, 6).* Въ окончины укрѣплялась сѣтка, въ которую вставлялись кусочки слюды. Такъ какъ послѣднiе были невелики и притомъ различной формы, то и сѣтка дѣлалась въ видѣ: образцовъ (четыреугольниковъ), клиновъ, репьевъ, круговъ, кубовъ и косяковъ. Послѣднiй видъ и далъ окну названiе „косящатое". Такимъ же образомъ устраивались и стекольчатыя оконницы. Слюда разрисовывалась разными красками съ изображенiями травъ, звѣрей и птицъ; стекла были разноцвѣтныя, какъ напр. у князя В. В. Голицына *(Забѣлинъ Бытъ русск. царей, 119 и слѣд.).* Оконницы подъ названiями: околенки, оконенки, окольницы — сохранились въ былинахъ. Когда Соловей засвисталъ,

217. На теремахъ маковки покривились,
Околенки хрустальныя поразсыпались.

(Рыбн. I, 10; 39; Рыбн. II, 4: стекольчатыя околенки: *IV, 7; Кирѣев. I. И. М. VI,* 1*; Гильф. 60; Кирѣев. II, Доб. III, 1).*

Добрыня попалъ стрѣлой къ Маринѣ въ теремъ,

58. Во окошечко во косящатое,
Во оконенку стекольчатую...
(ib. III. 6 и т. д.).

Обращая вниманiе на украшенiя красныхъ оконъ въ былинахъ, мы видимъ, что у нихъ были „маковки золоченыя", т.-е. коники на верхнихъ брусахъ, сами они стоятъ на „бѣлодубовыхъ колодахъ", обложеныхъ „серебряными наличниками". Изъ того же металла сдѣланы „причалины"—крюки и навѣсы для оконницъ. По бокамъ оконъ были „столбики точеные, повыше рукъ золоченые", а сами окна увивались сукнами или мѣхами. Кромѣ того на окнахъ былъ „голубь со голубкою" — очевидно, рѣзное изображенiе птицъ, столь часто попадающееся

въ числѣ украшеній. „132 года, іюня 5 отпущено къ государевѣ новой мыленкѣ на двери и къ окнамъ на закрышки девять аршинъ сукна настрафилю червчатого“ *(Матер. т. I, 230)*. „208-го года сентября 23 въ село Тонинское для обивки въ его государскихъ хоромахъ стѣнъ и потолоку и окошечныхъ рамъ 70 арш. сукна алого кармазину“ *(ib. 185)*. „Въ свѣтлицу къ мастерицамъ въ окна дѣлали ставень большой со втулкою“ *(ib. 158)*. Въ Коломенскомъ дворцѣ „въ сѣняхъ 9 окончинъ слюденыхъ, въ томъ числѣ двѣ попорчены; надъ окнами, въ окнахъ доски рѣзныя росписаны были красками, съ лица полиняли“ *(ib. 17)*. Особенно изобиловали окнами сѣни, свѣтлицы и теремъ. Вотъ почему въ былинахъ всегда, разъ упоминается теремъ, говорится и о косящатыхъ окошкахъ.

Окна косящатыя и волоковыя, какъ мы уже указывали, чередовались, поэтому на стѣнѣ они располагались не по прямой линіи, а то выше, то ниже одно другого, причемъ чрезвычайно разнообразилась и самая форма ихъ. Окна и двери принадлежали, собственно, столько же внутреннему, сколько и внѣшнему устройству дома.

Войдемъ теперь въ „царску гридню златомъ убрану“ *(Кирњев. VI, Ц., жен. VI, 3, ст. 35)*.

Полъ въ хоромахъ (по древнему: „мостъ“, въ былинахъ—„полъ-середа“), дѣлался частью изъ досокъ въ косякъ, почему и называется „косящатымъ“, частью же мостился дубовыми брусками, вродѣ кирпича. Его расписывали красками: черною и зеленою въ шахматъ, или „аспидомъ“—подъ мраморъ. Названіе пола „кирпиченъ мостъ“ — нерѣдко въ былинахъ *(Рыбн. I, 25; Кирњев. III, Дан. Иг. I, 2; Дун. I, 4; Кирњев. V, Тер. Гость)*. Упоминается также „полъ середа изъ одного серебра“ *(Рыбн. III, 24 ст. 147; Кирњев. IV, Ст. Год. ст. 25; Рус. был. 148)*. У *Рыбн. II, 30* сказано, что полы въ гридняхъ дѣлались изъ сосноваго или кленоваго дерева—очевидно, дѣло идетъ о полахъ косящатыхъ. Другое названіе половъ „бѣлорыбицывые“ (*Кирњев. VI, Ц. уб. ст. II, 1)* показываетъ, что они были украшены „рыбьимъ зубомъ“, т.-е. моржовою костью. Печи были простыя, глиняныя *(Рыбн. III, 30: 27; Кирњев. III, Дюкъ Ст. I, 2)* — въ домахъ средней руки, и—„образчатыя“, т.-е. изъ обливныхъ изразцовъ, зеленаго цвѣта. Такія печи назывались „мурамлеными“—„муравлеными“—въ былинахъ (*Рыбн. I, 25; III, 24; Кирњев. III. Дюкъ I, 2; V, Тер. Гость; Рус. был. 173, 258)*. Изразцовыя печи дѣлались съ золоченымъ карнизомъ *(Рыбн. III, 30)*. „Можно думать, что прежде печи были изъ глины, какъ и доселѣ это нерѣдко дѣлается, но потомъ стали заниматься выдѣлкой ихъ изъ кирпичей“. (*Аристовъ. Пром., 109*); поэтому печки называются „биты глиняны“, иначе „земляныя“ *(Рыбн. I, 26, ст. 160)*, „кирпичныя“ (*Рыбн. III, 27*).

Дюкъ говоритъ князю:

109. Печки у тебя биты глиняны,
А подики кирпичные...,

а у него—печи муравленыя, подики мѣдные (*Кирњев. III. Д. 1. 2*). Вообще печи очень старательно расписывались, особенно изразцы, на которыхъ изображенія сперва отливались, а потомъ раскрашивались. Печами снабжены были всѣ хоромины, кромѣ повалуши, сѣней и подклѣта, если онъ былъ необитаемъ. Въ прибавленіи къ 8 вып. Пѣсенъ *Кирњевскаго (стр. 309)* говорится:

9. Я срублю вамъ горницу новую,
Я поставлю вамъ печку муравую.

Въ столовой гриднѣ постоянно упоминается печка. (О муравленыхъ печахъ въ горницѣ см. *Забњлина—Бытъ рус. царей, 28)*. Дымъ выходилъ изъ особыхъ трубъ: „дымолокъ“, украшенныхъ также изразцами *(Бытъ рус. царей, 122)*. Когда Соловей засвисталъ,

245. Полетѣло изъ дымолокъ кирпицье заморское.

Отдѣлка стѣнъ и потолковъ (мы говоримъ о домахъ боярскихъ и государя, въ простыхъ она дѣлалась изъ краснаго тесу) отличалась такою же вычурной и расцвѣченной золотомъ и

красками облицовкой, которой, какъ мы видѣли, покрывались двери, окна и печи. „Нарядъ“ хоромъ былъ, такимъ образомъ, двоякій: „плотничій“, состоящій въ украшеніи внутренности хоромъ рѣзьбою, расписанной красками, и — „шатерный“, состоящій въ уборкѣ ихъ сукнами, мѣхами и разными тканями. Вообще у русскихъ, какъ выразился Костомаровъ *(Оч. д. ж .52)*. было въ обычаѣ все укрывать и покрывать. Мы видѣли, что покрывались коврами и сукнами лѣстницы, окошки, даже дворы; теперь мы встрѣчаемся съ подобной покрышкой хоромъ. У Чурилы гридни

106. Покрыты сѣдымъ бобромъ,
Потолокъ черныхъ соболей...

(Кирѣев. IV. Чур. I; id. V, Тер. Гость; у Старва — *Рус. был. 198)*.

Въ разрядныхъ книгахъ (см. *Забѣлина, Матеріалы)* мы то и дѣло встрѣчаемся съ перечисленіемъ разнаго рода тканей, употребленныхъ на обивку покоевъ; выписки изъ нихъ въ нашемъ очеркѣ заняли бы очень много времени и мѣста, а потому мы ограничимся только немногими попавшимися подъ руку примѣрами: „130 г. генваря 4, по государеву именному приказу отпущено къ государеву большому рундуку на обивку, что ставитца на водокшѣ на Крещенье, 15 аршинъ бархату червчатого гладкого да два золотника шолку червчатого; взялъ шатерничей Юрьи Матюхинъ“ *(234)*. „189 г. сентября 23, на обивку въ новыхъ хоромахъ царевича Петра Алексѣевича да въ верхнихъ и въ нижнихъ хоромахъ царевенъ въ окошки 79 вставней 79 аршинъ сукна англинского червчатого“ *(178)*. „189 года сентября 30 въ новые хоромы государынь царевенъ на обивку дву чюлановъ... сукна зеленаго аглинскаго“. *(ibid.)*

Болѣе интересно украшеніе хоромъ живописью и позолотой *(См. Рыбн. III, 30*, гдѣ сказано, что стѣны и потолки расписывались). Вотъ какъ обыкновенно описываютъ былины внутренность хоромъ: Пленко, когда къ нему пріѣхалъ Владимиръ,

69. ...въ теремы ведетъ златоверхіе,
И такому то князь диву дивуется:
На небѣ солнце — и въ теремѣ солнце,
На небѣ мѣсяцъ — и въ теремѣ мѣсяцъ,
На небѣ звѣзды — и въ теремѣ звѣзды,
На небѣ зори — и въ теремѣ зори;
Все въ терему по небесному.

(Рыбн. I, 45; id. 61. 64; III, 31; Кирѣев. IV (Сол. Буд.).

Иначе: соединеніе наряда плотничьяго съ шатернымъ:

146. Хорошо теремы разукрашены:
Полъ середа изъ одного серебра,
Печки то были все муравленыя,
Потики то были все серебряные,
Потолокъ у Чурила изъ черныхъ соболей,
На стѣны сукна набиваны,
На сукна стекла навиваны,
Все въ терему по небесному:
Вся небесная луна понаведена была,
Инъ всякія утѣхи несказанныя...

(Рыбн. III, 24).

Подобное описаніе теремовъ, гдѣ внутренность совершенно напоминаетъ собою небесную сферу, заставляли многихъ изслѣдователей видѣть въ нихъ участіе поэтической фантазіи, или же—заимствованія (см. *Майковъ, Былины Владимирова цикла*, ст. 48; *Веселовскій, Южнорус. былины — XXXVI*). На ст. 90 своего послѣдованія ак. Веселовскій называетъ эти подробности фантастическимъ описаніемъ и, сближая сюжетъ былинъ о Дюкѣ, въ томъ числѣ и вышеприведенное описаніе терема, со сказаніемъ объ Индѣйскомъ царствѣ (эпистолія пресвитера Іоанна), говоритъ: „Тамъ (въ Индіи) хоромы пресвитера — не столько дворецъ, сколько цѣлая система дворцовъ, невиданное великолѣпіе которыхъ, въ эпистоліи и ея подражаніяхъ, является преувеличеннымъ отголоскомъ одной лишь, возможной въ средніе вѣка, дѣйствительности: придворной византійской“ *(l. c. стр. 190)*. Слѣдовательно, наше былинное описаніе есть уже какъ бы отголосокъ отъ отголоска. Между тѣмъ гораздо болѣе возможно предположить, что былинное описаніе является далеко даже не преувеличеннымъ отголоскомъ другой

дѣйствительности, гораздо болѣе близкой и понятной для русскаго пѣвца — изображеніемъ златоглавой Москвы и роскошнаго убранства царскихъ палатъ. Сравнивъ былинныя описанія съ историческими, мы убѣдимся въ справедливости сказаннаго. „Съ особою заботливостью, говоритъ Забѣлинъ *(Бытъ рус. царей, 117)* украшались подволоки или потолки, которыхъ самое названіе уже показываетъ, что онѣ и въ обычномъ плотничьемъ нарядѣ устраивались или собирались инымъ способомъ, независимо отъ наката, и служили какъ бы одеждою потолка, ибо подволока значила вообще одежду". Упоминаются также „вислыя" подволоки, спускавшіяся, очевидно, съ потолка внизъ. Очень можетъ быть, что онѣ и были тѣми „матицами" (средній брусъ потолка), о которыхъ въ былинахъ говорится, что онѣ были „волженыя" *(Кирѣев. IV, Чур. 1; V, Тер. Г.)*. Эти подволоки всегда золотились и расписывались красками по рисунку, тождественному съ приведенными выше былинными описаніями хоромъ. „Въ 1686 г. въ іюнѣ въ деревянной комнатѣ царя Ивана Алексѣевича позолочено сусальнымъ золотомъ въ подволокѣ крестъ и около его звѣзды и коймы и у оконъ наличники, а у дверей дорожники и шпренгели. Въ 1692 г. въ хоромы царевичу Алексѣю Петровичу велѣно сдѣлать и вызолотить къ подволокѣ кругъ рѣзной съ сіяніемъ и съ клеймы, въ два аршина въ діаметрѣ" *(стр. 118)*. Въ Коломенскомъ дворцѣ были „переднія сѣни съ теремомъ осмигранные, въ которыхъ зодіакъ выписанъ. *(Матер. I, 8)*. „Въ 1680 г. Безминъ (перспективнаго дѣла мастеръ) писалъ на полотнѣ въ 63 арш. въ Верхъ къ государю лунное теченіе, солнце, мѣсяцъ и звѣзды" *(Бытъ рус. царей, 173)*. Въ 1679 году живописецъ Карпъ Золотаревъ написалъ для семилѣтняго царевича Петра Алексѣевича, на александрійскомъ большомъ листѣ, золотомъ и красками, „двѣнадцать мѣсяцевъ и бѣги небесные, противъ того, какъ въ Столовой въ подволокѣ написано" *(стр. 174)*. „Въ Столовой, построенной царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ 1662 г., въ подволокѣ написано было звѣздотечное небесное движеніе, 12 мѣсяцевъ и бѣги небесные" *(стр. 135)*. „Стѣны Аудіенцъ—Залы (говоритъ Лизекъ, посѣтившій Россію въ 1675 году) были обиты дорогими тканями, а на потолкѣ изображены небесныя свѣтила ночи, блуждающія кометы и неподвижныя звѣзды, съ астрономическою точностью". *(ibid)*. Въ каменныхъ хоромахъ кн. В. В. Голицына *(1689 г)*. въ большой Столовой палатѣ въ подволокѣ было изображено: „въ срединѣ подволоки солнце съ лучами вызолочено сусальнымъ золотомъ; кругъ солнца бѣги небесные съ зодіями и съ планеты писаны живописью... А по другую сторону солнца мѣсяцъ въ лучахъ посеребренъ" *(стр.136—137)*. Изъ этихъ выписокъ видно, что „солнце, луна, звѣзды и вся красота поднебесная" составляли обыкновенное украшеніе теремныхъ и вообще хоромныхъ подволокъ. Такимъ образомъ приходится согласиться, что былины отмѣтили въ поэтическихъ строкахъ это обыкновенное украшеніе царскихъ и княжескихъ теремовъ. Послѣдніе, повторимъ, отличались замѣчательною пестротою и блескомъ, слѣпившимъ глаза. Достаточно сказать, что однѣ живописныя и золотильныя работы Коломенскаго дворца продолжались два года *(Мат. т. I. 8)*.

Поэтическое представленіе всего этого блеска прекрасно опредѣляется возгласомъ удивленія общѣнщиковъ Владимировыхъ, увидѣвшихъ Дюково царство: „Ай горитъ Индѣя та богатая" [1]). Вотъ какъ описываетъ устройство царскаго дворца еп. Елассонскій Арсеній, присутствовавшій при возведеніи въ санъ новопоставленнаго патріарха Іова въ январѣ 1589 года. (Отрывокъ помѣщаемъ такъ, какъ онъ находится у Забѣлина, *Б. рус. царицъ, 361)*: „Не менѣе сильное впечатлѣніе произвело на иноземцевъ и великолѣпное убранство палаты, сводъ которой, казалось, былъ облитъ золотомъ, украшенъ драгоцѣнными изображеніями и сдѣланъ до того искуснымъ образомъ, что въ немъ былъ какой-то чудный отголосокъ (звонко отзывались въ немъ тихія слова). На немъ видны были многія роскошныя украшенія, деревья, виноградныя кисти, родосскія ягоды и разнаго рода птицы. По срединѣ (свода) находился левъ, который въ пасти держалъ кольцомъ свитого змѣя, отъ котораго спускались внизъ многіе художественно сдѣланные и богато украшенные подсвѣчники. Стѣны кругомъ украшены были драгоцѣнною мусіею (иконописью, стѣнописью) съ изображеніемъ дѣяній святыхъ и ликовъ ангельскихъ,

---

[1]) Мы уже говорили, что этого вопроса касался и г. Халанскій.

мучениковъ, іерарховъ, а надъ великолѣпнымъ престоломъ (мѣстомъ царицы) ярко горѣла каменьями драгими большая икона Пречистой Дѣвы съ Предвѣчнымъ Младенцемъ на рукахъ и вокругъ ея лики св. угодниковъ, въ златыхъ вѣнцахъ, по коимъ разсыпаны жемчугъ и яхонты и сапфиры. Полъ былъ устланъ персидскими коврами, ткаными шелкомъ и золотомъ, на которыхъ искусно были изображены охотники и звѣри всякаго рода". Описаніе это, если сравнить, очень походитъ на описаніе дворца пресвит. Іоанна по роскоши красокъ.

По стѣнамъ палатъ тянулись лавки, составлявшія часть хоромъ, а не домашней обстановки, У *Кирѣев. I, И. М. III, 4,* онѣ названы „конникъ" *(ст. 196),* вообще же—лавками (брусяными или брусовыми: *Рыбн. I, 9, ст. 196; II, 32; Рус. был. 231; Гильф. 593*—„брусовая бѣла лавочка", *Рыбн. I, 10; 27).* Понятно, что и онѣ расписывались красками и покрывались узорочными тканями—„полавочниками". У Ставра въ терему—

36. Лавицы, булавицы золотыя.

(Рус. был. 193).

Лавки эти, если находились въ столовой или повалушѣ, бывали очень длинны.

Прибавимъ еще нѣкоторыя архитектурныя подробности. Въ домахъ находились, по былинамъ, „гряды, грядки". Хотя онѣ составляли, собственно, принадлежность крестьянской избы, но встрѣчались также и въ хоромахъ, которыя, какъ мы знаемъ, были незначительнымъ видоизмѣненіемъ первой. Эти грядки служили въ избѣ для вѣшанія одежи *(см. Кирѣев. IV. Чур. 3);* другое ихъ названіе было „палатный брусъ" *(Кирѣев. II, А. П. II, 1).* Когда Хотѣнъ ударилъ палицею въ теремъ,

129. Вереи свалились среди двора,
А про широкія ворота и слыху нѣтъ,
Высокъ-то вершокъ въ чисто поле слетѣлъ;
Во теремѣ околенки поломалися,
Полки, грядки повыпадали,
Кирпичны печки поразсыпались..,

(Рыбн. IV, 7).

Стѣны домовъ назывались такъ же, какъ и ограда—тыномъ, а гряды поддерживались брусьями, называемыми „стойками". Идолище кидаетъ въ Илью ножъ; богатырь увертывается,

93. А ножъ—отъ улетѣлъ въ стоечку,
А стоечка улетѣла въ задній тынъ;
И задній тынъ весь поразсыпался...

(Рыбн. III, 7).

Точно также, когда Хотѣнъ ударилъ по терему,

109. Въ теремахъ стѣны да тыны поразсыпалися,
Кирпичныя печки поразвалилися,
Орловыя (орленыя) грядки повыпадали,
Въ теремахъ верхи какъ огнемъ пожгло.

(Ib. 27).

Для украшенія жилища часто разбивались сады. „На царскомъ дворѣ, говоритъ Забѣлинъ *(Б. рус. царей, 75),* въ XVII ст. было нѣсколько верховыхъ, т.-е. хоромныхъ, такъ сказать, комнатныхъ садовъ, которые всѣ назывались красными, въ смыслѣ изящныхъ, красивыхъ, какъ въ отношеніи цвѣтовъ и растеній, которыми они были насажены, такъ особенно по внѣшней ихъ уборкѣ, по обыкновенію весьма пестрой и узорочной". Былины также упоминаютъ о садахъ, находящихся при теремахъ, т.-е. о садахъ „верховыхъ". Они называются: „вишенье, орѣшенье" *(Кирѣев. IV, Сол. Буд. 105 и сл.),* потому что въ старину, преимущественно, разводились сады фруктовые. Въ другомъ мѣстѣ *(ib. Хот. Бл.)* садъ вокругъ терема названъ „виноградъ", такъ какъ въ нихъ разводились и виноградные кусты. Хотѣнъ, бросивъ горсть песку,

70. Полтерема сшибъ, виноградъ подавилъ...

„По запискѣ 1702 года, въ Верхнемъ набережномъ саду было садоваго строенья: 130 яблоней наливу, скруту, аркату; 25 грушъ сарскихъ, волоскихъ; 8 кустовъ винограду, 1 кустъ байбарису; 23 куста cереборинннику, краснаго и бѣлаго; 410 кустовъ смородины красной, 6 кустовъ піона красныхъ, 9 ящиковъ гвоздики". (*Бытъ рус. царей, 79*). Объ огородахъ при домахъ мы уже говорили.

Если зданіе было предназначено для особой цѣли, каковы, наприм., были зданія казенныя, общественныя, то расположеніе нѣсколько видоизмѣнялось, сообразно требованіямъ. Такъ, наприм., для кружала строился домъ, подъ которымъ былъ подвалъ для храненія питей, а рядомъ съ нимъ омшанникъ съ печью, гдѣ грѣлась вода для разбавленія водки. (*Костомаровъ, Оч. д. ж. 49*). Василій Пьяница постоянно лежитъ въ кабакѣ на этой печи (см., наприм., *Гильф. 118*).

Цари любили особенно украшать свои загородные дворцы, выстроенные гдѣ-либо вблизи столицы. Такимъ дворцомъ былъ, наприм., дворецъ царя Алексѣя Михайловича въ селѣ Коломенскомъ. О загородныхъ дворцахъ упоминаютъ и былины: король, собравшійся на Русь, остановился

4. Во уѣздѣ, селѣ Ѳедоровскомъ,
Во любимомъ дворцѣ государевомъ.
(*Пр. къ 7 В., ст. 121*).

Если это не историческая (Ѳедоровское могло замѣнить Коломенское), то во всякомъ случаѣ бытовая подробность. Другой извѣстный „любимый дворецъ государевъ" былъ Измайловскій.

Главной принадлежностью домовъ были образа, помѣщавшіеся не только въ крестовой, но и во всѣхъ остальныхъ хороминахъ. У Чурилы во дворѣ—

Надъ воротами иконъ до семидесятъ.
(*Гильф. 229*).

Слѣдовательно, сколько же должно быть ихъ въ самихъ хоромахъ! Пріѣзжіе богатыри, входя въ покои, „молятся чуднымъ образамъ" (passim). Кромѣ иконъ были еще картины, изображающія событія изъ священной исторіи. Подобными библейскими сюжетами расписаны были и стѣны. Образа ставились въ переднемъ углу, отчего этотъ уголъ считался почетнымъ. Передъ образами зажигались лампады и свѣчи.

Да еще у Дюка у Степанова
Надъ воротами да надъ широкими
Да стоя у Дюка чудны образы,
Да горя свѣчи неугасимыя.
(*Гильф. 243*).

Илья Муромецъ, передъ отъѣздомъ на бой съ царемъ Калиномъ,

105. ...ставилъ онъ свѣчу воску ярова
Передъ Матерью Пресвятой Богородицей.
(*Рус. был. 32*).

Мебель въ хоромахъ, какъ говоритъ Забѣлинъ (*Б. рус. царей 159*), была немногочисленна. Уже упоминались лавки, идущія вдоль стѣнъ горницъ. Въ переднемъ углу, обыкновенно, стояли „столы дубовые" (постоянный эпитетъ ихъ въ былинахъ), иначе—„кипарисные" (*Кирѣев. VI, Ц. сосл. царицу*). Въ обыкновенное время столы были простые, развѣ только съ рѣзными ножками, но въ праздники и въ торжественныхъ случаяхъ ставились роскошные, нѣмецкаго и польскаго дѣла, начавшіе входить въ употребленіе съ половины XVII ст. Тогда появились, наприм., столы изъ моржовой или слоновой кости—„дорогъ рыбій зубъ" (*Кирѣев. VI, Ерм. IV, I, ст. 66, Рыбн. III, 30*),—съ золотой инкрустаціей („золотъ столъ"—*Рус. был. 64, ст. 71*). Столы покрывались шелковыми скатертями, съ золотыми кистями по угламъ (*Рыбн. III, 30*). У государя въ 1663 году столъ былъ обитъ „отласомъ турскимъ золотнымъ по зеленой землѣ, по немъ опахала золоты; подкладка—камка червчата куфтерь" (*Б. рус. царей 160*). Самые столы дѣлались также изъ чернаго, краснаго дерева, изъ кипариса съ серебряною оправою и съ пер-

ламутровою инкрустаціею. Въ 1670 году для Алексѣя Михайловича сдѣлали столъ изъ индѣйскаго дерева съ инкрустаціею изъ венецейскихъ раковинъ и съ серебряною филигранною (сканною) оправой, украшенною драгоцѣнными камнями; другой столъ былъ кипарисный, „на доскѣ врѣзываны жеребьями чинаровое и черное деревья, ноги точеныя яблоновыя; въ яблокахъ кости пуговками" *(стр. 162—163)*.

Послѣ столовъ и лавокъ важное мѣсто занимали скамьи, или „бесѣды"—широкія и толстыя доски, утвержденныя или на глухихъ ногахъ—изъ одной доски, или на четырехъ, соединенныхъ проножками. Скамьи покрывались такъ же, какъ и лавки, или же обивались сукномъ. Бесѣды бывали: или „дубовыя, испродернуты бархатомъ" *(Кирѣев. VI, Ерм. IV, 1, ст. 5, 29)*, или же „дорогъ рыбій зубъ" (*Кирѣев. IV, Мих. Каз. ст. 134*). Скамьи были малыя и большія, замѣнявшія кровать. Обыкновенный ихъ эпитетъ: „бѣлодубовыя". Кострюкъ кидался

70. Черезъ скатерти браныя,
Черезъ яства сахарныя,
Черезъ пойло медвяное;
Онъ и лѣвой ногой зацѣпилъ
Триста скамей повалилъ...
(Кирѣев. VI, Ц. жен. III, 3).

Скамей, дѣйствительно, было много, особенно при многолюдныхъ пирахъ. Маленькія скамьи съ квадратнымъ или круглымъ сѣдалищемъ назывались — „стулъ" или „столецъ"—собственно, какъ бы маленькій столъ. Дѣйствительно *(Рыбн. I, 20)*, мы видимъ, что понятія „столъ" и „стулъ" смѣшиваются былинами:

43. И полагай-ко ты (посолъ) грамоту посыльную на золотъ стулъ...

Стулъ—passim съ эпитетомъ золотой точно такъ же, какъ и столъ, потому что онъ расписывался красками и золотомъ, или же покрывался золотыми тканями. Ханъ Азвякъ сидитъ

3. На стулѣ золотѣ
На рытомъ бархатѣ
На червчатой камкѣ.
(Кирѣев. V, Кн. Твер.)

Надо замѣтить, что стулъ современнаго вида употреблялся въ старину довольно рѣдко и во многихъ случаяхъ замѣнялъ царское мѣсто или тронъ. Послѣднее, собственнно, было кресло, но до конца XVII ст. оно называлось стуломъ (*Б. рус. царей, ст. 164 и 165*). Вышеприведенные стихи указываютъ и на эту подробность—названіе трона стуломъ. Матерьяломъ для мебели обыкновенно служилъ дубъ; упоминаются и „кленовые" стулья *(Рус. был. 169, ст. 38)*. У царя Ивана Васильевича былъ костяной стулъ, съ вырѣзанными изображеніями событій изъ исторіи царя Давида и нѣкоторыхъ предметовъ изъ классической миѳологіи (*Б. рус. царей, стр. 165*). Этотъ стулъ можетъ напомнить намъ былинные столы изъ слоновой кости и изъ дорогого рыбьяго зуба.

Со второй половины XVII вѣка въ составъ комнатной мебели стали входить зеркала, которыя раньше изрѣдка употреблялись какъ принадлежности туалета и потому были невелики. У *Кир. II, Доб. III, 2 и 6* упоминается зеркало чистое, стекольчатое; у *Гильф. III*—зеркало хрустальное. Какъ и вся обстановка, зеркала украшались вычурною рѣзьбою. Вотъ образецъ хрустальнаго зеркала: въ 1671 году 8 декабря польскій посолъ поднесъ царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ „зеркало хрустальное: на верху зеркала, посторонь, хрустальныя травы съ висюльками; подъ ними двѣ пуговицы хрустальныя; по верхнимъ угламъ по два репья хрустальные жъ, по пугвицѣ хрустальной; на нижнемъ концѣ зеркала по угламъ по два репья, да по пугвицѣ повѣшаны; промежъ репьевъ два подсвѣчника, подъ ними хрустальныя висюльки; промежъ подсвѣчниковъ перемычка хрустальная. На средней перемычкѣ репей хрустальный, а отъ репья повѣшаны висюльки хрустальныя; по конецъ перемычки репьи жъ хрустальные по обѣимъ концамъ съ висюльками" *(Б. рус. царей, 168)*.

Какъ столы, скамьи и стулья были главнѣйшимъ предметомъ наряда, преимущественно, гридни столовой, такъ въ спальной или постельной комнатѣ первымъ предметомъ ея убранства была постеля, т.-е. кровать со всѣмъ уборомъ. Въ покоѣ Терентья—

19. ...на середи (т.-е. на полу) кроватка стоитъ,
Да кровать слоновыхъ костей,
На кровати перина лежитъ,
На перинѣ зголовье лежитъ...
(Кирѣев. V, Тер. 9).

Кровать была или „тисовая“, или „слоновыхъ костей“, или же „изъ рыбьяго зуба“. Катерина привела Чурилу

49. Ко той ли ко кроваткѣ ко тисовенькія,
Ко той ли ко перинушкѣ пуховенькія,
Ко крутому, высокому зголовьицу,
Къ одѣялу тому соболиному...
(Рыбн. III, 26).

Также:

226 и 314. Спитъ Илья Муромецъ на кровати рыбій зубъ
Подъ тымъ одѣяльцемъ соболинымъ.
(Рыбн. I, 19).

Кровать изъ слоновыхъ костей упоминается у *Рыбн. III, 27; 56.* Одѣяло соболиное passim. Кровать обыкновенно задергивалась пологомъ или занавѣсомъ (*Кирѣев. V, Тер. 9),* спускавшимися сверху въ видѣ шатра, такъ что кровать, какъ говоритъ г. Забѣлинъ, въ полномъ смыслѣ слова была „кровомъ“. Ивашка даетъ царю Василью Окульевичу планъ устройства кровати:

57. Сдѣлай тамъ (въ насадахъ) кровати тесовыя,
И клади туды периночки пуховыя,
Занавѣсточки клади туды ситцевы,
Сдѣлай столбики точеные,
Сдѣлай грядочки золоченыя...

и на нихъ посади „птицъ райскихъ“. *(Рус. был. 241).* (Какъ извѣстно, пѣвчія птицы и попугаи были нерѣдкимъ украшеніемъ царскихъ палатъ, если предположить, что здѣсь дѣло идетъ не объ рѣзныхъ украшеніяхъ).

Съ половины XVII ст. кровати, какъ и все въ домахъ, стали украшаться рѣзьбою и живописью и дѣлаться изъ дорогого матеріала. Познакомимся съ устройствомъ ихъ и постельнаго наряда: „137 г. іюня 13 по государеву цареву Михаила Ѳеодоровича имянному приказу отнесъ дьякъ Гаврило Облезовъ въ государеву Мастерскую Полату къ постельничему къ Степану Лукьяновичу Хрущеву кровать складная деревянная рѣзная, у ней 4 сохи да два бруса стороннихъ, четыре бруска верхнихъ... да четыре маковки золочены“. *(Мат. I, стр. 214;* см. тамъ же описаніе отправленной царемъ Алексѣемъ въ даръ персидскому шаху кровати, въ 1662 году, стр. 212).

Уборъ постельный: „142 г. въ постельной казнѣ царя Михаила Ѳеодоровича хранились: одѣяло большое на соболѣхъ, отласъ по серебряной землѣ, репьи и травы шолки червчатъ да зеленъ, грива отласъ золотной по червчатой землѣ съ шолки, съ бѣлымъ, съ лазоревымъ, съ зеленымъ“... (215). Въ 184 г. „одѣяло отласъ золотной по червчатой землѣ травы золоты мелкіе, межъ травъ золотныхъ травки серебрены. Грива и опушка отласъ по серебряной землѣ, листье золоты травы шолкъ разныхъ цвѣтовъ, исподъ пупки собольи“... (216). Тамъ же: „завѣсъ бархатъ золотной трехъ цвѣтовъ, въ восемь полотнищъ, оголовъ бархатъ золотной, подложенъ тафтою червчатой“... Въ 142 г. „Наволока постельная да двѣ наволоки зголовейные бархатъ червчатъ. Три наволоки постельные да три наволоки зголовейные куфтерные червчаты“ (215). У царя Михаила Ѳеодоровича въ 1634 г.: „Постель большая пуховая, наволока тафта желта, верхняя наволока полотняная бѣла полосата... Вголовье пуховое, наволока тафта червчата, верхняя наволока полотняная полосата“. *(Б. рус. царей, 213 и сл.).* Соболиныя одѣяла были извѣстны еще въ XII вѣкѣ. Даніилъ Заточникъ (1199 г.) пишетъ князю: Егда ляжеши на мягкихъ постеляхъ подъ собольими одѣялы, а мене помяни, госпо-

дине, подъ единымъ платномъ лежаще, зимою умирающе и каплями дождевыми, яко стрѣлами пронизающе“. Кромѣ кровати въ спальняхъ стояли и другіе предметы постельнаго обихода. Такъ въ ложняхъ упоминаются стойки, на которыя клали одежду, оружіе. Бермята убиваетъ Чурилу, взявъ саблю со стойки *(Рыбн. III, 27)*. Иначе онѣ назывались „стопки“: на стопку кладетъ Чурило свою шапку, то же дѣлаетъ сватъ, посланный Владиміромъ къ королю литовскому *(Рыбн. III, 3)*, *ст. 44*. Стопки бывали „золоченыя“, „точеныя“ *(Гильф. 135)* по отдѣлкѣ; очевидно, онѣ были въ родѣ табуретовъ, нѣсколько развѣ выше.

Убранство „комнаты“ или кабинета хозяина въ общемъ было такое же, какъ и остальныхъ хороминъ: тѣ же скамьи и лавки, столъ. На послѣднемъ находились разные предметы занятій: такъ стояла „чернильница золотая и перо лебединое“ *(Кирѣев. VII, См. Ск. 32, 33)*.

Царь, чтобы писать „посоленъ листъ“, бралъ—

78. ...Чернильницу вольянскую
И бралъ перо лебединое,
И бралъ бумагу листъ гербовыя.
(*Кирѣев. VI, Ц. жен. III, 1*).

Въ числѣ принадлежностей письменнаго стола царя Алексѣя Михайловича находились: „часы въ собачкѣ нѣмецкіе, подъ ними въ шкатулкѣ черниленка да песочница, ножичекъ, ноженки“. *(Быть. русс. царей, 196)*. Послѣднія могутъ напомнить „ножницы нѣмецкія“ *(Рыбн. I, 42, ст. 41)*. Для храненія разныхъ вещей въ хоромахъ стояли: „кованые лари или ларцы“. *(Рыбн. II, 31*; *Гильф. 77)*; въ нихъ хранилась казна *(Русс. был. 91, 198)*, они были часто очень просторные (въ былинѣ въ такой сундукъ жена Бермяты прячетъ Чурилу—*ib. 179)*; съ роскошной отдѣлкой: „золотые“ *(ib. 50, 87)*; иное ихъ названіе „кованы сундуки“ *(ib. 252)*.

Къ числу украшеній, наконецъ, слѣдуетъ отнести посуду, преимущественно золотую и серебряную. Она устанавливалась, большею частью, въ поставцахъ, или же на полкахъ, на показъ. Въ обыкновенное время она хранилась въ „особыхъ покояхъ“, кладовыхъ, но вынималась при всякомъ удобномъ случаѣ, особенно во время пировъ. Отчасти посуда имѣла значеніе игрушекъ, благодаря своей затѣйливой формѣ, частью же употреблялась для своего прямого назначенія.

Сопоставленіе былиннаго описанія съ историческими свидѣтельствами само по себѣ заставляетъ притти къ такимъ заключеніямъ. Во-первыхъ, былинныя описанія, если мы отбросимъ ихъ нѣкоторую гиперболичность, совпадаютъ, даже въ малѣйшихъ деталяхъ, съ исторической дѣйствительностью. Во-вторыхъ (обращаемъ вниманіе, что всѣ приведенныя нами документальныя данныя относятся къ XVII вѣку), былинное описаніе жилища представляетъ описаніе царскихъ или вообще боярскихъ палатъ XVI—XVII вѣка. Къ этому времени относится расцвѣтъ русской архитектуры. Ея начало принадлежитъ временамъ очень отдаленнымъ: „еще слишкомъ за 60 лѣтъ до нашествія татаръ, Владимирцевъ прозывали каменьщиками, а это значило, что они были уже пресловутые мастера своего дѣла. Лѣтопись подъ 1194 г. говоритъ о русскихъ мастерахъ, возобновившихъ храмъ, упадавшій старостью и безнарядьемъ, слѣдовательно въ числѣ ихъ находились и художники, исправлявшіе, кромѣ разныхъ украшеній, и стѣнопись“... *(Древ. Сузд. Влад., 21)*. Однако, нашествіе татаръ надолго задержало развитіе зодчества. Всѣ средства уходили на уплату „даней—выходовъ“ ханамъ, все вниманіе сосредоточивалось на политикѣ съ Ордою. Стоило послѣдней дать Руси временный отдыхъ—постройки возобновлялись. Ивану Калитѣ удалось заслужить ханскую благосклонность: татары 40 лѣтъ не производили набѣговъ, и вотъ въ 1326, 1328 и 1333 гг. закладываются соборы—Успенскій, Спасъ на Бору, Архангельскій. Но при татарахъ на „тишину“ надѣяться было нельзя: въ 1382 г. тѣ же соборы были сожжены Тохтамышемъ. При Иванѣ III, еще болѣе—при Иванѣ Грозномъ, ко времени объединенія Московскаго государства, зодчество пошло впередъ значительно быстрѣе. Грозному внѣшній блескъ былъ необходимъ для приданія большей пышности своему новому сану. Съ междуцарствіемъ наступилъ опять застой. Въ равной степени и Михаилу Ѳеодоровичу не при-

ходилось много заботиться о возведенiи „золотыхъ палатъ“, но при Алексѣѣ Михайловичѣ русское зодчество достигаетъ своего окончательнаго расцвѣта: при Петрѣ и постройкамъ были даны новые, иноземные образцы. Покровскiй соборъ XVI и Коломенскiй дворецъ XVII вв. (описанiе котораго сохранилось) наглядно свидѣтельствуютъ, что вычурность, пестрота раскраски, блескъ позолоты—составляющiе основу былинныхъ описанiй—были непремѣннымъ условiемъ зодчества XVI—XVII вѣка. Былинное изображенiе жилища вѣрно исторической дѣйствительности еще потому, что, если откинуть разницу въ убранствѣ, просторѣ и украшенiяхъ жилища, „царскiй дворецъ XVI и XVII вв., по замѣчанiю Забѣлина *(Бытъ русс. царей 38)*, есть небольшое видоизмѣненiе крестьянской избы, которая, въ свою очередь, съ самыхъ давнихъ временъ и до сихъ поръ нисколько не измѣнилась“. (Также у *Костомарова — Оч. д. жиз. 40*). Сказителямъ легко было сохранять въ памяти основу своихъ описанiй: она была у нихъ всегда передъ глазами. Что касается такого детальнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ художественнаго изображенiя „наряда“ хоромъ, то оно непремѣнно должно было составиться подъ непосредственнымъ впечатлѣнiемъ видѣннаго великолѣпiя. Къ XVI—XVII вѣкамъ относится также и процвѣтанiе скомороховъ. Роль послѣднихъ въ процессѣ созданiя былинъ уже выяснена достаточно. *(См. В. Миллера, Очерки русс. нар. слов., стр. 52 и слѣд.)*. Не трудно представить себѣ, что и сохраненiемъ подробностей русской архитектуры XVI—XVII вв. мы обязаны именно всѣмъ этимъ бахарямъ, гуслярамъ, домрачеямъ, которые были непремѣнными гостями царскаго дворца, а на половинѣ царицы и царевенъ—не переводились. Несомнѣнно, что ими затронута не одна только вышеизложенная бытовая черта. Такимъ образомъ скоморохи были окончательными редакторами былинныхъ описанiй, и если послѣднiя рисуютъ бытъ XVI—XVII вв., то эту эпоху можно считать временемъ, къ которому русскiй эпосъ вылился въ окончательную художественную форму. Если создавались новые сюжеты, то имъ уже были готовыя рамки. Съ XVIII вѣка начинается перiодъ лишь запоминанiя и преемственной передачи былинъ. Богатырскiй эпосъ уже не развивается: сказители изъ поколѣнiя въ поколѣнiе передаютъ, стараясь „слова не выкинуть“, поэтическое наслѣдiе XVII вѣка.

Итакъ—1) Былинное изображенiе жилища вѣрно исторической дѣйствительности.
2) Это жилище—богатый домъ XVI—XVII вѣка.
3) Окончательная редакцiя описанiя принадлежитъ скоморохамъ XVI—XVII в.
4) Форма и содержанiе былинъ, какъ мы имѣемъ ихъ въ настоящее время, выработались окончательно въ XVI—XVII вѣкѣ.
5) Въ настоящее время эпосъ, не имѣя, если возможно такъ выразиться, питательнаго источника, старѣетъ и замираетъ. (Современные сказители знаютъ старинъ гораздо меньше противъ того, что знали ихъ отцы и дѣды).

Въ заключенiе скажемъ, что изслѣдованiе бытовой старины помогаетъ гораздо проще объяснить нѣкоторые былинные эпизоды, не прибѣгая даже къ сравнительному методу. Мы уже видѣли, откуда идетъ классическое описанiе внутренности хоромъ. Прибавимъ еще, напр., эпизодъ о Добрынѣ и Маринкѣ: Добрыня попадаетъ стрѣлой въ возлюбленнаго Маринки, вмѣсто того, чтобы попасть, куда цѣлилъ—въ голубей на окошкѣ Марины; голуби—какъ мы видѣли—могли быть просто рѣзнымъ украшенiемъ, и изъ невинной забавы Добрыни развилось драматическое положенiе. Намъ кажется, что обстоятельное изученiе бытовой стороны русскаго эпоса можетъ объяснить многiя детали и дать выводы, имѣющiе важное значенiе для исторiи былинныхъ сюжетовъ.

С. Шамбинаго.

БѢЛОМОРСКАЯ БЫЛИНА

о походѣ новгородцевъ въ Югру въ XIV вѣкѣ.

(„КАМСКОЕ ПОБОИЩЕ“).

Изученіе русскихъ былинъ, лишь за послѣднія 20 лѣтъ вступившее на строго-научный путь, оставляетъ до сихъ поръ много вопросовъ нерѣшенными и много догадокъ—недоказанными. Таковъ, напр., одинъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ, представляющихся изучающему былевой эпосъ, — вопросъ о мѣстѣ и времени сложенія былинъ Кіевскаго цикла. Теперь, кажется, всѣ изслѣдователи согласно признаютъ, что присутствіе въ былинѣ города Кіева и князя Владимира не даетъ никакихъ топографическихъ и хронологическихъ указаній, и таковыя приходится почерпать изъ культурно-историческихъ фактовъ, содержащихся въ текстахъ былинъ. Но въ содержаніи большей части извѣстныхъ доселѣ былинъ этого рода нѣтъ признаковъ, которые ясно и точно указывали бы на мѣсто и время сложенія хотя-бы первоначальныхъ былинныхъ версій; поэтому попытки прикрѣпить дѣйствіе былины къ опредѣленнымъ историческимъ фактамъ на основаніи детальнаго разбора всѣхъ пересказовъ ея часто являлись догадками, далеко не для всѣхъ убѣдительными. Изъ этихъ попытокъ самыми оригинальными и, на мой взглядъ, самыми доказательными являются замѣтки объ отдѣльныхъ былинахъ В. Ѳ. Миллера, собранныя въ его послѣднемъ трудѣ по русскому былевому эпосу: „Очерки русской народной словесности. Былины.“ М. 1897. Мнѣніе уважаемаго профессора о новгородскомъ происхожденіи многихъ былинъ, прикрѣпленныхъ эпической традиціей къ Кіеву и Владимиру не получило пока общаго признанія, и даже было высказано сомнѣніе въ возможности позднѣйшаго прикрѣпленія сѣверной пѣсни къ южной Руси [1]). Въ виду этого особенный интересъ получаетъ записанная мною лѣтомъ 1899 года былина завѣдомо—сѣвернаго происхожденія, въ которой дѣйствуютъ и богатыри, сгруппированные вокругъ Владимира, и враги Кіева—татары.

Эту любопытную былину я записалъ въ двухъ пересказахъ въ селѣ Зимней Золотицѣ, на Зимнемъ берегу Бѣлаго Моря; я привожу сполна лучшій изъ нихъ, записанный отъ крестьянина Нижней Золотицы Гаврилы Леонтьевича Крюкова.

А къ чему жо, братцы, пріуныла луна небесная,
А помолкло-то сончё красноё?
А подымаласе туто Литва поганая,
Какъ подымалосе поганое Идóлишшо
А на тотъ жо на Кіевъ-градъ,
А на ласкова-то князя на Владимера.
Собиралъ-то онъ силы сорóкъ царей,
А да сóрокъ царей, сорокъ царевичей,
А да сорокъ-то королей со королевичей,

---

[1]) См., напр., въ книгѣ г. Владиміровa: Введеніе въ Исторію Русской Словесности. Кіевъ. 1896, стр. 212—3, 230, 231—2, особ. 243.

А какъ сорокъ-то атамановъ, сорокъ атаманьшичковъ;
Подъ каждымъ-то было царемъ силы сорокъ тысячъ,
Подъ каждымъ было царевичемъ силы по сорокý тысячъ,
Подъ каждымъ королемъ силы было по сороку тысячъ,
И подъ каждымъ королевичемъ силы было по сороку тысячъ,
И подъ каждымъ-то атаманомъ, подъ атаманьшичкомъ силы было по сороку тысячъ;
Подъ самимъ-то Идолишшемъ — числа-смѣты не было.
А какъ учулъ-то тутъ да князь Владимеръ жа,
Онъ повѣсилъ буйну голову съ могучихъ плечь,
А какъ самъ вѣдь говорилъ да таковы рѣчи:
„Ужъ ты гой еси, Добрынюшка Никитичь младъ!
Ты бери-тко скоро чернилъ, бумагъ;
Ты пиши-тко ярлыки да скорописчаты,
А да ты пиши-тко всихъ руськихъ могучихъ все богáтырей
А ко мнѣ, ко князю, все да на почéсёнъ пиръ,
Пиши-ко ко мнѣ на Камськоё побоишшо.
А садись-ко-се, Добрыня, на ременчатъ стулъ,
А пиши-то ёрлыки да скоропищяты:
У тебя рука лёккá, и перо востро.
А какъ перьву-ту голову пиши Самсона сына Колубаёва,
А другу-ту голову пиши Дуная сына Иванова,
Во третьихъ-то пиши Святогора Гурьева,
Святогора-то пиши да со племянникомъ,
А Ремянника пиши да со племянникомъ,
Пересмёту ты пиши да со племянникомъ,
Перемяку пиши да со племянникомъ,
А да Рóшшу, Рошшу-Рошшиби колпакъ да со племянникомъ,
А пиши-тко двухъ-то брателковъ Петровичёвъ,
А двухъ брателковъ пиши-тко ты Сбродóвичей,
Пиши-тко-се Иванушка сына Годенова,
Пиши-ко-се Гаврила Долгополого:
Онъ силой-то силёнъ, только полы́ долгú;
А пиши-тко-се Пóтыкá сына Иванова,
А пиши-тко-се Олёшенька Поповича:
Онъ хошь силой-то не сúлёнъ, дакъ напýскомъ смѣлъ“.
А какъ написали вси ёрлыки да скорописцяты,
Они скоро-то писали, запецятали.
А какъ гóворилъ-то тутъ самъ Владимеръ-князь:
„Ужъ ты гой еси, Михайло сынъ Игнатьевичъ!
А да какъ-то есть у тя, Михайлушко, кóничёкъ малéшенёкъ,
А малéшенёкъ твой кóничёкъ Голубанушко, удалéшенекъ;
Въ трои сутки ты объѣзьдей по святой Руси,
Облови-тко ты всихъ руськихъ могучихъ богáтырей,
А не забывай ты ихъ ни единого“.
А какъ бралъ-то Михайло ёрлыки да скорописцяты
А какъ въ сумочьку-то, въ котомочьку,
А какъ молитсе онъ Спасу-то Пречистому,
Поклоняитсе-то Матери-то Божьей Богородици,
А прошшаитьце-то съ княземъ со Владимеромъ,
А прошшаитьце-то съ княземъ да во рученьку во правую,
Со всимá-то руськима богáтыри.
А онъ скоро пошолъ да нá свой на широкой дворъ,
Какъ сѣдлалъ-то онъ, уздалъ скоро добрá коня;
А какъ падалъ родной-то матушки да во рѣзвы́ ноги,
А просилъ онъ бласловленья ѣхать на святую Русь.
А давала-то ёму все рóдна матушка да бласловленьицё,
А какъ та жа Омельфа Тимоѳеёвна,
А какъ нáвѣки давала нерушимоё
А какъ съизьдить на святую Русь.
Выходилъ онъ, молилсэ-то Спасу Пречистому,
Поклонялса-то Матери Божьей Богородици,
Што прошшалса онъ съ своей да рóдной матушкой,

Выходилъ-то онъ да на широкой дворъ,
А онъ скоро, лёкко скакалъ на добра́ коня,
А да какъ стёгалъ-то коня по крутымъ бёдра́мъ,
А добру́ коню да приговаривалъ:
„Ты бѣжи-тко, мой конь, скоро, какъ стрѣла калёная,
А бѣжи-тко скоро по чисту́ полю“.
Какъ не видѣли ёго поѣздки богатырьскія:
Онъ изъ города поѣхалъ не воротами не широкима,
А скакалъ онъ черезъ стѣну городовую,
А да черезъ ту же башню наугольнюю;
А какъ тольке видѣли: въ чисто́мъ поли́ да курева́ стоитъ,
Курева стоитъ, да тольке столбъ столбитъ.
Онъ поѣхалъ скоро къ Самсону Колубаёву подъ окошочко косисцято,
А крычалъ-то своимъ зычнымъ голосомъ:
„Ужъ ты гой еси́, Самсонъ да Колыбаевъ жа!
А какъ билъ челомъ тебѣ да низко кланялсэ
А какъ нашъ жо Владимеръ-князь да стольне-Кіевской,
А какъ звалъ-то онъ тебя да на почёсёнъ пиръ“.
А да подавалъ-то онъ изъ сумочьки ёрлыкъ да скорописцятой;
Принималъ-то изъ окошочька Самсонъ, да Колыбаёвъ сынъ,
А онъ скоро все роспечатывалъ, прочитывалъ.
А скочилъ-то онъ да на рѣзвы́ ноги;
Ретиво́ ёго да серьдчё розъерилосе,
Лѣпета́ въ лици перемѣниласе,
Горе́чя кровь въ ёмъ да роскипѣласе,
Богатырськи плечи шшевелилисе;
Самъ онъ говоритъ да таковы рѣчи,
Таковы рѣчи да таковы слова:
„Ужъ вы гой еси, мои слуги вѣрныя!
А подите ко мнѣ да на широкой дворъ,
Выводите моёго́ все добра́ коня,
Надѣвайте-ко на его сѣдёлышко черкальское,
А накладывайте мои пришпѣхи богатырськія“.
А какъ ту слуги да не ослышились.
Какъ во ту пору, во то время
А пріѣхалъ-то Михайлушко къ Дунаю къ широку́ двору,
А кричалъ онъ ёму да громкимъ голосомъ:
„Ужъ ты гой еси, Сдунай сынъ Ивановичь!
Ты живешь — да ничого не знашь, не вѣдаёшь:
А какъ тѣ бьё челомъ да все Владимеръ-князь—
А на то жо на сильнёё на Камское побоишшо,
А да тебя звалъ-то онъ на почесёнъ пиръ,
На почесёнъ пиръ все да пива пить,
А побить-то силы все невѣрныя“.
Отпиралъ-то онъ окошочка немножочко,
Увидалъ онъ тутъ Михайла сына Игнатьева.
„Ужъ ты здрастуй-ко, мой названой братъ,
А названой братъ да ты крестовыя!
Собирайсе ты да къ намъ на почесёнъ пиръ, на Камськоё побоишшо“.
Какъ поѣхалъ тутъ Михайлушко да по святой Руси,
А ка по́звалъ тутъ руськихъ всихъ могучихъ все бога́тырей.
А какъ за́чели бога́тыри съѣзжатисе,
А къ Самсону съѣзжатись на широкой дворъ;
Какъ за́чели бога́тыри съѣзжатисе,—
Какъ ясны соколы да все слетатисе;
Они скоро собрались, да не ослышились.
Какъ поѣхали бога́тыри отъ Самсона широка́ двора,
А какъ ѣдутъ бога́тыри по чисту́ полю,—
Ише мать сыра земля да потрясаитьсе,
А въ рѣкахъ, озёрахъ вода да колыбаетьсе.
А какъ со восточьню-ту стороночьку
А не темная туча ту́чилась,
А какъ тёмна туча какъ вѣдь грозная,
А какъ ту́ча тучилась, какъ бы громъ гремѣлъ,
Какъ бы громъ гремѣлъ, да частой мелкой дожжикъ шолъ:
А какъ вдругъ наѣхали тутъ все бога́тыри;
Они въ городъ Кіевъ ѣдутъ не воротами да не широкима,
А скакали черезъ стѣну городовую;
Какъ стрѣчаётъ князь Владимеръ со кнегиною,

А стрѣчаётъ иҳъ-то сударь Илья Муромецъ,
Какъ стрѣчаетъ ихъ да середи двора,
А стрѣчаетъ ихъ да низко кланитьсе.
Они скоро скакали со добрыхъ коней;
А какъ бьютъ челомъ да низко кланятсе
Князю со кнегиною, государю Ильи Муромцю.
Говоритъ-то Илья Муромецъ:
„Ужъ вы здраствуйте, руськія могучія богáтыри!
А намъ милости просимъ хлѣба-соли покушати,
А вина, пива попити жа,
А намъ на Камское побоишшо:
Съ поганыма татарами побитисе“.
А весьма богáтыри они вѣдь стали вéсёлы-радостны;
А пошли они во гридни княженецкія,
А какъ въ ти въ полаты въ бѣлокамянны,
Какъ садились за ти столы окольнія,
А какъ зáчели пить-ѣсть да веселитисе;
Они пили, веселились трои суточки.
Какъ не вёшня-та вода да розливаитьсе,
Не морська волна да колыбаитьсе,
А погана сила невѣрна ко Кіеву да подвигаитьсе.
Какъ отъ того вѣдь пару лошадиного
Какъ помолкла луна небесная.
А приходитъ тутъ Владимеръ-князь:
„Ужъ вамъ полно, братцы, пить, — пора ѣхать во чистó полё;
А да полно вамъ да поклаждатисе,
Надо ѣхать съ невѣрной силой управлятисе!“
Какъ скричалъ-то тутъ старая старинньшина Илья Муромецъ:
— Мы безъ тобя-то знаемъ, безъ тобя вѣдаёмъ!—
Тутъ Владимеру за бѣду пало, показалосе;
Онъ пошолъ-то со чеснá пира, изъ гридни вонъ
Ко своей-то молодой жены, къ Опраксеи-королевишны.
Говорилъ тутъ старая старыньшина да Илья Муромецъ:
„Ужъ ты гой еси, Пересмёта сынъ Стёпановичъ!
Ужъ ты съѣзди-ко со своимъ да со племянникомъ,
Ужъ ты съѣзди-ко въ чистó поле, на шóломя окатисто,
А возьми-тко-се трубочку подзорную,
А какъ пересчитай-пересмечи эту силу великую,
Великую силу невѣрную“.
Туто Пересмёта не ослышилсэ;
А да шолъ-то онъ да на широкой дворъ
Со своимъ-то онъ да со племянникомъ.
(Въ ти пóръ-то богáтыри да они спать легли,
Спать легли и отдóхъ имѣть.)
А садились они скоро на добрыхъ коней,
А поѣхали изъ города не воротами и не широкима,
А скакали черезъ ту стѣну́ да городовую,
Черезъ высокую башню наугольнюю;
Они скоро выѣжжали на шóломя да на окатисто,
Они брали трубочки подзóрныя,
Какъ смотрили во вси четыре стóроны;—
Не могли они узрить-усмотрить коньця, не краечку
А какъ той-то силушки великія,
Не могли они сосчитать-сосмётать силы великія:
А какъ вёшняя вода да розливаитьсе,
Какъ морська волна да колыбаитьсе,
Ише мать сыра земля да потресаитьсе.
Какъ прiѣхалъ Пересмёта ко князю на широкой дворъ;
Какъ не спитьсе старыя старыньшины да Ильи Муромцю;
А срѣчаётъ ихъ да середи двора,
Говоритъ-то онъ да таковы рѣчи:
„Ужъ ты гой еси, Пересмёта сынъ Стёпановичъ!
А перéцитáлъ ли ты силы великія?“
Говоритъ-то Пересмёта сынъ Стёпановичъ да таковы рѣчи:
— А не могъ-то я пересчитать силы великія:
Все ровно какъ вёшна вода розливаитьсе,
А морська волна да колыбаитьсе,—
Какъ невѣрная сила ко городу ко Кіеву заподвигаитьсе.—
А какъ приходилъ тутъ старая старыньшина Илья Муромецъ,
А какъ самъ онъ говорилъ да таковы рѣчи:

„А вамъ полно, братцы, спать-то, вамъ пора ставать,
А пора ставать, надоть намъ вѣдь путь смекать,
Намъ побрататьсе съ Идолишшомъ надоть, поздороватьсе“.
А какъ тутъ богатыри да не ослышились;
Они скоро вѣдь скакали на рѣзвы́ ноги,
Умывалисе они свѣжой водой ключёвою,
Утиралисе они да полотеньцеми,
Какъ молились они Спасу Пречистому,
Поклонелисе они да Матери Божьей Богородици;
Пошли-то они да на широкой дворъ,
Скоро, лёкко скакали на добры́хъ коней,
Поѣхали по городу по Кіеву,
Скакали черезъ стѣну городовую,
Черезъ башню-ту да наугольнюю;
Отъѣзжали они подалѣ во чисто́ поле,
Остановили они да добры́хъ коней,
Они соходили со добры́хъ коней,
Становили они бѣлы́ шатры поло́тьняны;
А какъ ставили они крѣпкихъ сторожовъ, да караульшиковъ,
А какъ двухъ-то руськихъ могучихъ-то бога́тырей:
А какъ перву голову — Гаврила Долгополого,
А другую голову—Олёшеньку Поповичя.
Говоритъ-то старикъ Илья Муромецъ:
„Ужъ вы гой еси, два бога́тыря!
А какъ буду я вамъ наказъ наказывать:
Не побѣжатъ ли эти поганыя татаровя,—
А какъ бейте ихъ да до единого,
Не оставлейте ихъ ни единого на сѣмяна“.
А ка тутъ скакали богатыри да на добры́хъ коней,
А поѣхали бога́тыри въ силы великія,
Доѣжжали до той силы великія,
А да какъ остановили тутъ добры́хъ коней.
Говорилъ-то Илья Муромецъ, государь да таковы рѣчи:
„А кому, братцы, изъ насъ ѣхать въ середину-матицю
Ко тому жа ко поганому Идо́лишшу
А какъ съ имъ поздороватьсе, побрататьсе,
А отсѣкци ему буйна го́лова́?“
Говоритъ Самсонъ-то, сынъ Ивановъ, Колыбаёвичъ:
— Ужъ ты гой еси, сударь Илья Муромецъ!
Не кому́ жъ-то ѣхать, какъ тебѣ, въ силу великую,
А отсѣкци Идо́лишшу буйну голову:
А тебѣ-то, Ильи Муромцю во чисто́мъ поли смерть неписана.—
Говорилъ тутъ старый казакъ да Илья Муромецъ:
„Я когда уѣду какъ въ силу великую,
Зазвенитъ-то моя сабля вострая,
Заскрипятъ-то мои плечи богатырськія,—
А тогда вы розьѣжайте по силушки великія,
А рубите вѣдь татаръ да до единого“.
Какъ поѣхалъ старо́й-то въ силушку великую,
А онъ мнетъ-то все конемъ силу поганую;
Онъ доѣхалъ до поганого Идо́лишша.
Говоритъ-то Илья Муромецъ таковы рѣчи:
„Ужъ ты здраствуй-ко, поганое Идо́лишшо!
Я не дамъ тебѣ розорить-то города Кіева,
Въ полонъ взеть князя Владимера,
А черьквей-то Божьихъ подъ конюшни взеть,
И не дамъ-то розорить манастыри спасе́ныя“.
Тутъ спроша́ётъ поганое Идолишшо:
— Ужъ ты гой еси, дородьнёй доброй молодецъ!
Ты скажи-тко, какой есть у васъ да Илья Муромецъ?—
„Я скажу про ста́ра козака по Илью Муромця:
Сколь я толстъ, великъ, — столь Илья великъ, толстъ;
Ишшо платье мы носимъ съ одного плеча,
А какъ кушаёмъ да изъ одной чаши“.
Говорилъ тутъ поганое Идолишшо:
— А кабы былъ-то вашъ сла́вёнъ Илья Муромецъ,
На доло́нъ бы посадилъ, другой—сверьху прижалъ;—
Промежду долонеми одно мокро́ осталосе.
А да я-то ѣмъ хлѣба по пети печей,
А вина-то пью да сороковками.—
„Ужъ ты гой еси, поганое Идолишшо!
У насъ-то на Руси у Ивана-свешшенника,
А была-то у ёго корова бурая;

Много пила-ѣла—у ей брюшина лопнула;
У тебя, Идолишша, скоро лопнётъ жа!“
А какъ тутъ-то закрычалъ поганое Идолишшо;
— Ужъ вы гой еси, палачи да немило́слива!
А сватите мужика да со добра коня,
Отсѣките-ка ёму да буйну голову.—
А какъ то Ильи Муромцю за бѣду да показалосе;
Ѐго серьчё розъерилосе да розсердилосе;
Лѣпета́ въ лици да въ ёмъ перемѣниласе,
А горе́чя кровь да роскипѣласе,
А какъ плечи ёго да шшевелилисе;
Онъ вѣдь скоро хваталъ саблю тяжолую,
А тяжолую, саблю вострую,
Стегалъ-то онъ добра́ коня по крутымъ бедрамъ;
Онъ поско́чилъ ёго доброй конь въ силушку великую;
А махнулъ-то онъ да саблёй вострою
А какъ са́му-то Идолишшу да въ буйну голову
А во всю-то свою силу богатырськую,
А розсѣкъ онъ буйну голову впоть до са́мого сѣдёлышка;
Розвалилсэ тутъ Идо́лишшо все на́двоё.
Началъ-то въ силы поѣжживать, помахивать;
А впередъ махнетъ—сдѣлатъ уличёй,
А назадъ махнетъ—да сдѣлатъ переулками.
А зазвенила ёго да сабля вострая,
Заскрипѣли ёго плечи богатырськія;
Услыхала тутъ дружина-то хоробрая,
А какъ начели ѣздить, рубить по силушки великія;
А впередъ махнутъ—тутъ вѣдь улицёй;
А назадъ махнутъ—тутъ да переулками.
Они ко́ё бьютъ, ко́ё коне́ми топчутъ жа;
Они били-рубили немножко-немало—шестёры суточки,
Не пиваючи добры молодцы, не ёдаючи,
Со добры́хъ коней да не сходяючись;
Што они прибили эту силушку да до единого.
Утомились ихъ все добры́ кони,
А у нихъ да пріустали все бѣлы́ руки;
Они чуть сидятъ-то на добры́хъ коняхъ съѣжжаючись;
Ихны добры кони и́дутъ ступью все бродо́вою [1]).
Какъ доѣхали они да ко бѣлы́мъ шатрамъ,
Сходили они да со добры́хъ коней,
Насыпа́ли имъ шаницы бѣлояровой,
А спускали ко́ней во чисто́ полё
А шшипать-то йисть травы мура́выя.
А да какъ во ту пору, во то время
Караульшиковъ у шатровъ не случилосе:
Угонилисе они да за татарами поганыма,
За тима́ же за ихныма бога́тыри.
Тутъ-то бога́тыри въ шатры спать легли;
Они крѣпко спали ше́стеры суточки;
А не спитъ-то 'суда́рь Илья Муромець,
Жалѣтъ-то двухъ бога́тырей.
А какъ ѣдутъ богатыри да изъ чиста́ поля,
Они ѣдутъ да сами хвастаютъ,
Какъ хвастаютъ, таковы рѣчи гово́рили:
„А кабы была на небеса да лисьниця,
А прибили бы силу небёсную“.
А не спитъ въ тѣ поръ 'суда́рь Илья Муромець,
Не спитъ онъ, такъ лежитъ, все дѣло слушаётъ,
Выходилъ-то онъ да изь бѣла́ шатра,
Говорилъ-то имъ да таковы рѣчи:
„Вы нема́лу себѣ, ребята, шуточку нашу́тили;
Ише какъ намъ эта шутка съ рукъ сойдетъ?“
А ка спятъ-то бога́тыри, ничего не вѣдаютъ.
А прошли тутъ ше́стёры суточки;
А отъ сна старой казакъ да пробужаитьсе,
А выходитъ онъ да изъ бѣла́ шатра,
А какъ смотритъ онъ пода́лече въ чисто́ поле:
А какъ воста́ла́ тутъ вся сила поганая,
Говоритъ тутъ старый таковы рѣчи:
„Вамъ, братцы, полно спать, пора ставать!
Какъ осталасе сила поганая;
А какъ надоть намъ съ има побитисе“.
Выходили богатыри да изъ бѣло́въ шатровъ,
А какъ мылисе они свѣжой водой ключе́вою,
Утирались они да бѣлы полотеньцеми,

---

[1]) По объясненію пѣвца, тихимъ шагомъ.

А молилисе они Спасу Пречистому,
А какъ Матери-то Божей, Богородици;
Они скоро, лёкко скакали на добры́хъ коней,
А поѣхали къ той силы поганыя,
А какъ начели рубить силу великую;
А кого сѣкутъ на́двое,
Изъ того рожаитьсе двое жо;
А кого сѣкутъ на́трое,
Изъ того все трое рожаитьсе.
Они перьвой день билисе съ утра до вечера,
А силы все́ не убавляитьсе.
Говоритъ-то 'сударь нашъ Илья Муромець:
„Ужъ намъ полно, братцы, битисе, живымъ съ мертвыма дратисе!
Ужъ проститъ насъ Господь а въ такой вины?“
Какъ молилисе они Спасу Пречистому;
А тутъ пала вся сила поганая.
А поѣхали въ ти по́ръ да ко бѣлы́мъ шатрамъ,
А Олёшенька съ Гавриломъ — во чисто́ полё;
На вострыхъ копьяхъ они скололисе.
А пріѣхали бога́тыри да ко бѣлы́мъ шатрамъ,
А да обирали ти шатры поло́тьняны;
Роспростилисе да вси бога́тыри,
А поѣхали бога́тыри да по своимъ мѣстамъ,
По своимъ мѣстамъ, къ отчямъ, къ матерямъ,
А да къ отчямъ, къ матерямъ да къ молодымъ жонамъ.
Какъ стары́й казакъ да Добрынюшка Микитичъ младъ,
Они осталисе въ чисто́мъ поли поляковать.
А какъ спятъ-то они, по утру ранному,
По восходу-ту соньчя красного
Какъ наѣхала баба Латынъ-горка на ту силу великую;
Она ме́чётъ на остро́мъ копьи ту́лова по-подъ не́беса,
А сама она, мечетъ, приговариватъ:
„Ише кто это прибилъ да силушку великую?
А прибила бы я всихъ бога́тырей да до единого“.
А какъ ту богатырямъ за бѣду показалосе;
Да поѣхалъ Добрынюшка къ бабы Латынъ-горки;
А ударились они да сабли вострыма,—
У ихъ сабельки да поломалисе;
Ударились они ко́пьеми борзоменьскима,—
По рукъ копья у нихъ согнулисе;
Не дали на собя раны кровавыя;
Они ско́чили со добры́хъ коней
И начели боротисе.
Не по Божьей-то было все по милости,
Не по Добрыниной-то было учести:
Порвало́сь-то у ей платье цьвѣтное,
А права́ рука у ёго да скольёну́ласе,
А лѣва́-то ножка у ёго да подвернуласе;
А какъ падалъ Добрынюшка на сыру землю,
А какъ сѣла баба Латынъ-горка на бѣлы́ груди,
А хоче́тъ спороть да Добрыни все бѣлы́ груди,
Досмотрить Добрынина да ретива́ серця.
Она ѣдетъ своей ж.... по бѣлу́ лицю,
Она ѣдетъ да приговариватъ:
„А цѣлуй-ко-се мою ж... бѣлую!“
Какъ во ту пору ѣдетъ стары́й казакъ Илья Муромець;
Понюжа́лъ скоро добра́ коня,
Доставалъ [1]) тутъ, шьтобы не спорола грудей бѣлыя,
Не досмотрила Добрынина ретива́ серьдця.
Надъѣхалъ Илья Муромець на бабу Латынъ-горку
Да спѣхнулъ ей со добра́ коня право́й ногой;
Пала баба на сыру землю,
Тутъ сѣлъ-то Добрыня на бѣлы́ груди.
„Ужъ ты гой еси, Добрынюшка Микитичъ младъ!
Не знашь ты бабьей ухватки:
Хватай бабу за пе́льки [2]), пинай по́дъ гузно;—
Тутъ будетъ бабы рана кровавая“.
Тутъ-то Добрыня сталъ со сырой земли,
А садилсэ Добрыня на добра́ коня,
Отъѣжалъ-то Добрыня во чисто́ поле;
Со того-то со стыду да со великого
А втыкалъ онъ востро́ копье да во сыру землю,
Ишшо падалъ Добрыня на копье ретивы́мъ сердьчемъ;
Тутъ-то Добрынюшки и смерть пришла.

[1]) Т.-е. старался застать, поспѣть.
[2]) Груди.

Другой пересказъ этой былины, записанный отъ крестьянина Верхней Зимней Золотицы, Өедора Тимоөеевича Пономарева, немного разнится отъ перваго, и потому я укажу только болѣе важныя его отличія [1]). Идолище посылаетъ въ Кіевъ своего зятя Ваську-Королевича съ ярлыками, которые прочитываетъ Илья Муромецъ; узнавши о величинѣ войска, подошедшаго подъ Кіевъ, Илья проситъ князя поднести послу 3 чаши съ драгоцѣнностями, чтобы Идолище отсрочилъ осаду Кіева на 3 года: Васька даетъ сроку лишь на 12 дней. По отъѣздѣ его, Илья проситъ Добрыню писать ярлыки:

„А пиши-тко-се дружинушку да хоробрую:
Перьву голову—Самсона-та Колыбанова,
Ай пиши-тко Светогора Первославьёва,
Да пиши-тко-се Потанюшку-ту Хрóмого,
Ай пиши-тко-се Гаврила-та Долгополого,
Ай пиши-тко Перемётушку да Васильева,
Ай пиши-тко-се ты Рóшшу-ту-Росшиби колпакъ,
Ише Рошшу-ту пиши да со племяньникомъ“.

Затѣмъ Илья посылаетъ Михайлушку Данилова позвать дружину къ себѣ на помощь, на грозное, сильное Камское побоище. Съѣхалось въ Кіевъ дружины ровно 30 душъ съ Ильей Муромцемъ. Князь велитъ Добрынѣ сосчитать невѣрную силу; но тотъ возвращается въ Кіевъ, не составивъ смѣты, и говоритъ, что для этого—

„Ишше надобно бумагъ, чернилъ 3 воза,
А описывать орда надо 3 года:
Да какъ этой орды-силы да невѣрьныя
Ише ясному соколу будё не óблетѣть,
Да во весь день-отъ какъ вѣдь вёшныя,
Ишше сѣрому-ту волку будё не óбрыскать
Ай во всю-ту ноченьку осённую“.

Между тѣмъ дружина три дня живетъ въ Кіевѣ. Думные бояре насказали князю на Илью, что онъ о ратномъ дѣлѣ не заботится и хочетъ сдѣлать измѣну; князь высказываетъ ему свои подозрѣнія. Тогда Илья, обозвавши князя съ княгинею и князей-бояръ нехорошими словами, беретъ по сороковкѣ вина, пива и меда и уѣзжаетъ съ дружиною въ поле пьянствовать. Опять по наговору бояръ князь посылаетъ Алешу Поповича напомнить Ильѣ объ его долгѣ. Илья повторяетъ свои крѣпкія слова, но прибавляетъ, что онъ все-таки исполнитъ свое дѣло ради Божьихъ церквей и бѣдныхъ вдовъ. Онъ расправляется съ Идолищемъ и вмѣстѣ съ дружиной бьется трое сутокъ, а затѣмъ отправляется къ шатрамъ, въ которыхъ были оставлены Алеша Поповичъ и Гаврило Долгополый; увидавши бѣгство Васьки-Королевича, они догоняютъ его и убиваютъ; на обратномъ пути къ шатрамъ они произносятъ неосторожную похвальбу. На четвертый день послѣ первой битвы, утромъ Илья выходитъ изъ шатра и видитъ, что вся сила-орда живехонька; онъ догадывается, что это—дѣло неосторожности двухъ хвастуновъ, и говоритъ:

„Ише хто-то де эту шуточку вѣрно да нашучивалъ,
Ише надо тому шуточка отшучивать“.
Да какъ вышла де дружинушка изъ бѣлыхъ шатровъ;
Увидалъ тогда Олёшенька да Поповиць сынъ,

[1]) Полный текстъ этой былины, равно какъ и другихъ, записанныхъ мною на Бѣломъ Морѣ, готовится къ печати и выйдетъ отдѣльнымъ изданіемъ.

Увидалъ тогды Гаврилушко Долгополыя:—
Ай скакали де на копья, коньци они на вострыя,
Закололись они на копьяхъ они грудью бѣлою.
Ише тутъ-то имъ, братанушкамъ, да славы поютъ.

Остальная дружина въ три дня побила орду и поѣхала по своимъ мѣстамъ.

Далѣе слѣдуетъ встрѣча Ильи со своимъ сыномъ Борисомъ-Королевичемъ, котораго онъ убиваетъ, и Добрыни— съ бабой Латынъ-горкой. Илья пригрозилъ Добрынѣ, что разскажетъ въ Кіевѣ объ его позорѣ; когда онъ, расправившись съ сыномъ, поѣхалъ къ морю искать Добрыню, того уже не было въ живыхъ:

У синя́ моря лёжитъ-то да камень сѣрыя;
На кони́-то [1]) вѣдь лёжалъ Добрынюшка,
Ай убилсэ Добрыня на добро́мъ кони
Со того жо со страму-стыду съ Латынь-горкину:
Шьто какъ ѣзьдила баба по бѣлу́ лицю,
По бѣлу́-ту лицю ѣзьдила своимъ гу́зьнишшомъ.
Ишше тогды восплакалъ Илья-та Муромець:
„Ужъ ты вой еси, брателко да крестовыя!
Не сказалъ бы про тебя я да въ городи Кіеви“.
Да какъ здялалъ де колоду бѣлоду́бову,
Ай зарылъ-то де Добрынюшку во сыру землю;
Самъ поѣхалъ де Илеюшка въ красёнъ Кіевъ-градъ.

Этимъ пересказъ оканчивается.

Кромѣ полныхъ двухъ варьянтовъ, я записалъ изъ пересказа крестьянина Верхней Золотицы Власа Ивановича Чекалёва перечисленіе богатырей, которыхъ записываетъ Добрыня:

„Перьву голову—Самсона ты Колыбанова [2]),
Втору голову—Дуная-та Переславьёва,
Третью голову—Гаврюшу-ту Долгополого;
Да пиши-тко Луку Толстоременьника,
Да обѣхъ пиши съ племе́ньникомъ;
Ужъ ты Ро́шшу пиши-тко, Рошшиби колпакъ,
Рошшиби колпакъ пиши вѣдь съ племеньникомъ,
Да двухъ братьицей пиши-тко-сь, да двухъ Збродовичей,
Да двухъ братьицей пиши-тко-се, двухъ Поповицей,
Да пиши-тко-се Потанюшку-ту Хро́мого,
Да пиши-тко-се Дюка сына Стёпанова,
Да пиши-тко-се Матьвѣюшка Петровича [3]).
Да собиралось тутъ бага́тырей тридцать безъ единого,
Да тридцятой—государь нашъ Илья Муромець.

Чтобы выдѣлить историческую основу этой сложной былины, прежде всего необходимо разобраться въ эпическихъ мотивахъ, вошедшихъ въ ея составъ. Описаніе того, какъ невѣрная сила подступаетъ къ Кіеву и какъ князь проситъ у посла отсрочить сдачу города, вполнѣ сходно съ былинами о Ка́линѣ и о Батыгѣ; отмѣтимъ только, что въ новой записи подъ Кіевъ

[1]) Конечно, вмѣсто: „на камени“; ср. приведенные ниже стихи изъ былины о Калинѣ.

[2]) Въ другой былинѣ Чекалёвъ выговаривалъ „Колывановиць“.

[3]) Его Илья посылаетъ созвать дружину. Имя это встрѣчается, кажется, только однажды въ записи XVII в. былины объ Алешѣ Поповичѣ (*Тихонравовъ и Миллеръ*, Русск. был. I, 59).

являются между прочимъ атаманы (въ пересказѣ Пономарева—ятманы), не упомянутые въ указанныхъ былинахъ; форма „ятманы" представляетъ собою спеціально - новгородскій терминъ: ватманъ—начальникъ ватаги. Расправа Ильи съ Идолищемъ составляетъ существенную часть былинъ объ этомъ насильникѣ, являющемся то въ Царьградѣ, то въ Кіевѣ, а также входитъ въ большинство варіантовъ былины о Тугаринѣ и Алешѣ. Мотивъ о битвѣ съ силою нездѣшнею или небесною входитъ какъ часть въ цѣлый рядъ русскихъ былинъ и сказаній другихъ народовъ. Встрѣча Ильи съ сыномъ разработана во множествѣ отдѣльныхъ пересказовъ, а борьба Добрыни съ бабой Латынъ-горкой входитъ въ составъ нѣкоторыхъ изъ этихъ пересказовъ (*Кирѣевскій* I, 11; *Рыбниковъ* I, 65), а также въ одинъ варіантъ былины объ Алешиномъ сватовствѣ на женѣ Добрыни (*Гильфердингъ*, 1259). Если выдѣлить изъ былины указанные эпическіе мотивы, то останется очень простой разсказъ о томъ, какъ князь собралъ дружину, предварительно составивъ списокъ ея членовъ, и отправилъ ее, во главѣ съ нѣкіимъ Самсономъ Колывановымъ, на дворъ котораго впервые съѣхались богатыри изъ разныхъ мѣстностей, противъ какой-то невѣрной силы. Побоище было жестокое, и хотя былина въ теперешнемъ своемъ видѣ разсказываетъ о побѣдѣ дружины надъ ордой, можно думать по нѣкоторымъ признакамъ, что въ первоначальной ея версіи говорилось о пораженіи: 1) Камское побоище называется сильнымъ и грознымъ; 2) былина сохраняетъ разсказъ о гибели трехъ богатырей: Добрыни Алеши и Гаврилы Долгополаго; 3) описаніе битвы далеко не жизнерадостное: богатыри бьются 6 сутокъ безъ питья и пищи; устали у нихъ руки; они чуть сидятъ на утомившихся коняхъ, которые еле передвигаютъ ноги; 4) если бы былина оканчивалась побѣдою дружины, то она не преминула бы разсказать о торжествѣ въ Кіевѣ по этому случаю, что, дѣйствительно, мы находимъ въ былинахъ о Калинѣ.

Итакъ, въ современной записи былины мы имѣемъ отголосокъ какого-то пораженія русской дружины въ битвѣ съ восточной „ордой". Обратимъ вниманіе на имена богатырей, входившихъ въ эту дружину; нѣкоторыя изъ нихъ упоминаются въ новгородскихъ былинахъ: такъ, Потанюшка Хроменькій бьется на Волховскомъ мосту вмѣстѣ съ Василіемъ Буслаевичемъ; въ той же былинѣ является Ѳома Толстой сынъ Ременниковъ, соотвѣтствующій Лукѣ Толстоременнику; имя Луки встрѣчается въ обѣихъ спеціально-новгородскихъ былинахъ (см. *Кирѣевскій*, V, Указ., 207—8, 221) [1]. Перемёту или Пермяту Васильевича мы находимъ въ былинѣ о Чурилѣ, новгородское происхожденіе которой почти доказано въ упомянутыхъ „Очеркахъ" В. Ѳ. Миллера.

Перечисляя богатырей, всѣ три пересказа былины на первомъ мѣстѣ ставятъ Самсона Колыванова. Это имя настолько интересно, что я считаю нужнымъ нѣсколько остановиться на объясненіи его. Въ литературѣ не было недостатка въ замѣчаніяхъ по поводу этой личности, но они не дали чего-нибудь положительнаго по недостатку данныхъ. Покойный Безсоновъ, основываясь на олонецкихъ былинахъ, отдѣлялъ Колывана отъ Самсона и въ первомъ, согласно со своими филологическими ухищреніями, видѣлъ „полнѣйшаго представителя кочевья", а во второмъ видѣлъ то „примѣсь ветхозавѣтныхъ сказаній" (*Рыбниковъ* I, стр. VIII), то полное отраженіе Самсона израильскаго (*ib.* II, стр. LXXXIII), то вліяніе „христіанства съ примѣсью еврейско-караимскихъ сказаній на глубокомъ югѣ" (*Кирѣевскій* IV, 266, 2 изд.). Въ своемъ второмъ большомъ трудѣ по народному эпосу (Южно-славянскія сказанія о Кралевичѣ Маркѣ I, 111—3) г. Халанскій указываетъ мнѣнія нашихъ изслѣдователей относительно интересующей насъ личности. „Акад. Шифнеръ и В. Миллеръ видятъ въ прозвищѣ Колывановичъ... отголосокъ финскихъ преданій о сынѣ Калевы... По мнѣнію г. Жданова, основа былины о Самсонѣ—библейско-апокрифная легенда". Ни одинъ изъ этихъ взглядовъ автора не удовлетворяетъ, и онъ объясняетъ типъ Самсона „вліяніемъ германскихъ сказаній Тидрекова цикла о Самсонѣ, рыцарѣ-*великанѣ*... Прозваніе нашего Самсона *Колывановичъ* указываетъ на древне-русское названіе г. Ревеля—Колывань и можетъ значить *Колыванькій*, по мѣсту, гдѣ русскіе... слышали нѣмецкія

---

[1]) Одинъ Лука, новгородецъ, былъ убитъ въ 1342 г. въ Заволочьѣ со своею дружиною изъ холоповъ; смерть его произвела смуту среди новгородскихъ „черныхъ людей".

преданія и пѣсни о рыцарѣ-великанѣ Самсонѣ". Наконецъ, г. Владиміровъ (Введеніе въ Исторію Русской Словесности, 215) приводитъ свидѣтельство лѣтописи Аврамки о пораженіи Самсона Колынова (описка въ лѣтописи) въ 1357 г., но онъ не выводитъ отсюда Самсона, а видитъ въ этомъ свидѣтельствѣ память о Колыванѣ: „Колыванъ богатырь, первоначально (?) .. Самсонъ Колывановичъ, сохранился только по имени и вошелъ въ кругъ Кіевскихъ богатырей"; но происхожденія онъ — весьма древняго: „до Владиміра и кіевскаго цикла" (*ib.*, 212). Я съ своей стороны, принимая лѣтописное указаніе за историческій фактъ, обращу вниманіе на географическое распространеніе подлиннаго историческаго имени. Самсонъ Колыванов(ич)ъ извѣстенъ въ Зимней Золотицѣ, кромѣ былинъ о Камскомъ побоищѣ, по 3 былинамъ, записаннымъ мною и свящ. Розановымъ (*Тихонравовъ* и *Миллеръ*, Русс. был. II, 172,246), затѣмъ въ Мезени (*ib.*, 25), въ Шенкурскомъ уѣздѣ Архангельской губ. (*Кирѣевскій* IV, 44) и въ Западной Сибири по записямъ Кирши Данилова (*ib.* I, 45) и кн. Кострова (*Тих. и Милл.* II, 201). Изъ массы олонецкихъ былинъ только въ одной (*Рыбниковъ* II, 14) оказалось подлинное имя Самсона Колывановича, и то записанной отъ калики Латышова, бывавшаго въ Архангельской губ. (см. у *Рыбникова* III, стр. XXXIV), гдѣ онъ могъ слышать это имя; въ другихъ былинахъ (Олонецкой, Петербургской, Вятской, Томской губерній, въ моихъ записяхъ съ Терскаго берега) имя это то раздвояется на Самсона (Васильевича) и Колывана (Ивановича), Ивана Колывановича или Святогора Колывановича, то соединяется въ одну личность со Святогоромъ, то принимаетъ отчество Самойловичъ или Манойловичъ, то, наконецъ, является совсѣмъ безъ отчества. Отсюда можно вывести, что историческій Самсонъ оставилъ по себѣ память только въ восточной части Архангельской губерніи и въ Западной Сибири и что дѣятельность его, по всему вѣроятію, происходила въ томъ же районѣ. Здѣсь приходитъ къ намъ на помощь лѣтописное свидѣтельство о пораженіи Самсона Колыванова въ Югрѣ, т.-е. на нижнемъ теченіи рѣки Оби. Въ IV Новгородской лѣтописи подъ 1357 г., вслѣдъ за извѣстіемъ о построеніи церквей въ Новгородѣ, кратко сообщается: „Тогда Самсона Колыванова съ дружиною на Югрѣ побиша" (Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей IV, 63); въ лѣтописи Аврамки (*ib.*, XVI, 87) встрѣчаемъ это извѣстіе въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ, но съ опискою: „Колынова"; въ другихъ спискахъ IV Новгородской лѣтописи читаемъ: „А Самсона Колыванова (или съ опискою другого рода: „Кованова") убиша на Югрѣ съ други" (*ib.*, IV, 63). Если въ названіи „Камское побоище" можно видѣть указаніе на рѣчку Каму, лѣвый притокъ рѣки Конды, впадающей слѣва въ Иртышъ недалеко отъ его устья,—то наша былина точнѣе лѣтописи опредѣляетъ мѣсто битвы, а также указываетъ на время года, когда она происходила,—лѣто: лѣтомъ можно было плыть по Камѣ, спать въ полотняныхъ шатрахъ и отпускать коней въ поле щипать траву (впрочемъ, послѣдніе два факта представляютъ собою общія эпическія мѣста). Въ лѣтопись извѣстіе, повидимому, было занесено также лѣтомъ: какъ извѣстно, тогда годъ начинался съ марта; подъ 1357 г. по счету это извѣстіе—третье; слѣд., оно было внесено не раннею весною, но и не позднею осенью и не зимою, потому что слѣдующее извѣстіе начинается словами: „Той же осени", а послѣднее— „А на ту зиму". Да и вообще новгородцы совершали походы на сѣверо-востокъ всегда по рѣкамъ въ лодьяхъ и ушкуяхъ.

Такимъ образомъ, въ нашей былинѣ сохранилась память объ одномъ изъ неудачныхъ походовъ въ Югру, которая вслѣдствіе своей удаленности отъ Новгорода долго не давалась въ руки промышленному городу. Въ 1191 г. тамъ избиваютъ сборщиковъ дани, въ 1329 — какихъ-то новгородцевъ, въ 1445 — едва не уничтожаютъ цѣлую рать, отправившуюся изъ Шенкурска и его окрестностей. До самаго своего паденія Новгородъ не могъ заставить населеніе Югры платить правильную дань, не зналъ его племенныхъ названій, его количества и размѣра его промысловъ. Поэтому удачный походъ, предпринятый въ 1364 г., можетъ-быть, въ отместку за пораженіе Самсона Колыванова, когда было завоевано все нижнее теченіе р. Оби до моря, такъ обрадовалъ участниковъ похода, что они на слѣдующій годъ заложили въ Новгородѣ каменную церковь [1]).

[1]) См. П. С. Р. Л. XVI, 47, 66, 90, 187.

Указывая на историческаго Самсона Колыванова, я вовсе не думаю возводить къ нему всѣ черты, которыми характеризуется Самсонъ въ былинахъ, напр. эпитеты: богатырь, Сильный, и которыя объясняются гораздо легче вліяніемъ библейскихъ и апокрифическихъ сказаній. Нѣкоторые варіанты его имени, можетъ быть, найдутъ себѣ объясненіе въ другихъ историческихъ именахъ, такъ какъ это имя было довольно распространено въ Новгородской землѣ: подъ 1417 г. лѣтопись упоминаетъ Самсона Ивановича, новгородскаго боярина, жившаго въ Заволочьѣ, подъ 1415 — чернца Самсона, поставленнаго въ новгородскіе архіепископы. Что же касается былиннаго Колывана, то это имя нужно считать производнымъ отъ отчества Колывановичъ, отдѣляемаго въ другихъ былинахъ отъ имени Самсонъ; въ лѣтописи, кромѣ извѣстнаго намъ мѣста, оно встрѣчается лишь однажды: подъ 1371 г. упомянутъ новгородецъ Олександръ Колывановъ (П. С. Р. Л. XVI, 94).

Былина о Камскомъ побоищѣ, составленная изъ различныхъ эпическихъ сюжетовъ, должна была въ свою очередь влiять на былины, обрабатывавшія эти отдѣльные сюжеты. Дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ пересказахъ былины о Ка́линѣ (также о Батыѣ: ***Кирѣевскій*** IV, 44) мы находимъ Самсона, который вмѣстѣ съ другими 11 богатырями, обыкновенно не называемыми по именамъ, уѣзжаетъ изъ Кіева послѣ того, какъ князь засаживаетъ Илью въ темницу. Одинъ записанный мною пересказъ, съ Терскаго берега, прибавляетъ при этомъ описаніе Добрынина самоубійства, но мотивируя его иначе, чѣмъ былина о Камскомъ побоищѣ:

А ишше́-то съ того горюшка великого
Да убилсэ тутъ Добрынюшка Никитиць младъ
Онъ о тотъ-ли о горюцёй о сѣръ ка́мешокъ:
„Олишили токо [1]) Илью-то все бѣла̀ свѣту,
А не буду безъ ёго да я на свѣти жить!“

Но вліяніе „Камскаго побоища“ не ограничилось слѣдами, оставленными имъ на былинѣ о Калинѣ: въ своемъ первоначальномъ видѣ оно, вѣроятно, послужило образцомъ для былины о Куликовской битвѣ, которая происходила всего черезъ 23 года послѣ пораженія Самсона Колыванова. Эта былина извѣстна въ двухъ пересказахъ. Одинъ изъ нихъ, записанный въ Мезени (***Тихонр.*** и ***Милл.*** II, 22), представляетъ ближайшее сходство съ „Камскимъ побоищемъ“: зять Мамая Василій Прекрасный соотвѣтствуетъ Васькѣ-Королевичу; вмѣсто грознаго, сильнаго Камскаго побоища является — Мамаево, при чемъ эпитеты побоища переносятся на самого Мамая; но среди перечисляемыхъ богатырей, кромѣ Самсона Колувана, поставленнаго и здѣсь на первомъ мѣстѣ, мы не находимъ спеціальныхъ участниковъ Камскаго побоища: Святогора Гурьева, Переславьева, Луки Толстоременника, Перемёты Васильева, Перемяки, Рощи [2]) Расшиби колпакъ и Матвѣя Петровича; вмѣсто Збродовичей являются два брата Суздальца, вполнѣ умѣстные на Куликовомъ полѣ. Замѣчательно, что и эта былина неясно говоритъ о результатѣ побоища: послѣ кровопролитной битвы съ воскресшей Мамаевой силой, удальцы („удалы“) поѣхали въ Кіевскія пещеры и тамъ всѣ преставились. Этимъ былина оканчивается. Другой пересказъ записанъ въ Лужскомъ у. Петербургской губ. (***Кирѣевскій*** I, 58) и потому значительно разнится отъ архангельскихъ былинъ. Князь Владимиръ посылаетъ къ Мамаю гонца и испрашиваетъ отсрочки осады Кіева на 3 мѣсяца; между тѣмъ Илья отправляется на Куликово поле къ тридевяти богатырямъ, между которыми изъ указанныхъ героевъ Камскаго побоища оказываются Самсонъ+Иванъ Колывановичъ и Святогоръ, съ просьбой выручить изъ бѣды князя. Богатыри поятъ Илью виномъ, и тотъ засыпаетъ на 13 дней. По приказанію князя, племянникъ Ильи Ермакъ Тимоѳеевичъ [1]) зоветъ его и богатырей сразиться съ Мамаемъ, но безуспѣшно. На обратномъ пути къ Кіеву Ермакъ бьется 14 дней съ невѣрной силой, а затѣмъ являются бога

[1]) если, такъ какъ.
[2]) Вѣроятно, Ростиславъ.

тыри и съ разныхъ сторонъ подъѣзжаютъ къ ней, между прочимъ, отъ (Почапъ) рѣки, — подробность, быть можетъ, вспоминающая дѣйствительный фактъ Куликовской битвы. Въ 12 дней богатыри побили всю силу. Отпраздновавши въ Кіевѣ побѣду, они снова ѣдутъ на Куликово поле и тамъ встрѣчаютъ бабищу Мамаишну. Ермакъ вызывается съ ней побиться, но она начинаетъ его одолѣвать; тогда на выручку къ нему является Илья и помогаетъ ему убить бабищу. Этотъ пересказъ оканчивается битвой съ бабой, такъ же какъ и Камское побоище; но въ послѣднее входитъ еще расправа Ильи съ сыномъ, слѣдующая сейчасъ же за битвой съ небесною силой. Сочетаніе этихъ двухъ эпизодовъ мы находимъ въ одной былинѣ изъ Вытегорскаго у. Олонецкой губ. (*Тихонр. и Милл.* II, 265+56; былина почему-то раздѣлена на 2 части). Начинается она прямо извѣстной похвальбой 300 богатырей, собравшихся на Бойкановомъ полѣ; за ихъ похвальбу Христосъ спустилъ съ небесъ поляницу, которая прибила всѣхъ богатырей, кромѣ Добрыни, Алеши и Ильи. Они спятъ въ шатрахъ трое сутокъ. Затѣмъ разсказывается встрѣча Добрыни съ племянникомъ Ильи, соотвѣтствующимъ въ другихъ варіантахъ его сыну и расправа Ильи съ племянникомъ. Вопросъ о томъ, составляетъ ли эта былина одно изъ посредствующихъ звеньевъ, соединяющихъ первоначальный бой Ильи и его сына со сложнымъ „Камскимъ побоищемъ", или это—только часть одной изъ подобныхъ сложныхъ былинъ, можетъ быть, будетъ рѣшенъ, когда выяснится значеніе Бойканова поля и соотвѣтственнаго названія Баканова шелома [2]).

А. Марковъ.

---

[1]) Можетъ быть, отсюда этотъ сибирскій герой попалъ въ нѣкоторые олонецкіе пересказы былины о Калинѣ, въ другихъ варіантахъ которой является Самсонъ.

[2]) *Тихонр.* и *Милл.* Русс. был., I,61—2, 66.

ОДИНЪ РУССКІЙ АНЕКДОТЪ

и

его западный источникъ.

Въ сборникѣ „Народныхъ русскихъ сказокъ“ А. Н. Аѳанасьева [1]) читаемъ слѣдующій разсказъ:

Солдатъ, возвращающійся домой, забрелъ на пути къ одному мужику ночевать. Мужикъ принялъ его гостепріимно; но одновременно сталъ предлагать ему отгадывать загадки, угрожая ему пощечиною, если не отгадаетъ. Вотъ загадки, которыя солдатъ не сумѣлъ отгадать: 1) что значитъ *чистота*? 2) что значитъ *благодать*? 3) что такое *красота*? Отвѣты: 1) чистота—*кошка*, — всегда умывается, 2) благодать - *вода*, 3) красота—*огонь*. Солдатъ мститъ хозяину, ибо сроду такихъ оплеухъ не видывалъ, и на службѣ царской того не было. Онъ выждалъ немного времени послѣ ужина и, увидѣвъ, что хозяинъ заснулъ, слѣзъ съ полатей, поймалъ кошку, навязалъ ей на хвостъ пакли, паклю зажегъ, а кошку на чердакъ погналъ. Кошка заронила огонь въ солому, и вмигъ загорѣлась изба. Солдатъ наскоро одѣлся, подошелъ къ хозяину прощаться съ нимъ и предлагаетъ ему на прощанье свою загадку: „взяла чистота красоту, понесла на высоту; коли не ухватишь благодати, не будешь жить въ хати!“

Этотъ анекдотъ очень распространенъ въ Россіи, особенно на западныхъ ея окраинахъ.

Въ похожемъ пересказѣ изъ Бѣльск. у. Смол. губ. [2]) предлагаются тѣ же загадки, но наоборотъ, какъ это и болѣе правильно въ этомъ анекдотѣ. Приходитъ вечеръ, подали *огонь*. Хозяинъ спрашиваетъ гостя: „это что такое“? Когда гость, боявшійся оплеухи, не могъ отгадать, хозяинъ сказалъ: „по нашему, это—*красота*“. Послѣ того перебѣжала по полу *кошка*. Хозяинъ спрашиваетъ: „что это такое?“ Гость отвѣтилъ, какъ умѣлъ, что это кошка: но хозяинъ ударилъ его опять: „это—*чистота* въ домѣ!“ Садясь къ ужину, стали оба, хозяинъ и гость, руки мыть, и хозяинъ, указывая на *воду*, спросилъ гостя, что это такое. Недовольный его отвѣтомъ, онъ наказалъ гостя опять пощечиною и сказалъ, что это *благодать* Божія. Гость мститъ хозяину, но уже утромъ, когда хозяинъ со всей семьей до свѣту пошелъ на гумно молотить; месть та же, что въ сказкѣ Аѳанасьева, но здѣсь расширенъ еще этотъ мотивъ другимъ: вечеромъ спрашивала хозяйка, не слѣдуетъ ли подать еще къ ужину *курлынскаго*. Прохожій искалъ въ печкѣ

---

1) Изданіе третье. М. 1897. Т. II, стр. 436, № 149 www.

2) Смоленскій Этнографическій Сборникъ. Составилъ *В. Н. Добровольскій*. Ч. I, Спб. 1891, стр. 331 сл.

этого „курлынскаго“ и нашелъ въ горшкѣ, покрытомъ сковородой, *журавля*, вытащилъ его вонъ, положилъ въ свою суму, а въ горшокъ на его мѣсто—лапоть. Согласно съ этимъ гость, прощаясь съ хозяиномъ, кромѣ словъ, почти тѣхъ же, что и въ сказкѣ Аѳанасьева, говоритъ еще слѣдующее: „твой курлынскій лежитъ въ сумынскомъ за плечинскимъ, а въ горшинской лежитъ лапотинскій подъ сковородинской и стоитъ у печинской“.

Въ другихъ пересказахъ этотъ анекдотъ полнѣе, лучше обдуманъ, прохожій изображенъ осмысленнѣе; онъ уже не какой-то безцвѣтный анонимъ, но извѣстный типъ въ соціальной жизни народа въ западорусскомъ краѣ. Солдатъ въ сказкѣ Аѳанасьева позже принялъ эту роль отъ другого. Видно, что анекдотъ имѣлъ живучесть въ соціальныхъ отношеніяхъ между ученымъ бродячимъ сословіемъ бурсаковъ и народомъ, и оттуда перенесенъ далѣе на востокъ. Отношеніе между мужикомъ, хозяиномъ и прохожимъ гостемъ гораздо яснѣе, лучше объясняется въ западорусскихъ пересказахъ.

Въ бѣлорусской сказкѣ изъ Борис. у. Минск. губ. [3]) встрѣтилъ мужикъ панича-студента и подвезъ его по его просьбѣ. На возу сталъ студентъ хвалиться своею ученостью, что громъ и молонія—это „лякричаство такое“. Когда пріѣхали къ рѣкѣ, спихнулъ мужикъ студента съ воза, пусть молъ перейдетъ черезъ воду, не замочившись въ грязи, если онъ такой мудрецъ. Студентъ просилъ только, чтобы ему подлѣзть по коню къ дугѣ, а тамъ онъ перейдетъ сухо. Студентъ сыгралъ съ мужикомъ худую штуку: перерѣзалъ ножикомъ гужи и верхомъ на конѣ проѣхалъ на сушу, оставивъ мужика съ колымажкою и оглоблями въ водѣ. Пошелъ дальше и дошелъ на ночлегъ до хаты этого именно мужика. Когда тотъ, наконецъ, добрался домой и засталъ судента, то позвалъ его, какъ добрый человѣкъ, повечерять съ нимъ вмѣстѣ, но послѣ ужина хотѣлъ его еще проучить: взялъ въ руки кнутъ и, угрожая имъ, потребовалъ отвѣчать точно на его вопросы. Кромѣ трехъ извѣстныхъ вопросовъ, онъ предлагаетъ еще четвертый, именно, показывая на *полати*, спрашиваетъ, что это такое, и, ударивъ его бичемъ, объясняетъ: „это—*высота*, помни!“ Этотъ вопросъ, принадлежавшій, несомнѣнно, подлиннику анекдота, забытъ въ варіантахъ Аѳан. и Смол., забытъ также въ другомъ бѣлорусскомъ варіантѣ, который сообщаетъ П. В. Шейнъ въ примѣчаніи на стр. 310. Студентъ отомстилъ тѣмъ же жестокимъ образомъ и извѣстилъ хозяина тѣми же словами, въ варіантѣ нѣсколько другими.

Болѣе-менѣе такъ же разсказывается этотъ анекдотъ у малороссовъ, только встрѣча мужика съ прохожимъ и переходъ черезъ рѣку въ бродъ описывается различнымъ образомъ, и злоба обоихъ лицъ мотивируется различно.

Въ пересказѣ изъ Славяносерб. у. Екатериносл. губ. [4]) взялъ мужикъ на возъ школяра, думая, что онъ шкляръ (стекольщикъ), который ему былъ нуженъ; но когда еще разъ спросилъ, доѣхавъ до половины рѣчки, кто онъ такой, и узналъ, что онъ школяръ, сталъ его выгонять изъ воза. Школяръ перелѣзъ по дышлу и выѣхалъ на волахъ на сушу. Въ другомъ пересказѣ изъ Новомоск. у. той же губерніи [5]) волы загрузли, „та такъ, що тилько одно ярмо на сухому. Полизь,—винъ каже школяреви,—по війямъ, та скочышъ на сухе и волы выведешъ“ Школяръ сыгралъ съ мужикомъ скверную штуку по злобѣ своей: укралъ сокиру, „та якъ злизъ на сухе, каблучку перерубавъ, волы жъ зъ ярмомъ выйшлы, а той чоловикъ такъ у калюжи й зоставсь“.

Въ варіантѣ Манжуры спрашиваетъ еще хозяинъ, указывая на *кендюхъ* и на *колбасы*, что это такое, и говоритъ, что *1. богъ, 2. святые*, но забылъ про воду—благодать божію. Школяръ уходя, взялъ себѣ еще кендюхъ, но колбасы оставилъ хозяину и простился съ нимъ: „оставайся ты съ святыми, а я пиду съ Богомъ, та гляды, узяла чистота красоту та понесла на высоту“.

---

[3]) Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія сѣверо-западнаго края. Собранные и приведенные въ порядокъ *П. В. Шейномъ*. II. Спб. 1893. № 143, стр. 308 сл.

[4]) Этнографическіе матеріалы, собранные въ Черниговской и сосѣднихъ съ ней губерніяхъ *Б. Д. Гринченко*, II. Черниговъ 1897, № 191.

[5]) Сказки, пословицы и т. п., записанныя *И. И. Манжурою*. Харьковъ, 1890, стр. 121 сл.

Въ малорусскомъ пересказѣ изъ Чигиринскаго у. [6]) мѣсто студента, школяра занимаетъ какой-то неудавшійся пастухъ, убѣжавшій отъ своего барина. Хлопецъ сидитъ такъ же, какъ у Манжуры, „на війи коло ярма“ и тѣмъ же образомъ мститъ мужику, что не бралъ его на возъ. Остальное—какъ обыкновенно, только вмѣсто огня—каганецъ, и вода—благодать забыта. Хлопецъ прощается, наконецъ, съ хозяиномъ тѣми же самыми риѳмованными словами, какъ и у Аѳанасьева, Добровольскаго, Шейна.—Разсказъ этотъ расширенъ другимъ мотивомъ: хлопецъ, преслѣдуемый хозяиномъ, попадаетъ, наконецъ, въ вертепъ разбойническій. Разбойники посадили его въ бочку и покинули въ лѣсу. Пришелъ волкъ, чуя нѣчто въ бочкѣ, засунулъ хвостъ въ воронку, хлопецъ поймалъ хвостъ, волкъ удралъ съ бочкою, разбилъ ее въ лѣсу, и такимъ образомъ спасся. Этотъ мотивъ очень часто встрѣчается въ разнообразныхъ сказкахъ.

Въ другомъ украинскомъ варіантѣ [7]) роль студента принялъ другой любимый типъ сказочной литературы малорусской, москаль, солдатъ, извѣстный своими шутками и продѣлками. Разсказъ Аѳанасьва, кажется, въ близкихъ отношеніяхъ съ Украиною; если онъ не прямо украинскаго происхожденія, то по крайней мѣрѣ устнымъ путемъ перешелъ отъ малорусскаго разсказчика къ великорусскому. Въ началѣ украинскаго пересказа читаемъ, что мужикъ, услышавъ отъ встрѣчнаго, что онъ „унтерофицеръ“, понялъ, что онъ „мундрий“—мудрый, что̀ можетъ быть, точнѣе указываетъ на мѣстность и среду, гдѣ сложенъ былъ этотъ разсказъ. Каламбуръ „унтер(-офицеръ)—мундрий“, вѣроятно, польскаго происхожденія ибо носовой гласный въ „мундрий“ (поль. mądry). Чуждъ и неизвѣстенъ чистому малороссу. Украинскій разсказчикъ забылъ также про воду — благодать, какъ у Манж. и Гринч. *б.*, но добавилъ лишнее упоминаніе про лѣстницу—„*драбына—походы́*“. Поэтому солдатъ, прощаясь, также говоритъ: „понесла твоя чистота красоту та на походы, та на высоту“. Хозяинъ не предлагаетъ болѣе загадокъ, или разсказчикъ забылъ: гость взялъ такъ же, какъ у Манж., „бога“, т.-е. „кендюхъ“, который хозяйка спекла, и еще сто рублей, которые мужикъ положилъ за образа. Прощаясь, онъ сказалъ хозаевамъ: „зоставайтесь з сьвятими а я піду з Богом“. У Манж. эти слова понятны, здѣсь нѣтъ. Варіантъ этотъ, кажется, испорченъ изъ болѣе полнаго, какой записанъ Манжурою.

Украинскій варіантъ расширенъ противъ другихъ еще мотивомъ, взятымъ изъ сказки о глупой женѣ, которая дала человѣку, будто бы пришедшему изъ рая, разные подарки для своего перваго мужа, и о хозяинѣ, который, преслѣдуя этого проходимца, отдалъ ему еще своего собственнаго коня.

Отъ этихъ русскихъ пересказовъ совсѣмъ отличается слѣдующая польская сказка [8]).

Вся обстановка уже другая: героемъ этой сказки является молодой человѣкъ, желающій быть попомъ, такъ какъ, вѣроятно, имѣлъ нѣкоторое школьное образованіе, на основаніи котораго онъ могъ желать этого званія. Сказка ничего не знаетъ объ этомъ, только критикуетъ его внѣшній видъ, но въ подлинникѣ ея былъ, несомнѣнно, семинаристъ. Мать привела его къ попу, желая, чтобы тотъ его проэкзаменовалъ и сказалъ ей, годится ли онъ, или нѣтъ. Парень сразу не понравился попу, и потому тотъ сталъ его такимъ образомъ испытывать, чтобъ онъ потерялъ всякую охоту къ духовному званію. Предлагалъ ему „загадки“ обратно тому, какъ въ варіантѣ Аѳанасьева, именно: что такое 1) bystrość, 2) radość, 3) obfitość, 4) bystrowidz и отвѣчалъ самъ: 1) огонь, 2) богатая жатва, полныя житницы, 3) вода, 4) котъ; наконецъ, онъ выбранилъ парня и выгналъ вонъ, послѣ чего мать выдрала сына. Парень обдумалъ планъ, какъ отомстить попу за этотъ позорный экзаменъ. Онъ сдѣлалъ это тѣмъ же образомъ, какъ и его русскіе друзья, и извѣстилъ попа подобными же словами: „Poleciał bystworidz z bystrością do radości, a jak nie będzie obfitości, to będzie po radości, proszę księdza jegomości.“

Польскій пересказъ совсѣмъ другого происхожденія, чѣмъ русскіе. Русскіе пересказы—варіанты, можетъ быть, одного общаго оригинала, въ довольно самостотельной передѣлкѣ изъ юго-

[6]) *Гринченко*, II. № 192.

[7]) *Опанас Шимченко*: Украінські людські вигадки, стр. 22 (Етнографічний Збірник. Видає наукове товариство імени Шевченка. Т. I. У Львові, 1895. Статья 3):

[8]) „Lud“, Towarzystwa ludoznawczego we Lwowie, T. II. We Lwowie 1896. стр. 43 сл.

западнаго анекдота, знакомаго по крайней мѣрѣ отъ половины XVI вѣка въ западной Европѣ и до сихъ поръ любимаго въ южныхъ краяхъ Европы, и именно въ Италіи, гдѣ, можетъ быть, была его родина. На востокъ, въ Польшу и Россію, онъ проникнулъ, несомнѣнно, книжнымъ путемъ, благодаря посредничеству помѣщичьихъ дворовъ и западнорусскихъ бурсъ. Польскій пересказъ гораздо ближе къ подлинному разсказу, который записали два иностранные разсказчика XVI вѣка.

Самую старую запись этого анекдота находимъ въ сборникѣ французскаго писателя Bonaventura Des Périers († 1544): „Nouvelles récréations et joyeux devis". Вотъ содержаніе № 22-го его сборника: Сынъ богатаго поселянина возвратился домой послѣ многолѣтняго пребыванія въ Парижѣ. Отецъ устроилъ въ его честь обѣдъ и пригласилъ священника присутствовать при этомъ чествованіи. Отецъ хотѣлъ узнать, насколько сынъ успѣлъ въ наукахъ, потому что онъ намѣренъ былъ сдѣлать его священникомъ, и проситъ попа проэкзаменовать сына. Тотъ спрашиваетъ: 1) какъ по латыни священникъ; услышавъ отвѣтъ парня „sacerdos", онъ недоволенъ, ибо написано: „ecce sacerdos magnus", но лучше prestolus,—есть доводы изъ народной этимологіи: „un prestre porte l'estolle". 2) Скажите мнѣ по-латыни: котъ! Парень отвѣтилъ: „catus, felis, murilegus"; но экзаминаторъ думаетъ, что лучше mitis; 3) огонь—ignis; нѣтъ, gaudium, потому что радуетъ насъ; 4) вода—aqua; гораздо лучше abundantia, „qu'il n'y ha chose plus abondante que l'eau"; 5) постель—lectus. „Lectus?—спрашиваетъ священникъ съ негодованіемъ:—вы употребляете латынь совсѣмъ низкую (vulgaire), не знаете ли другое слово?"—Thorus, cubile, отвѣчаетъ парень.—„Нѣтъ,—говоритъ священникъ,—requies, мой другъ: на ней спятъ и отдыхаютъ (y prend son repos). Отецъ возмущенъ неудовлетворительными отвѣтами сына и хочетъ его бить, но священникъ успокаиваетъ его: не онъ де учился плохо, но учителя его были плохи, латынь и латынь—большая разница; пусть онъ пришлетъ сына къ нему, у него онъ выучится многому, чего еще не знаетъ. Спустя нѣсколько дней, священникъ приглашаетъ отца съ мальчикомъ къ себѣ. Парень хорошо удержалъ въ памяти латынь священника и былъ намѣренъ примѣнить ее къ дѣлу. Онъ поймалъ кота, привязалъ ему къ хвосту пукъ соломы, зажегъ ее и пустилъ кота. Котъ убѣжалъ подъ постель священника. Тогда парень обращается къ хозяину: „Prestole, mitis habet gaudium in suavi, quod si abundantia non est, tu amittis tuum requies" (sic).

Весьма похожъ разсказъ, который читаемъ въ извѣстной книгѣ итальянскаго разсказчика Страпаролы „Piacevoli notti", подъ № 4 ночи IX-ой, но только въ изданіи 1557 года. Въ изданіяхъ болѣе старыхъ помѣщенъ вмѣсто этого разсказа другой, очень вольный разсказъ о священникѣ—любодѣѣ, находящійся также и въ старомъ французскомъ переводѣ [9]). Содержаніе итальянскаго расказа почти тождественно съ французскимъ. Главная разница въ томъ, что характеръ священника описывается нѣсколько иначе. Это не тотъ мягкій, благодушный священникъ, какъ у Des Périers, но человѣкъ очень глупый и тупой, и Страпарола въ началѣ своего разсказа припоминаетъ нѣкоторыя приключенія изъ его жизни, чтобъ доказать его ограниченность. Вопросы, предлагаемые имъ студенту, навѣстившему изъ Падовы родныхъ, почти тѣ же, именно: какъ по-латыни 1) священникъ?—не praesbyter, но prestule; 2) постель? не lectus, ни thorus, но reposorium; 3) столъ, на которомъ кушаемъ? - не mensa, но gaudium, „perchè di quanto l'huomo sta à tavola, sta in gaudio et allegrezza"; 4) котъ?—не felis, но salta-graffo, „percioccbè, quando se le parge il pane, ella subito salta, et con la zatta s'attacca, graffa, et poi se ne fugge"; 5) огонь?—не ignis, но carniscoculum; 6) вода?—не limpha, но abundantia; 7) богатство?—не divitiae, но substantia. Итакъ число вопросовъ размножено съ 5 на 7, и отвѣты тоже нѣсколько другіе.

Студентъ имѣетъ здѣсь гораздо болѣе поводовъ мстить священнику, чувствуя всю обиду своего униженія этимъ полуграмотнымъ человѣкомъ передъ необразованнымъ своимъ отцомъ и всѣми родными; онъ ожесточается еще болѣе, когда священникъ посовѣтовалъ его отцу не посылать его болѣе въ школу: „ты напрасно потеряешь деньги, а сынъ—время", послѣ чего отецъ

---

[9]) Les facétieuses nuits de Straparole. Traduites par Iean Louveau et Pierre de Larivey. Paris. 1857. I, стр. XXXVII сл.

сдѣлалъ его свинопасомъ. Школьникъ устроилъ въ отместку ту же самую штуку съ котомъ, какъ во французскомъ разсказѣ, когда разъ пасъ свиней не далеко отъ дома священника. Когда домъ весь загорѣлся, онъ сталъ кричать: „Prestule, prestule, surge de reposorio, et vide, ne cadas in gaudium, quia venit salta graffa et portavit carniscoculum, et nisi succurres domum cum abundantia, non restabit tibi substantia“.

Эти два разсказа настолько сходны между собою, что нужно предполагать тѣсную родственную связь между ними; оба они произошли отъ подлинника, вѣкъ и родину котораго, конечно, угадать мы не можемъ. Пересказъ Страпаролы, кажется, болѣе выдержалъ характеръ подлинника.

Есть еще передѣлка отъ начала XVII в. во французской книгѣ „Discours facétieux et très récréatifs“, Rouen, 1610; но ея мы, къ сожалѣнію, не знаемъ.

Интересующій насъ анекдотъ весьма популяренъ, какъ мы замѣтили, именно въ югозападной Европѣ. Извѣстный знатокъ традиціонной литературы S. Prato сообщилъ большое число варіантовъ итальянскихъ, испанскихъ и португальскихъ, сличилъ одинъ нѣмецкій и два датскіе варіанта [10]). Кромѣ того, есть еще фламандскіе [11]) и англійскіе [12]) варіанты.

Не будемъ сличать всѣ эти заподноевропейскіе пересказы. Для выясненія вопроса о пути, которымъ проникъ этотъ анекдотъ въ Польшу и въ Россію, это сличеніе не имѣло бы большой цѣны. Разница между русскими пересказами и западноевропейскими большая, какъ въ развитіи и во всемъ ходѣ разсказа, такъ и въ „загадкахъ“, въ вопросахъ и отвѣтахъ. Кажется, можно съ большой увѣренностью предполагать, что между ними не было никакого отношенія. Анекдотъ не могъ проникнуть въ Россію устною передачею отъ одного народа къ другому, но только на основаніи книжнаго разсказа могла гдѣ-нибудь въ западной Россіи возникнуть передѣлка его, изъ которой произошли разсказы до сего дня распространенные въ средѣ простого народа.

Польскій разсказъ гораздо ближе къ западнымъ. Основной мотивъ: экзаменъ студента, сельскаго сынка, производимый священникомъ, и отомщеніе обиженнаго—находимъ только еще у Des Periers, у Страпаролы, и въ двухъ новѣйшихъ итальянскихъ пересказахъ. Эти два послѣдніе варіанта въ статьѣ С. Прато № 5 и 6 (стр. 48 сл.) почти совсѣмъ сходны съ разсказомъ Страпаролы. Чаще въ новѣйшихъ разсказахъ героемъ является слуга, нанятый священникомъ или же другимъ свѣтскимъ человѣкомъ. Во французскомъ пересказѣ слуга-дуракъ исполняющій приказанія барина навыворотъ, долженъ учиться названіямъ разныхъ вещей въ домашнемъ хозяйствѣ, и если не запомнитъ ихъ, то его прогонятъ. Въ англійскомъ вмѣсто слуги—служанка, которая должна впередъ учиться названіямъ разныхъ домашнихъ вещей.

Анекдотъ нашъ измѣняется подъ вліяніемъ другихъ сказочныхъ мотивовъ. Отмѣтимъ одинъ, именно итальянскій, у С. Прато № 2, составленный подъ вліяніемъ другого любимаго и очень распространеннаго разсказа о слугѣ, нанимаемомъ къ священнику подъ уговоромъ: кто первый разсердится, тотъ заплатитъ извѣстную сумму денегъ [13]).

Вопросы, предлагаемые въ польскомъ и въ русскихъ пересказахъ, почти тѣ же, какъ въ обоихъ разсказахъ XVI-го вѣка и въ новѣйшихъ варіантахъ: кошка, огонь, вода; вмѣсто богатства—substantia у Страпаролы (у Des Periers этого нѣтъ, въ польскомъ варіантѣ—полная житница (радость), ръ русскихъ варіантахъ—полати (высота). Отвѣты въ польскомъ варіантѣ другіе, такъ же какъ и въ русскихъ, только вода—obfitość, благодать, сходно съ вода—abundantia во всѣхъ почти западноевропейскихъ варіантахъ. Эти вопросы и отвѣты были на западѣ расширены; въ обоихъ пересказахъ XVI вѣка есть еще постель — requies, reposorium, что находимъ

[10]) Una novellina popolare italiana nello Straparola e nel Des Periers: „Archivio per lo studio delle tradizioni popolari“. VI, 1888, стр. 43—68.

[11]) Contes flamnads par *Is. Teirlinck*. Bruxelles (Bibliotèque Belge des connaisances modernes № 46), стр. 112 сл.

[12]) English Fairy Tales collected by *Joseph Jacobs*. Third edition revised. London. 1898. № 42, стр. 220 сл, 260.

[13]) Этотъ разсказъ разобранъ въ свое время Рейнгольдомъ Кёлеромъ. „См. Kleinere Schirften“ von *Reinhold Köhler*. I (Weimar 1898), стр. 149 сл.

также въ большинствѣ новѣйшихъ варіантовъ западныхъ. Умножены они были тоже въ одномъ малорусскомъ пересказѣ (Манжуры): кéндюхъ—богъ, колбасы—святые; также еще въ пересказѣ въ сборникахъ Шимченко и Добровольскаго, по крайней мѣрѣ въ ихъ оригиналѣ. Тѣ же или сходные вопросы и отвѣты встрѣчаемъ еще въ нѣкоторыхъ югозападныхъ варіантахъ, именно въ тосканскомъ [14]) читаемъ „il prosciutto è *San Demenico*, ii salame è *la sua compagnia*". Еще въ обоихъ андалузскихъ варіантахъ учатъ, какъ слѣдуетъ называть копченую колбасу (la cervellata), и въ другомъ еще испанскомъ варіантѣ, кромѣ того какъ слѣдуетъ называть копченый окорокъ (i prosciutti). Сходство это между малорусскимъ пересказомъ и югозападными несомнѣнно только случайное, самостоятельное развитіе основного мотива въ западной Россіи и въ Италіи и Испаніи.

Прага Чешская. 10 апр. 1899.

Ю. Поливка.

---

[14]) Nevelle popolari toscane illustrate da *Giuseppe Pitrè* (Firenze 1885), № 61.

ПОВѢСТЬ О ТОМЪ,

КАКЪ ЧОРТЪ РАЗСОРИЛЪ СУПРУГОВЪ.

(Литературная родня разсказа А. П. Стороженка: „Се та баба, що чорть їй на маховыхъ вилахъ чоботы оддававъ").

Въ разсказѣ А. П. Стороженка: „Се та баба" и пр., чортъ, не будучи самъ въ состоянiи поссорить счастливыхъ супруговъ Якова и Катерину, обратился за помощью къ лукавой бабѣ и обѣщалъ ей за услугу красные чоботы съ серебряными подковками. Баба нашептала Якову, что его Катерина влюбилась въ Семена Брудкого и намѣрена зарѣзать мужа, когда будетъ искать у него въ головѣ, а Катеринѣ сказала, что вдова Быстриха приворожила къ себѣ ея Якова, и посовѣтовала для устраненiя чаръ отрѣзать у соннаго мужа клокъ волосъ. Супруги послушались злой бабы. Однажды Яковъ притворился спящимъ, подстерегъ Катерину, когда она держала острый ножъ надъ его головой, и этимъ же самымъ ножомъ убилъ ее за ея мнимое покушенiе на его жизнь. Чортъ былъ такъ пораженъ успѣхомъ злой бабы, что боялся близко подойти къ ней и передалъ ей обѣщанные чоботы на маховыхъ вилахъ.

Проф. Н. И. Петровъ въ „Очерк. ист. укр. литер. XIX в.", стр. 216, говоритъ: „Въ цѣльномъ видѣ такого разсказа мы не встрѣчали ни въ одномъ чисто народномъ произведенiи, но знаемъ нѣсколько пословицъ о злобѣ женской, которыя, по всей вѣроятности, и послужили темою для разсказа Стороженко". Съ этимъ мнѣнiемъ почтеннаго изслѣдователя малорусской старины нельзя согласиться, потому что пословичное заглавiе разсказа Стороженка представляется личнымъ вымысломъ автора, и если даже оно заимствовано въ данной формѣ у народа, то происхожденiе его въ самомъ народѣ обусловливается соотвѣтствующими по содержанiю демонологическими сказками. Весь разсказъ—сказочный или, точнѣе, повѣствовательный. Трудно сказать, гдѣ слышалъ его и откуда позаимствовалъ Стороженко, изъ Малороссiи или изъ Западнаго края, гдѣ разсказъ о злой бабѣ и чортѣ пользуется извѣстностью и гдѣ, какъ извѣстно, Стороженко прожилъ долгое время.

Въ Смоленской губ. записана такая сказка: Въ одномъ мѣстѣ жили благочестивые мужъ и жена, какъ братъ съ сестрою. Въ это время въ аду одинъ чортъ не имѣлъ ни должности ни пищи. Дьяволъ обѣщалъ ему 3 бочки дегтю, если онъ поссоритъ супруговъ. Чортъ пришелъ къ женѣ въ отсутствiе мужа и сказалъ, что мужъ вскорѣ умретъ, что у него на шеѣ

выросло три бѣлыхъ волоска, и, чтобы спасти его жизнь, нужно ихъ срѣзать. Мужу чортъ сказалъ, что жена хочетъ его зарѣзать и придетъ съ ножомъ. Мужъ обыскалъ жену, нашелъ ножъ и сталъ бить жену. Въ это время дьяволъ громко засмѣялся отъ удовольствія. Мужъ догадался, что это дьявольская продѣлка, вылѣчилъ жену и сталъ жить съ ней еще лучше прежняго, а чортъ получилъ обѣщанныя ему 3 бочки дегтю [1]).

Въ этомъ разсказѣ крупный недочетъ: недостаетъ злой бабы. Къ разсказу Стороженка ближе слѣдующая великорусская сказка.

Мужъ и жена жили хорошо. Ходилъ мужичокъ смущать ихъ три года, не могъ смутить. Жиденокъ пришелъ, въ одинъ часъ смутилъ. Онъ сказалъ мужу, что жена хочетъ его зарѣзать, а къ женѣ обратился съ совѣтомъ вырѣзать ножомъ волосокъ изъ бороды мужа, чтобы онъ еще болѣе полюбилъ ее. Мужъ пріѣзжаетъ домой, обѣдаетъ и проситъ жену поискать въ головѣ. Легъ онъ, одинъ глазъ прикрылъ, а другимъ сторожитъ. Жена подумала, что онъ заснулъ, и хотѣла отрѣзать волосъ. Мужъ вскочилъ и сталъ бить жену. Мужичокъ пошелъ и сказалъ: три года смущалъ и не могъ смутить, а жиденокъ въ одинъ часъ смутилъ [2]).

И въ настоящемъ разсказѣ недостаетъ злой бабы; нѣсколько странной ея замѣной оказывается жиденокъ—прямое указаніе на порчу и потерю.

Гораздо ближе къ повѣсти Стороженка стоитъ слѣдующая литовская сказка о женщинѣ, хитрой какъ чортъ. Жила-была очень любящая другъ друга молодая супружеская пара, которую и чортъ никакъ не могъ поссорить. Тогда ему на помощь явилась старая баба, нищенка. За свою услугу она выговорила пару башмаковъ. Старуха пришла къ молодой женщинѣ, когда мужъ ея былъ въ полѣ, вкралась въ довѣріе ласковымъ тономъ и посовѣтовала для сохраненія навсегда любви мужа вырѣзать у него на головѣ сѣдой волосъ, когда мужъ склонится на ея колѣни и заснетъ. Мужа въ полѣ старуха предупредила, что жена хочетъ зарѣзать его. Мужъ въ полѣ нарочно кладетъ голову на колѣни жены и притворно засыпаетъ. Жена хочетъ вырѣзать волосъ. Мужъ вскакиваетъ, бранитъ и жестоко избиваетъ жену. Чортъ сидѣлъ вблизи на камнѣ и хохоталъ отъ удовольствія. Онъ отдалъ по договору старухѣ башмаки, но, боясь ея хитрости, поспѣшилъ отъ нея уйти подалѣе [3]).

Литовская сказка почти тожественна съ разсказомъ Стороженка по содержанію; разработана она подробнѣе; вмѣсто жиденка дѣйствуетъ старуха-нищенка; въ концѣ добавленъ мотивъ бѣгства чорта отъ злой бабы.

Тѣснѣйшимъ образомъ примыкаетъ сюда и польскій варіантъ, пересказанный въ нѣмецкомъ изложеніи К. Вурцбахомъ по поводу польской пословицы: „Gdzie djabeł nie może, tam babę pośle“. (Ср. малор. „де чортъ не може, тамъ бабу посылае“) [4]). Въ польскомъ пересказѣ, какъ и у Стороженка, прибавленъ мотивъ любовный: старая вѣдьма, согласившись за пару новыхъ башмаковъ помочь чорту, семь лѣтъ старавшемуся разсорить молодыхъ супруговъ, является прежде всего къ мужу, работавшему на пашнѣ, и разсказываетъ ему, будто его жена завела любовную интригу съ его работникомъ, а его хочетъ зарѣзать бритвой, когда будетъ искать у него въ головѣ; жену же увѣрила, что мужъ ея скоро умретъ, если она тайкомъ не отрѣжетъ у него на головѣ одинъ волосъ, который окажется длиннѣе остальныхъ. Какъ только мужъ вернулся съ поля, жена предложила ему поискать въ головѣ, и когда она вынула потихоньку бритву, чтобы срѣзать злополучный волосъ, мужъ схватилъ ее за руки, избилъ ее до полусмерти и вышвырнулъ за порогъ, упрекая въ измѣнѣ. Чортъ не присутствуетъ при этой расправѣ, и хитрость, къ которой прибѣгла злая баба, остается для него тайной; съ тѣмъ бóльшимъ страхомъ онъ не подпускаетъ къ себѣ вѣдьму, передавая ей обѣщанные башмаки посредствомъ длинной палки.

---

1) *Добровольскій*, Смоленск. Этногр. Сб. I, 346.

2) *Худяковъ*, Великор. сказки II, 131.

3) *Schleicher*, Litauische Märchen, 50.

4) Die Sprichwörter der Polen historisch erläutert... von d-r *Constant Wurzbach*. Wien, 2 Ausg. 1852, pp. 178—182. Польскіе источники указаны *Sam. Adalberg*'омъ въ его капитальномъ трудѣ: „Księga przysłów“, s. v. Baba, № 48, p. 7; за неимѣніемъ ихъ подъ руками, мы пользуемся нѣмецкимъ пересказомъ, передавая его въ сокращеніи.

Вурцбахъ замѣчаетъ, что этотъ разсказъ встрѣчается въ очень старыхъ нѣмецкихъ народныхъ книжкахъ, а мы съ своей стороны можемъ прибавить, что этотъ сюжетъ попадается и у насъ въ старыхъ рукописяхъ среди переводныхъ разсказовъ; изъ новѣйшихъ же изданій онъ указываетъ на австрійскій народный календарь I. N. Vogel'а на 1847 г., гдѣ, на стр. 184, приведенъ чешскій народный разсказъ подобнаго содержанія, впрочемъ, съ значительною разницею: не указано, для какой цѣли чортъ хотѣлъ воспользоваться услугами злой бабы, и весь эпизодъ о ссорѣ супруговъ пропущенъ, а главное вниманіе обращено на отношеніе бабы и чорта: онъ проситъ у нея помощи въ какомъ-то дѣлѣ, стоя на другомъ берегу ручья; она соглашается помочь, если онъ перейдетъ къ ней и принесетъ ей пару башмаковъ; башмаки онъ пообѣщалъ, но перейти на ея сторону не рѣшился, боясь приблизиться къ ней, откуда и произошла нѣмецкая пословица: „Mit einem bösen Weibe finge man den Teufel im freien Felde".

Очевидно, что повѣсть о злой бабѣ и чортѣ—захожая. Проникла она къ русскимъ изъ западной Европы; но какъ, какими путями, когда?—трудно отвѣтить опредѣленно. Въ сборникѣ разсказовъ. испанскаго писателя и государственнаго дѣятеля донъ Жуана Мануэля Conde Lucanor, первой половины XIV в., находится любопытный разсказъ (подъ № 42) о томъ, какъ одна честная женщина пострадала онъ демона и колдуньи. Графъ Луканоръ спрашиваетъ у своего приближеннаго Патроніо: какой способъ вредить людямъ считается наиболѣе дѣйствительнымъ — война, клевета или отравленіе? Въ отвѣтъ Патроніо сообщаетъ повѣсть о счастливыхъ супругахъ. Чортъ не могъ ихъ поссорить и съ огорченіемъ возвращался въ адъ, когда ему встрѣтилась колдунья и взялась помочь. Она поступаетъ къ молодой женщинѣ въ услуженіе, вкрадывается въ довѣріе и сначала говоритъ молодой женщинѣ, что ея мужъ полюбилъ другую, а мужу сказала, наоборотъ, что жена влюблена въ другого мужчину. Между супругами возникаетъ недовѣріе и холодность. Колдунья передаетъ будто бы совѣтъ знахаря, что для возвращенія любви мужа она должна собственноручно отрѣзать у него на затылкѣ нѣсколько волосковъ, а мужу она говоритъ, что жена приготовила бритву, чтобы его зарѣзать. Мужъ притворился спящимъ и прилегъ на грудь жены и т. д. Въ испанской версіи мужъ убиваетъ жену прибѣгаютъ ея отецъ и братья и убиваютъ мужа. Родственники послѣдняго вооружаются и перебиваютъ убійцъ мужа. Во всемъ городѣ поднимается смута, и начинаются убійства. Но Богъ открываетъ истину, и колдунью казнятъ. Заключеніе изъ разсказа неожиданное: Патроніо говоритъ, что самое вредное — это ересь; но только мысли еретиковъ рано или поздно обнаруживаются [1]).

Любопытно, что древній испанскій варіантъ въ основной своей части почти совпадаетъ съ литовской сказкой и съ повѣстью Стороженка. На длинномъ многовѣковомъ историческомъ пути сказка о злой бабѣ и чортѣ прошла безъ существенныхъ измѣненій и проявилась у разныхъ народовъ въ весьма сходномъ содержаніи, какъ любопытный образчикъ интернаціональности литературнаго содержанія и существенной важности національной особляющей литературной формы

Н. Ф. Сумцовъ.

1) *Puibusque,* Le comte Lucanor, 402—409

ОЧЕРКЪ СКАЗОКЪ,

обращающихся среди одесскаго простонародія.

Живя въ Одессѣ около 30 лѣтъ, я имѣлъ возможность близко познакомиться съ бытомъ одесскаго простонародія и, въ частности, съ его умственнымъ развитіемъ, насколько оно выражается въ обращающихся среди этого простонародія литературныхъ произведеніяхъ. Къ сожалѣнію, иныя занятія отвлекали, да и продолжаютъ отвлекать меня отъ этого интереснаго вопроса, которымъ я и занимался лишь урывками. Нѣкогда я имѣлъ уже случай обратить вниманіе нашихъ этнографовъ на тѣ пѣсни, которыя поются одесскимъ простонародіемъ, а также и на обращающіяся въ немъ преданія, напр., связанныя съ какою-либо одесскою мѣстностью; въ настоящемъ же очеркѣ мнѣ хочется сообщить о циркулирующихъ среди одесскаго простонародія сказкахъ.

Въ моемъ распоряженіи въ настоящее время находится до 50 сказокъ, записанныхъ со словъ дѣтей, обучавшихся года три назадъ въ двухъ одесскихъ народныхъ училищахъ, гдѣ я состою почетнымъ попечителемъ; огромное большинство этихъ дѣтей принадлежитъ къ одесскому простонародію, и сказки, сообщенныя ими, стали извѣстны имъ путемъ устной передачи отъ родителей или родственниковъ, хотя, какъ усматривается изъ самаго сюжета сказокъ, нѣкоторыя уже имѣютъ книжный источникъ.

Сообщившія сказки дѣти въ значительномъ большинствѣ одесскіе же и уроженцы; но родители ихъ чаще всего не очень давно переселились въ Одессу изъ другихъ, преимущественно южно-русскихъ мѣстностей; впрочемъ, встрѣчаются и болѣе отдаленные переселенцы; иностранцевъ же или иновѣрцевъ почти нѣтъ въ числѣ разсказчиковъ.

Какъ видно будетъ дальше, имѣющіяся въ моемъ распоряженіи и нарочно записанныя безъ всякой системы сказки почти всѣ сходны съ тѣми, которыя обращаются вообще въ Малороссіи, или даже по всей Россіи, такъ какъ различіе въ этомъ отношеніи, повидимому, малозначительно; я готовъ сказать даже, что сюжеты моихъ сказокъ въ большинствѣ случаевъ распространены и далеко за предѣлами Россіи; по крайней мѣрѣ они мнѣ неоднократно попадались въ различныхъ иноземныхъ редакціяхъ.

Записаны всѣ сказки на общерусскомъ языкѣ, ибо ихъ сообщили мальчики и дѣвочки, уже обучавшіеся въ одесскихъ народныхъ училищахъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, и потому недурно владѣвшіе этимъ языкомъ; но нерѣдко при передачѣ проскальзывали и малорусскія слова и выраженія, обнаруживающія, на какомъ языкѣ сказка стала извѣстна одесскому ребенку, ее сообщившему.

Излагать сюжеты сказокъ, приводя соотвѣтствующія параллели, представляется мнѣ въ одно и то же время и слишкомъ легкой, и слишкомъ трудной задачей. Легкой—въ виду общеизвѣстности, значительной популярности большинства ихъ сюжетовъ; но именно эта распространенность и дѣлаетъ чрезвычайно затруднительнымъ научный ихъ анализъ; пришлось бы приводить къ каждой сказкѣ массу варіантовъ и тысячи параллелей и такимъ образомъ разрабатывать цѣлыя диссертаціи. Поэтому я ограничусь лишь указаніемъ, какія *лица* дѣйствуютъ въ моихъ сказкахъ, группируя ихъ приблизительно по системѣ, указанной О. Контомъ; при этомъ для знающаго этнографа сюжетъ сказки почти всегда обнаружится; нѣсколько наиболѣе оригинальныхъ сюжетовъ я передамъ и затѣмъ укажу и нѣкоторыя частности, заслуживающія, по моему мнѣнію, быть отмѣченными; такая работа представляется мнѣ не безполезною для пользованія ею со стороны нашихъ этнографовъ и фольклористовъ.

Сказокъ, въ которыхъ главными дѣйствующими лицами были бы неодушевленные предметы, у меня очень мало, да и тѣ, видимо, книжнаго происхожденія, напр. сказка о томъ, что кухарка поставила у рѣки вымытые *котелъ* и *горшокъ*, которые согласились плыть вмѣстѣ; но вскорѣ горшокъ стукнулся о котелъ и разбился; заимствованіе изъ басни Крылова очевидно. Книжнаго же происхожденія и разсказъ о *пузырѣ, соломинкѣ и лаптѣ*; онъ печатается въ различныхъ дѣтскихъ книжкахъ.

Интересны случаи, гдѣ неодушевленные предметы, одушевляемые однако народною фантазіей, имѣютъ лишь второстепенное значеніе; такъ въ сказкѣ, гдѣ герой попадаетъ къ колдуну и убѣгаетъ съ его дочерью, находятся *камень* и *слюни*. До смерти голодный юноша въ степи гдѣ не видно слѣда человѣческаго, подходитъ къ камню, переворачиваетъ его и говоритъ: „Камень, камень! Я тебя спасъ отъ смерти, спаси и ты меня". Камень посылаетъ его къ старшему брату, лежащему невдалекѣ. Юноша продѣлываетъ то же со вторымъ камнемъ, который отправляетъ его къ еще болѣе старшему камню, а тотъ уже научаетъ его, какъ поступить. Затѣмъ, когда юноша улетаетъ съ дочерью колдуна, они оставляютъ въ стаканѣ слюни. Колдунъ посылаетъ звать дочь и зятя пить чай; слюни за нихъ отвѣчаютъ: „мы Богу молимся"; то же и во второй разъ; но къ третьему разу слюни растаяли и не отвѣтили. Обыкновенно въ этой сказкѣ являются, какъ лица, еще и неодушевленные предметы: ворота, довольныя тѣмъ, что имъ подъ пяту налили маслица, и березка, довольная, что ее перевязали ленточкой; но въ моей сказкѣ разсказчикъ о нихъ забылъ.

Далѣе, въ одной изъ моихъ сказокъ встрѣчается волшебный *горшокъ*, параллелей которому можно найти сколько угодно; если ему сказать: „Горшочекъ, вари!"—онъ варитъ. „Спасибо!" — перестаетъ; при незнаніи, какъ остановить его дѣятельность, онъ заваливаетъ кашей всю улицу до того мѣста, гдѣ находится лицо, знающее, какъ поступить. Наконецъ, попадается волшебное *кольцо*, съ помощью котораго можно дѣлать разныя чудеса, но оно не представляетъ предмета одушевленнаго.

Сказокъ, въ которыхъ дѣйствующими лицами явились бы какіе-либо неодушевленные предметы исключительнаго значенія, напримѣръ, съ точною географической номенклатурой, въ родѣ извѣстныхъ рѣкъ (Волга и Вазуза, Донъ и Шатъ), или горъ (Гудъ), у меня нѣтъ ни одной. И вообще надобно сказать, что дѣйствіе всѣхъ сказокъ происходитъ въ неопредѣленномъ мѣстѣ, напримѣръ, въ нѣкоторомъ царствѣ, или за тридевять земель, гдѣ-то въ лѣсу, у рѣки и т. п.; лишь въ одной сказкѣ мать съ сыномъ попадаютъ къ людоѣду, идя на богомолье въ Кіевъ; а въ другой дѣло происходитъ въ приморскомъ городѣ, откуда корабли плаваютъ во Францію, а затѣмъ и во Франціи; но эта сказка исключительная.

Сказокъ, гдѣ дѣйствуютъ животныя, и съ обычнымъ въ народныхъ сказкахъ характеромъ, у меня много. Изъ звѣрей чаще всего, конечно, встрѣчается лукавая *лиса*; она является плачемъ и умѣетъ угодить старику, голося надъ трупомъ его старухи, что она „поутру рано вставала, куделицу пряла, борщъ, кашу варила, старика кормила", а затѣмъ, оставшись одна у

трупа, съѣдаетъ его; она загрузаетъ головой въ кувшинъ съ молокомъ, напрасно мотаетъ головой, наконецъ, желаетъ утопить кувшинъ и сама тонетъ съ нимъ; она хочетъ выманить изъ дупла пѣтуха, расхваливаетъ его и приглашаетъ въ гости на горохъ; но пѣтухъ говоритъ, что въ дуплѣ у него товарищъ; лиса къ дуплу, и товарищъ, оказавшійся собакою, разрываетъ ее. Но чаще всего лиса крадетъ извѣстнымъ способомъ у мужика рыбу и затѣмъ подводитъ волка; разсказы же о томъ, какъ лиса, гонявшаяся за воронами и попавшая въ колодецъ, сманиваетъ туда козла, увѣряя, что она отъ жары купается, и тѣмъ спасаетъ себя, а также, какъ она и журавль взаимно, но очень негостепріимно потчуютъ другъ друга кашей,—вѣроятно, проникли уже изъ книжнаго источника.

Волкъ встрѣчается всего 4 раза; онъ хочетъ наняться плачемъ по старухѣ, воетъ, но это старику не нравится; мальчикъ, посаженный въ бочку, спасается, схвативъ волка за хвостъ, который онъ всунулъ въ дыру бочки; обманутый лисой волкъ теряетъ примерзшій хвостъ; волки съѣдаютъ злую дѣвочку.

Не чаще встрѣтился *медвѣдь*; онъ также предлагаетъ быть плачемъ надъ старухою и реветъ, но не удовлетворяетъ старика; его надуваетъ мужикъ на рѣпѣ и на пшеницѣ; онъ теряетъ лапу, за которою ночью приходитъ къ мужику и въ темнотѣ все у него въ хатѣ ломаетъ. Въ одной сказкѣ упоминается цѣлая семья медвѣжья: г. Топтыгинъ, г-жа Меланья и сынъ ихъ Мишукъ; у нихъ есть домъ изъ нѣсколькихъ комнатъ, въ томъ числѣ столовая и спальня; въ первой накрытый столъ, кругомъ него стулья, на столѣ обѣдъ; въ спальнѣ кровати съ одѣялами и проч.

Козелъ попался 2 раза: обманувъ его, спасается изъ колодца лиса; затѣмъ онъ стукаетъ лбомъ мальчика, который заснулъ на улицѣ и во снѣ махалъ головой: козелъ счелъ это за вызовъ.

Песъ „губастый", вѣрный, но простоватый, играетъ доволно важную, хотя и вторую роль, добывая вмѣстѣ съ котомъ пропавшее у героя сказки кольцо. Песъ даже снова теряетъ это кольцо (онъ плылъ черезъ рѣку, неся кольцо во рту, да и зѣвнулъ) и за это плотится спиною. Раньше этого песъ лаемъ защищаетъ дворъ отъ воровъ; затѣмъ песъ вмѣстѣ съ пѣтухомъ убѣгаютъ отъ хозяина и, защищая пѣтуха, разрываетъ лису; наконецъ, въ одной, видимо, книжной сказкѣ онъ споритъ съ коровой и лошадью, кто изъ нихъ полезнѣе хозяину.

Корова и *лошадь*, какъ лица, встрѣтились въ одной лишь, только что упомянутой сказкѣ: онѣ и собака спорятъ, кто изъ нихъ приноситъ болѣе пользы хозяину; тотъ разрѣшаетъ споръ признаньемъ, что всѣ онѣ одинаково полезны.

Котъ (хитрый Котофей Ивановичъ), какъ тоже было сказано, главнымъ образомъ добываетъ похищенное кольцо, — въ первый разъ у жены героя сказки, во второй у рыбаковъ, вынувшихъ его изъ проглотившей его щуки; раньше котъ, какъ и подобаетъ, ловитъ въ амбарѣ мышей и крысъ. Въ этой же сказкѣ онъ ловитъ *мышь* и освобождаетъ ее съ условіемъ, чтобы она помогла ему добыть кольцо: перегрызла шнурокъ на шеѣ жены героя сказки и пощекотала ей въ носу хвостикомъ.

Наконецъ, въ одной изъ сказокъ являются *слоны*, которые въ одну ночь выпиваютъ воду изъ рѣки, что задано сдѣлать Ивану Царевичу, раньше ихъ напоившему.

Изъ птицъ попадаются: *пѣтухъ*, который закукурикалъ утромъ, подвелъ лису подъ собачьи зубы; въ другой сказкѣ пѣтухъ и *курочка*—братъ и сестра (она зоветъ его Петей); сестра нѣсколько разъ оберегаетъ брата отъ опасности, но онъ все же не слушаетъ ея и погибаетъ.

Затѣмъ встрѣчаются *гуси* въ неоднократно повторенной сказкѣ, какъ они доставили мальчика отъ вѣдьмы домой; обыкновенно его не берутъ на крылья ни передніе гуси, ни средніе, а только задніе; родители мальчика награждаютъ ихъ. Изъ гусей же превращаются дочери колдуна; но объ оборотняхъ я буду говорить особо.

Далѣе, есть *голуби*, собирающіе въ одинъ день полную комнату зерна (вѣрнѣе бы—разбирающіе его по сортамъ), что задано Ивану Царевичу, раньше ихъ накормившему; *журавль*, о взаимномъ угощеніи котораго и лисы было сказано, и, наконецъ, *чайка*, хватающая непослушную рыбку; но въ этой чайкѣ не видно человѣческой природы.

Пресмыкающихся совсѣмъ нѣтъ, если не считать сказочнаго *змѣя*, что было бы слишкомъ большой натяжкою, и фразы, что у злой дѣвочки изо рта падали *гадюки*.

Изъ рыбъ встрѣтились лишь въ нравоучительномъ разсказѣ *три золотыя рыбки*, которымъ хозяинъ, пустивъ ихъ въ чистый прудъ, запрещаетъ подыматься на поверхность его, или выплывать за рѣшотку въ большой прудъ. Двѣ рыбки, считая хозяина злымъ, ибо онъ пугаетъ ихъ, когда онѣ пробуютъ нарушать его приказаніе, не слушаются: одна подымается вверхъ, и ее хватаетъ чайка; другая выплываетъ въ большой прудъ и становится добычею щуки; но въ этой *щукѣ* нѣтъ человѣческой природы. Третья рыбка, усмотрѣвшая въ заботахъ хозяина любовь къ нимъ, слушается и остается живою.

Если упомянуть, что въ нравоучительной же сказкѣ дѣвочку хватаетъ за руку *ракъ*, а въ одномъ нелѣпомъ разсказѣ *пчелы* наносятъ медъ на мужика, при чемъ ни ракъ, ни пчелы тоже неочеловѣчены, то этимъ циклъ животныхъ въ моихъ сказкахъ и исчерпывается.

Люди находятся почти во всѣхъ моихъ сказкахъ, и столь разнообразные, что сдѣлать имъ правильную группировку не очень легко.

Разъ въ сказкѣ встрѣчается *царь*, безъ опредѣленія, какой именно; о немъ разсказывается лишь, какъ онъ выбиралъ себѣ жену, и роль его мало интересна. Мѣсто царя въ двухъ сказкахъ занялъ *король*, характеризуемый не столько геройскими подвигами, сколько отрицательными качествами: онъ жаденъ, несправедливъ, жестокъ, постоянно нуждается въ чужой помощи и пр. Одна изъ сказокъ не обозначаетъ, гдѣ царствуетъ король; въ другой онъ названъ французскимъ и оказывается язычникомъ, даже гонителемъ христіанства; впрочемъ, послѣдняя сказка настолько любопытна, что далѣе я изложу ее обстоятельнѣе.

Въ двухъ сказкахъ есть *колдунъ*, обстановка котораго, да и характеръ показываютъ, что это въ сущности тоже царь, только живетъ онъ гдѣ-то за тридевять земель; но, какъ колдунъ, онъ имѣетъ и сверхъестественныя свойства: онъ можетъ летать, выпить цѣлую рѣку, у него волшебное кольцо (на лѣвомъ мизинцѣ), дочери его—оборотни и т. п.

Царевичъ (конечно, Иванъ Царевичъ) находится въ нѣсколькихъ сказкахъ, въ обычной сказочной обстановкѣ, и тоже не отличается геройскими качествами. Онъ женится на той изъ трехъ дѣвушекъ, которая обѣщаетъ, ставъ его женою, родить ему чудесныхъ сыновей, и потомъ, обманутый сестрами жены, поступаетъ съ нею жестоко; онъ хочетъ жениться на хорошей дѣвушкѣ, но его обманываетъ другая, злая; наконецъ, онъ кормитъ голубей, поитъ слоновъ и вылѣчиваетъ великана, а тѣ въ свою очередь дѣлаютъ за него заданныя ему трудныя работы.

Въ одной изъ сказокъ добрая дѣвушка выходитъ замужъ за *принца*, но это и конецъ сказки.

У колдуна тоже есть сынъ—*змѣй*, и хотя герой сказки, спасшій его отъ крестьянъ, желавшихъ его убить (онъ портилъ ихъ хлѣбъ, а герой сказки заплатилъ убытки), и обращается къ нему со словами: „Здравствуй, змѣй! нечистый твой двухъ!"—тѣмъ не менѣе змѣй этотъ, обращающійся въ молодца, не оказывается неблагодарнымъ и учитъ героя, какъ выпросить у колдуна-отца волшебное кольцо.

Герой этой сказки Иванъ, но не царевичъ, а сынъ *знатнаго придворнаго*, обѣднѣвшій послѣ его смерти; кольцо доставляетъ ему богатство, дочь короля, возможность дѣлать сверхъестественныя вещи, но онъ чуть не гибнетъ изъ-за коварства жены.

Не менѣе удивительные подвиги совершаетъ *богатырь*-подкидышъ къ женѣ Царевича; онъ замѣняетъ ей сына, спасаетъ ее, возвращаетъ ей зрѣніе и пр.; при чемъ у него такое свойство: когда онъ произноситъ: если бъ совершилось что-либо, то и совершается. Онъ говоритъ: если бы наша бочка приплыла къ берегу—она приплываетъ; если бы она лопнула—лопается; сказавши матери: если бы ты видѣла, онъ этимъ самымъ дѣлаетъ ее зрячею.

Затѣмъ нерѣдко упоминаются *вообще знатные, придворные, генералы*, даже *знатные генералы, гости* и т. п., но безъ какихъ-либо интересныхъ частностей.

Панъ или *баринъ* попался всего разъ; при чемъ у него постоянно крадетъ разныя вещи плутъ, несмотря на то, что панъ вполнѣ предупрежденъ насчетъ возможности этихъ кражъ.

Упоминаются также *богатые помѣщики*, которыхъ хотятъ ограбить разбойники, или вылѣчиваетъ мужикъ; разъ помѣщикъ заказываетъ себѣ платье у портного, у котораго подмастерьемъ сынъ богатыхъ родителей. Затѣмъ встрѣчаются *хозяева*; отъ хозяевъ, плохо ихъ кормившихъ, убѣгаютъ пѣтухъ и собака; хозяинъ заботится о золотыхъ рыбкахъ, рѣшаетъ споръ между животными, кто изъ нихъ ему полезнѣе, и мн. др.

Попался также въ одной сказкѣ и *попъ*, которому мужикъ разсказываетъ, что онъ видѣлъ на томъ свѣтѣ его отца и своего отца, и отецъ мужика на отцѣ попа въ пеклѣ возилъ дрова.

Купцы есть въ двухъ сказкахъ; одна вся построена на похожденіяхъ сына купца, у котораго есть дяди—тоже купцы, но весьма недобросовѣстные; они между прочимъ часто ругаютъ племянника; интересная случайность, что и въ другой моей сказкѣ дѣти купца до того ругаютъ служащаго у нихъ сироту, что онъ бросаетъ службу.

Чаще всего, разумѣется, въ сказкахъ появляются *мужики*. Мужикъ [illegible] гъ герою сказки шкодливаго цапа, другой — пса; мужикъ надуваетъ медвѣдя на рѣпѣ [illegible] эницѣ; отрубаетъ медвѣдю лапу, теряетъ рыбу съ воза вслѣдствіе хитрости лисы; богат[illegible]а обкрадываютъ разбойники и мн. др. Одна изъ сказокъ посвящена нелѣпѣйшимъ похо[illegible]мъ мужика: его топоръ перерубаетъ лошадь; мужикъ сбиваетъ ее вербовымъ коломъ, который выростаетъ до неба; мужикъ ходитъ по небу, вьетъ тамъ веревку изъ гречаной половы, чтобы спуститься на землю; но веревка коротка, и онъ виситъ, на ней, да такъ долго, что пчелы наносятъ на него медъ; оборвавшись, мужикъ попадаетъ на тотъ свѣтъ и пр.

Интереснѣе другая сказка, какъ мужикъ по благодарности сатаны дѣлается лѣкаремъ; онъ можетъ вылѣчить двухъ помѣщиковъ, но не долженъ ходить къ третьему. Вылѣчивъ двухъ и получивъ награду, онъ противъ воли лѣчитъ и третьяго, вылѣчиваетъ и его, благополучно отдѣлывается отъ сатаны, но перестаетъ лѣчить. Параллели къ этой сказкѣ общеизвѣстны.

Есть сказка, въ которой обычно противопоставляются бѣдный и богатый мужики, и первый богатѣетъ, второй разоряется.

Упоминается также *толпа крестьянъ*, идущихъ въ поле убить змѣя, который портитъ ихъ хлѣбъ, *30 чумаковъ* на 70 подводахъ, подходящіе къ кладбищу, изъ котораго вышли мертвецы; лошади не идутъ далѣе, пока не подъѣзжаетъ ѣдущій сзади верхомъ старикъ, при видѣ коего мертвецы исчезаютъ, а онъ научаетъ солдата, какъ поэксплуатировать мертвеца. Затѣмъ попадаются и еще мужики спеціальныхъ занятій: *лановой*, который хочетъ изловить крестьянскихъ дѣтей, крадущихъ въ полѣ горохъ, *кучеръ*, *портной*, *мельникъ*, *рыбаки* и пр., но безъ значенія.

Въ одной сказкѣ является *нищій*, научающій добраго мужика, какъ исправить злую жену; есть нищій и въ другой сказкѣ; но, такъ какъ это святой, то рѣчь о немъ особая.

Одна сказка посвящена похожденіямъ удалого *батрака;* неудачно проработавъ у мельника, онъ ночуетъ въ пустой мельницѣ, куда разбойники являются дѣлить и прятать добычу. Батракъ, сперва отъ страха спрятавшійся въ мельничный ковшъ, кричитъ: „Денисъ! ступай на низъ! А ты, Фока, гляди съ бока! А ты, малой, гляди тамъ, а я тутъ; держи ихъ—не уйдутъ! Да бей ихъ, ребята, не жалѣй!“ Разбойники убѣгаютъ, оставляя добычу батраку.

Далѣе одна изъ сказокъ изображаетъ ловкость *плута* и явно заимствована изъ какого-либо Schelmen-романа. Бѣдный Иванъ имѣетъ лишь пальто; онъ кладетъ его на полѣ и подкрадывается. Ѣдущій панъ спрашиваетъ, что онъ дѣлаетъ?—„Учусь красть“. Послѣ того панъ предлагаетъ ему совершить нѣсколько кражъ, затрудняя ихъ исполненіе и обѣщая награду. Иванъ эти кражи совершаетъ, а также выполняетъ хитро и другія трудныя предложенія пана и получаетъ обѣщанное.

Еще одна сказка говоритъ о похожденіяхъ *солдата*, который, напившись водки, вечеромъ попалъ на кладбище; его чуть не погубили мертвецы, но, наученный старикомъ, онъ при посредствѣ мертвеца же богатѣетъ и женится на генеральской дочери.

Наконецъ, есть сказка, въ которой *нѣмецъ* пугаетъ ночью въ лѣсу разбойниковъ колбасою,

какъ ружьемъ; онъ хвастается этимъ на постояломъ дворѣ, говоря, что у него есть червонцы, но выпрашиваетъ потомъ у хозяина ружье; разбойники, подслушавшіе его разсказы, снова нападаютъ на него въ лѣсу, онъ грозитъ имъ ружьемъ, они не вѣрятъ, и онъ ихъ застрѣливаетъ.

Во многихъ сказкахъ фигурируютъ *разбойники:* то разбойникъ женится на красавицѣ, которая узнаетъ о его профессіи; онъ хочетъ убить жену, но ея братья его убиваютъ; то разбойники неудачно нападаютъ на нѣмца, то съ помощью мальчика грабятъ комору богатаго мужика, а мальчика бросаютъ тамъ; когда же онъ снова нашелъ, садятъ его въ бочку. Старикъ разбойникъ и *людоѣдъ* (единственный случай въ моихъ сказкахъ) варитъ мальчика въ кипяткѣ; когда же мать мальчика въ отмщеніе сама сварила людоѣда въ горячей водѣ, пріѣзжаютъ съ гикомъ и свистомъ разбойники, сыновья старика, не могутъ войти въ домъ, стрѣляютъ туда, но испуганные стономъ подстрѣленной ими женщины убѣгаютъ. Разбойники хотятъ ограбить домъ богатыхъ помѣщиковъ въ ихъ отсутствіе, но ихъ убиваетъ молодая дочь помѣщика. Наконецъ, разбойники пріѣзжаютъ на мельницу съ добычей, которую теряютъ вслѣдствіе находчивости батрака.

Въ цѣломъ рядѣ сказокъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является *мальчикъ.* Чаще всего это Иванъ, обманнымъ образомъ попадающій къ вѣдьмѣ, или къ людоѣдкѣ, которыя хотятъ его съѣсть; онъ спасается, погубивъ дочь вѣдьмы, или людоѣдку; обыкновенно его доставляютъ домой гуси, но въ одной сказкѣ онъ (и сестра его) прямо возвращается домой съ богатствомъ людоѣдки.

Затѣмъ въ одной изъ этихъ же сказокъ мальчикъ проявляетъ свою догадливость тѣмъ что завезенный въ лѣсъ бросаетъ по дорогѣ камни, по которымъ и находитъ дорогу домой; но во второй разъ онъ можетъ бросать лишь кусочки хлѣба; ихъ подбираютъ животныя, и онъ дороги уже найти не въ состояніи.

Цѣлая сказка посвящена малоинтереснымъ похожденіямъ мальчика, сына богатыхъ родителей, кравшаго съ крестьянскими дѣтьми горохъ; *лановой* снимаетъ съ него платье; стыдясь вернуться, онъ идетъ подъ мельницу, попадаетъ къ разбойникамъ, которые спускаютъ его по веревкѣ въ кладовую къ богатому мужику и потомъ бросаютъ его тамъ. Утромъ является хозяйка съ лучиною; онъ засыпаетъ ей мукой глаза и убѣгаетъ, а она кричитъ: „ловите чорта!“ Мальчикъ снова попадаетъ къ разбойникамъ, которые его принимаютъ плохо и бросаютъ въ бочку, откуда онъ освобождается при помощи волка; потомъ дѣлается подмастерьемъ у портного, портитъ заказанный костюмъ, снова убѣгаетъ и въ концѣ концовъ возвращается домой. Сказка очень мозаична и постоянно выдаетъ то народный, то книжный источники. Остальныя сказки о мальчикахъ явно книжнаго происхожденія и имѣютъ нравоучительный характеръ: жадный мальчикъ объѣлся въ лѣсу сладкими плодами, которые оказались волчьими ягодами, и умеръ. Неграмотный мальчикъ (Ѳедя Невѣдя) сѣлъ на улицѣ съ книжкою (держа ее, вверхъ ногами) и, дѣлая видъ, что читаетъ, машетъ головой да и засыпаетъ; козелъ, думая, что мальчикъ дразнитъ его, бьетъ его лбомъ по лбу такъ, что у того вскакиваетъ шишка; книгу онъ роняетъ и возвращается домой „не съ книжкой, а съ шишкой“.

Параллельно мужчинамъ въ сказкахъ являются, конечно, и женщины почти такихъ же категорій.

Царица, точнѣе жена царя, встрѣчается разъ, но не играетъ никакой роли. *Царскія дочери*—ни разу; ихъ замѣнили *королевны,* о которыхъ говорится въ трехъ сказкахъ. По одной царь ищетъ себѣ невѣсту; къ нему являются 3 королевны; онѣ очень красивы, но не трудолюбивы, и царь отсылаетъ ихъ обратно. По второй, сынъ придворнаго, владѣющій волшебнымъ кольцомъ, сватается за одну изъ трехъ королевенъ; старшая, подобно Рогнѣдѣ, отвѣчаетъ: „Не имѣла за кого замужъ выходить—за своего слугу!“ Тоже и вторая; третья предлагаетъ претенденту фантастическія задачи и, когда женихъ исполняетъ ея требованія, выходитъ за него замужъ, но потомъ обманываетъ его и уличенная оправдывается невозможностью для себя перенесть, что сестры ея замужемъ за знатными, а она жена слуги. По третьей сказкѣ французская королевна становится злымъ мертвецомъ, о чемъ рѣчь впереди.

У *колдуна* тоже *три дочери,* которыя вмѣстѣ съ тѣмъ оборотни; двѣ изъ нихъ злыя, третья добрая; она спасаетъ героя сказки и становится его женою.

Не видно, какого происхожденія тѣ *три красавицы,* сидящія у окна, разговоръ которыхъ подслушиваетъ Иванъ Царевичъ; обыкновенно онъ знатнаго рода, да и онѣ по моей сказкѣ живутъ въ замкѣ; каждая изъ нихъ желала бы выйти замужъ за Ивана Царевича; при чемъ первая обѣщается, въ такомъ случаѣ, вышить ему изъ шелка рубаху, вторая—вышить рубаху гладью третья—родить трехъ чудесныхъ сыновей; царевичъ женится на послѣдней.

Какъ и вообще въ сказкахъ, герой обыкновенно женится на царской (у насъ—королевской) дочери, а если онъ изъ очень простыхъ, то чаще на знатной; солдатъ—на дочери генерала; но бываетъ и такъ, что знатный герой сказки, напримѣръ Иванъ Царевичъ, женится на простой дѣвушкѣ, наприм. на служанкѣ.

Въ той сказкѣ, гдѣ разсказывается, какъ царь выбиралъ себѣ невѣсту, являются 3 *купеческія дочери;* онѣ красивы, вѣжливы, но горды, и 3 *крестьянскія дочери,* тоже красивыя, трудолюбивыя, но не умѣющія держать себя въ обществѣ (порядокъ собственно такой: сперва являются крестьянскія дочери, потомъ купеческія, потомъ королевны); и царь изъ нихъ выбираетъ себѣ жену. Онъ женится на *міряннѣ,* что не совсѣмъ ясно; но, повидимому, она принадлежитъ къ очень низкому классу (ходитъ по міру?), ибо царь, охотясь, встрѣчаетъ ее идущею на заработки; тѣмъ не менѣе царь и царица живутъ счастливо 120 лѣтъ.

Затѣмъ въ сказкахъ не мало вообще *бабъ, хозяекъ, кухарокъ, служанокъ* и т. п., но ихъ общественное положеніе не имѣетъ значенія; можно, пожалуй, отмѣтить *нянюшекъ* и *мамушекъ,* доступныхъ подкупу.

Особнякомъ стоитъ *жена разбойника;* красавица, пренебрегавшая женихами, она выходитъ замужъ за пріѣзжаго красавца, живетъ счастливо въ богатомъ домѣ. Уѣзжая, мужъ разрѣшаетъ женѣ ходить по всѣмъ комнатамъ, кромѣ одной; по извѣстному во всѣхъ аналогичныхъ сказаніяхъ любопытству, она идетъ туда и видитъ на полу кровь, оружіе и пр.; она падаетъ въ обморокъ и пачкаетъ ключъ кровью, которую стереть не можетъ; мужъ хочетъ убить ее, но ее спасаютъ братья.

Въ одной изъ сказокъ встрѣчается *цыганка,* но только въ томъ смыслѣ, что она черная; о ней рѣчь впереди.

Въ трехъ сказкахъ, въ видѣ старухи нищей, является *добрая волшебница;* по одной, она предсказываетъ Ивану Царевичу, кто будетъ его женой; по другой, спасаетъ въ лѣсу добрую дѣвушку, ее напоившую, и наоборотъ, наказываетъ злую, не помогшую ей; по третьей, даетъ бѣдной дѣвочкѣ волшебный горшокъ съ кашей.

Точно также въ трехъ сказкахъ выведена *злая колдунья, вѣдьма, людоѣдка;* она хочетъ сжарить и съѣсть мальчика, но это ей не удается; разница въ сказкахъ касается лишь частностей; по одной, вѣдьма приманиваетъ мальчика изъ лодки, подражая голосу его матери; по другой, крадетъ его; по третьей, онъ самъ попадаетъ въ ея избу въ лѣсу. Вѣдьма хочетъ или сама съѣсть мальчика, или угостить имъ родичей; въ послѣднемъ случаѣ она идетъ звать ихъ, а мальчика поручаетъ изжарить въ печкѣ или на жаровнѣ дочери, которая надѣваетъ на него бѣлую рубашку. Если мальчику удается изжарить людоѣдку, сказкѣ и конецъ; если дочь ея, то онъ лѣзетъ на высокую вербу, вѣдьма и гости ѣдятъ мясо, потомъ катаются на горѣ по травѣ; обнаруживая истину, вѣдьма грызетъ дерево, кровавитъ и даже теряетъ зубы и идетъ или къ ковалю, чтобы онъ сковалъ ей чугунные зубы, или къ доктору, чтобы вставилъ искусственные. Конечно, людоѣдками являются и *дочь вѣдьмы* Елена, и *родичи,* приглашенные на угощенье.

Дѣвочки значительно рѣже бываютъ героинями сказокъ, чѣмъ мальчики; интересна лишь собственно одна героиня; нарядившись мужчиною, она убиваетъ поочередно разбойниковъ, желавшихъ ограбить ея родителей; другая дѣвочка, попавъ въ медвѣжій домъ, съѣдаетъ ихъ обѣдъ, отдыхаетъ и успѣваетъ ускользнуть. Далѣе противопоставляются двѣ дѣвочки—добрая и злая; первая даетъ нищей старухѣ воды изъ колодца, вторая нѣтъ; волшебница устраиваетъ такъ, что у первой изо рта сыплются цвѣты, и она даже выходитъ замужъ за принца, увидѣв-

шаго, какъ она плакала, сидя на камнѣ; у второй же изо рта падаютъ гадюки, и ее въ лѣсу съѣдаютъ волки. Наконецъ, два нравоучительные разсказа явно книжнаго происхожденія: дѣвочка требуетъ съ елки золотыхъ орѣховъ и, когда получаетъ ихъ, убѣждается, что они пустые; другая лѣзетъ рукою въ горшокъ въ бабушкиномъ шкафѣ, полагая, что тамъ медъ, а ее хватаетъ за руку ракъ.

Многія сказки съ изображеніемъ людей, часто безъ обозначенія, какихъ именно, касаются семейныхъ отношеній, которыя представляются слѣдующими:

Сказка часто оканчивается женитьбою героя, и хотя въ большинствѣ случаевъ онъ раньше и не видѣлъ своей невѣсты, а женился ради того, что она королевская дочь, богатая и пр., но сказка заставляетъ предполагать, а иногда и прямо говоритъ, что мужъ и жена живутъ счастливо: происходятъ иногда недоразумѣнія, виновникомъ коихъ чаще всего оказывается мужъ, иногда по интригамъ другихъ, но все оканчивается благополучно. Дѣдъ и баба тоже живутъ дружно, и кончина старухи очень огорчаетъ старика, который самъ не можетъ плакать и потому ищетъ искуснаго плача.

Но встрѣчаются жены и непослушныя, напримѣръ одна противодѣйствуетъ тому, чтобы мужъ закопалъ въ землю сундукъ съ горемъ; другая идетъ въ комнату, куда мужъ запретилъ ей входить; третья даже обманываетъ мужа: узнавъ, что могущество его заключается въ кольцѣ, она похищаетъ его, выходитъ замужъ за другого и т. д. Еще въ одной сказкѣ злая жена вѣчно бранитъ добраго мужа; нищій научаетъ его, какъ ее исправить: въ воскресенье повесть въ лѣсъ будто за грибами, бросить въ яму и черезъ 3 дня вытащить. Не видно, измѣнилось ли послѣ этого обращеніе жены съ мужемъ, но въ ямѣ она запугала самого сатану.

Мужъ вообще довѣряетъ женѣ; такъ герой сказки, допрашиваемый женою, въ чемъ его могущество, хоть и не говоритъ ей правды въ первый разъ (называя метлу), но затѣмъ открываетъ истину. Но онъ бываетъ и жестокъ съ женою, если увѣренъ въ ея виновности. Когда жена Ивана Царевича, вмѣсто чудесныхъ дѣтей, будто бы родила ему котенка и пр., онъ приказываетъ ослѣпить ее и пустить въ бочкѣ по морю; ему совѣтуютъ сдѣлать это, ибо, „если виновата — утонетъ, невиновата — выплыветъ“. Но онъ коритъ и сестеръ жены, когда обнаружилась ихъ виновность. По другой сказкѣ, мужъ-разбойникъ хочетъ убить жену, узнавшую о его профессіи; по третьей, мужъ бросаетъ злую жену на 3 дня въ яму и т. д.

Изъ отношеній родителей къ дѣтямъ можно замѣтить, что вообще они ихъ любятъ, даже колдунъ любитъ своего сына—змѣя; но особенно любитъ ихъ мать, что сильно подчеркнуто въ одной изъ сказокъ; по другой—она мститъ людоѣду, погубившему ея сына. Но въ случаѣ бѣдности родители могутъ завезти дѣтей въ лѣсъ и бросить; по одной изъ сказокъ родители даже кидаютъ дитя въ печку, но эта сказка исключительная, и о ней далѣе. Конечно, мачеха не любитъ дѣтей мужа отъ перваго брака, особенно если у нея есть свои дѣти; она хочетъ погубить падчерицу и становится причиною гибели родной дочери.

Любовь дѣтей къ родителямъ мало фиксируется сказкою; разумѣется, когда герой добываетъ богатство, этимъ пользуются его родители (если они живы); въ одной изъ сказокъ очень подчеркнуты заботы сына о матери; въ другой—его послушаніе ей; весьма заботится и подкидышъ о женщинѣ, которую считаютъ его матерью, хотя онъ самъ, повидимому, знаетъ, что это не вѣрно.

Но бываютъ и злыя дѣти; сказка изображаетъ сына злого, а жену его еще злѣе; они дурно обращаются съ родителями, послѣ смерти матери даже не идутъ на кладбище, и, когда старикъ простудился, по цѣлымъ часамъ стоналъ и тѣмъ мѣшалъ спать, сынъ выносилъ его подъ клуню, гдѣ будто бы свѣжій воздухъ. Зато внуки потихоньку заботятся о дѣдушкѣ; они даже говорятъ отцу, что подъ клуней холодно, вѣтеръ и дождь. Впрочемъ, сказка иронизируетъ: когда заболѣваетъ сынъ, его дѣти предлагаютъ снесть его подъ клуню; онъ боится тамъ простудиться и умереть; тогда они напоминаютъ ему о дѣдушкѣ, который-де лежитъ на свѣжемъ воздухѣ; его снова берутъ въ горницу.

Дочь колдуна убѣгаетъ отъ отца и становится причиною его гибели, но сказка сочувствуетъ ей, а не ему. Королевна не слушаетъ отца, ибо она христіанка, а онъ язычникъ; но здѣсь непослушаніе, какъ видно, ведетъ къ роковымъ послѣдствіямъ.

Сиротѣ безъ отца живется плохо, а безъ матери и того хуже. тѣмъ болѣе, что въ домъ можетъ войти мачеха; но безъ отца и матери сиротѣ особенно нехорошо, его всѣ обижаютъ. Мѣсто отца иногда занимаетъ дядька, и хорошо, если онъ добросовѣстный, но можетъ быть и недобросовѣстный.

Братья обыкновенно живутъ между собою недружно, и старшіе обижаютъ младшаго; при дѣлежѣ имущества двое братьевъ купца сильно обижаютъ третьяго; въ сказкѣ о горѣ старшій братъ взялъ все отцовское имущество, младшій остался въ одной рубахѣ и т. д.; но въ одной изъ сказокъ меньшій братъ обижаетъ старшаго; точнѣе сказать ради него жена обижаетъ мужа, лишаетъ его кольца, богатства и пр. и выходитъ замужъ за меньшаго брата. Параллели этому не трудно, впрочемъ, найти даже въ весьма древнихъ сказаніяхъ.

Побратимы же очень дружны; спасенный героемъ змѣй признаетъ его старшимъ братомъ и вѣрно ему служитъ.

Замѣтимъ, что и между камнями есть старшіе и младшіе братья.

У сестеръ тоже нѣтъ дружбы; обыкновенно третья сестра лучше двухъ старшихъ, и на ея долю выпадаетъ счастье; тогда старшія ей завидуютъ, хотятъ погубить, напр. подкидывая вмѣсто рожденныхъ ею дѣтей котенка или щенка. Конечно, отношенія не лучше, если въ семью вошла мачеха; ея дочь обижаетъ ея падчерицу.

Но братья и сестры весьма любятъ другъ друга; они вмѣстѣ страдаютъ, вмѣстѣ находятъ счастье; при чемъ сестра всегда старше или благоразумнѣе брата и о немъ заботится, а онъ, по легкомыслію, не слушается ея совѣтовъ и можетъ погибнуть. Зато братья спасаютъ жену разбойника, которую мужъ хочетъ убить.

Если прибавить, что дяди дурно обращаются съ племянникомъ и не прочь погубить его, а въ то же время требуютъ отъ него повиновенія, и что вообще чтутся родственныя связи, напр. вѣдьма приглашаетъ родичей на угощеніе,—то этимъ и будутъ исчерпаны указанія на родственныя отношенія въ моихъ сказкахъ.

Во всѣхъ приведенныхъ выше случаяхъ люди, несмотря на нѣкоторыя приданныя имъ необыкновенныя свойства, все же остаются людьми; но въ моихъ сказкахъ встрѣчаются, хоть и не въ большомъ количествѣ, и иные образцы. Такъ въ двухъ сказкахъ появляются *мертвецы;* въ одной—это королевна, проклятая отцомъ и потому превратившаяся въ чудовище. Въ другой—мертвецъ и его товарищи въ 12 ч. ночи выходятъ изъ могилы, подходятъ къ дубу, на которомъ засѣлъ пьяный солдатъ, и грызутъ дубъ; солдата спасаетъ старикъ, научающій его, какъ поступить: на четвертую ночь стать у могилы; мертвецъ будетъ звать къ себѣ,—нейти и просить свѣчу, что у него за пазухой; когда дастъ, сѣсть на него; онъ понесетъ къ пропасти, тогда ударить его свѣчой по головѣ. Такъ и случилось: мертвецъ даже тянулъ въ могилу, да не могъ справиться и далъ свѣчу; солдатъ сѣлъ на мертвеца; тотъ понесъ его къ пропасти, на днѣ которой было болото; онъ ударилъ мертвеца свѣчой; она сломилась, мертвецъ исчезъ, а солдатъ очутился на кучѣ золота. Еще въ одной сказкѣ Иванъ Царевичъ выкапываетъ изъ могилы дѣвушку, но она не была мертвою.

Въ сказкахъ встрѣчаются и *оборотни*; такъ змѣй оборачивается молодцомъ; дочери колдуна въ видѣ гусей прилетаютъ купаться, хотя при купаньи снимаютъ съ себя гусиныя перья; въ той же сказкѣ, когда герой убѣгаетъ съ маленькой дочерью колдуна и ихъ преслѣдуетъ старшая его дочь, бѣглянка обращается въ стадо гусей, герой въ старика, ихъ пасущаго; когда гонится за ними вторая дочь,—въ театръ и его сторожа; когда самъ колдунъ—въ многоводную рѣку и орла; колдунъ выпиваетъ рѣку, но орелъ его умерщвляетъ. Черезъ нѣсколько времени герой, впрочемъ, по приказанію родителей, долженъ жениться на другой невѣстѣ; на свадьбу прилетаетъ птичка, сваха беретъ ее въ руки — она становится женщиной; женихъ

сперва не узнаетъ дочери колдуна, но, когда она напоминаетъ ему о прошломъ, вспоминаетъ ее и на ней женится. Въ другой сказкѣ брошенная въ воду невѣста становится рыбою; ее ловятъ рыбаки и преподносятъ въ подарокъ Ивану Царевичу, фальшивая жена котораго узнаетъ соперницу, притворяется больною и требуетъ, чтобы рыбу сварили: она выпьетъ наваръ и выздоровѣетъ. Рыбу варятъ, но чешуйка падаетъ у крыльца, и тамъ выростаетъ золотая яблоня съ разноцвѣтными яблоками. Жена царевича снова требуетъ, чтобы яблоню срубили и сожгли: она хочетъ выкупаться въ золѣ. Когда это было исполнено, щепка падаетъ за ворота; ее подымаетъ старушка, идущая съ базара, и кладетъ подъ иконы; съ тѣхъ поръ у нея въ избѣ всегда прибрано. Щепка превращается въ дѣвушку, которая пѣсни поетъ и сказки говоритъ, и тѣмъ обращаетъ на себя вниманіе Ивана Царевича, послѣ чего и открывается истина.

Въ одной сказкѣ встрѣтились еще *великаны*; Иванъ Царевичъ вылѣчиваетъ одного изъ нихъ, которому камнемъ ушибъ руку; въ благодарность великаны исполняютъ третью заданную Ивану Царевичу задачу (первую исполнили голуби, вторую слоны)—въ одну ночь строятъ дворецъ.

Въ сказкѣ о богатомъ и бѣдномъ братьяхъ, какъ лицо, выведено *горе*, но образа его нѣтъ; бѣдный братъ закапываетъ его въ сундукѣ въ землю, выкопанное богатымъ братомъ оно бросается къ нему на шею и т. д.

Олицетворенныя *небесныя свѣтила* встрѣтились, можетъ-быть, лишь въ одной сказкѣ: красавица обѣщаетъ родить Ивану Царевичу трехъ сыновей: старшаго съ солнцемъ во лбу, средняго—съ мѣсяцемъ, меньшаго—со звѣздами,—и это исполняетъ; дальнѣйшій ходъ сказки извѣстенъ, и въ концѣ ея выросшіе юноши съ такими качествами находятъ сперва мать, потомъ отца.

Затѣмъ во многихъ сказкахъ находятся *золотые* предметы, напр. золотое кольцо, золотая ручка у метлы, золотая яблоня и мн. др., что, по мнѣнію миѳографовъ, указываетъ на связь съ небесными свѣтилами.

Одна изъ моихъ сказокъ построена на противопоставленіи *добра и зла*, *свѣта и тьмы*, и пр., хотя и въ достаточно замаскированномъ видѣ, и такъ какъ подобныя сказки встрѣчаются сравнительно не часто (сравни сказки о бѣломъ и черномъ всадникѣ, бѣлой и черной мыши и пр.), то я и передамъ ее вкратцѣ: Иванъ Царевичъ ищетъ себѣ такую жену, чтобы у нея не было „ни роду, ни плоду, ни отца ни матери"; онъ встрѣчаетъ старуху, которую и спрашиваетъ: какая у него будетъ невѣста? Старуха даетъ совѣтъ—раскопать въ степи 3 могилы; тамъ его невѣста, бѣленькимъ платочкомъ голова повязана, а волосы золотые. Царевичъ находитъ невѣсту, очень бѣлую, безъ одежды; онъ оставляетъ ее на вербѣ, а самъ ѣдетъ за одеждой. Въ это время цыганка бросаетъ невѣсту въ воду, а сама занимаетъ ея мѣсто. Возвратившійся царевичъ удивляется, почему невѣста стала черною? но цыганка объясняетъ, что на томъ свѣтѣ ее ни солнце не жгло, ни вѣтеръ не вѣялъ. Какъ только это было сказано, настоящая невѣста дѣлается послѣдовательно — рыбою, яблонею, щепкою; цыганка узнаетъ ее и старается погубить, но дѣло выясняется, когда Иванъ Царевичъ снова видитъ дѣвушку, у которой на головѣ бѣленькій платочекъ, а подъ нимъ золотые волосы.

Я уже говорилъ, что въ нѣкоторыхъ сказкахъ старикъ или нищій (также и старуха) учатъ героя сказки, какъ ему поступать; но въ двухъ сказкахъ этотъ наставникъ, видимо, *святой*; при чемъ относительно одного, о чемъ рѣчь впереди, можно утверждать, что это св. Николай; другая же сказка, кажется, принадлежитъ къ циклу раскольничьихъ легендъ и вѣрнѣе всего—сказаній самосожигателей. Къ бѣднымъ людямъ приходитъ нищій, но дать ему нечего; онъ проситъ у хозяйки не пожалѣть для него ребенка и его испечь; она спрашиваетъ у мужа, который тоже на это соглашается. Затопили печку, перегорнули дрова и, когда огонь сталъ притухать, нищій приказалъ посадить въ него дитя и закрыть заслонкой. Черезъ часъ ее открыли, увидѣли что дитя живо и перегортаетъ серебро, и стали молиться Богу.

Въ одной изъ сказокъ является *сатана* и, какъ всегда, настолько странный, насколько смѣшной. Мужикъ для исправленія злой жены бросаетъ ее въ яму, гдѣ она находитъ сатану и, повидимому, муштруетъ его; сатана научаетъ мужика, какъ вытащить его изъ ямы: „сорви

прутъ молодой лѣщины (орѣшника), вырви изъ конскаго хвоста волосъ и привяжи, какъ кнутъ, махни, я и вылѣзу". Въ награду сатана дѣлаетъ мужика лѣкаремъ, но, когда онъ нарушилъ его приказъ, грозитъ ему. Мужикъ случайно произноситъ: „Э-ба!" Сатанѣ же послышалось: „баба!" и онъ удралъ такъ быстро, что только вѣтромъ крышу сорвало.

Наконецъ, въ той сказкѣ, гдѣ говорится, какъ дурно дѣти обращались съ родителями, вопервыхъ, старикъ видитъ во снѣ, что *ангелы* сбираютъ съ его глазъ слезы въ кувшинчикъ; вовторыхъ, на страшномъ судѣ отецъ и сынъ предстаютъ передъ *Богомъ*, который раскрылъ книгу, прочелъ ихъ дѣла и отцу повелѣлъ итти въ рай, сыну—въ муку вѣчную.

Сдѣлавъ бѣглый пересмотръ лицъ, находящихся въ моихъ сказкахъ, считаю полезнымъ обстоятельнѣе изложить содержаніе одной изъ нихъ—„О молодомъ купцѣ", правда, въ общемъ, довольно извѣстной и искусственной, но по ней и по встрѣчающимся въ ней частностямъ можетъ быть приведено много параллелей [1]).

Въ портовомъ городѣ купецъ, умирая, даетъ единственному сыну наставленіе почитать мать, но не имѣть дѣла съ двумя богатыми дядями, которые нечестно нажили богатство и обдѣлили его при дѣлежѣ имущества. Купецъ оставляетъ сыну небольшой корабль, на которомъ онъ выросши будетъ торговать; наконецъ, онъ наказываетъ сыну никогда не забывать зажигать лампадку св. Николаю и молиться передъ его образомъ, какъ онъ и самъ всегда дѣлалъ. По смерти отца, юноша намѣренъ заняться торговлей, и мать соглашается отпустить его, но лишь съ дядькой. Сынъ, съ вечера помолившись св. Николаю, утромъ идетъ на биржу и тамъ находитъ молодого человѣка, соглашающагося съ нимъ ѣхать. Когда они приходятъ домой, мать угощаетъ ихъ чаемъ; приглашенный юноша отрѣзываетъ 3 куска хлѣба и въ томъ числѣ себѣ большій, нежели хозяевамъ. Мать считаетъ его поэтому не подходящимъ для роли пѣстуна, даетъ ему кредитку и отсылаетъ его; то же самое, разумѣется, происходитъ и на второй день. На третій молодого купца на биржѣ подымаютъ на смѣхъ, и съ нимъ соглашается путешествовать лишь дряхлый старикъ (дѣдушка), который, на возраженіе, что онъ старъ, отвѣчаетъ: „я старъ, а ты младъ, и мы силы одинаковой, а у Господа Бога много силы". За чаемъ старикъ отрѣзываетъ себѣ хлѣба меньше, нежели хозяевамъ, и мать понимаетъ, что это надежный опекунъ. Къ подобному испытанію мнѣ извѣстна параллель въ разсказѣ о Карлѣ Великомъ и его епископѣ (см. въ „Книгѣ для чтенія по исторіи средн. вѣковъ" подъ редакціею проф. Виноградова, I, 408). Договора они не дѣлаютъ, а старикъ ручательствомъ ставитъ св. икону (вѣроятно, образъ св. Николая). Ѣдутъ они, при чемъ юноша обращается съ спутникомъ чрезвычайно почтительно; мать же послѣ ихъ отъѣзда постоянно молится св. Николаю. По дорогѣ путники встрѣчаютъ большіе корабли, хозяевами которыхъ оказываются дяди юноши; они очень недовольны появленіемъ новаго конкурента въ торговлѣ, и грозно спрашиваютъ его, какъ смѣлъ онъ торговать безъ ихъ позволенія? Онъ отвѣчаетъ, что позволенія спросилъ у матери, а разрѣшеніе дало ему правительство, и на это у него есть бумаги. Дяди съ угрозами же приказываютъ ему замедлить путь, пока они раньше не прибудутъ во Францію; онъ слушается и прибываетъ туда уже послѣ нихъ. Пріѣзжающіе во Францію купцы обязаны нести даръ королю; дяди приготовляютъ для того драгоцѣнные товары и спрашиваютъ юношу, что понесетъ онъ. Онъ обращается къ старику, который совѣтуетъ набрать въ мѣшокъ камней, ибо „камень дороже товара". Дяди боятся что племянникъ ихъ осрамитъ, и желали бы, чтобъ онъ явился къ королю не въ одно съ ними время, а позже; но старикъ на это не соглашается. Приходитъ король; дяди стоятъ спереди, юноша сзади; дяди подносятъ драгоцѣнные товары, послѣ чего подходитъ и онъ. Король, благосклонно поговоривъ съ нимъ и выяснивъ, что онъ племянникъ предыдущихъ столь богатыхъ купцовъ, спрашиваетъ его, что приноситъ онъ въ даръ? „Камень".—Покажи.—Старикъ даетъ

---

[1]) Съ нею во многомъ сходна сказка „Упирь и Миколай" во 2-мъ вып. Народн. Ю.-рус. сказокъ, изд. *И. Рудченкомъ;* см. также статьи: проф. *Сумцова* въ Кіевск. Стар. 1892 г. № 3, стр. 472 и слѣд. *В. Милорадовича* въ Кіев Стар. 1896, № 9, стр. 46 и слѣд.

юношѣ 12 разноцвѣтныхъ камней; онъ вынимаетъ серебряную шкатулку и отпираетъ ее серебрянымъ ключомъ; оказывается въ серебряной золотая шкатулка, отпирается золотымъ ключомъ. Впрочемъ, порядокъ шкатулокъ далѣе не указанъ, а говорится лишь, что были украшенныя алмазами, жемчугомъ, брильянтами, изумрудами и другими драгоцѣнными камнями; въ 12-ой же шкатулкѣ лежалъ такой камень, что на него можно было промѣнять весь дворецъ короля. Король въ изумленіи спрашиваетъ, гдѣ онъ добылъ этотъ камень. Юноша отвѣчаетъ, что онъ былъ въ отцовскомъ кораблѣ. Король сердится на дядей за плохіе дары и приказываетъ имъ поочередно ночевать въ соборѣ, а юношѣ оказываетъ большой почетъ. Дяди, поздравляя племянника, коварно склоняютъ его первымъ ночевать въ соборѣ; по совѣту старика, онъ соглашается, но старикъ однако говоритъ, что имъ, какъ старшимъ, приличнѣе было бы первенство. Далѣе сказка объясняетъ, въ чемъ дѣло: соборъ былъ отстроенъ, когда еще въ народѣ являлся въ различныхъ видахъ св. Николай Чудотворецъ. У короля, очевидно язычника, была единственная дочь, красавица, очень благочестивая. Она упросила отца дать ей много денегъ для постройки танцовальнаго зала, но, получивъ ихъ, выстроила соборъ и такъ поспѣшно, что король не успѣлъ помѣшать. Онъ проклялъ дочь. „Въ тѣ времена родительскія проклятія сильно дѣйствовали на дѣтей", и дочь короля упала безъ чувствъ. Король приказалъ положить ее связанною въ гробъ, отнести въ соборъ (надо полагать, еще не освященный) и тамъ запереть. Черезъ нѣсколько дней онъ послалъ справиться, что дѣлается въ соборѣ; посланный сообщилъ, что тамъ все разбросано, а гробъ стоитъ, какъ стоялъ. Другой посланный въ соборъ ночью не возвратился, и третій, пошедшій туда днемъ, нашелъ лишь его кости; а по ночамъ прохожіе и проѣзжіе стали слышать въ соборѣ страшные крики, ревъ разныхъ голосовъ и пр. и перестали ходить мимо. Король началъ отправлять туда на ночь большихъ преступниковъ по одному, а на утро посылалъ за ихъ костями; когда же преступниковъ не стало и тюрьмы опустѣли, онъ сталъ посылать попадавшихъ къ нему путешественниковъ; дошла очередь и до вновь прибывшихъ. Старикъ научаетъ юношу купить мѣшокъ и 3 житныхъ хлѣба, которые они разрѣзаютъ на мелкіе кусочки. Днемъ юноша выспался, затѣмъ старикъ накормилъ и напоилъ его, заставилъ молиться Богу и св. Николаю, благословилъ, надѣлъ на шею большой крестъ, далъ евангеліе, мѣшокъ съ хлѣбомъ и кусокъ мѣлу и научилъ, какъ поступить далѣе. Подходя къ собору, юноша крестится 3 раза на всѣ четыре стороны и молится: „Господи! отведи отъ меня весь страхъ". Войдя въ соборъ, онъ снова молится, подходитъ къ стоящему гробу, кладетъ на столъ евангеліе, ставитъ возлѣ кулекъ съ хлѣбомъ, отмѣриваетъ вокругъ 1½ шага, очерчиваетъ это пространство мѣломъ и дѣлаетъ 3 креста: два по бокамъ, третій на срединѣ. Потомъ онъ ставитъ у гроба табуретъ, садится, у ногъ ставитъ кулекъ, беретъ евангеліе, окрываетъ его и начинаетъ читать. Вдругъ на евангеліи показывается сіяніе; юноша крестится и благодаритъ Бога. Открывается гробъ и встаетъ дѣвушка съ распущенными волосами. Увидя юношу, она съ жадностью закричала: „А! это ты, молодая конфетка! я тебя съѣмъ вмѣстѣ съ костями!" Юноша набираетъ полную горсть хлѣба и бросаетъ подальше. Увидѣвъ это, красавица кричитъ звѣринымъ голосомъ: „А! такъ ты хочешь меня этимъ накормить! Но ты не минуешь смерти; я тебя съѣмъ, какъ конфетку; не забудь, что отецъ прислалъ тебя на съѣденье!" Но, какъ она ни кричала, юноша не робѣлъ и все бросалъ хлѣбъ въ разныя стороны, такъ что кусочекъ отъ кусочка падали далеко. Пока она хватала по кусочку (очевидно, она не могла поступить иначе), прошла ночь, и наступилъ часъ, когда ей слѣдовало снова лечь въ гробъ; она кричала на разные голоса, рвала на себѣ волосы и одежду, наконецъ вскочила въ гробъ и закричала: „Если я тебя не одолѣла, провались ты сквозь землю!" Гробъ захлопнулся, и юноша поблагодарилъ Бога. Исчезло и сіяніе, и, оставшись впотьмахъ, онъ просидѣлъ неподвижно до свѣта, и тогда ушелъ съ евангеліемъ и съ кулькомъ.

Къ сожалѣнію, записывавшее эту сказку лицо или не дослушало ее до конца, или затеряло ея окончаніе; его можно было бы, пожалуй, и возстановить на основаніи параллельныхъ сказаній, а именно сказки, сообщенной у Рудченка, но такое сочиненіе всегда будетъ страдать

извѣстнымъ произволомъ. За одно можно поручиться, что старикъ, заботившійся о юношѣ и благополучно проведшій его черезъ всѣ напасти, оказался св. Николаемъ.

Въ заключеніе мнѣ хотѣлось бы сдѣлать еще нѣсколько замѣчаній.

Выше я уже упомянулъ, что въ сказкѣ почти не указывается мѣсто, гдѣ происходитъ дѣйствіе; точно также не указывается и время, когда оно происходитъ. Обыкновенно о времени нѣтъ и рѣчи, или говорится очень неопредѣленно, напр. „въ тѣ времена"; одна сказка начинается такъ: „много лѣтъ спустя". И хронологія въ сказкахъ хромаетъ: супруги счастливо живутъ 120 лѣтъ; отецъ, умирая 90 лѣтъ, оставляетъ сына 15 лѣтъ; герой сказки, только что ходившій въ классъ, женился, а меньшой его братъ отбиваетъ у него жену; брошенная въ лѣсу дѣвочка выходитъ замужъ и т. п. Я не говорю уже о чисто сказочныхъ пріемахъ въ родѣ того, что дитя, заколоченное вмѣстѣ съ матерью въ бочку и брошенное въ море, быстро выростаетъ и пр.

Я постоянно приводилъ подлинныя выраженія изъ своихъ сказокъ; въ дѣйствительности общеизвѣстныхъ, сказочныхъ выраженій въ нихъ множество. Нечего и говорить, что вѣдьма катается со словами: „покочуся, повалюся, Ивашкиного мясця наївшись!" а Ивась, доставленный домой, видя, какъ родители раздаютъ пироги въ поминъ его души, говоритъ: „И мени, мамо!" Если сказка оканчивается свадьбой, то герой „задалъ пиръ на весь міръ. Я тамъ былъ, медъ, пиво пилъ, по губамъ текло, а въ ротъ не попало. Сосѣдка сидѣла, подъ руку толкала, у меня выбивала, сама выпивала" и т. п.

Конечно, въ моихъ сказкахъ есть уже много модернизаціи. Колдунъ зоветъ дочь и зятя пить *чай*; колдунья живетъ въ *шоколадной* избушкѣ; она хочетъ изжарить мальчика на *жаровнѣ*, идетъ къ *доктору*, чтобъ вставилъ ей *искусственный зубъ*; къ *доктору* же ведетъ сестра простудившагося брата и тотъ даетъ ему *горькое лѣкарство*; мужикъ лѣчитъ *ванною* изъ травъ; коварная жена поступаетъ въ *монастырь*; герой ходитъ въ *классъ*, героиня обращается въ *театръ*; у бѣднаго Ивана есть лишь *пальто* и т. д. Тѣмъ не менѣе спеціально одесскихъ ньюансовъ въ сказкахъ почти нѣтъ; исключеніе, быть можетъ, составляетъ та сказка, содержаніе которой я выше изложилъ подробно. Герой сказки купецъ, живущій въ портовомъ городѣ и съ торговыми цѣлями плывущій на кораблѣ во Францію; онъ беретъ разрѣшеніе у правительства и имѣетъ документы; служащихъ онъ нанимаетъ на биржѣ, въ качествѣ денегъ обращаются кредитки. Все это, конечно, черты любого портоваго города; но ясно, что у мальчика, разсказывавшаго сказку, рисовалась въ воображеніи знакомая ему Одесса. Что же касается другихъ моихъ сказокъ, то онѣ, видимо, переданы были въ Одессѣ такими, какими вообще обращались въ южной Россіи, и сохранились почти въ томъ же видѣ, измѣнившись лишь въ языкѣ, подъ вліяніемъ школьнаго ученія; но и то во многихъ сказкахъ въ языкѣ сохранились слѣды ихъ первоначальной одесской редакціи.

Ал. Маркевичъ.

ОБЗОРЪ ТУРЕЦКИХЪ СКАЗОКЪ

по сборнику Куноша.

(„Oszmán-török népköltési gyüjtemény, I. Kötet. Oszmán-török népmesék. Budapest 1887. Második kötet: Oszmán-török népmesék és népdalok, szóbeli közlés után gyüjtötte, és forditotta d-r Kúnos Ignácz. Budapest. 1889“).

Вопросъ о восточномъ, преимущественно тюркскомъ вліяніи на русскую народную словесность давно требуетъ точнаго рѣшенія; всѣми сознается настоятельная необходимость выяснить, въ какой степени было сильно это вліяніе. Но правильная постановка изслѣдованія тормозится въ значительной степени тѣмъ обстоятельствомъ, что большая часть тюркскаго матеріала издана безъ перевода на какой-либо европейскій языкъ, доступный не-оріенталистамъ.

А. Е. Крымскій обратилъ мое вниманіе на сборникъ матеріаловъ по османской народной словесности, изданный венгерскимъ оріенталистомъ Игнатіемъ Куношемъ (Ignacz Kúnos) въ трехъ томахъ подъ венгерскимъ заглавіемъ: Oszmán-török népköltésy gyüjtemény (Будапештъ 1887—1889); первый томъ содержитъ текстъ турецкихъ сказокъ, второй—текстъ сказокъ, пѣсенъ и загадокъ, третій—тексты и венгерскій переводъ маріонеточныхъ (карагёзовскихъ) комедій [1] Каждому тому предпослано предисловіе (bevezetés) на языкѣ, пожалуй, еще менѣе доступномъ, чѣмъ турецкій,—на венгерскомъ. Что касается переводовъ на европейскіе языки, то только по отношенію ко второму тому сдѣлано достаточно: пѣсни, заключающіяся въ немъ, по частямъ переводились на нѣмецкій языкъ (самимъ же Куношемъ въ Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes 1888—1889), на французскій (Альрикомъ въ Journal Asiatique, 1889), на малорусскій (А. Е. Крымскимъ въ австрійскомъ малорусскомъ журналѣ „Народ“, 1890) и на русскій (В. Смирновымъ въ его „Очеркѣ исторіи турецкой литературы“ 1892); недавно Куношъ помѣстилъ французскій переводъ значительнаго количества турецкихъ пѣсенъ (съ приложеніемъ турецкаго текста) въ Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft (1899, Heft 2). Но сказочный матеріалъ сборника остается до сихъ поръ совершенно неизвѣстнымъ или почти неизвѣстнымъ для изслѣдователей не-оріенталистовъ [2]), и я, по совѣту А. Е. Крымскаго, рѣшился

---

[1]) Онъ вышелъ раньше двухъ другихъ (1886) и, собственно, могъ бы не считаться отдѣльнымъ томомъ этой же серіи, потому что не помѣченъ какъ особый нумеръ.

[2]) Въ „Ungarische Revue“ Куношъ помѣстилъ статьи: Eine türkische Siegfriedsage (1887, 10) и Der Pferdesohn (1888, 2), а въ „Am Urquell“—Geduldstein, Geduldmesser, türkische Volksmärchen aus Anatolien (IV). У В. Смирнова въ его Очеркѣ исторіи турецкой литературы (Всеобщ. ист. литературы Корша-Кирпичникова, IV) изложена одна сказка.

представить сокращенное изложеніе всѣхъ сказокъ (т.-е. всего перваго и части второго тома), стараясь не упустить при этомъ ни одной изъ существенныхъ или характерныхъ чертъ.

Для сбереженія мѣста я очень часто, даже въ ущербъ литературному стилю, ограничиваюсь отрывочными фразами: работа моя предназначается для фольклористовъ, которые, при сколько-нибудь основательномъ знакомствѣ со сказочнымъ матеріаломъ другихъ народовъ, безошибочно опредѣлятъ по моему сжатому изложенію не только тотъ или другой сказочный мотивъ, но и отношеніе его къ мотиву предыдущему и послѣдующему *). Для сбереженія мѣста не буду также указывать русскихъ или иныхъ параллелей къ турецкимъ сказочнымъ мотивамъ, да и не вижу въ этомъ необходимости. Въ такихъ тщательныхъ этнографическихъ изданіяхъ, какъ, напримѣръ, „Этнографичный Збирныкъ Наукового Товарыства имени Шевченка", очень обстоятельно указаны и продолжаютъ указываться всевозможныя параллели къ разнымъ сказочнымъ темамъ, и не много требуется труда, чтобы изложеннымъ въ моей настоящей статьѣ османскимъ темамъ дать надлежащее мѣсто. Только для № 94 („Объ искусномъ отгадчикѣ") сдѣлано исключеніе въ виду того, что эта тема послужила предметомъ особаго изслѣдованія В. Ѳ. Миллера. Въ концѣ моей статьи А. Е. Крымскій, отмѣтивши литературу предмета, сообщаетъ арабскій варіантъ названной сказки, записанный имъ на Ливанѣ.

Не могу не выразить искренней благодарности С. Е. Сакову, который со своей обычной любезностью разъяснялъ мнѣ трудныя мѣста турецкаго текста.

В. Гордлевскій.

*) Впрочемъ, сказки втораго тома изложены мною нѣсколько подробнѣе.

Обзоръ турецкихъ сказокъ.

„Русскіе славяне получили сказки болѣе непосредственно съ востока, нежели прочіе европейскіе народы“.
Восточные и западные родичи одной русской сказки.

Вс. Миллеръ.

1. Не взирая на неудачныя попытки многихъ юношей, сынъ йеменскаго царя задается мыслью пробраться во дворецъ красавицы-царевны, которая, заколдованная вѣдьмой, печально влачитъ жизнь въ отчужденіи отъ внѣшняго міра. Послѣ долгихъ скитаній, измученный, приходитъ онъ въ садъ, гдѣ его находитъ дэвъ женщина (сторожъ сада). Рѣшительность юноши внушаетъ ей состраданіе, и она указываетъ ему средство уничтожить чары: съ новыми силами пускается царевичъ въ путь за бѣлой розой, охраняемой тремя дѣвушками-кошками, дочерьми вѣдьмы. Овладѣвъ талисманомъ, вступаетъ онъ въ городъ царевны и передаетъ ея мамкѣ розу. Едва дѣвушка воткнула цвѣтокъ въ волосы, сильная любовь закипѣла въ ея сердцѣ, и, къ крайнему изумленію отца, она проситъ позволенія погулять по саду, гдѣ мамка и устраиваетъ свиданіе молодыхъ людей. Опасаясь городскихъ сплетенъ, царь, по совѣщаніи съ визиремъ, выдаетъ свою дочь за смѣльчака.

2. Героемъ сказки является младшій царевичъ. Исполняя предсмертную волю отца, онъ убиваетъ на могилѣ его врага—дракона. Въ поискахъ за огнемъ, чтобы поднять въ темнотѣ носъ и уши дракона (мимоходомъ связавъ на время руки старику, регулирующему посредствомъ двухъ клубковъ—чернаго и бѣлаго—теченіе дня и ночи), онъ освобождаетъ городъ отъ стоявшихъ подъ его стѣнами сорока разбойниковъ. Богатырскій мечъ, забытый юношей во дворцѣ, наводитъ освобожденнаго царя на мысль выстроить баню, съ цѣлію такимъ образомъ разыскать избавителя. Поиски увѣнчиваются успѣхомъ, и царь въ благодарность отдаетъ за шаха Мехмеда младшую дочь, плѣнившую его красотой, предупреждая, что онъ пріобрѣтаетъ врага въ лицѣ дэва Вѣтра, который безуспѣшно сватался за нее. Вѣтеръ уноситъ молодую, и безутѣшный царевичъ предпринимаетъ трудный путь. Ни левъ, ни пантера, зятья царевича, дружественно расположенные къ нему за то, что онъ совѣтовалъ братьямъ руководиться въ выборѣ жениховъ желаніемъ покойнаго родителя, не могутъ дать ему никакихъ указаній; на вѣрный путь направляетъ его птица „Изумрудъ“, женатая на младшей сестрѣ. Юноша похищаетъ жену; но Вѣтеръ догоняетъ бѣглецовъ и, изрубивъ царевича на мелкіе куски, кладетъ въ мѣшокъ и подвязываетъ къ лошади, которая останавливается у дома младшаго зятя. По приказанію „Изумруда“ коршунъ („акъ-баба“—сѣдой старикъ) ѣдетъ въ рай за живой водой. Царевичъ воскрешенъ, и никакія увѣщанія не въ силахъ отвратить его отъ разъ начатаго дѣла. Онъ поручаетъ женѣ ласками выпытать у дэва, какъ его одолѣть. Тогда, поймавъ у ручья богатырскаго коня, царевичъ ѣдетъ на островъ за смертью Вѣтра. Пользуясь его сорокадневнымъ сномъ, онъ вторично забираетъ свою жену и, при приближеніи дэва, душитъ птицу, заключенную въ золотую клѣтку. Молодые возвращаются къ обрадованнымъ родителямъ жены, заѣзжая на пути къ зятьямъ. Царевичъ предъявляетъ права на отцовскій престолъ, завѣщанный побѣдителю его врага: народъ свергаетъ старшаго брата и провозглашаетъ царемъ Мехмеда.

3. Царевичъ видитъ во снѣ красавицу и влюбляется въ нее. Но его страсть усиливается, когда „лала“ (дядька) приноситъ ему изъ „бани сорока дѣвицъ“ ея украшенія. Склоненный просьбами, пѣстунъ „однажды ночью, когда никто ничего не подозрѣвалъ“, беретъ съ собой царевича въ садъ. Къ бассейну подлетаетъ сорокъ голубей. Дядька прячетъ одежды возлюбленной его питомца; подчиняясь необходимости, дѣвушка клянется быть его вѣрной подругой. Внезапно подымается шумъ, и дядька исчезаетъ вмѣстѣ съ остальными голубями. Видя горе юноши, дѣвушка посылаетъ за легкомысленнымъ „лала“, вмѣшавшимся въ толпу дѣвушекъ-оборотней, свою тетку („птицу“). Царевичъ сжигаетъ платье дядьки, и онъ снова становится навсегда человѣкомъ.—Пышно празднуется свадьба воспитанника и его наставника.

4. Чтобы кончить раздоры изъ-за власти, братья пускаютъ стрѣлы. Ища свою стрѣлу, младшій царевичъ встрѣчаетъ подъ городомъ сорокъ разбойниковъ и убиваетъ ихъ. Признавъ въ немъ освободителя (примѣта—мечъ), царь въ радости женитъ царевичей на своихъ дочеряхъ. Счастье юноши непродолжительно: на обратномъ пути отъ царя, дэвъ, спустившись съ воздуха, похищаетъ младшую царевну, выдававшуюся своей красотой. Царевичъ идетъ за ней. Мать дэва и ея сестры помогаютъ ему вернуть жену. За свадебнымъ пиромъ онъ забываетъ обѣщаніе посылать старшей вѣдьмѣ ежедневно по одному человѣку, на съѣденіе. Ночью злая вѣдьма уноситъ молодую чету, безмятежно почивавшую, и, только уступая мольбамъ царевича, смягчаетъ гнѣвъ. Но царевичъ, по оплошности, вновь теряетъ жену, предавшись въ дорогѣ сну. Царь-пери принимаетъ въ немъ горячее участіе и даетъ въ его распоряженіе птицу, которая подымается подъ облака, захвативъ у дэва дѣвушку. Пробужденный ото сна ржаніемъ коня, дэвъ пускается въ погоню; поиски безуспѣшны. Отпуская отъ себя царевича съ женой, царь наставляетъ его, какъ избавиться отъ вѣдьмы, требующей дани. Не робѣя передъ ней, они обмѣниваются условными именами: вѣдьма превращается въ камень. Явившись царевнѣ во снѣ, дервишъ предлагаетъ опасный планъ развязаться съ вѣдьмой: вызвавъ дэва изъ камня, царевичъ, вмѣсто того, чтобы спрыснуть его водой, въ страхѣ хватается за мечъ и ударяетъ дэва. Обѣщанныя сокровища утрачены; изъ камня капаетъ отнынѣ кровь. Добрый дервишъ запрещаетъ тревожить дэва, грозя вѣчной разлукой.

5. Встрѣтивъ бездѣтнаго царя, дервишъ указываетъ причину его печали и на прощанье даетъ ему яблоко. Спустя девять мѣсяцевъ и десять дней у царя раждается сынъ. Когда ему исполнилось двадцать лѣтъ, царь женилъ его; въ свадебную ночь приходитъ дервишъ и, согласно условію, уводитъ юношу. Оставленный на горѣ старикомъ, юноша пріобрѣтаетъ любовь одной изъ трехъ дочерей его и легко рѣшаетъ предлагаемыя имъ задачи. Дервишъ отпускаетъ юношу, отдавъ ему въ жены дочь. Недовольная мать несется вслѣдъ за парочкой, чтобы отнять дочь; но дочь искусно обманываетъ ее, обращая себя и царевича при помощи пощечины то въ садъ и садовника, то наконецъ въ озеро и утку. У границъ царства царевичъ оставляетъ дѣвушку, обѣщая прислать за ней экипажъ. Очутившись въ постели (куда его переноситъ дервишъ), царевичъ, пребывая въ увѣренности, что все это сонъ, забываетъ о дѣвушкѣ. Обернувшись голубемъ, дѣвушка подлетаетъ къ окну и напоминаетъ ему о его долгѣ. Царевичъ женится на ней, отсылая первую жену къ матери.

6. Царь передъ смертью дѣлитъ между сыновьями добро. Растративъ свою долю, младшій царевичъ обращается за помощью къ братьямъ и тѣмъ лицамъ, съ которыми прокучивалъ деньги. Отовсюду встрѣчаетъ онъ отказъ. Тогда онъ рѣшаетъ итти по свѣту пытать счастья. Слѣдуя по пятамъ звѣря, выскочившаго въ полѣ, онъ подходитъ ко дворцу, вокругъ котораго разбитъ роскошный садъ. Нигдѣ не замѣчая входа, онъ прячется за розовымъ кустомъ. Подъ вечеръ прилетаютъ три голубки и, омывшись водой бассейна, оборачиваются красными дѣвицами. Статный царевичъ, робко выглядывавшій изъ-за куста, полюбился младшей дѣвушкѣ, и она открываетъ ему во снѣ способъ овладѣть ими. Прокравшись во дворецъ, юноша сжигаетъ ихъ одежды, и вся чудесная обстановка пропадаетъ: дѣвушки, прижавшись другъ къ дружкѣ, стоятъ въ полѣ и плачутъ. Успокоивъ ихъ, царевичъ возвращается съ ними домой; старшихъ онъ отдаетъ братьямъ, получая отъ нихъ „бехшишъ".

7. Обезпокоенныя печалью царя, у котораго дэвъ постоянно воровалъ изъ сада плоды, дѣти берутся убить вора. Едва живые отъ страха, бѣгутъ старшіе братья, не выдержавъ огня, пышущаго изъ пасти дэва. Храброму младшему царевичу удается ранить его. Чтобы добить дэва, братья снаряжаются въ путь. Слѣдъ крови приводитъ ихъ къ колдуну. Спустившись внизъ, царевичъ поражаетъ дэва стрѣлой. „Бей еще", кричитъ дэвъ; „нѣтъ", отвѣчаетъ царевичъ, „мать одинъ разъ родила меня". Дэвъ гибнетъ. Юноша освобождаетъ изъ плѣна трехъ дѣвицъ; братья вытаскиваютъ ихъ; но, завидуя брату, они перерѣзываютъ веревку, и онъ, не успѣвъ ухватиться за бѣлую овцу, падаетъ за седьмой этажъ земли. Выбравшись въ городъ, онъ спасаетъ отъ змѣи дѣтенышей изумрудной птицы Анка; благодарная самка даетъ ему два волоска на случай нужды. Радуясь избавленію отъ дэва, портившаго воду, царь велитъ ему просить, чего онъ хочетъ. Царевичъ желаетъ выбраться на вольный свѣтъ. Призванная юношей къ царю, птица сажаетъ царевича на спину, прикрѣпивъ по бокамъ мѣшки съ мясомъ и мѣхи съ водой. Когда все мясо вышло, царевичъ, чтобы утолить голодъ птицы, вырѣзываетъ ей икры. Птица бережно держитъ во рту человѣческое мясо, и, спустившись на землю, выплевываетъ его изо рта и прикладываетъ къ ногамъ царевича. Прикинувшись дуракомъ (для чего онъ надѣваетъ на голову вывернутыя кишки), царевичъ нанимается въ родномъ городѣ къ ювелиру. Пощелкивая орѣхами, усаживается царственный работникъ въ мастерской, чтобы изготовить къ свадьбѣ братьевъ золотую вѣтвь. Свадебныя торжества начинаются турниромъ. Царевичъ достаетъ отъ птицы полное вооруженіе и, явившись на ристалище, беретъ верхъ

надъ братьями, вызывая всеобщее удивленіе ловкостью своихъ движеній. По истеченіи сорока дней, онъ несетъ царю заказъ: парь узнаетъ своего любимца; извѣщенный о козняхъ старшихъ сыновей, онъ казнитъ ихъ и отдаетъ всѣхъ трехъ дѣвушекъ младшему сыну.

8. Въ шумномъ веселіи проводилъ дровосѣкъ съ женою все свободное отъ работы время, не обращая вниманія на указъ царя, запрещавшій зажигать ночью огонь. Беззаботность дровосѣка понравилась царю, и онъ сдѣлалъ его камергеромъ („капуджы баши"), давъ ему эмблему должности — мечъ. Въ трудную минуту жизни дровосѣкъ продалъ мечъ лавочнику, устроивъ себѣ деревянный клинокъ. Когда царь узналъ объ этомъ, онъ призвалъ дровосѣка къ себѣ и, исполняя господствовавшій въ то время обычай при каждомъ новомъ назначеніи предавать кого-либо казни, велѣлъ ему испытать силу меча. Дровосѣкъ не потерялся: боясь царскаго гнѣва, онъ сталъ молиться Богу превратить его мечъ въ деревяшку въ случаѣ невинности человѣка, обреченнаго на смерть. Такая находчивость изумила царя, и онъ щедро наградилъ его

9. Выведенная изъ терпѣнія младшимъ царевичемъ, старуха вселяетъ въ него неудержимую страсть къ смѣющемуся и плачущему яблоку. Испросивъ разрѣшенія у отца, царевичъ съ братьями отправляется въ путь. У источника они раздѣляются, положивъ подъ камень перстень; каждый ѣдетъ по особой дорогѣ. Наперекоръ надписи, гласившей: „кто поѣдетъ по этой дорогѣ, не вернется", царевичъ достигаетъ своей цѣли: подкупленный золотомъ, пастухъ проводитъ его подъ шкурой овцы вмѣстѣ со стадомъ во дворецъ. Царевичъ ночью крадется въ опочивальню дѣвушки, гдѣ находятся чудесныя яблоки. Три раза, напуганный таинственнымъ плачемъ и смѣхомъ яблокъ, убѣгаетъ онъ; на четвертый разъ онъ срываетъ ихъ съ дерева. Вѣдьма, направившая его къ пастуху, укрываетъ его теперь у себя и, посадивъ на доску въ чанъ, наполненный кровью, спасаетъ отъ преслѣдованій: царскіе звѣздочеты поставлены въ затруднительное положеніе. Царевичъ отыскиваетъ своихъ братьевъ (одинъ изъ нихъ сдѣлался содержателемъ кофейни, другой — банщикомъ), и всѣ трое направляются къ родинѣ. Завидуя удачнику, старшіе братья бросаютъ его въ колодецъ, откуда его вытаскиваютъ прохожіе. Между тѣмъ царь, страдая за дочь, посылаетъ нѣсколько людей съ четками въ тысячу зеренъ по всѣмъ государствамъ. Царевичъ, скрывавшійся пока отъ отца, перебираетъ передъ нимъ четки: царь, раздраженный коварствомъ старшихъ дѣтей, казнитъ ихъ. Царевичъ съ послами идетъ къ чужеземному царю, который, восхищенный его красотой, женитъ его на своей дочери.

10. Царь, переодѣвшись дервишемъ, задаетъ дровосѣку загадку: „что такое мѣсяцъ и звѣзды, день и ночь?". Бѣдный дровосѣкъ въ отчаяніи: старшія дочери высмѣиваютъ его; ему грозитъ смерть. Изъ бѣды выручаетъ его младшая дочь. Тогда царь предлагаетъ новую задачу: „у тебя", говоритъ онъ мужику, „три дочери, и всѣ онѣ беременны седьмой мѣсяцъ". Младшая дочь не смущается: когда на другой день царь зоветъ ихъ во дворецъ, она подвязываетъ сестрамъ по узлу; такъ онѣ представляются царю; довольный отвѣтами старшихъ дѣвушекъ, онъ выдаетъ ихъ за „туршуджу-баши" (надзиратель соляного производства) и „касабъ-баши". Спрошенная царемъ о своемъ желаніи, младшая проситъ дать ей воздушной рыбы и морскихъ овощей и на замѣчаніе царя, что это невозможно, показываетъ ему всю безсмысленность оскорбленія, нанесеннаго невиннымъ дѣвушкамъ. Пораженный ея смѣтливостью, царь велитъ визирю заключить брачный контрактъ между нимъ и „семилѣткой".

11. Разгнѣвавшись на сына, царь выгоняетъ его съ матерью изъ города. По дорогѣ царевичъ находитъ камень-самоцвѣтъ, ослѣпительный блескъ котораго выдаетъ его: царь того города, гдѣ царевичъ остановился, думаетъ, что нарушается его запрещеніе зажигать огонь, и требуетъ юношу къ себѣ. Отобравъ отъ него камень, царь, подстрекаемый визиремъ, задаетъ ему трудныя службы: царевичъ, убивая драконовъ о семи головахъ, съ помощью дѣвушекъ, сидѣвшихъ въ заточеніи, доставляетъ царю мѣшки алмазу, жемчугу, яхонту. Но ослѣпленный царь, не довольствуясь ничѣмъ, приказываетъ выстроить для него среди моря павильонъ: когда въ сопровожденіи высшихъ сановниковъ государства онъ вступилъ туда, „хаджи-баба", отецъ дѣвушекъ, убираетъ кöшкъ (кіоскъ)—всѣ тонутъ въ морѣ. Опасаясь за жизнь, царевичъ съ дѣвушками поселяется въ предмѣстьи родного города. Изъ зависти царь замышляетъ погубить сына, чтобы завладѣть прекрасными дѣвицами. Когда не дѣйствуетъ отрава (у царевича есть перстень—талисманъ, подаренный невѣстой), онъ предлагаетъ ему играть въ трикътракъ: случайно выигрывая, онъ, согласно условію, связываетъ царевича; — тотъ легко разрываетъ путы. Не подозрѣвая обмана, довѣрчивый юноша открываетъ отцу тайну силы. Связавъ его пальцы тремя собственными волосками, царь-извергъ выкалываетъ ему глаза и бросаетъ въ колодецъ. Вѣрная собака остается сторожить своего хозяина. Стоны царевича достигаютъ неба: является „пиръ" (старецъ) и исцѣляетъ его. Юноша спѣшитъ къ отцу, который затѣялъ неравную борьбу съ дѣвушками, за то что тѣ отрѣзали головы у посланныхъ къ нимъ сорока горничныхъ. Хромой бѣсъ, пощаженный однажды царевичемъ, сдается ему безпрекословно; вдвоемъ идутъ они къ царю. Дэвъ тащитъ царя съ престола и убиваетъ. Визири, не сочув-

ствовавшіе безчеловѣчному царю въ его ненависти къ родному сыну, избираютъ на царство Ахмеда безрукаго („пармаксыза").

12. Негодуя на своего араба, [1]) поставившаго выше красоту ея дочери, жена царя, чтобы извести ее, безжалостно покидаетъ ее въ полѣ. Ея плачъ привлекаетъ трехъ братьевъ, полюбившихъ дѣвушку, какъ сестру. Злая женщина придумываетъ новую месть: она втыкаетъ въ ея волосы двѣ заколдованныя шпильки, и дѣвушка засыпаетъ мертвымъ сномъ. Опечаленные ея смертью, братья подвѣшиваютъ ея гробъ въ горахъ. Царевичъ, пораженный ея красотой, переноситъ гробъ во дворецъ, любуясь ею по ночамъ. Подозрѣвая тайну, невѣста въ его отсутствіе входитъ въ комнату и вынимаетъ одну изъ шпилекъ. Царевна, обернувшись птичкой, вылетаетъ черезъ окно и каждое утро стремится въ садъ, освѣдомляясь у садовника о здоровьѣ юноши. Изловивъ птицу, царевичъ садитъ ее въ золотую клѣтку: жена изъ ревности душитъ ее и бросаетъ въ садъ. Изъ праха ея выростаетъ роза. Поставивъ цвѣтокъ въ горшокъ, добрая старушка нюхаетъ его: цвѣтокъ обращается въ птичку. Вынувъ вторую шпильку, блестѣвшую въ ея головѣ, она видитъ предъ собой красивую дѣвушку. Старуха докладываетъ обо всемъ царевичу, который, едва не поддавшись навожденію колдуньи, напустившей на него обезьяну, приводитъ суженую во дворецъ. Участь коварныхъ женщинъ печальна: ихъ вѣшаютъ за волоса [2]).

13. „Келъ-оглану" (плѣшивому юношѣ-дурачку), при дѣлежѣ отцовскаго имущества, достается только быкъ, да и то слѣпой на одинъ глазъ. Въ гнѣвѣ на дерево, которое на всѣ его вопросы поскрипываетъ въ отвѣтъ, онъ ударяетъ въ него топоромъ: изъ дупла сыплется золото. Черезъ хитраго сосѣда, у котораго братья занимали мѣру, скоро вся деревня узнаетъ о неслыханномъ богатствѣ братьевъ. Закопавъ золото, братья въ страхѣ бѣгутъ. Посланный запереть дверь, „келъ-огланъ", невольно убивъ мать, возвращается къ брату съ дверью на плечахъ. Въ сильномъ безпокойствѣ проведя на деревѣ ночь при мысли, что слишкомъ развязныя выходки „келъ-оглана" откроютъ наконецъ глаза группѣ всадниковъ, пріютившихся подъ деревомъ, старшій братъ на утро разстается съ нимъ. „Келъ-огланъ" нанимается въ работники; скоро условіе, поставленное хозяину, кажется послѣднему невыносимымъ; уложивъ всѣ вещи, онъ съ женою бросаетъ свой домъ, но, увы, неотвязчивый „келъ-огланъ" сидитъ въ сундукѣ. Супруги рѣшаются на послѣднее средство; „келъ-огланъ", слышавшій ихъ разговоръ, предупреждаетъ ихъ: онъ топитъ старуху въ озерѣ; и лишь только мужъ выражаетъ неудовольствіе, „келъ-огланъ" убиваетъ его за нарушеніе контракта. „Дуракамъ — счастье": исполинъ арабъ, въ чей колодецъ упалъ хлѣбъ, даритъ ему взамѣнъ чудесный столикъ и жерновъ. Гости крадутъ у него все, и „келъ-огланъ" снова требуетъ половину хлѣба. Палки-колотушки отрезвляютъ дурака; однако и самъ проучивъ воровъ, онъ возвращаетъ свое добро. Богатство открываетъ „келъ-оглану" дорогу въ общество: онъ дѣлается вельможей.

14. Выйдя съ „лала" на прогулку, младшій сынъ царя увлекся преслѣдованіемъ звѣря. Въ пустынѣ онъ встрѣчаетъ дэва-женщину въ образѣ красивой дѣвушки. Коварная женщина увѣряетъ его въ любви, и возникшія было подозрѣнія царевича исчезаютъ. Они подходятъ къ безмолвному дворцу. Въ отдаленной комнатѣ видитъ онъ юношу, который разсказываетъ ему печальную исторію своей жизни: его жена-колдунья, мстя супругу за обнаруженіе связи съ арабомъ, которому тотъ въ припадкѣ бѣшенства нанесъ глубокую рану, превратила его по поясъ въ камень. Царевичъ убиваетъ араба и ложится на его мѣсто. Дѣвушка-колдунья, обрадованная тѣмъ, что ея мнимый любовникъ, раньше не подававшій надежды на выздоровленіе, обратился къ ней съ нѣжными словами, снимаетъ по его просьбѣ, съ мужа чары. Мечъ царевича поражаетъ и ее. Избѣгнувъ злой вѣдьмы, юноша возвращается съ другомъ домой. Визири выбираютъ его царемъ, несмотря на то, что у него есть тридцать девять братьевъ, старшихъ его лѣтами. Другъ остается при немъ совѣтникомъ.

15. Задумавъ жениться, сыновья царя — ихъ было сорокъ — выѣзжаютъ изъ дому, чтобы сыскать сорокъ сестеръ. Отпуская, отецъ наказываетъ не останавливаться въ трехъ заповѣдныхъ мѣстахъ: у источника, на постояломъ дворѣ и въ полѣ. Сыновья не слушаются и ложатся спать. Младшій царевичъ, юноша лѣтъ 13 — 14, убиваетъ страшнаго дракона о семи головахъ и, спустившись въ колодецъ, находитъ сорокъ дѣвицъ. Также удачно расправляется онъ и со вторымъ дракономъ. Наконецъ, въ полѣ наступаетъ время расплачиваться за нарушеніе братьями отцовской воли. Испуганные голосомъ дэва, братья съ радостью принимаютъ предложеніе юноши, и съ дѣвицами являются къ отцу. Борьба царевича съ дэвомъ кончается неопредѣленно; со-

---

[1]) Какъ видно изъ контекста этой и многихъ слѣдующихъ сказокъ, терминъ „арабъ" надо понимать въ смыслѣ „арапъ". *В. Г.*

[2]) Сказка эта переведена проф. *В. Д. Смирновымъ*, см. его „Очеркъ турецкой литературы" (Всеобщая исторія литературы, Корша и Кирпичникова, т. IV). *В. Г.*

глашаясь на миръ, дэвъ требуетъ, чтобы онъ досталъ ему дочь китайскаго („Чини-мачинъ"— Китай-Бирманъ) царя. Царевичъ исполняетъ порученіе. Но дѣвушкѣ, привязавшейся къ юношѣ, ненавистна совмѣстная жизнь съ дракономъ, и она вывѣдываетъ у него талисманъ его жизни. На богатырскомъ конѣ царевичъ ѣдетъ за смертью. Голуби, скрытые въ животѣ льва, вырываются изъ рукъ царевича и уносятся за облака; крылатый конь достаетъ ихъ. Дэвъ въ мукахъ издыхаетъ. Молодые гостятъ у тестя. Когда тоска по родинѣ охватила юношу, онъ съ женой ѣдетъ къ отцу. Съ разрѣшенія невѣстки, царь отдаетъ сыну одну изъ спасенныхъ имъ дѣвушекъ.

16. Несвязанный ничѣмъ съ отечествомъ, по смерти родителей, пастухъ съ горя предпринимаетъ далекій путь въ Багдадъ; тамъ онъ поступаетъ въ услуженіе. Выбравшись изъ колодца, полнаго драгоцѣнностей, гдѣ его оставилъ хозяинъ, онъ жестоко мститъ ему, бросая его голову туда же. Какъ первый богачъ, онъ избирается вельможами на царство. Стыдясь невѣжества царя, визири приставляютъ къ нему учителя. Новый міръ открывается передъ царемъ, при одномъ прикосновеніи къ книгѣ по астрологіи: огромная птица несетъ его въ неизвѣстный городъ, гдѣ все царя приводитъ въ изумленіе. Сгорая любопытствомъ, онъ вмѣшивается не въ свое дѣло (въ Божье дѣло): жена и ея сосѣдки избиваютъ его и прогоняютъ за городъ. Внезапно появляется птица и кладетъ царя на (прежнемъ мѣстѣ) лѣстницѣ. Съ благоговѣніемъ цѣлуетъ царь руку мудраго наставника: прерванный урокъ продолжается. Въ чтеніи и письмѣ проводили они время.

17. Находясь въ крайней нуждѣ, сынъ рыбака берется за отцовское занятіе. Красивая рыба, имъ пойманная, принимаетъ, едва юноша уходитъ на работу, образъ дѣвушки и хлопочетъ по хозяйству. Очарованный ея наружностью, юноша сжигаетъ чешую. Дѣвушка, слегка укоривши его за опрометчивый поступокъ, соглашается быть его женой. Молва о ея красотѣ доходитъ до царя. Чтобы придать законность насилію, онъ поручаетъ юношѣ непосильныя работы, грозя отнять дѣвушку. Ея отецъ, „арабъ", помогаетъ зятю: къ изумленію и досадѣ царя,— передъ нимъ красуется дворецъ, весь въ золотѣ и алмазахъ, и длинный хрустальный мостъ; чудесные жернова кормятъ людей всей вселенной. Но требованія царя не знаютъ границъ; онъ жаждетъ нарушенія законовъ природы: изъ яйца выходитъ мулъ и кидается на царя. Спасенный отъ смерти, неблагодарный царь не унимается: новорожденный младенецъ, племянникъ жены юноши, посрамляетъ царя, заставляя его отказаться отъ притязаній на дѣвушку. „Они достигли своей цѣли, а мы засядемъ на постели".

18. Царь вывѣшиваетъ у дворца шкуру вши, достигшей размѣра кошки, обѣщая выдать единственную дочь за того, кто опредѣлитъ названіе неизвѣстнаго тогда еще паразита. Дэвъ отгадываетъ и требуетъ награды. Жалѣя дѣвушку, чудесный жеребецъ царя („Камеръ-тай"— Луноликій жеребецъ) прячетъ ее въ павильонѣ среди моря; проѣзжая мимо, царевичъ натыкается на нее и женится на ней. Война отрываетъ его отъ молодой супруги. Царь посылаетъ сыну радостное извѣстіе о рожденіи двухъ дѣтей. Мстительный дэвъ искусно подмѣниваетъ ночью у гонцовъ („татаръ") письма, и бѣдная мать, обезумѣвъ отъ страха за младенцевъ, тайно бѣжитъ. Пользуясь ея беззащитностью, дэвъ устремляется на нее. Крики отчаянія доносятся до „Камеръ-тая", скованнаго, въ силу мнимаго приказа царевича, желѣзными цѣпями; онъ разрываетъ ихъ и еще разъ спасаетъ дѣвушку, жертвуя своею жизнью. Въ полномъ довольствѣ живетъ дѣвушка въ его кишкѣ. Гнусная клевета дэва разоблачается, и мысль, что жена невинно страдаетъ, подвигаетъ царевича на поиски. Съ трудомъ передвигаясь, приближается онъ, изнеможенный, къ жилищу дѣвушки. Подученныя матерью, дѣти задаютъ ему вопросъ: „можетъ ли женщина родить двухъ котятъ?". Пелена спадаетъ съ его глазъ; онъ бросается въ объятія жены. Веселые, идутъ они къ царю. Дэвъ терпитъ заслуженное наказаніе. Ему предоставляется на выборъ: сорокъ ли лошаковъ, или столько жъ тумаковъ (собств. „сатур" означ. большой, широкій ножъ для мяса). Надѣясь на помилованіе, онъ проситъ лошаковъ: его привязываютъ къ хвостамъ животныхъ.

19. Вернувшись съ дороги во дворецъ, царь наталкивается на отвратительную сцену: его жена лежитъ въ объятіяхъ араба. Внѣ себя отъ негодованія, онъ убиваетъ любовниковъ. Лишившись жены, онъ, грустный, отказывается отъ всякихъ развлеченій, возбуждая недоумѣніе брата. Только измѣна жены брата примиряетъ его съ жизнью, и радостное настроеніе возвращается къ нему. Оскорбленные въ лучшихъ чувствахъ, братья все еще не вѣрятъ въ испорченность женщинъ. Новое разочарованіе ждетъ ихъ: на зло великану, который держитъ ее въ ящикѣ, дѣвушка обманываетъ бдительность его и принуждаетъ братьевъ согрѣшить съ ней; длинная цѣпь перстней увеличивается новыми знаками позора. Ласковый царь отнынѣ вырождается въ тирана. Безпрерывныя свадьбы и казни женъ повергаютъ страну въ уныніе. Удовлетворяя дикой страсти царя, визирь отдаетъ ему двухъ дочерей. Спасаясь отъ царскаго меча, дѣвушки на разсвѣтѣ бѣгутъ изъ города. Чудесный дворецъ, пристанище сорока оборотней, страшитъ

ихъ своею таинственностью: невидимая рука властно ударяетъ ихъ, едва онѣ дотрогиваются до кушаній. Завидѣвъ издали всадниковъ, сестры влѣзаютъ на дерево: братья проѣзжаютъ мимо источника. Вѣдьма садится на горшокъ и доставляетъ къ царямъ дѣвушекъ, предварительно взявъ клятву, что они не причинятъ зло женамъ. Къ радости визиря, въ государствѣ возстановляется порядокъ: братья дружно живутъ съ ними.

20. „Келъ-огланъ"—„какъ младшій братъ, онъ былъ нѣсколько глуповатъ"—неотступно преслѣдуетъ старшаго брата; высадившись съ парохода въ Египтѣ, тотъ вторично покидаетъ дурачка. По дорогѣ дурачокъ обманываетъ трехъ братьевъ и съ колпакомъ, кнутомъ и молитвеннымъ ковромъ скрывается отъ нихъ, переносясь въ мѣсто пребыванія брата. Владѣя чудесными вещами, онъ объясняетъ царю непонятныя исчезновенія его дочери и въ доказательство показываетъ золотую и серебряную вѣтвь, сорванную въ то время, когда онъ въ шапкѣ-невидимкѣ сидѣлъ съ царевной на подносѣ, несомомъ арабомъ. Царь хочетъ дать обѣщанную награду; но добродушный дурачокъ проситъ женить старшаго брата на дѣвушкѣ.

21. Изъ угожденія царю, души не чаявшему въ пѣстунѣ, „лала" спускается въ подземный колодезь; во дворцѣ онъ находитъ за пряжей трехъ дѣвушекъ. По совѣту, онъ вырываетъ у соннаго дракона изъ головы сорокъ волосковъ и сжигаетъ ихъ: дэвъ замертво падаетъ. Ожививъ пепломъ трехъ юношей, визирь является съ ними къ стосковавшемуся царю. Недовольныя планомъ визиря, который отказался выдать ихъ за юношей, дѣвушки обертываются птицами и улетаютъ. Умилостививъ вѣдьму, визирь съ облегченнымъ сердцемъ разстается съ ней, поручая себя молитвамъ ея. Забывая наставленія ея, онъ убиваетъ одну изъ дѣвушекъ-овечекъ, пасшихся на лугу. Выростаетъ густой кустарникъ. Чтобы спасти „лала", царь беретъ у вѣдьмы горсть земли. Овечка оживаетъ; принявъ человѣческій видъ, она обвиваетъ руками шею освободителя. Смѣшавъ оставшуюся землю съ водой, визирь даетъ пить ее сестрамъ. Неустрашимые женихи соединяются съ возлюбленными. Юношамъ царь также подыскиваетъ женъ.

22. Царевичи пускаются по разнымъ дорогамъ за чудеснымъ зеркаломъ, украденнымъ у царя. Тронутая ласковостью младшаго брата, дэвъ-женщина указываетъ ему садъ воровъ-дэвовъ. Неосторожный царевичъ срываетъ вѣтвь; дэвы просыпаются и требуютъ достать мечъ стремяннаго араба. Судьба снова наказываетъ юношу за непослушаніе: уже у цѣли, онъ вынимаетъ изъ ноженъ мечъ: арабъ уноситъ его къ себѣ. Напускная безтолковость царевича надоѣдаетъ арабу; онъ даетъ слово, что отпуститъ его, наградитъ мечомъ, если онъ достанетъ ему дочь царя—пери. Птичкой проникаетъ онъ въ городъ, куда мужчинамъ былъ запрещенъ доступъ, и похищаетъ дѣвушку. Испуганные смѣлостью и хитростью царевича, арабъ и дэвы дарятъ ему мечъ и зеркало. Братья бросаютъ царевича въ колодезь, гдѣ онъ слѣпнетъ. Вѣрная лошадь, сама ослѣпшая съ горя, ломаетъ крышку колодезя. Царевичъ третъ себѣ и лошади глаза перышками птичекъ и прозрѣваетъ. Убѣдившись въ коварствѣ старшихъ сыновей, царь казнитъ ихъ.

23. Злыя насмѣшки старшихъ сестеръ надъ мужемъ—лошадью раздражаютъ младшую сестру: не будучи въ силахъ сдерживаться, она открываетъ имъ, что красивый юноша, восхищающій силой на турнирѣ весь народъ, есть не кто иной, какъ ея супругъ. Дэвъ-мужъ покидаетъ легкомысленную жену; съ плачемъ идетъ дѣвушка искать его. Въ отчаяніи зажигаетъ она два волоска, оставленные лошадью: является ея мужъ. Слезы дѣвушки пробуждаютъ въ немъ жалость; онъ спасаетъ ее отъ своей матери-людоѣдки, превращая ее въ яблоко. Мать клянется яйцомъ, что не тронетъ ея; но скоро просыпается въ ней животный инстинктъ. Она задаетъ дѣвушкѣ непонятныя работы, которыя та исполняетъ только благодаря мужу. Полагая, что вѣдьма ни передъ чѣмъ не остановится, чтобы погубить дѣвушку, юноша — конь бѣжитъ съ ней изъ дома. Послѣ неудачныхъ преслѣдованій сестеръ, вѣдьма сама садится на горшокъ и, погоняя кнутомъ, ѣдетъ за бѣглецами. Тогда сынъ создаетъ изъ дѣвушки дерево и обвивается змѣей вокругъ него. Боясь проглотить вмѣстѣ съ деревомъ сына, вѣдьма удаляется, откусивъ все-таки у дѣвушки палецъ. Чары, тяготѣвшія надъ юношей, уничтожаются. Царь на радостяхъ устраиваетъ свадебный пиръ, длившійся сорокъ дней и ночей.

24. Царь, сильно баловавшій сына, строитъ для него павильонъ съ двумя ручейками, медовымъ и маслянымъ. Сидя у окошка, царевичъ три раза разбиваетъ кувшинъ старушки, и та молитъ Бога вложить въ него страсть къ тремъ апельсинамъ. Всѣ усилія врачей поставить діагнозъ болѣзни юноши безплодны. Царевичъ собирается въ путь. Заинтересовавшись имъ, дэвъ-женщина ведетъ его въ домъ и, чтобы укрыть отъ сыновей, обращаетъ въ кувшинъ. „Что это тутъ пахнетъ человѣческимъ мясомъ", спрашиваютъ у матери дѣти. Мать успокоиваетъ ихъ: они вытаскиваютъ изо рта у себя людское мясо. Братья съ пріязнью принимаютъ въ свою среду нареченнаго брата; но помочь ничѣмъ не могутъ. Наконецъ, младшій сынъ старшей сестры проводитъ его въ садъ, гдѣ въ бассейнѣ лежатъ на днѣ апельсины. Царевичъ разрѣзаетъ два апельсина среди пустыни; красивыя дѣвушки умираютъ отъ жажды. Оставивъ третью дѣвушку у источника на деревѣ, онъ уходитъ за каретой. Изъ зависти къ ея красотѣ, арабъ

втыкаетъ ей въ волосы чародѣйственную иголку, и царевичъ, не вѣдая ничего, везетъ араба домой. Хитрый арабъ до крайности тревожится: птичка каждое утро прилетаетъ въ садъ. Онъ прикидывается больнымъ, и врачи, по его наущенію, заявляютъ царю, что для спасенія араба должно убить птичку. Къ счастью, одно перышко падаетъ на полъ; старушка поднимаетъ его. Наконецъ недоумѣнія ея разрѣшаются: она застаетъ дѣвушку за уборкой комнаты и приглашаетъ царевича къ себѣ. Радостно свиданіе влюбленныхъ. Черный арабъ погибаетъ позорною смертью.

25. Шалунья-дѣвушка обратилась къ отцу со странной просьбой: „пусть мама держитъ умывальную чашку, а ты, папа, лей мнѣ воду изъ кувшина“. Разсерженный царь готовъ ее казнить; люди тайно оставляютъ ее въ горахъ. Во дворцѣ дѣвушка снискиваетъ любовь дэва, который отдаетъ въ ея распоряженіе весь домъ. Дочь его, утка, изъ ревности, при видѣ царевны, бьется головой о стѣнки бассейна и умираетъ. Царевичъ, наблюдавшій за дѣвушкой изъ павильона, черезъ отца, который пишетъ дэву письмо, дѣлаетъ ей предложеніе. Дэвъ убранствомъ стола и роскошью подарковъ затмѣваетъ царя. Чудесные роды царевны облетаютъ весь міръ; отецъ и мать дѣвушки приходятъ издалека, чтобы полюбоваться на роскошную обстановку, образовавшуюся изъ оторванныхъ дѣвушкой отъ боли рукъ и ногъ дэва. Давнишнее желаніе дочери исполняется; отецъ молитъ Бога простить ему грѣхъ.

26. Обидѣвшись на мать, юноша нанимается на чужбинѣ въ услуженіе къ градоначальнику. Дочь вступаетъ съ нимъ въ любовную связь. Тоскуя по юношѣ, примирившемся съ родителями, она тайно покидаетъ домъ. Юноша остается непреклоненъ на трогательную ея пѣснь. Негодованіе сквозитъ уже въ злобномъ ея голосѣ. Съ проклятіями на устахъ она удаляется и, мстя юношѣ за измѣну, занимаетъ большую дорогу, убивая путниковъ и грабя караваны. Собравъ тысячу воиновъ, бей идетъ противъ нея; половина гибнетъ; остальные, спасая свою жизнь, обращаются въ бѣгство. Дѣвушка захватываетъ въ плѣнъ юношу-красавца и съ нимъ идетъ къ его горюющимъ родителямъ. Ненависть противъ людей утихаетъ въ ея душѣ.

27. Царевичи одинъ за другимъ, являются къ дэву за сестрой, похищенной имъ; негостепріимный хозяинъ на утро выводитъ ихъ въ поле и въ единоборствѣ сшибаетъ палицей съ лошади. Перстень жметъ палецъ матери. Предчувствуя бѣду, она передаетъ власть старшему слугѣ и на боевой лошади покойнаго мужа выѣзжаетъ. Не вынося жажды, она пьетъ лошадиную мочу. Съ того часа царица понесла. Задѣтый заживо издѣвательствомъ сверстниковъ, „кобылій сынъ“ силою узнаетъ отъ матери тайну рожденія. Смѣло вызвавъ дэва на бой, онъ поражаетъ его однимъ ударомъ, возвращаетъ матери ея дѣтей, а самъ покидаетъ ихъ, чтобы истребить братьевъ дэва, которые, въ страхѣ передъ богатыремъ, готовятся къ защитѣ. Великодушный герой принимаетъ „вертодуба“ и „вертогора“ въ товарищи; втроемъ устраиваются они въ пещерѣ. Вѣдьма нахально вырываетъ зажареннаго барана; товарищи въ смущеніи сознаются въ безсиліи „кобыльему сыну“, и онъ при ея появленіи отсѣкаетъ ей голову, которая катится въ колодезь. За желѣзной дверью обрисовывается передъ нимъ райскій садъ. Окруженная стекломъ, дочь вѣдьмы работаетъ пряжу. Съ тремя сестрами подходитъ онъ къ отверстію ямы. Покинутый названными братьями, онъ выбирается на землю на спинѣ птицы. Въ лачугѣ бѣдной старухи его поражаетъ громкое веселье и плачъ: то его вѣроломные товарищи справляютъ свадьбу; во дворцѣ снаряжаютъ царскую дочь на съѣденіе дракону. Старуха тайно передаетъ его возлюбленной перстень; безпредѣльна радость дѣвушки, ликующей, что ея ненаглядный живъ. Скрывшись въ палаткѣ, онъ сразу сноситъ головы семиглавому дракону. Увертки товарищей ни къ чему не приводятъ: „кобылій сынъ“ жестоко расправляется съ ними. Царь объявляетъ по городу кличъ, чтобъ всѣ шли ко двору: „кто понравится царевнѣ, тому де царь и отдастъ ее“. Завидѣвъ юношу, царевна закричала: „вотъ онъ!“ Уступая просьбамъ, онъ отпускаетъ съ нимъ свою дочь.

28. Недоумѣвая, какъ отвязаться отъ назойливаго „келъ-оглана“, сватавшагося за царскую дочь, ея отецъ требуетъ, чтобы тотъ доставилъ ему всѣхъ птицъ. Изъ бѣды выручаетъ дервишъ, попавшійся ему въ пути. Подойдя къ кипарису, пристанищу птицъ, „келъ-огланъ“ произноситъ магическое слово „маджунъ“; птицы остаются на деревѣ, и онъ несетъ ихъ царю. Раздраженный хитростью царя, который указываетъ теперь на плѣшь, какъ на помѣху къ свадьбѣ, юноша усыпляетъ царскаго жениха съ невѣстой, наконецъ почти все царство, и царь шлетъ за нимъ своихъ слугъ; по наущенію сына, мать беретъ съ посланцовъ взятку въ тысячу червонцевъ. Юноша, укрывавшійся въ домѣ матери, снимаетъ чары, царь выдаетъ за него дочь. Прежній женихъ, сынъ визиря, не помня подъ собою ногъ, бѣжитъ изъ города. Купивъ въ дорогѣ ящикъ со вставными коробками за тысячу лиръ, онъ входитъ въ чужой городъ. Обворожив царскую дочь, онъ проситъ отъ отца ея руки. Пользуясь матеріальными затрудненіями юноши, визирь, который самъ добивался взаимности царевны, подкупаетъ его. Оскорбленная молодуха на третій день свадьбы жалуется на него царю; вступаясь за честь дочери, царь заключаетъ его въ темницу. Цѣлыхъ три дня крыса и навозный жукъ, сидящіе за сорока ящичками, мучатъ но-

ваго супруга дѣвушки, визиря. Царевна отдаетъ предпочтеніе юношѣ, его выпускаютъ на свободу.

29. Подслушавъ ночью подъ окномъ дровосѣка рѣчи трехъ дочерей его, царь женитъ на нихъ царевича. Ослѣпленныя высокой честью, старшія сестры отказываются выполнить работы (громадныхъ размѣровъ коверъ, шатеръ), и царь отправляетъ ихъ домой. Отъ младшей дѣвушки рождаются близнецы: дѣвушка, съ золотыми кудрями, и мальчикъ, во лбу котораго сіяетъ мѣсяцъ и звѣзды. Навѣты коварныхъ сестеръ ожесточаютъ легковѣрнаго царя: онъ велитъ бросить дѣтей на кладбищѣ. Тайно отъ хозяевъ коза питаетъ ихъ молокомъ. Удивляясь отсутствію молока, старикъ выслѣживаетъ козу, и беретъ дѣтей на воспитаніе. Невольно очарованный на охотѣ красотой ихъ, царевичъ везетъ ихъ во дворецъ, съ согласія пріемныхъ родителей. Подстрекаемая злыми сестрами, старуха пробирается къ дѣвушкѣ въ домъ яко бы для совершенія намаза и разжигаетъ страсть къ чудесной вѣтви изъ сада заколдованной дѣвы. Чтобы доставить удовольствіе горячо любимой сестрѣ, братъ рано утромъ пускается въ путь. Преодолѣвъ отвращеніе, онъ сосетъ груди страшной вѣдьмы; вѣдьма ласково разспрашиваетъ молодца, откуда онъ и куда направляется. Глухой названный братъ, старшій сынъ вѣдьмы, подзываетъ его къ себѣ и даетъ подробное наставленіе. Юноша располагаетъ талисманы дѣвы въ свою пользу: открытую дверь закрываетъ, и наоборотъ, перекладываетъ мясо отъ барашка ко льву, гаситъ горящую печь. Сорвавъ вѣтвь, онъ благополучно выходитъ изъ заколдованнаго царства. На кликъ дѣвы: „лови его!“ левъ замѣчаетъ спокойно: „нѣтъ, сколько лѣтъ уже я ѣмъ сѣно, а вотъ онъ пришелъ, далъ мнѣ мяса“. Еще болѣе безпокоясь, старуха посылаетъ его за заколдованной дѣвой. Молитва юноши разрушаетъ коварство. Она снимаетъ съ руки перстень; арабъ во мгновеніе ока переноситъ ихъ вмѣстѣ со дворцомъ на родину юноши. Царь приглашаетъ ее на пиръ, тогда дѣвушка открываетъ дѣтямъ, кто ихъ отецъ и мать. Проходя мимо колодезя, они кидаютъ цвѣты своей матери, заживо погребенной. Таинственныя примѣты убѣждаютъ царя въ невинности жены. Онъ поспѣшно откапываетъ несчастную мать, которая, благодаря неусыпнымъ заботамъ врачей, поправляется. Сестры и старуха несутъ наказаніе.

30. Бей наблюдалъ изъ окна, какъ дѣвушки поливаютъ базилику, и, чтобы посмѣяться надъ ними, спрашивалъ у каждой: „вотъ ты поливаешь базилику, а знаешь ли, сколько на ней листковъ?“ Старшія сестры, пристыженныя, ушли домой. Бойкая младшая дѣвушка смутила самого бея (барина): „у тебя въ рукѣ перо („калемъ“), а за поясомъ чернильница,—сколько же на небѣ звѣздъ?“ Нарядившись продавцомъ рыбы, бей сорвалъ съ нея поцѣлуй за „оку“ (3 ф.) и при встрѣчѣ ядовито кольнулъ ее. Въ разноцвѣтномъ платьѣ, изображая ангела смерти Азраила, дѣвушка пришла ночью въ его спальню и, щадя его, засунула ему въ з... рогъ, такъ что бей нѣсколько дней не могъ сидѣть. Бей задумалъ отомстить: отправившись на смотрины, мать сосватала ему дѣвушку. Дѣвушка пустилась на хитрость: слѣпивъ изъ воска подобіе свое, она наполнила его виноградномъ сокомъ и помѣстила на брачномъ ложѣ. Бей отсѣкъ мнимой дѣвушкѣ голову, а такъ-какъ онъ клялся упиться ея кровью, то поднесъ къ губамъ сиропъ. Удивляясь сладости крови, онъ сталъ выражать сожалѣніе, что умертвилъ невѣсту. Дѣвушка вышла изъ шкафа, послѣдовало полное примиреніе.

31. Съѣвъ таинственное яблоко, жены визиря и царя рождаютъ одновременно дѣтей. Опасаясь, что царь приведетъ въ исполненіе угрозу, визирь передаетъ ребенка-сына мамкѣ. Птица-изумрудъ замѣчаетъ его въ мечети и несетъ своимъ дѣтенышамъ, но тѣ его не ѣдятъ, и мать скоро кладетъ его на прежнее мѣсто. Визирь, съ разрѣшенія царя, принимаетъ своего сына на воспитаніе. Гуляя съ царевичемъ въ саду, сынъ визиря, которому былъ извѣстенъ птичій языкъ, улыбается: кокетливая голубка водитъ за носъ влюбленнаго въ нее іеменскаго царевича. Въ сердцѣ царевича вспыхиваетъ любовь къ дочери индійскаго царя. Одинъ изъ визирей, питавшій вражду къ визирскому юношѣ, предлагаетъ царю послать его за дѣвушкой. Птичкой летитъ онъ къ царю и своимъ прекраснымъ пѣніемъ восхищаетъ царевну, которая страдаетъ по немъ. Юноша успѣшно выдерживаетъ испытаніе („имтиханъ“): воробьи отдѣляютъ ему зерна проса отъ золы; въ бою онъ беретъ перевѣсъ надъ дѣвушкой, принявшей видъ араба. Отецъ соглашается на бракъ. Благородный юноша не касается ея; на ложѣ ихъ раздѣляетъ мечъ; „у меня тоже есть родители, пойдемъ сперва къ нимъ“, оправдывается онъ. Въ спальнѣ съ дѣвушкой оставляютъ царевича; она изумляется вялости жениха, прежде такого веселаго и смѣлаго. Царь уступаетъ всѣ права на нее Лѣнивцу („Торлаку“), сыну визиря.

32. Отказавшись отъ брака, индійская царевна проситъ у отца сорокъ вьюковъ мускуса и амбры. Смѣшавъ благовонія, она лѣпитъ изъ нихъ фигуру мальчика и жеребца; по ея горячимъ молитвамъ, имъ даруется свыше жизнь. Бѣдный мальчикъ Мускусоамбра сидитъ въ темной комнатѣ подъ надзоромъ нянекъ. Пробивъ случайно костью потайное окно, онъ съ наслажденіемъ взираетъ на міръ. Чудесный жеребецъ везетъ его въ Іеменъ. Дѣвушка, одѣвъ обратной стороной юбку, въ желѣзныхъ башмакахъ, идетъ, съ желѣзнымъ посохомъ въ рукѣ, разыскивать

любимца. Іеменская царевна съ радостью впускаетъ въ домъ гадалку: ее убивалъ грустный видъ Мускусоамбры. Жалобный напѣвъ „тюркю“ (пѣсня) раздираетъ слухъ царя; онъ возвращаетъ переодѣтой путницѣ юношу. Индійскій царь выдаетъ за юношу свою дочь.

33. Для развлеченія тоскующей царевны нянька помѣстила въ ея горницѣ птицу. Уступая мольбамъ дѣвушки, птица ночью переноситъ ее за золотую и серебряную гору во дворецъ іеменскаго царя. Царевичъ, замѣчавшій нѣсколько разъ безпорядокъ въ спальнѣ, внезапно застаетъ дѣвушку у себя. Замѣшкавшись съ нимъ, дѣва незадолго до разсвѣта садится на птицу; поютъ пѣтухи, птица падаетъ. Скитаясь въ горахъ, дѣвушка встрѣчаетъ пастуха; съ нимъ мѣняется она одеждой. Не узнавая своей возлюбленной, царевичъ ведетъ красавца-пастуха къ себѣ. Потрясенная до глубины души бракомъ царевича, дѣвушка съ горя вѣшается. Не перенеся такого тяжелаго удара, онъ слѣдуетъ ея примѣру. Такъ кончаетъ съ собою и молодая жена. Когда стали обмывать трупъ, изъ кармана выпалъ у дѣвушки чудесный камень, подаренный птицей. Камень входитъ ей въ носъ: она чихаетъ и оживаетъ. Во дворцѣ снова веселье: царь даетъ „изинъ“ (разводъ) невѣсткѣ; сына женитъ на царской дочери.

34. Младшій царевичъ въ точности исполняетъ завѣщаніе отца: „кто ни посватается за моихъ дочерей, тому и отдавайте“, и пріобрѣтаетъ въ зятьяхъ друзей. Преслѣдуя зайца, старшій братъ незамѣтно подходитъ къ ручью. Забывъ предостереженіе, въ шумной попойкѣ проводитъ онъ въ кофейнѣ ночь. Вынувъ портретъ царевны города, товарищи разражаются страшнымъ плачемъ, и молодой царь подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, смѣло идетъ съ глашатаями во дворецъ рѣшить задаваемый вопросъ: безмолвный, стоитъ онъ; его казнятъ. Тотъ же вопросъ былъ предложенъ и младшему царевичу; заявивъ, что онъ не совершилъ еще омовенія, юноша удаляется. Его зять, царь птицъ, посылаетъ его со старой птицей въ безлюдный градъ Гиндуклу („Синій“). Сѣдой старикъ, учитель царевны, оставляетъ его въ домѣ. Ночью царевна прилетаетъ туда и послѣ занятій даритъ ему сработанный ею шелковый платокъ. Старикъ при разставаньи вручаетъ его гостю. Юноша показываетъ его теперь дѣвушкѣ, какъ доказательство того, что былъ въ таинственномъ городѣ. Дѣвушка бросается въ объятія жениха.

35. Три раза птица уноситъ съ прялки украшенія дѣвушки. Любовь къ таинственному вору укладываетъ ее въ постель. Царь, слѣдуя совѣту визиря, строитъ баню, возвѣщая черезъ глашатаевъ всюду ея чудодѣйственную силу. Взваливъ на плечи больную мать, „кельогланъ“ направляется къ царю: завидѣвъ пѣтуха, который несетъ на спинѣ кувшинъ съ водой, онъ пробирается за нимъ во дворецъ, окруженный стѣнами. Въ щелочку шкафа видитъ онъ, что голубь принялъ человѣческій образъ, утираетъ слезы платочкомъ царевны, бросая взоръ на кольцо и запястье ея. Разсказъ дурачка подымаетъ царевну на ноги. Страшный плачъ очарованнаго юноши разрываетъ ей сердце; ихъ губы сливаются въ поцѣлуѣ. Долго наслаждаются они радостями любви, скрываясь отъ „пери“, которыя, похитивъ его изъ люльки, поставили его своимъ султаномъ. Чувствуя приближеніе родовъ, дѣвушка подъ окномъ дома мужа молитъ обитателей принять ее ради бея-Бахтіяра. Сострадательная служанка тайно отъ свекрови прячетъ ее въ комнатѣ. Постепенно отношеніе безсердечной женщины къ ней мѣняется; она съ радостью признаетъ въ ней невѣстку. Но жизнь безъ мужа кажется ей невыносимой, тяжелой: ласками она однажды отуманиваетъ его. Время быстро пролетаетъ для влюбленныхъ. Грозныя „пери“ садятся на деревьяхъ и погибаютъ, наколовшись на заколдованныя иголки. Юноша спасенъ отъ чаръ.

36. Влюбленный въ красивую армянку, царевичъ приглашаетъ ее въ померанцевый городъ [1]). Дѣвушка отказывается; но тотчасъ по уходѣ юноши она вмѣстѣ съ подругами наряжается въ мужское платье и ѣдетъ вслѣдъ за нимъ на кораблѣ. Радуясь прибытію дорогихъ „гостей“, онъ предлагаетъ мнимому купцу сыграть партію въ трикъ-тракъ. Дѣвушка проигрываетъ, и, согласно уговору, является ночью къ царевичу. Довольный ея ласками, онъ даетъ ей на память кинжалъ. Коварная армянка разбиваетъ палатки и возвращается домой. Плодомъ ея связи въ трехъ государствахъ рождаются два мальчика и дѣвочка, которыхъ она называетъ: Померанцемъ, Лимономъ, Сезамомъ [2]). Въ день празднованія свадьбы царевича, дѣти во дворцѣ привлекаютъ вниманіе царя. Съ распростертыми объятіями принимаетъ его дѣвушка, успокаивая царя, что давно уже отвергла свою вѣру.

37. Опечаленный неудачной торговлей, бѣдный старикъ вздохнулъ. Изъ-за камня поднялся арабъ „Охъ“. Старикъ за золото продаетъ ему дочерей. Не слушая увѣщаній старшей сестры, младшая дѣвушка поддается искушенію. Усыпивъ ее шербетомъ, сынъ змѣинаго царя овладѣваетъ ею. Каждую ночь прячетъ онъ ей подъ подушку ключъ. Дѣвушка входитъ въ садъ, запираемый сорока замками; рядомъ съ ея мужемъ лежитъ „пери“; тихо прикрываетъ она въ люлькѣ ре-

---

[1]) Въ подлинникѣ „нариджъ“, что я понимаю какъ „нарендж“ (померанецъ). *В. Г.*

[2]) Или Хмѣлемъ? По словарю Ценкера, „lala—Name einer Pflanze, die zur Räuscherung dient . *В. Г.*

бенка іеменскимъ платкомъ. Въ гнѣвѣ, что царевичъ полюбилъ земную дѣвушку, „пери" порываетъ съ нимъ связь. Любопытство влечетъ дѣвушку дальше,—въ мастерскую, гдѣ работницы шьютъ пеленки для ихъ будущаго первенца. Негодуя на супругу, царевичъ приказываетъ прогнать ее за двери. Дѣвушка, беременная, находитъ пріютъ у младшей его сестры; сестра признаетъ въ ребенкѣ племянника: какъ и у заколдованнаго брата, у него на спинѣ ключъ. Скоро раскаяніе мучитъ царевича; онъ жалуется на себя сестрѣ. Дѣвушка сжигаетъ въ огнѣ змѣиную его чешую.

38. Ревнуя одалиску къ смуглому арабу, царь, гордый своей красотой, ежедневно бьетъ ее въ темницѣ кнутомъ. Вѣруя въ безмятежность ея счастья, старушка идетъ къ ней съ курткой своего сына, чтобы просить царскую любимицу скроить воротникъ. Изъ сожалѣнія къ ней она научаетъ ее, какъ избавиться отъ истязаній. Царь, сгарая нетерпѣніемъ убѣдиться въ красотѣ іеменскаго царевича, покидаетъ свой городъ. Вспыльчивость царя удивляетъ юношу; онъ разсказываетъ царю о своемъ горѣ: при всей ненависти своей къ женѣ, опозорившей его имя, онъ не въ силахъ поднять на нее руку. Обезоруженный кротостью несчастнаго юноши, царь немедленно выпускаетъ фаворитку и передаетъ ей іеменскіе подарки: гребень и зеркало. Едва занявшись туалетомъ, дѣвушка вспорхнула птичкой. Юноша поднесъ къ ней зеркало, и снова дѣва предстала предъ нимъ.

39. Чтобы не вызывать волненій, царь передъ отъѣздомъ ставитъ на царство пьяницу, чрезвычайно схожаго съ нимъ лицомъ. Негаданный царь быстро входитъ въ роль владыки, карая личныхъ враговъ и награждая щедрою рукою жену, которая представляетъ ему жалобу на мужа, цѣлыми недѣлями пропадающаго изъ дома. Путешествуя съ „лала", царь находитъ у ручья яблоко, и съѣдаетъ; но мысль, что плодъ, съѣденный безъ вѣдома хозяина, есть грѣхъ, гнетомъ ложится на него, и дѣвушка для искупленія грѣха принуждаетъ царя вступить съ ней въ бракъ. Царь, прощаясь съ молодой женой, передаетъ ей для сына „муска" (т.-е. „нусха"=амулетъ со стихомъ изъ Корана). Судьба пьяницы круто измѣняется: соннаго его переносятъ къ кабаку. Сознаніе величія не оставляетъ его; его сажаютъ въ смирительный домъ. Визирь раскрываетъ ему глаза и возстановляетъ миръ съ супругой, недружелюбно встрѣчающей главу дома. У покинутой дѣвушки раждается мальчикъ. Разгорячившись въ игрѣ, дѣти обзываютъ его безроднымъ (незаконнорожденнымъ). Съ сыномъ земледѣльца ѣдетъ онъ разыскивать отца, подъ именемъ Безталаннаго. Названный братъ жестоко обманываетъ довѣріе царевича: грозя утопить его въ колодезѣ, онъ принимаетъ на себя его имя подъ клятвою, что тотъ по самую смерть не выдастъ тайны. Невольно царевичъ приковываетъ взоры отца. Чтобы сбыть съ рукъ неудобнаго пріятеля, ложный царевичъ посылаетъ его за красавицей, смутившей его спокойствіе во снѣ. Среди моря подымается буря. Юноша на берегу замѣчаетъ рыбу, издыхающую на пескѣ; стоная, молитъ она бросить ее въ воду: „когда-нибудь я тебѣ пригожусь". Надѣясь на помощь, сострадательный юноша выручаетъ изъ бѣды хромого муравья, который торопится на свадьбу, и дѣтенышей птицы-изумрудѣ. Назвавшись передъ царевной сыномъ царя Соломона, онъ блестяще доказываетъ мудрость: рыба достаетъ ему съ самаго дна перстень, проглоченный уже другой рыбой; муравьи отдѣляютъ просо отъ золы; птица приноситъ воды изъ рая. Въ восхищеніи отъ смѣлости юноши, царевна измышляетъ хитроумный планъ. На глазахъ царя она убиваетъ его и воскрешаетъ. Клятва такимъ образомъ потеряла силу, и царевичъ разоблачаетъ гнусный обманъ сына земледѣльца.

40. Оторванный злыми сестрами отъ матери, красавчикъ-мальчикъ воспитывается у сердобольнаго пастуха; ласки добрыхъ старичковъ не могутъ замѣнить родителей, и насмѣшки сверстниковъ еще больше растравляютъ наболѣвшее сердце. Блюститель общественнаго порядка, „капуджыбашы" роднаго города, движимый жалостью къ юношѣ, усыновляетъ его: смѣлость и ловкость, обнаруженная имъ въ „джиридѣ" (турнирѣ), выгодно выдѣляетъ его отъ прочей молодежи. Чтобы погубить юношу, старуха задѣваетъ самолюбіе царя, подчеркивая, что въ его саду недостаетъ только пѣвучей виноградной лозы дѣвы Сердцеѣдки (Dil-alem). Руководимый младшимъ сыномъ вѣдьмы, юноша срываетъ лозу, выражая пожеланія здоровья устроителю источника. Благоволеніе царя къ юношѣ растетъ: вѣтви наигрываютъ всевозможныя мелодіи. Раззадоренный коварной приживалкой сестеръ, царь стремится обладать дѣвой. Но крики юноши не пробуждаютъ ее отъ сна: съ отчаянія хватая себя за золотистыя кудри, онъ каменѣетъ. Запылавъ страстью къ храбрецу, дѣвушка оживляетъ его. Мирно течетъ отнынѣ жизнь въ семьѣ царской: отцу возвращенъ сынъ; жена, свободная отъ подозрѣній, примиряется съ супругомъ.

41. Опасаясь мести братьевъ, младшій царевичъ тайно бѣжитъ къ зятьямъ. Дэвъ радушно принимаетъ желаннаго гостя: отпуская его, онъ даритъ чудесную печать. Наконецъ, царевичъ подходитъ къ большому дому, который вертится на пѣтушьей ногѣ. Сѣтуя на свою долю, онъ возбуждаетъ въ садовникѣ состраданіе къ чужестранцу, одѣтому въ рубище. Влюбившись въ царевну, „кель-огланъ" вызываетъ араба и въ нарядномъ платьѣ разъѣзжаетъ на конѣ по саду,

попирая цвѣты: царевна пригоршнями бросаетъ въ него золото. Звонъ презрѣннаго металла сторицей вознаграждаетъ садовника за убытокъ. Аллегорически намекая на свое безбрачіе, она отъ имени сестеръ посылаетъ отцу три дыни. При громадномъ стеченіи народа, царевна три раза отличаетъ „келъ-оглана". Разгнѣванный непонятнымъ предпочтеніемъ, оказываемымъ дочерью „келъ-оглану", царь гонитъ ихъ отъ себя въ курятникъ. Сама царевна скоро разочаровывается въ мужѣ. Чтобы излѣчить царя, страдающаго глазами, старшіе зятья отправляются за птичьимъ молокомъ. Выпросивъ у жены, ради ихъ ребенка, паршиваго осла, „келъ-огланъ" садится на него. За городомъ онъ разбиваетъ шатеръ; свояки, согласившись на позоръ („келъ-огланъ" прикладываетъ къ спинѣ печать), получаютъ отъ него по каплѣ необычайнаго лѣкарства. Царь, въ восторгѣ отъ зятьевъ, позволяетъ имъ устроить трехдневный турниръ: словно левъ, выступаетъ юноша на ристалище; царь собственноручно перевязываетъ ему легкую рану платкомъ своей дочери. Удивленная царевна несетъ его своей матери. Царь беретъ на колѣни внука и торжественно завѣщаетъ престолъ послѣ себя „плѣшаку".

42. Выгнанный безсердечнымъ богачемъ, бѣднякъ, младшій братъ его, выходитъ съ горя въ поле; изнуренный ходьбой и голодомъ, онъ располагается подъ деревомъ. Страшась дэвовъ, бѣднякъ влѣзаетъ на вершину его: едва дэвы, обитавшіе подъ камнемъ, удаляются, онъ спускается въ подземелье, переполненное драгоцѣнными каменьями и золотомъ. Алчный братъ его съ мѣшкомъ за плечами бѣжитъ къ указанному мѣсту. Но онъ забываетъ таинственное слово, отворяющее двери; дэвы, чуя запахъ человѣческаго мяса, вытаскиваютъ его изъ-за „оджака" (печь) и, разорвавъ на сорокъ частей, пожираютъ.

43. Смущенная словами вѣщей птицы: „твое счастье въ мертвецѣ", дѣвушка, противъ воли родителей, покидаетъ ихъ; въ избушкѣ, дверь которой затворяется за ней сама собой, она находитъ въ горницѣ трупъ мужчины. Безустанныя сорокадневныя молитвы пробуждаютъ ея суженаго отъ глубокаго сна. Думая, что онъ обязанъ жизнью сидящему у его изголовья арабу, котораго дѣвушка купила наканунѣ, онъ разсыпается передъ нимъ въ благодарности. Не проронивъ ни слова, дѣвушка безропотно исполняетъ на кухнѣ черную работу. Юноша отправляется въ путешествіе. Среди моря корабль останавливается. Опросивъ всѣхъ пассажировъ, капитанъ высаживаетъ на берегъ обманщика-юношу: безобразный арабъ, у котораго „одна губа на землѣ, другая—на небѣ", вручаетъ ему камень и ножъ „сабуръ". Передъ нимъ изливаетъ свои страданія дѣвушка. Она заноситъ надъ собой ножъ; но юноша, внимавшій ея исповѣди, удерживаетъ ея руку. Невѣрнаго раба ожидаетъ позорная смерть.

44. Завидя дракона съ кучей дѣтенышей, царь взываетъ къ справедливому Богу съ просьбой даровать ему ребенка. Роды жены его тяжелы; всѣ бабки, сколько ихъ ни было, гибнутъ. Коварная служанка предлагаетъ царю пригласить ея падчерицу. Изъ могилы матери исходитъ голосъ, приказывающій поставить передъ роженицей чашку съ молокомъ. Царь съ благоговѣніемъ пріемлетъ приращеніе семьи дракономъ: закалываетъ жертвенныхъ животныхъ и отпускаетъ рабовъ на волю. Благонравная дѣвушка воспитываетъ кровожаднаго дракона; а въ свадебную ночь, надѣвъ маску изъ иглъ ежа, она царапаетъ лицо ему. Когда драконъ, сдавшись на просьбу жены, снимаетъ одежду, она сжигаетъ ее: передъ ней во всей красотѣ стоитъ юноша. Подозрѣвая, что мужъ, уѣхавшій на войну, разлюбилъ ее, она уходитъ къ заколдованному юношѣ, котораго „сорокъ дѣвъ" запираютъ на день въ гробъ, возвращая вечеромъ къ жизни тремя ударами палки. Юноша прилетаетъ къ матери на свиданіе съ женою и ребенкомъ; героиня захлопываетъ „пери" крышкой въ горящей печи. Черноокій (karagöz-lü) супругъ дѣвушки тоскуетъ по ней. Бросивъ дѣтей, она безъ колебанія идетъ за нимъ. Злая мачеха, разлучившая молодыхъ, несетъ заслуженное наказаніе.

45. Выйдя на базаръ продавать пряжу дочерей, бѣдный старикъ встрѣчаетъ араба. Тѣснимая крайней нуждой, младшая дочь слѣдуетъ, скрѣпя сердце, за нимъ. Одурманенная во дворцѣ шербетомъ, дѣвушка даритъ ласки бею. Перехитривъ, по совѣту сестры, слугъ, она подноситъ къ лицу любовника свѣчу; нечаянно на грудь ему капаетъ воскъ. Шахъ Юсуфъ (Іосифъ) просыпается и, въ гнѣвѣ уходя отъ нея, поражаетъ ее страшной вѣстью: „ищи меня семь лѣтъ въ желѣзныхъ башмакахъ, тогда ты меня найдешь". Долго живетъ дѣвушка у его тетки, поджидая супруга. Съ прежней силою вспыхиваетъ въ его сердцѣ любовь при видѣ вѣрной дѣвушки: онъ горячо вступается за нее передъ теткой, которая сурово бранитъ ее за умышленно разбитую чашку. Дѣвушка, съ ребенкомъ на рукахъ, въ дорогомъ платьѣ, выходитъ къ нему: онъ прощаетъ ея опрометчивость, искупленную столькими годами страданія.

46. Коршунъ выхватываетъ изъ рукъ дѣвушки печень. Опасаясь побоевъ, она долго безуспѣшно обращается ко всѣмъ, пока наконецъ хозяинъ не даетъ ей за поцѣлуй соломы. Дѣвушка несетъ коршуну овесъ; птица выпускаетъ добычу. Мать варитъ печень.

47. Расточивъ съ гуляками всѣ деньги, царевичъ очутился въ крайней бѣдности. Товарищи отшатнулись отъ него и постарались извѣстить всѣхъ о несчастіи, постигшемъ легкомы-

сленнаго юношу. Дочь вельможи щедро одѣляетъ его милостыней, и царевичъ снаряжаетъ корабль. На островѣ онъ сжигаетъ взятыя съ собой рогожи: изъ моря выбѣгаютъ лошади и выбрасываютъ изо рта драгоцѣнные каменья. Юноша, задѣлавъ ихъ въ кирпичи, возвращается въ городъ. Въ кофейнѣ до него доносится печальная новость: его благодѣтельница умерла. Юноша откапываетъ ее изъ могилы и, чтобы хоть чѣмъ-нибудь вознаградить ее, наряжаетъ ее въ роскошное платье. Воръ въ темнотѣ обкрадываетъ его, а трупъ разсѣкаетъ на двѣ части. Уличивъ юношу въ убійствѣ, стража отсылаетъ его къ нотаблю (дере-бей); съ него снимаютъ допросъ, и нотабль велитъ отцу дѣвушки выдать за юношу младшую дочь.

48. Скорбя о неплодіи, женщина засыпаетъ и видитъ во снѣ дервиша. Утромъ она приготовляетъ по его рецепту мазь и кладетъ ее на полку. Случайно ее ѣстъ супругъ и рождаетъ на кладбищѣ тыкву. Тыква поражаетъ учителя искусствомъ вышиванія. Царевичу приходитъ на мысль жениться на ней и, чтобы не давать гостямъ повода смѣяться, онъ для „смотринъ“ выставляетъ дѣвушку. Тогда невѣста-тыква пробиваетъ плодъ и, чаруя всѣхъ красотой, показывается передъ гостями: царевичъ падаетъ въ обморокъ. Подметая комнаты, слуга топчетъ ногами кожу тыквы. Въ палатахъ веселье.

49. Исполняя желаніе дочерей, царь велитъ имъ выбирать жениховъ метаніемъ стрѣлъ. Три раза стрѣла младшей дѣвушки падаетъ предъ домомъ банщика. Въ убогой обстановкѣ рождаетъ царевна дѣвочку: „пери“ привѣтствуетъ ее благословленіемъ. Молва о красотѣ дѣвочки ходитъ по устамъ, и царевна мать („валиде-султанша“) назначаетъ ее въ жены сыну, давно уже влюбленному въ нее. Сваха, злая старуха, въ дорогѣ выкалываетъ у дѣвушки глаза за кувшинъ воды и бросаетъ ее въ горахъ. Царевичъ замѣчаетъ подлогъ, но никому не высказываетъ своихъ подозрѣній. Несчастную дѣвушку среди кучи жемчуга, который сыплется изъ ея глазъ, находитъ старикъ. Съ розами идетъ старикъ во дворецъ: чтобы увеличить прелести дочери, старуха покупаетъ цвѣты у него за глаза. Такъ дѣвушка возвращаетъ себѣ зрѣніе; старуха тайно узнаетъ отъ старика талисманъ ея, и даетъ своей дочери, какъ цѣлебное снадобье, сердце газели. Кораллъ, который былъ на концѣ сердца, никѣмъ не замѣченный, падаетъ подъ лѣстницу. Оплодотворенная сердцемъ, жена царевича рождаетъ прелестнаго ребенка, вылитаго въ многострадальную царевну. Ребенокъ схватываетъ со стола кораллъ, поднятый отцомъ: „пери“ переносятъ его къ могилѣ дѣвушки; мальчикъ суетъ ей въ ротъ кораллъ, и дѣвушка оживаетъ. Получивъ во снѣ откровеніе, царь привозитъ любимую дѣвушку съ ребенкомъ съ кладбища во дворецъ.

50. Сбитый съ толку восхваленіями мнимой красоты восьмидесятилѣтней старухи, царевичъ шлетъ мать свахой къ ней. Ея сожительница, девяностолѣтняя старуха, сославшись на застѣнчивость дѣвы, на смотринахъ показываетъ матери только ея палецъ, обтянутый прозрачной кишкой. Старуха во дворцѣ снимаетъ дѣвичье покрывало: передъ царевичемъ беззубая старуха, со сморщеннымъ лицомъ; страшно раздосадованный, онъ бросаетъ ее за ноги въ садъ, населенный „пери“. Безстыдно превознося свою красоту и горько жалуясь на жестокость царевича, она вызываетъ смѣхъ и плачъ дочери царя „пери“, никогда не видѣвшей человѣческаго лица; царь возвращаетъ старухѣ молодость. Дѣвушка, мстя своей товаркѣ, ввергнувшей ее въ бѣды, направляетъ ее къ лудильщику: легковѣрная старуха горитъ въ огнѣ.

51. Царь привозитъ младшей дочери отъ царевича „пери“ миртовый листъ. Выложивъ комнату птичьимъ пухомъ, онъ запираетъ тамъ дѣвушку. Царевичъ черезъ растворенное окно прилетаетъ къ ней на свиданіе. Завистливая старшая сестра стучитъ сѣчкой; безпокоясь за возлюбленную, царевичъ съ налету натыкается на стекло, изранивъ все тѣльце. Ровно семь лѣтъ скитается дѣвушка, не нападая на слѣдъ мужа. На деревѣ птички заводятъ рѣчь о болѣзни царевича. Дѣвушка собираетъ кровь, которая капаетъ съ птицъ послѣ драки, и смѣшиваетъ ее съ прахомъ долины. Въ платьѣ „хекима“ является она къ царевичу и мажетъ составомъ его раны: царевичъ даритъ искусному доктору перстень. Въ домѣ портного, измышленнаго отца „хекима“, царевичъ бросается въ объятія самоотверженной дѣвушки, избавившей его отъ чаръ.

52. Отвѣдавъ человѣческаго мяса, старикъ проситъ жену назавтра зарѣзать дочь. Братъ, подслушавшій роковой разговоръ, тайно скрывается съ сестрой изъ бани. Испивъ козьяго молока, братъ обращается въ пеструю газель. Сестра, беззащитная, взбирается у ручья на развѣсистое дерево. Ея тѣнь падаетъ на воду, пугаетъ царскихъ лошадей; конюхъ докладываетъ царю о дѣвушкѣ, подобной четырнадцатидневному мѣсяцу. На требованія царя сойти внизъ дѣвушка отвѣчаетъ полнымъ отказомъ; дерево начинаютъ рубить. Но братъ зализываетъ разрѣзъ, и снова дерево сростается. Старой вѣдьмѣ, прикинувшейся слѣпой, удается вызвать въ дѣвушкѣ жалость. Дѣвушка спускается, и царскіе слуги ее хватаютъ. Когда во дворецъ приводятъ и брата ея, дѣвушка соглашается на бракъ съ царемъ. Скоро завистливая рабыня бросаетъ ее въ бассейнъ; огромная рыба глотаетъ ее. Чтобы извести и брата, арабка ложится въ постель:

врачъ-предатель заявляетъ царю, что для спасенія царицы должно убить газель. Братъ въ страхѣ горько сѣтуетъ на судьбу передъ сестрой: „котлы кипятъ кипучіе, ножи точатъ (булатные)“; сестра сама связана по рукамъ; „я въ животѣ рыбы, на ногахъ у меня сандаліи, въ рукѣ золотой тазъ, на колѣнахъ ребенокъ“—трижды кричитъ она ему изъ воды. Жалобные стоны достигаютъ слуха царя. Дѣвушку вытаскиваютъ изъ чрева рыбы; братъ пьетъ ея кровь и получаетъ человѣческій образъ.

53. Страшась быть свергнутымъ съ престола вслѣдствіе истощенія казны, молодой царь съ сестрой покидаютъ городъ. Братъ, не внимая предостереженіямъ сестры, пьетъ воду, и превращается въ оленя. Послѣ долгихъ усилій, дѣвушку достаетъ съ дерева царевичъ и женится на ней; олень живетъ во дворцѣ. Рабыня, похожая лицомъ на дѣвушку, изъ зависти топитъ ее въ бассейнѣ. Подслушавъ жалобныя изліянія брата и сестры, царь выпускаетъ въ садъ звѣрей; звѣри, которыхъ въ теченіе цѣлой недѣли кормили только солью, мигомъ вытягиваютъ воду. Братъ и сестра спасены.

54. Предсказанія цыганки сбываются точно. Старшая сестра находитъ свое счастье въ колодезѣ. Спустившись въ подземелье за пряжей, она натыкается за желѣзной дверью на юношу, лежащаго въ объятіяхъ дѣвушки „пери“; та проснувшись, скрывается съ ребенкомъ. Радуясь избавленію отъ нея, юноша наряжается купцомъ и, найдя у дѣвушки свой ножъ, женится на ней. Средняя сестра спасаетъ одного царевича отъ назойливости “хекима“, который прельстился красотой юноши. Лишь только „хекимъ“, открывъ гробницу, привелъ его въ чувство, чтобы начать безполезные переговоры, родители юноши хватаютъ его. Дѣвушку выдаютъ за сына. Встревоженная отсутствіемъ сестры, младшая дѣвушка идетъ за ней, питаясь милостыней. Ей пробиваетъ дорогу наглость. Она разлучаетъ красиваго юношу съ его любовницей „пери“, коварно вынуждая его вступить и съ ней въ сношеніе: оскорбленная ослушаніемъ юноши, пери исчезаетъ. Родители отъ радости соглашаются на свадьбу.

55. Раздраженный высокомѣріемъ своего брата, визиря, младшій братъ удаляется въ чужой городъ, гдѣ женится на дочери визиря. Радужныя мечты братьевъ исполняются: ихъ жены, зачавъ въ одну ночь, рождаютъ мальчика и дѣвочку. По преклонности лѣтъ тестя, царь назначаетъ визиремъ юношу. Чувствуя приближеніе смерти, новый визирь вручаетъ сыну записку о его происхожденіи. Царь, за малолѣтствомъ ребенка, забираетъ въ казну все имущество его отца; юноша, видя, какъ попираются его права, съ горя идетъ на могилу отца и отъ усталости засыпаетъ. Между „джиннами“ (ночными духами) возникаетъ споръ изъ-за его красоты: въ мигъ переносятъ они его въ домъ его дяди и устраняютъ конюха, жениха его двоюродной сестры. На пути джинновъ застаетъ разсвѣтъ: падаетъ звѣзда и сжигаетъ джинна. Юношу кладутъ передъ воротами неизвѣстнаго города. Сжалившись надъ бѣднягой, пирожникъ принимаетъ его въ свой домъ. Ребенокъ, родившійся отъ дочери визиря, пристаетъ къ матери съ разспросами объ отцѣ: визирь съ дочерью и внукомъ собираются въ дорогу. Заѣхавъ за женой своего брата, визирь останавливается передъ городомъ, гдѣ проживаетъ его племянникъ; здѣсь какая-то непонятная любовь влечетъ внука къ отцу, подмастерью пирожника. Безподобно приготовленныя сладости убѣждаютъ мать въ истинности сына; но визирь, все еще не довѣряя, сажаетъ его въ ящикъ подъ предлогомъ недоброкачественности „халвы“ и подвергаетъ на пути истязаніямъ. Давъ ему въ пищѣ снотворнаго зелья, онъ помѣщаетъ его въ брачной комнатѣ съ дочерью. Юноша просыпается; смущеніе охватываетъ его; мысли его путаются: все сливается въ одно сновидѣніе. Сомнѣнія визиря исчезаютъ.

56. Влюбленный въ дочь богача, „келъ-огланъ“ посылаетъ мать къ нему свахой; богачъ, не желая имѣть зятемъ бѣднаго пьянчугу, благородно отказываетъ, требуя отъ „келъ-оглана“ чудеснаго яблока. Юноша не унываетъ. Дорогой онъ со всѣхъ ногъ бѣжитъ съ царевичемъ-змѣей на спинѣ, спасаетъ его отъ враговъ, выжидавшихъ его подъ деревомъ 7 лѣтъ, и змѣя даетъ обѣщаніе исполнять всѣ его завѣтныя думы. Красавцемъ возвращается онъ къ матери, которая едва вѣритъ своимъ глазамъ. Богачъ, справлявшій свадьбу дочери, встрѣчаетъ радушно неизвѣстнаго гостя. Женихъ и невѣста, остающіеся до самаго утра въ одномъ положеніи, вызываютъ въ отцѣ недоумѣніе; имамъ расторгаетъ прежній бракъ, совѣтуя отцу выдать дочь за проказника-юношу.

57. Продавъ въ Багдадѣ назначенные покойнымъ отцомъ товары, юноша въ развлеченіяхъ проводитъ время. Мучимый страхомъ предъ ворами, онъ, не высидѣвъ церемоніи похоронъ—„по багдадскому обычаю должно было ночевать у могилы покойника“—идетъ къ городу: ворота заперты. Юноша забирается на кладбищѣ на дерево и спасаетъ молодую дѣвушку, заживо погребенную ревнивой султаншей, которая, чтобы отвести отъ себя подозрѣнія, воздвигаетъ въ саду склепъ надъ чурбаномъ. Царскій постельничій съ товарищемъ сожалѣетъ одураченнаго царя; царь, рисуя въ своемъ воображеніи измѣну наложницы, бросаетъ ее въ тюрьму. Истина торжествуетъ: изъ устъ дѣвушки узнаетъ царь о ея невинности. Дѣвушка отыскиваетъ своего

избавителя, который, потерявъ уже надежду свидѣться съ ней, съ горя чахнетъ на чужихъ рукахъ. Мать съ тоскою смотритъ на исхудалое лицо сына. Голосъ любимой дѣвушки выводитъ его изъ забытья: онъ быстро поправляется. Чтобы загладить невольную вину, царь выдаетъ дѣвушку за юношу, а себѣ беретъ въ жены сестру его.

58. Старуха искусно обманываетъ неутѣшную вдову и, введя ее въ домъ влюбленнаго въ нее дворянина („бей-заде"), заставляетъ забыть печаль. Чтобы испытать вѣрность молодой жены, бей открываетъ лавку. Страсть къ нарядамъ беретъ верхъ; слабая женщина поддается искушенію, забывая клятву, данную мужу. Скрытность жены, только послѣ долгихъ увертокъ объясняющей истинную причину шрама на щекѣ, приводитъ бея въ бѣшенство: онъ избиваетъ жену и выгоняетъ на улицу. Дѣвушка встрѣчаетъ въ горахъ караванъ; глава каравана принимаетъ въ несчастной скиталицѣ горячее участіе. Дѣвушка удаляется, спасая отъ смерти царевича, пущеннаго въ ящикѣ по рѣкѣ. Отдыхая подъ деревомъ, юноша прислушивается къ чириканью птицъ: едва безобразная вѣдьма, на бычьихъ ногахъ, съ ушами, словно сито, двигается къ нимъ, юноша срываетъ съ себя сандаліи, съ дѣвушки платокъ; образуется широкое море, молодые люди плывутъ въ челнокѣ; вѣдьма остается далеко позади. Въ таинственномъ дворцѣ названные братъ и сестра пьютъ изъ источника кровь и медъ, и имъ доступны всѣ оборотничества. Изумленная необыкновенными событіями, дѣвушка приступаетъ къ юношѣ съ требованіемъ открыть ей роковую тайну. Страшныя слова птицъ сбываются: „а кто слышитъ и скажетъ о томъ кому, тотъ обратится въ собаку". Жалобныя пѣсни птички-дѣвушки трогаютъ голубя, господина „сорока дѣвицъ": онъ летитъ съ дѣвушкой изъ дворца. Царевичъ вторично разсказываетъ секретъ, и дѣйствіе чаръ исчезаетъ. Царь, такъ жестоко поступившій раньше съ юношей, ради Краснаго царя („Кызыл-шаха")—таково имя заколдованнаго голубя - соглашается на бракъ. Дѣвушка становится главной женой Краснаго царя.

59. Садясь за пяльцы, птица трижды вѣщаетъ дѣвушкѣ бѣду. Мать, подозрительно настроенная, неохотно отпускаетъ дочь съ дѣвушками на посидѣлки. На обратномъ пути дѣвушка, какъ и всѣ ея подруги, пьетъ воду изъ источника, и между ними выростаетъ неприступная стѣна. Горько плача, входитъ дѣвушка во дворецъ, расположенный за дверью. Сорокъ дней и сорокъ ночей она непрерывно читаетъ надъ юношей молитвы. Незадолго до его пробужденія ее смѣняетъ арабъ, коварно приписывающій себѣ всю честь спасенія. Обманъ обнаруживается, когда дѣвушка, разочарованная въ жизни, заноситъ надъ собой ножъ: „если ты, сабуръ-камень (камень терпѣнія), слушая о моихъ страданіяхъ, трескаешься, то какъ же мнѣ, слабой женщинѣ, переносить горе?".

60. Очарованная красотой пирожника Махмуда, царевна даритъ ему на память платокъ. Царь, примѣтивъ у юноши подарокъ дочери, велитъ арабу казнить его. Тронутый мольбами дѣвушки, арабъ прячетъ Махмуда, а царю показываетъ кровь овцы. Семь лѣтъ проводитъ юноша, по настоянію дѣвушки, вдали отъ родины; вернувшись, онъ тайно увозитъ ее отъ ненавистнаго ей брака. Раздраженный ревностью дѣвушки, онъ оставляетъ вновь мнимую сестру на попеченіе іеменскаго царя, предполагавшаго выдать за него свою дочь. Чтобы напомнить ему о себѣ, дѣвушки устанавливаютъ у бассейна, при входѣ въ городъ, свои изображенія. Послѣ взаимныхъ признаній въ любви, онъ ѣдетъ съ дѣвушкой къ ея отцу. На постояломъ дворѣ тюркъ, посягая на честь дѣвушки, наноситъ ей глубокую рану отъ досады. По молитвѣ Махмуда, съ потолка спускается бутылка съ чудотворной водой: царевна исцѣляется. Царь соглашается на бракъ и назначаетъ зятя визиремъ.

61. Выпущенная изъ западни на волю, ворона становится вѣрной помощницей юноши. Поймавъ рѣдкостную птицу, онъ несетъ ее царю. Чтобы погубить юношу, визирь нашептываетъ царю злыя мысли, и безхарактерный тиранъ призываетъ юношу и взваливаетъ на него новую работу: „ты долженъ достать мнѣ слоновую кость, а не то голову тебѣ срублю". Также успѣшно выполняетъ онъ и другое порученіе: на кораблѣ ѣдетъ онъ на островъ „сорока дѣвицъ" и, заманивъ дѣвушку, снимается съ якоря. При видѣ госпожи, птица отъ радости поетъ. Царь, потерявшій голову отъ дѣвушки, женится на ней. Вскорѣ послѣ свадьбы сильныя колики схватываютъ ее. Усмиривъ волоскомъ львовъ-привратниковъ, юноша вступаетъ въ ея дворецъ за лѣкарствомъ. Страдая за юношу, дѣва прощаетъ проступокъ своей слуги, вороны, и даруетъ ей человѣческій образъ.

62. На смертномъ одрѣ царица заклинаетъ мужа взять въ жены ту дѣвушку, которой придется впору поясъ. Поиски царя ни къ чему не приводятъ. Увидѣвъ однажды въ казнохранилищѣ поясъ, дочь его надѣваетъ; царь, не внимая представленіямъ приближенныхъ, задумываетъ кровосмѣшеніе. Дочь бѣжитъ отъ грѣха въ другую страну. Закутавшись въ шубу, она своимъ звѣроподобнымъ видомъ пугаетъ конюха; но ея красивые глаза манятъ его, и онъ ведетъ ее къ царю. Оставленная его матерью дома, дѣвушка сбрасываетъ съ себя шубу и неожиданно является на свадьбу: взоры всѣхъ устремляются на неизвѣстную красавицу. Хитрая продѣлка

ея всплываетъ наружу, и царь женится на ней. Покинувъ народъ на произволъ судьбы, царь-отецъ идетъ за пропавшей дочерью. Испуганный темнотой ночи, царь отдыхаетъ въ долинѣ у ручья и, сжигая покровы голубей, возвращаетъ имъ человѣческій видъ: братья въ благодарность выдаютъ за него красавицу сестру.

63. Подстрекаемый любопытствомъ, сынъ дровосѣка на ослѣ направляется къ заколдованному дереву, которое постепенно отдаляется отъ него. Юношѣ грозитъ неминуемая смерть; но счастливая встрѣча со змѣей спасаетъ его: змѣя, благодарная юношѣ за то, что онъ вытащилъ изо рта ея клыкъ проглоченнаго слона, ведетъ его въ свой домъ, и мать даритъ ему чудесное зеркало. Юноша беззаботно живетъ во дворцѣ, наслаждаясь любовью принесенной туда царевны. Тоскуя по дочери, царь поручаетъ старухѣ отыскать ее. Въ ящикѣ спускается она внизъ по рѣкѣ къ безподобному жилищу юноши и, вкравшись въ довѣріе дѣвушки, тайно похищаетъ талисманъ-зеркало. Миражъ исчезаетъ: юноша съ котомъ сидитъ на пепелищѣ. Любовь къ дѣвушкѣ превозмогаетъ, и юноша подъ видомъ поваренка идетъ къ ней. Открывъ любовныя шашни поваренка съ дочерью, царь велитъ казнить его. Юноша обрѣтаетъ убѣжище съ котомъ въ пещерѣ. Царь мышей, обезпокоенный гибелью подданныхъ, чтобъ выжить непрошенныхъ гостей, доставляетъ юношѣ черезъ хромую мышь его зеркало. Съ огромнымъ войскомъ подступаетъ юноша къ городу. Царь, въ страхѣ, выдаетъ за него дочь.

64. Отецъ трехъ сыновей издѣвается въ мечети надъ дочерьми своего сосѣда, обзывая ихъ суками. Младшая дочь выводитъ отца изъ угнетеннаго состоянія: сосѣди квитаются. Черезъ глашатаевъ царь обѣщаетъ царство тому, кто достанетъ ему перстень бея Вишни (Кирез-бея): даже у „джигитовъ" опускаются руки; но отважная дѣвушка, облекшись въ мужское платье, несмотря на запугиванія отца, который выскакиваетъ къ ней на дорогѣ, продолжаетъ путь. Во снѣ является къ ней въ зеленомъ плащѣ дервишъ. Ея собачка приноситъ изъ сада бея вѣтвь и, ударивъ ею лошадь, дѣвушка переѣзжаетъ море. Сомнѣваясь въ полѣ „красавца-купца", бей совѣтуется съ матерью, и та предлагаетъ испытать дѣвушку. Собачка подслушиваетъ разговоръ, и до поры до времени дѣвушкѣ удается скрыть полъ. Рано утромъ собачка подмѣниваетъ увянувшіе цвѣты свѣжими. Поборовъ женственность, дѣвушка любуется мужскимъ платьемъ, не удостоивая вниманія женскій костюмъ. Съ презрѣніемъ проходитъ она мимо жемчуга. Тогда бей приглашаетъ дѣвушку въ баню. Заперевъ его, дѣвушка пишетъ на стѣнѣ язвительные стихи, и съ кольцомъ возвращается домой. Царь назначаетъ ея отца визиремъ. Старуха ночью переноситъ дѣвушку въ горшкѣ къ бею. Прелести ея смягчаютъ его, и бей женится на ней.

65. Неся старшимъ братьямъ въ поле обѣдъ, сестра сбивается съ дороги и натыкается на вѣдьму, которая ведетъ ее къ мужу, дэву. Дѣвушка раздуваетъ огонь; дэвъ, подкравшись сзади, глотаетъ ее. Пахари, сердитые, возвращаются домой. Не дождавшись сестры, старшій братъ отправляется искать ее, обнаруживая свою неспособность: съѣсть пирожки въ печи, выпить чашу вина—ему не подъ силу, и онъ пропускаетъ мимо ушей слова путниковъ. Избалованный нѣженка, перейдя черезъ желѣзный мостъ, онъ срываетъ плоды со сладкой яблони. Горькая участь постигаетъ какъ его, такъ и средняго брата. Слезы родителей не удерживаютъ отъ рѣшенія младшаго брата. Этотъ золушка выходитъ. Встряхивая одежду, онъ подымаетъ пыль столбомъ: земледѣльцы въ страхѣ бѣгутъ. Золушка изъ оставленныхъ плуговъ заказываетъ булаву. Брошенная въ воздухъ, она ломается о палецъ. Выковавъ новую булаву, онъ сражается съ дэвомъ, и душа дэва вылетаетъ черезъ носъ. Изъ живота его онъ достаетъ невредимыми братьевъ и сестру. Спустившись за водой въ колодецъ, онъ находитъ трехъ красавицъ и убиваетъ ихъ похитителя-дэва. Предвидя коварство братьевъ, младшая дѣвушка даетъ юношѣ коробку съ кремнемъ. У бассейна, покинутый братьями, юноша садится на черную овцу и летитъ за семь этажей земли. Въ царствѣ плачъ и рыданія: наступилъ чередъ отдать дэву на съѣденіе царскую дочь. Усталый юноша засыпаетъ на колѣняхъ ея; слеза пробуждаетъ его, и онъ побиваетъ дэва. Откладывая свадьбу, онъ ѣдетъ на чудесной птицѣ, обязанной ему спасеніемъ дѣтенышей, на землю за первой невѣстой, которую страшный арабъ, по приказанію своего господина, юноши, извѣщаетъ о прибытіи ея возлюбленнаго. За недостаткомъ мяса, юноша кормитъ птицу икрами. Царь соглашается выдать за героя двухъ дѣвушекъ.

66. Внезапное появленіе дервиша, кнутомъ волнующаго рѣку, приводитъ царя и визиря въ трепетъ. Старецъ даетъ царю яблоко: у бездѣтныхъ супруговъ рождается первенецъ. Съѣвъ кожицу отъ яблока, кобыла приноситъ жеребца. Ложно истолковывая грусть юноши, царь собираетъ вельможъ для нареченія имени: дервишъ нежданно предъявляетъ свои права, называя ребенка—„Пѣтушій гребешокъ" (бӧрек), жеребца—Сивка (ренги боз). А передъ юношей неотвязно носится образъ ночной красавицы. Онъ выѣзжаетъ на буланомъ изъ дома и останавливается въ заповѣдныхъ лугахъ китайскаго (Чинимачин) царя. Царь сажаетъ въ тюрьму чужеземца, дерзнувшаго обратить на себя вниманіе царевны. Дѣвушка спасаетъ его. На

свистъ юноши прибѣгаетъ конь: ночью они садятся и возвращаются къ отцу. Отзывчивая душа царевича рвется въ новыя опасности: доставъ изъ рыбы талисманъ дракона, онъ освобождаетъ дѣвушку, изнывавшую въ тоскѣ. Полагая, что сынъ погибъ въ неравномъ бою съ дракономъ, царь рѣшается сочетать соломенную вдову съ сыномъ визиря. Съ гусями, переодѣтый является на свадьбу царевичъ: заслышавъ голосъ мужа, жена узнаетъ его и въ радости прыгаетъ къ нему на колѣни. Пожуривъ слегка визирича, царевичъ выдаетъ за него спасенную дѣвушку.

67. Дервишъ, согласно уговору, приходитъ за царской дочерью Розой, достигшей уже брачнаго возраста. Страшась людоѣда-дервиша, дѣвушка прячется отъ него на дерево. Охотившійся царевичъ слышитъ ея жалобные вздохи и, разспросивъ ее о родителяхъ, беретъ ее во дворецъ. Мстительный дервишъ осторожно уноситъ родившихся отъ нея младенцевъ; царевичъ, подозрѣвая, что жена его съѣдаетъ собственныхъ дѣтей, закапываетъ ее въ землю. Дѣти глубоко чувствуютъ отсутствіе материнскихъ ласкъ. Чтобы удержать царя отъ второго брака, дервишъ посылаетъ ихъ во дворецъ. Поддерживая свою сестру на ходуляхъ, братья подвигаются тихо къ ямѣ страдалицы. Они вѣшаются на шею ея, отирая ея лицо отъ грязи. Удивленный странными рѣчами дѣтей: „мы идемъ къ отцу ѣсть пилавъ", царь крадется за ними. Нѣжная любовь ихъ трогаетъ царя: онъ цѣлуетъ своихъ дѣтей; невинная женщина избавляется отъ мученій.

68. Отправляясь въ „хаджжъ", разбогатѣвшій торговецъ гребенокъ оставляетъ дочь у имама. Прельстившись ея красотой, тотъ посягаетъ на невинность дѣвушки и, высмѣянный ею въ банѣ, взводитъ на нее передъ родителями напраслину. Сжалившись надъ сестрой, братъ щадитъ ее; смочивъ ея рубашку собственною кровью, онъ несетъ ее отцу. Совершая „намазъ", царь видитъ на деревѣ дѣвушку, и беретъ ее въ жены. Съ дѣтьми дѣвушка идетъ на свиданіе съ родными: царь даетъ ей въ вожатые дядьку. Отвергнутый царицей, онъ на глазахъ матери убиваетъ ея дѣтей. Только хитростью — она подвязываетъ веревку къ камню — удается ей вырваться изъ рукъ безстыднаго дядьки. Для разслѣдованія дѣла, царь является въ родной городъ дѣвушки, которая, одѣтая въ пастушье платье, прислуживаетъ отцу въ кофейнѣ. Жители города излагаютъ предъ царемъ жалобы. Дѣвушка раскрываетъ ему всѣ козни имама и „лала". Царь предаетъ ихъ позорной казни.

69. Оставшись безъ куска хлѣба по смерти отца, промотавшаго все добро на азартныя игры, братъ съ сестрой покидаютъ родительскій домъ. Съ нѣкоторымъ затрудненіемъ юноша поступаетъ конюхомъ къ царю. Запершись въ конюшнѣ, онъ лѣпитъ изображеніе сестры; царь восхищенный ея красотой, посылаетъ за ней колдунью, которая, ослѣпивъ дѣвушку, привозитъ царю свою дочь. А дѣвушку изъ жалости, помѣщаетъ у себя пастухъ. Прослышавъ, что слѣпенькая обучаетъ калѣкъ, жившихъ у сердобольнаго пастуха, различнымъ мастерствамъ, вѣдьма кладетъ ей въ ротъ три ядовитыхъ зерна: дѣвушка погружается въ летаргическій сонъ. На охотѣ странное поведеніе собаки невольно вызываетъ въ царѣ удивленіе: подбѣжавъ къ гробницѣ дѣвушки, животное вытаскиваетъ изо рта зерна, и дѣвушка встаетъ. Приложивъ вынутые вѣдьмой глаза, она три дня усердно молится Богу; ей возвращается зрѣніе.

70. Красота царевича производила такое сильное впечатлѣніе, что народъ, повергаясь на землю, цѣлыми днями толпился у дворца. Неподвижно устремленный взоръ одного юноши обращаетъ вниманіе царевича; царь, предупреждавшій малѣйшія желанія сына, беретъ незнакомца во дворецъ. Испытавъ его любовь къ сыну, онъ награждаетъ юношу золотомъ. Юноша снаряжаетъ корабль и, нагрузивъ его, по совѣту дервиша, пшеницей, направляетъ его въ царство мрака. Тутъ онъ похищаетъ у дэвовъ-людоѣдовъ красавицу-дѣвушку, которую они поставили царицей надъ собой. Высмотрѣвъ съ воздуха корабль, колдунья хватаетъ дѣвушку за волосы. Жалѣя юношу, дервишъ переноситъ дѣвушку на корабль, давая передъ уходомъ на случай бѣды волосокъ. Верхомъ на чашкѣ, вѣдьма уже спускается: дервишъ окружаетъ корабль туманомъ. Отважность юноши напоминаетъ царю о его старости; онъ отрекается отъ власти въ пользу сына и женится на привезенной дѣвушкѣ.

71. Въ страшномъ негодованіи на сына, осмѣлившагося скрыть отъ него рожденіе сестры, царь-женоненавистникъ отдаетъ палачу приказъ казнить и Османъ-бея, и его сестру. Слуга оставляетъ невинныхъ дѣтей въ горахъ. Царевичъ, лишенный даже одежды, идетъ въ деревню и, къ удивленію, никого въ ней не находитъ: дома, лавки—все открыто настежь. Османъ-бей взрываетъ порохомъ притѣснителя-дракона, и благодарные жители отводятъ ему у себя домъ. У сестры появляются любовники и она хочетъ извести брата тяжелымъ порученіемъ. Польщенные смиреніемъ Османъ-бея,—онъ соскакиваетъ съ лошади не доходя до сада,—львы, стражи яблони, покорно слѣдуютъ за нимъ. Тогда сестра вывѣдываетъ у него талисманъ (три бѣлыхъ волоска), и любовники подвѣшиваютъ его въ мѣшкѣ къ потолку. Но мужики, видя ластящихся львовъ, спасаютъ своего главу („башъ"). Братъ выгоняетъ вѣроломную сестру въ горы. Дѣвушка питаетъ противъ Османъ-бея злыя мысли: когда братъ заѣжаетъ въ другое селеніе, сестра, уже повариха, угощаетъ

его ядовитыми пирожками. Едва ихъ ѣстъ собака, какъ околѣваетъ. Ага убиваетъ неисправимую дѣвушку. Османъ-бей избирается на царство по смерти жестокаго царя.

72. Изобличая невѣсть въ коварствѣ, царевичъ отказывается отъ брака; но встрѣча съ бѣдной красивой дѣвушкой измѣняетъ его рѣшеніе. Чтобы сгладить mésaillance, царица представляетъ родителей невѣсты богатыми. Царевичъ кладетъ на шею жены таинственный ключъ: ея цѣломудріе подтверждается. Подъ угрозой искалѣчить красавицу, царевичъ-пери требуетъ у нея взаимности. Исполняя его приказъ, она разъ украшаетъ деревья въ саду драгоцѣнными каменьями, но при свиданіи бросаетъ нахала въ бассейнъ. Вернувшись съ войны, царевичъ вырываетъ у жены признаніе, что ее любилъ пери; взбѣшенный супругъ выгоняетъ ее изъ дворца. Переодѣвшись въ мужское платье, жена объясняетъ въ саду свою невиновность.

73. Передъ смертью, передавая сыну ключи, царь заклинаетъ его не входить въ сороковую комнату. Царевичъ нарушаетъ завѣтъ отца: увидѣвъ на стѣнѣ изображеніе красавицы, онъ падаетъ въ обморокъ. Преданная сестра ни на шагъ не отстаетъ отъ безумно влюбленнаго юноши. Чтобы лицезрѣть царевну-недотрогу, стыдившуюся даже пѣтуха, царевичъ прикидывается сумасшедшимъ. Старушка-цвѣточница, пользуясь расположеніемъ царевны, вводитъ юношу во дворецъ; и та прощаетъ мнимой деревенской дѣвушкѣ ея нескромныя выходки. Неосторожность царевны, настежь раскрывшей двери въ своихъ покояхъ, подвергаетъ ихъ большимъ непріятностямъ. Раздраженный отецъ бросаетъ юношу въ темницу. Провѣдавъ о стрясшейся бѣдѣ, сестра проникаетъ къ узнику подъ предлогомъ, что она дала обѣтъ накормить заключенныхъ, если только выздоровѣетъ ея сынъ. Юноша въ платьѣ сестры благополучно избавляется отъ наказанія. На торжественный судъ къ царю дѣвушка является съ покрываломъ на головѣ. Негодуя на царя за нанесенное ей оскорбленіе, она требуетъ удовлетворенія, и царь покорно выдаетъ свою дочь за царевича брата дѣвушки.

74. Не слушая настойчивыхъ увѣщаній товарища-ровесника, царевичъ предпринимаетъ опасное путешествіе въ Кандахаръ, чтобы соединиться съ плѣнившей его царевной. Царевна поддается на доводы сводни и, переѣзжая въ городъ жениха въ сопровожденіи дружекъ, бѣжитъ съ юношей, а сынъ визиря надѣвъ женское платье выдаетъ себя за невѣсту. Гуляя по саду съ будущей золовкой, онъ постигаетъ птичій языкъ; они купаются въ бассейнѣ, и къ изумленію дѣвушки, невѣста ея брата оказывается мужчиной. Собравшись у старухи, всѣ четверо направляются на родину царевича. Уложивъ спать усталыхъ путниковъ, сынъ визиря внимаетъ предостереженіямъ птичекъ, которыя улетая прибавляютъ: „а кто слышитъ и разскажетъ о томъ кому, тотъ окаменѣетъ". Изъ-за лѣса несутся красивая лошадь и собака. Вѣрный товарищъ однимъ ударомъ убиваетъ этихъ колдуній: на землѣ валяется одинъ трупъ. Въ брачную ночь съ потолка спускается въ опочивальню вѣдьма, видъ которой настолько омерзителенъ, что „кто взглянетъ на нее, три дня будетъ бѣжать безъ оглядки". Ни мало не смущаясь, юноша поражаетъ ее мечемъ. Царь, по навѣтамъ визиря, подозрѣваетъ его въ злыхъ умыслахъ противъ сына. Готовясь къ казни, онъ открываетъ всю правду. Неутѣшно горюетъ царевичъ надъ окаменѣвшимъ другомъ. Спустя семь лѣтъ является во дворецъ „пиръ" съ сѣдой бородой. Царевичъ надъ камнемъ рѣжетъ ребенка своего; юноша оживаетъ. Разочарованный въ жизни, онъ восклицаетъ: „зачѣмъ ты убилъ младенца? мнѣ спокойно было тамъ". „Пиръ" читаетъ молитвы; „аминь", заключаютъ царевичъ и его другъ: ребенокъ встаетъ, ровно послѣ сна.

75. Вспыливъ изъ-за чего-то на жителей города, жестокій царь запретилъ въ теченіе трехъ ночей зажигать въ домахъ огонь. Бѣдныя дѣвушки, тяжелымъ трудомъ добывавшія хлѣбъ, нарушаютъ приказъ. Внѣ себя отъ гнѣва, тиранъ готовъ предать ихъ казни, но, успокоенный доводами благоразумныхъ спутниковъ, онъ преклоняетъ гнѣвъ на милость. Безмолвно слушаетъ онъ подъ окномъ наивный лепетъ дѣвушекъ и, призвавъ ихъ утромъ во дворецъ, онъ выдаетъ старшую дочь за мажордома (векилъ-харди), среднюю—за гардеробмейстера (рубаджи), младшая дѣлитъ ложе съ самимъ царемъ. Дѣвушка рождаетъ чудесныхъ младенцевъ, и противъ молодой царицы составляется заговоръ: бабка-интриганка подкладываетъ матери щенятъ. Хитрость удается. Какъ изобличенная въ мнимой невѣрности, невинная дѣвушка подвергается униженіямъ: прохожіе плюютъ въ лицо и бросаютъ камнями въ несчастную женщину, зарытую наполовину въ землю. Дѣтей бабка оставляетъ въ горахъ, но сердобольный садовникъ принимаетъ къ себѣ бездомныхъ малютокъ: Всевышній наполняетъ груди его жены молокомъ—дѣти спасены. Къ изумленію садовника, отъ слезъ дѣвочки комната наполняется жемчугомъ; улыбнется она—распускаются розы. Благословляя судьбу, садовникъ несетъ цвѣты во дворецъ; встревоженныя спасеніемъ ненавистныхъ дѣтей, сестры настойчиво требуютъ отъ бабки ихъ гибели. Старуха идетъ въ хижину бѣдняковъ. Она привѣтствуетъ ихъ кормилицу „селямомъ" и вступаетъ съ ней въ бесѣду: „твои ли это дѣти? Ахъ, не сглазить бы ихъ мнѣ!" Жена садовника въ восторгѣ отъ новой знакомки, которая участливо обращаетъ ея вниманіе, что опасно

держать дѣтей преслѣдуемой царицы. „Да будетъ надъ тобою милость Аллаха", заканчиваетъ она наставленія. Въ страхѣ, старички прячутъ дѣтей въ пещерѣ, гдѣ ихъ питаетъ коза. „Не видя людей, дѣти не умѣли говорить, а объяснялись знаками, но у нихъ былъ присущій людямъ разумъ". Соскучившись въ пещерѣ, мальчикъ съ жемчугомъ пробирается въ городъ на базаръ. Вернувшись, онъ научаетъ сестренку человѣческой рѣчи. Онъ покупаетъ себѣ полное вооруженіе, и дни проводитъ въ охотѣ. Случайно царь встрѣчаетъ на охотѣ красиваго ребенка. Царскій посланецъ направляется къ нему, но мальчикъ, не отвѣчая прямо на его вопросъ, удаляется: „Богъ создалъ много животныхъ, хватитъ вамъ и мнѣ". Царь тоскуетъ. Пронырливой бабкѣ завистницы поручаютъ во что бы то ни стало сжить со свѣта юношу. Она искусно разжигаетъ въ его сестрѣ желаніе обладать шипомъ дѣвы Сердцеѣдки (Диль-ру-кешъ). Женское коварство беретъ верхъ надъ любовью къ брату: сестра заливается притворными слезами, и брату во что бы ни стало приходится исполнить непонятную прихоть. Заготовивъ для нея пищи, онъ тревожно выходитъ на дорогу. Онъ уже въ царствѣ „пери"; тишина и безмолвіе: „не проѣзжаютъ караваны, птица не залетаетъ, змѣя не заползаетъ". Раскинувшись, передъ дворцомъ лежитъ вѣдьма. Юноша слѣзаетъ съ лошади, сосетъ ея груди: „будь моею матерью на этомъ свѣтѣ и на томъ". Ради невинной матери, напрасно томящейся въ землѣ, вѣдьма сочувствуетъ горю нареченнаго сына. Но что она знаетъ? Ея дѣло—охранять владѣнія пери. Развѣ дѣти?... Вдругъ загремѣло, засверкало, и съ шумомъ ворвались ея сыновья; но юноша былъ укрытъ предусмотрительной старухой отъ жадныхъ ихъ взоровъ. Ихъ недовольство скоро исчезаетъ; они съ недоумѣніемъ внимаютъ имени Сердцеѣдки. Жалѣя брата, они передаютъ его на попеченіе средней тетки; та, въ силу родства,—старшей. „Кто тебя подучилъ?"—изумляется старуха: „ступай, забудь о ней". Юноша слезно плачетъ. „Ну, моли Бога за свою мать", говоритъ растроганная старуха. Совершивъ у изсохшаго колодезя утренній „намазъ", юноша бросаетъ туда битую дичь: изъ отверстія выставляются ключи. Ими отпираетъ онъ двери темнаго подземелья и, не глядя по сторонамъ, хватаетъ искомый предметъ правой рукой. Радость сестры безмѣрна: съ восторгомъ слушаетъ она пѣніе разныхъ птичекъ. Но тетки не успокаиваются. Замышляются новые планы: и все таки юноша, невредимый, приноситъ сестрѣ зеркало, отражающее всю вселенную. Тогда сестра проситъ показать ей самое красавицу-пери. Тщетно говоритъ ей братъ о страхахъ, мученіяхъ; ничто не помогаетъ. Старшая вѣдьма съ неохотой отпускаетъ его на неминучую смерть. „Смерть не страшна, возврата нѣтъ", заявляетъ юноша. Выполнивъ обычную обрядность, онъ незамѣтно подходитъ къ полю, поросшему кипарисами; тутъ мирно почіютъ окаменѣлые смѣльчаки. Остановившись передъ сіяющимъ дворцомъ, онъ зоветъ дѣву, напрасно—и каменѣетъ. Дѣва бѣжитъ къ нему и, зачерпнувъ золотой чашей воды изъ бассейна, брызгаетъ на него,—юноша оживаетъ. Ласково укоряетъ она его за воровство; въ ихъ сердцахъ вспыхиваетъ молодая любовь. Сѣвъ на коней, они, не оборачиваясь назадъ, покидаютъ дворецъ, гдѣ подымается адскій шумъ. Встрѣчая препятствія, любовь царя къ юношѣ разгорается. Юноша обѣщаетъ ему явиться во дворецъ, но проситъ по пути разставить войска (не изъ предосторожности, а для встрѣчи). Едва начинаетъ ржать его конь, доставленный арабомъ, дядькой дѣвы-пери (стоитъ только ударить въ ладоши, и онъ передъ госпожей),—и юноша уходитъ, приглашая царя посѣтить его. Пери занята приготовленіями: на мѣстѣ ихъ пещеры возвышается величественный дворецъ, „котораго перомъ не опишешь". Мать дѣтей, здоровая, еще незнаемая ими, живетъ съ ними подъ одной кровлей. Очарованный, смотритъ на все царь. На женской половинѣ его ждетъ необычайная радость: онъ, оказывается, нашелъ своихъ дѣтей; онъ вѣритъ въ цѣломудріе жены. Злыя сестры пощажены, и горячо раскаиваются въ грѣхахъ.

76. Отъ зари до вечера охотились молодые царевичи. Выѣхавъ за городъ, братья раздѣляются. Изъ лѣсу выскакиваетъ стройная газель. Младшій братъ гонится за ней; онъ вынимаетъ лукъ, чтобы поразить ее; газель мгновенно скрывается за стѣной. Разгоряченный юноша не отстаетъ ни на шагъ. Старый стражъ напрасно отклоняетъ его отъ безразсуднаго поступка: „вотъ ужъ восемь лѣтъ сижу я тутъ, а никогда не видѣлъ людей"; но юноша готовъ лишиться жизни, лишь бы увидѣть опасную чародѣйку. Онъ входитъ въ садъ; вездѣ цвѣты, на деревьяхъ поютъ соловьи; передъ роскошнымъ дворцомъ бассейнъ. Едва вѣритъ своимъ глазамъ изумленный юноша: „въ рай я попалъ", думаетъ онъ. Его восторженное настроеніе непріятно прерывается: гремя цѣпями, бѣгутъ на него левъ и пантера. Встревоженная шумомъ, дѣвушка открываетъ окно, и влюбляется въ героя. Ея любовь находитъ отзвукъ въ сердцѣ юноши; онъ падаетъ въ обморокъ. Няня съ трудомъ приводитъ въ чувство растерявшагося юношу, который со страхомъ и радостью идетъ за ней къ госпожѣ. Молодые люди откровенно признаются въ любви; „но", прибавляетъ дѣвушка, „мой отецъ жестокъ; если онъ узнаетъ, что мы вмѣстѣ, онъ убьетъ насъ". Захвативъ съ собою драгоцѣнности, они покидаютъ пустынный дворецъ; вѣрныя животныя ихъ нагоняютъ. Народъ торопливо извѣщаетъ царя о возвращеніи пропадавшаго сына, и отецъ со старшими сыновьями встрѣчаетъ его. Царя плѣняетъ красота дѣвушки, но страхъ

передъ грозными звѣрями удерживаетъ его отъ посягательствъ, и онъ благословляетъ бракъ сына съ добытой дѣвушкой.

77. Со смертью жены разстраивается въ домѣ порядокъ. Дочь безутѣшно плачетъ по матери. Посовѣтовавшись съ сосѣдями, отецъ женится вторично. Мачеха съ перваго дня не взлюбила красивую дѣвушку: передъ ней ея дочь казалась уродомъ. Она возлагала на нее тяжелыя работы; какъ дѣвушка ни сдѣлаетъ, мачеха за все бранитъ ее и бьетъ. Наконецъ она обратилась къ мужу: „или убери ее съ глазъ моихъ, или разведись со мной". Ослѣпленный красотой жены, старикъ покоряется: „выдамъ-ка я дочь замужъ", думаетъ онъ. Долго безуспѣшно бродитъ отецъ съ дочерью. Усталые, останавливаются они въ лѣсу. Дочь оставляетъ отца, чтобы совершить „абдесть" (омовеніе). Подвѣсивъ сухія тыквы къ дереву, онъ бросаетъ ее одну въ пустынѣ. Горько плача, дѣвушка взлѣзаетъ на дерево у источника. Утромъ судьба приводитъ царевича: онъ слышитъ жалобные стоны и къ изумленію видитъ наверху неземное существо. „Вотъ и красный звѣрь", радостно восклицаетъ онъ. Царь благосклонно принимаетъ бѣдную дѣвушку, и царевичъ беретъ ее въ жены. Каждый годъ жена даритъ супругу мальчика,— „одинъ другого красивѣе". Но довольство не можетъ изгладить изъ ея души воспоминанія объ отцѣ: „онъ поступилъ со мною дурно, а кто знаетъ, какъ онъ горюетъ!" Царевичъ застаетъ жену въ слезахъ; радуясь случаю доказать любовь къ ней, онъ отпускаетъ ее на свиданіе съ отцомъ. Войска, подъ начальствомъ великаго визиря, провожаютъ царицу. Разбивъ палатки, великій визирь не сводитъ съ красивой царицы очей. Ночью, съ кинжаломъ въ рукѣ, онъ врывается въ ея палатку; царица отвергаетъ его безстыдныя предложенія; визирь на глазахъ матери убиваетъ ея дѣтей. Та же участь грозитъ и ей самой, и только хитростью спасается она отъ руки сластолюбца. Подъ нужнымъ предлогомъ она уходитъ изъ палатки, привязанная къ шнурку. Легкомысленный визирь одураченъ: прождавъ царицу, онъ ищетъ ее и видитъ, что шнурокъ подвязанъ къ камню. А она скрылась. Какъ ни въ чемъ не бывало, визирь велитъ на утро разбудить ее. Странное извѣстіе онъ равнодушно выслушиваетъ: „развѣ она не вила (даг-адамы)? Изъ горъ пришла, туда и ушла". Войска выступаютъ въ обратный путь. Визирь цѣлуетъ передъ царевичемъ землю и докладываетъ, что, зарѣзавъ дѣтей, царица убѣжала. Юноша отгоняетъ отъ себя черныя мысли; понуривъ голову, онъ думаетъ съ тоской: „тутъ что-нибудь не такъ". Во снѣ „пиръ" наставляетъ царицу, какъ оживить дѣтей. Надломленная горемъ, она хватается за указанное средство: вѣдь послѣ дѣтей ей жизнь не въ жизнь";—она вырываетъ дѣтей изъ земли, омываетъ въ рѣкѣ, и слова старца сбываются. Счастливая, мать скитается съ дѣтьми по горамъ. Выростаетъ новая опасность: въ полѣ у огня сидитъ Баба-яга, въ котлѣ кипитъ вода. Обезумѣвъ отъ страха, царица падаетъ передъ ней. Накормивъ „дочь" похлебкой, Баба-яга утѣшаетъ ее въ горѣ и совѣтуетъ, до прихода ея сыновей-людоѣдовъ, укрыться въ пещерѣ. Встрѣтивъ утромъ пастуха, царица умоляетъ его сжалиться надъ ней. Вмѣстѣ съ женой его она работаетъ въ царскомъ саду и садитъ 7 кустовъ розы; слава о необычайныхъ цвѣтахъ (которымъ она дала имена дѣтей) разносится далеко. Царевичъ является въ городъ и, завидѣвъ ребенка съ цвѣтками, передаетъ ему перстень. Свиданіе любящихъ супруговъ близко: на другой день дѣти ведутъ отца къ матери, которая на груди его выплакиваетъ всѣ невзгоды. Великій визирь казненъ. Снова во дворцѣ шумное веселье.

78. Житья нѣтъ дровосѣку отъ злой жены: она душитъ его, какъ кошмаръ. Шаря по карманамъ, она находитъ деньги, которыя мужъ спряталъ отъ нея, чтобы купить веревку. Градомъ посыпались на бѣдняка упреки: „такъ вотъ какъ, ты свилъ на сторонѣ гнѣздышко, и носишь туда деньги"! Мужъ клянется; жена еще пуще издѣвается: „ахъ, чтобъ вздернули тебя на веревкѣ"! Потерявъ терпѣніе, мужъ бьетъ ее; и долго еще ворчали супруги. На утро мужъ уѣзжаетъ въ лѣсъ на ослѣ, наказывая женѣ не отлучаться. Сгорая любопытствомъ, она тихонько слѣдитъ за нимъ. Въ горахъ она останавливается у колодезя; срывается камень, и жена, поскользнувшись, летитъ съ нимъ въ пропасть. Радостный, дровосѣкъ возвращается домой. Но скоро состраданіе побуждаетъ его протянуть руку помощи женѣ: онъ кидаетъ въ колодезь веревку и, къ немалому ужасу, вытаскиваетъ „ифрида" (чорта): своею навязчивостью жена довела и его до отчаянія. Ифридъ въ благодарность даетъ дровосѣку три цѣлебныхъ листика; самъ напускаетъ немощь на царевну. Царевна стонетъ, жалуется на боль въ головѣ. „Хекимы" только разводятъ руками. Надъ ней читаютъ, „дуютъ"; но напрасно ждетъ она облегченья. Отецъ пишетъ сосѣднему царю письмо, приглашая „устадовъ" къ царевнѣ: „коли онъ мусульманинъ, я дочь свою выдамъ за него; коли другой вѣры,—щедро одарю его". Вспомнивъ про листики, дровосѣкъ отзывается на кличъ. Онъ опускаетъ листокъ въ воду, кропитъ ею царевну; дѣвушка поправляется. Ифридъ идетъ къ другой царевнѣ: „онъ любилъ ее и все мучилъ ее". Ея отецъ, прослышавъ о чудесномъ исцѣленіи первой царевны, обращается къ державному брату съ просьбой прислать ему мудраго „хекима". Невольный врачъ въ затрудненіи: „ифридъ" грозитъ даже отнять его жену. Онъ прибѣгаетъ къ крайнему средству: „я пришелъ сюда вовсе не ради дѣвушки; та женщина, что

попала въ колодезь,—моя жена; я ее туда бросилъ, желая сплавить съ рукъ, а она теперь выбралась изъ колодезя и явилась ко мнѣ: куда я ни двинусь, она все за мной; я къ тебѣ: сдѣлай милость, не знаешь ли какого средства? она сейчасъ сюда явится".—„Увы, да будетъ проклято это мѣсто", сказалъ ифридъ и скрылся. Дровосѣкъ отнынѣ жилъ счастливо съ царственными женами. „Какъ прослышалъ я о свадьбѣ, я и пошелъ; дали мнѣ кусокъ „пилава зерде" (кушанье изъ рису, сахару, шафрану). По дорогѣ кинулась на меня собака: „хамъ, хамъ", и схватила меня за ногу; я бросилъ пилавъ и давай бѣжать. Выскочила мышь; она металась и туда, и сюда; вдругъ выросъ арабъ: эй, посланецъ, лови ее, руби ее! Мышь со страху прыгъ мнѣ въ носъ; я чихнулъ: „да пошлетъ Аллахъ тебѣ бѣду!" вскричалъ арабъ. Какъ хватилъ меня онъ по затылку, небо показалось мнѣ съ овчинку. Смотри! Не ходи на свадьбу: въ твой носъ такъ же прыгнетъ мышь".

79. Два мужа было у коварной женщины, и ни одинъ изъ нихъ не подозрѣвалъ о существованіи соперника. Они занимались „ремеслами", которымъ она ихъ обучила: одинъ былъ воръ, другой карманникъ. Сбывъ на базарѣ украденныя вещи, воръ къ ужасу увидѣлъ, что какой-то человѣкъ (это былъ карманникъ) схватилъ за воротъ покупателя и требовалъ вернуть его собственность. Но тотъ, не испугавшись угрозъ, сумѣлъ дать отпоръ наглецу. Разстроенные, явились мужья домой, рѣшивъ на время скрыться изъ города. Жена снарядила ихъ въ дорогу. Расположившись подъ деревомъ, незнакомцы были поражены сходствомъ пищи. Увы, передъ ними раскрылась роковая тайна: ихъ жена была поклонницей многомужія. Самолюбіе ихъ было уязвлено. Какъ рѣшить споръ? Мужья избрали посредницей жену свою, которая откровенно созналась, что до сихъ поръ жила съ обоими; отнынѣ будетъ принадлежать тому, кто выкажетъ больше ловкости. Высмотрѣвъ въ толпѣ богача, карманникъ укралъ у него кошель: взялъ девять червонцевъ (ихъ было 1000), вложилъ именной перстень и спокойно опустилъ въ карманъ богача. Громко крича, онъ дернулъ его за полы и сталъ наносить удары, обвиняя въ воровствѣ: дѣло пошло къ „кади" (судья). Показанія карманщика подтвердились, и вещь была присуждена ему. Жена похвалила его: „доселѣ никто еще не сдѣлалъ ничего подобнаго". Когда наступила ночь, воръ въ сопровожденіи товарища подошелъ ко дворцу. Перекинувъ веревку, онъ забрался въ сокровищницу и навьючилъ на товарища груду золота. Изъ курятника онъ укралъ гуся и велѣлъ зажарить его, а самъ, подсмѣиваясь надъ робостью карманника, двинулся къ царской опочивальнѣ. У постели царя сидѣлъ рабъ и растиралъ ноги: чтобы отогнать сонъ, онъ жевалъ камедь. Улучивъ минуту, когда рабъ задремалъ, воръ вытащилъ у него конскимъ волосомъ изо рта камедь, и рабъ заснулъ. Тогда онъ поднесъ къ его носу алкоголь; слуга повалился наземь, какъ мертвый. Воръ подвѣсилъ его въ корзинѣ къ потолку. Вскорѣ царь зашевелился; безстрашный воръ, занявшій мѣсто слуги, попросилъ царя выслушать повѣсть, и разсказалъ ему о своихъ подвигахъ: „скажи же, царь", такъ закончилъ онъ, „чье ремесло выше: вора или обманщика?" Царское слово пресѣкло недоумѣнія. Дрожа отъ страху, карманникъ стоялъ у дверей: онъ давно уже отказался отъ правъ на жену, и только умолялъ товарища покинуть опасное мѣсто. Настало утро; никто изъ слугъ не входилъ въ комнату. Въ страшномъ гнѣвѣ, царь обратилъ наконецъ взоры къ потолку. Съ трудомъ привели въ чувство соннаго раба, который на всѣ вопросы отвѣчалъ невѣдѣніемъ. Изумленный отважностью вора, царь объявилъ ему черезъ глашатаевъ прощеніе. Воръ предсталъ передъ царскія очи: „о шахъ, казни меня, или милуй!" Царь пожаловалъ ему содержаніе, и воръ бросилъ позорное ремесло.

80. Царь очарованъ красотой своего сына: „онъ чуть съ ума не сходилъ по немъ". Смерть разлучаетъ ихъ. Юноша горько плачетъ въ уединеніи, забывъ о мірѣ. Жизнь отрываетъ его отъ милыхъ думъ: сановники ставятъ юношу на царство. Почувствовавъ тягость на душѣ, молодой царь съ „лала" выходитъ на прогулку. Передъ ними лугъ. Величавая прелесть природы разстраиваетъ царя; слезы неудержимой рѣкой льются изъ его глазъ. Онъ выражаетъ желаніе переночевать подъ открытымъ небомъ; визирь, не смѣя противорѣчить, неохотно соглашается съ повелителемъ. Вдали обрисовывается предметъ: то къ источнику направляется старикъ съ кувшиномъ. Словоохотливый слуга вступаетъ съ царемъ въ бесѣду: на разстояніи получаса лежитъ дворецъ дѣвы-Гіацинтъ (Салкымъ-зюмбюль), гдѣ она проводитъ три дня въ году: безсмѣнно стерегутъ ее сорокъ дэвовъ. По дружбѣ старикъ совѣтуетъ покинуть поскорѣе владѣнія дѣвы. Царь непреклоненъ: страсть уже пожираетъ его душу. Ему хочется взглянуть на красавицу. Растроганный мольбой, старикъ думаетъ: „что жъ, онъ не уступитъ по красотѣ нашей дѣвѣ; они—словно наливное яблоко, разрѣзанное пополамъ". И онъ посылаетъ ихъ къ матери дэвовъ. Едва Баба-яга завидѣла ихъ за тысячу шаговъ, она протянула свои длинныя руки и поставила смѣльчаковъ около себя, ровно кувшины. Царь и „лала" застыли въ ужасѣ: „ростомъ съ минаретъ, Баба-яга сидѣла, разставивъ по горамъ ноги; ея груди, словно мѣхи, свѣсились съ горъ, ея голосъ слышенъ за три версты, во рту у нея камедь, величиной съ

большой узелъ, руки ея въ восемь аршинъ“. Побѣжденная ласковостью царя, Баба-яга сдается на ихъ просьбы. Дядьку она обращаетъ въ метлу; заткнувъ царевича за поясъ въ видѣ кисета, она въ три мгновенія достигаетъ дворца дѣвы. Стража погружается въ глубокій сонъ, едва старуха разбрасываетъ горсть земли. Царь крадется въ опочивальню дѣвы, снимаетъ съ ея руки перстень и неслышными стопами покидаетъ дворецъ. Утромъ во дворцѣ переполохъ, но юноши давно и слѣдъ простылъ. На вторую ночь онъ осторожно беретъ изъ уха серьгу. Царевна раздосадована и изумлена: много юношей стремилось къ ней; всѣхъ постигала смерть, и вотъ отыскался дерзновенный герой, въ ея домѣ совершающій безчинство. На третью ночь дѣва не смыкала глазъ: отворяется дверь. Дѣва едва владѣетъ собой. Красавецъ-юноша крадется къ ея ложу и запечатлѣваетъ на щекѣ восторженный поцѣлуй. Въ радости дѣва кидается къ нему на шею. Влюбленными очами смотрятъ они другъ на друга. Дѣва предлагаетъ сперва свои условія: „я не могу уйти изъ дворца; если ты меня любишь, оставайся тутъ“. Но юноша твердо помнитъ свои обязательства: „я царь“, напоминаетъ онъ; невѣста покоряется. Они идутъ къ Бабѣ-ягѣ, которая, отпуская ихъ, говоритъ: „ступайте невредимо, но вы должны присылать мнѣ каждый день по сорока овецъ; не пришлете, ну тогда знайте...“. Дэвы, съ согласія матери, продолжаютъ охранять пустынный дворецъ. Придворные высыпаютъ навстрѣчу царю. Царь призываетъ великаго визиря и велитъ ему написать брачный контрактъ между нимъ и дѣвой. Сорокъ дней длится свадебный пиръ.

81. Тоска грызетъ сердце аги Ахмеда; не тѣшитъ его богатство: у него нѣтъ наслѣдника. „Но какъ онъ былъ очень состоятельный человѣкъ, онъ купилъ на базарѣ дѣвушку. Запылала ревностью жена; она утопила бы наложницу („одалыкъ“) въ ложкѣ воды; и только страхъ передъ мужемъ удерживалъ ее“. Дѣвушка безропотно сносила воркотню и побои жены („у нея былъ мягкій характеръ“ — собств. „ея молоко было чисто“). Еще пуще возненавидѣла ее жена, когда замѣтила ея беременность: „теперь“, вздыхала она, „я совсѣмъ потеряю любовь мужа; все богатство, по его смерти, перейдетъ къ ребенку.“ Удрученная тоской, она обратилась къ колдуньѣ. Мнимая колдунья съ радостью ухватилась за предложеніе: „вотъ нашла-то дуру“, думала она, и, запросивъ съ нея три, четыре тысячи піастровъ, она обѣщала все устроить. Когда настали роды, то ея соучастница, бабка, быстро подмѣниваетъ близнецовъ дохлой змѣей. Дѣти были брошены въ горшкѣ въ море. Подавивъ горе, дѣвушка и тутъ никому не выдала тайны. Суровый Ахмедъ безъ жалости выгналъ ее на улицу въ старомъ платьишкѣ [1]).

И сталъ ага Ахмедъ роптать на Аллаха: „ахъ, къ чему Ты далъ мнѣ богатство! я согласился бы ѣсть одинъ хлѣбъ, лишь бы были у меня дѣти“. Смущенная печалью мужа, жена горячо молилась. Во снѣ она увидѣла морскую дѣву, которая, указывая на горшокъ, велѣла сходить за мужемъ. Торопливо (во снѣ) вернулась жена домой, и только ударила его,—онъ проснулся. Тогда и жена проснулась и разсказала мужу свой сонъ: подивились супруги. Утромъ жена пристала къ мужу, чтобы онъ шелъ на берегъ. Напрасно мужъ увѣрялъ ее, что это былъ сонъ; жена твердила свое, пока онъ не сдался на ея просьбу. Въ волнахъ покачивался горшокъ. Призывая Божіе имя, благочестивый мусульманинъ вынулъ его изъ воды; онъ открылъ горшокъ: тамъ лежали его младенцы. Прижимая ихъ къ груди, онъ изо всей силы пустился бѣжать. Радость засіяла въ домѣ аги Ахмеда: Богъ сжалился надъ ними и снялъ съ нихъ поношеніе. Для дѣтей были наняты двѣ мамки. А безпріютная мать безцѣльно бродила. „Что жъ, судьбы не избѣгнешь“, покорно шептала она. Ночь провела она на деревѣ. Едва передвигая ноги, тащилась она по горамъ. Вдали мелькнуло стадо овецъ. Собравъ послѣднія силы, она подошла къ сѣдому старику, пастуху. Старикъ накормилъ ее, и одалыка, захлебываясь отъ слезъ, излила передъ нимъ свое горе. Добрый пастухъ принялъ ее въ свой домъ. Ни о чемъ не вѣдая, росли дѣти при отцѣ. Уже въ школѣ мальчикъ выдѣлялся среди сверстниковъ силой: одинъ боролся онъ съ сотней. Дѣти, завидуя товарищу, стали гнать его отъ себя: „убирайся, безродный!“ Кое какъ успокоила взволнованныхъ дѣтей жена аги Ахмеда. Дѣти легли спать. Имъ представилась избушка добраго пастуха; въ избѣ сидѣла ихъ истинная мать; обступивъ ее, они слушали ея печальный разсказъ. И тотъ же сонъ снился имъ обоимъ. Дѣти были поражены. Бойкій юноша объявилъ отцу, что мать его здорова, и что онъ рѣшился ее отыскать. Нѣсколько дней идетъ онъ безъ приключеній. Вдругъ семиглавый драконъ пересѣкъ ему дорогу. Юноша схватилъ камень и угодилъ прямо въ дракона. „Коли ты храбрый молодецъ, бей еще“! Но юноша не поддается искушенію. Провѣдалъ о смерти дракона братъ его и бросился за убійцей. Земля тряслась подъ его ногами. Разинувъ пасть, откуда вылеталъ огонь, онъ устремился на юношу. Юноша опуталъ руку дракона и отшвырнулъ его за тысячу шаговъ. Драконъ завылъ: „онъ погубилъ насъ, какъ бы не пропало и добро наше“!—и скольз-

[1]) Въ текстѣ этотъ послѣдній эпизодъ помѣщенъ уже за спасеніемъ младенцевъ. *В. Г.*

нулъ въ нору. Юноша спустился за нимъ. Въ горницѣ онъ встрѣтилъ красавицу-дѣвушку. Испугавшись за жизнь смѣльчака, дѣва умоляла его оставить поскорѣе дворецъ Бездушнаго дракона (Солуксузъ). „Не бойся“, возразилъ юноша, „я уже отправилъ его и его брата въ преисподнюю“. Они обходятъ палаты: всѣ сорокъ горницъ завалены золотомъ, алмазомъ и другими драгоцѣнностями. Дѣвушка напоминаетъ юношѣ о матери; они, веселые, продолжаютъ путь. Избушка глубоко врѣзалась въ память юноши; онъ безъ труда узнаетъ ее. Мать и сынъ плачутъ въ объятіяхъ, возвращенные другъ другу. Матери не чуждъ образъ юноши: давно уже являлся онъ ей въ сновидѣніяхъ. На другой день всѣ они собираются въ дорогу. Навьючивъ лошадей и ословъ сокровищами дракона, юноша ѣдетъ къ сестрѣ. Въ домѣ аги Ахмеда всеобщая радость: сестру свою братъ выдаетъ за сына пастуха, самъ женится на томившейся дѣвѣ; не безъ жениха и дочь пастуха.

82. Не чая души въ визирѣ, царь ни днемъ, ни ночью не разставался съ нимъ. „Если Богъ пошлетъ мнѣ сына, а тебѣ—дочь“, часто говорилъ царь, „мы поженимъ ихъ“. Молитва ихъ была услышана. Дѣти росли привольно, и скоро царевичъ запылалъ страстью къ дѣвушкѣ. Дѣвушка, видѣвшая въ немъ родного брата, была равнодушна къ его вздохамъ. Случайно дѣти, идя изъ школы, встрѣтили старуху, которая по злобѣ открыла дѣвушкѣ глаза. Дѣвушка стала благосклоннѣе къ юношѣ, и онъ, забывъ объ ученьи, все думалъ о милой. Скоро родители замѣтили перемѣну въ дѣтяхъ, и царь, призвавъ визиря, напомнилъ ему объ уговорѣ. Визирь, раньше уклонявшійся отъ прямого отвѣта, заявилъ, что не даетъ дочери за царевича. Тогда отецъ попытался было отвлечь мысли сына отъ дѣвушки, но разлука съ ней только усилила его любовь; онъ горитъ весь, какъ Керемъ: его сердце превратилось въ „кебабъ“; слушая совѣты родительскіе, онъ пропускалъ ихъ мимо ушей [1]). Разгнѣванный непокорностью сына, царь, къ великой радости визиря, изгналъ его изъ своихъ владѣній. Дорога вела мимо дома дѣвушки. Задержавъ коня, юноша продекламировалъ:

„Все одинъ, я сажусь на коня,
Ужъ проѣхалъ мой садъ, цвѣтники,
Я Аллаху вручаю себя“.

Чтобы развлечься, юноша останавливается въ чужомъ городѣ на постояломъ дворѣ („ханъ“), гдѣ окружаетъ себя толпой весельчаковъ и пѣсенниковъ. Проходятъ годы. Дѣвушка достигла уже брачнаго возраста (15 — 16 лѣтъ). Съ соизволенія царя, родители благословляютъ ее на бракъ съ сыномъ второго визиря. Чтобы выиграть время, дочь добивается отсрочки свадебнаго пира. Всецѣло поглощенная мыслью, какъ извѣстить о нежданной печали юношу, она въ тоскѣ бродитъ по полю, гдѣ расположился на отдыхъ караванъ. Слабый лучъ надежды озаряетъ ее; она стремительно бѣжитъ къ палаткамъ:

„Вы кочевники или купцы?
Облегчаете ль страждущимъ боль?
Коль тебѣ передамъ письмецо,
Властелину вручишь моему?“

Глава каравана охотно исполняетъ порученіе дѣвушки. Немедленно юноша сѣдлаетъ лошадь. Утомленный безсонницей, онъ засыпаетъ у ручья; скоро щебетанье птичекъ пробуждаетъ его. Три голубки, сидя на деревѣ, соболѣзнуютъ о юношѣ: „онъ идетъ на муки; безжалостные люди погубятъ его“.—„Ну что жъ“, возражаетъ другая, „стоитъ только омыть его водой, въ которой мы купаемся, и онъ оживетъ“.—„Что ты говоришь“?—вставила свое слово доселѣ молчавшая птичка,—„ну, онъ пойдетъ, гдѣ жъ взять эту воду?“—„У меня отъ отца три памятки: только бросить мой талисманъ въ огонь, и я тотчасъ доставлю этой воды“.—Птички вспорхнули и улетѣли. У дерева лежало перышко, сіявшее, какъ алмазъ. Бодро двинулся юноша въ дальній путь. Отойдя отъ рѣчки, онъ вспомнилъ про воду, но всѣ поиски ни къ чему не привели; юноша все болѣе и болѣе сбивался съ дороги. Уже вечерѣло, когда передъ нимъ выросъ въ темнотѣ садъ съ огромными воротами. Въ домѣ ярко горятъ свѣчи („шамдан“); звонкіе голоса доносятся до него. Боясь шелохнуться, прячется онъ за дерево. Передъ сномъ дѣвушки-голубки сѣли у окна, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ. Скоро онѣ открыли въ засадѣ бѣднаго юношу: его красота сильно подѣйствовала на нихъ, и онѣ стали мечтать о немъ. „Но какъ намъ соединиться? мы — пери, онъ — человѣкъ“. Добрая сестра (оставившая перышко) выдала тайну. Едва онѣ заснули, юноша сжегъ ихъ головныя покрывала. Растерянныя сестры заметались: „что такое случилось? Мы горимъ, что намъ теперь дѣлать?“ Очарованный бѣлизной ихъ тѣла и алыми щечками, юноша клянется, что не оставитъ ихъ, пока въ немъ течетъ хоть капля

---

[1]) Въ подлинникѣ сказано: „входили въ одно ухо и выходили черезъ другое“ Кебабъ—жаркое. *В. Г.*

крови. Онъ разсказываетъ своимъ невѣстамъ, что явился избавить отъ мученій дѣвушку. Дѣвушки торопятъ его и, предвидя, какая судьба грозитъ ему, даютъ ему бутылку цѣлебной воды. На зарѣ юноша уже у окна вѣрной дѣвы. Воздухъ оглашается пѣснью влюбленныхъ:

Юноша:

„Отъ дружка пришли верблюды
Изъ-за горъ, покрытыхъ кровью.
Я бродилъ, къ тебѣ приплелся;
Надломило меня горе".

Дѣва:

„Я спала было, проснулась.
Оперлась на руку праву;
Голосъ утренній сначала
Я сочла за голосъ стража".

Юноша:

„Ты спала было, проснулась,
Оперлась на руку праву;
Такъ-то на зарѣ мой голосъ
Ты сочла за голосъ стража?"

Сомнѣній нѣтъ: это ненаглядный ея юноша безстрашно явился въ заповѣдный край. Она бѣжитъ къ окну, чтобы предупредить его объ опасности. Поздно: старая карга уже подмѣтила изгнанника. Отецъ велитъ немедленно казнить ослушника царской воли; едва-едва успѣлъ юноша передать дѣвушкѣ по веревкѣ таинственную бутылку. Съ злорадствомъ показывала старуха дѣвѣ куски зажареннаго мяса ея милаго. Сердце ея разрывается на части; изъ глубины души ея вырываются вопли тяжкаго страданія:

„О внемлите вы, внемлите:
Не говядина на бойнѣ,—
Продаютъ людское мясо!

Ночью она извлекаетъ юношу изъ могилы и тайно бѣжитъ съ нимъ отъ безсердечныхъ людей. Юноша женится на четырехъ дѣвушкахъ. Сосѣдній царь усыновляетъ его и назначаетъ своимъ великимъ визиремъ.

83. Играя золотой пушечкой, шаловливый царевичъ разбилъ у старухи кувшинъ. Не говоря ни слова, старуха снова явилась къ источнику за водой. Ребенокъ не унимался. Наконецъ, когда юноша выбилъ у нея изъ рукъ третій кувшинъ, занятый ею, старуха изрекла: „О Боже, да влюбится юноша въ Молчаливую (Сöйлемез) царевну!" Невольно запала въ душу юноши мысль о странной дѣвѣ. Онъ сталъ хирѣть, и отецъ, опасаясь, что сынъ съ тоски помретъ, отпустилъ его въ дорогу, приставивъ дядьку. Долго шли они. Часто ложились они спать голодными; и едва сонъ смыкалъ ихъ вѣжды, они на зарѣ поднимались уже: скоро они на себя не походили. У границъ владѣній царевны они столкнулись со старикомъ, который направилъ ихъ на вѣрную дорогу. „Въ сказкахъ скоро сказывается": вдругъ вдали зарево освѣтило всю окрестность. Они вступаютъ въ деревню; на постояломъ дворѣ словоохотливые собесѣдники объяснили имъ, что это сверкаютъ алыя губы и щеки царевны. Нетерпѣливый царевичъ тащитъ за собой дядьку къ безконечной крѣпости, сложенной изъ человѣческихъ головъ, вышиной въ 100 аршинъ. Наши путники свернули въ городъ, резиденцію отца царевны. Повсюду плачъ и стонъ; каждый жалуется на горе: много дерзновенныхъ юношей погибло уже, такъ и не вынудивъ у Молчаливой царевны ни слова. Гуляя по базару, юноша съ любопытствомъ сталъ около клѣтки съ соловьемъ, и какъ ни отговаривалъ его дядька, представляя безполезность такой траты денегъ, юноша купилъ птичку за 1000 піастровъ. Избѣгая людей, царевичъ съ тоской все думалъ о царевнѣ. Однажды дядька вышелъ за двери, и соловей заговорилъ человѣческимъ языкомъ: „что ты такой печальный сегодня?" Придя въ себя отъ изумленія, царевичъ разсказалъ о своемъ горѣ нежданному другу. „Нѣтъ ничего легче этого", отвѣчалъ соловей: „ступай сегодня же во дворецъ и меня возьми съ собой". Царь изо всѣхъ силъ отклонялъ смѣльчака отъ опыта, напоминая, что ему грозитъ смерть; юноша все валялся въ ногахъ царя, и царь уступилъ его настойчивымъ мольбамъ. Слуги провели его въ горницу. За семью покрывалами сидѣла Молчаливая царевна. На всѣ разспросы о здоровьѣ отвѣта никакого не было, и юноша, заранѣе спрятавшій соловья подъ подсвѣчникъ, заговорилъ съ подсвѣчникомъ. Соловей началъ повѣсть о трехъ юношахъ.

а) Трое юношей влюбились въ царевну; не зная, кому отдать предпочтеніе, царь велѣлъ имъ изучить какое-нибудь ремесло. До источника соперники шли вмѣстѣ. Тутъ они положили подъ камень перстни и разстались. Каждый избралъ различную дорогу: одинъ позналъ скрытое, другой въ часъ совершалъ шестимѣсячный путь, третій изготовлялъ лѣкарства, оживлявшія мертвецовъ. У камня снова они встрѣтились. „Царевна опасно больна; черезъ часъ—другой она

помреть", заявилъ изучившій скрытое. Лѣкарь далъ цѣлебное снадобье; а скороходъ, какъ стрѣла, пустился къ царевнѣ.—Давъ знакъ царевичу, чтобы онъ не называлъ скорохода, соловей предложилъ вопросъ, кто изъ нихъ достоинъ дѣвы. Хитрецы подняли оживленный споръ. Забывъ обѣтъ, царевна сдернула съ себя покрывало и выразила свое мнѣніе. Слуги немедленно донесли царю о происшедшемъ. Дѣвушка, ссылаясь на обманъ, потребовала, чтобы царевичъ еще два раза доказалъ свою ловкость. Таинственный подсвѣчникъ былъ сломанъ.

На вторую ночь у соловья была наготовѣ новая повѣсть—о трехъ любовникахъ:

б) Легкомысленная женщина была въ связи съ тремя мущинами: ихъ звали Балджи-оглу (сынъ пасѣчника), Тиреджи-оглу (сынъ хлопчато-бумажнаго мастера), Ягджи-оглу (сынъ торговца масломъ). Любовники и не подозрѣвали, что коварная женщина водитъ ихъ за носъ. Расчесывая косы, женщина нашла у себя сѣдой волосъ; въ ужасѣ представила она время, когда, ей старухѣ придется скитаться по улицамъ; и она задумала выйти замужъ за одного изъ своихъ ухаживателей. Вырывъ въ саду могилу, она залилась горючими слезами. Вскорѣ пришелъ Ягджи-оглу. Женщина указала ему на саванъ: она похоронила своего отца, а онъ былъ колдунъ. „Я знаю", разнѣжилась она „что ты меня любишь; обернись въ саванъ и ложись въ могилу; отецъ увидитъ, что мѣсто занято, и убѣжитъ".—„Для тебя я брошусь въ море",—восторженно отвѣчалъ любовникъ. Балджи-оглу она убѣдила стать съ камнемъ у могилы и, какъ только колдунъ въ ней зашевелится, сейчасъ же убить его. И Тиреджи-оглу попался на удочку: онъ храбро ринулся къ могилѣ, чтобы спасти колдуна отъ его врага, готоваго поразить его камнемъ. Поднялся общій переполохъ: за кого жъ выйти?—И опять царевна не сдержалась.

На третью ночь соловей остался за дверью. Отвернувшись отъ царевны, юноша промолвилъ: „что жъ царевна не говоритъ? давай ужъ, дверь, поболтаемъ съ тобой".

в) Повѣсть о плотникѣ, портномъ и „софта" (мусульманскій семинаристъ).

Плотникъ, портной и „софта" поселились вмѣстѣ. Днемъ они уходили по своимъ дѣламъ, къ вечеру собирались. Страдая безсонницей, плотникъ вырѣзалъ изъ дерева статую дѣвушки, лѣтъ 13—14. Портной облекъ ее въ платье. Когда среди ночи проснулся „софта", его поразила красота дѣвы, и онъ сталъ молить Аллаха даровать жизнь новой Галатеѣ. Взглянувъ утромъ на дѣвушку, всѣ трое почувствовали къ ней страстное влеченіе. Не вытерпѣла царевна и въ третій разъ: „эхъ вы, дураки! а про софту-то вы и позабыли! коли онъ не оживилъ бы ее, что толку въ работѣ плотника и портного?"

Въ городѣ все огласилось шумнымъ ликованьемъ. Царь съ радостью согласился на бракъ юноши съ дочерью. Онъ намѣревался устроить пышный пиръ, но царевичъ почтительно доложилъ тестю: „у меня живы отецъ и мать; тутъ насъ обручили, тамъ пусть будетъ свадьба наша". Царь безпрекословно отпустилъ его на родину съ многочисленнымъ войскомъ.

84. Бѣдная женщина въ страшномъ затрудненіи: ея сынъ нигдѣ не уживается въ работникахъ. „Пойдемъ-ка, матушка; какое ремесло мнѣ слюбится, туда и отдавай, я не убѣгу", утѣшалъ сынъ разстроенную мать. На торговой площади повстрѣчали они „реммаля" (гадателя по песку), который охотно взялъ юношу въ науку. Спустя нѣсколько дней хозяинъ и говоритъ работнику: „я обернусь бараномъ, ты веди меня на базаръ продавать, да смотри, веревку бери назадъ". Выгодно продавъ барана, юноша вернулся домой: вечеромъ прибѣжалъ и хозяинъ. На другой день „реммаль"—уже лошадь — одурачилъ и второго покупателя. Но работникъ самъ былъ парень смышленый: онъ забралъ вырученныя деньги и явился къ матери. Первая мысль. которая промелькнула у нея,—это, что сынъ ея опять не поладилъ; но сынъ скоро разувѣрилъ ее, Чтобы показать матери, чему онъ научился, сынъ велѣлъ ей объявить торги на баню, нѣсколько разъ повторяя, чтобы она не отдавала ключа. Весь городъ собрался любоваться красивой баней. Высшую цѣну предложилъ „реммаль", и баня осталась за нимъ. Сбитая имъ съ толку, женщина польстилась на деньги и вручила ему ключъ. Боясь попасться въ руки хозяина, юноша оборотился птицей; но тотъ ястребомъ погнался за нимъ. Юноша спустился въ садъ, гдѣ гулялъ съ вельможами царь, и красивая роза расцвѣла внезапно передъ изумленнымъ царемъ. Радуясь, что Богъ послалъ ему въ такое время цвѣтокъ, царь движеніемъ указалъ прислугѣ сорвать его. Тогда хозяинъ, въ образѣ стараго гусляра, подошелъ къ царю и, затянувъ пѣсню, просилъ сжалиться надъ нимъ и уступить розу, которую онъ давно ищетъ въ саду. Царь протянулъ было ему руку съ цвѣткомъ. Юноша разсыпался у ногъ его просомъ, и пѣтухъ (это опять былъ реммаль) бросился клевать зерна. Одно зернышко забилось за колѣно царя. Изъ него вышелъ человѣкъ и задушилъ пѣтуха. Удивленный царь оставилъ у себя юношу, женилъ его на дочери и назначилъ великимъ визиремъ. Въ довольствѣ доживала мать дни свои въ домѣ сына.

85. Несказанно обрадовавшись рожденію дочери, царь, чтобы устранить внѣшнія вліянія, помѣстилъ ее съ нянькой въ пещерѣ. Задумалась дѣвушка, что́ скрывается за предѣлами ихъ маленькаго мірка и, вставъ на подушки, она заглянула въ окно. Была зима. Ярко-алая кровь за-

колотаго животнаго окрашивала снѣгъ, бѣлой пеленой покрывшій землю. И слышитъ она разговоръ двухъ путниковъ. Едва устояла дѣвушка на ногахъ: вспыхнула въ ней любовь къ царевичу Прекрасному Іосифу („Хюсни Юсуф."): ее смутила бѣлизна его тѣла и алыя щеки. Къ тоскующей царевнѣ были вызваны „хекимы", и одинъ изъ нихъ заявилъ, что у нея болитъ сердце. Не повѣрилъ было царь; въ страшномъ гнѣвѣ закричалъ онъ на няньку и велѣлъ ей черезъ три дня донести ему, чѣмъ же страдаетъ дочь его. Ручьемъ потекли слезы изъ глазъ старушки; на колѣняхъ стала она умолять дѣвушку открыться ей. Добрая дѣвушка вняла ея мольбамъ. Царь тотчасъ отправилъ письмо къ отцу царевича. Но гордый Іосифъ отвергъ предложеніе: вложивъ въ письмо иголку, нитку и желтый листъ, онъ отвѣчалъ, что, хотя бы дѣвушка вся исхудала и пожелтѣла, такъ что могла бы пройти сквозь игольныя уши,—и тогда онъ не взялъ бы ее. Уязвленный такими насмѣшками, царь рѣшилъ казнить недостойную дочь, но мать вступилась за бѣдную дѣвушку: „ради славы нашей намъ не подобаетъ убивать ее", и она предложила пустить ее въ море въ ящикѣ. Волны прибили ящикъ къ дому тетки Прекраснаго Іосифа. Долго ухаживала за ней добрая женщина: прыскала розовую воду, осторожно кормила ее, и дѣвушка открыла наконецъ ротъ. Ея страданія глубоко растрогали тетку, и она быстро составила планъ дѣйствій. Разъ въ годъ ее навѣщалъ ея племянникъ. Задолго было все уже готово: изба была вся окрашена въ желтый цвѣтъ для его пріема. — „Эй, Ночь-день, солнце-луна, вѣтвы!" закричала тетка дѣвушкѣ, „шербету!" Подавая царевичу кружку, дѣвушка пролила нѣсколько капель на его одежду, и тетка подняла брань. Царевичъ, всмотрѣвшись въ черты дѣвушки, почувствовалъ къ ней любовь, и съ жаромъ защищалъ ее. Образъ дѣвы неотступно преслѣдовалъ его и, не дождавшись обычнаго срока, онъ черезъ 6 мѣсяцевъ снова явился: все отливало краснымъ цвѣтомъ. Стала дѣвушка подносить царевичу пить и умышленно разбила посуду. Съ трудомъ удалось царевичу успокоить разгнѣванную тетку. Не прошло и трехъ мѣсяцевъ, какъ царевичъ далъ знать уже о себѣ. Мрачный цвѣтъ невольно навелъ его на грустныя думы; предчувствіе его не обмануло: шербетъ подавала новая прислуга. Робко освѣдомился царевичъ, что сталось съ дѣвушкой. Съ притворнымъ злорадствомъ подвела она племянника къ постели, гдѣ, вся укутанная въ черное, лежала дѣвушка. Вмѣсто отвѣта дѣвушка только вздыхала; отчаяніе охватывало Прекраснаго Іосифа. Чтобы еще болѣе помучить его, тетка показала ему его безсердечное письмо. Дѣвушка едва выдерживала искусъ; еще мгновеніе,—и она была въ объятіяхъ ненагляднаго царевича. Неожиданное препятствіе возникло со стороны отца, который отказался дать согласіе на бракъ. Царевичъ захирѣлъ. Въ полѣ встрѣтилъ онъ однажды древнюю старушку: станъ ея согнулся; пройдетъ три шага и отдыхаетъ. Разсказалъ ей юноша о сердечной ранѣ, но старушка, чтобы отвлечь его мысли отъ дѣвушки, заговорила о красавицахъ Гранатахъ. Испросивъ разрѣшеніе родителя, царевичъ собрался въ путь съ дядькой. У ручья увидали они старушку. Хитрая старуха не хотѣла пріютить странниковъ: „моя избушка очень невелика; голова моя въ избѣ, а ноги снаружи". Но блескъ золота измѣнилъ ея отношеніе, и она съ радостью повела въ домъ царевича, а на прощанье посовѣтовала заѣхать къ матери 7 дэвовъ, стражей Гранатовъ. Два часа пути было еще до Бабы-яги, но жаръ отъ ея печи былъ такъ нестерпимъ, что наши герои не знали, куда направиться. Не долго пришлось имъ раздумывать; Баба-яга схватила ихъ, какъ лимонъ. „Трудненько будетъ вамъ доставать гранаты; ихъ охраняетъ семь моихъ сыновей; едва старшій завидитъ васъ за три часа пути, онъ по поясъ загонитъ васъ въ землю; вотъ вамъ три волоска, вы разложите ихъ около себя, онъ пойметъ, что вы были у меня". Дэвъ не только благосклонно принялъ ихъ, но еще научилъ, какъ пройти черезъ талисманы. Своею ласковостью и услужливостью они пріобрѣли расположеніе источника (съ кровью и мочей), льва и собаки и вѣдьмы, безпомощно вычесывавшей изъ головы блохъ. Сорвавъ съ дерева плоды, они „подобрали пятки" и безпрепятственно скрылись. Въ дорогѣ любопытный юноша разрѣзалъ гранатъ: вышла красивая дѣвушка, словно мѣсяцъ въ четырнадцатый день, и обратилась въ кровь и мочу. Дэвъ разбранилъ ихъ за неосмотрительность. Царевичъ вернулся назадъ и вмѣстѣ съ дядькой принялся пить изъ источника, наполненнаго медомъ и молокомъ. Только дядька забылъ наставленіе дэва: онъ выразилъ удовольствіе: „ахъ, что за прекрасная вода!" Неосторожность дядьки повлекла новое разочарованіе: вторая дѣвушка оказалась хромой. Отпуская ихъ, дэвъ настойчиво просилъ ихъ ударить мать, какъ только она поцѣлуетъ ихъ въ глаза; „не то она броситъ васъ въ огонь; отъ меня передайте ей „селямъ" (поклонъ). Исполнивъ повелѣнія дэва, царевичъ сталъ прощаться съ вѣдьмой, и та дала ему горсть золы, которой должно посыпать гранатъ, когда станутъ его разрѣзать. Вскорѣ прибыли они на родину въ Іеменъ. Дядька получилъ хромую дѣву; себѣ царевичъ взялъ красавицу Гранатъ и царевну.

86. Вынужденныя крайней бѣдностью, мать съ дочерью побирались милостыней. Скоро старушка надломила свое здоровье и слегла въ постель. Дочь вышла одна на улицу. Робкая, стыдливая, бродила дѣвушка по городу, но никто не подалъ ей и куска хлѣба. Наступилъ

вечеръ; дѣвушка заблудилась и, утомленная ходьбой, заснула. И снится ей: стоитъ она и плачетъ, вдали сѣдой старикъ идетъ, перебираетъ четки. Охвативъ его ноги, пала дѣвушка наземь. Старецъ Хызыръ [1]) (св. Георгій или Илья) отвязалъ ей отъ пояса одну палку и даетъ ей: „возьми, безстрашно иди повсюду; она укажетъ тебѣ путь". Утромъ у изголовья дѣвушки лежала палка. Опершись на нее, дѣвушка пошла дальше. Случайно повернула она палку, и передъ ней выросъ изъ земли арабъ: „приказывай, султанша, что тебѣ угодно". И передъ голодной дѣвушкой арабъ уставилъ столъ съ вкусными яствами. Вдали засверкалъ дворецъ: выстроенныя въ два ряда, красивыя рабыни встрѣчали госпожу. Арабъ ввелъ ее въ домъ. Подойдя къ зеркалу, она устыдилась за свои лохмотья, и быстро перемѣнила ихъ на великолѣпный нарядъ, усыпанный каменьями. Разнообразныя впечатлѣнія, пережитыя за день, навѣяли на нее сонъ. Явился владѣтель дворца, царевичъ-пери, взглянулъ на нее и влюбился. Утромъ онъ обратился къ ней съ такими словами: „госпожа моя, я полюбилъ тебя отъ всего сердца, но мы—пери, ты—человѣкъ, я сведу тебя къ отцу: коли онъ согласится, мы до смерти будемъ жить съ тобой въ роскоши, коли нѣтъ,—тебя убьютъ". Красота дѣвушки поразила царя-пери, но недовѣріе къ людямъ слишкомъ было велико въ немъ: „я боюсь, какъ бы не случилось чего; въ людяхъ много коварства". Царевичъ предложилъ отцу надѣть на дѣвушку платье съ талисманами: „тогда ея чары потеряютъ силу". Немедленно ихъ вѣнчаютъ, по обычаямъ пери: „какъ ни какъ, а ихъ свадьбы не похожи на наши". У молодой жены рождается мальчикъ. Ночами не спитъ бѣдная дѣвушка. Вспомнилась ей мать, ея заботы, и слезы рѣкой полились изъ ея глазъ: „вотъ я забыла о ней; она осталась въ нищетѣ; что съ ней? не умерла ли?" Супругъ съ тревогой смотрѣлъ на измѣнившееся лице дѣвушки. Чтобы успокоить ее, онъ взялся отыскивать ея мать. Было еще рано; въ дверь раздался ударъ: передъ изумленной старухой стоялъ юноша. Онъ взвалилъ ее на плечи, и въ мигъ были они дома. Мать и дочь плакали. „Я молила Бога повидать тебя хоть разочекъ на этомъ свѣтѣ и, слава Ему, я обрѣла тебя", улыбаясь сквозь слезы, говорила мать. Спокойно доживали они свой вѣкъ, возсылая Всевышнему благодаренія.

87. Царь съ наслажденіемъ ухаживалъ за цвѣтами; его садъ—„второй рай": „на языкѣ нѣтъ словъ, чтобы описать его". Погруженный въ мрачныя думы, сидѣлъ царь въ бесѣдкѣ. Вдругъ слухъ его былъ встревоженъ шумомъ: въ одинъ голосъ голубки (ихъ было семь) прокричали: „ахъ, ничѣмъ человѣкъ не насытится; отъ него далеко Розы-дѣвицы". Три дня крѣпился царь; будучи не въ силахъ болѣе совладать со своимъ чувствомъ, онъ передалъ корону и власть великому визирю, а самъ пошелъ за счастьемъ. У долины рыскала охотничья собака; царь бодро двинулся за ней. Немного далѣе бросилась ему въ глаза лиса; не долго думая, царь схватился за оружіе, чтобы убить ее: звѣрь быстро скрылся. Это была колдунья, высланная однимъ царемъ для наблюденія за соперникомъ. Высокая стѣна заграждала путь царю. Прислонившись къ стѣнѣ, тамъ плачетъ старуха-колдунья. Царь подошелъ къ ней. Долго отговаривала она царя отъ его предпріятія, и только усилила его страсть. Не подозрѣвая хитрости, царь сталъ просить у нея совѣта. „Ты иди все вдоль стѣны, у воротъ закричи: „Розы-дѣвицы!" —„Пожалуйста", услышишь ты, но ты не входи; три раза кричи; а заслышишь: „держи его", такъ ты безъ оглядки бѣги назадъ; не то смотри—раскаешься." Обогнавъ юношу, старуха обернулась ветхимъ старикомъ: „въ рукѣ четки, никуда не смотритъ, словно Коранъ читаетъ".—„Онъ не похожъ на злого человѣка, у него-ка я и спрошу", подумалъ царь. Старикъ далъ новыя указанія; и царь зычнымъ голосомъ закричалъ у воротъ: „эй ты, Сѣрая" (Чиль-ана). Заслышавъ имя вѣдьмы, Розы-дѣвицы выскочили и увидали своего возлюбленнаго: ему и весело, но минутами страшно: ему приходятъ на мысль слова вѣдьмы: „несчетное число людей погубили онѣ уже". Дѣвушки угадали мучительное сомнѣніе царя и повѣдали ему всю правду: вѣдьма всѣхъ храбрецовъ, стремившихся къ красавицамъ, коварно убивала.—„Мы любили цвѣты, какъ и ты, и васъ (sic) полюбили мы отъ всего сердца". Но, увы, должно прежде одолѣть страшнаго дракона, невиднаго глазу.—„Вотъ такъ такъ, попалъ въ просакъ", загрустилъ царь, „Боже, направь меня на истинный путь". Обвившись вокругъ дерева, одна змѣя устремилась на птенцовъ, жалобно пищавшихъ. Едва завидѣла змѣя новую жертву, она оставила ихъ. Ужасъ охватилъ царя. Онъ извлекъ изъ ноженъ мечъ и надвое разрубилъ змѣю. Мать птенцовъ, Изумрудъ-птица, благосклонно выслушала просьбу царя. „Въ дѣтствѣ отецъ говорилъ мнѣ, что талисманъ дракона—звѣзда на седьмомъ небѣ; разъ въ годъ она спускается на дракона; если ты сумѣешь прикрыть ее платкомъ, выпить глотокъ-два воды (съ неба нисходитъ огонь, пожирающій воду), то возьми горсточку землицы... тогда ты съ нимъ сладишь". Царь такъ и сдѣлалъ. Безсильный, „словно женщины, потерявшія въ банѣ сознаніе", лежалъ драконъ, занявъ тѣломъ своимъ поле на 1.000 аршинъ. Не рѣшаясь приступить къ дракону, осторожный царь снова явился за совѣтомъ къ птицѣ. Царь посыпалъ землю около дракона, и тотъ испустилъ духъ. Распростив-

[1]) Кунош считаетъ „хызыр" нарицательнымъ именемъ.—*В. Г.*

шись съ птицей, царь двинулся въ обратный путь. Злая вѣдьма пустила въ ходъ всѣ свои чары: она разлилась моремъ; заставила дорогу камнями и колючимъ терновникомъ; нагнала большой огонь; все напрасно: едва представлялось новое препятствіе, царь сжигалъ волосокъ, подаренный птицей, и та выручала своего благодѣтеля изъ бѣды. Въ огнѣ старуха сгорѣла, и царь, безъ всякихъ задержекъ, вступилъ во дворецъ. Но пери отказались итти съ царемъ: „вамъ можетъ приключиться вредъ отъ насъ; вотъ если бы ты избавилъ насъ отъ чаръ...“ Но какъ? Гдѣ знать царю? Не смыкая глазъ, сидѣлъ онъ. Птица-изумрудъ и тутъ помогла ему; царь сжегъ покрывала „пери“. Не доходя до своей столицы, онъ послалъ крестьянина извѣстить дворъ. Царь торжественно принялъ придворныхъ и женился на дѣвицахъ.

88. Бойкому юношѣ не сидится, и поднимается въ домѣ ругань: мать упрекаетъ мужа, что онъ позволяетъ сыну одному ходить на охоту; но отецъ уже старъ; его не тянетъ на воздухъ. Однажды юноша встрѣчаетъ въ полѣ царскихъ сыновей. Молодые люди скоро сближаются. Ища ночлега, они подходятъ къ колодезю, изъ котораго долетаютъ какіе-то звуки. Испуганные царевичи бросились было бѣжать, но спокойствіе парня придало имъ бодрости. Свивъ веревку, они спустили старшаго царевича. На днѣ лежитъ юноша и тяжело стонетъ. Ничего не добившись отъ него, царевичъ отворяетъ желѣзную дверь во дворецъ: въ горницахъ работаютъ дѣвушки въ черныхъ покрывалахъ; передъ ними горятъ свѣчи („кандыл“). Въ концѣ дворца сверкаетъ обитая бронзой дверь. Тщетно старается отворить ее царевичъ. Онъ беретъ мечъ и ударяетъ. Выходитъ старшій драконъ, величиной съ минаретъ, руки у него съ чинаръ, весь онъ обвѣшанъ колокольчиками съ человѣческую голову. Оцѣпенѣвъ отъ ужаса, царевичъ лишился языка, и драконъ, посадивъ его на мизинецъ („серче-пармак“ палецъ-воробей), съ силой отбросилъ его отъ себя. Безпокоясь за брата, спустился средній царевичъ. Знаками старшій братъ указалъ ему на дверь. Царевичъ, не надѣясь на свои силы, вызвалъ младшаго брата и парня. Укрывшись за спиной парня, царевичи боязливо слѣдовали за нимъ по подземелью. Съ усмѣшкой остановился передъ ними драконъ: „эй ты, парень, на что ты разсчитываешь? Сколько храбрецовъ („джигитовъ“), дэвовъ погибло отъ моей руки, а ты идешь на меня съ мечемъ“. Шепча молитву: „Боже, помоги“, юноша отсѣкъ дракону руку и, не внимая воплямъ о пощадѣ, поразилъ его въ голову. Съ дѣвицъ юноша снимаетъ покрывала, и дворецъ озаряется свѣтомъ. Бѣгло осматриваютъ они сокровища, скопленныя дракономъ; юношу волнуетъ судьба его товарища. Дѣвушки вонзаютъ въ страдальцевъ иголки; течетъ кровь съ гноемъ, и они здоровы. Выбравшись изъ колодезя, царевичи ведутъ парня на родину въ Акъ-шехиръ (Бѣлгородъ). Въ городѣ печаль: сорокъ дней тому назадъ скончался царь съ тоски по дѣтяхъ. Царевичи заявляютъ визирямъ, что не считаютъ себя достойными власти, и возводятъ на престолъ храбраго юношу. Молодой царь женится на сорока дѣвицахъ. Сорокъ дней празднуетъ онъ вступленіе на престолъ. Немедленно посылаетъ онъ гонцовъ за родителями: отецъ уже умеръ, мать отъ слезъ потеряла зрѣніе. „Царское слово проникаетъ во всѣ мѣста“; отовсюду стекаются врачи, и благодаря дружнымъ усиліямъ, они излѣчиваютъ одинъ глазъ.

89. Царь умираетъ; на престолъ вступаетъ старшій сынъ. Почувствовавъ свободу, младшій царевичъ закутилъ съ проходимцами („дал-кавук“) и черезъ годъ промоталъ наслѣдство. Чтобы поддерживать свое достоинство, юноша клянчилъ деньги у сестры,—и вотъ „снова раскрыты двери мордобитія и безчинства“. Поздно уже спохватилась сестра, „но, что прошло, не вернешь“ [1]). Друзья быстро отхлынули отъ бѣдняка; онъ въ страшномъ затрудненіи остается на площади. Стыдясь народа, царевичъ предложилъ сестрѣ пытать на чужбинѣ счастье. Шли они день, другой, по безлюдной пустынѣ, гдѣ только эхо и откликается. Сестра плачетъ; братъ утѣшаетъ ее, какъ можетъ. Измученные безсонницей, братъ и сестра легли въ долинѣ, неподалеку отъ колодезя, гдѣ жила дэвъ-женщина. Разъ въ годъ выходила она изъ логовища и уносила подъ землю, что ни попадалось ей подъ руку. Утромъ братъ и сестра очутились въ горницѣ, украшенной „лаломъ“ [2]) и яхонтомъ. Изъ окна открывался чудный видъ въ садъ, какого „они и видомъ не видали, слыхомъ не слыхали“. Морозъ пробѣжалъ по кожѣ, когда въ комнату ввалилось чудовище-дэвъ. Прижавшись другъ къ другу, они думали: „это явился Азраилъ“. Скоро вернулось къ нимъ спокойствіе: дэвъ накормила ихъ; они омыли руки и ротъ, и ихъ повели къ главному дэву, Бабѣ-ягѣ, тѣнь которой укрывала тысячу человѣкъ. Дэвъ поставила царевичу условія; онъ каждый день ходилъ на охоту и билъ для нея дичь. Ловкостью своею юноша выдѣлился среди другихъ плѣнниковъ, и дэвъ его полюбила. Гуляя по саду, сестру юноши увидалъ іеменскій царевичъ, и они запылали другъ къ другу горячей страстью. Тотчасъ прислуга донесла о томъ бабѣ-ягѣ. Наведя въ Іеменѣ справки, дэвъ призвала молодыхъ людей къ себѣ и, обручивъ ихъ, передала царевичу грамату. Прочитавъ волю дэва, самозванецъ,

---

[1]) „Подобно свирѣли дѣда Драла“, какъ сказано въ текстѣ.—*В. Г.*
[2]) Древне-русское названіе рубина, совпадающее съ арабско-турецкимъ.—*В. Г.*

захватившій власть въ Іеменѣ, безпрекословно уступилъ всѣ права природному наслѣднику. Нашего героя полонила младшая дочь бѣднаго старика. Сначала дэвъ и слышать не хотѣла объ отъѣздѣ своего любимца; но когда юноша сказалъ ей, что при еще жизни отца, они, три брата, поклялись жениться на родныхъ сестрахъ, дэвъ сдалась. Щедро одаривъ, она отпустила его: ихъ провожатый, дэвъ, везъ съ собой указъ, повелѣвавшій признавать царемъ младшаго брата; старшіе назначались визирями. Съ благоговѣніемъ поцѣловалъ смущенный царь письмо и приложилъ его ко лбу.

90. Сорокъ сыновей было у купца: старшему было лѣтъ 20—22, младшему 11. Разомъ приступили они къ матери, чтобы та ихъ женила: свадьба должна быть въ одно время, невѣсты—родныя сестры. Набравъ толпу односельчанъ, мать долго ходила, пока не встрѣтила старухи; „станъ ея согнулся, идетъ съ клюкой и все покашливаетъ, не дай Богъ видѣть ее: сорокъ дней удачи не будетъ“.—„А, поймали мы конецъ веревки“, рѣшили женщины. Увы, рѣчь старухи ошеломила ихъ: „не мучьте напрасно себя: что вы тутъ ищете, то—во дворцѣ дэва Тырнаксыза („безноготнаго“). Мать таила сперва отъ дѣтей страшную вѣсть, но, испугавшись угрозъ, открыла ее имъ. Отецъ попенялъ ей за ея легкомысленность, но какъ ни убѣждалъ онъ дѣтей отказаться, они твердили: „кто насъ любитъ, не задерживай“. Старая колдунья сразу угадала планъ братьевъ. Чтобы задобрить ее, они поцѣловали у нея руки и насыпали передъ ней кучу золота. Старуха стала ласковѣе, очарованныя, уходили дѣти отъ нея; „не забывай насъ въ молитвахъ“, крикнули они ей на прощанье. Передъ ними раскинулось широкое поле: его не обойдешь въ 10 лѣтъ. Едва свечерѣло, братья зажгли сѣдой волосокъ старухи. Засверкалъ свѣтъ; дэвъ, стражъ дѣвицъ, не выносившій огня, далеко отбѣжалъ. Ночью двигались они впередъ; днемъ отдыхали: яркіе лучи солнца ослѣпляли дэва, и онъ не шевелился съ мѣста. Въ три дня братья подошли ко дворцу: огромныя (одинъ мѣсяцъ пути) ворота ведутъ во дворъ, сбоку сидятъ воробей и канарейка. Братья перемѣнили ихъ блюдечки и взошли во дворецъ. За веретеномъ работаютъ въ горницахъ сорокъ красивыхъ дѣвушекъ. Надъ несчастными жертвами однако тяготѣла еще власть дэва, и братья взялись достать его смерть. Въ саду былъ большой бассейнъ; въ немъ плавалъ звѣрь: на половину человѣкъ, на половину рыба. Разсѣкая воду, чудовище высунуло голову, юноши отъ страха попятились назадъ. И что же? Птички невелички схватили рыбу и повисли съ нею въ воздухѣ. „Порите ея животъ и берите, что надо“, щебетали птички. Братья понимали птичій языкъ, и кто съ кинжаломъ, кто со стрѣлой, устремились на чудо-юдо. Помолившись Богу, младшій братъ нанесъ чудовищу смертельный ударъ; кровь окрасила бассейнъ; птички принялись пить ее и обратились во льва и пантеру. Въ желудкѣ рыбы братья нашли золотую клѣтку; въ которой нѣжно ворковали зеленые голуби. Вдругъ земля затряслась, подлетѣлъ дэвъ, почуявшій, что жизнь его въ опасности. Быстро придушили дѣвы голубей; не понимая еще талисманнаго значенія голубей, юноши стали укорять дѣвъ: „что вы сдѣлали, какъ вамъ не жалко ихъ?“ Дэвъ околѣлъ. Исчезъ его дворецъ; на землѣ лежало золото, алмазъ. Между тѣмъ родители горько плакали по дѣтяхъ. Радость была близка: здоровыя, возвращались они, отыскавъ себѣ невѣстъ. У дѣвушекъ была еще печаль на сердцѣ: ихъ родители жили въ другомъ городѣ. Умныя животныя поняли желаніе своихъ хозяевъ: уже утромъ дѣти были соединены съ родителями.

91. Неплодіе жены сокрушаетъ зажиточнаго крестьянина. Гость замѣчаетъ тоску хозяина и предлагаетъ ему жениться. Крестьянинъ намеками даетъ понять женѣ о своемъ намѣреніи, и та съ сосѣдками отправляется на „смотрины“. Отъ наложницы рождается красивая дѣвочка. Ея образованіе завершается рукодѣліемъ. По смерти хозяина, мать выгоняетъ законную жену на улицу. Чтобы прогуляться, мать садится съ дочерью въ арбу и ѣдетъ въ поле. Собирая цвѣты, дѣвушка отдаляется отъ матери: она среди лѣса, кругомъ изумрудные луга; гамъ, шумъ, щебетанье,—все слилось. Невольно дѣвушка впадаетъ въ сонъ: она не можетъ оторвать глазъ отъ юноши, одѣтаго въ царскія одежды; онъ сидитъ на золотой скамьѣ; рабыни въ алыхъ и зеленыхъ одеждахъ обступили его. Увы, видѣніе исчезаетъ—передъ дѣвушкой опять голая дѣйствительность. Пріятная боль сжимаетъ ея сердце; ей хочется подѣлиться впечатлѣніями съ матерью, а та безжалостно разбиваетъ ея мечты однимъ словомъ: это сонъ. Губы дѣвушки шепчутъ „да“, но душа объята пламенемъ. Черезъ нѣсколько дней она опять зоветъ мать на лугъ; теперь мать не отстаетъ отъ нея. Улучивъ мигъ, когда мать прилегла, дѣвушка побѣжала къ памятному мѣсту, но сбилась съ дороги и все дальше и дальше уходила въ горы. Вдали замерцалъ огонекъ, и дѣвушка двинулась къ нему. Надежды ея были обмануты; кругомъ печи вертѣлась вѣдьма и варила хлѣбъ изъ человѣческаго пепла. Едва дѣвушка начала говорить „маменькѣ“ о своемъ снѣ, старуха прервала ее: „трудненько будетъ отыскать царевича; дѣвы, что ты видѣла около него, пери; еще когда онъ былъ въ пеленкахъ, пери украли его; онъ у нихъ шахомъ“. Скоро гурьбой ввалились 80 сыновей и подозрительно стали обнюхивать. Мать успокоила ихъ, и они сѣли за столъ. Голодъ ихъ былъ утоленъ, и они

радостно привѣтствовали „сестру". Утромъ они мигомъ доставили ее ко дворцу пери. Дѣвушка спряталась въ уголку. Вечеромъ мимо нея пронеслись 7 голубей: одинъ бѣлый, шесть зеленыхъ. Ударились они о бассейнъ и оборотились людьми. Ночью пери заснули въ отдѣльныхъ комнатахъ. Дѣвушка вышла изъ засады. Царевичъ остолбенѣлъ: „джиннъ ли ты, кто же ты?" Онъ сознался ей, что пери опротивѣли ему. Дѣвушка того только и ждала. Опасаясь необдуманностью погубить милаго, она предварительно переговорила съ вѣдьмой и, когда все погрузилось въ сонъ, она сожгла покрывала пери: тѣ издохли. „Я задыхаюсь, горю", кричалъ царевичъ; дѣвушка спрыснула его водой, взятой изъ соловьинаго гнѣзда; царевичъ впалъ въ забытье. Когда они проснулись, они лежали на краю долины. „Намъ нельзя тутъ оставаться", предупредилъ царевичъ, и, веселые, двинулись любовники къ вѣдьмѣ. Зная кровожадность дѣтей, она превратила ихъ въ метлы. „Ваша сестра привела своего возлюбленнаго", такъ встрѣтила она сыновей. „Вотъ какъ, покажи-ка, матушка", обрадовались дѣти. Старшій братъ вызвался доставить ихъ въ городъ царевича. Бережно опустилъ онъ ихъ внѣ городской черты. Задумался было юноша съ дѣвушкой: „какъ извѣстить о себѣ?" Посуливъ крестьянину денегъ, юноша послалъ его во дворецъ къ отцу. Царь, уже примирившійся съ пропажей сына, недовѣрчиво принялъ вѣсть, однако отправилъ въ арбѣ великаго визиря. Въ красавцѣ-юношѣ вспомнились визирю черты малютки; онъ посадилъ юношу съ невѣстой съ собой. Всѣ придворные спѣшили повидать молодого царевича.

92. Царь близокъ къ отчаянію; сорокъ дѣтей было у него; всѣхъ украли изъ люлекъ „изъ-за семи пеленокъ". Нигдѣ не находилъ онъ себѣ мѣста, и ночью онъ тихонько переступилъ порогъ дворца: „прежде онъ и въ цвѣтникъ не выходилъ одинъ". Начинало разсвѣтать, когда царь подошелъ къ ручью. Онъ совершилъ омовеніе и только сложилъ руки на молитву, спустились къ водѣ сорокъ голубей. „Ахъ, не суждено было намъ пить материнское молоко, кровь сосали мы", стенали голуби. Еще болѣе взгрустнулось царю: „вотъ вѣдь и звѣрь, а и тотъ тоскуетъ по матери, по отцу". Усталость одолѣла царя, и онъ заснулъ: дервишъ сжалился надъ нимъ. Зажмуривъ глаза, царь пьетъ кровь изъ того же источника. Бодро держится онъ теперь праваго пути: „онъ твердо вѣритъ, что то былъ не сонъ, а указаніе свыше". Страшный шумъ поражаетъ вдругъ его слухъ; то пищатъ тысяча маленькихъ драконовъ, которые тщетно ищутъ гнѣзда своего. Бормоча молитвы, царь поспѣшно прошелъ. Подъ вечеръ окрестности погрузились въ зловѣщій мракъ, и мать драконовъ нагнала царя. Дрожа отъ страха, указалъ царь, въ какомъ направленіи онъ видалъ ея дѣтей. Драконица засунула царя за поясъ и бросилася за дѣтьми: они жалобно вертѣлись на томъ же мѣстѣ. Вдали грозно возвышаются стѣны. Мать ударила кнутомъ: откуда ни возьмись, явился еще драконъ. Дѣтеныши расположились по норамъ. „Ужъ такъ и быть, услужу тебѣ", сказала мать, „ступай на равнину; тамъ живетъ мой братъ, кланяйся ему отъ меня, пусть онъ доставитъ тебя въ бесѣдку Гіацинта (Зюмбюль). Драконъ уставилъ на царя страшные глаза, и насквозь прожегъ его: „мошкой показался ему царь". Въ страхѣ вернулся онъ къ матери драконовъ. „Да, я забыла сказать тебѣ", спохватилась мать, „меня зовутъ Черный драконъ (Кара-эждерха), его— Красный (Кызыл - эждерха); ты закричи: Черный драконъ тебѣ кланяется; никто не знаетъ моего имени, и братъ догадается, что ты отъ меня, и оборотится къ тебѣ спиной". Ласково принялъ Красный драконъ царя, и на драконѣ отослалъ его къ арабу Гіацинту. На крики царя арабъ вышелъ изъ дворца, съ палицей. „Красный драконъ проситъ самаго большого изъ людей, украденныхъ тобой," проговорилъ царь затверженную рѣчь. „Боленъ онъ", былъ отвѣтъ.—„Ну, тогда самаго маленькаго". „За водой ушелъ".—„А коли такъ, тебя требуетъ къ себѣ", и съ этими словами царь пустился въ обратный путь. Вскорѣ явился арабъ, въ желѣзныхъ сандаліяхъ, огромной остроконечной шляпой на головѣ и представилъ свои условія: „давно уже укралъ я царевича; его похитилъ у меня дэвъ - Барсукъ („Порсук"), его заставляютъ носить воду, кормятъ лепешками изъ золы и поятъ человѣческой кровью; никого не видалъ я на свѣтѣ красивѣе его, и къ нему я пылаю страстью; у Барсука же есть сынъ и онъ меня любитъ, но я его не захотѣлъ, и между нами возникла вражда; дѣти царя, я знаю, очень храбры, я для того укралъ ихъ и выростилъ, чтобы они были утѣшеніемъ мнѣ въ горѣ". Погрузившись въ размышленія, драконъ сталъ утѣшать царя: „сынъ мой, не бойся: у дэва-Барсука есть обычай одинъ день въ годъ не колдовать. Тутъ и пользуйся". На драконѣ подлетѣлъ царь въ опредѣленный день къ дэву. Юноша шелъ за водой. Надѣвъ на свою голову его таинственную шляпу, царь посадилъ его на спину дракона, и были таковы. Арабъ разсыпался въ благодарности. Окропивъ водой дѣтей-голубей, арабъ вернулъ имъ человѣческій видъ. Передъ восхищеннымъ старикомъ стояли сорокъ рослыхъ красивыхъ юношей. Радостно простился царь съ добрымъ дракономъ, который выдернулъ ему изъ-за уха волосокъ. Среди дороги поднялся вихрь, то ястребомъ спускался дэвъ Порсукъ на царя и уже уцѣпилъ было его за волосы. Царь разорвалъ пополамъ волосокъ,—съ кнутомъ въ рукѣ показался драконъ. Царь и дѣти дрожали

отъ страха. Драконъ въ мигъ перенесъ ихъ въ родной городъ, жители котораго, встревоженные исчезновеніемъ царя, все горевали. Теперь беи, паши, всѣ сановники вышли на встрѣчу царю. Семь дней и ночей праздновалъ царь свиданіе съ дѣтьми.

93. Молодой царь[1]) былъ сильно привязанъ къ дядькѣ—визирю: вмѣстѣ они вставали, пили, ѣли, гуляли. Однажды прогулка ихъ затянулась, и вечеромъ они очутились уже среди безмолвныхъ горъ. Страхъ нашелъ на царя и, какъ маленькій ребенокъ, онъ зарыдалъ: ему всюду мерещились призраки. И о, ужасъ! къ нимъ направлялся семиглавый драконъ. Визирь вызвался выйти на него, но скоро послышались раздирающіе душу крики: „скорѣй на помощь!" Было уже поздно: на землѣ лежалъ обугленный скелетъ. Извергая огонь изъ ноздрей и рта, дэвъ устремился на новую жертву. Отважно выхватилъ царь мечъ и снесъ дракону 6 головъ, и драконъ, пошатываясь, скрылся въ нору. „Что жъ, умираютъ на этомъ свѣтѣ только разъ", подумалъ царь, и спустился въ дыру. Въ подземельѣ грудой навалены искалѣченныя человѣческія тѣла; слышатся тяжелые вздохи. Смущенный, царь вступаетъ на темную лѣстницу. Вдали мелькнулъ свѣтъ: въ саду рѣзвились дѣвы. Увидѣвъ незнакомца, онѣ шарахнулись отъ него въ сторону. У воротъ дворца, горѣвшаго яхонтомъ, стояла страшная арабка. „Дѣвушки полюбили тебя отъ души", привѣтствовала она царя: „драконъ навѣщаетъ ихъ только разъ въ годъ". Ласки дѣвъ отуманили юношу; онъ задумалъ покончить съ притѣснителемъ дракономъ: котораго выдала арабка, его любовница. Въ темномъ мѣстѣ юноша трижды громко закричалъ: „Кораллъ" (Мерджанъ)! Тогда раздался голосъ, отъ котораго въ ушахъ юноши зазвенѣло. Ни живъ, ни мертвъ отъ страха, передалъ юноша женщинѣ Кораллу поклонъ отъ дочери-арабки. Кораллъ махнула рукой. Съ лица царя краска сбѣжала, когда изъ земли выросли черные арабы и повели за собой царя по темной пещерѣ. Передъ растеряннымъ юношей почтительно стояли три мужа, съ высокими шляпами на головѣ, и перебирали четки, вѣсомъ въ тысячу „ока" (мѣра вѣса=3 ф.). „Сынокъ, не бойся, тебя послала сюда наша жестокая дочь. Она многихъ уже загубила; она очень страстная женщина, и, какъ мужчины ея не удовлетворяютъ, она всѣхъ, кто попадется ей, несетъ дракону. Видишь золу; какъ придешь во дворецъ, насыпь щепотку на глаза дочери; она сейчасъ уйдетъ сюда; а какъ запорошишь глаза дракону, тогда—хочешь—убей его, хочешь—такъ пусти". Юноша вернулся во дворецъ. Арабка долѣчивала раны дракона и уже раскаивалась въ измѣнѣ. Юноша, засыпавъ ей глаза, погрузился въ нѣгу. Безпокоясь, отчего арабка долго не приходитъ къ нему, драконъ приблизился ко дворцу. Тогда царевичъ подкрался сзади и засыпалъ ему глаза золой. „Братья ваши погибли, такъ на роду было имъ написано", увѣщевалъ юноша горевавшихъ дѣвушекъ и, забравъ ихъ съ собой, направился въ Синанъ. Съ новой силой проснулась въ юношѣ скорбь по дядькѣ: онъ опасно захворалъ. Въ память его онъ убивалъ всѣхъ дѣтей своихъ. Печально доживали свой вѣкъ жены.

94. Непосильные труды надломили здоровье крестьянина: въ сорокъ лѣтъ онъ казался уже старикомъ лѣтъ 80—90. Однажды жена его собралась въ баню. Тамъ ждали жену главнаго „звѣздочета" „мюнеджжимъ"). Окруженная толпой прислужницъ, двигалась она среди пѣнія и музыки. Бѣдной женщинѣ банщикъ небрежно указалъ на уголъ. Уязвленная, жена рѣшила добиться такого же почета и, надѣясь на свою красоту, рѣшительно заявила мужу: „или разводись со мной, или сдѣлайся главнымъ звѣздочетомъ". Никакихъ возраженій жена не слушала: мужъ обращалъ ея вниманіе на безграмотность, но баба твердила свое. Печаль старика не укрылась отъ его друзей, и одинъ изъ нихъ, бывшій „другомъ" жены банщика, взялся все устроить. Усѣвшись, по его совѣту, передъ баней, старикъ сталъ чертить на бумагѣ различныя фигуры: прохожіе съ почтеніемъ останавливались передъ „ходжей". А когда жена главнаго звѣздочета снова явилась въ баню, хитрый банщикъ снялъ съ ея пальца перстень и спряталъ его въ кучу сора. Поднялась тревога, и банщикъ напомнилъ о новомъ звѣздочетѣ. Бормоча безсвязныя слова, старикъ обнаружилъ пропажу. Награжденный „бахшишемъ" (подаркомъ въ знакъ милости), весело пришелъ старикъ домой, но жена ничуть не была довольна. Вскорѣ случилась такая же кража во дворцѣ: пропалъ перстень султанской жены, украденный одною изъ рабынь; среди поисковъ жена главнаго звѣздочета предложила пригласить старика, „очень свѣдущаго мужа". Слуги нашли его у дверей бани и предстали съ нимъ передъ царскія очи: „о ходжа, ты долженъ во что бы то ни стало сыскать перстень, срокъ тебѣ до зари". Ходжу заперли въ комнатѣ. Прощаясь съ жизнью, старикъ цѣлую ночь не могъ спать и съ содроганіемъ ждалъ разсвѣта. Между тѣмъ молва о мудрости его широко распространилась; и рабыня, изъ страха все равно быть открытой, пришла, повинилась ему и на колѣняхъ умоляла не выдавать ея. „Засыпь кольцо зернами передъ гусемъ, гусь его и проглотитъ, но не забудь вывихнуть ему ногу" распорядился старикъ, „а ты, дѣвушка, не бойся". Утромъ слуги явились за ходжей. „Всю ночь я искалъ вора, на пескѣ выходили звѣри", заявилъ мнимый звѣздочетъ: „вели о, царь, собрать всѣхъ птицъ въ саду".—Разрѣзали хромого гуся; въ желудкѣ лежалъ перстень. Чтобы

[1]) Разсказчикъ однажды называетъ его царевичемъ. *В. Г.*

увѣриться во всевѣдѣніи старика, царь зажалъ въ кулакъ кузнечика. „Ну, ходжа, что у меня въ рукѣ?“ Растерявшись, старикъ отвѣчалъ поговоркой: „о царь, скажу тебѣ правду: кузнечикъ прыгнулъ разъ, прыгнулъ два, а на третій и попался“. Царь разжалъ ладонь; всѣ всплеснули руками. Старикъ былъ назначенъ главнымъ звѣздочетомъ.

(Арабскій варіантъ этой сказки, послужившей для В. Ѳ. Миллера предметомъ перваго его ученаго изслѣдованія, записанъ А. Е. Крымскимъ на Ливанѣ и помѣщенъ здѣсь въ приложеніи вмѣстѣ съ обзоромъ литературы предмета).

95. Пуще глаза берегли родители красавца-юношу. По ихъ смерти онъ остался круглымъ сиротой и, стѣсняемый нуждой, продалъ наслѣдственный домъ. Налегкѣ онъ покидаетъ родной городъ. Зайдя въ деревушку, онъ учтиво попросился въ кофейнѣ на ночь; но гостепріимные посѣтители напоминаютъ ему, что онъ можетъ пробыть у нихъ три ночи. Начинается задушевная бесѣда: юноша открываетъ имъ свои мечты; и хозяинъ съ радостью схватился за мысль усыновить юношу и передать въ его руки дѣло: «я уже старъ, ты зарабатывай, мнѣ бросай объѣдки». Вѣсть о красотѣ юноши скоро облетѣла большія села и города; гурьбой шли любоваться имъ; не вытерпѣлъ и царь Кыръ-шехира (Сѣраго города): съ перваго взгляда приглянулся ему юноша, и царь, отозвавъ его въ сторону, предложилъ ему руку своей дочери, красавицы, въ которую былъ влюбленъ деревенскій «пеливанъ» (герой, атлетъ). Пораздумавъ надъ бѣдностью, юноша согласился. Какъ прослышала царевна, что отецъ просваталъ ее, она побѣжала къ вѣдьмѣ. «Не безпокойся, я загублю юношу, ему и конецъ», успокоила ее та. Прочитавъ заклинаніе («афзунъ»), она вошла въ оболочку газели. Чтобы испытать ловкость юноши, царь затронулъ его самолюбіе: «поймай газель, мы свеземъ ее въ подарокъ дочери». Юноша бросился за ней; газель увлекала его все дальше и дальше въ чащу: передъ нимъ стѣна, и газель вдругъ пропала. У воротъ стоитъ уже старуха и плачетъ. Тронутый слезами, юноша сталъ утѣшать ее. «У меня былъ сынокъ», всхлипывала старуха: «сорокъ лѣтъ, какъ онъ страдаетъ по красавицѣ сего міра (Дюнья-гюзели); а, она все заставляетъ его работать въ саду; каждый день прихожу я сюда съ нимъ на свиданіе—и все жду, жду». Чуждый любви, юноша вступаетъ въ садъ, чтобы только поймать газель. У бассейна на скамьѣ сидитъ красавица, „райская гурія“; кругомъ нея слуги держатъ опахала. На блюдѣ прыгаетъ зеленый голубь; съ нимъ дѣва и разговариваетъ. Подозрѣвая въ юношѣ врага, дѣва скрывается въ бесѣдку; юноша, взглянувъ на красавицу, теряетъ сознаніе. Слуги связываютъ его. Удивленный, онъ вопрошаетъ дѣву: „красавица, какая моя вина?“ Путы онъ легко перерываетъ. Дѣва поражена: „кто ты?“ Юноша разсказываетъ ей свои приключенія. Дѣва видитъ ясно, что все — козни ея врага, вѣдьмы. „О, султанша“, говоритъ тогда юноша, „я отъ тебя не отступлюсь, но я далъ слово царю Кыръ-шехира; хочешь — пойдемъ вмѣстѣ, а не то, я посовѣтуюсь съ нимъ; тамъ, Богъ дастъ, буду живъ — свидимся“. Долго юноша ищетъ выхода. Полный недоумѣнія, онъ идетъ къ дѣвѣ. „Тѣ двери, черезъ которыя ты пришелъ сюда, навожденіе вѣдьмы; ворота въ садъ въ другой сторонѣ“, указала дѣва. Огромная собака охраняетъ садъ; передъ ней лежитъ левъ и пантера; безъ лая пропускаетъ его песъ; онъ видитъ въ рукахъ его палку, подаренную дѣвой. Скоро вѣдьма примѣтила юношу. Широкое море разлилось передъ нимъ на пути. Тоска напала на него. Онъ вынулъ волосокъ и зажегъ его. Верхомъ на собакѣ примчалась дѣва. Поднялся огонь и охватилъ море. Вѣдьма въ страхѣ оборотилась коршуномъ и, расправивъ крылья, уже летѣла. „Держи!“, крикнула дѣва собакѣ, и та, схвативъ старуху за горло, принесла къ госпожѣ. Царь радостно принялъ юношу: „я хотѣлъ тебя испытать“, сожалѣлъ онъ, „а ты совершилъ великій подвигъ“. „О царь“, не выдержалъ скромный юноша, „если бы не Красавица сего міра, волки и птицы заѣли бы меня; она меня спасла, я далъ ей слово; если я не возьму ея, пожалуй, бѣда стрясется“. „Власть теперь въ твоихъ рукахъ“, обрадовалъ царь зятя. Юноша, веселый, явился въ садъ: счастливая, дѣва заклялась колдовать: „много дѣлъ натворила я; собака, которая у воротъ, это моя няня“. Едва тайна сорвалась съ ея языка, дворецъ, садъ, слуги, голубь,—все разсыпалось прахомъ. Сорокъ дней ликовали жители Кыръ-шехира на свадьбѣ юноши.

96. Рѣзвясь въ саду съ дядьками, юноша заснулъ: снится, въ долинѣ играетъ онъ съ царевной. „Осторожнѣй!“ кричитъ ему дѣвушка. Юноша не слушается, падаетъ въ воду и просыпается. Далеко унеслось его воображеніе: „гдѣ я, что со мной?“ шепчетъ онъ. Перепуганнымъ дядькамъ уже чудится грозный царь. Царевичъ впалъ въ задумчивость и скоро слегъ въ постель. Шахъ смущенъ: „царевна—дочь короля: ее очень трудно добыть, забудь о ней“; но сынъ такъ настойчиво проситъ, что царь, скрѣпя сердце, пишетъ письмо королю. „Много юношей сваталось за мою дочь“, отвѣчаетъ король, „но къ ней пылаютъ страстью три дэва; если я выдамъ ее за кого, дэвы не потерпятъ. Я и поклялся: кто убьетъ враговъ моей дочери, тому и дѣва“. Болѣзнь какъ рукой сняло; царевичъ присталъ къ отцу, чтобы онъ отпустилъ его. „Не будемъ распространяться, а то головы разболятся“. На границѣ королевскихъ владѣній юноша разговорился съ крестьяниномъ, который съ жаромъ отклонялъ его отъ безумнаго предпріятія. Но

царевичъ представился королю и двинулся въ невѣрный путь. Передъ нимъ разстилается безбрежное поле. Юноша предлагаетъ дядькамъ покинуть его на произволъ судьбы, но преданные слуги ужасаются: "царевичъ, что ты? Гдѣ ты умрешь, тамъ и мы; тебя мы не покинемъ". Вдругъ подулъ сильный вѣтеръ; земля задрожала отъ грузной поступи. Идутъ по дорогѣ три дэва: „глаза горятъ, какъ баня, отъ ихъ вздоховъ валятся деревья". Выхвативъ мечъ, юноша загораживаетъ дорогу: „вы не тѣ ли дэвы, что влюблены въ царевну?" „Да, откуда ты узналъ?" изумляются они. „Тремъ одна дѣвушка не годится", заявляетъ юноша, „или вамъ смерть, и я возьму ее, или вы бейте меня". Улыбка мелькнула на губахъ дэвовъ: имъ не смѣетъ перечить и ихъ мать, старуха 90 лѣтъ. И дэвъ схватилъ его за поясъ. Растроганные мольбами юноши, дэвы освобождаютъ его. Юноша направляется къ матери дэвовъ. Зачарованная дэвомъ лѣстница дрожитъ подъ нимъ. На шумъ выбѣгаетъ старуха. „Что въ моихъ рукахъ, я сдѣлаю", утѣшаетъ она юношу. „Я явился, чтобы убить твоихъ сыновей", сознается онъ. Старуха рада: „въ царевну влюбленъ старшій сынъ. Онъ сильнѣе всѣхъ насъ, и мы его боимся; житья намъ нѣтъ отъ него; только трудно найти его талисманъ: онъ за семью этажами земли; въ саду живетъ кошка, на головѣ у нея бѣлый волосокъ; коли тебѣ удастся спалить его, тотчасъ сынъ мой умретъ; но вѣдь къ кошкѣ нельзя подойти: она сильнѣе десяти львовъ; разъ въ мѣсяцъ только закрываетъ она глаза". Добрая старушка облегчила ему и поиски коней. Царевичъ съ дядькой спрятался у озера, и когда жеребята стали пить воду, они быстро накинули на нихъ уздечки. Во мгновеніе ока были они уже на мѣстѣ. Царевичъ крадучись срываетъ волосокъ: кошка исчезаетъ. Едва юноша зажегъ талисманъ, поднялась буря: „знать, дэвъ издохъ," подумалъ онъ.—Недоумѣвая, братья обратились къ матери, и она открылась имъ. Тогда нагнавъ юношу, дэвы выразили ему свое удовольствіе. Съ ними юноша предсталъ передъ царемъ, который страшно растерялся. Государь мой („эфендим"), я убилъ вашего врага", говоритъ юноша, „вотъ его братья, они также поджидали его смерти; угодно,—спросите". По случаю избавленія дочери отъ дэвовъ, король ставитъ на царство юношу; отца его увольняетъ на покой. Дѣвушка переходитъ въ исламъ и, по мусульманскому обычаю, сорокъ дней, сорокъ ночей длится свадьба.

97. Выйдя съ нянькой въ садъ, царевна, страстная охотница, разставила силокъ. Прилетѣли двѣ птички. Одна изъ нихъ попалась и стала жалобно пищать. Дѣвушка выпустила птичку. Скоро прилетѣли еще двѣ птички. Трахъ,—и въ силкѣ билась плѣнница. Самецъ отъ страха скрылся. „А", воскликнула дѣвушка, „мужчины не вѣрны; женщины ради нихъ жертвуютъ жизнью; если теперь отецъ задумаетъ выдать меня замужъ, ни за что не пойду". Напрасно нянька останавливала ее: „вездѣ, царевна, есть добрые и злые люди". Дѣвушка отвергла всѣ предложенія о бракѣ: „если ты, отецъ, любишь меня, руби женихамъ голову, и о свадьбѣ ни слова". Много юношей сваталось за гордую дѣву. Царь кого повѣситъ, кого зарѣжетъ; нѣкоторымъ, наиболѣе могущественнымъ женихамъ, онъ послалъ предостереженія. Молва о красотѣ дѣвушки дошла до Индіи. Дни и ночи просиживалъ надъ ея портретомъ царь Индіи: страсть свела его въ могилу. Перебирая отцовскія бумаги, молодой царь обратилъ вниманіе и на портретъ: дрогнуло его сердце. Дядька пытался заглушить любовь разсказами объ ужасахъ, которымъ подвергаются женихи. Молча слушалъ его царь: „къ чорту корона и власть!". Облекшись въ простую одежду, онъ бросилъ свое царство. Скитаясь по горамъ, царь подошелъ наконецъ къ деревнѣ. Медленно подвигалась къ горѣ, опираясь на клюку, печальная старуха: „былъ у меня сынъ", затянула она, „онъ влюбился въ царевну, ему отсѣкли голову; одна осталась я на свѣтѣ, ужъ три дня я безъ хлѣба и воды". Царь сжалился надъ нею и принесъ ей въ кувшинѣ воды. Старуха повела его въ хижину. Неотвязная мысль о дѣвушкѣ все мучила царя. „Въ нѣсколькихъ верстахъ отсюда", сообщила старушка, „живетъ царственная жена („эмиръ-кадын"); она знаетъ всякую ворожбу, только она немного жадна; коли ты дашь ей вдоволь денегъ, она укажетъ тебѣ средство". Обрадованный царь отсыпалъ ей горстями золото, и старуха забыла о своемъ горѣ. Золото развязало языкъ ворожеи. Съ таинственной бутылочкой вступилъ царь въ городъ. По улицамъ ходили глашатаи и звали всѣхъ „хекимовъ" во дворецъ: царевна сильно заболѣла, и никто не могъ ей помочь. Напоивъ дѣвушку жидкостью, царь удалился: въ ея сердцѣ вспыхнула любовь. Она все стонала: „зовите хекима, пусть еще посмотритъ меня". Тревожно устремляла дѣвушка глаза на дверь, откуда долженъ былъ показаться ея возлюбленный; онъ вошелъ, и дѣвушка лишилась чувствъ. „Что ты скажешь, дочь, если я выдамъ тебя за него?", усмѣхнулся царь. Держать обѣтъ нѣтъ больше мочи: „ахъ, папенька, душу свою отдамъ я за него!", восторженно закричала дѣвушка.

98. Дѣти играли въ саду: пожираемый огнемъ страсти, юноша открылся дѣвушкѣ, и та, взволнованная признаніемъ, залилась слезами. Между сосѣдками, матерями дѣтей, поднялся горячій споръ. Юноша умолялъ мать сосватать ему дѣвушку. Вечеромъ отецъ его, усталый, вернулся, и мать разсказала ему о печали: тотъ отказался вмѣшиваться въ это дѣло, и утромъ мать пошла къ сосѣдкѣ. „Въ своемъ ли ты умѣ?", набросилась на нее жена богача, „какъ ни

красивъ твой сынъ, но у него ни кола, ни двора". Неудача тяжело повліяла на здоровье дѣвушки: она слегла въ постель. Чтобы отвязаться отъ бѣдняка, богачъ, хитрый человѣкъ, отчеканивая слова, объявилъ женѣ: „я дамъ дочь за юношу, пусть онъ принесетъ мнѣ изъ сада сѣраго дэва вѣтвь съ гранатами: „хекимы" прописали плоды моей больной дочери; ну тогда будетъ видно, что онъ любитъ ее".—Молодые люди воскресли: „о, мой милый—герой; ахъ, только бы не случилось чего съ нимъ!" думала дѣвушка. Юноша, распродавъ на базарѣ тряпье, вышелъ за городскія ворота, взывая къ Аллаху. Вотъ онъ стоитъ у подошвы горы: камни оглашаются страшнымъ шумомъ: это были талисманы, помѣщенные у воротъ маленькаго сада дэва: они извѣщали о приближеніи опасности. Юноша, не останавливаясь, двигался впередъ: то вѣрно дикіе звѣри ревутъ, думалъ онъ. Стражъ, изъ „сыновъ человѣческихъ", („Адам-оглу") обходившій дозоромъ садъ, сжалился надъ нимъ и направилъ его къ матери: „ты все иди до такого-то мѣста, кланяйся ей отъ меня; спроситъ что, скажи; не то—молчи". Юноша завидѣлъ передъ собой страшилище: „сѣдая, съ воспаленными глазами, съ выведенными дугой бровями, идетъ старуха съ клюкой и чихаетъ, сопли подбираетъ, а глаза мечутъ огонь, ногти длиной въ 2 пядени, груди, словно мѣхи, зубы тверды, какъ заступъ, губы съ лоханку". „А!" обрадовалась старуха, „гдѣ видѣлъ ты сынка? небось онъ зналъ, что какъ ни сердита я на него, а тебѣ услужу; эй, Безухій (Кулаксыз), бери юношу!" крикнула она въ воздухъ. Не успѣлъ юноша опомниться, какъ онъ сидѣлъ уже верхомъ на странномъ конѣ, шагавшемъ черезъ необъятное море. У берега красивый садъ дэва: невидимые голоса пугаютъ юношу; онъ безстрашно сорвалъ вѣтвь. Ударилъ громъ. „На помощь! сынъ человѣческій посягаетъ на мою жизнь", застоналъ дэвъ. Обезумѣвъ отъ страха, юноша пустился бѣжать. Чудесная вѣтвь разливается плѣнительными мелодіями. „Сынокъ мой, не бросай вѣтви; если ты въ брачную ночь будешь съ женой внимать пѣнію вѣтви, гранаты тебя полюбятъ; тогда, что ни стрясется съ тобой, не бойся: они тебя избавятъ", наставляетъ добрая старушка. Очарованный игрой, юноша забылъ все на свѣтѣ. Въ воротахъ города толпа, объятая паническимъ ужасомъ, спрашиваетъ: „что это, не антихристъ („теджжаль") ли это?" Счастливый, юноша стучится въ домъ дѣвушки. Богачъ кидается на шею юноши: „одно и было у меня желаніе, и ты его исполнилъ, отнынѣ не только дочь, все добро мое твое". На свадьбѣ пировалъ весь кварталъ.

В. Гордлевскій.

По поводу сюжета сказки № 94, послужившаго темою перваго ученаго труда *В. Ө. Миллера.*

Первою или во всякомъ случаѣ одною изъ первыхъ научныхъ работъ В. Ө. Миллера было изслѣдованіе международнаго сказочнаго сюжета о счастливомъ самозванцѣ-угадчикѣ; оно было представлено въ качествѣ студенческаго зачетнаго сочиненія проф. Ө. И. Буслаеву около 1870 года (напечатано спустя семь лѣтъ — въ IV томѣ Трудовъ Этнографическаго Отдѣла Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, стр. 174—190). Разсмотрѣвши русскую сказку о ворожеѣ (вар. о мужикѣ Жучкѣ) и сопоставивши ее съ разсказомъ Сомадевы (X—XII в.) въ его „Катha-Сарит-Сâгарѣ" („Морѣ сказочныхъ потоковъ") о брахманѣ Гаришярманѣ, изслѣдователь отмѣчаетъ ихъ чрезвычайную близость, причемъ больше оригинальности видитъ въ сказкѣ индійской. Произведши затѣмъ обзоръ сказокъ на ту же тему у другихъ народовъ (монголовъ, литовцевъ, нѣмцевъ, французовъ 1701 г., латинской переработки Бабеля 1506 г.), авторъ—присущимъ ему образнымъ языкомъ — говоритъ: „Мы видимъ, что русскій знахарь-мужичокъ, по прозванью Жучокъ, имѣетъ цѣлую толпу родственниковъ. Одинъ изъ нихъ, и притомъ глава всей фамиліи, живетъ въ Индіи обѣднѣвшимъ, но удачливымъ браминомъ; другой, въ качествѣ монгольскаго шамана-кудесника, практикуетъ въ калмыцкихъ улусахъ. Еще другіе, принявъ титулъ доктора, и лѣчатъ и гадаютъ въ Литвѣ и Германіи. Всѣ они умѣютъ приноровиться къ быту и характеру своего народа, и всѣ съ небольшой дозой ловкости и большой долей счастья пріобрѣтаютъ огромный кредитъ у согражданъ и наживаютъ большія богатства. Вѣроятно, даже навѣрно, существуютъ и другія сказки въ Европѣ и Азіи о нашемъ знахарѣ. Но, прослѣдя главныя, мы почти убѣждаемся, что всѣ тѣ, которыя намъ не извѣстны, только болѣе или менѣе удачныя передѣлки основного разсказа. Однѣ сохранили два, другія - три эпизода, въ однѣхъ дѣйствующее лицо чисто знахарь, въ другихъ докторъ, но мы увѣрены,

что ни въ одной изъ нихъ нѣтъ какого-нибудь новаго эпизода, котораго не было бы въ приведенныхъ сказкахъ. Если же таковой встрѣтится, то мы смѣло утверждаемъ, что онъ внесенъ въ нее изъ какой-нибудь другой сказки. — Исторія одной сказки, конечно, не можетъ еще представить обширнаго матеріала для выводовъ. Она даетъ только образчикъ того, какъ возникшая въ Индіи веселая сказка распространяется по Азіи и Европѣ, переходя изъ устъ въ уста, отъ одного поколѣнія къ другому. Несмотря на различіе національностей, она въ большинствѣ случаевъ сохранилась такъ отчетливо, что не трудно узнать во французскомъ Grillet нашего Жучка, а въ нашемъ Жучкѣ — индійскаго брахмана. Впослѣдствіи, когда будутъ изданы и разобраны всѣ санскритскіе сборники сказокъ, изслѣдователи этой области литературы получатъ возможность начертить полную картину перехода индусскихъ сказокъ въ Европу и вполнѣ выяснить и характеризовать это огромное вліяніе Востока на Западъ" (стр. 190).

Почти нѣтъ сомнѣнія, что и выводы, и самый пріемъ изслѣдованія были подсказаны молодому студенту статьей Т. Бенфея: Somadeva's Märchenschatz (Orient und Occident, I, 374—383) и дополненіемъ Р. Кёлера къ этой статьѣ (тамъ же, III, 184—185); да даже сказочныя записи, на основаніи которыхъ строитъ свои выводы Бенфей, оказываются почти исключительно тѣми же, которыми оперируетъ послѣ него В. Ѳ. Миллеръ [1]). Было кое-что и самостоятельное въ работѣ начинающаго русскаго студента-ученаго: онъ вновь провѣрилъ всѣ отмѣченные Бенфеемъ варіанты и изложилъ ихъ подробнѣе, онъ аккуратно изучилъ индійскую повѣсть и даже перевелъ ее стихами съ санскритскаго языка; въ той сказочной цѣпи, которая была сплетена диктаторски-авторитетнымъ тогда Бенфеемъ, онъ постарался подыскать надлежащее мѣсто для русскихъ сказокъ на ту же тему (сказокъ совершенно неизвѣстныхъ Бенфею), и именно— вставилъ ихъ какъ передаточное звено въ эту цѣпь, связывавшую фольклоръ Азіи и Европы. Главное значеніе работы молодого В. Ѳ. Миллера (читающейся такъ же живо, какъ и все, что онъ писалъ впослѣдствіи) заключалось, конечно, въ томъ, что она привлекательнымъ образомъ популяризовала въ Россіи сравнительный методъ, который даже на археологическомъ съѣздѣ 1874 г. вызывалъ протесты и титуловался „плаваньемъ по океану безбрежному" [2]). Надобно, впрочемъ, замѣтить, что, послушно слѣдуя въ своей первой работѣ авторитету Бенфея, молодой В. Ѳ. Миллеръ проявилъ въ то же время духъ критическаго анализа, который отличаетъ, какъ извѣстно, его дальнѣйшія статьи и позволяетъ ему безпристрастно отказываться отъ своихъ прежнихъ воззрѣній, если онъ въ новыхъ фактахъ встрѣчаетъ опроверженіе имъ [3]): именно— онъ высказалъ сомнѣніе, достаточно ли данныхъ имѣетъ монгольско-калмыцкая сказка, чтобы считаться за промежуточную стадію между Индіей и Европой, и такимъ образомъ какъ бы невольно устранялъ слишкомъ узкое стремленіе признавать за родоначальницу всѣхъ сказокъ исключительно Индію.

Съ того времени тема о самозванцѣ-удачникѣ продолжала еще много разъ интересовать фольклористовъ: собиралась масса новыхъ матеріаловъ и производилась новая группировка звеньевъ традиціонной Бенфеевской цѣпи, при чемъ, однако, замкóмъ цѣпи всегда продолжала оставаться Индія. Не перечисляя сборниковъ сырыхъ матеріаловъ или сухихъ отмѣтокъ о сходствѣ какого-нибудь одного варіанта съ другимъ, упомяну только изслѣдованія.

Въ Popular tales and fictions Клаустона (Эдинбургъ 1887, т. II) есть глава: The lucky impostor (стр. 413—431). Начавши со сказокъ Европы: сказки норвежской, нѣмецкой и мантуанской, Клаустонъ переходитъ въ Персію и Монголію („Шидди-кюръ") и отмѣчаетъ, наконецъ, что старѣйшій и лучшій варіантъ сказки находится въ Индіи (въ „Катһâ-Сарит-Сâгарѣ"); онъ полагаетъ (развивая, въ сущности, мысль Бенфея), что у монголовъ нѣкогда былъ другой, болѣе

[1]) Указаніе на знакомство В. Ѳ. Миллера со статьей Бенфея можно уловить изъ ссылки на стр. 190-ой въ 1-мъ столбцѣ, гдѣ, впрочемъ, есть опечатка: перепутаны римскія цифры I и III.

[2]) Драгоманов: Чудацькі думки. Друге виданне. Львів. 1892, стр. 97.

[3]) И который, добавимъ, заставилъ его выступить противъ теоріи Стасова объ индійскомъ происхожденіи русскихъ былинъ какъ разъ въ то самое время, когда молодому В. Ѳ. Миллеру, только что произведшему русскаго Жучка отъ брахмана Гаришярмана, теорія Стасова могла бы быть особенно соблазнительна.

архаичный варіантъ, чѣмъ тотъ, который имѣется въ „Шидди-кюръ". Что Клоустонъ пользовался статьей Бенфея, это ясно (см. стр. 422; кажется впрочемъ, что зналъ онъ ее не непосредственно, но въ изложеніи проф. Тони — Tawney).—См. еще Supplement to the translation of the 1001 Nights of Burton, II, 341.

Около того же 1887-го года, когда писалъ Клаустонъ, или нѣсколько позже [4]), появилось въ свѣтъ 2-е изданіе извѣстнаго труда Э. Коскена (E. Cosquin): Contes populaires de Lorraine comparés avec les contes des autres provinces de France et des pays étrangers (Парижъ). Ни первое, ни—естественно—второе изданіе Коскенова труда не было, повидимому, извѣстно Клаустону, равно какъ Коскенъ ничѣмъ не проявилъ своего какого-либо знакомства съ Клаустоновыми Popular tales and fictions [5]). На стр. 188—196-ой второго тома Коскенъ даетъ изслѣдованіе на тему: Le sorcier (sc. habile) и предварительно оговаривается (стр. 188), что онъ, собственно, идетъ по слѣдамъ Бенфея, но желаетъ сдѣлать важныя дополненія на основаніи новооткрытыхъ варіантовъ. Названная статья Коскена, гдѣ онъ касается развитія данной темы у европейцевъ (французовъ, сицилійцевъ, норвежцевъ, нѣмцевъ, португальцевъ, ирландцевъ, испанцевъ, литовцевъ) и азіатовъ (кохинхинцевъ-аннамитовъ [*]), египетскихъ арабовъ, индійцевъ-камаонянъ и „Катһâ-Сарит-Сâгары") является наиболѣе полною изъ всѣхъ статей этого рода, хотя, какъ увидимъ ниже, много матеріала осталось Коскену неизвѣстнымъ. Окончательный выводъ изслѣдователя переноситъ насъ въ Индію: „Не къ разсказу ли Сомадевы въ „Катһâ-Сарит-Сâгарѣ", имѣющему за собою уже 700—800 лѣтъ жизни, восходятъ изложенныя нами европейскія сказки? Во всякомъ случаѣ смѣло можно утверждать, что сказка лотарингская и сицилійская къ нему не восходятъ. Ихъ полное сходство въ одномъ пунктѣ, именно эпизодѣ съ кузнечикомъ, не съ разсказомъ Сомадевы, но со сказкою камаонскою свидѣтельствуетъ о томъ, что въ отдаленную эпоху уже существовалъ въ Индіи другой видъ этой темы, отличный отъ помѣщеннаго у Сомадевы" (стр. 195).

Какъ въ свое время Бенфей совершенно не коснулся славянскихъ варіантовъ и далъ случай В. Ѳ. Миллеру восполнить его пробѣлъ, такъ и Коскенъ не могъ указать ни одной славянской параллели и вызвалъ, такимъ образомъ, дополнительную статью д-ра Поливки: Slavische Beiträge zur vergleichenden Märchenkunde (въ Zeitschrift für österreichische Volkskunde, I Jahrgang, 1895). Почтенный этнографъ сообщилъ варіанты великорусскіе, малорусскіе, польскіе и чешскіе, отысканные имъ въ соотвѣтствующихъ сборникахъ сказокъ, и замѣтилъ, что въ великорусскихъ пересказахъ совсѣмъ вѣрно отражаются версіи восточныя, тогда какъ сказки прочихъ славянъ примыкаютъ къ западно-европейскимъ [6]). Со времени появленія статьи г. Поливки количество обнародованнаго славянскаго матеріала значительно увеличилось, но его общій характеръ остается тотъ же. [Отмѣчу среди вновонакопившагося матеріала то, что собралъ дѣятельный галицкій этнографъ В. Гнатюкъ въ Угорской Руси (Етноґрафічний збірник Наукового товариства імени Шевченка, т. III, 138—145) и въ Галичинѣ (т. VI, 1899 г., стр. 115—117) [7]); еще Добровольскій: Смоленскій Этнографическій Сборникъ, I, стр. 673—676].

---

[4]) Годъ изданія не отмѣченъ на обложкѣ; помнится, что и первое изданіе появилось около 1887-го года.

[5]) Вообще надо сказать, что Popular tales and fictions Клаустона остаются почему-то малоизвѣстными, хотя другія его сочиненія, напримѣръ, The book of Sindibâd, The book of noodles, получили широкое распространеніе. Мною на малорусскій языкъ переведена, съ надлежащими дополненіями, вступительная, руководящая часть I тома Popular tales (Клоустон: Народні казки і вигадки, як вони блукають та перевертаються, з додатками та одмінами переложив А. Кримський. Львів. 1896). См. Исторію русской литературы акад. А. Н. Пыпина, т. II, СПБ. 1898, стр. 63.

[*]) Ихъ сказка интересна для насъ особенно потому, что имена двухъ служителей-воровъ, привозящихъ гадателя во дворецъ, почти такія же, какъ въ одномъ великорусскомъ варіантѣ: Брюхо и Животъ (срв. Аѳанасьевъ № 216).

[6]) По отношенію къ фольклору малорусскому мысль о вообще бо́льшихъ заимствованіяхъ съ запада, чѣмъ съ востока, выступаетъ очень ярко у Н. Ѳ. Сумцова, послѣднія изслѣдованія котораго являются значительнымъ ограниченіемъ для выводовъ Драгоманова (см. Розвідки М. Драгоманова, т. I, 1899, Львів, стр. 220 и 260) и моихъ (дополненіе къ Клоустону: Народні казки і вигадки, стр. 73—76).

[7]) Тщательный въ указаніи параллелей къ другимъ темамъ, г. Гнатюкъ на этотъ разъ, т.-е. по отношенію къ темѣ объ искусномъ угадчикѣ, указалъ неславянскихъ параллелей чрезвычайно мало. Клаустонъ, Коскенъ и пр., даже чехъ Поливка—всѣ остались г. Гнатюку совершенно неизвѣстными.

Наконецъ отмѣчу не изслѣдованіе (такого не было), а мимоходомъ высказанное мнѣніе [8])—Эструпа, автора важной книги объ исторіи 1001 ночи [9]), далеко не склоннаго выводить безусловно всѣ сказочныя темы изъ Индіи. Говоря о присутствіи несемитскихъ элементовъ въ данныхъ арабской народной словесности, онъ упоминаетъ о современной египетской сказкѣ про ловкаго гадателя и его жену [10]), какъ о произведеніи d'origine incontestablement indo-européenne. Источникъ ея Эструпъ видитъ въ индійской сказкѣ о Гаришярманѣ изъ „Катһâ-Сарит-Сâгары“ Сомадевы.

Такимъ образомъ, послѣднее слово науки, насколько оно выясняется изъ всего произведеннаго мною обзора, говоритъ въ пользу мысли объ индійскомъ происхожденіи нашей сказочной темы. И мнѣ кажется, что даже признавая всю справедливость разсужденій Бедье о неестественности считать Индію за единственную изобрѣтательницу сказокъ [11]) и еще болѣе признавая вѣрность остроумныхъ словъ нашего учителя В. Ѳ. Миллера: „устная странствующая сказка не похожа на пересылаемое изъ страны въ страну письмо, сохраняющее въ своихъ штемпеляхъ слѣды всѣхъ пройденныхъ государствъ“ [12]), можно въ данномъ случаѣ спокойно присоединиться къ заключеніямъ Бенфея, В. Ѳ. Миллера, Клоустона, Коскена, Поливки и Эструпа, и только надо предположить не одинъ, а по меньшей мѣрѣ два пути распространенія этой сказки съ ея родины: одинъ путь—на сѣверъ отъ Индіи, другой—на западъ, черезъ Сирію съ Палестиной (временъ Крестовыхъ походовъ) [13]).

Въ заключеніе отмѣчу нѣкоторые варіанты у народовъ близко знакомаго мнѣ востока—мусульманскаго:

1) Тюркскіе. Османскій варіантъ изложенъ у В. Гордлевскаго (№ 94); онъ нѣсколько потертъ: воръ не ходитъ подслушивать подъ окно, а сразу, просто изъ страха, винится предъ ходжею, отчего соль разсказа пропадаетъ. Существованіе этой сказки у османскихъ турокъ можно констатировать по меньшей мѣрѣ раньше XVI вѣка, потому что на турецкой сказкѣ основана византійская передѣлка [14]): Βίος καὶ πολιτεία σοφοῦ γέροντος (иногда съ именемъ Μουτζοκούρου [15]). Но можно быть увѣрену, что османы вынесли эту сказку еще изъ Средней Азіи: въ этомъ насъ убѣждаетъ ея близость къ киргизской сказкѣ: „Кудесникъ по неволѣ“, записанной А. Диваевымъ въ Чимкентскомъ уѣздѣ, Сыръ-Дарьинской области, отъ человѣка изъ рода „Тюряларъ“. Ея начальная mise en scène—тоже баня, откуда выгоняютъ бѣднаго старика съ женою по случаю пріѣзда супруги царскаго звѣздочета (фалгера). По настоянію уязвленной жены старикъ берется за ремесло кудесника и, путемъ простого соображенія, указываетъ, куда отбился отъ обоза навьюченный царскій лошакъ. Пропадаетъ царское сокровище,—старику даютъ 40 дней на размышленіе, и онъ ихъ отмѣчаетъ сорокà абрикосами. Воры (ихъ было тоже 40) ходятъ по одному, по два, по три, подслушивать вечеромъ подъ окно его дома; и когда старикъ, съѣдая каждый вечеръ по абрикосу, говоритъ женѣ: „было сорокъ—одинъ прочь“, „было сорокъ—два прочь“, „сегодня изъ сорокà три прочь“, воры съ испуга открываютъ колдуну, въ какомъ курганѣ зарыли они деньги. [Желая избавиться отъ своего опаснаго званія, старикъ рѣшаетъ притвориться сумасшедшимъ. Однажды, голый, онъ бѣжитъ изъ бани къ царю и стаскиваетъ его съ террасы, но оставленная терраса сейчасъ же рушится, и фалгеру остается

---

[8]) *J. Oestrup:* Contes de Damas (Лейденъ 1897, Remarques, стр. 16).

[9]) Studier over Tusind og en Nat. Копенг. 1891.

[10]) Издана Дюлакомъ съ указаніемъ параллелей англійскихъ и фламандскихъ.

[11]) J. Bédier: Les fabliaux. Paris 1893 (Biblioth. de l'école des hautes études, fasc. 98), глава IV, стр. 98—118 L'influence des recueils de contes orientaux réduite à sa juste valeur.

[12]) *В. Миллеръ:* Очерки русской народной словесности. М. 1897, стр. IV.

[13]) Объ арабской сирійской сказкѣ см. ниже.

[14]) Свѣдѣніемъ этимъ я обязанъ Ѳ. Е. Коршу, который кстати указалъ мнѣ и три изданныхъ текста: 1) E. Legrand 1872; 2) его же 1874 въ Chansons populaires grecques; 3) 1874 Wagner въ Carmina graeca medii aevi (по вѣнской рукописи Бусбека XVI вѣка).

[15]) Слово, очевидно, искаженное арабское;—быть можетъ=маджкур.

только сказать, что онъ это предвидѣлъ и спѣшилъ спасти царя] [16]). Какъ-то царь выходитъ по естественной надобности на дворъ и хватаетъ въ руку кузнечика (кобылку), – приглашенный для отгадки старикъ говоритъ: „Разъ прыгнулъ кузнечикъ—избавился, во второй разъ—избавился, въ третій и попался",—и такъ опять угадываетъ. (Сборникъ матеріаловъ для статистики Сыръ-Дарьинской области, т. I, Ташкентъ, 1891, отд. II, стр. 101—106).

2) Персидскій варіантъ, мало кѣмъ замѣченный, находится въ XX гл. Sketches of Persia [17]) Макома (Sir John Malcolm), который записалъ его со словъ шахскаго придворнаго сказочника. Ахмедъ-чеботарь, выдавшій себя, по настоянію своей тщеславной жены, за звѣздочета, случайно открываетъ похищенный рубинъ царскаго ювелира и ожерелье одной госпожи, потерянное въ банѣ. Вскорѣ изъ царской сокровищницы пропадаетъ 40 сундуковъ золота и драгоцѣнностей. Призванный Ахмедъ требуетъ себѣ 40 дней сроку, заявляя наудачу, что воровъ было 40; а по случайности ихъ было именно столько. Перепугавшись, они по одному, по два, по три и т. д., наконецъ цѣлой шайкой, ежедневно ходятъ вечеромъ подслушивать гадателя, и когда онъ, получая каждый вечеръ отъ жены по одному изъ отложенныхъ сорока финиковъ, говоритъ ей объ истекающихъ дняхъ отсрочки: „вотъ одинъ изъ сорока", „вотъ два изъ сорока", „вотъ и всѣ сорокъ" — воры ему открываются. На другой день Ахмедъ, продѣлавши передъ царемъ нѣсколько таинственныхъ исчисленій, ведетъ къ указанному ворами мѣсту, гдѣ они скрыли сундуки, и въ награду получаетъ въ жены царскую дочь, къ досадѣ своей первой жены. Эпизода въ испытаніемъ посредствомъ жука, кузнечика и т. п. нѣтъ.

3) Арабскихъ простонародныхъ варіантовъ имѣется два: египетскій и сирійскій, и оба порядочно отличаются одинъ отъ другого, хотя называются одинаково: ʿАсфуръ и Жрāде (по египетскому произношенію Гарâда), т.-е. „Воробей [18]) и Саранча". Египетскій варіантъ записанъ въ Каирѣ Дюлакомъ; это № 3 его Quatre contes arabes en dialecte cairote (въ 1-мъ вып. Mémoires publiés par les membres de la Mission archéologique française au Caire, 1884). Вкратцѣ его содержаніе такое. Разорившійся купецъ скрываетъ себя, по совѣту жены, подъ новымъ именемъ—Воробей (ʿАсфур), а жена его принимаетъ имя Саранчи (Гарâда), и они уѣзжаютъ въ другую страну дурачить людей. Когда этотъ новый гадатель сидѣлъ передъ домомъ правителя и важно чертилъ на пескѣ [19]) магическія фигуры, проѣзжалъ царь и захватилъ астролога и его жену къ себѣ. Именъ супруговъ онъ не зналъ и для испытанія приказалъ принести воробья и саранчу, спряталъ ихъ и предложилъ гадателю узнать, что́ спрятано. Тотъ, адресуя свои слова къ женѣ, сказалъ: „Не будь тебя, Саранча,—не попался бы Воробей!" и восхитилъ царя. Вскорѣ у царя произведена кража,—гадателю грозитъ смерть, если онъ не отыщетъ украденнаго. Онъ требуетъ тридцати дней отсрочки, а самъ условливается съ женою убѣжать на тридцатый день; для точнаго счета ими взято тридцать камешковъ, и каждый вечеръ жена будетъ выбрасывать въ окно по одному. Въ первый же вечеръ, когда жена произноситъ: „вотъ одинъ изъ тридцати", камешекъ падаетъ на голову одному изъ тридцати воровъ, пришедшему подслушивать подъ окномъ. То же повторяется на другой день съ двумя ворами („вотъ и два изъ тридцати"), на третій день—съ тремя, и воры отдаютъ гадателю то, что похитили, да еще 1000 червонцевъ за молчаніе. Царь хвастается своимъ звѣздочетомъ передъ другими царями, и они, желая сравнить его искусство съ искусствомъ своихъ собственныхъ гадателей, зарываютъ въ землю три сосуда: съ молокомъ, медомъ и смолой. Ихъ гадатели не могутъ ничего сказать, а ʿАсфуръ съ укоромъ говоритъ женѣ: „Первый (т.-е. разъ)—молоко, второй—медъ, а вотъ третій—такъ смола!" Пораженные цари награждаютъ колдуна.—О существованіи сирійскаго варіанта я могъ прежде

[16]) Заключенный мною въ скобки эпизодъ имѣетъ всѣ признаки позднѣйшей вставки; по счету онъ былъ бы третьимъ удачнымъ предсказаніемъ, но это противорѣчитъ дальнѣйшему контексту, гдѣ старикъ слишкомъ ясно говоритъ, что на третій разъ онъ попался: слѣдовательно, передъ тѣмъ у него было только два удачныхъ гаданія царю.

[17]) 1-ое изд. вышло въ 1828 г. Новѣйшее изданіе—1888 г. въ „Cassell's National Library" (vol. 115 and 116).

[18]) Такъ я для бо́льшаго удобства, подобно Дюлаку, позволяю себѣ переводить слово „ʿасфур", которое собственно означаетъ *всякую* небольшую птичку и, между прочимъ, воробья.

[19]) Восточные гадатели (ихъ называютъ мона́жжимами, т.-е. звѣздочетами, хотя бы они гадали и не по звѣздамъ) садятся гдѣ-нибудь на перекресткахъ, у подъѣздовъ и т. п. видныхъ мѣстахъ, причемъ имѣютъ передъ собой кучку песку, разсыпаннаго на разостланномъ платкѣ.

только слегка подозрѣвать на основаніи 58-й пословицы дамасскаго сборничка Бёртона (въ The Journal of the royal Asiatic Society, new series, vol. V, part. 2, Лонд. 1871, стр. 348). Тамъ сказано: *„Не будь саранчи, птичка не попалась бы.* Эта пословица намекаетъ на длинный разсказъ про птицу, послѣдовавшую за саранчей во внутрь дома и тамъ пойманную. Царь старался отнять молодую женщину по имени Джераде (саранча) отъ ея стараго мужа, называвшагося Усфуръ (птица) [20]), и послѣдній увернулся, употребивши эту пословицу. Пословица примѣняется къ человѣку, пускающемуся въ слишкомъ рискованныя предпріятія". Поселившись на Ливанѣ въ 1897 году, я записалъ самую сказку, со словъ о. Ханны Мжа́ʿаса, православнаго священника въ с. Шуэйрѣ. Приведу ее въ русскомъ переводѣ [21]) „Былъ человѣкъ по имени Воробей (ʿАсфӯр), а жена его называлась Саранча (Жрâде). И разорился онъ (афʌас). Жена и говоритъ: „Пойди, сядь возлѣ мечети и пиши что-то въ книгѣ, будто колдунъ,— тѣмъ ты что-нибудь заработаешь". Пошелъ онъ. Ѣдетъ халифъ; а жена его была беременна [*h*âмыʌ) и должна была родить. Спрашиваетъ халифъ у того человѣка: „Эй, человѣкъ! Что́ родитъ моя жена: мальчика или дѣвочку?" Тотъ испугался и быстро отвѣчаетъ сквозь зубы, чтобъ не разобрали его какъ слѣдуетъ: „Мальчика-дѣвочку (*с*âб[и]-бынт)!"—„Ну, а гдѣ? наверху или внизу?"—„На верху-внизу (та*h*т-фаwq)!!" — опять сквозь зубы и быстро-быстро. Засмѣялся царь и поѣхалъ домой. Пріѣзжаетъ, — жена наверху родила сына; перенесли ее внизъ, а она родила тамъ дѣвочку. Царь удивился, рѣшилъ, что тотъ человѣкъ—искусный гадатель (мнáжжым ша*т*ыр), и взялъ его къ себѣ во дворецъ. Живетъ онъ,— какъ вотъ пропадаетъ сокровище царя: цѣлая компанія (кыб банíйие) — сорокъ человѣкъ слугъ — сговорились и украли его. Призвалъ царь своего новаго гадателя и говоритъ: „Ты долженъ найти вора. Даю тебѣ сроку (мáhле) 40 дней". Воры вечеромъ послали одного изъ своихъ на крышу того дома, гдѣ жилъ ʿАсфӯръ,— подслушивать (та йытна*ссат*). И слышитъ онъ, мнäжжымъ говоритъ своей женѣ: „ hа́да áwwaʌ мынᵘ ʌ-арбаʿîн", т.-е. „вотъ [ужъ прошелъ] первый изъ сорока [дней]". Воръ испугался, прибѣжалъ къ товарищамъ, разсказываетъ. На другой вечеръ пошелъ подслушивать другой, — слышитъ: hа́да тâнi мын ᵘʌ-арбаʿîн", „это второй изъ сорока". Перепугался онъ, разсказалъ товарищамъ. Тѣ и рѣшили: „отдадимъ ему сокровище (кянз) и попросимъ, чтобъ насъ не выдавалъ". Сдѣлали такъ. Гадатель отдалъ сокровище халифу и сталъ у него дороже всѣхъ придворныхъ. Больше всѣхъ возненавидѣлъ гадателя визирь. Разъ царь выѣхалъ повеселиться къ одному источнику. Онъ сидѣлъ рядомъ съ визиремъ и разговаривалъ,—вдругъ летитъ саранча, а за нею птичка (ʿ*а*сфӯр)· Саранча, спасаясь, влетѣла въ широкій рукавъ царскаго плаща (жы̆ббе [22]), птичка — за нею, а халифъ скорѣе закрылъ рукавъ. Визирь говоритъ: „О, могущественный царь (мâʌик ᵘз-змâн — соб. „царь времени")! Призовемъ твоего гадателя: пусть угадаетъ, что́ у тебя въ рукавѣ. Угадаетъ—мнѣ пусть снимутъ (йᵘшiʌу) голову, не угадаетъ—ему". Царь согласился, призвалъ гадателя и сказалъ ему какъ (т.-е. какое условіе состоялось). Гадатель подумалъ-подумалъ, покачалъ головою и говоритъ: „Йá мâʌик ᵘз-змâн! ʌaw ма Жрâди, ма ы́ʌак ʿАсфӯр!"—„Могущественный царь! если бъ не Саранча, не попалъ бы въ твои руки Воробей", потому что вѣдь жена послала его къ мечети, а съ этого все произошло. Халифъ посмотрѣлъ на визиря, открылъ рукавъ,— саранча и птичка „фарр"! (порхъ!). Сняли голову визирю.—Предсказаніе о рожденіи близнецовъ встрѣчается, сверхъ моей сирійской сказки, насколько мнѣ извѣстно, только въ сицилійской (Pitrè № 167) и въ норвежской (Asbjoernsen, стр. 139). Что касается порядка эпизодовъ въ сицилійской сказкѣ, то въ этомъ отношеніи она сближается съ Дюлаковымъ варіантомъ египетскимъ.

А. Крымскій.

---

[20]) У Бёртона транскрибировано: Jeradeh и Usfur. Будучи діалектологомъ (а въ частности—посвятивши арабскому звуку **дж** и **ж** особую статью, именно въ арабскомъ бейрутскомъ журналѣ „аль-Машриq" 1898, № 11), недоумѣваю, что́ хотѣлъ выразить Бёртонъ начертаніемъ Jeradeh; въ Дамаскѣ-то произносятъ „Жрâде". Произношеніе гласныхъ въ Бёртоновской транскрипціи „Usfur" тоже остается скрытымъ отъ читателя.

[21]) По временамъ я сохраняю въ текстѣ арабскія слова и предупреждаю діалектологовъ, что транскрипція—чисто фонетическая, и если я, напр., въ словѣ „мнáжжым" одинъ разъ пишу а, а другой разъ ä, то это значитъ, что одинъ разъ я дѣйствительно услышалъ звукъ а, а другой разъ, изъ устъ того же лица, звукъ ä.

[22]) Жы̆ббе называется не просто плащъ, а широкая одежда, въ родѣ нашей священнической рясы.

КЪ ЛИТЕРАТУРНОЙ ИСТОРІИ

ТЫСЯЧИ и ОДНОЙ НОЧИ

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Перечень именъ ученыхъ оріенталистовъ и не-оріенталистовъ, которыхъ занималъ вопросъ о происхожденіи и составѣ арабскаго сборника „Тысяча и одна ночь", могъ бы представить собою очень длинную цѣпь [1]). Выводы, къ какимъ приходятъ изслѣдователи, пошли сразу же, а со второй четверти нынѣшняго вѣка въ особенности, по двумъ направленіямъ: Гаммеръ (Journ. Asiat. 1827), нашедшій себѣ затѣмъ сторонниковъ отчасти между послѣдующими оріенталистами, но главнымъ образомъ между европейскими фольклористами, стоялъ за персидское или индійское происхожденіе арабской „Тысячи одной ночи", которая такимъ образомъ представлялась переводомъ староперсидскаго (не то сасанидскаго, не то арзакидскаго, не то даже ахеменидскаго) сборника „Тысяча сказокъ" (Хезâр-Эфсâнé); наоборотъ, Сильвестръ де Саси (Journ. des Savants 1817, Mém. de l'Acad. des Inscr. 1843) и его послѣдователи чувствовали на каждой страницѣ 1001 ночи, даже среди иностранныхъ именъ, руку мусульманско-арабскаго писателя и притомъ сравнительно поздняго періода. Оба мнѣнія прекрасно совмѣстятся, если признать за большинствомъ или, по крайней мѣрѣ, за значительнымъ количествомъ сказокъ „Тысячи одной ночи" основу персидско-индійскую[2]), которая однако подверглась серіозной арабской обработкѣ и арабскому (египетскому) окончательному редактированію. Именно такое рѣшеніе вопроса и сдѣлалось наиболѣе общепринятымъ.

Въ 1888—1890 гг. извѣстный бейрутскій ученый іезуитъ-арабъ о. А. Сâльхâни сдѣлалъ новое арабское изданіе „Тысячи одной ночи" и снабдилъ его предисловіемъ на арабскомъ же языкѣ. Первая половина предисловія касается художественныхъ достоинствъ „Тысячи одной ночи", вторая—болѣе длинная и болѣе важная—литературной ея исторіи. По своему общему направленію, равно какъ по тѣмъ историческимъ даннымъ, которыми оперируетъ авторъ, статья о. Сâльхâни, пожалуй, не пошла въ разрѣзъ съ установившимися воззрѣніями на „Тысячу одну

---

[1]) А. Е. Крымскій (къ знаніямъ котораго, скажу въ скобкахъ, я не разъ обращался) избавляетъ меня отъ необходимости приводить здѣсь эту „цѣпь", такъ-какъ въ концѣ моей статьи онъ по моей просьбѣ помѣщаетъ свой, давно ужъ у него составленный библіографическій указатель. *А. Г.*

[2]) Такъ, Лэнъ, считая юмористическія сказки 1001 ночи за произведенія явно арабскія, признаетъ многія другія за достояніе индійское. Но, конечно, для громаднаго большинства фольклористовъ говорить только о значительномъ, а не о полномъ количествѣ арабскихъ сказокъ, восходящихъ къ индійскому оригиналу, является уступкой малой. Глава сравнительнаго метода Бенфей утверждалъ, что сказки арабской „Тысячи одной ночи", въ ихъ сути, могутъ быть почти всѣ разысканы въ литературѣ индійской. Коскенъ въ своемъ общеизвѣстномъ трудѣ, который былъ премированъ французской Академіей Наукъ въ 1887 г., повторилъ слова Бенфея какъ истину, не требующую доказательствъ (E. Cosquin: Contes populaires de Lorraine, page XVII). *А. Г.*

ночь“: и персидское происхожденіе рамки сборника авторъ призналъ, и персидскаго вліянія нѣкоторыхъ отдѣльныхъ сюжетовъ онъ отрицать не вздумалъ; но зато онъ рѣзко оттѣнилъ мысль о чисто-арабскомъ присхожденіи большинства сказокъ „Тысячи одной ночи“ и, кромѣ того, вновь подчеркнулъ мысль, что не въ томъ переводѣ, который былъ сдѣланъ арабами съ персидской „Хезâр-Эфсâне́“, а въ томъ сборникѣ, который былъ составленъ Абдаллâхомъ Джахшіяріемъ, надо видѣть первоначальную арабскую редакцію нашей „Тысячи одной ночи“. Предисловіе о. Сâльхâни, какъ выраженіе мнѣнія очень почтеннаго арабскаго ученаго и притомъ издателя „Тысячи одной ночи“, представляло большой интересъ и въ то время, когда появилось. Теперь же, когда за послѣдніе годы съ одной стороны Бедье нанесъ значительный ударъ теоріи исключительно-индійскаго происхожденія и персидской стадіи всѣхъ странствующихъ повѣстей [1]) и когда, съ другой стороны, по отношенію къ сказкамъ „Тысячи одной ночи“ арабско-египетское происхожденіе второй половины сборника, констатированное еще Сильвестромъ де-Саси, Лэномъ и Кремеромъ [2]), освѣщается самымъ недавнимъ трудомъ В. Шовена [3]), предисловіе о. Сальхани пріобрѣтаетъ, на мой взглядъ, особый интересъ, и я рѣшаюсь представить его вторую половину въ переводѣ съ арабскаго языка на русскій. Въ выноскахъ я сообщаю нѣкоторыя (по возможности немногочисленныя) историко-литературныя свѣдѣнія и дѣлаю нѣсколько дополненій въ тѣхъ пунктахъ, въ которыхъ о. Сâльхâни оказался черезчуръ краткорѣчивымъ.

А. Горстеръ.

Статья о. А. Сальхани.

(Переводъ съ арабскаго).

Опредѣлить время составленія книги „1001 ночь“—трудно, а съ точностью, пожалуй, и невозможно. Нѣкоторые изъ ученыхъ придерживаются того мнѣнія, что это—книга древняго періода и перешла къ арабамъ отъ персовъ, и для подкрѣпленія своей мысли ссылаются на слѣдующее мѣсто „Золотыхъ луговъ“ имама Масʿудія [4]):

„Къ числу книгъ, перешедшихъ къ намъ (арабамъ) и переведенныхъ съ персидскаго и греческаго, относятся такія, какъ книга „Хезâръ эфсâнэ́“. Это названіе въ переводѣ съ персидскаго на арабскій означаетъ „Тысяча сказокъ“: сказки по-персидски называются—эфсâнэ́; у насъ эту книгу называютъ „1001 ночь“, и повѣствуетъ она о царѣ, визирѣ, его дочери и ея невольницѣ; звали двухъ послѣднихъ Ширâзâда и Дуньязâдâ [5]).

---

[1]) Положенія Бедье въ общемъ едва ли могутъ быть опровергнуты возраженіями Коскена (Les contes populaires et leur origine. Dernier état de la question, Брюсс. 1895, въ Compte rendu du Troisième congrès scientifique international des catholiques): всякому остается очевидно, что, кромѣ Индіи, есть и другіе очаги сказочнаго творчества. Отсюда, конечно, не слѣдуетъ, что позволительно, подобно Брюнетьеру, на основаніи Бедье утверждать (Revue de Deux Mondes 1893, сент.: Les fabliaux du moyen âge et l'origine des contes, стр. 189—213), будто сказки (одинаковыя у совсѣмъ разныхъ народовъ!) рождаются и образуются ежедневно и вездѣ, „въ глубинѣ нашихъ деревень“;—„не вижу причины“, прибавляетъ Брюнетьеръ, „почему бы нашимъ крестьянамъ, въ то время какъ они идутъ по полю за своимъ плугомъ (en poussant leur charrue), не сочинять даже миѳовъ!“— Когда вспоминаешь замѣчательное детальное сходство сказокъ разныхъ народовъ и пытаешься вообразить себѣ, что онѣ создались вездѣ самостоятельно, en poussant la charrue, то невольно приходятъ на умъ цитованныя по этому же поводу Клаустономъ нѣсколько ироническія слова сэра Джорджа Кокса (вѣроятно, изъ его Mythology of the Arian nations): No reasonable man could have *the hardihood* to maintain it (А. Кримський: Народні казки і вигадки—В. Клоустона, Львів 1896, ст. 7). *А. Г.*

[2]) Kremer: Aegypten, Лейпц. 1863. Т. II. стр. 306. *А. Г.*

[3]) La récension égyptienne des Mille et une nuits par Victor Chauvin, professeur à l'université de Liège. Bruxelles 1899 (Bibliothèque de la faculté de philos. et lettres de l' univers. de Liège, fascic. VI). *А. Г.*

[4]) Масʿудій, извѣстный арабскій историкъ и географъ, родился въ концѣ IX в. и умеръ въ 956 году. „Золотые луга“—описаніе разныхъ странъ міра, посѣщенныхъ Масʿудіемъ въ его многочисленныхъ путешествіяхъ, и историческія свѣдѣнія объ этихъ странахъ (издано съ франц. пер. Барбье де Мейнаромъ и Паве де Куртейлемъ, Пар. 1861—74). А. Г.

[5]) „Золотые луга“, Т. IV. стр. 89 (Парижск. изд).

Ссылаются также на указаніе Мохаммеда-ибнъ-Исхâка ан-Надúма, извѣстнаго подъ прозвищемъ Абу-Я'кубъ-аль-Варрâкъ, въ первой главѣ восьмого отдѣла его книги „Фихристъ“ [1]). Вотъ оно: „Первыми, кто составилъ эти сказки, записалъ ихъ, сдѣлалъ изъ нихъ сборники и вложилъ нѣкоторыя изъ нихъ въ уста животныхъ—были древніе персы. Затѣмъ занялись этимъ цари-Ашганиды [2]), т. е. 3-я династія персидскихъ царей. При царяхъ-Сасанидахъ сказки увеличились въ числѣ и широко распространились. Арабы перевели ихъ на свой языкъ, въ чемъ приняли участіе краснорѣчивые и въ совершенствѣ владѣвшіе языкомъ арабскіе писатели; они придали сказкамъ лучшій слогъ и форму и составили въ духѣ этихъ повѣствованій другія, подобныя имъ. Первой книгой, обработанной въ такомъ родѣ, была книга „Хезâръ эфсâнэ“, что означаетъ „Тысяча сказокъ“. Поводомъ къ такому названію послужилъ слѣдующій сюжетъ повѣсти: одинъ изъ персидскихъ царей, женившись на какой-нибудь дѣвушкѣ и проведши съ нею ночь, убивалъ ее на слѣдующій день. Вотъ онъ женился на царевнѣ весьма умной и обладающей знаніями; имя ея—Шахрâзâда. Проведши съ царемъ ночь, она начинала развлекать его разсказами и прерывала свое занимательное повѣствованіе съ наступленіемъ утра; это побуждало царя оставлять ее въ живыхъ, чтобы она въ слѣдующую ночь могла докончить разсказъ. Дѣло такъ шло въ теченіе тысячи ночей, и за это время Богъ послалъ ей ребенка; она его родила и сумѣла привязать царя къ нему. Царь ознакомился съ умомъ Шахрâзâды, успѣлъ полюбить ее и окончательно пощадилъ. У царя была домоправительница, по имени Динâрзâда; она дѣйствовала заодно съ Шахрâзâдой. Говорятъ, что книга эта составлена была для Хумâни, дочери Бехмена [3]), но я думаю, что истинная правда, если Богу угодно открыть намъ ее, заключается вотъ въ чемъ. Первымъ, кто проводилъ ночи въ бесѣдахъ, былъ еще Александръ, и у него были люди, которые его смѣшили и развлекали разсказами; впрочемъ, онъ смотрѣлъ на это не какъ на развлеченіе, а какъ на способъ охраны. Цари персидскіе послѣ Александра ввели съ этой цѣлью въ употребленіе особую книгу подъ названіемъ „Хезâръ эфсâнэ“ (1000 разсказовъ), содержащую ночей тысячу, а повѣстей нѣсколько меньше, чѣмъ двѣсти, потому что одна повѣсть часто разсказывалась въ теченіе нѣсколькихъ ночей. Я ее видѣлъ полностью нѣсколько разъ; это книга „худая, хладнорѣчивая“ [4]).

Нѣкоторые изслѣдователи на основаніи этихъ двухъ сообщеній—Мас'удія и Надúма пришли къ заключенію, что арабская „Тысяча и одна ночь“ заимствована изъ древне-персидскаго оригинала. Считать вполнѣ правильнымъ такое заключеніе мы, однако, не можемъ и предпочитаемъ думать, что персидская „Хезâръ эфсâнэ“ послужила только побужденіемъ къ составленію нашей книги, которую и расцвѣтили по тому же образцу. Правда, при этомъ оставили въ

---

[1]) Библіографъ Надúмъ Багдадскій умеръ въ концѣ X вѣка. Его „Фихристъ“ (библіографическій перечень литературныхъ произведеній арабскихъ, персидскихъ, индійскихъ, съ сообщеніемъ многихъ драгоцѣнныхъ историко-литературныхъ свѣдѣній) доведенъ до 987—988 г. по Р. Х. (377 г. Хижры). Печатное изданіе сдѣлано Флюгелемъ и Рёдигеромъ (Лейпц. 1871—1872). Свѣдѣнія о содержаніи „Фихриста“ можно найти въ статьѣ Флюгеля, помѣщенной въ Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, 1859, XIII, стр. 560. *А. Г.*

[2]) Арзакиды. *А. Г.*

[3]) Бехменъ—иначе Артаксерксъ I Лонгоманъ (464—425). Его дочь Хумâни—очевидно та же Хомâй, о которой повѣствуетъ Фирдоуси (см. Шâх-нâмé, изд. Вуллерса, т. III. стр. 1758—1774; въ изд. Моля—т. V). *А. Г.*

[4]) „Фихристъ“, стр. 304.—Заключительныя словá процитированнаго мѣста изъ „Фихриста“ вотъ какъ можно было бы перевести на международный языкъ латинскій, на которомъ буквальность не слишкомъ рѣжетъ уши и глаза: liber macer, frigidus sermone. Вѣроятнѣе всего, надо понимать эти слова Надúма въ томъ смыслѣ, что онъ считаетъ „Хезâръ-эфсâнэ“ за книгу неимѣющую значенія (*γаѳѳ* macer) и пусторѣчивую, неосновательную (бâрид-аль-калâм, frigidus sermone); а если общеупотребительное новоарабское выраженіе „бâрид-л-к(а)лâм“ въ смыслѣ „медлительный въ рѣчи, мямлящій“, окажется не слишкомъ новаго происхожденія, то, пожалуй, и у Надúма оно можетъ означать то же. [Арабы говорятъ: Шу,hа л-барâде! т. е. „Что за скука!“ а собств. „Что за холодъ!“ — о длинной и скучной исторіи, о неудачной остротѣ и т. п.; „hу! баррдýні“ (букв. „фу! простудили меня!“), т. е. „что за длинный, неинтересный разсказъ заставили меня слушать!“]. Дѣлаю эту замѣтку потому, что у акад. Веселовскаго, который въ предисловіи къ Доппельмайеровскому переводу 1001 ночи (М. 1890) посвятилъ двѣ страницы бѣглой исторіи ея, также есть отрывокъ изъ этой цитаты Надúма, но переведенъ онъ (не рѣшаюсь опредѣлить, на основаніи кого изъ оріенталистовъ) какъ будто черезчуръ сильными выраженіями: „эта развратная книга, изобилующая глупыми росказнями“ (стр. XIV). *А. Г.*

ней нѣкоторыя блестки и, пожалуй, цѣлыя исторіи изъ персидскаго оригинала, каковъ, напримѣръ, разсказъ о Шахріярѣ и его братѣ Шâхземâнѣ, разсказъ о Шахрâзâдѣ и Дуньязâдѣ; да какъ будто не видно, что и самыя-то имена эти — чисто персидскія! Однако, если говорить о „Тысячѣ и одной ночи", какъ объ одномъ цѣломъ, то мы должны ее считать за произведеніе арабское, а не персидское. И на это у насъ имѣется нѣсколько основаній.

1) Составитель „Фихриста", говоря вообще о всякихъ книгахъ, перешедшихъ къ арабамъ изъ персидской литературы, выражается вѣдь такъ: „въ этомъ дѣлѣ приняли участіе люди краснорѣчивые и въ совершенствѣ владѣвшіе языкомъ; они придали персидскимъ сказкамъ лучшій слогъ и форму и составили въ ихъ духѣ другія подобныя имъ". Даже изъ этихъ словъ можно заключить, что въ книгѣ „1001 ночь", хотя бы мы считали ее и за переводную, произведены извѣстныя перемѣны.

2) Что составитель книги мусульманинъ, это несомнѣнно Вѣдь гдѣ бы вы ее ни стали читать, вы вездѣ видите, что авторъ прославляетъ вѣру мусульманскую и отвращается отъ вѣры маговъ и другихъ. Это служитъ рѣшительнымъ доказательствомъ, что „Тысяча и одна ночь" появилась въ эпоху исламскую и не оказывается простымъ переводомъ съ какой-нибудь книги персидской сасанидскаго періода или иного.

3) „Тысяча и одна ночь" изобилуетъ разсказами о Харунъ-ар-Рашидѣ. Изъ этого слѣдуетъ, что тѣ разсказы, въ которыхъ выступаетъ онъ, сочинены много лѣтъ спустя послѣ него: халифы, его преемники, не остались бы довольны и не допустили бы спокойно, чтобы такой великій царь былъ унижаемъ въ своемъ достоинствѣ или низводимъ на положеніе низшихъ народныхъ слоевъ и черни [1].

4) Можемъ ли мы себѣ вообразить, чтобы какой-нибудь персъ, составляя разсказы для своихъ соотечественниковъ-персовъ, избиралъ мѣстомъ дѣйствія для большинства ихъ только Дамаскъ, Багдадъ, Каиръ? Не является ли доказательствомъ арабскаго происхожденія „Тысячи и одной ночи" именно то обстоятельство, что въ ней часто упоминаются мѣстности египетскія и сирійскія и воспроизводятся туземные нравы и обычаи, которые являются едва ли не отличительно египетскими и сирійскими?

5) Происхожденіе многихъ разсказовъ, хоть составители ввели въ нихъ измѣненія, все-таки остается хорошо извѣстнымъ, и ту основу, изъ которой они заимствованы, мы знаемъ достовѣрно. Такъ, повѣсть о Сусаннѣ и Даніилѣ заимствована изъ Библіи; повѣсть о св. Евстахіи, хотя въ ней не упоминается имя святого, заимствована безъ всякаго сомнѣнія изъ дѣяній мучениковъ. То же нужно сказать относительно повѣстей объ Исхâкѣ Мóсульскомъ, Хâтымѣ Тâйскомъ, Маʿнѣ сынѣ Зâиды и т. п.; эти заимствованы изъ произведеній арабскихъ.

6) И въ рукописныхъ экземплярахъ „Тысячи и одной ночи", и въ печатныхъ ея изданіяхъ оказывается много отличій, со стороны ли порядка разсказовъ и ихъ полноты, со стороны ли распредѣленія ночей [2]), со стороны ли, наконецъ, пріемовъ изложенія одной и той же повѣсти. А все это указываетъ намъ на то, что даже допустивши персидское основное происхожденіе этой книги, мы должны таки признать въ ней переработку арабовъ, сообразно со вкусами каждаго. Она очень похожа на четки, зерна которыхъ всѣ были перемѣнены и только нить осталась старая.

7) Если бы тѣ ученые, которые, ссылаясь на книгу Фихристъ, утверждаютъ, будто „1001 ночь" переведена на арабскій съ персидскаго, вникнули въ продолженіе выше приведеннаго нами текста, то умѣрили бы свои мнѣнія и утвержденія относительно персидскаго происхожденія „Тысячи и одной ночи". Вѣдь Мохаммедъ-ибнъ-Исхâкъ говоритъ слѣдующее: „ʿАбдаллâхъ-Мохаммедъ-ибнъ-ʿАбдўсъ-аль-Джахшіярій [3]), составитель „Книги визирей", началъ составлять и другую книгу, въ которую онъ включилъ избранные разсказы арабскіе, персидскіе, греческіе и

---

[1]) О соображеніяхъ Эструпа насчетъ разсказовъ о Харун-ар-Рашидѣ см. ниже, въ приложеніи. *А. Г.*

[2]) Нужно принять къ свѣдѣнію, что между изданіемъ Бреслаускимъ и Калькуттскимъ въ этомъ отношеніи есть большая разница, потому что первое изданіе отъ начала книги до „Разсказа о горбунѣ" содержитъ въ себѣ болѣе 100 ночей, тогда какъ въ другомъ изданіи все это, отъ начала книги до упомянутаго мѣста, обнимаетъ собою только 24 ночи; такія же различія оказываются и въ прочихъ частяхъ книги.

[3]) Вар. „Джахестâвій". *А. Г.*

другіе; каждая часть книги должна была явиться независимою отъ другой. Для этой своей цѣли онъ приглашалъ къ себѣ сказочниковъ и бралъ отъ нихъ лучшее изъ того, что они знали и что сами считали лучшимъ; изъ готовыхъ сборниковъ повѣстей и сказокъ онъ также выбралъ то, что ему казалось лучшимъ и достойнымъ. Такимъ образомъ у него скопилось 400 ночей; каждая ночь составляла полную повѣсть, заключавшую приблизительно по 50 листковъ. Смерть постигла его раньше, чѣмъ онъ привелъ въ исполненіе свою мысль — набрать полностью 1000 повѣстей. Изъ его сочиненій я видѣлъ много частей, писанныхъ рукою Абу-Тáййиба, брата Шáфій [1])". Не подходятъ ли эти слова болѣе всего къ той книгѣ, которая находится въ обращеніи среди насъ въ настоящее время?—Судя по приведенному указанію, приходится думать, что разныя редакціи „1001 ночи", имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи теперь, представляютъ собою выборку нѣсколькихъ разнообразныхъ сборниковъ повѣстей; при этомъ отъ персидской книги осталась только рамка, пріемъ разсказа и извѣстное количество повѣстей. Кромѣ того въ нашу книгу были включены повѣсти арабскія, а также были заимствованы другія произведенія изъ литературы индійской, греческой и проч. Европейскіе ученые ужъ и отмѣтили сходство нѣкоторыхъ разсказовъ „1001 ночи" съ разсказами древнихъ грековъ и указали, что, напримѣръ, летучая лошадь есть крылатый Пегасъ, упоминаемый въ греческой поэзіи; шапка-невидимка есть замѣна перстня Гигеса, который скрывался при его помощи отъ чужихъ взоровъ—объ этомъ разсказываетъ Цицеронъ со словъ Платона [2]); черный великанъ, который питается мясомъ путешественниковъ, приставшихъ къ его землѣ, есть никто иной, какъ Полифемъ, о которомъ такъ художественно повѣствуютъ Гомеръ и Виргилій [3]) въ своихъ прекрасныхъ стихахъ. Кромѣ того сдѣлано много другихъ сличеній и сопоставленій, приводить которыя нѣтъ здѣсь необходимости [4]).

---

[1]) „Фихристъ", 304 стран.—[2]) См. IX гл. III книги „Объ обязанностяхъ" Цицерона и книгу Платона: „Республика".

[3]) См. IX пѣснь „Одиссеи" Гомера и III пѣснь „Энеиды" Виргилія.

[4]) Нѣсколько догматическій тонъ о. А. Сальхани способенъ навести на мысль, что греческое происхожденіе трехъ названныхъ сюжетовъ 1001 ночи есть вещь общепризнанная, ни въ комъ не возбуждающая сомнѣній. Въ дѣйствительности же, за исключеніемъ сближенія арабскаго людоѣда съ греческимъ Полифемомъ, дѣло стоитъ не такъ. О шапкахъ-невидимкахъ и т. п. существуетъ, напримѣръ, обширная статья Клаустона: Invisible caps and cloaks въ первомъ томѣ его Popular tales and fictions (стр. 72—122; Эдинб. 1887); изслѣдователь прекрасно помнитъ о перстнѣ Гигеса (стр. 109), но вовсе не думаетъ производить оттуда восточныя и европейскія сказки о шапкахъ и плащахъ невидимкахъ. Русскій читатель, который въ своихъ сужденіяхъ о 1001 ночи будетъ, естественно, руководиться предисловіемъ акад. Веселовскаго къ Доппельмайеровскому переводу, едва ли захочетъ въ арабскомъ летательномъ конѣ увидѣть греческаго Пегаса („Сказка о волшебномъ конѣ", говоритъ акад. Веселовскій на стр. XVIII, „принадлежитъ, быть-можетъ, еще къ составу древняго персидскаго Хезаръ Эфсанэ"). Да и въ самомъ дѣлѣ: кто, во имя строгой научности, протестуетъ теперь вмѣстѣ съ Бедье противъ злоупотребленія очень удобной гипотезою индійскаго происхожденія сказокъ, тотъ, во имя той же научности, непремѣнно долженъ (правда, ужъ не вмѣстѣ съ Бедье) протестовать и противъ злоупотребленія гипотезою классическаго происхожденія ихъ,—по крайней мѣрѣ, въ такихъ случаяхъ, когда производится сличеніе деревянной летательной машины персидскаго старика-колдуна съ живымъ греческимъ Пегасомъ. (О. Сальхани, по отношенію къ Пегасу, основывается, по всему вѣроятію, на сближеніяхъ Бёртона, но у того вопросъ совсѣмъ осложненъ: по его мнѣнію, летучій конь 1001 ночи „is Pegasus, which is a Greek travesty of an Egyptian myth, developed in India").—Однако, разумѣется, что тѣ два неудачныхъ примѣра, которые привелъ о. Сальхани, вовсе не подрываютъ вѣрности его замѣчанія о необходимости искать въ 1001 ночи, какъ и вообще на востокѣ, извѣстное количество элементовъ греческихъ. Тотъ же Клаустонъ, которому, какъ мы видѣли, сказаніе о перстнѣ Гигеса не внушило никакихъ мыслей о вліяніи классическаго міра на востокъ, въ другихъ случаяхъ не разъ подчеркиваетъ это вліяніе (Popular tales and fictions, Introduction, стр. 37—39); а малорусскій его переводчикъ, порядочное тяготѣніе котораго къ Индіи сквозитъ во множествѣ дополненій и примѣчаній, дѣлаетъ въ одномъ мѣстѣ обширное отступленіе по поводу этого „дуже делікатного питання" и доказываетъ, что въ однихъ случаяхъ мы должны видѣть вліяніе Индіи на Европу, а въ другихъ случаяхъ, наоборотъ, вліяніе классическаго міра на Индію (А. Е. Кримський: Народні казки і вигадки — Клоустона. Львів 1896, ст. 51—52). Приведу кстати слова Дёнлопа изъ тѣхъ 57 строкъ его History of prose fiction (въ новѣйшемъ, пересмотрѣнномъ изданіи), которыя онъ отвелъ исторіи 1001 ночи: „1001 ночь составлена въ ея нынѣшней формѣ, по всей вѣроятности, однимъ лицомъ, но эпизоды, внесенные въ нее, заимствованы изъ разныхъ источниковъ: изъ преданій Аравіи, Персіи, Индіи и Греціи. Разсказъ о Полифемѣ появляется въ третьемъ путешествіи у Синдбада. Другія части приключеній этого отважнаго морехода заимствованы повидимому, изъ исторіи Аристомена, у Павсанія; равнымъ образомъ мы находимъ въ 1001 ночи сказанія о Федрѣ, о Киркѣ (Цирцеѣ)". См. History of prose fiction by John Colin Dunlop, new edition revised by Henry Wilson, vol. II, Лонд. 1896, стр. 508. Упомяну еще наконецъ о небольшой (въ 4 стр.) замѣткѣ В. Шовена, вышедшей на дняхъ отдѣльнымъ оттискомъ: Homère et les Mille et une Nuits. Лувенъ 1899. *А. Г.*

8) Языкъ „Тысячи и одной ночи"—совсѣмъ не старинный: онъ напоминаетъ собою современную простонародную рѣчь[1]). Послѣднее обстоятельство также заставляетъ сомнѣваться, чтобы „Тысяча и одна ночь" была написана при Аббасидахъ, когда арабскій языкъ былъ еще въ блескѣ и полной свѣжести.—Основываясь на всемъ вышесказанномъ, мы не можемъ признать, чтобы „Тысяча и одна ночь" въ ея нынѣшнемъ видѣ составилась раньше XV вѣка[2]).

На этомъ мы и закончимъ свое предисловіе[3]). Добавимъ только, что мы тщательно сличили издаваемую нами книгу съ тѣми ея списками и печатными изданіями, которые имѣются въ нашемъ распоряженіи. Но мы избавили ее отъ всего оскорбительнаго и вреднаго для нравственности: мы вѣдь желаемъ, чтобы ея остроуміе было доступно для всѣхъ и чтобы ее можно было держать въ приличныхъ домахъ[4]). Такъ и хочется сравнить „Тысячу и одну ночь" съ рѣкой,

---

[1]) Нынѣшній разговорный арабскій языкъ имѣетъ очень значительныя отличія отъ языка классическаго, употребляемаго теперь только въ литературѣ: приблизительно та же разница, какая существуетъ между языкомъ русскимъ и церковно-славянскимъ, существуетъ между арабскимъ языкомъ нынѣшнимъ (аль-люѵа д-дăрже) и классическимъ (аль-люѵа λ-фусха). Судя по тѣмъ даннымъ, которыя приведены А. Крымскимъ въ его Лекціяхъ по исторіи семитскихъ языковъ (литогр. изд. 1899), надо думать, что многія существенныя черты народнаго ново-арабскаго языка были готовы или намѣтились еще въ 1-мъ в. Хижры. **А. Г.**

[2]) Объ особенностяхъ арабскаго языка 1001 ночи см. между прочимъ 23-е примѣчаніе Лэна къ III тому его The thousand and one Nights. Надо впрочемъ помнить, что для сужденія о времени окончательной редакціи главной части 1001 ночи можно, помимо неустойчивыхъ указаній языка, найти и въ самой 1001 ночи и у нѣкоторыхъ писателей достаточное количество историческихъ и хронологическихъ намековъ, которые заставляютъ признать XIV вѣкъ за terminus a quo. Что касается terminus ad quem, то онъ, повидимому, опредѣляется во 1-хъ отсутствіемъ бытовыхъ картинъ изъ эпохи конца владычества мамлюковъ (повѣсть объ Аладдинѣ и волшебной лампѣ по многимъ причинамъ должна быть поставлена особо), во 2-хъ—отсутствіемъ упоминанія о кофе въ старѣйшихъ рукописяхъ 1001 ночи: напитокъ этотъ, открытый въ XIV вѣкѣ, вошелъ въ XV—XVI вѣкѣ уже въ широкое употребленіе, и если старѣйшіе списки 1001 ночи о немъ не знаютъ, то позволительно отсюда заключить, что египетская редакція 1001 ночи имѣла мѣсто раньше конца XV вѣка.—Говоря о египетской редакціи, надо считаться также съ новѣйшей книгой В. Шовена: La rédaction égyptienne des Mille et une Nuits. (Брюсс. 1899), гдѣ авторъ доказываетъ, что въ египетской (т. е. второй) половинѣ сборника мы имѣемъ дѣло не съ однимъ, а съ двумя писателями, изъ которыхъ первый жилъ нѣсколько раньше второго. Первый писатель, оригинальный и остроумный, написалъ маленькія повѣсти; второй, лишенный всякаго таланта, многое самъ составилъ и многое переработалъ,—вѣроятно, потому, что предпринялъ переизданіе „Тысячи и одной ночи". Былъ ли первый писатель только авторомъ своихъ повѣстей (которыя онъ могъ издать отдѣльно, не въ сборникѣ), или же онъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и редакторомъ „Тысячи одной ночи", Шовенъ этого опредѣлить не можетъ: повидимому, почтенный изслѣдователь склоненъ отрицать его редакторство, однако отлагаетъ рѣшеніе до того времени, когда будутъ точнѣе изслѣдованы разные восточные списки сборника. (И въ самомъ дѣлѣ, общеизвѣстная работа Цотенберга, при ея неоспоримыхъ достоинствахъ, далеко еще не устраняетъ всѣхъ недоумѣній, да иначе и быть не можетъ, потому-что еще не всѣ рукописи намъ извѣстны). Времени жизни этого перваго египетскаго автора (или редактора) Шовенъ также не можетъ опредѣлить съ точностью; одно несомнѣнно: онъ былъ предшественникомъ второго. Что касается этого второго редактора, то рядъ соображеній приводитъ Шовена къ слѣдующимъ догадкамъ: это былъ еврей, обращенный въ мусульманство; быть можетъ, онъ есть именно тотъ писатель, который извѣстенъ въ исторіи еврейской литературы подъ именемъ лже-Маймонида и еврейская книга котораго „Клятва" была напечатана первый разъ въ Константинополѣ въ 1518 г.; жилъ ея авторъ, слѣдовательно, раньше 1518-го года. **А. Г.**

[3]) Дальнѣйшія замѣчанія о. Сальхани, хоть они ужъ не касаются прямо исторіи 1001 ночи, я все таки считаю полезнымъ перевести здѣсь, потому что они уясняютъ, кáкъ слѣдуетъ относиться къ тексту бейрутскаго изданія 1001 ночи, съ котораго въ послѣднее время переводы дѣлаются частенько. **А. Г.**

[4]) Насколько я могъ убѣдиться изъ бѣглаго сличенія бейрутскаго іезуитскаго изданія съ египетскимъ, о. А. Сальхани не относитъ къ числу вредныхъ для нравственности тѣ мѣста 1001 ночи, которыя, напримѣръ, восхваляютъ Мохаммеда и идутъ такимъ образомъ въ разрѣзъ съ католической догмой. Исключенію, кастрированію и замѣнѣ подвергаются у о. Сальхани, повидимому, только тѣ страницы и темы, которыя содержатъ въ себѣ что-нибудь порнографическое или циническое; напримѣръ, длинныя скабрезныя подробности о томъ, какъ молодой царь обманомъ изнасиловалъ дѣвушку и она родила, замѣняются лаконической фразой: „царь женился на одной дѣвушкѣ, и она родила ему сына". Съ точки зрѣнія общественнаго приличія иначе и нельзя было поступить (новѣйшій нѣмецкій переводъ Геннинга, издающійся въ Reclam's billigste Klassiker-Ausgaben тоже старается быть цѣломудреннымъ), но, къ сожалѣнію, мы хорошо знаемъ, что именно скабрезныя исторіи легче всего дѣлаются международнымъ достояніемъ (яркимъ примѣромъ этого служитъ матеріалъ, собранный въ *Κρυπτάδια*'хъ), и потому мы считаемъ бейрутское іезуитское изданіе чрезвычайно непригоднымъ для ученыхъ фольклористическихъ изслѣдованій. Современный арабскій библіографъ Э. Фан-

которая развѣтвилась на многія тысячи каналовъ, и разъ нѣкоторые изъ нихъ обратились въ стоки нечистотъ и грязи, то приходится ихъ засыпать, чтобы остались только чистыя воды, усладительныя для пьющихъ.

Перев. ***А. Горстеръ.***

ПРИБАВЛЕНІЕ.

Въ 1890-мъ году, сейчасъ же послѣ напечатанія „Тысячи и одной ночи", о. А. Са̂льһа̂ни издалъ «*За̂ра̂ыф фока̂һа̂т фî арба' һыка̂йа̂т*», т. е. „Четыре остроумныхъ разсказа". Эта книга (она часто брошируется вмѣстѣ съ 5-мъ томомъ бейрутскаго іезуитскаго изданія „Тысячи и одной ночи") представляетъ собою извлеченіе изъ рукописнаго сборника десяти повѣстей, переписаннаго около 1782-го года въ Халебѣ и очень напоминающаго собою, по своему составу, рукопись парижской Національной библіотеки 1772-го года. Одни изъ №№ сборника—это тѣ же, какіе входятъ въ составъ „Тысячи и одной ночи" всѣхъ или нѣкоторыхъ списковъ, другіе—совсѣмъ самостоятельны. О. Сальхани дѣлаетъ по этому поводу нѣсколько замѣчаній, которыя дополняютъ собою его предисловіе къ „Тысячѣ и одной ночи" и которыя поэтому умѣстно привести здѣсь: „Мас'у̂дій и Надимъ упоминаютъ объ арабскомъ переводѣ персидской „Тысячи сказокъ" (Хеза̂ръ-эфса̂нé), но Надимъ прибавляетъ также, что совсѣмъ особый арабскій сборникъ тысячи сказокъ былъ едва ли не до половины доведенъ ибнъ-'Абду̂сомъ Джахшія̂ріемъ. Мы думаемъ, что именно этимъ вторымъ сборникомъ былъ замѣненъ переводъ персидской „Тысячи сказокъ" и что именно Джахшія̂ріевъ сборникъ, въ болѣе или менѣе полномъ видѣ, имѣется у насъ теперь подъ именемъ „Тысячи и одной ночи". Очень вѣроятно, что со времени появленія этого знаменитаго сборника, за исключеніемъ рѣдкихъ списковъ полныхъ, существовало большое количество списковъ неполныхъ, содержавшихъ только часть разсказовъ. „Кӑтибы" (литераторы), которые около XIV вѣка дали „Тысячѣ одной ночи" ея нынѣшнюю форму должны были пользоваться рукописями неполными, и значительное число сказокъ осталось, безъ сомнѣнія, неизвѣстнымъ для нихъ. Это обстоятельство ничуть однако не препятствуетъ тому, чтобы одна или другая изъ пропущенныхъ ими сказокъ сохранилась въ отдѣльныхъ рукописяхъ. Такимъ образомъ, если случается, что въ какомъ-нибудь сборникѣ наряду со сказками, входящими, по общему признанію, въ составъ 1001 ночи, находятся еще другія, подобныя имъ сказки, то не служитъ ли это признакомъ родства ихъ? не получаемъ ли мы право говорить, что вторыя сказки имѣютъ общее происхожденіе съ первыми? Мы думаемъ, что да, и примѣняемъ это мѣрило къ тѣмъ четыремъ сказкамъ, которыя издаемъ теперь: Исторія Хикара, Царь Азадбехтъ и десять министровъ[1]), Господинъ и старуха, Птичка, силокъ и охотникъ;—помѣщенныя вмѣстѣ со сказками, достовѣрно относящимися къ 1001 ночи, онѣ съ значительнымъ правомъ могутъ быть разсматриваемы какъ нераздѣльныя части того же сборника. Сходство парижской рукописи съ нашею укрѣпляетъ насъ въ нашей мысли". См. „За̂ра̂ыф фока̂һа̂т", стр. 4, 5, 3.

Работа А. К. Горстера, которая знакомитъ русскихъ читателей съ интересной статьей Сальхани, написанной на недоступномъ для многихъ арабскомъ языкѣ, наводитъ на мысль о желательности еще одного перевода—важной книги: „Studier over Tusind og en nat"—af J. Oestrup (Копенгагенъ 1891), написанной на языкѣ, тоже далеко не для всѣхъ доступномъ,—на датскомъ. Авторъ[2]), критически проанализировавши вопросъ о происхожденіи 1001 ночи, устанавливаетъ,

---

дейкъ (американецъ), кажется, не безъ затаенной ироніи называетъ подобныя изданія предназначенными для „аль-бана̂т аль-'аффе", т.-е. „непорочныхъ дѣвицъ". См. его „Китӑб иктифа̂' а̂ль-qану' бима̂ hywа̂ матбу'" (Каиръ, 1896, стр. 291). А. Г.

[1]) Сказка о десяти министрахъ (визиряхъ) находится только въ изданіи Габихта и въ нѣкоторыхъ рукописяхъ. См. Zotenberg: Histoire d'Alâ al-dîn, стр. 38, 39, 40, 48, 49. Дополненіе къ Сальхани—замѣтка Лидзбарскаго, Z. D. M. G. 1896, стр. 152 и Мейснера, тамъ же, 1894; стр. 171—172. 1-е изд.: Historia decem vezirorum, ed. Gust. Knös, Гётт. 1807,

[2]) Онъ извѣстенъ многими трудами въ области арабскаго языка, литературы и фольклора, но почти все у него написано по-датски. Вотъ важнѣйшія его работы: 1) Arabiske sange og eventyr efterlignede og oversatte (Копенг. 1889); 2) Fra Orientens Nutid. Arabiske Fortaellinger og Digte, oversatte (Коп. 1890); 3) Studier over Tusind og en Nat (Коп. 1891); 4) En Dag i Damaskus (Ill. Tidende XXXV, 10); 5) Orientalsk poesie og dens forhold till den europaeiske (Samtiden 1894. 4—5, 6); 6) Nyarabiske Eventyr (Ill. Tidende, XXXV, 16, 17, 18); 7) Historisk-topografiske Bidrag til Kends-

что въ ней надо различать три слоя: 1) старѣйшій,—основанный на переводѣ персидской „Хезâръ-эфсâнé“, 2) багдадскій,—циклъ сказокъ, сгрупированныхъ преимущественно вокругъ полубаснословной личности Харунъ-ар-Рашида, 3) египетскій,—новый и по языку, и по изложенію, и вообще по внѣшней формѣ: это т. н. сказки типа d'el genero picaresco. Мѣстомъ окончательной редакціи сборника Эструпъ признаетъ, конечно, Египетъ. Разработанныя Эструпомъ идеи можно было, какъ это часто случается въ наукѣ, съ большей или меньшей ясностью улавливать и прежде, въ трудахъ другихъ оріенталистовъ (особенно у Нёльдеке) [1], но точно-обоснованная научная ихъ формулировка составляетъ заслугу именно Эструпа.

Исполняя обѣщаніе, высказанное выше А. К. Горстеромъ, прилагаю указатель литературы, относящейся къ „Тысячѣ одной ночи“.

Арабскій текстъ „Aλф λейλе wa λейλе“ печâтно былъ обнародованъ сперва въ неполныхъ изданіяхъ Калькуттскихъ—шейха Мохаммеда Ширвани Йеменскаго (1811 г., 2 тт.,—первыя двѣсти ночей; 2-ое изд. 1814—1818 г., 2 тт.); въ Калькуттѣ же вышло посмертное изданіе Тёрнера Мэкэна (Turner Macan), сдѣланное W. Macnaghten'омъ: Alif Leila, complete in the original arabic from an egyptian manuscript (4 тт., 1839—1842). Первымъ по времени полнымъ восточнымъ изданіемъ оказывается двухтомное Булакское 1835-го г. (1251 г. Гижры), съ текстомъ значительно разнящимся отъ Мэкэнова; а въ Европѣ, по Тунисской рукописи, арабское изданіе Тысячи одной ночи предпринялъ М. Габихтъ въ Бреславлѣ (M. Habicht, Breslau, 1825 — 1839, тт. 1 — 8) и закончилъ Г. Флейшеръ (1842—1843, тт. 9—12). Съ тѣхъ поръ „Aλф λейλе wa λейλе“ безпрерывно печатается на востокѣ. Дешевы литографированныя изданія индійскія, воспроизводящія редакцію Мэкэна (напр., Бомбей 1297 г. Г., Лагоръ 1893 — 1894, тт. 4), и еще дешевле и потому популярнѣе—печатныя египетскія (напр., Булакъ 1279—1280 г. Г., лучшее изъ подобныхъ, 4 тт.; Каиръ 1297 г. Г., 4 тт.; тамъ же 1302 г. Г., 4 тт.; 1305—1306 г. Г., 4 тт.; 1308 г. Г., 4 тт.; 1315 г. Г.=1898 г. Р. Х., 4 тт.); но эти мусульманскія изданія считаются у восточныхъ христіанъ неприличными и въ противовѣсъ имъ въ Бейрутѣ „Aλф λейλе wa λейλе“ появилась въ очищенномъ видѣ въ 1880—1882 г. (4 тт.) и въ еще болѣе очищенномъ—въ 1888—1890-мъ г. (5 тт.). Это послѣднее изданіе, чрезвычайно изящное въ типографскомъ отношеніи (тогда какъ индійскія и египетскія — нечетки), вышло изъ іезуитской типографіи и принадлежитъ именно о. Сальхани. Дополненіемъ къ нему являются вышеупомянутыя „Зарâыф аλ-фокâhâт“, а дополненіемъ къ „Зарâыф“'амъ—Bâsim le forgeron et Hârûn er-Rachîd (texte et traduction) par le comte Carlo Landberg (Лейденъ, изд. Брилля 1888, стр. XVII+87+119 араб. [2]). Добавлю, что изданъ и персидскій переводъ 1001 ночи (Тебризъ 1261 г. Г., Техранъ 1263 г. Г., Бомбей 1307 г. Г. и т. д.), и турецкій (мнѣ извѣстно трехтомное Константинопольское изданіе, повидимому, 1845 — 1854 г. и четырехтомное 1870 г.).

---

kabet til den syriske Oerken (Det Kgl. Danske Vidensk. Selsk. Skrifter. 6-te Raekke, 1895, и отд.); 8) 1001 Nat paa ny udg. efter Valdemar Thisteds danske Gjengivelse. Indledning og Noter af J. Oestrup. I—IV (Копенг., 1895—96, Schubothe, 547, 521, 513 и 362 стр.); 9) Umar al-Kindi's Bescrivelse af Aegypten, udgivet og oversat (въ Трудахъ Копенгагенской Академіи 1896, № 4; рец. де-Гуе въ Zeitschr. d. Deutsch. Morg. Ges., т. 50, 1896, стр. 736 — 741); 10) Contes de Damas, recueillis et traduits avec une introduction et une esquisse de grammaire (Лейденъ 1897). Послѣдняя книга, написанная на общедоступномъ языкѣ французскомъ, послужила матеріаломъ для достаточнаго количества рецензій; изъ нихъ важны: Нёльдеке — въ Zeitschr. der Deutschen Morgenl. Gesellschaft LI; К. Воллерса въ Zeitschr. f. Assyriologie XI; Э. Нестле—въ Litteraturzeitung 31, стр. 1005 сл.; Рене Бассе—въ Revue des traditions populaires XII; Гартманна—въ Deutsche Litteraturzeitung 34; Athenaeum—28 Авг.; срв. еще Mehren og Thomsen: Betaenkning over Besvarelsen af den filologiske Prisopgave for 1894,—Overs. over det Kgl. Vidensk. Selsk. Forhandl. 1896. Предисловіе, предпосланное сборнику дамасскихъ сказокъ, содержитъ въ себѣ изслѣдованіе нѣсколькихъ сказочныхъ мотивовъ и съ этой стороны можетъ быть полезно также при изученіи мотивовъ 1001 ночи.

[1]) Намекъ на такую классификацію, какъ у Эструпа, можно прочитать и по-русски—у акад. Веселовскаго („Сказки тысячи одной ночи въ переводѣ Галлана“, стр. XV,—статья, служащая предисловіемъ къ Доппельмайеровскому переводу. М. 1890, т. II).

[2]) Срв. предисловіе о. Сальхани къ Зарâыф'амъ, стр. 2; рецензія на изд. Ландберга—Muséon VII, 1888, стр. 253 сл.

Впервые познакомилъ Европу съ 1001 ночью (если не считать Petis de la Croix: Histoire arabe de Sindbad le Marin, 1701) А. Галланъ (Galland), напечатавши, для придворныхъ Людовика XIV, въ Парижѣ въ 1704—1717 г. свой французскій переводъ или, вѣрнѣе, свою вольную и вычурную передѣлку: Les Mille et une Nuits, contes arabes, trad. en français, 12 тт. Этотъ французскій переводъ затѣмъ перепечатывался очень часто въ 6 томахъ, напр., въ 1786 г.; назовемъ еще другія изданія: 1) Гага 1714 (5-e éd.), 8 тт.; 2) тамъ же, 1731—1746, 12 тт. in-12; 3) Лейденъ 1768, 12 чч.-6 тт.; 4) Парижъ 1811, 7 тт.; 5) Парижъ 1832, 8 тт.; 6) объ изданіяхъ Лоазлера де Лоншана и де Саси см. ниже; 7) Парижъ 1842, 2 тт.; 8) изд. Hachette, Парижъ 1865—1868, 2 тт.; 9) réimprimés sur l'édition originale avec un préface par J. Janin, 21 eaux fortes par Lalauze, éd. de la Librairie des bibliophiles, Пар. 1882, 10 тт.; 10) 2 тт., изд. Ducrocq, Пар. 1887 (283+285 стр.); 11) nouvelle édition, revue avec soin sur les meilleurs textes, изд. Garnier, Пар. 1888, 3 тт. (485+ +504+501). Успѣхъ Галланова перевода побудилъ вышеупомянутаго Petis de la Croix напечатать Les Mille et un jours (Пар. 1710; 5 тт.); это переводъ персидскаго сборника сказокъ „Хäзар о йäк руз", составленнаго во второй половинѣ XVII в., по плану 1001 ночи, испаханскимъ дервишемъ Мохлисомъ изъ сюжетовъ индійскихъ комедій (съ франц. перевода былъ сдѣланъ еще въ XVIII в. А. Филиппсомъ переводъ англійскій: Persian tales и перепечатанъ Хенри Веберомъ въ Tales of the East, 1811, 3 тт.; новое изд.—Thousand and one days, edited by Justin Huntly Mac-Carthy, 2 тт., Лонд. (Chatto) 1892 [1]); нѣм. дополненный пер. Гагена, въ Пренцлау 1839, 11 тт.; русск. пер. Мих. Попова, СПБ. 1778—1779, 4 тт.; рец. въ „СПБ. Вѣстникѣ" 1778, ч. I, № 4, стр. 316—320; 2-е изд., 4 тт., СПБ. 1801. Продолжателями или дополнителями Галлана явились Казоттъ и арабъ-монахъ Chavis (т.-е. Шāwîш), издавшіе въ 38-мъ, 39-мъ, 40-мъ и 41-мъ тт. „Cabinet des Fées" (Женева 1784—1793) свои „Les Veillées du sultan Schahriar"; ихъ трудъ чаще извѣстенъ подъ заглавіемъ: Nouveaux contes arabes ou supplément aux 1001 Nuits, par l'Abbé*** (=Cazotte), 4 тт., Пар. 1788; здѣсь переведены или, правильнѣе сказать, вольно передѣланы и дополнены цвѣтами собственной фантазіи тѣ арабскія сказки 1001 ночи, которыхъ не коснулся Галланъ [2]). — Въ нынѣшнемъ вѣкѣ французскіе оріенталисты чувствовали ненаучность Галланова перевода и, снабжая его своими научными введеніями и примѣчаніями, издавали его съ нѣкоторыми поправками: 1) 1001 Nuits, trad. par A. Galland, revues et continuées par Caussin de Perceval, Пар. 1806, 9 тт.; 2) nouv. éd., revue, accompagnée de notes et augmentée de plusieurs contes, traduits pour la première fois, par Edouard Gauttier, Пар. 1822—1824, 7 тт.; 3) éd. revue sur les textes originaux et augmentée de plusieurs nouvelles et contes, traduits des langues orientales par D'estaings, precedée d'une notice sur Galland par Ch. Nodier, Пар. 1823—1825, 6 тт.; 4) одно изъ лучшихъ изд.—Aimé Martin, съ примѣчаніями Loiseleur-Deslongchamps, какъ часть „Panthéon Littéraire, Пар. 1838, въ одномъ т.; 5) éd. illustrée par les meilleurs artistes français et étrangers, revue et corrigée sur l'édition princeps de 1704 et augmentée d'une dissertation sur les 1001 Nuits par S. de Sacy, Пар. (Bourdin et C-ie) 1836—1838 (s. a.), 3 тт. Очень важнымъ для исторіи 1001 ночи было снабженное примѣчаніями изданіе: Contes inédits (=неизвѣстныя Галлану) des Mille et une Nuits, extraits de l'original arabe par Mr. Jos. de Hammer (защищавшимъ, какъ еще раньше—Лангле, индо-персидское происхожденіе арабскихъ сказокъ), traduits en français par G. S. Trébutien, Парижъ 1828, 3 тт. — Отдѣльныя сказки переводились французами вновь довольно часто, то для цѣлей ученыхъ, то для цѣлей учебныхъ (въ послѣднемъ случаѣ вмѣсто перевода являлся и грамматическій разборъ); отмѣтимъ: 1) Les voyages de Sindbàd le Marin et La ruse des femmes, traduction littérale, accompagnée du texte et des notes par L. Langlès (выводившимъ сказки изъ Индіи), Пар., 1814; сперва текстъ и переводъ Лангле появились въ приложеніи къ его изданію: Grammaire de la langue arabe, ouvrage posthume de D. Savary, Пар. 1813, стр. 471—523, безъ всякихъ комментаріевъ; 2) Le sage Hey-

[1]) Рец. въ Saturday Review, т. 74, стр. 569.

[2]) Небезъинтересно отмѣтить, что сказка о премудромъ Хикарѣ, извѣстномъ въ старорусской письменности подъ именемъ Акира, впервые переведена на европейскій языкъ у Казотта. Галланъ перевелъ не болѣе четверти 1001 ночи.

car, conte trad. de l'ar. par Agoub, Пар. 1824; 3) Enis-el-Djelis, ou Histoire de la belle Persane, trad. et accomp. de notes par Kazimirski, Пар. 1846; 4) Histoire de Chems-Eddine et Nour-Eddine, ponctuée à la manière française et accompagnée d'une analyse grammaticale par Cherbonneau, Пар. 1852; такимъ же образомъ Шербонно издалъ Les fourberies de Delilah, Пар. 1856; 5) Voyage de Sindebad le Marin, texte ar. avec vocabulaire et de notes par L. Machuel, Алжиръ, 1884 (2-е изд.); 6) Zeïn el-Asnam, texte entièrement vocalisé et vocabulaire arabe, anglais et français par. Florence Groff, Пар. (Leroux), 1889; 7) M. Tibal: Le livre des MI nuits. Conte du Marchand et du génie (ar. et fr.), Алжиръ (Remordet) 1890; 8) Idem, trad. littéralement, Miliana (Imprim. Legendre) 1893. Только съ 1899 года началъ, въ Collection de la Revue Blanche, издаваться надлежащій французскій переводъ: Le livre des Mille Nuits et une Nuit, traduction littérale et complète (т. е. безъ пропуска даже вольныхъ мѣстъ) par le Dr. J. C. Mardrus, Пар., т. I, 1899 (351 стр.), т. II, Пар. 1900 (370 стр.) т. III, Пар. 1900 (320 стр.); всѣхъ томовъ будетъ 16, въ основу положенъ арабскій текстъ Булакскаго изданія (которое Бертону, впрочемъ, не нравилось). Другой полный переводъ обѣщалъ вскорѣ дать G. Rat (см. объявленіе на обложкѣ его перевода Al-Mostatraf, t. I, Пар. 1899).

Нѣмцы сперва пробавлялись переводами изъ Галлана и Казотта, каковы: 1) 1001 Nacht, erstlich von Galland in das frantzösische und aus selb. anitzo ins Teutsche übersetzt, 12 чч. въ двухъ тт., Лейпц. 1759—1761; 2) 1001 Nacht, worinnen seltsame arabische Historien und wunderbare Begebenheiten u. s. w. erzählt sind, Лейпц. 1771—1774, 12 чч.; 3) arabische Erzählungen, aus dem franz. von J. H. Voss, Бременъ 1781—1785, 6 чч.; 4) 1001 Nacht, ächte Fortsetzung von Don Denis Chavis und Cazotte, Gotha 1790—1791, 4 тт. (какъ часть Blaue Bibliothek, тт. 5—8); 5) Neue 1001 Nacht, von Don Denis Chavis und Cazotte, verdeutscht von C. A. W(ichmann), Лейпц. 1810, 5 тт.; 6) 1001 Nacht, neu bearbeitet zur Unterhaltung für Alt und Jung, Gotha 1819. Сверхъ этихъ ненаучныхъ переводовъ былъ сдѣланъ, тоже съ французскаго, одинъ до сихъ поръ важный: Der 1001 Nacht noch nicht übersetzte Märchen, zum ersten Male aus dem Arab. ins Franz. übersetzt von J. v. Hammer und aus dem Franz. ins Deutsche von Aug. Zinserling, 3 тт., Штуттг. и Тюбинг. 1823—1824, со введеніемъ и поясненіями Гаммера. Пробудившійся интересъ къ научному изученію арабскихъ сказокъ сдѣлалъ необходимымъ появленіе нѣм. переводовъ прямо съ арабскаго оригинала: 1) 1001 Nacht, deutsch von M. Habicht, Fr. von der Hagen und C. Schall (Pfennig-Ausgabe d. 1001 Nacht, Arab. Erzählungen zum erstenmal aus einer Tunesischen Handschrift ergänzt und vollständig übersetzt), 15 тт., Бреслау 1824—1825; стилистически удачный, этотъ переводъ нѣсколько разъ переиздавался: 2-ое изд. въ 1827 г., 5-ое—въ 1840, 6-ое—въ 1881, но въ сущности только два послѣднихъ томика переведены непосредственно съ арабскаго оригинала, а въ первыхъ десяти есть много такихъ элементовъ, которые, собственно, не принадлежатъ подлинной 1001 ночи; какъ бы въ дополненіе, тамъ же въ Бреславлѣ изданы Die beiden Sindbad, oder Reiseabenteuer Sindbads des Seefahrers, nach einer ägypt. Handschrift unmittelbar und treu übersetzt und mit Anmerkungen herausgegeben von I. Reinsch, 1836; 2) 1001 Nacht, zum erstenmal aus dem arabischen Urtext treu übersetzt von Dr. G. Weil, herausgegeben mit einer Vorhalle v. Aug. Lewald, Штуттг.-Пфорцгеймъ, 1837—1842, 4 тт. (или 120 вып.); переизд. въ Штуттгартѣ много разъ, напр., въ 1841—1842, 44 тт. in-16° (съ прекрасными франц. гравюрами); вновь просмотрѣнн. въ 1866; въ 1872 г.; въ 1889-мъ; 3) 1001 Nacht, deutsch von Alex. König, Берл. 1840—1842, 24 томика; 4) A. Reinhardt: Nachtrag zur 1001 Nacht, eine Sammlung morgenländischer Erzählungen aus einer arab. Handschrift übers., Jena 1840; 5) 1001 Nacht, eine Auswahl aus der schönsten morgenl. Märchensammlung (Meyer's Volksbücher, № 1001—1008), Лейпц. 1894, 2 тт. (О всѣхъ другихъ подобныхъ же, но менѣе интересныхъ популярныхъ изданіяхъ упоминать было бы долго); 6) 1001 N., aus dem Arab. übertr., von Max Henning (изд. Дешевой Рекламовской библіотеки классиковъ), Лейпц., 1896—1899, 17 томиковъ; Геннингъ желалъ дать по возможности полный переводъ, но все-таки многое счелъ нужнымъ пропустить. Для фольклориста не-оріенталиста нѣмецкіе переводы, такимъ образомъ, не достаточны, и онъ

долженъ обращаться къ переводамъ англійскимъ или, въ послѣднее время, къ французскому Мардрюсовскому.

Англійскіе старинные переводы, подобно нѣмецкимъ, стояли въ связи съ французскими, при чемъ, по мѣрѣ сознанной необходимости, въ нихъ производились поправки и дополненія: 1) Arabian night entertainments, from the last Paris edition 1792—1798 (изъ Галлана и Казотта), 8 тт.; 2) New series of nights entertainments, selected by Hammer and now first translated into english by G. Lambe, Лонд. 1826, 2 тт.; 3) The ar. n. entert., transl. by Edw. Forster, Лонд., 1802; 4) то же, revised and corrected with additional notes and an historical and explanatory introduction by G. M. Bussy, Лонд., 1839; 5) The ar. n. ent., carely revised and occasionly corrected from the arabic; to which is added a selection of new tales, now first transl. from the ar. originals, also an introduction and notes by Jonath. Scott, Лонд., 1811, 6 тт.; переводъ Скотта до сихъ поръ не вышелъ изъ употребленія и не разъ цитуется даже въ ученыхъ трудахъ; изъ послѣдующихъ его изданій выдаются: четырехтомныя, with 19 etchings of Lalauze, Лонд. (Nimmo) 1882 и illustr. by S. L. Wood, Aldine ed., Лонд. (Pickering) 1890 [1]); см. ниже—Griffis; 6) Arabian nights, illustrated with engravings from designs by R. Westall, Лонд., 1819.—Эпохальное значеніе для разработки исторіи 1001 ночи имѣлъ переводъ Лэна (ум. въ 1876 г.) прямо съ арабскаго: A new translation of the tales of 1001 Nights, known in England as the Arabian Nights' entertainments, with copious notes by Edw. Will. Lane, illustr. by many hundred engravings on wood by W. Harvey, Лонд. 1839—1841, 3 тт. Переводомъ Лэна чаще всего пользуются въ трехъ послѣдующихъ изданіяхъ Эдв. Стэнли Пуля, Лонд., 1859, Лонд., 1876 (Bickers) и Лонд., 1883 (Chatto), подъ загл.: The 1001 Nights, commonly called in England „The Arabian Nights' entertainments"; a new transl. from the ar. with copious notes, a new edition from the copy annotated by the translator; edited by E. St. Poole. With a preface by St. Lane-Poole, 3 тт. Сюда же относятся: 1) Stories from the Arab. Nights, transl. by E. W. Lane, edit. by St. Lane-Poole, 3 тт., Нью-Йоркъ (Putnam), 1890 [2]); 2) Arab. Nights entertainm., transl. with notes explanatory of the text, by Edw. Will. Lane, Филадельфія (Mac-Kay), 1894; 3) 1001 Nights, transl. by Lane, reprint of the 1-st edition, with the addition of Aladdin and Ali-Baba, taken from another source, Лонд. (Bliss), 1895.—Переводъ Лэна заключаетъ въ себѣ только около $^2/_3$ „Тысячи одной ночи": переводчикъ исключилъ то, что считалъ или излишнимъ или черезчуръ грязнымъ для европейскаго языка. За трудъ полнаго перевода взялся сперва Пэйнъ: The book of the 1001 Nights, now first completely done into english prose and verse from the original Arabic of the Breslau and Calcutta edition by John Payne, Лондонъ (printed for the Villon Society, 500 copies only, by private subscription and for private circulation only) 1882—1884, 9 тт. Но гораздо больше прославился чрезвычайно полный переводъ Бёртона: 1) The book of 1001 Nights, transl. by Rich. Burton, Бенаресъ-Лондонъ 1885, 10 тт.; 2) Supplemental Nights to the book of 1001 Nights, with notes anthropological and explanatory by Rich. Burton, transl. from the Breslau edition, from Galland, from the Wortley Montague Codex of the Bodleian Library and Dom Chavis and Cazotte etc., Бенаресъ-Лондонъ (Kamashastra Society), 1886—1888, 6 тт.; сверхъ примѣчаній самого переводчика, примѣчанія (напр., указаніе параллелей) дали здѣсь В. Клаустонъ (для т. I—III) и В. Кёрби (Kirby, для т. IV—VI) [3]). Нѣтъ сомнѣнія, что Бёртонъ, обставляя всякія неприличныя мѣста 1001 ночи обстоятельнымъ ученымъ комментаріемъ, имѣлъ въ виду научные интересы этнографіи, антропологіи и т. п., но для извѣстнаго круга читателей его трудъ послужилъ средствомъ къ раздраженію спинного мозга и вызвалъ спекуляціонное (цѣна $1^1/_2$ фунта стерл.) дополненіе: Secrets of oriental sexuology, supplement to Burton's world-famous 1001 Nights (это—переводъ порнографической арабской брошюры: ʿИлм ан-никāh), by an English Bohemian, with translator's foreword, notes and several very interesting appendices, Парижъ

---

1) Рец. въ Saturday Review, 13 дек. 1890, стр. 688.

2) Срв. Westminster Review, т. 137 (1892), 3, стр. 347.

3) См. „Kama Shastra Society" въ Academy 1887, дек. 10, стр. 389 сл.; Saturday Review, 1888, іюля 21, стр. 86 сл.; замѣтки Бёртона въ Academy, 1888, авг. 4, стр. 72; авг. 18, стр. 103 сл.

(прод. у Каррингтона, въ Лейпцигѣ—у A. Twietmeyer), 1896. Дальнѣйшія изд. Бертона: 1) Lady Burton's edition of her husband's Arabian Nights, prepared for household reading (т.-е. безъ скабрезностей) by J. Mac-Carthy, Лонд., 1887 (т. I—V) и 1888 (т. VI) [1]); 2) The book of the 1001 N., transl. by R. Burton, reprinted from the orig. edition and ed. by L. S. Smithers. The Library (т.-е. expurgated) edition of the Arab. N. Entert., Лонд., 1894, 12 тт. [2]) Еще заслуживаютъ упоминанія: 1) James Mason: The Ar. N. Entert., revised throughout and annotated, Лондонъ (Cassell), 1887; 2) A selection of stories from Alif Laila wa Laila, by E. E. Hale, Бостонъ, 1888; 3) The Ar. N. Ent., based upon the translation of John Scott, with introduction, ed. by W. S. Griffis, Бостонъ, 1891, 4 тт; 4) Ar. N., Лонд. (Tuck), 1892; 5) New Ar. N., select tales not included by Galland or Lane, Лонд. (Sonnenschein), 1893; 6) Ar. N. Ent. (Lubbock's Hundred Books), Лонд. (Routledge), 1893; 7) то же, new edition, Лонд. (Gall), 1893; 8) Fairy tales from the Ar. N., ed. and arranged by C. Dixon, Лонд. (Dent), 1893; 9) Ar. N. Ent., more fairy tales from the Ar. N., ed. and arr. by C. Dixon, Лонд. (Dent), 1895; 10) Ar. N. Ent., transl. from the ar., new and complete edition, upwards of 100 ill. on wood by S. J. Groves, Лонд. (Nimmo), 1897. Одни изъ этихъ послѣднихъ изданій имѣютъ научное значеніе, другія—не имѣютъ, но являются показателями того высокаго интереса, который существуетъ у англійской публики по отношенію къ 1001 ночи.

Датскіе переводы: 1) Digt og Eventyr fra Osterland, af arabiske og persiske utrykta kilder, Копенгагенъ, 1816; 2) Prindsesses Scheherezade, Fortaellinger eller de saakaldte Tusende og een nat, udgivne paa dansk ved Heelegaard, Копенг., 1818; 3) неоконч. перев. Расмуссена (Rasmussen) Копенг., 1824; 4) 1001 Nat paa ny udg. efter Valdemar Thisteds danske Gjengivelse, Indledning og Noter af J. Oestrup, Копенг. (Schubothe), 1895—1896, 4 тт.—Голландскіе: 1) De duyzend en eene nacht, arabische vertellingen, uit het Fransch. 4-e dr. Амстердамъ, s. a. (ок. 1770), 12 тт.; съ голл. сдѣланъ яванскій переводъ Винтера 1847—1849, 2 тт.; 1875; 2) De 1001 nacht, Гентъ (Snoeck-Ducaju en C°), 1894, 4 тт.—Испанскіе: 1) Las mil y una noches, cuentos árabes, por Antonio Galland, traduccion castellana, Барселона (Tipogr. hispano-americana), 1894; 2) Las 1001 noches, cuentos ár. escrupulosamente corregidos, ed. publ. con permiso de la autoritad eclesiastica, Мадридъ (Calleja), 1895.—Итальянскій: Le Mille ed una notte o Racconti Meravigliosi, Миланъ, 1881. [3])—Греческіе: 1) Ἀραβικὸν μυθολόγικον συντεθὲν παρὰ Δερβὺς Ἀμπουπέκηρ, ἐκ τῆς Ἰταλικῆς εἰς τὴν Γραικικὴν διάλεκτον μεταφρασθὲν καὶ μετὰ πλείστης ἐπιμελείας διορθωθέν. Венеція (ἐκ τῆς Ἑλληνικῆς τυπογραφίας Φρ. Ἀνδρεώλα), 1837, 3 тт.; первое изд. было въ 1762 г., второе въ 1815 г.; 2) Νέα Χαλιμᾶ ἤτοι Μυθολόγικον ἀραβικὸν и т. д., Вен. 1791, 4 тт. — Еврейскій жаргонный переводъ „Тойзенд ынд айне нахт“ изданъ еврейскими буквами въ Прагѣ, безъ обозначенія года (д. б., около 1850—1860).

Русскіе переводы дѣлались почти исключительно съ французскаго: 1) 1001 ночь, пер. съ ар. на фр. г. Галландомъ, а съ сего на россійскій—Алексѣемъ Филатовымъ, Москва, 1763—1771, 12 чч.; переизданія—М., 1776—1784 г., М., 1789, М., 1796, М., 1803; 2) Новыя арабскія сказки, перев. съ фр., Смоленскъ (типогр. Приказа Общ. Призрѣнія), 1796, 8 чч.; 3) Кузнецъ Базимъ (=Бāсим), араб. сказка, которую Шехеразада забыла разсказать Шахъ-Ріару (=Шяһріяру), Вѣстн. Европы, 1809, ч. 47, № 18, стр. 81—91; то же въ Журн. для чтенія воспит. военно-уч. завед., 1838, т. 15, № 57, стр. 21—30; 4) Мѣдный городъ, пер. съ араб. на нѣм. Гаммера, на русскій переведено съ франц., Московскій Телеграфъ, 1829, ч. 26, № 6, стр. 133—161; 5) 1001 ночь, 15 частей, СПБ. (въ типогр. III Отдѣл.), 1839—1843 [4]). То же, М., 1852 [5]); 6) Ста-

---

[1]) Рец. въ Academy, 1887, дек. 31, стр. 458 сл.; Saturday Review 1887, сент. 10, стр. 367 сл.; The Literary World Лонд.), 1888, марта 30, стр. 291; Athenaeum 1888, мая 12, стр. 594 сл.)

[2]) Рец. въ Athenaeum, 1895, февр. 23, стр. 247 сл. и Saturday Review 1895, LXXIX, стр. 322 сл.

[3]) Итальянскіе переводы, съ французскаго, начали издаваться еще въ прошломъ вѣкѣ, но я не знаю ихъ даты и упоминаю только то, что случайно попало мнѣ въ руки.

[4]) Рец. въ Библ. для чт., 1839, т. 33, стр. 4—5; Москов. Наблюд., 1839, ч. 2, стр. 85—86 (В. Бѣлинскаго); Современникъ, 1839, т. 14, стр. 48; Сѣверн. Пчела, 1839, № 38.

[5]) Рец. въ Отеч. Зап. 1852, т. 84, стр. 76 сл.

рыя бабуши Абу-Кассема, Сынъ Отеч. 1850, т. 3, кн. 5, стр. 44—48 (это сказка, собственно, не изъ 1001 ночи. См. ибнъ-Хожже: „Θамарâт-аλ-аwрâq“ на поляхъ каирскаго изд. „Мостатрафа“, 1308 г. Г., т. II, стр. 130 сл.): [1]) 7) 1001 ночь, по переводу Галланда, сокращ. А. Аѳанасьевымъ-Чужбинскимъ, 2-е изд., СПБ. (Вольфъ), 1883; 8) 1001 н., въ переводѣ Галлана и другихъ, съ предисл. и біографіей Галлана, съ прологомъ и эпилогомъ—А. Таращенко, М. (тип. Онегирева), 1886; 9) 1001 н., араб. сказки знаменитой Шехерезады, передѣлано и выбрано съ фр. пер. Галланда, М. (Сытинъ), 1887 [2]). 10) Изъ совершенно дѣтскихъ изданій отмѣчу только передѣлку А. Энгельгардта, обработ. для юношества, СПБ. (Девріенъ, тип. Акад. Н.), [3]); 11) 1001 н., новый полный (=по Галлану) переводъ Ю. В. Доппельмайеръ, со статьею „Сказки 1001 ночи въ переводѣ Галлана“ акад. А. Веселовскаго, Москва (Кушнеревъ), 1889—1890, 3 тт. Изъ нихъ послѣдній переводъ наиболѣе наученъ, насколько можно примѣнять мѣрило научности къ переводу антинаучной передѣлки Галлана, напрасно защищаемаго акад. Веселовскимъ.— Съ англійскаго Лэнова перевода (по изд. 1889 г.] сдѣланъ перев. Л. Шелгуновой, СПБ. 1894, въ 6 томикахъ, какъ приложеніе къ „Живописному Обозрѣнію“, съ историко-литер. предисл. В. Чуйко; не то редакція, не то переводчица, „вслѣдствіе болѣе строгихъ цензурныхъ условій“, выбросила нѣкоторые циклы сказокъ, признанные Лэномъ за приличные.—Съ арабскаго языка переведено на малорусскій А. Крымскимъ: 1) Дбай про конець діла (Дзвінок, 1891, № 19), 2) Казка про горбуна (Дзвінок, 1892, № 13—14), 3) Сліпці (тамъ же, 1892, № 17).

Что касается ученыхъ изслѣдованій, статей и замѣтокъ, относящихся къ исторіи всей 1001 ночи или ея отдѣльныхъ сюжетовъ, то для сокращенія мѣста я изъ старыхъ упомяну лишь немногія, а за то подробнѣе перечислю новѣйшія; въ нихъ читатель самъ легко найдетъ ссылки на предшествовавщую литературу предмета. Многія изслѣдованія или чрезвычайно полезныя сообщенія даны учеными издателями и переводчиками въ предисловіяхъ и комментаріяхъ къ ихъ трудамъ; такъ какъ заглавія ихъ трудовъ уже разъ приведены мною выше, то въ дальнѣйшемъ перечнѣ я, по отношенію къ такимъ изслѣдователямъ, ограничусь просто цитированіемъ ихъ имени, а для бо́льшей ясности прибавлю иногда „см.“ Полезными рудниками всякихъ ученыхъ свѣдѣній оказываются многіе описательные каталоги рукописей, но трудъ Цотенберга избавляетъ меня отъ необходимости включать ихъ въ свой ниже предлагаемый указатель.

R. Hole: Remarks on the arab. nights' entert., in which the origin of Sindbads voyages and other oriental fictions is particularly considered. Лонд. 1797.

L. Langlès.

Silv. de Sacy (см. выше)—1) въ Journal des Savants 1817, nov. (а на де-Саси основывается статья Chezy въ Hermes oder krit. Jahrb. der Liter., Band XXXIII, Heft 1); 2) Recherches sur l'origine du recueil de contes intitulé: Les 1001 Nuits, Пар. 1829, 14 стр.; 3) въ Mémoires de l'Académie des Inscriptions, X, 1843.

Jos. v. Hammer—см. выше. Также въ Journ. Asiatique, 1827 (указаніе на Мас'удія).

Schlegel—въ Journ. Asiat. 1836, іюнь, 575 (письмо къ С. де-Саси объ индійскомъ происхожденіи извѣстной части 1001 ночи).

H. O. Fleischer (см. выше): De glossis Habichtianis in quattuor priores tomos MI noctium. Dissertatio critica. Лейпц. 1836.

Loiseleur-Deslongchamps (см.): Essai historique sur les contes orientaux et sur les 1001 Nuits, Пар. (Desrez) 1838.

Gust. Weil.

Edw. Will. Lane (см.). Впослѣдствіи комментаріи Лэна составили особую книгу: Arabian

[1]) Кстати упомяну о прекрасной стихотворной передѣлкѣ—Ив. Франка: Абу-Каземові (=Касимові) капці, Львів 1885, видане Руського Товариства Педагогічного, 92 стр. in-16⁰ (Мой разборъ съ точки зрѣнія оріенталиста— въ „Зорі“ 1896, стр. 376 сл., 399 сл.). 2-ое изд.—Кіевъ 1900.

[2]) Рец. въ Женскомъ Образованіи, 1887, № 5, стр. 224; Русск. Мысль, 1886, № 12, стр. 370.

[3]) Рец. въ Женскомъ Образ., 1886, № 10, стр. 721 и Воспит. и Обуч., 1887, № 1, стр. 12—14 (Ив. Ф.).

Society in the middle ages, studies from the 1001 Nights, edited by St. Lane-Poole, Лонд. (Chatto and Windus) 1883, стр. XVI+283.

Thierry et Cherbonneau: Les 1001 N. inédites. Revue de l'orient, de l'Algerie et des colonies, 1859 (Пар.), т. IX.

D-r J. Perles: Rabbinische Agada's in 1001 Nacht, ein Beitrag zur Gesch. der Wanderung orientalischer Märchen. Въ Monatsschrift für Gesch. u. Wissensch. des Judenthums 1873, стр. 14—34, 61—85, 116-126. См. тамъ же статью Бахера, 332—336.

W. Bacher: 1) Der Miles Gloriosus des Plautus in 1001 Nacht. Zeitschr. d. Deutsch. Morg. Gesellsch., т. XXX (1876), стр. 141—143. Срв. Clouston (см.): Popular tales and fictions, II, 212—228 (The elopement).—2) Karl der Grosse und seine Tochter Emma in 1001 Nacht. Zeitsch. d. D. Morg. Ges., т. XXXIV (1880), ст. 610—616.

H. C. Coote: The sources of some of Galland's tales. Folk-Lore Record, т. III (1882), ч. 2.

Rich. Burton—см. выше; также см. Zotenberg.

Въ Edinburgh Review, 1886 (т. 164), іюль, стр. 166—199—статья: Arabian Nights, безъ подписи. Изслѣдованіе разныхъ переводовъ 1001 ночи.

W. F. Kirby (см.): The forbidden doors of the 1001 Nights. Folk-Lore Journal, т. V (1887), 2 стр. 112—124. Срв. Clouston: Pop. tales and fictions, I, 192 сл.

M. J. de-Goeje: 1) De arabische nachtvertellingen. De Gids 1886, сент., и отд. отт., Амст. 1886; 2) Thousand and one Nights. Encyclopaedia Britannica, т. XXIII (1888); 3) De reizen van Sindebaad. De Gids 1888, №8, стр. 278—313 (и отд. отт., Амст. 1889, 35 стр.). Рец. на де-Гуе (De reizen van Sindebaad) помѣстилъ Hein въ Mittheilungen der anthropolog. Gesellsch. in Wien, XX, 1—2, стр. 116.

Aug. Müller: 1) Zu den Märchen der 1001 Nacht, ein Sendschreiben an M. J. de-Goeje in Leiden. Bezzenberger's Beiträge, XIII (1886), стр. 222—244; 2) Die Märchen der 1001 Nacht, Deutsche Rundschau, 1887, іюль, стр. 77—96.

H. Zotenberg: 1) L'histoire de Gal'âd et Schimâs. Journal Asiat., 1886 (т. VIII, 7), стр. 97—123;—2) Communication relative au texte arabe de quelques contes de 1001 Nuits. Journ. Asiat. IX (1887), 2, стр. 300—303;—3) Histoire d' 'Alâ al-dîn ou la lampe merveilleuse, texte arabe publié avec une note sur quelques manuscrits des 1001 nuits, Парижъ (Imprimerie Nationale), 1888; это—извлеченіе изъ XXVIII тома Notices et Extraits. Работами Цотенберга вызваны статьи 1) R. Burton: The 1001 N., въ Academy 1887, янв. 22, стр. 60 сл.; 2) W. A. Clouston: The book of the 1001 N., Academy, 1886, февр. 5, стр. 94; срв. еще въ его Pop. tales and fictions 1887 статью: Aladdin's wonderful lamp, т. I, стр. 314—352, 470—482, независимую отъ Цотенберга; 3) Бертона—рец. на Аладдина, Academy, 1888, февр. 4, стр. 822; см. еще іюня 2, стр. 376; 4) Нельдеке—см. ниже; 5) Рене Бассе—см. ниже.

Th. Nöldeke: 1)Zu den ägyptischen Märchen, Zeitsch. d. Deutsch. Morg. Gesellsch., т. XLII (1888), стр. 68—72 (эта статья находится въ связи со статьей Масперо въ Journ. Asiat. 1885, 2);—2) Разборъ Цотенберга—въ Wiener Zeitschr. für die Kunde des Morgenlandes, II (1888), 2, стр. 168—173; 3) Ueber die Texte des Buches von den zehn Veziren, besonders über eine alte persische Recension desselben.—Zeitschr. d. Deutsch. Morg. Gesellsch., XLV (1891), стр. 97—143 [1])

J. Gildemeister: Ein Baustein zur Geschichte der 1001 Nacht. Festgruss an Otto Böhtlingk, Штуттг. 1888, стр. 34—35.

О. А. Сальхани.

Albr. Weber: Ueber die Samyaktvakaumudî, eine eventualiter (что сомнительно) mit 1001 Nach auf gleiche Quelle zurückgehende indische Erzählung—въ Sitzungsberichte der preuss. Akademit

---

[1]) Сказка о десяти визиряхъ есть одинъ изъ видовъ знаменитой, всемірной сказки о семи визиряхъ, или семи мудрецахъ, которая была предметомъ множества научныхъ изслѣдованій,—больше, чѣмъ самая 1001 ночь. Не считая возможнымъ приводить здѣсь ея литературу, отсылаю читателя къ своимъ дополненіямъ въ „Народніх казках та вигадках“ Клоустона (стр. 16, 17, 18, 150—151) и къ своей статьѣ „Синдибадова книга“, которая появится въ ближайшемъ полутомѣ Энциклопедическаго словаря Брокгауза и Эфрона.

der Wissensch. zu Berlin, т. XXXVIII, 1889, стр. 731—759. Рец. С. Ольденбурга—см. ниже.

H. de Nimal: Un conte authentique des 1001 Nuits. Nouvelle Revue, т. 70 (1891), 3, стр. 584—586.

A. Certeux: La galette de pain,—conte des 1001 nuits. Revue des traditions populaires, т. VI (1891), 3, стр. 152 сл.; 5, стр. 294.

W. Aldis Wright: Aladdin and the enchanted lamp. Athenaeum, 1892, іюля 16, стр. 96 (по поводу Пэйнова перевода 1889). Тамъ же см. W. F. Kirby, стр. 130.

J. Oestrup (см.): Studier over Tusind og en Nat. Копенгагенъ (Gyldendal), 1891; 164 стр.

René Basset: 1) Contes arabes. Histoire des dix vizirs traduite et annotée, Парижъ, 1883;—2) Contes arabes et orientaux. II. Histoire d'Alâ al-din de M. Zotenberg. Revue des trad. populaires, т. III (1888). 11, стр. 561—571;—3) Fragments de chansons populaires dans les 1001 Nuits. Revue des trad. pop., т. VIII (1893), стр. 445—447;—4) Un manuscrit des 1001 Nuits. Journal Asiatique 1895, т. VI, стр. 407 сл. (по статьѣ бар. Гинцбурга); возраженія сдѣлалъ Mark Lidzbarsky: Eine angeblich neuentdeckte Recension von 1001 Nacht, въ Zeitschr. d. Deutsch. Morg. Gesellsch., т. L (1896), стр. 152;—5) Notes sur les 1001 Nuits. Revue des traditions populaires, т. IX (1894), стр. 377—380; т. XI (1896), стр. 146—187; т. XII (1897), стр. 146—152.

Въ арабскомъ журналѣ „аλ-һиλâλ," т. III, 1894, стр. 107, былъ сдѣланъ запросъ Хыкметъ-бекомъ Шарифомъ, что такое 1001 ночь, и былъ данъ самый общій отвѣтъ (по какой-то, очевидно, англійской книгѣ) редакціей. Въ томъ же томѣ журнала (1895, стр. 852—854) мало удовлетворенный отвѣтомъ редакціи, Хыкметъ-Шарифъ сообщилъ читателямъ цитату изъ Qальюбія (ум. въ 1688 г.), не подозрѣвая, что она является только слегка подправленною передѣлкою сообщенія „Фиһриста", и перепечаталъ сравнительно длинную статью изъ неоконченной арабской энциклопедіи: „Даֹирет-аλ-маʿâриф" аль-Бистâнія (ум. въ 1884 г. [1]),—статью, которая больше всего наполнена прюдными размышленіями о безнравственности 1001 ночи (въ этомъ отношеніи о. Сальхани, оставшійся Хыкметъ-Шарифу неизвѣстнымъ, несравненно сдержаннѣе), а толковыхъ свѣдѣній объ исторіи сборника не даетъ. По прежнему еще неудовлетворенный всѣмъ этимъ, Хыкметъ-Шарифъ обѣщаетъ два турецкихъ червонца тому, кто дастъ ему вразумительныя и доказательныя сообщенія о составителѣ 1001 ночи, равно какъ времени и мѣстѣ ея составленія.

H. Lammens: Карлъ Великій въ 1001 ночи,—по-арабски, въ журналѣ «аль-Машриq» 1898, стр. 744 сл.

Vict. Chauvin: 1) Pacolet et les 1001 Nuits (по поводу сказки о волшебномъ конѣ,—срв. Габихтъ, III, 326—367). Wallonia, recueil mensuel de folk-lore (Льежъ), 1898, янв.—февр., стр. 5—19;—2) La récension égyptienne des 1001 Nuits, Брюссель, 1899; о ней подробно у А. Горстера, стр. 230;—3) Homère et les 1001 Nuits, Лувэнъ, 1899, оттискъ въ 4 стр.

На русскомъ языкѣ литература о 1001 ночи очень небогата, поэтому библіографу приходится упоминать даже то, что въ научномъ отношеніи слабо или устарѣло:

1) О новой книгѣ, подъ названіемъ „Странствованіе мореплавателя Синдбада", съ присовокупленіемъ поэмы Омара бенъ-Фареда. Сынъ Отечества, 1820, ч. 66, № 48 (стр. 61—71) и № 50 (стр. 182—190).
2) Объ арабскихъ сказкахъ. Перев. А. Н.—Сынъ Отечества, 1823, ч. 88, № 40, стр. 305—317.
3) Древній русскій переводъ арабской сказки. Московскій Телеграфъ, 1825, ч. 3, № 11, стр. 227—235.
4) Тысяча и одна ночь. Статья Г. С.—Азіатскій Вѣстникъ, 1827, кн. 4, стр. 207—224.
5) О сказкахъ Тысячи и одной ночи.—СПБ. Вѣдомости, 1829, № 21.
6) Тысяча и одна ночь.—С.-ПБ-скія Вѣдомости, 1835, № 162.

[1]) Біографію Бутроса аль-Бистâнія см. въ „аλ-һиλâλ", т. IV, 1896, стр. 361 сл. Библіографическій перечень—въ „Иктифâ' аλ-qануʿ" Фандейка, Каиръ 1896—1898, стр. 410. На русскомъ языкѣ нѣкоторыя свѣдѣнія о немъ (впрочемъ, или сбивчивыя, или ошибочныя) можно найти въ небольшой статьѣ Г. Муркоса: „Новѣйшая литература арабовъ", помѣщенной у Корша—Кирпичникова, т. II, стр. 374—380.

7) А. Н. Пыпинъ: Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ.— Ученыя Записки Второго Отдѣленія Имп. Акад. Наукъ, кн. IV, 1858, отд. II. Замѣчанія о 1001 ночи разсыпаны passim между стр. 63—95, по поводу сказанія объ Акирѣ; авторъ раздѣляетъ мнѣніе С. де-Саси. (Вообще всякій, кто пишетъ объ Акирѣ, начиная съ Карамзина, принужденъ сказать два-три бѣглыхъ слова объ арабской 1001 ночи, но только у А. Н. Пыпина вопросъ о ней затронутъ съ нѣкоторой обстоятельностью).

8) В. Гиргасъ. Очеркъ арабской литературы, литограф. въ СПБ. въ началѣ 70-хъ годовъ [1]), стр. 106—108. Въ общемъ выходитъ только 52 рукописныхъ строки; но въ нихъ изложено важное сообщеніе Фихриста и констатировано египетское редактированіе ок. XIV вѣка.

9) С. Ольденбургъ: Рецензія на Ueber die Samyaktvakaumudî, Вебера. Зап. Вост. Отдѣл. Имп. Русск. Арх. Общ., т. IV (1889), стр. 458—464. См. особенно стр. 462—о несвоевременности попытокъ искать теперь же индійскій оригиналъ рамки 1001-ой ночи.

10) Бар. Д. Гинцбургъ: Объ одной неизслѣдованной рукописи 1001-ой ночи. Зап. Вост. Отд., т. V (1890), стр. 57—78. О рукописи его отца, отличной отъ т. н. египетскаго сказа.

Онъ же: Рукопись 1001 ночи въ Барселонѣ. Зап. Вост. Отд., т. VIII (1893), стр. 148. Описываемая рукопись принадлежитъ къ дополненіямъ христіанскаго типа, въ родѣ изданныхъ о. Сальхани. См. выше—Рене Бассе и Лидзбарскій.

11) Акад. А. Веселовскій: Сказки Тысячи одной ночи въ переводѣ Галлана.—Предисловіе къ переводу Доппельмайера, т. II., М., 1890. Стр. XIV—XVI посвящена бѣглой исторіи 1001 ночи; остальное (стр. I—XIII, XVII—XXVIII)—защита Галланова перевода и фольклорныя сближенія нѣсколькихъ бродячихъ сказочныхъ мотивовъ.

12) В. Чуйко. Очеркъ литературной исторіи арабскихъ сказаній.—Предисловіе къ переводу Л. Шелгуновой (прилож. къ „Живописн. Обозрѣнію", 1894), т. I, стр. III—XXXI.—Статья даетъ гораздо меньше, чѣмъ обѣщаетъ ея заглавіе; въ сущности, она является слегка дополненнымъ воспроизведеніемъ, а иногда эксцерптомъ статьи акад. Веселовскаго, но со множествомъ опечатокъ въ датахъ и въ собственныхъ именахъ.

13) А Горстеръ съ послѣсловіемъ А. Крымскаго—нынѣшняя статья.

А. Крымскій.

---

[1]) Экземпляръ этого рѣдкаго изданія, имѣющійся въ библіотекѣ Лазаревскаго Института, лишенъ заголовнаго листка, гдѣ былъ, конечно, указанъ годъ литографированія.—Для полноты библіографическаго обзора упомяну здѣсь объ единственной на русскомъ языкѣ печатной исторіи арабской литературы—Н. Н. Холмогорова. „Тысячѣ одной ночи" Холмогоровъ на 363-й страницѣ своей книги посвятилъ нѣсколько строкъ—ненаучныхъ, поверхностныхъ и архинаивныхъ, какъ и весь его „Очеркъ исторіи араб. литер." (нашедшій себѣ, къ сожалѣнію, мѣсто въ серіи Корша-Кирпичникова, т. II, стр. 269—373). Болѣе основательнымъ, но столь же краткимъ, а теперь уже и устарѣлымъ является то немногое, что произнесъ въ своей актовой рѣчи проф. П. Петровъ: „Объ арабскомъ языкѣ и литературѣ", М, 1862, стр. 22.

О РѢЧАХЪ,

приписываемыхъ халифу Али.

(По рукописи начала XVIII столѣтія) *).

I.

Не касаясь вопроса о подлинности рѣчей халифа Али и времени происхожденія ихъ нынѣшней редакціи мы ограничимся въ настоящемъ случаѣ обзоромъ содержанія этихъ рѣчей.

Извѣстныя подъ именемъ Али рѣчи по своему содержанію довольно разнообразны. Однѣ изъ нихъ содержатъ въ себѣ образъ міросозерцанія Али, его воззрѣніе на божество и отношеніе его къ міру и человѣку, другія — его религіозно-нравственныя воззрѣнія, третьи имѣютъ частный интересъ и касаются его личныхъ отношеній или къ своимъ противникамъ, или къ нѣкоторымъ изъ жителей подвластныхъ ему провинцій и къ ближайшимъ его приверженцамъ, либо къ дружинѣ. Рѣчи, касающіяся его противниковъ, имѣютъ характеръ по преимуществу апологетическій; въ нихъ онъ частію излагаетъ свои права на халифатъ, и частію высказываетъ свои оправданія противъ взводимыхъ на него обвиненій. Рѣчи же, относящіяся къ жителямъ подвластныхъ ему провинцій, имѣютъ характеръ по преимуществу обличительный или увѣщательный; въ нихъ онъ высказываетъ свое негодованіе на поведеніе этихъ жителей и неискреннее отношеніе къ нему и къ исламу, приглашая ихъ въ то же время къ прямодушному слѣдованію по правому пути. Что же касается рѣчей, обращенныхъ къ его ближайшимъ послѣдователямъ и особенно къ его войску, то авторъ въ нихъ, то поощряетъ ихъ къ храбрости въ борьбѣ съ врагами и къ военнымъ подвигамъ, то упрекаетъ ихъ въ трусости и малодушіи, высказывая противъ нихъ сильное неудовольствіе. Слогъ этихъ рѣчей нѣсколько тяжелъ и такъ своеобразенъ, что буквальный переводъ многихъ мѣстъ представляется весьма труднымъ, почти невозможнымъ; выраженія иногда необыкновенно лаконическія, иногда отличаются обиліемъ метафоръ и сравненій, взятыхъ по преимуществу и даже исключительно изъ обыденной жизни древнихъ арабовъ.

---

*) Али, какъ извѣстно, былъ сынъ Абу-Талиба, дяди Мухаммеда, и женатъ на его дочери Фатимѣ. Послѣ убіенія Османа, въ 655 г., онъ былъ избранъ четвертымъ халифомъ, наперекоръ другому претенденту—Моавіи, вслѣдствіе чего возникли большіе безпорядки среди мусульманской общины, продолжавшіеся во все время его короткаго правленія, и, наконецъ, онъ былъ убитъ Абдуррахманомъ. Подробности его кончины и самый годъ ея (659—661) передаются различно, и мѣсто его погребенія въ точности неизвѣстно. Онъ былъ горячимъ защитникомъ правовѣрной религіи, и хотя подлинность его „рѣчей“ сильно заподозрѣна наукой, но несомнѣнно, кто бы ни былъ ихъ авторъ, онѣ имѣли большое вліяніе на весь мусульманскій міръ.

По сравненіи вышеупомянутой, принадлежащей мнѣ, рукописи съ изданнымъ въ 1885 г. въ Берутѣ Сборникомъ рѣчей Али, оказалось, что моя рукопись мѣстами значительно отличается отъ берутскаго изданія и во многомъ его превосходитъ; между прочимъ, и комментарій къ ней полнѣе.

Въ догматически-богословскихъ рѣчахъ своихъ авторъ является первымъ ***какъ бы*** систематизаторомъ, въ своемъ родѣ осмыслителемъ мусульманскихъ представленій о Богѣ и отношеніяхъ Его къ міру и человѣку. Въ Коранѣ, кромѣ отрывочныхъ, часто повторяемыхъ фразъ о Богѣ великомъ, милосердомъ и всемогущемъ, и о сотвореніи Имъ міра и человѣка, мы ничего не видимъ; въ приписываемыхъ Али сочиненіяхъ, напротивъ, замѣтна ***попытка*** дать болѣе или менѣе точное представленіе о божествѣ, по возможности, осмыслить и выяснить это представленіе. О міротвореніи и промышленіи въ рѣчахъ Али говорится, хотя въ существѣ дѣла не болѣе, чѣмъ въ Коранѣ, однако же съ бо́льшею стройностью и послѣдовательностью.

Итакъ, что такое божество? Какое мы должны имѣть о немъ представленіе?

Бога, разсуждаетъ авторъ, нельзя ни опредѣлять, ни описывать. Онъ непостижимъ, неопредѣлимъ и неописуемъ; нельзя приписать Ему никакого свойства, ибо къ Нему непримѣнимо никакое свойство. Истинно религіозный человѣкъ, или правовѣрный, долженъ представлять Бога отрѣшеннымъ отъ всякаго аттрибута или свойства, отъ всякой примѣтной черты. Свойство или аттрибутъ, примѣтная черта (ṣыфатун)—это нѣчто такое, что́ мыслится отдѣльно отъ того, къ чему оно прилагается, а это послѣднее есть нѣчто отдѣльное отъ прилагаемыхъ къ нему свойствъ (λи·шаhа̄дати куλλи ṣыфатин'аннаhа гаjру-λ-маwс̣ӯфи wа шаhа̄дати куλλи маwс̣ӯфин 'аннаhу гаjрус-ṣыфати). Стало быть, примѣнять къ Богу какія-либо свойства, значило бы поставить къ нимъ нѣчто, а это въ свою очередь значило бы раздвоять божество, а слѣдовательно отступать отъ единобожія. Далѣе, нельзя сказать, гдѣ и въ чемъ и надъ чѣмъ Богъ существуетъ, продолжаетъ авторъ, ибо это тоже значитъ—ограничить Его, а Богъ существуетъ внѣ всякихъ предѣловъ, внѣ всякаго пространства и внѣ всякаго времени. Онъ существуетъ и во всемъ и отдѣльно отъ всего. Онъ, и только Онъ, существуетъ не случайно, а самобытно. Словомъ, Онъ есть самосущій (ка̄'инун λа̄ 'ан hадаѳин маwжӯдун λа̄ 'ан 'адамин). Когда говорится, что Богъ дѣйствуетъ, то Его дѣйствіе нельзя разумѣть въ смыслѣ движенія; въ дѣйствіяхъ божества движеніе немыслимо. Это существо единичное (мутаwаḥḥидун), которому ничье присутствіе, говоря словами Автора, не можетъ доставлять прибыли, и ничье отсутствіе не можетъ причинить убыли [1]).

Теперь спрашивается: какимъ образомъ это недостижимое, безграничное, единое и самобытное существо можетъ быть познаваемо людьми?

На этотъ вопросъ авторъ даетъ такой же отвѣтъ, какой находится и въ Новомъ Завѣтѣ. Хотя Бога нельзя видѣть, хотя Онъ сокрытъ отъ взоровъ человѣческихъ, тѣмъ не менѣе нельзя не вѣрить въ Него, ибо всѣ видимыя явленія, весь этотъ видимый міръ самымъ убѣдительнымъ образомъ доказываютъ Его существованіе и свидѣтельствуютъ о Немъ, какъ о собственномъ своемъ Творцѣ; такъ что вѣрующее въ Бога сердце не можетъ не видѣть Его, говоритъ авторъ, и не видящее Его око не можетъ не вѣровать въ Него [2]).

Наконецъ, для полной характеристики приписываемыхъ Али воззрѣній на божество считаемъ не лишнимъ привести слѣдующій отрывокъ изъ рѣчи, которая цѣликомъ до насъ не дошла:

„(Въ Богѣ) нѣтъ преемственности состояній такъ, чтобы Онъ былъ первымъ, не будучи послѣднимъ, или внѣшнимъ, не будучи внутреннимъ. Кромѣ Его единства, всякое другое единство есть малость. Передъ Нимъ всякій низокъ, сильный—слабъ, владѣющій—обладаемъ, знающій—поучаемъ, могущественный — безсиленъ, слушающій — глухъ, видящій—слѣпъ. Онъ сотворилъ тварей не въ видахъ укрѣпленія своей власти, или опасенія отъ дѣйствія времени, или въ видахъ помощи противъ противниковъ, противъ подобнаго или противоположнаго Себѣ. Нѣтъ! всѣ твари подъ господствомъ Его и рабы для служенія Ему. Онъ не пребываетъ въ твореніяхъ такъ, чтобы можно было сказать, что Онъ въ нихъ существуетъ, и не отдѣляется отъ нихъ такъ, чтобы

---

1) Все это извлечено изъ одной только рѣчи, именно той, которая занимаетъ первое мѣсто въ сборникѣ рѣчей. Въ другой рѣчи онъ употребляетъ о Богѣ слѣдующее выраженіе, которое должно быть признано, по нашему, классическимъ выраженіемъ, а именно: „Богъ такъ превзошелъ все высотою, что нѣтъ ничего выше Его, и такъ превзошелъ все близостью, что нѣтъ ничего ближе Его. Но ни Его высокость не удаляетъ Его отъ своихъ тварей, ни Его близость не совмѣщаетъ ихъ съ Нимъ въ одномъ мѣстѣ“.

2) Въ этомъ смыслѣ говоритъ и апостолъ Павелъ. См. Посланіе къ Римлянамъ, глава I, ст. 20.

можно было сказать, что Онъ далекъ отъ нихъ. Сотвореніе и устроеніе вещей не усилило и не ослабило Его. Сомнѣніе чуждо Ему въ Его предопредѣленіяхъ. Его судъ неумолимъ, Его знаніе совершенно и повелѣніе — неотмѣнимо! Онъ милостивъ при всѣхъ своихъ наказаніяхъ и страшенъ при всѣхъ благодѣяніяхъ".

Вотъ вся сущность разсужденій автора о божествѣ и его самодѣятельности. Около этихъ положеній автора вращаются и донынѣ всѣ подобнаго рода разсужденія послѣдующей мусульманской теологіи [1]).

Теперь спрашивается: какимъ же образомъ произошелъ міръ?

Міръ сотворенъ, конечно, Богомъ, но когда говорится, что Богъ сотворилъ міръ, то при этомъ нужно отрѣшиться отъ всякаго человѣкообразнаго представленія о дѣятельности божества при сотвореніи міра; не нужно предполагать, что Богъ задумалъ какой-нибудь планъ міротворенія, или что Онъ сдѣлалъ рядъ опытовъ для осуществленія своего намѣренія, какъ обыкновенно дѣлаютъ ограниченныя существа для осуществленія задуманныхъ ими плановъ. Богъ сотворилъ міръ, говоритъ авторъ, безъ размышленія, безъ опытовъ, безъ движенія и безъ душевныхъ волненій. Чтó прежде всего было сотворено Богомъ, авторъ не говоритъ; только то вѣрно, что міръ сотворенъ былъ не разомъ, и что каждая изъ тварей, или каждый классъ творенія былъ созданъ въ свое время. Любопытенъ взглядъ автора на сотвореніе неба, или лучше, съ его точки зрѣнія,—небесъ и ангеловъ небесныхъ. Богъ повелѣлъ—и воздухъ, прежде сжатый (сшитый), разорвался, и туда, по повелѣнію Бога, сильнымъ потокомъ протекла вода; послѣ этого сильнѣйшій вѣтеръ пріостановилъ теченіе воды и занялъ среднее мѣсто между водою, которая очутилась надъ нимъ, и воздухомъ, который остался подъ нимъ. Послѣ этого вода была опять взволнована вѣтромъ, поднялась вверхъ, и изъ нея Богъ сотворилъ семь небесъ, нижнюю сторону которыхъ составляютъ обузданныя волны, а верхнюю—толстый и твердый сводъ. Онъ сотворилъ ихъ, такимъ образомъ, безъ столбовъ и безъ стѣнъ. Затѣмъ, Богъ украсилъ небеса звѣздами, солнцемъ и луною, которыя постоянно и двигаются вмѣстѣ со сводомъ небеснымъ [2]). На самомъ высшемъ небѣ Богъ сотворилъ ангеловъ, которые неустанно молятся и прославляютъ величіе Творца [3]). Кромѣ ангеловъ, постоянно славящихъ величіе Творца, есть ангелы—повѣренные Его откровенія, безпрекословные исполнители Его повелѣній; есть ангелы-хранители его почитателей и стерегущіе двери Его рая; наконецъ, есть и такіе, которые ногами стоятъ на землѣ, шеей проникаютъ сквозь небеса, руки простираютъ во всѣ концы вселенной, а плечами держатъ престолъ Божій, ниже котораго они покрыты крыльями и подъ который обращены ихъ взоры.

Какимъ образомъ была сотворена земля, авторъ не объясняетъ, подобно тому, какъ не объясняетъ и происхожденія воды, воздуха и вѣтровъ, изъ которыхъ, какъ мы видѣли, Богъ образовалъ небеса [4]).

---

[1]) Особенно это нужно сказать о тѣхъ мусульманскихъ богословахъ, которые извѣстны подъ именемъ 'аλ-умтазиλат (см. только что появившуюся объ этой сектѣ магистерскую диссертацію П. К. Жузе: Му'тазилиты. Догматико-историческое изслѣдованіе въ области ислама. Миссіонерскій противомусульманскій сборникъ. Выпускъ XXII. Казань, 1899 г.) и которые, главнымъ образомъ, отвергаютъ всякое свойство въ Богѣ, въ противоположность другой школѣ, которая допускаетъ примѣненіе къ Нему свойствъ „для большей доступности уму", какъ говорятъ мусульмане.

[2]) Мысль, что небо двигается, была господствующею въ то время и между христіанами. Она встрѣчается и у святаго Іоанна Дамаскина въ Точномъ изложеніи православной вѣры.

[3]) Одни изъ этихъ ангеловъ молятся безъ колѣнопреклоненія, другіе—постоянно съ колѣнопреклоненіемъ и третьи молятся, стоя въ одинъ рядъ, не шевелясь и не двигаясь.

[4]) Въ мусульманскихъ легендахъ говорится, что когда Богъ восхотѣлъ сотворить небо, то создалъ зеленую сущность и, растворивъ ее, превратилъ въ мутную воду, изводящую дымъ и паръ, которые, поднявшись высоко, образовали собою небо. Это-то небо Богъ и раздѣлилъ на семь небесъ. По выдѣленіи изъ мутной воды дыма и пара, Богъ сотворилъ изъ нея Меккскую землю и потомъ, расширивъ ее до объема всей земной поверхности, раздѣлилъ на семь полосъ, или климатовъ. Каждое небо отстоитъ отъ другого на 500 лѣтъ пути. То же разстояніе имѣется и между каждою изъ земель, а также и между нашею землею и этимъ видимымъ небомъ. На чемъ же стоитъ земля? На плечахъ ангела-великана, который стоитъ на посланной изъ рая коровѣ, имѣющей 40.000 роговъ, столько же ногъ переднихъ и заднихъ, и стоящей, въ свою очередь, на твердомъ и величайшемъ камнѣ, носимомъ китомъ морскимъ. Очевидно, что въ этихъ преданіяхъ отражается вліяніе древнихъ индійскихъ вѣрованій.

Разсказъ о сотвореніи человѣка и его грѣхопаденіи, а также о паденіи ангеловъ, похожъ на библейскій, но у автора, точно такъ же, какъ и въ Коранѣ, говорится еще о раскаяніи человѣка, чего въ Библіи нѣтъ.

Послѣ сотворенія небесъ и ангеловъ, Богъ взялъ горсть земли, намочилъ ее водою и изъ нея сотворилъ расчлененный образъ; затѣмъ Онъ вдунулъ въ этотъ образъ Свой духъ—и вышелъ человѣкъ, съ духовными способностями—различать добро отъ зла, и съ чувственнымъ организмомъ, совмѣщающимъ въ себѣ влажное и сухое, теплое и холодное, а также и способнымъ ощущать удовольствіе и неудовольствіе. Сотворивъ такимъ образомъ человѣка, Богъ поручилъ его ангеламъ и повелѣлъ имъ поклониться ему; всѣ ангелы повиновались, кромѣ одного *иблиса*, т. е. діавола, который ослушался. Послѣ этого Богъ поселилъ человѣка въ небесномъ раю блаженства и предостерегъ его отъ діавола; но діаволъ успѣлъ таки соблазнить Адама, который и согрѣшилъ. Когда Адамъ покаялся, то Богъ, хотя и принялъ его покаяніе, однакожъ, вывелъ его изъ рая и поселилъ на землѣ, гдѣ родъ его и сталъ умножаться.

Послѣ этого нужно было, чтобы родъ человѣческій пребывалъ въ повиновеніи Богу. Вотъ почему къ каждому поколѣнію людей и посылались отъ Бога пророки, которые вразумляли людей, наставляли ихъ и оставляли имъ свои писанія и предписанія. Рядъ этихъ пророковъ заканчивается Мухаммедомъ, который и наставилъ заблудшихся на путь истины, оставивъ Коранъ, содержащій въ себѣ все, что́ необходимо для вразумленія людей и для мусульманскаго душеспасенія.

Во всемъ этомъ разсказѣ вліяніе библейскихъ воззрѣній на коранскія очевидно. Надо еще замѣтить, что и мнѣніе о существованіи семи небесъ далеко не есть плодъ арабской фантазіи. Въ первую эпоху появленія магометанства оно было ходячимъ мнѣніемъ у различныхъ сектъ христіанскихъ. Поводомъ къ нему служили отчасти слова апостола Павла о томъ, что онъ былъ восхищенъ до третьяго неба[1]), а частію и то обстоятельство, что слово *небо* на еврейскомъ языкѣ обыкновенно употребляется во множественномъ числѣ (шамаим).

II.

Для насъ болѣе интересны приписываемыя Али религіозно-нравственныя рѣчи, какъ потому, что въ нихъ по преимуществу отражается нравственная физіономія этого халифа, такъ и потому, что высказанныя въ нихъ воззрѣнія имѣли огромное вліяніе на мусульманство. Характеръ этихъ рѣчей по преимуществу аскетическій; презрѣніе къ этому міру и ко внѣшнимъ благамъ и удовольствіямъ здѣшней жизни ради будущей, а равно преданность и повиновеніе Богу, выдаются въ нихъ на первомъ планѣ. Все мірское есть ничтожество, ложь и обманъ; міръ—это ходячій обманъ, это—свѣтъ исчезающій, это—тѣнь скоропреходящая, а потому увлекаться имъ и безразсудно, и предосудительно. Мусульманскій мудрецъ, по мнѣнію автора, долженъ стоять выше всего мимолетнаго и скоропреходящаго; онъ долженъ быть постоянно проникнутъ чувствомъ глубокой преданности и благодарности къ Аллаху. Въ частности авторъ запрещаетъ правовѣрнымъ повиновеніе страстямъ, лжи, ненависти, зависти, лицемѣрію и требуетъ правдивости, любви къ своему племени и своимъ соратникамъ, искренности, покорности Богу и Его Пророку и проч. „Бойтеся Бога, о почитатели Бога!—восклицаетъ онъ въ одной изъ своихъ рѣчей. Не напрасно и не безцѣльно Онъ васъ создалъ, Онъ васъ не оставитъ въ слѣпотѣ и невѣжествѣ... Вѣдь послалъ же Онъ Свое писаніе для вашего руководства и послалъ вамъ Пророка, который жилъ среди васъ до тѣхъ поръ, пока не кончилось писаніе (Коранъ), ниспосланное ему и вамъ. Въ этомъ писаніи показано все, что́ Ему благоугодно, и все, что́ Ему противно... Въ прошедшемъ Онъ простилъ, но въ будущемъ предостерегаетъ угрозами и жестокими муками. О, почитатели Бога! чѣмъ больше кто повинуется Богу, тѣмъ больше тотъ доброжелателенъ въ отношеніи къ себѣ самому, и, наоборотъ, чѣмъ больше кто не повинуется Ему, тѣмъ больше тотъ недоброжелателенъ

[1]) См. 2 Посланіе къ Коринѳянамъ, гл. XII, ст. 2.

къ себѣ; безразсуденъ тотъ, кто себя обольщаетъ; блаженъ, кто безпорочно хранитъ свою религію; счастливъ, кто назидается примѣрами другихъ, и несчастливъ тотъ, кто обольщается своими страстями и заблужденіями. Знайте, что лицемѣріе есть нечестіе, и что бесѣда съ людьми, преданными страстямъ, отвлекаетъ отъ религіи и приближаетъ къ діаволу. Избѣгайте лжи, ибо она удаляетъ отъ вѣры; правдивому—честь и спасеніе, лжецу—униженіе и погибель! Не завидуйте, ибо зависть съѣдаетъ вѣру подобно тому, какъ огонь съѣдаетъ дрова; не питайте ненависти, ибо ненависть пагубна; знайте, что надежда (на долговременную жизнь) развлекаетъ умъ и заставляетъ забыть (о Богѣ). Отвергайте ее—она обманчива, и привязанный къ ней будетъ обмануть. Да не отвращается никто отъ родственниковъ и да помогаетъ имъ въ бѣдности тѣмъ, что не доставило бы ему убыли. Кто сожметъ свою руку отъ скупости къ своимъ соплеменникамъ, тотъ лишитъ себя помощи многихъ рукъ, а кто поможетъ своимъ, тотъ будетъ всѣми любимъ".

Вотъ еще нѣкоторыя сужденія автора о здѣшнемъ мірѣ. Міръ снаружи чистъ, но внутри грязенъ; видъ имѣетъ онъ красивый, но послѣдствія гибельныя; онъ похожъ на избалованнаго верблюда, который, скача ногами и неудержимо бѣгая, бросаетъ сидящаго на немъ и наноситъ ему смертельныя раны. Это—вонючая вода (ма̄'ун а̄жинун); это — кусочекъ, которымъ давятся (лукматун јагуссу биhа̄'а̄килуhа). Для автора міръ, какъ онъ говоритъ, равняется козлиному вѣтру (ʿафтату ʿанзин). Этотъ суровый взглядъ на здѣшній міръ есть, конечно, плодъ религіозно-мистическаго настроенія автора, всецѣло поглощеннаго мыслію о Богѣ и о страшномъ судѣ, смущеннаго явнымъ нарушеніемъ завѣтовъ Мухаммеда его современниками и ихъ неискреннимъ отношеніемъ къ исламу,—настроенія, иногда доходящаго почти до полнаго забвенія міра дѣйствительности.

Впрочемъ, авторъ объ этомъ мірѣ разсуждаетъ иногда нѣсколько иначе. Напримѣръ, въ одной изъ рѣчей, приведенныхъ у Масъуди[1]), онъ говоритъ: „Міръ есть безопасное убѣжище для тѣхъ, которые благочестиво имъ пользуются, здоровое жилище для тѣхъ, кои его понимаютъ, и сокровище для тѣхъ, кто умѣетъ пользоваться его благами. Земля (или здѣшній міръ) — это храмъ пророковъ, ораторія ангеловъ, мѣсто откровенія Божія; это — промышленное мѣсто для святыхъ, собирающихъ сокровища милосердія и блаженства. Зачѣмъ осуждать этотъ міръ, когда онъ самъ говоритъ намъ о своей скоротечности и измѣняемости? Онъ оплакиваетъ и себя, и своихъ жителей; своимъ примѣромъ онъ учитъ насъ переносить страданія; его радости кончаются слезами, печаль—вотъ его необходимая развязка. Все это должно укрѣплять нашу душу, предостерегая, устрашая и возбуждая ее къ добру. Одни его осуждаютъ послѣ сокрушенія, другіе хвалятъ по полученіи вознагражденія... О, ты, который осуждаешь міръ и въ то же время преклоняешься предъ его обманчивостью! когда же ты видѣлъ міръ постояннымъ? Когда онъ тебѣ ручался за себя? Не тогда ли, когда онъ тебѣ представлялъ зрѣлище твоихъ отцовъ, погруженныхъ въ несчастія, твоихъ матерей, покрытыхъ землею? Сколько разъ собственными руками ты ихъ возилъ больными, желая ихъ исцѣленія, и спрашивалъ врачей о лѣкарствахъ? И напрасно ты просилъ ихъ помощи,—всѣ пособія искусства, всѣ твои заботы безполезны. Твои желанія не возвратили имъ жизни. Итакъ, воспользуйся примѣромъ, который міръ тебѣ показываетъ. И ты, подобно имъ, подвергнешься той же участи. Въ тотъ день не помогутъ тебѣ ни слезы, ни привязанность друзей".

Очевидно, что здѣсь разсужденія автора о мірѣ различны отъ вышеприведенныхъ и даже противоположны имъ; но тѣмъ не менѣе мысль о скоротечности міра и о томъ, что не должно питать къ нему привязанности и не должно полагаться на него,—эта мысль и здѣсь вполнѣ выдержана.

Считаемъ еще нужнымъ привести и взглядъ автора на внѣшнія блага. Этотъ болѣе интересный взглядъ высказанъ въ слѣдующемъ отрывкѣ изъ его рѣчи: „Жизненныя блага ('аλ-'амру) низводятся съ неба такъ, какъ дождь ниспосылается на землю, низводятся на каждаго чело-

[1]) Стр. 442.

вѣка въ такомъ количествѣ, въ какомъ суждено Богомъ,—одному въ большемъ, другому—въ меньшемъ. Поэтому, если кто изъ васъ увидитъ у своего брата избытокъ въ имуществѣ, въ друзьяхъ и дѣтяхъ, то пусть этимъ не соблазняется. Правовѣренъ тотъ, кто не преклоняется предъ маловажными предметами, которыми обыкновенно увлекаются низкіе люди... Имущества, дѣти и друзья суть блага этого міра, а добрыя дѣла суть блага будущей жизни. Но Богъ иногда удостоиваетъ избранныхъ и тѣхъ и другихъ благъ".

Будучи строгимъ мусульманиномъ, горячимъ поклонникомъ Мухаммеда и Корана, въ томъ видѣ, конечно, въ какомъ была при немъ эта книга, авторъ во всемъ требуетъ безусловнаго подчиненія послѣднему. Малѣйшее уклоненіе отъ коранскихъ предписаній представлялось ему крайне предосудительнымъ поступкомъ и нечестіемъ. Это-то нарушеніе Корана и было, по его мнѣнію, причиною тѣхъ смутъ и неурядицъ, которыми такъ богато было управленіе Али халифатомъ. „Люди нечестивые,—говоритъ авторъ,—руководимые страстями, измышляютъ себѣ узаконенія, противныя духу Корана, и такимъ образомъ забираютъ власть въ свои руки". Набожнаго автора возмущало и то обстоятельство, что иногда недостойные люди играли роль ученыхъ и законовѣдовъ въ средѣ людей мусульманской общины. „Двоякаго рода люди сильно ненавистны Богу,—говорилъ онъ:—это, во-первыхъ, тѣ, которые выдаютъ измышленныя ими заблужденія за истину и этимъ самымъ становятся соблазномъ для людей малоразвитыхъ, и, во-вторыхъ,тѣ, которые выдаютъ себя предъ необразованною толпою за законовѣдовъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ они къ этому вовсе не призваны. Эти люди принимаютъ на себя роль судей, а между тѣмъ всякое недоумѣніе рѣшаютъ по-своему, не на основаніи Корана, не давая себѣ отчета, правильно ли они судятъ. Отъ несправедливаго суда такихъ людей кровь возопіетъ къ Богу".

Не менѣе возмущали его и разногласія законовѣдовъ въ разрѣшеніи тѣхъ или другихъ судебныхъ вопросовъ. „Одному судьѣ предлагаютъ извѣстный вопросъ для рѣшенія, и онъ рѣшаетъ его извѣстнымъ образомъ; затѣмъ то же самое дѣло предлагается другому судьѣ, и тотъ рѣшаетъ его иначе, а имамъ судей и то, и другое рѣшеніе признаетъ одинаково справедливыми! А вѣдь у нихъ одинъ Богъ, одно писаніе, одинъ Пророкъ. Развѣ повелѣлъ имъ Богъ быть въ разногласіи, и они его слушаются,—или, вѣрнѣе, Онъ имъ запретилъ это, и они преслушаются? Или, можетъ-быть, Богъ далъ религію несовершенную, и они хотятъ ее усовершенствовать? Не соучастники ли Его они, и потому Онъ долженъ съ ними соглашаться? Или, можетъ-быть, Богъ далъ религію совершенную, и только Пророкъ передалъ ее несовсѣмъ вѣрно и точно? Вѣдь Богъ же говоритъ: мы ничего не опустили въ Коранѣ, а потому въ немъ заключается разъясненіе всего; вѣдь Онъ же сказалъ, что въ Коранѣ нѣтъ противорѣчій, и что если бы онъ былъ не отъ Бога, то они нашли бы въ немъ много противорѣчій. Коранъ и по внѣшности привлекателенъ и по смыслу глубокъ; не уничтожаемы его чудеса, и его красотамъ нѣтъ предѣла. имъ, и только имъ мракъ разсѣется".

Интересенъ взглядъ автора на женщинъ. Имъ недостаетъ, по его мнѣнію, полноты вѣры, полноты ума, а потому и полноты правъ. Доказательствомъ перваго недостатка служитъ то, что во время родовъ онѣ не могутъ ни молиться, ни поститься; доказательствомъ второго недостатка—то, что свидѣтельство двухъ женщинъ равняется свидѣтельству одного мужчины. Что-же касается ихъ неполноправности, то она доказывается неравноправностію ихъ съ мужчинами въ наслѣдованіи имуществъ, ибо женщина обыкновенно получаетъ только четверть изъ наслѣдства. „Остерегайтесь злыхъ женщинъ,—заключаетъ авторъ,—въ обращеніи съ добрыми будьте осторожны".—Взглядъ, разумѣется, чисто мусульманскій.

Слѣдующая рѣчь можетъ служить выраженіемъ всей приписываемой Али морали. Въ ней онъ представляетъ какъ бы идеалъ человѣка правовѣрнаго, а потому мы и помѣщаемъ ее цѣликомъ.

„О почитатели Бога! Любимѣйшій Богу изъ всѣхъ есть тотъ, которому Богъ помогаетъ въ борьбѣ противъ себя самого (противъ своихъ страстей): такой человѣкъ облекается печалью и страхомъ, а въ сердцѣ его свѣтитъ огонь истины. Онъ запасается необходимымъ запасомъ для своего дня (для жизни), а потому считаетъ далекое—близкимъ и трудное—нетяжелымъ,

наслаждается питіемъ чистой и вкусной воды изъ обильнаго для него источника и ходитъ по прямому пути. Онъ снимаетъ съ себя покровы страстей, отрѣшается отъ заботъ (исключая одной, т.-е. заботы о своемъ спасеніи), вслѣдствіе чего не ослѣпляется и не вступаетъ въ общество людей, преданныхъ страстямъ. Онъ отпираетъ двери истины и запираетъ двери нечестія (буквально: становится ключомъ для дверей истины и замкомъ для дверей нечестія), видитъ и знаетъ свой путь и по нему ходитъ, знаетъ, чтó ему полезно и чтó вредно. Онъ держится какъ бы самою прочною нитью и опирается какъ бы на солнечномъ свѣтѣ вѣры. Посвящая себя Богу, онъ правильно судитъ о каждой вещи, зная ея происхожденіе и конецъ. Это—свѣтильникъ во мракѣ, ключъ для разрѣшенія недоумѣній, для предотвращенія опасностей и для наставленія на прямой путь. Онъ говоритъ толково, любитъ молчать, и молчаніе обратится ему во благо. Вѣруетъ въ Бога искренно и ведетъ себя передъ Нимъ такъ, что становится какъ бы рудникомъ Его религіи и опорою Его земли. Онъ предается справедливости и первымъ дѣломъ считаетъ отрѣшеніе отъ страстей; рекомендуя правду, онъ самъ первый творитъ ее. Онъ всячески старается дѣлать добро и всѣми средствами стремится къ нему. Онъ во всемъ слѣдуетъ писанію, принимая оное за наставника, имама и спутника".

Описавъ такимъ образомъ черты и достоинства истиннаго мусульманина, авторъ переходитъ къ изображенію свойствъ человѣка мнимовѣрующаго, жизнь котораго далеко не сообразна съ требованіями мусульманской мудрости. „Этотъ послѣдній,—говоритъ онъ,—называетъ себя ученымъ, но въ дѣйствительности онъ вовсе не таковъ. Онъ заимствуетъ отъ невѣждъ невѣжество и отъ заблуждающихся — заблужденія, и затѣмъ ставитъ людямъ сѣти своего заблужденія и лжи, насилуетъ писанія въ свою пользу и переворачиваетъ истину на свой ладъ. Онъ представляетъ людямъ опасное безопаснымъ и великія преступленія считаетъ малозначащими; совершая преступленія, онъ говоритъ: я удаляюсь отъ нихъ, и впадая въ нечестіе (ереси), возвѣщаетъ: я далекъ отъ него. Итакъ, по образу своему онъ — человѣкъ, но по сердцу — животное. Не знаетъ онъ ни пути истины, чтобы по нему итти, ни пути ослѣпленія, чтобы уклониться отъ него. Это поистинѣ мертвый между живыми!"

„Итакъ, куда вы идете,—продолжаетъ авторъ,—тогда какъ передъ вами знамена и свѣтильники (истины)? Возможно ли, чтобы вы заблуждались, или были ослѣплены, когда среди васъ находится дружина вашего Пророка, составляющая собою какъ бы союзъ истины и языкъ правды. Обратитесь къ нимъ, какъ къ лучшимъ послѣдователямъ аль-Корана, и устремитесь къ нимъ, какъ жаждущіе къ источнику. О люди! послушайте завершителя ряда пророковъ (Мухаммеда): умершій изъ насъ не мертвъ, истлѣвшій—нетлѣненъ. Развѣ я не поступилъ съ вами согласно съ Кораномъ ('аѳ-ѳакалу-λ-'акбару) и не оставилъ среди васъ своей дружины ('аѳ-ѳакалу-λ-'асгару)? Я утвердилъ въ васъ знамя вѣры и поставилъ вамъ границы добра и зла. По своей справедливости, и словомъ и дѣломъ я принесъ вамъ благо и показалъ себя примѣромъ доброты и благонравія. Итакъ, (слушайте) не разсуждайте о томъ, что вамъ недоступно"...

Нужно, впрочемъ, замѣтить, что авторъ, описывая въ этой рѣчи тѣ качества, какими правовѣрный долженъ отличаться, опускаетъ одну существенно необходимую для истиннаго мусульманина черту—это усердную готовность къ борьбѣ противъ враговъ Божіихъ, т.-е. противъ упорно отвергающихъ исламъ. Но зато въ другихъ рѣчахъ онъ говоритъ объ этомъ съ особеннымъ воодушевленіемъ. Враждовать съ невѣрующими сосѣдями, упорно воевать съ ними и всячески содѣйствовать распространенію религіи, хотя бы мечомъ,—все это освящено самимъ Мухаммедомъ. Али былъ самымъ преданнымъ послѣдователемъ этого принципа мусульманства (аλ-жиhāду фи сабūλи-λ-λāhи, священная война). Этимъ онъ особенно и хвалится предъ своими современниками. „Мы съ Пророкомъ Божіимъ, — говорится въ обращеніи его къ своей дружинѣ,—вели войну со своими отцами, дѣтьми и дядями, и это укрѣпляло насъ въ вѣрѣ и преданности къ Богу, утверждало насъ въ истинѣ, внушало намъ терпѣніе въ страданіяхъ и одушевляло насъ въ борьбѣ съ врагами. Каждый какъ изъ насъ, такъ и изъ нашихъ враговъ мужественно боролся, стараясь напоить своего противника чашею смерти. И когда Богъ увидѣлъ нашу правоту, Онъ поразилъ враговъ нашихъ и далъ намъ побѣду, и

такимъ образомъ исламъ утвердился и глубоко пустилъ свои корни. И если бы мы поступали такъ, какъ вы, то столбъ религіи не утвердился бы, и древо вѣры не позеленѣло бы. Но увѣряю васъ (Богомъ), вы кровью поплатитесь и будете раскаиваться". „Священная война, (ал-жиһāду),— говорится еще въ другомъ мѣстѣ,—это—дверь райская, открытая Богомъ для Своихъ избранниковъ; это—одежда благочестія, крѣпкій щитъ Божій и прочное Его блаженство. Удаляющагося отъ нея Богъ облекаетъ въ одежду униженія, и онъ подвергается несчастіямъ и становится презрѣннымъ, безобразнымъ и безумнымъ: онъ поражается въ сердце безуміемъ (wa дуриба ʻала калбиһи би-л-'исһāби). За неучастіе въ священной войнѣ отнимается у него всякое право; на него обрушивается безчестіе, и онъ лишается права на полученіе доли въ будущей жизни".

Такимъ образомъ, проповѣдуемое авторомъ отрѣшеніе отъ міра, сосредоточенность въ самомъ себѣ, чувство страха къ Богу и безусловная преданность волѣ Его,—все это отнюдь не должно мѣшать правовѣрному подвизаться на войнѣ во имя Аллаха и Его Пророка; напротивъ, все это должно еще болѣе способствовать къ тому. Міръ есть ничто, истина только въ Богѣ и въ проповѣданной Мухаммедомъ религіи; все остальное—ложь и богомерзость. Искренно предающійся Аллаху и Его религіи долженъ всѣми зависящими отъ него средствами истреблять все ложное, все богоненавистное,—отсюда понятна обязательность вражды противъ упорныхъ противниковъ истины, т.-е. магометанства, и необходимость священной борьбы за Аллаха и Его Пророка противъ нечестивыхъ ихъ враговъ, хотя бы эти враги были наши братья, отцы и дѣти.

Итакъ, вотъ въ чемъ состоитъ сущность предписываемой Али морали, восхваляемой многими историками, въ томъ числѣ и Шлоссеромъ. Конечно, въ частности эта мораль заключаетъ въ себѣ много прекраснаго, много возвышеннаго и въ значительной степени назидательнаго; но въ общемъ она все-таки столько же суровая и мрачная, сколько и не безукоризненная. Чтó это, въ самомъ дѣлѣ, за моральное состояніе духа, опирающееся на одномъ чувствѣ страха передъ какимъ-то ужаснымъ до раздражительности, неумолимо-карающимъ божествомъ? Чтò это за нравственное чувство, питающее ненависть и презрѣніе ко всему внѣшнему, ко всему земному, и не выражающееся ни въ какихъ положительныхъ дѣлахъ любви, кротости и милосердія? Правда, авторъ говоритъ, что добрыя дѣла суть блага міра будущаго, и потому требуетъ исполненія нѣкоторыхъ добродѣтелей, какъ-то: справедливости, вѣрности, правдивости, благодарности и т. под. добродѣтелей, очень хорошо извѣстныхъ арабамъ и до Мухаммеда; но если принять во вниманіе это враждебное чувство, требуемое имъ ко всему немусульманскому, то понятнымъ становится, что эти добродѣтели не должны быть ко всѣмъ одинаково примѣняемы. Этого мало: съ точки зрѣнія такой исключающей всестороннюю любовь морали, и самое убійство, хотя бы собственныхъ своихъ родителей, братьевъ и дѣтей, можетъ быть принято за доброе дѣло, совершенное во имя Неба.

Замѣчательно, что авторъ, заповѣдуя благотворительность къ бѣднымъ изъ своего рода (только своего рода), при всемъ своемъ неуваженіи къ міру и къ внѣшнимъ благамъ, ограничиваетъ эту благотворительность такими узкими предѣлами, которые отнимаютъ у нея всякое достоинство, и мотивируетъ ее расчетами чисто эгоистическими. Онъ говоритъ: Да помогаетъ всякъ въ ихъ бѣдности тѣмъ, отъ чего его имущество не прибавилось бы, въ случаѣ невыдачи этого пособія, и не убавилось бы въ случаѣ его выдачи. Кто отвратитъ свою руку отъ своихъ соплеменниковъ, отъ того отвратится много рукъ (т.-е. рукъ соплеменниковъ); а кто поможетъ своимъ, тотъ будетъ всѣми (ими) любимъ.

III.

Что касается до тѣхъ рѣчей, которыя мы назвали апологетическими, то, какъ мы выше сказали, въ однихъ изъ нихъ Али выставляетъ свои права, на халифатъ, доказывая въ то же время незаконность пользованія имъ своихъ предшественниковъ—Абу-Бекра, Омара, Османа— и своего соперника-претендента Моавіи, въ другихъ онъ опровергаетъ тѣ клеветы, которыя его

противники взводили на него, приписывая ему участіе въ убійствѣ Османа, его предшественника Эти апологіи лучше всего привести собственными словами самого Али. Вотъ какъ онъ излагаетъ это въ своей рѣчи, извѣстной подъ названіемъ 'аλ-Хутбату-ш-шакшакијату (рѣчь прерывистая):

„Клянусь Богомъ, что сынъ Абу-Кухафа, Абу-Бекръ, облекъ себя халифской властью, зная, что относительно ея я занимаю такое же мѣсто, какое занимаетъ ось въ жерновѣ. Я занимаю ту высоту, откуда дождь падаетъ и куда птицы не могутъ возноситься (јанhадиру ʻанни-с-сајλу wa-λā јарка 'иλајја-т-тајру); но я не домогался халифской власти и отошелъ отъ нея въ сторону (буквально: но я поставилъ между собою и ею занавѣсъ, отвратилъ свою одежду отъ нея, фа--садаλту дӯнаhа ѳаwбан wa-тawајту ʻанhа кашhан) и началъ думать о томъ, нападать ли мнѣ (на противника) съ отрубленною рукою (т.-е. несмотря на недостатокъ сочувствующихъ мнѣ), или терпѣть этотъ непроглядный мракъ, эту *обиду*, отъ которой взрослый становится дряхлымъ, младенецъ—сѣдымъ, и вѣрующій утомляется, прежде чѣмъ увидитъ Господа своего. Я нашелъ, что лучше терпѣть, и терпѣлъ съ сучкомъ въ глазахъ и съ болью въ горлѣ (т.-е. съ горестью), видя мое наслѣдіе похищеннымъ, — терпѣлъ, пока тотъ (Абу-Бекръ) не окончилъ своего поприща. Но вотъ онъ послѣ себя передаетъ это наслѣдіе Омару!... Странное дѣло! Онъ, повидимому, отказывался отъ халифатства при жизни, а между тѣмъ при смерти своей передалъ оное другому. Ну, онъ и доставилъ ему выгоды халифской власти и перенесъ ее на почву шероховатую (намекъ на строптивость характера Омара), не легко доступную, на которой приходится спотыкаться на каждомъ шагу. А имѣющій право на халифатство сталъ похожимъ на человѣка, сидящаго на своенравной лошади; если подтянуть поводья, то разорвешь ей ротъ, а если опустить ихъ, то она понесетъ. Уклонились люди, ей-Богу, отъ законнаго пути, стали капризничать и двуличничать! И я опять терпѣлъ долгое время и выносилъ тяжелую бѣду до тѣхъ поръ, когда этотъ Омаръ, окончивъ поприще, оставилъ свою власть группѣ людей, включая и меня съ ними! О, ради Бога! развѣ можно было сомнѣваться насчетъ меня (т.-е. о моемъ правѣ на престолъ), чтобы поставить меня на одной доскѣ съ этою группой? Но и при всемъ этомъ я уступилъ и согласился съ ними ('асфафту 'иð 'асаффу wa-тырту 'иð тāру; буквально: я съ ними и прилеталъ и улеталъ). Одинъ изъ этихъ, по-своему злопамятству, шелъ противъ меня (это — Саадъ-бенъ-аби-Ваккасъ, коего отецъ былъ убитъ Али въ Бедрской битвѣ), а другой перешелъ на сторону зятя своего (это Абдъ-ар-Рахманъ, которому Османъ былъ зятемъ). Такимъ-то образомъ и вступилъ третій халифъ (Османъ). И началъ онъ, съ сыновьями своего отца, истреблять Божіе достояніе, точно такъ же, какъ истребляютъ верблюды весеннюю траву, до тѣхъ поръ, пока обстоятельства не измѣнили ему, и пока онъ не былъ убитъ своею корыстью. И вотъ тогда-то люди съ волчьимъ знаніемъ (т.-е. какъ волкъ къ добычѣ) начали стекаться ко мнѣ со всѣхъ сторонъ, такъ что наступили на мои ноги, почти разорвали мою одежду и сѣли вокругъ меня, какъ овцы. Но когда я взялся за дѣло (т.-е. когда принялъ халифатство), то одни измѣнили, другіе не покорились, а третьи возстали на меня (намекъ на Талху и Зубейра, на Хореджитовъ и на Моавію), какъ будто они не знали, что Богъ сказалъ: „То, будущее селеніе (праведныхъ) мы предназначили для тѣхъ, которые не возгордятся и не развратятся на землѣ; хорошій конецъ предназначается лишь благочестивымъ!“ Но нѣтъ, ей Богу, они это слышали и поняли; но здѣшній міръ имъ понравился болѣе, и они увлеклись его внѣшнимъ блескомъ“.

Сюда же можно отнести и слѣдующую рѣчь: „Я исправлялъ дѣла, когда они бездѣйствовали (намекъ на предшественниковъ Али), я говорилъ, когда они нѣмотствовали, и шелъ по свѣту Божію (т.-е. принялъ исламъ), когда они еще стояли. Я былъ ниже ихъ голосомъ (т.-е. моложе лѣтами), но выше ихъ дѣломъ. На войнѣ я былъ твердъ, какъ гора, непоколебимая ни бурями, ни вихрями. Я былъ безпороченъ, и никто не порицалъ меня. Слабый при мнѣ былъ сильнымъ до тѣхъ поръ, пока я отстаивалъ его права, а сильный—слабымъ до тѣхъ поръ, пока я не отнималъ у него правъ (т.-е. пока онъ мнѣ не покорялся). Мы предали себя суду Божію и во всемъ Ему покорились. Неужели я лгу Пророку Божію? Я, вѣдь, первый въ него вѣрилъ и не хочу первымъ ему солгать! Но вотъ посмотрѣлъ я—и вижу, что мое повиновеніе опередило мое халифатство, и что я долженъ присягнуть другимъ!“

Изъ всего этого можно видѣть, что Али не слишкомъ охотно принималъ на себя присягу въ повиновеніи своимъ предшественникамъ и далеко не дружелюбно смотрѣлъ на нихъ. Если онъ имъ уступалъ, присягая имъ, то это онъ дѣлалъ или по сознанію собственнаго своего безсилія въ борьбѣ съ ними, какъ онъ самъ говоритъ: „Посмотрѣлъ и нашелъ, что у меня нѣтъ помощника, кромѣ моего семейства, и не захотѣлъ проливать его кровь (слово въ слово: поскупился на его кровь) и принялъ несчастіе и вытерпѣлъ бѣду, испытывая самую сильную горечь",—или по нежеланію вызвать усобицу въ средѣ юной еще мусульманской общины, интересамъ которой онъ былъ преданъ всей душой, какъ онъ прямо это высказалъ, когда мусульмане присягнули Осману: „Вы знаете, что я больше, чѣмъ кто-либо другой, имѣлъ на оное (халифатство) правъ, но я согласенъ на все. Клянусь Богомъ! лишь бы только дѣла мусульманъ шли благополучно,—а я одинъ пусть буду обиженъ; я ищу возмездія (отъ Бога) и отрекаюсь отъ увлекающаго васъ блеска и богатства его (Османа)".

Али, какъ извѣстно, обвиняли въ томъ, что онъ принималъ участіе въ убійствѣ своего предшественника — Османа. Въ слѣдующемъ отрывкѣ Али, по словамъ автора, отклоняетъ отъ себя это обвиненіе и откровенно признается, что онъ не былъ ни за, ни противъ Османа, держась въ этомъ отношеніи полнаго нейтралитета. „Если бы я приказалъ его убить, то, дѣйствительно, былъ бы убійцею его, а если бы я это запретилъ, то былъ бы его защитникомъ. Но и защищавшій его не можетъ сказать: напалъ на него человѣкъ, котораго я лучше, и напавшій на него не можетъ сказать: защитилъ его человѣкъ, который лучше меня. Но я могу вѣрно судить о немъ: онъ пожелалъ дурного, а вы возмутившись худо сдѣлали; судъ Божій наступитъ, какъ на пожелавшаго (дурного), такъ и на возмутившихся".

Изъ этихъ словъ видно, что Али, хотя и не участвовалъ въ убійствѣ Османа, но тѣмъ не менѣе крайне былъ нерасположенъ къ нему. Въ другой разъ, по поводу этого обвиненія, онъ сказалъ: „Омайяды меня знаютъ,—неужели это обстоятельство не воспретитъ имъ порицать меня? Неужели знаніе моего прошедшаго не удержитъ этихъ невѣждъ отъ клеветы противъ меня? Но, вѣдь, Богъ увѣщевалъ ихъ языкомъ болѣе вразумительнымъ, чѣмъ мой. Я противоборникъ отступниковъ и состязатель сомнѣвающихся; спорные вопросы предлагаютъ для рѣшенія писанію Божію, и люди получаютъ воздаяніе по ихъ сокровеннымъ намѣреніямъ (слѣдовательно, пусть они это дѣло предоставятъ суду Божію)".

Извѣстно, наконецъ, что Амръ-ибнъ-аль-Асъ, бѣжавшій отъ него къ Моавіи въ Сирію, отозвался объ Али, что онъ человѣкъ не серьезный, шутливый и постоянно любезничаетъ съ женщинами. Это вызвало сильное негодованіе со стороны послѣдняго и по поводу этого нелестнаго отзыва онъ сказалъ слѣдующее:

„Удивляюсь сыну развратницы! Онъ говоритъ жителямъ Сиріи, что я шутъ, люблю развлеченія и постоянно играю и ухаживаю за женщинами (ʼанна фија дуʻа̄батан wa ʼанни мруʼун тилʻабатун ʼаʻа̄фису wa ʼума̄рису). Но онъ говоритъ небывалое, беззаконно говоритъ. Ложное слово это—самое скверное слово; когда онъ говоритъ—лжетъ, когда проситъ—унижается, когда его просятъ—скупится; договоры нарушаетъ и дружбы и родства не уважаетъ; на войнѣ онъ распоряжается и повелѣваетъ, пока мечи не начнутъ дѣйствовать (т.-е. пока борьба не завяжется сильно); когда же они начнутъ дѣйствовать, онъ первый отступаетъ (буквально: главная его ловкость состоитъ въ томъ, чтобы показать задъ свой). Но Богомъ клянусь, что отъ шутокъ удержитъ меня мысль о смерти,—ему же забвеніе будущей жизни не дастъ правды говорить. Вѣдь онъ и Моавіи присягнулъ не иначе, какъ подъ условіемъ получить у него подарки и взятки [1])".

Къ рѣчамъ, имѣющимъ обличительный характеръ, нужно прежде всего отнести слѣдующую, по словамъ автора, сказанную Али жителямъ Басры послѣ такъ называемой битвы верблюда:

„Вы были воинами жены (онъ разумѣетъ Айшу, которая разъѣзжала на верблюдѣ во время

---

[1]) Замѣтимъ кстати, что отзывъ о шутливости Али не совсѣмъ несправедливъ. Али, дѣйствительно, употреблялъ иногда шутки, хотя, конечно, не въ той формѣ, въ какой ему приписывалъ Амръ. Въ сборникѣ приписываемыхъ ему стихотвореній говорится, что Али на упрекъ своихъ приближенныхъ въ томъ, что онъ часто шутитъ, сказалъ: „Этимъ я хочу, чтобы вы увеселялись моею благосклонностью, чтобы вы послѣ меня помолились надъ моимъ гробомъ, чтобы вы любили меня въ бесѣдахъ съ вами и чтобы вы въ моемъ отсутствіи поминали меня добромъ". Хотя это стихотворе-

названной битвы) и послѣдователями скотины (т.-е. верблюда); она орала—и вы за нею шли, а какъ разбилась у нея нога, то вы разбѣжались. Ваши нравы—мерзость, вашъ завѣтъ—раздѣленіе, ваша вѣра—лицемѣріе, ваша вода—соленая вода, пребывающій среди васъ—виновенъ, а отходящій отъ васъ удостоится милости Божіей. Находясь въ вашей мечети, я какъ будто нахожусь въ передней части корабля, на который Богъ послалъ бѣды и сверху и снизу, а потому и утонуло все въ немъ находившееся... Ваша земля близка къ водѣ, но далека отъ неба; вы до того скудоумны и безнравственны, что вы сдѣлались добычею стрѣльцовъ, всепожирающихъ звѣрей, и ловцовъ".

Сюда относятся и слѣдующія слова, обращенныя къ жителямъ Ирака:

„Вы, жители Ирака, похожи на беременную женщину, которая во время родовъ выкинула свое дитя (фа-λамма а'тαммат 'αмсалат), лишилась своего мужа и послѣ долговременнаго вдовства досталась другому, который ей не по сердцу. Но, ей Богу, я пришелъ къ вамъ не добровольно, а вынужденно. До меня дошло, будто вы говорите про меня, что я лгу. Да посрамитъ васъ Богъ! На кого мнѣ солгать? На Бога? Но я первый вѣрилъ въ Него. На Его Пророка? Но я первый ему послѣдовалъ. Нѣтъ, ей Богу! Но что я говорилъ, говорилъ безъ васъ,—и не вамъ то понять. Странное дѣло! я увѣщеваю безвозмездно, а никто не слушаетъ! Впрочемъ, вы впослѣдствіи поймете смыслъ моихъ рѣчей!"

Сюда еще должно отнести и слѣдующія слова, обращенныя къ одному изъ послѣдователей Али—Аль-Аш'аеѣ, который на какое-то слово, сказанное Али во время произнесенія рѣчи въ Куфѣ, возразилъ ему: „О, повелитель вѣрующихъ! Это слово идетъ скорѣе противъ тебя, чѣмъ за тебя!" Пылкій Али тотчасъ сказалъ ему: „А почемъ ты знаешь: противъ ли меня оно, или за меня? На тебѣ проклятіе Божіе и проклятіе проклинающихъ — нечестивый сынъ нечестиваго. Человѣкъ, измѣнившій своимъ соплеменникамъ и причинившій имъ смерть, долженъ быть ненавидимъ ближними и не пользующимися довѣріемъ у дальнихъ" [1]).

Но съ своими обличительными рѣчами Али по преимуществу обращается къ своимъ приверженцамъ и послѣдователямъ, не оправдавшимъ его надеждъ въ борьбѣ съ врагомъ. Такъ, напримѣръ, когда онъ узналъ, что войска Моавія завладѣли нѣкоторыми изъ подчиненныхъ ему провинцій, и когда его намѣстники въ Іеменѣ, побѣжденные Юсромъ бенъ-Урта, явились къ нему,—онъ обратился къ своимъ послѣдователямъ со слѣдующею рѣчью, оканчивающеюся выраженіемъ душевной скорби:

„Я узналъ, что Юсръ вступилъ въ Іеменъ, и полагалъ несомнѣнно, что его воины завладѣютъ вами по ихъ единодушію въ неправдѣ и вашему разногласію въ правдѣ. Вы непокорны своему имаму въ правдѣ; а они покорны въ неправдѣ; они вѣрны своему предводителю, а вы—измѣнники, они на своемъ мѣстѣ народъ хорошій, а вы испорчены такъ, что если довѣрить кому-нибудь изъ васъ сосудъ, то боюсь, не уйдетъ ли онъ съ нимъ. Боже мой! мнѣ они наскучили и я имъ наскучилъ, они мнѣ опротивѣли и я имъ опротивѣлъ. Господи! дай мнѣ людей получше ихъ и дай имъ имама хуже меня. Боже мой! да растаетъ ихъ сердце, какъ соль въ водѣ. О, ей Богу, какъ бы мнѣ хотѣлось имѣть вмѣсто васъ хотя бы тысячу всадниковъ изъ бени-Фариса бинъ-Ганеми, потому что если ихъ позвать, то они собрались-бы, какъ облака во время лѣта[2])".

ніе, какъ и весь диванъ, въ который оно вошло, не принадлежитъ самому Али, однакожъ оно не должно быть оставлено безъ вниманія при характеристикѣ личности Али, такъ какъ оно, во всякомъ случаѣ, составлено благочестивыми людьми, на основаніи дошедшихъ до нихъ преданій. Арабскій комментаторъ его рѣчей, сознавая, быть-можетъ, дѣйствительность этой черты въ Али, замѣчаетъ, что шутка, если въ ней нѣтъ злословія, есть вещь невинная, и сылается на самого Мухаммеда, который также любилъ шутки. Такъ, наприм., однажды онъ какой-то старухѣ сказалъ, что старухамъ рай не уготованъ. Это шутливое слово слишкомъ возмутило старуху, и въ отчаяніи она заплакала. Но Мухаммедъ, улыбаясь, сказалъ ей, что Богъ сперва ихъ сдѣлаетъ молодыми, а потомъ онѣ пойдутъ въ рай, ибо жители его суть безбородые и безусые юноши, и что Аль-Хасанъ и Аль-Хусейнъ (сыновья Али) суть господа райскихъ юношей.

[1]) Намекъ на то, что Аш'аеа однажды въ Іеменѣ, какъ говорятъ, измѣнилъ своей дружинѣ въ борьбѣ съ Халедомъ бенъ-Валидомъ.

[2]) Этотъ стихъ принадлежитъ одному изъ доисламскихъ Арабовъ, по имени Абу-Джундубъ,—„соберутся какъ лѣтнія облака" (т. е. скоро и легко). Дѣло въ томъ, какъ замѣчаетъ комментаторъ рѣчей, что облака во время лѣта

Видно, что Алій, этотъ герой мусульманства, сильно болѣлъ душой, видя, съ одной стороны, возрастающій успѣхъ своего противника, незаконно домогавшагося Мухаммедова престола, а съ другой—бездѣйствіе и трусость своихъ послѣдователей и отсутствіе между ними полнаго единодушія. „О люди, собирающіеся тѣломъ, но расходящіеся мнѣніями!"—восклицаетъ онъ въ одной рѣчи. „Ваше слово можетъ ослабить и твердые камни, а ваше дѣло между тѣмъ обнадеживаетъ враговъ. У себя дома вы говорите *такъ и такъ* (кајт wa кајт), т.-е. высказываете усердную готовность ко всему, а когда начинается война, то вы начинаете говорить: прочь отъ насъ!.. Неудача тому, кто васъ призоветъ, не успокоится сердце того, кто терпитъ васъ. Ложными оправданіями вы отклоняетесь (отъ меня), подобно должникамъ, отклоняющимся отъ уплаты своихъ долговъ; не облегчитъ бѣды низкій человѣкъ! только серьезнымъ отношеніемъ къ дѣлу достигается истина. Какую страну послѣ своей вы будете защищать? И съ какимъ имамомъ, послѣ меня, вы будете въ союзѣ? Обманутъ тотъ, кого вы обманете (т.-е. кто на васъ полагается, тотъ навѣрное обманется). Кто на васъ опирается (въ борьбѣ), тотъ словно защищается съ разбитымъ щитомъ и негодною стрѣлою. Клянусь Богомъ! я уже не вѣрю вашимъ словамъ, не полагаюсь на вашу помощь и вами не буду угрожать врагу! Что съ вами? и чѣмъ васъ исправить? Враги ваши подобны вамъ же: они говорятъ, ничего не зная, они невѣжды, нечестивцы, стремящіеся ко всему неправому".

Такой же обличительный и рѣзкій характеръ имѣетъ и слѣдующая рѣчь, въ которой Али, повидимому, излилъ всю желчность своего пылкаго характера. Говоря о важности для правовѣрныхъ священной войны и о той тяжелой отвѣтственности, которая лежитъ на уклоняющихся отъ участія въ ней, авторъ продолжаетъ: „Я васъ призвалъ бороться съ врагомъ днемъ и ночью, тайно и явно, и сказалъ вамъ: нападайте на нихъ прежде, чѣмъ они на васъ нападутъ, потому что застигнутый на мѣстѣ врагъ непремѣнно останется побѣжденнымъ; но вы уклонялись и и отлагали дѣло до тѣхъ поръ, пока они не начали на васъ нападеній и не овладѣли вашею землею. Вотъ одинъ изъ гамидитовъ напалъ съ своими войсками на Анбаръ, убилъ Хасана, бенъ Хасана аль-Бакри и обратилъ вашихъ всадниковъ въ бѣгство, и я узналъ, что каждый изъ нихъ бросался на мусульманскихъ и вообще на сдавшихся женъ и отнималъ у нихъ украшеніе съ ногъ и рукъ, ихъ ожерелья и ихъ серьги, и каждая изъ нихъ спасалась отъ нихъ только призваніемъ имени Бога и Его милосердія. И послѣ этого они возвратились назадъ, и никто изъ нихъ не понесъ никакой раны и не пролилъ ни капли крови. Если бы хоть одинъ изъ нихъ былъ убитъ, то не было бы мнѣ такъ жалко, и это было бы, по-моему, въ порядкѣ вещей. Что́ особенно непріятно и раздираетъ сердце — это единодушіе враговъ въ неправдѣ и ваше разногласіе въ правдѣ своей. Горе вамъ, несчастные! Какъ это вы сдѣлались цѣлью для враговъ? На васъ нападаютъ, а вы не нападаете; Бога преслушаются, а вы этимъ довольны. Когда я вамъ приказываю направиться противъ нихъ въ жаркое время, то вы говорите: теперь очень жарко, погоди, когда жары пройдутъ; а если вамъ приказываю итти на нихъ зимою, то вы говорите: теперь очень холодно, погоди, пока холода пройдутъ. Но если вы избѣгаете жара и холода, то еще больше бойтесь меча! О, тѣни людей, съ младенческими понятіями и женскимъ умомъ! Лучше бы было, если бы я васъ не видалъ и не имѣлъ съ вами такого нежеланнаго и позорнаго знакомства. Да поразитъ васъ Богъ! (ка̄талакуму-л-ла̄hу). Вы исполнили сердце мое горести и грудь мою негодованія; вы напоили меня чашей страданія и разстроили мои распоряженія своимъ преслушаніемъ до того, что Корейшиты сказали: сынъ Абу-Талиба человѣкъ храбрый, да не умѣетъ вести войну. О, ради Бога! Есть ли между ними устойчивѣе и искуснѣе меня (на войнѣ)? Мнѣ было меньше 20-ти лѣтъ, когда я началъ отличаться, какъ воинъ, и вотъ теперь мнѣ 60 лѣтъ. Но безголосъ тотъ, кого не слушаютъ".

Къ рѣчамъ такого же рода относится и слѣдующая, весьма рѣзкая рѣчь, сказанная передъ войной съ Моавіей.

быстро носятся по южному небу, а особенно въ Аравіи, и не превращаются въ дождь, потому что бываютъ очень легки. Вотъ почему съ ними авторъ и сравниваетъ быстроту и легкость вышеупомянутыхъ всадниковъ.

„Горе вамъ! Мнѣ ужъ слишкомъ непріятно васъ обличать (лакад са имту ʻитāбакум). Неужели вы предпочитаете здѣшній міръ—міру будущему, и униженіе—славѣ? Когда я васъ зову къ войнѣ съ врагомъ вашимъ, то вы отворачиваете свои глаза, словно какъ находящіеся на краю смерти и какъ пьяные отъ ужаса. Моихъ словъ не понимаете и не слушаете—вотъ до чего вы ослѣплены! Вы, словно помѣшанные, ничего не смыслите; на васъ мнѣ нельзя полагаться никогда; вы не опора, на которую можно опереться, не приверженцы, къ которымъ можно прибѣгать въ случаѣ нужды. Вы точно верблюды разсѣянные, не имѣющіе пастуха, которые, если соберутъ ихъ съ одной стороны, разсѣются съ другой. О, какая это несчастная война будетъ при вашемъ участіи: на васъ нападутъ, а вы не нападете; вашихъ убьютъ (буквально: ваши края уменьшатся), а вы останетесь хладнокровны. Передъ вами бодрствуютъ, а вы погружены въ сонъ. Побѣда останется, ей Богу, на сторонѣ нечестивцевъ. Я думаю, что если война усилится и смерть наступитъ, то каждый изъ васъ поголовно оставитъ Али, сына Абу-Талиба. Но увѣряю васъ, кто даетъ своему противнику усилиться надъ собой, того тѣло съѣдается, кости ломаются и кожа сдирается: такъ бываетъ тотъ слабъ и ничтоженъ! Но ты будь таковымъ, если этого тебѣ хочется; что же касается до меня, то, клянусь Богомъ! со мною этого не будетъ! Сперва я ударю своимъ мечомъ (би-л-мушрафиjати). отъ котораго голова (противника) слетитъ прочь, а мышцы и ноги разорвутся,—а затѣмъ Богъ сдѣлаетъ, что онъ хочетъ! О, люди! я имѣю права́ на васъ и вы на меня. Ваше право на меня состоитъ въ томъ, чтобы я вамъ совѣтовалъ, хранилъ ваши добычи, училъ и вразумлялъ васъ, чтобы вы не остались въ невѣжествѣ. Мое же право на васъ то, чтобы вы остались вѣрными присягѣ, искренними, какъ въ присутствіи моемъ, такъ и въ отсутствіи, готовыми къ моему призыву и послушными моимъ повелѣніямъ“.

Но не всегда авторъ обращался къ своимъ приверженцамъ съ такими строгими и рѣзкими словами; поощряя ихъ къ борьбѣ, иногда онъ ихъ увѣщевалъ, успокоивалъ и увѣрялъ въ несомнѣнности побѣды надъ врагомъ, какъ, напримѣръ, въ слѣдующей коротенькой рѣчи: „Мнѣ никогда не отстать въ борьбѣ съ нарушителями истины и приверженцами лжи. Бойтесь Бога, о почитатели Бога! и бѣгите отъ Бога къ Богу (т.-е. отъ гнѣва Божія къ Его милосердію); идите по Имъ указанному вамъ пути и соблюдайте Его предписанія. Али ручается вамъ за побѣду, по крайней мѣрѣ, впослѣдствіи, если вы въ скоромъ времени ея не достигнете“. Или въ слѣдующей рѣчи, произнесенной имъ въ Сыффинѣ, можно видѣть тотъ же самый характеръ, когда войска Моавія заградили его войскамъ путь къ Евфрату и такимъ образомъ не давали имъ доступа къ водѣ. „Они (Моавія и его войска) первые начали противъ васъ борьбу. Итакъ, вамъ предстоитъ или быть въ униженіи и занять невыгодное положеніе, или напоить свои мечи кровью, чтобы вамъ напиться воды. Жизнь побѣжденнаго — смерть, а смерть побѣдителя—жизнь. Моавія собралъ людей и представилъ имъ дѣло въ превратномъ видѣ, отчего они и не рѣшаются броситься на смерть“.

Къ этимъ рѣчамъ относится и рѣчь, по словамъ автора, произнесенная, Али тоже въ Сыффинѣ и приведенная у Масʻуди [1]) съ нѣкоторыми варіаціями.

Мы передали, такимъ образомъ, почти все содержаніе рѣчей, приписываемыхъ Али, такъ какъ онѣ приводятся въ нашемъ рукописномъ сборникѣ, носящемъ заглавіе Наһжу-л-балāгати (Путь краснорѣчія). На основаніи ихъ, мы изложили сужденія, приписываемыя этому великому жрецу мусульманства, о Богѣ и Его отношеніи къ міру, о человѣкѣ и его нравственныхъ обязанностяхъ и показали, какъ авторы ихъ смотрѣли на различныя современныя имъ въ мусульманствѣ явленія, и какъ они относились къ предшественникамъ Али, на которыхъ бо́льшая часть мусульманскаго міра смотрѣла, и понынѣ смотритъ, какъ на законныхъ наслѣдниковъ Мухаммедова престола. Мы видѣли также, каковъ внѣшній характеръ этихъ рѣчей и каково ихъ внутреннее направленіе.

Георгій Муркосъ.

---

[1]) Стр. 254.

Два любопытныхъ арабскихъ документа.

(Къ исторіи внутренняго быта восточныхъ христіанъ).

„Изъ несовсѣмъ яснаго указанія на какой-то фактъ мы не въ правѣ дѣлать культурно-историческіе выводы“.

В. Ѳ. Миллеръ, Этнограф. Обозрѣніе, кн. V (1890) стр. 179.

Перебирая коллекцію арабскихъ рукописей А. Е. Крымскаго, я невольно остановился на одномъ небольшомъ документѣ конца прошлаго вѣка, интересномъ не столько съ археологической, сколько съ этнографической стороны; на другой номеръ коллекціи вниманіе мое было обращено владѣльцемъ ея. Предлагаю переводъ обоихъ документовъ, подвергая первый изъ нихъ, можетъ быть, нѣсколько мелочной, но едва ли неосновательной исторической критикѣ.

I.

Оригиналъ хранится въ Діярбекрѣ, въ сиріанскомъ книгохранилищѣ. Прямо съ этого оригинала сдѣланъ списокъ, находящійся въ Хáлебѣ (Алеппо), у мѣстнаго митрополита сиріянъ [1]);

[1]) По поводу термина „сиріяне“ (вм. ожидаемаго „сирійцы“) приходится сдѣлать оговорку. Арамейцы, принявшіе христіанство, избѣгали называть себя „арамейцами“, потому что это слово въ живомъ языкѣ и въ письменности (напр., въ арамейскомъ переводѣ Новаго Завѣта) получило смыслъ греческаго *ἐθνικοί*, „язычники“,—оттого арамейскіе христіане усвоили себѣ греческое имя *Σύριοι, Συριακοί*, давши ему семитскую форму „сурйâйê“ (А. Крымскій: Лекціи, М. 1899, гл. III). Первоначально арамейскіе христіане были православными, и слово „*Συριακοί*“, „Сурйâйê“ не наводило на мысль о ереси. Но съ четверти V вѣка въ Сиріи, вмѣсто православія, распространилась ересь Несторія и, какъ ея реакція, ересь монофизитская. Послѣ упорной борьбы несторіане были вытѣснены въ предѣлы Персіи, откуда постепенно продвигались и въ Индію, и въ глубь Средней Азіи (напр., въ Семирѣчье), а въ Сиріи господствующей религіей народа осталось монофизитство, которое со временъ Іакова Барадея (ум. въ 578 г.) получило здѣсь имя іаковитства. Такимъ образомъ слово Сурйâйê (по-арабски „Сӥрйâн“) получило смыслъ: „монофизиты-іаковиты“; а несторіане, тоже сирійцы по происхожденію, пріобрѣли въ отличіе отъ іаковитовъ имя „халдеевъ“. Въ русскомъ языкѣ слово „сирійцы“ имѣетъ смыслъ исключительно географическій или этнографическій и прекрасно можетъ быть примѣнено не только къ іаковитамъ, но и къ православнымъ, и къ несторіянамъ и др.; поэтому для техническаго обозначенія общины арамейцевъ-*іаковитовъ* необходимо употреблять какой-нибудь особый терминъ, напр., „сиріаки“ или „сиріяне“; второй—болѣе въ духѣ русскаго языка, и имъ-то я перевожу арабское „Сӥрйâн“. Точность эта необходима еще и потому, что въ настоящее время сами іаковиты и несторіяне, обыкновенно малопросвѣщенные, обнаруживаютъ иногда замѣчательный упадокъ религіознаго самосознанія и, невольно отдавая перевѣсъ ощутительнымъ даннымъ національности надъ невѣдомыми для нихъ данными религіи, сплошь да рядомъ проявляютъ наклонность смѣшивать эти двѣ, радикально-противоположныя ереси. Извѣстно, что въ Индіи, на Малабарскомъ берегу, несторіяне („христіане св. Ѳомы“) слились съ живущими тамъ іаковитами. Да и не только въ отдаленной Индіи, но и въ самомъ центрѣ современнаго христіанскаго арамеизма (напр., подъ Мóсуломъ) мы встрѣчаемъ яркіе примѣры полной путаницы религіозныхъ понятій и неумѣнья разобраться въ нихъ. Такъ, въ арабскомъ журналѣ „аλ-hиλâλ“ (т. III, 1895 г., стр. 722), въ біографіи извѣстнаго филолога—преосв. Иклиміоса Юсифа Дауда (ум. 1890), мы читаемъ, что, когда онъ выросъ и отличился образованностью, „то произошелъ споръ между халдеями и сиріянами: и та и другая община заявляла, что талантливый молодой человѣкъ принадлежитъ къ ея сынамъ. Послѣ долгихъ споровъ предоставили дѣло на личный выборъ молодого ученаго,—тогда онъ выбралъ сиріянъ“.

тамъ съ него была сдѣлана копія Ибрахимомъ Бехʿази и передана А. Е. Крымскому. Другой изъ старыхъ списковъ попалъ какимъ-то образомъ въ руки ʿАбду Яни Бабадóбуло (=Παπαδόπουλος), бейрутскаго агента (ἐπίτροπος) патріаршаго православнаго престола Антіохіи. Вручая копію со своего списка А. Е. Крымскому, ʿАбду Яни (человѣкъ добрый, но о научномъ безпристрастіи имѣющій самыя смутныя понятія и очень склонный къ pia fraus) озаботился сдѣлать сверху надпись: „*Образчикъ* (сурат) того, какъ давалось христіанамъ разрѣшеніе на похороны"; онъ, какъ и другіе христіане, увѣряетъ, что это была обычная, оффиціальная формула, съ которой мусульманскія власти всегда обращались къ христіанамъ, давая имъ разрѣшеніе на похороны. Надо добавить, что списки сообщаемаго здѣсь Діярбекрскаго документа въ порядочномъ ходу среди извѣстнаго круга христіанъ Бейрута, — этого города раздутыхъ религіозныхъ споровъ. Всѣ списки почти тождественны. Привожу текстъ по копіи Ибрâhîма Бехʿâзи; въ скобкахъ помѣщаю разночтенія другой копіи.

Мин жâниб аш-шарʿ аш-шарîф би Диййâрбакр.

Ыλа моʈрâн ʈâыфат кафарат ас-Сориййâн.

Аййоhâ λ-макруh биλ-манзар wa λ-моqтасад! Ынн Йаʿqуб [аλ-кâфир] мин ʈâыфатком аλ-макруhат—ħайθ анн аλ-маλʿун qад фаʈас wa hаλак wa λиажλ идхâλ жоθθатиh аλ-карîhат ðымн аλ-арð qад садар (вар. сâр) аλ-истирħâм мин моршид маħаλλиh (вар. маħаλλатиh) wa жарâ ахð аλ-харâж, фаыннаh waын такон аλ-арð λâ такбаλ жоθθатаh аλ-хабîθат, фаλикай λâ тáкон (=такýн; д. б. сосл. н-ніе вм. условн.) сабаб^ан λы фасâд аλ-hawâʾ, qад оʿʈыйат ар-рохсат мин жâниб аш-шарʿ аш-шарîф, ан тодфан ðымн мазбаλатком аλ-махсусат би-мужиб маðhабком аλ-баʈыλ ыλа зомрат жаhаннам. Ыqтаðа ыʿʈâʾ hâðиhи р-рохсат, λикай λа йасîр мâниʿ мин ʈараф аħад. Оʿʈыйа фî 16 жомâðî λ-awwaλ, с. 1205 [1]).

„Отъ Высокаго Суда въ Діярбекрѣ къ митрополиту невѣрной общины сиріянъ.

„О, гнусный по своему внѣшнему виду и по внутреннимъ стремленіямъ! Въ виду того, что одинъ проклятый изъ вашей гнусной общины—гяуръ Іаковъ—издохъ и погибъ (для будущей жизни), и въ виду того, что для опущенія его мерзкаго тѣла въ землю было представлено, со стороны старосты его квартала, [надлежащее] ходатайство, и поземельный налогъ былъ взысканъ,— то, хотя земля не приметъ его гадкаго тѣла, Высокій Судъ, [желая], чтобы оно не оказалось причиной зараженія воздуха, даетъ вамъ это разрѣшеніе—похоронить его на присвоенной вамъ навозной кучѣ, согласно съ правилами вашей лжевѣры, для пріобщенія къ шайкѣ ада,—[даетъ разрѣшеніе], чтобы не было препятствія ни съ чьей стороны. Дано 16-го Джомâди-ль-авваля 1205 года".

(1205-й годъ Хижры соотвѣтствуетъ 1790 г. по Р. Х.).

Первое впечатлѣніе, производимое чтеніемъ этой бумаги, чрезвычайно сильно, и эффектъ, который стараются ею произвести бейрутскіе церковники, несомнѣнно достигается. Вѣдь если кадый въ *оффиціальномъ* письмѣ къ митрополиту умышленно подбираетъ все такія выраженія, которыя могли бы побольше унизить христіанина, то, спрашивается, сколько же оскорбленій и полныхъ презрѣнія насмѣшекъ должно выпадать на долю христіанина въ повседневной жизни, въ житейскихъ отношеніяхъ съ мусульманиномъ? Отъ такого вопроса два шага до животрепещущаго вывода: „исламъ—безнадежно нетерпимъ по самой своей сути", а оттуда до новаго носпѣшнаго вывода: „мусульмане, пока они мусульмане, не способны усвоить прогрессивныя идеи запада". Къ сожалѣнію, какъ это вѣрно отмѣтилъ А. Э. Шмидтъ [2]), подобныя поспѣшныя заключенія дѣлаются у насъ очень часто, прямо съ плеча, безъ научныхъ справокъ съ исторіей и этнографіей, тогда какъ этотъ вопросъ долженъ быть поставленъ именно на строго-научную почву и долженъ рѣшаться не огуломъ, по отношенію ко всѣмъ мусульманскимъ народамъ вообще, а

[1]) Транскрипцію избираю самую незатѣйливую, сообразно съ средствами типографіи. Окончанія склоненій и спряженій (то, что наз. „ташкîλ"), не отмѣченныя въ оригиналѣ, опущены и у меня въ транскрипціи. При буквѣ У подразумѣвается знакъ долготы.

[2]) Записки Восточ. отдѣл. Импер. Русск. Археол. общ., т. XII (1899), вып. I. стр. 025.

напротивъ—частнымъ образомъ, по отношенію къ каждой мусульманской расѣ въ отдѣльности. Вникнемъ въ нашъ документъ получше.

Онъ писанъ на языкѣ, священномъ для всѣхъ мусульманъ, — по-арабски. Арабомъ ли писанъ? Навѣрное нѣтъ. Я могъ бы здѣсь обширно распространиться на тему объ общепризнанной арабской религіозной терпимости [1]), но предпочитаю даже не ставить вопроса такъ широко и напомню о положеніи дѣлъ только въ той мѣстности, гдѣ писанъ нашъ документъ. По наблюденіямъ авторитетныхъ знатоковъ Месопотаміи, напримѣръ, Социна и Соутгэта, нигдѣ арабы-мусульмане и арабы-христіане не живутъ такъ дружно между собой, нигдѣ они такъ живо не чувствуютъ своей національной общности, какъ въ Месопотаміи [2]). Ужъ этого одного достаточно, чтобы въ авторѣ документа заподозрить не араба, но турка. Оффиціальное положеніе автора—онъ вѣдь кадый—подкрѣпляетъ мою увѣренность; на такую должность турецкое правительство рѣдко назначаетъ араба,—развѣ такого, который est plus turc, que les Turcs mêmes. Дѣло въ томъ, что мусульмане-арабы, эти прямые потомки Пророка, всегда считаютъ турокъ за узурпаторовъ арабскихъ правъ; и потому элементомъ, неблагонадежнымъ для Турціи въ политическомъ отношеніи, они являются и являлись всегда, а тѣмъ болѣе—въ прошломъ вѣкѣ, когда вспыхнуло знаменитое Ваhhâбитское движеніе. Самый стиль документа выразительно говоритъ, что авторъ думалъ по-турецки, а не по-арабски: весь документъ оказывается однимъ сплошнымъ предложеніемъ (какъ это въ духѣ турецкаго языка), вмѣсто любимой арабской

---

[1]) Говорю: „общепризнанной". У насъ въ Россіи, при слабомъ развитія востоковѣдѣніи и добродушномъ молчаніи спеціальной критики, многія грубо невѣжественныя, но крайне самоувѣренныя заявленія по вопросамъ, давно и обстоятельно рѣшеннымъ западной наукой, можно иногда встрѣтить даже со стороны такихъ людей, которые просто въ силу ихъ занятій, казалось, обязаны были бы имѣть знакомство съ наукой. Въ „Этнографическомъ Обозрѣніи" (кн. XXIV. стр. 136—137, кн. XXVII. стр. 135 и 152) уже было приведено нѣсколько характерныхъ примѣровъ россійской беззастѣнчивой невѣжественности въ востоковѣдѣніи, но надо полагать, что надъ серіей этихъ примѣровъ еще не скоро придется поставить точку. Можно ожидать, что и въ дальнѣйшемъ придется, напримѣръ, видѣть, какъ съ одной стороны петербургскіе ученые оріенталисты будутъ издавать капитальную „Исторію ислама" А. Мюллера, гдѣ арабамъ временъ Мохаммеда, „этой трезвой скептической и расчетливой расѣ", почти отказано въ богопочитаніи (т. I, стр. 55) и гдѣ нефанатизмъ арабскихъ завоевателей выступаетъ преотчетливо, словно черное по бѣлому, а съ другой стороны будутъ выискиваться свои доморощенные „оріенталисты", которые, при ненависти къ исламу и незнакомствѣ съ наукой, постараются въ первомъ вѣкѣ арабскаго халифата увидѣть черты позднѣйшаго ислама турецкаго, въ арабскомъ завоеваніи Персіи и Египта—турецкое завоеваніе Константинополя и которые не постѣсняются высказывать самымъ догматическимъ тономъ самыя анти-историческія утвержденія о „священной войнѣ". Но съ такими людьми считаться не къ чему, и потому я употребляю выраженіе: о б щ е п р и з н а н н а я арабская терпимость. Не имѣя здѣсь возможности, да и не видя необходимости доказывать правильность этого выраженія цитатами изъ источниковъ и изъ разныхъ ученыхъ западныхъ трудовъ, замѣчу только, что на русскомъ языкѣ выводы западной науки популяризованы недавней, очень живо написанной книгой А. Е. Крымскаго: „Мусульманство и его будущность" (М. 1899), научнымъ аппаратомъ къ которой служатъ спеціальныя статьи того же автора въ „Энциклопедическомъ Словарѣ" Брокгауза и Эфрона: „Мохаммедъ", „Коранъ", „Омейяды", „Персія", „Персидская литература" и т. д. (Востоковѣдами или восточными жителями писаны о ней сочувственные отзывы въ „Запискахъ восточнаго отдѣленія Имп. Р. Арх. Общества", 1899, т. XII, вып. 1; въ „Этнографическомъ Обозрѣніи", кн. XL—XLI, 1899; въ арабской газетѣ „Любнân". 1899, № 283; въ армянской газетѣ „Мшак" 1899, № 3 и № 68; въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ" 1899, № 3; въ „Жизни" 1899, апр.; въ „Русской Мысли", 1899. май и авг.). Къ этой книгѣ я и отсылаю русскаго читателя, а такъ какъ авторъ въ вопросѣ о религіозной арабской терпимости коснулся, главнымъ образомъ, первыхъ исламскихъ вѣковъ и настоящаго времени, не считая нужнымъ долго останавливаться на вѣкахъ среднихъ, то очень полезнымъ дополненіемъ къ его работѣ явятся стр. 250—251 русскаго перевода „Исламъ въ его вліяніи", Haurі (Ташк. 1893). Правда, книга пастора Гаури сама по себѣ ненаучна и тенденціозна, и это ужъ было показано обстоятельнымъ разборомъ А. Е. Крымскаго въ XXVII кн. „Этнографическаго Обозрѣнія" (стр. 135—152); но какъ разъ то обстоятельство, что данныя о терпимости арабовъ-мусульманъ приведены христіанскимъ священникомъ, членомъ Гаагскаго общества для защиты христіанской религіи, является для насъ поучительнымъ и показываетъ, что даже присяжный врагъ ислама, сколько-нибудь вникнувши въ исторію, не можетъ не отдать должнаго арабской врожденной терпимости, которая такъ хорошо выразилась, замѣтимъ, въ словахъ йеменскаго царя Мортада: „Я властвую надъ тѣлами людей, а не надъ ихъ мнѣніями. Отъ моихъ подданныхъ я требую повиновенія моему правленію, а надъ ихъ религіозными убѣжденіями судья Великій Творецъ." (Мьюръ: The life of Mahomet, Лонд. 1858, т. I, Introduction, стр. CLX).

[2]) *Alb. Socin*: Arabische Sprichwörter, Тюбингенъ 1878, стр. II.; *А. Крымскій*: Мусульманство и его будущность М, 1899, стр. 44.

конструкціи сочинительной тутъ является подчинительная, и роль турецкихъ „олуб“, „олдуктансонра“, „олдуγунда“ очень неудачно играютъ арабскіе „мин ħейθ“, „waλиажλ“, „wаын—фаλикай“

Итакъ, авторъ бумаги—турокъ. „Отличительнымъ признакомъ тюрка является совершенно слѣпая вѣра, ненависть къ отвлеченнымъ разсужденіямъ, религіозный консерватизмъ и фанатизмъ, нетерпимость къ другимъ вѣрамъ“ [1]); исламъ былъ истолкованъ тюрками въ смыслѣ фанатической религіи. По отношенію къ иновѣрцамъ тюрки имѣли предъ собою вѣчно забываемый у арабовъ, но все же состоявшійся договоръ Омара [2]) съ христіанами-сирійцами, по которому христіане давали, напримѣръ, слѣдующія унизительныя обязательства: „не строить новыхъ церквей и не поправлять старыхъ“, „уступать мусульманамъ свои сѣдалища, когда мусульмане захотятъ сѣсть“, „не походить на мусульманъ въ одежѣ“, „не звонить громко въ колокола“ [3]). У очень рьяныхъ богослововъ (а въ такихъ ни одна религія никогда не имѣла недостатка) [4]), по отношенію къ иновѣрцамъ, возникали теоріи и болѣе рѣзкія. Есть, напр., въ Коранѣ предписаніе, чтобы иновѣрцы взносили подать „собственноручно и сохраняя видъ младшихъ“ (ʻан йад wа hом сâγырун) [5]). Ибнъ-Наккашъ, въ своей фетвѣ о ðимміяхъ, т.-е. подданныхъ-немусульманахъ, считаетъ необходимымъ исполнять слова́ Корана такимъ образомъ: „каждый зимми, христіанинъ и еврей, отправится въ назначенный день лично, а не черезъ повѣреннаго, къ эмиру, взымающему подать, который сидитъ на сѣдалищѣ въ видѣ трона. Зимми приблизится къ нему, держа на ладони подать, и эмиръ возьметъ ее такъ, чтобъ его рука находилась сверху, а рука зиммія внизу; затѣмъ эмиръ ударитъ его кулакомъ по шеѣ, а стоящій подлѣ эмира человѣкъ прогонитъ зиммія. За первымъ послѣдуетъ второй, третій и такъ далѣе, съ которыми поступятъ подобнымъ же образомъ. Всѣ будутъ допущены къ этому зрѣлищу“ [6]). При владычествѣ арабовъ всякія подобныя богословскія толкованія разбивались о терпимый характеръ арабской массы, и христіане не только пользовались свободой вѣры [7]), но, напр., въ Дамаскѣ при Омейядахъ, въ Египтѣ при Фатымидахъ и т. д. занимали самые высокіе посты и нерѣдко позволяли себѣ третировать мусульманъ свысока. Тюркамъ, напротивъ, въ силу ихъ расовыхъ особенностей, и Омаровы постановленія, и всякіе фанатичные богословскіе комментаріи, клонящіеся къ униженію иновѣрцевъ и сугубому возвеличенію господъ-мусульманъ, пришлись чрезвычайно по душѣ и получили значеніе каноничности; такимъ образомъ Діярбекрскій кадый, дѣлая лишній шагъ впередъ и честя христіанскаго митрополита отборнѣйшими ругательными эпитетами, долженъ былъ думать, что собственно онъ и не дѣлаетъ ничего лишняго, а наоборотъ—только удачно исполняетъ законное предписаніе Корана: „wа hом сâγырун“.

Можно ли, значитъ, сдѣлать отсюда выводъ о нетерпимости всего ислама? Вмѣсто отвѣта я поставлю другой, аналогичный вопросъ.

Въ Евангеліи сказано: „Повѣждь церкви: аще и церковь преслушаетъ (братъ твой) - буди тебѣ яко же язычникъ и мытарь“. Въ Часословѣ, именно—въ началѣ отдѣла: „Послѣдованіе святыя Четыредесятницы“, послѣ указанія тропаря и кондака недѣли Мытаря и Фарисея, читаемъ: „Подобаетъ вѣдати, яко въ сей седмицѣ постятся треклятіи армени, мерзкій ихъ постъ, глаголемый арцивуріевъ. Мы же, монаси, на кійждо день (се же и въ среду и пятокъ) вку-

---

1) *А. Крымскій:* Мусульманство, стр. 59.

2) Не чистаго араба—скажемъ къ слову: мать его была негритянка. См. Масʻуди: Моруж *аð-ðаһаб* (Пар. изд.), т. IV, стр. 192.

3) *В. Гиргасъ:* Права христіанъ на востокѣ. С.-Пб. 1865, стр. 68.—*Kremer:* Geschichte der herrschenden Ideen des Islams, Лейпц. 1868, стр. 461.

4) Возможность естественнаго появленія единичнаго фанатизма при общемъ нефанатическомъ арабскомъ фонѣ очень удачно объяснена у Кремера въ его Geschichte der herrschenden Ideen des Islams. стр. 319 - 320.

5) Это, очевидно, необходимо было по той причинѣ, что иначе плательщикъ показывалъ бы видъ, будто онъ не подать взноситъ, а великодушную подачку присылаетъ.

6) Journal Asiatique 1852. Гиргасъ, назв. соч., стр. 60.

7) Замѣчательно, что въ то же время христіане-испанцы, завоевавши въ 1085 г. Толедо, „пришли въ большое изумленіе, нашедъ неповрежденными церкви го́рода и христіанъ, свободно отправлявшихъ свое богослуженіе“: имъ такая терпимость была непонятна. Привожу буквальную цитату изъ антиисламиста Гаури, стр. 250.

шаемъ сыръ и яица (въ д҃ часъ). Міряне же ядятъ мясо, развращающе онѣхъ велѣніе толикія ереси“ [1]). Геннадій Новгородскій (1485—1504) устроилъ родъ инквизиціи. Когда въ 1260 г. Сирію завоевали монголы, дамасскіе христіане воздвигли гоненіе на мусульманъ; между прочимъ,

---

[1]) Въ греческомъ оригиналѣ это читается такъ: *Χρὴ γιγνώσκειν, ὅτι ἐν ταύτῃ τῇ ἑβδομάδι νηστεύουσιν οἱ τρισκατάρατοι Ἀρμένιοι τὴν βδελυρὰν αὐτῶν νηστείαν λεγομένην τοῦ ἀρτζιβουρίου, ἡμεῖς δὲ καθεκάστην ἐσθίομεν τυρὸν καὶ ὠά, ἀνατρέποντες τὸ ἐκείνων δόγμα τῆς τοιαύτης αἱρέσεως.*

Относительно поста Арцивуріева сдѣлаю небольшую историко-этнографическую справку. По общепринятому у армянъ мнѣнію, ихъ постъ Предварительный („Ар̓аджавор“, „Ар̓аджаворац паһк“), въ народѣ чаще называемый постомъ св. Сергія, установленъ св. Григоріемъ, просвѣтителемъ Арменіи,—слѣдовательно, въ первой четверти IV вѣка (такъ какъ крещеніе Арменіи относится къ 302 г., а смерть Просвѣтителя послѣдовала ок. 331 г.). Впрочемъ изъ статьи мхитариста Авгеряна, помѣщенной въ послѣдней книгѣ венеціанскаго армянскаго журнала „Базмавеп“ (дек. 1899, стр. 544—548; знакомствомъ съ ней и съ другими армянскими указаніями я обязанъ любезности Г. А. Халатьянца) мы узнаемъ, что нѣкоторые хронисты-вардапеты приписываютъ учрежденіе Предварительнаго поста св. Кириллу Александрійскому (ум. 444 г.); по словамъ же вардапета Георгія, этотъ постъ установленъ еще Іаковомъ, братомъ Господнимъ, а Кирилломъ лишь возобновленъ. Православные, напротивъ, относятъ установленіе „Арцивуріева“ поста къ нѣкоему „арменскія ереси учителю“ (т.-е. монофизиту) Сергію, собака котораго, по имени Арцивурій, (еже есть „предтеча“), всегда прибѣгала въ какое-нибудь селеніе за день раньше своего хозяина, и жители могли, такимъ образомъ, устроить Сергію торжественный пріемъ; однажды, въ недѣлю Мытаря, волкъ растерзалъ Арцивурія, и Сергію не устроили пріема: опечаленный, онъ послалъ отыскать кости своего пса и повелѣлъ всѣмъ армянамъ ежегодно поститься и сѣтовать, „и постъ Арцивуріевъ наименова“. У славянъ эта злая легенда встрѣчается часто въ хронографахъ, палеяхъ и смѣшанныхъ сборникахъ; печатно она въ Россіи была извлечена А. Поповымъ въ его „Изборникѣ славянскихъ и русскихъ сочиненій и статей, внесенныхъ въ хронографы русской редакціи“ (Москва 1869, стр. 19), а по тремъ старо-малорусскимъ или западно-русскимъ спискамъ XV—XVIII в. эта же легенда „Про песій піст Арціурців“ издана извѣстнымъ галицкимъ ученымъ Иваномъ Франко́мъ въ его (львовскомъ) журналѣ „Житє і Слово“ (1895, т. III, стр. 469—473, май—іюнь). Всѣ русскіе варіанты восходятъ къ южнославянскому Житію Илларіона Могленскаго (оно напечатано Ст. Новаковичемъ въ „Starinach“ Загребской Академіи); Илларіонъ Могленскій былъ болгарскимъ епископомъ въ половинѣ XII вѣка, онъ ревностно полемизировалъ противъ манихеевъ, богомиловъ и армянъ (Иречекъ: Geschichte der Bulgaren, 213), и въ Житіи приведены образцы его полемики съ названными еретиками, въ томъ числѣ съ армянами по поводу Арцивуріева поста. Греческимъ источникомъ, изъ котораго эта легенда распространилась по православному міру, повидимому оказывается неискусно поддѣланное греками „Слово Саака, католикоса армянъ“ и именно кн. I, гл. 14-я: „*Περὶ τῆς σατανικῆς νηστείας τοῦ ἀρτζιβουρίου*“, крайне близкая къ славянскому сказу. Когда жъ „Слово“ составлено? Разъ сказаніе о постѣ Арцивуріевѣ извѣстно было Илларіону Могленскому, то значитъ оно возникло раньше половины XII вѣка. Авторъ статьи въ „Базмавепѣ“ (loc. cit., стр. 544) приписываетъ фабрикацію сказанія, какъ и цѣлаго „Слова Саака“ или Евѳимію (XII в.), или Каллисту (XIV в.), но о такомъ позднемъ времени и говорить нельзя, потому что, сверхъ славянскаго Житія Илларіона, мы имѣемъ еще посланіе о вѣрѣ къ императору Мануилу Комнену (1143—1180) армянскаго католикоса Нерсеса Благодатнаго (1165—1173), который съ негодованіемъ сообщаетъ о легендѣ про пса-Арцивурія, какъ о гнусной византійской выдумкѣ: „Монахъ Саргисъ, говорите вы, имѣлъ осла, на которомъ ѣздилъ, и собаку, которая была предварительницей („ар̓аджавор“) его пріѣзда. Вы говорите, что въ память растерзанной волкомъ этой собаки-предварительницы и установленъ нашъ постъ Предварительный, иначе—Сергіевъ. На самомъ же дѣлѣ нашъ постъ Араджаворъ былъ установленъ еще св. Григоріемъ Просвѣтителемъ, а когда затѣмъ св. Сергій Каппадокійскій, его сынъ Мартиръ и бывшіе съ нимъ были замучены въ Персіи 30-го января, что совпало съ Ар̓аджаворомъ, то и ихъ память начала праздноваться въ этотъ постъ, и самый постъ сталъ извѣстенъ подъ именемъ Сергіева“. (Подробно о посланіи Нерсеса Благодатнаго, которое я цитирую въ крайне сжатомъ видѣ, см. въ трехтомной „Патму*т*юн һайоц“, т.-е. „Исторіи Арменіи“, мхитариста Чамчіяна, Венеція, 1784 г. т. I, стр. 691—694).

Св. Сергій жилъ въ IV вѣкѣ. Родомъ онъ былъ не изъ Арменіи, а изъ Каппадокіи; онъ былъ военачальникомъ въ дни Константина В. и его сыновей, но при Юліанѣ Отступникѣ покинулъ родину, раздавши имущество нищимъ, и нашелъ радушный пріемъ у царя Арменіи. Когда Юліанъ предпринялъ походъ въ Персію, Сергій удалился къ хосрою Шапуру II (309—379), получилъ начальство надъ однимъ изъ персидскихъ пограничныхъ войскъ и, при сраженіи съ большимъ отрядомъ воиновъ Юліана, одержалъ побѣду вслѣдствіе своей горячей молитвы къ христіанскому Богу, послѣ чего его воины обратились въ христіанство. Христіанская пропаганда Сергія продолжалась и впослѣдствіи, такъ что Шапуръ приказалъ казнить Сергія, его сына Мартира и бывшихъ съ нимъ 14 воиновъ (Чамчіянъ: Патму*т*юн һайоц, т. I, стр. 438—440). Какъ видимъ, въ житіи св. Сергія нѣтъ ничего, что намекало бы на растерзанную собаку. Мнѣ представляется очень правдоподобной догадка Авгеряна („Базмавеп“, стр. 546), что св. мученика Сергія греческіе полемисты смѣшали съ позднѣйшимъ „еретикомъ“ Сергіемъ; тотъ былъ ученикомъ армянскаго святаго Іоанна Майраванкскаго (=„Лаврскаго“), монофизита, получившаго отъ современнаго ему антимонофизита-католикоса Езра (628—640) оскорбительное прозвище „Майрагомскій“ (=„Главнохлѣвный“), которое „Базмавеп“ (органъ армянъ-католиковъ) охотно продолжаетъ давать ему и теперь. Армянскій историкъ Кирако́съ (XII в.) сообщаетъ, не

они разрушили мечети, бывшія по сосѣдству съ церквами [1]), и показали себя гораздо нетерпимѣе мусульманъ, которымъ близость церквей къ мечетямъ не казалась неумѣстной. На Ливанѣ А. Е. Крымскому [2]) православные съ гордостью показывали людей, въ родѣ пресловутаго Льеса Халяби, которые поставили цѣлью своей жизни вести „священную войну“ (жѝâд) съ мусульманами и убивать перваго встрѣчнаго изъ нихъ.

При нѣкоторомъ зломъ желаніи, на основаніи этихъ обрывочно выхваченныхъ цитатъ, не поставленныхъ въ должную связь съ предыдущимъ и послѣдующимъ контекстомъ, на основаніи этихъ фактовъ, не поставленныхъ въ причинную связь съ предшествовавшими историческими условіями, и на основаніи—наконецъ—чисто случайныхъ, спорадическихъ явленій—развѣ нельзя было бы смастерить скороспѣлый, но торжественный выводъ о коренной нетерпимости христіанства вообще и православія въ частности? Развѣ нельзя было бы сдѣлать злорадное заключеніе о неспособности православія къ прогрессу, который вѣдь обусловленъ сознаніемъ братства между всѣми народами? Но слишкомъ ясно, что подобныя обобщенія оказались бы глубокою несправедливостью и немедленно были бы воочію опровергнуты показаніями дѣйствительности [3]). Не меньшей несправедливостью будетъ—по какому-то вздорному письму турецкаго кадыя—дѣлать общіе выводы о духѣ всего ислама, который прекрасно показываетъ своей исторіей, что у персовъ и арабовъ онъ не является помѣхой прогрессу.

Единственный выводъ, который, казалось бы, ужъ безспорно вытекаетъ изъ нашего діярбекрскаго разрѣшенія, это тотъ, что христіанамъ въ Турціи живется крайне плохо. Но, по моему, и такого вывода сдѣлать нельзя. Что положеніе христіанъ въ Турціи—тяжелое, болѣе тяжелое, чѣмъ мусульманъ [4]), это несомнѣнно; но мы это знаемъ изъ другихъ данныхъ, въ томъ числѣ изъ такихъ характерныхъ, вопіющихъ фактовъ, какъ правительственная рѣзня арабовъ на Ливанѣ, армянъ въ Ванѣ и Константинополѣ, болгаръ на Балканскомъ полуостровѣ и т. п., и т. п. А нашъ діярбекрскій документъ, самъ по себѣ, еще не даетъ основаній для пессимистическихъ заключеній.

ʿАбду Яни считаетъ его за обычную формулу разрѣшенія, которое христіане въ старину, будто бы, испрашивали въ случаѣ похоронъ какого-нибудь умершаго члена христіанской общины. Такое мнѣніе, очевидно, не выдерживаетъ критики. Нигдѣ въ шаріатѣ мы не встрѣчаемъ указаній, чтобы иновѣрцы, для обычныхъ похоронъ, нуждались въ предварительномъ дозво-

указывая своего источника, что однажды медвѣдь растерзалъ единственнаго осла, который былъ въ монастырѣ св. Іоанна Майраванкскаго. Тогда святой, отправившись въ лѣсъ, нашелъ этого медвѣдя и сказалъ ему, что, растерзавши осла, служить монастырской братіи обязанъ отнынѣ онъ самъ, медвѣдь; и дѣйствительно, звѣрь богобоязненно послушался святого Іоанна и покорно возилъ воду, дрова и всякія тяжести, словно вьючное животное, пока по ошибкѣ его не застрѣлили охотники. Такъ-какъ это дикое животное, покорившееся святости праведника, оказалось поучительнымъ образцомъ дивной силы Божіей, то земля съ могилы, гдѣ былъ зарытъ медвѣдь, считается у окрестныхъ жителей за святую, цѣлительную. Это сообщаетъ Киракосъ. Но извѣстно, что у Іоанна Майраванкскаго былъ ученикъ Сергій, „ереси армянскія (=монофизитства) учитель“, настолько выдающійся пропагандистъ, что іерусалимскій патріархъ Софроній (первой пол. VII в.) въ письмѣ къ константинопольскому патріарху Сергію называетъ, въ числѣ еретиковъ, и его. Очень правдоподобно, что въ пылу религіозной вражды армянскій (=еретическій) постъ Арʾаджаворъ, иначе Сергіевъ, былъ приписанъ греками вышеупомянутому „еретику“ Сергію, а святой медвѣдь, служившій его учителю вмѣсто растерзаннаго осла, былъ обращенъ въ святого пса—Арцивурія, предварявшаго людей о пріѣздѣ своего хозяина (на ослѣ) и потомъ растерзаннаго волкомъ. Слѣдовательно, terminus a quo для созданія легенды есть VII в., terminus ad quem—XII в. Болѣе точныя свѣдѣнія можетъ дать изслѣдованіе текста старѣйшихъ греческихъ рукописныхъ часослововъ и типиконовъ.

1) *Гиргасъ*, назв. соч., стр. 74—75.

2) Мусульманство, стр. 14.

3) Срв. соображенія *А. Крымскаю:* Мусульманство, стр. 114.

4) Есть, впрочемъ, голоса, которые утверждаютъ даже, будто въ Турціи христіанамъ живется получше, чѣмъ мусульманамъ. Привилегія отбыванія воинской повинности,—говоритъ Вамбери (Der Islam, стр. 127),—которой „лишены“ иновѣрцы, падаетъ на несчастнаго привилегированнаго мусульманина самымъ тяжелымъ бременемъ: его хозяйство разоряется и семья голодаетъ, während der Grieche und Armenier zu Hause bleibt, um entweder ungestört seinem Geschäft nachzugehen oder in heillosen Comploten gegen die bestehende Regierung zu wirken. На это преимущество христіанскаго подданнаго передъ мусульманиномъ обращено вниманіе и А. Крымскимъ (Мусульманство, стр. 72), который, конечно, не дѣлаетъ отсюда заключенія, будто христіанину въ Турціи живется вообще лучше.

леніи мусульманскихъ властей [1]), да ужъ одно то обстоятельство, что во всѣхъ спискахъ даннаго документа неизмѣнно повторяются одни и тѣ же имена (Діярбекръ, митрополитъ сиріянъ) и одна и та же дата, ясно говоритъ, что мы имѣемъ дѣло съ единичнымъ случаемъ, происшедшимъ въ Діярбекрѣ въ 1790-мъ году. Очень не трудно догадаться, зачѣмъ понадобилось разрѣшеніе на похороны. Упомянутый въ документѣ сиріянинъ Іаковъ былъ, очевидно, государственный преступникъ, умершій въ тюремномъ заключеніи или казненный медленной смертью (напр., на колу); чтобы получить его тѣло, единовѣрцы, естественно, не могли обойтись безъ кадыева разрѣшенія; но вѣдь будь умершій преступникъ даже чистѣйшимъ мусульманиномъ, безъ кадыева разрѣшенія все равно трупъ не былъ бы выданъ. А въ это время у Турціи шла вторая екатерининская война съ Россіей (1787—1791), и турокъ-кадый, озлобленный противъ побѣдоносныхъ москововъ и невѣрноподданныхъ восточныхъ христіанъ, не удержался, чтобы на подвластномъ ему сиріянинѣ не выместить своей досады посредствомъ очень непохвальныхъ ругательствъ насчетъ его вѣры. По отношенію къ преступнику-мусульманину кадый обошелся бы безъ поношеній его вѣры, но недостатка въ ругательствахъ, при нарочитомъ богатствѣ турецкаго сквернословнаго лексикона, навѣрное не испыталъ бы.

Спрошу, наконецъ: *черезчуръ* ли обидными казались сиріанскому митрополиту тѣ эпитеты, которые онъ встрѣчалъ въ письмѣ діярбекрскаго кадыя? Для полученія отвѣта мы должны смотрѣть глазами не современныхъ восточныхъ христіанъ, которые читали султанскую грамоту 1856-го года, возвѣщавшую уничтоженіе всѣхъ унизительныхъ прозвищъ иновѣрцамъ [2]), но глазами турецкаго христіанина прошлаго вѣка. Огромное значеніе въ такихъ случаяхъ имѣетъ usus, общепринятый обычай. Наши потомки, вѣроятно, будутъ изумляться, какъ это мы могли, не сознавая униженія своего человѣческаго достоинства, расписываться „покорными слугами“, посылающими „нижайшіе поклоны“ и видящими въ любомъ человѣкѣ своего „государя“, да еще „милостиваго“, а насъ вѣдь это даже не коробитъ, подобно тому, какъ нашихъ предковъ не коробили общепринятыя тогда выраженія: „сынчишко боярскій, холопъ твой, имярекъ, тебѣ челомъ бьетъ“, „женчишка твоя, сицевая, тебѣ до земли кланяется“. Еще болѣе нивеллирующую силу имѣетъ usus въ отношеніяхъ религіозныхъ: такъ, ни одинъ самый неграмотный крестьянинъ у насъ не обидится, если старовѣръ или еврей откажется ѣсть изъ его посуды и объяснитъ, что по его старовѣрческой или еврейской вѣрѣ, православные считаются погаными. Надо, слѣдовательно, полагать, что того остраго оскорбительнаго чувства, какое испытываемъ при чтеніи діярбекрскаго документа въ настоящее время мы, не испытывалъ въ прошломъ вѣкѣ митрополитъ сиріянъ, для котораго одни изъ выраженій кадыя были стереотипной, мертвой формулой, не болѣе обидной, чѣмъ наше „покорнѣйшій слуга“ при „милостивомъ государѣ“, а другія должны были смягчаться соображеніемъ, что нетерпимое отношеніе къ „поганымъ“ христіанамъ предписано турецкому кадыю его турецкой религіей, а вѣдь для человѣка нѣтъ ничего болѣе святого, чѣмъ религія [3]). Могъ онъ принять въ соображеніе

---

[1]) Я сперва просмотрѣлъ „Основныя начала мусульманскаго права“ Л. Фанъ-денъ-Берга (СПБ. 1882) и спеціальную диссертацію В. Гиргаса: „Права христіанъ на востокѣ по мусульманскимъ законамъ“ (СПБ. 1865), но не нашелъ тамъ подобнаго требованія; напротивъ, одинъ изъ магистерскихъ тезисовъ В. Гиргаса гласитъ, что въ религіозныя дѣла зимміевъ мусульманскій законъ не вмѣшивается и представляетъ зимміямъ полную свободу самоуправленія. Обратившись къ арабскимъ кодексамъ, я не нашелъ подобнаго требованія ни у Qодурія (ум. 1037 г.), ни въ „Гидâѣ“ Марγінâнія (ум. 1196 г.). Слѣдовало бы посмотрѣть еще „Моλтаqâ λ-абχор“ Ибрâhіма *Халябія* (ум. 1549), но въ Москвѣ не нашлось экземпляра; впрочемъ, a priori можно быть увѣрену, что и *Халяби* не приказываетъ христіанамъ просить всякій разъ дозволенія на обычныя похороны.

[2]) „Всѣ выраженія, слова́ и отличительныя прозванія, заключающія униженіе одного изъ классовъ подданныхъ предъ другимъ въ отношеніи ихъ исповѣданія, языка и народности, будутъ навсегда уничтожены и вычеркнуты изъ государственныхъ бумагъ. Равнымъ образомъ воспрещается закономъ употребленіе различныхъ прозвищъ и названій, наносящихъ безславіе и стыдъ и касающихся чести, какъ между частными лицами, такъ и со стороны правительственныхъ лицъ“. Весь указъ цѣликомъ приведенъ у Гиргаса. Права христіанъ на востокѣ, СПБ. 1865, стр. 98—104.

[3]) Лѣтомъ 1896-го года, во время памятнаго колоссальнаго избіенія армянъ въ Константинополѣ, газета „Биржевыя Вѣдомости“ послала двухъ корреспондентовъ въ Константинополь, которые немедленно прислали въ газету рядъ корреспонденцій, чрезвычайно симпатичныхъ для армянъ. Они имѣли свиданіе, между прочимъ, съ армянскимъ патріархомъ Орманьяномъ (поставленнымъ Портою вмѣсто низвергнутаго Измирліяна), и патріархъ подыскивалъ оправданія

и то обстоятельство, что даже въ сношеніяхъ съ могущественными иностранными государями Порта употребляла уклончивые, своеобразные титулы, которые, по сопоставленію съ титулами обыкновенныхъ турецкихъ сановниковъ, являлись въ сущности глубокимъ оскорбленіемъ для иностранныхъ государей, однако не вызывали протестовъ [1]).

Какое же историческое значеніе имѣетъ нашъ діярбекрскій документъ? Ни малѣйшаго въ томъ смыслѣ, какой желала бы придать ему извѣстная кучка бейрутинцевъ, состоящая изъ догматолюбивыхъ, хоть и обарабившихся грековъ или ихъ учениковъ. Я опять повторю то методологическое правило В. Ѳ. Миллера, которое я поставилъ себѣ эпиграфомъ: „Изъ несовсѣмъ яснаго указанія на какой-то фактъ мы не въ правѣ дѣлать культурно-историческіе выводы".

II.

Другой документъ, сорока-трехлѣтней давности—письмо сирійскаго араба, воспитавшагося въ Россіи, Спиридона (Ысбыра) ʿАбуда изъ Москвы въ Дамаскъ, къ своему брату Абу-Мхâйлю. Оба брата теперь покойники (Ысбыръ умеръ въ 1879 году). Ихъ племянникъ и наслѣдникъ Димитрій (Митрій) ʿАбудъ продалъ А. Е. Крымскому оставшуюся послѣ нихъ хаотическую кучу книгъ, тетрадокъ и т. п. Разобравшись въ этомъ бумажномъ хламѣ, археологъ нашелъ множество писемъ, проливающихъ любопытный свѣтъ на личность покойнаго, но не блаженной памяти Ысбыра ʿАбуда, и между прочимъ—нижеприводимое. Оно ужъ было демонстрировано владѣльцемъ на засѣданіи Восточной Коммиссіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества 4 февраля 1899 года, но напечатано еще не было. Я ограничусь однимъ переводомъ, безъ транскрибированія текста.

Кто читалъ интересное изслѣдованіе Каптерева: „Характеръ отношеній Россіи къ православному Востоку въ XVI—XVII ст." (М. 1885), тотъ составилъ себѣ живое понятіе объ особомъ типѣ восточныхъ христіанъ, сдѣлавшемъ изъ своего православнаго вѣроисповѣданія средство для легкой наживы въ единовѣрной Руси. Вредъ, причиняемый такими выходцами въ старину, былъ огроменъ; между прочимъ, злосчастная Брестская унія съ Римомъ 1596 года была, надо думать, въ значительной степени вызвана безстыднымъ образомъ дѣйствій этихъ православныхъ пришельцевъ [2]). Типъ этотъ не переводится и до настоящаго времени [3]) и является вреднымъ не только съ церковной стороны (порождая, напримѣръ, двусмысленныя отношенія между Русью и православнымъ Востокомъ),—типъ этотъ производитъ вредъ и въ области науки, внося въ нее шарлатанство, поддѣлки и т. п., какъ это видно изъ письма ʿАбуда.

Для полнаго уразумѣнія ʿАбудова письма, поневолѣ приходится сообщить нѣсколько подробностей объ авторѣ, елико возможно краткихъ и все-таки достаточно прискорбныхъ. Воспитавшись въ Россіи, Ысбыръ путемъ низкопоклонства составилъ себѣ извѣстныя связи (въ кругу высшаго духовенства и профессоровъ, напр., Шевырева), а путемъ торговли своей восточной красотою нажилъ деньги. Возвратившись богачомъ (но на казенный счетъ) въ Сирію, онъ открылъ школку, гдѣ преподавался и русскій языкъ; это давало Ысбыру поводъ вѣчно испрашивать субсидіи отъ довѣрчивыхъ русскихъ патріотовъ и, какъ гласитъ восточная молва, получать очень солидныя суммы. Отказывая себѣ, вслѣдствіе невѣроятной скупости, въ самомъ

для турокъ именно потому, что ненависть къ иновѣрцамъ впитывается ими съ дѣтства какъ религіозная обязанность.

[1]) Это продолжалось и въ нынѣшнемъ столѣтіи.

[2]) Объ этой причинѣ уніи см. данныя въ „Synodzie Brzeskim" Петра Скарги, переизд. въ VII т. „Русской Исторической Библіотеки", стр. 993. Совершенно ясное заявленіе, что именно изъ-за соблазновъ и безпорядковъ, вносимыхъ въ Церковь недостойнымъ поведеніемъ восточныхъ православныхъ проходимцевъ, часть южной Руси предпочла признать главенство папы, мы читаемъ въ уніатскомъ *Ἀντίῤῥησις*ѣ: „Przeto nie dziw, że Mitropolit z Władykami uciekli się do starszey głowy". (Вильно 1600, стр. 82. Антирресисъ переизд. въ послѣднемъ III томѣ „Памятниковъ полемической литературы въ Западной Руси" подъ ред. Гильдебранда, въ „Русск. Ист. Библ.", но я еще не имѣлъ подъ руками этого новаго изданія и дѣлаю ссылку на старопечатное).

[3]) Крайне рѣзкую характеристику подобныхъ восточныхъ христіанъ, особенно сирійскихъ арабовъ, даетъ извѣстный арабистъ-этнографъ Ландбергъ на стр. 190—191 своихъ Proverbes et dictons du peuple arabe (Лейденъ 1883).

необходимомъ, Абудъ заболѣлъ падучей и, наконецъ, умеръ; отдаленные родственники, жившіе тутъ же, въ Бейрутѣ, налетѣли, какъ коршуны, и расхитили всѣ деньги (80,000 золотыхъ) и драгоцѣнности, прежде чѣмъ успѣли пріѣхать въ Бейрутъ изъ Дамаска законные наслѣдники. Тѣ, правда, возбудили противъ грабителей длинный процессъ объ отравленіи своего наслѣдодателя, но судъ, который въ Турціи рѣшается на основаніи взятокъ, отказалъ въ искѣ.

Остальныя примѣчанія я дѣлаю въ выноскахъ. Въ квадратныхъ скобкахъ помѣщены слова, добавленныя мною самимъ ради стиля. [1])

„5 апрѣля 1857 г., изъ Москвы въ Дамаскъ. Благороднѣйшему, высокопоставленному, почтеннѣйшему, единоутробному господину брату нашему [2]), уважаемому сударю Абу-Мхâйлю. Да хранитъ его Господь творенія, его и всю семью его, и да продлитъ Всевышній Богъ его существованіе. Аминь.

„Прежде всего препровождаю вамъ [3]) братское духовное цѣлованіе о Господѣ Богѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ, Который пролилъ Свою чистую кровь за насъ съ цѣлью даровать намъ въ Своемъ раю блаженство и содѣлать насъ достойными счастливаго Эдема, чтобы и мы, презрѣнные, также были служителями и членами Его святой Церкви. Онъ черезъ своихъ апостоловъ, учителей церкви, ея пастырей и устроителей, далъ намъ законы и каноны для блюденія ея святыхъ преданій, укрѣпляющихъ вѣру правую, а каждому изъ насъ должно стараться и усердствовать объ осуществленіи и охраненіи всѣхъ [дарованныхъ намъ духовныхъ] преимуществъ, приводящихъ къ преуспѣянію нашу достославную родину, гдѣ каждый изъ насъ есть членъ нашей святой общины, избранной Божественнымъ всехранительнымъ Промысломъ, но попадающей подъ столь многія угнетенія вслѣдствіе вины ея же отраслей, т.-е. тѣхъ чадъ нашей святой вѣры, которыя являются ея терніями. Молимся Господу сего виноградника о дарованіи добрыхъ дѣлателей вертограду своему, да соберутъ его плоды его дѣти-сироты и да получатъ они вожделѣнное отъ Господа поклоняемаго. Аминь [4]).

„[Принесши это благопожеланіе], сообщаю тебѣ, что послѣ столькихъ [отправленныхъ мною] писемъ, послѣ столькихъ великихъ воздыханій о невозможности быть въ твоемъ миломъ сообществѣ и слушать голосъ твой, послѣ неописанной жажды лицезрѣть тебя, я наконецъ былъ осчастливленъ 5-го апрѣля блистаніемъ двухъ твоихъ писемъ, помѣченныхъ 5-мъ декабря прошлаго года и 13-мъ января нынѣшняго года. Я очень обрадовался дорогому для меня увѣдомленію, что ты живъ-здоровъ, равно какъ родные и друзья [здравствуютъ]. Да дастъ намъ Господь нашъ лицезрѣть каждаго любимаго человѣка и каждаго, кто полезенъ святой общинѣ [5]).

Но я очень опечалился тѣмъ, что письма достигли моихъ рукъ уже открытыя Агапіемъ, *Х*а*с*бâніемъ [6]), потому-что Димитрій Ш*х*âде [7]) всегда посылаетъ [предназначенныя] для меня письма на руки Агапію въ Петербургъ, а тотъ ихъ читаетъ. Что ему понравится, онъ оставляетъ у себя, а что ему не нужно, то посылаетъ мнѣ ужъ открытое, безъ страха и боязни. Я слышалъ что дамаскинцы всегда пишутъ [8]) ему прошенія и просятъ, чтобы онъ покровительствовалъ имъ передъ Св. Синодомъ. Пожалуйста, ради любви къ Іисусу, сообщи мнѣ правду и сообщи намѣренія тѣхъ, кто съ нимъ переписывается въ тайнѣ [9]). И не стыдно дамаскинцамъ!.. Да что говорить! дай Богъ терпѣнія!

---

[1]) Три болѣе длинныхъ примѣчанія, написанныхъ А. Е. Крымскимъ и прочтенныхъ имъ на прошлогоднемъ засѣданіи Восточной Коммиссіи при демонстраціи ʻАбудова письма, я сохраняю безъ всякихъ измѣненій.

[2]) и [3]) Pluralis majestaticus, обычный въ письмахъ.

[4]) Это длинное, напыщенное введеніе, давшееся ʻАбуду, очевидно, съ большимъ трудомъ (онъ, какъ вообще арабы, воспитавшіеся въ Россіи, былъ слабъ въ арабскомъ языкѣ), онъ имѣлъ привычку повторять и въ другихъ письмахъ.

[5]) Т.-е. Церкви.

[6]) Покойный Агапій *Х*а*с*бâни былъ, по возвращеніи въ Сирію, епископомъ Хôрâнскимъ. Врагъ арабовъ, онъ, судя по фамиліи, былъ все-таки родомъ арабъ. Деревня *Х*а*с*бâйâ лежитъ недалеко отъ Бейрута.

[7]) Извѣстный церковный сирійскій дѣятель. Хоть онъ лицо не духовное, но во время предпослѣднихъ выборовъ на антіохійское патріаршество многіе намѣчали его въ число кандидатовъ.

[8]) = адресуютъ.

[9]) Пожалуй, передъ „въ тайнѣ“ нужно поставить запятую, такъ-какъ эти слова могутъ относиться не къ „переписывается“, а къ „сообщи“.

„Далѣе. Я уже благодарилъ тебя за твою доброту, проявившуюся въ твоихъ стараніяхъ относительно рукописи Путешествія Макарія [1]). Но лучше всего была бы рукопись старая. Теперь этотъ [покупатель] колеблется: покупать ли ее или отказаться. Если она окончена, то сейчасъ же перешли ее мнѣ. Не можешь ли ты поставить на ней свидѣтельства греческія и арабскія отъ кого-нибудь изъ уважаемыхъ людей [2]), что эта книга подлинная и истинная? Помѣть ее древнею датою и переплети ее въ древній переплетъ нашей страны. Если ты древній переплетъ найдешь, то переплети ее такъ, какъ [переплетаются] книги мусульманскія, или лучше. А не то пришли ее безъ всякаго переплета, разъ ужъ нельзя найти переплета стараго, такого, о какомъ я пишу. Если ты постараешься переписать всѣ его сочиненія поскорѣе, то окажешь мнѣ большое одолженіе. При этомъ на каждой рукописи, какую ты пришлешь, пусть будетъ удостовѣреніе, что—молъ—смотрѣлъ эту рукопись такой-то священникъ, епископъ или патріархъ, который и нашелъ ее подлинною. Насколько можешь, усиливай древность ея даты. И [переписана] пусть она будетъ на бумагѣ хорошихъ мусульманскихъ рукописей [3]). Начало книги или ея заглавный листъ пусть будетъ [украшено] стеблями и деревьями, [изображенными] посредствомъ чернилъ красныхъ, зеленыхъ, желтыхъ и золотыхъ, насколько это доступно твоимъ силамъ,—потому что жители здѣшней страны любятъ такія украшенія на рукописяхъ. Отъ всего, что ты будешь отдавать въ переписку, заказывай, если возможно, и для меня одинъ экземпляръ и держи въ вашей странѣ,—[заказывай] по самой дешевой цѣнѣ, потому что ты знаешь мое состояніе. Когда ты разыскиваешь у кого-нибудь книги, то не говори: „эти книги—для моего брата". Лучше пусть это будетъ тайною. Еще прошу тебя извѣстить меня о названіяхъ [всѣхъ] его сочиненій. — Если ты найдешь книгу, составленную Іоанномъ Ма'ʌули, на арабскомъ, сирійскомъ или греческомъ языкѣ, то извѣсти меня сейчасъ же, сейчасъ же! она очень нужна.

„Ты меня увѣдомилъ о епископѣ Кириллѣ, что видѣлъ его. Но ты мнѣ ничего не написалъ о его принятіи и о томъ почетѣ, какой былъ ему оказанъ; я получилъ [объ этомъ] точное сообщеніе [ужъ] отъ многоуважаемаго моего двоюроднаго брата г. Николая Шâмийе, который тебѣ шлетъ свой привѣтъ [4]). Дѣла его идутъ успѣшно, сынъ его и племянникъ поступили въ школу йымнâсію, [состоящую] подъ надзоромъ Его Величества и Ея Величества. Такъ. Кланяйся его братьямъ, каждому поименно. Если тебѣ возможно, сообщи мнѣ о томъ, что сказалъ про меня Фаdлалла Сарруфъ; по истинѣ, я буду тебѣ [за это] благодаренъ. Извѣсти меня также, если это тебѣ извѣстно, о количествѣ денегъ, которыя онъ растратилъ [5]),—[извѣсти] тайно. Сообщи мнѣ также о монахахъ, [находящихся] теперь на [патріаршемъ] подворьѣ [6]), о каждомъ поименно. Что касается 'Аккâрскаго митрополита, то повидимому русскіе не хотятъ принять его на [Антіохійское] подворье [7]), какъ того требовалъ Его Блаженство, ибо въ здѣшней странѣ желаютъ, чтобъ [настоятелемъ Антіохійскаго подворья] былъ арабъ; а Его Блаженство старается ихъ переубѣдить. Что касается твоей просьбы насчетъ знакомства съ кѣмъ-нибудь изъ здѣшнихъ купцовъ, то это вещь возможная; но какъ тебѣ познакомиться съ ними, разъ ты не знаешь языка здѣшней страны?

---

[1]) Рѣчь идетъ про путешествіе Антіохійскаго патріарха Макарія по православнымъ странамъ (у насъ въ 1655), описанное его сыномъ Павломъ Халебскимъ. По наилучшей рукописи оно переведено на англійскій языкъ Belfour'омъ (Лонд. 1829—1836). На русскій языкъ предпринято было нѣсколько переводовъ, но ни одинъ еще не былъ печáтно доведенъ до конца. Рукописный переводъ Полуденскаго хранится, вмѣстѣ съ поздней арабской рукописью, въ Московскомъ Архивѣ Иностранныхъ дѣлъ.

[2]) аʌ- мо'табарîн.

[3]) 'аʌа waraq мин кютоб аʌ-исʌâм аʌ-манзумат.

[4]) Семья Шâмийе утвердилась въ Одессѣ. Теперь тамъ есть нотаріусъ этой фамиліи.

[5]) фараq. Можетъ быть, лучше читать: фарраq.

[6]) qыʌʌâйе.

[7]) антуш.

„Я, твой братъ, шлю за тебя мольбы во всякое время, большую часть котораго я [однако лежу] въ постели, въ больницѣ, причемъ нѣтъ у меня ни должности, ни занятія. Впрочемъ теперь, хвала Всевышнему, мнѣ лучше, и я печатаю катехисисъ для Сиріи и Египта, [предназначенный] для даровой раздачи арабамъ,—это, чтобъ заполнить мое свободное время. Извѣсти меня, братъ, какія книги находятся въ нашей странѣ уже исправныя и нуждающіяся въ напечатаніи. Если можно, пришли мнѣ какую-нибудь ужъ готовую [къ печати] и очень нужную для пользы христіанъ. Слѣдуетъ только послать мнѣ при этомъ письмо отъ представителей школы съ просьбой ко мнѣ [въ такихъ выраженіяхъ]: „похлопотать о ея напечатаніи передъ нашими братьями-русскими, такъ какъ европейцы посылаютъ тысячи книгъ“ и тому подобное. Пусть будутъ [употреблены] выраженія въ такомъ родѣ, а мнѣ Богъ поможетъ. Если возможно, то составь письмо по-гречески или, лучше, по-французски, на имя мое, и напиши о литографіи вотъ какъ: „Ужъ два года тому назадъ ты далъ обѣщаніе моимъ землякамъ, [говоря], что у нѣкоторыхъ добрыхъ людей было желаніе подарить имъ [литографію] ради благоустроенія церкви“ и т. д., и еще вотъ какъ: „мы ужъ нѣсколько разъ писали объ этомъ твоей милости, ибо у насъ нѣтъ никого кромѣ тебя въ тѣхъ благословенныхъ мѣстахъ“ и т. п. Такая просьба пусть будетъ вложена въ письмо ко мнѣ, безъ запечатыванія. А если его подпишетъ какой-нибудь изъ митрополитовъ, то это выйдетъ еще лучше и лучше,—а не то—патріархъ, а не то—достаточно будетъ и просто дамаскинцевъ. Эта [литографія] стóитъ болѣе 20,000 піастровъ. Когда будешь мнѣ писать, всегда упоминай имя московскаго митрополита: онъ можетъ помочь моимъ землякамъ, и еще, подобно ему, Муравьевъ.

„Насчетъ очковъ [сдѣлалъ бы все] съ удовольствіемъ, но какъ я могу знать состояніе твоихъ глазъ и то, будутъ ли [очки] подходить? Я обошелъ много магазиновъ, и всякій [купецъ] говоритъ мнѣ: „нужно, чтобъ онъ самъ былъ здѣсь и выбралъ по глазамъ“. Впрочемъ теперь, какъ ты, дорогой мой, знаешь, [все равно]—дни святочные; [напиши письмо], и потомъ ты [очки] получишь, именно такія, какія пожелаешь. И вообще, что бы тебѣ ни понадобилось, увѣдомляй меня,—я все сейчасъ же исполню съ удовольствіемъ. [А вотъ скажу] относительно Димитрія Шhâде: прошлый годъ онъ взялъ у меня 5 рублей,—это больше, чѣмъ сто піастровъ,—написалъ мнѣ о ихъ полученіи и прервалъ со мной переписку. Теперь, всякій разъ какъ получится на его имя письмо ко мнѣ отъ тебя, онъ пересылаетъ Хасба̂нію въ Петербургъ, а тотъ вскрываетъ, читаетъ, а затѣмъ или оставляетъ у себя, или посылаетъ [мнѣ]. Сообщи своему зятю, что книжку [для сборовъ], которую онъ послалъ здѣшнему митрополиту внутри писемъ къ Анѳиму, Агапій [Хасба̂ни] потопилъ у себя. Скажу тебѣ, что имя твоего зятя [по винѣ Агапія] черно, какъ смола, и къ чернотѣ его пріобщенъ и я. Я нѣсколько разъ старался сдѣлать ему [Агапію] все хорошее, но онъ отъ издѣвательствъ своихъ и отъ ненависти къ арабамъ не отступаетъ. Нѣсколько разъ были перехвачены его письма противъ арабовъ, въ Константинополѣ, только я скрылъ это. А про издѣвательства его надъ арабами не подобаетъ и писать. У него долговъ около 25,000 піастровъ, да на нихъ еще проценты. Онъ проситъ Анѳима собрать ему эту сумму или взять въ долгъ у кого-нибудь. Чистое мальчишество! Сообщи мнѣ подробнѣе все, что тебѣ извѣстно на его счетъ.

(Приписка). „Здѣсь у насъ находится епископъ ....[скій] [2]) Никаноръ, посланный изъ Александ[ріи] [1]). Онъ собираетъ на книжку, и въ теченіи шести лѣтъ собралъ около 80,000 рублей серебромъ. Онъ выстроилъ церковь въ Москвѣ на подворьи,—онъ и одинъ купецъ, который истратилъ на это 70,000 рублей, не считая [цѣны] пятнадцати сундуковъ церковной утвари и облаченій и прочихъ расходовъ. Видишь, каково усердіе этого человѣка! Да поможетъ намъ Господь нашъ въ благословеніяхъ его. Онъ посылаетъ тебѣ благословеніе, потому что я принесъ ему отъ тебя подобающій привѣтъ.—А насчетъ денегъ подворья Антіохійскаго сообщи нашимъ землякамъ, что ихъ раскралъ и растратилъ Хасбеній“.

Г. Чирковъ.

[1]) Нечетко написано, но какъ будто надо понимать: „Ѳиваидскій“.

[2]) Нечетко. Можетъ быть, надо перевести: „отъ Александрійскаго патріарха“.

ИЗЪ ОБЛАСТИ
древне-арабской лирической поэзіи.

> Спрашивается, на чемъ основано предположеніе, что душевная жизнь примитивнаго человѣка такъ рѣзко расходилась съ нашей?
> Вс. Миллеръ, „Русская Мысль“ 1895, окт., стр. 144.

Старую арабскую (т.-е. преимущественно бедуинскую) поэзію, періода доисламскаго или начальнаго исламскаго, мы знаемъ главнымъ образомъ на основаніи восьми сборниковъ, составленныхъ уже въ исламскую эпоху.

1) Мо῾аллаки [1])—наиболѣе старый и наиболѣе прославленный сборникъ семи (или девяти) большихъ произведеній важнѣйшихъ доисламскихъ поэтовъ, составленъ Хаммâдомъ (ум. 783 г.); о мо῾аллакахъ существуетъ обширная литература; достаточно написано о нихъ и на русскомъ языкѣ. Русскій читатель всѣ нужныя свѣдѣнія найдетъ въ статьѣ А. Е. Крымскаго („Энциклоп. Словарь“ Брокгауза и Эфрона, полутомъ 38-ой).

2) Мофаддаліи — антологія староарабскихъ пѣсенъ, составленная Мофаддалемъ Даббіемъ (ум. 786 года).

3) „Жамһарат аш῾âр аль-῾араб“, т.-е. „Сборникъ арабскихъ (бедуинскихъ) стиховъ“, проредактированный Абу-Зейдомъ Корâшіемъ въ III—IV в. Хижры, т.-е. въ IX—X в. по Р. Х.

4) Хамâса—прекрасная антологія наилучшихъ отрывковъ изъ наилучшихъ староарабскихъ произведеній. Можетъ считаться образчикомъ творчества племени Тâитовъ, къ которому относилъ себя и составитель этой антологіи—извѣстный поэтъ Абу-Теммâмъ (род. 807 г., ум. 846 г.) Личность это была довольно низменная (по крайней мѣрѣ, его старанія втереться къ сильнымъ міра сего и къ халифу Ма'муну съ цѣлью получать плату за свои панегирики едва ли могутъ считаться возвышенными), но онъ былъ одаренъ тонкимъ эстетическимъ вкусомъ и прекрасно зналъ старинную поэзію. Хамâсу онъ составилъ при особыхъ обстоятельствахъ. Возвращаясь въ Багдадъ изъ Хорâсâна, отъ тамошняго намѣстника—῾Абдаллâһа ибнъ-Тâһира, Абу-Теммâмъ былъ застигнутъ въ Һамадâнѣ сильной снѣжной вьюгою, которая занесла на нѣсколько недѣль всѣ горныя дороги и принудила поэта сдѣлать долгую остановку. Онъ воспользовался

[1]) Буквою о я условно передаю начертаніе дамма (звучащее теперь какъ „ишмâмъ“). Да и вообще въ своей транскрипціи я стараюсь не затруднять русской типографіи.

гостепріимствомъ одного горячаго любителя поэзіи и литературы — Абуль Вафâ ибнъ-Саламе, который предоставилъ въ его распоряженіе всю свою богатую библіотеку. Абу-Теммâмъ, на своемъ продолжительномъ невольномъ досугѣ, составилъ цѣлыхъ четыре поэтическихъ антологіи и, между ними, Хамäсу. Слово „Хамâса[т]" значитъ „доблесть", но,собственно, только первый отдѣлъ этой антологіи прямо посвященъ пѣснямъ воинской доблести. Второй отдѣлъ—причитанія по убитымъ и элегіи; третій—изреченія и правила общественной морали; *четвертый* (чрезвычайно нѣжный и изящный)—*пѣсни любовныя;* пятый—сатиры; шестой—гостепріимство и восхваленія; седьмой — описанія; восьмой — „путь и отдыхъ"; девятый — шутки; десятый—насмѣшки надъ женщинами. Извѣстнѣйшій изъ комментаторовъ Хамäсы—Тебрӣзій († 1108 г.). О прочихъ комментаріяхъ см. Хаджи-Хальфу III, 4,638. Объ Абу-Теммâмѣ см. „Фиһристъ" 165; ибнъ-Халликâнъ № 146.

5) Малая Хамâса—составлена Бóхторіемъ (ум. 897).

6) Диванъ Һоδейлитовъ — собраніе языческихъ и мусульманскихъ стихотвореній поэтовъ изъ племени Хозейль (һоδейλ), жившаго въ горахъ къ юго-востоку отъ Мекки. Собралъ ихъ произведенія филологъ Сóккарій, послѣ 888 г., а проредактировалъ ихъ и снабдилъ комментаріемъ грамматикъ Роммâній ужъ послѣ Соккарія. Важенъ диванъ Хозейлитовъ какъ образчикъ чисто бедуинской поэзіи, совершенно свободной отъ вліянія княжескихъ дворовъ сѣверной Аравіи. Печатное изданіе предпринялъ было Козегартенъ (Carmina Hudsailitarum, или The Hudsailian poems, Лонд. 1854), собираясь даже снабдить его переводомъ, но не окончилъ, и изданіе было довершено, тридцать лѣтъ спустя, Велльгаузеномъ (Skizzen und Vorarbeiten, I, Берл. 1884).

7) Тотъ же Соккари составилъ сборникъ стиховъ выдающихся бедуинскихъ разбойниковъ: „Ахбâр аль-лосус".

8) „Китâб-аль-аγâнî", т.-е. „Книга пѣсенъ"—колоссальный трудъ Абуль-Фâража Испаһâнскаго (род. 897 г., ум. ок. 973 г.), воспользовавшагося нѣсколькими старинными сборниками [1]).

Кромѣ того многія старо-арабскія стихотворенія попадаются въ болѣе позднихъ антологіяхъ, словаряхъ, исторіяхъ и т. д.

Старо-арабская поэзія носитъ характеръ лирическій и даже, какъ выражается нашъ глубокоуважаемый оріенталистъ бар. Розенъ, „отчаянно-лирическій". Въ этой лирикѣ, признавая всю ея мощь и оригинальность, отмѣчаютъ извѣстную сухость фантазіи и какъ бы дѣловитость. А. Мюллеръ въ своей „Исторіи ислама" говоритъ: „У араба, въ нашемъ смыслѣ, продуктивности фантазіи весьма мало: онъ по своему характеру слишкомъ воздерженъ и скептиченъ для этого [2])". А. Е. Крымскій въ своей вышеупомянутой статьѣ „Мо'аллаки", гдѣ онъ подводитъ итоги изслѣдованіямъ западныхъ оріенталистовъ, признаетъ если не за всей старо-арабской поэзіей, то по крайней мѣрѣ за мо'аллаками извѣстную скучноватость для европейцевъ [3]). Велльгаузенъ, приступая къ окончанію изданія Дивана Хозейлитовъ, заявляетъ: „Интересъ, который мы принимаемъ въ древне-бедуинскихъ пѣсняхъ, совсѣмъ не поэтическій, а филологическій и историческій [4])",—можно, пожалуй подумать, что издатель видитъ въ поэтическомъ увлеченіи доисламскими произведеніями нѣчто непонятное! Но никто, конечно, не будетъ оспаривать мнѣнія Мюллера, что древне-арабскіе поэты способны къ точному наблюденію окружающей

---

[1]) О всѣхъ этихъ восьми антологіяхъ сжатыя свѣдѣнія (во всякомъ случаѣ съ указаніемъ литературы предмета) можно найти у Брокельмана въ его Geschichte der Arabischen Litteratur (Веймаръ 1897, т. I, стр. 17). Свѣдѣнія, сообщаемыя мною, въ иныхъ мѣстахъ гораздо короче, чѣмъ у Брокельмана, въ другихъ — гораздо подробнѣе (на основаніи Козегартена, Нёльдеке, Гольдціэра и др.), и хронологическихъ опечатокъ нѣтъ. Дольше всего, хоть это и неравномѣрно, я остановился на Хамâсѣ и Диванѣ Хозейлитовъ, потому что два названныхъ сборника больше всего стоятъ въ связи съ настоящей статьей.

[2]) Русск. переводъ 1895 г., т. I, стр. 42.

[3]) Десять лѣтъ тому назадъ онъ такихъ ограниченій не дѣлалъ и восхищался моаллаками безусловно. См. его „Переднє слово" къ его малорусскому переводу „Антаровоï Моаллаки" въ львовскомъ журналѣ „Правда" 1890, жовтень, стр. 105.

[4]) Skizzen und Vorarbeiten. Erstes Heft. Berlin 1884, стр. 105.

природы, вполнѣ естественному при изощренности чувствъ, которыя въ постоянномъ общеніи съ пустыней прекрасно развиваются [1]). Одной изъ наиболѣе оригинальныхъ картинъ пустыни является, по моему, отрывокъ изъ № 99 Дивана Хозейлитовъ. Художественное значеніе этого отрывка давно было оцѣнено и издателемъ Дивана—Козегартеномъ [2]), и Кремеромъ [3]). Какъ этнографъ, я заинтересовался названнымъ стихотвореніемъ еще потому, что оно психологически вводитъ насъ въ ту обстановку, при которой развивается народная демонологія; оттого я его и перевожу ниже. Упоминаемое въ этомъ стихотвореніи сверхъестественное существо „γуль" (нѣчто среднее между вѣдьмой и упыремъ) послужило поводомъ къ тому, что я, какъ бы въ видѣ этнографическаго комментарія, прилагаю переводъ одного изъ стихотвореній доисламскаго героя Таа́ббата Ша́рранъ [4]); послѣднее дошло до насъ въ главѣ „Раха̂ Бытâнъ" Космографіи Казвинія [5]).

Сверхъ этихъ двухъ номеровъ, мною переведены четыре стихотворенія изъ четвертаго (любовнаго) отдѣла Хама̂сы—съ цѣлью хоть немного восполнить пробѣлъ русской переводной литературы, и, по совѣту А. Е. Крымскаго, прибавлено одно стихотвореніе доисламской поэтессы Хансы, хотя оно у меня является, собственно переводомъ бейрутскаго комментарія „Анîс-аль-жоляса̂'", а не самого текста. Русскіе переводы старо-арабскихъ произведеній обыкновенно обрисовываютъ бедуина только съ одной стороны: онъ является неукротимымъ, храбрымъ героемъ, всегда готовымъ сражаться, убивать, грабить, мстить врагамъ, ѣздить на охоту, отважно пускаться въ дикія, опаснѣйшія мѣста. Другіе отдѣлы старо-арабской поэзіи, которые обрисовываютъ нѣжную сторону жизни этого витязя-разбойника, которые намъ показываютъ его глубоко-впечатлительную, даже сантиментальную натуру, оставлялись русскими переводчиками въ тѣни. Этой односторонности не избѣжалъ, между прочимъ, И. Холмогоровъ, авторъ, къ сожалѣнію, единственной на русскомъ языкѣ Исторіи арабской литературы [6]), давшій въ своей книгѣ немало прозаическихъ, но очень изящныхъ переводовъ изъ доисламскихъ поэтовъ-героевъ [7]). Повидимому, едва ли не единственнымъ исключеніемъ является Бергъ, помѣстившій въ своихъ „Пѣсняхъ разныхъ народовъ" (М. 1854, стр. 219) чрезвычайно граціозное стихотвореніе изъ IV отдѣла Хама̂сы. Бо́льшіе успѣхи въ этомъ отношеніи сдѣлала литература малорусская [8]).

Что при своей работѣ я пользовался арабскими комментаріями Тебрîзія [9]), Ромма̂нія и др., это само собою разумѣется. Но, кромѣ того, считаю нужнымъ добавить, что многими историко-литературными и филологическими разъясненіями я обязанъ А. Е. Крымскому, моему учителю и вмѣстѣ съ тѣмъ ученику нашего общаго учителя.—В. Ѳ. Миллера.

---

[1]) Исторія Ислама, т. I, стр. 42.

[2]) Carmina Hudsailitarum (The Hudsailian poems), preface, стр. VII.

[3]) Culturgeschichte des Orients unter den Chalifen, II Band, Вѣна 1877, стр. 344.

[4]) О немъ и прочихъ его стихотвореніяхъ см. статью Баура въ Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, X (1856).

[5]) Родился 1203 г., умеръ 1283 г. Его Космографія ('Ажа̂ыб аль-махλуqâт) въ Европѣ издана Вюстенфельдомъ (Гётт. 1848—1849). Названное стихотвореніе напечатано на стр. 61-ой.

[6]) Во II т. „Всеобщей исторіи литературы" Корша и Кирпичникова, Спб. 1885. Считаю себя вправѣ употребить выраженіе „къ сожалѣнію", потому что капитальные промахи работы Холмогорова, устарѣлой даже въ моментъ ея появленія, кажется, сознаны всѣми.

[7]) Вопроса о ихъ точности и правильности не считаю нужнымъ подымать. Во всякомъ случаѣ изящество Холмогоровскихъ переводовъ неоспоримо.

[8]) Изъ числа переводимыхъ мною здѣсь стихотвореній „Иеменскій плѣнникъ" издано по-малорусски А. Е. Крымскимъ въ юбилейномъ сборникѣ: „Привіт д-ру Івану Франку од украіньсько-руських письменників", Львів 1898, стр. 125—126.

[9]) Въ моемъ распоряженіи имѣется не европейское изданіе Фрейтага, но восточное четырехтомное булакское 1296 г. Хижры, и всѣ ссылки дѣлаются на томы и страницы именно этого изданія.

I

(Хама̂са I, стр. 25 [1]).

Йеменскій плѣнникъ въ Меккѣ.

Прочь изъ темницы душа моя рвется
Вслѣдъ за отрядомъ йеме́нскихъ друзей;
Дума далёко съ чужбины несется,
Съ тѣла-жъ не сбросить мекканскихъ цѣпей.

Въ темную ночь ты меня посѣтила,
Я изумленный стоялъ предъ тобой...
Какъ ты прошла? какъ ты дверь отворила?
Крѣпко ее затворили за мной...

Въ мрачной темницѣ когда ты явилась,
Духомъ усталымъ опять ожилъ я.
Вставши, со мной ты простилась,—
Всѣмъ существомъ за тобой понесся...

О, дорогая! повѣрь, что въ разлукѣ
Я не смирился мятежной душой,
И безъ малѣйшаго страха и муки
Вижу я смерть предъ собой.

Знайте, враги, что угрозою тщетною
Вамъ не удастся принизить меня,
И подъ тяжелою цѣпью желѣзною
Врядъ-ли сломлюсь когда я...

Страсть же къ тебѣ меня вновь охватила,
Снова я жажду горячей любви;
Въ сердцѣ былое ты мнѣ воскресила,
Снова я вспомнилъ свободные дни.

II

(Хам., III, стр. 145).

О, вѣтерокъ! когда твое дыханье
Слетаетъ съ горъ въ тиши ночей,—
То новое, тяжелое страданье
Сливается съ тоской моей.
Когда въ вѣтвяхъ лавровыхъ, въ блескѣ утра,
Воркуетъ голубь о любви,
Ты, какъ дитя, истерзанное сердце,
Льешь слезы горькія свои.
Преодолѣть совсѣмъ не въ силахъ
Я страсть любовную тогда,
И проявляю то, чего бы
Не проявилъ я никогда...

Намъ говорятъ: „когда влюбленный
Бываетъ часто съ дорогой,
То пресыщается онъ скоро
Ея чудесной красотой.
Но и тяжелою разлукой
Любовь возможно побѣдить“...
Я все позналъ съ своей подругой:
Но хуже все жъ въ разлукѣ быть.
Однако, частыя свиданья
Утѣхи малыя несутъ,
Когда коварныя созданья
Лишь обѣщанія даютъ.

III

(Хам. III, 141).

На зеленой вѣткѣ сидя,
Голубь ночью ворковалъ,
Я же вдругъ, среди дремоты,
Эту пѣсню услыхалъ...

Клятвамъ часто измѣняя,
Я клянусь, что голубей,
Полюбивъ, я превзойду
Томной пѣснею своей...

IV

(Хам. III, 143).

У влюбленныхъ одно лишь желанье:
Чтобъ разлуки не знать никогда.
Цѣлый вѣкъ можетъ длиться свиданье—
Имъ не въ пору скучать и тогда!

Вмигъ готовы умчаться высоко
За малѣйшею тучкой любви,
Что манитъ ихъ къ себѣ издалёка,
Обѣщая отрадные дни.

И они никогда не внимаютъ
Сплетнямъ празднымъ всѣхъ прочихъ людей:
Про дѣла лишь с в о и они знаютъ,
Наслаждаются рѣчью с в о е й.

[1]) Стихотвореніе это случайнымъ образомъ нашло себѣ мѣсто въ I отдѣлѣ.

V.

(„Анîс аль-жоляса̂' фî дîwâн аль-Ханса̂'“, изд. Л. Шейхо, Бейрутъ 1889, стр. 4).

Вокругъ меня покой и тишина,
Ночь звѣздная спустилась надо мною...
Не сплю лишь въ станѣ я своемъ одна,
Рой мрачныхъ думъ кружится надо мною.
Когда звѣзда падучая порой
Тамъ въ вышинѣ внезапно погасаетъ,
Мнѣ чудится, что это образъ твой
Ко мнѣ таинственно съ небесъ слетаетъ.
И слышу будто бы я голосъ твой,
И ощущаю я твое дыханье.
Но это мигъ одинъ, и вновь съ слезой
Я пѣснь пою тяжелаго страданья.

VI.

(Hudsailitarum carmina, стр. 214).

Ночь въ пустынѣ.

По глухимъ лощинамъ, страусы гдѣ бродятъ,
Гдѣ въ ночное время злыя γули ходятъ,
Гдѣ съ тоскливымъ свистомъ завываютъ джынны,—
На своей тамъ жизни я ѣзжалъ не мало.
А въ пустынѣ ночи такъ темны порою,
Такъ онѣ объяты безпросвѣтной мглою!
Подъ ея покровомъ все черно, какъ будто
Вороные кони подъ попоной плотной.
Я одинъ отважно ѣду межъ песками.
Спутники жъ поникли сонными главами.
Дремлется имъ, спится... Такъ въ истомѣ сонной
Никнутъ молодыя вѣтви клещевины.
Ѣду, хоть дорогу темень преграждаетъ;
Какъ морская бездна, мракъ все поглощаетъ,
А вокругъ на душу навѣваетъ ужасъ
Грозная, глухая, дикая пустыня.
Тутъ съ пути собьется этакой порою
Лучшій провожатый. А надъ головою
Завываетъ филинъ, и съ тоскою путникъ,
Весь объятый страхомъ, взорами блуждаетъ.

VII.

(*К*азвîнîй, I, стр. 61).

Таабба*т*а Шярранъ встрѣчается въ пустынѣ съ γулью.

Хотите-ль знать, друзья-Фахмиты,
Что́ приключилося со мной
Въ Ра*х*а̂ Бы*т*âнѣ, какъ я ночью
Тамъ повстрѣчался съ γулью злой?
Я видѣлъ, какъ она слетѣла
И опустилась на песокъ—
На мѣстѣ ровномъ и похожемъ
На гладкій хартіи листокъ.
Я говорю ей: „мы любимы
Съ тобою не были судьбой,
Мы оба—по свѣту скитальцы...
Дай у костра присѣсть съ тобой“.
Въ отвѣтъ на это вѣдьма злая
Ко мнѣ вдругъ сдѣлала прыжокъ,
Но тутъ надъ ней, во мракѣ ночи,
Блеснулъ йеме́нскій мой клинокъ.
Нанесъ ударъ я ей безъ страха,
Она-же, на руки упавъ,
Верблюжьей грудію своею
О землю грохнулась стремглавъ.

Она сказала: „убирайся“!
Но я прикрикнулъ ей въ отвѣтъ:
„Потише, вѣдьма, и ни съ мѣста!
Въ моемъ вѣдь сердцѣ страха нѣтъ!“
И, обхвативъ руками крѣпко,
Ей шевелиться не давалъ,
И только утромъ, на разсвѣтѣ,
Я обликъ γули распозналъ.

У γули голова кошачья,
А на лицѣ ея дурномъ
Блестятъ бѣсовскіе два глаза
Съ подобнымъ жалу языкомъ.
А ноги—какъ у недоноска;
Спина—собачья, а покровъ
У ней не то изъ грубой шерсти,
Не то изъ ветхихъ бурдюковъ...

Гули въ арабской демонологіи относятся къ джыннамъ, т.-е. духамъ мужескаго и женскаго пола, которые населяютъ горы, пустыни, оазисы и т. п.; джынны обыкновенно невидимы, но могутъ принимать и видимые образы; они раждаются и умираютъ, какъ люди, могутъ быть убиты оружіемъ и даже (напр., си'лы) растерзаны звѣрями. Одни изъ джынновъ—существа добрыя и благородныя [1]), красивыя [2]), поэтическія [3]). Другіе изъ нихъ, блистая красотою, отличаются порядочною холодностью сердца; таковы си'лы или си'лâты [4]), которыя иногда выходили замужъ за людей и дѣлались матерями, но затѣмъ, въ одинъ прекрасный вечеръ, завидѣвши мерцаніе отдаленнаго огня въ пустынѣ, разведеннаго другими си'лами, онѣ безъ особаго сожалѣнія бросали дѣтей на попеченіе мужа, а сами удалялись къ товаркамъ [5]). Большинство джынновъ, однако, крайне безобразно и злобно и вполнѣ соотвѣтствуютъ русскимъ чертямъ и чертовкамъ; γули (онѣ женскаго пола) особенно отвратительны. Насколько γуль уродлива, можно судить по вышеприведенному стихотворенію Таабба*ты* Шярранъ; впрочемъ, она можетъ принимать и многія другія, самыя разнообразныя формы и цвѣта, такъ что у (современнаго Мо*х*âммеду) поэта Ка'ба ибнъ-Зоһейра непостоянство сравнивается съ γулью [6]). Безобразіе ея усиливается разными другими отталкивающими свойствами; она, напримѣръ, постоянно пускаетъ задомъ громкіе вонючіе вѣтры, такъ что возникла даже пословица: *а*д*ра*т мын γуль („п..дливѣе, чѣмъ γуль“) [7]). Гуль любитъ разрывать могилы и ѣсть свѣжую мертвечину, какъ объ этомъ разсказывается, напримѣръ, въ общеизвѣстной сказкѣ 1001 ночи [8]). Убить человѣка она въ состояніи ужъ однимъ своимъ безобразіемъ, принимая передъ сбившимся путникомъ разные ужасные виды и, такимъ образомъ, запугивая его до смерти. Сбивать путника съ дороги—это любимое занятіе у γули; съ этой цѣлью она зажигаетъ въ пустынѣ костеръ: путникъ идетъ на огонь и тутъ находитъ свою смерть отъ ужасной γули. Впрочемъ, если человѣкъ, не робѣя, присядетъ погрѣться у огня, то γуль ужъ не рѣшается тронуть его [9]). Отваж-

[1]) *К*азвӣни (ум. 1283) сообщаетъ, напр., старинное преданіе, какъ одинъ джыннъ велѣлъ волку вернуть ягненка тому человѣку, который обратился съ мольбой къ этому джынну. *К*орâнъ запрещаетъ пользоваться покровительствомъ джынновъ, LXXII, 6. Благородные и мощные люди называются у староарабскихъ поэтовъ джыннами,—см. Нâби*уа* *Л*обйâни (изд. Деренбурга) 94, *Х*амâса, т. II. стр. 11.

[2]) Въ *Х*амâсѣ эпитетъ „жыннийüе“ (джынновская—о женщинѣ) означаетъ „красавица“, и комментаторъ объясняетъ, что этимъ отмѣчается особая степень ея красоты, т. III, стр. 166.

[3]) Нâби*уа*, восхваляя Хансу, говоритъ: „Ты одарена бóльшимъ поэтическимъ талантомъ, чѣмъ всѣ люди и джынны“. *Coppier:* Le diwan d'al Khansa, Beyrouth 1889, стр. 28.

[4]) Джынны женскаго пола, живущія чаще всего въ лѣсу. Во многомъ онѣ напоминаютъ болгарскихъ вилъ. Почему-то волкамъ легко удается пожирать ихъ,—см. *К*азвини, II, 370—371.

[5]) *Perron:* Femmes arabes avant et depuis l'islamisme, стр. 254. *Kremer:* Culturgesch. d. Or., II, 259, по комментарію на „Са*кт*-аз-занд“ Абуль-'*А*лâ (ум. 1057). Кремеръ сравниваетъ си'лъ съ эльфами. Аналогичная болгарская пѣсня о самодивѣ—Dozon № 4.

[6]) *К*азвӣнiй, стр. 370; Хамâса I, 15.

[7]) Сборникъ пословицъ Мейдâнія (ум. 1124), изд. въ Европѣ Фрейтагомъ, отд. XXV, № 61.

[8]) Въ лучшемъ русскомъ переводѣ Ю. Доппельмайера (сдѣланномъ, къ сожалѣнію, съ французскаго) см. т. II, стр. 172—173. Довольствуюсь примѣромъ изъ 1001 ночи (т.-е. довольно позднимъ) потому, что онъ общеизвѣстенъ. Впрочемъ, представленія арабовъ о γуляхъ остались въ теченіи многихъ столѣтій неизмѣнными.

[9]) Комментаріи на „Ма*к*âмы“ *Х*арӣрія (ум. 1124), 1-е изд., С. де-Саси, стр. 416.

ный Таабба*та* Шярранъ въ одномъ своемъ стихотвореніи [1]) находитъ, что страшное сообщество съ γулью имѣетъ даже свою прелесть; а иные бедуины, по словамъ Тебризія [2]), увѣряли, будто они были женаты на γули.

Гули—наиболѣе типичные изъ злыхъ джынновъ, и свѣдѣній о нихъ можно подыскать въ арабской литературѣ немало. Главнѣйшіе источники и восточныя пособія:

1) Произведенія изящной словесности, доисламскія и послѣисламскія, стихотворныя и (какъ 1001 ночь) прозаическія [3]).

2) Комментаріи и толкованія на поэтическія произведенія, въ родѣ тѣхъ комментаріевъ къ Хама̂сѣ, къ Харі̂рію и т. п., на которые я не разъ ссылался; толковые словари, какъ „*Ķа̂*мусъ" Фі̂руза̂ба̂дія (ум. 1414) и др.

3) Сочиненія по зоологіи и космографіи, какъ „ Книга животныхъ" Джа̂*х*ыза (ум. 868) [4]), не разъ цитированная мною космографія *Ķ*азві̂нія (ум. 1283), „Жизнь животныхъ" Дамі̂рія (ум. 1405). [5]) и т. д.

Европейскаго труда, гдѣ имѣлся бы общій, полный сводъ всѣхъ данныхъ и сдѣлана была бы всеисчерпывающая историческая разработка ихъ, еще нѣтъ. Но можно указать немало отдѣльныхъ статей или отдѣльныхъ главъ въ пособіяхъ по исторіи ислама и исламской культуры, совмѣстное пользованіе которыми дастъ читателю достаточно полное научное представленіе о демонологіи арабовъ вообще и о γуляхъ въ частности. Таковы: 1) Lane: Manners and customs of the modern Egyptians, Лонд. 1836; нѣм. переводъ: Sitten und Gebräuche der heutigen Egypter, deutsch von Zencker, Лейпц. 1852, 3 тт.; (въ этомъ нестарѣющемъ трудѣ вѣрованія современныхъ арабовъ освѣщаются справками съ исторіей); 2) Caussin de Perceval: Essai sur l'histoire des Arabes avant l' islamisme, Пар., 1847, 3 тт.; 3) Osiander—рядъ статей въ Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, т. VII (1853), X (1856), XIX (1865), XX (1866); 4) D. Chwolsohn: Die Ssabier und der Ssabismus, СПБ., 1856, 2 тт. (во многихъ мѣстахъ встрѣчаются важныя примѣчанія о религіи старыхъ арабовъ вообще); 5) G. Freytag: Einleitung in das Studium der arabischen Sprache bis Mohammed und später, Боннъ 1861; 6) Krehl: Ueber die Religion der vorislamischen Araber, Лейпц. 1863; его же: Das Leben des Muhammed, Лейпц. 1884; 7) A. Sprenger: Das Leben und die Lehre des Mohammad, Берлинъ 1861—1865, 3 тт.; 8) R. Dozy: Die Israeliten zu Mekka von Davids Zeit bis ins 5-e Jahrhundert unserer Zeitrechnung, Лейд., 1864; 9) Ph. Berger: [Religion de l'ancienne] Arabie, въ Лихтенбергеровой Encyclopédie des sciences religieuses, Пар. 1877—1882; 10) Alfr. v. Kremer: Culturgeschichte des Orients unter den Chalifen, Вѣна, т. II, 1877, стр. 256 и сл.; 11) J. Wellhausen: Reste arabischen Heidenthumes (Skizzen und Vorarbeiten III), Берлинъ 1887; 12) J. Goldziher (1891)—см. [3]); 13) van Vloten (1893—1894)—см. [4]).

С. Олферьевъ.

---

[1]) Оно сбереглось въ вышеуказанномъ мѣстѣ комментаріевъ къ Харі̂рію. Нѣм. переводъ Рюккерта—въ его „Hamâsa", т. I, стр. 187.

[2]) Хама̂са, т. I, стр. 15.

[3]) О джиннахъ у поэтовъ см. у Гольдціэра (Goldziher): Die Ginnen der Dichter, въ Zeitschr. d. Deutsch Morg. Gesellsch., т. 45 (1891), стр. 685—690.

[4]) См. фанъ-Флотена (G. van Vloten): Dämonen, Geister und Zauber bei den alten Arabern. Mittheilungen aus Djâhitz's Kitâb al-haiwân, въ Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes, VII (1893), стр. 169—187, 233—247; VIII (1894), стр. 59—73, 290—292.

[5]) По каирскому изданію 1314 г. Хижры (=1897 г. по Р. Х.) т. II, стр. 159 сл.

ХАЧАТУРЪ АБОВЯНЪ, КАКЪ ЭТНОГРАФЪ.

(КЪ ИСТОРІИ АРМЯНСКОЙ ЭТНОГРАФІИ).

I.

Хачатуръ Абовянъ родился въ селѣ Канакерѣ, близъ г. Эривани, въ 1804—5 году, какъ пишетъ онъ самъ, въ зажиточномъ крестьянскомъ семействѣ, извѣстномъ своею благотворительностью.

Въ 1815 г. Абовянъ былъ принятъ пансіонеромъ въ Эчміадзинское духовное училище каталикосомъ Ефремомъ, который обѣщалъ родителямъ ученика „быть отцомъ ихъ дѣтища за памятныя приношенія, сдѣланныя дѣдомъ питомца, Абовомъ, Эчміадзинскому монастырю".

Послѣ шести лѣтъ ученія въ Эчміадзинѣ, Абовянъ, вмѣстѣ со своимъ попечителемъ, епископомъ Антономъ, отправился въ Тифлисъ и поступилъ тамъ въ новооткрытое Нерсисянское училище, гдѣ учился со своимъ закадычнымъ другомъ, Степаносомъ Назарянцъ, ставшимъ впослѣдствіи профессоромъ персидскаго языка и словесности въ Лазаревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ и редакторомъ извѣстнаго армянскаго журнала „Сѣверное сіяніе".

По окончаніи курса въ училищѣ, Абовянъ возвратился въ Эчміадзинъ хлопотать, нельзя-ли ему, прежде чѣмъ поступить въ монахи, что было его первоначальною цѣлью, отправиться въ Венецію къ Мхитаристамъ, для усовершенствованія въ наукахъ и въ армянскомъ языкѣ. Это было въ 1826 г., когда началась русско-персидская война и когда персидскія власти выселяли армянъ изъ Эриванскаго сардаріата и изъ ближайшихъ турецкихъ провинцій въ Персію, чтобы они не имѣли возможности оказать русскимъ войскамъ содѣйствіе оружіемъ и провіантомъ. Вотъ здѣсь-то и сталъ Абовянъ впервые лицомъ къ лицу съ народнымъ передвиженіемъ огромныхъ массъ изъ различныхъ мѣстъ, столкнувшись съ различными нарѣчіями и обычаями, здѣсь-то былъ онъ глубоко потрясенъ народнымъ бѣдствіемъ и проникся ихъ глубокимъ горемъ, что и воспѣлъ впослѣдствіи въ своихъ „Ранахъ Арменіи"; здѣсь онъ безъ труда, такъ сказать, цѣлыми охапками хваталъ разныя этнографическія свѣдѣнія, которыя сами сыпались на чуткаго, наблюдательнаго, жаднаго до впечатлѣній патріота и народолюбца, жизнь котораго даже подверглась было опасности, и онъ только случаемъ былъ спасенъ. Но изученіе народа при столь исключительныхъ обстоятельствахъ, какъ мы увидимъ, для Абовяна было не все: ему посчастливилось участвовать, кромѣ того, еще въ цѣломъ рядѣ экскурсій, имѣвшихъ цѣлью изученіе народовъ, населяющихъ Закавказье въ этнографическомъ и другихъ отношеніяхъ.

Обманутый въ надеждахъ относительно продолженія ученія, Абовянъ остался въ Эчміадзинѣ, гдѣ онъ своимъ и тогдашнимъ знаніемъ считался „ученымъ" среди малообразованныхъ

монаховъ, и, въ ожиданіи принятія духовнаго сана, исполнялъ пока должность секретаря католикоса Ефрема. Но счастливый случай измѣнилъ всю карьеру Абовяна.

Въ 1829 г. пріѣхалъ въ Эчміадзинъ профессоръ дерптскаго университета, извѣстный Фридрихъ Парротъ, съ цѣлью подняться на вершину Арарата и, кромѣ того, изслѣдовать страну въ геологическомъ и другихъ отношеніяхъ. Онъ познакомился съ Абовяномъ, полюбилъ юношу за его познанія и любознательность и попросилъ его у патріарха себѣ въ провожатые на вершину Арарата и вообще въ переводчики и помощники на время своего научнаго путешествія среди туземцевъ. Патріархъ охотно исполнилъ обоюдную просьбу ученаго и своего любимца. Восхожденіе (кажется, 1-е по времени) на Араратъ было совершено съ полнымъ успѣхомъ и описано Парротомъ въ его путешествіи на нѣмецкомъ языкѣ [1]) и Абовяномъ—на армянскомъ. Во время пребыванія Паррота въ „Армянской области“ Абовянъ настолько сблизился съ нимъ, что успѣлъ повѣдать ему о своей неосуществившейся мечтѣ продолжать ученіе и о своей жаждѣ университетскаго образованія. Отзывчивый ученый обѣщалъ ему ходатайствовать передъ правительствомъ объ отправкѣ его на казенный счетъ въ дерптскій университетъ для усовершенствованія въ наукахъ, что и было вскорѣ исполнено. 25-го августа 1830 г. Абовянъ представлялся въ Петербургѣ министру нар. просв., свѣтл. кн. Ливену, которымъ онъ былъ чрезвычайно любезно принятъ и допущенъ къ слушанію лекцій въ дерптскомъ университетѣ въ качествѣ казеннаго стипендіата.

Въ Дерптѣ Абовянъ подготовился у самого Паррота, у проф. Фридлендера и у другихъ профессоровъ и учителей, потомъ сталъ посѣщать лекціи, надо полагать, историко-филологическаго факультета университета, и окончилъ свои занятія въ 1836 г. Помимо университета, неоцѣнимо благотворное вліяніе оказали на Абовяна добрѣйшій Парротъ и многіе другіе гуманные профессора, въ семействѣ которыхъ Абовянъ былъ принятъ какъ близкій человѣкъ. Чрезвычайно интересны записки Абовяна о шестилѣтнемъ пребываніи его въ Дерптѣ, дышащія теплымъ чувствомъ признательности за глубоко человѣческія отношенія къ нему европейскихъ ученыхъ. При возвращеніи своемъ черезъ Петербургъ на родину Абовянъ представился императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, которою онъ былъ назначенъ членомъ Петербургскаго Археологическаго Общества.

Вернувшись въ Эчміадзинъ съ рекомендательнымъ письмомъ отъ министерства иностранныхъ исповѣданій, Абовянъ думалъ принять санъ іеромонаха и посвятить себя педагогической дѣятельности, открывъ училище для лицъ, желающихъ поступить въ духовное званіе. Но онъ не былъ принятъ тогдашнимъ католикосомъ Іоаннесомъ, подозрѣвавшимъ его якобы въ склонности къ лютеранству, а въ сущности за то, что Абовянъ былъ однимъ изъ горячихъ приверженцевъ соперника Іоаннеса, приснопамятнаго архіепископа Нерсеса, ставшаго потомъ католикосомъ армянъ.

Абовянъ былъ принужденъ покинуть монастырь и отправиться въ Тифлисъ, въ надеждѣ открыть тамъ училище, но и здѣсь онъ встрѣтилъ неодолимыя препятствія, съ которыми, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ крайнею нуждою, онъ безуспѣшно боролся „въ продолженіе полутора года, нуждаясь даже въ насущномъ пропитаніи“, какъ пишетъ самъ Абовянъ. Наконецъ, 12-го февраля 1837 г., „будучи вынужденъ нищетою“, Абовянъ принялъ должность учителя и смотрителя тифлисскаго уѣзднаго училища, въ которомъ и остался до 1843 года. При этомъ онъ открылъ и свой пансіонъ спеціально для дѣтей армянъ. О блестящихъ успѣхахъ учениковъ этого пансіона, между многими другими лестными отзывами, мы имѣемъ весьма похвальное и подробное свидѣтельство путешественника Мориса Вагнера, который для характеристики Абовяна съ восторгомъ передаетъ и многія другія свѣдѣнія въ своей книгѣ.

[1]) *Parrot Fr.* Reise zum Ararat. Geologische, Botanische, Zoologische Nachrichten. 2 vol. Berlin 1834.

[2]) Ссылки, цитаты, примѣчанія и вообще подробности объ Абовянѣ и его трудахъ, а также перечень источниковъ см. въ моемъ введеніи и біогр. очеркѣ Абовяна въ собраніи его сочиненій: „Хачатуръ Абовяни Еркеры“, благотворит. изданіе Ис. Джамгарянцъ, Москва 1889. *Ст. Т.-С.*

По порученію намѣстника кавказскаго, Абовянъ долженъ былъ сопутствовать Вагнеру въ его ученомъ путешествіи по Закавказью и, въ качествѣ знатока мѣстныхъ языковъ и условій жизни, долженъ былъ помогать ему, главнымъ образомъ, въ собираніи этнографическихъ матеріаловъ, что онъ и выполнилъ, по свидѣтельству признательнаго Вагнера, превосходно.

Здѣсь кстати будетъ перечислить и всѣ послѣдующіе случаи, когда Абовяну пришлось сопутствовать, послѣ Паррота и Вагнера, и другимъ ученымъ путешественникамъ въ качествѣ опытнаго знатока языковъ, жизни и нравовъ разныхъ племенъ, населяющихъ Закавказье. Съ увлеченіемъ каждый разъ исполнялъ онъ эту столь дорогую для него миссію по порученію начальства, признававшаго такимъ образомъ преимущественно за нимъ однимъ неоспоримую опытность оказывать содѣйствіе ученымъ въ дѣлѣ научнаго изученія Закавказья. Можно сказать, что не проходило при жизни Абовяна ни одного выдающагося научнаго предпріятія, въ видахъ изученія Кавказа въ этнографическомъ и другихъ отношеніяхъ, безъ его дѣятельнаго участія.

Наибольшую помощь въ собираніи этнографическихъ свѣдѣній Абовянъ оказалъ барону Августу фонъ-Гакстгаузену. Впрочемъ краснорѣчивѣе и не одинъ разъ свидѣтельствуетъ объ этомъ самъ Гакстгаузенъ „... Я провелъ тамъ въ разговорѣ съ Абовяномъ все время до самаго вечера и пріобрѣлъ отъ него въ этотъ и слѣдующій день богатыя свѣдѣнія объ образѣ жизни, нравахъ, особенныхъ качествахъ и наклонностяхъ армянскаго народа и черезъ это могъ уразумѣть внутреннюю его жизнь гораздо яснѣе, нежели когда бы прожилъ между ними цѣлые мѣсяцы. Абовянъ былъ одинъ изъ тѣхъ благородныхъ, разсудительныхъ и правдивыхъ людей, которыхъ мы рѣдко встрѣчаемъ въ жизни. Разгадавъ скоро, что я вообще съ любовью стараюсь вникать въ жизнь народовъ, онъ объяснялъ мнѣ все съ величайшею откровенностью и даже обращалъ на нѣкоторые предметы особенное мое вниманіе. Такъ какъ онъ самъ прожилъ 4 (?) года между нѣмцами въ Дерптѣ, то для него сами собою стали ясны какъ сходственныя, такъ и противоположныя черты обоихъ народовъ. Мнѣ стоило только сдѣлать ему одинъ вопросъ, задѣть его за живое, и въ немъ мгновенно пробуждались мысли и воспоминанія, которыя онъ тотчасъ сообщалъ мнѣ. При этомъ Абовянъ былъ преисполненъ пламеннаго патріотизма къ своей родинѣ; поэтому-то большею частью всѣмъ нижеизложеннымъ я обязанъ ему, а потомъ уже моимъ собственнымъ наблюденіямъ, которыя частію дѣлалъ тоже подъ его руководствомъ..." [1]).

Надо знать произведенія и слогъ Абовяна, чтобы понять, до какой степени вѣрны эти и другія подобныя признанія Гакстгаузена: при чтеніи его книги и въ особенности стр. 182—185, 193—197, 200—205 и мн. др., гдѣ между прочимъ очень много біографическихъ данныхъ объ Абовянѣ и о его предкахъ, такъ и кажется, что читаешь страницы „Ранъ Арменіи" самого Абовяна. Въ довершеніе всего Абовянъ подарилъ Гакстгаузену свои шестилѣтнія записки на нѣмецкомъ языкѣ.

Не мало оказалъ просвѣщенной помощи Абовянъ и извѣстному путешественнику и поэту Фр. Боденштедту (Мирза Шафи), который свидѣтельствуетъ объ этомъ между прочимъ слѣдующими словами: „Главнымъ образомъ я обязанъ нашему доброму Абовяну тѣмъ, что сбылись мои ожиданія (относительно собиранія армянскихъ и татарскихъ пѣсенъ), такъ какъ я самъ, не будучи знакомъ съ народнымъ армянскимъ языкомъ, былъ бы принужденъ ограничить свой сборникъ лишь нѣсколькими татарскими и персидскими пѣснями, если бы Абовянъ не взялся составить для меня сборникъ всѣхъ народныхъ пѣсенъ Эриванскаго сардаріата. По возвращеніи своемъ въ Европу, я тотчасъ получилъ отъ Абовяна написанную его же рукою и съ комментаріями на нѣмецкомъ языкѣ тетрадь, въ которой онъ обѣщаетъ послать еще нѣсколько тетрадей" [2]).

---

[1]) Закавказскій край. Замѣтка о семейной и общественной жизни и отношеніяхъ народовъ, обитающимъ между Чернымъ и Каспійскимъ морями. Путевыя впечатлѣнія и воспоминанія Барона Августа фонъ-Гакстгаузена. Часть I. С.-Петербургъ, 1857. Перев. съ нѣмецкаго Е. Серчевскаго. Ст. 73—74.

[2]) Путешествія въ Арменію Фр. Боденштедта. перев. на арм. яз. I. Бархударянцъ „Сборникъ литер. и истор." Москва 1889, кн. II.

Въ 1844 г. посѣтилъ Закавказье съ ученою цѣлью Германъ Абихъ. По приглашенію католикоса Нерсеса V и кавказскаго намѣстника, Абовянъ оказалъ содѣйствіе и этому ученому, о чемъ онъ самъ докладывалъ патріарху въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Ни одинъ ученый путешественникъ до этого (Абиха) не нашелъ и не найдетъ такого горячаго усердія въ содѣйствіи его цѣлямъ. Мы нисколько и ни въ чемъ не переставали оказывать ему услуги по мѣрѣ нашихъ силъ“ [1]).

Нечего и говорить, что эти путешествія съ европейскими учеными оказали двоякое благотворное дѣйствіе на знаменитаго армянскаго писателя, обогащая запасъ его познаній и еще болѣе и многосторонне знакомя его со всѣми закоулками его родной страны. Но, съ другой стороны, столь обширное европейское образованіе дѣлало для него, быть можетъ, еще болѣе чувствительнымъ то по истинѣ трагическое положеніе, которое было суждено ему, по выраженію его лучшаго цѣнителя и друга, С. Назарянца, „въ давящей азіатской атмосферѣ“ его любимой родины, такъ какъ Абовянъ, по участи многихъ знаменитыхъ людей, не былъ понять и оцѣненъ своими современниками. Тутъ же скажу: единственное утѣшеніе во время всей своей жизни, начиная съ ученическихъ лѣтъ, онъ находилъ въ литературѣ, изливая свои пламенныя чувства въ своихъ дивныхъ, по содержанію и по стилю, сочиненіяхъ; да и тѣ, за неимѣніемъ средствъ, не появились въ свѣтъ при жизни автора. Такимъ образомъ величайшій армянскій писатель, по ужасной ироніи судьбы, не вкусилъ даже литературной славы!

На дальнѣйшихъ, чрезвычайно интересныхъ и характерныхъ случаяхъ жизни Абовяна я не буду останавливаться; простымъ перечисленіемъ крупнѣйшихъ фактовъ только и остается мнѣ закончить этотъ краткій біографическій очеркъ и перейти къ этнографическимъ матеріаламъ въ его творчествѣ.

Въ 1840 г. Абовянъ попытался занять каѳедру армянскаго языка въ казанскомъ университетѣ; но какъ эта его попытка, такъ и ходатайство его объ изданіи на казенной счетъ составленныхъ имъ учебниковъ потерпѣли неудачу. Мало того, скоро онъ самъ былъ переведенъ смотрителемъ въ эриванское уѣздное училище. Онъ и здѣсь открылъ свой частный пансіонъ для армянъ, о блестящихъ успѣхахъ которыхъ въ нѣмецкомъ языкѣ съ восторгомъ отзывается Боденштедтъ.

Но ни педагогическая дѣятельность, ни литературные его труды, очевидно, не удовлетворяли Абовяна, который „въ цѣляхъ принесенія наибольшей пользы своему народу“, письменно обратился однажды къ католикосу Нерсесу съ просьбою: разлучить его съ любимою женою (нѣмкою Эмиліею Лоозе, отъ которой онъ имѣлъ и дѣтей) и рукоположить его въ іеромонахи. Патріархъ отвергъ столь необыкновенную просьбу самоотверженнаго патріота. Зато, по мнѣнію нѣкоторыхъ лицъ, патріархъ пригласилъ Абовяна занять должность инспектора въ своемъ Нерсесянскомъ училищѣ.

1847 г. Абовянъ, по неизвѣстной намъ причинѣ, вовсе оставилъ государственную службу, пишетъ историкъ А. Ерицянцъ, а 26 апрѣля 1848 г. кавказскій намѣстникъ кн. Воронцовъ получилъ отъ эриванскаго губернатора слѣдующій офиціальный рапортъ: „уволенный отъ должности штатскаго (sic!) смотрителя Эриванскаго уѣзднаго училища колл. асс. Абовянъ на разсвѣтѣ 2-го апрѣля неизвѣстно куда отлучился и пропалъ безслѣдно“. По объясненію его домашнихъ, онъ, за три дня до отлучки, впалъ въ меланхолію, ничего почти не ѣлъ, мало говорилъ, не раздѣвался и будто страдалъ безсонницею. Между многими догадками наиболѣе вѣроятнымъ, по новѣйшимъ свѣдѣніямъ, кажется то, что Абовянъ былъ убитъ и похороненъ въ саду нѣкимъ татариномъ, приревновавшимъ его къ своей женѣ.

II.

Хачатуръ Абовянъ первый бросилъ непонятный большинству древне-армянскій языкъ, на которомъ писали до него, и началъ писать на одномъ изъ живыхъ армянскихъ діалектовъ,

---

[1]) *Ал. Ерицовъ.* Арм. газета „Арцагангъ“ за 1896, № 102 и арм. журналъ „Пордзъ“, 1880, № VIII—IX.

на араратскомъ, чѣмъ и положилъ начало ново-армянской литературѣ. Ужъ въ этомъ одномъ была у него громадная заслуга передъ его соплеменниками; но онъ великъ и служилъ и служитъ примѣромъ подражанія для армянскихъ писателей не только стилемъ своихъ произведеній, но и ихъ идеями и матеріаломъ. По мѣсту, занимаемому имъ въ армянской литературѣ, Абовяна можно было бы сравнить съ Сервантесомъ въ испанской литературѣ, съ Гоголемъ въ русской и вообще со всякимъ писателемъ, которымъ по преимуществу гордится его родной народъ.

Главныя его сочиненія, напечатанныя на ново-армянскомъ языкѣ (есть и не изданныя еще, какъ на ново-армянскихъ діалектахъ, такъ и на древне-армянскомъ языкѣ) суть: „Раны Арменіи, вопль патріота", историч. романъ, „Занги", отрывокъ изъ романа, „Осанна", повѣсть, „Θеодора или любовь дочери", драматическій этюдъ, и „Игрушка на досугѣ"—басни и стихи. Говорить вообще о литературныхъ качествахъ этихъ произведеній не входитъ въ мои задачи; я хочу только указать, и то лишь мелькомъ, на этнографическіе матеріалы, заключающіеся въ нихъ или, вѣрнѣе, на этнографическій колоритъ всѣхъ произведеній Абовяна.

Послѣднее опредѣленіе я подчеркиваю, и вотъ по какимъ причинамъ. Понятія объ этнографіи, въ научномъ смыслѣ слова, при Абовянѣ не было, по крайней мѣрѣ, у армянъ, а была лишь — и только у такого передового человѣка, какъ Абовянъ, — безсознательная любовь къ наблюденію, собиранію и сообщенію, гдѣ попало и какъ попало, интересныхъ особенностей народнаго быта; никакой системы, никакихъ программъ и преднамѣченныхъ цѣлей тутъ не было и не могло быть. Вотъ почему у Абовяна, явнаго любителя всего народнаго и знатока до мельчайшихъ подробностей жизни крестьянства, собственно этнографическихъ сочиненій и не было. Зато всѣ его сочиненія (въ особенности „Раны Арменіи"), такъ сказать, окунуты въ море волнъ народной жизни и проникнуты насквозь живою, осязаемою влагою ихъ. Этнографическій элементъ неотдѣлимъ отъ сочиненій Абовяна; онъ разлитъ сплошь на всѣхъ страницахъ его романа; онъ красуется въ описаніяхъ жилищъ, костюмовъ, орудій и т. д.; онъ какъ бы движется вмѣстѣ съ живою толпою въ изображеніяхъ празднествъ, обрядовъ, игръ и т. п.; онъ слышится въ безчисленныхъ народныхъ пословицахъ; онъ сквозитъ, чувствуется просто въ самой рѣчи, въ народномъ языкѣ, въ особенности въ говорѣ дѣйствующихъ лицъ съ ихъ картинными оборотами и нуждающимися въ толкователѣ-этнографѣ словами и выраженіями. Абовянъ не съ цѣлью дать этнографическія свѣдѣнія, а лишь изъ одного патріотизма и горячей любви ко всему народному, самъ любуется и выставляетъ на показъ въ художественной отдѣлкѣ, въ яркомъ освѣщеніи, всѣ стороны народной жизни. Съ этой стороны произведенія Абовяна, по содержанію, похожи на романы „Въ лѣсахъ" и „На горахъ" Печерскаго, а по языку и слогу—на народныя пѣсни Кольцова. Но Абовянъ, по моему мнѣнію, превосходитъ ихъ обоихъ близостью къ народной жизни, и его безподобная передача образа мышленія народа, глубина его знанія народной психологіи, вѣрность изображенія всѣхъ неуловимыхъ деталей и оттѣнковъ затронутыхъ имъ народныхъ темъ доходятъ до того, что его „Раны Арменіи" являются одною изъ тѣхъ рѣдкихъ книгъ, которыя непереводимы на другой языкъ.

Абовянъ до такой степени одержимъ страстью къ передачѣ этнографическихъ подробностей въ своихъ повѣстяхъ, что подчасъ въ подавляющемъ обиліи этихъ подробностей расплывается и блѣднѣетъ самая фабула. Какъ онъ смотрѣлъ на свою задачу, лучше всего видно изъ его же словъ въ его дивно-прочувствованномъ предисловіи къ „Ранамъ Арменіи": „Часто въ гостяхъ или проходя по городу, говоритъ онъ о порѣ вынашиванія своего главнаго произведенія, я сосредоточивалъ свое вниманіе на томъ, чтобы замѣтить, что́ болѣе всего нравится народу при его разговорахъ, при его кутежахъ. Часто я видалъ, какъ гдѣ-нибудь на площади или на улицѣ съ такимъ восторгомъ и умиленіемъ стоятъ (народъ) и слушаютъ какого-нибудь слѣпого пѣвца, даря его деньгами, что *слюнки текутъ*! [1]) Что же касается до пиршествъ и свадебъ, то въ нихъ безъ сазандаровъ (музыкантовъ и пѣвцовъ) *какъ же хлѣбъ пройдетъ въ*

[1]) Подчеркнутыя слова здѣсь и далѣе выражены въ оригиналѣ народными присловіями. *Ст. Т.-С.*

глотку? Пѣли по-татарски; многіе даже ни одного слова не понимали, однако *души у слушателей возлетали въ рай и вновь назадъ возвращались!*"

„Подумалъ я, подумалъ и въ одинъ день сказалъ самому себѣ: отложи-ка ты въ сторону свою грамматику, риторику, логику и самъ обратись въ ашуга (пѣвца); *будь, что будетъ, камень (драгоцѣнный) съ твоего кинжала не выпадетъ же*; *не обсыплется же съ тебя позолота* (т.-е. не умалится твое достоинство)..." Далѣе Абовянъ описываетъ, какъ онъ въ какомъ-то поэтическомъ опьяненіи и бреду въ одну ночь написалъ тридцать листовъ „Ранъ Арменіи", затѣмъ восклицаетъ: „Какъ въ то утро, такъ и цѣлыя недѣли и мѣсяцы, такъ и сегодня мое единственное сокровенное желаніе—пойти *припасть къ ногамъ какого-нибудь князя* и просить, чтобы онъ далъ мнѣ кусокъ хлѣба, я же *и днемъ и ночью буду кидаться изъ селеній въ селенія* и собирать дѣянія нашего народа и записывать".

Уже изъ этого, выхваченнаго на удачу, незначительнаго образчика видно, какимъ слогомъ и въ какомъ духѣ писалъ Абовянъ.

Остается мнѣ указать въ частности, какія этнографическія свѣдѣнія и на какихъ страницахъ своего труда даетъ намъ Абовянъ.

Въ первой части своихъ „Ранъ Арменіи" Абовянъ даетъ намъ цѣлый рядъ подробнѣйшихъ описаній армянскихъ обычаевъ во время масляничныхъ празднествъ. Такъ, на стр. 12—14 [1]) описываются нѣкоторые обряды и установленые обычаемъ порядки при заутренней службѣ въ армянской церкви. На ст. ст. 14—30 изображаются внутренность армянскаго крестьянскаго дома съ его *тониромъ* (подпольный очагъ), праздничное приготовленіе кушаній, положеніе главной хозяйки въ патріархальномъ семействѣ, отношенія домочадцевъ другъ къ другу, воспитаніе дѣтей, положеніе и служба въ домѣ женщинъ и дѣвицъ, семейное и общественное положеніе молодого человѣка (въ лицѣ героя романа), его покорность родителямъ, и т. п. На 30—43 стр. идетъ подробное описаніе одежды, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, а также и перечень естественныхъ богатствъ крестьянина, его орудій, его амбаровъ, погребовъ, его утвари и разнаго рода запасовъ; далѣе говорится объ уходѣ за больными, о домашнихъ лѣкарствахъ, о гостепріимствѣ и т. д. На стр. 35 — 43 — сравненіе жизни городскихъ обывателей съ деревенскими съ точки зрѣнія крестьянъ и словами дѣйствующихъ въ романѣ лицъ; опять о гостепріимствѣ, о духовенствѣ и объ его отношеніяхъ къ свѣтскимъ и т. д.

Во II главѣ (стр. 44 — 50) описывается, какъ крестьяне зимою обыкновенно собираются въ просторныя, теплыя отъ присутствія скота, конюшни и тамъ весело проводятъ время, словно въ клубѣ.

Вся III глава (стр. 51—57) посвящена прекрасному описанію масляничнаго пиршества и вообще характерныхъ особенностей армянскаго стола.

Въ началѣ IV главы (стр. 57—59) идетъ описаніе многоразличныхъ масляничныхъ увеселеній, начиная отъ игръ, отъ гаданія у цыганъ, и кончая лучшимъ излюбленнымъ праздничнымъ зрѣлищемъ: джигитовкою молодцовъ за селеніемъ, при громадномъ стеченіи народа.

Во второй половинѣ IV главы празднество внезапно омрачается появленіемъ персидскихъ феррашей (воиновъ-слугъ), которые посланы эриванскимъ сардаромъ съ приказаніемъ увезти первую красавицу-дѣвицу селенія, Такуи (царица), къ нему въ гаремъ (собственно это и есть завязка романа), и потому Абовянъ даетъ намъ здѣсь (стр. 59—62) душераздирающую сцену горя матери красавицы, оплакивающей, точно на похоронахъ, похищенную персіянами свою дочь со всѣми характерными народными причитаніями.

Въ V главѣ (стр. 63—66) перечислены затѣйливыми народными выраженіями всѣ типичныя черты и прелести армянской красавицы и изложена устами матери система армянскаго воспитанія дочерей до ихъ замужества.

Въ этой же главѣ (стр. 67—69) герой романа Агаси (человѣкъ женатый) бросается во время на феррашей, убиваетъ четверыхъ изъ нихъ, а остальныхъ обративъ въ бѣгство, спа-

---

[1]) См. „Хачатуръ Абовяни Еркеры" (Труды Х. Абовяна), редактир. мною (Москва, 1889).

саетъ дѣвицу отъ позора и возвращаетъ ее матери. Общій восторгъ и опасеніе за участь рыцаря-героя.

Послѣдствіемъ этого въ VI главѣ (стр. 69—80) является пространное описаніе отчаянія и опасенія отца героя за судьбу сына, которому грозитъ неминуемая казнь. Тутъ вложены въ уста обезумѣвшаго отъ горя старика, впавшаго въ галлюцинацію, армянскія народныя повѣрія и предразсудки относительно загробной жизни и духовъ. Бѣгствомъ героя-сына въ русскую границу и заключеніемъ отца его въ темницу заканчивается 1-я часть романа.

Вторая часть еще болѣе богата этнографическими чертами. Тутъ мы знакомимся съ городскою жизнью и не только армянъ, но, въ гораздо большей степени, адербейджанскихъ татаръ, жившихъ въ Эриванской области Въ IV гл. (стр. 101 — 108) въ цѣломъ рядѣ жизненныхъ картинъ дано вѣрное представленіе объ общественной и религіозной жизни татаръ, а на страницахъ 108—119, съ переводными стихами съ татарскаго языка, описана извѣстная магометанская-шiитская мистерія, т.-е. религіозная драма убіенія имамовъ Хасана и Хусейна, что ежегодно съ самобичеваніями и самоистязаніями исполняется шiитами и понынѣ. На стр. 119—131 описывается пріѣздъ армянскихъ епископовъ въ городъ, ихъ пріемъ со стороны армянъ, ихъ взаимныя отношенія, при чемъ Абовянъ не безъ желчи указываетъ на недостатки хорошо знакомаго ему духовенства. Съ 131 страницы и до конца романа идетъ описаніе всѣхъ ужасовъ русско-персидской войны, въ которой участвуютъ герой романа вмѣстѣ съ своими товарищами въ качествѣ добровольцевъ, въ особомъ отрядѣ, армянскихъ милиціонеровъ противъ персіянъ. При описаніи избіеній и насильственныхъ переселеній цѣлыми сотнями семействъ армянъ въ Персію, при изображеніи стычекъ и другихъ звѣрствъ войны этнографическіе элементы естественнымъ образомъ сокращаются и въ романѣ, но отнюдь не забываются, а при каждомъ удобномъ случаѣ даютъ о себѣ знать и временами прорываются съ новою силою.

Такъ авторъ переноситъ насъ вмѣстѣ съ героемъ своего романа на Абаранскія горы и на стр. 209—241 съ новымъ жаромъ описываетъ гостепріимство и простую жизнь горцевъ, ихъ лѣтнія ночевки, охоты мужчинъ, дачныя занятія женщинъ и т. п. Съ этихъ горъ онъ переноситъ своего героя съ его товарищами на развалины древней армянской столицы Ани (с. 244—264), гдѣ они воюютъ съ отдѣльными полчищами персіянъ, захватившими изъ Турціи въ плѣнъ армянъ и переселявшими ихъ въ Персію; разбиваютъ и разсѣеваютъ персіянъ, спасаютъ и отправляютъ на родину своихъ соплеменниковъ, при чемъ представляется возможность Абовяну познакомить читателя съ нравами и взглядами турецкихъ армянъ, съ ихъ суевѣріями, предразсудками и легендами относительно города Ани.

Гирлянды этнографическихъ цвѣтовъ, обвивающихъ „Раны Арменіи", заканчиваются прекраснымъ вѣнкомъ этнографическихъ же иммортелей на гробъ героя романа, а именно описаніемъ похоронъ героя и его отца, павшихъ одновременно, при освобожденіи отца изъ темницы сыномъ, отъ руки татаръ, мстящихъ за кровь своихъ родныхъ, и надгробнымъ плачемъ надъ героемъ, въ характерныхъ народныхъ выраженіяхъ, закадычнаго друга его, Мусы, ослѣпленнаго рукою тѣхъ же татаръ.

Объ этнографическихъ матеріалахъ въ другихъ сочиненіяхъ Абовяна считаю лишнимъ распространяться; скажу только, что все сказанное относительно этнографическаго колорита „Ранъ Арменіи" относится, хотя и въ значительно меньшей степени, также и къ нимъ. Зато считаю умѣстнымъ, въ связи съ вліяніемъ Абовяна на возникновеніе армянской этнографіи, сказать нѣсколько словъ о послѣдователяхъ Абовяна въ этомъ направленіи и о современномъ состояніи у армянъ этнографіи вообще.

Если можно сказать, что этнографическія сообщенія Абовяна слышатся не только въ его собственныхъ сочиненіяхъ, но и въ запискахъ Паррота, Вагнера, Гакстгаузена, Боденштедта и Абиха, то съ большимъ правомъ можно утверждать, что Абовянъ или, я бы сказалъ, абовянизмъ ясно читается въ сочиненіяхъ цѣлой группы его послѣдователей-армянъ. Что, во всякомъ случаѣ, „Раны Арменіи" были первымъ надежнымъ камнемъ, легшимъ въ основу армянской этнографіи, въ этомъ сомнѣваться, по моему, нельзя.

Остается сказать, что съ легкой руки Абовяна любовь къ собиранію этнографическихъ матеріаловъ очень счастливо привилась и болѣе чѣмъ какая-либо другая отрасль знанія процвѣла у армянъ. Безъ преувеличенія можно сказать, что армянская письменность, конечно, говоря сравнительно, не только не бѣдна печатными и готовящимися къ печати этнографическими свѣдѣніями, но даже довольно богата, едва ли не въ ущербъ другимъ отраслямъ армянской литературы. Стоитъ взять и разсмотрѣть всѣ періодическія армянскія изданія за одинъ изъ послѣднихъ годовъ, и непропорціональное обиліе этнографическаго матеріала бросится въ глаза.

Мѣсто не позволяетъ мнѣ, конечно, подтвердить только что высказанное мнѣніе подробными и точными указаніями, но, мнѣ кажется, даже одно голое перечисленіе слѣдующихъ именъ, въ нѣкоторой степени, уже говоритъ въ пользу основательности этого мнѣнія.

Первымъ по достоинству ученикомъ Абовяна въ дѣлѣ связыванія этнографическихъ матеріаловъ въ одно художественное цѣлое—былъ и остается по нынѣ Перчъ Прошянцъ, а потому на немъ, и только на немъ, я на минуту остановлюсь.

Вслѣдствіе ли большей легкости собиранія этнографическихъ свѣдѣній сравнительно съ ихъ художественной обработкой, или по какой другой причинѣ, Прошянцъ, по количеству собранныхъ матеріаловъ, далеко превосходитъ даже своего учителя, уступая ему въ художественномъ талантѣ. Такъ у Прошянца есть романъ „Сосъ и Вардитеръ", который не что иное, какъ канва для вышиванія по ней, безъ потери хоть одной ниточки, всѣхъ собранныхъ изъ разныхъ мѣстъ и имѣющихся у бытописца этнографическихъ чертъ народной жизни на круглый годъ, по четыремъ его временамъ, съ его праздниками и буднями и со случайными крестинами, свадьбами, похоронами и т. п. То, что удавалось ему послѣ собирать, онъ помѣщалъ въ своихъ другихъ не безынтересныхъ для этнографа, романахъ.

Послѣ Прошянца, въ подражаніе Абовяну, отводили широкое мѣсто этнографическому элементу въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ Г. Агаянцъ, А. Араратянцъ, Ширванзадэ (въ ром. „Намусъ"), С. Камалянцъ и др. Появились и спеціальные собиратели этнографическихъ матеріаловъ: епископы Шахатунянъ, Джалалянъ, Србандзтянцъ (армянскій Гриммъ), Смбатянцъ, Бархударянъ, архим. Аристакэсъ, гг. Каджберуни, Навасартянцъ, Айкуни, Тэръ-Агександрянцъ, Назарянцъ (теперь свящ.), Тохмахянъ, докт. Тигранянъ, Мажакъ (матеріалы по удинской этнографіи) и мн. др.

Для направленія работъ множества любителей-этнографовъ къ опредѣленной цѣли выработана и издана проф. Халатянцемъ подробная программа еще въ 1887 году. Всѣ періодическія изданія на армянскомъ языкѣ наполняются довольно часто этнографическими матеріалами, а съ 1894 года появился на армянскомъ языкѣ даже спеціальный шестимѣсячный журналъ „Этнографическій Сборникъ", который издается и понынѣ Ервандомъ Лалаянцъ. Кстати, этотъ журналъ вотъ уже два года обѣщалъ дать своимъ читателямъ статью подъ заглавіемъ: „Хачатуръ Абовянъ, какъ этнографъ", но пока издалъ только краткій біографическій очеркъ.

Пріятно припомнить съ признательностью, что ко всѣмъ этимъ усиліямъ подоспѣлъ на помощь покойный проф. Н. Эминъ своимъ фондомъ въ 10,000 руб. „на изданіе заслуживающихъ вниманія сборниковъ, матеріаловъ и изслѣдованій по армянской этнографіи и народной армянской литературѣ".

Ст. Теръ-Саргсянцъ.

О нѣкоторыхъ архаическихъ обычаяхъ,

переживаемыхъ народомъ въ Смоленской губерніи [1]).

Проявленіе обычая „кувады“ (couvade).—Обрядъ узнанія отца новорожденнаго на крестинахъ.—Бабы („цыганки“) парятъ вѣникомъ встрѣчныхъ мужчинъ (холостого писаря, волостного старшину или учителя).

Въ старину обрядовая пѣсня имѣла болѣе широкое значеніе, чѣмъ въ наше время: пѣсня тогда была тѣсно связана съ праздникомъ и народнымъ обычаемъ; въ пѣснѣ же выражалось міросозерцаніе народа. Теперь, большею частію, уже переставъ быть понятною для народнаго сознанія, обрядовая пѣсня продолжаетъ еще держаться въ народѣ, если живъ также обычай, ей соотвѣтствующій.

Сказанное примѣнимъ къ Смоленскимъ „кстиннымъ“ пѣснямъ: въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ совершенно исчезли своеобразные кстинные обычаи, мы не встрѣчаемъ совершенно кстинныхъ пѣсенъ. Въ одномъ же уголкѣ Смоленской губерніи, на границѣ Ельнинскаго и Смоленскаго уѣздовъ, переживался до сихъ поръ народомъ спорадически замѣчательно древній обычай,—и еще до сихъ поръ поется пѣсня, сопровождающая этотъ обычай. Повѣрія, связанныя съ этимъ обычаемъ, существовали и въ Могилевской губерніи (близъ Микулина).

Древній обычай, выполняемый при родахъ, состоялъ въ слѣдующемъ: во время родовъ жены мужъ ея стоналъ, и очень усердно, какъ будто раздѣляя муки своей жены. До сихъ поръ въ деревнѣ Руднѣ, Ельнинскаго уѣзда, живъ еще крестьянинъ Иванъ Лоричкинъ, считавшій своею обязанностію стонать въ подобныхъ случаяхъ. Иванъ Лоричкинъ такъ сильно стоналъ, такъ сильно, „не у галаву“ кричалъ во время родовъ жены, что его мать не знала кого „рятовать“ (спасать): сына или невѣстку; онъ блѣднѣлъ, „какъ полотно“, и чернѣлъ, „какъ чугунъ“.

Вышеописанный обычай былъ предваряемъ свадебнымъ обрядомъ: молодой супругъ, если признавалъ авторитетъ жены выше своего, позволялъ женѣ три раза перекатиться черезъ себя. Въ силу этого обряда супругъ какъ бы обязывался принимать на себя муки родовъ и сочувствовать стонами страданіямъ своей жены.

Обычаю соотвѣтствуетъ пѣсня:

А скачила да Хрузычка,
А ина съ печки на полъ.
Пакланилась да Иванички
Ды да самыхъ да нохъ;

—„А, Иваничка Тимафеичъ,
Да ни вяликій ты панокъ:
Да скинь-ка ты, Иваничка,
Да свой синій жупанокъ!...

---

[1]) Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мною была написана статья къ вопросу объ архаическихъ отношеніяхъ между полами. Въ предлагаемой статьѣ я сообщаю данныя, подтверждающія и дополняющія мои прежнія наблюденія. (См. Смоленскій Этногр. Сборникъ, ч. II, стр. 369—372).

Улажилъ ты мнѣ ў галовушку стыгна́ння,
Стыгнання, стыгнання, стыгнання!...
Якъ буду жъ я да на кравати стагнати,
Стагнати, стагнати, стагнати,—

Будешь па мнѣ, мой миленькій, ильнати,
Ильнати, ильнати, ильнати...
Да ўлажилъ ты мнѣ ў галовушку стыгнання,
Стыгнання, стыгнання, стыгнання...

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ мужу приходилось стонать и ужъ по неволѣ. Во время родовъ онъ помѣщался на полатяхъ, вообще на какомъ нибудь высокомъ мѣстѣ, и былъ привязываемъ за чувствительное мѣсто; нитка проводилась отъ него, черезъ „палицу", прямо къ ложу родильницы. Когда стонала родильница, бабка, сидѣвшая подлѣ родильницы, подергивала нитку, что вызывало невольные стоны у мужчины.

Обычай объясняется такъ: „надо жъ мучиться и ему" (мужчинѣ, тоже виновнику родовъ). Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Бѣльскаго уѣзда женщина, чувствуя себя беременною, требуетъ, чтобы мужъ становился на лавку и тянулъ съ нея кверху узкій и длинный сарафанъ: „Тяни съ меня харме̂тчину: я черезъ тебя растолстѣла".

Чрезвычайно распространено мнѣніе, что женскіе роды облегчаются сильно, если мужчина знаетъ о нихъ, а особенно если находится подлѣ жены въ минуту страданій.

Въ Смоленскомъ уѣздѣ, когда женщина сильно затрудняется родами, мужъ поитъ жену изъ собственнаго рта, „на подобіе голубя".

Обычай, мною описанный, очень древній и принадлежитъ къ числу многихъ обычаевъ, общихъ у разныхъ народовъ вслѣдствіе общности законовъ развитія человѣческаго духа (не вслѣдствіе заимствованія). Объ этомъ много писали и Тайлоръ и Леббокъ, и Ѳ. И. Буслаевъ въ статьѣ о сравнительномъ изученіи народнаго быта и поэзіи. Въ послѣднее время этого вопроса коснулся въ своемъ обстоятельномъ изслѣдованіи г. А. Рѣдько въ „Этнографическомъ Обозрѣніи," кн. XL—XLI: „Нечистая сила въ судьбахъ женщины-матери". По описанію путешественниковъ, обычай этотъ встрѣчается и у сѣверо-американскихъ дикарей и напоминаетъ собою когда-то существовавшій французскій обычай la couvade. Въ различныхъ мѣстностяхъ замѣтны въ этомъ обычаѣ различные оттѣнки.

Есть бабки, по народному повѣрью, которыя могутъ поддѣлать такъ, что мужчина будетъ мучиться родами вмѣсто жены; въ этомъ случаѣ уже не упоминается о добровольномъ согласіи мужчины и женщины дѣлить между собою муки родовъ, — эти муки навязываются мужчинѣ невольно вслѣдствіе чаръ колдуньи-бабки.

Въ сельцѣ Подборьѣ, Хмарской волости, Ельнинскаго уѣзда, былъ подобный случай. По просьбѣ жены крестьянина Ивана Горбачева, былъ сдѣланъ бабкою поддѣлъ ея мужу: во время родовъ своей жены Иванъ Горбачевъ такъ же стоналъ „не ў галаву́" вслѣдствіе поддѣла, какъ и Иванъ Лоричкинъ; жена его не страдала, а у него сильно болѣла „середина" и животъ. При этомъ замѣчательно, что этотъ поддѣлъ былъ сдѣланъ съ цѣлью наказать Ивана Горбачева за его супружескую невѣрность; потомъ ужъ жена жалѣла его, но, даже при помощи бабокъ и дѣдовъ, не могла отмѣнить заклятія. По сообщенію крестьянки села Данькова, Матрены Антоненковой, подобные случаи бывали и въ Красненскомъ уѣздѣ; поддѣлъ дѣлался на свадьбѣ.

Въ Прыщевской волости, Рославльскаго уѣзда, существуетъ повѣрье, что жена будетъ имѣть верхъ надъ мужемъ, и что муки родовъ непремѣнно перейдутъ къ мужу, если невѣста передъ вѣнчаніемъ возьмется зубами за церковный замокъ. При этомъ что-то и говорится.

Въ пословицахъ Даля встрѣчается слѣдующее заклятіе: „мнѣ беремѣнить, тебѣ прихоти носить", говоритъ невѣста, грызя зубами церковный замокъ, при входѣ къ вѣнцу (Смол., стр. 340).

Мужъ, которому поддѣлано, во время беременности жены страдаетъ отсутствіемъ аппетита, у него болятъ зубы; въ такомъ случаѣ онъ требуетъ себѣ лучшей пищи: молока, сальца, скороминки, иногда капризничаетъ и жену бьетъ: изъ-за тебя, молъ, вѣдьмы, страдаю (Прыщи, Росл. у.). Въ Жиздринскомъ уѣздѣ, Калужской гу́берніи, въ такомъ случаѣ говорятъ: „зачемитувало мужа на ѣду", въ Мосальскомъ уѣздѣ: „мащу́итъ на яду́".

Въ Порѣчскомъ уѣздѣ, Смоленской губерніи, существуетъ повѣрье, что мужъ, которому поддѣлано, мучится родами вмѣсто жены, находясь и на далекомъ разстояніи отъ нея. Страданія мужа совпадаютъ со временемъ родовъ, хотя бы онъ ничего не зналъ о нихъ; по окончаніи родовъ они моментально прекращаются.

Итакъ, обрядъ, мною описанный, различно исполнялся въ различныхъ мѣстностяхъ: то возникалъ вслѣдствіе взаимнаго соглашенія супруговъ во время свадьбы, то являлся вслѣдствіе заклятія, карающаго мужа за его невѣрность, то вслѣдствіе поддѣловъ жены, желающей имѣть перевѣсъ надъ мужемъ,—въ послѣднемъ случаѣ мужъ мучился и стоналъ во время родовъ жены уже невольно.

Въ этомъ обрядѣ, несомнѣнно, выражается подчиненность мужчины женщинѣ: предварительный договоръ на этотъ обрядъ заключался только тогда, когда авторитетъ женщины превышалъ авторитетъ мужчины.

Въ селѣ Бородѣ, Порѣчскаго уѣзда, во время крестинъ совершается обрядъ узнанія отца новорожденнаго.

Возвратясь отъ священника послѣ крещенія младенца, воспріемники входятъ въ хату, бабка же стелетъ шубу подъ загнѣтомъ печки. Крестная мать кладетъ ребенка на шубу подъ загнѣтъ и приговариваетъ: *„чей дитенькъ, тэй вазьметь!“* Отецъ беретъ ребенка и отдаетъ его матери.

Обрядъ этотъ нѣсколько напоминаетъ обычай узнанія отца у нѣкоторыхъ дикихъ племенъ, описанный древнимъ Геродотомъ.

Не менѣе оригинальный обычай ведется въ той же самой Бородѣ, Порѣчскаго уѣзда,— обычай паренія вѣниками.

Обычай этотъ совершается послѣ варенія пива „братчиками“ села Бороды и сосѣднихъ деревень. Въ это время пирушки устраиваются по очереди у хозяевъ, принимающихъ участіе въ вареніи пива.

Пиво и брага уже давно готовы. „Братчики“ пьянствовали уже нѣсколько дней. 11-го мая Герасимъ, одинъ изъ братчиковъ, проснулся рано, чуть не на зарѣ, и послалъ сына звать гостей на похмелье. Гости встаютъ, одѣваются и идутъ опохмеляться. Вошедши въ хату, немножко посидятъ, пока всѣ соберутся. Садятся. Вотъ всѣ собрались. Хозяинъ обноситъ всѣхъ водкою, а хозяйка подаетъ пироги на столъ, даетъ по два стакана водки, а потомъ и по третьему. Вылѣзаютъ изъ-за стола. Бабы скакать пойдутъ. Забьютъ бабы въ ладошки и запоютъ пѣсню:

Ай, Тотя, ты, Тотя, Татьяна,
Ай, што жъ ты не бѣла, ни румяна?
Ай, што у тябе Тотюшка на мысляхъ?
Цорныи брови понависли...
— А я была роду ни худова,
Зайшла за хвицера маладова..
Я й пѣша къ абѣдни ни хадила—
Усё мине на коних вазили.
А ўсё были кареты залатыи,
Усё были лакеи маладыи.

„Погулявши“ тутъ немного, бабы идутъ домой печки топить; расходятся по домамъ и мужчины. Около полудня тотъ же Герасимъ опять посылаетъ звать гостей на похмелье. Собираются всѣ: и мужчины, и женщины. Та же церемонія: хозяинъ проситъ гостей садиться за столъ и проч. Закуска: пирогъ и рыба.

Выйдя изъ-за стола, идутъ кругомъ изъ двора въ дворъ по очереди. Въ каждомъ дворѣ подается та же закуска: пирогъ да рыба; въ скоромный день—пирогъ и студень. Хозяинъ обноситъ всѣхъ водкою, давая по два стакана разомъ, а подъ конецъ закуски еще по одному стакану. Пока всю деревню обойдутъ, уже совершенно темно, да и бабы уже очень пьяны. Расходятся по домамъ.

12 мая, на утро, протопивъ печку, одна баба, самая бойкая, и говорунья, и плясунья, идетъ по деревнѣ и подговариваетъ своихъ подругъ итти въ „цыганки“, говоря:

— „Убирайтесь (одѣвайтесь), бабы, пайдемъ у цыганки: аво́й, аво́й! галава балить. Нада жъ намъ разживатца на водку. Сабирайтись уси у маю хату!“

Скоро всѣ бабы соберутся въ хату своей предводительницы. Всѣ идутъ по деревнѣ, держа въ рукахъ березовые вѣнички.

Кого встрѣтятъ на улицѣ, сейчасъ бабы начнутъ вѣникомъ парить, иного при этомъ и повалятъ; а хоръ вакханокъ въ это время неистово кричитъ слѣдующую пѣсню:

Я—цыганка маладая,
Я—цыганка заўдалая,
Знаю варажить—
Знаю варажить.
Ты положъ-ка
Денегъ куцку,
Пагляжу я табѣ ў руцку,
Усю праўду скажу,
А я не солгу,
А я не солгу.

Какъ у Сидора пупа, ну, ну, ну,
Выла Дарья хороша, ну, ну, ну.
Какъ уладиўся папокъ, ну, ну, ну,
Іонъ и къ Дарьюшкѣ ходить, ну, ну, ну,
Сладки прянички носить, ну, ну, ну,
Ай арѣшки-щелканки, ну, ну, ну.
Ай увидили пупа, ну, ну, ну,
Са маіорськага двора, ну, ну, ну.
Попъ видить, што худа́, ну, ну, ну,
Не́йди дѣтца никуда́, ну, ну, ну...
Іонъ и къ Дарьѣ на кровать, ну, ну, ну,
Дарья яго прыкрывать, ну, ну, ну.
Вы, маіорушки дружки, ну, ну, ну!
Вы зацымъ сюда пришли, ну, ну, ну?
А я ў терими адна, ну, ну, ну.
Даромъ, даромъ, што ты адна, ну, ну, ну...
Ты подай сюда пупа, ну, ну, ну!
Попъ видить, што худа, ну, ну, ну,
Нейди дѣтца никуда́, ну, ну, ну...
Іонъ у горинку подъ куть, ну, ну, ну!
Солдатъ кажеть: а ты тутъ!—ну, ну, ну!
Попъ видить, што худа, ну, ну, ну!
Нейди дѣтца никуда, ну, ну, ну!
Іонъ у сѣнюшки за стаў, ну, ну, ну...
Салдатъ яго дастаў, ну, ну, ну,
Аплявухи двѣ-три даў—ну, ну, ну!
Ты бяги, бяги, папокъ, ну, ну, ну,
Ни тиряй съ ж... партокъ, ну, ну, ну...
По дороженьки бягить, ну, ну, ну,
А у рукахъ партки дяржить, ну, ну, ну!

Тогда одна изъ бабъ, попаривъ встрѣчнаго вѣничкомъ, начинаетъ разговаривать съ тѣмъ, кого парила, какъ бабка:

„Я тябе попарю, я тибѣ животъ попраўлю — горщецки ускину: у мене и мыльца есть у кармани“... Примѣръ дѣлаетъ, будто черпаетъ рукою воду и лѣчитъ мнимаго больного. „Ты и съ жонкой не ладно живешь; у тибе и дѣти ни вядутца. Я тибе попарю, животокъ попраўлю, дѣти ве́стца будуть“...

Тотъ отвѣчаетъ:

—„Все вы, цыганки, врётя: и жонку я и люблю, и жалѣю, и самъ я здароў, и дѣти вядутцы“.

Тогда цыганки говорятъ:

— А ну-ка, откупись—пазалати руку!

Прохожій даетъ сколько-нибудь денегъ.

Цыганки иногда останавливаютъ проѣзжающихъ и парятъ ихъ вѣничками, прося „позолотить ручку“ и откупиться; проѣзжающіе даютъ сколько-нибудь денегъ цыганкамъ.

Ходятъ цыганки по селу и парятъ всѣхъ, кого попало; мѣстную интеллигенцію бабы парятъ въ домахъ. Къ вечеру бабы соберутъ много денегъ и идутъ въ кабакъ; туда же къ вечеру собираются и мужья „цыганокъ“. Покупаютъ на собранныя деньги водку и кутятъ всѣ, мужчины и бабы. Поздно бредутъ домой пьяныя цыганки, теряя на дорогѣ вѣники и даже платки.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Бородѣ было три учителя; скупому приходилось терпѣть болѣе отъ цыганокъ: онѣ его сѣкли нещадно.

Описанный обычай нѣсколько напоминаетъ сербскую *додолу*, описанную В. Караджичемъ въ его Словарѣ.

В. Н. Добровольскій.

РИТУАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНІЕ

КОРОВАЙНАГО ОБРЯДА У БѢЛОРУССОВЪ.

Въ бѣлорусской свадьбѣ существуетъ много обрядовъ, связанныхъ съ употребленіемъ хлѣба въ томъ или иномъ видѣ. Такъ, мы встрѣчаемъ обрядъ обсыпанія молодыхъ зернами хлѣба, совмѣстную ѣду молодыхъ, бросаніе молодымъ хлѣба въ уголъ избы, въ печь, на „запечекъ“ и нѣк. др. Но среди обрядоваго употребленія хлѣба коровай, его печеніе и раздача занимаетъ центральное мѣсто. Судя по записямъ свадебнаго обряда, представляющимъ собою, повидимому, наибольшую полноту и архаизмъ, коровайный обрядъ, наравнѣ съ обрядомъ посада [1]), можетъ быть признанъ самою важною частью свадьбы.

Обрядъ коровая общеизвѣстенъ. Намъ нѣтъ нужды описывать его въ подробностяхъ, но достаточно будетъ напомнить наиболѣе важныя черты его, особенно характерныя для выясненія значенія обряда.

Короваевъ обычно печется два: одинъ въ домѣ жениха, другой—у невѣсты. Матери жениха и невѣсты собираютъ заранѣе коровайницъ, въ числѣ 5, 7 или 10, къ нимъ приглашаютъ еще одного или двухъ мужчинъ, одного непремѣнно холостого. Изъ женщинъ —часть должны быть дѣвушки; старшая коровайница, распоряжающаяся обрядомъ, если возможно, бываетъ крестная мать молодого или молодой или старшая сваха. Очень замѣчательно, что избираются въ коровайницы женщины, отличающіяся чадородіемъ, хорошія хозяйки. Пекутъ коровай либо наканунѣ вѣнчанія, въ субботу, а въ понедѣльникъ, когда „поднимутъ“ молодыхъ, раздаютъ, либо пекутъ въ день вѣнчанія, но раздѣляютъ во всякомъ случаѣ послѣ первой брачной ночи.

Всякое дѣйствіе надъ короваемъ: расчинка его, мѣсиво, сажаніе въ печь, выниманіе изъ нея, выносъ въ клѣть и принесеніе оттуда, непремѣнно сопровождается испрошеніемъ благословія въ родѣ слѣдующей формулы:

Ой, дай намъ Боже,
Свое дзѣло зробици,
Коровай расчиници! [2])

Или „замѣсици“, въ печь „посадзици“ и т. д.

---

[1]) Объ обрядѣ посада см. мою статью въ „Этнографическомъ Обозрѣніи“, 1893, кн. XVI—XIX, „Бѣлорусская свадьба въ ея культурно-религіозныхъ пережиткахъ“, III гл. (кн XIX).

[2]) *Шейнъ*. Матеріалы, ч. II, стр. 170.

Въ одномъ описаніи свадьбы (Борис. у.) мы встрѣчаемъ цѣлую пѣсню, которой начинается печеніе коровая. Пѣсня проситъ близкихъ, сосѣдей и всѣхъ гостей благословить замѣсить коровай и, наконецъ, обращается къ Богу:

Ты заступъ, Боже, зъ неба,
Якъ намъ цяперъ треба!
Памагаў расчиниць,
Памагай замясиць
Ручками бяленькими,
Персьцьнями золоценькими,
Пѣснями веселенькими.

—„Ня стой, Боже, за дзьвярми,
Да идзи, Боже, ў хату,
Да сядзь на куцѣ,
Да дай долю маладзѣ".
—„Я ў хату ни пайду,
Я за дзьвярми постою,
Маладзѣ долѣ перешлю.

И дальше пѣсня приглашаетъ собраться весь „родъ" [3]). Пѣсня эта, несомнѣнно, носитъ всѣ признаки молитвеннаго обращенія къ покровителю брака.

По окончаніи мѣшенія коровая, опять пѣсня благодаритъ божество:

Хвала табѣ, Боже,
Што мы дзѣла зрабили,
Коровай замясили, и т. д. [4])

Въ самомъ дѣлѣ, присутствіе божества въ коровайномъ обрядѣ очень значительно. Коровай „Самъ Богъ мѣсиць, а Пречистая свѣцицъ, анёлы воду носюць, у Бога доли просюць". И далѣе, пѣсня обозначаетъ, какую долю нужно молодымъ:

Одну долю грошовую,
А другую—збожовую,
А трецію—дзяциную [5]).

Пѣсня проситъ божество о томъ, чтобы у молодыхъ водились деньги, хлѣбъ и дѣти. Послѣднее очень важно. Вообще въ коровайныхъ пѣсняхъ, больше чѣмъ въ какой-нибудь другой части свадьбы, мы находимъ обращеніе къ божеству о дарованіи молодымъ „доли", именно въ изобиліи хлѣба и потомства, многолѣтія брачной четы. Нужно положить коровай на жито, говоритъ пѣсня,—

Дай Божа, яго, спожици,
А нашемъ дзѣцямъ доўга пожици [6]).

Въ предыдущихъ пѣсняхъ божество призывается благословить печеніе коровая, при чемъ и испрашивается у него доля: божество призывается въ домъ, присутствующіе вѣрятъ, что оно находится въ хатѣ при исполненіи обряда, и потому обращаются къ нему съ молитвою. Въ пѣсенкѣ, приглашающей къ раздѣлу коровая, онъ называется „божимъ даромъ". Другая пѣсня спрашиваетъ у коровая:

Короваю мой румянъ!
Ци боги цябе малявали? [7])

Близость коровая къ божеству такова, что Богъ, Пречистая, ангелы принимаютъ участіе въ изготовленіи его, а

Мѣсяцъ ў печь сажая,
Зоренька закладая,
Слонейко запекая [8]).

Въ приведенныхъ пѣсенкахъ видна большая близость коровая къ божеству. Но есть данныя, которыя позволяютъ утверждать, что народное представленіе переносило божественныя

[3]) Ibidem, 74. [4]) Ibidem. [5]) Ibidem, 171. Въ коровaѣ, говоритъ пинская пѣсня, „доля и щасте". (См. мою статью: Мотивы свадебныхъ пѣсенъ пинчуковъ, 1893, стр. 55).

[6]) Ibidem, 289. [7]) Ibidem, 341. [8]) Ibidem, 378.

свойства на самый коровай. Одна пѣсенка, записанная въ Гродненской губ., призываетъ женихова отца поближе къ короваю съ „тройчатаю свѣчею“ и проситъ у коровая доли сыну:

Да Трохимоў ойченька,
Чаму не стоишъ близко короваю?
Чаму не дзержишъ тройчатой свѣчки?
—Ой я стою, ой я стою
Близко короваю,
Ой я прошу, ой я прошу
Свойму дзицяци доли [9]).

Значитъ, отецъ долженъ просить доли у самого коровая, который обладаетъ божественными свойствами, можетъ надѣлить молодого долею.

Пѣсни занимаются немало и наружнымъ видомъ коровая. „Родзина“ свезла для коровая „семь пудъ муки“, „семь пудъ соли“, „семь пуда масла“, „семь копъ яецъ“ [10]). Вотъ какой размѣръ коровая: въ коровай вошло изъ семи полей пшеницы, изъ семи рѣкъ водица, десяти коровъ масла и яицъ полтораста [11]). Или по другой пѣснѣ:

Тры бочки криничной воды,
Тры копы перепелчиныхъ яицъ
Тры фаски дровичного масла [12]).

Однимъ словомъ, когда коровай поставили на столъ, то ножки у стола „пагнутца“,

Да людзи короваю дзивятца [13]).

Это гиперболическое представленіе о размѣрахъ коровая соотвѣтствуетъ той особой силѣ, которая ему приписывается.

Въ самомъ дѣлѣ, пѣсни вполнѣ опредѣленно говорятъ о тѣхъ функціяхъ, которыя приписываются короваю, или той силѣ, которой символомъ онъ служитъ. Разсмотрѣніе этихъ пѣсенъ не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что въ коровайномъ обрядѣ мы имѣемъ остатки такъ называемаго пріапическаго культа. Одна пѣсенка обращается къ короваю съ просьбою о покровительствѣ браку [14]):

„Злучи, Божа, да мое дзѣтки!“

А другая, которую поютъ при закваскѣ коровая, дѣлаетъ и еще болѣе прозрачный намекъ:

„Нехай мой кося (конь) по росѣ поскаче,
„Нехай молода Аўдоцька по косѣ поплаче“ [15])!

Смыслъ послѣдняго замѣчанія станетъ вполнѣ яснымъ, если мы припомнимъ, какое значеніе брачные обряды приписываютъ расплетанію или обрѣзыванію дѣвичьей косы [16]).

Но, конечно, указанное значеніе коровая еще болѣе характеризуется цѣлымъ рядомъ пѣсенъ фаллическаго содержанія, составляющихъ обязательную часть только этого обряда, наконецъ, и самою внѣшнею формою этого обрядоваго хлѣба, которая придается ему въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. Правда, фаллическія коровайныя пѣсенки съ трудомъ попадаютъ въ наши этнографическіе сборники; собиратели нерѣдко опускаютъ ихъ сознательно, но ихъ не легко и записать, такъ какъ бабы не скажутъ въ обычное время. Несмотря на эти не вполнѣ благопріятныя условія, извѣстныя намъ записи свадебныхъ обрядовъ сохранили немало пѣсенъ, пріуроченныхъ къ короваю.

Эти пѣсенки въ грубой формѣ отмѣчаютъ дѣйствія коровайнаго хлѣба на плодовитость женщины: одно прикосновеніе къ короваю, качаніе его, вылѣпка для него украшеній изъ тѣста и т. п. уже дѣйствуетъ на работницу:

---

[9]) Ibidem, 378. [10]) *Шейнъ*, Бѣлор. пѣсни, 292. [11]) Ibidem, 371. [12]) *Шейнъ*, Матеріалы, 367. [13]) *Янчукъ*, По Минской губ., стр. 98, № 7.

[14]) *Шейнъ*, Матеріалы, II, стр. 241. [15]) Ibidem, стр. 215. [16]) *Довнаръ-Запольскій*, „Бѣлор. свадьба“ и пр., въ „Этнограф. Обозр.“, кн. XIX.

1) А коли я коровай качала,
Тогды я жывотомъ крычала [17])!

2) А богатые качали,
А пузатые сажали [18]).

Такъ говорятъ пѣсни. [19]).

Пѣсни идутъ иногда дальше въ олицетвореніи коровая:

Коровай рогоче,
Да до печи хоче,
А печь рогоче,—
Коровая хоче [20]).

Эти грубыя пѣсенки не случайно попали въ коровайный обрядъ. Онѣ только отражаютъ въ себѣ вѣру въ ту оплодотворящую силу, символомъ которой является коровайный хлѣбъ въ обрядѣ. Этимъ, вѣроятно, объясняется убѣжденіе, существующее у великороссовъ, въ томъ, что если молодая отвѣдаетъ до ночи коровая, то молодой не будетъ любить ея [21]): со вкушеніемъ коровая невѣста какъ бы теряетъ дѣвичество.

Только что описанное свойство коровая выражается въ пѣсняхъ и еще особымъ образомъ. Коровайное тѣсто растетъ особенно: чтобы вынуть его изъ печи, необходимо взять „вострый мечъ", „порубаць камянную печь" [22]), потому что онъ такъ выросъ въ печи, что уже не проходитъ въ ея отверстіе. Пѣсенка приглашаетъ коровай:

Подыходзь, подыходзь, нашъ коровай,
Да вышей печи муравой,
Да вышей стоўпа золотого,
Да вышей князя молодого [23]).

Или другая такъ описываетъ коровай въ дежѣ:

Коровай ў дзяжи играецъ,
До вѣка поднимаецъ,
Коровайницъ ожидаецъ [24]).

Во всѣхъ этихъ пѣсенкахъ коровай является символомъ оплодотворяющей силы. Ее надо передать невѣстѣ.

Послѣднимъ объясняется любопытная особенность посада, существующая въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Бѣлоруссіи: невѣсту во время расплетанія косы сажаютъ на дежу, въ которой расчиненъ коровай [25]) и въ которой его тѣсто, по пѣснямъ, такъ чудодѣйственно подходитъ. Существуетъ и примѣта: коровайницы слѣдятъ, хорошо ли подходитъ тѣсто, и изъ этого заключаютъ о плодородіи молодой четы.

Сама внѣшняя форма коровая подтверждаетъ выводы, только что сдѣланные нами изъ пѣсенъ. Отдѣлка коровая, лѣпка изъ его тѣста различныхъ украшеній занимаетъ довольно

---

[17]) Ibidem, 257. [18]) Ibidem, 341. [19]) Приведемъ еще нѣкоторыя изъ нихъ:

а) Якъ мы шышачки качали,
Тогды мы жывотомъ крычали;
Якъ мы шышачки ляпили,
Тогды мы жывотомъ кропили. (Ibidem, 307.)

б) Старшая коровайница!
Ни стой коля печы:
Аба ты хвартухъ спалишъ,
Аба курку осмалишъ! (Ibid., 259.)

в) Въ огородзѣ макъ паламаўся,
До дзѣвокъ Езепъ прикасаўся;
Собралися дзѣуки паганки,
Привязали Езепа до лауки, и т. д. (Ibidem, 215.)

[20]) Ibidem, стр. 227. [21]) *Терещенко*, Бытъ русск. нар., II, 133. [22]) *Янчукъ*, По Минской губ., 49, № 10.

[23]) *Шейнъ*, Матеріалы, II, 221. [24]) Ibidem, 752. [25]) Ibidem, 222; ср. *Довнаръ-Запольскій*. Бѣлорусск. Полѣсье, I, стр. 132.

много времени, сопровождается весьма нескромными намеками, замѣчаніями, критикой молодыхъ и пр. Сдѣлавъ основу коровая—большую круглую булку, приступаютъ къ украшенію ея: тутъ лѣпятъ изъ того же тѣста домашнихъ животныхъ, птицъ, растенія—рѣпу, морковь [26]). Лѣпятъ и отдѣльныя части животныхъ. Всѣми этими произведеніями свадебной скульптуры украшаютъ коровай. Правда, въ послѣднее время въ разныхъ мѣстахъ Минской губ., гдѣ мнѣ приходилось наблюдать обряды, нескромныхъ фигуръ уже не запекаютъ, но передѣлываютъ ихъ. Во многихъ же мѣстностяхъ на жениховскомъ короваѣ изображаютъ, напримѣръ, въ Минской губ., селезня, на невѣстиномъ — уточку; вокругъ птицъ кладутъ яйца изъ тѣста [27]). Кое-гдѣ вставляютъ въ коровай зеленыя вѣтки (Гродненская губ.) [28]). Впрочемъ, грубыя изображенія на короваѣ еще въ ходу: такъ, напримѣръ, мы встрѣчаемъ чрезвычайно интересное изображеніе его въ одномъ описаніи изъ Гродненской губ. [29]). Эти описанія только подтверждаютъ сказанное нами о связи коровайнаго обряда съ пріапическимъ культомъ.

Обряды во время печенія и раздѣленія коровая вполнѣ гармонируютъ съ его общимъ значеніемъ. Наблюдателя всегда поражаетъ экзальтированное состояніе участвующихъ въ коровайномъ обрядѣ. И этотъ экстазъ не случайное явленіе: въ народныхъ обрядахъ экстазъ является столь же традиціоннымъ, какъ и народный обычай. Музыкой и пѣніемъ сопровождаются различныя частности обряда.

Такъ, въ Минскомъ у. парни выносятъ изъ клѣти коровай на вѣкѣ отъ квашни съ музыкой; внесши въ избу, они кружатся нѣкоторое время и только тогда ставятъ на столъ. Въ Гродненской губ. дѣвушки пляшутъ вокругъ коровая послѣ того, какъ его замѣсятъ [30]). Здѣсь же, когда вынутъ коровай изъ печи, „маршалокъ“ кружится съ нимъ по избѣ, приговаривая: „раю короваю, раю, раю, я съ тобою пограю“ [31]). Въ Минской губ., предъ раздѣленіемъ, коровай трижды обносятъ вокругъ стола [32]). Этотъ традиціонный экстазъ, конечно, имѣетъ въ коровайномъ обрядѣ такое же значеніе, какъ и въ пріапическихъ культахъ вообще [33]), а съ послѣдними нашъ обрядъ имѣетъ общую основу.

Наши замѣчанія о коровайномъ обрядѣ и пѣсняхъ были бы не полны, если бы не были разсмотрѣны еще два мотива коровайныхъ пѣсенъ, въ которыхъ коровай (т.-е. изображенія на немъ) сопоставляется съ женихомъ и невѣстой, а также съ солнцемъ и мѣсяцемъ.

„Шишачка“ на короваѣ—невѣста.

„Куда коровай унести?“—спрашиваетъ пѣсня и отвѣчаетъ:

Понесьци коровай до клѣци,
А покласьци на матчиной скрыни:
А нехай матчино сярдзечко радуятца.
Што на короваи шышачка сядзиць, якъ лебядзь.
А шышачка моя бялесенька—
Дочка моя милюсенька! [34])

Эта пѣсня поется при невѣстиномъ короваѣ. Другая, которая поется у жениха, совѣтуетъ короваю взять „пирожокъ“ и добиваться въ клѣть. Тамъ, въ клѣти, на полатяхъ лежитъ „сы-

[26]) Ср. описаніе „Бѣлорусская свадьба“, этнографическій этюдъ. *М. Довнаръ-Запольскаго*, Кіевъ, 1888 годъ, стр. 21. [27]) Шейнъ, II, стр. 171. [28]) Ibidem, 379.

[29]) Коровай бываетъ вѣсомъ въ 50 и болѣе фунтовъ. На немъ запекаютъ такую картину: стоитъ невѣста по колѣна въ короваѣ и правой рукой держитъ поднятое кверху платье и рубашку. Женихъ стоитъ такимъ же родомъ насупротивъ невѣсты и держитъ въ правой рукѣ рѣпу. Кругомъ изображенія животныхъ: боровъ верхомъ на свиньѣ, пѣтухъ—на курицѣ, и т. д. Кругомъ этихъ фигуръ солнце, мѣсяцъ и звѣзды. Вынувъ коровай изъ печи, въ него втыкаютъ вилы деревянныя, въ аршинъ величиной, и покрываютъ его простыней (ibid. 379). Кромѣ того, здѣсь же пекутъ вмѣстѣ съ короваемъ отдѣльные пироги цилиндрической формы. (Лашанская вол.)

[30]) Ibidem, 378. [31]) Ibidem, 361. [32]) Ibidem, 222.

[33]) См., напр., книгу *Foucart,* Des associations religieuses.

[34]) *Шейнъ*, Матеріалы, 259.

рокъ бѣленькій—зять цещи милянькій" [35]). Тутъ коровай-женихъ идетъ въ клѣть, гдѣ устроено брачное ложе. Въ другой пѣснѣ выражается пожеланіе, чтобы коровай былъ „ясянъ", а женихъ—„красянъ".

А ясянъ коровай, ясянекъ,
А красянъ Сяменка, красянекъ [36])!

Въ основѣ этихъ сопоставленій лежитъ мысль о перенесеніи свойствъ коровая на новобрачную пару: у коровая просятъ объ изобиліи для новобрачныхъ въ богатствѣ, умноженіи семьи; отсюда и сопоставленіе молодыхъ съ короваемъ.

Относительно сопоставленія коровая съ солнцемъ уже выше приведено было указаніе на то, что среди его украшеній встрѣчаемъ солнце, луну, звѣзды [37]); въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ изображеніе полумѣсяца обязательно [38]). То же сопоставленіе проходитъ и въ пѣсняхъ. Коровай окруженъ звѣздами и мѣсяцемъ:

Биты коровай густо,
Подъ бѣлюхно хусто,—
Мѣсяцемъ окружоны,
Зорами осадзоны [39]).

По пѣснѣ, коровай—

Мѣсяцъ ў печь сажая,
Зоренька закладая,
Слонейко запекая [40])!

Такимъ образомъ высказанныя въ предыдущемъ изложеніи замѣчанія способны, какъ кажется, привести насъ къ заключенію, что въ бѣлорусскомъ коровайномъ обрядѣ и пѣсняхъ мы имѣемъ остатки пріапическаго культа. Въ этомъ не оставляютъ сомнѣнія какъ пѣсенки, такъ и формы коровайнаго хлѣба. Обрядъ и пѣсни ясно высказываютъ свою основную цѣль—испросить для молодой пары благословенія той высшей силы, которая содѣйствуетъ плодородію людей, скота, хлѣбо́въ—тѣхъ „долей", которыя такъ нужны пахарю. Коровай то является въ пѣсняхъ символомъ этой силы, то самъ ея носителемъ, конкретнымъ образомъ ея. Варіаціей на ту же тему является сопоставленіе коровая съ женихомъ и невѣстою и небесными свѣтилами.

При этомъ интересно замѣтить, что бѣлоруская свадьба вообще представляетъ въ себѣ не мало слѣдовъ названнаго культа [41]); и его можно бы подмѣтить не только въ свадебномъ обрядѣ, но и въ другихъ, особенно въ жнивныхъ [42]).

Однако, слѣды даннаго культа не представляются, случайнымъ явленіемъ въ бѣлорусскомъ свадебномъ ритуалѣ. Достаточно было бы привести на память обряды древнихъ индусовъ, чтобы убѣдиться въ широкомъ распространеніи его. Но для нашей цѣли гораздо важнѣе то обстоятельство, что и обычай печь свадебный пирогъ имѣетъ самое широкое распространеніе. Для насъ достаточно будетъ для подтвержденія сказаннаго привести нѣсколько параллелей изъ обычаевъ другихъ народовъ.

Свадебный пирогъ составлялъ непремѣнную принадлежность свадьбы въ Московской Руси, гдѣ онъ даже вносился въ церковь во время вѣнчанія [43]), хотя въ настоящее время онъ мало извѣстенъ въ великорусской свадьбѣ [44]). Проф. Н. Ѳ. Сумцовъ въ своихъ работахъ собралъ

[35]) Ibidem. [36]) Ibidem, 288. [37]) Ibidem, 361, 226. [38]) Ibidem, 307, 77 и др. [39]) Ibidem, 368.
[40]) Ibidem, 378.
[41]) Ср. сказанное въ моей статьѣ „Бѣлорусск. свадьба въ культурно-рел. пережиткахъ", „Этногр. Обозр." кн. XIX, р. 79.
[42]) Ср. напечатанныя мною жнивныя пѣсни въ стат. „Замѣтки по бѣлоруской этнографіи", „Живая Старина", 1894 г. вып. I.
[43]) *Терещенко*, Бытъ русск. нар. II, 51.
[44]) „Русск. Филологич. Вѣстникъ" 1880 г., I, стр. 84 (ст. *Ящуржинскаго*).

богатый матеріалъ по употребленію хлѣба-коровая у различныхъ славянскихъ народностей [45], такъ что можно безошибочно утверждать, что коровайный обрядъ, съ тѣми или иными отступленіями, извѣстенъ свадебному обряду всѣхъ славянъ.

Но мы позволимъ себѣ привести нѣсколько сопоставленій изъ обрядовъ не-славянскихъ народностей. Напомнимъ, что уже πλακοῦς древнихъ грековъ можетъ представлять собою нѣкоторую аналогію къ короваю [46]). Но наиболѣе близкія черты обрядовъ мы встрѣчаемъ въ Калабріи. Здѣсь пирогъ особой формы составляетъ непремѣнную принадлежность свадьбы. Въ Cozenza при выдачѣ приданаго даютъ одинъ или два пирога особой формы, которые называются muccelati, collari, tortani. Въ другихъ мѣстностяхъ женихъ даритъ невѣстѣ два пирога, foccare и berlingozzi; первый изъ нихъ имѣетъ обыкновенную форму, второй — большой и продолговатый. Калабрійцы же албанцы на огромномъ пирогѣ дѣлаютъ изображенія солдатиковъ, птицъ и различныхъ животныхъ; послѣ свадебнаго пира женихъ и невѣста обязаны съѣсть по куску его [47]). Въ Сициліи въ половинѣ прошлаго вѣка молодой, уже послѣ вѣнчанія, являлся къ невѣстѣ съ большимъ хлѣбомъ, сдѣланнымъ въ видѣ короны; этотъ хлѣбъ назывался bucceleto [48]). Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Франціи, въ Беарнѣ, молодые ѣдятъ сладкіе пироги особой формы [49]); такихъ пироговъ обычно бываетъ два [50]). Въ Бельгіи, если дѣвушка выходитъ замужъ въ другое село, молодежь ея села подноситъ ей пирогъ (le paté), длиною въ аршинъ, и букетъ цвѣтовъ [51]). Въ Германіи и Англіи обычай свадебныхъ пироговъ очень распространенъ; въ Англіи онъ называется bridecakes. Объ употребленіи этихъ пироговъ свидѣтельствуютъ еще средневѣковые источники [52]). Этихъ бѣглыхъ указаній, число которыхъ можно было бы значительно увеличить [53]), кажется, достаточно прежде всего для вывода въ томъ смыслѣ, что коровайный обрядъ бѣлорусской (и вообще славянской) свадьбы не стоитъ одиноко и находитъ себѣ широкую аналогію у другихъ народовъ. Этого общаго вывода намъ представляется достаточнымъ. Входить въ изслѣдованіе вопроса о томъ, насколько употребленіе свадебнаго пирога у другихъ народовъ соотвѣтствуетъ тому его характеру, который получился въ бѣлорусской свадьбѣ, было бы, въ предѣлахъ нашего очерка, неумѣстнымъ, но, можетъ быть, было бы позволительно высказать по этому поводу два-три замѣчанія.

Несомнѣнно, первоначальное значеніе свадебнаго пирога въ ритуалѣ нашихъ народовъ представляется теперь не вполнѣ яснымъ; иногда этотъ обрядъ почти смѣшивается съ другимъ—съ совмѣстнымъ вкушеніемъ пищи женихомъ и невѣстой. Очевидно, тутъ могла произойти обычная въ исторіи обрядовъ дифференціація. Кромѣ того, этотъ грубый обрядъ не можетъ долго оставаться въ своей первобытной наготѣ.

При этомъ, если принять во вниманіе, какую роль играли, особенно въ древности, обряды, связанные съ хлѣбомъ, въ пріапическихъ культахъ [54]), то аналогическое значеніе пирога въ

---

[45]) О свадебныхъ обрядахъ, преимущественно русскихъ (Харьковъ), стр. 135 сл.; Хлѣбъ въ обрядахъ и пѣсняхъ стр. 63 сл.; ср. *Kolberg*, Mazowsze, стр. 220; *Krauss*, Sitte und Brauch der Südslaven, p. 432—438; для разъясненія этимологіи коровая могутъ служить: *Pictet*, Les origines indoeuropéennes, II, 402 и *Потебни*, „О значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій“, стр. 51.

[46]) Die Griechischen Privataltertümer, von *S. Muller* (Handb. d. klass. Alt.-Wiss. IV r. I, p. 447).

[47]) *Dorsa*, La tradizione greco-latina negli usi etc., p. 37.

[48]) Pitré, Archivio per lo studio delle tradiz. popolari, XV, Usi, II, p. 68. Для поясненія южно-итальянскихъ обрядовъ необходимо помнить о сильномъ развитіи здѣсь культа пріапа не только въ древности, но еще и въ XVIII в.; см. интересную и очень рѣдкую брошюру „The worship of Priapus. An account of the fête of St. Cosmo and Damiano celebrated of Isernia in 1780... To which is added some account of the phallic worship.... by *Richard Payne Knight*“, London, 1883.

[49]) *Edelstand-du-Méril*, Études sur quelques points d'Archéologie. 1862, p. 59, прим. 6.

[50]) Une noce en Béarne, par *D. Bourchenin*, Revue des tradit. popul., 1890, № 4, p. 275.

[51]) Revue des tradit. popul. 1890, № 3, p. 181—2.

[52]) Edelstand-du-Méril, o. c., p. 59.

[53]) См., напримѣръ, еще *William Tegg*, Marriage ceremonies of all nations. London, 1872.

[54]) См., напримѣръ, въ книгѣ *Hodder M. Westropp*'a Primitive symbolism as illustrated in Phallic worship or the reproductive principle. London, 1885.

свадьбѣ не могло бы быть неожиданнымъ. Вѣдь свадебный обрядъ очень занятъ плодородіемъ новобрачныхъ, почему иногда допускаетъ такія ритуальныя особенности, которыя не позволяютъ ошибаться въ ихъ основномъ значеніи [55]).

Чѣмъ некультурнѣе народъ, тѣмъ рельефнѣе выражаетъ онъ въ своихъ обрядахъ заботу о судьбѣ новобрачныхъ.

Въ примѣръ въ данномъ случаѣ можно было бы привести свадебные обряды мордвы, гдѣ употребленіе свадебнаго хлѣба весьма близко къ нашему истолкованію его, какое ему можно дать въ бѣлорусской свадьбѣ [56]).

Покончивъ съ разсмотрѣніемъ коровайнаго обряда, кажется, можно высказать увѣренность въ связи этого обряда съ пріапическимъ культомъ; значеніе его такимъ образомъ связано съ испрошеніемъ молодымъ всякихъ благъ, главнымъ образомъ потомства. Быть-можетъ, такое значеніе свадебнаго пирога не стоитъ одиноко въ бѣлорусской свадьбѣ, но находится въ связи съ обрядами другихъ народовъ, хотя для послѣдняго вывода еще требовалось бы особое изслѣдованіе вопроса.

М. Довнаръ-Запольскій.

---

[55]) Ср., напримѣръ, обрядъ у литовцевъ, записанный въ началѣ нынѣшняго вѣка *Ch. Laumier*, Céremonies nuptiales des peuples anciens et modernes, Paris, 1830, p. 123.

[56]) Вотъ нѣкоторые изъ такихъ обрядовъ:

Передъ свадьбой невѣстѣ даютъ отвѣдать каши. Съѣвъ ее, она кричитъ и причитаетъ: „Лопнуть бы мнѣ какъ яйцу, разорваться бы мнѣ, какъ тройной веревкѣ, отъ этой каши! Поѣла я чужое счастье!“ (*Майновъ*, Очерки юридическаго быта мордвы, стр. 91). Не менѣе интересенъ и другой обрядъ. Отецъ жениха, поднявъ надъ головой корзину съ хлѣбомъ со вставленною въ него солоницею и яичницей, обращается къ божеству Шкай съ молитвою за молодыхъ и между прочимъ говоритъ: „Мы даемъ тебѣ хлѣбъ, ты дай ему (жениху) хлѣбъ; Мы даемъ тебѣ куриное сѣмя, ты дай ему человѣческое сѣмя!“ и пр. (ibidem, p. 111). Въ этомъ наивно-первобытномъ обращеніи къ божеству какъ нельзя лучше отражается цѣль принесенія въ жертву хлѣба на свадьбѣ и его значеніе.

Но у мордвы же употребляется и хлѣбъ, соотвѣтствующій нашему короваю. По разсказу Лепехина, совершался слѣдующій интересный обрядъ. Когда невѣсту приводили къ жениху, то братъ жениха бралъ ее за руку, вводилъ въ избу и сажалъ за столъ. Очевидно, невѣста такимъ образомъ вводилась въ новую семью, пріобщалась къ домашнему очагу мужа. Женихъ садился подлѣ нея. Передъ ними ставился огромный длинный, аршина въ полтора, пирогъ. Отецъ жениха бралъ за одинъ конецъ этого пирога и другимъ концомъ поднималъ съ головы невѣсты покрывало со словами: „Вотъ тебѣ свѣтъ, будь счастлива къ хлѣбу, животу и размноженію дѣтей“ (ibidem, 113).

ВОВКУЛАКИ.

(Матеріалы для характеристики міровоззрѣнія крестьянъ-малоруссовъ).

Современная жизнь вноситъ въ деревню новыя культурныя теченія; но не всѣ они чисты,—многія изъ нихъ даютъ осадки, удобряющіе и безъ того тучную почву, на которой густо произрастаютъ разнаго рода традиціонныя вѣрованія темной старины.

Одно знаніе о существованіи въ народной жизни тѣхъ или другихъ явленій не можетъ удовлетворить ея изслѣдователя: ему свойственно искать объясненія источника происхожденія ихъ и причины ихъ распространенія. Широта же распространенія въ народной массѣ той или иной идеи, того или иного возрѣнія, сказанія вызываетъ, между прочимъ, догадку о воздѣйствіи письменныхъ памятниковъ на мысль народа, на его міровоззрѣніе. Намъ кажется, напримѣръ, что ближайшимъ источникомъ вѣрованія въ оборотничество, въ превращенія, слѣдуетъ считать не религіозно-миѳическія представленія славянъ сѣдой старины, а апокрифическія сказанія и нравоучительныя повѣствованія христіанской эпохи. Намъ кажется, что выдѣлить изъ существующаго міровоззрѣнія народа, напр., изъ его представленія о вовкулакахъ, содержаніе древнѣйшихъ миѳическихъ его понятій невозможно, но позволительно утверждать, что апокрифическія сказанія сыграли огромную роль,—роль поддержанія и даже развитія многихъ изъ существующихъ въ народѣ суевѣрій, хотя и имѣли въ виду возвышенные идеалы. Если знаніе ошибочно, ложно,—мораль безжизненна, мертва. Извѣстно, что многіе изъ миѳовъ классической древности, своеобразно освѣщенные и истолкованные, проникли въ народную массу и пріобрѣли въ ней устойчивый характеръ опредѣленныхъ воззрѣній, проникли посредствомъ не только разсказовъ стариковъ, но и по преимуществу посредствомъ печатныхъ книгъ, такъ называемыхъ религіозно-нравственнаго содержанія. Маленькій примѣръ изъ назидательныхъ книгъ: „святый Павелъ (см. житіе Павла и Іуліаніи подъ 4-мъ марта) глагола: сей Дій, его же ты, Авриліанъ, бога быти глаголаши, человѣкъ бѣ, *научивыйся волшебныя хитрости,* страстнѣйшій же и невоздержнѣйшій сущи блудникъ паче всѣхъ человѣкъ, яже видяше красныя жены и отроковицы, хотя съ ними быти, различне я волшебствомъ прелщаше, претворяшеся бо овогда въ быка, овогда въ подобіе птицы орла и лебедя, иногда же въ злато, и тако прелстивъ и осквернивъ многая лица, богъ отъ нихъ быти мняшеся“.

Выяснить умственный и нравственный обликъ народа, свойства національнаго мышленія и характера—дѣло науки; частныя лица, среда, окружающая ученыхъ спеціалистовъ, могутъ принимать участіе въ разрабатываемыхъ послѣдними вопросахъ только доставленіемъ матеріаловъ къ научнымъ изслѣдованіямъ. Предлагаемые разсказы о вовкулакахъ и составляютъ сырой матеріалъ къ изслѣдованію состоянія народнаго міровоззрѣнія въ настоящее время.

Вовкулака бываетъ *родымый*, и этотъ родымый вовкулака можетъ обратить въ вовкулаку и всякаго другого человѣка; послѣдній въ такомъ случаѣ называется вовкулака *зрóблыный*. Какія средства употребляетъ „родымый" вовкулака для обращенія другихъ въ вовкулаку,—никто не могъ мнѣ объяснить, говорятъ обыкновенно: „такъ уже винъ порóбе". Также никто не могъ указать мнѣ на какія нибудь средства, которыя бы могли предохранить людей отъ превращенія въ вовкулаку. Говорятъ: „Бувъ одынъ родымый вовкулака, а въ ёго жывъ роботныкъ. Отъ одынъ разъ въ ночи дывытся роботныкъ, шо хазяинъ ёго выйшовъ на тикъ, устромывъ въ землю ножыкъ, перекынувся черезъ ёго, ставъ вовкомъ и побигъ у поле. А роботныкъ и дума: пиду и я перекынусь, чи стану вовкомъ? Пишовъ винъ, перекынувся и ставъ вовкомъ и побигъ у поле. Пробигавъ винъ усю ничъ, прыбигъ на те мисто, де бувъ ножыкъ застромленый, дывыться, ажъ уже нема ножа: хазяинъ уже перекынувся назадъ, шобъ статы чоловикомъ, и выйнявъ ножыкъ. Шожъ теперъ робыты? Оставаться до свита въ хутори нильзя: люды подумають, шо вовкъ, и вбьють. И побигъ винъ у лисъ, та такъ и пробигавъ вовкомъ ажъ тры годы. Бигавъ винъ умисти зъ вовкамы, та такы йисты того, шо вовки йилы, не йивъ, а тилько тымъ тры годы и жывъ, шо облыже ту палку, шо чоловикъ въ рукахъ державъ. Доходывся винъ до того, шо чуть було не пропавъ зъ голоду. Отъ одынъ разъ прыйшовъ винъ зъ вовкамы до свого хазяина. Вовкы вкралы вивцю и побиглы, а винъ остався въ двори и дума: лучче нехай убьють, нижъ отакъ жыты. Выходе хазяинъ, побачывъ вовка тай каже: э, це я знаю, шо за вовкъ! Та якъ ухвате ёго за хвистъ, якъ дерне, такъ и сдернувъ шкуру, а пидъ шкурою ёго роботныкъ, а вся одежа на ёму уже поприла".

Вовкулака *родымый* обращаетъ другихъ людей въ вовкулаковъ большею частью на свадьбахъ (жениха, невѣсту, дружка, поѣзжанъ), вотъ поэтому-то и стараются на свадьбахъ угостить хорошенько тѣхъ, которые считаются вовкулаками, или же, чаще всего, одного изъ нихъ упрашиваютъ быть дружкомъ, и тогда уже считаютъ, что никакой другой вовкулака ничего худого не сдѣлаетъ на этой свадьбѣ. Хотя въ настоящее время нѣтъ уже, какъ говорятъ старики-крестьяне, ни въ слободѣ Араповкѣ, ни въ ближайшихъ деревняхъ вовкулаковъ, а были они лѣтъ 40—50 тому назадъ, тогда-то и бывали случаи, что свадьбы разбѣгались вовкулаками; а все же и до сихъ поръ сохраняется обычай угощать прохожихъ, попадающихся на встрѣчу свадебному поѣзду, изъ боязни, „шобъ воны не поробылы чого-небудь".

А сдѣлать вовкулака или чаровникъ можетъ многое. Разсказываютъ, напр., слѣдующее:

Въ слободѣ стоялъ у крестьянина на квартирѣ солдатъ. У этого крестьянина былъ сынъ лѣтъ 25-ти, еще не женатый. Солдатъ, зная, что у крестьянъ женятъ сыновей вообще молодыми, спросилъ однажды у своего хозяина: „что, старикъ, сынка-то не женишь? вѣдь ему, почитай, ужъ за двадцать перевалило?"—Та вже, слава Богу, двадцять пьять,—отвѣчалъ хозяинъ:—такъ бачъ, служывый, яке лыхо: есть тутъ у нашій слободи одынъ чаривныкъ, и хто начне граты висилля, то вжей клыче ёго дружкомъ; а не поклычешъ,—винъ тоби заразъ яку-ныбудь прычыну и вкое. На мене жъ винъ уже давно сердытый: поклычъ—горе, не поклычъ—вдвое.—„Не бойся, старикъ, сватай сына,—сказалъ солдатъ:—авось Богъ избавитъ отъ бѣды, да и я, можетъ-быть, помогу въ чемъ-нибудь". Старикъ послушался солдата и посваталъ сына. Вотъ приблизился и день свадьбы. Поѣхали вѣнчаться; но когда окончилось вѣнчанье и хотѣли уже выходить изъ церкви, то никакъ не могли найти изъ нея выхода. Бросились искать дружка, бывшаго во время вѣнчанья тоже въ церкви, но его уже не оказалось, и куда онъ дѣвался,—никто не замѣтилъ. Всѣ пришли въ неописанный испугъ и не знали, что дѣлать. Тогда солдатъ обратился къ священнику и сказалъ: „благословите меня, батюшка, я отыщу дверь!" Получивъ отъ священника благословеніе, солдатъ подошелъ къ тому мѣсту, гдѣ по его предположенію должна была находиться дверь, и махнулъ крестообразно въ воздухѣ своей шпагой. Вдругъ на полъ полилась кровь, и къ ногамъ солдата упалъ дружко съ отрубленной головой. Въ тотъ же мигъ церковная дверь отворилась, и всѣ благополучно вышли изъ церкви. Отъ церкви поѣздъ поѣхалъ къ жениху. Когда поѣздъ проѣзжалъ мимо двора дружка, то отецъ послѣдняго, высунувшись въ открытое окно, кричалъ: „бояре на собакахъ йидуть!"—Да ты посмотри то на себя,—отвѣчалъ ему солдатъ:—вѣдь у тебя на го-

ловѣ козлиные рога! И дѣйствительно, у дружкова отца оказались на головѣ большущіе рога, а на спинѣ горбъ, такъ что ему нельзя было ни пролѣзть обратно въ хату, ни вылѣзть изъ нея. Только по окончаніи свадьбы солдатъ возвратилъ ему прежній его видъ. (Сл. Араповка. Сообщилъ учитель М. Д. Скубакъ).

Вовкулаки — люди, обращенные знахарями въ волковъ. Искусствомъ этимъ обладаютъ преимущественно москали, но встрѣчаются и между малороссами знахарки-чаровницы, большею частью старыя бабы. Превращеніе людей въ волковъ наичаще случается на свадьбахъ, почему въ это время особенно остерегаются оскорбить кого-либо изъ встрѣчныхъ или приходящихъ посмотрѣть на свадебное веселье. Примѣты вовкулаки: вдоль спины и живота бѣлая полоса; на мѣстѣ, гдѣ пупъ, маленькій узелокъ; ноги толще, чѣмъ у волка; нравъ кротче. По словамъ однихъ, когда вовкулаки сходятся съ волками, то послѣдніе главенствуютъ, а первые какъ послушники; другіе же говорятъ, что вовкулаки держатся только своего круга, а волковъ избѣгаютъ, и что наружный видъ вовкулаковъ волчій, но духовная сторона остается человѣчьей.

— Ѣхалъ свадебный поѣздъ, навстрѣчу идетъ москаль. Ѣхавшіе начали кричать и бранить москаля, требуя, чтобы онъ посторонился, далъ имъ дорогу. Москаль свернулъ въ сторону, но прежде скинулъ съ себя поясъ и протянулъ его черезъ дорогу. Какъ только поѣздъ переѣхалъ черезъ поясъ всѣ поѣзжане тотчасъ подѣлались вовкулаками и побѣжали въ лѣсъ. Насилу другіе знахари уничтожили эти чары.

— Вотъ еще случай: Парубокъ ухаживалъ за дочерью одной знахарки, но потомъ полюбилъ другую дѣвушку и хотѣлъ на ней жениться. Разъ шелъ онъ къ своей невѣстѣ, а навстрѣчу ему идетъ съ ведрами и шкурою въ рукахъ старая знахарка. Поравнявшись съ нимъ, она набросила на него волчью шкуру, и парубокъ въ мигъ сталъ вовкулакою и убѣжалъ въ лѣсъ. Въ лѣсу онъ сошелся съ простымъ волкомъ, и стали они ходить вмѣстѣ на добычу. Случилось имъ прійти ночью къ одному москалю красть овецъ. Обыкновенный волкъ остался дразнить собакъ, а вовкулака полѣзъ въ кошару. Хозяинъ вышелъ на лай собакъ, заглянулъ въ кошару и увидѣлъ тамъ вовкулаку. Москаль сейчасъ же догадался, что это не простой волкъ, схватилъ его за шиворотъ, втащилъ въ хату и разрѣзалъ ему узелокъ около пупа: вовкулака сталъ снова парубкомъ. Хозяинъ подалъ ему тогда уздечку и сказалъ: „возьми эту уздечку и когда встрѣтишься съ тою знахаркой, что оборотила тебя въ вовкулаку, и если она опять намѣрится набросить на тебя волчью шкуру, ты набрось на нее эту уздечку,—посмотришь, что будетъ. Когда парубокъ накинулъ на знахарку полученную отъ москаля уздечку, знахарка сдѣлалась кобылой. (Сл. Радьковскіе Пески. Сообщ. учитель Н. Лышчиковъ)

Чтобы сдѣлаться вовкулакою, нужно перекинуться черезъ „сокиру"; кромѣ того, колдуны знаютъ такія слова, что только взглянетъ онъ на человѣка да скажетъ это слово, человѣкъ тотъ сейчасъ же сдѣлается волкомъ.

Вовкулака никогда не бросается ни на людей, ни на овецъ, а при встрѣчѣ съ людьми такъ жалобно на нихъ смотритъ и воетъ, что дѣлается жутко. Ночью приходитъ онъ къ своей хатѣ, на огородъ или на токъ и воетъ; если ему вынести и дать хлѣба, беретъ и ѣстъ. Отъ настоящихъ волковъ вовкулаки убѣгаютъ, но охотно собираются съ другими вовкулаками, ночью подходятъ къ слободѣ и воютъ.

— Жили рядомъ два сосѣда и у каждаго изъ нихъ было по сыну, взрослому парню. Одного парня звали Петромъ, другого Иваномъ. Оба они были однолѣтки и были очень дружны между собою. Эту ихъ крѣпкую дружбу знала вся слобода. Разъ весною послѣ Пасхи женился въ этой слободѣ одинъ ихъ знакомый парень и пришелъ звать себѣ боярина. Приходитъ, а оба товарища вмѣстѣ стоятъ за воротами. Женихъ поздоровался съ ними да и говоритъ: „хто-небудь зъ васъ идить до мене у бояре!" Тѣ отвѣтили: „гараздъ, прыйдемо". Только женихъ ушелъ, ушелъ къ себѣ въ хату и Петръ, ничего не сказавши Ивану, не условившись съ нимъ, кому изъ нихъ итти въ бояре. Иванъ тоже пошелъ къ себѣ домой. Насталъ день свадьбы. Петръ пораньше отправился въ домъ молодого. Пришелъ и говоритъ ему: „Я буду твоимъ бояриномъ". Молодой отвѣчаетъ: „Спасыби! мини все одно: будь ты бояриномъ". И перевязали Петра платкомъ. Тутъ

входитъ и Иванъ, и видитъ, что Петръ уже въ боярахъ. Досадно ему стало, что запоздалъ, а тотъ, увидя Ивана, еще и насмѣхается: „а що, попавъ у бояре!?“ Иванъ разсердился, стало ему и стыдно, и обидно, пошелъ домой и разсказалъ своему отцу, какъ товарищъ, другъ его, посмѣялся надъ нимъ.—„Нехай сміетця, посміемось и мы зъ ёго!“ сказалъ отецъ, выслушавъ Ивана. Послѣ обѣда собрался молодой ѣхать за молодою. Запрягли лошадей, молодой сѣлъ съ бояриномъ и поѣхали. А ѣхать имъ нужно было мимо двора Ивана. Поравнялись они съ его дворомъ, а Иванъ съ отцомъ стоятъ за воротами. Старикъ только взглянулъ на боярина и что-то сказалъ,—вдругъ Петръ спрыгиваетъ съ повозки на землю, дѣлается волкомъ и убѣгаетъ въ лѣсъ. Поѣздъ остановился, Иванъ садится вмѣсто боярина, ѣдутъ за молодою, отвозятъ ее въ домъ молодого, и свадьба окончилась благополучно. А про Петра все лѣто ни слуху, ни духу. Настала осень, и стали замѣчать, что въ вербахъ на огородѣ у Петрова отца появился волкъ. Мать Петра, услыхавъ объ этомъ, стала просить всѣхъ сосѣдей и всѣхъ слобожанъ, чтобы они не трогали этого волка, и сама начала слѣдить за нимъ. Разъ вечеромъ вышла она изъ хаты, видитъ—въ вербахъ стоитъ волкъ да такъ жалобно на хату воетъ. Она пошла на огородъ къ вербамъ, подходитъ къ волку, а онъ не уходитъ отъ нея и не бросается. Тогда она бѣгомъ принесла хлѣба, дала ему; онъ съѣлъ и сталъ ласкаться. Поняла тогда мать, что предчувствіе ея не обмануло, что это не волкъ, а ея несчастный сынъ; накинула на него свою свиту, да скорѣе бѣгомъ къ сосѣду-знахарю, что обернулъ Петра вовкулакою. Прибѣжала и стала его молить-просить, чтобы умилосердился, простилъ ея сына. Вышелъ сосѣдъ къ волку, а тотъ такъ жалобно на нéго смотритъ; взялъ его сосѣдъ и повелъ въ хату. Привелъ въ хату да и говоритъ: „а що, Петре, нагулявся?“ Взялъ рогачъ, поставилъ его рожками вверхъ и велѣлъ волку прыгать черезъ рогачъ, но такъ, чтобы не зацѣпиться за рожки, а перепрыгнуть сразу. Насилу тотъ перепрыгнулъ, и только перепрыгнулъ, шкура на немъ лопнула и онъ сдѣлался снова человѣкомъ, да только уже не молодымъ, а лѣтъ тридцати. „Ты знаешь, говоритъ сосѣдъ, что ты тринадцать лѣтъ гулялъ“. Это каждая недѣля считалась ему за годъ. И вотъ теперь какъ выйдетъ Петръ ночью въ поле да засвиститъ, такъ вовкулаки, если есть близко, всѣ къ нему и сходятся.

Одинъ крестьянинъ разсказывалъ слѣдующее: „Торикъ на хутори верстъ за 20-ть отъ сл. Тарасовки увесь поиздъ зъ молодыми и зо всимы поизжанамы перевернувся вовкулакамы. Такъ прошлу зыму трынадцять вовкивъ усе вмисти и ходылы, булы воны и у насъ на гори. Такъ кажуть, шо зъ тыхъ вовкивъ которого забьють, такъ находылы въ середыни пидъ шкурою, якъ шкуру здыралы, у одного платокъ, шо боярына перевъязують, у другого поясъ. Кажуть, шо козакы объйизчыкы ихъ убывалы“. (Сл. Тарасовка. Сообщ. уч-ца В. Н. Свѣтъ).

— Въ одній деревни бувъ знахурь, но тилько нихто не знавъ, шо винъ уміе ковдуваты: сосиды его — и ти не зналы. Коло знахуря була свайба,—всихъ позвалы, а знахуря ни, бо ёго жинка була хвора. Посидалы молоди за стилъ и сталы угощатысь; ось, уходе знахурь у хату и пыше на дверяхъ хрестъ. Молоди пообидалы и сталы молыця богу. Дывлюця — двери горять. Молоди злякалысь и... розбиглысь вовкамы. Батько заразъ у росправу и роскавазъ старости, шо ковдунъ поробывъ ёго дитей вовкулакамы и шо воны розбиглысь. Староста позвавъ знахуря и посадывъ ёго въ холодну. Народъ дывыця: росправа горыть; колы прыбиглы, а вона цила. Тоди народъ и каже: „давайте ёго убъемо!“ Взялы ружжо, повелы знахуря въ поле и тамъ ёго убылы. Колы дывлюця, а винъ уставъ та й лопнувъ. Описля узналы, шо знахурь дома и сыдыть соби коло жинки хворои.

— Въ одній слободи жывъ чоловикъ и було у нёго два сына, Грыцько и Степанъ, та дочка Маргарыда. Въ цій же слободи жывъ ковдунъ Ѳедько. Мужыкъ ставъ женыты Грыцька, выбравъ ёму гарну дивчыну, посватавъ, а черезъ мисяць була и свайба. На свайбу позвалы усихъ слободянъ, а ковдуна не позвавъ. Ковдунъ за це саме росердывся и каже: „пидождить, я жъ зиграю вамъ свайбу!“ Молоди повинчалысь и йидуть до дому, а на дорози стоить чоловикъ и держе у руци свичку, наче свитылка. Якъ тилько зъ нымъ поривнялысь кони, винъ узявъ тай плюнувъ молодымъ у вичи. Тилько винъ плюнувъ, а молоди и поробылысь вовкулакамы тай

побиглы у лисъ. Батько та мате ждаты-пождаты... нема молодыхъ. Журятця, ходють... а люды и кажуть: „та чого вы ждете?! диты ваши побиглы вовкулаками у лисъ". А одынъ чоловикъ и каже: „стойте, я знаю, хто це поробывъ; пидождить трохе, я збигаю до нёго". Сказавъ це тай побигъ до ковдуна. Прыбига и каже: „дядько Ѳедько, пожалуста, верны дитей, шо ты поробывъ вовкулаками!" — Эге, а чого на свою свайбу не пизвалы? ну... та пидожды. — Выйшовъ у другу хату, поробывъ тамъ шось, — тай пишлы на свайбу. Прыходымъ, а диты уже дома. Батько пыта у ныхъ: „де вы булы и шо зъ вамы було?" Диты кажуть: тилько це мы сталы дойиздыть до дому, а чоловикъ и плюнувъ намъ у вичи, — мы и поробылись вовкулаками. Побиглы мы въ лисъ, вырылы соби шкоту и зализлы въ неи. Ось трохе згодомъ чуемъ, хтось каже: вылазьте, уже слына отъ васъ отстала. Мы вылизлы та вже не вовкамы, а людьмы, и пишлы до дому. Ото съ тіи поры завсегда сталы зваты ковдуна на свайбы.

— Трохе давнишъ въ тій же слободи бувъ багатый мужыкъ, и у нёго була одна дочка. Отъ винъ и просватавъ свою дочку, а потимъ того и свайбу началы граты. Позвавъ батько на свайбу усихъ родычивъ, кумивъ и сусидивъ, а ковдуна, шо жывъ тамъ, и забувъ позваты. Повинчались и йидуть до молодого. Тилько це воны дойихалы до воритъ, а на воротяхъ лежыть куча гною, та така велыка, шо и не перейихаты, и коло гною стоить чоловикъ. Кони, пидйихавши до гною, съ переляку якъ смыкнуть повозку, де булы молоди, а той чоловикъ, шо стоявъ быля кучы, возьмы тай накынь молодымъ на шыю ярмо. Тилько винъ накынувъ ярмо, молоди заразъ побиглы вовкулаками въ лисъ. Бигають по лиси та нудятця, шо на шыи высе шось важке. Бигають, бигають, та неякъ не скынуть, бо крипко надито. Ждавъ, ждавъ батько молодыхъ, а ихъ нема тай нема; колы чуе: воны зробылись и розбиглысь вовкулакамы. Тилько тоди батько спохватывсь, шо прогнивывъ ковдуна: не позвавъ на свайбу. Одягся и побигъ до ковдуна. Прыходе и баче, шо ковдунъ чита чорну кныжку про ковдовство. Ковдунъ якъ побачывъ, шо йде чоловикъ, заразъ и заховавъ кныжку, шобъ той не побачывъ, шо тамъ читаетця. Отъ батько и каже: „на шо вы такъ зробылы?"—Якъ?—„Та на шо мою дочку и молодого поробылы вовкулакамы". — Ото васъ такъ учать, каже ковдунъ: шобъ вы зналы, кого слидъ, а кого не слидъ зваты на свайбу.—„Та я позвавъ родычивъ кумивъ и сусидивъ".—А мене чого не позвавъ?—„Ну, ходимо, просю", каже батько. Ковдунъ пишовъ у другу хату, шось тамъ поробывъ, — и пишлы. Прыходять, а дитей ще нема. Ковдунъ посыдивъ трохе, а дали и каже „наче шось у двиръ війшло". Колы глядь у викно, а то молоди. Батько ухватывъ заразъ чарку и давай пидносыты, а мате поставила на стилъ перожкивъ съ терномъ, зъ ягидьмы, сметаны, молока съ кашою... и сталы веселытьця.

— А то разъ ковдунъ поробывъ вовкулакамы багато людей. Це було такъ: ковдунъ женывъ свого сына и позвавъ на свайбу багато людей, а горилкы купывъ трохе. Выпылы по чарци по другій, по третій—и горилкы стало мало. Ковдуну жалко грошій на горилку; отъ винъ узявъ тай поробывъ бильшу половыну своихъ гостей вовкулакамы. Гости розбиглысь по лисахъ та такъ и остались вовкулакамы. (Сл. Кабанья. Сообщ. учитель П. Марусовъ).

— Вовкулака—чоловикъ, тилько ныччиста сыла натяга на нёго вовчу шкуру. На свальби хазяинъ якъ ны вгостыть якого знахуря, такъ винъ можы поробыты такъ, шо весь пойиздъ побижыть вовкамы. Ихъ можно опьять оборотыть въ люды. Якъ побачышъ багацько вовкивъ и въ якого-небудь билу смугу чырызъ плыче, ото значыть дружко въ рушныці: быры ыкону, воскову свичку, хлибъ и йды назустричъ. Подойшовшы поблыжче, простылы рушныкъ, поставъ ыкону, засвиты свичку и положы хлибъ, та такъ, якъ на аршынъ одъ рушныка до вовкивъ, встромы нижъ тай кажы: мылосты просымъ (имя дружка) до хлиба, до соли и до святои иконы. Одвырны тебе, Господы, и очисты твое тило святымы молытвамы и своимы духамы". Тоди дружко пидойде до ножа та нюхъ-нюхъ и пырыкыныця чырызъ нёго, а за нымъ и вси, и заразъ поробляця людьмы.

— Въ прежни времена було це дило, за поселенія (военнаго), такъ було знахуривъ и знахурокъ багато, теперь ихъ поменчало, а тоди було, такъ прямо горе жыты: чы почынаешъ жынытьця, усе треба шобъ изъ знахуромъ, шобъ дружко бувъ росторопный, шобъ добре знавъ свое дило,

а то такъ убуркають, шо ны дай Богъ, — на викы зроблять ныщаснымъ; особено якъ бырешъ у другій слободи, то николы безъ урону ны прыйдетця. Одна вдова жынила сына и наняла вона соби дружка за сто рубливъ (въ старыну дружкы-знахуры дорого бралы) и прыготовылась къ свальби. Оцежъ на оцю ныдилю, якъ пидходе до того знахуря другый багатый и давъ ёму бильше грошій. Дружко вылявъ вдови пидождаты до другои ныдили, а самъ пойихавъ до багатого дружкуваты. И такъ осталось прыготовленіе вдовыно ни за що. Прыготовылась вона къ другій ныдили, а винъ опьять такъ изробывъ: пойихавъ до другого багача дружкуваты. Та бидна вдова ны знала, шо и робыть: отъ уже два разы прыготовлялась къ свальби, та все и ны прыходеця на ладъ, а безъ знахура нильзя обійтыся. Въ йии сусиды бувъ роботныкъ, такый—сякый, нымазаный, ныначе ны вси дома, а половына розъйихалась изъ ёго головы, той и каже: „вы знаете шо, тётю, давайте я у васъ подружкую".—Та якъ жы ты подружкуешъ?—„Та такъ, отвичае той роботныкъ: шо ище лучше, чымъ изъ отымъ знахуромъ, шо вы наймалы". Бидна вдова согласылась. Взялы того роботныка, прырядылы, прычысалы, згулялы пидвисильный вечеръ — ничого: пройшло благополушно. На другый день треба було йихаты за молодою у другу слободу и, самы якъ йé, пузъ ту свальбу, де дружкувавъ знахарь, той шо раньче бравсь дружкуваты у вдовы. „Саме труднише мисто, каже новый знахарь; ну, ничого, братци: шо я казатыму вамъ, — мене одного слухайте!" Такъ прыказувавъ дружко своимъ людямъ. И пойихалы. Уйизжають у ту слободу... ось тоби: збунтовався на тій свальби народъ: чый пойиздъ йиде? — Удовынъ, отвичалы прочи. Той дружко, якъ почувъ, шо удовынъ пойиздъ йиде, тай выйшовъ за ворота, спынывъ пойиздъ, дывыця, шо дружко нызавыдный, и каже: „Здоровъ, брате!"—Здоровъ! отвича удовынъ дружко.—„Боже поможы!"—Спасиба.—„Ну, давай же я тебе попоштую", сказавъ багатого дружко и вынявъ бутылку изъ водкою и чарку; налывъ одну, выпывъ самъ, налывъ другу, давъ удовыному дружкови. Той тоже выпывъ, а зубы и осталысь у чарци. Тутъ уси такъ и ужахнулысь. Удовынъ дружко и каже: „Ну, братъ, угостывъ ты мене! давай теперъ я жъ тебе попоштую", и вынявъ изъ кармана бутылочку, налывъ ту чарку водкы и выпывъ самъ — зубы сталы тоди у ёго на мисти; налывъ другу и давъ багатому дружкови. Той выпывъ чарку—и ёго зубы тожъ у чарци осталысь; значыть теперъ наворожывъ вдовынъ дружко. „Ну, рыбята, каже бидный дружко: теперъ зъ Богомъ помаленьку поганяйте, та не оглядайтеся!" И пойихалы. Багатый дружко тоди тому у ногы, давай просыты, шобъ отдавъ ёму зубы, но той и знать ны хоче: „побудь-ка безъ зубивъ трохе". Удовынъ пойиздъ остався благополушный, а багатый дружко цилу ныдилю простоявъ у вдовыного дружка на камняхъ, просывъ зубы и насылу выпросывъ, та и то зъ уговоромъ, шобъ повыртавъ людямъ уси грошi, шо бравъ за дружкуванья. (Сл. Преображенная. Сообщ. крестьянинъ А. Димченко).

Въ одномъ изъ древнихъ нашихъ сборниковъ нравоучительнаго содержанія сказано о книгахъ: „Умъ безъ книгъ, аки птица опѣшена. Якожъ она взлетати не можетъ, тако же и умъ не домыслится совершена разума безъ книгъ. Свѣтъ дневной есть слово книжное, его же лишився безумный, акы во тьмѣ ходитъ и погибнетъ на вѣки". Но не имѣемъ ли мы права также сказать, что многое изъ приведеннаго въ вышепомѣщенныхъ разсказахъ попало въ неграмотную массу отъ книжныхъ людей? А изъ этого слѣдуетъ, что не всякое слово книжное освѣщаетъ и разгоняетъ окружающій насъ мракъ.

П. Ивановъ.

О малорусскихъ отглагольныхъ существительныхъ

на **енне** и **інне**.

Si neutrofáme co pouhou náhodu objasniti shodu mezi slovy (=formami).

Вс. Миллеръ, Časopis Musea král. Českého, r. 1874, sv. 2.

По важнѣйшему закону малорусской фонетики прарусскіе звуки **є** и **о**, въ положеніи передъ павшими глухими гласными (**ъ** и **ь**), удлинились и, прошедши черезъ стадію дифтонговъ, дали современный малорусскій звукъ **і**. Поэтому, напримѣръ, прарусское **камєньѥ** обратилось у малоруссовъ сперва въ **камêнье**, затѣмъ (вѣроятно, сейчасъ же)—въ **каміенье**, и наконецъ, (повидимому, не позже 14-го вѣка)—въ современное **камінне** [1]).

Но—обыкновенно въ силу какихъ-нибудь нефонетическихъ причинъ—правило малорусскаго языка о замѣстительной долготѣ иногда имѣло свои исключенія. Однимъ изъ такихъ исключеній являются современные малорусскіе рефлексы формъ отглагольныхъ существительныхъ средняго рода на **єньѥ**: эти формы съ окончаніемъ **єньѥ** не дали въ малорусскомъ языкѣ окончанія **інне**, а дали **енне** [2]). Напримѣръ, отъ глагола **ходити** прамалорусская (и, вѣроятно, общая прарусская) форма была **хо^{д}жєньѥ**, однако теперь говорится не **хо^{д}жінне**, но **хо^{д}женне** [3]). А параллельно съ **хо^{д}женне** живетъ особая, своеобразная форма на **інне**: **ходінне**, которая существенно отличается отъ **хо^{д}женне**, потому что въ ней коренной согласный звукъ **д** не смягченъ въ **^{д}ж**. Для уясненія особенностей такихъ отглагольныхъ существительныхъ, возьмемъ значительное количество глаголовъ и образуемъ отъ нихъ отглагольныя существительныя.

---

1) Правописаніе **нне** принято мною какъ наиболѣе установленное въ литературномъ малорусскомъ языкѣ между другими варіаціями. На западѣ малорусской территоріи произносятъ это окончаніе безъ удвоенія **н** (напр., камінe), а на юго-востокѣ обычное окончаніе—**я**, а не **е** (напр., им. падежъ—каміння, твор. пад.—камінням).

2) Замѣтимъ кстати, что у малоруссовъ отглагольныя существительныя на **нне** чрезвычайно употребительны, несравненно употребительнѣе, чѣмъ у великоруссовъ; очень часто малорусскія существительныя на **нне** соотвѣтствуютъ великорусскимъ на **ость**,—напр., необразуванне (=необразованность).

3) Надписывая букву **д** надъ строкою я хочу этимъ выразить, что въ однихъ говорахъ слышится болѣе архаичный звукъ **дж**, а въ другихъ—просто **ж**.

	отглагольныя существительныя на інне.	отглагольныя существительныя на енне.
водити	водїнне	во^{д}женне
ходити	ходїнне	хо^{д}женне
бродити	бродїнне	бро^{д}женне
сидїти	сидїнне	си^{д}женне
видїти	видїнне	ви^{д}женне 1)
будити	будїнне	бу^{д}женне
судити	судїнне	су^{д}женне
родити	родїнне	ро^{д}женне
глядїти	глядїнне	гля^{д}женне 1)
гладити	гладїнне	гла^{д}женне
класти	кладїнне	кладенне [кла^{д}женне? 1)]
їсти, з'їсти	[їдїнне] [з'їдїнне?]	з'їденне, їденне 2) ї^{д}женне 1)
вести	[ведїнне]	веденне
платити	платїнне	плаченне
вкоротити	вкоротїнне	вкороченне
пустити	[пустїнне]	пущенне
вертїти	вертїнне	верченне
молотити	молотїнне	молоченне
мастити	мастїнне	мащенне
мостити	мостїнне	мощенне
трутити	трутїнне	трученне
хрестити	хрестїнне	хрещенне
жовтити	жовтїнне	жовченне
розлютити	розлютїнне	розлюченне
гнїтити	гнїтїнне	гнїченне
котити	котїнне	коченне
помститися	помстїнне	помщенне
плести	——	плетенне 3)
цвісти	——	цвітенне
рости ростити	ростїнне	рощенне
возити	возїнне	воженне
розразити, наразити	розразїнне	нараженне
лазити	лазїнне	лаженне
звузити	звузїнне	звуженне
гризти	[гризїнне?]	гризенне
сказитися	сказїнне	скаженне
повзти	[повзїнне?]	——
везти	[везїнне]	везенне
верзти	——	верзенне 3)
просити	просїнне	прошенне
трусити	трусїнне	трушенне

	отглагольныя существительныя на інне.	отглагольныя существительныя на енне.
спокусити	спокусїнне	спокушенне
мислити	мислїнне	мисленне мишленне
стреножити	——	стреноженне
тужити	тужїнне	туженне
ложити	ложїнне	ложенне
мучити	——	мученне
волочити	волочїнне	волоченне
лущити	лущїнне	лущенне
дрочити	дрочїнне	дроченне
учити	——	ученне
з'урочити	——	з'уроченне
сушити	сушїнне	сушенне
полошити	полошїнне	полошенне
пекти	——	печенне 3)
ректи	——	реченне
товкти	——	товченне
сїкти	——	сїченне
запрягти	——	запряженне
помогти	——	поможенне
наступити	[наступінне?]	наступленне
лупити	лупінне	лупленне
покрепити	покрепінне	покрепленне
любити	любінне	любленне
грабити	——	грабленне
робити	робінне	робленне
гребти	[гребінне?]	гребленне погребенне
ловити	ловінне	ловленне
прогавити	——	прогавленне
оздоровіти оздоровити	оздоровінне	оздоровленне
готовити	——	готовленне
ставити	——	ставленне
славити	——	славленне
з'явити, появити	з'явінне, появінне	з'явленне, появленне
дивитися	дивінне	дивленне
стрефити 4)	стрефінне	стрефленне
стомити	[стомінне]	стомленне
притлумити	притлумінне	притлумленне
ломити	ломінне	ломленне
щемити щеміти	щемінне	щемленне
стреміти 5)	стремінне	стремленне 6)

1) Не мѣшаетъ напомнить, что у малоруссовъ есть страдательныя причастія: ви^{д}жений, гля^{д}жений, ї^{д}жений, кла^{д}жений. Послѣднюю форму см. въ „Этнограф. Обозрѣніи“, кн. XXXI (1896), стр. 154, въ „Кіевской Старинѣ“ 1899, сент., отд. II, стр. 124.

2) „І питеннямъ, і їденнямъ“: Основа 1861, VIII, 27. „І питення, і їдення“ ,Номис: Прислівъя, 274, б. Параллельно съ этими существительными могу напомнить о причастіяхъ „напитений і наїдений“, которыя встрѣчаются, напр., во II томѣ „Матеріаловъ“ Б. Д. Гринченка.

3) Плетїнне (сплетенная вещь), верзїнне (чепуха) и печінне (печеночное) указываютъ на вещественный или пассивный предметъ, а не на отглагольное дѣйствіе.

4) Сдѣлать трефнымъ, некошернымъ (у евреевъ).

5) Торчать.

6) Въ послѣдніе годы нѣкоторые малорусскіе литераторы начали употреблять русское слово „стремленіе“ для

	отглагольныя существительныя на енне	отглагольныя существительныя на інне.		отглагольныя существительныя на інне.	отглагольныя существительныя на енне.
коïти	коïнне	коенне	тулити	тулінне	туленне
гоïти	гоïнне	гоенне	журитися	журінне	журенне
отроïти	отроïнне	отроенне	говорити	говорінне	говоренне
гноïти	гноïнне	гноенне	розвернути	——	розверненне
веліти	дражнінне	дражненне	розгорнути	——	розгорненне
чорнити	чорнінне	чорненне	штовхнути	——	штовхненне [1])
дражнити	велінне	веленне			

Разбирая вышеприведенный рядъ примѣровъ, равно какъ припоминая себѣ множество другихъ, я нахожу возможнымъ установить правило:

а) Если при образованіи отглагольнаго существительнаго согласный звукъ глагольнаго корня испытаетъ переходное смягченіе [2]), отсутствующее въ неопредѣленномъ наклоненіи [3]), то существительное оканчивается только на **енне**: хо'женне (отъ ход-ити), ловленне (отъ лов-ити), ношенне (отъ нос—ити) и т. д.

б) и в) Если же согласный звукъ глагольнаго корня не подвергнется переходному смягченію (отсутствующему и въ неопредѣленномъ наклоненіи), то—или допускаются оба окончанія: **енне** и **інне** (везенне и везінне), или употребляется исключительно **інне** (говорится только ходінне, ловінне, и вовсе не существуетъ ходенне, ловенне) [4]).

Для сознательнаго отношенія къ этимъ фактамъ надо вспомнить, что образованіе отглагольныхъ существительныхъ на **ньѥ** однородно съ образованіемъ страдательныхъ причастій на **нъ** и что, при этомъ, страдательное причастіе на **енъ** употребительно у малоруссовъ въ формѣ членной, т.-е. съ окончаніемъ **ений**, гдѣ звукъ *е*, не предшествуя слогу съ павшей глухою,

выраженія понятія aspiration (вм. обычнаго малорусскаго „змаганне“) и при этомъ передѣлали его въ „стремлïнне“ Народъ, конечно, этого слова и не знаетъ.

[1]) Въ этой таблицѣ я кой-гдѣ оставилъ пробѣлы и заполнилъ ихъ чертою для обозначенія тѣхъ ожидаемыхъ формъ, которыхъ я никогда ни отъ кого не слышалъ и не встрѣчалъ въ печати—ни въ сборникахъ народныхъ матеріаловъ ни въ произведеніяхъ малорусскихъ писателей. Въ скобкахъ и съ вопросительнымъ знакомъ мною приведены такія формы, какихъ тоже, пожалуй, мнѣ не приходилось встрѣчать, но какія (если мой природный инстинктъ родного языка не обманываетъ меня) *могли бы* быть употреблены малоруссомъ. Въ скобкахъ безъ вопросительнаго знака помѣщены формы, мнѣ иногда попадавшіяся, но крайне рѣдко, вообще же малоупотребительныя.

[2]) Для точности можно бы добавить: подъ вліяніемъ йоты, отсутствующей въ неопредѣленномъ наклоненіи.

[3]) Поэтому, напримѣръ, глаголъ волочити, гдѣ к смягчено въ ч еще въ неопредѣленномъ наклоненіи, сюда не относится.

[4]) Вопросъ объ образованіи этихъ существительныхъ на енне и інне заинтересовалъ меня ужъ давно, и потому, говоря съ кѣмъ-нибудь по-малорусски и читая малорусскія книги, я всегда старался подмѣчать, не найду ли исключеній изъ предложеннаго правила. Нашлись исключенія мнимыя. *Неударное* малорусское е (=э) можетъ звучать какъ и (=ы); и вотъ если въ существительномъ съ окончаніемъ енне удареніе падаетъ не на е, и если, при этомъ, передъ е имѣется звукъ шипящій (т.-е. небный), то получается нѣчто въ родѣ окончанія інне. Кто произноситъ „посьвяченне“ съ удареніемъ на я, тотъ произнесетъ и „посьвя'чинне“, а въ такомъ случаѣ можетъ иногда написать „посьвячінне“ (такъ, у Левицького-Нечуя въ „Причепі“, по изд. 1872 г. на стр. 331-й, напечатано „посьвячіння“, при чемъ надъ буквой я поставлено удареніе, устраняющее всѣ сомнѣнія); но гдѣ это слово произносятъ съ удареніемъ на предпослѣднемъ слогѣ, тамъ всегда говорятъ „посьвячéнне“, съ е. Кромѣ того, мною отмѣчены: у Драгоманова—„новонарождïнне“ (самодѣльное слово для выраженія renaissance), у Руданскаго I, 46—„с подивлïнням“ (крестьянинъ сказалъ бы: „дивуючись“; „подивлïнне“, повидимому выковано самимъ Руданскимъ, сихъ дѣлъ великимъ мастеромъ). Галицкое (полупольское) „врáжене“, съ неударнымъ е, можетъ звучать почти „врáжіне“, да такъ оно изрѣдка и пишется; нѣкоторые интеллигентные украинцы усвоили это слово въ его второмъ начертаніи, но по украинскому обычаю перенесли удареніе на предпослѣдній слогъ и произносятъ: вражіння. Объ искусственномъ „стремлïне“ я говорилъ выше. Наиболѣе походитъ на исключеніе „траплïня“ (Головацкій III, 248) въ смыслѣ „хлопоты“, „заботы“,—слово, которое собственно и не относится къ разряду интересующихъ насъ именъ (оно не выражаетъ отглагольнаго дѣйствія, какъ „робінне“, „губінне“); кромѣ того, это слово въ его вышеприведенной формѣ не чуждо вліянія встрѣчной аналогіи, но объ этомъ здѣсь долго распространяться.

долженъ сохраниться въ чистотѣ и не измѣниться въ **і**. Принявши это въ соображеніе, формулируемъ правило объ образованіи отглагольныхъ существительныхъ на **енне** и **інне** такъ:

1) Тѣ формы отглагольныхъ существительныхъ, которыя ясно напоминаютъ о своей близости къ страдательнымъ причастіямъ на **ений**, сохранили по этой причинѣ свой звукъ **е** и оканчиваются на **енне**. При переходномъ смягченіи эта близость *вполнѣ* чувствительна (напр., моло**ч**ений и моло**ч**енне при корнѣ „моло**т**", хо^{д}**ж**ений и хо^{д}**ж**енне при корнѣ „хо**д**"), и потому имена существительныя типа моло**ч**енне, хо^{д}**ж**енне всегда оканчиваются на **енне**. При отсутствіи переходнаго смягченія эта близость не такъ очевидна (вед-ений и вед-енне при корнѣ „вед"), и потому при вед**е**нне можетъ быть и вед**і**нне, при говор**е**нне—говор**і**нне и т. д.

2) Тѣ формы отглагольныхъ существительныхъ на **ньѥ**, связь которыхъ съ причастіемъ страдательнымъ на **ений** не очевидна, имѣютъ **інне**. Въ только что упомянутыхъ отглагольныхъ существительныхъ отъ „вести" и „говорити" эта связь хоть и замѣчается, но она *мало очевидна*,—оттого параллельно существуютъ *двѣ* формы: вед**і**нне и вед**е**нне, говор**і**нне и говор**е**нне. Если же форма отглагольнаго существительнаго не содержитъ въ себѣ *никакихъ* указаній на связь съ причастіемъ на **ений**, то она никогда и не оканчивается на **енне**; потому, напримѣръ, отглагольныя существительныя отъ „ходити" и „молотити", образованныя безъ переходнаго смягченія (которое въ страд. причастіи вѣдь есть), звучатъ всегда ход**і**нне, молот**і**нне и никогда не ход**е**нне, молот**е**нне.

Сверхъ всего этого надо замѣтить, что отглагольныя существительныя на **інне** образуются преимущественно отъ глаголовъ 4-го и 3-го класса (на **іти** и **ити**) и очень мало отъ глаголовъ другихъ классовъ.

II.

Итакъ, окончаніе **енне** въ хо^{д}женне, молоченне, ставленне и т. п., вмѣсто ожидаемаго окончанія **ѐнье-інне**, объясняется вліяніемъ аналогіи страдательныхъ причастій на **ений**. Но каково же происхожденіе звука **і** въ ходінне, молотінне, носінне, робінне и др.?

Можно съ полной увѣренностью сказать, что звукъ **і** въ ходінне, носінне и пр. не происходитъ изъ удлинившагося **є**. Дѣйствительно, если бы мы вздумали признать это **і** за **ê**, то этимъ самымъ признали бы, что въ общерусскій періодъ, раньше паденія глухихъ (т.-е. раньше XII вѣка), существовали формы: **ходєньѥ, носєньѥ, молотєньѥ, робєньѥ** и т. д. Но допустить существованіе такихъ формъ не позволяютъ основные принципы прарусской фонетики. Вѣдь какъ образуется отглагольное существительное, напр., отъ глагола **носити**? Основа глагола— **носи**. Прибавляемъ окончаніе **єньѥ** (или **єниѥ**), — получается теоретическая фонема ***носјєниѥ**. Очень вѣроятно, что въ общеславянскомъ языкѣ, въ моментъ этническаго единства всѣхъ славянъ, прежде распаденія праславянскаго языка на нарѣчія, такая форма какъ * **носјєниѥ**, дѣйствительно, существовала. Но когда праславянскій языкъ сталъ распадаться на нарѣчія и когда, между другими, выдѣлилось нарѣчіе русское, то такія формы стали невозможны, потому-что по непоколебимому закону прарусской фонетики сочетаніе **сј** должно было обратиться въ **ш**,—изъ * **носјєниѥ** должно было образоваться у руссовъ непремѣнно **ношєньѥ**, изъ * **ходјєниѥ**— только **хо^{д}жєньѥ**, и т. д. Слѣдовательно, формъ **ходєньѥ, носєньѥ, робєньѥ** и пр. никогда у руссовъ не было, и малорусскія ходінне, носінне, робінне отъ нихъ происходить не могутъ.

Въ такомъ случаѣ звукъ **і** въ этихъ малорусскихъ формахъ долженъ восходить къ основному **ѣ**. Подобно тому какъ **видінне**, **щемінне** происходятъ изъ **видѣ-ньѥ, щемѣ-ньѥ,** формы **ходінне**, **носінне**, **робінне** должны происходить изъ **ходѣ-ньѥ, носѣ-ньѥ, робѣ-ньѥ**.

Глаголовъ **носѣти, ходѣти, робѣти** (въ смыслѣ робити) мы изъ памятниковъ не знаемъ, и въ живомъ языкѣ нѣтъ ихъ. Поэтому появленіе звука **ѣ** въ формѣ типа **ход-ѣньѥ** я считаю удобнымъ объяснять силою взаимодѣйствія глаголовъ 3-го класса (на **ити**) и 4-го класса

(на ѣти). Между глаголами этихъ двухъ классовъ существуетъ тѣсная связь вообще, а въ области отглагольныхъ существительныхъ—въ особенности.

Много есть такихъ глаголовъ, которые, даже нисколько не мѣняя своего значенія, могутъ одинаково хорошо образовывать свое неопредѣленное наклоненіе какъ по формѣ 3-го класса (на ити), такъ и по формѣ 4-го класса (на ѣти). Вотъ примѣры и изъ древне-русскаго, и изъ малорусскаго языка [1]):

смотрѣти	смотрити	сожалѣти	сожалити
щемѣти	щемити	изгорѣти (сжечь)	изгорити
щадѣти	щадити [2])	трубѣти	трубити [3])
болѣти	болити [4])	трѣзвѣти	трѣзвити
радѣти (avoir soin)	радити	мусѣти	мусити
волѣти	волити [4])	квилѣти	квилити
скавулѣти	скавулити	шалѣти	шалити
свѣтѣти	свѣтити	зорѣти (смотрѣть)	зорити
		курити	курѣти

Особенно часто происходитъ отождествленіе темъ 3-го и 4-го класса тогда, когда глаголъ соединенъ съ мѣстоименіемъ **ся**:

устыдитися	устыдѣтися
свѣт[л]итися	свѣт[л]ѣтися
соромитися	соромѣтися
старитися	старѣтися
[и]з'умитися	[и]з'умѣтися [5]) и мн. др.

Но самое обычное отношеніе глаголовъ 3-го класса къ глаголамъ 4-го—такое, что глаголы на ити имѣютъ значеніе переходное, а глаголы на ѣти имѣютъ значеніе непереходное. Напримѣръ.

голубúти	голубѣти [6])	грубити	грубѣти
озлобити	озлобѣти	робити	робѣти
любити	любѣти [7])	з'яструбити	з'яструбѣти
одубити	одубѣти	изгорбити	изгорбѣти
оздоровити	оздоровѣти	кривити	кривѣти
спаршивити	спаршивѣти	оживити	оживѣти [8])
поновити	поновѣти	трѣзвити	отрѣзвѣти
глупити	глупѣти	тупити	тупѣти
сторопити	сторопѣти	слѣпити	слѣпѣти
охромити	охромѣти	выпрямити	выпрямѣти
шумити	шумѣти	стремити	стремѣти
затвердити	затвердѣти	молодити	молодѣти
сѣдити	сѣдѣти	упаскудити	спакудѣти

---

[1]) Современный малорусскій звукъ і (изъ ѣ) я въ этой и въ слѣдующей таблицѣ выражаю буквою ѣ, чтобы яснѣе отмѣтить связь этого і съ древнимъ ѣ. Что касается древнерусскихъ словъ, то я ихъ здѣсь привожу не въ самой архаической ихъ формѣ, и потому, напр., предлогъ съ привожу или въ начертаніи со, или с.

[2]) Глаголъ щадѣти встрѣчается у малоруссовъ преимущественно въ старыхъ памятникахъ, но и въ живой рѣчи онъ еще не окончательно исчезъ. См. „Пѣсни Пинчуковъ“ В. Довнаръ-Запольскаго (Кіевъ, 1895, изъ „Унив. Изв.“), ст. 194.

[3]) Трубіти—форма западно-малорусская.

[4]) Формы настоящаго: болѣю, волѣю (предпочитаю) происходятъ отъ болѣти, волѣти, а болю и волю—отъ болити, волити, но обыкновенно это отличіе не сознается, и обѣ формы спряженія свободно чередуются другъ съ другомъ, независимо отъ того, чередуются ли въ устахъ говорящаго обѣ формы неопр. н—нія, или онъ употребляетъ только одну изъ двухъ формъ н. н—нія.

[5]) Вторая форма у малоруссовъ болѣе употребительнѣе, чѣмъ первая.

[6]) Дѣлать голубымъ, дѣлаться голубымъ. Срв. „пожовтити і поголубúти комін“, „квіти в траві жовтïють і голубіють“.

[7]) „Він що дня мінï любіє“—онъ съ каждымъ днемъ дѣлается мнѣ болѣе любымъ.

[8]) Оживѣть (—ѣю,—ѣешь и т. д.) слышно у великоруссовъ (отмѣчено мною въ подмосковномъ селѣ Болшевѣ).

запустити	запустѣти	жовтити	жовтѣти
збагатити	збагатѣти	золотити	золотѣти [1]
лютити	лютѣти	звузити	звузѣти
протверезити	протверезѣти	омерзити	омерзѣти
понизити	понизѣти	близити	близѣти
русити	русѣти	зросити	зросѣти
повысити	повысѣти	искосити	искосѣти
обезволосити	обезволосѣти	красити	красѣти [2]
высочити	высочѣти	оголосити	оголосѣти
глушити	глушѣти	мягчити	мягчѣти
спустошити	спустошѣти [3]	ожорсточити	ожорсточѣти
изцѣлити	изцѣлѣти	закруглити	закруглѣти
чорнити	чорнѣти	червонити	червонѣти
дурити	дурѣти	старити	старѣти

Отглагольныя существительныя, произведенныя отъ этихъ параллельныхъ глаголовъ, имѣютъ не всѣ одинаковый внѣшній видъ: одни изъ нихъ (3-го класса) [4] оканчиваются на **енье** (**енне**), при чемъ предшествующій согласный звукъ подвергается переходному смягченію, необходимому передъ йотой; другія же (4-го класса) оканчиваются на **ѣнье** (**інне**), при чемъ согласный звукъ остается въ томъ же видѣ, въ какомъ онъ былъ въ неопредѣленномъ наклоненіи. А какова будетъ смысловая разница между существительными, произведенными отъ глаголовъ на **ити**, и существительными, произведенными отъ глаголовъ на **ѣти?** Такъ какъ параллельные глаголы щадити и щадѣти, мусити и мусѣти, трубити и трубѣти, щемити и щемѣти, смотрити и смотрѣти, свѣтитися и свѣтѣтися и пр. вполнѣ тождественны по своему значенію, то очень естественно, что произведенныя отъ нихъ параллельныя существительныя, также *тождественны по своему значенію*: ща^жженье=щадѣнье, смотренье=смотрѣнье, свѣченье=свѣтѣнье и т. д.

Тождественными по смыслу оказываются и тѣ параллельныя существительныя, которыя происходятъ отъ глаголовъ на **ити** и **ѣти**, имѣющихъ далеко не одинъ и тотъ же смыслъ въ обоихъ неопредѣленныхъ наклоненіяхъ. Возьмемъ, напримѣръ, глаголы „затвердити“ (съ переходнымъ значеніемъ) и „затвердѣти“ (съ непереходнымъ значеніемъ) и возьмемъ ихъ отглагольныя существительныя: „затвер^дженье“ (въ болѣе церковной формѣ—затвержденіе) и „затвердѣнье“. Если желудокъ затвердѣлъ (4 кл.), то мы это называемъ затвержденіемъ (3 кл.); земля затвердѣла (4 кл.), это—затвердѣніе (тоже 4 кл.). Человѣкъ молодѣетъ (4 кл.),—это называется, во-первыхъ, молодѣньемъ (4 кл.), во-вторыхъ—моло^дженьемъ (формой, заимствованной у глагола 3-го класса: молодити). Онъ оздоровѣлъ [5], это—и оздоровѣнье, и оздоровленье. Здоровье ослабѣло,—ослабѣнье здоровья и ослабленье здоровья. Сердце ожесточѣло,—ожесточѣнье и ожесточенье. Головка дитяти округлѣла,—это называется и округлѣнье и округленье. Кто-нибудь опьянѣлъ,—онъ въ опьянѣньи или въ опьяненьи. Исцѣлѣ отрокъ томъ часѣ,—это—исцѣлѣнье и исцѣленье. Женщина располнѣла и ожирѣла,—располнѣнье-ожирѣнье, располненье-ожиренье. Великорусскіе этимологи, произнося теперь **ѣ** и **е** одинаково, предпочитаютъ въ шести послѣднихъ случаяхъ писать **е**, а не **ѣ** (опьянѣвшій—въ опьяненьи, отрокъ исцѣлѣлъ—исцѣленье, и т. д.); это имѣетъ свои основанія, потому что и въ другихъ случаяхъ [6] мы видимъ

---

[1]) Золотіти—жить въ роскоши, въ золотѣ.

[2]) Красоваться.

[3]) Глаголовъ 4-го класса (на **ѣти**) съ предшествующей шипящей крайне мало: обыкновенно послѣ шипящей появляется звукъ **а**, а не **ѣ**.

[4]) Нѣкоторые глаголы 4-го класса, теряющіе **ѣ** при спряженіи, имѣютъ обѣ формы отглагольныхъ существительныхъ; такъ отъ вертѣти (наст. вр. верчу) образуется и верченье и вертѣнье.

[5]) Я стараюсь здѣсь брать сперва примѣры общерусскіе и не стѣсняюсь тѣмъ, что иное слово (напр., оздоровѣть) не принято въ языкѣ великорусской интеллигенціи: въ народѣ-то оно существуетъ.

[6]) Я имѣю въ виду тѣ другіе случаи, въ которыхъ ужъ не можетъ быть поднятъ вопросъ, отъ глагола ли на **ити** образовано существительное, или отъ глагола на **ѣти**; напр., въ формѣ „выздоровленіе“ или „ослабленіе“ звукъ **л** ясно указываетъ, что эта форма (подобно активной формѣ „оздоровленье“ отъ „оздоровити“) не ятевая, но естевая.

у великорусса предпочтеніе существительнымъ на **енье** [1]). Малоруссъ же глаголамъ на **ѣти** даетъ одинаково хорошо обѣ формы—и на ѣнье, и на енье. Такъ, если „хтось розлютѣлъ и озлобѣлъ“ [2]), то это и розлютѣнье-озлобѣнье, и розлюченье-озлобленье. Жила зъузѣла,—зъузѣнье и зъуженье. Жила толстѣе[тъ],—утолстѣнье и утолщенье. Хребетъ искривѣлъ, а потомъ выпрямѣлъ,—искривѣнье-выпрямѣнье и искривленье-выпрямленье. День укоротѣлъ—укоротѣнье и укороченье. Хата понизѣла,—понизѣнье и пониженье. Мазурське село зрусѣло,—зрусѣнье и зрушенье, и т. д., и т. д.—Изъ всего вышеизложеннаго мы видимъ, что глаголы 4-го класса (на—*ѣти*, напр., оздоровѣти) пользуются, кромѣ своихъ собственныхъ существительныхъ на *ѣнье* (оздоровѣнье), еще существительными 3-го класса на *енье* (оздоровленье отъ оздоровити), которыя въ такомъ случаѣ получаютъ сверхъ своего собственнаго (переходнаго) значенія еще значеніе непереходное. Но, если оздоровѣнье=оздоровленье,то очень легко можетъ возникнуть обратный выводъ, что и оздоровленье=оздоровѣнье. Иными словами, легко можетъ возникнуть выводъ, что форма на *ѣнье*, вполнѣ равняясь формѣ на *енье*, должна имѣть *оба* ея значенія: и непереходное и *переходное*, т.-е. принадлежать не только къ глаголу на *ѣти*, *но* и *къ глаголу на ити*. Малоруссы [3]) этотъ выводъ сдѣлали и, т. о., свободно пользуются для глаголовъ 3-го класса (на *ити*) формами на *ѣнье*, принадлежащими по исторіи своего возникновенія собственно глаголамъ класса только 4-го, а не 3-го.

Надо полагать, что первоначально формы существительныхъ 4-го класса на *ѣнье* придавались (уже въ переходномъ значеніи) лишь тѣмъ глаголамъ 3-го класса, у которыхъ имѣлся параллельный глаголъ 4-го класса (напр., оздоров**ити**-оздоров**ѣти**, опьян**ити**-опьян**ѣти** и т. п.). Но затѣмъ, естественнымъ ходомъ аналогіи, это образованіе формъ распространилось на *всѣ* глаголы 3-го класса, даже не имѣющіе себѣ параллелей въ 4-мъ. Такимъ образомъ у глаголовъ *носити, ходити* появились отглагольныя существительныя *носѣнье, ходѣнье,* хотя глаголовъ *носѣти* и *ходѣти* нѣтъ.

Съ глаголовъ 3-го и 4-го класса это образованіе спорадически переносится на глаголы другихъ классовъ. Такъ, у глаголовъ 1-го класса—нести и вести, по аналогіи съ носїнне и водїнне, изрѣдка слышатся существительныя несїнне і ведїнне. Но эти формы не часты, и обычныя формы—формы на *енне* (вед**е**нне, нес**е**нне) съ тѣмъ самымъ звукомъ **е**, который естественно сохраняется въ причастіяхъ на *еный*.

Резюмирую главныя положенія своей статьи:

1) Въ малорусскихъ отглагольныхъ существительныхъ на *енне* звукъ *е* (вмѣсто ожидаемаго **і**, изъ $\hat{ѣ}$) обязанъ своей сохранностью вліянію аналогіи страдательныхъ причастій на *еный*.

2) Въ отглагольныхъ существительныхъ на *інне* звукъ **і** восходитъ не къ $\hat{ѣ}$ а къ основному **ѣ**.

3) Этотъ звукъ **ѣ** происходитъ отъ глаголовъ 4-го класса (на—**ѣти**) или прямо, или путемъ аналогіи, путемъ взаимодѣйствія, существующаго между глаголами классовъ 4-го (на—**ѣти**) и 3-го (на—**ити**).

А. Крымскій.

---

[1]) Объясняется это, вѣроятно, вотъ чѣмъ. Въ смыслѣ многихъ глаголовъ 4-го класса (на—*ѣти*) могутъ быть употребляемы глаголы 3-го класса съ возвратнымъ мѣстоименіемъ (на—*итися*), отглагольныя существительныя которыхъ оканчиваются, понятно, на *енье*. Великоруссъ больше, чѣмъ малоруссъ, любитъ эти глаголы на—*итися* и потому часто забываетъ образовывать отглагольныя существительныя 4-го класса на *ѣнье*, а пользуется отглагольными 3-го класса существительными на *енье*. Мнѣ кажется, другое объясненіе подыскать трудно.

[2]) По поводу употребленной мною буквы **л** въ розлютѣ**лъ**, толстѣе(тъ) и т. п., тогда какъ современный малоруссъ произноситъ розлютї**в**, то**в**стїе, напоминаю читателю, что я въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этой статейки предлагаю малорусскія слова, для большей наглядности, въ транскрипціи этимологической и примѣняюсь къ малорусской ороографіи прежнихъ временъ.

[3]) Вѣроятно, потому, что у нихъ глаголовъ на *ѣти*, параллельныхъ глаголамъ на *ити*, есть очень много.

Нѣсколько мелочей.

1. Перецъ.

Какъ понимать отношеніе русскаго слова пе́рецъ къ основному **пьпьрь?** [1]) Сербское па̀пар-па̀пра, польское pieprz и т. п. легко объясняются звуковымъ развитіемъ косвенныхъ падежей **пьпьря̀, пьпьрю̀** и т. д. и созданіемъ къ нимъ новаго назывнаго падежа, вмѣсто самороднаго *па̏р и *pierz, съ выпаденіемъ перваго глухого и съ упрощеніемъ получившагося при этомъ сочетанія **пп**. Нижнелужицкое per-pra (рядомъ съ peper') представляетъ, напротивъ того, опущеніе въ косвенникахъ начальнаго слога pe-, подъ вліяніемъ назывника. Не на такомъ ли склоненіи основана и русская производница **пряный**? Допустить, вслѣдъ за Миклошичемъ [2]), что **пряный** вышло изъ **пьпрѣныи**, я считаю невозможнымъ, ожидая въ такомъ случаѣ проясненія еря: **пепряный**. (При этомъ безразлично, исходить ли отъ основной формы **пьпрь** только съ двумя, или же отъ **пьпьрь**—съ тремя глухими). Для слова пе́рецъ мы, въ виду старинныхъ колебаній въ родѣ **жне́цъ-женца́**, **пришле́цъ-прише́льца** (болѣе отдаленная аналогія Смольнескъ-Смоленска) [3]), должны предположить самородное склоненіе **пепре́цъ-пе́рца** изъ **пьпьрь́ць-пьпь́рьца**, съ тѣмъ же упрощеніемъ въ косвенникахъ двойного **п**, которое мы видѣли выше. Теперешній же назывникъ **пе́рецъ**, вм. **пепре́цъ**, подобно сербскому **па̀пар** и польскому pieprz, есть новотворка къ косвенникамъ.

2. Вьсь, вьсе, вьса.

Мѣстоименіе, поставленное здѣсь въ заголовокъ, представляетъ, какъ извѣстно, странное колебаніе между мягкимъ и твердымъ различіемъ, образуя съ одной стороны такіе падежи,

---

[1]) Приводимыя въ Старословенскомъ словарѣ написанія памятниковъ представляютъ, или заставляютъ предполагать три глухихъ въ этомъ словѣ, хотя Миклошичъ пишетъ только два. Объ окончаніи -ъ рядомъ съ -ь здѣсь можно и не говорить. Акцентовкой этого слова, въ виду сербской формы, которая сейчасъ будетъ приведена, я считаю **пьпь̀рь-пьпьря̀**.

[2]) Etymologisches Wörterbuch, pĭpr̆ŭ, pĭpr̆ĭ.

[3]) *Ал. Алдр. Шахматовъ.* Изслѣдованіе о языкѣ новгородскихъ грамотъ XIII и XIV вѣка. Спб. 1888. §. 27. *Миклошичъ.* Сравнительная морфологія, русскій переводъ, стр. 478, пр. 2. *Alx. Brückner*, Grammatische Miscellen, III, Zur Deklination von sъnьmъ u. ä. Archiv für slavische Philologie, XII, 290—294.

какъ **вьсего**, съ другой такіе, какъ **вьсѣхъ**. Какъ, спрашивается, понимать эту двойственность? Сказавъ, что однѣ формы восходятъ къ первичной основѣ на -ŏ, другія—къ производной на -iŏ, мы дѣла не объяснимъ: вѣдь если было унаслѣдовано мѣстоименіе vĭsŏs, по-славянски **вьсъ**, то не имѣлось никакой причины образовывать къ нему производное, безъ новаго оттѣнка значенія; при томъ такая производница звучала бы не **вьсь**, а **вьшь**. Кромѣ того, совершенно непонятно, почему вторичное образованіе, разъ оно возникло, не прошло уже по всѣмъ падежамъ. Еще страннѣе было бы появленіе новыхъ формъ по твердому различію, если бы издавна употреблялось полное склоненіе по различію мягкому: съ какой стати вм. ***вьсихъ** (срв. **сихъ**) вдругъ стали бы говорить **вьсѣхъ**?

Спрашивается теперь, нельзя ли вывести двойственное склоненіе изъ однороднаго путемъ звуковыхъ переходовъ? Оказывается, что можно, если принять одинъ звуковой законъ, въ существованіи котораго я до сихъ поръ сильно сомнѣвался, а именно—законъ смягченія **г**, **к**, **х** въ **ѕ**, **ц** и **с**, подъ вліяніемъ предшествующей узости: **подвиѕати** изъ **-ига-**, **прорицати** изъ **-ика-**, **оусмисати сѧ** изъ **-иха-** [4]).

Развитіе занимающаго насъ слова въ такомъ случаѣ можно представить себѣ въ слѣдующемъ видѣ. Славянолитовскою формою этого мѣстоименія было vĭsŏs, vĭsŏd, vĭsā (по-литовски vìsas, visà). Переходъ междугласнаго **с** въ **х** — обязательный вѣроятно не всегда, но несомнѣнно обязательный послѣ **ь** (ĭ),—а затѣмъ смягченіе передъ замѣнившимъ дифтонгъ **oi** **ѣ**-темъ, снова превратившее **х** въ **с**, должны были породить слѣдующее склоненіе:

Назывный падежъ одиннаго числа: **вьхъ, вьхо, вьха**; родный: **вьхого, вьхоѩ;** давальный: **вьхоноу, вьхои**; винильный: **вьхъ, вьхо, вьхѫ** [5]); творный: **вьсѣмь, вьхоѭ**; мѣстный: **вьхомь, вьхои**. Множный назывникъ: **вьси, вьха, вьхы;** рóдникъ: **вьсѣхъ;** давальникъ: **вьсѣмъ;** винильникъ: **вьхы, вьха, вьхы**; твóрникъ: **вьсѣми;** мѣстникъ: **вьсѣхъ**. Двоинý, которая въ исторической формѣ конечно звучала бы **вьса, вьси, вьси** (назывно-винильный пад.), **вьсею** (родно-мѣстный) и **вьсѣма** (давальнотворный), а въ моемъ построеніи **вьха, вьсѣ, вьсѣ, вьхою** и **вьсѣма,** Миклошичъ въ парадигму не включилъ, а Востоковъ прямо заявляетъ, что ея не существуетъ [6]). Мнѣ однако кажется, что она должна была существовать, хотя бы и употреблялась очень рѣдко. Нечего, правда, думать, чтобы могли говорить **вьсꙗ дъва**, какъ по-французски tous les deux; незачѣмъ также предполагать, чтобы говорили **оба дъва**, какъ по-нѣмецки alle beide, да и по-славянски, у сербовъ, словенцевъ, чеховъ, поляковъ и верхнихъ лужичанъ: ȍбадва̄, obadvá, obadva, obadwa, wobaj dwaj; но едва ли не появлялось выраженій въ родѣ **„нозѣ мои вьси покрысте сѧ строупьѥмь"**.

Если въ языкѣ, представлявшемъ вышеуказанное склоненіе, появилось смягченіе послѣ узкихъ гласниковъ **х** въ **с**, то должны были образоваться слѣдующія фонемы: **вьс'ъ** [7]), **вьс'о, вьсꙗ, вьс'ого, вьс'оꙗ, вьс'омоу, вьсо'и, вьсѧ, вьс'оѭ, вьс'омь**, кои потомъ, вслѣдствіе суженія звука **о**, или же вслѣдствіе подражанія обычнымъ мягкимъ окончаніямъ, превратились въ **вьс'ь, вьсѥ, вьсѥго, вьсѥꙗ, вьсѥмоу, вьсѥи, вьсѥѭ, вьсѥмь** (**вьсꙗ** и **вьсѧ**, понятное дѣло, сохранились [8]). Звукъ **с**,

---

[4]) *Ал. Ив. Соболевскій.* Древній церковно-славянскій языкъ. Фонетика. Москва, 1891, стр. 114 — 115. Срв. мой разборъ этой книги: Ж. М. Н. Пр. 1892 г., № 6, стр. 317 и 325.

[5]) Такой женскородный винильникъ, какъ извѣстно, дѣйствительно читается въ грамотѣ Варлаама Хутынскаго (около 1192)—снимокъ у Измаила Ив. Срезневскаго въ Древнихъ памятникахъ русскаго письма и языка. Однако тамошнее **„вхоу же тоу землю хоутинскоую"** можно объяснять и опискою: предвосхищеніемъ слога **хоу** изъ собственнаго **имени хоутинска**.

[6]) *Miklosich*, Vergleichende Wortbildungslehre, 52—53. = Сравнит. морфол., 68. *Востоковъ*. Грамматика церковно-словенскаго языка, 57.

[7]) Апострофъ употребленъ какъ мягкостный знакъ.

[8]) Мужескій винильникъ множины (онъ же женскій назывно-винильникъ), **вьсꙗ**, разумѣется, необходимо объяснять подражаніемъ, такъ какъ суженіе **ы** дало бы не **ѧ**, а **и**.

который впослѣдствіи — хоть бы въ староцерковномъ языкѣ — могъ поотвердѣть [9]), въ праславянскомъ навѣрное былъ мягкимъ, чѣмъ и оправдывается переходъ его у сѣверозападныхъ славянъ въ š: чешское vše и т. п. Это š такимъ образомъ говоритъ въ пользу предлагаемаго здѣсь объясненія двойственности мѣстоименія вьсь путемъ вторичнаго смягченія.

3. Человѣкъ.

Слово человѣкъ прежде всего возбуждаетъ вопросъ, каковъ былъ его староцерковный видъ. Самое появленіе въ немъ звука ч, можно думать, обязываетъ насъ предположить въ фонемѣ чловѣкъ—таково написаніе памятниковъ, когда они (что́, какъ извѣстно, бываетъ лишь изрѣдка) выписываютъ его сполна [10]),—присутствіе звука ь: чьловѣкъ. Звукъ ь очень рѣшительно приписывалъ этому слову уже Потебня́ [11]), хотя онъ былъ неправъ, что допускалъ е вмѣсто ь: послѣднее вѣдь уцѣлѣло бы во всѣхъ славянскихъ языкахъ; развѣ, что предположить необычайное сокращеніе обиходнаго, но довольно длиннаго слова [12]). Послѣднимъ соображеніемъ можно оправдать также исчезновеніе ь уже въ старѣйшихъ памятникахъ; можно впрочемъ сослаться и на то, что, если въ болѣе раннихъ рукописяхъ слово чьловѣкъ постоянно стояло подъ титломъ, то раскрывавшіе иногда это титло писцы естественно вносили свое позднѣйшее произношеніе съ онѣмѣніемъ глухого. За ь въ нашемъ словѣ говоритъ и латышское cilvẽks, на которое въ такомъ смыслѣ и ссылался Іоганнъ Шмидтъ [13]). [Русское е въ словѣ человѣкъ конечно нисколько не свидѣтельствуетъ о присутствіи ь, который въ данномъ положеніи долженъ былъ не проясниться, а выпасть. Это е надо признать вторичною вставкою въ необычное созвучіе чло, кое также у сербовъ и у болгаръ вызвало необычныя явленія: у первыхъ опущеніе л: чо̀вjек, а у вторыхъ—перестановку: чолѣ́к, вм. чолвѣ́к, чловѣ́к [14]); или, можетъ быть, тутъ сказалось стремленіе осмыслить первую часть нашего реченія, превративъ его въ извѣстное слово чело?: „вѣщій челомъ“ было бы тогда дѣйствительною, хотя не научною, но „народною“ этимологіей]. Привлекая къ сравненію латышское cilvẽks, Шмидтъ замѣчаетъ, что оно не похоже на славянскую усвоенку—въ каковой дѣйствительно незачѣмъ было бы превращать ч въ ц, что́, правда, не помѣшало Брюкнеру все-таки выводить его изъ славянскаго (русскаго) [15]). Мнѣ думается, что мы вправѣ строить славянолитовское kilovoikos (или -ēk-), утратившее у латышей, по балтійскому обычаю, о (а) въ спайкѣ сложенія, или можетъ-быть kilvoikos, вновь пріобрѣтшее у славянъ обычный „соединительный“ гласникъ. Едва ли притомъ позволительно приписать славянолитовцамъ колебаніе между kil и kel. Такое колебаніе пришлось бы предположить, если, вмѣстѣ съ Фортунатовымъ и Торбьернсономъ, возводить чловѣкъ (безъ ь) къ основному праславянскому челвѣкъ [16]) и видѣть тутъ болѣе широкое распространеніе того звукового измѣненія, кое появ-

---

[9]) Староцерковнымъ фонемамъ вьса (одинное число женскаго рода и множное — средняго) и вьсѧ (одинный винильникъ женскаго) д. б. слѣдуетъ приписать ни мягкій, ни твердый с, а средній; хотя можно думать также о колебаніи между мягкостью и твердостью, по говорамъ.

[10]) Выписанную сполна русскую фонему человѣкъ могу указать въ Изборникѣ 1073 года, листъ 153, столб. 2.

[11]) Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1874, мартъ, стр. 123.

[12]) Такое сокращеніе естественно видѣть въ русскомъ челэк! и въ польскомъ człek, рядомъ съ człowiek.

[13]) Zur Geschichte des indogermanischen Vocalismus. T. II, стр. 39, прим.

[14]) Срв. мои Грамматическія замѣтки, стр. 87,=Рус. Филол. Вѣстн., т. VIII, стр. 189, пр. 1.

[15]) *Alexander Brückner*. Lituslavische Studien. Die slavischen Fremdwörter im Litauischen. Weimar, 1877. S. 169. То же дѣлаетъ и Генрихъ Циммеръ въ нижецитуемомъ мѣстѣ.

[16]) *Ф. Фортунатовъ*. Лекціи по фонетикѣ старославянскаго (церковно-славянскаго) языка, стр. 181. *Tore Torbjörnson*. Likvida-metates i de slaviska spra°ken. Separat ur Upsala Universitets Arskrift 1891—94; по-нѣмецки въ Бецценбергеровыхъ Beiträge. XX. Стр. 19, прим. — Нельзя впрочемъ не признать, что приводимое Фортунатовымъ полабское

ляется въ русскомъ жолобъ, польскомъ żłób, изъ основного żelbъ. Толкованія этого я никакъ не могу принять: почему, спрашивается, въ такомъ случаѣ по-чешски (также и у южныхъ славянъ) не člavěk (подобно žlab), а тоже člověk? [17]), особенно же, почему отвердѣніе сóзвучника и расширеніе гласника произошло передъ слѣдующею мягкостью (точнѣе—полумягкостью)?

Что до этимологіи слова человѣкъ, то ее строили въ самомъ различномъ видѣ; но изъ многочисленныхъ толкованій, перечень которыхъ можно найти у г. Бодрова [18]), серьёзное значеніе имѣютъ лишь два; да еще третье, г. Бодровымъ не отмѣченное.

Всѣ эти объясненія сходятся въ томъ, что признаютъ слово наше сложнымъ.

Потебня́ [19]) во второй части слова **чьловѣкъ** усмотрѣлъ предметницу **вѣкъ**, въ значеніи силы, каковое значеніе она имѣетъ въ отрицательномъ **у-вѣчье**; а въ первой части онъ видѣлъ прикладокъ ***челъ**, разновидность къ **цѣлъ**,—какъ основное значеніе, такимъ образомъ, выставлялось „имѣющій цѣлую силу, полносильный, т.-е. взрослый, мужъ". На рѣшительное возраженіе здѣсь вызываетъ только возведеніе **ѣ** въ **цѣлъ** къ основному ē (у Потебни́, по старому пониманію—ā), такъ какъ смягченіе въ свистящій прямо указываетъ на дифтонгъ **oi** (или **ai**); вмѣстѣ съ тѣмъ обязательно придавать слабой разновидности глухую огласовку: **чьлъ**, и **цѣлъ-чьлъ** надо понимать какъ двойственность, проистекщую изъ древняго разноступеннаго склоненія въ родѣ kóilos-kilósio. Греческому καλός и санскритскому kalja—готовый, здоровый, должно-быть лучше остаться всторонѣ.

Другая дѣльная этимологія принадлежитъ Генриху Циммеру [20]). По Циммеру вторая часть нашего имени равна литовскому vaikas мальчикъ, а первая—санскритскому kúla-m стая, племя, семья [21]), такъ что человѣкъ, по первоначальному пониманію, былъ бы „дитёй племени", при чемъ иноплеменники за людей не считались. Kúla, разсматриваемое какъ основное klló (или kₑló)—къ чему, по теперешнему пониманію, сводится цитуемое Циммеромъ Шмидтовское толкованіе этого реченія—по-славянски въ самомъ дѣлѣ должно было дать **чьло** [22]).

Отсутствующая у Бодрова этимологія (не считая позднѣйшей Фортунатовской [23])—это Остгофовская. Остгофъ [24]) отождествилъ вторую часть нашей предметницы съ обыкновенною предметницею **вѣкъ**, а въ первой усмотрѣлъ разновидность готскаго hweila, старонѣмецкаго hwîla, новонѣмецкаго Weile, пора, время: въ тѣхъ корень kīl съ долготной огласовкой, а по-славян-

---

clа⁰vak въ самомъ дѣлѣ говоритъ въ пользу перестановочной огласовки: сравнимъ sla⁰ma солома и slüvu слово. Не забудемъ однако, что a⁰ все-таки встрѣчается и вмѣсто не передвинутаго o: va⁰sk, va⁰knû, va⁰l - va⁰ló (воскъ, окно, волъ-вола).

[17]) Предположеніе Фортунатовымъ своеобразнаго l, вліявшаго не такъ, какъ l въ какихъ-нибудь żelbъ, goldъ — есть чистое гаданіе. Противъ возведенія равнообразной огласовки плавночистыхъ созвучій къ фонемамъ въ родѣ żelbъ goldъ, bergъ, vorna я теперь не спорю, хотя и не вполнѣ увѣренъ въ его правильности.

[18]) *Н. Бодровъ*. Слово „человѣкъ" въ производствахъ. Стр. 2. Филол. Зап., 1883, вып. I. Въ этомъ перечнѣ и состоитъ достоинство указанной статьи.

[19]) Къ исторіи звуковъ русскаго языка, глава I, стр. 80—81, прим. Филол. Зап. 1876, вып. 2.

[20]) Archiv für slavische Philologie. B. II, S. 347.

[21]) Это kúla привлекалось къ дѣлу уже протоіереемъ Павскимъ, но совершенно непріемлемымъ способомъ. Также Фортунатовское сближеніе, въ вышеуказанномъ мѣстѣ, первой части нашего слова со словомъ **чѣлядь** (вторая имъ оставляется безъ объясненія) предполагаетъ тó же родство.

[22]) Оговорю однако, что Циммерова ссылка на библейскія выраженія Israelo vaikaî = нѣм. die Kinder Israel, żmoniû vaikaî=die Menschenkinder (**сы́нове и҆зра́илеви,— человѣ́честии**) не имѣетъ никакого вѣса.

[23]) Не считая также одной появившейся въ 1899 году въ Филол. Зап., вып. I—II, совершенно ненаучной: Н. К. Рамзевичъ. Правильное производство слова „человѣкъ".

[24]) Morphologische Untersuchungen. B. IV, S. 152.

ски надо предполагать краткостную — kı̃l. Основнымъ значеніемъ было бы „временно живущій, кратковѣчный", въ противоположность вѣчнымъ богамъ. (Другое Остгофовское допущеніе, что это могло значить также, напротивъ того, „долговѣчный", сравнительно съ домашними животными, мнѣ кажется неестественнымъ).

Изъ приведенныхъ толкованій слова человѣкъ Циммеровское и Остгофовское представляютъ тотъ недостатокъ, что предположенный при нихъ способъ сложенія чуждъ славянскимъ языкамъ, и что по-литовски въ такихъ сложонкахъ вторая часть замѣняетъ первичное окончаніе вторичнымъ, іотовымъ: żẽmu°gė нѣм. Erdbeere земляника (żẽmė земля, ũ°ga ягода), brolâvaikis Brudersohn племянникъ (brólis братъ и Циммерово vaı̃kas). Конечно, можно бы предположить иные пріемы для болѣе ранней, славянолитовской поры; однако Потебнинское толкованіе, какъ съ этой стороны, такъ и по предполагаемому при немъ основному смыслу, заслуживаетъ предпочтенія.

4. Акцентныя крохи.

Въ своей Акцентологіи (стр. 271, пр. 1) я высказалъ убѣжденіе, что спускное (нисходящее) удареніе сербскихъ давальниковъ вȍди, гȍри, дје̏ци, зе̏мљи, ме̏джи, глȃви, дӯши, рӯци, при мѣстникахъ вòди, гòри, дјèци, зèмљи, мèджи, глáви, дýши, рýци, съ удареніемъ подъемнымъ (восходящимъ), слѣдуетъ объяснять подражаніемъ такимъ давальникамъ, какъ бȍку, сȃду, нȍчи, ри̏јечи, при мѣстникахъ бòку, сáду, нòчи, ријèчи, не смотря на то, что литовская баритонность давальнаго падежа—kâsai при kasà, rañkai при rankà — говоритъ за исконность указанной акцентовки. Теперь мнѣ думается, что эту исконность надо признать, въ виду отдѣльныхъ, но едва ли вторичныхъ случаевъ такого акцентованія въ русскомъ языкѣ: „стáнетъ тáкъ къ стѣ́нѣ", „ни къ стѣ́нѣ горóхъ" (какъ съ гуся вода, не слушаетъ), „поѣ́лъ да и къ стóронѣ" [25]). Вспомнимъ здѣсь также Крыловское „къ зи́мѣ, на тулýпы" (Слонъ на воеводствѣ).

Въ той же Акцентологіи (стр. 34) я, вслѣдъ за Гротомъ, оспаривалъ мнѣніе Кайслера, что гибкость русскихъ словъ (т.-е. подвижность ихъ ударенія) нѣкогда была значительнѣе, нежели въ современномъ языкѣ, при чемъ, понятно, то же самое, пожалуй еще въ высшей степени, надо бы предположить для праславянской поры. Теперь я склоненъ думать, что Кайслеръ былъ правъ. А именно, кромѣ только что приведенныхъ, въ то время мнѣ неизвѣстныхъ давальниковъ, должно признать слѣды большей гибкости въ отмѣченныхъ у меня въ Акцентологіи, но не истолкованныхъ выраженіяхъ двà чacá [26]), трѝ рядá, до утрá, по утрý и въ нарѣчіи верхóмъ (таково же кругóмъ и отмѣченное Евг. Ѳ. Будде [27]) рязанское рядóмъ). Въ параллель такому акцентованію можно указать, что литовскія слова, при подвижномъ удареніи всегда окситонуютъ совпадающіе между собой одинный твóрникъ и двоинный назывникъ основъ на o: krâsztas берегъ—krasztù, bùtas домъ— butù [28]).

---

[25]) Слышаны въ Москвѣ, отъ простолюдиновъ, отчасти уроженцевъ Московской же губерніи, отчасти—Ярославской.

[26]) Въ Новой Библіи пишется часа́ Мѳ. IX 22, XXV 13 и т. д., часꙋ́ Мрк. VI 35, XI 11, ѿ часѣ́, къ часѣ́ Мрк. XIII, 32, Лук. IV 5. Вспомнимъ также Ломоносовскія „Девятаго часá", „Послѣдняго часá" Петръ Великій, пѣснь I (Собраніе сочиненій. СПБ. 1840, ч. II, стр. 29 и 33) и Крыловскія „Часá не тратя, собралися" (Ворона и курица), „кораблю часá не дотянуть" (Мыши). Повидимому, надо предполагать колебаніе ударенія вродѣ: часъ, чáса и часý, чáсу и часóви, часóмъ, часѣ́.

[27]) Къ исторіи звуковъ русскаго языка, стр. 360.

[28]) Насчетъ верхóмъ должно еще оговорить, что слову врьхъ, въ виду глухой огласовки корня, въ виду сербской акцентовки вр̑х-вр̑ха и въ виду окситонности почти во всѣхъ падежахъ литовскаго virszùs, вѣроятно слѣдуетъ приписать для древнѣйшей поры наконечное удареніе по всѣмъ падежамъ.

Указаніе на бо́льшую подвижность ударенія у словъ на **ьць** можно видѣть въ вышеупомянутомъ **пришле́цъ-прише́льца** (стр. 305), предполагающемъ акцентованіе **пришьльць-пришьльца**, или можетъ-быть **при́шьльць-пришьльца**,—называникъ **пришле́цъ** въ такомъ случаѣ примѣнился къ акцентовкѣ косвенниковъ [29]). Множному назывнику этихъ словъ есть основаніе приписать, при наконечномъ удареніи другихъ падежей, накоренное: по-сербски мы находимъ акцентованіе **ло̂нци** горшки (и подобный же ро́дникъ ло̀на̄ца̄) къ одинному числу ло́нац-ло́нца, а по-русски множи́нницу **свя́тцы**, представляющую множину́ къ сербскому све́тац-све́ца, болгарскому свете́ц—святой.

Такую же подвижность ударенія предполагаетъ народное акцентованіе мо́лодецъ рядомъ съ обыкновеннымъ молоде́цъ, на что обратилъ мое вниманіе Ѳ. Евг. Коршъ. Предположенное здѣсь для словъ на **ец** дѣйствительно замѣчается у нѣсколькихъ словъ на **ок**: глазо́къ-гла́зки, зубо́къ-зу́бки, рожо́къ-ро́жки, сапожо́къ-сапо́жки [30]).

Романъ Брандтъ.

---

[29]) И приведенное тамъ же **Смольнескъ-Смоленска** указываетъ на подобный же выговоръ: **Смольньскъ-Смоль́ньска** или же **Смо́льньскъ-Смоль́ньска**.

[30]) Слышится впрочемъ и сапожки́ (Даль, сапогъ), рожки́ (особенно обычно, какъ названіе извѣстнаго лакомства—стручковъ); зубки́ читается у Крылова: („Бѣлка“) скалитъ передъ львомъ зубки́ свои сквозь слезъ“; глазки́, въ смыслѣ очковъ, почекъ, приводится въ Словарѣ Второго Отдѣленія Академіи Наукъ.

Объ искусственномъ образованіи парныхъ словъ (Reimwörter).

„Знаніе тюркскихъ языковъ должно было быть искони широко распространено въ юго-восточныхъ частяхъ русской территоріи, въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ сосѣдившей съ тюрками".
Вс. Миллеръ, Экскурсы въ область русскаго эпоса, стр. 210.

Въ русской сказкѣ, записанной въ Пермской губерніи и изданной у Аѳанасьева (№ 150), есть выраженіе: „няньки-**маньки**". Въ примѣчаніи сдѣлано поясненіе, что „маньки" надо понимать въ смыслѣ „мамки". Такъ ли это? Въ той же сказкѣ есть и другая риѳмованная пара словъ: кули-**мули**", но относительно этого „мули" не высказано ужъ никакого домысла.

По поводу вышеприведенныхъ великорусскихъ „маньки" и „мули" считаю небезынтереснымъ указать аналогичныя образованія въ другихъ языкахъ. Начну съ своего родного **персидскаго**. *Бема нан-***ман** *бедähід*. „Дайте-ка намъ хлѣба и чего-нибудь подобнаго". *Чіз-***міз** *бема мідähід бехорім*? „Не дадите-ли намъ поѣсть чего-нибудь, сего-того?"

Въ этихъ двухъ фразахъ, которыя (и подобныя имъ) можно слышать въ Персіи на каждомъ шагу, употреблены слова **ман** и **міз**, отдѣльно не существующія: они являются только въ парномъ, риѳмованномъ сочетаніи съ **нан** (хлѣбъ) и **чіз** (вещь, нѣчто), при чемъ тогда имѣютъ смыслъ: „и тому подобное", „и прочее". [1]) Такое парное образованіе можно продѣлать со всякимъ другимъ персидскимъ словомъ. Напр., **пуλ**—деньги, **пуλ-муλ**—деньги и т. п., деньги-деньжата. **Гофтäм**—сказалъ, **гофтäм-мофтäм**—сказалъ и т. п. = перетолковалъ, поговорилъ (съ кѣмъ-нибудь).

У **армянъ**, фразеологія которыхъ всегда находилась подъ огромнымъ вліяніемъ и персидской и тюркской, аналогичное образованіе созвучныхъ парныхъ словъ также существуетъ, по крайней мѣрѣ въ языкѣ разговорномъ: **hац**—хлѣбъ, **hац-мац берек**—дайте хлѣба и т. п., и пр., дайте поѣсть. Въ старинномъ армянскомъ языкѣ (на что указываетъ С. Н. Теръ-Саргсянцъ) имѣется какъ будто нѣчто подобное, только съ начальнымъ звукомъ **з**, а не **м**; напр., есть слово **арманал** (удивляться) и при немъ **зарманал** (въ томъ же значеніи), **ард** (украшеніе) и при немъ **зард**. Но, по всему вѣроятію, въ словахъ **зарманал** и **зард** мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ этимологическимъ, совсѣмъ иного типа, чѣмъ образованіе словъ съ **м**. У армянъ есть еще другой способъ образованія парныхъ словъ: безъ начальнаго **м**,—путемъ присоединенія искаженнаго повторенія слова, или путемъ измѣненія только вокальной стороны его; напр., **палас**—коверъ, **палас-пулус**—коверъ и т. п., и все пр.; параллели можно найти въ языкѣ киргизовъ [2]) и, навѣрное, въ языкѣ сосѣднихъ съ армянами татаръ азербейджанскихъ.

У **удиновъ** (насколько помнитъ С. Н. Теръ-Саргсянцъ) подобное явленіе очень распространено: **шум**—хлѣбъ, **шум-мум**—хлѣбъ и прочая пища. Всѣ удины умѣютъ говорить по-татарски.

---

[1]) Объ этомъ явленіи, въ области языка персидскаго, см. въ послѣдней главѣ моей Персидской грамматики, составленной при участіи акад. Ѳ. Е. Корша, М. 1899, (2-е изд.).

[2]) См. Матеріалы для изученія казакъ-киргизскаго языка—*Лаптева* (изд. Лазаревскаго Института восточныхъ языковъ), М. 1900, стр. 91.

У татаръ, османовъ, киргизовъ и прочихъ **тюрковъ** (словомъ, „у татаръ-мамаръ“, какъ сказалъ бы русскій простолюдинъ) болѣе, чѣмъ гдѣ, является обычнымъ искусственное образованіе созвучныхъ приложеній, начинающихся на **м**: оно одинаково извѣстно и на крайнемъ западѣ обширнаго тюркскаго міра и на крайнемъ его востокѣ. Таковы, съ одной стороны, османскія парно-составныя реченія [1]) **гезмекь-мезмекь** (расхаживать) и т. д. Таковы, съ другой стороны, казакъ-киргизскія парно-составныя реченія: **кисы-мисы** (люди и т. п.), **жылкы-мылкы** (лошади и прочій скотъ), **тюйӧ-мюйӧ** (верблюды и другой скотъ), **кой-мой** (бараны и т. п.) [2]). Думать, чтобы это грамматическое явленіе, встрѣчаемое въ тюркскихъ нарѣчіяхъ повсемѣстно, въ наиболѣе далекихъ и разъединенныхъ другъ отъ друга пунктахъ, было заимствованнымъ изъ другихъ языковъ, нѣтъ возможности: несомнѣнно, эти парно-составныя реченія съ звукомъ **м** оказываются оригинальнымъ тюркскимъ явленіемъ. Поэтому, встрѣчая это же явленіе въ другихъ языкахъ, я отношу его къ тюркскому вліянію.

Ново-арабскому языку, по сообщенію А. Е. Крымскаго, искусственныя парныя слова на **м** небезызвѣстны. Аналогичное образованіе, но съ помощью не звука **м**, а другихъ звуковъ, существовало, повидимому, еще въ классическомъ языкѣ [3]). Ново-арабскій языкъ, если не въ обыкновенной живой рѣчи, то по крайней мѣрѣ въ анекдотахъ усвоилъ себѣ турецкое образованіе съ **м**. А. Е. Крымскому не разъ пришлось и на Ливанѣ и на финикійскомъ побережьи слышать изъ устъ сирійскихъ арабовъ одинъ бродячій анекдотъ, который извѣстенъ и у другихъ восточныхъ народовъ и который поэтому я считаю интереснымъ не только съ филологической, но даже съ фольклорной точки зрѣнія. Человѣкъ, жалуясь сосѣду на большіе расходы по предстоящей свадьбѣ, съ досадой перечислялъ, что вотъ надо, молъ, купить с ӹ к к а р у м ӹ к к а р (сахару и т. п.), *ṯ* *ḥ* î н е у м *ḥ* î н е (муки и т. п.), λ а *ḥ*ᵃм ' у м а *ḥ*ᵃм (мяса и т. п.) и пр. По однимъ версіямъ, сосѣдъ шутя отвѣтилъ, что есть возможность сократить расходы на половину, если купить только с ӹ к к а р, *ṯ* *ḥ* î н е, λ а *ḥ*ᵃм и пр., и обойтись безъ м ӹ к к а р, м *ḥ* î н е и м а *ḥ*ᵃм; по другимъ версіямъ, сосѣдъ глубокомысленно замѣтилъ: „и—і—і! йа сîдî! λâзмак λîра у мîра“ = „да-съ, сударь мой! тебѣ понадобится червонецъ и еще нѣчто“ („деньга-меньга“, сказали бы у насъ на Кавказѣ). Анекдотъ этотъ, часто разсказываемый, понятенъ каждому арабу, хотя въ обыкновенномъ разговорѣ парно-составныя реченія сӹккар-мӹккар и др. не употребительны, или, быть можетъ, малоупотребительны.

Новогреческій языкъ также усвоилъ себѣ такое образованіе. Оно было констатировано Ѳ. Е. Коршемъ въ его рецензіи на сборникъ новогреческихъ сказокъ Піо, помѣщенной въ датской „Nordiske Tidskrift for Philologi og Pädagogik“ [4]). Интересно, что всѣ отмѣченныя Ѳ. Е. Коршемъ новогреческія парныя слова́ на **м** оказываются приложеніями именно къ такимъ новогреческимъ словамъ, какія, сами по себѣ, заимствованы греками тоже изъ турецкаго языка.

Обращаясь отъ языковъ востока къ языкамъ Европы, я долженъ сказать, что недостаточно изслѣдовалъ это явленіе въ области языковъ западно-европейскихъ. Конечно, я помню, что созвучныя приложенія тамъ въ большомъ ходу, особенно въ языкахъ германскихъ; достаточно вспомнить такія характерныя парно-составныя или парно-слитныя реченія, какъ англійскія: **whim-wham**, **riff-raff**, **fid-fad**, **fiddle-faddle**, **flim-flam**, или съ другой стороны, пожалуй, также **tol-lol**, **harum-scarum**, **hubble-bubble** [5]), не вполнѣ легко этимологизируемыя, или

---

[1]) Терминъ „парно-составныя реченія“ я не могу считать своей личной выдумкой: мнѣ кажется, онъ достаточно гармонируетъ съ терминологіей Ф. Ѳ. Фортунатова. Срв. его „Лекціи по сравнительному языковѣдѣнію, читанныя въ 1892—93 году на I и II семестрахъ“. (Литогр.). М. 1893, стр. 144. Срв., впрочемъ, также стр. 122—123, о слитно-удвоенныхъ словахъ.

[2]) Матеріалы по казакъ-киргизскому языку *Лаптева*, стр. 91.

[3]) См. замѣчаніе М. О. ʻА*ṯ*âйâ (Аттая) въ сборникѣ *Χαριστήρια*, М. 1896, стр. 439.

[4]) Сколько помню, въ 1885 или 1886 году.

[5]) Hubble-bubble, отмѣчаемое и словарями, значитъ курительная трубка, особенно восточный кальянъ. Прочія англійскія парно-составныя реченія, приведенныя мною здѣсь по памяти, взяты изъ рѣчи простого народа романовъ Диккенса и Теккерея. Въ словаряхъ эти парныя реченія не всѣ помѣщаются; тамъ обыкновенно можно найти только

широко извѣстное нѣмецкое **Hocus-Pocus**, перешедшее и въ русскій языкъ (въ формѣ: „фокусъ-покусъ“). Но существуютъ ли въ западно-европейскихъ языкахъ образованія въ родѣ **нан-ман**, не знаю; общеевропейское, перешедшее и въ русскій языкъ **гоголь-моголь** можетъ, повидимому, также объясняться чисто-этимологически [1]). Гораздо болѣе подходитъ къ нашему типу названіе сантиметра (**центер-ментер**) [2]) въ жаргонно-нѣмецкой рѣчи евреевъ, но нельзя выяснить, считать ли это **ментер**, въ рѣчи евреевъ, за преемственное наслѣдіе отъ языка нѣмецкаго, или за явленіе, заимствованное южно-русскими евреями изъ рѣчи сосѣднихъ народовъ.

Иное дѣло языки славянскіе: тамъ это явленіе обычно [3]). Возьмемъ, напримѣръ, языкъ малорусскій: въ немъ число искусственно-созданныхъ риѳмованныхъ приложеній до того велико, что Е. Желеховскій, авторъ лучшаго „Малорусько-нїмецького словаря“, счелъ нужнымъ для сбереженія мѣста отмѣчать ихъ сокращенно: *Reimw.* [4]) (т.-е. Reimwort). Извѣстная часть малорусскихъ Reimwörter поддается нѣкоторой этимологизаціи,—таковы: **кидра-видра, шурябуря, шерть-верть, штринь-бринь, яйце-райце, равлик-павлик** и др.; но въ сущности ихъ этимологизація далеко не свободна отъ натяжекъ, потому что трудновато вѣдь подыскать логическую связь, напримѣръ, между **кидра** (Bastsohle) и **видра** (Fischotter) и притомъ связь такую, которая объяснила бы, почему **кидра** (Bastsohle) + **видра** (Fischotter) = **кидра-видра** (Wall). Но никакой, даже натянутой этимологизаціи не допускаетъ слово **миги** въ общераспространенномъ малорусскомъ реченіи: **хвиги-миги**, означающемъ вообще всякое сборное лакомство, и даже такое, въ которомъ самыхъ-то фигъ можетъ и не быть [5]). Другое интересное малорусское приложеніе этого типа—**мамарин** въ реченіи: **татарин-мамарин**.

Татаринъ-мамаринъ (чаще во множественномъ: **татары-мамары**) есть и въ русскомъ языкѣ, и оно у великоруссовъ довольно употребительно. Еще общеупотребительнѣе **шуры-муры**, этимологически восходящее, вѣроятно, къ французскому cher amour, но передѣланное въ русскомъ языкѣ на русско-тюркскій ладъ. На Кавказѣ мнѣ не разъ приходилось слышать **деньга-меньга**; въ анекдотѣ я слышалъ **законъ-маконъ** [6]). Отмѣченныя мною, у Аѳанасьева, **маньки** и **мули** въ парно-составныхъ реченіяхъ **няньки-маньки** и **кули-мули** я безъ колебаній отношу сюда же, т.-е. принимаю ихъ за искусственно-созданныя, подъ тюркскимъ вліяніемъ, парныя Reimwörter и считаю неумѣстной русскую ихъ этимологизацію. Осмыслять **маньки** посредствомъ **мамки** можно, по моему, развѣ заднимъ числомъ, т.-е. такъ же, какъ русскій простолюдинъ осмысливаетъ романское **капиталъ** посредствомъ сближенія съ русскимъ глаголомъ **копить** [7]).

Мирза Джафаръ.

простыя слова whim, fid и проч. Повторяю однако, что мои наблюденія въ области западно-европейскихъ языковъ носятъ характеръ случайности и нисколько не претендуютъ на научность.

[1]) Я не дѣлалъ еще справокъ по этому поводу въ западныхъ этимологическихъ словаряхъ, но мнѣ въ „гоголь-моголь“ чуется что-нибудь аналогичное англійскому hug-mug, hugger-mugger, гдѣ mug и mugger слова самостоятельнаго значенія. Pall-mall черезчуръ похоже на pêle-mêle. Также и въ cag-mag (дрянная пища) слово mag имѣетъ свой отдѣльный смыслъ.

[2]) Слышано не разъ въ г. Звенигородкѣ, Кіевской губерніи.

[3]) Особенно въ балканскихъ. Срв. пословицу южно-русскихъ болгаръ въ „Этногр. Обозр.“, кн. XLIII, стр. 5: „шега-мега пу гол газ“.

[4]) Малоруско-нїмецкий словар, уложив *Євгений Желеховский*, Львів, 1886, т. I, стр. III („Обʼяснене скорочень“). Нѣкоторыя малорусскія Reimwörter ставятся впереди, а не сзади опредѣляемаго слова,—напр., шуря.

[5]) Приведу буквальную цитату изъ записки А. Е. Крымскаго: „Коли я кажу: **хвиги-миги**, то я до цього слова не привъязую думку неодмінно про хвиги. Хвигами-мигами я можу назвати геть усякі бакалії, сухі овочі, горіхи, то що (араби це звуть „нӱqλ“), хоч би в тій мішанині зовсїм і не було хвиг. А вже ж у біжучій розмові, говорячи несьвідомо, я можу прикласти термін **хвиги-миги** до в с я к и х ласощів, ба навіть до цукериків“.

[6]) Анекдотъ былъ разсказанъ бейрутскимъ генеральнымъ консуломъ К. Н. Лишинымъ, какъ дѣйствительный фактъ, случившійся съ его личнымъ знакомымъ (фамиліи называть не буду). Господинъ этотъ просилъ свое начальство устроить одно повышеніе не въ очередь.—„Нельзя“, отвѣтилъ начальникъ: „не позволяетъ законъ“.—„Законъ-маконъ, Ваше—ство!“ произнесъ проситель, желая выразить этимъ тюркскимъ оборотомъ, что законъ можно обойти.—„Я не сомнѣваюсь, что ты маконъ знаешь“, съ улыбкой отвѣтилъ начальникъ, намекая на извѣстный сортъ французскаго вина́ Маконъ, „ну, а закона не знаешь“.

[7]) *Достоевскій:* Записки изъ мертваго дома, въ III томѣ полнаго собранія сочиненій, СПБ. (изд. Маркса) 1894, стр. 142.

Что такое „море Виряпское“ и городъ „Леденецъ“?

(Справка къ вопросу о времени и мѣстѣ происхожденія былины о Соловьѣ Будимировичѣ).

Какъ извѣстно, городъ „Леденецъ“, упоминаемый былиной о Соловьѣ Будимировичѣ, уже обращалъ на себя вниманіе изслѣдователей русскаго эпоса. Усилія, потраченныя на объясненіе этого собственнаго имени, до сихъ поръ оставались безплодными, какъ долженъ былъ констатировать и нашъ почтенный юбиляръ въ своемъ изслѣдованіи о былинѣ [1]). Но основная идея Вс. Θ. Миллера,—искать связи русскихъ былинъ съ новгородской областью, — натолкнула насъ на мысль, что слѣдовало бы попытаться открыть здѣсь реальный городъ Леденецъ, прежде чѣмъ обращаться за объясненіемъ его къ литературнымъ параллелямъ въ юго-славянскомъ эпосѣ, какъ дѣлали предыдущіе изслѣдователи. Какъ извѣстно [2]), „Леденецъ“ искали и въ Венеціи, и въ „Литвѣ“, и въ мадьярскомъ словѣ *lengyel*, обозначающемъ поляковъ, и, наконецъ, даже въ „Исландіи“ — „ледяной землѣ“, Terra glacialis, — привлекая сюда поѣздку бургундцевъ über tee въ Islant (= островъ въ нарицательномъ смыслѣ?) саги о Нибелунгахъ. Но всѣ толкователи опустили изъ виду одно,—что городъ Леденецъ стоитъ не одинъ, а въ сопровожденіи другихъ географическихъ названій, которыя лучше всего могутъ намъ помочь въ отысканіи этого загадочнаго города. Прежде всего, то море, за которымъ находится по былинѣ „славный городъ Леденецъ“, носитъ названіе „Вирянскаго“, и мѣстоположеніе этого моря очень хорошо опредѣляется самой былиной въ словахъ, сохранившихъ, по вѣрному замѣчанію В. Θ. Миллера, слѣдъ ея сѣвернаго, новгородскаго происхожденія:

„Ис подъ дуба, дуба сыраго,
Ис подъ той березы сподъ накляпины,
Матушка Нева широко прошла,
Устьемъ выпадала въ сине море во Вирянское“.

Другіе варіанты даютъ иныя, болѣе банальныя пріуроченія. По основному принципу филологической критики,—что болѣе трудное и непонятное чтеніе скорѣе могло замѣниться болѣе легкимъ и понятнымъ, чѣмъ наоборотъ,—по этому принципу мы должны считать варіантъ съ „Вирянскимъ“ (по другому чтенію „Веряйскимъ“) моремъ—болѣе первоначальнымъ.

---

[1]) Очерки русской народной словесности *Всев. Миллера,* Былины, I — XVI. М. 1897, стр. 201—219, перепечатано изъ Ж. М. Н. Пр. 1895, № 11.

[2]) *St. Novaković*, Ueber Legyan-grad (Ledžan-Stadt) der serbischen Volkspoesie въ Archiv für slavische Philologie III, p. 124 — 130, и Славянское Обозрѣніе, 1892, стр. 201 — 208. Городъ Ледянъ — Леденецъ въ славянской поэзіи *М. Халанскаго*. Ср. также Южно-русскія былины *А. Н. Веселовскаго*, II, стр. 77.

„Названіе Вирянское или Веряйское, конечно, есть позднее искаженіе имени *Варяжское*“, замѣчаетъ В. Ѳ. Миллеръ. Мы на этотъ разъ не вполнѣ согласны съ уважаемымъ изслѣдователемъ. Безъ сомнѣнія, рѣчь идетъ о Балтійскомъ морѣ или, точнѣе говоря, о Финскомъ заливѣ; но названіе его „Вирянскимъ“ вовсе не есть искаженное, а, напротивъ, очень близкое къ подлинному. Какъ извѣстно, ближайшая часть Эстляндіи, на лѣвомъ берегу р. Наровы, отъ ея истока изъ Пейпуса до впаденія въ Финскій заливъ, носила въ древности названіи *Wironia* или *Wirland*. Конечно, это названіе извѣстно было русскимъ, которые жителей Вироніи называли *„вируянами“*, а слѣдовательно и примыкающее море могли назвать „Вирянскимъ“ или „Вирейскимъ“ [3]).

Отправляясь по этому „морю“ изъ Невы, т.-е. на западъ, къ какому „славному граду Леденцу“ можно было пріѣхать? Простая историко-географическая справка дастъ намъ отвѣтъ, столь же неожиданный, сколько, на нашъ взглядъ, и удовлетворительно рѣшающій вопросъ. Ближайшій „славный градъ“, гдѣ должны остановиться суда, слѣдуя этимъ путемъ, и въ наше время—есть Ревель. Древнѣйшее укрѣпленіе Ревеля, построенное датскимъ королемъ Вальдемаромъ II, стояло на скалистой горѣ (Domberg), гдѣ прежде того стоялъ старинный замокъ эстовъ, носившій названіе *Lyndanissa* [4]). Нельзя не признать болѣе чѣмъ вѣроятнымъ того предположенія, которое само собой напрашивается при сопоставленіи этихъ именъ въ ихъ топографической связи: древняя эстонская *Линданисса* и есть „славный градъ *Леденецъ*“ нашей былины.

Въ былинѣ есть и третье географическое названіе, которое, можетъ-быть, найдетъ себѣ самое естественное объясненіе въ топографической связи съ двумя предыдущими, т.-е. съ „Вирейскимъ“ моремъ и съ городомъ „Леденцомъ“.

Въ нѣкоторыхъ варіантахъ былины корабли приходятъ не изъ славнаго града Леденца, а „изъ-за того *Кодольскаго* (или *Кадойлова*) острова“. Предыдущіе изслѣдователи не пытались отыскивать этого острова на картѣ и, вообще, объяснять его появленіе въ былинѣ. Только Вс. Ѳ. Миллеръ пробовалъ поставить въ связь это имя съ нарицательнымъ словомъ *кодолы* (толстые канаты), встрѣчающимся въ той же былинѣ. Если будетъ, однако же, найдено вѣроятнымъ наше объясненіе, данное выше, то и для „Кодольскаго острова“ найдется мѣсто между Ревелемъ и устьемъ Невы. Это, всего скорѣе, „Котлинскій островъ“,—*Ketlingen*, русскій *Котлинъ*, „изъ-за“ котораго, дѣйствительно, и должны были появляться въ устьѣ Невы корабли, плывшіе Финскимъ заливомъ отъ славной Линданиссы.

Только что сдѣланныя справки имѣютъ болѣе широкое значеніе, чѣмъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. *Если*, въ самомъ дѣлѣ, былина о Соловьѣ Будимировичѣ, воспроизводитъ такъ реально топографію мѣстностей, близкихъ къ новгородской области, то этимъ самымъ и мысль о новгородскомъ происхожденіи былины, высказанная нашимъ проницательнымъ ученымъ, становится еще болѣе вѣроятною. *Если*, далѣе, подъ Леденцомъ надо разумѣть, дѣйствительно, старый эстонскій замокъ, стоявшій на мѣстѣ позднѣйшаго Ревеля, то тѣмъ самымъ опредѣляется и время, когда былина слагалась. Это было, очевидно, такое время, когда память объ имени эстонскаго замка не успѣла забыться, т.-е. время, болѣе или менѣе близкое ко времени его замѣны датской крѣпостью, къ первой половинѣ XIII вѣка.

П. Милюковъ.

---

[3]) См. Новгор. IV лѣтопись, подъ 1268 годомъ: Домонтъ... Вируянъ плѣни и до моря (П. С. Р. Л. IV, стр. 41). Соф. Врем. ч. I, стр. 280: „иде на Вируяны и плѣни землю ихъ и до моря“. Воскресенская idem (П. С. Р. Л. стр. 168),

[4]) См. *Семенова* Географическій словарь s. v. Ревель и *Spruner-Menke* Handatlas für die Gesch. d. Mittelalters, III Aufl. Карты № 5 и № 64.

НѢСКОЛЬКО ДОГАДОКЪ И СООБРАЖЕНІЙ

по поводу

„Слова о полку Игоревѣ".

Обладая несомнѣннымъ поэтическимъ талантомъ и высокимъ патріотическимъ чувствомъ, онъ (авторъ „Слова") ведетъ разсказъ объ историческихъ событіяхъ по былинамъ своего времени, мастерски группируя событія для гражданской цѣли и облекая поэтическимъ колоритомъ дѣйствующія лица.
В. Ѳ. Миллеръ, Взглядъ на Слово о Полку Игоревѣ, стр. 136—137.

I.

Когда мнѣ приходилось разбирать съ учащимися на урокахъ исторіи русской литературы „Слово о полку Игоревѣ", я невольно каждый разъ сближалъ его съ „Пѣснью о Роландѣ", воспитательное и образовательное значеніе которой до сихъ поръ еще у насъ очень мало оцѣнено, хотя она должна занять по праву видное мѣсто въ школьномъ преподаваніи.

Дѣйствительно, въ исторіи міровой литературы трудно указать памятники болѣе близкіе, болѣе родственные другъ другу по духу. Рядомъ съ ними, но нѣсколько подальше могутъ стать—„Беофульфъ" и „Пѣсня о Нибелунгахъ", „Кудруна" и „Романсы о Сидѣ".

„Пѣснь о Роландѣ" и наше „Слово" ставятъ себѣ необычную цѣль—воспѣть національное горе; въ обоихъ взрывъ скорби смѣняется гармоническими аккордами примиренія, широкій размахъ эпическаго разсказа не исключаетъ страстнаго и напряженнаго лиризма, проявленій повышеннаго субъективнаго настроенія поэта, которое выражается то въ отдѣльныхъ восклицаніяхъ, прерывающихъ спокойное теченіе рѣчи, то въ намѣренномъ сгущеніи поэтическаго матеріала, и безъ того производящаго сильное впечатлѣніе,—въ настойчивомъ поддерживаніи настроенія, уже созданнаго извѣстнымъ моментомъ разсказа.

Оба эти памятника стоятъ на рубежѣ народной и искусственной поэзіи, органически соединяютъ вѣковыя народно-поэтическія особенности съ яркими проблесками личнаго творчества, реализмъ содержанія и творческихъ пріемовъ съ глубокимъ идеализмомъ основного настроенія, заключаютъ въ себѣ бодрящій призывъ къ лучшему будущему—при общемъ меланхолическомъ тонѣ, созданномъ слишкомъ рѣзкими противорѣчіями дѣйствительности, невознаградимыми утратами, неисправимыми ошибками; глубоко проникнуты интересами современной жизни—при общей неудовлетворенности настоящимъ и идеализаціи прошлаго: все лучшее ушло или уходитъ изъ жизни „въ тьму вѣковъ"; „великаны сумрака" смѣняются болѣе земнымъ, измельчавшимъ поколѣніемъ; жизнь теряетъ свою яркость, цѣльность и непосредственность.

Въ томъ и другомъ можно найти богатые слѣды народно-поэтической техники.

Въ „Пѣснѣ о Роландѣ" „France" всегда" „dulce"—даже для короля Марсилія, типичнаго представителя *paiens*—

ki Deu nen aimet,
Mahummet sert e Apollin reclaimet.

Карлъ—„nostre emperere magnes", „ki ad la barbe blanche" или „ki la barbe ad canue".

Много случаевъ ретардаціи—простыхъ повтореній, повтореній съ наращеніемъ и прибавленіемъ новыхъ черточекъ, обстоятельности и дробности разсказа, не вызываемыхъ его интересами и иногда даже въ ущербъ имъ.

Чувствуя приближеніе смерти, Роландъ

Tient Durendal s' espée tute nue:
Dedevant lui ad une pierre brune;
Dis colps i fiert par doel e par rancure:
Cruist li aciers, ne freint ne ne s'esgruniet.

И снова онъ

ferit el' perrun de sardanie.
Cruist li aciers, ne briset ne n' esgraniet.

И въ третій разъ

Rollanz ferit en une pierre bise:
Plus en abat que jo ne vus sai dire.
L' espée cruist, ne fruisset ne ne briset,
Cuntre le ciel amunt est resortie.

По мнѣнію Марсилія, Карлъ—

est mult vielz, si ad sun tens uset;
Mien escient, dous cenz anz ad passet.

То же повторяется еще два раза:

Dist li paiens: Mult me puis merveillier
De Carlemagne ki est canuz e vielz.
Mien escientre, dous cenz ans ad e mielz.
. . . .
Dist li paiens: „Merveille en ai jo grant
De Carlemagne ki est canuz e blancs:
Mien escientre, plus ad de dous cenz anz.

Оливьеръ дважды

muntet desur un pui halçur:
Guardet suz destre par mi un val herbus,
Si veit venir cele gent paienur.
. . . .
Oliviers est desur un pui muntez:
Or veit il bien d'Espaigne le regnet,
E Sarrazins ki tant sunt assemlet.

Трижды онъ молитъ своего безразсуднаго побратима:

Cumpainz Rollanz, kar sunez vostre corn:
Si l'orrat Carles, si returnerat l'oz...
Cumpainz Rollanz, l'olifant kar sunez.
Si l' orrat Carles, fera l'ost returner...
Cumpainz Rollanz, sunez vostre olifant:
Si l'orrat Carles ki est az porz passant;
Jo vus plevis, ja returnerunt Franc.

Слова дѣйствующихъ лицъ передаются обыкновенно въ прямой формѣ и часто дословно повторяются:

Des plus feluns dis en ad apelez:
„Seignurs baruns, à Carlemagne irez
Il est à l' siège à Cordres la citet.
Branches d'olive en voz mains porterez
Ço senefiet pais e humilitet.
Par voz saveirs se m'puez acorder,
Jo vus durrai or e argent asez,
Teres e fieus tant cum vus en vuldrez".
Dient paien: „Bien dit nostre avoez".
Li reis Marsilies out finet sun conseill.
Dist à ses humes: „Seignurs, vus en ireiz;
Branches d'olive en voz mains portereiz:
Si me direz à Carlemagne, à l'Rei,
Pur le soen Deu qu' il ait mercit de mei.
Einz ne verrat passer cest premier meis
Que jo l' sivrai ad mil de mes fedeilz.
Si recevrai la chrestienne lei,
Serai sis hum par amur e par feid.
S'il voelt ostages, il en avrat par veir".
Dist Blancandrins: „Mult bon plait en avreiz".

Міровоззрѣніе, которое лежитъ въ основѣ „Пѣсни о Роландѣ", даетъ нѣсколько любопытныхъ, иногда часто народныхъ чертъ.

Сильна была тогда вѣра въ знаменія, въ таинственную и вѣщую силу предзнаменованій.

Li Emperere li tent sun guant, le destre;
Mais li quens Guenes iloec ne volsist estre;
Quant le dut prendre, si li caït à tere.
Dient Franceis: „Deus! que purrat ço estre?
De cest message nus aviendrat grant perte".

Природа не только вѣщуетъ человѣку, но и живо отзывается на его горе и радости, сливается съ нимъ въ общемъ настроеніи.

Карлъ и его войско разстались съ арріергардомъ:

Halt sunt li pui e li val tenebrus,
Les roches bises, li destreit merveillus.
Le jur passerent Franceis à grant dulur:
De quinze liwes en ot hum la rimur.

Въ Ронсевалѣ кипитъ кровавый, послѣдній бой; храбрые французы изнемогаютъ:

En France en ad mult merveillus turment:
Orez i ad de tuneire e de vent,
Pluie e gresilz desmesuréement.
Chiẻdent i fuildre e menut e suvent;
E terremoete ço i ad veirement
De Seint-Michiel de l'Peril jusqu'as Seinz,
De Besençun tresqu'as porz de Guitsand:
Nen ad citet dunt li murs ne cravent.

Cuntre midi tenebres i ad granz,
N'i ad clartet se li ciels nen i fent.
Hum ne le veit ki mult ne s'espaent;
Dient plusur: „C'est li definemenz,
La fin de l'siècle ki nus est en present".
Il ne le sevent ne dient veir nient:
Ç'est la dulur pur la mort de Rollant.

Увидѣвъ умершаго Турпина, Роландъ причитаетъ надъ нимъ по обычаю своей страны:

Forment le pleint à la lei de sa tere.

Та воинственная среда, въ которой слагалась и распространялась „Пѣсня о Роландѣ", наложила на нее довольно сильный отпечатокъ..

Идея воинской славы и чести играетъ на всемъ протяженіи поэмы значительную роль. Воинъ болѣе всего боится того, чтобы о немъ не сложили худой пѣсни:

Or guart cascuns que granz colps i empleit,
Male cançun ja cantée n'en seit!
. . . .
Male cançun n'en deit estre cantée.

Онъ предпочитаетъ смерть позору:

Mielz voeill murir que hunte en seit retraite.
Mielz voeill murir qu'a huntage remaigne.

Въ погонѣ за славой Роландъ готовъ итти на прямое безразсудство, которое осуждается— устами Оливье, хотя и вызываетъ невольное удивленіе.

Яркая картина боя прерывается восклицаніями увлекшагося поэта:

La bataille est merveilluse e pesant,
Ne fut si fort enceis ne pois cel tens.
. . . .
La bataille est mult dure e afichiée;
Unc einz ne pois ne fut si forz e fière.

Но ему ясна и отрицательная сторона войны:

Mult bien i fiérent Franceis e Arrabit;
Fruissent cez hanstes e cez espiez furbiz.
Ki dunc veïst cez escuz si malmis,
Cez blancs osbercs ki dunc oïst fremir,
E cez escuz sur cez helmes cruissir;
Cez chevaliers ki dunc veïst caïr,
E humes braire, cuntre tere murir,
De grant dulur li poüst suvenir.
Ceste bataille est mult fort à suffrir.

Вездѣ заботливо и аккуратно исчислена побѣдная добыча; отъ вниманія автора не ускользаютъ даже такія мелочныя подробности боя, какъ

se lievet la puldre.

Народно-поэтическія черты и отголоски воинственной среды сливаются въ своеобразномъ синтезѣ съ особенностями безусловно искусственными: содержаніе мѣстами раскрывается въ видѣ вѣщихъ сновъ; личность поэта выступаетъ въ комментаріи къ изображаемымъ событіямъ; рыцари падаютъ въ обморокъ отъ слишкомъ горестныхъ чувствъ... Ясны слѣды нѣкоторой рефлексіи.

Карлъ тщетно призываетъ своихъ уже убитыхъ пэровъ:

De ço qui calt, quant nuls nen respundiet?

Упоминается мечъ, знаменитый Ceinte Ioiuse—при чемъ прибавлено:

Asez oïstes de la lance parler
Dunt Nostre Sire fut en la cruiz naffrez:
Carles en ad l'amure, mercit Deu!
En l'orie punt l'ad faite manuvrer.

Восклицанія автора то и дѣло прерываютъ спокойный эпическій разсказъ.

Марсилій покланяется богамъ Mahummet и Apollin (эпическая чисто-народная наивность)—и

Ne s'poet guarder que mals ne li ataignet.

Послы Марсилія

Vindrent à Carle ki France ad en baillie:
Ne s'poet guarder que alques ne l'engignent.

Часто слышатся грозные намеки на будущее:

Dès or cumencet le cunseill que mal prist

и горькое обличеніе:

Là purparolent la traïsun seinz dreit...
(Guenes) la traïsun jurat... s'i s'est forsfaiz...
Guenes i vint, li fel, li parjurez.

Нѣкоторыя воспоминанія настолько жгучи, что изъ души поэта невольно вырывается восклицаніе:

Deus! quel dulur que li Franceis ne l'sevent.

Возсозданный образъ разящаго враговъ Роланда, съ Дюрандалемъ въ рукѣ, вызываетъ горделивое восклицаніе:

Ki lui veïst l'un jeter mort sur l'altre,
Le sanc tut cler gesir par cele place!

Рисуетъ поэтъ самый разгаръ боя, и ему невольно становится жаль множества загубленныхъ молодыхъ жизней:

La bataille est adurée endementres:
Franc e paien merveillus colps i rendent.
Fièrent li un, li altre se defendent.
Tante hanste i ad e fraite e sanglente,
Tant gunfanum rumput e tante enseigne!
Tant bon Franceis i perdent lur juvente!
Ne reverrunt lur meres ne lur femmes,
Ne cels de France ki as porz les atendent.

Казнь Ганелона приводитъ къ общему моральному выводу:

Ki traïsst altre, nen est dreiz qu'il s'en vant.

Мѣстами попадаются бѣглыя аллюзіи на другіе разсказы, предполагающіеся извѣстными... Все это, конечно, искусственныя черты, далекія отъ непосредственности народной поэзіи... То же смѣшеніе такихъ же элементовъ мы находимъ и въ „Словѣ о полку Игоревѣ“.

Постоянные эпитеты въ немъ—обычное явленіе: *сѣрымъ волкомъ, шизымъ орломъ, храбрыя плъкы, свѣтлое солнце, брзыя комони, синего Дону, Дону великаго, злата стремень, по чистому полю, красныя дѣвкы, чрьный воронъ, синии млъниии, саблями калеными, стрѣлы каленыя, харалужными мечи, на кровати тисовѣ, синему морю, златые шеломы, лютымъ звѣремъ, босымъ влъкомъ, студеную росу, зелену траву, зелену древу.* Много случаевъ ретардаціи разныхъ видовъ. Повтореніе съ разъясненіемъ: *о пълку Игоревѣ, Игоря Святославича.* Могучій размахъ творческой фантазіи Бояна изображается ретардативно: *„растѣкашеться мыслию по древу, сѣрымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы“; „скача славию по мыслену древу, летая орломъ подъ облакы“.* Мысль въ данномъ случаѣ не выражается сразу соотвѣтствующими словами, а, такъ сказать, дробится, намѣчается по частямъ—сопоставленіемъ мелкихъ оттѣнковъ. Вызванный приготовленіями къ походу шумъ изображается не въ общей картинѣ, а въ рядѣ раздѣльно намѣченныхъ частностей: „Комони ржуть за Сулою, звенить слава въ Кыевѣ, трубы трубять въ Новгородѣ, стоять стязи въ Путивлѣ“. Примѣненное къ „курянамъ“ понятіе „свѣдоми къмети“ дальше расчленяется на мелкія составныя части: „подъ трубами повити, подъ шеломы възлелѣяны, конець копия въскормлени; пути имъ вѣдоми, яругы имъ знаеми, луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изъостренi; сами скачють акы сѣрыи влъци въ полѣ, ищучи себѣ чти, а князю славы“. Такъ же расчленяется и понятіе „незнаемая земля“: „Влъзѣ и Поморию и Посулию и Сурожу и Корсуню и тебѣ, тьмутороканьский блъванъ“! Дважды повторяется, безъ перемѣнъ, патетическое восклицаніе автора: „О русская земле, уже за шеломянемь еси!“ Приготовленіе къ бою намѣчено въ двухъ разныхъ мѣстахъ одинаковыми чертами: „русичи великая поля чрьлеными щиты прегородиша... дѣти бѣсови кликомь поля прегородиша, а храбрии Русичи прегородиша чрълеными щиты“. Приближеніе Гзы и Кончака разлагается на два момента: „Гза бѣжить сѣрымь влъкомь, Кончакъ ему слѣдъ править къ Дону великому“. Живо рисуя себѣ страданія Игоря и русской земли, поэтъ взываетъ къ русскимъ князьямъ и молитъ ихъ заступиться „за обиду сего времени, за землю русскую, за раны Игоря, буего Святъславлича“, „за землю русскую, за раны Игоревы, буего Святъславича“, „за землю русскую, за раны Игоревы, буего Святъславича“. Особенно характерный случай ретардаціи разныхъ оттѣнковъ даетъ знаменитый „плачъ Ярославны“.

Въ „Словѣ“ много случаевъ чисто народныхъ—тавтологіи, символики, параллелизма, отрицательнаго уподобленія и пр.: „испити шеломомь Дону“, „не буря соколы занесе чресъ поля широкая: галици стады бѣжать къ Дону великому“ (нѣсколько видоизмѣненная форма народнаго сравненія), „трубы трубять“, „свѣтъ свѣтлый“, „сами скачють, акы сѣрыи влъци въ полѣ“, „кричать телѣгы полунощи, рци лебеди роспущени“, „грозу въсрожать“, „заря свѣтъ запала“, „рассушась стрѣлами по полю“, „мосты мостити“, „свычая и обычая“, „слава на судъ приведе“, „галици свою рѣчь говоряхуть“, „съ зарания до вечера, съ вечера до свѣта“, „чръна земля подъ копыты костьми была посѣяна, а кровию польяна: тугою възыдоша по русской земли“, „ту кроваваго вина не доста; ту пиръ докончаша храбрии Русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю русскую“; „ни мыслию съмыслити, ни думою сдумати“, „на Немизѣ снопы стелють головами, молотять цѣпы харалужными; на тоцѣ животъ кладуть, вѣють душу отъ тѣла“; „ряды рядяше“; „полечю зегзицею по Дунаеви“; „мое веселие по ковылию развѣя“; „не сороки въстроскоташа: на слѣду Игоревѣ ѣздить Гзакъ съ Кончакомь“. Сюда же нужно отнести символическое употребленіе понятій „солнце“, „мѣсяцъ“, „гнѣздо“ и „соколъ“—примѣнительно къ князьямъ. Желанія и чувства чаще всего передаются прямою рѣчью, не описываются, а вла-

гаются въ уста дѣйствующихъ лицъ. Такъ Игорь, въ личномъ обращеніи къ дружинѣ, толкуетъ неблагопріятное знаменіе, предпочитаетъ смерть плѣну, выражаетъ страстное стремленіе „испити шеломомь Дону". Въ такой же формѣ передается предварительное, до похода, совѣщаніе князей. Разобщенность и грубый эгоизмъ князей изображаются особенно характерной въ этомъ отношеніи фразой: „усобица княземъ на поганыя погыбе; рекоста бо братъ брату: „се мое, а то мое же", и начаша князи про малое „се великое" млъвити". Душевное состояніе „русскихъ женъ", Святослава и его бояръ, Ярославны тоже выражено—рѣчами. Въ „злато слово слезами съмѣшено" Святослава вставлены предполагаемыя слова Ольговичей: „нъ рекосте: „мужаймe ся сами! преднюю славу сами похытимъ, а заднею ся сами подѣлимъ". Такъ передана добрая половина фактовъ въ „Словѣ". Все это—симптомы синтактической необработанности языка, неумѣнья стать надъ словомъ и сдѣлать его послушнымъ орудіемъ мысли...

Въ самыхъ художественныхъ образахъ иногда слышатся отголоски сѣдой старины, обычные въ народной поэзіи и не чуждые образованнымъ классамъ древне-русскаго общества.

Затменіе солнца было понято, какъ предзнаменованіе несчастья — такъ его и истолковалъ Игорь: „луче жъ бы потяту быти, неже полонену быти". Объ отказѣ отъ рѣшенія не можетъ быть и рѣчи: этого не позволитъ тонко развитое чувство воинской чести, неудержимое стремленіе „искусити Дону великаго", „позрѣти синего Дону", „испити шеломомь Дону"—чего бы это ни стоило... Въ бою, конечно, можно и „главу свою приложить", но теперь возврата нѣтъ: „съпала князю умъ похоти и жалость ему знамение заступи".

Кровавая заря вѣщуетъ пораженіе русскихъ; на сторону половцевъ становятся Дивъ и Обида; Всеславъ оборачивается „лютымь звѣремь", а Ярославна „зегзицею незнаемь рано кычеть"; Игорь „поскочи горностаемь къ тростню и бѣлымь гоголемь на воду", „скочи... босымь влъкомь", „полетѣ соколомь подъ мъглами": все это, конечно, не столько слѣды стараго и все же живучаго вѣрованія, сколько символическіе художественные образы, но въ своей основѣ они несомнѣнно восходятъ къ древнимъ народнымъ источникамъ и, можетъ быть, соприкасаются болѣе тѣсно съ личнымъ настроеніемъ автора „Слова". Но объ этомъ ниже...

Образы, взятые изъ міра природы, отличаются поразительною яркостью и конкретностью. Творческая фантазія одухотворяетъ ее, заставляетъ жить одною жизнью съ человѣкомъ. Вообще грань между человѣкомъ и міромъ природы сглажена. Человѣкъ можетъ „оборачиваться"; природа грозными предзнаменованіями старается отклонить его отъ необдуманнаго и опаснаго шага, помогаетъ однимъ и вредитъ другимъ, живо отзывается на всѣ перипетіи человѣческой судьбы. Подъ творческой рукой поэта все оживаетъ, получаетъ особый, таинственный смыслъ, сливается въ общемъ настроеніи...

Игорь отправляется въ походъ—„солнце ему тьмою путь заступаше; нощь стонущи ему грозою птичь убуди". Большое несчастье грозитъ ему: „бѣды его пасетъ птичь по лозию, влъци грозу въсрожать по яругамъ, орли клектомь на кости звѣри зовуть". Они предчувствуютъ, что много будетъ жертвъ...

Слишкомъ быстро и легко доставшаяся побѣда опьянила русскихъ. Половцы воспользовались оплошностью и окружили русское войско; месть за пораженіе близка—и „другого дни вельма рано кровавыя зори свѣтъ повѣдають; чръныя туча съ моря идуть, хотять прикрыти четыри солнца, а въ нихъ трепещуть синии млънии. Быти грому великому! ити дождю стрѣлами съ Дону великаго!.. Се вѣтри, стрибожи внуци, вѣють съ моря стрѣлами на храбрыя плъки Игоревы. Земля тутнеть, рѣкы мутно текуть"...

Пали стяги „буего Игоря", разлучились братья на берегѣ быстрой Каялы—„ничить трава жалощами, а древо съ тугою къ земли преклонилось"... „Уныша градомъ забрала, а веселие пониче".

Донъ „кличеть и зоветь князи на побѣду".

Враги воспользовались несчастнымъ положеніемъ Руси, начали наступать на нее со всѣхъ сторонъ — „Сула не течеть сребреными струями къ граду Переяславлю, и Двина болотомь течеть".

Игорь бѣжалъ изъ плѣна—„кликну, стукну земля, въшумѣ трава". Донецъ привѣтствуетъ бѣглеца, лелѣетъ его на своихъ волнахъ, стелетъ ему зеленую траву на серебряныхъ берегахъ, одѣваетъ теплой мглой, стережетъ отъ врага. Когда за нимъ погнались Гза съ Кончакомъ, птицы отводятъ слѣдъ: „тогда врани не граяхуть, галицы помлъкоша, сорокы не троскоташа, полозию ползоша только; дятлове тектомь путь къ рѣцѣ кажуть, соловии веселыми пѣсньми свѣтъ повѣдають".

По безвременно погибшемъ юношѣ князѣ Ростиславѣ плачется не одна мать: „уныша цвѣты жалобою, и древо съ тугою къ земли преклонилось".

Всѣ эти народно-поэтическія черты своеобразно сплетаются съ яркими отраженіями военнаго быта.

Борьба со степью создала у насъ своего рода рыцарство, съ особымъ кодексомъ взглядовъ, характерными пріемами и настроеніями.

Игорь предпочитаетъ смерть плѣну. Страстное стремленіе къ военной славѣ заглушаетъ даже страхъ передъ знаменіемъ. Изъ удали онъ идетъ почти на безнадежное дѣло, потому что не привыкъ отступать передъ препятствіями.

Воины ищутъ „себѣ чти, а князю славы". Потоптавъ поганые полки половецкіе, они „помчаша красныя дѣвкы половецкыя, а съ ними злато и паволоки и драгыя оксамиты"; „орьтъмами и япончицами и кажухы начаша мосты мостити по болотомъ и грязивымъ мѣстомъ, и всякыми узорочьи половецкыми". Поэтъ, видимо, восхищается этимъ молодецкимъ презрѣньемъ къ богатой добычѣ, удалью Всеволода, самоотверженіемъ Игоря. Широкою кистью набрасываетъ онъ картину боя,—упрекаетъ Игоря за безразсудную храбрость и въ то же время восхищается его доблестью и беззавѣтною удалью,—съ восторгомъ вспоминаетъ о побѣдахъ Святослава.

Онъ не упускаетъ изъ виду ни одной черты боя, даже самой мелкой: „пороси поля прикрываютъ". Живо и глубоко интересующій разсказъ о перемѣнахъ военнаго счастья то и дѣло прерывается восклицаніями увлекшагося поэта...

На ряду съ этимъ много искусственныхъ, чисто книжныхъ чертъ. Таковы—начало, колебаніе относительно творческихъ пріемовъ, характеристика Бояна, невольное сліяніе въ „Словѣ" „замышленія Бояня" и „былинъ сего времени".

Книжностью вѣетъ отъ „мутнаго сна" Святослава, цитатъ изъ Бояна [1]), сравненія пальцевъ съ соколами и струнъ съ лебедями—и еще болѣе отъ *разъясненія* аллегоріи, несвойственнаго вообще народной поэзіи; отъ такихъ фразъ, какъ „истягну умъ крѣпостию своею и поостри сердца своего мужествомь", „усобица княземъ на поганыя погыбе", „по *мыслену* древу" (наивно-книжническое предупрежденіе отъ ошибки, буквальнаго пониманія). Запѣвка во вкусѣ Бояна отвергнута, за нею начата и подхвачена другая: „комони ржуть за Сулою, звенить слава въ Кыевѣ" можетъ быть отнесено только къ Бояну, „трубы трубять въ Новѣградѣ, стоять стязи въ Путивлѣ"—начало разсказа самого поэта. Такой переломъ въ рѣчи мы считаемъ тоже искусственной чертой.

Искусственно названіе произведенія „Слово" или „повѣсть", какъ и „аминь" въ концѣ, если только онъ не прибавленъ позднѣе переписчиками.

Искусственными мы считаемъ также обращенія и восклицанія, прерывающія спокойное теченіе разсказа: „почнемъ же, братие, повѣсть сию", „о Бояне, соловию стараго времени! Абы ты сия плъкы ущекоталъ", „чили въспѣти было, вѣщий Бояне, Велесовъ внуче"... Дивъ велитъ послушать „и тебѣ, тьмутороканськии болванъ!"

Дважды повторяется восклицаніе: „о руская земле, уже за шеломянемь еси!" Оно можетъ быть объяснено только тѣмъ, что поэтъ съ почти осязательною живостью рисуетъ себѣ выступленіе русскаго войска: вотъ оно еще видно для провожающихъ, затѣмъ скрывается за хол-

[1]) Между прочимъ, „помняшеть бо рѣчь (рече) първыхъ временъ усобицѣ" и пр.—могло бы указывать на начало Бояновой пѣсни, приблизительно такое: „я помню усобицы первыхъ временъ". Помнится, такія запѣвки встрѣчались намъ въ скандинавскихъ пѣсняхъ.

момъ—жутко дѣлается и тѣмъ, кто пошелъ впередъ, и тѣмъ, кто остался сзади, страшно имъ за близкихъ и ихъ неизвѣстное будущее,—и невольно вырывается изъ груди горькое восклицаніе: „о руская земле, уже за шеломянемь еси"... Необдуманное бездѣйствіе русскаго войска послѣ побѣды вызываетъ такое же горькое восклицаніе поэта, въ которомъ звучитъ упрекъ и предчувствіе близкаго наказанія: „дремлеть въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо, далече залетѣло! Не было нъ обидѣ порождено, ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, чрьный воронъ, поганый половчине!"

Природа своими вѣщими знаменіями предсказываетъ роковой исходъ; сердце поэта, переживающаго всѣ перипетіи борьбы въ своей творческой фантазіи, все болѣе сжимается жуткимъ чувствомъ, и невольное восклицаніе прерываетъ на минуту спокойный разсказъ: „быти грому великому! ити дождю стрѣлами съ Дону великаго! Ту ся копиемъ приламати, ту ся саблямъ потручати о шеломы половецкыя".

Съ восторгомъ обращается поэтъ къ Всеволоду, который представляется ему „на борони", прыщущимъ „на вои стрѣлами", гремящимъ „о шеломы мечи харалужными". Такихъ вмѣшательствъ пѣвца въ непосредственный ходъ изображаемыхъ событій народная поэзія, кажется, не знаетъ...

Воспоминаніе о прежнихъ битвахъ и бояхъ приведено умышленно для особаго оттѣненія, даже гиперболизаціи данной битвы: „то было въ ты рати и въ ты плъкы, а сицеи рати не слыхано". Фантазія пѣвца возстановляетъ эту битву моментъ за моментомъ, живописуетъ ее осязательно, почти до полной иллюзіи; творческому слуху поэта чуются даже шумъ и клики боя: „что ми шумить, что ми звенить давечя рано предъ зарями?" Пали стяги русскихъ князей — „уже бо, братие, невеселая година въстала, уже пустыни силу прикрыла".

Такъ между предметомъ разсказа и читателемъ постоянно появляется личность поэта, съ своимъ комментаріемъ по поводу всего происходящаго, съ своей рефлексіей, поэтическими предсказаніями post eventum—уже случившихся несчастій, горькими упреками эгоистическимъ князьямъ, безнадежной тоской и напряженной работой творческаго воображенія...

Онъ „каетъ" Игоря—и не можетъ не отдать должнаго его храбрости, самоотверженію и благородству. Ему до боли жаль „буего Святъславлича"—а пуще всего русской земли, терзаемой внѣшними и внутренними врагами: „о, далече зайде соколъ, птиць бья къ морю, а Игорева храбраго плъку не крѣсити... А въстона бо, братие, Кыевъ тугою, а Черниговъ напастьми; тоска розлияся по русской земли, печаль жирна тече среди земли рускыи".

При видѣ опозоренныхъ серебряныхъ сѣдинъ Святослава и его безпомощности, поэтъ съ поразительною силою обращается къ князьямъ, которые были Святославу „не пособие"—въ тяжелыя годины, которыя „на ниче ся обратиша". Идеализированныя воспоминанія объ эпохѣ Владиміра Мономаха, при которомъ не было бы такого позора для русской земли, вызываетъ прочувственное восклицаніе: „о, стонати русской земли, помянувше прьвую годину и прьвыхъ князей!.."

Мы указали рядъ чертъ, сближающихъ „Слово" съ „Пѣснью о Роландѣ" (и, конечно, другими болѣе или менѣе однородными памятниками), но нисколько не желаемъ преувеличивать этого сходства, иногда довольно близкаго...

Оба эти памятника, наиболѣе родственные другъ другу по духу, органически выростали изъ почвы народной поэзіи, которая вездѣ и всегда имѣетъ много сходныхъ пріемовъ, сюжетовъ и красокъ; оба прошли черезъ своеобразную общественную среду—дружинную и рыцарскую, не очень сложную по своимъ основнымъ элементамъ, но довольно характерную, создавшую при сходныхъ условіяхъ очень близкіе другъ къ другу результаты; оба слагались въ обстановкѣ, которая не потеряла еще своихъ народныхъ корней, но была сильно затронута книжной поэзіей, допускала личное творчество,—симптомъ извѣстнаго подъема личности, отличалась бóльшимъ идейнымъ кругозоромъ. Они стоятъ на перепутьи отъ широкаго простора общенароднаго поэтическаго творчества къ болѣе узкому, но и болѣе глубокому потоку индивидуально—поэтическихъ „ума холодныхъ наблюденій и сердца горестныхъ замѣтъ". Они—промежуточныя звенья

цѣпи, которую неправильно считаютъ разорванной, и въ этомъ ихъ глубокій научный интересъ; они—симптомъ органическаго роста литературы, и въ этомъ ихъ громадное общественное значеніе. Быстрое разложеніе южно-русской культуры—блестящей, но недолговѣчной, вслѣдствіе подрыва кочевниками внѣшней торговли, паденія земледѣлія, рабства, внѣшнихъ опасностей и внутренней слабости—не позволило той поэтической школѣ, изъ которой вышло „Слово", высказаться до конца. Ея слабые отзвуки на сѣверѣ попали въ мало подходящую обстановку и быстро заглохли. Франція въ этомъ отношеніи была счастливѣе насъ: въ ея литературной эволюціи нѣтъ такихъ скачковъ, перерывовъ движенія, благодаря толчкамъ извнѣ, а не внутреннему стимулу, и остановокъ—какъ это было у насъ: литературное богатство досталось ей быстрѣе, легче и дешевле...

II.

Давно уже было указано, хотя и не доказано, что авторъ „Слова о полку Игоревѣ"—свѣтскій человѣкъ и дружинникъ.

Дѣйствительно, самое бѣглое знакомство съ его произведеніемъ настойчиво подсказываетъ этотъ выводъ; стоитъ только нѣсколько внимательнѣе вглядѣться въ подробности, и явится рядъ подтверждающихъ соображеній.

Въ нашемъ поэтѣ легко подмѣтить слѣды нѣкоторой секуляризаціи мысли; онъ вполнѣ освободился отъ властныхъ еще въ началѣ XII в. вѣяній аскетическаго идеала.

Онъ не сторонится боязливо и брезгливо отъ напоминаній о старомъ язычествѣ, а идетъ, такъ сказать, навстрѣчу имъ; онъ не подавляетъ въ себѣ поэтическихъ порывовъ, а даетъ имъ свободный исходъ; въ немъ нѣтъ повышенной религіозности, хотя и теплится религіозное чувство; онъ весь—въ сферѣ земныхъ интересовъ, хотя и проникнутъ идеалистическимъ настроеніемъ; въ его поэтическомъ созерцаніи есть почти пантеистическій размахъ. Въ немъ есть нѣкоторое внутреннее сродство съ дружиннымъ пѣвцомъ Бояномъ, струны котораго „сами княземъ славу рокотаху". Онъ далеко не такъ ужъ чуждъ „замышленію Бояню", какъ хочетъ представить вначалѣ, и какъ думаютъ многіе изслѣдователи: и онъ прибѣгаетъ къ исконнымъ народно-поэтическимъ пріемамъ, гиперболизму, „свиванію славы оба полы сего времени", широкому и свободному полету фантазіи...

„Былины сего времени" вносятъ только нѣкоторый коррективъ въ это „замышленіе"... „Братие", къ которымъ онъ обращается по усвоенной привычкѣ,—скорѣе всего и прежде всего дружина, а за нею читатель вообще. Его повѣсть—„трудная повѣсть о пълку Игоревѣ". Восхваляя и въ то же время „кая" „нынѣшняго Игоря", онъ не забываетъ отмѣтить, что его герой „истягну умъ крѣпостию своею и поостри сердца своего мужествомь, наплънивъ ся ратнаго духа, наведе своя храбрыя пълкы на землю половецькую за землю руськую". Онъ крѣпко помнитъ большое количетво именъ князей—воителей, походовъ и побѣдъ, мельчайшихъ боевыхъ подробностей. Вѣрность всего этого дѣйствительности, удивительная сохранность именъ и бытовыхъ деталей—лучшее доказательство того, что „Слово" сразу было написано бывалымъ и знающимъ человѣкомъ „по памяти, какъ по грамотѣ", а не записано позднѣе: для этого стоитъ только его сравнить, положимъ, съ „Словомъ о погибели русскія земли", въ которомъ анахронизмы и фантастическія извѣстія опредѣляются именно сравнительно позднею записью даже не очень давнихъ преданій, попавшихъ подъ нивеллирующее перо книжника...

Онъ глубоко и тонко понимаетъ поэзію боя, „жалость искусити Дону великаго", „позрѣти синего Дону", „испити шеломомь Дону", давнее стремленіе Ольговичей „поискати града Тъмутороканя". Только дружинникъ могъ прочувствовать и передать обращеніе Игоря къ своей дружинѣ: „братие и дружино! луце жь бы потяту быти, неже полонену быти!" Возстановляя въ своей памяти эти слова, поэтъ невольно восклицаетъ: „о Бояне, соловию стараго времени! Абы ты сия плъкы ущекоталъ!" Онъ вкладываетъ въ уста своему любимцу Всеволоду чудесную характеристику „свѣдомыхъ къметей"—курянъ. Только во время походовъ онъ могъ под-

мѣтить, что телѣги половцевъ „кричать полуноци, рци лебеди роспущени", какъ при движенiи войска" влъци грозу въсрожать по яругамъ, орли клектомь на кости звѣри зовуть, лисици брешуть на чръленыя щиты". Только бывавшему въ походахъ могли быть понятны — то душевное настроенiе, которое выразилось въ повторномъ восклицанiи: „о руская земле, уже за шеломянемь еси!",—воины, которые скакали, „акы сѣрыи влъци въ полѣ, ищучи себѣ чти, а князю славы", которые „великая поля чрьлеными щиты прегородиша, ищучи себѣ чти, а князю славы". Картины боя, захватыванiя добычи, удали и презрѣнiя къ захваченнымъ богатствамъ, побѣдный даръ князю-побѣдителю, боевая тактика половцевъ, изображенiе подвиговъ Всеволода, плачъ русскихъ женъ по своимъ „ладамъ"-добытчикамъ,—все это только подчеркиваетъ выводъ, который напрашивается самъ собой: передъ нами свѣтскiй человѣкъ и по положенiю, и по настроенiю,—по всей вѣроятности, воинъ. А то, что поэтъ, вообще скупой на слова, отводитъ довольно много мѣста для бояръ Святослава, обращается къ князьямъ со словомъ „господинъ", такъ часто и охотно упоминаетъ о дружинѣ—указываетъ скорѣе всего не только на свѣтскаго человѣка, но и на дружинника.

Несомнѣнно, онъ не принадлежалъ къ духовенству; нѣтъ никакихъ основанiй причислять его къ князьямъ: онъ могъ быть только дружинникомъ, подняться надъ дружиннымъ слоемъ, который къ концу XII в. могъ уже свободно выдѣлять образованныхъ людей и создалъ даже цѣлую литературную школу.

III.

Все время авторъ „Слова" вращается въ кругу интересовъ и отношенiй Ольговичей, стоявшихъ тогда во главѣ всей Южной Руси,— на многое смотритъ сквозь призму ихъ взглядовъ. Это не мѣшаетъ ему однако всѣмъ сердцемъ болѣть за свою несчастную родину, горько сѣтовать на „непособие" и „крамолы" князей.

Сильно идеализовано могущество Всеволода Суздальскаго, которому Святославъ въ значительной степени былъ обязанъ своею великокняжескою властью, и съ которымъ онъ поспѣшилъ породниться; подчеркнуто давнишнее стремленiе Ольговичей „поискати града Тьмутороканя"; очень яркими и привлекательными чертами обрисованы Ярославъ Черниговскiй, любимый братъ Святослава, близкiе къ Ольговичамъ Рюрикъ и Давидъ, Ярославъ Осмомыслъ, отворявшiй Кiеву, а слѣдовательно и Святославу ворота, Романъ и Мстиславъ. Мстиславичи, „нехуда гнѣзда шестокрыльци", отношенiя которыхъ къ Ольговичамъ были очень сложными, получили одновременно упрекъ—и призывъ. Большое сочувствiе высказано Владимiру Глѣбовичу, родственнику Всеволода Суздальскаго и постоянному соратнику Ольговичей, и Изяславу Васильковичу, не мѣшавшему Ольговичамъ и защищавшему русскую землю. Зато враги Ольговичей „внуци Всеславли" заслужили только горькiй упрекъ. Мы, собственно, не выходимъ изъ предѣловъ интересовъ Ольговичей...

Само событiе, легшее въ основу „Слова", прежде всего и больше всего затрогивало интересы Ольговичей.

Поэтъ не скрываетъ и даже подчеркиваетъ свои симпатiи къ Святославу, Игорю, Всеволоду и ихъ несчастнымъ сопутникамъ, „Ольгову хороброму гнѣзду".

Онъ не могъ быть дружинникомъ Игоря. Устами Святослава и своими собственными онъ нѣсколько разъ упрекаетъ Игоря: „тии бо два храбрыя Святъславлича, Игорь и Всеволодъ уже лжу убудиста": „нѣмци и венедици... греки и морава... кають князя Игоря, иже погрузи жиръ во днѣ Каялы рѣкы половецкыя". Святославъ горько жаловался: „о моя сыновця, Игорю и Всеволоде! Рано еста начала половецкую землю мечи цвѣлити, а себѣ славы искати. Нъ нечестно одолѣсте, нечестно бо кровь поганую пролиясте!" Нашъ поэтъ любитъ и уважаетъ храбрыхъ Святославичей, но относится къ нимъ вполнѣ свободно и самостоятельно: нѣтъ ни одного намека на зависимость, которая не могла бы не отразиться такъ или иначе. Ихъ дѣда Олега онъ называетъ „храбрымъ и младымъ княземъ", сознается, что его постигла „обида"—и

въ то же время вспоминаетъ, что „Олегъ мечемь крамолу коваше и стрѣлы по земли сѣяше", называетъ его „Гориславичемъ" и рисуетъ тяжелое положеніе Руси при немъ. Впрочемъ, все это относилось къ далекому прошлому...

Затѣмъ, центральной фигурой несчастнаго боя съ половцами несомнѣнно является Всеволодъ, Игорь отодвигается какъ бы на второй планъ. Положимъ, даже лѣтопись признавала, что Всеволодъ „бѣ во Ольговичѣхъ всѣхъ удалѣе рожаемъ и воспитаніемъ, и возрастомъ и всею добротою и мужественною доблестью, и любовь имѣяше ко всѣмъ"—но врядъ ли дружинникъ даже при этихъ условіяхъ рѣшился бы поставить своего князя, хотя бы попавшаго въ плѣнъ, ниже его брата...

Мы думаемъ, что авторъ „Слова" былъ именно дружинникомъ Святослава Кіевскаго двоюроднаго брата Игоря и Всеволода. Онъ очень хорошо освѣдомленъ относительно того, что дѣлается въ Кіевѣ, гдѣ, скорѣе всего, *центръ круга его свѣдѣній*. Къ походу Игоря у него то же двойственное отношеніе, которое въ лѣтописи, хорошо освѣдомленной, приписано Святославу. Идеализаціи и даже гиперболизиціи этого маленькаго, незначительнаго князя, нерѣдко приводившаго съ собою противъ враждебныхъ русскихъ князей половцевъ, грабившаго сосѣднихъ князей и нарушавшаго крестное цѣлованіе,—такой идеализаціи можно ожидать только отъ человѣка близкаго. Упрекая другихъ князей за „крамолы" и себялюбіе, онъ для Святослава находитъ только одни почтительныя слова, полныя восторга и преклоненія: „грозный великый Кыевскый", „грозою бяшеть, притрепеталъ своими сильными плъкы и харалужными мечи, наступи на землю половецкую, притопта хлъмы и яругы, възмути рѣкы и озера, иссуши потокы и болота, а поганаго Кобяка... яко вихъръ въторже, и паде ся Кобякъ... въ градѣ Кіевѣ, въ гридницѣ Святославли".

Онъ влагаетъ въ уста Бояну, безъ всякаго основанія, предполагаемую фразу — запѣвку: „звенить слава въ Кыевѣ". При извѣстіи о плѣнѣ русскихъ князей Кіевъ „въстона тугою", а тѣсно примыкающій къ нему Черниговъ—„напастьми". Въ Кіевѣ иностранцы „каяли" Игоря. Ярославъ Осмомыслъ отворяетъ „Кыеву врата", Всеславъ вызываетъ недружелюбныя воспоминанія по своимъ кіевскимъ отношеніямъ. Голоса дѣвицъ, воспѣвающихъ освобожденіе Игоря, „вьются чрезъ море до Кыева". Возвратившись на родину, Игорь прежде всего ѣдетъ въ Кіевъ „по Боричеву къ святой Богородици Пирогощей", и его сопровождаетъ общая радость: „Страны ради, грады весели"—чуется творческому слуху поэта...

Извѣстія о бѣдствіяхъ русской земли отъ половцевъ идутъ къ Кіеву, какъ бы къ центру по радіусамъ. „Незнаемая земля"—Волга, Поморіе, Посуліе, Сурожъ, Корсунь, Тмуторокань. Мы больше всего слышимъ о „тугѣ" и напастяхъ Кіева, Чернигова, Римова и Переяславля, только разъ мы услышали о Двинѣ, которая потекла болотомъ „онымъ грознымъ полочаномъ подъ кликомь поганыхъ".

По словамъ Ипатской лѣтописи, Святославъ, услышавъ о плѣнѣ князей, „утеръ слезъ своихъ и рече: „о люба моя братья и сыновѣ и мужѣ землѣ Русскоѣ! Дал(ъ)ми(бы) Богъ притомити поганыя; но, не воздержавше юности, отвориша ворота на Русьскую землю. Воля Господня да будетъ о всемъ; да како жаль ми бяшеть на Игоря, тако нынѣ жалую болши по Игорѣ братѣ моемь".

Это вполнѣ опредѣляетъ тотъ уголъ зрѣнія, подъ которымъ нашъ поэтъ поглядѣлъ на „обиду сего времени"...

IV.

Мы не думаемъ, чтобы авторъ „Слова" былъ участникомъ несчастнаго похода.

Рѣчи героевъ и такія восклицанія, какъ „что ми шумить, что ми звенить", конечно, ничего не доказываютъ: это только литературный пріемъ. Вѣдь поэтъ можетъ растекаться „мыслию по древу, сѣрымь вълкомь по земли, шизымь орломь подъ облакы". Въ порывѣ творческаго экстаза, на крыльяхъ вдохновенія, онъ можетъ „мыслию прелетѣти издалеча", „облетѣть весь

міръ крылатой мыслью", „найти ей предѣлъ въ одномъ безпредѣльномъ". Подобно Гёте у Баратынскаго,

Мечтою по волѣ проникнуть онъ могъ
И въ нищую хату, и въ царскій чертогъ.
Съ природой одною онъ жизнью дышалъ:
Ручья разумѣлъ лепетанье,
И говоръ древесныхъ листовъ понималъ,
И чувствовалъ травъ прозябанье;
Была ему звѣздная книга ясна,
И съ нимъ говорила морская волна.
Извѣданъ, испытанъ имъ весь человѣкъ!..

Творческое воображеніе поэта подглядѣло и подслушало, какъ успокаивалъ Игорь взволнованное знаменіемъ войско, какъ онъ совѣщался относительно похода со своимъ братомъ, какъ плакали русскія жены, какъ „готскыя красныя дѣвы въспѣша на брезѣ синему морю: звоня рускымь златомь, поють время Бусово, лелѣють месть Шароканю",—какъ „дивъ кличеть връху древа, велить послушати земли незнаемѣ",—какъ дѣва обида „въсплескала лебедиными крылы на синѣмь морѣ",—съ какимъ грубымъ эгоизмомъ князья „рекоста братъ брату", какъ прощался съ жизнью Изяславъ, безвременно „притрепанный" „литовскими мечи", какъ „незнаемой зегзицей" причитала Ярославна, какъ Донецъ велъ свою привѣтливую и важную бесѣду съ Игоремъ, какъ совѣщались Гза съ Кончакомъ, какъ дѣвицы пѣли на Дунаѣ, а голоса ихъ вились черезъ море до Кіева. Живо слышится ему пѣсня Бояна съ ея характернымъ зачиномъ; воочію онъ видитъ, какъ „Половцы неготовыми дорогами побѣгоша къ Дону великому",—ясно слышитъ, какъ „кричать телѣгы полунощи", воютъ волки, клекочутъ орлы, лаютъ лисицы, ползутъ полозы, „земля тутнеть", „стязи глаголють", „ничить трава жалощами, а древо съ тугою къ земли преклонилось"...

Живое, горячее участіе въ предметѣ разсказа, полнота чувства, широкій размахъ фантазіи и приводятъ къ патетическимъ восклицаніямъ, которыя, какъ мы видѣли, то и дѣло пронизываютъ спокойное, почти эпическое теченіе рѣчи.

Восклицанія передаютъ настроеніе автора, устанавливаютъ извѣстную точку зрѣнія на развертывающіяся прискорбныя событія; рѣчи изображаютъ предполагаемое и живо представляемое душевное настроеніе героевъ, облегчаютъ самое веденіе разсказа, замѣняютъ непривычную отвлеченную передачу поступковъ и чувствъ конкретными образами.

Заключать отъ нихъ къ непосредственному участію поэта въ изображаемыхъ имъ событіяхъ значитъ, по нашему мнѣнію, впадать въ большое недоразумѣніе.

Въ предлагаемомъ намъ описаніи похода и боя мало индивидуальныхъ чертъ; оно отличается очень обобщеннымъ характеромъ.

„Комони ржуть", „трубы трубять", „стоять" и „глаголють стязи", „великая поля чрьлеными щиты прегородиша", „рассушась стрѣлами по полю", „ту ся копиемъ приламати, ту ся саблямъ потручати", „стоиши на борони, прыщеши на вои стрѣлами, гремлеши о шеломы мечи харалужными", „златымь шеломомь посвѣчивая" (кстати, послѣ кровавыхъ зорь, при „черныхъ тучахъ" и пыли, покрывающей поля), „поскепаны саблями калеными шеломы оварьскыя"—все это возможно всегда и вездѣ.

Правда, онъ рисуетъ себѣ (въ нѣсколько идеализованномъ и даже гиперболизованномъ видѣ) Всеволода во время сраженія, но вѣдь присутствуемъ же мы, благодаря поэту, при тайномъ совѣщаніи Игоря и Всеволода, слышимъ запѣвку Бояна, видимъ, какъ „Гза бѣжить сѣрымь влъкомь", „вѣтри вѣють съ моря стрѣлами", Олегъ Гориславичъ „ступаеть въ златъ стремень въ градѣ Тьмутараканѣ, то же звонъ слыша давный великый Ярославль сынъ Всеволодъ, а Владимиръ по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ!.."

Вообще индивидуальныхъ особенностей даннаго событія указано немного, и мы вскорѣ увидимъ ихъ источникъ...

Зато положеніе русской земли сейчасъ же послѣ пораженія Ольговичей обрисовано яркими, сильными, вполнѣ реальными чертами. Во всемъ разсказѣ чувствуется такая безпросвѣтная тоска, которая понятна только у очевидца безпомощности князей и ихъ постыдной слабости, неистовства половцевъ, ихъ оскорбительнаго величанія... „Невеселая година въстала", „пустыни силу прикрыла", „въстала обида", „усобица княземъ на поганыя погыбе", „начаша князи... сами на себе крамолу ковати, а погании со всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами на землю рускую": какъ все это жизненно! Не о себѣ, конечно, скорбитъ поэтъ, когда говоритъ: „о, далече зайде соколъ, птиць бья къ морю, а Игорева храбраго плъку не крѣсити!" Онъ знаетъ, что литовцы воспользовались паникой русской земли, какъ „кликну Кончакъ, и Гза поскочи по русской земли, смагу мычючи въ пламянѣ розѣ", что „жены русскія восплакашась аркучи", „въстона Кыевъ тугою, а Черниговъ напастьми, тоска разліяся по русской земли", что поганые „емляху дань по бѣлѣ отъ двора", что „Нѣмци и Венедици... Греци и Морава... каютъ князя Игоря", что „у Римѣ (Римовѣ) кричать подъ саблями половецькыми, а Володимиръ (въ Переяславѣ) подъ ранами". Все это—не только поэтическіе образы, но и дышащіе жизнью реальные факты, въ большинствѣ случаевъ завѣренные и другими историческими источниками. Не вѣрится, чтобы они могли быть записаны позднѣе на основаніи чужихъ разсказовъ, а не по собственнымъ наблюденіямъ и свѣжимъ, животрепещущимъ слухамъ.

Детальное сопоставленіе разсказовъ о походѣ сѣверскихъ князей въ „Словѣ" и лѣтописяхъ, кажется, вполнѣ подтверждаетъ это общее заключеніе.

Между созерцаніемъ поэта и научнымъ анализомъ историка лежитъ, конечно, цѣлая пропасть; она меньше между взглядами древне-русскаго поэта и лѣтописца, но ея, конечно, игнорировать нельзя.

Мы не требуемъ отъ поэта полноты и послѣдовательности лѣтописнаго разсказа, у него часто должна была быть особая точка зрѣнія на событія, преломленіе лучей въ поэтической и лѣтописной призмѣ могло рѣзко различаться – и всетаки сопоставленіе этихъ извѣстій невольно наводитъ на мысль, что авторъ „Слова" основывался относительно похода на чужихъ свидѣтельствахъ, не всегда полныхъ и точныхъ.

Обратимся къ подробностямъ.

Мы имѣемъ нѣсколько лѣтописныхъ версій—болѣе подробныхъ и болѣе краткихъ, нѣсколько пересказовъ—болѣе или менѣе освѣдомленныхъ.

Особенно коротко и поверхностно извѣстіе I Софійской лѣтописи: „князи Ольговичи сдумавше на Половци, ркуще: „мы есмы ци не князи?" и поидоша, и поможе имъ Богъ, Половци побѣгоша, а князи Русьстіи сташа на вѣжахъ, ркуще: „братія наша билися съ ними, а смотря на Переяславль, а они (Ольговичи) къ нимъ (половцамъ) сами пришли; а мы въ земли ихъ есмы, и аще идемъ къ нимъ за Донъ, до конца плѣнимъ ихъ, идемъ и въ лукы моря, идѣ же отци наши не ходиша, добудемъ себѣ славы въ вѣкы". И поиде Игорь Святъславичь *съ двѣма сынома* и братаничи его за Донъ, а не вѣдуще Божія строенія, и тамо побѣдиша ихъ безъ вѣсти; *нѣкыи гости* вѣсть принесоша на Русь".

Въ этомъ глухомъ извѣстіи[1]), несомнѣнно изъ вторыхъ рукъ, любопытны три черты: „высокоуміе" Ольговичей, присутствіе двухъ сыновей Игоря въ походѣ и распространеніе извѣстія о пораженіи купцами. Рѣчи Ольговичей, конечно, только личное предположеніе, толкованіе лѣтописца—довольно обычный въ лѣтописяхъ литературный пріемъ.

Обстоятельнѣе и освѣдомленнѣе разсказъ Лаврентьевской лѣтописи, пріуроченный, правда, къ 1186 г.

---

[1]) Оно повторяется и въ другихъ лѣтописяхъ (напр., 4 Новгородской).

За изображеніемъ знаменія и извѣстіемъ о рожденіи сына у Всеволода, безъ всякой связи, идетъ разсказъ о томъ, какъ „того же лѣта здумаша Олгови внуци на Половци, занеже бяху не ходили томь лѣтѣ со всею князьею, но сами поидоша о себѣ, рекуще: мы есмы ци не князи же? (поидемъ), такы же собѣ хвалы добудемъ". И *сняшася у Переяславля*[1]) Игорь съ *двѣма сынома* изъ Новаграда Сѣверьскаго, исъ Трубѣча Всеволодъ братъ его, Олговичь Святославъ изъ Рыльска, и *Черниговьская помочь*, и внидоша в землю ихъ". Половцы разослали извѣстіе о нападеніи русскихъ князей, ждали подмоги, но русскіе напали раньше и на голову разбили половцевъ, „и биша я до вежь, множство полона взяша, жены и дѣти". Побѣдители стояша *на вѣжахъ 3 дни, веселящеся*, а рекуще: „братья наша ходили с Святославомъ великимъ княземъ, и билися съ ними зряче на Переяславль, а они сами къ нимъ пришли, а въ землю ихъ не смѣли по нихъ ити; а мы въ земли ихъ есмы, и самѣхъ избили, а жены ихъ полонены и дѣти у насъ; а *нынѣ поидемъ по нихъ за Донъ* и до конця избьемъ ихъ, оже ны будетъ ту побѣда, *идемъ по нихъ у луку моря*, гдѣ же не ходили ни дѣди наши, а возмемъ до конца свою славу и честь", а не вѣдуще Божья строенья". Бѣжавшіе половцы вернулись съ значительной подмогой. „И сняшася съ ними стрѣльци, *и бишася 3 дни* стрѣлци, а *копьи ся не снимали*, а *дружины ожидающе*, а *к водѣ не дадуще имъ ити*; и приспѣ к нимъ дружина вся, многое множство. Наши же, видѣвше ихъ, ужасошася и величанья своего отпадоша... *изнемогли бо ся бяху безводиемь, и кони, и сами, въ зною и въ тузѣ и поступиша мало к водѣ, по 3 дни бо не пустили бяху ихъ к водѣ. Видѣвше ратнии устремишася на нь и притиснуша и к водѣ*, и бишася съ ними крѣпко, и бысть сѣча зла велми, друзии конѣ пустиша к нимъ, съсѣдше, и кони бо бяху подъ ними изнемогли. И побѣжени быша наши, гнѣвомъ Божьимь, князи вси изъимани быша, а боляре и велможи и вся дружина избита, а другая изъимана, и та язвена; и възвратишася с побѣдою великою Половці, а о нашихъ не бысть кто и вѣсть принесе, за наше согрѣшенье. Гдѣ бо бяше в насъ радость, *нынѣ* же въздыханье и плачь распространися... И поиде путемъ *гость*, они же казаша рекуще: „поидѣте по свою братью, а ли мы идемъ по свою братью к вамъ"; княземъ же всѣмъ слышавшимъ таку погыбель о братьѣ своей и до бояръ, возпіша вси, и бысть плачь и стенанье, овѣмъ бо братья избита и изъимана, а другимъ отци и ближикы". „*По малыхъ днѣхъ* ускочи Игорь князь у Половець... гониша бо по немъ, и не обрѣтоша (его)... Сего Богъ избави из руку поганыхъ; а они вси держими бяху твердо, и стрегоми, и потвержаеми многими желѣзы и казньми".

Этотъ разсказъ основанъ на хорошихъ свѣдѣніяхъ, взятыхъ однако изъ вторыхъ рукъ. Большая часть отдѣльныхъ подробностей подтверждается и другими источниками, только извѣстіе о встрѣчѣ у Переяславля, 3-дневномъ стояніи русскихъ на вѣжахъ и ихъ веселіи врядъ ли можетъ быть принято и явилось, вѣроятно, результатомъ недоразумѣнія или смѣшенія: достовѣрнѣе, что русскіе принуждены были оставаться вслѣдствіе усталости, что они ожидали нападенія и были окружены половцами ночью, слѣдовавшей за побѣдой. Очень любопытны указанія на участіе двухъ сыновей Игоря въ походѣ, черниговскую помощь, горделивую мечту итти за Донъ и до лукоморья, тактическій пріемъ половцевъ—выжиданіе дружины, обсыпаніе русскихъ стрѣлами, воздержаніе отъ рукопашнаго боя и ослабленіе русскаго войска „безводіемъ",—наконецъ то, что русскіе были притиснуты въ водѣ.

Мелочныя и точныя указанія на послѣдовательность моментовъ боя, повидимому, восходятъ къ хорошему источнику.

Главная особенность этой версіи—подчеркнутое „величаніе" Ольговичей, приведшее къ наказанію, трехдневное стояніе на вѣжахъ и веселіе русскихъ. Въ ней, можетъ быть, сыграли нѣкоторую роль и личные домыслы лѣтописца.

---

[1]) Повидимому, для походовъ противъ половцевъ (кстати, они нисколько не мѣшали братанью и родству, совмѣстнымъ дѣйствіямъ, договорамъ и пр.) князья обыкновенно собирались у Сулы. Можетъ быть, этимъ навѣяно: „Комони ржуть за Сулою", „Сула не течеть сребреными струями къ граду Переяславлю",—конечно, вслѣдствіе нападенія половцевъ и ранъ Владиміра Глѣбовича. Въ данномъ случаѣ встрѣча у Переяславля очень сомнительна: онъ стоялъ совсѣмъ въ сторонѣ отъ пути Ольговичей.

Нѣсколько оригинальныхъ черточекъ—можетъ быть, на основаніи древнихъ источниковъ—даетъ Густинская лѣтопись.

Игорь отправляется противъ Половцевъ, „не повѣдая Святославу". „И въ то время бысть затмѣніе солнца, а се знаменіе не на добро бываеть; Игорь же единаче пойде, не ради о томъ". Послѣ пораженія „отъ толика множества христіанъ немного ихъ избѣже, едины бо избиты тамъ падоша, друзіи яты, болѣй же ихъ въ рѣкахъ истопе, останции же яты". Игоря взялъ Чилбукъ, Всеволода—Романъ Кзичъ, Святослава—Елдукъ, Владиміра—Копти. Затѣмъ половцы принялись грабить Русь. *„А князи Руские собирахуся не собирающеся, по отшествіи же Полвѣецъ разыйдошася"*. Спустя нѣкоторое время „Игорь же, во ослабѣ сый, избѣже отъ Половецъ съ нѣкимъ Лавромъ Половчаниномъ, *ему же ради быша всѣ"*.

Никоновская лѣтопись тоже говоритъ о трехдневномъ стояніи на вѣжахъ. „Князи же Русстіи стоявше три дни на вежахъ Половецкихъ и совѣщававшеся глаголаше сице: се уже сихъ Половцевъ побѣдихомъ, поидемъ убо еще въ поле, и побѣдихомъ иныхъ Половцевъ, и имя себѣ и славу обрящемъ вѣчну". Прекрасно обрисована боевая тактика половцевъ: „половцы же не мнози собравшеся, и пріидоша на нихъ, и сташе аки дѣмони сюду и сюду скакати, ни наступающе, ни прочь отходяще, но такъ стрѣлцемъ стрѣляющимся, ожидаху бо иныхъ Половъцевъ за собою многія силы, и тако лицемѣрствующе и стрѣляющися три дни, а копьи и саблями не снимающеся, ожидающе дружины съ часу на часъ, а къ водѣ Рускому воинству не дадяще приступити". Въ концѣ концовъ, „погибе Русскихъ вой память съ шумомъ".

Еще обстоятельнѣе и цѣннѣе разсказъ Ипатской лѣтописи, несомнѣнно опирающійся, въ своей центральной части, на показанія очевидца и непосредственнаго участника похода. Онъ составленъ, повидимому, заразъ уже послѣ бѣгства Игоря по очень свѣжимъ и точнымъ воспоминаніямъ разныхъ лицъ [1]).

Разсказъ очень строенъ, подробенъ, проникнутъ общимъ настроеніемъ, единою мыслью; обиліе чиселъ и мелкихъ подробностей, которыя не могли быть извѣстны небывшимъ въ походѣ, – необыкновенная живость изложенія, точныя показанія по днямъ,—„возможные только для современника и для современника только понятные", по словамъ Бестужева-Рюмина, намеки—все это, конечно, прямо указываетъ на современника и очевидца. Покойный историкъ давно уже отмѣтилъ [2]) то, что „въ разсказѣ о плѣнѣ мы не встрѣчаемся съ числовыми показаніями, а съ указаніемъ дней: это тоже признакъ очевидца: въ плѣну онъ потерялъ счетъ чиселъ и помнитъ только дни недѣли; мы даже не знаемъ, сколько времени Игорь былъ въ плѣну [3]); о самомъ походѣ онъ говоритъ: столько-то дней стояли, столько-то бились; все это могло быть припомянуто послѣ; послѣ же составитель могъ внести и разсказъ объ опустошеніи половцами Руси и осадѣ Переяславля". Бестужевъ-Рюминъ такимъ образомъ предполагаетъ, что самъ составитель этого отдѣла лѣтописи былъ въ плѣну, хотя въ такомъ предположеніи нѣтъ, собственно, надобности, и матеріалъ позволяетъ намъ только сказать, что лѣтопись воспользовалась и разсказомъ очевидца—участника.

Медлительно и спокойно начинается повѣствованіе Ипатской лѣтописи.

„Въ то же время (1185 г.) Святславичь Игорь, внукъ Олговъ, поѣха изъ Новгорода, *мѣсяца априля въ 23 день, во вторникъ,* поймя со собою брата Всеволода ис Трубецка (обозначеніе мѣста княженія, какъ и ниже, а не исходной точки похода), и Святослава Олговича сыновця своего изъ Рыльска, и Володимѣра сына своего ис Путивла, и у Ярослава испроси помочь *Ольстина*

---

[1]) По меньшей мѣрѣ двухъ: одного—бывшаго съ Игоремъ въ плѣну и другого—наблюдавшаго все происходившее въ то время на Руси.

[2]) О составѣ русскихъ лѣтописей, 114.

[3]) Не нужно слишкомъ буквально понимать „по малыхъ днехъ" нѣкоторыхъ лѣтописей: какъ увидимъ ниже, между плѣномъ и бѣгствомъ Игоря произошло много событій, которыя не укладываются въ короткій промежутокъ времени.

Олексича, Прохорова внука, с Коуи черниговьскими [1]); и такъ *идяхуть тихо*, сбираюче дружину свою: бяхуть бо и у них кони *тучни велми*. *Идущимъ же имъ к Донцю рѣкы, въ годъ вечерний, Игорь же воззрѣвъ на небо* и видѣ солнце стояще, яко мѣсяць, и рече бояромъ своимъ и дружинѣ своей: „видите ли, что есть знамение се?" Они же узрѣвше и видиша вси и *поникоша* главами, и рекоша мужи: „княже! се есть не на добро знамение се". Игорь же рече: *„братья и дружино!* тайны Божия никтоже не вѣсть, а знамению творѣць Богъ и всему миру своему; а намъ что створить Богъ, или на добро, или на наше зло, а тоже намъ видити". За Донцомъ, около Оскола, онъ *два дня* ждалъ брата своего Всеволода, который инымъ путемъ шелъ изъ Курска. Около Сальницы передовые отряды, посланные „языка ловить", замѣтили вооруженнаго врага, вернулись и объявили: „да или поѣдете борзо, или возворотитися домовь, яко не наше есть веремя" (русскіе, повидимому, думали напасть на половцевъ врасплохъ). Игорь же рече с братьею своею: „оже ны будеть не бившися возворотитися, то соромъ ны будеть пуще и смерти; но какъ ны Богъ дасть". Они ѣхали цѣлую ночь и „заутра же *пятъку наставшу въ обѣднее веремя* усрѣтоша полкы половѣцькиѣ: бяхуть бо до них доспѣлѣ, вежѣ своѣ пустили за ся, а сами, собравшеся отъ мала и до велика, стояхуть на оной сторонѣ рѣки Сюурлия". Затѣмъ съ большими подробностями указано расположеніе полковъ: такія подробности, какъ то, кто былъ справа, слѣва и впереди, могли быть извѣстны и памятны только очевидцу.

„И рече Игорь къ братьи своей: „братья! сего есмы искалѣ, а потягнемъ"; и тако пойдоша к нимъ, положаче на Бозѣ упование свое".

Когда они подошли къ Сюрлію, *„выѣхаша ис Половѣцкихъ полковъ стрѣлци, и поустивше по стрѣлѣ на Русь, и тако поскочиша*; Русь же бяхуть не переѣхалѣ еще рѣкѣ Сюрлія; поскочиша же и ти Половѣцькии, которие же далече рѣкы стояхуть".

„Святославъ же Олговичь и Володимѣрь Игоревичь, и Ольстинъ с Коуи, и стрѣлци поткоша по нихъ, *а Игорь и Всеволодъ помалу идяста*, не распустяста полку своего, переднии же ти Русь биша ѣ, имаша; Половци же пробѣгоша вежѣ, и Русь же дошедше вежь и ополонишася, друзии же ночь (ночи) приѣхаша к полкомъ съ полономъ". Когда половцы опять начали собираться, Игорь хотѣлъ было отправиться назадъ ночью, но Святославъ заявилъ, что погоня за половцами утомила его коней, и Всеволодъ поддержалъ его: „рече Святославъ Олговичь строема своима: „далече есмь гонилъ по Половцехъ, а кони мои не могуть; аже ми будеть нынѣ поѣхати, то толико ми будеть на дорозѣ остати"—и поможе ему Всеволодъ, акоже облечи ту". Предчувствуя опасность, съ грустью отвѣчаетъ имъ Игорь: „да недивно есть разумѣюща, братья, умрети"—и облегоша (Половцы) ту. *Свѣтающи* же суботѣ, начаша выступати полци половецкии, *акъ боровъ*; изумѣшася князи Рускии, кому ихъ которому поѣхати, бысть бо ихъ бещисленное множество".

Казалось, что поднялась вся Половецкая земля.

„И тако угадавше вси, сосѣдоша съ коний, хотяхуть бо бьющеся дойти рѣкы Донця; молвяхуть бо: „оже побѣгнемь, утечемь сами, а черныя люди оставимъ, то отъ Бога ны будеть грѣхъ—сихъ выдавше пойдемь; но или умремь, или живи будемь (вси) на единомь мѣстѣ". Сойдя съ коней и медленно расчищая себѣ дорогу, они двинулись впередъ. Разсказчикъ, по непонятной причинѣ, забылъ упомянуть о „безводіи", на которое настойчиво указываютъ другія свидѣтельства [2]). Зато мы узнаемъ, что Игорь былъ раненъ въ лѣвую руку, „*и бысть печаль велика в полку его*, и воеводу имяхуть, то тъ напереди язвенъ бысть. И тако бишася крѣпко ту днину до вечера, и мнозии ранени и мертви быша въ полкохъ Рускихъ; наставши же нощи суботнии, и *поидоша бьючися*. Бысть же свѣтающе недѣлѣ, возмятошася Ковуеве въ полку, побѣгоша. Игорь

---

[1]) Опущено имя 5-го участника похода, Олега Игоревича—вѣроятно, потому, что для участника похода юный князь (ему было всего 10 лѣтъ), не игравшій никакой роли и бравшій первые уроки военнаго дѣла, не могъ представлять особаго интереса. Сѣверныя лѣтописи могли указать его, какъ князя, не зная его роли или вообще желая отмѣтить число попавшихъ въ плѣнъ князей.

[2]) Такое случайное забвеніе довольно существенной подробности какъ будто бы указываетъ на то, что въ данномъ мѣстѣ разсказъ основанъ на свидѣтельствѣ одного лица.

же бяшеть в то время на конѣ, зане раненъ бяше, *пойде к полку ихъ, хотя возворотити (ихъ) к полкомъ;* уразумѣвъ же, яко далече шелъ есть отъ людий, и, соймя шоломъ, погънаше опять к полкомъ, того дяля, что быша познали князя и возворотишася быша; и тако не возворотися никтоже, *но токмо Михалко Гюргевичь, познавъ князя, возворотися;* не бяхуть бо добрѣ смялися с Ковуи, но мало отъ простыхъ или кто отъ отрокъ боярьскихъ, добри бо вси бьяхуться идоуще пѣши (характерная оговорка—оправданіе, противъ возможнаго упрека), и *посреди ихъ Всеволодъ не мало мужьство показа* (вслѣдствіе пораненія и потомъ плѣна Игоря онъ оставался въ полку старшимъ). И яко приближися Игорь к полкомъ своимъ, и переѣхаша поперекъ и *ту яша единъ перестрѣлъ* одале отъ полку своего. Держимъ же Игорь, видѣ брата своего Всеволода крѣпко борющася, и проси души своей смерти, яко да бы не видѣлъ паденія брата своего; Всеволодъ же толма бившеся, яко и оружья в руку его не доста, и *бьяху бо ся идуще вкругъ при езерѣ.* И тако, во день святаго Воскресения, *наведе на ня Господь гнѣвъ свой: в радости мѣсто наведе на ны плачь, и во веселье мѣсто желю, на рѣцѣ Каялы* [1]) (символическое названіе?)". Затѣмъ слѣдуетъ длинная покаянная рѣчь Игоря, несомнѣнно литературнаго происхожденія и книжнаго характера.

Такъ кончилась битва полнымъ пораженіемъ русскихъ. Половцы отправились по своимъ вѣжамъ, плѣнныхъ раздѣлили половецкіе князья и вельможи. Лѣтопись указываетъ имена тѣхъ, которымъ достались Игорь, Всеволодъ, Святославъ и Владиміръ: Чилбукъ, Романъ Кзичь, Елдечюкъ, Копти. *„Тогда же на полъчищи Кончакъ поручися по свата Игоря, зане бяшеть раненъ.* Отъ толикихъ же людий мало ихъ избысть, нѣкакомъ получениемь, не бяшеть бо лзѣ ни бѣгаючимъ утечи, зане яко стѣнами силнами огорожени бяху полкы Половѣцьскими; *ношахуть Русь съ 15 мужь утекши, а Ковуемь мнѣе, а прочии в морѣ истопоша".* Такъ какъ разсказчикъ, повидимому, остался въ плѣну, то послѣднее онъ могъ указать только по слухамъ, и „ношахуть" скорѣе всего могло значить „разсказывали". Конечно, могло убѣжать и больше, и опредѣленіе количества убѣжавшихъ было только приблизительнымъ.

Когда происходили всѣ эти потрясающія событія, Святославъ былъ въ Корачевѣ и „сбирашеть отъ вѣрхъних земль вои, хотя ити на Половци к Донови на все лѣто". Возвращаясь домой, у Новгорода Сѣверскаго онъ узналъ, что Ольговичи тайно отъ него выступили противъ половцевъ—„и нелюбо бысть ему". Онъ отправился дальше въ лодьяхъ къ Чернигову. Прибѣжалъ Бѣловолодъ Просовичъ и объявилъ о несчастіи сѣверскихъ князей. „Святославъ же то слышавъ и вельми воздохнувъ, утеръ слезъ своихъ и рече: „о люба моя братья и сыновѣ и мужѣ землѣ Рускоѣ! далъ ми бы Богъ притомити поганыя; но не воздержавше уности, отвориша ворота на Русьскую землю. Воля Господня да будеть о всемъ; да какъ жаль ми бяшеть на Игоря, тако нынѣ жалую болши по Игорѣ братѣ моемь". Посемъ же Святославъ посла сына своего Олга и Володимера в Посемье: то бо слышавше возмятошася городи Посемьские, и бысть скорбь и туга люта, яко же николиже не бывало во всемъ Посемьи, и в Новѣгородѣ Сѣверьскомъ, и по всей волости Черниговьской, князи изымани и дружина изымана, избита; и мятяхуться акы в мотви, городи воставахуть и не мило бяшеть тогда комуждо свое ближнее, но мнозѣ тогда отрѣкахуся душь своихъ, жалующе по князихъ своихъ".

Все это, конечно, попало въ лѣтопись со словъ очевидцевъ или даже изъ личныхъ наблюденій самого лѣтописца.

Затѣмъ Святославъ посылаетъ въ Смоленскъ къ Давыду съ просьбой „постеречь русскую землю". Сборныя войска стали у Триполья, а Ярославъ сталъ у Чернигова. „Поганые же половци побѣдивъше Игоря с братьею, и взяша гордость велику и съвокупиша весь языкъ свой на Рускую землю; и бысть у нихъ котора: молвяшеть бо Кончакъ: „пойдемъ на Киевьскую сторону, гдѣ суть избита братья наша, и великый князь нашь Бонякъ"; а Кза молвяшеть: „пойдемь на Семь, гдѣ ся осталѣ жены и дѣти, готовъ намъ полонъ собранъ, емлемъ же городы безъ опаса";

---

[1]) Можетъ быть, обломокъ пѣсни, составленной по свѣжимъ слѣдамъ событій, сдѣлавшейся извѣстною автору лѣтописнаго разсказа и автору „Слова".

и тако раздѣлишася надвое". Кончакъ напалъ на Переяславль, и храбрый Владиміръ Глѣбовичъ долженъ былъ обратиться за помощью къ Святославу, Рюрику и Давыду. Уставшіе смольняне не захотѣли итти на помощь: „мы пошли до Кыева, да же бы была рать, билися быхомъ; намъ ли иноѣ рати искати, то не можемь, уже ся есмы изнемоглѣ".

Выступленіе остальныхъ князей испугало половцевъ, и они бросились назадъ, разграбивъ по дорогѣ Рымовъ. Гза направился къ Путивлю „у силахъ тяжькихъ", разграбилъ и сжегъ волости и села, сжегъ даже острогъ у Путивля и возвратился назадъ.

„Игорь же Святославичь тотъ годъ бяшеть въ Половцехъ, и глаголаше: „азъ по достоянью моему восприяхъ побѣду отъ повеления Твоего, Владыко Господи, а не поганьская дерзость обложи силу рабъ Твоихъ; не жаль ми есть за свою злобу прияти нужьная вся, ихъ же есмь приялъ азъ". *Половци же аки стыдящеся вѣеводства его и не творяхуть ему* (*пакости*), но приставиша къ нему сторожовъ 15 отъ сыновъ своихъ, а господичичевъ пять, то тѣхъ всихъ 20; но волю ему даяхуть, гдѣ хочеть, ту ѣздяшеть и ястребомъ ловяшеть; а своихъ слугъ съ 5 и съ 6 с нимь ѣздяшеть; сторожевѣ же тѣ слушахуть его и чьстяхуть его, и гдѣ послашеть кого, безъ пря творяхуть повелѣное имъ. Попа же бяшеть привелъ из Руси къ собѣ, со святою службою: не вѣдяшеть бо Божия промысла, но творяшеться тамо и долъго быти. *Но избави и Господь за молитву хрестьянску, имъ же мнозъ печаловахуться* и проливахуть же слезы своя за него. Будущю же ему в Половцехъ, тамо ся налѣзе ся мужь, родомъ Половчинъ, именемь Лаворъ: и тотъ приимъ мысль благу, и рече: „пойду с тобою в Русь". Игорь же испервa не имяшеть ему вѣры, но держаше мысль высоку своея уности, *мышляшеть бо емше мужь и бѣжати в Русь*, молвяшеть бо: „азъ славы дѣля не бѣжахъ тогда отъ дружины, и нынѣ не славнымъ путемъ не имамъ пойти". С нимъ бо бяшеть тысячкого сынъ и конюший его, и та нудяста и, глаголюща: „пойди, княже, въ землю Рускую, аще восхощеть Богъ, избавить тя"; и не угодися ему время таково, какого же искашеть. *Но якоже преже рекохомъ*, возвратишася отъ Переяславля Половци; и рекоша Игореви думцы его: „мысль высоку и неугодну Господеви имѣешь в собѣ: ты ищеши няти мужа и бѣжати с нимъ; а о семь чему не разгадаешь, оже приѣдуть Половци с войны, а се слышахомъ, оже избити имъ князя и васъ и всю Русь? да не будеть славы тобѣ, ни живота". Князь же Игорь приимъ въ сердцѣ съвѣтъ ихъ, уполошася приѣзда ихъ и возиска бѣжати: не бяшеть бо ему лзѣ бѣжати в день и в нощь, имъ же сторожевѣ стрежахуть его, но токмо и веремя таково обрѣтѣ в заходъ солнца. И посла Игорь к Лаврови конюшого своего, рекъ ему: „переѣди на ону сторону Тора, с конемь поводнымъ": бяшеть бо съвѣчалъ с Лавромъ бѣжати в Русь. В то же время Половци напилися бяхуть кумыза, а и бы при вечерѣ: пришедъ конюший повѣда князю своему Игореви, яко ждеть его Лаворъ. *Се же вставъ ужасенъ и трепетенъ, и поклонися образу Божию и кресту честному*, глаголя: „Господи сердцевидче! аще спасеши мя, Владыко, ты недостойнаго"—и *возмя на ся крестъ, икону, и подойма стѣну и лѣзе вонъ*. Сторожемъ же его играющимъ и веселящимся, а князя творяхуть спяща. Сий же пришедъ ко рѣцѣ и перебредъ, и всѣде на конь: и тако поидоста сквозѣ вежа. *Се же избавление створи Господь в пятокъ, в вечерѣ*".

Весь этотъ разсказъ несомнѣнно написанъ со словъ очевидца.

„И иде пѣшь 11 денъ до города Донця, и оттолѣ иде во свой Новъгородъ, и обрадовашася ему; из Новагорода иде ко брату Ярославу к Чернигову, помощи прося на Посемье. Ярославъ же обрадовася ему и помощь ему дати обѣща [1]). Игорь же оттолѣ ѣха ко Киеву к великому князю Святославу, и радъ бысть ему Святославъ, также и Рюрикъ сватъ его".

Мы не знаемъ, какъ и когда вернулись другіе князья изъ плѣна, но они вернулись всѣ. О Владимірѣ мы узнаемъ, что въ 1187 г. онъ „приде ис Половѣць с Коньчаковною, и створи свадбу Игорь сынови своему, и вѣнча его и с дѣтятемь".

Мы находимъ нужнымъ и возможнымъ привлечь къ сравненію и сводный разсказъ Татищева—по слѣдующимъ причинамъ: 1) Татищевъ пользовался лѣтописями, намъ уже теперь недоступными; 2) основа его разсказа совпадаетъ съ тѣмъ, что даютъ намъ извѣстныя лѣто-

[1]) Характерно, что въ „Словѣ" отмѣчена только поѣздка въ Кіевъ.

писи; 3) неизвѣстные изъ другихъ источниковъ мелкіе факты нисколько не противорѣчатъ извѣстному, а только дополняютъ его; 4) эти послѣдніе не могли быть выдуманы Татищевымъ, такъ какъ онъ позволяетъ себѣ только реторическое распространеніе и легкое видоизмѣненіе лѣтописнаго текста, сохраняетъ (съ оговорками) даже непріятныя и несимпатичныя для себя извѣстія и ни съ какой стороны не заинтересованъ въ выдумкѣ этихъ новыхъ подробностей. Вообще его добросовѣстность врядъ ли кто будетъ заподазривать (см. напр., П. Н. Милюковъ, Главныя теченія русской исторической мысли, I, М. 1897, стр. 79—82).

Татищевъ комбинируетъ версіи, легшія въ основу разсказовъ Ипатской и Лаврентьевской лѣтописей, пополняя ихъ какимъ-то неизвѣстнымъ источникомъ, который мы и выдѣлимъ.

За поимкою „языковъ" были посланы Скоуеди (коуи? Дальше—Коуеди). Когда половцы, пустивъ по стрѣлѣ, побѣжали назадъ, воеводы имъ не повѣрили, „видя ихъ войско великое, и что сами далеко за рѣки зашли, говоря, чтобы за ними не гнать, но молодые князи, не слушая совѣта старыхъ, желающе честь прежде времени пріобрѣсти, не вѣдая, что къ тому многое искусство потребно", именно Святославъ и Владиміръ съ Ольстиномъ, „не взявъ повелѣнія отъ старшихъ, пошли за рѣку къ Половцамъ, что Игорь видя пошелъ за ними помалу, не распущая полковъ, а Половцы отступили отъ рѣки за гору". Тамъ они и были разбиты.

Все это значительно уясняетъ событія.

Когда половцы обступили русскихъ, „многіе начали на Игоря нарекать, что завелъ ихъ въ пустыню погубить", и ему пришлось оправдываться. Въ плѣнъ попало до 5000 русскихъ. „Половцы раздѣлили Князей: Игоря взялъ Торковъ Воевода Гилбукъ, Всеволода Романъ Князь, Святослава Олговича Елдучокъ Барчевичь, Владимира—Куптивулъ Шекчевичъ [1]); но Кончакъ, видя Игоря раненаго, взялъ его на свои поруки; прочихъ же всѣхъ воеводъ и простыхъ воиновъ руских раздѣлили на разные роды, и неможно было никому уйти, понеже отвсюду были объѣханы. *Токмо 215 человѣкъ Рускихъ, пробився сквозь Половцовъ въ послѣднее нападеніе, пришли въ Русь*, а Коуевъ хотя и много ушло, но мало осталось, ибо множество ихъ въ морѣ потонуло".

Поручивъ купцамъ передать русскимъ князьямъ извѣстіе о плѣнѣ ихъ братіи, половцы „прислали роспись, колико за кого окупа прислать, положа цѣну несносную; и хотя Святославъ Игоря выкупить желалъ, но Половцы его не отдавали прежде, какъ молодшіе Князи и Воеводы заплачены будутъ; токмо Ярославъ, имѣя много пріятелей въ Половцахъ, собирая Половецкихъ плѣнниковъ, оными своихъ Черниговскихъ, такожъ и Княгиня Всеволодова многихъ вымѣняли". Игорь самъ не могъ заплатить окупа, такъ какъ „за него просили 2000, за прочихъ Князей по 1000, и за Воеводъ по 200 и по сту гривенъ". Лаворъ былъ „мужъ твердый, но оскорбленъ отъ нѣкоторыхъ Половцевъ, мать же была его Руская изъ области Игоревой". О рѣшеніи половцевъ избить русскихъ плѣнниковъ узналъ сынъ тысяцкаго „отъ жены Князя Туглія, съ которою любовь имѣлъ".

Подъ 1172 и 1190 Ипатская лѣтопись дѣйствительно упоминаетъ половецкаго князя Тоглія. По соглашенію съ Лавромъ Игорь „учинилъ пиръ, на которомъ приставниковъ подчивалъ довольно медомъ и дарилъ".

Два дня бѣглецы ѣхали до Русскаго брода. Оттуда Игорь „пошелъ въ свой Новгородъ, и, не доѣхавъ (меньше полудница) верстъ за 20, споткнулся конь подъ Игоремъ, и ногу ему такъ повредилъ, что онъ не могъ на коня сѣсть, принужденъ въ селѣ Святаго Михаила остановиться и ночевать. Въ тотъ часъ прибѣжалъ въ Новградъ крестьянинъ того села и сказалъ Княгинѣ, что Игорь пріѣхалъ, и, хотя долго тому не вѣрили, но Княгиня, не могши болѣе того терпѣть, тотчасъ всѣдши на кони, проѣхала къ нему. Граждане, слыша то, всѣ обрадовались и за Княгинею поѣхали; множество же, не имѣя близко коней, пѣши пошли. Княгиня пришедъ, такъ другъ другу обрадовались, что, обнявся, и говорить отъ радо-

---

[1]) Имена слегка искажены—вѣроятно, вслѣдствіе неразборчивости рукописи, бывшей подъ руками у Татищева: въ Ипатской лѣтописи „Игоря же бяхуть яли Тарголове, мужъ именемь Чилбукъ, а Всеволода брата его ялъ Романъ Кзичь, а Святослава Олговича Елдечюкъ въ Вобурчевичехъ, а Володимера Копти в Улашевичихъ".

сти и слезъ ничего не могли и едва могли престать отъ слезъ. Игорь, цѣловавъ всѣхъ вельможъ своихъ, не медля поѣхалъ во градъ, люди же съ женами и дѣтьми всѣ вышли въ срѣтеніе его, и такъ многолюдно, что во градѣ развѣ кто крайней немощи ради остался, и была въ Новѣградѣ и по всей Сѣверской земли радость неописанная. Радовалися же не мало и во всей Русской землѣ, зане сей Князь, своего ради постоянства и тихости, любимъ у всѣхъ былъ". „Лавра же учинилъ вельможею; окрестя его, выдалъ за него дочь тысяцкаго Рагуйла и многихъ имѣніемъ наградилъ, котораго дѣти *нынѣ суть вельможами въ Сѣверской земли*".

Когда Владиміръ вернулся изъ плѣна съ Кончаковною, „Игорь же наипаче сему обрадовался и, крестя ея и съ дитятемъ, именовалъ Свобода (княжее имя?), потомъ учинилъ свадьбу и вѣнчалъ ея со дитятемъ. Былъ сей бракъ отправленъ съ веселіемъ многимъ".

Не всѣ эти детали имѣютъ въ нашихъ глазахъ одинаковую цѣну: кой-что (напр. изображеніе радости Ярославны и горожанъ) могло явиться результатомъ реторическаго распространенія краткой и суховатой лѣтописной фразы; мѣстами могло быть внесено субъективное освѣщеніе разсказа или личное толкованіе отдѣльныхъ фактовъ. Давно уже указано, что Татищева менѣе всего можно обвинять въ „недобросовѣстности и въ умышленной фальсификаціи лѣтописныхъ текстовъ" (П. Н. Милюковъ, l. c., 80). Несомнѣнно, онъ „не ограничивался въ своей работѣ простымъ составленіемъ своднаго текста, а вводилъ въ этотъ текстъ свои поправки, дополненія и толкованія... 1) исправляетъ, и не всегда удачно, собственныя имена; 2) переводитъ ихъ на свой языкъ; 3) подставляетъ свои толкованія и поправки (вм. Ладогу—городъ старый Ладогу... вм. Нѣмизѣ—Нѣмоню и пр.); 4) пополняетъ извѣстія лѣтописи своими толкованіями; 5) составляетъ извѣстія, подобныя лѣтописнымъ, изъ данныхъ, которыя кажутся ему достовѣрными: напр., изъ возраста князей во время ихъ смерти заключаетъ о годѣ ихъ рожденія и вставляетъ извѣстія объ этихъ рожденіяхъ въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ" (ib.). Все это касается главнымъ образомъ именъ. Несомнѣнно, фактовъ онъ не выдумываетъ, хотя придумываетъ къ нимъ иногда довольно произвольныя объясненія и вставляетъ послѣднія въ текстъ. То, что мы выдѣлили выше изъ Татищевскаго текста,—почти сплошь мелкіе факты, безъ особыхъ объясненій, и, кажется, не довѣрять имъ нѣтъ никакого основанія. Зачѣмъ бы Татищеву выдумывать непослушаніе молодыхъ князей, жалобы на Игоря, требованіе окупа, количество убѣжавшихъ, Туглія и его жену, исторію бѣгства Игоря, имя (княжее) Кончаковны и пр., еслибы онъ не нашелъ всего этого въ своихъ источникахъ? По крайней мѣрѣ никто еще до сихъ поръ не указалъ у Татищева произвольнаго составленія подобнаго рода извѣстій.

Свидѣтельства лѣтописей и Татищевскаго свода возстановляютъ передъ нами болѣе или менѣе полно и точно несчастный походъ сѣверскихъ князей.

Посмотримъ, какъ его изображаетъ авторъ „Слова".

Разсказъ о знаменіи и непреклонномъ рѣшеніи Игоря двигаться впередъ, несмотря на то, что онъ „възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты",—поставленъ въ самомъ началѣ.

Можетъ быть, это случайная перестановка въ текстѣ; можетъ быть, особый художественный пріемъ—желаніе сразу ввести in medias res, „поставить" своего героя, указать его типическую черту и съ самаго начала создать ему у читателя симпатію.

Знаменіе русскіе увидѣли уже во время похода, позднѣе, но мы, разумѣется, не станемъ утверждать, что авторъ началъ съ него потому, что не зналъ точно, когда его увидѣли: отступленіе отъ точной хронологіи могло быть произведено имъ умышленно, съ художественными цѣлями, или могло явиться подъ перомъ неопытнаго переписчика, отъ порчи рукописи. Не совсѣмъ ловко однако автору пришлось вторично обращаться къ выступленію Игоря и знаменію...

Запѣвка Бояна, которая, повидимому, незамѣтно переходитъ въ запѣвку самого автора „Слова", подхватывается имъ и продолжается,—возбуждаетъ значительныя недоумѣнія. При чемъ, собственно, Сула, если съ Всеволодомъ сошелся Игорь (конечно, по предварительному уговору) у Оскола, а съ остальными долженъ былъ двинуться вмѣстѣ изъ Сѣверщины?

Ольговичи отправились втихомолку отъ Святослава, но почему-то отъ ихъ похода „звенить слава въ Кыевѣ“. Между тѣмъ въ Кіевѣ узнали о немъ уже послѣ пораженія русскихъ войскъ. „Трубы трубять въ Новѣградѣ, стоять стязи въ Путивлѣ“—вѣроятно, указаніе на сборы въ походъ Игоря, Владиміра и Олега. Но тогда что же значитъ: „Игорь ждетъ мила брата Всеволода“? Гдѣ и когда онъ ждетъ? Игорь, какъ мы знаемъ, поджидалъ запоздавшаго Всеволода два дня у Оскола, а между тѣмъ послѣдній говоритъ брату: „Сѣдлай, брате, свои бръзыи комони, а *мои* ти *готови*, осѣдлани у *Курська напереди*“. Если это предварительное соглашеніе князей, почему въ немъ не участвовали Святославъ и Владиміръ, почему такъ рано осѣдланы кони Всеволода—и осѣдланы *напереди* у Курска, между тѣмъ какъ его пришлось ожидать дальше на юго-востокъ?

Затрудненій будетъ еще больше, если предположить, что въ данномъ мѣстѣ описывается встрѣча братьевъ у Оскола—не совсѣмъ кстати между двумя упоминаніями о затменіи, которое видѣлъ Игорь послѣ предварительнаго совѣщанія и до встрѣчи съ Всеволодомъ.

Все это какъ будто указываетъ на недостаточную освѣдомленность нашего поэта.

Минутная побѣда русскихъ обрисована слишкомъ бѣглыми и общими чертами. Всему этому событію придана не совсѣмъ вѣрная окраска. Пораженіе русскаго войска объясняется нѣкоторымъ легкомысліемъ „Ольгова хоробраго гнѣзда“, далеко залетѣвшаго и „задремавшаго“ (срв. „веселіе“ побѣдителей въ менѣе освѣдомленныхъ сѣверныхъ лѣтописяхъ). Мы видимъ, что особаго задора и увлеченія не было: молодежь только вначалѣ немного зарвалась, старшіе же князья хотѣли поскорѣе возвратиться восвояси по добру-по здорову, и только несчастная случайность, утомленіе коней, помѣшала исполнить намѣреніе. Въ войскѣ преобладало угнетенное настроеніе: оно думало, повидимому, захватить половцевъ врасплохъ и не ожидало подобнаго сопротивленія.

Симпатизируя Игорю и желая его выставить съ лучшихъ сторонъ, поэтъ навѣрно упомянулъ бы о гуманномъ рѣшеніи князей не бросать на произволъ судьбы „черныхъ людей“ и вынужденномъ бѣгствѣ, которое такъ мало вязалось съ понятіемъ воинской чести,—еслибы зналъ объ этомъ.

Во всякомъ случаѣ извѣстія, что Ольговичи „задремали“, увлеклись пиромъ во взятыхъ половецкихъ вѣжахъ до того, что не замѣтили, какъ ихъ окружили половцы,—эти извѣстія могли быть только необоснованнымъ слухомъ, личнымъ домысломъ людей, не знавшихъ точно дѣла и желавшихъ все-таки себѣ объяснить небывалое несчастье: точныя свидѣтельства доказываютъ, что русскіе разбили только передовые отряды половцевъ, тревожились, ожидая нападенія остальныхъ, и жалѣли, что не захватили половцевъ врасплохъ (намекъ на это есть, впрочемъ, и въ „Словѣ“). Они хотѣли заблаговременно удалиться и съ большой тревогой остались ожидать возстановленія силъ уставшихъ воиновъ и коней.

Битва, какъ уже было указано выше, изображена въ очень общихъ чертахъ. Позднѣе, и по другому поводу, мы узнаемъ о ранахъ Игоря, тучахъ половецкихъ стрѣлъ, „безводіи“, но самое описаніе не даетъ почти ни одной индивидуальной черты. Роль Всеволода сильно преувеличена, онъ выдвинутъ на первый планъ, чего не дѣлаетъ хорошо освѣдомленная Ипатская лѣтопись. Идеализація Всеволода объясняется скорѣе общимъ отношеніемъ къ нему, какъ къ храбрѣйшему изъ Ольговичей, но не опирается на факты даннаго частнаго случая. Самое высоко драматическое движеніе русскаго войска, медленно пробивавшагося впередъ подъ стрѣлами врага и изнемогавшаго отъ „безводія“, совсѣмъ не использовано поэтически.

Указано, что Игорь „плъкы заворочаетъ“, но не сказано, почему. Между тѣмъ бѣгство Ковуевъ въ значительной степени слагало отвѣтственность за пораженіе съ Игоря и Всеволода, и поэтъ имъ навѣрно воспользовался бы, еслибы зналъ. Раненый Игорь, который безстрашно бросается за оробѣвшимъ отрядомъ, попадаетъ въ плѣнъ, благодаря самоотверженію, на глазахъ у всего войска—слишкомъ богатый художественный эффектъ и слишкомъ удобное средство возбужденія симпатіи къ герою разсказа, чтобы знавшій все это поэтъ ими не воспользовался: естественнѣе предположить, что онъ этого не зналъ.

Особенно характерно въ этомъ отношенiи выраженiе: „Игорь плъкы заворочаеть, жаль *бо* ему мила брата Всеволода". На самомъ дѣлѣ Игорь, заворачивая смявшiеся полки, попалъ въ плѣнъ, и Всеволоду пришлось жалѣть о братѣ. Уже находясь въ плѣну, Игорь могъ пожалѣть брата, изнемогавшаго и, наконецъ, захваченнаго въ плѣнъ.

Авторъ „Слова" знаетъ, что русскiе „съ зарания въ пятъкъ потопташа поганыя плъкы половецькыя", что половцы обступили побѣдителей „другого дни вельми рано", что враги сражались „съ зарания до вечера, съ вечера до свѣта", что Игорь „заворочалъ" полки „рано предъ зорями", что стяги Игоря „третьяго дни къ полудню падоша", что плѣнныхъ „опуташа въ путины желѣзны". Онъ приводитъ даже рѣчи бойцовъ, намекаетъ на „котору" Кончака и Гзы, сравнительное благородство и гуманность перваго [1]). Но подобныя рѣчи—общiй литературный прiемъ, главнымъ образомъ книжный, не чуждый, въ нѣсколько иной формѣ, и народной поэзiи. Все остальное могло быть почерпнуто изъ слуховъ, которые должны были широкой волной распространяться по Руси, подхватываемые и измѣняемые взволнованнымъ обществомъ. Кой-что узнали отъ половцевъ Бѣловодъ и купцы, кой-что могло быть принесено бѣглецами. Не слѣдуетъ забывать и того, что между половцами и русскими было много связующихъ, промежуточныхъ звеньевъ: къ русскимъ часто перебѣгали кочевники по тѣмъ или другимъ причинамъ, многiе изъ нихъ дѣлались мирными и въ значительной степени руссифицировались; существовало даже смѣшанное населенiе, полуполовецкое, полурусское—кощеи. Нѣкоторые слухи могли доходить черезъ нихъ и до русскаго общества.

Въ нихъ, конечно, должны были намѣтиться нѣкоторыя противорѣчiя, что и привело къ образованiю нѣсколькихъ версiй. Сѣверная версiя, по всей вѣроятности, основанная на первоначальныхъ и не вполнѣ точныхъ свѣдѣнiяхъ, выдвинула, какъ мы видѣли, „веселiе" побѣдителей, маловѣроятное ихъ трехдневное стоянiе и „безводiе". Въ этомъ пунктѣ сближается отчасти съ нею и версiя „Слова". Въ основу изложенiя Ипатской лѣтописи легли, повидимому, болѣе позднiе и болѣе освѣдомленные разсказы.

Вообще версiя „Слова" своеобразно сливаетъ особенности версiи сѣверной и южной, но ближе къ первой.

Свѣдѣнiй о плѣнѣ князей въ ней нѣтъ почти никакихъ. Первая половина похода вообще изображена подробнѣе второй—можетъ быть, признакъ того, что разсказъ основанъ на свидѣтельствахъ бѣглецовъ. Не указано затѣмъ то, что нѣсколько смягчало позоръ бѣгства Игоря: онъ рѣшился бѣжать очень неохотно, подъ давленiемъ необходимости; его пришлось долго уговаривать; только надежда на отмщенiе и спасенiе своихъ несчастныхъ товарищей могла побудить его поступить противъ голоса совѣсти и княжескаго долга: вѣдь раньше онъ самъ называлъ бѣгство постыднымъ...

Слухъ о бѣгствѣ Игоря быстро распространился по русской землѣ и вызывалъ общую радость. Всѣхъ должны были интересовать его подробности, судьба остальныхъ князей. О первомъ „Слово" говоритъ немного, въ общихъ чертахъ, о второмъ не упоминаетъ совсѣмъ, слегка намекая только на возможное будущее Владимiра. Кончакъ былъ сватомъ Игоря, по указанiю лѣтописи; его дочь была уже просватана за Владимiра. Онъ взялъ на поруки раненаго свойственника. Его характеръ настолько былъ извѣстенъ, что поэтъ только и могъ приписать ему совѣтъ—опутать соколенка „красной дѣвицей". Передъ творческой фантазiей естественно возникали и устойчивыя очертанiя нравственнаго характера Гзы—злого, мстительнаго и жаднаго. По мнѣнiю поэта, онъ долженъ былъ предчувствовать, что имъ не удастся удержать у себя ни плѣннаго соколенка, ни его „хоти", чтó вскорѣ и случилось.

Извѣстно было, кто помогъ Игорю спастись, и какъ неудачна была погоня за бѣглецами.

Все это могло быть почерпнуто изъ животрепещущихъ, свѣжихъ слуховъ, переработанныхъ въ горнилѣ могучей творческой фантазiи и отлившихся въ выпуклыя поэтическiя формы.

[1]) Это подчеркиваетъ и лѣтопись. Какъ сватъ Игоря, Кончакъ, конечно, былъ хорошо извѣстенъ на Руси, да и вообще половецкихъ хановъ тогда знали, благодаря постояннымъ дружественнымъ и враждебнымъ отношенiямъ, очень хорошо.

V.

По обычнымъ представленіямъ, авторъ „Слова“ всецѣло проникнутъ языческимъ настроеніемъ: онъ де одухотворяетъ природу, съ полною вѣрою упоминаетъ имена языческихъ боговъ и т. д. Другіе считаютъ его типическимъ представителемъ „двоевѣрія“.

Но можно ли допустить вообще, чтобы въ концѣ XII в., 200 лѣтъ спустя послѣ принятія христіанства, при очень быстромъ культурномъ развитіи высшихъ классовъ, въ средѣ наиболѣе образованныхъ князей и дружинниковъ, создавшей уже такіе памятники, какъ „Поученіе“ Мономаха и „Кіевская лѣтопись“, — могло сохраниться почти въ полной неприкосновенности древнее анимистическое міровоззрѣніе?

Мы видѣли, что авторъ „Слова“ далеко не чуждъ „почитанія книжнаго“, книжнаго просвѣщенія. Давно уже было указано ближайшее сродство между „Словомъ“ и книжной домонгольской словесностью—переводными повѣстями, лѣтописями и пр. Его взгляды на современное положеніе Руси, отношенія князей, нападенія половцевъ и пр. поразительно напоминаютъ лѣтописи XII — XIII в.в. Горькіе упреки, направленные противъ грубаго эгоизма князей, глубокое проникновеніе въ „тугу“ русской земли, разоряемой междоусобіями и нападеніями внѣшнихъ враговъ, безцѣльная храбрость и рознь князей, своеобразныя рыцарскія отношенія съ половцами, то братаніе и заключеніе браковъ, то нападенія съ грабежомъ и полономъ,—все это обычныя темы, напр., Кіевской и Галицко-волынской лѣтописи. Но въ нихъ можно подмѣтить и другое, очень любопытное явленіе: нѣкоторую секуляризацію мысли. Несомнѣнно, аскетизмъ, больше въ своихъ внѣшнихъ проявленіяхъ, сыгралъ крупную роль въ общественномъ настроеніи нашего XI в. Далеко не всегда, конечно, аскетическіе идеалы осуществлялись на практикѣ, часто ставились очень грубо и односторонне, но теоретически они были опредѣляющимъ моментомъ жизни, мѣркой, подъ которую подгоняли почти всѣ жизненныя отношенія. У насъ они своеобразно переплетались съ проповѣдью религіозной нетерпимости и исключительности, которая тоже шла изъ Византіи—непосредственно и черезъ южныхъ Славянъ. Съ начала XII в. замѣтно ослабленіе и того и другого—особенно на лѣтописи, которая все болѣе и болѣе получаетъ свѣтскій характеръ. Все латинское упоминается уже безъ всякой ненависти, презрѣнія и брезгливости, а иногда и съ явнымъ сочувствіемъ; свѣтскіе интересы, военныя подробности, поэтическія и реторическія украшенія оттѣсняютъ на второй планъ, а иногда и совсѣмъ вытѣсняютъ господствовавшій раньше религіозно-нравственный тонъ. Лѣтопись въ данномъ случаѣ — несомнѣнный барометръ общественнаго настроенія. Сама церковная проповѣдь отступаетъ отъ прежняго строгаго стиля, не чуждается „плетенія словесъ“, отъ небеснаго спускается къ земному; въ такихъ памятникахъ, какъ „Поученіе“ Мономаха, ясно видны слѣды новаго настроенія умовъ: онъ вѣритъ, что можно спастись и на міру, любитъ и поэтизируетъ природу, увлекается, при всемъ глубокомъ благочестіи, войной и охотой. Если древній лѣтописецъ съ отвращеніемъ упоминалъ о Ростиславѣ, который утопилъ монаха и за это былъ наказанъ безвременной смертью,—авторъ „Слова“, устами Игоря, будетъ горько пенять на имѣющую „худую струю“ Стугну, которая утопила „уношу князя Ростислава“, и съ сочувствіемъ вспомнитъ о горѣ его матери: онъ совсѣмъ не упоминаетъ о нечестивомъ поступкѣ молодого князя, но съ сочувствіемъ относится къ старому семейному горю Мономаховичей, съ которыми, какъ мы видѣли, тѣсно связаны были интересы Ольговичей...

Tempora mutantur, et nos mutamur in illis!

Авторъ „Слова“, подобно своимъ западно-европейскимъ современникамъ, иногда высоко образованнымъ, могъ, конечно, вѣрить въ знаменія, даже оборотничество и нечистую силу (въ данномъ случаѣ мудрено провести грань между художественнымъ образомъ, литературнымъ пріемомъ и личнымъ вѣрованіемъ автора), но его языческое настроеніе мы рѣшительно отрицаемъ.

Ему приписываютъ анимистическое пониманіе природы. Грань между природой и человѣческой жизнью у него вообще сглажена: Боянъ растекался „сѣрымь влъкомь“, „шизимь орломь“, онъ—соловей; Гза „бѣжить сѣрымь влъкомь“. Всеславъ скакалъ „лютымь звѣремь“, „въ ночь влъкомь рыскаше“, „великому Хръсови влъкомь путь прерискаше“; Ярославна „зегзицею незнаемь рано кычеть“; „Игорь князь поскочи горностаемь къ тростию и бѣлымь гоголемь на воду, въвръжеся на бързъ комонь, и скочи съ него босымь влъкомь, и потече къ лугу Донца, и полетѣ соколомь подъ мьглами“; „Влуръ влъкомь потече, труся собою студеную росу“; Донецъ стерегъ Игоря „гоголемь на водѣ, чайцами на струяхъ, чрьнядьми на вѣтрѣхъ“. „Свѣтлое, тресвѣтлое солнце“ вѣщуетъ своею „тьмою“ несчастье храбрымъ „русичамъ“. Оно заступаетъ имъ тьмою путь; наступившая внезапно „стонущая ночь“ своею грозою вспугнула птицъ и звѣрей. Во всей природѣ возмущеніе. Грозный Дивъ предупреждаетъ половцевъ; птицы предчувствуютъ гибель русскаго войска, „влъци грозу въсрожать по яругамъ, орли клектомь на кости звѣри зовуть, лисици брешуть на чръленыя щиты“. Гибель русскаго войска предсказывается „кровавыми зорями“: „чръная туча съ моря идуть, хотять прикрыти четыре солнца, а въ нихъ трепещутъ синии млънии. Быти грому великому! Ити дождю стрѣлами съ Дону великаго!“ Вѣтры несутъ противъ Игорева войска цѣлыя тучи стрѣлъ, „земля тутнеть, рѣки мутно текуть, пороси поля прикрывають, стязи глаголють“. Когда пали стяги Игоря и Всеволода, „ничить трава жалощами, а древо съ тугою къ земли преклонилось“. Надъ русскою землею распростерлась дѣва — Обида...

Городскія стѣны уныли, веселье поникло. Отъ нападеній паганыхъ „Сула не течеть сребреными струями“, „Двина болотомь течеть“. Когда Изяславъ Васильковичъ „изрони жемчюжну душу изъ храбра тѣла чресъ злато ожерелье“, „уныли голоса, пониче веселие“. Ярославна взываетъ къ вѣтру, Днѣпру и солнцу... Когда Игорь бѣжитъ изъ плѣна, птицы отводятъ его слѣдъ отъ половцевъ, Донецъ охраняетъ бѣглеца.

Вездѣ природа живетъ въ полномъ согласіи, такъ сказать, созвучіи съ человѣкомъ, отзывается на его горе и радости, помогаетъ той или другой изъ борющихся сторонъ.

Но это во всякомъ случаѣ не симптомъ и не результатъ языческаго созерцанія.

Намъ кажется, что во всѣхъ этихъ случаяхъ нужно разобраться: они далеко не идентичны.

Мѣстами чувствуется вѣяніе народно-поэтической техники, устойчивое и опредѣленное. Ея слѣды перешли въ дружинную поэзію и отчасти въ раннюю книжную словесность, такъ сказать, по наслѣдству. Какъ извѣстно, народная поэзія отличается яркой и выпуклой конкретностью, уклоняется отъ чуждаго ей вообще отвлеченнаго способа изложенія, передаетъ душевныя состоянія въ ихъ внѣшнемъ воплощеніи, посредствомъ параллелизма, сравненія и символизма, избѣгаетъ детальнаго анализа.

Авторъ „Слова“ генетически связанъ съ народной поэзіей. Въ частности онъ могъ воспользоваться и тѣми народными пѣснями, которыя должны были возникнуть по свѣжимъ слѣдамъ потрясающихъ событій 1185 г.: если и теперь всякое крупное событіе находитъ себѣ быстрое отраженіе въ народной пѣснѣ, еще скорѣе это могло случиться въ эпоху большей свѣжести и цѣльности народно-поэтическаго творчества. „Нѣмци и Венедици“, „Греци и Морава“ пѣли славу Святослава, „каяли“ князя Игоря, „готскыя красныя дѣвы въспѣша на брезѣ синему морю: звоня русскимъ златомъ, поють время Бусово, лелѣють месть шароканю“; „дѣвицы поють на Дунаи: вьються голоса чрезъ море до Кыева“—все это, конечно, прежде всего художественные образы, но, можетъ быть, за ними стоятъ и реальные факты: грандіозныя событія должны были отражаться въ пѣснѣ.

Выше мы уже высказали предположеніе, что только подобныя пѣсни могутъ объяснить странный на первый взглядъ фактъ: какимъ образомъ въ далекіе другъ отъ друга и независимые разсказы Ипатской лѣтописи и „Слова“ могли попасть символическая „Каяла“ и „желя“? Къ народно-поэтическому источнику съ его устойчивыми традиціями въ „Словѣ“ можно отнести образъ кукушки, сокола, обращеніе Ярославны къ стихіямъ и пр.

Затѣмъ идетъ одухотвореніе природы—общая черта поэтическаго созерцанія, свойственная и поэту въ моментъ вдохновенія, и ребенку, и дикарю анимисту. Сильная работа фантазіи и чувства исключаетъ механическое пониманіе природы. Если считать автора „Слова" язычникомъ за то, что природа кажется ему, въ моментъ поэтическаго экстаза, живой, то почему же не считать язычниками всѣхъ поэтовъ, одухотворявшихъ природу? А. Н. Веселовскій (Исторія эпоса, I, 13) давно уже указалъ, что подчасъ, „въ минуты поэтической галлюцинаціи, когда чувство брало верхъ надъ вожделѣніями анализа, личный поэтъ смотрѣлъ на природу глазами первобытнаго человѣка: у него лѣсъ дремлетъ, море стонетъ, береза плачетъ, для него небо—старикъ съ кровавымъ глазомъ, облака—сѣдые волосы, нависшіе на его лобъ".

Въ своемъ „die Harzreise" Гейне писалъ:

Tannenbaum mit grünen Fingern
Pocht ans niedre Fensterlein,
Und der Mond, der gelbe Lauscher,
Wirft sein süsses Licht herein.

Въ чудномъ стихотвореніи „Sturmesmythe" Ленау такъ изображаетъ океанъ: „беззвучно и неподвижно замкнувшись въ себя, покоится глубокій, широко разлившійся океанъ и не ласкаетъ больше берега; пульсъ его волнъ не бьется, и, какъ на ликѣ мертвеца, чуть примѣтно мерцаютъ на его поверхности искры вечерней зори. Ни одинъ листъ на берегу не смѣетъ шелохнуться; деревья стоятъ, какъ очарованныя, и прислушиваются, дышитъ ли еще хоть гдѣ-нибудь вѣтерокъ, бодрствуетъ ли хоть единая волна. Солнце зашло, и тихая ночь разстилаетъ надъ мертвымъ сномъ природы одно покрывало за другимъ. Внезапно изъ-за горизонта выплываютъ мрачныя облака; тяжело дышатъ они изъ своей стѣсненной бурею груди; они торопливо взбѣгаютъ наверхъ и растерянными, тревожными толпами становятся вокругъ нѣмого, спящаго океана. И они склоняются къ нему и мрачными раскатами грома спрашиваютъ его: „живъ ли ты еще?" и проливаютъ горькія слезы. Съ боязливымъ предчувствіемъ озаряютъ они дрожащимъ свѣтомъ его тихую постель и смотрятъ, не умеръ ли отецъ-океанъ. Нѣтъ, онъ живъ! Онъ живъ! Печаль сыновей пробудила его отъ сна, и онъ высоко вскакиваетъ на своемъ ложѣ. Отецъ и дѣти шумно обнимаются,—и дико, и радостно пляшутъ, и поютъ хоромъ бурный гимнъ своей любви".

Своимъ пророческимъ слухомъ поэтъ чуетъ „неба содроганье, и горній ангеловъ полетъ, и гадъ морскихъ подводный ходъ, и дольней лозы прозябанье".

Устами Тютчева онъ настаивалъ:

Не то, что мните вы, природа—
Не слѣпокъ, не бездушный ликъ:
Въ ней есть душа, въ ней есть свобода,
Въ ней есть любовь, въ ней есть языкъ...

Ему жалки тѣ, которые не могутъ подняться до такого философско-поэтическаго созерцанія:

Они не видятъ и не слышатъ,
Живутъ въ семъ мірѣ, какъ въ-потьмахъ
Для нихъ и солнца, знать, не дышатъ,
И жизни нѣтъ въ морскихъ волнахъ.
Лучи къ нимъ въ душу не сходили,
Весна въ груди ихъ не цвѣла,
При нихъ лѣса не говорили,
И ночь въ звѣздахъ нѣма была;
И языками неземными
Волнуя рѣки и лѣса,
Въ ночи не совѣщалась съ ними
Въ бесѣдѣ дружеской гроза.

У того же Тютчева и у другихъ поэтовъ можно было бы указать десятки примѣровъ не только одухотворенія природы, но и того, какъ единый ритмъ охватываетъ природу, жизнь и душу человѣка.

Еще одинъ—и послѣдній на этотъ разъ примѣръ, по нашему мнѣнію очень характерный: идиллія норвежскаго писателя Гамсуна „Панъ"—въ изложеніи г. Фриче [1]). Герой этой идиліи, поручикъ Гланъ, „отказался отъ общества, гдѣ ему суждено безцѣльно скитаться призракомъ; онъ ушелъ въ природу, гдѣ онъ можетъ въ одиночествѣ жить заодно съ цвѣтами, птицами и ручейками. Цѣлый день бродитъ онъ съ ружьемъ по горамъ и лѣсамъ, и сердце его волнуется пантеистической любовью. Когда, пѣнясь и бѣснуясь, ропщетъ сѣдой океанъ, и древнія сосны склоняются подъ натискомъ урагана, герой" смотритъ въ самый мозгъ природы и видитъ, какъ тамъ кипитъ немолчная работа". Когда наступаетъ вечерній часъ, и дальній горизонтъ окрашивается въ золотистый и лиловый цвѣтъ, онъ думаетъ: „тамъ, въ небесныхъ сферахъ, сегодня празнуется праздникъ; звучитъ оркестръ звѣздъ, и по райскимъ рѣкамъ плывутъ ладьи съ разодѣтыми гостями". Герой—отшельникъ особенно любитъ лѣсъ. Порой онъ видитъ, какъ межъ кустами и деревьями порхаетъ лѣсная фея Изелинъ въ поискахъ за любовью, за нѣгой. Онъ слышитъ, какъ она ему нашептываетъ волшебныя сказки и нѣжныя слова. Онъ чувствуетъ, какъ ея воздушные поцѣлуи горятъ на его щекахъ и губахъ. Вотъ наступаетъ ночь. Кругомъ воцаряется тишина. „Моя душа всѣми своими фибрами откликается на это великое безмолвіе. Я поднимаю свои взоры къ небесамъ. Тамъ сіяетъ, словно бѣлая раковина, луна. Мое сердце проникается невольно нѣжною любовью къ ней. Я чувствую, какъ я краснѣю. „Это луна",—шепчу я. „Это луна",—повторяю я страстно. И мое сердце бьется ей навстрѣчу. Вотъ пронесся вѣтерокъ. Что это? Я оборачиваюсь. Никого нѣтъ. Вѣтеръ зоветъ меня, и моя душа жадно внимаетъ его привѣту. Я чувствую, какъ чья-то невѣдомая рука вынимаетъ меня изъ окружающаго міра, и я прижимаюсь къ чьей-то незримой груди. Слезы навертываются на глаза. Я весь трепещу... Гдѣ-нибудь вблизи стоитъ Богъ и смотритъ на меня!"

Такимъ образомъ, въ своемъ отношеніи къ природѣ, авторъ „Слова" идетъ только по проторенной тропѣ, которою шли, идутъ и будутъ итти поэты всѣхъ временъ и народовъ.

Вѣщія знаменія, предчувствіе и вѣщій сонъ, оборотничество, дѣва Обида и Дивъ могли быть, конечно, столько же художественными образами, сколько и показателемъ суевѣрнаго настроенія, котораго не чужды были тогда даже передовые европейскіе умы. Но между возможнымъ суевѣріемъ и несомнѣннымъ языческимъ настроеніемъ есть, кажется, нѣкоторая разница...

Тѣ, кто считаетъ нашего поэта язычникомъ, обыкновенно выдвигаютъ на первый планъ плачъ Ярославны и имена языческихъ боговъ.

Мы не понимаемъ, однако, какъ можно было заключать отъ гипотетическаго языческаго настроенія Ярославны къ языческому созерцанію автора: поэтъ рисуетъ психологію своихъ героевъ, но нисколько не отвѣтственъ за нее. Этотъ плачъ обыкновенно считаютъ молитвой, приведшей къ спасенію Игоря, заклинаніемъ стихій, заговоромъ и пр. Прежде всего надо разобщить эти два момента—плачъ Ярославны и бѣгство Игоря: Ярославна плачетъ не у себя въ Новгородѣ Сѣверскомъ, а въ Путивлѣ, городѣ Владиміра Игоревича, куда она, какъ старшая княгиня, несомнѣнно была привлечена опасностью половецкихъ нападеній: вспомнимъ, какъ половцы сожгли даже Путивльскій острогъ. Это было вскорѣ послѣ плѣненія Игоря, который бѣжалъ гораздо позднѣе.

Затѣмъ Ярославна переживаетъ и перебираетъ въ тоскующемъ сердцѣ только разные моменты уже прошедшаго боя, слухи о которомъ дошли и до нея. Отъ „туги" ей не спится. Рано утромъ идетъ она на городскую стѣну и глядитъ съ тоскою въ ту сторону, гдѣ томится въ плѣну ея милый „Лада", съ „кровавыми ранами" (собственно Игорь былъ раненъ въ руку, что не помѣшало ему принимать нѣкоторое участіе въ дальнѣйшемъ сраженіи) на „жестокомъ тѣлѣ". Она знаетъ уже нѣкоторыя подробности несчастья, и онѣ настойчиво все возвращаются въ ея и безъ того измученную душу. Ей хочется незнаемой кукушкой полетѣть къ мужу и утереть его кровавыя раны, сильно преувеличенныя ея напуганнымъ воображеніемъ; она упрекаетъ *за прошлое* вѣтеръ и солнце: вѣтеръ наносилъ на русское войско тучи стрѣлъ, солнце

[1]) „Курьеръ", 1899, № 325.

мучило его, во время „безводія", своими горячими лучами. Поле рисуется ей, и можетъ быть автору, безводнымъ, между тѣмъ какъ русскіе были только отрѣзаны отъ воды...

Днѣпръ когда-то принесъ на своихъ волнахъ побѣдоносныя ладьи Святослава: онъ могъ бы прилелѣять и ея мужа. Только послѣднюю черту можно было бы подвести подъ понятіе молитвы и заговора, но общій характеръ плача противорѣчить этому: авторъ въ этомъ плачѣ изобразилъ душевное состояніе Ярославны, какъ его понималъ.

Проникнутое глубокимъ чувствомъ причитаніе должно было, конечно, поэтизировать, т.-е. одухотворять природу...

Поэтъ называетъ затѣмъ Бояна „Велесовымъ внукомъ", вѣтры — „Стрибожьими внуками", говоритъ о жизни и силахъ „Даждь-божа внука", „седьмомъ вѣцѣ Трояни" и „тропѣ Троянѣ", великомъ Хорсѣ, которому Всеславъ волкомъ перерыскивалъ путь.

Всѣ эти указанія отличаются такою общностью, что за ними мудрено предполагать опредѣленность миѳологической мысли. Траянъ, упоминаемый въ старославянской письменности, какъ божество, повидимому, занесенъ къ намъ изъ южно-славянскихъ преданій, книжнымъ путемъ и довольно поздно. По наиболѣе вѣроятному предположенію, Волосъ возникъ изъ Власа уже въ христіанскую пору, какъ одинъ изъ результатовъ миѳологическаго процесса на христіанской почвѣ. Повидимому, и Хорсъ занесенъ къ намъ книжнымъ путемъ. Все это могло случиться въ ту пору, когда высшіе классы были уже въ значительной степени христіанизованы, средніе— были проникнуты двоевѣріемъ, и только масса коснѣла въ грубомъ невѣжествѣ...

Имена боговъ въ нашей книжной поэзіи XII в. могли имѣть чисто условное значеніе, какъ Аполлоны, Музы и Зевсы западно-европейскаго классицизма.

Извѣстно, что наша древняя миѳологія была только еще въ зачаточномъ состояніи, не оформилась вполнѣ, когда въ народную массу начало проникать все болѣе и болѣе сильное вліяніе христіанской культуры, обрядовъ и вѣрованій.

Между тѣмъ за Велесомъ, скотьимъ богомъ и богомъ поэзіи, дѣдомъ Бояна, за вѣтрами, внуками Стрибога, за соперничествомъ Хорса-солнца и Всеслава, за происхожденіемъ русскаго народа отъ Дождьбога мы могли бы ожидать стройной и цѣльной миѳологической системы, съ упорядоченными миѳологическими генеалогіями. То, что мы знаемъ о нашемъ старомъ язычествѣ, нисколько не уполномочиваетъ насъ думать, что Велесъ былъ и богомъ поэзіи. Столь же сомнительны и другія миѳологическія указанія „Слова". По нашему мнѣнію, въ данномъ случаѣ мы имѣемъ искусственныя миѳологическія подстановки, и Велесъ, напр., сталъ вмѣсто Аполлона, совмѣстивъ въ себѣ и двойственность его профессіи.

Греческая миѳологія была у насъ хорошо извѣстна въ древнія времена — изъ указаній духовной и свѣтской литературы.

Кромѣ того, древняя византійская литература знала своеобразныя произведенія христіанской поры (напр., Ахилла Тація, Евстаѳія, Никетаса Эвгеніана) [1]), въ которыхъ авторы старательно поддѣлывались подъ язычество и только случайно и мимоходомъ проговаривались о своемъ христіанствѣ. Они были уснащены именами боговъ и другими языческими подробностями. Мѣстами даже видно было нѣкоторое щеголяніе языческой миѳологіей.

Мы не имѣемъ пока рѣшительныхъ основаній утверждать, что эти произведенія были извѣстны и у насъ въ древней Руси, но врядъ ли кто рѣшится и отрицать категорически знакомство съ ними—въ подлинникахъ, переводахъ или подражаніяхъ: мы слишкомъ еще мало знаемъ нашу старую письменность, и многаго, вѣроятно, не узнаемъ никогда.

Но, кажется, не будетъ слишкомъ смѣлымъ сопоставленіе съ ними нашего „Слова" — въ ихъ отношеніяхъ къ именамъ языческихъ боговъ.

Извѣстно было вообще, напр., что Аполлонъ былъ богъ пастуховъ и пѣвцовъ. Свѣтская и книжная поэзія не боялась уже намековъ на язычество и приспособляла обрывки собственной старой миѳологіи къ болѣе устойчивымъ и опредѣленнымъ мѣркамъ миѳологіи греческой —

[1]) *А. И. Кирпичниковъ*, Греческіе романы въ новой литературѣ, Харьковъ, 1875, стр. 53, 56, 81, 82, 87, 96, 102.

нѣчто подобное тому, что́ дѣлали у насъ въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго вѣка поэты-патріоты.

Какъ Велесъ подставился вмѣсто Аполлона, такъ Дождьбогъ вмѣсто Зевса, Стрибогъ вмѣсто Эола, Хорсъ вмѣсто Феба; были высказаны затѣмъ нѣкоторые генеалогическіе намеки миѳологическаго свойства, но ихъ опять таки слѣдуетъ возводить не къ русскому народному источнику, пока совершенно неизвѣстному и болѣе чѣмъ сомнительному, а къ искусственному, книжному, греческому, въ которомъ генеалогіи отъ боговъ были зауряднымъ явленіемъ.

Въ „Словѣ“ миѳологическая, такъ сказать, иллюзія постоянно нарушается и разрушается христіанскими намеками: таковы, можетъ быть, идея „Суда“ и „Суда Божія“; таковы навѣрно упоминанія о томъ, что „Святъплъкъ повелѣ яти отца своего междю угорьскими иноходьци ко *святѣй* Софии къ Кыеву“, „въ Полотьскѣ позвониша заутреннюю рано у *святыя* Софии въ колоколы“, „Игореви князю Богъ путь кажеть“, „Игорь ѣдеть по Боричеву къ *святѣй* Богородици Пирогощей“ и „побарая за христьяны на поганыя плъкы“, если не считать конца „Слова“ позднѣйшей и довольно неумѣлой припиской...

Во всѣхъ этихъ обмолвкахъ и случайныхъ упоминаніяхъ сказалось настоящее настроеніе поэта, чуждое повышенной религіозности и нетерпимости, свободное отъ путъ аскетизма, но во всякомъ случаѣ не иррелигіозное и тѣмъ болѣе не языческое...

VI.

Съ какою цѣлью написано „Слово“?

Мы дѣлимъ его на двѣ неравныя части разнаго происхожденія и характера: одна оканчивается плачемъ Ярославны, другая—поѣздкой Игоря въ Кіевъ и описаніемъ общей радости. Послѣднія строчки нашего памятника кажутся намъ позднѣйшей, очень неумѣстной и неумѣлой припиской, которая заканчивается характернымъ, но совсѣмъ таки неожиданнымъ „аминь“. Разсказъ о пораженіи князей и о не особенно славномъ бѣгствѣ Игоря заканчивается почему-то пѣніемъ славы. Содержаніе „Слова“ передано, какъ пѣніе пѣсенъ въ честь старыхъ князей, за которымъ должно слѣдовать воспѣваніе молодыхъ. Но старые князья упоминались мимоходомъ, далеко не всегда съ похвалой; суть разсказа—въ участи молодыхъ князей и Русской земли; разсказъ о пораженіи и бѣгствѣ нельзя, конечно, приравнивать къ хвалебной пѣснѣ, нельзя его и заканчивать послѣдней. Почему упомянуты Всеволодъ и Владиміръ, которые вернулись изъ плѣна позднѣе Игоря? Почему они упомянуты при разсказѣ о поѣздкѣ Игоря въ Кіевъ? Почему они довольно неожиданно вынырнули въ самомъ концѣ? Почему рядомъ съ ними не упомянуты Святославъ и Олегъ? Между тѣмъ „Слово“ постоянно ставитъ Святослава рядомъ съ Владиміромъ. „Побарая за христьяны на поганыя плъкы“ — выраженіе, по меньшей мѣрѣ неумѣстное послѣ пораженія и бѣгства. Странными и ничѣмъ неоправданными являются и остальныя фразы: „здрави князи и дружина!.. княземъ слава и дружинѣ!“ Эти безсвязныя восклицанія плохо вяжутся со всѣмъ предыдущимъ. Все это, какъ и „аминь“, можно отнести только къ позднѣйшему досужему книжнику.

Приглядимся теперь къ самому ходу повѣствованія.

Съ глубокимъ увлеченіемъ и волненіемъ берется поэтъ за свой разсказъ. Онъ не нарушаетъ установившихся литературныхъ пріемовъ, но вноситъ въ нихъ яркую окраску сильнаго и опредѣленнаго чувства, подъ вліяніемъ котораго прозаическая рѣчь мѣстами дѣлается ритмическою, что встрѣчается кстати и въ Галицкой-Волынской лѣтописи.

Рѣзкими и выпуклыми штрихами намѣчаетъ онъ одну картину за другой.

Передъ читателемъ появляются сначала герои разсказа Игорь и Всеволодъ, князья храбрые и благородные, но слишкомъ славолюбивые, самоувѣренные и неблагоразумные; ихъ страшное несчастье заставляетъ забыть объ ихъ недостаткахъ, и симпатіи читателя всецѣло на ихъ сторонѣ. Авторъ, принимаясь за разсказъ, уже знаетъ объ его несчастномъ исходѣ и своими намеками

подготовляетъ читателя, настойчиво поддерживая вниманіе и симпатію къ несчастнымъ князьямъ.

Передъ нами затѣмъ несчастная Русская земля, раздираемая междоусобіями, разграбляемая половцами и литовцами. За нею — старикъ Святославъ съ своими опозоренными сѣдинами, съ своимъ жгучимъ и жуткимъ чувствомъ безпомощности. Все заканчивается рвущимъ за сердце плачемъ Ярославны. За всѣмъ этимъ чувствуется опредѣленный, цѣльный планъ...

Вся эта часть проникнута крайне пессимистическимъ настроеніемъ. Поэтъ нигдѣ и ни въ чемъ не видитъ просвѣта; ни одинъ намекъ на лучшее будущее, на месть и избавленіе не нарушаетъ общаго впечатлѣнія. Авторъ „Пѣсни о Роландѣ", рисуя прискорбныя событія, то и дѣло прорывался, забѣгалъ впередъ, удовлетворялъ намеками на месть и наказаніе требованіямъ нравственнаго чувства—своего и своихъ читателей: авторъ „Слова" этого не дѣлаетъ—несомнѣнно потому, что онъ не могъ еще этого сдѣлать, самъ не видѣлъ просвѣта. Зловѣщее знаменіе, возмущеніе во всей природѣ, участіе въ событіяхъ Дива и дѣвы Обиды, кровавыя зори, черныя тучи, „синии млънии", громъ, трясеніе земли, помутнѣніе рѣкъ, дикіе крики „бѣсовыхъ дѣтей", безконечныя „крамолы" въ прошломъ и настоящемъ, обиды, борьба, грубый эгоизмъ, смерть— вотъ въ кругу какихъ образовъ все время вращается фантазія нашего поэта, проникнутаго горькимъ, гнетущимъ чувствомъ „туги", „печали жирной"... То ему вспоминается, какъ „при Ользѣ Гориславличи сѣяшеться и растяшеть усобицами, погыбашеть жизнь Даждьбожа внука, въ княжихъ крамолахъ вѣки человѣкомъ съкратишась: тогда по русской земли рѣтко ратаеве кыкахуть, нъ часто врани граяхуть, трупия себѣ дѣляче, а галици свою рѣчь говоряхуть, хотять полетѣти на уедие"; то ему рисуется „незнаемое поле" со всѣми ужасами человѣческаго истребленія: „чръна земля подъ копыты костьми была посѣяна а кровию польяна — тугою възыдоша по руской земли"; „ту кроваваго вина не доста; ту пиръ докончаша храбрыи Русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю рускую. Ничить трава жалощами, а древо съ тугою къ земли приклонилось". А дальше еще грустнѣе: „невеселая година въстала", „пустыни силу прикрыла", „въстала Обида въ силахъ Дажьбожа внука", „усобица княземъ на поганыя погыбе", „погании со всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами на землю русскую", „Игорева храбраго войска не крѣсити!"—а воины такъ нужны въ это тяжкое время... Мелькомъ упомянуты неистовства Кончака и Гзы, съ *рѣзкими выходками въ нѣсколькихъ мѣстахъ противъ перваго, будущаго свойственника Игоря*,—причитанія русскихъ женъ, стоны Кіева и Чернигова: „тоска разлияся по руской земли, печаль жирна тече средь земли рускыя. А князи сами на себе крамолу коваху, а погании сами, побѣдами нарищуще на рускую землю, емляху дань по бѣлѣ отъ двора". Израненъ Владиміръ, убитъ Изяславъ. Ложь пробуждена, а еще такъ недавно усыпилъ ее великій Святославъ! Личность и подвиги этого князя принимаютъ въ глазахъ поэта гиперболическіе размѣры. Съ слишкомъ замѣтною любовью останавливается на нихъ пѣвецъ и на все накладываетъ очень субъективный отпечатокъ. Побѣда, принадлежавшая сборному войску князей, приписана одному Святославу. Этотъ безцвѣтный князь, типическій крамольникъ 70 и 80-хъ годовъ XII в., наводившій на русскую землю половцевъ, нарушавшій крестное цѣлованіе, нападавшій исподтишка, представленъ чуть ли не „добрымъ страдальцемъ за русскую землю". Онъ попалъ, благодаря собственной старости и грубому эгоизму, „непособию" князей, въ безвыходное, трагическое положеніе. Да это и было такъ: князья „собирались, не собираясь" для отмщенія, и при первомъ удобномъ случаѣ по-добру, по-здорову расходились...

Гдѣ-то, но, конечно, не въ Кіевѣ Святославу снится, что на кіевскихъ горахъ его одѣвали чернымъ покровомъ, черпали для него синее вино, сыпали ему на лоно жемчугъ: все это народно-поэтическая символика горя. Такъ въ вѣщемъ снѣ и его толкованіи боярами раскрыто то, что было узнано болѣе простымъ и естественнымъ путемъ. Само толкованіе проникнуто необыкновенно безотраднымъ чувствомъ.

Рѣчь бояръ закончена, они исполнили свою роль—разъяснили сонъ. Передъ нами Святославъ „роняетъ злато слово слезами смѣшено". Онъ не надѣется помолодѣть, онъ мало разсчитываетъ на князей, которые, по словамъ лѣтописи, часто отговаривались отъ походовъ уста-

лостью и нежеланіемъ воиновъ итти слишкомъ далеко, вяло относились къ самой идеѣ отмщенія и пр. „На ниче ся годины обратиша!“ Игорь въ плѣну, „се у Римѣ кричать подъ саблями половецкыми, а Володимиръ подъ ранами. Туга и тоска сыну Глѣбову!“ Всѣмъ надо помочь, а Святославъ уже не видитъ „власти сильнаго и богатаго и многовоя“ брата своего Ярослава, князья же ему „не пособие“. Приходится отдавать гнѣздо свое въ обиду!

При видѣ изнемогающаго и отчаивающагося князя у поэта невольно вырывается рядъ восклицаній и обращеній къ князьямъ, на которыхъ могъ и долженъ былъ разсчитывать Святославъ. Какъ выше мы уже указывали, эти обращенія все время вращаются въ кругу интересовъ Ольговичей. Вездѣ на первый планъ выдвинуты Мономаховичи, отъ которыхъ во многомъ зависѣли Ольговичи и въ особенности Святославъ. Русская земля должна стонать, вспоминая „пръвую годину и пръвыхъ князей“. Среди нихъ на первый планъ поставленъ Мономахъ, „старый Владиміръ“, котораго нельзя было, на горе всѣмъ, прикрѣпить къ горамъ кіевскимъ. Ниже съ большимъ сочувствіемъ вспомянуто семейное горе Мономаха—смерть Ростислава. Даны сильно идеализованные образы Всеволода Суздальскаго, Ярославовъ Черниговскаго и Галицкаго; къ Рюрику и Давыду, съ которыми Святославъ то боролся, то мирился, замѣчается двойственное отношеніе: то восхваляется ихъ храбрость, то указывается на то, что они производятъ рознь: „сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзьи Давыдовы, нъ ся розно имъ хоботы пашуть, копия поютъ на Дунаи“.

Открытое сочувствіе выражено Владиміру Глѣбовичу, который былъ близокъ къ Всеволоду,—Роману и Мстиславу Мстиславичамъ (обращеніе къ нимъ обоимъ постоянно сбивается на обращеніе къ одному первому, какъ болѣе вліятельному); зато Всеславичи, враги Святослава, заслужили только укоризну. Ко всѣмъ имъ обращается именно самъ пѣвецъ.

Не думаемъ, чтобы старикъ и великій князь могъ обращаться къ другимъ князьямъ, большею частью молодымъ и подручнымъ, со словомъ „господинъ“, которое указывало на зависимость. Врядъ ли Святославъ могъ приглашать Всеволода „поблюсти отня злата стола“, т.-е. Кіевъ, изъ-за котораго еще незадолго до этого кипѣла борьба между сѣверными и южными князьями,—и подчеркивать то, что Ярославъ Галицкій открываетъ „Кыеву врата“. Такія выраженія могли только сорваться у увлекшагося своею симпатичною освободительною цѣлью дружинника...

Рѣчи бояръ и Святослава вполнѣ закончены. Если бы обращенія принадлежали кому-нибудь изъ нихъ, авторъ „Слова“ непремѣнно далъ бы въ началѣ общее указаніе на говорящее лицо, что онъ дѣлаетъ во всѣхъ другихъ мѣстахъ. Рѣчь бояръ отдѣлена отъ этихъ обращеній „златымъ словомъ“ Святослава. Затѣмъ обращенія незамѣтно переходятъ въ несомнѣнную рѣчь самого поэта. Они, кромѣ того, тѣсно примыкаютъ по идеѣ къ горькому напоминанію о „первыхъ князьяхъ“, которое заставляетъ стонать русскую землю: въ нихъ поэтъ видитъ образецъ для современныхъ князей.

Образъ тоскующей Ярославны только завершаетъ уже намѣченную картину.

Она—въ Путивлѣ, что могло скорѣе всего случиться сейчасъ же послѣ пораженія русскаго войска и о чемъ свободно могъ знать авторъ „Слова“, если онъ сопровождалъ Святослава къ Корачеву, Чернигову и пр.

Предложеніе „стрѣлять Кончака, поганаго кощѣя“—и свойственника русскихъ князей въ ближайшемъ будущемъ, настойчивое упоминаніе о ранахъ Игоря понятны только въ одномъ случаѣ—если произведеніе написано при первыхъ слухахъ о несчастіи Ольговичей, до бѣгства Игоря.

Вся эта часть „Слова“, кончая плачемъ Ярославны,—призывъ на помощь Игорю, къ борьбѣ „за обиду сего времени, за землю русскую, за раны Игоря, буего Святъславича“. Съ своими войсками одинъ Святославъ управиться не могъ, а между тѣмъ ему очень хотѣлось помочь Игорю, другіе же князья туго шли на его приглашенія. Нашъ поэтъ и задумалъ прійти на помощь своему „князю-господину“ и русской землѣ горячимъ поэтическимъ призывомъ... Если это такъ, тогда дѣлаются понятными—и самая смѣна картинъ, и крайне пессимистическій об-

щій отпечатокъ, и обращенія къ князьямъ, и ихъ обличенія. Игорь былъ въ плѣну, „въ которахъ“ сокращалась жизнь людей, гибли жизнь и силы „Дажь Божа внука“—русскаго народа, и дружинникъ-поэтъ прибѣгъ къ своему единственному оружію—вѣщему слову, тоже „со слезами смѣшанному“.

Если эта часть „Слова“ была написана позднѣе, уже послѣ бѣгства Игоря, тогда какъ объяснить цѣльность настроенія и плана, появленіе воззваній къ князьямъ, самый подборъ картинъ?

Вторая часть, по нашему мнѣнію, была прибавлена позднѣе, когда распространились слухи о бѣгствѣ Игоря, обстоятельствахъ, при которыхъ оно совершилось, о неудачной погонѣ половцевъ, о возможной, предположительной судьбѣ Владиміра. О другихъ князьяхъ еще ничего не было извѣстно. Прибавлена она для удовлетворенія нравственнаго чувства, которое было подавлено и угнетено слишкомъ яркимъ изображеніемъ позора и несчастій. Пока еще не было побѣдъ, наказаній и мести, но случилось бѣгство, которое давало надежду на то и другое—и взволнованное чувство пѣвца цѣпляется за эту маленькую, пока не сбывшуюся еще надежду, — съ любовью вглядывается въ этотъ слабый просвѣтъ... Авторъ „Пѣсни о Роландѣ“ не могъ не прибавить къ разсказу о гибели арріергарда разсказъ о наказаніи мавровъ и казни Ганелона, которыя изобрѣла народная фантазія въ удовлетвореніе оскорбленнаго нравственнаго и патріотическаго чувства. Нашъ поэтъ пишетъ, повидимому, тогда, когда русскія войска еще не пошли на отмщеніе за „обиду его времени“, и о мести нѣтъ ни слова, но ея близость чувствуется въ тонѣ...

Тонъ радостный и слишкомъ ускоренный; картины очень быстро смѣняются; нѣкоторыя предложенія совсѣмъ не додѣланы. Конецъ, повидимому, только набросанъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, но не отдѣланъ...

Вообще въ концѣ нѣтъ уже прежней плавности и послѣдовательности разсказа, который естественно заключается словами: „страны ради, гради весели“...

Обѣ части возникли, одна за другой, съ небольшимъ промежуткомъ, въ концѣ 1185 и началѣ 1186 г. Пока Святославъ собирался съ силами, Игорь бѣжалъ изъ плѣна и энергически принялся за дѣло мести.

Въ 1187 г. уже русскіе князья снова воевали съ половцами, Ярославъ Галицкій и Владиміръ Глѣбовичъ умерли, а Владиміръ вернулся изъ плѣна съ Кончаковной.

„Слово“ несомнѣнно было создано раньше всѣхъ этихъ событій...

Вызванное насущными потребностями современной дѣйствительности, быстро измѣнившимися, не додѣланное, оно, повидимому, было малоизвѣстно въ древней Руси. Преслѣдуя временныя цѣли, оно достигло, благодаря самой силѣ поэтическаго геніи автора, вѣчной, нетлѣнной красоты и, какъ фениксъ изъ пепла, возникло для насъ „изъ тьмы времени“ на зарѣ XIX в.—въ изданіи 1800 г.

Вл. Каллашъ.

Москва, 1 января 1900 г.

КЪ ИСТОРІИ И ХАРАКТЕРИСТИКѢ

ЖЕНСКИХЪ ТИПОВЪ ВЪ ГЕРОИЧЕСКОМЪ ЭПОСѢ.

Въ числѣ старыхъ и вѣчно новыхъ общественныхъ вопросовъ, выдвинутыхъ съ особенною силою въ наше время, есть одинъ спорный вопросъ, по которому написано немало книгъ и статей, и который все-таки для представителей разныхъ направленій остается неразрѣшимымъ. Это такъ называемый женскій вопросъ, на обсужденіе и разрѣшеніе котораго потрачено немало труда и остроумія, какъ со стороны защитниковъ женскихъ правъ, такъ и со стороны ихъ противниковъ. По существу своему это одинъ изъ главнѣйшихъ соціологическихъ вопросовъ въ жизни каждаго народа, на какой бы ступени развитія онъ ни находился, и слѣдовательно это вопросъ строгой науки; къ сожалѣнію, уже давно онъ сталъ предметомъ публицистическихъ состязаній, нисколько не содѣйствующихъ его удовлетворительному разрѣшенію. Въ самомъ дѣлѣ, кто только не писалъ о женщинахъ, и какія только мнѣнія о нихъ не высказывались? Собранныя вмѣстѣ, эти разнорѣчивыя мнѣнія составили бы такую книгу живота и смерти по отношенію къ женскому полу, которая своими размѣрами навѣрно превзошла бы величайшую изъ книгъ, какая когда-либо представлялась человѣческому воображенію,—миѳическую Книгу Голубиную, которая была

И не малая, не великая:
Долины книга сороку́ саже́нь,
Поперечины двадцати сажень.

И по своему содержанію она, несомнѣнно, была бы не менѣе загадочная и неразрѣшимая.

А между тѣмъ, съ точки зрѣнія народнаго сознанія, этотъ злополучный женскій вопросъ давно рѣшенъ до извѣстной степени, и притомъ въ положительномъ смыслѣ. Въ самомъ дѣлѣ, съ обычно-правовой точки зрѣнія этнографическія данныя ясно свидѣтельствуютъ о томъ, что права женщинъ у разныхъ народовъ во многихъ случаяхъ равносильны правамъ мужчинъ. Первенствующая идея труда является главнѣйшимъ регуляторомъ правовыхъ отношеній между членами данной группы или общины, и въ этомъ случаѣ различіе половъ не имѣетъ почти никакого значенія, Менѣе всего можно было бы ожидать уравненія половъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ первую роль играетъ физіологическое различіе; но даже и здѣсь народное сознаніе какъ будто стремится къ отрицанію различія между мужчиной и женщиной, какъ это можно вывести

изъ широко распространеннаго обычая кувады, пережитки котораго замѣтны даже до настоящаго времени среди русскаго народа [1]).

Но, оставляя въ сторонѣ другія области народныхъ воззрѣній на подобные вопросы, мы обратимся къ поэтическому творчеству народа. И здѣсь мы увидимъ, что народная фантазія создала рядъ женскихъ типовъ, подчасъ не уступающихъ въ своемъ значеніи мужскимъ типамъ.

Мы остановимся на этотъ разъ на типахъ женщинъ-воительницъ и женщинъ-героинь въ смыслѣ ихъ необыкновенной смѣлости, соединенной нерѣдко съ хитростью. Не намѣреваясь впрочемъ сызнова пересматривать этотъ старый вопросъ въ исторіи народной словесности, мы имѣемъ въ виду лишь прибавить нѣсколько новыхъ данныхъ и обратить вниманіе на нѣкоторыя менѣе изслѣдованныя стороны этого вопроса.

Тема о женщинѣ или дѣвѣ-богатыршѣ принадлежитъ къ числу любимѣйшихъ темъ въ народной поэзіи съ давнихъ временъ. Примыкая, съ одной стороны, къ извѣстному циклу миѳическихъ сказаній о воинственныхъ женщинахъ древности, эта тема въ разныя времена находила себѣ потомъ безчисленный рядъ воплощеній въ разныхъ видахъ воинственной женщины подъ вліяніемъ историческихъ и бытовыхъ условій жизни того или другого народа.

Отъ легендарной амазонки Пентесилеи и Виргиліевой Камиллы до какой-нибудь Василисы, Ставровой жены, и отъ знаменитой Анны д'Аркъ вплоть до кавалеристъ-дѣвицы Александровой-Дуровой, тянется цѣлая вереница этихъ воинственныхъ женскихъ типовъ, то какъ созданій чисто миѳическихъ, то художественно-поэтическихъ, то, наконецъ, историческихъ. Жизненныя условія, выдвигавшія эти типы въ народномъ представленіи или въ исторической дѣйствительности, были приблизительно такія же, какъ и условія, создававшія героевъ-мужчинъ, богатырей, клефтовъ, гайдуковъ и т. п.,—это, именно, главнымъ образомъ условія завязтой борьбы съ сосѣдями-врагами,—борьбы, требовавшей чрезмѣрнаго напряженія физической силы и храбрости и доставлявшей громкую извѣстность обладателямъ этой силы и воинственности, въ комъ бы она ни проявлялась, въ мужчинѣ или тѣмъ болѣе въ женщинѣ. А такъ какъ подобныя условія могли существовать и дѣйствительно существовали во многихъ и въ самыхъ отдаленныхъ концахъ свѣта, то и появленіе женщинъ-богатыршъ и ихъ опоэтизированіе происходило во множествѣ мѣстностей и въ самыхъ разнообразныхъ видоизмѣненіяхъ относительно подробностей и второстепенныхъ чертъ. Задаваться поэтому цѣлью опредѣлить первоначальный общій типъ женщины-богатырши, мѣсто его возникновенія и пути его перехода въ поэтическихъ созданіяхъ отъ одного народа къ другому, изъ одного края въ другой,—это дѣло настолько же праздное, насколько и недостижимое. Попытки изслѣдователей въ этомъ направленіи (Нигры, Созоновича и др.) совершенно естественно не привели къ чему-либо положительному и неоспоримому. За устраненіемъ же этого общаго вопроса, въ данномъ случаѣ, какъ и въ большинствѣ народно-поэтическихъ созданій, являются лишь отдѣльные, частные мотивы, ихъ многообразныя сплетенія, наслоенія и т. д. Разработка этихъ отдѣльныхъ мотивовъ одного даннаго произведенія въ сравненіи съ родственными и ближайшими къ нему произведеніями еще можетъ привести къ нѣкоторымъ результатамъ. Такъ, при помощи этой системы Вс. Ѳ. Миллеръ, послѣдній писавшій объ этой темѣ, въ примѣненіи къ былинѣ о Ставрѣ и его женѣ, пришелъ между прочимъ къ заключенію, что означенная былина скорѣе всего была сложена въ Новгородѣ подъ вліяніемъ западныхъ сказаній и пѣсенъ на ту же тему [2]).

Не имѣя въ виду съ своей стороны пересматривать вновь выводы изслѣдователей, занимавшихся этимъ сюжетомъ, или предпринимать обстоятельное изслѣдованіе того или другого мотива, примыкающаго къ темѣ о дѣвушкѣ-воинѣ или женщинѣ-богатыршѣ, я хочу только мимоходомъ коснуться нѣкоторыхъ пунктовъ вопроса и прибавить одинъ-другой лишній фактъ для библіографіи его.

---

[1]) См. статью *А. Рѣдька* въ „Этнографич. Обозрѣніи", кн. XL—XLI, также ст. *В. Н. Добровольскаго* въ „Трудахъ Этногр. Отдѣла", т. XIV, стр. 279—283, и въ Смоленскомъ Этногр. Сборникѣ, ч. II, стр. 369.

[2]) См. „Этногр. Обозр.", кн. XVIII. Эта статья о Ставрѣ перепечатана также въ его „Очеркахъ русск. нар. словесности. Былины I—XVI", стр. 263—282. (Москва. 1897).

Напомню прежде всего, что подъ условно придуманнымъ и невполнѣ точнымъ, хотя и довольно установившимся названіемъ дѣвушки-воина смѣшиваются часто двѣ разновидности типа воинственной женщины. Прежде всего тутъ разумѣется дѣйствительно настоящая дѣвица-воинъ, какъ ее изображаютъ многочисленныя пѣсни романскія, южно-славянскія и другія. Обыкновенно дѣло представляется такимъ образомъ, что старикъ-отецъ долженъ итти на войну, а замѣниться ему некѣмъ, за неимѣніемъ сыновей. Тогда смѣлая дочь рѣшается сама замѣнить слабаго старика и, переодѣвшись воиномъ, становится въ ряды войска, отправляющагося на войну. Этотъ поэтическій образъ дѣвушки-заступницы еще, пожалуй, больше возвышается, когда она выручаетъ не отца, а свою безпомощную мать, которая получаетъ приказъ поставить отъ своего двора на войну солдата, между тѣмъ какъ у нея нѣтъ сыновей, одна только дочь, которая и отправляется на войну, принявъ отъ матери совѣтъ не порываться впередъ войска, чтобы не быть убитой, и не отставать, чтобы не быть полоненной, и т. п. Такое видоизмѣненіе обстоятельствъ дѣла находимъ главнымъ образомъ въ малорусскихъ пѣсняхъ. Этотъ простой и, повидимому, болѣе первичный типъ пѣсни иногда осложняется: вмѣсто одной дочери являются три, изъ которыхъ первыя двѣ отказываются итти на войну, и только меньшая принимаетъ это рѣшеніе.

Собственно художественный типъ такой дѣвицы можно считать законченнымъ въ тотъ самый моментъ, когда она объявляетъ отцу или матери о своемъ смѣломъ рѣшеніи и уѣзжаетъ на войну. Но любопытство, вызываемое самою необычайностью случая, естественно заставляло народную фантазію слѣдить за ближайшими послѣдствіями этого факта, и такимъ образомъ стала разрабатываться на разные лады дальнѣйшая фабула: дѣвушка обращаетъ на себя вниманіе тѣмъ или инымъ способомъ, удачно воюетъ, или попадаетъ въ плѣнъ, гдѣ заподозрѣнная подвергается разнымъ испытаніямъ для обнаруженія ея пола, или получаетъ предложеніе выйти замужъ, или ее убиваютъ и т. д.

Многочисленные варіанты такой обработки сюжета указаны уже Антоновичемъ и Драгомановымъ по поводу пѣсни о Марусѣ Богуславкѣ (см. Историч. пѣсни малорусскаго народа, т. I, стр. 230), Созоновичемъ, въ его изслѣдованіи: „Пѣсни о дѣвушкѣ-воинѣ“, и дополнены потомъ акад. А. Веселовскимъ въ „Мелкихъ замѣткахъ къ былинахъ“ (Журн. Мин. Нар. Просв. 1890, мартъ). Теперь мы можемъ присоединить еще два варіанта волынскихъ пѣсенъ на эту тему, напечатанныхъ въ львовскомъ фольклористическомъ журналѣ: „Жите і Слово“ (кн. II, 1894 г., стр. 280 и 283—4). Впрочемъ, оба варіанта не имѣютъ, очевидно, конца.

Болѣе полный изъ нихъ даетъ такую схему:

Була вдовойка въ конець села,
Ой мала жъ вона три донейки...
Ой заказали ту вдовойку,
Ой заказали на войнойку.

Мать предлагаетъ старшей дочери:

Моя Ганнусю, моя донейко,
Ой пойдь, пойдь на войнойку!

Дочь отвѣчаетъ:

Бигъ-ма, матунько, не пойду,
Бо я коныка не всидлаю,
Бо я шабельки не впасаю.

По той же причинѣ и въ такихъ же выраженіяхъ отказывается и средняя, Маруся, и только младшая, Настуся, заявляетъ, что для нея этихъ затрудненій не существуетъ, и, напутствуемая наставленіями матери въ вышеуказанномъ смыслѣ, отправляется на войну, гдѣ происходитъ слѣдующее:

Настуся матери неслухала,
Попередъ войська выйихала,
Половыну войська звоювала.
Ой то выйихавъ царь турецькый:
—„Ой а що-жъ бо то за такое,
„Що Настуся войсько звоювала?“
Ой узявъ коня за грывойку,
Ой а Настусю за ручейку...

На томъ и прерывается этотъ варіантъ; въ другомъ же о царѣ турецкомъ нѣтъ помину, и пѣсня кончается такъ:

Напередъ війська выйихала,
Ой выйихала, щей выкрыкнула,
Шабелькою та вымахнула.

Въ обѣихъ пѣсняхъ третья дочь названа Настуся. Не думаю, однако, чтобы это имя сохраняло въ себѣ какой-нибудь отголосокъ, напр., Настасьи Никулишны, какъ иногда называется жена нашего Ставра. Что же касается дальнѣйшей судьбы этой Настуси, то мы видимъ, благодаря оборванному концу пѣсенъ, только какъ бы намекъ на посягательство на нее со стороны турецкаго царя.

Сюда же еще можно присоединить недавно вышедшій разсказъ Б. Гринченка (онъ-же Чайченко): „Смилыва дивчына. (Зъ народнього поля)“ [1]). Здѣсь рѣчь идетъ о дѣвушкѣ Орысѣ, которая, переодѣвшись, отправляется въ военную службу вмѣсто своего отца.

Такимъ образомъ въ этихъ варіантахъ отсутствуетъ испытаніе пола, т.-е. та подробность которая служитъ связующимъ звеномъ между двумя типами воинственныхъ женщинъ: дѣвушкой-воиномъ и переодѣтой женщиной, выручающей изъ бѣды мужа, брата, отца.

Какъ бы переходную ступень между этими двумя типами представляетъ турецкая сказка, въ сборникѣ Игн. Куноша, № 64 [2]). Въ ней младшая изъ трехъ дочерей берется итти на выручку отца и помогаетъ ему сдѣлаться визиремъ. Руководитъ ею желаніе мести за личное оскорбленіе; переодѣвается она не воиномъ, а купцомъ; но и въ ней сказываются геройскія черты: смѣлость и неустрашимость, затѣмъ хитрость; къ тому же она подвергается испытаніямъ со стороны бея, заподозрѣвшаго въ ней не мужчину. Вотъ содержаніе этой сказки, еще, кажется, никѣмъ не цитованной:

Однажды отецъ трехъ сыновей застаетъ въ мечети своего сосѣда, крайне набожнаго мусульманина, и, чтобы подтрунить надъ нимъ, обзываетъ его дочерей суками. Печальный, идетъ тотъ домой. Легкомысленныя старшія дочери равнодушно выслушиваютъ разсказъ отца объ оскорбленіи. Младшая дочь, замѣчая на лицѣ его скорбь, также приступаетъ къ нему съ разспросами. Долго отецъ отнѣкивался, однако рѣчь дочери вселила въ него нѣкоторую надежду, и онъ открылся ей. Тогда дѣвушка подучила его отомстить тѣмъ же дерзкому сосѣду—обругать его „отцомъ трехъ лошаковъ“.

Вскорѣ царь черезъ глашатаевъ возвѣстилъ гражданамъ, что онъ уступаетъ власть тому, кто украдетъ у бея Вишни перстень, обладавшій чудесной силой обогащать своего владѣльца. Много охотниковъ выискалось, но никто не могъ перейти моря, за которымъ лежалъ дворецъ бея. Наконецъ, вызвалась младшая дочь. Надѣвъ на себя мужское платье, она верхомъ на лошади выѣхала изъ дому; сзади бѣжала за нею ея красивенькая собачка. Сомнѣваясь въ ея храбрости, отецъ переодѣтый три раза выскакиваетъ къ ней на дорогѣ съ цѣлью напугать; но безстрашная дѣва грозно промолвила: „Чего тебѣ надо? Я нисколько тебя не боюсь“. Отецъ благословилъ ее на труд-

---

[1]) Издано въ Черниговѣ, 1899 г. (№ 39 серіи народн. изданій, выходящихъ подъ ред г. Гринченко).

[2]) *Ignácz Kúnos,* Oszmán-török népköltési gyüytemény. Budapest. 1887—89.

ный путь. У ручья дѣвушка, усталая, засыпаетъ; къ ней во снѣ является въ зеленой „джуббѣ“ (короткій плащъ) сѣдой дервишъ. Дѣвушка, по его совѣту, посылаетъ свою собачонку во дворецъ бея за вѣтвью большого дерева. Ударивъ ею лошадь, она переправляется на другую сторону моря. На милостивое привѣтствіе бея Вишни дѣвушка отвѣчала вымышленною исторіей: „Я купецъ Али; воры обокрали меня; едва спасшись, я пришелъ сюда“. Спустя нѣсколько дней бей заподозрилъ полъ красавца Али. Онъ отправился къ матери, которая предложила ему испытать дѣвушку: „разсыпь подъ кроватью ея цвѣты, а утромъ поди и посмотри: если они завяли, значитъ она дѣвушка, нѣтъ—юноша“. Но умная собачка, понимавшая человѣческую рѣчь, стояла у дверей и обо всемъ сообщила своей госпожѣ. Уловка бея ни къ чему не приводитъ: на зарѣ собачка подмѣниваетъ цвѣты. Настойчивый бей изыскиваетъ новые способы: онъ раскладываетъ въ одномъ углу мужское платье, въ другомъ — женскіе наряды, разукрашенные драгоцѣнными каменьями. Предупрежденная собачкой, дѣвушка принимается разглядывать мужское платье. Тогда бей разбрасываетъ по саду жемчугъ, алмазы, и выйдя съ мнимымъ Али на прогулку, онъ обращаетъ вниманіе дѣвушки на каменья. „Да развѣ юношѣ пристали четки (бусы? tespiḥ)? такого человѣка засмѣютъ“, съ презрѣніемъ говоритъ дѣвушка. Но бей все-таки остается при своемъ прежнемъ предположеніи и снова высказываетъ его матери. „Ну что же, ступай съ ней въ баню, тогда узнаешь, дѣвушка она, или юноша“, совѣтуетъ мать. Снявъ съ себя бѣлье, бей кладетъ перстень на полку и проходитъ въ баню. Дѣвушка, не входя въ баню, насмѣхается надъ нимъ, похищаетъ перстень и доставляетъ его отцу, котораго царь въ радости назначаетъ визиремъ. Повстрѣчавшись съ сосѣдомъ, визирь напоминаетъ ему его насмѣшки: „вотъ сука-то пошла, да и кольцо принесла“. Между тѣмъ бей, лишенный сокровища, посылаетъ за дѣвушкой колдунью; та ночью подкрадывается къ ней и въ горшкѣ переноситъ ее къ бею, задумавшему разсчитаться съ дѣвушкой; но ея прелести смягчаютъ его, и онъ, призвавъ ея отца, устраиваетъ пышный свадебный пиръ [1]).

Эта сказка занимаетъ нѣсколько особое положеніе, какъ по нѣкоторымъ подробностямъ, такъ и по своему существенному смыслу. Но такіе мотивы, какъ переодѣваніе [2]) мужчиной, испытаніе пола и пр., роднятъ эту восточную героиню-турчанку съ другими женскими типами, о которыхъ у насъ рѣчь.

Коснувшись Востока, мы можемъ прибавить къ нашей темѣ еще нѣкоторые, кажется, досихъ поръ не зарегистрированные изслѣдователями литературные факты, именно изъ „Тысячи одной ночи“. Въ новѣйшемъ полномъ французскомъ переводѣ этого сборника J. C. Mardrus'а [3]), въ повѣствованіи 50-й ночи находимъ разсказъ о борьбѣ Шаркана, сына Омара аль-Немана, съ царицей христіанкой Абриза, которая подъ видомъ статнаго молодого полководца командуетъ отрядомъ переодѣтыхъ женщинъ, и послѣ троекратнаго боя, только благодаря тому, что ея конь споткнулся, ей грозила смерть отъ руки Шаркана, но она остановила его словами: „Развѣ такъ поступаютъ герои и галантные кавалеры по отношенію къ дамамъ?“ И при этомъ она открываетъ, что и она сама и все ея войско—молодыя дѣвушки, съ которыми онъ съ своимъ войскомъ не могъ справиться. Шарканъ преклоняется передъ нею и прославляетъ храбрость воинственныхъ дѣвъ. Съ этимъ можно сравнить борьбу „московской кралицы“ съ турецкимъ султаномъ, побѣдившей его 77 нашей,—въ болгарской пѣснѣ, цитированной В. Ѳ. Миллеромъ (Этн. Обозр., V, 128).

Другой эпизодъ можно отмѣтить въ исторіи царевича Камар-аз-замана и царевны Бадуры [4]). Влюбившись случайно въ дочь китайскаго царя, Бадуру, царевичъ, тайкомъ отъ отца,

---

[1]) Пользуемся изложеніемъ г. В. Гордлевскаго, которое онъ любезно намъ доставилъ въ болѣе полномъ видѣ сравнительно съ тѣмъ, какое дано въ его сжатомъ „Обзорѣ турецкихъ сказокъ“ (Труды Этногр. Отд., т. XIV, стр. 201).

[2]) Оно встрѣчается нерѣдко въ восточн. сказаніяхъ. Въ томъ же сборникѣ Куноша можно, напр., указать на сказки 33, 72, 73, 74 (въ послѣднихъ двухъ мужчина переодѣвается женщиной).

[3]) Le livre des Mille nuits et une nuit. Traduction littérale et complète du texte arabe par le Dr. J. C. Mardrus. Paris. 1900, tome III, (особ. стр. 61—63).

[4]) Тысяча одна ночь. Арабскія сказки. Новый полный переводъ Ю. В. Доппельмайеръ. Изд. Тов—ва И. Н. Кушнеревъ и К°. Москва. 1890. Т. II, (особ. со стр. 98-й). Въ лучшемъ переводѣ (съ англ.) г-жи Шелгуновой это находится въ III томѣ, стр. 149 слѣд. (Премія-приложеніе къ „Живопис. Обозрѣнію“. С.-Пб. 1894).

отправляется въ поиски за своей возлюбленной, которая въ тоскѣ по немъ изнемогаетъ, и всѣ, кто брался ее вылѣчить, платились жизнью. Прибывъ въ столицу Китая, Камар-аз-заманъ объявляетъ себя астрологомъ и магомъ, и берется излѣчить Бадуру на условіи жениться на ней или пожертвовать жизнью. Онъ посылаетъ ей въ письмѣ ея кольцо, по которому она его узнаетъ и сразу дѣлается здорова, послѣ чего они женятся. Случайно, когда они ѣхали къ отцу царевича, птица похищаетъ принадлежавшій Бадурѣ драгоцѣнный талисманъ, и царевичъ, въ погонѣ за птицей, теряетъ жену и попадаетъ въ невѣдомый городъ. Бадура, переодѣвшись въ платье своего мужа, верхомъ на его конѣ прибываетъ съ караваномъ въ столицу Гебанскаго острова, и царь Арманосъ принимаетъ ее, какъ настоящаго царевича, съ почетомъ; мало того, не имѣя наслѣдниковъ мужескаго пола, онъ женитъ его на своей дочери Хайат-ан-нефсѣ и ставитъ мнимаго царевича на царство, которымъ Бадура мудро управляетъ, открывшись передъ царской дочерью и заручившись ея содѣйствіемъ. Между тѣмъ настоящій царевичъ Камар-аз-заманъ добылъ таки талисманъ: на его глазахъ одна птица растерзала другую, и изъ внутренностей послѣдней выпалъ талисманъ. Вмѣстѣ съ другими дарами онъ посылаетъ его гебанскому царю, т.-е. Бадурѣ, которая тотчасъ посылаетъ за Камар-аз-заманомъ, дѣлаетъ его сначала государственнымъ казначеемъ, потомъ открывается передъ нимъ, и царь Арманосъ признаетъ его своимъ наслѣдникомъ и, съ согласія Бадуры, даетъ ему свою дочь въ качествѣ другой жены.

Здѣсь, слѣдовательно, мотивъ переодѣванія пріуроченъ собственно не къ воинственной женщинѣ, а къ женщинѣ-правительницѣ, но въ соединеніи съ мотивомъ разысканія мужа, чѣмъ эта героиня отчасти приближается къ тѣмъ, которыя прибѣгаютъ къ подобной хитрости для выручки мужа изъ неволи, о чемъ сейчасъ будетъ сказано болѣе подробно. Что же касается избранія женщины въ чужой странѣ на царство, то въ этомъ пунктѣ сказаніе о Бадурѣ соприкасается съ рядомъ сказокъ, встрѣчаемыхъ у разныхъ народовъ и уже отчасти затронутыхъ В. Ѳ. Миллеромъ въ его „Кавказско-русскихъ параллеляхъ“[1]). Имъ указаны сходныя сказки, у тюрко-татаръ у армянъ, а также у кабардинцевъ. [2]) Къ кавказскимъ параллелямъ къ интересующей насъ темѣ мы теперь можемъ прибавить и другія: такова, напр., имеретинская сказка о мудрой дѣвѣ-воительницѣ [3]), грузинская сказка о женщинѣ-богатыршѣ, хотя и безъ переодѣванія мужчиной [4]); еще болѣе естественъ такой типъ воинственной женщины среди курдовъ [5]). Въ армянской народной героической поэмѣ о богатырѣ Давидѣ Сасунскомъ (изъ области Сасуна) воинственной дѣвой, напоминающей Настасью Королевишну въ боѣ съ Дунаемъ Ивановичемъ, выступаетъ дочь Кахизванскаго эмира, по имени Хандудъ-Ханумъ. Въ первый разъ при встрѣчѣ съ Давидомъ она, обидѣвшись на него за непрошенные дерзкіе поцѣлуи, схватила его за воротъ и такъ ударила объ стѣну, что у него кровь носомъ брызнула; въ другой разъ, уже переодѣтая, она выѣзжаетъ противъ него въ поле съ булавой, вступаетъ въ единоборство, но Давидъ узнаетъ ее и женится на ней. [6]).

Вторая разновидность интересующаго насъ типа представляетъ намъ уже не столько воинственную отвагу женщины, сколько ея хитрость. Обычная схема такая: женщина переодѣвается въ мужской костюмъ того или иного званія, успѣваетъ пріобрѣсти тѣмъ или инымъ способомъ симпатіи врага, ловко отдѣлывается отъ всѣхъ испытаній и получаетъ, наконецъ,

---

[1]) „Этнографич. Обозрѣніе“, XI, 8–10. (Статья перепечатана въ его же „Экскурсахъ въ область русскаго народнаго эпоса. I—VIII“. Приложеніе, стр. 25—28). Срв. также *Потанина*, Восточные мотивы въ средне-европ. эпосѣ. Москва, 1899, стр. 623 (выноска).

[2]) См. его замѣтку по поводу кабардинской сказки: „Красавица Елена и богатырь-женщина“ (въ Сборн. матер. для опис. мѣстн. и племен. Кавказа, вып. XII, стр. 70—77).

[3]) „Сборникъ матеріаловъ для описанія племенъ и мѣстностей-Кавказа“, т. XIX, (1895), отд. 2, сказка № 6.

[4]) Тамъ же, стр. 131.

[5]) См. описаніе воинственной курдской женщины въ „Сборникѣ матер. для опис. плем. и мѣстн. Кавказа“, т. XX, стр. 85.

[6]) *Г. Халатьянцъ*, Давидъ Сасунскій. Образчикъ армянскаго народнаго эпоса,—въ сборникѣ „Братская помощь пострадавшимъ въ Турціи армянамъ“ (особ. конецъ V главы).

согласіе взять въ награду любого изъ плѣнниковъ, при чемъ она, конечно, выбираетъ того, за кѣмъ пришла. Воинственность и силу этой женщины можно усматривать развѣ только въ томъ, что она, подобно и дѣвѣ-воительницѣ, въ числѣ другихъ испытаній подвергается иногда борьбѣ и стрѣльбѣ въ цѣль и выходитъ побѣдительницей, хотя этого рода испытанія находимъ далеко не во всѣхъ варіантахъ. Отвага и рѣшительность составляютъ, впрочемъ, и здѣсь не менѣе существенную черту, чѣмъ въ характерѣ героинь перваго типа. Если въ вышеуказанныхъ случаяхъ дѣвушка рѣшается въ образѣ мужчины отправиться съ войскомъ на войну, то зато здѣсь для выручки любимаго друга женщина отправляется одна прямо въ непріятельскую страну, къ ея грубому правителю. Вотъ въ этомъ-то и заключаются точки соприкосновенія обоихъ указанныхъ типовъ и причина ихъ смѣшенія подъ однимъ названіемъ.

Типъ женщины, выручающей друга изъ неволи, представленъ также цѣлымъ рядомъ поэтическихъ произведеній, пѣсенъ и сказокъ, у разныхъ народовъ разныхъ временъ. Нѣмецкая пѣсня о римскомъ графѣ, напечатанная еще въ концѣ XV вѣка и пересказанная уже не одинъ разъ изслѣдователями народнаго эпоса [1]), рисуетъ намъ именно типъ такой женщины.

Къ многочисленнымъ образцамъ обработки этого сюжета, указаннымъ другими, мы можемъ присоединить еще одинъ малорусскій варіантъ, остававшійся пока незамѣченнымъ вслѣдствіе того, что онъ появился въ мало кому извѣстномъ провинціальномъ изданіи, именно въ сборникѣ малорусскихъ сказокъ и разсказовъ подъ названіемъ „Колоскы“, изданномъ въ Одессѣ въ 1891 г. (стр. 71—79). Это—малороссійская дума о „княгинѣ-кобзарѣ“, подобная сказкѣ Аѳанасьева о „царицѣ-гуслярѣ“ [2]). Приводимъ цѣликомъ текстъ этой довольно большой думы въ виду того, что названное одесское изданіе врядъ ли у многихъ имѣется подъ руками.

Ой то не сывый туманъ землю скризь покрывае [3]),
А то князь молодый у похидъ выступае,
Зъ військомъ рушае турчына воюваты,
Славы соби вояцькои, молодецькои залучаты,
До своеи земли ще земли прыдбаты.
Ой то не сыва зозуля гирко кувала,
А то молода княгыня, вирна дружына,
Зъ княземъ опрощення прыймала,
Обнимала, одъ себе не пускала,
Рыдаючы рукы до ёго простягала.
А вже князь зъ двору выступае,
За йимъ військо рушае, выгримляе.
И йдуть такъ не день, не два,
И тилькы навкругы йихъ трава степова
Де не глянь розлягаетьця.
Ажъ військо въ трави ховаетьця.
Ой то жъ не день и не два мынае,
Князь у землю турецьку вступае,
И звеливъ землю турецькую воюваты,
Турецьке військо у пень рубаты.
Та не стало щастя князеви слугуваты,—

---

[1]) *Ор. Миллеръ*, Илья Муромецъ, 638.—*Вс. Миллеръ*—въ „Этногр. Обозр.“ XVIII, 65. (Также см. „Очерки русской народной словесности“. Былины I—XVI, стр. 263 и сл.).

[2]) *Аѳанасьевъ*. Народныя русскія сказки, 3-е изд., подъ ред. А. Е. Грузинскаго. Москва. 1897. Т. I', стр. 297. Сюда же примыкаетъ и сказка о Василисѣ-поповнѣ и царѣ Бархатѣ (№ 181), по поводу которой издателемъ сообщены въ примѣчаніи (271 стр. II т., нов. изд.) интересныя библіографическія указанія и сопоставленія изъ русской и иностранной литературы.

[3]) Въ сборникѣ дума напечатана безъ раздѣленія на стихи.

Почалы його ворогы побываты:
Військо турокъ до ногы порубавъ,
А котори недобыткы—по степу роспорошывъ розигнавъ,
Князя хороброго у бранъ, у неволю узявъ.
Ой тяжко князеви у неволи пробуваты,
Зализа тягаты.
Кайданы-зализо ногы поврывало,
Биле тило молодецькее коло жовтои кости пошмугляло.
Аще-жъ то у ночи у темній темныци зъ иншымы невольныкамы винъ пробувае,
А у день турчынъ до темныци прыхождае, двери одмыкае
И бидного невольныка на тяжку роботу вывождае.
А самъ турчынъ коло невольныка похожае,
За роботою доглядае,
На слугы свои, на туркы-янычары зо зла гукае:
„Кажу я вамъ, туркы-янычары, добре вы дбайте,
Изъ ряду до ряду захожайте,
По тры пучкы терныны и червонои таволгы набирайте,
Та недбалого невольныка по трычи въ однимъ мисци затынайте!“
То ти слугы, туркы-янычары, добре дбають,
Изъ ряду до ряду захожають,
По тры пучкы терныны и червонои таволгы у рукы набирають,
По трычи въ однимъ мисци бидного невольныка затынають,
Тило биле коло жовтои кости обрывають,
Кровъ хрыстіянську неповынно пролывають...
Отакъ-то у тяжкій неволи князь пробувае,
Тры рокы горе та биду прыймае,
А четвертого року выпадкомъ выпало до любои дружыны звистку податы,
Словомъ переказаты:
„Нехай,—каже,—моя люба дружына добре дбае,
Статкы-маеткы збувае, скарбы збирае,
Мене, князя, зъ тяжкои неволи выкупае!“
То княгыня скоро тую звистку до рукъ достала,
Гирко зарыдала, думала-гадала:
—Що якъ мини свое мыле подружжя зъ неволи вызволяты,
Що на той выкупъ ніякыхъ статкивъ-маеткивъ, велыкыхъ скарбивъ не буде ставаты,
Бо ни за яки скарбы не буде його царь турецькый выпускаты.
И ну княгыня зновъ думаты-гадаты,
Якъ свое подружжя зъ неволи вызволяты:
—Хочай-бы я статки-маеткы збувала,
Скарбы велыки збирала,
То не можна мини самій до царя турецького доступыты,
Бо буде мене царь турецькый соби за жинку браты;
А певныхъ людей та небоязькыхъ нема кого послаты.
Думае-гадае, зъ себе препышную князькую одижъ скидае,
Косы свои довги до пъятъ ножыцямы одтинае.
Бере тоди на себе одежу просту чоловичую,
Бере кобзу трыдцятострунную
Та крадькомá-тышкомá ничого никому не оповищае,
У турецьку землю, у далеку дорогу страшну выхождае.
Ой далека та дорога,—не день, не два іи треба прохожаты,

Багато горя та мукы зазнаты.
Ой усього зазнала княгыня бидолашна:
Нижкы свои биліи збыла, натрудыла,
Ручкы свои нижніи тернамы сколола,
Лыченько свое молоденькее голодомъ стомыла,
Оченята свои каріи слизьмы стуманыла.
А такы дійшла вона до земли турецькои,
До виры бусурменьскои,
И до царя турецького прыхождае,
Мовъ-бы то молодый кобзарь на козбу грае.
Побачылы слугы, туркы-янычары, кобзаря молодого,
Ведуть його у палацъ до царя турецького,
Щобъ винъ цареви загравъ, заспивавъ,
Душу йому звеселявъ.
То молодый кобзарь-княгыня до палацу вступае,
Царя турецького забачае,
Струны торкае, грае, спивае,
Писнею жалибною сердце у царя выймае.
Царь турецькый жорстоке серце мавъ,
А зъ тіи писни сльозамы дрибнымы заплакавъ...
И довго молодый кобзарь-княгыня цареви гравъ—и день, и два, и тры...
И каже царь турецькый, бусурменьскый:
„Будешъ ты у мене, кобзарю молодый, по викъ пробуваты,
Буду тебе за ридного брата маты,
Незличеннымы скарбамы надиляты“.
И каже кобзарь молодый, княгыня:
„Не можу я, царю, коло тебе пробуваты:
Есть у мене батько й маты,—
Будуть воны, стареньки, по мини вельмы тужыты-сумуваты“.
И говорыть царь турецькый, бусурменьскый:
„Колы не хочешъ у мене пробуваты,
То даю тоби волю—чого твое серце бажае, у мене прохаты“.
Тоди молодый кобзарь-княгыня промовляе:
„Змалку я, царю, по свиту блукаю,—
Сумно мини самому безъ товарыша буваты.
Дозволь мини, царю, въ тебе якого невольныка взяты:
Буде мини хочъ товарышъ—у дорози розмовляты“.
И звеливъ царь турецькый темну темныцю одмыкаты,
Кобзареви молодому якого схоче невольника даты.
То молодый кобзарь-княгыня до темныци вступае,
Усихъ невольныкивъ оглядае,
Подружжя свое, князя любого, выбирае,
Зъ темныци вывождае
И зъ йимъ укупи зъ земли турецькои рушае.
Пишлы воны вкупи шырокымы степамы,
И не мигъ князь своеи дружыны вирнои впизнаты,
А вона не схотила йому про себе и навзнакы даты.
И йшлы воны такъ довго шырокымы степамы,
Байракамы та ярамы;
А якъ почалы до своеи земли дохожаты,

Почавъ князь до молодого кобзаря—княгыни промовляты:
„Пусты мене, чоловиче добрый, на волю!
Не просту давъ мини Богъ на свити долю:
У цій земли я княземъ князюю,
Якый схочешъ выкупъ за себе обитую“.
Говорыть молодый кобзарь-княгыня:
„Ничого я зъ тебе, князю, не бажаю,—
Иды, хай тоби Богъ помогае“!
То князь радый, молодому кобзареви якъ и здякуватьця—незнае,
До себе у гостыну заклыкае.
А молодый кобзарь-княгыня одмовляе:
„Не можу я, князю, заразъ до тебе прыбуваты:
Есть у мене батько й маты,—
Будуть воны, стареньки, по мини вельмы тужыты-сумуваты.
А якъ дасть мини Богъ до батька та до матери завитаты,—
Тоди буду до тебе въ гостыну прыбуваты“.
И воны тоди опрощення бралы,
Коженъ своимъ шляхомъ поверталы.
То молода княгыня навпростець небытымы стежкамы пробигала,
Швыдче одъ князя до господы прыбувала,
Препышную одижъ князьку на себе брала,
Чоловика дожыдала.
Часъ-годына мынае,
Ото уже й князь до господы прыбувае.
Уси його стривають, витають.
Княгыня його витае, прыймае,
Про здоровъя пытаетьця;
А винъ зо всима витаетьця,
А коло неи й не стане,
На неи и окомъ не спогляне,
До своихъ райцивъ промовляе:
„Бачыте, панове райци, якъ моя жинка добре дбае:
Теперъ цилуе, витае,
А якъ я въ тяжкій неволи пробувавъ,
Та звистку подавъ,
Щобъ вона статкы-маеткы збувала, скарбы збирала,
Та мене зъ неволи вызволяла,
Такъ тоди де вона бувала?“
И говорять райци князьки:
„Видколы, князю, твоя звистка прыбула,
Зъ того часу княгыня дома не жыла,
До сього часу десь пробувала,—
Оце тилькы до господы завитала“.
И роспалывся князь гнивомъ велыкымъ,
Одвивъ княгыню до неи въ кимнату,
Звеливъ на ключъ замыкаты,
А самъ до рады уступае, промовляе:
„Панове райци! судить мою жинку невирну, якъ треба, по правди!
Якъ бы не молодый кобзарь мене одрятувавъ,
То й доси бъ я турецьки кайданы тягавъ“.

И ото почынае рада судыты,
И присудылы княгыню горломъ скараты,
Смерть ій вчыныты.
И князь на той прысудъ самъ прыставъ,
Зъ райцямы до княгыни уступавъ,
Щобъ узяты,
На смерть іи виддаты.
Пидійшовъ, двери одмыкавъ,
Та й скамъянивъ тамъ, де стоявъ:
Свитлыця порожня, княгыни немае,
А у ій стоить тамъ кобзарь молодый.
И говорыть молодый кобзарь-княгыня:
„Ой якый же теперъ свитъ наставъ,
Що чоловикъ своеи жинкы не пизнавъ!"
И тоди зъ себе одижъ просту кобзарь скыдавъ,
И коженъ тоди княгыню пизнавъ.
Тоди князь радіе и сльозамы рыдае,
У своеи жинкы вирнои прощення благае...
Тоди князь велыкый бенкетъ шчывяе,
Увесь народъ на його склыкае,
Зъ радощивъ бенкетуе, гуляе,
Свое любе подружжя, княгыню, уславляе...

Подъ этимъ текстомъ, носящимъ много особенностей малорусскихъ думъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и сказочныхъ чертъ, имѣется и помѣтка, что онъ записанъ въ Харьковской губ., и на основаніи этого надо предполагать, что означенная дума живетъ до сихъ поръ въ Малороссіи среди народа, и если не поется, то сказывается, чѣмъ и объясняются въ ней нѣкоторые сказочные пріемы, при довольно ясной сохранности стиха (если только стиль издателемъ не подправленъ). И дѣйствительно, мы имѣемъ достовѣрное подтвержденіе, что эта дума пользуется у малороссовъ нѣкоторымъ распространеніемъ. М. С. Кононенко, пишущій малорусскіе стихи и перелагающій въ стихотворную форму народные разсказы, сдѣлалъ, между прочимъ, изъ вышеприведенной думы „балладу" слѣдующаго ритмическаго склада:

Не туманъ ото сывіе
И не курява чорніе,
И не хмара йде,—

Ни, то лавою жывою,
Вже знаряжене до бою
Військо князя жде.

И т. д. (всего 97 строфъ, или трехстиший) [1].

На мой запросъ, откуда имъ взято содержаніе для этой баллады, г. Кононенко отвѣчалъ мнѣ любезно, что его стихотвореніе есть не что иное, какъ искусственное переложеніе думы, которую онъ записалъ въ двухъ мѣстахъ, въ Харьк. и Кіевск. губ., отъ стариковъ, почти безъ всякихъ отличій. Харьковскій варіантъ и есть тотъ самый, который мы привели цѣликомъ по печатному одесскому изданію. Прибавимъ, что почти одновременно ту же думу издалъ В. Чайченко въ Харьковѣ [2]), а также въ галицкомъ журналѣ „Дзвінокъ", 1891, № 10, стр. 81—83.

Я не стану заниматься подробнымъ разборомъ малорусской думы и, установивъ фактъ ея существованія въ народѣ, коснусь еще разъ общаго вопроса о тѣхъ условіяхъ, какія способ-

[1]) *М. С. Кононенко.* Княгиня-Кобзарь. (Баллада). Кіевъ 1893. 16°, 35 стр.

[2]) Дума про княгыню-кобзаря та инши вирши. Понапысувавъ *В. Чайченко.* Харьковъ, 1893. (Здѣсь не обозначено мѣсто записи, поставленъ только 1890 годъ). Въ изданіяхъ Чайченка дума радѣлена на стихи и на семь главъ.

ствовали если не созданію такого типа женщины-богатырши, то во всякомъ случаѣ удержанію въ народной памяти такого образа и постоянному его обновленію въ особенности въ средніе вѣка. Я имѣю въ виду прежде всего историческо-бытовыя условія. О воинственности древнихъ женщинъ, конечно, говорить излишне. Какъ римлянки, такъ и германскія, и славянскія женщины отличались этимъ качествомъ въ достаточной мѣрѣ въ періодъ зарожденія государствъ и въ первое время ихъ существованія. Остановимся ли мы, напр., на однихъ западныхъ славянахъ тутъ мы найдемъ такія легенды, прикрѣпленныя къ историческимъ фактамъ, у хронистовъ Далемила, Козьмы Пражскаго. По свидѣтельству византійскихъ писателей, жены-славянки часто сопровождали мужей, отправлявшихся на войну. Хроники германскія и французскія изобилуютъ примѣрами, въ которыхъ женщины, какъ личности уже завѣдомо историческія, выступаютъ въ качествѣ воиновъ или предводителей въ критическую минуту, а иногда изъ простого тщеславія.

Къ литературѣ по этому вопросу, указанной акад. А. Веселовскимъ [1]), мы должны прибавить еще одну французскую статейку: „Femmes guerrières“, помѣщенную въ парижскомъ изданіи „Bibliothèque de poche“, 1846, стр. 359—370. Неизвѣстный авторъ, ограничиваясь только средневѣковой и новой исторіей, приводитъ рядъ примѣровъ отъ XIV—XVII вв., въ которыхъ женщины и дѣвушки многихъ знатныхъ домовъ отличились своею воинственностью и тѣмъ наглядно подтвердили возможность существованія женщинъ-богатыршъ, извѣстныхъ народу по преданіямъ [2]). Если подвиги какой-нибудь изъ этихъ историческихъ героинь стали предметомъ воспѣванія для современныхъ поэтовъ, то они были извѣстны уже не одному малому кружку близкихъ лицъ, но слава о нихъ распространялась широко въ народѣ.

И такіе случаи поэтическаго воспѣванія, дѣйствительно, указываются авторомъ названной французской статейки. Въ виду этого, мнѣ кажется, нельзя вполнѣ согласиться съ мнѣніемъ А. Н. Веселовскаго, который говоритъ, что привлеченіе сюда историческихъ примѣровъ не идетъ къ дѣлу. По-моему это идетъ къ дѣлу постольку, по крайней мѣрѣ, поскольку эти примѣры, какъ я сказалъ, способствовали сохраненію въ народной памяти и постоянному обновленію типа женщины-воина, съ одной стороны, утверждая несомнѣнными примѣрами вѣру въ возможность реальнаго существованія такихъ женщинъ во всякое время, а съ другой стороны, вызывая подражанія въ такихъ подвигахъ. А затѣмъ, если поразобраться въ деталяхъ западныхъ пѣсень и сказокъ на эту тему и сопоставить ихъ съ жизнью и подвигами этихъ средневѣковыхъ героинь, то очень можетъ быть, что не одна черта окажется перенесенною изъ дѣйствительности въ эпосъ. Такого детальнаго сопоставленія, кажется, еще не сдѣлано.

Въ виду сказаннаго мы готовы придать нѣкоторое значеніе даже фактамъ въ родѣ того, о которомъ разсказываетъ въ одномъ мѣстѣ Петрарка, какъ очевидецъ; этотъ разсказъ тоже до сихъ поръ не былъ привлеченъ хотя бы мимоходомъ къ этой темѣ изслѣдователями.

Въ одномъ изъ писемъ къ своему другу Іоанну Колоннѣ (Columna), Петрарка описываетъ, между прочимъ, что́ онъ видѣлъ во время своего путешествія въ мѣстечкѣ Путеолахъ (Puteoli, нын. Pozzuoli, близъ Неаполя):

„Выше всего того, что я видѣлъ въ этотъ день,—разсказываетъ онъ,—и что ты узнаешь изъ этого письма, была путеоланская женщина, обладающая необыкновенными силами духовными и физическими, по имени Марія. Замѣчательна въ ней цѣломудренность и то, что она часто вращается въ средѣ военныхъ; никто, однако, никогда (какъ упорно утверждаетъ всеобщая молва) ни въ шутку ни серьезно не посягалъ на дѣвичество этой суровой женщины, болѣе изъ страха, судя по разсказамъ, чѣмъ изъ уваженія къ ней. Фигурой она болѣе похожа на солдата, чѣмъ на дѣвушку; тѣлесная сила ея такова, что ей могутъ позавидовать испытанные воины; ловкость рѣдкая и необыкновенная, возрастъ цвѣтущій, привычки и занятія—свойственныя

[1]) Ж. М. Н. Пр. 1890, мартъ, 29.

[2]) Изъ сравнительно недавнихъ временъ русской исторіи можно здѣсь вспомнить нашу Надежду Андр. Дурову (1789—1863), служившую съ 15 лѣтъ въ кавалеріи и умершую въ чинѣ штабъ-ротмистра, 74 лѣтъ. См. *А. Александрова*, Кавалеристъ-дѣвица. СПБ. 1836. „Русскій Инвалидъ“, 1836, № 274. „Современникъ“ 1836, т. IV, стр. 303. „Рус. Стар.“ 1890, сент. 657—666, и др.

храброму мужу: у нея на умѣ не прялка, но копье, не игла и зеркало, но лукъ и стрѣлы; ее украшаютъ не слѣды сладострастныхъ поцѣлуевъ, но раны и шрамы отъ меча; у нея особенная любовь къ оружію, и ея желѣзный духъ презираетъ смерть. Она ведетъ войну изъ-за наслѣдства съ сосѣдями, причемъ многіе уже погибли; одна или чаще въ сопровожденіи немногихъ она вступала въ бой съ врагомъ, всегда и вездѣ въ пылу битвы стремглавъ бросалась на помощь (своимъ) побѣжденнымъ, отступала медленно, на врага нападала одушевленно, устраивала осторожно засаду и съ невѣроятною терпѣливостью переносила голодъ и жажду, холодъ и жаръ, безсонницу и утомленіе. Проводить ночь подъ открытымъ небомъ, въ оружіи, отдыхать на землѣ, подостлавъ дернъ или подложивъ подъ себя щитъ,—это для нея наслажденіе...“ [1]).

---

[1]) Привожу относящійся сюда отрывокъ изъ подлиннаго письма Петрарки въ болѣе полномъ видѣ, по изданію 1581 года (Francisci Petrarchae Florentini.... opera quae extant omnia. Basileae, per Sebastianum Henricpetri, 1581 Epistolarum de rebus familiaribus liber V, epistola IV—Joanni Columnae, pp. 642—643). При этомъ текстъ свѣренъ мною и по другому базельскому изданію (1496 г.) изъ б—ки гр. Румянцова въ Москвѣ (экз. безъ титула), которое считается чуть ли не первопечатнымъ иностраннымъ изданіемъ, съ болѣе исправнымъ чтеніемъ. Въ этомъ послѣднемъ изданіи означенное письмо помѣщено подъ № LXXI (по общему счету).

Cum multa sane mirabilia Deus ille fecerit, qui facit mirabilia magna solus, nihil tamen homine mirabilius in terris fecit. Super omnia ergo, quae vel iste dies mihi ostendit, vel tibi haec ostendet epistola, Puteolanae mulieris animi ac corporis insigne robur fuerit. Mariam vocant, singulare illi servatae virginitatis decus, iugis inter viros eosque saepius armatos conversatio. Nulli unquam tamen (ut constantissima omnium opinio est) vel joco vel serio rigidae mulieris attentata virginitas, metu magis (ut memorant), quam reverentia prohibente. Corpus illi militare magis quam virgineum, vires corporeae probatis militibus optandae, rara et insueta dexteritas, virens aetas, habitus ac studium viri fortis: non telas illa, sed tela, non acus et specula, sed arcus et spicula meditatur; non illam oscula et proterui dentis lasciva vestigia, sed vulnera cicatricesque nobilitant; praecipua armorum cura est, animus ferri mortisque contemptor. Bellum cum finitimis haereditarium gerit, quo multi iam ultro citroque periere. Interdum sola, saepe paucis comitata, manum cum hoste conseruit, ubique ad hunc diem victis praeceps in praelium ruere, lenta discedere, animose hostem aggredi, caute insidias texere, famem, sitim, frigus, aestum, somnum, lassitudinem incredibili patientia perferre, sub divo pernox et sub armis agere, humi requiescere, herbosum cespitem vel substratum clypeum in delitiis habere. Inter tam continuos labores multum brevi tempore mutata est. Quantulum est enim, quod me Romam ac Neapolim ad regem Siculum iuvenilis studium gloriae attraxit, profecto quam tunc inermen videram, hodie armata et armatis septa, cum ad me salutandum accessisset, miratus sum et velut ignoto viro salutem reddidi, donec risu eius et comitum mo nitu pressius intuitus vix tandem sub casside torvam et incultam virginem recognovi. Multa de illa fabulis similia narrantur; ego, quod vidi, referam. Convenerant (et) e diversis mundi partibus viri fortes et armorum exercitio durati, quos alio tendentes illic fortuna deposuerat auditaque mulieris fama experiendi vires cupiditas incesserat. Itaque magno consensu omnium in arcem Puteolanam ascendimus. Sola erat et ante templi fores nescioquid cogitans obambulabat, adventu nostro nihil mota est. Instamus orare, ut virium suarum aliquod nobis experimentum praebeat. Illa diu excusata brachii valetudine, tandem grave saxum ac ferream trabem jussit afferri, quam cum in medium proiecisset, ut tollerent atque experirentur, hortata est. Quid multa? Longa ibi (ut inter pares contentio) et magno res acta certamine spectatrice quidem illa et singulorum vires in selentio extimante. Postremo facili iactu adeo se superiorem approbavit, ut reliquos stupor ingens, me etiam pudor invaderet. Denique ita inde discessum est, ut vix oculis fidem dantes subesse aliquid praestigii putaremus. Fama est Robertum, summum illum et virum et regem, his quondam littoribus magna classe praenavigantem, permotum talis foeminae miraculo, videndi gratia substitisse Puteolis, quod ideo apud me veri faciem non habet, quia in tanta vicinitate terrarum evocaturus illam fuisse videatur. Sed fortassis aliam ob causam cum illuc applicuisset, rem novam spectare voluit ardens et noscendi cupidum illum ingenium, verum huiusce rei fides, ut caeterarum, quas auditui credimus, penes narratores maneat. Mihi quidem foeminae huius aspectus credibiliora efficit, quaecunque non modo de Amazonibus et famoso illo quodam regno foemineo, sed etiam quae de bellatricibus Italis virginibus traduntur, duce Camilla, cuius inter cunctas celebre nomen est. Quid enim in multis opinari prohibet, quod in una, nisi vidissem, essem forsan ad credendum segnior? Et illa quidem vetus non procul hinc Priverni, scilicet tempore Iliacae ruinae, haec recentior Camilla Puteolis nostris temporibus orta est, quam tibi interim litterulis meis testatam esse volui. Vale.

Подобно Петраркѣ и другіе авторы встарину отмѣчали иногда такія необыкновенныя явленія между женщинами. Укажемъ напр., на книгу подъ заглавіемъ: „Mellificium Historicum“, составленную Christoph. Pezelius'омъ и другими (главнымъ образомъ по Epitome Joan. Sleidani). Въ II части, на стр. 429 (изд. Francofurti 1649), при описаніи событій изъ времени имп. Юстина I, здѣсь разсказывается объ одной mulier gigantea, nata in Cilicia (въ index'ѣ: in Sicilia): „Fuit Justini temporibus mulier quaedam è Cilicia oriunda, instar Gigantis, cum proceritate corporis, tum aliorum membrorum proportione inusitata. Nam supra viros quantumvis proceros integrum cubitum eminebat, pectore et humeris supra modum latis, cum et caetera omnia, ut mulier, et facies. brachiorum et cubitorum firmitas ac magnitudo, et digitorum crassities, et reliqua longitudini ac latitudini responderet“. По этому вопросу см. также у акад. Веселовскаго „Croissant-Crescens“ и пр., стр. 13—14. (Сборникъ 2-го Отд. И. Ак. Н., т. XXII, № 3; Записки Ак. Н., т. 39, Прил. № 4).

Дальнѣйшія подробности мы опускаемъ, ограничиваясь лишь нѣкоторыми замѣчаніями. Между прочимъ Петрарка упоминаетъ, что эта необыкновенная женщина заинтересовала даже короля Сициліи Роберта [1]) и должна была передъ нимъ явить доказательства силы и ловкости, какъ какая-нибудь Василиса передъ Владиміромъ. Производимые ею эксперименты видѣлъ и самъ Петрарка, и онъ говоритъ, что трудно было бы повѣрить, что можетъ существовать нѣчто подобное, если бы онъ не убѣдился въ этомъ самъ лично. И совершенно понятно его замѣчаніе, что объ этой Маріи Путеоланской уже тогда разсказывалось много невѣроятныхъ басенъ. Тутъ мы еще разъ какъ бы присутствуемъ свидѣтелями того факта, какъ реальная личность женщины-богатырши переходитъ въ народное творчество и присоединяется, а можетъ-быть и смѣшивается съ тѣми легендарными типами этого рода, какіе для данной страны, Италіи, были воспроизведены еще Виргиліемъ, несомнѣнно, согласно съ мѣстными народными представленіями и преданіями. Не даромъ и самъ Петрарка называетъ эту Марію новой Камиллой, которая съ отрядомъ женщинъ помогала италійцу Турну въ борьбѣ противъ пришельцевъ изъ Трои [2]). Если Петрарка наивно признается, что для него, человѣка высшаго образованія, при видѣ Маріи Путеоланской, стали понятнѣе и вѣроятнѣе тѣ сказанія, которыя съ древнихъ временъ передаются о царствѣ женщинъ, объ амазонкахъ, о воинственныхъ италійкахъ, то несомнѣнно еще большее впечатлѣніе должны были производить каждый разъ эти реальные примѣры на простыхъ людей, и безъ того склонныхъ принимать все на вѣру. Вотъ почему и нельзя упускать изъ виду подобныхъ фактовъ изъ реальной жизни, бытовой и исторической.

Теперь еще нѣсколько словъ по вопросу объ искусственныхъ обработкахъ занимающаго насъ сюжета.

Если уже Виргилій, воспользовавшись мѣстными преданіями, вставилъ, такъ сказать, мимоходомъ въ свою поэму типъ воинственной Камиллы съ ея свитой, то и позднѣе, вплоть до новѣйшаго времени, мы находимъ у поэтовъ цѣлыя отдѣльныя произведенія, основанныя опять-таки на мѣстныхъ преданіяхъ этого рода.

Вспомнимъ, напримѣръ, Макферсонову Кольну въ такъ называемыхъ поэмахъ Оссіана. Увлекшись воинственнымъ Тоскаромъ, случайно посѣтившимъ домъ ея отца, она, подъ видомъ юнаго ратника, оставляетъ домъ и уходитъ вслѣдъ за своимъ возлюбленнымъ. Этотъ сюжетъ, какъ извѣстно, вторично переработанъ Пушкинымъ [3]). Помимо другихъ произведеній этого рода, болѣе или менѣе извѣстныхъ, я имѣю въ виду особенно поэму извѣстнаго чешскаго поэта-романтика Витезслава Галька (Vitezslav Hálek) подъ названіемъ: „Прекрасная Лейла“ (написана въ 1859 г.), содержаніе которой я вкратцѣ изложу [4]).

Какой-то Альфонсъ возбудилъ народное возстаніе противъ какого-то. короля. (Мѣсто и время дѣйствія неизвѣстно). Счастье ему измѣняетъ, и онъ попадаетъ въ плѣнъ къ королю. А между тѣмъ на родинѣ по немъ томится его возлюбленная, дѣвушка поразительной красоты Она тоскуетъ о своемъ счастьи, вспоминаетъ то веселое время, когда она на весеннихъ играхъ. и празднествахъ безумно кружилась въ хороводѣ, приводя всѣхъ въ восторгъ и изумленіе необыкновенною изобрѣтательностью фигуръ, которыя она исполняла съ такой граціей и изяществомъ, что сердце Альфонса дрогнуло и открыло ей свою любовь. Что же теперь, неужели утрачена ею эта прелесть, плѣнявшая нѣкогда всѣ сердца?—думаетъ Лейла въ одиночествѣ, и ее осѣняетъ мысль еще разъ испытать всю силу своей граціи и привлекательности и найти въ ней средство помочь своему милому. Между тѣмъ король проводитъ дни въ веселіи, задаетъ

---

[1]) Робертъ, король обѣихъ Сицилій, былъ большимъ поклонникомъ Петрарки, котораго онъ увѣнчалъ лаврами. Петрарка съ своей стороны неоднократно восхваляетъ въ своихъ сочиненіяхъ Роберта за его умъ, любовь къ наукамъ и между прочимъ къ физическимъ упражненіямъ. (См. напр. его Rerum memorandarum lib. I, cap. 1—de otio cap. 2—de studio et doctrina и др.).

[2]) Энеида, конецъ VII кн. и вторая половина кн. XI.

[3]) Сочиненія Пушкина. Изданіе Имп. Акад. Наукъ, подъ ред. Л. Майкова. СПБ. 1899. Т. I, стр. 22 и примѣчаніе на стр. 33.

[4]) См. *Spisy Hálkovy*, pořada Ferd. Schultz. V Praze 1879, díl II, p. 67—80: „Krásná Lejla“.

пиры за пирами, измышляетъ все новыя удовольствія, забывъ совершенно о плѣнникѣ и отдавъ строгій наказъ не напоминать о немъ.

Прослышалъ король про красоту Лейлы: повсюду носится молва, что красотѣ ея никто противостоять не можетъ, особенно же она плѣняетъ всѣхъ своими танцами: кто посмотритъ, какъ она танцуетъ,—у него потекутъ слезы отъ умиленія; она не танцуетъ, а говоритъ краснорѣчивѣе всякихъ словъ, говоритъ такъ, какъ весенняя птичка своимъ пѣніемъ, которое невольно льется въ душу; своей пляской она покоряетъ сердца, смиряетъ ненависть и гнѣвъ. Захотѣлъ король посмотрѣть это чудо, и по одному его мановенію предъ нимъ предстала Лейла, какъ живой ангелъ, спустившійся съ небесъ. Она начала свой танецъ. Передъ глазами у нея одинъ только образъ милаго Альфонса, и за этимъ призракомъ она забываетъ все окружающее; она переживаетъ опять все прошлое, въ фигурахъ пляски изображаетъ и восторгъ счастья и отчаяніе разлуки, и, наконецъ, при послѣднемъ удаленіи воображаемаго Альфонса она испускаетъ крикъ и падаетъ въ изнеможеніи.

Глубокая тишина. Король оправившись отъ сильнаго впечатлѣнія, произведеннаго этимъ необыкновеннымъ танцемъ, вызвавшимъ у него слезы на глазахъ, произноситъ восторженную похвалу необыкновенному искусству Лейлы и объявляетъ, что она можетъ просить себѣ въ награду, что ей угодно, хотя бы даже полцарства. Лейла въ отвѣтъ говоритъ ему, что изъ рукъ владыки бываютъ различные дары—и такіе, которые возрождаютъ въ человѣкѣ новую жизнь, и такіе, которые служатъ ему на погибель. Милосердіе—вотъ высшій даръ, достойный могущественнаго владыки, и если онъ даруетъ жизнь тому, кѣмъ она только и живетъ, то это будетъ для нея величайшій даръ. Король, растроганный еще болѣе ея задушевнымъ разсказомъ о своемъ сиротствѣ и о своей любви къ Альфонсу, не можетъ противостоять ея просьбѣ и возвращаетъ ей возлюбленнаго.

Близость этой баллады ко многимъ народнымъ пѣснямъ настолько очевидна, что нельзя сомнѣваться въ томъ, что въ основу ея положено народное произведеніе. Новымъ здѣсь является одинъ мотивъ—танецъ, какъ средство расположить къ себѣ враждебнаго правителя, чему чаще соотвѣтствуетъ въ пѣсняхъ и сказкахъ игра на какомъ-нибудь инструментѣ; но цѣль одинакова и результатъ одинъ и тотъ же. Фактическія данныя относительно мѣста и времени дѣйствія здѣсь, къ сожалѣнію, отсутствуютъ. Имя Альфонса, по всей вѣроятности, случайное, какъ и имя Лейлы, хотя послѣднее какъ будто намекаетъ на востокъ; у арабовъ, а отъ нихъ и у тюрковъ это слово означаетъ „ночь". Въ типѣ короля, услаждающаго себя зрѣлищемъ женской пляски, есть что-то восточное; онъ скорѣе похожъ на какого-нибудь султана или шаха, и самая эта изобразительная пляска врядъ ли можетъ быть признана характерною для славянъ, по крайней мѣрѣ западныхъ. Такимъ образомъ остается открытымъ вопросъ о томъ, какое именно народное произведеніе или какой историческій фактъ послужили поэту канвой для изложеннаго стихотворенія, и есть ли еще пѣсни или сказки съ такими подробностями, какъ, напримѣръ, танецъ вмѣсто игры. Если онѣ есть то, вѣроятно, скорѣе у южныхъ славянъ, чѣмъ у западныхъ,

Предполагая это, я имѣю въ виду, конечно, не самый типъ смѣлой женщины, а только нѣкоторыя детали. Что же касается самаго типа, то несомнѣнно, что и у западныхъ славянъ, напримѣръ у поляковъ, онъ пользовался не меньшею популярностью, опять-таки отчасти благодаря историческимъ и бытовымъ условіямъ. И здѣсь были упорныя войны, напримѣръ съ меченосцами, татарами, шведами, и здѣсь случаи воинственной отваги со стороны женщинъ давали пищу народной фантазіи. Изъ фактовъ историческихъ здѣсь можно было бы указать, напримѣръ, освобожденіе отъ заключенія и смерти Витольда его отважной женой, отличавшейся смѣлостью и находчивостью.

Ограничиваясь пока искусственной обработкой сюжета, вспомнимъ „Гражину" Мицкевича, поэму, основанную на мѣстныхъ народныхъ преданіяхъ изъ временъ борьбы Литвы съ нѣмецкимъ орденомъ. [1]) Новогрудскій князь литовскій Рымвидъ возмутился противъ князя Витольда и же-

---

[1]) См. между прочимъ примѣчаніе Мицкевича къ „Гражинѣ".

лаетъ вступить въ союзъ съ меченосцами, призывая ихъ на помощь. Когда послы нѣмецкіе приходятъ для переговоровъ, жена Рымвида, Гражина, недовольная дѣйствіями мужа, безъ его вѣдома отправляетъ ихъ ни съ чѣмъ, сама наряжается въ военные доспѣхи мужа, оставляя его спящимъ, и выступаетъ съ войскомъ противъ нѣмцевъ, принимаемая всѣми за самого князя. Въ отчаянной схваткѣ она ранена и умираетъ на рукахъ подоспѣвшаго мужа.

Несомнѣнно, что Гражина не что иное, какъ только общій типъ литовки-богатырши, воплотившій въ себѣ мѣстныя преданія и видоизмѣненія общераспространеннаго сюжета. Что въ Литвѣ циркулировалъ этотъ сюжетъ, доказательствомъ служитъ и другое стихотвореніе того же Мицкевича, гдѣ авторъ опять возвращается къ этому типу, хотя здѣсь уже рѣчь идетъ о борьбѣ съ русскими. Это — стихотвореніе, озаглавленное „Смерть полковника". Въ бѣдной хатѣ лѣсника, въ глухой пущѣ, умираетъ полковникъ въ кругу небольшой группы стрѣлковъ. Онъ въ военной одеждѣ, лежитъ на простой доскѣ, въ головахъ сѣдло и бурка, сбоку ружье. Но какое у него прекрасное женственное лицо! что за грудь!.. Это была дѣвица, литвинка, дѣва-богатырь...

Такимъ же подтвержденіемъ служитъ и литовская народная сказка о дочери одного дворянина, сдѣлавшейся солдатомъ. Сказка эта, впрочемъ, уже указана акад. А. Н. Веселовскимъ въ „Мелкихъ замѣткахъ къ былинамъ" [1]). Отецъ долженъ былъ поставить солдата на войну, но не имѣлъ сына; дочь пошла въ солдаты и дослужилась до генеральскаго чина. Дочь короля влюбилась, вышла за него и на другой день отказалась жить съ такимъ мужемъ. Далѣе сказка осложняется другими, не относящимися сюда мотивами, и въ концѣ концовъ дѣвушка-генералъ, оскорбившій вѣдьму, вслѣдствіе проклятія послѣдней, чудеснымъ образомъ превращается въ мужчину и, возвратившись къ женѣ, живетъ съ нею счастливо [2]).

Во время поѣздки по Минской губерніи въ 1886 году мнѣ случилось слышать въ Бобруйскомъ уѣздѣ нѣсколько подходящій разсказъ, пріуроченный ко времени нашествія шведовъ. Въ Городокской волости этого уѣзда по поводу находящихся тамъ (у дер. Тарасовичъ) кургановъ, называемыхъ шведскими, разсказываютъ, что въ этомъ мѣстѣ произошло сраженіе, въ которомъ шведы были разбиты и прогнаны. На поле сраженія, спустя нѣкоторое время, пришелъ крестьянинъ сосѣдней дер. Уболотья, и среди убитыхъ видитъ одного живого, но спящаго глубокимъ сномъ шведа, въ сидячемъ положеніи надъ трупомъ: онъ такъ долго оплакивалъ смерть друга, что заснулъ отъ изнеможенія. Крестьянинъ снялъ со спящаго оружіе и спрятался въ кусты, наблюдая, что будетъ дальше. Шведъ проснулся, и хотя и не видѣлъ отнявшаго оружіе, началъ просить его возвратить и не лишать его жизни, обѣщая принять его вѣру и быть ему или отцомъ, или матерью, или мужемъ, или женою, смотря по тому, какого пола и возраста окажется скрывающійся врагъ. Крестьянинъ исполнилъ его просьбу, а шведъ открылъ ему свою тайну, что онъ не мужчина, хотя и въ мужскомъ костюмѣ и доспѣхахъ, а женщина. Оказалось, что это была жена убитаго офицера, подъ видомъ воина дѣлившая съ нимъ всѣ труды и опасности на войнѣ и такъ горько оплакивавшая его. Она вышла замужъ за этого крестьянина, и въ дер. Уболотьѣ остались ихъ потомки, носящіе уже въ пятомъ поколѣніи прозваніе „Шведюки".

Надо полагать, что и здѣсь мы имѣемъ дѣло съ бродячимъ разсказомъ на тему о женщинѣ-воинѣ, привязаннымъ случайно къ одному опредѣленному мѣсту и времени. Будь этотъ разсказъ извѣстенъ любому поэту, онъ послужилъ бы хорошей темой для цѣлаго стихотворенія, которое, помимо устнаго разсказа, еще и книжнымъ путемъ возобновляло бы въ народѣ воспоминаніе о воинственныхъ женщинахъ прежнихъ временъ. Въ другомъ мѣстѣ и при другихъ условіяхъ этотъ сюжетъ могъ бы перейти въ народныя изданія, на лубочныя картинки, какъ туда же попали наши бабы-вояки 12-го года въ родѣ Василисы старостихи, бабушки Спиридоновны, бабушки Кузьминишны и др. [3]).

---

[1]) Еще раньше А. Н. Веселовскій касался мотива переодѣванія мужчиной съ испытаніемъ пола купаньемъ и пр. въ своей статьѣ: „Croissans-crescens и средневѣковыя легенды о половой метаморфозѣ" (въ Запискахъ Имп. Акад. Н. т. XXXIX. Приложеніе № 4, также въ Сборникѣ 2-го Отд. Имп. Ак. Н., т. XXII, № 3).

[2]) Litauische Volkslieder und Märchen gesammelt von *A. Leskien* und *K. Brugman*. Strassburg. 1882, p.p. 420—423, въ нѣм. перев. № 19, въ подл. № 30; ср. примѣчанія и параллели тамъ же на стр. 562—566.

[3]) См. *Ровинскаго*, Русскія народныя картинки, т. II, 200—204; IV, 443.

Если мы, наконецъ, перейдемъ въ предѣлы Малороссіи, то и тамъ въ народѣ найдемъ отголоски преданій этого рода, хотя и не всегда успѣвшихъ принять болѣе яркую форму, подобно вышеприведенной думѣ о княгинѣ-кобзарѣ, или извѣстной думѣ о Марусѣ Богуславкѣ, но поподавшихъ случайно подъ руки литераторамъ, подвергавшимъ ихъ обработкѣ. Такъ, напримѣръ, въ Смилянщинѣ (околотокъ мѣстечка Смѣлы, Черкасскаго у., Кіевской губ.) о женщинахъ-правительницахъ, своего рода амазонкахъ, много ходитъ старыхъ сказокъ, хотя всѣ онѣ коротки и однообразны. Откуда взялось названіе м. Смила? Отъ смѣлой защитницы бывшей здѣсь польской крѣпости, княжны Любомирской. Подступилъ Зализнякъ къ крѣпости и, встрѣтивъ сильный отпоръ, спрашиваетъ у плѣнныхъ: „Кто вашъ довудца? большой онъ рыцарь и на высокомъ я его дубу повѣшу, когда онъ попадетъ въ казацкія лапы". И слышитъ отвѣтъ: „Довудца у насъ не рыцарь и не панъ, а сама свѣтлая пани ксенжна Любомирская. Она и крѣпость боронитъ, и пушки наводитъ, и на вылазку насъ водитъ, а ежели Богъ дастъ, сама тебя, хлопа, и на осину повѣситъ своими вельможными руками". Бился, бился Зализнякъ у крѣпости—надоѣло. „Та и *смила* жъ баба!"—похвалилъ онъ на прощаніе Любомирскую и пошелъ дальше. Съ той поры, говоритъ преданіе, отъ слова Зализняка и стала наша Смила"... [1]).

Вотъ, слѣдовательно, и еще одно случайно пріуроченное преданіе, а кстати и искусственная его обработка новѣйшимъ беллетристомъ.

Въ заключеніе я считаю возможнымъ обратить вниманіе, по поводу интересующаго насъ сюжета, также и на духовную литературу. Въ „Мѣсяцесловѣ Востока" арх. Сергія подъ 12 февраля значится препод. Марія виѳинская, подвизавшаяся въ мужскомъ образѣ подъ именемъ Марина вмѣстѣ съ отцомъ своимъ Евгеніемъ (по указанію автора въ началѣ VI вѣка [2]). Житіе „преподобныя Маріа, претворенныя Мариномъ" помѣщено подъ тѣмъ же числомъ въ Великихъ Четіихъ Минеяхъ митроп. Макарія, и начинается оно такъ: „Святая Марія бысть дщи нѣкоего богобоязнива мужа, именемъ Евгеній, и оставивши миръ, бысть мнихъ"... (л. 414) [3]). Есть житіе этихъ святыхъ и въ малыхъ минеяхъ св. Дмитрія Ростовскаго со ссылкою на Метафраста, безъ обозначенія года или вѣка; есть оно также и въ западныхъ патрологіяхъ [4]). Оставляя въ сторонѣ печатныя редакціи житія, мы пользуемся случаемъ, чтобы напечатать это житіе по неизданной еще рукописи XVII в., изъ собранія гр. Румянцова, на западно-русскомъ нарѣчіи. Замѣтимъ тутъ же, что это житіе, очевидно, переведено съ польскаго и именно вѣроятнѣе всего изъ Петра Скарги у котораго это житіе помѣщено подъ 28 февраля и тоже со ссылкою на Метафраста [5]). По сличеніи съ польскимъ оригиналомъ нашъ переводъ оказывается почти дословнымъ, съ незначительными сокращеніями, ограничивающимися пропускомъ отдѣльныхъ словъ и выраженій. Вотъ полный текстъ этого житія [6]):

---

[1]) См. *Амфитеатровъ*. „Сонъ и явь. Разсказы". Москва. 1893, стр. 137—140.

[2]) См. *Архим. Сергій*, „Полный Мѣсяцесловъ Востока". Москва, 1876, т. II, ч. I, стр. 37 и ч. III, стр. 142—143.

[3]) См. *Арх. Іосифъ*, Подробное оглавленіе Великихъ Четіихъ Миней всеросс. митроп. Макарія, хранящихся въ московской Патріаршей (нынѣ Синодальной) библіотекѣ. Москва, 1892, стр. 474. Февральскія Минеи Макарія, какъ извѣстно, еще не изданы.

[4]) См. *Migne*, Patrolog. Graec., t. CXV (Metaphrastes, t. II), pp. 347—356.—Acta Sanctorum, Julii, t. IV, pp. 278—288.—На Востокѣ празднуется день кончины преподобной (12 февр.), на Западѣ—день перенесенія ея мощей въ Венецію (17 іюля). Мѣстный культъ св. Марины въ Венеціи объясненъ у Болландистовъ, стр. 283. У Сурія память 8 февр.

[5]) Заглавіе житія у П. Скарги: „Żywot Ś. Maryny, y oyca iey Eugeniusa, pisany od Metaphrástá. Żyć mogł około roku Pańskiego 480". (Żywoty Świętych starego y nowego zakonu... przez X. Piotra Skargę, Societatis Jesu, przebráne, vczynione y w ięzyk Polski przełożone, teraz znowu od niego po osmy raz do druku przeyrzane. W Krakowie 1615—W Grodzisku 1866. 4°. Część I, pp. 156—158, подъ 28 февр.

[6]) Рукопись Румянц. Музея, № 159, л. 30 об.—32 об. Срв. *Востокова*, Описаніе рукописей.—Текстъ печатается безъ строгаго сохраненія правописанія подлинника и съ выведеніемъ словъ изъ-подъ титлъ, исключая сомнительныхъ случаевъ, гдѣ, напр., подъ титломъ нельзя отличить мягкую согласную отъ твердой; такія согласныя я ставлю въ скобкахъ. Буква *й* въ подлинникѣ всегда обозначается двумя черточками надъ предшествующей гласной.

„Животъ святыя Марины и отца ея Евгенія, списанъ отъ Метафраста“. „Жила около року Господня 480“.

„Былъ одинъ мужъ въ Бытыніей, на име Евгеній. Той маючи побожную жону, и зъ нею „сплодилъ дочку одну Марыну, и жона его скоро умерла, а отецъ дѣвицу въ страсѣ Божіемъ „выховалъ. А коли доросла, мовилъ до нее отецъ: „дочко моя любимая, ото тобе все даю, а „самъ хочу до манастыра на покаяніе поити“. А ена до него рекла: „Намилшый отче, самъ себе „спасти, а мене згуби(т) хоще(ш) [1]), собе небо, а мне землю даешъ. Але позыщи и мою душу „Господеви, а помни на слова Христовы: Пасты(р) добрый душу свою полагаетъ за овца. Бо ты „мой отецъ и пастыръ. Хто—мовитъ апостолъ—душу чію позыщетъ, покрыетъ множество гре- „ховъ своихъ“. И то мовила со слезами. А коли такъ почулъ отецъ отъ нея, ве(л)ми урадовался „зъ розуму ея и о спасеніи своемъ. Теды мовилъ ей: „Милая дочко, штожъ маю чини(т)? Зъ „собою взя(т) тебе не могу до манастыра мужского, и тамъ бы(т) не можешъ, гдѣ я буду, бо „діяволъ всегда зъ добрыми воюетъ: могло бы што злого ста(т)“. А она мовила отцу: „Не такъ „бы я хотѣла ити до манастыра съ тобою, якъ ты розумѣешъ, але бы острыглася по мужску и „такое одене вложила, ижъ бы мене нихто не позналъ“. Чуючи то Евгеній отъ нея, еще болей „урадовался, и на томъ переставши, всю маетно(ст) свою убогимъ роздалъ, и острыгши и въ „мужеское одене дочку свою убравши, назвалъ ея Маринусомъ, и въ дорозе идучи, пи(л)не ея „научалъ мовячи: „гледижъ, дочко, абыся ведлугъ Бога заховала, бо будешъ межы огнемъ; ве- „даешъ, ижъ николи невѣсты до манастыра не входятъ; заховуйся чисто о Христови жениху „своему, ижъ коли то выполнимъ, што обѣцали Господу, вѣчную заплату пріимемъ“. И, спу- „стившися на Бога, вступилъ зъ нею до манастыра. И по некоторомъ часу обачилъ отецъ ея, „ижъ ве(л)ми побожне живетъ, а особливе въ послушаніи и смиреніи и умерщвленіи тѣла; „благодарилъ Господа Бога, бо видѣлъ игумена и зъ братіею благодарныхъ зъ него. И якъ „вже много лѣтъ пережи(л) зъ братіею, а не заростала [2]) волосами и голосу не змени(л), розу- „мѣли некоторыя абы бы(л) резанцемъ [3]), а другія, ижъ то съ постовъ и неспаня голосъ зо- „стрился, бо презъ день ядала. Потымъ отецъ ея, побожне живучи, уме(р), а она въ тымъ, што „далей, то побожней жила, такъ ижъ и мо(ц) отъ Господа Бога на бѣсы мѣла, бо коли бѣс- „новатыхъ привожено до нее, молитвою и взложеніемъ рукъ своихъ исцѣляла и діяволовъ „выганяла“.

„Было въ томъ манастырю братіи 40 побожныхъ и мудрыхъ, а што меся(ц) по чотыри ихъ „ходило по доходы на селехъ манастырскихъ оподаль ко(л)ко дней ходу, и доглядаючи тежъ „господарства для выживеня. Въ полдороги оной мели тежъ зычливого собе господаря, который „ихъ любовне пріймовалъ. Святая тежъ Марина, живучи въ томъ аг҃гльскомъ животѣ, прогневала „на себе діявола, который, видячи святое ея житіе и благода(т) Божію, хотелъ ея своимъ по- „тварствомъ до якого нетерпѣнія приве(ст) и на славе ея посоромоти(т). Одного дня игуменъ, „призвавши Маринуса, мовилъ: „Вижу, брате, во всемъ тебе досконалого, а особливе въ послу- „шаніи. Пое(д) а послужи манастыру, бо братіи немило, ижъ на тыя труды не ездишъ, а тымъ „болей угодишъ Богу, бо и Господь Богъ не встыдался служи(т) ученикомъ своимъ“. А она „заразъ, поклонившися до ногъ, мовячи: „Благослови, отче, а што мне повелишъ, то все зъ ра- „достію учиню“. И выеха(л) зъ другими трема братіею, и были на но(ч) въ той звычайной гос- „подѣ. И трафилося, ижъ дочку господарскую, которую одну мелъ, млоденецъ [4]) одинъ, тамже „ночуючи, ку своей воли намовилъ и такъ ея научилъ, коли непра(з)дною показалася, абы оного „Марына помовила. За часомъ довѣдался отецъ, ижъ панна въ сромотѣ ходитъ, смутный пыталъ „ея: „Съ кимъ то маешъ?“ А она всяко сказала: „Зъ онымъ инокомъ Марыномъ“. Теды госпо- „да(р) зъ гнѣвомъ ишолъ заразъ до манастыра, оказуючи оную свою жало(ст) игумену. И при- „шедши первей почалъ на всихъ нарека(т), мовячи: „Богдай васъ николи не зналъ! То за мое „добродѣйство отдаете мне! А гдѣ е(ст) той и той?“ Ажъ коли его старшій спыталъ: „што тобе „сталося? для чого смущае(ш)ся?“—ре(к): „Одну дочку маю, съ которой на старо(ст) мою радо- „сти сподевался,—чи види(ш), што учинилъ Маринъ непра(з)ною на мою невымовную жало(ст)?“ „А игуменъ на то ве(л)ми здумелся и ре(к)лъ: „Иного ничого чини(т) не маю, то(л)ко его вы- „гна(т) вонъ зъ манастыра“. И, призвавши Марина, мовилъ: „Такій-то твой животъ иноческій? „Будучи въ той господѣ, дочку господа(р)скую пре(л)стилъ, а отецъ ея тутъ приходилъ и насъ „всихъ для тебѣ зневажилъ. Собе проклятство, а намъ неславу учиниле(с)“. А Маринъ, то по- „чувши, поклонился до земли, просячи прощенія Христа ради: „Согрѣшилъ, яко человѣкъ“. И

---

[1]) Здѣсь и далѣе окончаніе 2-го лица ед. ч. всегда подъ титломъ, но можно навѣрное сказать, что оно твердое.
[2]) *а* поправлено на ъ,
[3]) У Дмитрія Ростовскаго: „мнѣша ю быти отрока еvнуха“. У Скарги: „rozumieli niektórzy, áby byłá rzezańcem“.
[4]) У Дмитрія Ростовскаго: воинъ. У Скарги: żołnierz. У Метафраста: *στρατιώτης, στρατηλάτης*.

„розгнѣвавшися игуменъ, выгналъ его зъ манастыра, а онъ пре(д)ся [1]) не отходячи далеко, „седелъ передъ вороты манасты(р)скими на вѣтрѣ презъ немалый часъ, и коли его хто спы„талъ: чему то терпишъ?—каждому отповѣдилъ, ижъ согрѣшилъ. А коли часъ рожденія при„шелъ оной дѣвки, породила сына, котораго отецъ дѣвки взявши, принесъ до манастыра и по„кинулъ предъ Мариномъ, отышолъ. А Маринъ, взявши дитя, съ плачемъ мовилъ: „Бѣда мне „грѣшному! то зло(ст) моя и грѣхъ заслужилъ, а наипаче тое дитя маетъ для мене умерти?“ „И пита(л) оное дитя, спрошаючи молока, а не то(л)ко встыду великого, але и непокою притер„пелъ зъ дитемъ онымъ“.

„И по трехъ лѣтехъ, эмиловавшися надъ нимъ, братія упросили игумена, абы принялъ его „до манастыра, мовячи: „Досы(т) его смиренія, ижъ всимъ грѣхъ его явный и покута е(ст)“. А „коли игуменъ не хотелъ, мовили ему вси: „А якъ же мы мае(м) молитися Христови: остави „намъ долги наша, яко и мы оставляе(м) должникомъ нашимъ“. Теды призволилъ игуменъ, „мовячи: „Хотя(и) вправде для того грѣха не е(ст) годнымъ, жебы межи насъ жилъ, одножъ „для той любви, которую маете къ нему, пріиму его“. И позвавши его мовилъ: „Недостоинъ, „брате, на твое первое мѣсто есте(с) для грѣха твоего, але для про(з)бы братней пріймую тебе „за намнейшого“. А онъ ре(к) съ плачемъ: „И то маю собе за велико, отче святый, ижъ мене „принялъ въ манастыръ, абымъ то(л)ко служилъ на святую братію“. Теды ему игуменъ вручилъ „подлейшое послушаніе, а онъ охотне со страхомъ Божіимъ полнилъ. А дитя оное, за нимъ „ходячи, звало его татою, и то мелъ неменшое ко своимъ тяжкостемъ, ижъ дитяти оного пи(л)„новалъ и попеченіе чинилъ о немъ, ажъ потымъ взросло въ боязни Божой, инокомъ зостало „въ томъ же манастыру. А коли южъ часъ пришолъ, ижъ Господь Богъ, дознавши терпѣнія и „вѣры угодницы своей Марины, хотя*чи ея воз*ва(т) до вѣчныхъ покоевъ, сконала безъ вѣдомости „всѣхъ; бо коли [2]) . . . . презъ ко(л)ко днїй . . . .: „гдѣ е(ст) Маринъ, ижъ его три дни „вже не вижу? Бо онъ вездѣ е(ст) на почтатку. Поидите до кели его, подобно хорѣетъ“. И на„шли его мертвымъ, а дитя оное надъ нимъ плачетъ. И сказали старшому и(ж) умеръ. Зду„мелся мовячи: „Яко безъ вѣсти умеръ, и яко дастъ личбу Господу Богу зъ грѣховъ своихъ „окаянный“. И коли пришли братія, хотячи тѣло омы(т), обачили, ижъ невѣста. И крикнули вси: „Господи, змилуйся!“ Ажъ игуменъ пришолъ, спыталъ: што дѣется? Отповѣдѣли, ижъ Ма„ринъ е(ст) невѣста. А игуменъ, яко увиделъ ре(ч) такъ несподѣваную, палъ на землю до ногъ „святой Марины, мовячи: „Хотя умру тутъ, а не встану, ажъ той собе грѣхъ перееднаю. Благо„словенная угодница Божія, прости и молися за грѣхъ мой!“ Долго плачучи, мелъ потымъ отъ „Господа Бога утѣху, ижъ невѣдоме згрѣшилъ. И заразъ послалъ по оного господаря. А коли „пріѣхалъ, сказали, ижъ братъ нашъ Маринъ умеръ. Отповѣдилъ: „Боже, отпусти ему грѣхъ его, „которымъ зе(л)жилъ дочку мою!“ А игуменъ ему мовилъ: „Покутуй, брате, и со мною жалуй! „Согрѣшиле(с) предъ Господе(м) Богомъ и мене звелъ, ижъ для тебе согрѣшилъ и я; бо „Маринъ во одежде мужесте(м) ходилъ, а плотію невѣста е(ст). Поиди, а самъ дознай“. А „коли обачилъ, ве(л)ми тежъ плакалъ, на такое чудо глѣдячи. А дочку его діяволъ опуталъ и „мучи(т) почалъ, ижъ тепе(р) признатися мусила къ правдѣ. И бѣгла до гробу святой, просячи „отпущенія, уздоровлена е(ст). И маючи тѣло святой Марины въ чести великой, хвалили Го„спода Бога творачого чуда, съ тоеи ласки, котороu узычилъ той дѣвицы, ижъ ей далъ вели„кое терпѣніе для одержанія вѣчныхъ благъ. И мы тежъ, возлюбленная братія, ревнуймо сми„ренія и терпѣнія . . . . . . святой, жебы(с)мо и мы сподобили отъ Господа Бога наслѣдниками „*бы(т)* . . . . нынѣ и присно и во вѣки . . . .“ [3]).

Въ нашу задачу, конечно, не входитъ подробный анализъ этой житійной легенды. Для насъ важно только отмѣтить то, что́ имѣетъ отношеніе къ нашей темѣ. Это, во-первыхъ, эпическій

---

[1]) Польск. przedsię (Скарга).

[2]) Въ рукописи это мѣсто и конецъ житія приходятся внизу листа 32 и об., который обтрепанъ и подклеенъ такъ, что нѣсколько словъ заклеено; буквы, прочитанныя по догадкѣ обозначены курсивомъ. У Скарги это мѣсто читается такъ: Potym czas przyszedł iż Pan Bóg doznawszy Marynowey abo ráczey Maryny oney pánny wiáry y cierpliwośći, przyzwać ią do siebie y do wiecznych przybytków miał. I skonała bez wiadomośći wszystkich. Bo gdy *iey było* przez ki(l)ka dni *nie widać, ani u posług, ani u spiewania w Kosciele*, *pytał się stárszy*, gdzie iest Marynus?

[3]) Помимо пропусковъ нѣсколькихъ словъ въ послѣднихъ двухъ строкахъ вслѣдствіе порчи рукописи, конецъ житія, сравнительно съ польскимъ подлинникомъ, передѣланъ переводчикомъ. У Скарги читаемъ: „My też naśladuymy iey státeczności y cierpliwośći, abyśmy naleźli miłosierdzie y łaskę tu y na wieki od Pana nászego Iezusa Chrystusá, którego sława y moc z Oycem y z Duchem świętym na wieki wiekom. Amen“. У Дмитрія Ростовскаго также иное окончаніе.

мотивъ переодѣванія мужчиной. По нашему мнѣнію, очень важно то, что здѣсь этотъ мотивъ для народнаго сознанія является какъ бы санкціонированнымъ духовною книгою и примѣромъ подвижничества. Во-вторыхъ, необходимо отмѣтить тотъ своего рода героизмъ, который проявила преподобная, правда, не физическою силою и воинственностью, а высокимъ нравственнымъ подвигомъ, на который былъ бы способенъ не всякій мужчина. Это особый типъ женщины-героини, выдерживающей тяжелую борьбу среди нравственныхъ испытаній и искушеній, при чемъ полъ ея обнаруживается только послѣ ея смерти.

Примѣръ преп. Марины далеко не единственный въ этомъ родѣ. Обычай перемѣны пола по различнымъ причинамъ уже съ первыхъ временъ христіанства началъ настолько входить въ употребленіе среди подвижницъ, что Тертулліанъ и нѣкоторые другіе церковные писатели даже возставали противъ такого вида подвижничества, а впослѣдствіи Гангрскій соборъ (IV в.) 13-мъ правиломъ прямо запретилъ подобные подвиги. Въ житійной литературѣ, какъ восточной, такъ и западной, можно подобрать цѣлый рядъ подобныхъ примѣровъ, ярко выставляющихъ героизмъ подвижницъ въ мужскомъ образѣ. Такова, напр., св. Аполлинарія, подвизавшаяся подъ именемъ Дорофея [1]), такова св. Анна, принявшая имя Евѳиміана [2]), св. Пелагея въ подвижничествѣ—Пелагій, таковы, наконецъ, и многія другія св. жены и дѣвы, упоминаемыя какъ въ восточныхъ, такъ и въ западныхъ агіографіяхъ [3]). Объ нихъ мы можемъ только повторить краснорѣчивыя слова о. Солерія, писавшаго о житіи св. Марины [4]). „Дивенъ Богъ во святыхъ своихъ,—говоритъ авторъ:—это весьма ясно доказывается каждымъ отдѣльнымъ днемъ нашихъ Актовъ. Но несомнѣнно, что ни въ чемъ съ такою очевидностью не открываются Его изумительные божественные пути, какъ въ тѣхъ необыкновенныхъ среди слабѣйшаго пола проявленіяхъ доблестей, съ какими нѣжныя дѣвы преодолѣвали козни самого діавола и всѣ плотскіе соблазны; онѣ достигали такой степени совершенства, что далеко оставляли за собою мужчинъ, перенося труднѣйшіе подвиги монашеской жизни, претерпѣвая всѣ лишенія и грубыя оскорбленія съ такой невѣроятной твердостью, что даже святыхъ подвижниковъ онѣ превосходили силою духа. Мы разумѣемъ тѣхъ дѣвъ или женъ, которыя, скрывая свой полъ, въ одеждѣ подвижниковъ, оставили намъ такіе высокіе примѣры геройства, которые всѣхъ, конечно, приводятъ въ изумленіе, и которымъ врядъ-ли кто въ состояніи подражать. Намъ извѣстны очень многія, которыя изъ-за сохраненія дѣвства стяжали себѣ мученическій вѣнецъ; но тѣ, о которыхъ мы выше говорили, рѣшались подвергать себя необычнымъ испытаніямъ и гораздо большимъ мученіямъ, ибо душевныя муки далеко ужаснѣе физическихъ страданій“.

Итакъ, перенесемся ли мы мысленно въ отдаленныя легендарныя времена, или станемъ припоминать факты исторической дѣйствительности, вступимъ ли на поле брани, или заглянемъ въ келію подвижника,—вездѣ и всегда наряду съ героями-мужчинами мы встрѣтимъ разительные примѣры женскаго героизма, давшаго обильную пищу народной фантазіи и воплощеннаго въ высокихъ созданіяхъ великихъ поэтовъ міровой литературы.

Н. Янчукъ.

---

[1]) Acta Sanctorum. Januar t. I, dies V, (Parisiis et Romae MDCCCLXVIII). У *Потанина* ошибочно вм. имени Дорофея—Досиѳей. (Восточные мотивы въ средне-европ. эпосѣ. М. 1899, стр. 623).

[2]) *Сергій*, Мѣсяцесл. Востока, 29 окт.

[3]) Commentaria ad acta S. Apollinaris Syncleticae (Dorotheus nuncupatae). Acta Sanctorum. Januar. t. I, dies V. p. 258. — *П. Казанскій*, Исторія правосл. монашества на Востокѣ, ч. I: Монашество въ Египтѣ. Москва, 1854, стр. 251—255 (о подвижницахъ въ мужскомъ образѣ: Евфросиніи, Ѳеодорѣ, Анастасіи, Аполлинаріи и др., при чемъ о Ѳеодорѣ разсказывается почти то-же, что въ житіи преп. Марины).

[4]) Acta Sanctorum. Julii t. IV, p. 278.

ДОПОЛНЕНІЯ и ПОПРАВКИ.

Бар. Р. Р. Штакельбергъ.

Стр. 20, строка 6 снизу: вм. Ossetin надо Osseten.—Стр. 21, строка 12 снизу чит.: иронск. — Стр. 22, строка 28, чит.: Аспандеату. Строка 15 снизу, чит.: одно. Строка 14 снизу, чит.: [2]). Строка 11 снизу, чит.: Фравартиш. Строка 9 снизу, чит.: [3]). Строка 8 снизу, чит.: дэвамъ.—Стр. 23, примѣч. [2]), чит.: Гатіевъ. Прим. [3]), строка 2, чит: курдское.

В. К. Поржезинскій.

Стр. 31, строка 3, чит.: сравниваемыхъ.—Стр. 32, строка 38, чит.: достойнымъ.—Стр. 33, строка 12, чит: теологическаго.—Стр. 37, строка 19, чит.: Wellentheorie.

М. О. Аттая.

Стр. 116, примѣчаніе къ строкѣ 11—12: По-арабски слово *ḥ*акîм означаетъ и мудрецъ, и врачъ.—Стр. 122, строка 17, чит.: поблекнутъ.

А. В. Марковъ.

Стр. 158, строка 10 снизу, читай: бога́тырей тридцеть.—Стр. 159, послѣ 22 строки дополнить: „Для опредѣленія эпохи сложенія этой былины важно то, что въ ней дѣйствуютъ 2 богатыря—Алеша и Добрыня, которые пріурочены лѣтописью къ первой четверти XIII в. Наша былина сохраняетъ еще память объ ихъ гибели въ одной битвѣ (по лѣтописи—на Калкѣ въ 1224 г.); поэтому можно думать, что она возникла въ XIII—XIV вв.“.—Стр. 160, строка 2 и 26 сверху, чит.: Абрамки.—Послѣ 1-ой строки сверху дополнить: „Выписка изъ лѣтописи Абрамки приведена и А. М Лободой (Русскій богатырскій эпосъ. Кіевъ. 1896, стр. 30; „Унив. Изв.“ № 1). Первый указалъ на свидѣтельство IV Новгородской лѣт. о Самсонѣ Колывановѣ Квашнинъ-Самаринъ, со словъ Гилярова, еще въ 1874 г. (Труды Этнографическаго Отдѣла И. О. Л. Е., А. и Э., кн. V, вып. II, 8).—Послѣ 13-ой строки сверху дополнить: „Когда статья была уже отпечатана, я нашелъ имя Самсона Колывановича въ одной былинѣ съ Кенозера (*Рыбниковъ*, II, 136); но присутствіе этого историческаго имени въ былинѣ, записанной въ *восточной части* Олонецкой губ., мнѣ кажется, не можетъ поколебать моихъ выводовъ“.—Стр. 161, строка 4 снизу: Указанная сноска приведена на 162 стр. Строка 1 снизу, дополнить: „Въ Ипатовскомъ спискѣ лѣтописи (стр. 23) упомянутъ тіунъ Ротша—м. б., вмѣсто Ростша, уменьшительное отъ Ростиславъ. Имя Перемяки, вѣроятно, соотвѣтствуетъ Перенѣгу—имени, упомянутому въ „Русской Правдѣ“.

А. Е. Крымскій.

Стр. 222, пропущена выноска къ 27-й строкѣ: Посредствующій Азербейджанскій варіантъ см. у Сарксянца въ Сборникѣ матеріаловъ для описанія племенъ и мѣстностей Кавказа, вып. XIII, стр. 295—322.—Стр. 223, строка 8—9 должна читаться такъ: „воскликнувши, что счастье мужа губитъ жена, и имѣя въ виду свою собственную жену, случайно открываетъ вора въ лицѣ жены ювелира, похитившей рубинъ своего мужа“. Далѣе пропущена выноска: „Вторая половина персидской сказки не изложена мною потому, что она является просто механической прибавкою совершенно самостоятельнаго сюжета о мудромъ судьѣ (или дѣвѣ) и трехъ братьяхъ“.

С. Н. Тэръ-Саргсянцъ.

На стр. 273 и 277, въ примѣчаніи, дата изд. Абовяна д. б. 1897. - Стр. 275, въ концѣ 1-ой главы кавычки кончаются 2-ой строкой снизу.

Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, при обозначеніи акцентуаціи и транскрипціи восточныхъ словъ, надстрочные и подстрочные знаки отбились при печатаніи въ сторону.

СПИСОКЪ ЛИЦЪ и УЧРЕЖДЕНІЙ,

принявшихъ участіе въ настоящемъ изданіи.

1. Д. Н. Анучинъ.
2. М. О. Аттая.
3. М. Д. Балашова.
4. В. В. Богдановъ.
5. Р. Ѳ. Брандтъ.
6. Е. Ѳ. Будде.
7. Л. Л. Бѣлянкинъ.
8. М. А. Веневитиновъ.
9. А. Н. Веселовскій.
10. П. Г. Виноградовъ.
11. О. А. Виноградская.
12. Ю. С. Гамбаровъ.
13. В. И. Герье.
14. Н. В. Гильченко.
15. В. А. Гордлевскій.
16. А. К. Горстеръ.
17. А. Д. Григорьевъ.
18. А. Е. Грузинскій.
19. М. А. Дикаревъ.
20. В. Н. Добровольскій.
21. М. В. Довнаръ-Запольскій.
22. С. О. Долговъ.
23. А. Н. Дьячковъ-Тарасовъ.
24. Н. К. Зейдлицъ.
25. А. А. Ивановскій.
26. П. В. Ивановъ.
27. В. В. Каллашъ.
28. А. И. Кирпичниковъ.
29. А. В. Киселевъ.
30. М. М. Ковалевскій.
31. А. Е. Крымскій.
32. Г. И. Куликовскій.
33. Х. И. Кучукъ-Іоаннесовъ.
34. Торъ Ланге.
35. А. М. Лобода.
36. А. Н. Малинка.
37. А. И. Маркевичъ.
38. А. В. Марковъ.
39. Н. М. Мендельсонъ.
40. П. Н. Милюковъ.
41. А. З. Мирза-Джафаръ.
42. В. М. Михайловскій.
43. Ѳ. Г. Мищенко.
44. Л. З. Мсеріанцъ.
45. Г. А. Муркосъ.
46. Ф. Д. Нефедовъ.
47. Н. Я. Никифоровскій.
48. С. П. Олферьевъ.
49. В. В. Пасхаловъ.
50. З. Д. Перепелкина.
51. Ю. И. Поливка.
52. В. К. Поржезинскій.
53. А. Н. Пыпинъ.
54. В. А. Ряднов.
55. С. Э. Саковъ.
56. М. И. Соколовъ.
57. А. Д. Солодовниковъ.
58. М. Н. Сперанскій.
59. Н. И. Стороженко.
60. Н. Ѳ. Сумцовъ.
61. В. М. Сысоевъ.
62. С. Н. Тэръ-Саргсянцъ.
63. Ф. Л. Триллингъ.
64. Графиня П. С. Уварова.
65. Д. Н. Ушаковъ.
66. Ф. Ѳ. Фортунатовъ.
67. Г. А. Халатьянцъ.
68. Б. М. Халатьянцъ.
69. Н. Н. Харузинъ.
70. А. С. Хахановъ.
71. Г. В. Чирковъ.
72. С. К. Шамбинаго.
73. А. А. Шахматовъ.
74. П. В. Шейнъ.
75. И. И. Шокуровъ.
76. Бар. Р. Р. Штакельбергъ.
77. И. И. Янжулъ.
78. Н. А. Янчукъ.

---

1. Управленіе Кавказскаго Учебнаго Округа.
2. Владикавказское реальное училище.
3. Владикавказская Ольгинская женская гимназія.
4. Екатеринодарская мужская гимназія.
5. Елизаветпольская мужская гимназія.
6. Кутаисская мужская гимназія.
7. Кутаисское женское учебное заведеніе св. Нины.
8. Новороссійская мужская гимназія.
9. Ставропольская женская гимназія.
10. Темиръ-Ханъ-Шуринское реальное училище.
11. Тифлисское реальное училище.

ИЗВѢСТІЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ, АНТРОПОЛОГІИ И ЭТНОГРАФІИ,
СОСТОЯЩАГО ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.
Томъ XCVII.

ТРУДЫ ЭТНОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА.

Томъ XIV.

ЮБИЛЕЙНЫЙ СБОРНИКЪ въ честь В. Ѳ. МИЛЛЕРА,

Изданный его учениками и почитателями къ 30-лѣтію его ученой дѣятельности.

подъ редакціей
Товарища Предсѣдателя Отдѣла
Н. А. Янчука.

МОСКВА,
Типографія **А. В. Васильева,** Петровка, домъ Обидиной.
1900

„Труды Этнографическаго Отдѣла“

14 томовъ

содержатся въ слѣдующихъ томахъ „Извѣстій Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи“.

„Извѣстія“ Общества. Томъ	„Труды“ Отдѣла. Томъ	
VII.	I.	**Сборникъ антропологическихъ и этнографическихъ статей о Россіи и странахъ ей прилежащихъ. Кн. 1-я.** (Публичныя лекціи передъ открытіемъ Этнографической Выставки 1867 г.: Я. И. Вейнберга, П. И. Медвѣдева, А. С. Петровскаго, А. П. Богданова, Н. Д. Никитина, М. Н. Капустина, В. Н. Лешкова, Ѳ. И. Буслаева, И. К. Бабста, С. М. Соловьева, И. Д. Бѣляева, П. К. Щебальскаго, К. К. Гёрца, А. С. Владимірскаго). *Изд. В. А. Дашкова.* 1868 г. Ц. 3 р. *).
XII.	II.	**Сборникъ антропологич. и этнографич. статей о Россіи и странахъ ей прилежащихъ. Кн. 2-я.** (Народныя пѣсни латышей. Ѳ. Я. Трейланда-Бривземніаксъ. Съ прил. 6 табл. хромолитогр. типовъ народностей). *Изд. В. А. Дашкова.* 1873 г. Ц. 4 р. *).
XIII, в. 1.	III, в. 1.	**Протоколы засѣданій Этнографич. Отдѣла за 1867—1874 гг. (засѣд. 1—12), съ приложеніемъ статей.** 1874 г. Ц. 1 р. 25 к. Статьи: 1) Описаніе быта болгаръ, населяющихъ Македонію, Стеф. Верковича.—О появленіи ламаиза въ Забакайльѣ и о вліяніи его на бытовую жизнь бурята-кочевника, Н. Г. Керцелли.—3) Программа этнографическаго народнаго календаря, А. Л. Дювернуа.—4) Объ этнографическихъ трудахъ митрополита Иннокентія, докладывалъ Н. А. Поповъ.—5) Обзоръ этнографической литературы о чехахъ и словакахъ (двѣ статьи), Колоусека.—6) Одежда каменнобродскихъ русскихъ и мордвиновъ, А. Примѣрова.—7) Домашній бытъ маріупольскихъ грековъ, А. Анторинова.—8) О пермякахъ, П. Вологдина.—9) Свадебные обычаи у болгаръ, Жинзифова.—10) Раскопки коломенскихъ кургановъ, Анастасьева.—11) Проектъ этнограф. изслѣдованія о-ва Эзеля, бар. Зассъ-Касселя.—12) Этнографическія замѣтки. Н. Г. Керцелли.—13) О свадебныхъ пѣсняхъ и обрядахъ Вологодской губ., К. Попова—14) О мезенскихъ самоѣдахъ, Н. Г. Керцелли.—15) Сельскіе обычаи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Суражскаго у., Дударева.—16) Обзоръ этнографич. данныхъ, помѣщенныхъ въ разныхъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ за 1873 г., Е. В. Барсова.—17) Объ историческомъ значеніи праздника въ честь бурхана Майдори, совершаемаго бурятами, Н. Г. Керцелли.—18) Сѣверныя сказанія о лембояхъ и удѣльницахъ, Е. В. Барсова.—19) Замѣтка изъ этнографіи сѣвернаго края, Е. В. Барсова.—20) Обычай хороненія Костромы въ Муромскомъ у., Е. П. Добрынкиной, съ замѣткой Е. В. Барсова.—21) Изъ исторіи народнаго двоевѣрія, Н. А. Покровскаго.—22) Юрьевъ день, Е. В. Барсова.—23) О кладоискателяхъ въ Зубцовск. у., Квашнина-Самарина.
XIII, в. 2.	III, в. 2.	**Зыряне и Зырянскій край.** К. А. Попова, 1874 г. Ц. 1 р. 25 к.
XXVIII.	IV.	**Протоколы засѣданій Этнографич. Отдѣла за 1874—77 гг.** (**засѣд. 13—25**), **съ приложеніемъ статей.** Ц. 2 р. Статьи: 1) О французскомъ художникѣ-этнографѣ Теодорѣ Валеріо. Н. А. Попова.—2) Обрядъ похоронъ мухъ и другихъ насѣкомыхъ, П. В. Шейна, съ замѣчаніями В. Ѳ. Миллера.—3) Вѣрованія и обряды бѣлоруссовъ, В. и А. Зенковичей.—4) Петръ Великій въ народныхъ преданіяхъ и сказкахъ Сѣвернаго края, Е. В. Барсова.—5) Этнографическія наблюденія по Волгѣ, Ф. Д. Нефедова.—6) Васильевъ вечеръ и Новый годъ въ Муромскомъ у., Е. П. Добрынкиной.—7) Обряды при рожденіи и крещеніи дѣтей на р. Орели, Е. В. Барсова.—8) Обзоръ этнограф. данныхъ, помѣщенныхъ въ „Нижегородск. Сборникѣ“, И. Ф. Кудрявцева.—9) Охотничье право собственности у Зырянъ, К. А. Попова.—10) Очерки жизни крестьянскихъ дѣтей Казанской г., А. Ѳ. Можаровскаго.—11) Крестьянская свадьба въ Мценскомъ у., П. М. Апостольскаго.—12) Башкирское преданіе о лунѣ, Л. В. Лосіевскаго.—13) О происхожденіи первобытныхъ вѣрованій по теоріи Спенсера, П. М. Апостольскаго.—14) Восточные и западные родичи одной русской сказки, В. Ѳ. Миллера.
XXX, в. 1 и 2.	V, в. 1, 2.	**Матеріалы по этнографіи русскаго населенія Архангельской губ.** П. С. Ефименка. 1877—1878 гг. Ц. 6 р. **Вып. 1.** Описаніе внѣшняго и внутренняго быта. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к. **Вып. 2.** Народная словесность. 1878 г. Ц. 3 р. 50 к.

---

*) Томы I и II „Трудовъ“ продаются въ Московскомъ Публичномъ и Румянцовскомъ Музеяхъ.

„Извѣстія“ Общества.	„Труды“ Отдѣла.	
XL.	VI.	**Матеріалы по этнографіи латышскаго племени**. (Пословицы, загадки, заговоры, врачеваніе и колдовство). Ѳ. Я. Трейланда (Бривземніаксъ). 1881 г. Ц. 3 р. 50 коп.
XLVIII, в. 1.	VII.	**Протоколы засѣданій Этнографич. Отдѣла за 1877—84 гг. (засѣд. 26—48), съ приложеніемъ статей**. 1886 г. Ц. 2 р. Статьи: 1) Полемика по вопросу о народности гунновъ (мнѣнія Д. И. Иловайскаго, Н. А. Попова, В. Ѳ. Миллера, Ѳ. Е. Корша, Д. Н. Анучина и др.). — 2) О народности скиѳовъ, Д. Я. Самоквасова.—3) Обрядъ „куколка“, А. А. Титова.—4) Кавказскія легенды, В. Ѳ. Миллера.—5) Некрологъ П. П. Чубинскаго, Его-же.—6) Потеряла ли законную силу бытующая старина въ сознаніи русскаго народа? Н. А. Покровскаго.—7) Малорусская свадьба въ Константиновскомъ у., Сѣдлецкой губ., Н. А. Янчука.—8) Приговоры и причеты о табакѣ, П. В. Шейна.—9) О гиляцкомъ языкѣ, Д-ра Зеланда.
XLVIII, в. 2.	VIII.	**Протоколы засѣданій Этногр. Отдѣла за 1885—87 гг. (засѣд. 49—65)**. 1888 г. Ц. 2 р. Статьи: 1) Гр. Ал. Серг. Уваровъ (некрологъ), В. Ѳ. Миллера.—2) Н. И. Костомаровъ (некрологъ). Его же.—3) А. Л. Дювернуа (некрологъ). Его же.—4) Характерныя дѣтскія игры нѣкоторыхъ русскихъ инородцевъ, Е. А. Покровскаго.—5) О юридическомъ бытѣ татовъ, М. М. Ковалевскаго.—6) Слѣды языческихъ вѣрованій у маньзовъ, Н. Л. Гондатти.—7) Культъ медвѣдя у инородцевъ сѣв.-зап. Сибири. Его-же.—8) Программа для собиранія этнограф. свѣдѣній, сост. Н. А. Янчукомъ.—9) Программа для собиранія свѣдѣній объ юридическихъ обычаяхъ, сост. М. Н. Харузинымъ.
LXI.	IX.	**Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи. Вып. I.** 1889 г. Ц. 2 р. Содержаніе: 1) Памяти М. Н. Харузина (съ прил. портрета), В. Ѳ. Миллера.—2) Замѣтка о юридическомъ бытѣ крестьянъ Сарапульскаго уѣзда, Вятской губерніи, П. М. Богаевскаго.—3) О наказаніяхъ по рѣшеніямъ волостныхъ судовъ Московской губ. В. Кандинскаго.—4) О доказательствахъ на волостномъ судѣ. А. Паппе.—5) Современные бракъ и свадьба среди крестьянъ Тамбовской губ., Елатомскаго уѣзда. А. П. Звонкова.—6) Объ участіи сверхъестественной силы въ народномъ судопроизводствѣ крестьянъ Елатомскаго уѣзда, Тамбовской губ. П. И. Астрова.—7) По Минской губерніи (замѣтки изъ поѣздки въ 1886 году) Н. А. Янчука.—8) Петербургскія балаганныя прибаутки, записанныя В. И. Кельсіевымъ. А. Кельсіева.—9) Изъ русской народной космогоніи, передано С. Я. Деруновымъ.—10) Изъ матеріаловъ, собранныхъ среди крестьянъ Пудожскаго уѣзда, Олонецкой губерніи. Николая Харузина.—11) Описаніе дѣтскихъ игрушекъ и игръ въ селѣ Мазунинѣ, Сарапульскаго уѣзда, Вятской губ. В. П. Тихонова.—12) О народномъ лѣченіи въ Казанскомъ уѣздѣ. В. Н. Аршинова.—13) Рѣшенія волостныхъ судовъ Сарапульскаго уѣзда, Вятской губ. (прилож. къ статьѣ П. М. Богаевскаго).—14) Напѣвы бѣлорусскихъ пѣсенъ (прилож. къ статьѣ Н. А. Янчука).
LXVI.	X.	**Русскіе Лопари. (Очерки прошлаго и современнаго быта)**. Съ рисунками. Н. Харузина, 1890 г. Ц. 3 р. 50 к.
LXIX, в. 1.	XI, в. 1.	**Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи. Вып. II.** 1890 г. Ц. 2 р. Содержаніе: Матеріалы по этнографіи Вологодской губ. Н. А. Иваницкаго.—Вологодскіе напѣвы, записан. М. М. Куклинымъ.—Замѣтка о Вологодскихъ пѣсняхъ, Ю. Н. Мельгунова.
LXIX, в. 2.	XI, в. 2.	**Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи. Вып. III.** 1891 г. Ц. 2 р. Содержаніе: Матеріалы для изученія обычнаго права среди крестьянъ Сарапульскаго уѣзда, Вятской губ. В. П. Тихонова.—Указатель къ рѣшеніямъ волостныхъ судовъ, помѣщенныхъ въ „Трудахъ Коммиссіи по преобразованію Волостныхъ Судовъ“. В. П. Племянникова.
LXXV, в. 1.	XII, в. 1.	**Шаманство. (Сравнительно-этнографическіе очерки). Вып. 1.** В. М. Михайловскаго. 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.
LXXVII, в. 1.	XIII, в. 1.	**Очерки быта Астраханскихъ Калмыковъ. (Этнографическія наблюденія 1884—86 гг)**. Съ 11-ю табл. рис. и фототипій. И. А. Житецкаго. 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.
XCVII.	XIV.	**Юбилейный Сборникъ въ честь В. Ѳ. Миллера**. (Съ портретомъ). 1900 г. Ц. 3 р.

☛ Циркулярнымъ предложеніемъ Г. Министра Народнаго Просвѣщенія Гг. Попечителямъ Учебныхъ Округовъ, отъ 20 мая 1889 г. за № 8790, «Извѣстія Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, состоящаго при Императорскомъ Московскомъ университетѣ», **рекомендованы** для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки среднеучебныхъ заведеній.

Изданія Общества и его Отдѣловъ и Отдѣленій продаются въ складѣ при канцеляріи Общества: **Москва, Политехническій Музей.**